

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА П. Н^О.

—
1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по окончаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
уваженное число экземпляровъ. Москва 24-го января 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фоль-Крузе.*

О РОССИИ,

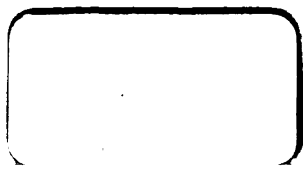
КАКОЮ ОСТАВИЛЪ ЕЕ ПЕТРЪ I.

Россия еще не имѣетъ исторіи Петра Великаго. Многіе думаютъ, что для подобнаго труда еще и время не наступало; но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Никогда не бываетъ рано начать изученіе чего бы то ни было. Да и когда же наступитъ время приняться за изслѣдованіе этой важнѣйшей эпохи нашей исторіи? Съ тѣхъ поръ прошло полтора ста лѣтъ: неужели этого мало? И притомъ точно ли необходимо, чтобы вѣка отдѣляли историка отъ описываемой эпохи? Говорятъ, современники не могутъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ судить о дѣлахъ, которыя совершались передъ ихъ глазами, о людяхъ, съ которыми имѣли, можетъ-быть, личныя сношенія. Это едва ли вѣрно: большая часть древнихъ историковъ описывали современныя имъ событія и лично имъ извѣстныхъ людей; въ наше время издается исторія первой французской имперіи, которую многіе еще помнятъ. А развѣ сочиненія Фукидида и Тьера не исторія? Съ другой стороны, люди позднѣйшихъ эпохъ, изучая времена давнопрошедшія, развѣ не вносятъ въ это изученіе своихъ личныхъ симпатій и антипатій, своихъ политическихъ, религиозныхъ и нравственныхъ убѣжденій? Гиббонъ, описывая древній Римъ, вездѣ является философомъ XVIII вѣка, въ Маколеѣ виденъ вигъ, въ Мишеле республиканецъ. Мы, Русскіе настоящаго времени, часто, можетъ-быть невѣдомо для себя самихъ, переносимъ современные намъ вопросы и интересы въ изученіе эпохъ, несравненно отдаленнѣйшихъ чѣмъ Петрова.

13 [1]

1858 Jan.

Pei 27897 d 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1858

няетъ слабость развитія многочисленныхъ племенъ, населяющихъ концы Россіи. Еслибъ было изслѣдовано умноженіе собственно славянскаго народонаселенія независимо отъ прочихъ, то можно, кажется, съ большою основательностію предположить, что это увеличеніе оказалось бы еще значительнѣе, нежели какъ показано нами выше. Въ немъ, въ этомъ славянскомъ племени,— начало жизненности, въ немъ будущее Россіи; оно должно мало-по-малу, безъ насилія, поглотить въ себѣ всѣ эти-слабыя, мелкія племена, переработать національности болѣе самобытныя, и изъ этихъ различныхъ сліяній и амальгамъ произвести наконецъ самостоятельный типъ, который мы жадно, но до сихъ поръ напрасно стараемся угадать воображеніемъ.

Рѣдкое народонаселеніе Россіи было разбѣяно на ея пространствахъ отдѣльными жильями или незначительными селеніями, въ противоположность населенію западно-европейскому, которое тѣснилось либо вокругъ феодальныхъ замковъ, либо собиралось въ муниципальныя общины, рано устремившія свою дѣятельность на торговлю и промышленность. Такъ было у насъ изстари, почти такъ же оставалось и въ царствованіе Петра; ибо хотя онъ и много содѣйствовалъ къ возвышенію значенія городовъ, но послѣдствія его дѣйствій обнаружили главнымъ образомъ при его преемникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Астрахань съ ея восточною торговлею, какъ увидимъ далѣе, не получила при Петрѣ большаго развитія, Архангельскъ при немъ упалъ, а Рига начинала только, хотя и весьма быстро, возникать изъ торговаго ничтожества, къ которому привела ее война между Россією и Швецією (1). Затѣмъ Новгородъ, находившійся на развѣтвленіи дороги изъ Москвы въ Петербургъ и Ригу, Нижній и Казань, лежавшіе на сибирскомъ трактѣ, могли бы, кажется, возвыситься съ усиленіемъ торговаго движенія, но мы нигдѣ не могли найти на это положительныхъ указаній.

Важнѣйшимъ центромъ народонаселенія въ это время, какъ и древле, была Москва. Петръ, какъ извѣстно, не любилъ ея: она напоминала ему и стрѣльцовъ, и бородатую старину; но заключая въ себѣ и святыню отечественной исторіи, и святыню православной церкви, и будучи центромъ внутренней нашей торговли, она естественно не могла низойти на вторую степень. Старинною столицею управлялъ при Петрѣ первый вельможа въ госу-

(1) *Considerations* etc. V.

дарствѣ, князь кесарь Ромодановскій, а потомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей новаго поколѣнія графъ Матвеевъ; и хотя въ бѣломъ и земляномъ городѣ, вдоль извилистыхъ переулковъ и грязныхъ площадей, тѣснились безъ всякаго порядка деревянные избы, за то широко очистивъ вокругъ себя мѣсто, просторно и горделиво раскидывались окруженные садами и службами палаты знатныхъ людей; жилища царедворцевъ по прежнему тѣснились внутри и вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, и старинный Кремль по прежнему возносилъ золотыя свои главы надъ раскинутымъ у его подножія городомъ.

Но присутствіе стариннаго барства, историческія воспоминанія, сокровища народной святыни, не были единственными правами Москвы на значеніе въ государствѣ: она была съ тѣмъ вѣстѣ, какъ и донинѣ остается, центромъ внутренней нашей торговли и промышленности. Изъ Астрахани, изъ Сибири, съ границъ китайскихъ, приходили къ ней караваны; черезъ Москву же большею частію слѣдовали къ петербургскому и рижскому портамъ произведенія, которыя Россія начинала сбывать за море. Въ ней считалось 12,769 лицъ, приписанныхъ къ купечеству(1), что чрезвычайно много, сравнительно со всѣми прочими городами, а учрежденный въ 1721 году сборъ съ возовъ, прибывающихъ въ Москву, давалъ свыше 58 тысячъ,—цифра весьма значительная по тогдашнему времени, и въ вѣдомости о государственныхъ доходахъ мы видимъ только четыре статьи, таможенную, питейную, монетную и соляную, крупнѣе ея (2). Торговля, возбужденная Петромъ, начинала давать древней столицѣ новое, промышленное значеніе, въ вознагражденіе за перенесеніе царской резиденціи, а скопленіе большого числа людей, которые должны были пріобрѣтать покупкою все необходимое для домашняго обихода, естественно служило къ оживленію и окрестной производительности.

Въ краю, только что пріобрѣтенномъ силою оружія, въ виду разрушеннаго непріятельскаго шанца, на берегу пустынной рѣчки, посреди болотъ и лѣсовъ, вокругъ заложенныхъ Петромъ верфи, земляной крѣпостцы, дворца о четырехъ комнатахъ, да деревянной церкви, сталъ раскидываться городокъ, который вскорѣ сдѣлался столицей, резиденціей двора и первымъ торго-

(1) *Цѣтущее Состояніе Всеросс. Госуд.*, Кирилова.

(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. VII, et 4548.

вымъ городомъ въ Россіи. Къ концу Петрова царствованія, Петербургъ видѣлъ у пристаней своихъ торговые флаги всѣхъ европейскихкихъ націй.

Но городъ этотъ сто тридцать лѣтъ назадъ былъ, такъ сказать, только черновымъ планомъ того, что мы видимъ теперь. Васильевскій островъ былъ покрытъ лѣсомъ; гнилое болото лежало между Фонтанкой и тою частію Невы, гдѣ возникала лавра Св. Александра, побѣдителя Шведовъ; по болоту же тихо сочился протокъ, въ послѣдствіи обращенный въ Екатерининскій каналъ. Да и постройки Петербургъ не блисталъ при своемъ основателѣ, котораго любимая архитектура была голландская съ ея черепичными, высокими кровлями, маленькими окнами и низкими этажами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи пристрастіе Петра было непобѣдимо: есть извѣстіе, что построивъ зимній дворецъ въ размѣрахъ нѣсколько бѣльшихъ противъ стараго своего дома, онъ велѣлъ подбить потолокъ въ немъ холстиною, чтобы сдвѣлать комнаты ниже.

Притомъ Петербургъ далеко не имѣлъ тогда нынѣшняго объема; хотя на берегу Фонтанки были жилища нѣкоторыхъ сановниковъ, но, рѣдко разбросанныя, они казались скорѣе усадьбами чѣмъ городскими жилищами. Собственно городъ не переходилъ рѣчки Мыи (Мойки), и не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ былъ еще живъ старикъ (1), помнившій время, когда городскія стада паслись за нынѣшнимъ Аничкинымъ мостомъ. Вся Петрова столица сосредоточивалась на берегахъ Невы (2); спускаясь по теченію этой прекрасной рѣчки, мы могли бы однакожь замѣтить, между множествомъ мазанокъ и избушекъ, нѣсколько строеній, болѣе или менѣе отличавшихся видомъ своимъ или величиною. Таковы были: дворецъ царевича Алексѣя около того мѣсто, гдѣ нынѣ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, домъ фельдцейгмейстера Брюса и Литейный Дворъ; все это находилось въ части города, называвшейся Московскою слободой, которая состояла изъ нѣсколькихъ

(1) Г. Свѣшниковъ, одинъ изъ старѣйшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса.

(2) Въ описаніи Петербурга мы руководствовались преимущественно описаніемъ и планомъ, находящимися въ *Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la grande Russie ou Moscovie*. Paris, MDCL XV, а также *Историческимъ, Геогр. и Топограф. описаніемъ С.-Петербурга* соч. Богдановымъ, изд. Рубаномъ и *Описаніемъ столичн. города С.-Петербурга*, соч. Георги.

улицъ, правильно проложенныхъ параллельно берегу Невы, и другихъ, которыя пересѣкали ихъ въ направленіи теченія Фонтанки. У истока этой рѣчки возвышался вновь-построенный Лѣтній Дворецъ, а сквозь окружавшій его садъ можно было замѣтить дворецъ императрицы Екатерины, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго Училища. Далѣе по берегу Невы, по другую сторону луга, названнаго Царицынымъ, по обѣ стороны протока, соединяющаго Мойку съ Невой, у стѣнъ нынѣшняго Эрмитажа, тѣснились вокругъ зимняго государева дворца частные дома, между которыми замѣтны были дома графа Апраксина и Кикина. Центромъ города было, какъ и нынѣ, Адмиралтейство или верфь; широкая площадь, правильнѣе лугъ, обнимала бастіонированную наружность верфи, отъ которой лучеобразно расходились нынѣшнія Милліонная и Галерная и двѣ простѣки, скорѣе чѣмъ улицы, одна къ Невскому монастырю, другая къ Московской большой дорогѣ (Гороховая). Отъ Адмиралтейства до бывшаго Крюкова канала, по набережной тянулись казармы адмиралтейскихъ мастеровыхъ, кузницы, канатная фабрика, а вдали, на самомъ взморьѣ, зеленѣлъ садъ съ загороднымъ дворцомъ императрицы.

Плывя по Невѣ обратно и глядя въ противоположную сторону, мы увидѣли бы лѣсистый пустынный Васильевскій островъ, котораго только восточная часть была застроена; но за то здѣсь были лучшія строенія всего города: по набережной, тамъ гдѣ теперь биржа, дома нѣкоторыхъ сановниковъ, огромное, хотя и неоконченное еще зданіе Двѣнадцати Коллегій и наконецъ великолѣпный домъ князя Меншикова (1-й кадетскій корпусъ), съ обширнымъ садомъ позади и съ церковью впереди главнаго фасада, на колокольнѣ которой были устроены часы съ курантами, едва уступавшіе крѣпостнымъ. Петербургскій островъ былъ занятъ коммерческими постройками, — гостинымъ, распивочнымъ дворомъ, и жилищами небогатыхъ людей, кромѣ угла, образуемаго Невой и большою Невкою, гдѣ были дома графа Головкина и барона Шафирова, а на рѣчкѣ Карповкѣ былъ построенъ пороховый заводъ и разведенъ «аптекарскій» садъ. Выборгская сторона была почти пуста.

Этотъ необширный еще городъ представлялъ однакожь необыкновенно оживленный видъ. Вездѣ возводились новыя постройки, вездѣ раздавался стукъ молотка и визгъ пилы; работа кипѣла въ Адмиралтействѣ; у Литейнаго Двора сновали барки, подвозившія мѣдъ или отплавившія съ отлитыми орудіями; у Гостиного Двора

постоянно толпился народъ; дѣятельность была видна повсюду. За то, при жизни еще Петра, въ созданномъ имъ городѣ считалось уже до сорока тысячъ жителей: въ 130 лѣтъ оно увеличилось слишкомъ въ тридцать разъ.

Быстро росъ Петербургъ, и также быстро совершалось преобразование, котораго онъ былъ какъ бы символомъ. Мы стараемся изобразить важнѣйшія черты этого преобразования.

II.

Странное зрѣлище представляетъ изслѣдователю наше старинное государственное устройство! Воля царская, бывшая источникомъ всякой власти, — законодательной, распорядительной и судебной, — приводилась въ дѣйствіе посредствомъ царской думы и приказовъ; первая изъ нихъ была повсемѣстнымъ органомъ мысли и воли государевой, вторые органами ограниченными по кругу своего дѣйствія.

Замѣтимъ, что вездѣ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, дѣйствіе верховной воли обнаруживается посредствомъ многихъ органовъ; одни изъ этихъ органовъ обнаруживаютъ довѣренную имъ долю власти на извѣстномъ пространствѣ (губерніи, департаментѣ, провинціи), а между тѣмъ, — и независимо отъ того, — многообразные элементы государственнаго устройства ввѣрены попеченію извѣстнаго числа специальныхъ по каждой части лицъ или управленій, дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ государства: министровъ, какъ у насъ въ настоящее время, или коллегій, какъ было въ прошедшемъ столѣтіи. Но не такъ было въ древней Россіи. Тамъ приказы были и министерствами и областными управленіями; одни изъ нихъ дѣйствовали на извѣстномъ пространствѣ, были учрежденіями мѣстными, другіе вѣдали извѣстную отрасль управленія на пространствѣ всего государства. При этомъ не должно думать, чтобы безразличіе существовало только въ названіи: весьма часто въ вѣдомствѣ одного и того же приказа смѣшивались совершенно по видимому несомѣстимыя управленія; такъ напримѣръ мѣстные приказы, то-есть учрежденія, назначеніе которыхъ должно бы быть чисто административное, и собирали мѣстные доходы, и расходовали ихъ на мѣстныя надобности, принимая такимъ

образомъ характеръ финансовыхъ учрежденій (1); они же, въ районѣ своего управленія, были и судебными инстанціями: могли ли, спрашивается, одни и тѣ же люди быть и дѣятельными администраторами, и правителями финансовъ, и судьями? Естественно ли, чтобъ они не употребляли во зло своей правительственной власти при сборѣ и распредѣленіи доходовъ или при опредѣленіи судебныхъ рѣшеній надъ подчиненными имъ лицами?...

Далѣе замѣчаемъ, что для производства уголовныхъ дѣлъ существовалъ Разбойный приказъ; но воровства и разбой судились также и въ Холопьемъ, и въ Земскомъ приказахъ. Военная сила управлялась Разряднымъ, Стрѣлецкимъ, Рейтарскимъ и Пушкарскимъ приказами, что въ совокупности составляло по видимому нѣчто подобное военному министерству; но во первыхъ каждый изъ этихъ приказовъ былъ совершенно независимъ отъ другаго; во вторыхъ въ Казанскомъ приказѣ было также «вѣдаемо воинское дѣло и опасенье отъ Турской и Персидской границы». (2) Могло ли при этомъ существовать какое-нибудь единство и совокупность дѣйствія?... Самый кругъ дѣйствія мѣстныхъ приказовъ былъ разнообразенъ до чрезвычайности; такъ Галицкая четверть, во время Кошкина, управляла однимъ городомъ съ его уѣздомъ, дававшими 12 т. рублей дохода, между тѣмъ какъ четверть Новгородская вѣдала и Новгородъ, и Исковъ, и Вологду, и Нижній, и множество другихъ городовъ на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ отъ шведской и ливонской границы до Сухоны и до слиянія Волги съ Окою. Не менѣе поразительное различіе по относительной обширности круга своихъ дѣйствій представляютъ съ одной стороны приказъ Разрядный, — огромное управленіе, распредѣлявшее военное тягло на всю Россію, а съ другой напримѣръ приказъ Каменнаго дѣла или Панафидный, завѣдывавшій поминовеніемъ усопшихъ членовъ царскаго дома; наконецъ какое-то странное для насъ смѣшеніе домашнихъ, хозяйственныхъ обязанностей съ государственными замѣчается въ иныхъ приказахъ, — такъ доходы казеннаго двора состояли и въ торговыхъ оборотахъ, — продажѣ мѣховъ, парчей и т. п., — и въ сборѣ съ торговыхъ людей по городамъ, под-

(1) При этомъ если по какимъ бы то ни было причинамъ не весь казенный сборъ поступалъ на приходъ, то не могло ли случиться, что часть мѣстныхъ потребностей останется неудовлетворенною?

(2) *О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Кошкина*, гл. VI, п. VII.

вѣдомственнымъ тому приказу; выдача суконъ, и пр. производилась истопникамъ дворцовымъ, швеямъ, равно какъ и стрѣльцкому войску.. (1). Присовокупимъ къ этому, что приказы не составляли ничего постоянного и неизмѣннаго, но напротивъ были уничтожаемы, сливаемы воедино, раздробляемы; что нѣсколько совершенно различныхъ вѣдомствъ ввѣрялось управленію одного лица, какъ напримѣръ кн. Вас. Вас. Голицыну, который въ одно и тоже время управлялъ и посольскимъ, и новгородскимъ, и иноземнымъ, и смоленскимъ, и малороссійскимъ приказами... Если мы все это сообразимъ, то должны будемъ признаться что государственное управление древней Россіи представляется чѣмъ-то весьма безобразнымъ, лишеннымъ всякой системы, всякаго порядка и правильности.

Что касается до царской думы, то въ ней усматривается та же неопредѣленность, то же смѣшеніе всѣхъ атрибутовъ, какъ и въ приказахъ... Высшая законодательная власть въ степени совѣщательной принадлежала ей; но и высшая администрація и верховный судъ также въ ней заключались. На какихъ основаніяхъ производились всѣ эти проявленія высшей власти,—неизвѣстно, да едва ли и существовали какія-либо положительныя основанія.

Въ высочайшей степени достойно замѣчанія, что не сохранилось ни одного акта, которымъ бы опредѣлялись значеніе и атрибуты старинныхъ правительственныхъ органовъ. Вслѣдствіе какихъ соображеній они возникали, усиливались, ослабѣвали, и гдѣ законное право ихъ существованія? Неужели такое важное государственное распоряженіе совершалось только по словесному приказанію царя?.. Или же существовали о томъ формальные акты, но утратились?.. Последнее невѣроятно, первое болѣе нежели правдоподобно, и это мы думаемъ потому, что еще болѣе важныя основанія государственнаго управленія никогда не были облечены въ форму законодательнаго акта, а существовали вслѣдствіе стариннаго обычая: извѣстно напримѣръ что до Петра и его манифеста 5 февраля 1722 года, не было никакого закона о порядкѣ престолонаслѣдія, этомъ первомъ изъ основныхъ законовъ. Мы готовы согласиться, что идея Петра, выраженная въ этомъ актѣ, совершенно односторонняя, и можетъ быть хуже той, которая въ обычаѣ существовала у насъ изъ-

(1) *О Россіи* и пр. Кошихина, гл. VI, 58.

древле; но ей данъ былъ видъ закона, который могъ быть слѣдственно отмѣненъ не иначе какъ закономъ же: вотъ что важно! И не странно ли встрѣчать, въ сборникахъ старинныхъ государственныхъ актовъ, неисчислимое множество распоряженій о самыхъ мелкихъ подробностяхъ администраціи, между тѣмъ какъ объ основаніяхъ государственнаго управленія нѣтъ ни слова? Что это доказываетъ? Отсутствіе государственнаго взгляда на управленіе государствомъ; взглядъ хозяйственный, а не правительственный.

Совершенно иное видимъ при Петрѣ.

Старинные приказы были при немъ замѣнены коллегіями, и перемѣна заключалась не въ одномъ названіи, а въ самой сущности учреждений. Каждая коллегія начала вѣдать извѣстную сторону народнѣйшей дѣятельности, служить извѣстнымъ органомъ великаго государственнаго тѣла. Такъ коллегія военная и адмиралтействъ-коллегія управляли всеми военными сухопутными и морскими силами государства; камеръ-коллегія завѣдывала доходами, а штатъ-контора расходами казны; ревизіонъ-коллегія повѣряла употребленіе суммъ по всемъ управленіямъ, въ юстицъ-коллегіи сосредоточивалась судебная власть, а сношенія съ иностранными государствами перешли изъ посольскаго приказа въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, были коллегіи, управлявшія различными отраслями народной жизни, торговлею и промышленностію, которымъ старинная администрація не придавала государственной важности.

Такимъ образомъ каждое управленіе получило ясно-определенный кругъ дѣйствія, и дѣйствія повсемѣстнаго на всемъ пространствѣ имперіи; распредѣленіе же этихъ сферъ дѣятельности было почти то же самое, какое видимъ и нынѣ какъ у насъ, такъ и у всѣхъ прочихъ народовъ, кромѣ, разумѣется, тѣхъ проявленій и потребностей народной жизни, которыя развились въ послѣдствіи, какъ-то: публичныхъ работъ, водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, просвѣщенія народнаго, и т. п.

Съ другой стороны дѣйствіе бывшихъ мѣстныхъ приказовъ было совершенно отдѣлено и замѣнено властію губернаторовъ, управлявшихъ извѣстными административными районами.

Собираясь въ походъ противъ Турціи, въ 1711 году, Петръ хотѣлъ оставить уже не лицо, какъ бывало дотогѣ, управлять государствомъ въ его отсутствіе, а правительственное мѣсто; и учредилъ сенатъ, предоставивъ ему въ извѣстной мѣрѣ всѣ атрибуты верховной власти; въ послѣдствіи они были опредѣ-

лены съ большею точностію. Сенатъ долженъ былъ наблюдать за всѣми управленіями; отъ всѣхъ коллегій имѣлъ право требовать свѣдѣнія, объясненія; всѣ управленія относились къ сенату рапортами; сенатъ одинъ имѣлъ право представлять различныя государственныя мѣры на утвержденіе государя; онъ же былъ и верховнымъ судилищемъ, на которое не было уже апелляціи.

Такое соединеніе власти судебной, законодательной и административной, оправдывая данное сенату значеніе *правительственнаго* учрежденія, конечно можетъ показаться не совершенно рациональнымъ, и представляетъ то же сліянiе атрибутовъ, какое видимъ и въ бывшей царской думѣ; но разница, и великая разница между ними заключается въ томъ, что царская дума, не имѣя въ законъ облеченнаго права существованія, представляется намъ какъ бы домашнимъ совѣтомъ царя, совѣтомъ, который долженъ былъ разсматривать только то, что было предоставляемо его разсмотрѣнію, и который слѣдовательно могъ быть вовсе не спрошенъ (1), между тѣмъ какъ кругъ дѣйствій сената былъ ясно обозначенъ закономъ; присвоенныя ему права и обязанности были начертаны формальнымъ актомъ, и существованіе его обезпечено публично-объявленною волею государя. Сенатъ существовалъ *de facto* и *de jure*, царская же дума только *de facto*.

Изучая атрибуты |сената, должно съ особымъ вниманіемъ остановиться на томъ изъ нихъ, который предоставлялъ ему право верховнаго и окончательнаго суда; нельзя также не подивиться гениальному инстинкту Петра, такъ далеко опередившему современныя ему понятія, и уразумѣвшему, что въ правильно-устроенномъ государствѣ не должно быть мѣста личному разбирательству судебныхъ дѣлъ. «Понеже, сказано въ указѣ 22-го декабря 1722 года (2), челобитчики непрестанно докучаютъ его царскому величеству о своихъ обидахъ... и хотя... всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же

(1) Не совершенно ли ту же мысль выражаютъ слѣдующія слова Кошикина: «И съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по покою, что кому по дружбѣ отдать, или какую помощь чинити, или иные всякія великія и малыя дѣла похочетъ по своей мысли учинити, съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ, что хочеть, то учинити можетъ. Однако кого изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любить и жалуеть, спрашиваетъ и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отецъ его... безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего.» (*О Россіи*. Гл. VIII, 100).

(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. V, № 3261.

надлежить, что какое ихъ множество, а кому бѣуть челомъ, одна персона... и возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть. Воистинну, не точію человѣку, ниже ангелу.» — «Чего ради, говорится далѣе, учинены коллегіи, то-есть, собранія многихъ персонъ, въ которыхъ президенты и предсѣдатели не такую мочь имѣють, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищей ничего учинить.» Затѣмъ объяснялось для всеобщаго свѣдѣнія какими инстанціями должно восходить дѣло. «А въ случаѣ же, сказано въ заключеніе, если оныя челобитчики и онаго сената правосудіемъ не удовольствуются, потомъ имъ уже болѣе нигуда своего челобитья не имѣть».

Такимъ образомъ Петръ воспретилъ и самому себѣ разсмотрѣніе частныхъ жалобъ,—право, которымъ пользовались цари наши искони (1); но едва ли кому придетъ на мысль, что Петръ ослабилъ въ Россіи значеніе самодержавія; напротивъ, никогда дотогъ самодержавіе не обнаруживалось у насъ въ такомъ могуществѣ, ни тогда, когда Іоаннъ IV рубилъ самыя высокія головы въ Россіи, ни тогда, когда царь Алексѣй раздавалъ ежедневно до 3000 подачъ, и цѣлыя толпы царедворцевъ тѣснились у его порога или за его каретой. Конечно, трудно доказать, чтобы Петру было необходимо выковывать собственными руками желѣзо на олонецкомъ заводѣ, работать топоромъ на петербургской верфи, или чинить старыя свои ботфорты; но весьма поверхностный взглядъ обнаружилъ бы тотъ, кто въ этой, преувеличенной конечно, реакціи противъ стариннаго этикета увидѣлъ бы униженіе царскаго величія. Этими дѣйствіями своими Петръ потрясалъ,—правда съ преувеличеніемъ, свойственнымъ его горячей натурѣ,—тотъ старинный формализмъ, ту флегматическую неподвижность, которые слишкомъ, къ сожалѣнію, очевидны въ нашей старинной и государственной, и общественной жизни; а между тѣмъ, обращаясь въ низшихъ слояхъ общества, онъ выводилъ оттуда Лефортовъ, Меньшиковыхъ и Остермановъ. Страшною казнію стрѣльцовъ онъ доказалъ, что въ состояніи побѣдить всякое сопротивленіе; судомъ надъ собственнымъ сыномъ, что власть его не имѣетъ предѣловъ; долгими и тяжкими усиліями, къ которымъ принудилъ Россію во время борьбы со Швеціей, что тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о вѣчныхъ пользахъ государства, нѣтъ

(1) Въ идею оно сохранилось и понынѣ въ титулахъ на гербовой бумагѣ. Каждый магистратъ даетъ судъ и правду отъ имени государя.

жертвы, которой онъ не потребовалъ бы. Самое преобразование не показываетъ ли всю необъятную власть государя, а что власть эта удержана имъ на тѣхъ же неизблемыхъ основаніяхъ, какъ было и прежде него, не доказываетъ ли тѣмъ, что ни самоволіе Меншикова въ послѣдующее царствованіе, ни замыслы Долгорукихъ и Голицыныхъ при воцареніи Анны, ни неистовство Бирона, ни безпечность правительницы,—ничто не могло потрясти твердыхъ основъ самодержавія, и оно неприкосновенно и всецѣло перешло къ Екатеринѣ II.

III.

Нѣсколько выше, говоря объ устройствѣ государственнаго управленія, и сравнивая старинные указы со вновь—учрежденными коллегіями, мы только слегка коснулись тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣли соответствующихъ учреждений въ прежнее время, а именно коммерцъ—, мануфактуръ— и бергъ—коллегій. Учрежденія эти были выраженіемъ, слѣдствіемъ и причиною совершенно новыхъ элементовъ народной жизни: промышленности и торговли. Постараемся раскрыть, на какихъ началахъ, подъ какими вліяніями, и въ какой мѣрѣ они обнаружались.

До Петра промышленность наша была въ совершенномъ младенчествѣ, или правильнѣе, въ смыслѣ силы государственной, въ смыслѣ богатства народнаго, ея вовсе не существовало. Въ концѣ XVII вѣка казна была средоточіемъ промышленныхъ силъ всего государства и монополистомъ почти всей торговли (1). Кромѣ сборовъ съ большаго количества дворцовыхъ крестьянъ, казна закупала хлѣбъ въ низовыхъ городахъ и отправляла его къ Архангельску, оставляя слѣдовательно частнымъ лицамъ только продажу внутреннюю (2), которая разумѣется не могла не быть ничтожна въ государствѣ, столь мало населенномъ, какъ тогдашняя Россія, гдѣ даже горожане, по большей части, имѣли свои поля. Вино, соль, даже рыба, все собиралось для казны, и только то количество, которое оставалось за избыткомъ царскаго упо-

(1) *О Россіи*, Коших., гл. VII и XII.

(2) Мы не имѣемъ положительныхъ доказательствъ, чтобы частными людьми вовсе не производилось заграничной торговли; но казна должна была уничтожить всякое соперничество огромностію своихъ оборотовъ.

требленія, поступало въ продажу. Продукты ввозные, шелкъ и другія статьи персидской торговли, предметы роскоши, привозимые изъ Греціи, какъ-то серебряная и золотая утварь, конскіе дорогіе уборы, мѣха, приходившіе съ китайскихъ границъ, все представлялось сначала ко двору; нужное и лучшее отбиралось въ казну, за деньги или на обмѣнъ, и уже остальное затѣмъ предоставлялось общественному употребленію.

Подобная торговля была для казны чрезвычайно выгодна: мѣха, напримѣръ, обходились ей только въ той цѣнѣ, что могли стоить перевозка ихъ и храненіе, и слѣдовательно вымѣниваемые на нихъ предметы приходились «якобы даромъ». Кромѣ того, имѣя во всемъ право перваго выбора, дворъ (или казна, что надо принимать за одно и то же) всегда имѣлъ возможность устанавливать произвольныя цѣны для розничной торговли, выдерживать случайное пониженіе цѣнъ, и пускать товары въ продажу въ самое удобное для себя время. Послѣ этого понятнымъ дѣлается колоссальное богатство московскаго двора, предметъ удивленія иностранцевъ и гордости непросвѣщенныхъ обожателей старины. Но выигрывалъ ли отъ этого народъ? Богатѣло ли государство? Куда шли всѣ эти несмѣтные богатства?..

Мы уже знаемъ, что сборъ государственныхъ доходовъ былъ мѣстный, равно какъ и расходъ; воевода или намѣстникъ собиралъ опредѣленные оклады и расходовалъ ихъ по указанному распредѣленію на жалованье служилымъ людямъ и на другія существенныя надобности; косвенные же налоги, доходы съ торговыхъ оборотовъ и монополій казны, шли собственно на царскій дворъ. Вотъ почему и является въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ роскошь и щедрость царей, ихъ богатые вклады въ церкви и монастыри, безчисленные возведенные ими храмы, и это баснословное, по своей громадности, хозяйство. На царскихъ конюшняхъ и въ табунахъ содержалось больше 40 т. лошадей; сытенный и кормовой дворы отпускали ежедневно вина до 100 ведръ, пива и меда до 500 и свыше 3000 «яствъ», а въ праздники, въ четыре и пять разъ больше (1). При такихъ размѣрахъ царскаго хозяйства естественно, что и управленіе этимъ хозяйствомъ имѣло объемъ, въ нѣсколько разъ превосходившій самыя большіе приказы, и что «ясельничій становился честию выше думныхъ дворянъ».

(1) *О Россіи*, Коших., гл. VI.

Такое употребленіе производительныхъ силъ и богатства, конечно, не могло способствовать ихъ развитію. Петръ уразумѣлъ первый государственное и общественное значеніе промышленности. Онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи два великія измѣненія: отдѣлилъ собственное царское хозяйство отъ хозяйства государственнаго и предоставилъ промышленность въ большей части ея статей частнымъ людямъ. Врагъ роскоши и праздности, онъ уничтожилъ огромный штатъ царедворцевъ, прекратилъ подачи и упразднилъ всѣ сопряженныя съ этимъ управленія: кормовыя, сытенныя, конюшенныя, житныя и т. п. Весь расходъ на его дворъ не превышалъ 50,000, (1) между тѣмъ какъ при его отцѣ подрядъ на одно вино, не считая пива, меда и другихъ питій, простирался до 30 тысячъ! (2) Весь остатокъ отъ дворцовыхъ расходовъ былъ обращенъ на государственныя потребности или пущенъ въ промышленный оборотъ для общественной пользы (3).

Но снявъ съ общества повинность содержать придворный штатъ, Петръ оставилъ однакожъ за казною значительное число монополій, изъ коихъ важнѣйшія были: продажа хлѣбнаго вина (кромѣ Украйны и Остзейскихъ провинцій), соли, мѣховъ, табака и пр. (4). Это конечно не могло не быть обременительнымъ для народа; но дѣйствія людей надо судить не по однѣмъ чистымъ теоріямъ и истинамъ научнымъ, а принимая въ соображеніе господствовавшія въ ихъ время понятія; такимъ образомъ замѣтимъ, что если современная наука вооружается противъ монополій, то совершенно иныя понятія существовали въ Европѣ въ началѣ прошедшаго столѣтія, да и въ нынѣшнее время не вездѣ разрѣшенъ еще вопросъ какъ обойтись государствамъ безъ нѣкоторыхъ монополій, составляющихъ самыя крупныя статьи государственныхъ доходовъ. Петръ же находился въ совершенно исключительномъ положеніи, имѣя весьма малые источники прямыхъ доходовъ, за отсутствіемъ промышленности народной не имѣя возможности рассчитывать на косвенные налоги, и начавши въ то же время всеобщую ломку внутри государства и войну, продолжавшуюся болѣе двадцати лѣтъ. Мудрено при такихъ обстоятельствахъ избѣгнуть монополій!

(1) *Considérations*, XII.

(2) *О Россіи*, Кош., гл. VI.

(3) *Полн. Собр. Зак.*, Т. VI, № 3757. и мн. др.

(4) *Das veränderte Russland*, t. I, 53.

Къ сожалѣнію, онъ не только самъ ими пользовался, но и раздавалъ ихъ. Желая завести въ своемъ государствѣ мануфактурную промышленность, Петръ вызывалъ къ тому своихъ и иностранцевъ: и тѣмъ и другимъ не хотѣлось пускать свои капиталы безъ обезпеченія, — и вотъ причина тѣхъ многочисленныхъ монополій, привилегій, запретительныхъ и охранительныхъ тарифовъ, которые, можно сказать, выгнали ростокъ нашей фабричной промышленности, выгнали его быстро, но и приучили его къ тепличной атмосферѣ, къ дѣйствию паровъ и предохранительныхъ стеколъ, безъ которыхъ она и до сего времени не умѣетъ существовать.

Неизбѣжныя послѣдствія монополій, и особенно казенныхъ, возвышеніе цѣнъ и пониженіе достоинства товара, были замѣчаемы даже современниками. Такъ авторъ сочиненія *Das veränderte Russland* говоритъ, что въ царскихъ лавкахъ продавался гнилой табакъ и что во вниманіе къ просьбамъ «знатныхъ курильщиковъ» разрѣшено было нѣкоторымъ иностраннымъ торговцамъ держать табакъ (1): нельзя пропустить безъ вниманія это мѣткое указаніе на свойство казенныхъ монополій. Но еще болѣе замѣчательно то, что свѣтлые умы, задолго до утверженія въ наукѣ понятій о стѣснительныхъ послѣдствіяхъ монополій вообще и запретительныхъ тарифовъ, составляли себѣ о нихъ здравыя понятія (2). Такъ авторъ *Considérations sur l'état de la Russie* подробно развиваетъ мысль, что за совершеннымъ запрещеніемъ ввозить мѣха въ Россію, цѣны на нихъ поддерживались искусственно высокія, къ ущербу всѣхъ потребителей (3); онъ говоритъ что цѣны эти были таковы, что не допускали вывоза мѣховъ и за границу, а слѣдовательно лишили Россію всего того количества продуктовъ, которые могло быть на нихъ обмѣнено.

Такія, говоримъ мы, мысли уже представлялись просвѣщеннымъ людямъ второй половины XVIII столѣтія въ Россіи; онѣ

(1) *Das veränderte Russland*. t. 1, 53.

(2) Русскій современникъ Петра, Посошковъ (*Сочиненія Ив. Посошкова*, изд. М. Погодина: «О скудости и богатствѣ» 222) выставляетъ неудобства казенной продажи соли и преимущество вольнаго промысла, съ пощиною въ пользу казны.

(3) *Considérations etc.* V, стр. 105. Большая часть извѣстій о промышленности и торговли Россіи въ началѣ прошлаго вѣка почерпнуты нами изъ этой и VI *considération*, которыя назвавъ разъ мы болѣе цитировать не станемъ.

столь ясны впрочемъ, что могли и ранѣе того представиться такому уму какъ Петръ; но крайняя нужда въ деньгахъ должна была побѣдить теорію. Какъ бы то ни было однакожь, промышленность наша при Петрѣ оказала большіе успѣхи. При немъ начались и богатство и извѣстность многихъ значительныхъ нынѣ промышленныхъ фамилій, Демидовыхъ, Рюминыхъ и др. Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть армию свою одѣтою въ русское сукно, и мы знаемъ какія именно фабрики и въ какомъ количествѣ поставляли его: Воронежская 1500 арш., Казанская 20,000, Московскія казенныя 60,000(1). Флотъ былъ снабжаемъ русскими канатами и русскою парусиною. Поташъ, деготь, рыбій клей выдѣлывались въ большомъ количествѣ и отпускались за границу. Въ любопытномъ изданіи Кирилова (2) находимъ исчисленіе довольно большаго количества стеклянныхъ, полотняныхъ заводовъ, нѣсколькихъ штофныхъ и парчевыхъ, игольныхъ, фаянсовыхъ и пр. Въ южныхъ губерніяхъ важною отраслью промышленности была одно время выдѣлка кожъ, особенно юфти, которыя, кромѣ внутренняго употребленія, сбывались въ Силезію; къ сожалѣнію, эта промышленность была въ послѣдствіи стѣснена, потому что иностранные товары, въ обмѣнъ на кожи, начали сильно стремиться въ Малороссію, а какъ она имѣла свой особый тарифъ, менѣе возвышенный чѣмъ для остальной Россіи, то уменьшеніе таможеннаго сбора и жалобы русскихъ купцовъ заодно возстали противу счастливо начинавшейся кожевенной промышленности: такъ необходимость поддерживать ложную систему принуждаетъ къ мѣрамъ несправедливымъ и насильственнымъ!

Едва ли не болѣе всѣхъ отраслей промышленности процвѣла при Петрѣ горная. При немъ была открыта въ Нерчинскѣ серебряная руда (3), и это было первое извлеченіе благороднаго металла изъ нѣдръ русской почвы, заключающей его въ такомъ большомъ количествѣ. До Петра полагали, что «въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится» (4), и монета наша перечекаивалась изъ иностранной. Мѣди также у насъ не добывалось, а для литья пушекъ закупали ее въ Швецію; между тѣмъ въ началѣ царствованія Екатерины I выдѣлывалось у насъ мѣди уже свыше 10 т. пуд. Еще въ большемъ размѣрѣ распростра-

(1) Полн. Собр. Зак. Т. VII, № 4487.

(2) Цвѣт. Сост. Всерос. Госуд.

(3) Дьяк. Петра Великаго, Голикова т. II. 94.

(4) О Россіи, Коших. гл. VII.

вилась разработка желѣза (1); къ концу Петрова царствованія насчитывалось множество желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ, между тѣмъ какъ при царѣ Алексѣѣ упоминается только объ одномъ, существовавшемъ близъ Тулы, гдѣ и добываніе, и выдѣлка этого металла получили въ послѣдствіи такое огромное развитіе подъ управленіемъ промышленника Никиты Демидова. Но и тульскіе, и олонецкіе, и многіе другіе пріиски желѣза оказались бѣдными въ сравненіи съ открытымъ въ Уральскихъ горахъ производствомъ подъ руководствомъ искуснаго и дѣятельнаго генерала Генинга; вообще, въ послѣднее время Петрова царствованія, желѣза выдѣлывалось въ Россіи до 150 т. пуд. Благодаря такому развитію желѣзнаго производства, и армія наша была снабжена оружіемъ русской выдѣлки, и въ общественное обращеніе было пущено большое количество этого полезнѣйшаго металла, и даже начался вывозъ его за границу.

Вызванныя такимъ образомъ производительныя силы Россіи вызвали въ свою очередь и торговлю. Изъ казенныхъ монополій остались только, какъ мы сказали выше, продажа вина, соли, табаку, мѣховъ, и нѣкоторыя другія менѣе значительныя статьи. Онѣ доставляли казнѣ большія выгоды; каждый караванъ, прибывавшій изъ Сибири, приносилъ чистой прибыли отъ 3 до 400 т. рубл. Но торговля эта однакожь не давала казнѣ всей той выгоды, какую она могла бы доставить въ частныхъ рукахъ: не взирая на строгія запрещенія и строгія наказанія, много драгоценныхъ мѣховъ провозилось изъ Сибири тайно, даже самыми прикащиками каравановъ: мы прилагаемъ здѣсь не собственныя соображенія, а замѣчаніе автора, которымъ главнѣйше руководствуемся во всемъ касающемся тогдашней торговли и промышленности.

Сильный толчокъ данъ былъ въ этомъ отношеніи распространеніемъ почты и улучшеніемъ сообщеній. При Петрѣ, какъ извѣстно, устроена была водная Вышневолоцкая система, связывающая Балтійское море съ Каспійскимъ, чѣмъ и положено основаніе важнѣйшей статьѣ нашего сбыта, сбыта хлѣба за границу черезъ петербургскій портъ; при Петрѣ же начать, хотя

(1) О желѣзныхъ заводахъ въ Россіи мы извлекли изъ офиціальныя вѣдомостей, собранныхъ Кириловымъ, подъ названіемъ: *Цѣлѣущее Состояніе Всерос. Государства*. О количествѣ же выдѣлываемаго желѣза и мѣди взято изъ серьезной статьи г. Анцыферова, помѣщенной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за истекшій годъ.

и доконченъ послѣ него, каналъ для обхода бурливаго Ладожскаго озера, а также предположено соединеніе Волги съ Дономъ; последнее предположеніе однакожь не состоялось по причинѣ матеріальныхъ затрудненій, а также потому, что Азовское море было уступлено намъ по Прутскому трактату.

Благодаря такому употребленію государственныхъ доходовъ, столь мало похожему на прежде-бывшее, торговля наша оживилась. Постоянное войско, содержимое казною, постоянно увеличивавшійся классъ фабричныхъ работниковъ и торговыхъ людей, наконецъ многія тысячи работавшія въ воздвигаемыхъ крѣпостяхъ, портахъ, городахъ, на каналахъ, дорогахъ, мало-по-малу образовали у насъ классъ постоянныхъ потребителей, чего вовсе не было въ концѣ XVII вѣка, ибо тогда всякъ и обрабатывалъ земли, сколько было ему нужно для прокормленія, и строилъ самъ себѣ помѣщеніе, и домашними средствами изготовлялъ себѣ одежду. Даже старинное войско наше не составляло класса чистыхъ потребителей: ибо хлѣбные запасы вимались на него почти всегда натурою, а поляки, поселенные на пограничныхъ мѣстахъ, имѣли свою землю, слѣдовательно по всему вѣроятію и воздѣлывали ее (1); что же касается до торговыхъ людей въ допетровскія времена, то они вовсе не составляли тогда особаго сословія въ нынѣшнемъ смыслѣ, и хотя они и существовали у насъ подъ особымъ именованіемъ «гостей», хотя и раздѣлялись на сотни, и имѣли выборныхъ старостъ, что повидимому указываетъ на устройство корпорацій; но Кошкинъ положительно говоритъ, что «своихъ судовъ у нихъ не бываетъ» (2), а старосты были больше ничего какъ сборщики податей.

Петръ далъ всему этому совершенно другой характеръ: онъ далъ торговымъ людямъ собственный судъ, магистраты, собственное внутреннее управленіе, которому подчинилась городская полиція, и положилъ основаніе кредиту введеніемъ въ коммерческіе обороты векселей, и строгому коммерческому праву, относительно взысканій по векселямъ (3).

Внутренняя торговля производилась при Петрѣ, какъ и прежде, исключительно русскими купцами, такъ что иностранные негоціанты имѣли право производить только оптовую торговлю въ пограничныхъ пунктахъ. Подъ покровомъ этой исключитель-

(1) *О Россіи Коших.*, гл. VII и IX.

(2) *О Россіи Коших.*, гл. X.

(3) *Полн. Собр. Зак.*, т. VI, № 3,708.

ности, защищенные отъ совмѣстничества иноземцевъ, русскіе купцы могли скоро богатѣть и тѣмъ пріохочивать народъ къ коммерческимъ предпріятіямъ; но съ другой стороны торговое сословіе наше лишено было примѣра правильныхъ коммерческихъ соображеній, предпримчивости на точныхъ расчетахъ основанной, — и слишкомъ надолго, къ сожалѣнію, осталось влачиться по колеямъ рутины и мелкаго барышничества.

Торговля внѣшняя оказала при Петрѣ громадныя успѣхи. Имъ пріобрѣтены два первокласные порта: Петербургъ и Рига; одинъ изъ нихъ былъ имъ созданъ, другой скоро достигъ такого развитія, какого никогда не имѣлъ прежде. Мы не остановимся на торговыхъ отношеніяхъ съ кочевыми народами средней Азій, которыя впрочемъ сверхъ большаго барыша, доставлявшаго промышленникамъ до двухъ рублей на рубль, способствовали къ распространенію нашего вліянія въ средней Азій; не остановимся на торговлѣ, производившейся съ Китаемъ, которая въ то время ограничивалась почти исключительно сбытомъ сибирскихъ шѣховъ, и слѣдовательно была казенною монополіею; скажемъ лишь нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ Персіею, которыя никогда не были столь серіозны, чтобъ подать достаточный поводъ къ походу 1723 года (1), если тольکو походъ этотъ не имѣлъ цѣлью усилить не столько наше торговое, сколько политическое значеніе на Востокѣ: мы не будемъ распространяться обо всемъ этомъ, потому что промышленныя силы Россіи, какъ и политику ея, потянуло въ другую сторону, — къ европейскому Западу, туда, гдѣ развертывается «живая жизнь», гдѣ успѣхъ, гдѣ движеніе, и откуда уже не возможно возвращеніе къ неподвижности Востока.

Еще конечно не имѣя яснаго сознанія о всестороннемъ значеніи международной торговли, еще чуждый понятій, которыя развились лишь въ послѣдствіи вмѣстѣ съ развитіемъ самой торговли, Петръ однакожъ предчувствовалъ истину гениальнымъ своимъ инстинктомъ, и вотъ одна изъ причинъ тѣхъ ласкъ, которыми онъ осыпалъ иностранныхъ шкиперовъ и негодіантовъ, вотъ почему на самой оконечности Васильевскаго острова, выдающейся

(1) Авторъ *Considerations* полагаетъ, что мы вовсе ничего не отпускали въ Персію, пріобрѣтая ея произведенія на чистыя деньги; это однакожъ невѣроятно; Кошкинъ говоритъ о бывшей въ его время льбной торговлѣ съ Персіею: какой же могъ быть поводъ ей прекратиться при всеобщемъ развитіи торговли въ Россіи?

въ море, была построена одинокая каланча, съ которой государю прямо во дворецъ давали знать, когда вдали показывался парусъ купеческаго корабля, и прибытіе его провозглашалось пушечными выстрѣлами. Черезъ молодой Петербургъ, чрезъ средне-вѣковую Ригу, чрезъ старинный нашъ Архангельскъ потянулись въ западную Европу грубыя, но важныя богатства Россіи, — хлѣбъ, ленъ, металлы, дѣсь, сало, канать, парусина, на обмѣнъ фабричныхъ произведеній, начинавшихъ входить въ потребности народныя, и матеріаловъ, необходимыхъ для раждающейся мануфактурной промышленности.

Въ то время, во всей Европѣ, деньги считались основаніемъ народнаго богатства, и всѣ правительства непрерывъ заботились, чтобъ отпускать какъ можно болѣе продуктовъ за границу, дома имѣть все свое, и ввозить какъ можно болѣе драгоцѣнныхъ металловъ. Эта идея столь естественная и, повидимому, столь справедливая, была идеею и Петра по отношенію ко внѣшней торговлѣ, что ясно выражено въ указѣ, данномъ коммерцъ-коллегіи 7 ноября 1723 года (1). Отсюда неумѣренное иногда желаніе распространять всякаго рода фабрики, строго охранительныя тарифы и полное запрещеніе на нѣкоторые заграничныя предметы. Но какъ ни ошибочными кажутся намъ теперь такіе виды, все же то были виды, стремленія, которыхъ мы не находимъ и признаковъ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда казна сама закупала и перепродавала товары, и когда русскія произведенія за избыткомъ свозились на отдаленный сѣверъ въ «Архангельскій городъ», ожидать, чтобы «заморскій купчина» далъ за нихъ какую-нибудь цѣну. Петръ, напротивъ, разослалъ въ иностранныя торговые города консуловъ, которые должны были давать знать въ Россію о цѣнахъ, существующихъ въ разныхъ государствахъ, объ усиленіи или уменьшеніи требованій и т. п., и всѣми мѣрами стараться о распространеніи у насъ торговаго мореплаванія (2).

Это послѣднее было одною изъ главнѣйшихъ и постояннѣйшихъ заботъ государя; онъ дѣлалъ попытки учредить въ нѣкоторыхъ иностранныхъ портахъ русскія торговыя конторы, съ тѣмъ, чтобы съ одной стороны предоставить нашимъ торговцамъ выгоды фрахтованья, а съ другой этимъ способомъ пріучить сво-

(1) Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4348.

(2) Полн. Собр. Зак., т. V, № 3318.

ихъ подданныхъ къ мореплаванію и имѣть практическую школу мореходства. Съ этою же цѣлію, полагають, онъ никогда не соглашался построить въ своей столицѣ мостъ черезъ Неву, и настойчиво дѣйствовалъ на Ништатскихъ переговорахъ о приобритеніи клочка Финляндіи, населенной, какъ извѣстно, привычными мореходами. Эти великіе виды были въ послѣдствіи, къ сожалѣнію, вовсе оставлены, и въ теченіи послѣдовавшихъ за смертію Петра ста лѣтъ флотъ нашъ только при Екатеринѣ II обнаружилъ признаки своего существованія; средство же для изученія мореплаванія внѣ коронной службы открывается лишь въ настоящее время учрежденіемъ Общества Торговаго Пароходства на Черномъ морѣ.

IV.

Не знаемъ до какой степени справедливо существующее мнѣніе объ отвращеніи отъ воды, которое Петръ чувствовалъ въ ранней молодости; несомнѣнно однакожь то, что страсть къ морю, къ кораблямъ и ко всему, что касается флота, была во все время его царствованія господствующею его страстію. Онъ началъ было заводить флотъ на Черномъ морѣ и учредилъ верфь въ Воронежѣ; но когда прутскій миръ заперъ для насъ устья Дона, то Петръ перенесъ всю свою дѣятельность на устройство флота въ Балтійскомъ морѣ. Онъ строилъ корабли въ Архангельскѣ и Петербургѣ, покупалъ ихъ въ Англіи, Голландіи и Франціи, не щадилъ ничего для устройства флота, и въ 1718 году имѣлъ уже 22, а къ концу своего царствованія 32 линейные корабля съ соразмѣрнымъ числомъ судовъ меньшаго размѣра (1), независимо отъ галернаго флота, который въ войнѣ съ Швеціею имѣлъ едва ли не большее еще значеніе чѣмъ линейный флотъ. Въ 1726 году, когда жива еще была память о морской силѣ Петра, шведскій адмиралъ Эреншильдъ, бывъ спрошенъ на сей-

(1) *Considerations* IV; въ *Цент. Сост. Всерос. Госуд.* показано:

Въ Кронштадтскомъ портѣ кораблей: 1 ранга 10.

2 — — 22.

3 — — 16.

шнявъ 8.

галернаго флота судовъ 85, (стр. 26).

мѣ о силѣ русскаго флота, объявилъ, что онъ тысячью судами едва ли былъ бы въ состояніи охранять отъ нашего нападенія берега Швеціи (1).

Не менѣе грозны были и наши сухопутныя силы. По росписи или табели 1711 года (2), видимъ, что онѣ должны были состоять изъ 42-хъ полковъ пѣхоты, — до 50 т. человекъ числомъ, — и 33-хъ полковъ кавалеріи, числомъ 38 т. человекъ, да кромѣ того изъ 43-хъ полковъ гарнизонныхъ, составлявшихъ, какъ показываетъ ихъ названіе, внутреннюю стражу государства. Итакъ Петръ велъ всѣ свои войны не болѣе какъ 80—85 тысячами войска, отбивался отъ Шведовъ, бывшихъ не задолго передъ тѣмъ грозю всей Европы и предводимыхъ своимъ воинственнымъ королемъ, сражался съ Турками, дѣлалъ завоеванія въ Персіи. Если сравнить дѣйствія этой немногочисленной арміи съ дѣйствіями огромныхъ полчищъ, которыя собирала Россія въ XVII вѣкѣ, то численное отношеніе выйдетъ обратно пропорціональное результатамъ: ни одного имени, столь громкаго какъ Полтава, старинная рать наша не начертала на своихъ стягахъ со времени изгнанія Поляковъ. Чему это приписать? Впервыхъ различію въ способностяхъ вождей, вовторыхъ лучшему устройству арміи. Встарину только стрѣлцкое войско получало содержаніе отъ казны; регулярные полки (солдатскіе, драгунскіе и др.), бывъ водворены на постоянныхъ земляхъ, получали оное, кажется, только въ военное время (3); что же касается до земской рати, составлявшей многочисленнѣйшую часть военныхъ силъ нашихъ, то она должна была и вооружаться чѣмъ могла, и сражаться какъ умѣла; да и воеводы наши командовали какъ кому Господь на душу положилъ, безъ малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ.

Совсѣмъ иное видимъ въ XVII вѣкѣ. Число полковъ въ арміи и число чиновъ въ каждомъ полку было опредѣлено постоянными штатами; отъ фельдмаршала до профоса каждому опредѣлено

(1) *Considérations* IV.

(2) *Полк. Собр. Зак.* т. IV, № 2319. Графъ Минихъ въ своемъ *Epanche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie*, говорить: «le monarque forma nombre de régimens d'infanterie... il forma 34 régimens de dragons.»

(3) О Россіи, Коших., гл. VII и IX, 83, 105, 106, 109. Извѣстія объ этомъ Кошихина темны и сбивчивы, официальныхъ актовъ о постоянномъ жалованьи не знаемъ.

было отъ казны содержаніе, тщательно изчислено все необходимое въ отношеніи матеріальномъ, отъ знаменъ и оружія до скребницъ и подковъ, и всему этому положены служебные сроки. Такимъ образомъ и самый расходъ на содержаніе арміи опредѣлился и могъ быть внесенъ въ государственный бюджетъ особою, болѣе или менѣе постоянною статьєю, которая въ концѣ Петрова царствованія, со включеніемъ провіантскаго довольствія, простиралась на сумму 3,780,770. (1)

Изстари военное тягло лежало на всей Россіи; раврядный приказъ назначалъ кому доставалось собираться въ походъ, и такимъ образомъ формировалась въ опредѣленное время, на опредѣленномъ пунктѣ земская рать. Стрѣлцкое войско составляло какъ бы особую касту, въ которой всякій былъ наследственно обязанъ военною службою; регулярные полки набирались вообще изъ «вольныхъ людей и изъ крестьянъ». Петръ, давъ однообразное устройство всему войску, установилъ и единообразную рекрутскую повинность для лицъ всѣхъ состояній; въ войскѣ всѣ одинаково подчинялись однимъ и тѣмъ же законамъ дисциплины и одному порядку въ повышеніяхъ. Это послѣднее обстоятельство нельзя пропустить безъ вниманія: въ то время, когда по всей Европѣ должности покупались и повышенія были предоставлены одному привилегированному сословію, Петръ поставилъ единственнымъ правомъ на служебныя преимущества личную заслугу.

Но отдавая должную дань началамъ, положеннымъ въ основаніе преобразованій Петровыхъ, нельзя не указать и на черты, которыхъ не можемъ одобрить. Понятно и совершенно справедливо желаніе государя имѣть въ службѣ своей иностранцевъ; очевидна необходимость имѣть ихъ даже въ большемъ числѣ, ибо чрезъ эти каналы должны были войти въ организмъ арміи и военное искусство, и понятіе о надлежащей дисциплинѣ. Поэтому иностранныхъ офицеровъ было опредѣлено имѣть въ арміи нашей одну треть, а русскихъ двѣ трети (2): мы готовы согласиться, что это была лучшая пропорція, и даже, что въ генеральскихъ чинахъ эта пропорція должна была измѣниться къ выгодѣ иноземцевъ, именно быть какъ 3 къ 4. Но прискорбно намъ видѣть, что иностранцы получали противу Русскихъ высшіе оклады;

(1) *Цвѣт. Сост. Всеросс. Госуд.* Табель на стр. 162.

(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. IV, № 2319.

напримѣръ, первые получали въ чинѣ полковника 600, а капитаны 216 руб., послѣдніе въ тѣхъ же чинахъ только 300 и 100. Казна, по приблизительному разсчету, выигрывала на этомъ съ небольшимъ 100,000 рублей въ годъ, а чувство народной гордости въ насъ оскорбляется и теперь, черезъ полтора ста почти лѣтъ,—что же должно было быть въ то время, когда, вмѣстѣ съ уязвленіемъ самолюбія, русскіе офицеры стѣсняемы были и въ матеріальномъ отношеніи?... Не всегда же они могли получать изъ дому нужное для своихъ потребностей. Если на это различіе въ вознагражденіи государь смотрѣлъ съ той точки, что мы служили своему отечеству, а иноземцы были наемники, то должно было или вовсе не производить платы, или производить ее въ равной мѣрѣ. А между тѣмъ большее вознагражденіе за службу давало средства къ большому довольству, къ возможности быть лучше одѣту, вести болѣе пріятную жизнь, и порождало съ одной стороны чванство, надменность, мысль о своемъ превосходствѣ, а съ другой, зависть и чувство униженія,—чувство, неистребленное и уравненіемъ, при Минихѣ, жалованья между русскими и иностранными офицерами.

Нельзя также безъ ужаса читать уставы, которыми Петръ учредилъ и поддерживалъ дисциплину (1). За побѣгъ — смерть; за угрозу сержанту со стороны рядоваго—смерть, за неосторожность и лѣность въ караулѣ—смерть, за намѣренную и повторенную утрату амуниціи—смерть, за обнаженіе шпаги въ сердцахъ, хотя и безъ несчастныхъ послѣдствій, — смерть, а на кораблѣ, за то же, виновный подвергался прибитію руки къ мачтѣ, «дондеже самъ у себя оную ножомъ прорѣжетъ»... Въ наше время страшно читать эти кровавые законы! Разсматривая *Полное Собраніе Законовъ*, мы встрѣчаемъ необыкновенное множество указовъ противъ недорослей, укрывавшихся отъ службы и бѣглыхъ. Нѣтъ года, въ которомъ бы не послѣдовало нѣсколько такихъ указовъ съ угрозами казни укрывателямъ, и обѣщаніемъ награды доносителямъ (2).

Но какъ хвалить, такъ и осуждать не должно безусловно. Замѣтимъ, что это было время пытокъ и мучительныхъ казней во

(1) *Полн. Собр. Зак.* Т. IV, № 2267. Инструкція и артикулы военные российскому флоту, и Т. V, № 3006, Уставъ воинскій и Артикулъ воинскій. Т. VI, № 3485, Морской Уставъ.

(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. VI, № № 3631, 3803, 3816, и мн. др.

всѣхъ европейскихъ законодательствахъ; что во всѣхъ арміяхъ дисциплина была водворяема, послѣ этой вооруженной вольницы, извѣстной подъ именами кондотьери и ланцкнехтовъ, жестокими мѣрами; и что въ началѣ XVIII вѣка армія наша имѣла по крайней мѣрѣ то преимущество передъ другими, что въ ней существовало одинаковое для всѣхъ ея членовъ право на повышение.

Замѣчательнѣе способъ взиманія и ассигнованія суммы на содержаніе арміи. Въ настоящее время, изъ общаго числа государственныхъ доходовъ, отдѣляется для содержанія арміи соответствующая доля, и отпускается изъ центрального управленія этими доходами въ военное министерство; при Петрѣ это дѣлалось иначе (1). За нѣсколько лѣтъ были сосчитаны прямыя доходы каждой губерніи особо, и сообразно этому доходу, на каждую губернію возлагалось содержаніе извѣстнаго количества полковъ. Такъ напримѣръ, доходъ Московской губерніи (тогда несравненно обширнѣйшей чѣмъ нынѣ) исчисленъ былъ въ 1,400,097 рублей; изъ того числа распредѣлялось: на генеральный штабъ 91,090 р., на 14 полковъ кавалеріи 324,405 р., на 12 пехотныхъ полковъ 252,125 р., и пр.; остальное поступало на другія государственныя надобности, какъ увидимъ ниже. Неудовлетворительность такого распредѣленія доходовъ очевидна: невозможно было избѣгнуть остатковъ, долей, которыя надлежало вновь складывать и распредѣлять (2).

Замѣтимъ, что эта система относилась не къ одному только содержанію арміи, но и ко всѣмъ статьямъ государственныхъ расходовъ. Та же Московская губернія изъ приносимыхъ ею 1,400,097 р. расходовала: «къ государынямъ царицамъ и царевнамъ» 50,500 р., въ дворцовую походную канцелярію 61,046 р., на морское вѣдомство 126,616 р. и пр. Если въ общемъ государственномъ хозяйствѣ прибавлялась новая расходная статья, проводилась дорога, рылся каналъ, предполагалось построить корабль или сформировать новый полкъ, необходимо было приискать или создать новую, соответствующую статью прихода, либо понемножку обрѣзывать отъ прочихъ статей расхода. Такъ напримѣръ, когда въ 1724 году государь задумалъ учредить акаде-

(1) *Полн. Собр. Зак.* Т. IV. № № 2313 и 2319.

(2) Какъ самая дислокація полковъ въ губерніямъ, такъ и распредѣленіе подушнаго сбора на ихъ содержаніе, и происходящее изъ того неудобство наглядно явствуютъ изъ таблицы на 162 страницъ *Цѣтущаю Состоянію Всероссийскаго государства.*

мію, то въ то же время было указано съ какихъ городовъ должны взыматься доходы на ея содержаніе (1).

Объяснять неудобства этой системы кажется нѣтъ надобности: къ какой копотливой работѣ она принуждала штатъ-контору и камеръ-коллегію, мѣстныхъ администраціи и военное вѣдомство, очевидно. Вѣроятно, этой же необходимости создавать новыя желкія статьи прихода должно приписать многочисленность тѣхъ ничтожныхъ, а между тѣмъ стѣснительныхъ налоговъ, которые возникли въ царствованіе Петра.

Въ 1724 году, въ сенатѣ, было разсужденіе, и составлена вѣдомость о разныхъ сборахъ (2), которая и представлена государю на его разсмотрѣніе. Вотъ важнѣйшія статьи:

Съ таможенъ	987 т.
Съ питейной продажи	973 »
Съ продажи табака	42 »
Съ чекана монеты	216 »
Съ гербовой бумаги	17 »
Съ оброчныхъ земель	26 »
Съ дворцовыхъ волостей	94 »
Съ имѣній, бывшихъ патриаршихъ и монастырскихъ, за вычетомъ отпускаемыхъ на монастыри	29 »
Съ Лифляндіи и Эстляндіи	87 »
Съ разныхъ кочевыхъ народовъ	57 »
Пошлинь съ дѣлъ	45 »
Съ письма крѣпостей	45 »
Почтоваго сбора за расходомъ по своему вѣдомству	16 »
Солянаго сбора	662 »

Таковы были самыя крупныя цифры и имѣющія государственный характеръ статьи дохода въ Россіи; ихъ простиралось почти до 3.300,000 рублей. Но, кромѣ того, было много еще другихъ источниковъ дохода. Многіе изъ нихъ въ настоящее время представлены мѣстному употребленію и взимаются городами на городскіе же расходы; таковы напримѣръ: сборъ «съ бань, съ ледоколовъ, съ продажи овощей и фруктовъ», и т. п., другіе сборы были такъ ничтожны, что мелкія ихъ цифры какъ будто прячутся въ столбцахъ государственныхъ доходовъ: есть напри-

(1) Полн. Собр. Зак. Т. VII, № 4443.

(2) Полн. Собр. Зак. Т. VII, № 4548. Мы будемъ выставлѣть только одѣй круглыя цифры—тысячи.

нѣтъ нѣсколько статей, не приносящихъ и ста рублей. Довольно замѣчательна также статья о сборѣ «съ мостовъ и переправъ» и «съ клейменія хомутовъ съ извожиковъ»: сборы, постигавшіе къ сожалѣнію внутреннюю торговлю, но важные въ нашихъ глазахъ тѣмъ, что они, вмѣстѣ со сборами за ввозъ въ Москву, даютъ нѣкоторое понятіе о торговомъ движеніи въ Россіи въ то время; первые оба вмѣстѣ простираются почти до 35 т., а послѣдній свыше 58 т. р.

Всѣхъ этихъ болѣе или менѣе значительныхъ статей, относящихся къ косвеннымъ налогамъ, было съ небольшимъ 8 милл. рублей (1); прямыхъ же доходовъ было нѣсколько менѣе четырехъ съ половиною милліоновъ руб. (2), слѣдовательно, весь государственный доходъ Россіи, въ послѣднее время Петрова царствованія, мы можемъ опредѣлить приблизительно въ двѣнадцать съ половиною тогдашнихъ, или безъ малаго четырнадцать милліоновъ рублей нынѣшнихъ (3).

(1) Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе государственныхъ доходовъ, мы считаемъ необходимымъ съ подробностію указать на источники, которыми мы руководствовались. Они суть: *Табель о таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ окладныхъ и неокладныхъ сборахъ, въ Полн. Собр. Законовъ* (т. VII, № 4548) и *Табель прихода и расхода, помѣщенна въ Цѣнтущемъ Состояніи Всероссийскаго Государства* (стр. 134). Эти источники несогласны между собою. По первому итогъ показанъ 4,040,090 р. 14 к., по второму итогъ не показанъ вовсе; но онъ выходитъ въ 8,033,007 р. 36½ к. Конечно *Полное Собраніе Законовъ*, тщательно изданное, имѣющее свойство офиціального документа, должно бы быть предпочтительнѣе принято за руководство; но въ табели, которая тамъ помѣщена, не показано весьма многихъ статей, значащихся въ *сборникѣ* Кирилова, а потому мы принуждены принять ее за руководство, за неотысканіемъ болѣе положительнаго и непогрѣшительнаго.

(2) Въ *Полн. Собр. Зак.* Т. IV, № 2319, сказано, что «по табелямъ, каковы поданы отъ губерній» въ 1710 году, въ губерніяхъ приходу 3,133,879 р.; въ той же табели, приложенной къ изданію Кирилова, на которую мы выше сего ссылались, показано ихъ 4,487,857 р. 14 к. Съ 1710 года пріобрѣтены Остзейскія провинціи и Выборгъ; въ теченіе этого времени, какъ косвенные, такъ и прямые налоги увеличились, а потому показанная цифра, кажется, заслуживаетъ вѣроятія.

(3) Авторъ *Considerations* (question XII), къ которому мы имѣемъ много довѣрія, полагааетъ, въ противность нашему выводу, что доходъ Россіи вообще не превышалъ 10 милл. руб., а какъ рубль временъ Анны Іоанновны, къ коимъ относятся *Considerations*, равняется 1 рублю.

Любопытно сравнить эту цифру съ цифрами дохода нѣкоторыхъ другихъ государствъ въ болѣе или менѣе близкое къ описываемой эпохѣ время, и потомъ сравнить, въ какомъ отношеніи увеличилось богатство въ одинъ и тотъ же періодъ времени у нихъ и у насъ. Англія, по свидѣтельству Маколея (1), при вступленіи на престолъ Якова II, владѣла 1,400,000 ф. стерл. дохода, а государственный ея доходъ за 1854 г. превышалъ 53 милл. ф. ст. (2), слѣдовательно съ 1685 года, въ 170 лѣтъ, онъ увеличился слишкомъ въ $38\frac{1}{2}$ разъ. Во Франціи, въ послѣдніе годы XVII вѣка, при большомъ напряженіи страны, король могъ располагать 160 милліонами ливровъ (3), или кругло 175 милліонами франковъ; а на 1854 годъ бюджетъ имперіи былъ опредѣленъ въ 1,516,820,459 фр., слѣдовательно въ одинъ и тотъ же періодъ времени государственный доходъ Франціи увеличился только въ $8\frac{2}{3}$ разъ (приблизительно). Бюджетъ Россіи не публикуется; цифра ея государственнаго дохода не извѣстна намъ изъ офіціального источника; иностранцы полагають его на 1854 г. въ 220 милліоновъ, хотя есть поводы думать, что эта цифра ниже истины. Итакъ государственное богатство Россіи увеличилось приблизительно въ 16 разъ въ сто-тридцатилѣтній періодъ времени; а если, для большей осязательности сравненія съ Франціей и Англіей, мы пожелаемъ бы уравнять время сличаемыхъ періодовъ, то предполагая, что доходъ Россіи увеличивается въ прежней прогрессіи, онъ оказался бы къ концу ста-семидесятилѣтняго періода со смерти Петра, то-есть въ 1895 году, равнымъ почти 270 милл., то-есть увеличился бы почти въ 20 разъ. Но выводъ этотъ кажется ниже истины, ибо онъ основанъ на опредѣленіи богат-

$22\frac{1}{2}$ коп. нынѣшнимъ (Storch, t. VI. tableau I), то доходъ Россіи, въ описываемое время, по авторитету *Considérations*, былъ бы не свыше 12,200,000 р.; присовокупляя, по *Полн. Собр. Зак.*, къ косвеннымъ (4,040,090 р. 14 к.) прямыя сборы (4,428,431 р. 11 к.), мы получимъ около $8\frac{1}{2}$ милл. петровскихъ рублей, или кругло 9,750,000 нынѣшнихъ, принимая тогдашній рубль, опять по Шторху, за 1 р. $15\frac{1}{2}$ к. нынѣшнихъ. Цифра, такимъ образомъ выведенная, кажется намъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, ниже дѣйствительной; мы рѣшились основаться на свидѣтельствахъ *Considérations* и *Цѣптушаго Состоянія*, близкихъ между собою; затѣмъ, пусть люди, обладающіе лучшими, чѣмъ мы, источниками, поправятъ насъ, если мы сдѣлали ошибку.

(1) *Hist. of Engl.* t. I, ch. III.

(2) *Annuaire des deux Mondes* 1853—54. P. 333.

(3) *Dtme royale* Vauban.

ства Россіи иностранцами во время войны съ нею. Если мы возьмемъ это обстоятельство въ соображеніе, если сообразимъ, что богатство народное начинаетъ возрастать медленно, а потомъ приращеніе его все быстрѣе и быстрѣе увеличивается, что оно должно усилиться въ послѣдующія 40 лѣтъ въ несравненно сильнѣйшей прогрессіи чѣмъ въ предшествующія 130, то должны придти къ тому заключенію, что промышленныя силы въ Россіи слѣдуютъ прогрессіи слабѣйшей чѣмъ въ Англіи, но гораздо сильнѣйшей чѣмъ во Франціи.

Этотъ выводъ кажется намъ весьма значительнымъ. Богатство, то-есть промышленность, производительныя силы страны — лучшее мѣрило ея крѣпости и жизненности, а болѣе или менѣе быстрое ихъ развитіе очевидно свидѣтельствуетъ о прогрессѣ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова въ ту или другую эпоху. Смотра съ этой точки зрѣнія, не найдемъ ли мы въ приведенныхъ результатахъ сильнѣйшаго доказательства плодovitости началъ, положенныхъ Петромъ въ основаніе его преобразованій, и напротивъ того не должны ли показаться безплодными и безжизненными тѣ начала, на которыхъ было построено прежнее государственное зданіе, оставившее послѣ восьми-вѣковаго существованія государственный доходъ столь ничтожнымъ, что Петръ, не взирая на всѣ старанія и даже насилія, въ тридцатипятилѣтнее царствованіе свое не могъ возвысить его сверхъ четырнадцати милліоновъ! (1)

V.

Рисуя важнѣйшія черты Петровыхъ преобразованій, мы оставили бы важный пробѣлъ, еслибы не коснулись измѣненій, произведенныхъ имъ и въ организаціи духовенства, и въ положеніи его посреди русскаго общества. Со времени знаменитаго Филарета, котораго молодой царь Михаилъ въ официальныхъ актахъ именовалъ государемъ, власть патріарха въ Россіи была чрезвычайно велика, и если понятія его не согласовались съ понятіями царя, то правительственныя мѣры могли быть чув-

(1) Онъ не простирался и до 5 м. р. при вступленіи Петра на престолъ, если вѣрять замѣткѣ, которую находимъ въ *Ebauche* гр. Миниха.

ствительно затруднены: распря царя Алексѣя съ патриархомъ Никономъ имѣла въ свое время сильный отголосокъ во всемъ государствѣ. Хотя Адріанъ, бывшій патриархомъ въ первые годы единодержавія Петрова, не имѣлъ рѣзкости и непреклоннаго духа знаменитаго своего предшественника, и нельзя было ожидать съ его стороны явнаго противодѣйствія; за то Петръ и не находилъ въ немъ того нравственнаго содѣйствія своимъ нововведеніямъ, которое было бы ему такъ полезно. Изъ келлій монастырскихъ расходились въ народѣ неблагоприятныя толкованія царевыхъ дѣйствій, и волновали умы (1). Притомъ и самую нравственность духовенства царь находилъ часто несоответственною высокому назначенію духовнаго сана, а степень его просвѣщенія вполнѣ неудовлетворительною. Крѣпкій умъ его оскорблялся зрѣлищемъ суевѣрій, которыя закрались въ народъ вслѣдствіе развитія раскола, суетности его основанія, его стремленія къ неподвижности и невѣжеству, а также по безсилію господствующей церкви противодѣйствовать ему.

Все это родило въ Петрѣ мысль дать духовному сословію другую организацію. По смерти престарѣлаго Адріана (1701), онъ упразднилъ патриаршій престолъ; а въ 1718 году ввѣрилъ управленіе церковью синоду, выходя изъ своей неизмѣнной точки зрѣнія, что коллегіальное управленіе «совершеннѣйшее есть и лучше нежели единоличное правительство, наипаче же въ государствѣ монаршескомъ», и что «въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ». Вотъ какъ выразилъ Петръ свои мысли объ этомъ предметѣ (2): «Извѣстнѣе, говоритъ онъ, взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ... Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ; обаче совѣтниковъ своихъ имѣють, не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы и не клеветали непокорные челоуѣцы, что се, или оно силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ...» «Коллегіумъ, продолжаетъ онъ, свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣеть къ правосудію: не тако бо, яко единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится.» Далѣе, обращаясь собственно къ духовному управленію, говоритъ: »Велико и сіе, что отъ собор-

(1) *Дьян. Петра. Вел.*, Голикова, т. II, 73.

(2) *Полн. Собран. Зак.*, т. VI, № 3718. Регламентъ или Уставъ духовный.

наго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, яко разиствуеть власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и болши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство; и се самъ собою народъ тако умствовати обыклетъ. Чтò же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хвастію огонь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ, смотрять. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтоватися дерзають, и льстятъ себя окаянныя, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремились. . . Чтò жь когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощеть? Изрещи трудно, коликое отвсюду бѣдствіе бываетъ!»

Къ этому сильному выраженію видовъ государственныхъ нечего прибавлять; изъ нихъ ясно вытекаетъ мысль, руководившая Петра при упраздненіи патриаршаго сана. Замѣнивъ его коллегіей, подъ названіемъ святѣйшаго синода, Петръ далъ ему инструкцію, въ которой постановлены два главнѣйшія требованія — наблюдать, чтобы народъ имѣлъ «довольное наставленіе», и чтобы злонамѣренныя обманы и пустыя суевѣрія не могли смущать чистой истины Христова ученія. Было бы непростительно не представить извлеченія изъ этой инструкціи. Предписывая «смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя... или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти», онъ присовокупляетъ: «Простой народъ не можетъ между дельнымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видить въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится.» Потомъ онъ обращается къ существующимъ у насъ суевѣріямъ: напримѣръ, «не дѣлать въ пятокъ, и правднованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гнѣвается на непразднующихъ и съ великимъ на оныхъ же угроженіемъ наступаетъ... ..И таковое жь Кіево-Печерскаго монастыря преданіе, что погребенный тамо чело вѣкъ, хотя бы и безъ покаянія умеръ, спасенъ будетъ... ..Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день

уреченный праздничный водять жонку простовласую подь именемъ. Пятницы, а водать въ ходѣ церковномъ... и при церкви честь оной отдаеть народъ и съ дары, и со упованіемъ нѣкія пользы... Тако жь на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ передъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попь народу раздаеть на благословеніе... Вельми срамное и сіе обрѣталося, молитвы людемъ, далече отстоящимъ, черезъ посланниковъ ихъ, въ шапку давать...»

Повидимому, въ приведенныхъ примѣрахъ находится много такого, что собственно должно быть отнесено къ старообрядчеству и расколу; но не подлежитъ однакожь сомнѣнію, что и духовенство русское въ ту эпоху представляло грустный примѣръ бѣдности, грубости и невѣжества. «Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаенія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися — Богъ вѣсть!» говоритъ одинъ современникъ (1): «ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху и попь за соху, мужикъ за косу и попь за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ.» Крайней бѣдности священниковъ соотвѣтствовало и ихъ невѣжество. Приведенныя выше указанія изъ Духовнаго Регламента служатъ достаточнымъ этому подтвержденіемъ; тотъ же современникъ, Посшковъ, на котораго мы ссылались, горько жалуется на грубое невѣжество духовенства: «Нынѣ, говоритъ онъ, такихъ пресвитеровъ много, что не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра», и это относилось не только къ деревенскому духовенству, но даже и къ столичному. «Видалъ я, продолжаетъ онъ, въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельскій попь, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ?»

Замѣчательно, что единственные или почти единственные лица, которыхъ имена сохранила духовная литература въ исходѣ XVII вѣка, Симеонъ Полоцкій, Св. Димитрій Ростовскій и братья Лихуды, были или иностранцы, или уроженцы и воспитанники юго-западной митрополіи; въ украинскихъ же духовныхъ школахъ получили образованіе и Стефанъ Яворскій, и Теофанъ Прокоповичъ; что же касается до сѣверной митрополіи, то она снабдила

(1) Соч. *Ив. Посшкова. О скудости и богатствѣ.* Гл. I.

расколъ нѣсколькими ересіархами, каковы Никита Пустосвятъ, Аввакумъ, коломенскій епископъ Павелъ и пр., и не выставила ни одного замѣчательнаго поборника православія. Когда же начались преобразованія Петра, то изъ монастырскихъ келлій посыпались озлобленныя выраженія тупаго сопротивленія (1).

Надобно было побѣдить это глухое, тайное, но дѣйствительное сопротивленіе, или ожидать неисчислимыхъ бѣдствій. Монахамъ было строго запрещено держать въ келліяхъ своихъ бумагу и чернила; писать же въ случаѣ надобности дозволялось только въ трапезѣ, явно «съ повелѣнія начальнаго» (2). Мѣра стѣснительная, суровая, постигавшая и правыхъ и виновныхъ, но въ нѣкоторой степени если не оправдываемая, то извиняемая обстоятельствами... Съ другой стороны, Петръ желалъ учредить на широкихъ основаніяхъ образованіе духовенства. Въ *Регламентъ Духовномъ* мы видимъ предположеніе о школахъ при архіерейскихъ домахъ, въ которыхъ воспитанники получали бы не только свѣдѣнія, до прямыхъ ихъ обязанностей относящіяся, но и понятія необходимыя каждому образованному человѣку; эти школы должны были готовить будущихъ священниковъ и высшихъ сановниковъ церкви; мимо этихъ школъ, не дозволялось и поставлять въ священники; дѣти духовнаго званія, не оказавшіе должныхъ успѣховъ въ наукахъ, поступали въ солдаты... (1)

Нельзя не обратить особаго вниманія на самое изложеніе *Духовнаго Регламента*. Это не только указъ, не только полная инструкция, это, можно сказать, цѣлое сочиненіе, излагавшее виды правительства касательно духовнаго сословія въ Россіи. И подобныхъ указовъ, по разнымъ частямъ государственнаго управленія, въ полномъ *Собраніи Законовъ* встрѣчается множество. Независимо отъ изложенія воли государевой, составляющей сущность распоряженія, мы видимъ въ нихъ изъясненіе побужденій, вызвавшихъ обнародываемую мѣру: точно будто государь желалъ, чтобы, по слову апостольскому, ему повиновались не только изъ страха, но и по совѣсти, точно будто онъ искалъ не одного повиновенія, но и одобренія народнаго. Не довольствуясь этимъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ издавалъ брошюры, книги, въ которыхъ съ возможною полнотою и ясностью излагалъ свои виды,

(1) *Дѣянія Петра Великаго*, т. II, 73.

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. IV, № 1834; т. VII, № 4146.

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. IV, № 2308.

побужденія и намѣренія. Такова брошюра, написанная Стефаномъ Яворскимъ, какъ полагаютъ, въ опроверженіе пасквилей противъ нововведеній, которыя распространяли лица духовнаго званія; таково сочиненіе Шафирова о причинахъ войны съ Швеціей; таково сочиненіе Св. Дмитрія Ростовскаго: *О Образъ Божіемъ*, направленное противъ старообрядчества и пустосвятства; нѣсколько брошюръ о томъ же предметѣ Θεофана Прокоповича и его же сочиненіе: *Правда воли монаршей*, гдѣ подробно, со вѣснмъ схоластическимъ аппаратомъ учености, развиты мысли о правѣ самодержца избирать себѣ преемника, — книга, очевидно имѣвшая цѣлю подготовить умы къ измѣненію древняго обычая въ престолонаслѣдіи и къ отрѣшенію царевича, за что была въ послѣдствіи, при Петрѣ II, вмѣстѣ съ печатными извлеченіями изъ слѣдственныхъ дѣлъ о царевичѣ и царицѣ Евдокіи, отбираема и уничтожаема...

Этотъ рядъ изданій, безъ всякаго сомнѣнія внушенныхъ правительствомъ, есть явленіе чрезвычайно замѣчательное; все въ рукахъ Петра было правительственнымъ орудіемъ; все направляемо было имъ къ цѣли, которую во всѣ минуты своей жизни преслѣдовалъ этотъ необыкновенный человекъ. Во время самыхъ забавъ его, въ потерянные повидимому минуты дня, въ короткіе часы его отдохновенія, всегда эта цѣль была съ нимъ неразлучна. Извѣстно, что очень часто, пробуждаясь ночью, онъ записывалъ или приказывалъ записывать мгновенно посѣтившую его мысль; распивая пиво съ иностранными шкиперами или негоціантами, онъ въ ихъ лицѣ привлекалъ заграничную торговлю. Одинъ изъ иностранныхъ современниковъ разказываетъ, что царь воспользовался представленіемъ какого-то силача, чтобы дѣйствовать противъ суевѣрій своего народа, и заставлялъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ ощупывать Самсона, дабы убѣдить ихъ, что онъ дѣйствуетъ не сверхъестественною силою (1).

VI.

Такія-то средства употреблялъ Петръ къ истребленію нелѣпныхъ суевѣрій и предрассудковъ, затемнявшихъ природный здравый смыслъ русскаго человекъ. Вспомнимъ, какъ онъ воспользо-

(1) *Nouveaux Mém. sur l'état présent de la Grande Russie.* стр. 399.

вался солнечнымъ затмѣніемъ, чтобъ пыдать нашимъ редкамъ первый урокъ практической астрономіи, и множество другихъ случаевъ, по поводу которыхъ онъ старался распространять здравыя мысли. Мы думаемъ, что такія дѣйствія Петра заслуживаютъ вниманія и моралиста и историка. Конечно, этими отдѣльными уроками нельзя еще образовать народъ. Эта обширная, великая задача требуетъ дѣйствія повсемѣстнаго, непрерывнаго, систематическаго, на глубокихъ соображеніяхъ, на ясномъ сознаніи основаннаго, чего Петръ конечно не имѣлъ и не могъ имѣть, потому что и во всей Европѣ ничего подобнаго въ то время не было. Всѣ современные правительства еще смутно сознавали понятіе о просвѣщеніи, какъ о двигателѣ народнаго благосостоянія, какъ о вѣрнѣйшемъ залогѣ всякаго успѣха и матеріальнаго, и моральнаго. Весьма потому естественно, что Петръ, гений по преимуществу практической, имѣлъ на просвѣщеніе взглядъ, слишкомъ исключительно-утилитарный. Школы, которыя онъ заводилъ и которыя заставлялъ посѣщать подъ страхомъ наказаній (1), книги, которыя онъ заставлялъ переводить, чертежи, ландкарты, которые по распоряженію его издавались, все это имѣло преимущественною цѣлію образовать артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, моряковъ, медиковъ, землемѣровъ, фабрикантовъ, механиковъ; онъ какъ будто желалъ, чтобы каждая человѣческая единица имѣла определенное и извѣстное дѣйствіе въ великой государственной машинѣ (2), и едва ли сознавалъ, что спеціальность должна воздвигаться на высотѣ общаго образованія, которое одно расширяетъ умственный горизонтъ челоуѣка, и связываетъ всѣ эти спеціальности единою идеей совершенствованія.

Замѣтимъ еще, что даже и тѣ явленія изъ жизни и дѣйствій этого необыкновеннаго челоуѣка, которыя поражаютъ насъ грубостію, поправіемъ челоуѣческаго достоинства, иногда жестокостію, не лишены какого-нибудь особеннаго смысла. Таковы напримѣръ всѣ забавы царя, производяція въ *Запискахъ Берхгольца* на читателя такое тяжелое впечатлѣніе. Эти шуты, эти карлы, которыми онъ такъ охотно окружалъ себя, эти уроды, которыми съ такою любовію наполнялъ кунсткамеру, эти огромныя кубки, которые онъ заставлялъ осушать, часто противъ воли, иногда даже женщинъ, эти дымныя отъ кнастера ассамблеи, эти кружки пива, переходившія отъ царя къ иностраннымъ шкипе-

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. VI, №№ 3575, 3703 и друг.

(2) Мысль эта очень ясно выражена въ сочиненіи Посошкова: *О скудости и богатствѣ*, стр. 114 и слѣд.

рамъ и обратно, все это, если мы побѣдимъ невольное отвращеніе, представится намъ далеко не чуждымъ мысли и государственнѣхъ видовъ. Да и самое отвращеніе должно значительно уменьшиться, если мы припомнимъ современные нравы другихъ дворовъ Европы, кромѣ, можетъ-быть, французскаго. Такъ знаменитый Tabaks-Collegium Фридриха Вильгельма I, современника Петрова, не уступалъ петербургскимъ ассамблеямъ ни количествомъ выпиваемаго тамъ пива, ни густотою табачнаго дыма, ни грубостію сыпавшихся шутокъ (1). Не болѣе привлекательна картина общества временъ Якова II, начертанная знаменитымъ Маколеемъ, и дворъ петербургскій не представляетъ ничего равнаго гнусному любимцу послѣдняго Стюарта, Джефрейзу, переходившему изъ забрызганныхъ кровью судейскихъ креселъ въ таверну, изъ объятій публичныхъ женщинъ къ эшафотамъ своихъ жертвъ, этому Джефрейзу, который, будучи лордомъ-канцлеромъ, вмѣстѣ съ первымъ лордомъ казначейства дотога напился пьянъ у одного лондонскаго альдермена, что оба они, почти голые, влѣзли на выѣску и продолжали тамъ пить при стеченіи уличной черни!.. (2).

Въ явленіяхъ, наиболѣе поражающихъ насъ своею грубостію и цинизмомъ при Петрѣ, мы часто замѣчаемъ напротивъ мысль, нѣчто въ родѣ жестокой сатиры, хотя до крайности грубой и отвратительной. Таково напримѣръ учрежденіе такъ-называемой *коллегіи кардиналовъ*, которая состояла изъ знаменитѣйшихъ пьяницъ, или омерзѣнія достойная оргія, называвшаяся *конклавомъ*, — явленія, въ которыхъ трудно не замѣтить сатиры противъ латинскаго духовенства... (3). Это понимали Петровы современники, но кажется недостаточно замѣтили люди послѣдующихъ эпохъ, которые за грубою внѣшностію часто не хотѣли или не умѣли отыскать скрытаго смысла. Этими же сатирическимъ направленіемъ Петрова ума объясняются многія явленія, которыя иначе представляются только грубымъ, неприличнымъ шутовствомъ. Такъ Петръ заставлялъ возить на медвѣдяхъ упорныхъ почитателей старины, брилъ имъ бороды

(1) *Gesch. d. Preuss. Hoffs*, Wichse, и многія мѣста изъ сочиненій Фридриха II.

(2) *Hist. of Engl.* ch. VI.

(3) Вторая половина XVII вѣка Россіи представляетъ довольно ощутительное вліяніе латинскаго ученія между нашими духовными писателями: Симеонъ Полоцкій, Сильверстъ Медвѣдевъ—представители этого вліянія.

въ минуты безчувственнаго ихъ опьянѣнія, сочинялъ смѣшную одежду раскольникамъ, заставляя старинныхъ бояръ самихъ лично травить зайцевъ и забавлялся, когда они, запутавшись въ своры, увлекаемые борзыми псами, стремглавъ падали съ лошадей и можетъ быть ломали ребра...

Поученіе жестокое, скажутъ! Правда. Пламенный къ благу общему, жертвуя ему и собственнымъ тяжелымъ трудомъ и даже жизнію, онъ ни во что ставилъ благосостояніе и самую жизнь отдѣльнаго лица; такъ въ одномъ письмѣ къ князю Ромодановскому онъ приказываетъ допросить Винюса, замѣченнаго въ небрежномъ снабженіи арміи: «для чего дѣлается такое главное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи его головъ дорожж?» (1) Такъ на представленіи о нѣкоторыхъ юридическихъ обстоятельствахъ касательно наказанія за разбой, находимъ слѣдующую резолюцію: «Ссылать на каторги въ вѣчную работу, вырѣзавъ ноздри; а буде съ каторги уйдетъ, безъ всякія милости казнить смертію; также хотя и за татьбу будутъ сосланы, а уйдутъ изъ ссылки, казнить смертію» (2). Въ приведенномъ случаѣ насъ поражаетъ не жестокость наказанія: оно совершенно въ духѣ тогдашняго уголовного законодательства, но то, что резолюція эта, наложенная не по поводу какого-нибудь сепаратнаго случая, а по вопросу юридическому, имѣвшая слѣдовательно значеніе общаго закона, написана не рукою самого государя, а рукою подданнаго, князя Ромодановскаго! (3)

Подобные случаи ясно показываютъ, какое ничтожное значеніе имѣли тогда и личность, и самая жизнь человѣка. Конечно, мучительныя пытки, кнуты, батоги, земные поклоны бѣдныхъ и слабыхъ передъ сильными и знатными суть наслѣдія нашей полу-восточной старины, грустные слѣды татарскаго ига: они отражаются и въ тогдашнемъ законодательствѣ, и во множествѣ анекдотовъ, сохраненныхъ для исторіи современными собирателями, и выдаются въ глаза при чтеніи сочиненій благонамѣреннаго и чрезвычайно умнаго Посошкова, котораго конечно слѣдуетъ считать однимъ изъ передовыхъ людей своего времени. По понятію Посошкова, страхъ жестокихъ наказаній является вѣрнѣйшимъ ручатель-

(1) № 2 *Архив. Журнала* на 1857 годъ, статья г. Ратча.

(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. V, № 2,823.

(3) Что былъ за человѣкъ этотъ Ромодановскій, впрочемъ честный и вѣрный слуга государевъ, видно изъ приписки Петра въ одномъ письмѣ къ нему изъ Голландіи: «Звѣрь! долго ль тебѣ людей жечь! и скоды равные отъ васъ пріѣхали!» (Устрялова, *Петръ въ Голландіи.*)

ствомъ исполненія людьми своего долга; доносъ есть наилучшее средство изыскивать беззаконія; къ доносамъ приглашаются все и каждый; доносителямъ, «чтобъ они лучше радѣли», совѣтуетъ авторъ обѣщать, что они «великимъ жалованьемъ пожалованы будутъ» (1). Мѣры, которыя онъ предлагаетъ для истребленія различныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, ужаснѣе регламентовъ Петра I: такъ для прекращенія разбоевъ онъ совѣтуетъ учредить всеобщій надзоръ лицъ всѣхъ состояній между собою и всеобщую солидарность: «какая казнь вору, такожь и сосѣдямъ» (2). Людей, которые были въ оговорѣ, хотя «сосѣди скажутъ, что они добрые люди», Посошковъ предлагаетъ клеймить (3), и совѣтуетъ срывать до основанія дома взяточниковъ и для всеобщаго свѣдѣнія выставлять надпись: «еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, и домъ его оставленъ пустъ, и живущаго въ немъ нѣтъ, но только мышеве и нетопыри вогнѣжаются въ немъ» (4). Посошковъ заключаетъ рядъ подобныхъ мѣръ мыслию: «аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падеть, быть ужь такъ!» Та же самая мысль, тотъ же взглядъ, что и въ приведенномъ нами письмѣ Петра I къ Ромодановскому о нерадѣніи Виніуса! И такъ вообще было тогда убѣжденіе, что только казнь можетъ истребить зло, и ни во что ставилась жизнь человѣка. Поэтому мы не считаемъ себя въ правѣ обвинять Петра, но не можемъ однакожь не пожалѣть, что чудный умъ его не возвысился и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, надъ уровнемъ современныхъ ему понятій! Зрѣлище частыхъ пытокъ, смертныхъ казней и истязаній, дѣлаетъ человѣка робкимъ, быть-можетъ осторожнымъ, но не лучшимъ; а поправленіе его личности, приучая къ униженію, приучаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ къ постыднымъ сдѣлкамъ съ собственной совѣстію.

Все это отразилось на тогдашнемъ обществѣ: картина нравовъ въ началѣ XVIII столѣтія, которую сохранили намъ частію

(1) *О скудости и богатствѣ*, 81, 95 и мн. друг.

(2) *О скудости и богатствѣ*, 160.

(3) Тамъ же, 64.

(4) Тамъ же, 85. Но это далеко не самыя жестокия и варварскія мѣры, предлагаемыя въ сочиненіи Посошкова; тамъ есть черты, истинно приводящія въ ужасъ, напримѣръ о помѣщикахъ, принимающихъ бѣглыхъ крестьянъ: «а буде кто не хотя отвозить пришлыхъ людей, да въ водѣ потопитъ или инако какимъ случаемъ умертвитъ, то за всякую голову по десяти человекъ повѣшено будетъ...» Какія понятія! какіе нравы!..

русскіе, частію иностранныя писатели, далеко не привлекательна. Время Петрово было великое для Россіи, но едва ли счастливое для народа время. Издержки на военныя надобности, постройки крѣпостей и портовъ, копаніе каналовъ, устройство дорогъ и т. п., отрывали ежегодно отъ домовъ и семействъ многія тысячи людей, изъ которыхъ весьма многіе не возвращались вовсе; тѣ же, которые оставались дома, изнемогали подъ бременемъ налоговъ, рекрутской и подводной повинности, военнаго поста (1), дурнаго управленія, притѣсненія мѣстныхъ властей; «крестьянское житіе скудно», говоритъ Посошковъ (2), «многіе отъ безсолицы цынжаютъ и умираютъ». Обремененные недоимками, угрожаемые безпощадными экзекуціями, многіе въ отчаяніи оставляли свои дома и уходили въ лѣса, гдѣ приставали къ раскольникамъ или разбойничали (3), и разбойники ходили не по одиночкѣ или малыми шайками, а «по сту и по двѣсти человекъ въ артели, и больше» (4). Съ своей стороны помѣщики жестоко тяготились обязанностію военной и гражданской службы и школьнаго ученія, съ большими пожертвованіями укрывались они отъ «смотровъ» и не рѣдко даже увѣчили себя (5). Склонные къ лѣни, въ чемъ и ихъ предковъ единодушно упрекаютъ иностранцы, они, страшась ежеминутно доносовъ, еще плотнѣе прежняго замыкались въ своихъ усадьбахъ, гдѣ имѣя все необходимое для физическаго существованія, но впрочемъ бѣднѣя отъ безконечнаго дробленія имѣній, глохли, посреди своихъ холопей, совершенно чуждые всѣхъ общественныхъ, высшихъ интересовъ. Поэтому естественно, что потокъ преобразованія мало коснулся ихъ, и что, читая напримѣръ нѣкоторыя мѣста записокъ Болотова, мы часто воображаемъ себя въ половинѣ не XVIII, а XVII столѣтія.

Міръ чиновный, люди волею или неволею подвизавшіеся на различныхъ служебныхъ поприщахъ, конечно болѣе нежели сельскіе обыватели должны были поддаться вліянію нововведеній,

(1) *О скудости и богатствѣ*, 33: «И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смиренно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, такъ того горше чинятъ.»

(2) Тамъ же, стр. 170, 223.

(3) *Das Veränderte Russland*, t. I, 50.

(4) Соч. *Ив. Посошкова*, 6.

(5) Тамъ же, *О скудости и богатствѣ*, 90 и слѣд.

хотя бы внѣшнимъ только образомъ; но и они представляютъ не болѣе утѣшительнаго. Посошковъ говоритъ (1), что «до судьи дойти худосильному (челобитчику) немочи... Насажаютъ, продолжаютъ онъ, колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ, да перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыню просить... Безъ взятковъ нельзя ничего сдѣлать и «за гривенное дѣло полтину берутъ!» Авторъ сочиненія *das Veraenderte Russland* безъ околичностей называетъ всю приказную братію *хищными птицами*. «Какой-нибудь писецъ, говоритъ онъ, который едва ли имѣлъ чѣмъ прикрыть свою наготу при вступленіи въ службу, въ продолженіи четырехъ, пяти лѣтъ такъ поправляется, что отстраиваетъ себѣ каменные палаты. Не лучше дѣйствуютъ и начальники,» заключаетъ онъ (2). Ни возвышенное положеніе, ни громкое имя, ни даже самое богатство не удерживали отъ беззаконій и лихоимства. Вспомнимъ какія лица, какія имена опозорены формальнымъ обличеніемъ въ насилие, взяточничество и похищеніи казенной собственности: это были князь Кольцовъ-Мосальскій, осужденный въ 1718 году за злоупотребленія по соляному промыслу, князь Матвей Гагаринъ, губернаторъ сибирскій, фельдцейгмистеръ графъ Брюсъ, баронъ Шафировъ, любимецъ императрицы, графъ Апраксинъ, шурина царя Феодора, наконецъ знаменитый князь Меншиковъ, столь же способный, сколько и алчный, первый сановникъ и богачъ того времени, любимецъ и почти другъ царя, владѣлецъ восьмидесяти двухъ тысячъ душъ!..

Чему приписать такое плачевное явленіе? Конечно не слабости правительства: въ ней еще никто не упрекалъ Петра. «Видимъ мы вси, говоритъ Посошковъ, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣветъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како дѣло его споро будетъ?» (3) Но Петръ не довольствовался тѣмъ, что «тянулъ самъ на гору,» онъ строго и неуклонно принуждалъ къ тому же и всѣхъ. Ничто однакожъ не помогало,—ни закономъ опредѣляемая офиціальныя взысканія, ни даже знаменитая царская *дубинка*, которую иные любители простыхъ и оцутительныхъ

(1) Соч. Ив. Посошкова, 5. Вся III глава замѣчательнаго памфлета его *О скудости и богатствѣ* пропитана горькимъ негодованіемъ.

(2) Т. I, 50.

(3) *О скудости и богатствѣ*, 95.

мѣръ считаютъ какъ бы волшебнымъ жезломъ, истребляющимъ зло и утверждающимъ добродѣтель... Чему же, повторяемъ, приписать это явленіе, долго, долго и послѣ Петра повторявшееся?

Не тамъ, гдѣ вѣчно обнаженъ карающій мечъ правосудія, гдѣ полчища зоркихъ соглядатаевъ охраняютъ безопасность общественную, не тамъ, говоримъ, благоденствуетъ общество: но тамъ, гдѣ понятія каждаго на столько очищены, что онъ ясно отличаетъ добро отъ зла, гдѣ нѣтъ убѣжищъ для растлѣвающей лѣни, а просторно поприще для труда, гдѣ каждый гражданинъ гордится чувствомъ личнаго своего достоинства, гдѣ беззаконіе обличается предъ судомъ общественной совѣсти, гдѣ правительство дѣйствуетъ какъ Провидѣніе, почти невидимо, довольствуясь лишь общимъ направленіемъ народа къ совершенствованію по всемъ частямъ!..

Конечно, было бы безразсудно требовать отъ отдаленной эпохи подобныхъ идей, не вполне еще сознаваемыхъ и нашимъ временемъ: мы начертываемъ идеалъ, который, кажется, начинаетъ мерцать передъ глазами нашего, болѣе счастливаго, поколѣнія, людей второй половины настоящаго вѣка, и не позволяемъ себѣ ни на минуту забывать той среды, которая окружала Петра, и изъ которой онъ самъ возникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ весьма большое заблужденіе впади бы тѣ, которые въ противоположность довольно темной картинѣ нравовъ Петровскаго общества, вздумали бы воображать предшествующія эпохи болѣе благополучными. Правда, до насъ почти не дошло жалобъ и осужденій современниковъ; но предки наши были не охотники писать, да и привыкшіе издревле къ извѣстному общественному и государственному быту, едва ли могли они сознать его недостатки такъ же, какъ и преимущества; отчужденіе ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и примѣровъ уничтожало и возможность сравненія, а слѣдовательно и критики,— и вотъ, думаемъ мы, почему до насъ меньше жалобъ на допетровскія времена, нежели на послѣдующія. Всѣ тѣ указанія, которыя мы дѣлали на сочиненія Посошкова и тысячи другихъ, которыя сдѣлать могли бы, не дають ли права думать, что зло, которое онъ такъ ярко изображаетъ, противъ котораго предлагается такія страшныя мѣры,—что это зло не вчерашнее, не вслѣдствіе минутныхъ вліяній возникшее? Да и самъ авторъ во многихъ мѣстахъ говоритъ, что «у насъ на Руси неправда вельми

застарѣла» (1). Однакожь свидѣтельство объ этомъ отъ до-петровскихъ временъ мало. Это объясняется именно тѣмъ, что современники совершенно свыклись съ такимъ общественнымъ бытомъ, что критика, какъ и сатира, были тогда невозможны за недостаткомъ точки сравненія. Желябужскій, напримѣръ, котораго записки можно назвать хроникою беззаконій, говорить о нихъ безъ омерзѣнія. Естественно напримѣръ, что никто изъ русскихъ современниковъ не былъ пораженъ повсемѣстнымъ у насъ грубымъ пьянствомъ, — иностранцы же единогласно на него указываютъ, какъ на разительнѣйшій порокъ древней Россіи: Патрикъ Гордонъ упоминаетъ о попойкахъ почти на каждой страницѣ своего дневника. Никто вѣроятно также изъ Русскихъ до-петровской эпохи не чувствовалъ важнаго недостатка своего общества, — лѣности, которую однакожь единогласно замѣчаютъ немногочисленные иностранцы, писавшіе о старинной Россіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить зло, посреди котораго мы выросли, и если при томъ никакое сравненіе съ существующимъ *внѣ* не открываетъ намъ глазъ?... А между тѣмъ лѣность есть можетъ-быть менѣе безобразная, но едва ли не болѣе глубокая язва, чѣмъ пьянство. Возникнувъ, думаемъ мы, не изъ природы русскаго человѣка, а изъ несчастныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ наше общественное развитіе, изъ отсутствія разумной потребности въ трудѣ, изъ небезопасности въ иныя времена быть богатымъ, — лѣность и безпечность были почвою, на которой взросло это мертвящее обожаніе старины у нашихъ предковъ, эта недовѣрчивость къ разуму и поклоненіе одному лишь факту, выразившаяся тупымъ афоризмомъ: «дѣды наши были не глупѣе насъ!» Это же обожаніе старины было основаніемъ явленію безпримѣрному въ исторіи, зѣрномъ плоду, который могъ взрости и созрѣть только на почвѣ древне-русскаго общества: мы говоримъ о старообрядчествѣ. Вездѣ и всегда были религіозныя ереси и расколы; но вездѣ ихъ пораждали толкованія, болѣе или менѣе ошибочныя, возвышенныхъ истинъ, вездѣ было замѣтно желаніе понять, стремленіе проникнуть; учителями западныхъ расколовъ были по большей части передовые люди своего времени. У насъ было напротивъ: расколъ совершился изъ-за мнимаго отступничества отъ старины; на знамени отщепенцевъ было написано: *старые обряды*. Но это знамя собрало однакожь вокругъ себя не малочисленную рать: значить, воззваніе къ ста-

(1) Сочин. *Ив. Посошкова*, 86, 96 и мног. друг.

ринѣ, призваніе къ сопротивленію во имя обрядовъ, имѣло же отголосокъ въ Россіи!...

Все это однакожь, повторяемъ, не поражаемо современниковъ, кромѣ одного, Кошкина, который, долго живя за границею, былъ въ совершенно-исключительномъ положеніи, благопріятномъ для сужденія о русскомъ обществѣ. Его заподозриваютъ въ злобномъ пристрастіи относительно Россіи; едва ли это основательно; по крайней мѣрѣ ничьи свидѣтельства не опровергаютъ его, а напротивъ извѣстныя записки Желябужскаго, многочисленныя частыя жалобы, челобитныя, судебныя рѣшенія, которыя мы находимъ въ собраніяхъ старинныхъ актовъ, подтверждаютъ его показанія: вездѣ невѣжество, ябедничество, желаніе обмануть, вездѣ неправый судъ и лихоимство, вездѣ грубость понятій и суровость нравовъ, словомъ, явное родственное сходство съ тѣмъ, что находимъ у Посошкова, писавшаго семьдесятъ пять лѣтъ спустя. «Воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, говоритъ Кошкинъ (1), а лицъ, приставляемыхъ отъ царя для наблюденія надъ ихъ дѣйствіями, чтобы не доносили на нихъ, дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры.» А вотъ что говоритъ тотъ же Кошкинъ о судьбахъ своего времени: «Хотя на такое дѣло положено заклинаніе, и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ.» «Кто можетъ, восклицаетъ онъ далѣе,—приходитъ къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей! Но и сами судии видають временемъ, и рѣдко когда прилучаетъ говорити съ нимъ о дѣлахъ!»

Грустная картина! Въ особѣ только государя народъ чаеъ найти правду и защиту, но *до царя далеко!*.. и бѣдный народъ покоряется тому, что ему представляется печальною необходимостію. О покровительствѣ закона онъ не думаетъ; это понятіе почти чуждо тогдашнему времени: блюстители закона не хотятъ его знать, а народъ убѣждается, что такъ и должно быть!..

Въ приведенныхъ не многихъ словахъ Кошкина мы замѣчаемъ

(1) О Россіи, глава VII.

и другую печальную черту стараго времени: женщины показаны участницами беззаконій своихъ мужей! Это даетъ понятіе о глубинѣ безнравственности общества: мушнѣ, даже не развитому, такъ естественно скрывать отъ женщины свои грязныя стороны и обнаруживать только свѣтлыя, благородныя, возбуждающія сочувствіе. Но, увы! не этого очищающаго душу сочувствія искали въ сношеніи съ женщинами Русскіе XVII вѣка съ ихъ полувосточными нравами!... Поэтому мы и видимъ, что когда Петръ разрушилъ ихъ заключеніе и сдѣлалъ ихъ соучастницами общественной жизни, онѣ явились и долго оставались того недостойными. Нравы и обычаи измѣняются, особенно къ лучшему, не скоро.

Съ этой точки зрѣнія важнымъ явленіемъ намъ кажется второй бракъ императора: отсюда, можно сказать, начинается новая эра въ судьбѣ русскихъ женщинъ. Этотъ бракъ былъ можетъ-быть первое въ Россіи сознательное избраніе мужчиною себя подруги. Что въ самомъ дѣлѣ видимъ мы въ предшествующія времена? Всѣмъ конечно извѣстно, какъ производился выборъ царской невѣсты: нѣсколько десятковъ, можетъ-быть сотенъ дѣвицъ, одаренныхъ пластическими достоинствами, созывались ко двору, и царь выбиралъ одну изъ нихъ.... но на чемъ основывался этотъ выборъ, чѣмъ внушаемо было это предпочтеніе?.. Поистинѣ, еслибъ таинство церковное не освящало такого брака, то могли бы подумать, что онъ совершается не въ христіанскомъ государствѣ!.. Знаемъ, что этотъ унижительный и безнравственный церемоніаль не былъ чѣмъ-либо обязательнымъ для царя, который могъ выбрать себя невѣсту и инымъ образомъ: такъ поступилъ на примѣръ и царь Алексѣй при второмъ своемъ бракѣ; онъ былъ, сказываютъ, прельщенъ «красотою и скромностью» Натальи Нарышкиной. Но можно ли въ этомъ видѣть участіе сердца? конечно нѣтъ, да и могла ли родиться какая-нибудь симпатія къ дѣвицѣ, которая являлась передъужиномъ съ рюжкой водки, и молча получала офиціальныя поцѣлуи? Очевидно, что кромѣ красоты, и красоты чисто внѣшней, да скромности, достоинства отрицательнаго, бѣдная Наталья Нарышкина не могла ничего и обнаружить, и склонности сердечной въ царѣ не могло къ ней родиться.

Далѣе: какова была доля нашихъ царицъ встарину? Извѣстно что ни одна изъ нихъ не была коронована. Въ семейства своего онѣ не имѣли рѣшительно никакого значенія; онѣ были супругами, матерями, но царицами собственно онѣ не были; никогда

онѣ не являлись народу; не присутствовали при представленіи пословъ, не участвовали въ парадныхъ царскихъ трапезахъ; мало того: устраненныя отъ соучастія въ царскомъ величіи своихъ супруговъ при жизни, онѣ и послѣ смерти не были удостоиваемы похорониться въ одной съ ними церкви (1).

Совсѣмъ иное видимъ мы въ отношеніяхъ Петра къ Екатеринѣ. Она была неотлучною его подругою,—на офиціальныя торжествахъ, ассамблеяхъ, при молебствіяхъ по поводу побѣдъ надъ Шведами, и въ открытой ладѣ, которою могучій кормчій любилъ бороздить балтійскія волны; въ царскихъ чертогахъ и въ походной палаткѣ на берегу Прута,—она была съ нимъ всюду. Зато Екатерина, родившаяся въ ничтожествѣ, и какова бы ни была ея предшествующая жизнь, скоро вошла въ рамы новаго своего величія; одна она умѣла укротить порывы страшнаго гнѣва Петра. «Кабы на государевѣ жестокій нравъ да не царица, намъ бы жить нельзя», говорили современники (2). Она не усомнилась обласкать и подарить двѣсти червонцевъ прикосновенному къ дѣлу о государственной измѣнѣ князю В. В. Долгорукову, и въ минуту, когда присутствіе духа измѣнило самому Петру, окруженному Турками,—этотъ бывший приемышь бѣднаго пастора оказалъ незабвенную услугу и государю и государству!

Понятно, что для насъ важна не личность Екатерины, которой мы касаемся мимоходомъ, но важенъ тотъ рядъ мыслей, который вытекаетъ изъ ея возвышенія. Со временъ Св. Ольги только четыре женщины до-петровыхъ временъ упоминаются исторіею: это Софія Палеологъ, Елена Глинская, Анастасія Романовна и царица Софія. Конечно этого небольшого числа историческихъ женщинъ было слишкомъ недостаточно, чтобъ поставить вообще женщину въ русскомъ обществѣ на высоту, указанную ей христіанскимъ ученіемъ и созданную въ другихъ странахъ понятіями рыцарскихъ временъ, въ противоположность которымъ у насъ дѣйствовали понятія, привитыя Татарами. Возвышеніе Екатерины I, ея вѣнчаніе и потомъ царствованіе ея, стерли печать униженія, наложенную вѣковыми понятіями на женщину, и дали ей мѣсто въ числѣ существъ разумныхъ, что

(1) Извѣстно, что царицы были предаваемы землѣ не въ Архангельскомъ соборѣ, а въ Вознесенскомъ монастырѣ.

(2) *Объявленіе розыскаю дѣла на царевича Алексѣя Петровича*, 57, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829 года.

конечно не могло не имѣть благотворнаго вліянія на нравственное чувство народа.

Таковы важнѣйшія черты положенія, въ которомъ Петръ оставилъ Россію. Жестокій кризисъ, которому подвергся организмъ государства, еще не былъ вполне оконченъ; общество страдало и остатками старинныхъ язвъ, и болію отъ крутаго врачеванія. Но начало выздоровленію было положено; несомнѣнна сдѣлалась надежда на возрожденіе русскаго общества къ новой, лучшей жизни, къ жизни народовъ, которые предназначены проникнуться духомъ цивилизаціи и развивать ее.

Мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которые одобряютъ рѣзкія мѣры, крутые перевороты: хотя бы они были и къ лучшему; они всегда сопряжены съ страданіями обществъ. Мы съ большею любовію и большимъ удивленіемъ взирали бы на Петра, еслибы въ преобразованіи его замѣтно было меньше насилія, еслибы онъ нашелъ тайну вдохнуть въ организмъ Россіи новую жизнь, не подавляя, а только совершенствуя отечественныя формы. Но возможно ли это было?... Это никѣмъ не доказано, да едва ли и доказано быть можетъ!...

Старинная Русь съ ея началами и формами отжила свое время: это судьба всего въ мірѣ. Патриархальное управленіе, понятія мѣстничества, замкнутая исключительная національность, должны были пасть,—а вѣчевыя собранія и земскія соборы не успѣли утвердиться. Изъ государственныхъ началъ уцѣлѣло только самодержавіе, и оно олицетворилось въ особѣ Петра, но видоизмѣнившееся, обновленное духомъ дѣятельности и инициативы. Оно произвело у насъ тотъ переворотъ, который историческая судьба сдѣлала очевидно необходимымъ, и предохранила Россію отъ колебаній земли, сопровождавшихъ въ другихъ государствахъ неизбѣжныя, необходимыя перевороты.

Въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ все имѣетъ свой разумный законъ, свою непреложную судьбу, свое опредѣленное время!...

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ¹

Въ недавнее время вышло въ Парижѣ сочиненіе г. Лемари (Leymarie), подъ заглавіемъ *Исторія крестьянъ во Франціи* (*Histoire des paysans en France*. Paris 1856), содержащее въ себѣ много любопытныхъ фактовъ и нѣкоторые довольно замѣчательные выводы. По самому объему этой книги (въ двухъ томахъ заключается 650 страницъ), по множеству мелкихъ и иногда лиш-нихъ подробностей, по растянутости иныхъ разсужденій, сочиненіе г. Лемари, — весьма интересное для ученаго изслѣдователя средне-вѣковыхъ законовъ и обычаевъ и даже для всякаго образованнаго Француза, желающаго подробно ознакомиться съ исторіей класса народа, посреди котораго онъ живетъ, — для насъ Русскихъ по-казалось бы въ полномъ переводѣ слишкомъ длиннымъ. Но извле-

(1) Вопросъ объ исторіи французскихъ крестьянъ, долгое время почти забытый, обратилъ теперь на себя вниманіе французскихъ ученыхъ и и вызвалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій. Не говоря о трудахъ меньшаго объема, каковы статья г. Шарля Луандра *les Classes laborieuses* и книга г. Дареста де-ла-Шаванна *Histoire des classes agricoles en France*, мы назовемъ сочиненія: г. Бонмера *Histoire des paysans* и г. Дуніоля *Histoire des classes rurales en France*. Сочиненіе г. Лемари, которымъ руководствовался авторъ предлагаемой статьи, есть новѣй-шее изъ нихъ и основанно на многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ; оно пред-ставляетъ новую переработку сочиненія, изданнаго еще прежде объ этомъ предметѣ тѣмъ же авторомъ, и заключаетъ въ себѣ полный сводъ историческаго матеріала. Намъ представится, можетъ — быть, случай познакомить нашихъ читателей и съ нѣкоторыми другими изъ назван-ныхъ нами произведеній, въ особенности съ сочиненіемъ Бонмера. *Ред.*

ченіе изъ этого сочиненія, которое легко познакомило бы насъ съ постепеннымъ развитіемъ устройства въ другой странѣ крестьянскаго сословія, класса народа, на который нынѣ обращено всеобщее вниманіе, кажется и для Русскихъ не можетъ быть лишено интереса.

Явленія, происшедшія въ одномъ государствѣ, мудрыя мѣры или ошибки одного правительства, должны служить примѣромъ и предостереженіемъ для послѣдующихъ поколѣній и для позже развивающихся государствъ.

Сочиненіе свое г. Лемари раздѣляетъ на четыре части, сообразно четыремъ эпохамъ существованія земледѣльческаго сословія во Франціи до революціи 1789 года. Первая часть говоритъ о времени владычества надъ Галліею Римлянъ, когда соединенныя въ рукахъ богатыхъ людей огромныя пространства земли обрабатывались частью свободными поселенцами или людьми приписанными къ землѣ, а частью невольниками. Во второй части описывается первый періодъ владычества Франковъ, когда всѣ классы земледѣльцевъ слились въ одно сословіе крѣпостныхъ рабовъ (*serfs*). Въ третьей части разбираются измѣненія въ устройствѣ крестьянъ (называемыхъ уже не *serfs*, а *vilains*) подѣ вліаніемъ началъ феодальныхъ; въ послѣдней же части видно постепенное ослабленіе феодальной власти господъ, расширеніе личной свободы крестьянъ и вмѣстѣ удрученіе ихъ невыносимыми налогами и наконецъ внезапное ниспроверженіе всѣхъ прежнихъ постановленій.

I.

До утвержденія въ Галліи римскаго владычества, земледѣліе было уже значительно развито въ этой странѣ: доля, по свидѣтельству Юлія Кесаря, были покрыты обильными жатвами; на лугахъ паслись стада; богатые землевладѣльцы жили посреди своихъ имѣній въ довольствѣ и изобиліи и находились къ низшему классу народа въ патріархальныхъ отношеніяхъ; хлѣбопашецъ, благодаря плодородію почвы, легко добывалъ себѣ пропитаніе; онъ не былъ рабомъ своего господина, а его кліентомъ (*cliens*), то-есть обязанъ былъ обрабатывать въ мирное время господскія поля и слѣдовать за господиномъ на войну; но за то кліентъ всегда могъ разсчитывать на помощь и защиту своего

господина; кліентъ и господинъ жили общею жизнью, дѣлили труды и опасности, удачи и несчастія; кліенты, будучи въ полковину войнами, были преданы своему господину и полководцу, но сохраняли вмѣстѣ съ тѣмъ известную степень независимости, которую трудно было бы удержать людямъ, исключительно привязаннымъ къ земледѣльческимъ занятіямъ.

Вслѣдствіе завоеванія Галліи Римлянами способы воздѣлыванія земли усовершенствовались, но участь земледѣльцевъ подверглась отягощенію. Земледѣльцы были лишены права носить оружіе; отношенія ихъ къ господамъ перемѣнились; богатые люди рѣдко посѣщали свои владѣнія, предоставляя завѣдываніе ихъ управляющимъ; просвѣщеніе и довольство сосредоточились въ городахъ, а беззащитные земледѣльцы легко дѣлались жертвами безпорядковъ и разореній, сопряженныхъ съ междоусобными войнами и смутами, возбуждаемыми частыми низложеніями римскихъ императоровъ.

Поземельныя владѣнія были въ V вѣкѣ раздѣлены между знатными римскими и галльскими семействами, между начальниками варварскихъ племенъ, коимъ уступлена была часть земель, между римскими государственными имуществами, между духовенствомъ и наконецъ между мелкими собственниками, число коихъ было впрочемъ незначительно. Земледѣльцы раздѣлялись на три класса: на *свободныхъ* хлѣбопашцевъ, обработывавшихъ земли въ свою собственную пользу; на хлѣбопашцевъ, *крѣпкихъ землю*, обработывавшихъ въ пользу землевладѣльца участки земли, который они не могли оставить; и на *невольниковъ*, представлявшихъ собою одно простое орудіе, которое господинъ могъ употреблять по произволу.

Свободные хлѣбопашцы (*coloni liberi*) обработывали или незначительные принадлежащія имъ въ собственность участки земли, или взятые ими въ аренду участки господской земли, за пользованіе которою они доставляли землевладѣльцамъ половину произведеній съ этой земли или другую плату по условію. Названіе свободныхъ хлѣбопашцевъ было исключительно присвоено, изъ числа поземельныхъ собственниковъ, тѣмъ только, которые владѣли малыми участками земли; люди же, владѣвшіе значительнымъ количествомъ земли, хотя бы они и сами жили въ своемъ имѣніи и завѣдывали лично разработкою онаго, — назывались господами (*domini*) и составляли особый высшій классъ. Свободные хлѣбопашцы были въ незавидномъ положеніи, несмотря на свободу, кою они пользовались; при отсут-

ствіи твердаго и правильнаго государственнаго управленія, они ни чѣмъ не были обезпечены противъ притѣсненій богатыхъ и сильныхъ людей, противъ нападений разбойниковъ и набѣговъ варварскихъ племенъ. Последнее зло мелкіе поземельные собственники старались по возможности отвратить, соединяя жилища свои въ одинъ поселокъ и заключая между собою оборонительные союзы. Хлѣбопашцы, обрабатывавшіе нанимаемую ими чужую землю, заключали на нее контракты срокомъ на пять лѣтъ. Плата производилась частью деньгами, частью произведеніями земли. Римское законодательство разными постановленіями старалось охранять выгоды и обезпечить благосостояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ: они могли отказаться отъ нанятыхъ участковъ, въ случаѣ безплодности ихъ; а когда доходъ съ нанятаго участка возвышался, благодаря трудамъ арендатора, то господинъ не могъ за то требовать съ него добавочной платы. Несмотря на это землевладѣльцы легко находили предлоги къ обремененію свободныхъ хлѣбопашцевъ налогами и къ отнятію у нихъ земель за неисправность въ платежахъ. Произволь богатыхъ землевладѣльцевъ надъ бѣдными и необразованными свободными хлѣбопашцами постепенно расширялся, пока часть этихъ послѣднихъ не перешла въ сословіе крѣпостныхъ людей (*glebae adscripti*), тогда какъ другіе вольные люди, въ томъ числѣ и мелкіе поземельные собственники, лишенные скота, земледѣльческихъ орудій и всякихъ средствъ къ обработкѣ своихъ участковъ, покидали свои дома, бѣжали въ лѣса и составляли тамъ разбойничьи шайки.

Люди *крѣпкіе земля* (*coloni glebae adscripti*) не могли быть отдѣлены отъ занимаемой ими земли; они сами не могли оставить ее, и не могли быть господиномъ продаваемы безъ земли; сословіе это составлялось изъ дѣтей, раждавшихся отъ крѣпостныхъ родителей, изъ вольныхъ людей, проживавшихъ тридцать лѣтъ на одномъ и томъ же господскомъ участкѣ (люди эти причислялись къ крѣпостному состоянію, на основаніи особаго закона императора Анастасія), и изъ вольныхъ людей, добровольно вступавшихъ въ крѣпостное состояніе; дѣти родителей, принадлежавшихъ разнымъ господамъ, раздѣлялись между господами родителей своихъ; по кодексу Феодосіеву, двѣ трети дѣтей слѣдовали состоянію отца, а одна треть — состоянію матери. Несмотря на такое ограниченіе личной свободы крѣпостныхъ людей, положеніе ихъ много отличалось отъ положенія невольниковъ; люди крѣпкіе земля, сохраняя постоянно пользованіе извѣстнымъ участ-

комъ земли, владѣли плодами трудовъ своихъ, могли улучшать свое положеніе пріобрѣтеніемъ въ собственность даже недвижимаго имущества; они обязаны были доставлять господину ежегодную плату, соответствовавшую арендной платѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ; только плата эта, состоявшая большею частью изъ произведеній земли, опредѣлялась не добровольнымъ соглашеніемъ господина съ земледѣльцемъ, а прежними обычаями; крѣпостной хлѣбопашецъ, съ коего господинъ требовалъ высшую, противъ установленной прежнимъ обычаемъ, плату, могъ жаловаться на то судѣ; личное свое имущество крѣпостные люди не могли при жизни отчуждать безъ согласія господина, но они могли распорядиться имуществомъ этимъ по завѣщанію, и оно переходило, по смерти ихъ, къ ихъ дѣтямъ или родственникамъ. Кромѣ обязанностей къ господамъ, на крѣпостныхъ хлѣбопашцевъ переходила уплата лежащихъ на занимаемыхъ ими участкахъ земли, казенныхъ поземельныхъ повинностей, и съ нихъ взималась въ пользу казны особый поголовный сборъ. Но вообще, положеніе крѣпостныхъ хлѣбопашцевъ часто могло быть обезпеченіемъ, чѣмъ положеніе даже вольныхъ людей, беззащитно подвергавшихся всякимъ притѣсненіямъ. Мелкій собственникъ могъ, въ тѣ грубыя времена, быть насильственно и незаконно лишенъ своего участка земли; крѣпостной же крестьянинъ неотъемлемо владѣлъ своею землею, подъ защитою своего господина. Прикрѣпленіе его къ землѣ, стѣсняя его свободу, обезпечивало вмѣстѣ его существованіе.

Не таково было положеніе хлѣбопашцевъ-невольниковъ (*servi*), которые составляли не что иное, какъ земледѣльческое орудіе, которыхъ продавали, мѣняли, дарили какъ вещи, которые не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, были вполнѣ подчинены произволу господъ своихъ и не могли даже имѣть семействъ, гдѣ бы они находили отдыхъ и утѣшеніе въ своихъ несчастіяхъ.

Господинъ назначалъ невольнику жену, но бракъ этотъ не пользовался никакимъ уваженіемъ; супруги могли быть разлучены; дѣти отторгнуты отъ родителей. Весь трудъ невольника принадлежалъ господину, невольникъ не имѣлъ собственности и не могъ трудами своими улучшить свое положеніе. Значительная поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ немногихъ лицъ, и владѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ занимали огромныя пространства земли. Въ имѣніяхъ, гдѣ поля обрабатывались въ пользу господина посредствомъ невольниковъ, были устроены такъ-называемыя виллы (*villa*). Виллы эти, составлявшія центръ хозяйственнаго

управленія имѣніемъ и состоявшія изъ многихъ строеній, заключали въ себѣ три главные и совершенно отдѣльныя части: въ первой, снабженной всѣми удобствами роскошной жизни, помѣщался господинъ во время пребыванія своего въ имѣніи; во второй—помѣщались невольники и управляющій (villicus); тутъ была обширная кухня, гдѣ собирались для обѣда всѣ невольники; отдѣленіе для управляющаго; маленькія кельи, куда запирались на ночь всѣ невольники; и подземный казематъ, куда заключались провинившіеся; тутъ же были устроены зданія для помѣщенія скота; въ третьей части зданій находились анбары, хлѣбныя магазины, погреба, сараи и другія хозяйственныя заведенія. Въ каждой виллѣ, въ числѣ невольниковъ, кромѣ хлѣбопашцевъ, пастуховъ и другихъ сельскихъ работниковъ, были люди, обученные разнымъ мастерствамъ, такъ что все потребляемое тамъ было плодомъ домашняго производства. Управляющій (villicus) выбирался господиномъ большею частью изъ числа невольниковъ. Онъ имѣлъ полную власть надъ невольниками, и могъ, наравнѣ съ господиномъ, подвергать ихъ наказаніямъ; онъ распоряжался работами, снабжалъ невольниковъ пищею и одеждою; все управленіе имѣніемъ было сосредоточено въ его рукахъ, и онъ исполнѣ замѣнялъ господина, который рѣдко жилъ въ своемъ имѣніи.

Между тѣмъ положеніе свободныхъ и крѣпостныхъ земледѣльцевъ становилось все обременительнѣе; законы, служившіе къ огражденію ихъ, слабо соблюдались; вся тягость казенныхъ налоговъ падала на нихъ, а налоги эти безпрестанно возрастали; кромѣ постоянной поземельной и поголовной подати, часто вимались экстраординарные сборы (superehactio), на покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ; земледѣльцамъ едва оставалось достаточно средствъ для пропитанія; бѣдствія ихъ усугублялись злоупотребленіями сборщиковъ податей; лихоимство и всякія притѣсненія со стороны судей и другихъ чиновниковъ дошли до высшей степени; народъ доведенъ былъ до нищеты. Невольники, низведенные на степень земледѣльческихъ орудій, лишенные даже по закону возможности добровольно трудиться въ свою пользу, и получать хотя часть добываемаго ими для господина дохода,—работали лишь изъ-подъ палки, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти что-либо обманомъ и хитростію или укрыться бѣгствомъ отъ невыносимаго для нихъ ига. Крѣпостные люди подвергались притѣсненіямъ господъ, которые, не взирая на тягость лежавшихъ на хлѣбопашцахъ казенныхъ налоговъ, постоянно старались увеличивать и частныя ихъ повинности;

свободные арендаторы безпрестанно понуждаемы были къ возвышенію платы господамъ или къ оставленію занимаемыхъ ими домовъ и участковъ земли. Наконецъ положеніе мелкихъ собственниковъ было едва ли лучше: терпимыя ими со всѣхъ сторонъ насилія, обремененіе ихъ несоразмѣрными казенными налогами, притѣсненія богатыхъ и своевольныхъ сосѣдей, весьма часто побуждали ихъ отказываться отъ своей свободы и собственности, предавать себя въ руки могущественныхъ покровителей и поступать добровольно въ число крѣпостныхъ людей. Удивительно ли, послѣ всего этого, что земледѣльцы, покидая свои дома и поля, толпами бѣжали къ сосѣднимъ варварскимъ племенамъ, или составляли изъ себя вооруженныя шайки, *багоды* (*bagaudae*), и искали въ грабежѣ самага доступнаго для нихъ средства къ пропитанію, и вмѣстѣ къ отмщенію за всѣ претерпѣнныя ими угнетенія? Шайки эти доходили иногда до огромныхъ размѣровъ и возбуждали даже междоусобныя войны. Первое значительное возстаніе земледѣльцевъ произошло при Діоклетіанѣ. Вооруженныя шайки крестьянъ жестоко отмстили своимъ притѣснителямъ, и потомъ укрылись въ укрѣпленіе, построенное по преданію Юліемъ Кесаремъ близъ слиянія Сены и Марны; они въ послѣдствіи были побѣждены и разбѣяны Максиміаномъ. Въ пятомъ вѣкѣ произошло новое большое возстаніе крестьянъ противъ Римлянъ; но и оно было усмирено, а зачинщики казнены; однако частныя возстанія и грабежъ отдѣльныхъ багодъ не прекращались.

Страданія, коимъ подвергалось сословіе земледѣльцевъ въ Галліи при римскомъ владычествѣ, вскорѣ отразились и на другихъ сословіяхъ. Нищета, недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ сельскихъ жителей, дурная обработка полей, недостатокъ промышленнаго капитала и безпрестанные грабежи, быстро сократили доходы богатыхъ землевладѣльцевъ и духовенства.

Въ такомъ-то положеніи застало Галлію нашествіе Франковъ.

II.

Подъ вліяніемъ владычества Франковъ положеніе земледѣльческаго сословія въ Галліи значительно измѣнилось; невольничество, въ томъ смыслѣ какъ его понимали Римляне, исчезло; но и число свободныхъ поземельныхъ собственниковъ сдѣлалось ни-

чтожно, и такимъ образомъ прежде существовавшіе три разряда земледѣльцевъ мало-по-малу слились въ одно сословіе крѣпостныхъ рабовъ (serfs), близкое къ прежнему разряду крѣпостныхъ людей, называвшихся *coloni glebae adscripti*. Огромныя владѣнія римскихъ вельможъ раздробились на меньшія имѣнія, но сохранили однако довольно значительные размѣры и не перешли въ руки свободныхъ крестьянъ, а были раздѣлены между королемъ, дворянами и духовенствомъ. Между тѣмъ церковь, пріобрѣтшая сильное нравственное вліяніе на новыхъ властителей Галліи, дѣйствовала на нихъ въ духъ благотельномъ для крестьянскаго сословія, и трудъ крѣпостныхъ сталъ получать лучшее вознагражденіе. Преобразованія въ бытъ крестьянъ были естественнымъ послѣдствіемъ новыхъ элементовъ, внесенныхъ въ жизнь народа и въ систему государственнаго устройства новыми завоевателями Галліи: крѣпостныя отношенія существовали въ то время и между германскими варварскими племенами; но невольничество не было въ духъ Франковъ, народа свѣжаго и независимаго; оно противно было ученію христіанской религіи, принятой Франками съ искреннимъ рвеніемъ; потому невольничество должно было быстро смягчиться и слиться съ крѣпостнымъ состояніемъ. Съ другой стороны во вновь-завоеванной странѣ, при отсутствіи единства и твердости правленія, при неимѣніи установившагося законодательства, должно было открыться обширное поле для произвола людей, имѣвшихъ на своей сторонѣ право сильного. Каждый дворянинъ долженъ былъ охранять свое имѣніе силою оружія; крѣпостные крестьяне прибѣгали къ защитѣ своего господина. Но у кого могли просить защиты немногіе изолированныя мелкіе поземельные собственники, сохранившіе еще свою личную свободу и принадлежавшіе имъ участки земли? Земли людей этихъ часто и безнаказанно были отбираемы у нихъ дворянами, а сами они насильственно обращаемы были въ крѣпостное состояніе; плата за землю перестала опредѣляться добровольнымъ договоромъ; о подобныхъ договорахъ не упоминается даже въ законахъ Франковъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ южной части Франціи, гдѣ римскіе законы и обычаи глубже укоренились, остались въ силѣ тѣ прежнія условія, по коимъ землевладѣлецъ получалъ отъ крестьянина половину добываемыхъ имъ произведеній; но и этотъ родъ договора, опредѣляемый однообразно прежнимъ обычаемъ, ближе подходитъ къ постоянной платѣ, взимаемой съ крѣпостнаго крестьянина, нежели къ добровольному условію, заключаемому сво-

боднымъ арендаторомъ. Мелкіе собственники, оставшіеся свободными, желая избавиться отъ безпрестанныхъ притѣсненій, коимъ они подвергались, спѣшили добровольно предать себя съ своими землями въ руки сильныхъ дворянъ или духовенства, для полученія отъ нихъ защиты и покровительства. Свободные крестьяне часто дарили свои земли церквамъ или монастырямъ, съ условіемъ, чтобы имъ предоставлено было постоянное пользованіе уступленными землями. Изъ этого способа даренія, весьма распространеннаго, возникли особья поземельныя отношенія, при коихъ крестьяне пользовались большими преимуществами, и вообще, хотя всѣ прежніе разряды земледѣльцевъ слились въ одно сословіе крѣпостныхъ, однако прежнее ихъ положеніе и самый способъ укрѣпленія ихъ, отразились и на настоящее ихъ значеніе; прежніе невольники, сдѣлавшись крѣпостными людьми, не всеѣмъ сравнивались съ крестьянами, бывшими до того свободными; люди, добровольно подарившіе свои земли и укрѣпившіе себя землѣ, находились въ болѣе выгодномъ положеніи противъ тѣхъ, кои, будучи укрѣплены насильственно, находились вполнѣ въ рукахъ своего могущественнаго господина; наконецъ пространство владѣемой крестьянами земли и самое званіе господина ихъ вѣли вліяніе на положеніе крѣпостныхъ людей; изъ всего этого возникли различныя степени крѣпостнаго рабства (*servage*).

Высшую степень въ этомъ состояніи занимали крестьяне, принадлежавшіе королю и духовенству (1); правительство и духовенство принимали дѣйствительныя мѣры къ огражденію ихъ отъ притѣсненій и насилій; преступления, совершенныя противъ нихъ, подвергали виновнаго болѣе значительному штрафу, нежели преступления противъ другихъ крестьянъ; они могли свидѣтельствовать въ судѣ подъ присягою; земли, занимаемыя ими, составляли почти полную ихъ собственность, такъ какъ грамотой 917 года позволено даже королевскимъ крестьянамъ продавать часть занимаемыхъ ими казенныхъ земель церквамъ и монастырямъ; въ случаѣ перехода церковной земли въ частныя руки, поселенные на оной крестьяне получали свободу. По древнему закону, утвержденному Дагоберомъ II, королевскіе и принадлежащіе духовенству крестьяне обязаны были платить за земли оброкъ деньгами или произведеніями и кромѣ того отправлять работы. Оброкъ

1, Первые назывались *fiscalins* или *addions*; а вторые — *lites* или *hides*.

заклучался: 1. въ опредѣляемой судьей платѣ, соответствующей десятой части добываемыхъ крестьяниномъ хлѣба, льна и меда; 2. въ особой платѣ за пользованіе лугами, опредѣляемой мѣстнымъ обычаемъ и 3. въ сборѣ съ каждаго крестьянина по 4 цыпенка и по 15 яиць; каждый крестьянинъ кромѣ того обязанъ былъ: огородить, засеять и сжать поле шириною въ четыре перши (1) и длиною въ сорокъ; убрать жатву; скосить одинъ argent (100 квадратныхъ першей) луга и убрать съ него сѣно; обработать одинъ виноградникъ и собрать съ него плоды и наконецъ, за третью часть су (solidus), высѣять, обработать и собрать двѣ мѣры сѣменъ (2). Сверхъ этихъ постоянныхъ обязанностей, на крестьянинѣ лежала поставка лошадей и подводъ; онъ долженъ былъ самъ отправляться съ возами, но не далѣе 50 лье (200 верстъ).

Карлъ Великій смягчилъ эти условія, въ отношеніи къ урочнымъ работамъ, опредѣливъ, что съ крестьянъ слѣдуетъ требовать по одному рабочему дню съ лошадью, волами и упряжью, или по три пѣшіе рабочіе дня въ недѣлю; съ тѣхъ же, которые владѣли весьма малымъ количествомъ земли, еще менѣе. Въ послѣдствіи, во многихъ монастырскихъ имѣніяхъ повинности крестьянъ были тщательно соразмѣрены съ ихъ средствами и подробно обозначены въ особыхъ инвентаряхъ, ограждавшихъ крестьянъ отъ лишнихъ поборовъ.

Независимо отъ преимуществъ, предоставленныхъ крестьянамъ, принадлежащимъ королю и духовенству, для всѣхъ вообще крестьянъ, упоминаемыхъ въ современныхъ документахъ подъ весьма многими названіями, установились мало-помалу въ сущности двѣ главныя степени крѣпостной зависимости: крестьяне, принадлежавшіе къ первой категоріи, назывались *ingé-nus*, *accolae* или иногда *colons libres*; но названіе свободныхъ людей давалось имъ только для различія ихъ отъ крестьянъ, подверженныхъ большей степени зависимости (*servage inférieur*) (3), а не исключало ихъ изъ общаго сословія крѣпост-

(1) Perche—старинная мѣра, длиною 18 до 22 футовъ.

(2) Тогдашній *sol* былъ конечно несравненно дороже теперешняго, который равняется $1\frac{1}{4}$ коп. сер.

(3) Это подтверждается грамотою Карла Лысаго 861 года, гдѣ король говоритъ: «Тутъ пришли люди отъ Св. Дениса (монастырь)... и они сказали что родились поселянами свободными, а монахъ Деодатъ захотѣлъ привести ихъ въ наше рабство.» Очевидно сами крестьяне сознаютъ, что ихъ перевели изъ одной степени крѣпостной зависимости въ другую, а не лишили ихъ полной свободы, для укрѣпленія землѣ.

ныхъ людей, не давало имъ права свободнаго переселенія и не мѣшало господамъ продавать ихъ. Крестьяне втораго разряда назывались колонами-рабами. Первымъ, то есть *ingénus*, предоставлялось больше земли и требовались отъ нихъ повинности, соразмѣрныя съ ихъ средствами, военная служба, конная работа, денежная плата и т. п., вторымъ же, то есть колонамъ-рабамъ, выдѣлялись меньшіе и худшіе участки земли, и за то съ нихъ требовалась ручная только работа, плата зерномъ и низшія личныя услуги: караулъ около замка, вывозъ навоза на поля и т. д. Раздѣленные такимъ образомъ участки земли также получили двойное наименованіе: свободныхъ и крѣпостныхъ, *ingénuiles et serviles*. Когда допущенъ былъ переводъ крестьянъ съ одного участка на другой, то случалось, что люди, принадлежавшіе по рожденію къ первому разряду, переходили на участокъ втораго разряда и на оборотъ; въ подобномъ случаѣ свойство участка измѣняло состояніе получившаго оный крестьянина, который такимъ образомъ переходилъ изъ одной степени зависимости въ другую; бѣльшая же степень зависимости состояла въ правѣ землевладѣльца требовать отъ крестьянъ повинностей болѣе тяжелыхъ, а главное—услугъ, почитавшихся болѣе унижительными. Въ одномъ только отношеніи новое рабство (*servage*) могло быть подъ владычествомъ Франковъ тяжеле, чѣмъ состояніе римскихъ крѣпостныхъ, *glebae adscripti*: владѣльцы получили возможность переводить крестьянъ съ мѣста на мѣсто и продавать ихъ безъ земли, для поселенія на землѣ покупателя; это было впрочемъ необходимымъ послѣдствіемъ уничтоженія невольничества въ прежнемъ смыслѣ слова и прекращенія отдачи земли по свободнымъ договорамъ. При римскомъ владычествѣ, имѣнія, недостаточно заселенныя крѣпостными крестьянами, легко могли быть обрабатываемы въ пользу господина посредствомъ невольниковъ, или розданы по участкамъ въ аренду вольнымъ людямъ;—при владычествѣ же Франковъ, для пополненія недостатка народонаселенія и рабочихъ рукъ въ какомъ-либо имѣніи, необходимо было перевести туда людей изъ другаго имѣнія и раздать имъ незамѣщенныя земли. Впрочемъ переводы эти были рѣдки, и право продавать крестьянъ безъ земли не возвратило ихъ къ состоянію невольничества: они вездѣ сохраняли въ своемъ постоянномъ владѣніи участокъ земли, безпрепятственно пользовались плодами его, по исполненіи лежащихъ на нихъ повинностей,—и господинъ никогда не считалъ своею собственностью весь трудъ и все достояніе крестьянина; самая мѣра повинностей крестьянъ

опредѣлялась не произволомъ владѣльцевъ, а прежнимъ обычаемъ, часто освященнымъ формальными документами; крестьяне могли жаловаться на излишнія съ нихъ требованія. Но законныя повинности ихъ были уже весьма значительны. Прежніе поземельные и поголовные казенные сборы большею частью превратились въ повинности, платимыя владѣльцу. Черезъ то крестьяне избавлены были отъ притѣсненій чиновниковъ; но кромѣ поземельной подати (*impôt*) и личной подати (*taille*), сбиравшейся уже не поголовно, а по числу домовъ или очаговъ (*par feu*), крестьянинъ обязанъ былъ отправлять барщинныя работы, иногда даже до пяти дней въ недѣлю, и платить разные мелкіе сборы за право пасти быковъ и овецъ, за право продажи вина, за каждое заколотое животное и тому подобное; сверхъ того со всѣхъ крестьянъ собиралась десятина въ пользу церкви. Послѣ всего этого, крестьянину едва могло оставаться достаточно средствъ для собственнаго пропитанія. Впрочемъ повинности эти вообще не взыскивались слишкомъ строго, законъ старался оградить разорившихся крестьянъ отъ притѣсненій.

Съ измѣненіемъ положенія крестьянъ, измѣнилось и устройство поземельныхъ владѣній и порядокъ управленія ими. Исчезли прежнія виллы, гдѣ сосредоточивалось хозяйство огромнаго пространства земли, обрабатываемой толпою рабовъ; раздробилась нѣсколько поземельная собственность; уничтожились владѣнія, занимавшія цѣлыя провинціи; несравненно болѣе размножилось число отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Число мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ сказано выше, сдѣлалось совершенно ничтожно. Имѣнія, заключавшія еще довольно значительныя пространства земли, не были уже обрабатываемы непосредственно въ пользу землевладѣльца, а розданы были крестьянамъ по участкамъ за опредѣленную плату деньгами, натурою или работою. Посреди полей возникло множество отдѣльныхъ зданій, гдѣ помѣщались земледѣльцы, и устроено было ихъ хозяйство. Желаніе сблизиться для поданія другъ другу помощи въ случаѣ опасности побуждало впрочемъ крестьянъ строиться не подалеку другъ отъ друга и на мѣстѣ многихъ прежнихъ виллъ возникли селенія, сохранившія прежнее названіе *villa* (1), хотя устройство ихъ было совершенно различное. Новыя виллы заключали въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ; иногда

(1) Слово *villa* было въ послѣдствіи передѣлано въ слово *village*.

въ нихъ была и церковь; нѣкоторыя виллы были укрѣплены; кругомъ виллъ были расположены принадлежавшіе жителямъ оныхъ отдѣльные участки земли (*mansi* или *manse*). Участки эти, которые первоначально содержали въ себѣ въ совокупности столько земли, сколько одинъ человекъ съ двумя волами могъ вспахать въ двѣнадцать дней, въ послѣдствіи получили разнообразный объемъ. Они отдавались иногда въ общее пользованіе нѣсколькимъ семействамъ; иногда же одинъ крестьянинъ владѣлъ нѣсколькими участками; малые участки назывались *demi manse* и *quart de manse*.

Управленіе королевскими имѣніями, судъ и расправа между крестьянами и сборъ податей и повинностей въ этихъ имѣніяхъ, предоставлены были судьямъ (*judices*), головамъ (*majoros*), деканамъ и низшимъ должностнымъ лицамъ (*juniores*), которыя избирались изъ средняго сословія. Имъ воспрещено было принимать подарки отъ крестьянъ, кромѣ мелкихъ вещей, какъ-то фруктовъ, яицъ и т. п. Судьи эти были вмѣстѣ и управляющими королевскихъ дворцовъ, находившихся въ имѣніяхъ, которыя король навѣщалъ въ хорошее время года. Имѣнія духовенства управлялись подобно казеннымъ имѣніямъ; только управляющій носилъ названіе не судьи, а викарія (*vicarius*). Вознагражденіе чиновникамъ этимъ опредѣлялось частію деньгами, частію произведеніями земли, частію уступкою имъ поземельнаго участка. Мѣста эти считались весьма выгодными, и многіе ихъ добывались. Конечно, новые управители были не всегда вполне безкорыстны, но злоупотребленія ихъ далеко не напоминали притѣсненій прежнихъ римскихъ управляющихъ (*villicus*) и казенныхъ сборщиковъ податей.

Въ частныхъ имѣніяхъ, крестьяне не могли быть дѣйствительно ограждены отъ произвола господъ своихъ; конечно существовала освященная древнимъ обычаемъ, а иногда и особою грамотою норма, опредѣлявшая мѣру повинностей крестьянъ; были законы, опредѣлявшіе степень взысканія, коему крестьяне подвергались за рѣзныя проступки; но не было власти, которая бы могла съ успѣхомъ и постоянно слѣдить за исполненіемъ этихъ законовъ дворянами, которые были единственными властителями и судьями въ округѣ своихъ имѣній: только духовенство вступалось за угнетенныхъ крестьянъ, ходатайствовало о нихъ передъ господами и даже давало имъ убѣжища въ церквахъ и монастыряхъ; власть королей, въ отношеніи къ гражданскому управленію государства, не была велика; они не имѣли вездѣ безпре-

кословныхъ исполнителей своей воли; притомъ до королей жалобы крестьянъ рѣдко доходили; но въ подобныхъ случаяхъ они издавали указы, клонившіеся къ огражденію угнетенныхъ. Со всѣмъ тѣмъ, сколько теперъ можетъ быть извѣстно, жестокія притѣсненія крестьянъ были въ то время случаями исключительными.

Вообще, не говоря уже объ уничтоженіи невольничества, самое рабство (*servage*) было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ легче, чѣмъ положеніе прежнихъ *glebae adscripti*. Крестьянамъ запрещено было правда вступать въ бракъ безъ согласія господина; но это было слѣдствіемъ укрѣпившагося понятія о нерасторгаемости брака и о непозволительности раздробленія семействъ, такъ какъ съ другой стороны, при тогдашнихъ понятіяхъ о крѣпостномъ правѣ, дворяне не хотѣли лишаться навсегда людей своихъ, вступавшихъ въ бракъ съ чужими или свободными людьми. За побѣгъ рабы наказывались розгами, а не смертною казнью или отнятіемъ руки или ноги, какъ то дѣлалось при Римлянахъ; рабы получили право носить оружіе, для собственной обороны; они могли утѣшаться наслажденіями семейнаго быта; у каждаго былъ свой домъ, свой очагъ, около котораго собиралось все его семейство, послѣ домашнихъ трудовъ. Конечно, труды крестьянъ были велики, обязанности ихъ къ господамъ были тяжелы, но все же обязанности эти были ограничены и по исполненіи ихъ все сверхъ того добытое трудомъ крестьянина составляло его неотъемлемую собственность. Крестьяне были Франками возведены на степень гражданъ: слѣдуя за господами своими на войну, они участвовали въ оборонѣ государства; временная военная служба, дозволеніе носить оружіе и слѣдовательно сопротивляться насиліямъ, возвысили личное достоинство крестьянъ. Вскорѣ крестьяне убѣдились, что во многихъ случаяхъ безопасность ихъ требуетъ тѣснаго ихъ между собою союза. Вслѣдъ за образованіемъ селеній, замѣнившихъ прежнія виллы, начали составляться между крестьянами союзы, названные *conjurations*, потому что каждый членъ клялся быть вѣрнымъ интересамъ общества; на тевтонскомъ нарѣчій эти союзы, послужившіе основаніемъ развившемуся въ послѣдствіи общинному устройству, назывались гильдіями. Господа и само правительство съ опасеніемъ смотрѣли на образованіе этихъ союзовъ; короли, подъ страхомъ строгихъ взысканій, воспрещали составленіе всякихъ обществъ и союзовъ между крестьянами.

Улучшенію положенія крестьянскаго сословія всего болѣе

содѣйствовало духовенство: оно учредило по деревнямъ просто-народныя школы; оно внушило дворянамъ глубокое уваженіе въ святости брачнаго союза, такъ что и бракъ, совершенный крестьянами безъ разрѣшенія господъ своихъ, не могъ быть расторгнутъ. Духовенство было единственное высшее сословіе доступное для крестьянъ; за то число крестьянъ, поступавшихъ въ монастыри и получавшихъ священство, сдѣлалось скорѣ такъ велико, что признано было необходимымъ въ IX вѣкѣ воспретить епископамъ посвящать крѣпостныхъ людей въ духовный санъ безъ согласія господъ ихъ. Неизвѣстные люди, приходившіе въ монастыри, не могли, ранѣ трехъ лѣтъ по прибытіи, постригаться въ монашество, дабы въ случаѣ еслибъ они оказались бѣглыми, господа имѣли время вытребовать ихъ къ себѣ.

III.

Съ XI вѣка .начинаетъ имѣть сильное вліяніе на бытъ крестьянскаго сословія во Франціи развитіе тамъ феодальной системы. Все народонаселеніе раздѣляется на три сословія отдѣльныя другъ отъ друга, не имѣющія общихъ интересовъ и находящіяся между собою почти въ непріязненныхъ отношеніяхъ: высшее сословіе составляютъ дворяне и духовенство, то есть воины и ученые люди; второе мѣсто занимаетъ городское сословіе (*les bourgeois*), то-есть городскіе жители, занимающіеся промышленностью и торговлею; за ними наконецъ слѣдуютъ крестьяне, то-есть все сословіе земледѣльцевъ. Правительства, то-есть власти, въ рукахъ которой сосредоточивались бы всѣ нити управления, при полномъ господствѣ феодальной системы существовать не могло. Король не былъ въ полномъ смыслѣ главою всего государства, онъ не имѣлъ прямой и непосредственной власти надъ всѣми частями своего государства и надъ всѣми сословіями гражданъ; онъ стоялъ только въ главѣ вышшаго сословія и составлялъ первое звено огромной сѣти взаимныхъ правъ и обязанностей, изъ коихъ сшлетено было феодальное устройство. Три государственныя сословія жили отдѣльною другъ отъ друга жизнью: дворяне и духовные жили въ своихъ замкахъ и монастыряхъ праздно, когда первые не были заняты войною, а послѣдніе науками; горожане исключительно

предавались промышленности и торговлѣ; крестьяне, безпрестаннымъ земледѣльческимъ трудомъ, снискивали себѣ средства къ пропитанію и къ исполненію лежавшихъ на нихъ повинностей. Съ горожанами крестьяне сходились только въ положенные торговые дни для обмѣна произведеній. Въ частной жизни лица разныхъ сословій чуждались другъ друга; каждый замокъ или монастырь, каждый городъ и каждое селеніе представляли отдѣльное цѣлое, мало имѣвшее общаго со всѣмъ окружающимъ его населеніемъ; однако всѣ эти многочисленныя небольшія общества были вмѣстѣ опутаны общою сѣтью феодальныхъ отношеній, связывавшихъ ихъ въ одно цѣлое и составлявшихъ изъ нихъ государство. Феодальная система не была придумана законодателемъ: она сама развилась въ странѣ силою событій, подъ влияніемъ современнаго духа народнаго, и дѣйствию ея подверглись мало-по-малу всѣ сословія и всѣ гражданскія отношенія. Дворяне владѣли своими землями (*fiefs*) на ленномъ правѣ, то-есть, съ правомъ собственности на землю, они принимали на себя извѣстныя обязанности въ отношеніи къ главному владѣльцу, *suzerain*, въ округѣ коего земли ихъ находились и коему они были въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчинены; *сюзеренъ*, въ свою очередь, былъ такимъ же порядкомъ подчиненъ, въ качествѣ вассала, высшему сюзерену, а высшіе сюзерены королю. Притомъ зависимость вассаловъ отъ сюзерена не относилась прямо къ личности ихъ, и была сопряжена съ владѣемыми ими землями, то-есть сюзеренъ считался главнымъ владѣльцемъ находящихся въ его округѣ земель, а вассалы его, пользуясь какъ бы неполнымъ правомъ собственности на свои земли, подчинялись, за владѣніе этими землями, извѣстнымъ обязанностямъ въ отношеніи къ главному владѣльцу; но вассалъ, продавшій свои земли, чрезъ это самое выходилъ изъ зависимости сюзерена. Эти отношенія сильно отразились и на отношенія крестьянъ къ господамъ своимъ; личная подчиненность крестьянъ смягчилась, и обязанности ихъ въ отношеніи къ господамъ были исключительно постановлены въ зависимость отъ свойства владѣемыхъ ими участковъ земли, которые стали уподобляться мелкимъ ленамъ (*fiefs*). Изъ этого возникли особыя поземельныя отношенія, при которыхъ дворяне являлись не личными владѣльцами самихъ крестьянъ и не полными собственниками владѣемой крестьянами земли, а только владѣльцами извѣстныхъ правъ, сопряженныхъ съ крестьянскими землями. Отъ самаго свойства правъ этихъ зависѣла и большая или меньшая степень подчиненности крестьянъ и различныя ихъ

наименованія, замѣнившія прежнія подраздѣленія. Права господъ заключались главнымъ образомъ въ требованіи съ крестьянъ: 1. подушной подати и 2. особой платы, взимаемой при вступленіи въ бракъ крестьянъ (*droit de formariage*) и при погребеніи ихъ (*droit de mainmorte*). Последнія двѣ платы особенно были тяжелы и противны крестьянамъ; не всѣ были подчинены этой повинности, и освобожденіе отъ ней ставило крестьянъ на степень меньшей зависимости отъ господъ. Платившіе такъ-называемую *mainmorte* получили названія *mortuables* или *hommes de poté* и *vilains* (поселяне, отъ слова *villa*, село; слово *poté* происходитъ отъ слова *potestas*, которая во Франціи тоже имѣла тогда значеніе селенія), а крестьяне, освобожденные отъ этой, по ихъ понатіямъ унизительной обязанности, назывались сперва *colliberts* (*colli libertus*, освобожденный отъ ярма), а потомъ *hôtes*, хозяевами.

Изъ всего этого можно заключить, что феодальная система имѣла довольно благотѣльное вліяніе на крестьянское сословіе во Франціи; развѣвъ нѣсколько личное и нравственное значеніе крестьянъ, она подготовила имъ путь къ улучшенію ихъ быта въ будущемъ, если нѣ успѣла упрочить ихъ матеріальное благосостояніе. Конечно, въ то время, и при меньшей степени законной зависимости, положеніе крестьянъ не могло быть обезпечено противъ произвола сильныхъ и необузданныхъ господъ, которые, расточая свои богатства въ войнахъ и пиршествахъ, мало думали объ улучшеніи благосостоянія крестьянъ. Епископы, пренаивно утверждая, что самъ Богъ раздѣлилъ людей на три разряда и назначилъ духовенству молиться, дворянству сражаться, а крестьянамъ работать и всѣхъ кормить, заботились преимущественно объ увеличеніи своихъ доходовъ. Однако духовенство, какъ сословіе, старалось обрадовать крестьянъ отъ преслѣдованій буйныхъ бароновъ; не будучи въ состояніи совершенно отвратить самоуправство ихъ, оно учредило постоянныя перемирія (*trêve de Dieu*), въ теченіе которыхъ всякія военныя дѣйствія и преслѣдованія со стороны дворянъ должны были прекращаться; перемирія эти начинались еженедѣльно въ среду по захожденіи солнца и простирались до восхожденія солнца въ понедѣльникъ; церкви и монастыри сдѣлались убѣжищами, открытыми для угнетенныхъ; страшныя церковныя проклятія служили оружіемъ противъ притѣснителей.

Вскорѣ послѣ того, какъ феодальная система достигла во Франціи полнаго своего развитія, начинается появляться въ кре-

стянахъ стремленіе къ облегченію своей личной зависимости, хотя бы даже приводилось имъ принимать на себя за это нѣкоторыя новыя повинности. Это явленіе постепенно развивается въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, и дворяне мало по малу теряютъ существенную власть свою, получая взамѣнъ ея новыя подати и наружный почетъ.

Интересно разсмотрѣть подробнѣе: въ какомъ положеніи были крестьяне во времена феодальныя, въ чемъ заключались ихъ повинности и каковы были отношенія ихъ къ помѣщикамъ.

Какъ сказано выше, узы крѣпостнаго состоянія значительно ослабли, самое слово рабъ (serf) начало выходить изъ употребленія и было замѣнено словомъ *villain*, поселянинъ. Не имѣя права отнимать у крестьянъ земли, дворяне потеряли полную собственность, какъ на самихъ крестьянъ, такъ и на земли; они сохранили только право на полученіе съ крестьянъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ прежнимъ обычаемъ, повинностей, которыя они измѣнить или увеличить произвольно не могли; за то при уступкѣ каждой частички своего политическаго значенія, прежней власти, cadaго древняго господскаго преимущества, дворяне требовали съ крестьянъ, взамѣнъ этого, какой либо новой повинности, или матеріально для нихъ выгодной, или представляющей одинъ пустой обрядъ, льстившій ихъ тщеславію; вслѣдствіе такихъ сдѣлокъ повинности крестьянъ размножились до неимовѣрности. Поголовныя подати въ пользу короля взымались весьма рѣдко, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, когда правительство особенно нуждалось въ деньгахъ; по этому, кромѣ господскихъ повинностей, на крестьянъ падалъ только одинъ тяжелый налогъ, именно *десятина* (la dîme) въ пользу духовенства. Со всего приобрѣтаемаго крестьяниномъ, не только съ собраннаго имъ хлѣба, но съ ягнятъ, козлятъ, свиней, куръ, съ шерсти, сыру и т. п., — десятая часть принадлежала церкви, и сборъ этотъ производился чрезвычайно строго. Кромѣ этого духовенство требовало особыхъ взносовъ, по случаю большихъ праздниковъ и для пособія бѣднымъ приходскимъ священникамъ.

Господскія повинности раздѣлялись на поземельныя и личныя.

Поземельныя подати собирались деньгами, хлѣбомъ, виномъ, домашними животными, бревнами и другими вещами; или замѣнялись отчасти барщинною работою; притомъ съ крестьянина почти никогда не взымалась подать лишь только деньгами, или однимъ какимъ-либо родомъ произведеній; на немъ въ одно и то же время лежали многія разнородныя повинности, имѣвшія

кажда особое названіе, какъ-то: денежный оброкъ (le cens); пошлина при продажѣ земли однимъ крестьяниномъ другому (ventes или lods et ventes) (1); сборъ части жатвы (champart); сборъ со скота, съ домашнихъ птицъ, съ масла, сыру, меду, воску и т. п.; натуральныя повинности, а именно: обязанность принимать у себя господина въ извѣстныхъ случаяхъ, напримеръ, во время охоты, угощать его и кормить его людей, лошадей и собакъ (droit de gîte); обязанность постоянно кормить господскую охотничью свору собакъ (droit de brennée).

Достоинно замѣчанія, что исчисленныя выше повинности, какъ повинности чисто поземельныя, отправлялись часто не только крестьянами, но и духовными лицами и даже дворянами, коль скоро они владѣли участкомъ земли, обложеннымъ такою податью въ пользу владѣльца имѣнія, въ округѣ коего тотъ участокъ находился. А какъ никакое лицо не освобождалось отъ исполненія лежащихъ на землѣ его повинностей, какъ повинности эти составляли принадлежность не лица, а извѣстнаго имѣнія, и какъ лица не дворянскаго происхожденія могли вездѣ приобрѣтать земли, то могло случиться, что не дворянинъ (un roturier) имѣлъ, по праву владѣльческому, возможность требовать подобныхъ повинностей съ дворянина, владѣвшаго подчиненнымъ участкомъ земли. Трудно согласить это обстоятельство съ дворянскою гордостью того времени. Поземельныя повинности, довольно обременительныя уже сами по себѣ, дѣлались иногда невыносимыми вслѣдствіе притѣсненій сильныхъ бароновъ или злоупотребленій ихъ управителей. Особенно много возбуждало жалобъ часто довольно неопредѣленное право дворянъ на постой (droit de gîte); нѣкоторые господа наѣзжали въ селенія съ огромными свитами и приводили крестьянъ въ совершенное разореніе; управляющіе требовали присыпу при сборѣ хлѣба и вообще не упускали случая появиться отъ крестьянъ. Злоупотребленія эти не разъ обращали на себя вниманіе высшихъ властей, свѣтской и духовной, и виновные подвергались взысканіямъ и отлученію отъ церкви.

Чисто-личныя повинности (то-есть такія, кои лежали непосредственно на крестьянахъ, вовсе не зависѣли отъ принадлежности ихъ къ какому-либо имѣнію и одинаково съ нихъ взымались, гдѣ бы они ни находились, и даже въ случаѣ, еслибъ они оста-

(1) Какъ мало дворяне могли себя считать полными собственниками земли, видно изъ того уже, что крестьяне могли продавать другъ другу земли, которыми владѣли.

вили свой участокъ земли) очевидно, должны были исчезнуть съ ослабленіемъ крѣпостнаго состоянія, когда повинности крестьянъ сдѣлались исключительно принадлежностью земли, или по крайней мѣрѣ слѣдствіемъ водворенія ихъ въ господскихъ владѣніяхъ. Личныя повинности эти были еще весьма многочисленны въ XI вѣкѣ; онѣ уже весьма рѣдки въ XIII; но на крестьянахъ, жившихъ въ предѣлахъ господскаго владѣнія, лежали нѣкоторыя повинности, кромѣ тѣхъ, кои были прямо разложены на землю. Повинности эти отличались отъ поземельныхъ тѣмъ, что они лежали исключительно на проживавшихъ въ господскихъ владѣніяхъ крестьянахъ (*vilains*), а не касались дворянъ и духовныхъ, проживавшихъ на тѣхъ же земляхъ, и платившихъ за свои земли однѣ поземельныя повинности. Повинности личныя были: 1) *Поголовный сборъ* (*capitation* или *chevage*), который постоянно взимался въ одинаковомъ размѣрѣ (обыкновенно по четыре *deniers*) съ каждаго крестьянина, независимо отъ поземельнаго оброка (*cens*). 2) *Случайный сборъ* (*la taille*), который взимался съ крестьянъ не постоянно, а при извѣстныхъ только обстоятельствахъ, какъ-то: когда господинъ посвящалъ сына своего въ рыцари; когда онъ выдавалъ дочь замужъ; когда онъ отправлялся въ походъ въ Палестину; когда господинъ былъ взятъ въ плѣнъ непріателемъ, и т. д. Число подобныхъ случаевъ иногда произвольно умножалось господами; но крестьяне могли жаловаться сюзерену на неправильное съ нихъ требованіе случайнаго сбора; впрочемъ сборъ этотъ (*la taille*) не былъ еще въ феодальныя времена поводомъ къ частому притѣсненію крестьянъ. Кромѣ этого, господа пользовались нѣкоторыми случайными доходами съ штрафовъ, взимаемыхъ за преступленія. 3) *Сборъ за дозволеніе вступить въ бракъ* (*formariage*); сборъ этотъ возникъ по случаю выхода крестьянокъ въ замужество въ чужія имѣнія, или за вольныхъ людей, и былъ особенно для крестьянъ непріятенъ. Не всѣ крестьяне были этому сбору подвержены; платившіе по этому самому считались на низшей степени крѣпостной зависимости и обыкновенно были вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены и другому сбору, подъ названіемъ *mainmorte*, который взимался, въ случаѣ смерти крестьянина, съ наслѣдниковъ его; значеніе послѣдняго сбора нѣкоторые объясняютъ такъ: помѣщикъ при существованіи рабства былъ наслѣдникомъ своихъ крестьянъ; тутъ же онъ, какъ бы отказываясь отъ наслѣдства, бралъ за то съ наслѣдниковъ умершаго извѣстную подать; отъ этого-то, можетъ-быть, взиманіе *mainmorte* и считалось какъ бы печатью крѣ-

постной зависимости, такъ что изъ жившихъ въ одномъ помѣстьѣ крестьянъ, одни, платившіе *mainmorte* и *formariage*, назывались крѣпостными, а другіе, не платившіе этихъ податей, считались свободными, хотя впрочемъ тѣ и другіе находились въ совершенно-одинакихъ отношеніяхъ къ господину. 4) *Натуральныя повинности* крестьянъ заключались: а) въ обязанности нести, подъ начальствомъ господина своего, военную службу; изъ крестьянъ составлялось обыкновенно пѣхотное войско; б) въ обязанности доставлять матеріалы, и работать при сооруженіи и поправкѣ укрѣпленій около господскихъ замковъ, и содержать у замка караулъ; в) въ барщинныхъ работахъ, которыя впрочемъ не были часты: такъ по обычаямъ провинціи Оверни, работы эти ограничивались 12-ю днями въ году; иногда крестьяне откупались отъ барщины денежнымъ взносомъ; и г) въ почетныхъ обрядахъ; должно замѣтить, что въ феодальныя времена почетныя обряды служили только знакомъ подчиненности вассала своему сюзерену и были обязательны не для однихъ крестьянъ, но и для дворянъ, занимавшихъ земли, подчиненныя сюзерену; только въ послѣдующіе вѣка обязанности эти приняли унижительный для крестьянъ характеръ, и перешли въ безнравственныя и возмутительныя преимущества, присвоенныя себѣ дворянами, какъ на примѣръ, право на первую брачную ночь каждой крестьянской невѣсты.

Все вышеизложенное достаточно кажется показываетъ, что во времена феодальныя право собственности дворянъ простиралось уже не прямо на личность крестьянъ, а на повинности, платимыя ими по древнимъ обычаямъ, или по особому условію (когда для пріобрѣтенія большей независимости, крестьяне добровольно предлагали за то новыя подати); при продажѣ имѣній, продавались не люди, а право на полученіе съ нихъ повинностей (1). Господинъ могъ отыскивать скрывшагося крестьянина, но не какъ собственность свою, а какъ должника; это видно изъ того, что при спорѣ двухъ господъ о принадлежности имъ крестьянина,

(1) Доказательствомъ этому можетъ служить то, что въ раздѣльномъ актѣ между двумя монастырями, три *рыцаря* переданы съ ихъ землями, съ тѣмъ, чтобъ они платили пріобрѣтателю имѣнія свободную подать (*un libre seruage*). Слѣдовательно даже рыцари, которые очевидно не могли считаться крѣпостными, могли переходить изъ рукъ въ руки съ своими участками; но при этомъ, конечно, передавалось одно право на полученіе съ нихъ повинностей за землю. Акты же о передачѣ крестьянъ писались въ такихъ же выраженіяхъ, какія тутъ примѣнены къ дворянамъ.

дѣло иногда рѣшалось показаніемъ самого отыскиваемого крестьянина, то—есть отъ крестьянина узнавали, кому онъ прежде платилъ повинности, и кому принадлежитъ на нихъ право; въ этомъ случаѣ крестьянинъ представлялъ какъ бы свободнаго свидѣтеля; раба, конечно, не стали бы спрашивать, кому изъ двухъ господъ онъ принадлежитъ, и не могли бы положиться на его показанія. Крестьяне получили, съ развитіемъ феодальной системы, право на постоянное наследственное пользованіе своими землями, которыя представляли своего рода мелкіе лены (fiefs), и право свободно располагать личнымъ своимъ имуществомъ; но какъ земли, находившіяся во владѣніи крестьянъ, составляли не полную собственность ихъ, то и порядокъ наследованія этими землями былъ ограниченъ постановленіями, ограждавшими интересъ господъ, которые имѣли право на полученіе съ владѣльцевъ земель этихъ извѣстныхъ повинности; такимъ образомъ эти земли не могли переходить по наследству къ женщинамъ, такъ какъ онѣ не въ состояніи были бы нести определенныхъ личныхъ повинностей; за неимѣніемъ у крестьянина прямыхъ наследниковъ мужескаго пола, земля возвращалась господину, который могъ передать ее другому. Въ правилахъ относительно частнаго права крестьянъ, существовали большія мѣстные различія въ разныхъ частяхъ Франціи; въ каждой провинціи были свои обычаи (coutumes), сведенные иногда въ особые уложения; многіе господа выдавали своимъ крестьянамъ особые хартіи (chartes), опредѣлявшія ихъ права и обязанности. Большею частью, однако, всѣ крестьяне, какъ сохранившіе еще названіе рабовъ, такъ и называемые свободными, могли по произволу переходить отъ одного господина къ другому, съ тою только разницею, что уходившіе свободные люди отказывались только отъ земли, но уносили съ собою движимое свое имущество, а рабы (les serfs proprement dits) лишались и движимаго своего имущества въ пользу прежняго господина (1). Это правило неопровержимо доказываетъ, что и такъ-называемые рабы уже не были укрѣплены землѣ, и что право господина простиралось лишь на ихъ повинности, а въ обезпе-

(1) *Licetum erit omnibus hominibus qui possunt talliari transire a dominio unius ad dominium alterius, pro voluntate sua... alii vero qui dicuntur homines proprii servi poterunt similiter transire liberi ad dominium alterius, non solum relicta haereditate et hortisia, sed mobilibus priori domino suo.* Coutumes de Monfort. Thesaur. anecdot. tom. I p. 831.

ченіе повинностей, и на ихъ движимое имущество. Господинъ творилъ судъ и расправу надъ всѣми жившими въ предѣлахъ его владѣній, безъ различія состояній. Въ случаѣ неправильности господскаго суда, крестьянинъ могъ принести апелляціонную жалобу сюзерену. На основаніи королевскаго указа 1260 года, повелѣно было удостовѣряться въ неправильности судебного рѣшенія допросами свидѣтелей; а до того времени справедливость жалобы доказывалась поединкомъ. Въ подобныхъ случаяхъ крестьянину приходилось иногда драться съ дворяниномъ. Выборъ оружія принадлежалъ отвѣтчику; крестьяне сражались между собою пѣшіе; когда крестьянинъ вызывалъ на поединокъ дворянина, то первый сражался пѣшій, а дворянинъ верхомъ въ полномъ вооруженіи.

IV

Положеніе крестьянъ, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, значительно улучшилось: изъ рабовъ, продаваемыхъ съ землею и безъ земли, они почти сдѣлались наслѣдственными арендаторами, имѣющими право перехода отъ одного владѣльца къ другому; но перемѣна эта совершилась не вдругъ, а постепенно, въ теченіе трехъ вѣковъ, съ X по XIV вѣкъ. Крестьяне, мало-по-малу, отдѣльными вотчинами, выкупали свою свободу посредствомъ единовременныхъ взносовъ деньгами или уступкою въ пользу господъ новыхъ повинностей; постоянныя барщинныя работы, услуги и обязанности, считавшіяся унижительною печатью рабской зависимости, крестьяне выкупали полатами, представлявшими для господъ матеріальныя выгоды. Нужда въ деньгахъ и затрудненія, простиравшія отъ частыхъ побѣговъ крестьянъ, побуждали господъ къ увольненію ихъ; но цѣна выкупа часто возвышаема была тѣмъ обстоятельствомъ, что по феодальнымъ законамъ, на увольненіе крестьянъ требовалось согласіе сюзерена, и крестьяне должны были удовлетворять и его, независимо отъ непосредственнаго своего владѣльца.

Между тѣмъ правительство съ своей стороны начало содѣйствовать освобожденію крестьянъ. Лудовикъ X въ предисловіи къ декрету, данному 3-го іюля 1315 г., говоритъ, что въ государствѣ Франковъ (іганс значитъ свободный) всѣ должны родиться сво-

бодными, чтобы самое дѣло согласовалось съ названіемъ (1). Однако и Лудовикъ X кажется былъ побуждаемъ къ увольненію своихъ крестьянъ нуждою въ деньгахъ, потому что онъ не оставилъ крестьянамъ откупаться добровольно, а приказалъ принуждать ихъ къ тому, еслибы кто изъ нихъ «подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ не захотѣлъ воспользоваться дарованною имъ великою милостію и предпочелъ остаться въ крѣпостномъ состояніи.»

Соглашаясь охотно на продажу крестьянамъ личной свободы, дворяне однако долго старались воспрепятствовать имъ образоваться изъ себя общества, потому что возникавшіе союзы крестьянъ постоянно возбуждали опасенія дворянства. Но старанія дворянства были безуспѣшны. Въ началѣ крестьяне сближались другъ съ другомъ и составляли оборонительные союзы, для огражденія себя отъ насилій, бывшихъ слѣдствіемъ общественныхъ безпорядковъ, междоусобныхъ войнъ бароновъ и несогласій между дворянами и королемъ, при коихъ правительство не имѣло возможности съ успѣхомъ преслѣдовать грабежи; такъ въ XII вѣкѣ составилось между крестьянами нѣсколько союзовъ, для обороны противъ разбойничьихъ шаекъ. Въ XII и XIII вѣкахъ стали появляться въ селеніяхъ странники, грубо одѣтые, отказывавшіе себѣ во всемъ кромѣ самаго необходимаго, которые всенародно проповѣдывали строгія правила нравственности, а между тѣмъ открыто порицали роскошь и развратъ, распространившіеся между дворянствомъ и духовенствомъ. Проповѣдниковъ этихъ народъ принималъ и слушалъ съ восторгомъ; иногда, подъ вліяніемъ рѣчей ихъ, крестьяне возставали противъ господъ своихъ и разоряли ихъ замки; потомъ религіозный энтузіазмъ побудилъ крестьянъ ополчаться толпами на борьбу съ невѣрными; эти безпорядочныя толпы, бродившія по Франціи, были грознѣе для дворянства нежели для Сарацынъ. Временныя волненія эти наконецъ утихли; но мысль о пріобрѣтеніи общественной самостоятельности и о союзѣ между собою, для противодѣйствія произволу господъ, укоренилась въ крестьянахъ. Освобожденіе крестьянъ во многихъ имѣніяхъ и необходимость для крестьянъ заключать при этомъ условія съ госпо-

(1) Nous, considérant que Nostre royaume est nommé le royaume des Francs, et veillant que la chose en verité soit accordant au nom et que la condition des gens amende de Nous en la venue de Nostre nouvel gouvernement... etc.

дами и избирать для того изъ среды себя представителей, развили въ крестьянахъ понятія о составѣ обществъ и объ управленіи ими. Къ интересамъ личнымъ и семейнымъ, присоединились интересы общественные, которые нуждались въ особыхъ зашитникахъ.

До XIII вѣка селенія управлялись головами или мерами (*maïores*), которые назначались помѣщиками изъ числа крѣпостныхъ крестьянъ; меръ, какъ крестьянинъ, пользовался наследственнымъ участкомъ земли, но кромѣ того онъ, по должности своей, владелъ еще особою землею (*maïrie*), которая, какъ и самая должность его, не переходила по наследству; а если земля эта и должность и назначались, по смерти мера, его сыну, то съ него требовалась клятва, что онъ не будетъ считать землю эту наследственною собственностію. Какъ видно, дворянство боялось, чтобы меры не сдѣлались властію, отъ нихъ независимую. Обязанности меразаключались въ сборѣ податей, въ задержаніи преступниковъ и въ исполненіи другихъ судебныхъ и полицейскихъ распоряженій; самая же власть судебная была въ рукахъ господина. Съ XIII вѣка меры начинаютъ приобрѣтать права, прежде принадлежавшія однимъ господамъ. Уже въ 1215 году, въ грамотѣ, данной герцогомъ бургонскимъ жителямъ Рувра, судъ и расправа надъ ними предоставлены меру и двумъ его помощникамъ; вотъ уже начало общественнаго управленія; въ рукахъ мера находится уже власть судебная, а не только исполнительная. Изъ другой грамоты Филиппа, герцога бургонскаго, 1371 года, видно, что въ селѣ Бюрре, при увольненіи крестьянъ и при освобожденіи ихъ отъ платежа *mainmorte* и *formariage*, кромѣ мера, назначены выборные для завѣдыванія общественною казною и присяжные для суда. Подобнымъ образомъ крестьянскія общества, одно за другимъ, мало-по-малу выходили изъ-подъ господской власти. Дарованіе крестьянамъ личной свободы повлекло за собою утвержденіе общественной самостоятельности ихъ, и дворянство не могло уже отказать крестьянамъ въ правѣ, хотя отчасти, управляться самимъ собою. Господа уступали часть своей власти обществамъ, изъ опасенія, чтобы у нихъ насильно не отняли ее всю. Таково было во Франціи начало общинъ, *communes*. При всемъ томъ, какъ освобожденіе крестьянъ не было мѣрою общею, и совершалось особо въ каждомъ имѣніи, то остались нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности, гдѣ еще долгое время спустя существовало крѣпостное состояніе, хотя и въ весьма смягченномъ, противъ прежняго, видѣ.

Личная свобода, общественная самостоятельность и обезпеченіе правъ собственности, пріобрѣтенныя многими крестьянами, имѣли весьма благотѣльное вліяніе на матеріальное благосостояніе ихъ; какъ скоро крестьянинъ былъ увѣренъ въ томъ, что никто у него не отниметъ всѣхъ плодовъ его труда, что по исполненіи имъ своихъ повинностей все сверхъ того пріобрѣтенное имъ обратится въ его неотъемлемую собственность, что и обрабатываемый имъ участокъ земли принадлежитъ ему или по крайней мѣрѣ всегда останется въ его наслѣдственномъ пользованіи, онъ могъ усердно и бодро трудиться для обезпеченія благосостоянія своего и своего семейства; онъ сталъ болѣе заботиться объ улучшеніи почвы, не боялся обнаруживать своего довольства и на добытыя деньги покупать недвижимую собственность. Появилось много богатыхъ крестьянъ, которые стали жить не хуже мѣщанъ и даже иныхъ господъ. Однако улучшеніе положенія крестьянъ не сблизило ихъ съ дворянствомъ. Крестьяне видѣли со стороны дворянъ одно презрѣніе и желаніе воспользоваться ихъ деньгами; они сознавали, что не забота о ихъ благосостояніи, а нужда въ деньгахъ побудила дворянство сдѣлать имъ тѣ уступки, коими они пользовались; съ другой стороны, дворянство, потерявъ свою власть надъ крестьянами и полную собственность крестьянской земли, утратило видимое основаніе на право требовать съ крестьянъ повинностей: свободный крестьянинъ, владѣющій господскою землею по контракту, платитъ господину за землю; крѣпостной крестьянинъ, состоя въ полной зависимости господина, состоитъ вмѣстѣ подъ прямымъ его покровительствомъ и въ случаѣ бѣдности получаетъ отъ него пособіе; эти взаимныя обязанности между господами и крестьянами порождаютъ между ними отношенія, при коихъ крестьянину рѣдко приходитъ въ голову задать себѣ вопросъ: справедливо ли господинъ требуетъ съ него повинности? крестьянинъ доволенъ, когда повинности эти умѣренны, и господинъ обращается съ нимъ не слишкомъ строго, а главное—справедливо. Но когда крестьянинъ считаетъ полученный имъ по наслѣдству отъ отца и дѣда участокъ земли полною своею собственностію, когда господинъ, не принимающій никакого участія въ распоряженіи крестьянами, представляется для нихъ лицомъ совершенно чужимъ, ни чѣмъ болѣе какъ богатымъ сосѣдомъ, пользующимся, по праву рожденія, особыми преимуществами, тогда трудно крестьянину понять, съ какого права сосѣдъ этотъ требуетъ съ него подушную подать, разные другіе сборы и личныя услуги. Происхожденіе этихъ повинно-

стей, худшее положеніе крестьянъ въ предшествовавшія столѣтія, были мало извѣстны новому поколѣнію, и такимъ образомъ понятно, почему крестьяне въ XIV вѣкѣ, несмотря на улучшеніе ихъ быта, стали считать себя сословіемъ несправедливо угнетеннымъ и стали взирать на дворянство съ чувствами зависти и негодованія. Эти чувства были зародышемъ вѣками подготовившейся французской революціи 1789 года. Дворянство, съ своей стороны, мало старалось примириться съ крестьянскимъ сословіемъ и привязать его къ себѣ. Оно считало крестьянъ существами низшаго разряда, которыя предназначены самимъ Провидѣніемъ на службу высшимъ сословіямъ; оно было убѣждено, что строгостью только и притѣсненіями можно удержать крестьянъ въ покорности, что самая природа ихъ располагаетъ ихъ ко всѣмъ порокамъ, что ласкою и снисхожденіемъ можно только ободрить крестьянъ на возмущеніе. Всѣ эти понятія ярко выражаются въ сочиненіяхъ современныхъ труверовъ (1). Вскорѣ самое слово *vilain*, означавшее въ этимологическомъ значеніи своемъ *поселянина*, стало употребляться въ бранномъ смыслѣ, и сохранивъ этотъ только смыслъ въ послѣдствіи, теперь переводится словомъ *скверный*, или *гадкій*.

Такимъ образомъ дворянское и крестьянское сословіе становились все болѣе и болѣе чуждыми другъ другу; между ними постепенно развивались враждебныя отношенія, и въ сердцахъ крестьянъ скоплялось негодованіе, обнаружившееся въ оставшихся отъ того времени народныхъ пѣсняхъ и басняхъ, и грозившее разразиться въ будущемъ страшною бурей.

Между тѣмъ стало распадаться древнее и сложное зданіе феодальнаго государственнаго устройства. Правительственная власть сосредоточивается въ рукахъ короля, вліяніе дворянства на крестьянское сословіе ослабѣваетъ еще болѣе, а правительство начинаетъ принимать въ устройствѣ этого сословія дѣйствительное и непосредственное участіе. Король Карлъ VII повелѣлъ въ 1453 году собрать и издать офиціально сводъ мѣстныхъ обычаевъ

(1) Нѣкоторыя стихотворенія ихъ весьма оригинальны: одинъ съ негодованіемъ возстаетъ на богатство нѣкоторыхъ крестьянъ, считая довольство несообразнымъ съ ихъ назначеніемъ; другой утверждаетъ, что крестьяне не могутъ быть въ раю, такъ какъ неприлично имъ быть въ одномъ мѣстѣ съ Спасителемъ, и какъ тамъ нельзя купить мѣста за деньги (Rutbeuf vol. 1. p. 280). Послѣднее разсужденіе показываетъ, какъ сильно тогда сознавалось, что всѣ уступки, сдѣланныя крестьянамъ, сдѣланы были за деньги, а не изъ челоуѣколюбивыхъ побужденій.

(coutumes), опредѣлявшихъ повинности крестьянъ. Такимъ образомъ долженъ былъ окончательно ограничиться произволъ помещиковъ въ требованіи означенныхъ повинностей; потому дворянство долго старалось препятствовать изданію сихъ сводовъ, а Карлу VII, занятому войною съ Англичанами, некогда было наблюдать за скорымъ и точнымъ исполненіемъ своего повелѣнія; своды эти были надлежащимъ образомъ составлены не ранѣе 1510 года, при королѣ Лудовикѣ XII. Въ каждой провинціи, представители трехъ государственныхъ сословій (дворянства, духовенства и городского сословія), въ торжественномъ собраніи, обсудили прежніе обычай объ отправленіи крестьянскихъ повинностей. Конечно, сословіе всего болѣе заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, крестьяне, не имѣло въ собраніяхъ этихъ своихъ представителей; за то интересы крестьянъ защищали королевскіе чиновники, и крестьянскія повинности не только были опредѣлены ясно, но и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ смягчены противъ прежняго. Почти вездѣ замѣтно стремленіе къ окончательному уничтоженію крѣпостнаго состоянія, тамъ, гдѣ оно еще отчасти существовало. Въ особенности старались истребить выраженія, напоминавшія о крѣпостной зависимости; въ однихъ мѣстахъ встрѣчаются постановленія, выражающія, что всякій по рожденію долженъ быть свободнымъ; въ другихъ говорится, что всякій кто придетъ и поселится въ извѣстной мѣстности (гдѣ дѣйствуютъ тѣ постановленія), признается свободнымъ, какого бы состоянія онъ ни былъ по рожденію. Но не должно забывать, что и тамъ, гдѣ по названію и существовало крѣпостное рабство (servage), подъ словомъ этимъ уже разумѣлась только обязанность исполнять особыя повинности, а не совершенное укрѣпленіе землѣ. Господинъ могъ отыскивать не личность отлучившагося крестьянина, а лежащія на немъ лично повинности; при продажѣ крестьянъ, опять передавалось только право на полученіе этихъ повинностей, что неопровержимо доказывается допущеннымъ раздробленіемъ крестьянъ; крестьянинъ могъ принадлежать вдругъ двумъ господамъ и даже болѣе; говорилось, что господинъ владѣетъ полу-крестьяниномъ и четверть-крестьяниномъ; такимъ образомъ дѣлился, напримѣръ, единственный сынъ, коего родители принадлежали разнымъ владѣльцамъ. Принадлежащій разнымъ господамъ крестьянинъ дѣлился между ними лежащія на немъ повинности; но нельзя допустить, чтобъ онъ въ одно время дѣйствительно составлялъ собственность двухъ разныхъ лицъ.

Потому, кажется, рѣшительно можно сказать, что и тамъ, гдѣ

крѣпостное состояніе оставило еще слѣды послѣ XV вѣка, оно существовало уже только по имени, то-есть продолжали еще, по старой привычкѣ, называть рабами (*serfs*) тѣхъ крестьянъ, кои платили еще *mainmorte*, *formariage*, и другія повинности, которыя были не поземельныя, а личныя и отъ коихъ крестьяне не освобождались при перемѣнѣ мѣста жительства. Впрочемъ повинность, называемая *mainmorte*, къ XVII вѣку раздѣлилась на два рода: на поземельную (*mainmorte réelle*) и на личную (*mainmorte personnelle*); первая взималась при переходѣ по наследству поземельнаго крестьянскаго участка и давала помѣщику право на возвращеніе ему и самаго участка, коль скоро крестьянинъ умеръ, не оставя по себѣ прямыхъ наследниковъ; вторая взималась съ переходящаго по наследству личнаго имущества крестьянина, даже и въ томъ случаѣ, когда бы крестьянинъ, предъ смертью, или наследники его оставили владѣнія своего господина. Право помѣщика простирать свои требованія на крестьянъ, оставившихъ его имѣніе (*droit de suite*), представляется особенно не справедливымъ; однако оно было окончательно и повсѣмѣстно уничтожено лишь при министрѣ Неккеръ въ 1779 году.

Съ XV до XVIII вѣка, крестьяне, еще платившіе повинности, которыя поставляли ихъ на степень такъ-называемыхъ крѣпостныхъ, продолжали искать освобожденія отъ этихъ повинностей за одновременный денежный взносъ и за принятіе на себя новыхъ обязанностей; они по прежнему должны были удовлетворять при этомъ не одного своего владѣльца, но и сюзерена (сохранившаго отъ прежней власти своей только подобныя преимущества); для достиженія своей цѣли, крестьяне часто доводили себя до нищенства.

Между тѣмъ поземельныя отношенія во Франціи нѣсколько измѣнились: значительная часть земель, состоявшихъ въ потомственномъ пользованіи крестьянъ, перешла въ собственность ихъ, но въ собственность неполную, ограниченную извѣстными условіями и не освобождавшую крестьянъ отъ платежа господамъ прежнихъ повинностей и отъ исполненія прежнихъ барщинныхъ работъ; плата за проданныя крестьянамъ земли не была получена съ нихъ господами одновременно, а большею частью заимѣнена обязанностью исполнять прежнія повинности. Ограниченія въ правѣ крестьянъ располагать своею поземельною собственностью были различны, смотря по мѣстнымъ обычаямъ; большею частью крестьяне могли свободно продавать свои земли, съ платою, при продажѣ, подати въ пользу господина (*lods et*

ventes); но крестьяне, платившіе такъ-называемыя крѣпостныя повинности (*mainmorte, formariage, taille*), не могли продавать свои земли людямъ, освобожденнымъ по рожденію отъ исполненія этихъ личныхъ повинностей, потому что помѣщикъ могъ бы съ новыхъ владѣльцевъ требовать только поземельныхъ повинностей и лишился бы вовсе личныхъ крѣпостныхъ повинностей (*droits serviles*). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне могли распоряжаться своимъ имуществомъ лишь до известной суммы, или не могли вовсе продавать земель безъ согласія господина. Если крестьянинъ, не имѣя возможности платить лежащія на немъ повинности, произвольно оставлялъ свою землю и удалялся изъ имѣнія, то земля возвращалась въ собственность господину; но былъ опредѣленъ срокъ (по нѣкоторымъ обычаямъ въ 10, а по другимъ въ 30 лѣтъ), въ теченіе котораго крестьянинъ имѣлъ право, возвратившись въ имѣніе, вытребовать обратно отъ помѣщика свою землю. Право наслѣдства между крестьянами было въ иныхъ мѣстахъ ограничено тѣмъ, что для наслѣдованія земли крестьянина, дѣти или родственники его должны были, еще предъ смертью его, проживать при немъ или въ томъ же имѣніи. *Mainmorte* по прежнему давала праву господину на требованіе пошрины при переходѣ наслѣдства и на полученіе всего наслѣдства, когда крестьянинъ не оставлялъ по себѣ наслѣдниковъ. Земли, принадлежавшія крестьянину, платившему крѣпостныя повинности, не могли и по наслѣдству переходить къ лицу, свободному отъ этихъ повинностей.

Повинности поземельныя, которыя лежали на крестьянахъ, владѣвшихъ землею, хотя и были опредѣлены и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ смягчены при изданіи сводовъ мѣстныхъ обычаевъ (*coutumes*); однако онѣ не только въ общемъ составѣ своемъ мало уменьшились, но помѣщики нашли средства сдѣлать способъ взиманія ихъ еще болѣе тягостнымъ для крестьянъ. Конечно постоянный оброкъ (*le cens*) и барщинныя работы (*la corvée*) были опредѣлены и не подлежали уже произвольному увеличенію; но случайный сборъ (*la taille*) служилъ поводомъ къ большимъ притѣсненіямъ. Какъ сказано выше, сборъ этотъ взимался по прежнимъ обычаямъ лишь изрѣдка и въ опредѣленныхъ экстренныхъ случаяхъ: при выходѣ господской дочери въ замужство, при посвященіи господскаго сына въ рыцари, при отправленіи господина въ Палестину, въ случаѣ войны и взятія господина въ плѣнъ. Теперь рыцарство было уничтожено, но съ крестьянъ взимался особый сборъ при производствѣ каждаго господ-

скаго сына въ кавалеры какого-либо ордена; сборъ этотъ требовался не при отправленіи господина въ крестовый походъ, но при всякомъ его дальнемъ путешествіи. Войны XVII столѣтія велись уже королемъ и постоянными войсками, а потому не причиняли дворянамъ особыхъ расходовъ; между тѣмъ малѣйшее военное дѣйствіе было предлогомъ къ требованію *taille*; наконецъ сборъ этотъ взимался еще при выходѣ въ замужество каждой господской дочери, сколько бы ихъ ни было, а также при родахъ госпожи и въ случаѣ покупки господиномъ новыхъ земель. Подъ всѣми этими предлогами, *taille* взималась съ крестьянъ иногда до двухъ и даже до трехъ разъ на одномъ году, а этого достаточно было, чтобы въ конецъ разорить ихъ, такъ какъ количество этого сбора часто соответствовало полному годовому оброку. Собственно барщинныя работы, положенныя сводомъ обычаевъ, были весьма легки для крестьянъ: онѣ большею частью ограничивались девятью днями въ году; но кромѣ ихъ существовали вспомогательныя работы, допущенныя закономъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ и требуемыя помѣщиками подъ разными предлогами. Сверхъ того, не имѣя возможности налагать на крестьянъ новыхъ прямыхъ податей, помѣщики нашли средство подчинить всѣхъ, жившихъ въ чертѣ ихъ владѣній, многимъ косвеннымъ налогамъ. Помѣщики одни имѣли право содержать печи для хлѣбовъ, бойни, племенныхъ быковъ, мельницы и т. п., и крестьяне могли молоть зерно не иначе какъ на господской мельницѣ, печь хлѣбъ не иначе, какъ въ господской печи, за довольно высокую плату, и т. д. (1)

Въ то время какъ значительная часть земли обращалась въ собственность крестьянъ, въ нѣкоторой части Франціи, напротивъ того, потомственное пользованіе землею, за постоянныя повинности, превратилось во временное пользованіе, по срочному добровольному контракту. По обычаямъ провинціи Бретани, напримѣръ, помѣщикъ получилъ право удалять крестьянина изъ участка по истеченіи срока контракта, заключаемаго обыкновенно на 9 лѣтъ; крестьяне также получили право отказываться отъ

(1) Духовенство не отставало отъ дворянъ въ этомъ отношеніи: напримѣръ дѣвичій монастырь *Origny-Sainte-Benoite* присвоилъ себѣ исключительное преимущество содержать племеннаго быка, къ которому всѣ окрестные жители обязаны были приводить своихъ коровъ. *Mémoire sur la Révolution Française, par Grille vol 1. p. 394.*

своихъ участковъ по истеченіи срока контракта (1). Этотъ способъ пользованія землею былъ конечно менѣе выгоденъ для крестьянъ, нежели прежній; тутъ помѣщикъ, при возобновленіи контракта, могъ каждый разъ возвышать ренту или отнять землю у крестьянина; прежде же, т. е. въ XV вѣкѣ, поземельныя повинности не могли быть увеличены; помѣщикъ никогда не могъ отнять земли у крестьянина, а послѣдній могъ оставить ее во всякое время. Современные провинціальные администраторы полагали необходимымъ для предупрежденія непомернаго возвышенія арендной платы, продолжить арендные сроки вмѣсто 9 до 18 лѣтъ. При участкахъ, сдаваемыхъ въ аренду на срокъ, обыкновенно бывало у помѣщика извѣстное количество скота, которое крестьянинъ, при оставленіи участка, долженъ былъ сдать въ цѣлости, замѣняя павшую скотину новою; это называлось желѣзнымъ хозяйствомъ (*chetel de fer*), потому что скотъ этотъ не умиралъ никогда для господина, а постоянно возобновлялся (2).

Изъ всего сказаннаго выше видно, что частныя повинности, лежавшія на крестьянахъ въ XVII вѣкѣ, были уже довольно тяжелы, а они обязаны были вмѣстѣ съ тѣмъ платить въ пользу церкви десятину, которая взималась съ прежнею строгостію. Но окончательно разстроилось благосостояніе, начинавшее, какъ мы видѣли, водворяться между крестьянами около XV вѣка, вслѣдствіе обложенія крестьянъ тяжелыми и чрезвычайно дурно распределенными государственными налогами. Въ средніе вѣка, когда король могъ дѣйствовать въ дѣлахъ управленія не иначе какъ посредствомъ дворянъ, когда дворяне сами управляли своими владѣніями, творили въ нихъ судъ и расправу, и на свой счетъ вели войну подъ предводительствомъ короля, естественно было, что всѣ повинности крестьянъ принадлежали однимъ дворянамъ, тѣмъ болѣе, что государственные расходы короля не были значительны и покрывались личными его доходами; сборы въ пользу правительства производились съ господскихъ крестьянъ всема рѣдко, въ случаяхъ самыхъ чрезвычайныхъ. Когда же правительственная власть сосредоточилась въ рукахъ короля, когда Франція стала управляться королевскими чиновниками, получавшими жалованье, когда содержаніе значительнаго, постоянного войска потребовало огромныхъ расходовъ, государственные налоги сдѣлались необходимы. Короли заставили крестьянъ дорого заплатить

(1) *Coutumes et usages locaux de Bretagne: coutumes gener. v. IV. p. 409.*

(2) Точно такое учрежденіе существуетъ нынѣ въ остзейскихъ губерніяхъ, подъ названіемъ желѣзнаго инвентаря.

себѣ за всякую дарованную имъ льготу отъ притѣсненій дворянства; уничтожая злоупотребленіе, центральная власть торговалась съ тѣми, которые отъ него страдали; подъ всякимъ предлогомъ учреждались новыя казенныя подати, которыя ложились по большей части на однихъ крестьянъ, и были тѣмъ болѣе тягостны, что дворяне продолжали получать съ нихъ все, что получали прежде.

Сперва стали взимать чаще прежняго случайный казенный сборъ, соотвѣтствующій господской *taille*, и получившій то же названіе; а въ 1439 году, собранные въ Орлеанѣ представители сословій (*les états*) согласились, по предложенію короля Карла VII, постановить, чтобы сборъ этотъ впредь производился постоянно и употреблялся на содержаніе постоянного войска. Такимъ образомъ *taille* сдѣлалась ежегоднымъ налогомъ на доходъ каждаго лица; отъ нея избавлены были лишь ученые люди, дворяне, чиновники и нищіе. *Taille* раскладывалась правительствомъ по округамъ и селеніямъ, а въ каждомъ селеніи она раскладывалась по домамъ или очагамъ (*par feu*), сообразно доходамъ каждаго крестьянина. Общій итогъ подати, лежавшій на каждомъ приходѣ, опредѣлялся правительствомъ каждый годъ и безпрестанно измѣнялся, такъ что крестьянинъ не зналъ сколько ему придется вносить подати въ слѣдующій годъ. Въ приходѣ же распределеніе этой подати на крестьянъ предоставлено было сборщику, который избирался каждый годъ изъ ихъ среды. Каждый избѣгалъ этой должности, никто не соглашался нести ее болѣе года, и всѣмъ она налагалась поочередно; при этомъ нельзя было обращать вниманія на способности избраннаго лица. Должность эта была весьма затруднительна, такъ какъ въ немногихъ только провинціяхъ Франціи оцѣнка дохода крестьянина основана была на правильномъ кадастрѣ земли, бывшей въ его владѣніи; большею частію сборщику приходилось гадательно оцѣнивать личное имущество крестьянина. Сборщикъ вынужденъ былъ безпрестанно ходить къ крестьянамъ, чтобы повуждать ихъ къ уплатѣ податей; а за недомки онъ отвѣчалъ личнымъ своимъ имуществомъ. Потому рѣдкій сборщикъ, не прибѣгавшій ко взяткамъ и притѣсненіямъ, не доходилъ въ теченіе года до совершеннаго разоренія; между тѣмъ всѣ, считавшіе себя обиженными при раскладкѣ, дѣлались его врагами. Съ другой стороны предоставленный ему произволъ въ раскладкѣ податей открывалъ обширное поприще для лицепріятія и злоупотребленій. Эта система раскладки податей побуждала крестьянъ скрывать свое имущество; крестьянинъ боялся уве-

личивать количество своего скота, поправлять домъ и т. п., чтобы эти признаки благосостоянія не навлекли на него въ слѣдующемъ году несоразмѣрной прибавки подати; между тѣмъ онъ слѣдилъ за своими сосѣдами, и коль скоро замѣчалъ у нихъ довольство, тотчасъ доносилъ о томъ, ибо съ прибавкой подати одному крестьянину, уменьшалась доля, распределяемая на остальныхъ въ томъ же приходѣ. Такой порядокъ вещей, очевидно, препятствовалъ успѣхамъ земледѣлія и развитію благосостоянія крестьянъ, а между тѣмъ развивалъ въ нихъ чувства недовѣрія и зависти другъ къ другу (1). Къ налогу на доходъ, присоединился налогъ на соль (*la gabelle*), весьма тягостный для крестьянъ, и наконецъ въ 1695 поголовная подать, сборъ коей былъ тѣмъ обременительнѣе, что производство его было сдано на откупъ.

Не менѣе разорителенъ былъ для крестьянъ военный постой. Дворяне и горожане, огражденные своими преимуществами и твердыми стѣнами, тогда только впускали къ себѣ буйныя военныя команды, когда это имъ представлялось удобнымъ и безопаснымъ; большею частію вся тягость постаю падала на поселянъ. Несмотря на неоднократные королевскіе декреты, воспрепятствовавшіе обижать крестьянъ и требовать отъ нихъ провіантъ бесплатно, дурно дисциплинированные солдаты постоянно забирали безвозмездно у крестьянъ все, что имъ попадалось, и съ ними самими обращались самымъ грубымъ образомъ, такъ что, по свидѣтельству современниковъ, при появленіи войска въ селеніи, всѣ жители бѣжали вонъ, потому что суточный постой военной команды обходился дороже крестьянамъ, чѣмъ годовая казенная подать (2).

Вслѣдствіе всего этого крестьяне быстро бѣднѣли; въ концѣ XVII столѣтія многія жилища были покинуты своими владѣльцами; поля оставались невоздѣланными, а сами крестьяне разбѣгались, чтобъ избавиться отъ невыносимыхъ податей и повинностей. Правительство мало заботилось въ XVII вѣкѣ о возстановленіи благосостоянія крестьянъ; были государственные люди, видѣвшіе въ бѣдности крестьянъ залогъ государственнаго спокойствія. Ришелье, въ своемъ политическомъ завѣщаніи, писалъ: «*Si les peuples étaient à l'aise, difficilement resteraient ils dans les règles.*»

(1) Свѣдѣнія о способѣ взиманія *taille*, заимствованы изъ сочиненія г. Токвиля: *L'ancien régime et la révolution*, стр. 214—218.

(2) *St Gélais*. p. 22. *Isambert. Recueil gener. des lois françaises.* vol. XII p. 219.

Остается сказать нѣсколько словъ о личныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами, отъ XV до XVIII вѣка. Мы видѣли, что помѣщики еще ранѣе XV вѣка промѣняли значительную часть своей власти надъ крестьянами на новыя подати и повинности; подобныя сдѣлки продолжались, а между тѣмъ, съ упадкомъ феодализма, дворянство много потеряло изъ своего политическаго значенія: дворяне вовсе перестали управлять своими владѣніями; одни постоянно жили въ Парижѣ на королевской службѣ, но только на службѣ военной или придворной; гражданскія должности были у дворянъ въ пренебреженіи; другіе жили въ имѣніяхъ въ праздности, заботясь только объ извлеченіи изъ крестьянъ доходовъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ. Но потерявъ остатокъ своей самостоятельной власти, дворянство, какъ бы боясь стать на одинъ уровеньъ съ народомъ, усиливалось сохранить хотя призракъ прежняго своего господства, и потому упорно отстаивало присвоенныя имъ себя личныя и сословныя преимущества и, кромѣ настоящихъ повинностей крестьянъ, строго требовало отъ нихъ исполненія вошедшихъ въ обычай обрядовъ, унижавшихъ достоинство человека и напоминавшихъ крестьянину о подчиненномъ его положеніи.

Обычаи эти, различныя въ каждомъ имѣніи, большею частью не представляли помѣщикамъ никакой матеріальной выгоды, напримѣръ: въ одномъ имѣніи крестьянинъ обязанъ былъ, въ извѣстные дни въ году, приходить пѣть забавныя пѣсни подъ окнами господина; въ другомъ—каждый новобрачный долженъ былъ подарить господину мячикъ, изъ тридцати двухъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ; въ Крессанжѣ, въ Бурбонѣ, всѣ крестьяне обязаны были, подъ опасеніемъ большаго штрафа, въ послѣдній вторникъ марта мѣсяца каждаго года, отправляться гулять на кладбище, съ восхожденія до захожденія солнца, не говоря другъ другу ни слова; далѣе крестьяне обязаны были въ извѣстныхъ случаяхъ цѣловать замѣкъ въ дверяхъ господскаго дома, получать пощечину или позволять господину дергать себя за носъ или за уши. Все это представляется теперь очень смѣшнымъ и нелѣпымъ, но крестьянинъ, обязанный дурачиться передъ ненавистнымъ ему господиномъ, готовъ былъ часто замѣнить самыми тяжелыми работами эти унижительныя для него почетныя повинности (*droits honorifiques*). Кромѣ этихъ странныхъ правъ, помѣщики присвоили себѣ нѣкоторыя возмутительныя и безразличныя преимущества; мы говорили уже о правѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ проводить первую брачную

ночь съ каждою обвинявшеюся въ его владѣніяхъ крестьянкою; это ужасное право конечно существовало не вездѣ и немногіе имъ пользовались; однако оно окончательно было уничтожено во Франціи не ранѣе XVIII вѣка.

Въ матеріальномъ отношеніи разорительно было для крестьянъ исключительно-предоставленное дворянамъ право охоты. Крестьянинъ не могъ убивать даже ту дичь, которая, при изрядномъ размноженіи, поѣдала его хлѣбъ и виноградники. За нарушеніе этого, крестьянинъ наказывался въ первый разъ розгами; во второй—ссылкою; въ третій онъ приговаривался къ работамъ на галерахъ, въ четвертый—къ смертной казни. Помѣщики же безнаказанно потравляли своими охотами крестьянскія поля.

Крестьяне были въ ужасномъ положеніи: бѣдность ихъ доходила до крайности. Вотъ какъ описываетъ Ла-Брюйеръ крестьянъ, надъ которыми царствовалъ Лудовикъ XIV, столь много гордившійся успѣхами своего оружія и своего управления: Деревни, говоритъ Ла-Брюйеръ, заселены существами полунагими, опаленными солнцемъ, вѣчно согбенными надъ землею, которую они роютъ съ непреодолимымъ терпѣніемъ. Ночью они укрываются въ жалкихъ жилищахъ, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями. Эти люди избавляютъ другихъ отъ труда воздѣлывать землю, сѣять и собирать нужный имъ для прокормленія хлѣбъ.

Отъ дворянъ крестьяне терпѣли обиды и притѣсненія; въ духовенствѣ, разбогатѣвшемъ и предавшемся роскоши и порокамъ, они мало находили защиты и участія; само правительство, не ранѣе второй половины XVIII вѣка, начало дѣятельно изыскивать средства къ улучшенію быта крестьянъ. Между тѣмъ крестьяне эти уже пользовались нѣкоторою независимостью. Многіе были поземельными собственниками и считали требованія повинностей со стороны помѣщиковъ основанными не на поземельномъ правѣ, а на несправедливомъ сословномъ преимуществѣ. Послѣ этого не удивительно, что съ XIV вѣка встрѣчаются многія возмущенія крестьянъ. Въ половинѣ XIV вѣка вдругъ возмутились крестьяне многихъ имѣній, ограбили и разорили господскіе замки и страшными звѣрствами выместили свою ненависть на господахъ и семействахъ ихъ. Эти возстанія прозваны были *jacqueries*, отъ прозвища Jacques, которое присвоено было крестьянамъ. Но бунтъ былъ скоро погашенъ; господа сперва укрѣпились въ своихъ замкахъ; потомъ, предупреждая нападенія возмущившейся толпы, собравши всѣ свои силы, сами устремились на крестьянъ.

лѣтъ. Рѣзня продолжалась шесть недѣль; наконецъ, разбитые и лишенные предводителей своихъ, крестьяне возвратились въ разоренныя свои селенія. Страшныя наказанія, послѣдовавшія за бунтомъ, надолго усмирили ихъ. До XVI вѣка все было покойно; но около 1525 года крестьяне опять возстали, отказываясь платить помѣщикамъ повинности; они опять были разбиты и разсыяны; до десяти тысячъ бунтовщиковъ погибло. Въ 1548 году крестьяне въ Гвиени отказались брать соль изъ казенныхъ магазиновъ; изъ этого возникъ бунтъ, быстро разлившійся по южной Франціи; соляныя магазины были разграблены; чиновники жестоко умерщвлены; крестьяне завладѣли нѣкоторыми городами, соединились съ другими и убили намѣстника короля Наваррскаго. Бунтовщики были усмирены и жестоко наказаны конетаблемъ Монморанси. Но бунтъ возобновлялся въ Гвиени въ началѣ XVII вѣка, а въ то же время вспыхнулъ мятежъ въ Нормандіи; однако тотъ и другой были скоро подавлены, и виновные казнены. Съ того времени крестьяне во Франціи оставались покойны до 1789 года; но спокойствіе это было только наружное, а въ сердцахъ народа скоплялись негодованіе и ненависть къ дворянству, разразившіяся въ неистовствахъ, сопровождавшихъ французскую революцію.

Разсмотримъ теперь положеніе крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка и дѣйствія правительства и дворянства, при угрожавшей государству опасности, которую современники такъ мало сознавали и предчувствовали (1).

Последніе слѣды крѣпостнаго состоянія замѣтны были, въ XVIII вѣкѣ, лишь въ завоеванныхъ Франціею двухъ восточныхъ ея провинціяхъ; крестьянинъ, по собственному усмотрѣнію, перемѣнялъ мѣсто жительства, покупалъ и продавалъ имущество свое; многіе крестьяне сдѣлались поземельными собственниками; еще за двадцать лѣтъ до революціи нѣкоторыя земледѣльческія общества выставляютъ препятствіемъ къ успѣхамъ земледѣлія и народнаго богатства чрезмѣрное раздробленіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, земель между мелкими владѣльцами. Прежде думали

(1) Какъ сочиненіе г. Лемари *Histoire des paysans en France*, которому мы преимущественно до сихъ поръ слѣдовали, весьма не полно относительно этого предмета, то изложенное ниже заимствовано изъ замѣчательнаго сочиненія г. Токвилля—*L'ancien régime et la révolution* (т. II гл. 4 и 12 и кн. III гл. 5) и изъ *Исторія французской революціи*. Тьера, стр. 145 до 150, по брюссельскому изданію 1840 г.

вообще, что раздробленіе земель произошло во время революціи, при распродажѣ дворянскихъ и монастырскихъ земель; но изысканія г. Токвиля доказываютъ, что значительная часть распроданныхъ тогда земель поступила въ руки людей, бывшихъ уже прежде поземельными собственниками, и что въ иныхъ мѣстахъ, съ XVIII вѣка и по настоящее время, число землевладѣльцевъ только удвоилось, а въ другихъ увеличилось лишь на одну треть. Въ этомъ отношеніи крестьяне французскіе далеко опередили крестьянъ другихъ сосѣднихъ странъ. Въ Англіи крестьяне не были крѣпостными, но землевладѣльцевъ между ними было мало. Почти нигдѣ, въ цѣлой Германіи, крѣпостное состояніе не было еще уничтожено въ концѣ XVIII вѣка, и крестьяне были большею частію прикрѣплены къ землѣ, также какъ и въ средніе вѣка; были и тамъ свободные люди и мелкіе землевладѣльцы изъ крестьянъ, но число ихъ было очень ограничено. Англія была управляема богатыми землевладѣльцами; въ Пруссіи и въ Австріи государи, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ общее управленіе государствомъ, оставили дворянъ по прежнему распоряжаться въ своихъ имѣніяхъ. Во Франціи же мы видимъ совершенно противное: всѣ дѣла крестьянскаго общества находятся въ завѣдываніи не помѣщиковъ уже и не людей, назначенныхъ ими, а людей, выбранныхъ подъ надзоромъ чиновниковъ, самими крестьянами, или опредѣленныхъ правительствомъ. Этимъ-то властямъ предоставлено было раскладывать подати, поправлять церкви, учреждать школы, собирать крестьянскіе сходы и предсѣдательствовать на нихъ. Власти эти завѣдывали общественнымъ имуществомъ, ходатайствовали по общественнымъ искамъ. Помѣщикъ же утратилъ всякое существенное значеніе для крестьянъ; онъ уже не былъ, какъ прежде, политическою силою, какъ бы частицею государственной власти въ своемъ приходѣ. Онъ былъ просто *первый житель* (*premier habitant*) въ своей мѣстности. Но не имѣя существеннаго значенія онъ удерживалъ за собою привилегіи, которыя, по этому самому, стали бессмысленны; переставъ быть общою политическою силою, которая за услуги, ею оказываемыя, пользовалась особыми правами и почетомъ, помѣщикъ удержалъ эти права и почетъ, которыя, какъ и все бессмысленное, ни на чемъ не основанное, даровое, ложились тяжелымъ гнетомъ на народъ. Большею частію дворяне перестали жить въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжали въ нихъ лѣтомъ не на долго и заботились о томъ только, какъ бы увезти съ собою осенью побольше денегъ въ Парижъ. Со времени Ришельё пра-

вительство старалось привлечь дворянъ въ столицу и въ государственную службу; оно вполне успѣло въ этомъ. Въ одной только провинціи, управлявшій оною жаловался, что дворяне находятъ удовольствіе оставаться между своими крестьянами, вмѣсто того, чтобъ отправляться на королевскую службу. Обвиняемые такимъ образомъ дворяне были тѣ самые, которые одни въ послѣдствіи имѣли возможность защищать съ оружіемъ въ рукахъ французскую монархію, потому что въ одной этой провинціи (la Vendée) крестьяне были привязаны къ господамъ своимъ и бились подъ ихъ знаменами.

Но, какъ сказано, утративши свое дѣйствительное значеніе, дворяне все сохраняли свои личныя преимущества и свои права на полученіе прежнихъ повинностей, даже съ крестьянъ, пріобрѣтшихъ земли въ собственность. Повинности эти были не тяжелѣе во Франціи чѣмъ въ Германіи, но негодованіе на нихъ народа было во Франціи гораздо сильнѣе потому именно, что крестьяне ничѣмъ отъ дворянъ не пользовались. Это весьма понятно, если представить себѣ положеніе французскаго крестьянина въ концѣ XVIII столѣтія. При покупкѣ земли онъ долженъ былъ заплатить большую пошлину (lods et ventes), не правительству, а сосѣднему дворянину, до котораго ему никакого дѣла въ сущности не было; получивъ землю и заплативъ за нее продавцу деньги, крестьянинъ принималъ на себя разныя повинности, которыхъ требовалъ съ него тотъ же сосѣдній дворянинъ; онъ же заставлялъ крестьянина работать у себя бесплатно; запрещалъ ему стрѣлять дичь; бралъ съ него пошлины за перевозъ черезъ рѣку, за проѣздъ по дорогѣ и мосту и т. д. Съ какого права все это дѣлалось, крестьянинъ не понималъ; не кому было объяснить ему, что триста или болѣе лѣтъ тому назадъ купленная имъ земля принадлежала предкамъ этого дворянина; что они продали свою землю крестьянамъ, не за чистыя деньги, а съ обязанностію вѣчно платить имъ повинности за тѣ земли; что проданныя земли продавались съ тѣхъ поръ отъ одного крестьянина другому, а лежащій на нихъ вѣчный долгъ помѣщику все еще не уплаченъ; что такимъ образомъ, хотя крестьянинъ купилъ землю не у дворянина, но все-таки долженъ платить за нее повинности дворянину, и что наконецъ право помѣщика на эти повинности вытекаетъ изъ прежняго его права собственности на эту землю. Впрочемъ такое сложное объясненіе едва ли бы показалось понятнымъ крестьянину; онъ все-таки говорилъ бы, что сосѣдній дворянинъ потому только можетъ

требовать съ него денегъ и бесплатныхъ работъ, что онъ *родился* дворяниномъ, что, какъ дворянинъ, онъ имѣетъ право жить роскошно въ Парижѣ, на счетъ сосѣднихъ съ его усадьбой крестьянъ, до которыхъ ему впрочемъ никакого дѣла нѣтъ, которые живутъ на собственныхъ земляхъ и управляются сами собою. Такое понятіе должно было неминуемо развить въ крестьянахъ сознаніе претерпѣваемой ими несправедливости.

Кромѣ господскихъ повинностей, на крестьянахъ лежали во Франціи тяжелыя государственныя подати. Выше было уже говорено о дурномъ способѣ взиманія налога на доходъ крестьянъ (*la taille*) и подушнаго сбора (*la capitation*). Къ этому присоединились еще: рекрутскій наборъ (вся тяжесть коего падала на бѣдныхъ крестьянъ, по случаю освобожденія отъ этой повинности не только высшихъ сословій, но служителей ихъ, всѣхъ занимавшихъ какія-либо общественныя должности, всѣхъ обложенныхъ значительною податью *taille*, то-есть всѣхъ сколько-нибудь зажиточныхъ людей), и казенныя бесплатныя работы. Посредствомъ бесплатныхъ работъ, производившихся крестьянами, стали не только чинить и дѣлать дороги, но строить казармы, перевозить въ приморскіе города казенный карабельный дѣсь и т. п.; такимъ образомъ повинность эта стала для крестьянъ въ высшей степени обременительна; рѣдко они въ средніе вѣка бывали такъ отягощены господскими работами.

Крестьяне все болѣе и болѣе разорялись, и нищенство доходило въ селеніяхъ до огромныхъ размѣровъ. Правительство старалось отвратить это зло лишь мѣрами строгости. По приказанію министра, герцога Шуазеля, было въ 1767 году захвачено вдругъ до 50,000 нищихъ; изъ нихъ способные къ работѣ были сосланы на галеры; для помѣщенія остальныхъ открыто болѣе сорока богадѣленъ. Вообще правительство не стѣснялось въ принятіи строгихъ мѣръ въ отношеніи къ крестьянамъ: ихъ сажали въ тюрьму безпрестанно, безъ суда, за неисправность въ платежѣ податей, за бродяжничество, за полицейскіе проступки и т. д.; между тѣмъ прочія сословія были ограждены отъ произвола мѣстныхъ властей независимыми публичными судами. Крестьяне разоренные и угнетенные, были уединены отъ всѣхъ и даже не могли, наравнѣ съ другими, пользоваться покровительствомъ законовъ. Такое положеніе дѣлъ не могло быть продолжительно: крестьяне были еще по видимому покойны и покорны, но накопившая въ сердцахъ ихъ ненависть къ высшимъ сословіямъ ожидала только предлога и удобной минуты, чтобы выказаться во

всей своей силѣ. Современники не созвали этого, и трудно было дворянамъ, отдѣлившимъ себя совершенно отъ крестьянъ, угадать, что происходило въ ихъ умахъ. Довольные своими почестями и матеріальными выгодами, дворяне не замѣчали, до какой степени они утратили свое прежнее значеніе въ государствѣ; они не замѣчали, какъ рядомъ съ ними расло, богатыо и просвѣщалось среднее сословіе, которое скоро должно было побѣдить ихъ, какъ чуждались и ненавидѣли ихъ крестьяне; они не чувствовали, что вскорѣ всѣ обратятся противъ нихъ, и имъ придется искать спасенія въ бѣгствѣ.

Въ юлѣ 1789 года, крестьяне многихъ селеній отказались платить прежнія господскія повинности, стали сопротивляться помѣщикамъ, нападали на ихъ замки, сожигали помѣщичьи владѣльческіе документы и предавались разнымъ неистовствамъ. Первымъ предлогомъ къ возстанію послужилъ случившійся на народномъ праздникѣ въ имѣніи г. де-Меме взрывъ бочонка съ порохомъ. Несчастный случай этотъ былъ приписанъ злому умыслу помѣщика и побудилъ крестьянъ къ мщенію. Министры вечеромъ 4-го августа явились въ національное собраніе и сообщивъ оному о бѣдственномъ и опасномъ положеніи Франціи, просили изыскать средства къ восстановленію порядка. Необходимо было измѣнить повинности крестьянъ; но какъ повинности эти составляли собственность высшихъ сословій, то представители сословій этихъ должны были сами предложить отказаться отъ этихъ преимуществъ. Виконтъ де-Ноайль и герцогъ д'Эгильйонъ объявили, что не силою оружія только, а устраненіемъ бѣдствій народныхъ, должно быть погашено возмущеніе, и за тѣмъ предложили отмѣнить тяжкія повинности, лежавшія на крестьянахъ, вслѣдствіе феодальныхъ правъ помѣщиковъ. Яркая картина угнетеній, терпимыхъ крестьянами, мгновенно возбудила живое участіе высшихъ сословій. Съ великодушнымъ самоотверженіемъ всѣ наперерывъ предлагали отказаться отъ своихъ преимуществъ. Собраніе безъ спора, единогласно рѣшило постановить немедленно главныя начала, на коихъ должна была основаться предположенная отмѣна личныхъ преимуществъ дворянства и духовенства. Начала эти были слѣдующія:

1) Уничтоженіе состоянія крѣпостныхъ людей, то-есть уничтоженіе *mainmorte* и другихъ личныхъ повинностей, составлявшихъ по рожденію неотъемлемую принадлежность нѣкоторыхъ крестьянъ, сохранившихъ еще названіе *serfs*.

2) Дарованіе крестьянамъ права откупаться отъ платежа господскихъ повинностей.

3) Окончательное уничтоженіе господскихъ судовъ, тамъ гдѣ они еще сохранялись.

4) Уничтоженіе исключительнаго права дворянства на охоту, на содержаніе голубятень и на разведеніе кроликовъ, и проч.

5) Учрежденіе денежнаго сбора взамѣнъ десятины.

6) Уравненіе, между всѣми одинаково, всякаго рода государственныхъ налоговъ.

Однако дѣло было не кончено: въ первую минуту энтузіазма всѣ были между собою согласны, но на слѣдующемъ собраніи, при болѣе подробномъ обсужденіи предмета, начались жаркіе споры. Маркизь Тибутто, возставая противъ предполагаемой реформы, доказывалъ, что и безъ того уже не существуетъ во Франціи отяготительныхъ феодальныхъ правъ, и что всѣ преимущества помѣщиковъ прямо основаны на ихъ поземельномъ правѣ собственности. Его доводы однако не убѣдили почти никого; но начался споръ о томъ, какія именно повинности могутъ быть выкуплены крестьянами и какія преимущества дворянства должны быть безвозмездно уничтожены; собраніе рѣшилось опредѣлить безвозмездное уничтоженіе личныхъ и выкупъ поземельныхъ повинностей. Право охоты было каждому предоставлено на своей землѣ. Всего жарче былъ споръ о десятинѣ въ пользу церкви. 4-го августа было, какъ сказано выше, рѣшено перевести эту повинность въ денежный сборъ. При редакціи окончательнаго опредѣленія собранія, было предложено вовсе уничтожить десятину съ тѣмъ, чтобы правительство приняло на себя содержаніе духовенства; высшее духовенство противилось этому, не желая быть на жаловань у правительства и сознавая, что роскошь епископовъ, при такомъ устройствѣ, значительно уменьшится; несмотря на то, предложеніе это было принято. Постановленіе собранія было утверждено королемъ. Но было поздно уничтожать феодальныя преимущества, когда народъ уже самъ ихъ ниспровергнулъ. Поздняя уступка не укротила бунтъ, а ободрила мятежниковъ. Крестьяне отказались платить не однѣ уничтоженныя личныя повинности, а всѣ вообще.

Революція шла впередъ: декретомъ 10-го августа 1792 года были уничтожены всѣ прежнія господскія права, какія оставались еще въ силѣ; а 17-го іюля 1793 года, конвентъ издалъ декретъ, по силѣ коего, всѣ лица, обладающія феодальными поземельными документами, должны были представить ихъ для сож-

женія, подъ опасеніемъ пятилѣтняго заключенія въ оковахъ. Такимъ образомъ исчезли послѣдніе слѣды прежняго устройства крестьянскаго сословія; послѣ революціи прежнія злоупотребленія землевладѣльцевъ, прежнія стѣснительныя для крестьянъ постановленія не существовали, но не было издано новыхъ правилъ, которыя бы оградили самостоятельность крестьянскаго сословія и съ выгодною замѣнили бы прежнія постановленія.

V.

Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію крестьянскаго сословія во Франціи, мы видѣли, какъ, послѣ покоренія Галліи Франками, невольники и свободные люди слились въ общее сословіе крѣпостныхъ (*serfs*), какъ въ средніе вѣка крѣпостная зависимость приняла характеръ феодальной подчиненности, сопряженной съ разнообразными повинностями и обязанностями, какъ, по выраженію г. Токвиля, съ уничтоженіемъ одной части средневѣковыхъ учрежденій, оставшіяся еще въ силѣ сдѣлались въ стократъ болѣе ненавистными народу, и наконецъ, какъ эта ненависть разразилась во время революціи 1789 года.

Ненависть народа къ оставшимся въ силѣ феодальнымъ учрежденіямъ была одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій, сопровождавшихъ французскую революцію и сообщила ей тотъ свирѣпый характеръ, какого она не могла бы имѣть, еслибы переворотъ былъ произведенъ среднимъ сословіемъ и ограниченъ городами. Однако феодальная система существовала не въ одной Франціи; какимъ же образомъ въ другихъ государствахъ она была уничтожена, а крестьяне освобождены, безъ подобныхъ потрясеній? Вотъ вопросъ, который самъ собою возникаетъ изъ всего сказаннаго выше. Чтобы сколько-нибудь разъяснить его, скажемъ для примѣра нѣсколько словъ объ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній и феодальныхъ преимуществъ въ Англіи, въ Пруссіи и наконецъ въ Остзейскихъ губерніяхъ нашего отечества, гдѣ крѣпостное состояніе уничтожено около сорока лѣтъ тому назадъ.

Въ Англіи правительство не принимало никакого участія въ освобожденіи крестьянъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ историкъ Маколей:

«Замѣчательно, что переворотъ, положившій конецъ владѣнію челоуѣка другимъ челоуѣкомъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и благотѣльныхъ переворотовъ общественныхъ, происшедшихъ въ Англіи, совершился тихо и незамѣтно. Онъ не поразилъ современныхъ наблюдателей и весьма мало обратилъ на себя вниманіе историковъ. Переворотъ этотъ не былъ произведенъ законодательнымъ порядкомъ. Нравственныя причины незамѣтно изгладили различіе между господиномъ и рабомъ. Никто не можетъ съ точностію опредѣлить времени, когда это различіе исчезло. Слабые слѣды крѣпостной зависимости (villenage) могутъ быть открыты изслѣдователями даже во времена Стюартовъ; но учрежденіе это и до сего времени никогда не было уничтожено законодательнымъ порядкомъ...» «Главнымъ образомъ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія Англія обязана влиянію римско-католическаго духовенства. Когда лицо, владѣвшее крестьянами, умирая, желало приобщиться Св. Таинъ, духовники его постоянно заклинали его, желаніемъ спасти собственную душу, освободить братьевъ своихъ, за коихъ принялъ смерть Христосъ. Церковь такъ успѣшно употребляла этотъ могущественный способъ дѣйствія, что до Реформаціи она освободила уже почти всѣхъ крестьянъ въ государствѣ, кромѣ своихъ собственныхъ, съ которыми, должно отдать ей въ этомъ справедливость, обходилась, кажется, весьма кротко.

«Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ этого наши предки (то-есть Англичане) представляли народъ, пользовавшійся самымъ лучшимъ управленіемъ въ Европѣ. Въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ система общественнаго устройства постоянно совершенствовалась. При первыхъ Плантагенетахъ были еще бароны, которые могли открыто сопротивляться королю, и были крестьяне, низведенные на степень свиней или воловъ, которыхъ они пасли. Непомѣрная власть бароновъ постепенно сокращалась. Положеніе крестьянъ постепенно совершенствовалось. Между аристократіею и низшимъ рабочимъ классомъ возникло среднее земледѣльческое и торговое сословіе. Можетъ-быть оставалось еще болѣе неравенства въ состояніяхъ, нежели сколько полезно для благополучія и нравственности челоуѣческаго рода; но ни одинъ челоуѣкъ не стоялъ выше ограниченій, постановленныхъ закономъ, и ни одинъ не считался ниже покровительства законовъ» (1).

(1) Macaulay, *History of England*. Vol. I. Ch. 1 p. 21—24, по лейпцигскому изданію 1849 года.

Въ Пруссiи уничтоженіе крѣпостнаго состоянія и уничтоженіе главныхъ феодальныхъ преимуществъ дворянства совершены были законодательнымъ порядкомъ, во время министерства извѣстнаго государственнаго челоуѣка Штейна.

Штейнъ былъ убѣжденъ, что какъ крѣпостное состояніе, со всѣми вытекающими изъ него злоупотребленіями господской власти, такъ и неограниченное право помѣщиковъ произвольно удалять свободныхъ арендаторовъ изъ нанимаемыхъ ими поземельныхъ участковъ, — должны быть вредны для развитія народнаго богатства, такъ какъ крестьянинъ, находясь въ зависимости отъ произвола помѣщика, не занимается съ полнымъ рвеніемъ усовершенствованіемъ своего хозяйства и улучшеніемъ почвы участка, котораго онъ можетъ на слѣдующій годъ лишиться.

9 октября 1807 года, былъ обнародованъ въ Мемелѣ указъ о свободномъ приобрѣтеніи поземельной собственности и пользованіи ею и объ отношеніяхъ поселянъ къ помѣщикамъ; а 28 того же мѣсяца послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ въ Пруссiи крѣпостнаго состоянія. Этими указами уничтожены были феодальныя преимущества дворянъ, сопряженные съ помѣщичьимъ ихъ правомъ, и сдѣланъ важный шагъ къ сближенію между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіями; барщинныя работы крѣпостныхъ людей прекращены; крестьяне сравнены съ дворянами въ правѣ приобрѣтенія поземельной собственности, тогда какъ прежде крестьянинъ никогда не могъ приобрѣтать поземельныхъ владѣній, съ коими были сопряжены особыя дворянскія права, какъ-то право патримоніальнаго суда, право охоты и т. д. Законъ этотъ создалъ свободное земледѣльческое состояніе и сдѣлалъ землю открытымъ поприщемъ для дѣятельности и капиталовъ каждаго. Поземельныя повинности крестьянъ, которые пользовались помѣщичьей землей, остались безъ измѣненія; но помѣщики не получили права произвольно выгонять крестьянъ изъ занимаемыхъ ими участковъ. Полицейское наблюденіе за имѣніями оставлено на обязанности помѣщиковъ. 27 іюля былъ изданъ указъ о продажѣ казеннымъ крестьянамъ, находившихся въ ихъ владѣніи, земель; условія были назначены довольно умѣренныя; крестьяне должны были выкупить чистыми деньгами, банковыми билетами или кредитными билетами, обезпеченнымъ поземельнымъ доходомъ (Pfandbriefe: эти билеты выдавались подъ залогъ дохода съ поземельнаго участка, и могли поступать въ обращеніе, представляя такимъ образомъ

оборотный капиталъ для земледѣльца), три четверти капитализированнаго постоянного оброка, слѣдовавшаго въ казну за крестьянскія земли. При помощи займа кредитныхъ билетовъ (Pfandbriefe) подъ залогъ покупаемой земли, крестьянамъ легко было это сдѣлать, и такимъ образомъ 41,000 крестьянскихъ семействъ получили въ полную собственность участки земли, составлявшіе въ общей сложности до 195 квадратныхъ миль (1).

Благодаря одновременному уничтоженію личной зависимости крестьянъ и феодальныхъ преимуществъ дворянства и благодаря полезному учрежденію кредитныхъ установлений, выдававшихъ свои билеты (Pfandbriefe) подъ залогъ поземельнаго дохода, что весьма облегчало крестьянамъ возможность пріобрѣтать земли въ собственность и потомъ доставать необходимый для улучшенія земледѣлія оборотный капиталъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія совершилось въ Пруссіи весьма успѣшно.

Не менѣе успѣшны были, въ отношеніи къ сохраненію государственнаго спокойствія, мѣры принятыя для освобожденія крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ Россіи.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка, отношенія между помѣщиками и крестьянами еще не были положительно опредѣлены закономъ; мѣра крестьянскихъ повинностей вполне зависѣла отъ произвола помѣщиковъ и не была ограничена, какъ во Франціи во времена феодальныя, обязательнымъ древнимъ обычаемъ. Шведское правительство произвело въ XVII вѣкѣ правильную оцѣнку земель, соразмѣрило повинности казенныхъ крестьянъ въ Лифляндіи и Эстляндіи съ цѣнностью бывшей въ ихъ владѣніи земли, и для соблюденія вездѣ этой соразмѣрности, завело особыя расчетныя таблицы, названныя *вакенбухами*, гдѣ съ точностью означены были пространство и цѣнность земли, бывшей во владѣніи каждаго крестьянина, и всѣ слѣдующія съ него, за эту землю, повинности; но помѣщики, въ требованіи съ своихъ крестьянъ повинностей, мало стѣснялись правилами, постановленными въ вакенбухахъ. Крестьяне находились въ полной зависимости помѣщиковъ, и зависимость эта была для нихъ тѣмъ тяжелѣе, что господа ихъ, чуждые имъ по племени и языку, не имѣли съ ними ничего общаго и не успѣли изгладить въ народѣ впечатлѣніе, оставленное насильственнымъ завоеваніемъ предками ихъ Остзей-

(1) Steins Leben von G. H. Pertz. Berlin 1856. Erste Hälfte, Seite 220—223; 258—260; 267 и 325.

скаго края, отнятіемъ у туземцевъ земель и порабощеніемъ ихъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи особенно крестьяне находились въ большой бѣдности. При такихъ условіяхъ казалось весьма опаснымъ приступить къ освобожденію крестьянъ: можно было ожидать, что крестьяне воспользуются своею свободою, чтобы отомстить дворянамъ за прежнія притѣсненія. Однако, благодаря благоразумнымъ и своевременнымъ мѣрамъ, которые были предложены дворянствомъ и приняты правительствомъ нашимъ, опасность эта была предотвращена. Ни одна изъ мѣръ этихъ не была придумана a priori: мѣстные дворяне, хорошо знакомые съ обстоятельствами края, сами составляли нужныя предположенія, которыя потомъ разсматривались въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ государственныхъ людей и депутатовъ дворянства; постановленія комитета были непосредственно утверждаемы государемъ императоромъ.

Прежде нежели приступили къ окончательному освобожденію крестьянъ, въ Эстляндіи и Лифляндіи поняли необходимость привести крестьянъ въ правильное крѣпостное состояніе. Основнымъ началомъ было принято то, что земля, составляя собственность помѣщика, состоитъ въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, и что крестьяне обязаны, за владѣніе этою землею, платить помѣщику извѣстныя повинности деньгами, произведеніями или барщинною работою. За помѣщикомъ признаны были въ отношеніи къ крестьянамъ только тѣ права, которыя прямо вытекали изъ права собственности его на землю; кромѣ того помѣщику же, какъ органу правительства, предоставлено было полицейское управленіе своимъ имѣніемъ; за тѣмъ всякая выходящая изъ сихъ предѣловъ личная власть помѣщика надъ крестьянами признана противозаконною.

На этихъ основаніяхъ изданы были, въ 1804 году, положенія для крестьянъ Лифляндской и Эстляндской губерній. Крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, не могли оставить произвольно имѣніе, но и не могли быть лишены господиномъ наследственно-владѣмаго ими участка земли. Въ частныхъ имѣніяхъ земли были таксированы, и были введены обязательныя вакенбухи; помѣщики не могли требовать съ крестьянъ оброка или барщины, выше нормы, означенной въ вакенбухѣ. Изъ каждаго имѣнія, кромѣ самыхъ малыхъ, составилаь община; малыя имѣнія соединялись понѣскольку въ одну общину. Въ каждой общинѣ введены для частныхъ дѣлъ между крестьянами крестьянскіе суды, и судебная власть совершенно отдѣлена отъ помѣщика; но

распорядительная и полицейская власть, предоставленная старшинамъ изъ крестьянъ, осталась подъ главнымъ наблюденіемъ помѣщика; главные распоряженія въ имѣніи дѣлались по приказанію помѣщика, или съ его разрѣшенія. Для разбора жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, учреждены особые приходскіе суды, изъ предсѣдателя отъ дворянъ и членовъ отъ крестьянъ. Такимъ образомъ крестьяне были обезпечены противъ притѣсненій и произвола помѣщиковъ, а между тѣмъ помѣщики сохраняли достаточно власти въ своихъ имѣніяхъ, чтобы отстранить опасность, которая могла бы угрожать краю при внезапномъ переходѣ крестьянъ отъ полной зависимости къ неограниченной свободѣ. Кромѣ того правила 1804 года, соразмѣривъ повинности крестьянъ съ цѣнностью находящейся въ ихъ владѣніи земли, уяснили въ умахъ крестьянъ понятіе, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, что они, крестьяне, платятъ повинности помѣщикамъ, не по лично-присвоенному послѣдними праву, а за наемъ принадлежащей имъ земли, и что въ случаѣ освобожденія крестьянъ, обязанность платить оброкъ, или исполнять барщинныя работы за землю, не можетъ прекратиться. Не ясное разумѣніе этого обстоятельства могло бы повести, въ моментъ освобожденія, къ большимъ недоразумѣніямъ: крестьяне могли бы отказаться отъ платежа повинностей, которыя они считали бы личными, а землю вообразить своею собственною; это послужило бы поводомъ къ возмущенію. Законная же норма повинностей, основанная на пространствѣ и качествѣ владѣемой крестьянами земли, но не всегда вполне удовлетворительная для той или другой стороны (такъ какъ законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ случайностей, имѣющихъ вліяніе на цѣнность земли) послужила прямымъ переходомъ къ добровольнымъ договорамъ между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. Потому правила 1804 года были прекрасною переводною мѣрою, подготовившею освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Когда понятіе о соразмѣреніи повинностей съ землею совершенно усвоилось крестьянамъ, во многихъ случаяхъ стало представляться выгоднымъ, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ, замѣнить законную неизмѣнную норму повинностей добровольнымъ договоромъ. Помѣщики поняли, что крестьянамъ можетъ уже безъ опасности и безъ убытка для помѣщиковъ быть даровано право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому. Потому дворянство составило проекты объ освобожденіи крестьянъ. Проекты эти были утверждены, для Эстляндской губерніи

въ 1816 году, для Курляндской въ 1817 году, и для Лифляндской въ 1819 году. На основаніи новаго закона, лифляндскіе и эстляндскіе крестьяне получили право заключать съ помѣщиками своими на наемъ занимаемыхъ ими земель добровольные договоры; не согласные же на предлагаемыя помѣщикомъ условія могли, по истеченіи извѣстнаго срока, уходить изъ имѣнія, и искать земли въ другомъ мѣстѣ. Во избѣжаніе внезапнаго переселенія большой части крестьянъ, всѣ поселяне въ каждомъ имѣніи были раздѣлены на разряды, и каждый разрядъ получалъ въ свою очередь право перехода въ разные сроки, такъ что все освобожденіе продолжалось постепенно въ теченіе 14 лѣтъ. Тѣ, до коихъ очередь еще не дошла, могли исполнять повинности на прежнемъ основаніи по вакенбухамъ. Въ Курляндіи же, гдѣ вакенбуховъ заведено не было, всѣ помѣщики должны были составить, по соглашенію съ крестьянами и на основаніи прежняго обычая, таблицы, съ означеніемъ слѣдующихъ съ ихъ крестьянъ повинностей; таблицы эти, по утвержденіи оныхъ начальствомъ, служили нормою для взиманія повинностей, до заключенія съ крестьянами добровольныхъ договоровъ. вмѣстѣ съ ; тмъ въ Курляндіи (гдѣ приготавительнаго положенія въ 1804 году издано не было) учреждены были мірскія общества и крестьянскіе суды, по примѣру устроенныхъ въ 1804 году въ двухъ остальныхъ Остзейскихъ губерніяхъ. Въ сихъ же послѣднихъ, кругъ дѣйствія и степень власти крестьянскихъ обществъ и судовъ были нѣсколько расширены; однако помѣщику предоставлено по прежнему наблюденіе за полицейскимъ управленіемъ своего имѣнія. Такимъ образомъ, до сихъ поръ въ Остзейскихъ губерніяхъ нѣтъ станovýchъ приставовъ: всѣ распоряженія начальства идутъ чрезъ помѣщика, представляющаго такъ-называемую вотчинную полицію.

При освобожденіи крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ не было ни малѣйшихъ смуть, ни безпорядковъ; цѣнность имѣній съ тѣхъ поръ значительно возвысилась; но введеніе новыхъ положеній въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ не имѣло, къ сожалѣнію, послѣдствіемъ распространенія доволства между крестьянами; нѣкоторые крестьяне, напротивъ того, обѣднѣли послѣ освобожденія. Главной причины этого явленія стали искать въ недостаточномъ опредѣленіи правъ крестьянъ на пользованіе землею: крестьяне были освобождены вовсе безъ земли, и помѣщики ничѣмъ не были ограничены въ правѣ выгнать ихъ изъ занимаемыхъ ими участковъ; со введеніемъ же усовершенство-

ванной системы сельскаго хозяйства, помѣщики стали находить выгоднымъ обрабатывать землю въ свою пользу наемными работниками; потому стали отнимать у крестьянъ бывшіе у нихъ въ пользованіи участки земли, и присоединять участки эти къ господскимъ полямъ, или же отдавать ихъ въ аренду за весьма высокую цѣну, чему способствовало совмѣстничество многихъ безмѣстныхъ арендаторовъ, которые должны были согласиться на всякія условія, или же обратиться въ бездомныхъ работниковъ.

Вслѣдствіе этого и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, признано было необходимымъ дополнить эстляндское и лифляндское крестьянскія положенія, что и было сдѣлано въ 1849 и 1856 годахъ; причемъ крестьянскому сословію предоставлена въ неотъемлемое пользованіе извѣстная часть господской земли, такъ что помѣщикъ можетъ извлекать доходъ изъ земли этой иначе, какъ черезъ отдачу ея въ аренду, или черезъ продажу ея крестьянамъ (1).

Все вышесказанное можетъ, кажется, привести къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ:

Во Франціи возмущенія крестьянъ были слѣдствіемъ ненависти, внушаемой крестьянамъ, пріобрѣтшимъ уже извѣстную степень независимости, личными феодалными преимуществами дворянъ, лишившихся прежняго своего общественнаго значенія, и почти не принимавшихъ участія въ управленіи крестьянами. Въ Пруссіи, напротивъ того, феодалная власть дворянства держалась до XIX столѣтія, и законодательствомъ были уничтожены собственно матеріальныя преимущества дворянъ. вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленіе крестьянамъ права постояннаго пользованія владѣемыми ими землями и легкаго способа пріобрѣтенія земель этихъ въ собственность, посредствомъ выдачи крестьянамъ ссудъ (Pfundbriefe) подъ залогъ покупаемыхъ участковъ, обезпечило матеріальное благосостояніе крестьянъ. Потому освобожденіе ихъ не сопровождалось тамъ безпорядками. Въ Остзейскихъ губерніяхъ, благоразумныя приготовительныя мѣры 1804 года—приведеніе крестьянъ въ правильное крѣпостное состояніе и ограниченіе произвола помѣщиковъ—успѣшно подготовили

(1) См. Samson v. Himmelstern, *Histor. Vers. über die Aufheb. d. Leibeigenschaft in den Ostsee-Provinzen*. Dorpat 1838. и *Крестьянскія положенія 1804, 1816, 1817, 1819, 1849 и 1856 годовъ*; также *Историческій очеркъ устройства крестьянскаго сословія въ Эстляндской губерніи* въ *Журналь М—ва Внутр. Дѣлъ* за мартъ мѣсяць 1857 года.

самое освобожденіе и отвратили всякіе безпорядки. Но освобожденіе крестьянъ вовсе безъ земли и безъ права постоянного пользованія на землю привело къ объединенію крестьянъ и сдѣлало необходимымъ дополнить положенія 1816 и 1819 года. Въ Курляндіи только, благодаря особымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ (лучшему свойству почвы, существованію тамъ большею частью значительныхъ имѣній, и т. п.) положеніе 1817 года можетъ еще оставаться въ дѣйствіи, и то примѣненіе его было во многомъ по частямъ измѣнено мѣстною властью.

Что касается Англіи, то тамъ постепенный и незамѣтный переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе былъ возможенъ потому только, что переходъ этотъ начался весьма рано, и уже окончился въ XVII вѣкѣ, когда въ другихъ государствахъ Европы еще о томъ не думали, и вообще переходъ этотъ не сдѣлался еще потребностью народа. Въ Пруссіи, въ XIX вѣкѣ, ожидать такого постепеннаго перехода, было бы, со стороны правительства, очевидно несвоевременно и не благо-разумно.

П Ш ъ.

МИШУРА

КОМЕДИЯ ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Владиміръ Васильичъ Пустозеровъ, совѣтникъ губернскаго правленія.

Анисимъ Федорычъ Побѣдинскій, секретарь его.

Дашенька, дочь Анисима Федорыча.

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ, богатый помѣщикъ и откупщикъ.

Пурпуровъ, становой приставъ.

Потапъ Егорычъ Зайчиковъ, секретарь градской думы.

Николай Потапычъ Зайчиковъ, сынъ его, столоначальникъ губернскаго правленія.

Пикифоръ Михайловичъ Губанчиковъ, недоросль изъ дворянъ, 50 лѣтъ.

Прасковья Михайловна Губанчикова, сестра его.

Частный приставъ.

Прикащикъ купца Трезимова.

Андрей, слуга Пустозерова.

Матрена, горничная Дашеньки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Кабинетъ Владиміра Васильевича, убравный съ претензіями, но довольно бѣдно. На рабочемъ столѣ нѣсколько портфелей, кипы бумагъ, два бронзовыхъ подсвѣчника со стеариновыми свѣчами и множество на нихъ что не нужныхъ бездѣлушекъ. На другомъ столикѣ складное зеркало съ туалетными принадлежностями. По стѣнамъ литографированныя картинки, изображающія полуобнаженныхъ женщинъ въ разныхъ положеніяхъ. Мебель изысканная, но тяжелой и грубой работы. Двери на задней и на правой стѣнѣ. Налѣво драпировка отдѣляющая постель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Владиміръ Васильичъ (выходитъ изъ дверей направо, въ халатѣ и съ полотенцемъ въ рукахъ, которымъ вытираетъ, только что умытое лицо. Садится передъ зеркаломъ, и начинаетъ тщательно расчесывать волосы).

Андрей (выходитъ изъ тѣхъ же дверей, становится съ сложенными назадъ руками, и, ослабляясь, униженно кланяется).

Андрей.

Съ дни рожденія честь имѣю поздравить.

Владиміръ Васильичъ (*сухо*).

Что за глупость такая: что еще за поздравленія, что за деревенщину вытацилъ? Полтинника что ли захотѣлось?..

Андрей (*мрачно*).

Что мнѣ, сударь, въ вашемъ полтинникѣ... Сызмальства вашего... завсегда... объ Ивановѣ дни со дни вашего рожденія поздравляли...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, я тебѣ, кажется, еще прошлаго года говорилъ, чтобы этого не было... Я терпѣть не могу этихъ патріархальностей: оставь ихъ до того времени, какъ я тебя въ деревню отошлю... Тамъ этимъ довольны будутъ, а меня прошу избавить, потому что это ведетъ только къ тому, чтобы выпросить на водку, а потомъ напиться.

Андрей.

Какъ угодно. (*Свирьно взглядываетъ на барина и медленно идетъ къ дверямъ*.)

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да, мнѣ такъ угодно. (*Вслѣдъ Андрею*.) Да прошу тамъ никому не благовѣстить, что сегодня день моего рожденія... .

Слышишь?.. *(Про себя.)* А то эта губернская братія не можетъ представить себѣ никакого подобнаго дня безъ закуски насчетъ виновнаго. *(Смотрится въ зеркало и охорашивается.)* Въ двадцать семь лѣтъ совѣтникъ губернскаго правленія... не дурно!.. А хотѣлъ бы я для сегодняшняго дня назвать Дашеньку моею... *(Встаетъ и подходитъ къ письменному столу; осматриваетъ килы бумагъ.)* Экъ ихъ сколько! Есть ли человѣческая возможность все это прочесть... И за 900 цѣлковыхъ жалованья!.. *(Откидываетъ бумаги въ сторону и звонитъ.)* Высокое наслажденіе чувствовать себя безкорыстнымъ. Для этого чувства я готовъ все перенести, готовъ умереть, но и существовать на 900 цѣлковыхъ въ пору самой пылкой молодости... поставленному на видъ у цѣлой губерніи, развитому и образованному человѣку, видѣть безпрестанно возможность обогатиться и отталкивать всѣ соблазны съ презрѣніемъ: это не послѣдній подвигъ... *(Опять звонитъ съ нетерпѣніемъ.)* Эй... *(Звонитъ.)* Андрей...

АНДРЕЙ *(высовывая голову черезъ двери).*

Чего?

Владиміръ Васильичъ.

Что же я звоню, а ты не откликаешься, осель... Что за дурацкая манера? Отчего ты никогда не откликаешься, когда я звоню?

(Андрей молчитъ).

Владиміръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ?

АНДРЕЙ.

Да, чего звонить-то: фатера-то не больно велика. Чай слышу, какъ позовете.

Владиміръ Васильичъ.

Такъ что же ты не пришелъ, когда я звонилъ?

АНДРЕЙ.

Прибирался... Видно не дослышалъ.

Владиміръ Васильичъ.

Что за скотина: то слышалъ, то не дослышалъ... Скоро ли же чай? .

АНДРЕЙ.

Готовъ чай.

Владимиръ Васильичъ.

Ну, такъ подавай.

Андрей.

Сейчасъ.

Владимиръ Васильичъ (*передразнивая его*).

Сейчасъ. . Экой тонъ поганый. Стыдно держать-шо при себѣ эдакое животное.

Андрей (*подаетъ на поднось стаканъ чаю*).

Владимиръ Васильичъ.

Вотъ сколько разъ тебѣ было приказано, чтобы ты не показывалъ своихъ грязныхъ ручищъ... Отчего ты не въ перчаткахъ?

(*Андрей молчитъ.*)

Владимиръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ.

Андрей.

Не надѣлъ.

Владимиръ Васильичъ.

Отчего? вѣдь тебѣ приказано.

Андрей.

Да что ихъ надѣвать-то: вѣдь не гости.

Владимиръ Васильичъ.

Что ты, свинья, со мной рассуждаешь: тебѣ ничего не приказано подавать безъ перчатокъ.

Андрей.

Да перчатки-то, сударь, о двухъ пальцахъ: всѣ износились, а изволите взыскивать... (*Отварачивается.*)

Владимиръ Васильичъ.

Такъ ты долженъ былъ сказать: тебѣ бы купили.

Андрей.

Никакой купецъ спрашиваетъ... Войдти что ли прикажете...

Владимиръ Васильичъ.

Никакой купецъ! Экой языкъ топорный... Вели войдти... (*Андрей уходитъ.*) Что за дичь такая! Господи, когда образуется наша Русь православная.

ЯВЛЕНІЕ II.

Владиміръ Васильчъ и прикащикъ.

Прикащикъ.

Здравствуйте, сударь, ваше высоблагородіе.

Владиміръ Васильчъ.

Кто ты такой?

Прикащикъ.

Старшій прикащикъ, сударь, Ивана Алексѣича Трезимова.

Владиміръ Васильчъ.

Ну, что жь тебѣ надо?

Прикащикъ *(вполголоса)*.

По слѣдствію, сударь, ваше высокоблагородіе, что изволите производить надъ нашимъ хозяиномъ насчетъ виннаго завода.

Владиміръ Васильчъ.

Ну такъ что же? слѣдствіе будетъ произведено, и хозяинъ твой за свои мошенничества дорого заплатится.

Прикащикъ.

Помилуйте, сударь, ваше высокоблагородіе: хозяинъ нашъ ни въ чемъ не виноватъ въ этомъ... по одному невѣжеству только, что не зналъ вашего высокоблагородія... Но иначе хозяинъ нашъ не такой... *(Вынимаетъ изъ - за пазухи толстый конвертъ.)* Только не оставьте вашимъ знакомствомъ... *(Подаетъ конвертъ.)* Пожалуйте, ваше высокоблагородіе.

Владиміръ Васильчъ.

Это что такое?

Прикащикъ *(тайно и тихо)*.

Иванъ Алексѣичъ приказалъ благодарить...

Владиміръ Васильчъ.

За что благодарить?

Прикащикъ.

За ваше неоставленіе и пріятное знакомство... и для предбудущаго времени.

Владиміръ Васильчъ *(удерживая внутреннее волненіе)*.

Да что это такое?

Прикащикъ.

Сумма достойная вашего высокоблагородія.

Владиміръ Васильичъ *(нѣсколько повышая голосъ)*.

Это мнѣ прислалъ твой хозяинъ?

Прикащикъ.

Точно такъ, ваше высокоблагородіе, пожалуйста. *(Старается отдать въ руки пакетъ.)*

Владиміръ Васильичъ.

Прислалъ для того, чтобы я взялъ эти деньги и оправдалъ его по слѣдствію...

Прикащикъ.

Одного неоставленія и пріятнаго знакомства вашего для наипредбудущаго времени.

Владиміръ Васильевичъ.

Такъ твой хозяинъ надѣется подкупить меня, купить у меня правду и долгъ службы?.. *(Вдругъ повышая голосъ до крику.)* Да какъ ты осмѣлился борода, какъ осмѣлился твой мерзавецъ хозяинъ подумать подкупить чиновника, которому вполне довѣряетъ губернаторъ, о безкорыстіи и неподкупности котораго знаетъ вся губернія?..

Прикащикъ.

Помилуйте, ваше высокоблагородіе, объ этомъ никто не можетъ знать: дѣло семейное... Здѣсь никого нѣтъ... Пожалуйста, ваше высокоблагородіе, получите... Сумма достойная!... Окромя одной благодарности... будьте покойны: получите, ровно, сказать къ примѣру: умереть...

Владиміръ Васильичъ *(съ бѣшенствомъ)*.

Да какъ ты смѣешь, бородатое животное, какъ ты смѣешь... Да знаешь ли ты, что за это... я твоего хозяина въ Сибирь упеку... Онъ думалъ, что начальникъ губерніи будетъ довѣрять такимъ чиновникамъ, которыхъ подкупить можно... Онъ думалъ... Погоди же... *(Звонитъ.)* Это надобно довести до свѣдѣнія генерала... Я тебѣ дамъ... Я васъ обоихъ... *(Опять звонитъ.)*

Прикащикъ *(пряча пакетъ за пазуху)*.

Однаже помилуйте, ваше высокоблагородіе, я ничего... Что же такое... Извините, не знали вашей милости...

Владиміръ Васильичъ.

Погоди, я тебя заставлю узнать... Я васъ выучу... (*Звонитъ съ усиленіемъ.*) Андрей, Андрей!

Прикащикъ.

Ничего, сударь, я ничѣмъ не обезпокоютъ вашего высокоблагородія... Какъ угодно! Къ обидѣ вашей ничего не докладывалъ... Счастливо оставаться...

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, погоди, я тебя не отпущу... Я тебя велю взять въ полицію... Андрей!

Андрей.

Чего изволите?

Владиміръ Васильичъ.

Гдѣ ты пропадешь, осель... Пошолъ, позови ко кнѣ квартальнаго или частнаго, тамъ кого-нибудь... Пошолъ скорѣй...

Андрей.

Да нельзя отойти-то: поваръ на рынокъ побѣгъ, а печь растопилъ: надо присмотрѣть.

Владиміръ Васильичъ.

Пошолъ, тебѣ говорятъ...

Андрей.

Такъ какъ же печка-то? вѣдь, не сами же станете смотрѣть? того и смотри искора стреконетъ: бѣды наживешь.

Владиміръ Васильичъ.

Тебѣ что приказываютъ...

Прикащикъ.

Да напрасно изволите безпокоиться, ваше высокоблагородіе... Ничего я вамъ не докладывалъ, ни объ какой мздѣ...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ ничего? А деньги?...

Прикащикъ.

Никакъ нѣтъ-съ, сударь... Ни объ какихъ деньгахъ вашу честь не безпокоютъ... Напрасно изволили въ сердце войти... Хозяинъ, то-есть приказалъ только спросить: когда изволите его къ отвѣту потребовать... А это напрасно только изволите себя тревожить...

Владиміръ Васильичъ.

А, теперь запирается сталъ... Да хорошо вотъ въ полиціи тебя

сейчас допросать... (*Къ Андрею.*) Пошогъ же за квартальнымъ...
(*Андрей уходитъ.*)

Прикащикъ.

Какъ вамъ угодно, а я ничего-съ.

Владимиръ Васильичъ.

Какъ тебя зовутъ?..

Прикащикъ.

Какъ угодно вашей милости, а у меня дѣла хозяйскія: мнѣ время продолжать некогда... Счастливо оставаться... (*Проскользаетъ въ двери за Андреемъ.*)

Владимиръ Васильичъ.

Стой... А, шельма, ушелъ. Ловокъ, мошенникъ!.. Когда же наконецъ убѣдится этотъ дикій народъ, что могутъ быть на Руси чиновники совершенно неподкупные?.. А соблазнъ былъ не малъ: пакетъ порядочный... Знали къ кому шли... О, какъ бы можно обирать этихъ мошенниковъ, если бы захотѣть... Я радъ, что судьба послала мнѣ новый соблазнъ въ день моего рожденія и я не поддался ему: говорятъ, какъ проведешь первый день новаго года жизни, такъ и весь годъ... Андрей... Андрей... Ну, теперь зашелъ: не скоро его дождешься... (*Кладетъ передъ себя кипу бумагъ и начинаетъ ихъ читать. Въ сосѣдней комнатѣ слышится робкій кашель и шарканье ногами.*) Андрей, это ты? (*Кашель продолжается.*) Кто же бы это? (*Встаетъ, подходитъ къ дверямъ направо и пріотворивши ихъ, заглядываетъ въ сосѣдную комнату.*) Что вамъ угодно?.. Что же вы стоите тутъ? Пожалуйте сюда...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Владимиръ Васильичъ и Потапъ Егорычъ.

Владимиръ Васильичъ.

Что же это вы черезъ заднее крыльцо...

Потапъ Егорычъ (*въ мундиръ, при шпагѣ и съ треугольною шляпою въ рукахъ, робко и не ловко входя въ кабинетъ*).

Да я не... не посмѣлъ...

Владиміръ Васильичъ.

Чего же не смѣть? помиуйте...

Потапъ Егорычъ.

Да я... это все равно, ничего-съ... я, чтобы не беспокоить...
Честь имѣю явиться, секретарь захарьевской градской думы, титулярный совѣтникъ Зайчиковъ.

Владиміръ Васильичъ.

Не угодно ли вамъ садиться?

Потапъ Егорычъ.

Помиуйте, я и постою-съ...

Владиміръ Васильичъ.

Садитесь, садитесь, безъ церемоніи...

Потапъ Егорычъ.

Не усталъ-съ... все сидѣлъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да садитесь же, пожалуйста... Вотъ стулъ, вотъ... Садитесь.

Потапъ Егорычъ.

Что вы такъ изволите беспокоиться?.. Не успѣлъ заслужить такой чести... *(Присаживается на конецъ стула.)*

Владиміръ Васильичъ.

Что же вы по дѣлу здѣсь?.. Да, какъ бишь вы называли свою фамилію.

Потапъ Егорычъ ^г*(привставая)*.

Зайчиковъ, титулярный совѣтникъ.

Владиміръ Васильичъ.

Зайчиковъ... У меня въ отдѣленіи есть молодой человекъ Зайчиковъ: вы не родственникъ ли ему?

Потапъ Егорычъ.

Мой собственный сынъ... *(Вставая.)* Почель долгомъ принести вашему высокородію мою родительскую благодарность за вашкъ нему благодѣянія... Повѣрьте, ваше высокородіе, моя молитва за васъ... всегда...

Владиміръ Васильичъ.

Полноте, какія же благодѣянія... Садитесь, пожалуйста... Я сдѣлалъ только то, что былъ обязанъ: вижу, молодой человекъ изъ университета, я самъ университетскій, мы стараемся окружить себя подобными людьми... Онъ теперь столоначальникъ... Ну,

хоть это и не много, но что дѣлать. я самъ такъ же началъ... Теперь по крайней мѣрѣ онъ хоть имѣетъ возможность существовать, а главное, можетъ показать свои способности... Я говорилъ о немъ и губернатору.

Потапъ Егорычъ (со слезами на глазахъ).

Не знаю какъ благодарить, не знаю какъ...

Владимиръ Васильичъ.

Да благодарить и не нужно: я это сдѣлалъ не для васъ и не для него, а для дѣла... Онъ молодой человѣкъ, образованный, развитый, съ новыми взглядами, слѣдовательно вѣроятно будетъ и безкорыстенъ... а мы съ генераломъ только этого и желаемъ... Одно мнѣ не нравится въ вашемъ сынѣ: онъ очень пылокъ, и не знаю, какъ вамъ сказать, жизни ли онъ не понимаетъ или слишкомъ много думаетъ о себѣ, но нѣтъ въ немъ этой необходимой въ службѣ уступчивости, терпѣнія...

Потапъ Егорычъ.

Молодъ-съ... Это по молодости, отъ неопытности.

Владимиръ Васильичъ.

Нѣтъ, вотъ видите ли: всѣ вѣдь мы въ университетѣ думаемъ министрами быть, но потомъ, когда послужилъ годъ, поосмотришься, видишь, что для всего есть свои законы, правила, дороги, и... покоряешься... Ну, и ему бы кажется, пора понять это: три года служить...

Потапъ Егорычъ.

Четыре, ваше высокородіе.

Владимиръ Васильичъ.

Вотъ видите, а между тѣмъ до сихъ поръ онъ позволять себѣ нѣкоторыя выходки: то изъ присутствія уйдетъ прежде времени, то не явится вечеромъ... подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло свое сдѣлалъ, да вѣдь порядокъ нарушаетъ... Ну, и формы не соблюдаетъ, иногда даже умышленно. Конечно, смѣшно, что какой-нибудь столоначальникъ рассуждаетъ объ установленномъ и уже существующемъ порядкѣ, а между тѣмъ это можетъ повредить его служебной карьерѣ...

Потапъ Егорычъ.

Внушаю, стараюсь внушить: какъ можно позволять себѣ свое рассужденіе... долженъ все исполнять, что тебѣ начальство приказываетъ, въ томъ вся наша служба... Когда начальство къ намъ

благоволятъ, въ томъ все наше счастье, а не будетъ милости отъ начальства, что съ нами станется... Не знаю какъ это онъ такъ... вѣтреникъ этакой... А долженъ сказать, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, никогда я не видаю отъ него непочтенія, али тамъ какого ослушанія: не смотреть на свою ученость, не гнушается моими словами, благодареніе Богу, почитаетъ отца-старика неученаго... Внушу, буду внушать, не оставьте только своими милостями... Что мы безъ милости начальства?.. долго ли нашего брата уничтожить?..

Владиміръ Васильичъ.

Онъ у васъ единственный сынъ?..

Потапъ Егорычъ *(жалобно)*.

Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, семерыхъ имѣю... три мальчика въ гимназіи, а еще три дочки при мнѣ находятся въ дѣвкахъ...

Владиміръ Васильичъ.

А сколько вы жалованья получаете?

Потапъ Егорычъ.

85 рублей серебромъ съ копейками.

Владиміръ Васильичъ *(сухо)*.

Скажите пожалуйста, какъ же вы могли дать такое воспитаніе вашимъ сыновьямъ?..

Потапъ Егорычъ.

По милости Божіей тащился кое-какъ: хоть не наживалъ, да безъ хлѣба не сидѣлъ и дѣтокъ хотѣлось людьми сдѣлать... *(Встаетъ.)* А теперь... осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему великодушію... Съ тѣмъ пришелъ: защитите, ваше высокородіе... Заставьте за себя Бога молить: не дайте старику отъ печали умереть и семью безъ куска насущнаго оставить...

Владиміръ Васильичъ.

Что это? Что такое вамъ нужно?

Потапъ Егорычъ.

При несчастіи нахожусь... Вы добродѣтельный человекъ: не оставьте несчастныхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Пожалуйста, безъ предисловія: въ чемъ дѣло? Мнѣ некогда, извините меня.

Потапъ Егорычъ.

Будте милосердны, позвольте все подробно обяснить.

Владимиръ Васильичъ.

Ну, говорите, только покороче.

Потапъ Егорычъ.

Въ одну минуту—съ... Простите великодушно, что беспокою ваше высокородіе, не прогнѣвайтесь... Какъ изволили ихъ превосходительство въ послѣдній разъ по губерніи на ревизію ѣздить... изволили поѣхать инкогнито, никто ничего не зналъ, пріѣхали вдругъ въ нашъ городишко и прямо по присутственнымъ мѣстамъ... Я только что успѣлъ сбѣгать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсѣмъ по старости лѣтъ, а они ужъ и къ намъ пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и отъ попыховъ—то, и со страху, что наслышался объ ихней строгости, духу не могу перевести, даже языкъ къ гортани присохъ, въ горлѣ стѣсненіе сдѣлалось... Посмотрѣли на меня и спрашиваютъ: «ты секретарь?..» Только я голосомъ знакъ подалъ, а языкъ даже не проговорилъ и ихнаго чина не произнесъ... Посмотрѣли этакъ на меня и на мундиришко мой, а онъ ужъ, правда, старенецъ же былъ, да и спрашиваютъ: «сколько лѣтъ у тебя мундиру...» И опять я не могъ дать отвѣта: мну, мну языкомъ, не говорить... Тутъ опять посмотрѣли на меня ихъ превосходительство и изволили сказать: «и видно, говорятъ, у кого совѣсть—то не чиста». Пошли въ присутственную комнату, не понравилось убранство: «кто, спрашиваютъ, канцелярскую сумму расходуетъ?» Голова отвѣчаетъ, что секретарь. Стали они тутъ на меня гнѣваться, что канцелярскую сумму будто бы себѣ въ карманъ кладу, а велика она, извольте справиться: только бы на бумагу, да на свѣчи стало, нынче же бланки и книги все съ печатными заголовками приказано имѣть: откуда тутъ на убранство взять?.. Мнѣ бы все это изяснить, а ужасъ меня обуяла: языкъ точно деревянный... Тутъ стали ревизію производить, а у меня за два послѣднихъ дня и журналовъ не выведено, потому общество у насъ маленькое, дѣловъ никакихъ не было... Конечно для порядку слѣдовало бы поверстать изъ другихъ день, да вѣдь, не знали и ничего даже не слышали, что скоро будетъ ревизія. Такъ этимъ разогорчились ихъ превосходительство, что все ужъ тутъ стало не по нихъ: въ архивѣ порядокъ не понравился, у одного служащаго сапоги худые на ногахъ усмотрѣли, спросили меня, который мнѣ годъ; на бѣду

языкъ проговорилъ, что шестьдесятъ—пять лѣтъ, и это имъ обидно показалось, зачѣмъ до такихъ преклонныхъ лѣтъ службу продолжаю, что хотя разуму я и лишился, но въ лихоимствѣ будто бы и купцовъ обирать понятія не потерялъ. Конечно, противъ ихъ превосходительства я къ сердцу этихъ словъ принять не осмѣлился, потому того заслужилъ, хотя и не чувствую себя въ томъ виноватымъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, но полагалъ, что ихъ превосходительство погибаваются да и разсудить изволятъ, не думалъ того, что вдругъ меня постигло: вмѣстѣ съ распоряженіями по ревизіи пришло отъ ихъ превосходительства предписаніе, чтобы я немедленно подалъ въ отставку... Войдите въ мое положеніе, ваше высочордіе, на васъ однихъ надежда.

Владиміръ Васильичъ.

Чего же вы хотите отъ меня?

Потапъ Егорычъ.

Ихъ превосходительство вамъ довѣряютъ: одно ваше слово много значить, заступитесь за несчастнаго...

Владиміръ Васильичъ.

Что же вы, значить, считаете генерала несправедливымъ?

Потапъ Егорычъ.

Осмѣлюсь ли я только это подумать противъ начальства...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ что же вы хотите, чтобы я для васъ покривилъ совѣстью, прося губернатора измѣнить его правильное распоряженіе?

Потапъ Егорычъ.

Ничего я не осмѣливаюсь желать, прошу только вашего милосердія: нахожусь на службѣ сорокъ пять лѣтъ и никто про меня худо не скажетъ, весь городъ до послѣдняго мальчишки знаетъ меня, и никто на меня не пожалуется, хоть справку извольте навести—это Богъ видитъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, послушайте, о чемъ же вы хлопчете: прослужили сорокъ пять лѣтъ, будетъ съ васъ, пора другимъ дать мѣсто: вы уже стары, въ васъ не можетъ быть той энергіи, какъ въ молодомъ человѣкѣ; молодымъ людямъ надо уступать дорогу: они будутъ полезнѣе васъ для отечества. А вамъ по настоящему должно быть совѣстно даже оставаться на службѣ: пенсію вы выслужили, чего вамъ еще ожидать отъ службы?

Потапъ Егорычъ.

Но будьте же великодушны, чѣмъ я буду суживать? велика ли моя пенсія?

Владиміръ Васильичъ.

Такъ послушайте же, мой любезнѣйшій, что я вамъ скажу: впервыхъ, служба не богадѣльня, ввторыхъ, какъ же вы могли существовать при вашемъ маломъ жалованьѣ?..

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, сами разсудите: можно ли жить однимъ нашимъ жалованьемъ съ эдакою семьей?.. Дай Богъ здоровья, меня купцы не оставляли...

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ видите, почтеннѣйшій, вы сами признаетесь, что брали съ купцовъ, а еще смѣете просить, чтобы я ходатайствовалъ за васъ передъ начальникомъ губерніи.

Потапъ Егорычъ.

Да ваше высокородіе, будьте милосерды: я никому не оказывалъ притязанія, бралъ, что принесутъ, какъ милостыню, купцы меня безъ души любятъ... Да еслибы я не бралъ отъ нихъ, такъ же то что дать дѣтямъ какое-нибудь ученье, а и грамотѣ-то бы ихъ не на что было выучить... И какъ бы я мужикъ, али мѣщанинъ былъ, такъ хоть бы мастерству ихъ какому обучилъ, а то вѣдь мы тоже чиновники, дворяне называемся...

Владиміръ Васильичъ.

И гораздо бы лучше вамъ было оставить ихъ неучами, нежели образовывать на незаконно-нажитыя деньги.

Потапъ Егорычъ.

Богъ видитъ, ваше высокородіе, дѣлалъ ли я что незаконное...

Владиміръ Васильичъ.

Всякій чиновникъ долженъ жить на тѣ средства, которыя ему даю правительство, а тотъ, который позволяетъ себѣ побочные доходы, не можетъ быть терпимъ на службѣ...

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, пощадите: на васъ однихъ надежда...

Владиміръ Васильичъ.

Ничего я для васъ не могу сдѣлать: было бы низко съ моей стороны хлопотать за васъ. Я знаю, что можно существовать

однимъ жалованьемъ. Конечно, я больше вашего получаю, но я и живу въ большемъ обществѣ, у меня и потребностей больше вашего, однако я существую же; бѣдствую, терплю лишения, но существую однимъ жалованьемъ.

Потапъ Егорычъ (*нервнически*).

Ваше высокородіе, я и благодарить готовъ, только не оставьте..

Владиміръ Васильичъ (*грозно*).

Что-о-съ? Такъ еще вы осмѣливаетесь и мнѣ даже предлагать взятку, мнѣ?.. Вы до такой степени сроднились со взятками, что даже вѣрите въ возможность подкупить меня... И вы еще смѣли просить моего ходатайства?..

Потапъ Егорычъ (*оробѣвъ*).

Ваше высокородіе, ваше высокородіе!.. только по вашимъ ласкамъ, по вашему вниманію осмѣлился...

Владиміръ Васильичъ.

А, такъ вы привыкли думать, что если вамъ подають руку, сажаютъ васъ, такъ хотять съ васъ взятки... О, чернильное племя, да когда же оно выродится?.. Не только защищать, буду настаивать, чтобы васъ выгнали...

Потапъ Егорычъ (*на колыняхъ*).

Простите, пощадите... одна надежда на васъ... Радъ послѣднее отдать для семьи...

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, извольте идти... хм... Дворянинъ на колыняхъ... не позорьте своего званія... это гнусно...

Потапъ Егорычъ.

Вѣдь ничего у меня нѣтъ, вѣдь пропадетъ моя семья отъ бѣдности.

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, говорятъ вамъ: я ничему не повѣрю послѣ того, что вы осмѣлились... Вы заставляете меня думать, что и сынъ пойдетъ по вашей дорогѣ...

Потапъ Егорычъ.

Нѣтъ, нѣтъ... его-то не погубите: онъ ни въ чемъ не виновать... Батюшка, ваше высокородіе... (*Плачетъ*.)

Владиміръ Васильичъ.

Подите же вонъ, если не хотите, чтобы я велѣлъ васъ вывести.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тъ же, Андрей и частный приставъ.

АНДРЕЙ.

Принялъ частный-то.

Владимиръ Васильичъ.

Позови сюда...

АНДРЕЙ.

Да еще секретарь, Анисимъ Федорычъ.

Владимиръ Васильичъ.

Проси.

Потапъ Егорычъ.

Такъ не будетъ милости?..

Владимиръ Васильичъ.

Пойдите, а то будетъ худо.

Потапъ Егорычъ.

Хоть сына-то не оставьте! *(Уходитъ, сдерживая рыданія.)*

(Частный приставъ и Анисимъ Федорычъ входятъ въ двери задней стѣны. Частный приставъ останавливается у самыхъ дверей, Анисимъ Федорычъ съ портфелемъ проходитъ нѣсколько впередъ въ сторону.)

Владимиръ Васильичъ *(къ Анисиму Федорычу).*

Здравствуйте, Анисимъ Федорычъ! *(Подаетъ ему руку.)* Здравствуйте. *(Киваетъ головою частному приставу.)*

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Изволили требовать.

Владимиръ Васильичъ.

Да вотъ видите зачѣмъ я васъ просилъ.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Что изволите приказать?

Владимиръ Васильичъ *(обращаясь то къ секретарю, то къ частному приставу).*

Вообразите: сейчасъ приходилъ ко мнѣ прикащикъ купца Трезмова...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Вѣрно того, что снялъ заводъ у помѣщика Ахтубова и вмѣсто десяти тысячъ ведеръ производилъ сто тысячъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да, да! и представьте осмѣлился предлагать мнѣ взятку: огромный пакетъ съ деньгами...

Частный приставъ *(подобострастно
ужмыляясь)*.

Хм... какой... негодяй... Какъ же онъ смѣлъ-съ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Вѣрно ходатайствовалъ по этому самому дѣлу?..

Владиміръ Васильичъ.

Да!.. вѣдь вы знаете, что генералъ, не довѣряя никому и зная, что тутъ замѣшана вся земская полиція, нарочно поручилъ это дѣло мнѣ... Они ужъ объ этомъ пронюхали и вздумали подкупить—кого же? меня!..

Частный приставъ.

Хм... да-съ... *(Неодобрительно качаетъ головой.)* Народъ смѣлый-съ...

Анисимъ Ѳедорычъ *(спокойно)*.

Мошенники... *(Отворачивается и украдкой нюхаетъ табакъ.)*

Владиміръ Васильичъ *(къ частному приставу)*.

Я хотѣлъ его задержать и послать за вами: онъ какъ только замѣтилъ, что человекъ мой ушелъ, сейчасъ и скрылся...

Частный приставъ.

Хм... Скажите-съ... Какой народецъ...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ отыщите его, пожалуста: имени своего онъ мнѣ не сказалъ, да я его сейчасъ узнаю: такой смуглый и рябоватый, рожа плутовская.

Частный приставъ.

Слушаю! Постараю-съ!...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Запретса... Это съ опытомъ былъ подосланъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, вотъ я имъ покажу, что значить дѣлать со мной эти опыты...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Запретя-сь... признанія не сдѣлаеть...

Владиміръ Васильичъ.

Все равно, пусть не дѣлаеть. Губернаторъ и безъ признанія прикажетъ съ нимъ распорядиться...

Частный приставъ.

Прикажете идти?

Владиміръ Васильичъ.

Да, пожалуйста, потрудитесь его отыскать...

Частный приставъ.

Слушаю-сь... *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, безъ частнаго пристава.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Журналы изволили просматривать?

Владиміръ Васильичъ.

Да, читалъ, только не всё подписалъ, уже въ присутствіи... Возьмите ихъ, пожалуйста, съ собой... А насчетъ замѣчанія севата... тутъ можно выдти редакціей... изложеніемъ этого... вы не можете... Ну, это я самъ сдѣлаю.

Анисимъ Ѳедорычъ *(собирая и укладывая въ портфель бумаги.)*

Вице-губернаторъ вчера требовалъ меня къ себѣ...

Владиміръ Васильичъ.

Это зачѣмъ?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не соглашается на преданіе суду чернокрутскаго и верхне-ланскаго земскихъ исправниковъ за медленность взыскаія недоимокъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да что намъ за дѣло, что онъ не соглашается, когда губернаторъ приказалъ... Генералъ непремѣнно хочетъ, чтобы всѣ недоимки къ новому году были очищены... во что бы то ни стало.

Анисимъ Федорычъ.

Да вѣдь и не сообразно, Владиміръ Васильичъ, и суду-то ихъ предать: за это бы и нельзя по настоящему...

Владиміръ Васильичъ.

Вы вѣдь знаете, что это губернаторъ, приказалъ: такъ вице-губернаторъ можетъ не соглашаться сколько ему угодно; пусть подастъ мнѣніе, а между тѣмъ журналъ привести въ исполненіе... Вѣрно ему тѣ исправники *очень дороги*, что онъ такъ вступается за нихъ...

Анисимъ Федорычъ.

Не могу знать-съ... Опять приказали сорокинскому станному приставу Пурпурову написать строжайшій выговоръ по жалобѣ вольноотпущенной женки Петровой. на медленность производства слѣдствія о покражѣ у нея имущества на двадцать пять рублей съ копѣйками...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да...

Анисимъ Федорычъ.

По закону сначала слѣдуетъ потребовать объясненія... Ему уже и то было пять выговоровъ, а за шестымъ слѣдуетъ преданіе уголовного суда...

Владиміръ Васильичъ.

Мнѣ этого-то и хочется; я слышалъ, онъ большой мошенникъ.

Анисимъ Федорычъ.

Прикажете написать выговоръ?

Владиміръ Васильичъ.

Да, да, непременно.

Анисимъ Федорычъ.

Слушаю-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Больше ничего нѣтъ особеннаго?

Анисимъ Федорычъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Не слышали ли чего новенькаго?

Анисимъ Федорычъ.

Вице-губернаторъ на васъ въ большой претензіи осякнется. Вчера даже и на меня кричали: если что случится—защитите...

Владиміръ Васильчъ.

Ужь объ этомъ не безпокойтесь: за мною вы совершенно без-
опасны. Чтò же такое, разкажите пожалуста?

Анисимъ Федорычъ.

Не извольте огнѣваться: фанаберіей, говорить, забирается, а
дѣла не смыслить; изъ пустяковъ, говорить, шумъ выводить, а
важное изъ виду упускаетъ. Бѣдняковъ, говорить, преслѣдуетъ,
а настоящихъ взяточниковъ около себя держитъ...

Владиміръ Васильчъ.

Ага! не по душѣ ему это преслѣдованіе... Знаетъ кошка чье
мясо съѣла... Ну, да не долго и ему насидѣть: говорить, что не
беретъ, ни за что не повѣрю; не можетъ тотъ не брать, кто защи-
щаетъ взяточниковъ... Надобно объ этомъ передать губернатору...

Анисимъ Федорычъ.

Только-вы, Владиміръ Васильчъ, меня пожагѣйте: тоже и
вицъ-губернаторъ человекъ случайный...

Владиміръ Васильчъ.

Я вамъ сказалъ, что вы, пока держитесь меня, можете быть
совершенно покойны...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тъ же, Андрей и Золотаревъ.

Андрей (*входя*).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ пріѣхалъ.

Владиміръ Васильчъ.

Проси, проси. До свиданія, Анисимъ Федорычъ.

Золотаревъ (*входя*).

Здравствуйте, Владиміръ Васильчъ... Извините, я, кажется,
помѣшалъ вашимъ занятіямъ?

Владиміръ Васильчъ.

Извините, что я встрѣчаю васъ въ такомъ дезабилье... А заня-
тія мои никогда не прерываются: это безконечная исторія... (*Къ*
Анисиму Федорычу.) Такъ, пожалуста, сдѣлайте поскорѣй испол-
неніе по этимъ бумагамъ.

Анисимъ Федорычъ.

Слушаю-съ. Честь имѣю свидѣтельствовать почтенію. (*Жалается Золотареву.*)

Золотаревъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Анисимъ Федорычъ. (*Подаетъ ему руку.*)

(*Анисимъ Федорычъ уходитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*подвигая кресла Золотареву.*)

Прошу васъ покорнѣйше. А вы знакомы съ моимъ секретаремъ?

Золотаревъ.

Помилуйте, кто же изъ здѣшнихъ помѣщиковъ не знаетъ Анисима Федорыча? онъ вѣдь нѣсколько лѣтъ назадъ былъ секретаремъ здѣшней гражданской палаты, да при прежнемъ предсѣдателѣ его, кажется, попросили удалиться, былъ нѣсколько времени безъ мѣста, и вотъ опять дѣйствуетъ на пользу службы... (*Дуслиленно улыбается.*)

Владиміръ Васильичъ.

Да и въ губернскомъ правленіи ему бы не усидѣть на мѣстѣ: слухи о немъ ходили не совсѣмъ хорошіе, да я замѣтилъ, что онъ отличный дѣлецъ, и упросилъ губернатора оставить его; онъ можетъ быть очень полезенъ для службы, только его надобно держать въ рукахъ...

Золотаревъ.

Смотрите, не похвастайте, онъ опытная щука, какъ разъ выскользнетъ изъ рукъ, и не замѣтите.

Владиміръ Васильичъ.

Если и выскользнетъ, то, надѣюсь, не въ рѣку, а въ садокъ гдѣ ей будетъ ужъ очень голодно.

Золотаревъ.

Щука и въ садкѣ сумѣетъ найти поживу; впрочемъ это не бѣда: пусть ее ѣсть, лишь бы другіе были сыты... Но не въ томъ дѣло... Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой, Владиміръ Васильичъ...

Владиміръ Васильичъ.

Что вамъ угодно, Дмитрій Николаичъ? готовъ все исполнить съ величайшимъ удовольствіемъ.

Золотаревъ.

Ловлю на словѣ: согласіе дано прежде просьбы, слѣдовательно можно высказать просьбу не стѣснясь... Скажите, пожалуйста, за что вы напали такъ на Трезимова...

Владиміръ Васильичъ.

О, это величайшій мошенникъ...

Золотаревъ.

Вотъ ужъ ничего. не видя и мошенникъ: какъ вы, молодые люди, щедры на привѣтствія...

Владиміръ Васильичъ.

Да помилуйте, Дмитрій Николаичъ, вообразите, что онъ осмѣлился со мной сдѣлать не дальше, какъ сегодня...

Золотаревъ.

Знаю, знаю, и полагаю уже половина города знаетъ объ его преступленіи и о вашемъ геройствѣ.

Владиміръ Васильичъ *(смуцаясь)*.

Да какимъ же образомъ вы могли такъ скоро узнать?

Золотаревъ.

Очень просто: я ѣхалъ къ вамъ, какъ встрѣтился съ частнымъ приставомъ Тебетенниковымъ; у меня была маленькая просьбика, требующая немедленнаго исполненія по случаю покражи въ которой суммы денегъ, тысячъ въ десять серебромъ, совершенной сегоднешнею ночью у одного изъ моихъ повѣренныхъ, тоже порядочнаго вора, признаться сказать... Такъ я, благо встрѣтился, и просилъ было его принять немедленно мѣры къ отысканію такого искуснаго вора, который умѣлъ обокрасть своего товарища. Никакъ, говорить, не могу: Владиміръ Васильичъ приказалъ отыскать мошенника, который давалъ ему денегъ; а вѣдь такихъ мошенниковъ не много, Владиміръ Васильичъ, которые бы денегъ—то давали!... долженъ, говорить, отыскать этого мошенника во что бы то ни стало, а до тѣхъ поръ, говорить, никакими государственными дѣлами заниматься не дозволено...

Владиміръ Васильичъ *(сметая, чтобы скрыть невольное смущеніе)*.

Ха-ха-ха!..., Вы вѣчный острякъ и шутникъ... Но что же вамъ до Трезимова?

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Какъ что, помилуйте! онъ въ части со мной по откупѣ, а если вѣдь вы его подберете къ рукамъ, такъ онъ, пожалуй, обанкрутится, а чрезъ это, вопервыхъ, государство потеряетъ одинъ изъ производительныхъ капиталовъ, ну да государство, положимъ, не будетъ плакать: оно останется довольно неподкупностью и распорядительностью своихъ чиновниковъ, а вотъ мои-то дѣла пострадають, вотъ что прискорбно...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ зачѣмъ же, скажите пожалуста, онъ рѣшился тайно производить большее количество ведеръ? вѣдь онъ перестроилъ и усилилъ заводъ не испросивши дозволенія и не заплативши незаконныхъ пошлинъ; а онъ, говорятъ, очень богатъ.

Золотаревъ.

Да за это, конечно, онъ дуракъ, а по капиталу онъ, дѣйствительно, субъектъ очень интересный для анатомическихъ изслѣдованій какъ неподкупной, такъ и другой противоположной ей администраціи, ибо первая можетъ отличиться неподкупностью возрѣвнѣи и честностью труда, другая, обогатиться разнообразными пріобрѣтеніями... Но оставимъ всѣ эти побрякушки и обратимся къ дѣлу; вотъ въ чемъ моя просьба: нельзя ли какъ замѣть это дѣло?

Владиміръ Васильичъ.

Что вы говорите, Дмитрій Николаичъ? Ужь на это-то я никакъ не рѣшусь, и даже удивляюсь, какъ вамъ вздумалось оскорблять меня такою просьбой...

Золотаревъ.

Ну, послушайте, удивляться тутъ нечему и оскорбляться также; вѣдь я вамъ денегъ не предлагаю, а каждому просить о томъ, что для него нужно, позволяется... не правда ли?... Такъ на этомъ-то законномъ основаніи я и прошу васъ, а вотъ и резоны: вы начнете производить слѣдствіе, Трезимовъ, можетъ, успѣетъ доказать, не то, что вамъ хочется—и тогда все дѣло будетъ пустякъ... Ну, положимъ, что вы и докажете противное, такъ вѣдь не вы послѣдніе судьи, можетъ-быть и слѣдствіе окажется неправильно произведеннымъ, пріѣдутъ новые слѣдователи, для которыхъ дѣло предстанетъ въ другомъ свѣтѣ... и тогда ваше рвеніе пропадетъ даромъ... Такъ не заводите шуму изъ пустяковъ, и, если ваша совѣсть такъ щекотлива, что вы не можете покривить

ей, такъ вотъ вамъ средство: уступите это дѣло другому слѣдователю...

Владиміръ Васильичъ.

Губернаторъ мнѣ его поручилъ, и я его долженъ произвести...

Золотаревъ.

То есть, можетъ-быть, вы опасаетесь, что губернаторъ заподозритъ васъ въ чемъ-нибудь, если вы передадите это дѣло другому,—небойтесь: вы можете именно представить ту причину, что вы совѣтникъ, и что вамъ не ловко производить слѣдствіе, или наконецъ даже то, что уже къ вамъ приходили съ подкупомъ, и что поэтому уже самому вы не можете быть совершенно безпристрастны... Вы ужъ теперь огласили, что васъ подкупали: хорошо, если откроете, что вамъ хочется, а если не успѣете, то, увѣряю васъ, весь городъ будетъ думать, что вы приняли деньги, а распустили слухъ о своей неподкупности для того, чтобы замаскировать свой поступокъ.

Владиміръ Васильичъ.

Я ничего не боюсь, увѣряю васъ... въ моей честности никто не смѣетъ сомнѣваться... И развѣ это не значить покривить своей совѣстью: передать дѣло отъ себя въ другія руки для того, чтобы оно было произведено противозаконно...

Золотаревъ.

Эхъ, Боже мой, неужели вы думаете, что при нашемъ губернаторѣ нѣтъ честныхъ людей, кромѣ васъ? А хотите вы мнѣ вѣрете или нѣтъ: я уважаю честныхъ людей и поэтому-то желаю вамъ добра... Я вамъ разкажу притчу: въ одномъ мѣстѣ явился богатырь, началъ все рубить и крошить, что ни попадалось подъ руку: летѣли секретари, столоначальники, засѣдателя, исправники, ничто не могло сопротивляться... Очень расхрабрился нашъ богатырь и вздумалъ помѣряться силами съ нѣкоторымъ чудовищемъ, называемымъ миллионъ: сшибъ у одного голову, сшибъ у другаго, только вступились за обиженныхъ прочіе—и слетѣлъ богатырь съ мѣста, какъ ни крѣпко стоялъ на немъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АНДРЕЙ, ПОТОМЪ НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ И ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

АНДРЕЙ (*торопливо входя*).

Владиміръ Васильичъ!

Владиміръ Васильичъ.

Что тебѣ нужно?

АНДРЕЙ.

Пожалуйте сюда...

Владиміръ Васильичъ.

Да что тебѣ?

АНДРЕЙ.

Да папенька съ маменькой пріѣхали.

Владиміръ Васильичъ (*мглыясь въ лицо*).

Гдѣ?

АНДРЕЙ.

Здѣсь, въ прихожей раздѣваются. (*Уходитъ*.)

Золотаревъ.

Ну-съ очень радъ, что нашъ разговоръ прерывается такимъ радостнымъ для васъ событіемъ.

Владиміръ Васильичъ (*въ сильномъ замѣшательствѣ*).

Нѣтъ, вотъ видите... Вѣдь онъ вретъ..., Вѣдь онъ дуракъ... Это дальніе дядя и тетка мои, у которыхъ я воспитывался послѣ смерти моихъ родителей... Они... они...

Золотаревъ.

Но все-таки для васъ это дорогіе гости... Надѣюсь, что хоть ради ихъ пріѣзда, вы исполните мою просьбу...

Владиміръ Васильичъ.

Я, право, не знаю... Извините меня...

Голоса за сценой.

Да гдѣ онъ? гдѣ нашъ Володя?

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ И ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА (*входя*).

Вотъ онъ, вотъ нашъ Володя. (*Бросаются къ нему и стараются обнять. Владимиръ Васильичъ смущенный старается*

уклониться отъ объятій, улыбается, хмурится, блѣднѣетъ и краснѣетъ.)

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

А, каковы мы, Володя? прикатили! ха, ха, ха! *(Потираетъ руки.)*

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да что ты здоровъ ли, что точно не въ своей тарелкѣ... Али не радъ намъ?

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЧИЧЪ.

Нѣтъ, помилуйте, тетушка... Вотъ у меня... *(Указываетъ на Золотарева.)* Извините, Дмитрій Николаичъ.

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Извините меня... Позвольте...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА *(перебивая его)*.

Нѣтъ, какъ ты меня тетушкой-то назвагъ... Неужели ужъ со-всѣмъ отвыкъ... *(Обращаясь къ Золотареву.)* Не имѣю, сударь, чести знать вашего имени, отчества... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, не взыщайте на нашей простотѣ... Рада чести васъ видѣть у моего Володеньки и карету вашу видѣли, карета прекрасная, видно вы люди богатые, мы люди бѣдные.

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

А мы въ кибиточкѣ притащились... ха, ха, ха!.. Въ кибиточкѣ...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Извините, батюшка, на нашемъ необразованьи, на нашемъ неученыи... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, изъ простыхъ-простые...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Очень пріятно, сударыня, очень пріятно... *(Къ Владимиру Васильичу вполголоса.)* Вполнѣ понимаю ваше положеніе, и если угодно, оставляю для одного себя тайною вашу радость... Но какъ же ваше согласіе?

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЧИЧЪ *(совершенно смущенный)*.

Извольте, я согласенъ... Это такъ странно случилось...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Будьте, покойны... Прощайте...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Прощайте, сударь...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Прощайте, сударыня...

НИКИФОРЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Позвольте познакомиться: недоросль изъ дворянъ, Никифоръ Михайловъ Губанчиковъ... Въ пятьдесятъ лѣтъ недоросль, а все-таки изъ дворянъ, замѣтьте!.. Ха, ха, ха... Да, да, вотъ какого воспитагъ... *(Указываетъ на Владиміра Васильевича.)*

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Это все я, все я хлопотала: и въ гимназію я опредѣляла... Не вѣрете, батюшка, гдѣ бы ему...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Очень радъ, очень радъ... Прощайте, Владиміръ Васильичъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ЗОЛОТАРЕВА.

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА *(подбѣгая къ Владиміру Васильичу).*

Ну, ну, перестань: не бойся, вѣдь, не сержусь... Все высказала и съ души долой... Ну-ка обнимай ласковѣй-то...

НИКИФОРЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Кого сначала-то станешь, Володя: всякому обидно... Лучше обоихъ вдругъ... Ха, ха, ха!..

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ну, перестань же кобениться-то: говорятъ, все съ сердца спало... Вѣдь, мы какъ тебя любимъ то, а сердилась, сердилась... Ну, а теперъ нечего... *(Обнимаютъ его и цѣлуютъ.)* Вѣдь, мы къ тебѣ недѣльки на двѣ пріѣхали, а можетъ-быть и...

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Очень радъ, только извините, у меня квартира тѣсная: мнѣ васъ помѣститъ негдѣ...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Что, что? Что ты сказалъ? у тебя отцу съ матерью мѣста нѣтъ?

Никифоръ Михайлычъ.

Вотъ тебѣ разъ... ха, ха, ха!.. Вотъ тебѣ разъ!

Владиміръ Васильичъ.

Послушайте, тетушка: пора это кончить... Вы могли отъ меня требовать, чтобы я считалъ васъ матерью, когда я былъ ребенкомъ, и когда вы меня кормили кашей и пирогами съ капустой... А теперь я всѣмъ себѣ обязанъ, и потому позвольте мнѣ быть только вашимъ племянникомъ...

Прасковья Михайловна.

Что, что?.. Такъ вотъ какъ! такъ эдакъ-то?.. Такъ ты всѣмъ себѣ обязанъ? Такъ не я тебя въ гимназію опредѣлила, не я за тебя послѣдніе деньги платила, не на свой счетъ тебя въ Москву, въ университетъ свезла? Много ли послѣ родителей-то у тебя осталось: кукишь... Такъ вотъ благодарность?.. Такъ знай же, безсовѣстный, не ѣсть твой хлѣбъ ѣхали, а тебѣ везли... *(Со слезами.)* Богъ съ тобой... Не надо тебѣ насъ, нѣтъ же и тебя у насъ... Тетушка Глафира Ивановна померла, и все имѣніе намъ въ раздѣлъ отказала...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ?

Прасковья Михайловна.

Такъ, голубчикъ... Мы было съ братомъ свою часть тебѣ хотѣли отдать, теперь не видать тебѣ ея... Получай свои тридцать душъ... да и поминай какъ насъ звали... Нѣтъ намъ у тебя мѣста—и намъ тебя не надо... Подемъ, Никифоръ Михайлычъ, подемъ... *(Плачетъ.)* Было дитя, нѣтъ дитя... Подемъ...

Владиміръ Васильичъ.

Тетушка... Маменька...

Прасковья Михайловна.

Нѣтъ, стара штука... Минуты не хочу быть здѣсь... Андрюшка, скажи Васькѣ, чтобы лошадей подавалъ... Было дитя, нѣтъ дитя... *(Уходитъ.)*

Никифоръ Михайлычъ.

Плохо, братъ, Володя... Грѣхъ тебѣ... Что, обанкрутился?.. Ха, ха, ха!.. *(Уходитъ.)*

Владиміръ Васильичъ.

Что за несчастіе!.. *(Бросается въ кресло.)* А въ городъ-то что будутъ говорить... Маменька... Маменька... *(Блѣжитъ вслѣдъ за ушедшими.)*

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостинная въ домѣ Анисима Ѳедорыча. Мебель красного дерева, за исключеніемъ двухъ глубокихъ и мягкихъ кресель на пружинахъ. Передъ диваномъ столъ овальной формы. На стѣнѣ въ простѣнкѣ между окнами большое зеркало въ рамѣ красного дерева съ такимъ же подзеркальникомъ, на которомъ стоятъ бронзовые столовые часы подъ стеклиннымъ колпакомъ. На окнахъ кисейная драпировка съ бронзовыми багетами. На боковыхъ стѣнахъ двери одна противъ другой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анисимъ Ѳедорычъ и Пурпуровъ.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Хорошо, что вы успѣшили своимъ прибытіемъ, а то Владиміръ Васильичъ настоятельно было приказывалъ послать исполненіе о шестомъ выговорѣ и о преданіи васъ суду.

Пурпуровъ.

Помилуйте, Анисимъ Ѳедорычъ, я тотчасъ успѣшилъ по полученіи вашего письма, ни минуты не мѣшкалъ... Но будьте милостивы, Анисимъ Ѳедорычъ, разсудите великодушно: вѣдь, это не справедливо и даже, могу сказать, противозаконно.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Докладывалъ... приказываютъ...

Пурпуровъ.

Такъ вѣдь какъ же, Анисимъ Ѳедорычъ, теперь если по каждой жалобѣ будутъ нашему брату становому дѣлать выговоры, не потребовавши даже объясненія, такъ что же это такое будетъ? это нельзя служить... Это, выходитъ, одно мщеніе противъ нашего брата...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Начальство!..

Пурпуровъ.

Конечно начальство, Анисимъ Ѳедорычъ, но неужели начальство не можетъ разсудить, что хоть бы я становой, я не могу же заниматься каждымъ мужикомъ и бабой: у меня вонъ ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ... А мужикъ, извѣстно, народъ глупый, необразованный неучъ: ему только поблажку дай, онъ

каждый день будет жаловаться... Ну вот хоть бы теперь по этому дѣлу о покражѣ имущества у вольноотпущенной женки Петровой: тамъ стащили у нея коробишку съ трапьемъ, чай, всего алтына на три, а она объявляетъ пропажу въ 25 рублей серебромъ, и жалуется еще на медленность производства слѣдствія... Да развѣ есть мнѣ время заниматься такими пустяками? у меня есть дѣла поважнѣе... У меня ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ, а имъ что больше дѣлать, какъ не воровать другъ у друга? если во всѣ ихъ дразги входить, такъ это давно надобно здоровья лишиться, болѣзнь себѣ получить, да и времени не достанетъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Требуютъ распорядительности...

Пурпуровъ.

Гм... Да развѣ вы не знаете, Анисимъ Ѳедорычъ, моей распорядительности?.. Кажется, давно знакомы: знаете сами, вашъ домъ былъ въ моей части, когда еще еостоялъ я здѣсь частнымъ приставомъ, былъ ли какой безпорядокъ, или тамъ упущеніе, медленность?.. Такъ ужь, кажется, насчетъ этого мнѣ не учиться... Вѣдь, начальство, можетъ, того не знаетъ; надъ мужикомъ какая нужна распорядительность? Чтобы онъ былъ тихъ, покоренъ, не возмечталъ объ себѣ, кулакъ да плеть нужна на него... Коли въ строгости онъ содержится, не даетъ ему становой потачки, вотъ и порядокъ въ стану, вотъ и распорядительность вся, чтобы онъ голоса не смѣлъ подать, потому зналъ бы, что онъ есть мужикъ... А вотъ у кого должно спросить начальство, распорядителенъ ли я: у помѣщика. Становой постановленъ для огражденія помѣщиковъ, у нихъ и спросите про меня, такъ ужь я знаю, что ни одинъ на меня не пожалуется. Кто усмирилъ въ самомъ началѣ возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика Летаева? я!.. Кто отыскалъ троихъ бѣглыхъ дворовыхъ людей помѣщика Отрубкина? я!.. Кто поймалъ воровъ, что обокрали полковника Шипина? я же, вѣдь... Такъ развѣ это не распорядительность?.. Да на меня теперь ни одинъ господинъ не пожалуется, чтобы я не занялся, не приказалъ при себѣ отодрать послѣдняго лакеишка, котораго пришлютъ ко мнѣ для наказанія... Такъ вотъ бы на что должно было начальство обратить вниманіе... Какъ еще служить—не знаю...

Анисимъ Ѳедоровичъ (*съ невольною горечью*).

Начальство нынче требуетъ, чтобы ко всякому послѣдному

рабу оказывать такое же вниманіе, какъ къ хорошему настоящему дворянину или чиновнику...

Пурпуровъ.

Гм... Такъ я теперь долженъ служить мужику, съ нимъ и знакомство вести, а дворянскую компанію я оставлять долженъ... Ахъ! (*Съ глубокимъ вздохомъ.*) Чудеса, чудеса! чего только начальство требуетъ! Такъ я теперь чиновникъ, имѣю себѣ сорокъ пять лѣтъ отъ роду, имѣю при себѣ жену и семейство, дочь на возрастѣ, и долженъ я водиться съ мужикомъ? да пустить ли тогда меня къ себѣ въ домъ хоть одинъ помѣщикъ, или долженъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ уединеніи оставаться, въ дикости эдакой, какъ въ ссылкѣ какой?.. А гдѣ же хоть бы моимъ дочерямъ и перенять что - нибудь, какъ не въ господскомъ домѣ? А меня, слава Богу, вонъ генеральша Фонъ-Дризендорфъ, такъ и та принимаетъ къ себѣ въ домъ... Опять я то знаю, что помѣщикъ меня ни въ чемъ и не оставитъ, если я ему услужу, а отъ мужика чего мнѣ ждать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Начальство ни во что это не входитъ: это вотъ вы мнѣ только такъ по знакомству говорите, а начальство дѣлаетъ взысканіе только по однимъ дѣламъ.

Пурпуровъ.

Я, Анисимъ Ѳедорычъ, ни въ какихъ дѣлахъ не замаранъ: я въ своей совѣсти чувствую... А я знаю откуда все это происходитъ: это все исправникъ мнѣ мститъ, и за что онъ мнѣ мститъ, понять не могу... Онъ разыгрываетъ ту роль, что по Владиміру Васильичу отъ нынѣшняго губернатора поставленъ, такъ будто бы ни къ чему не причастенъ: точно я два раза приносилъ ему слѣдующее, какъ по прежнему было, онъ не взялъ, но этимъ вѣдь, насъ тоже не обморочишь: между тѣмъ слышу, требуетъ отъ откупщика, чтобы становымъ не давать, а что прежде шло на исправника и двухъ становыхъ, все бы это ему одному доставлять... Опять по дѣламъ будто бы не беретъ, а съ раскольниками что дѣлаетъ? знаетъ, что генералъ строго слѣдитъ по этой части и всячески старается о преслѣдованіи раскола, такъ пріѣдетъ въ какой-нибудь раскольничій домъ въ ночное время съ обыскомъ, перепугаетъ всѣхъ—одна старуха даже черезъ этотъ испугъ смерть получила,—оберетъ тамъ всѣ книги и образа запрещенные, да и говоритъ: вотъ, говоритъ, коли хотите, чтобы все оставилъ и не открывалъ, такъ деньги давайте, и напишу, что ни-

чего не нашель. Тѣ извѣстно: бери, что угодно, только ихъ святости не тронь... Такъ онъ деньги-то возьметъ, а образа-то да книги все-таки представить... А нашъ генералъ да и Владиміръ Васильичъ извѣстно какъ думаютъ: ужь коли раскольниковъ обижать, значить, дескать, человекъ безкорыстный; такъ на эдакое-то безкорыстіе всякаго станеть. А по нашему это низость, что взялъ съ подначальнаго человека и не сдѣлалъ для него... Мы еще эдакъ не поступаемъ... Вотъ спросилъ бы меня Владиміръ-то Васильичъ, я бы ему поразказалъ про ихнаго-то честнаго исправника...

Анисимъ Федорычъ.

Не повѣрять: скажутъ выдумка...

Пурпуровъ.

Да оно точно выдумка, только выдумка-то хороша; онъ съ этой выдумкой тысячь десять въ годъ нажилъ... ихній-то честный исправникъ...

Анисимъ Федорычъ.

Разумѣется, мошенникъ!

Пурпуровъ.

То-то и есть, Анисимъ Федорычъ! А нашему брату бѣдняку жить нельзя: ты какими-нибудь крупницами пользуешься, а тебя взяточникомъ зовутъ... Нѣтъ, это все, Анисимъ Федорычъ, отъ счастья; кому какое счастье. Вотъ хоть бы господинъ вице-губернаторъ за Зайчикова, за думскаго секретаря, за того вступился, хоть тотъ по глупости самъ, говорятъ, признался ему, что благодарности принималъ, а на меня прошлаго года опрокинулся, стращаль отъ должности удалитъ... Изводите знать, по дѣлу о застѣченіи дворовой дѣвки помѣщикомъ Быстриковымъ... А я тогда, видитъ Богъ, не изъ низости изъ какой, не изъ корысти, а просто потому, чтобы не погубить хорошаго человека изъ-за эдакихъ пустяковъ, хотѣлъ дѣло потушить... Нѣтъ, это, право, кому какое счастье... На меня, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валятся...

Анисимъ Федорычъ.

А я вамъ скажу, что вы въ большомъ сомнѣніи: примите мѣры, а то можете должности лишиться...

Пурпуровъ.

Анисимъ Федорычъ, по нашему давнему знакомству прошу васъ, не оставьте... Вы знаете меня: я человекъ не непризна-

тельный какой... Изволили получить стерлядочекъ, что я послалъ къ вамъ о запрошлой недѣлѣ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, получилъ, только половина дорогой уснула...

Пурпуровъ.

Я вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, привезъ штучку подрагоцѣннѣе, да еще и не одну, а двѣ: бѣлорыбишку провѣсную, да балычокъ осетровый... Такія штучки, признаюсь: посмотрѣть, слюнки текутъ... Они здѣсь: кому прикажете отдать? или самимъ посмотрѣть угодно?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, тамъ люди получаютъ: отдадите... Вѣдь, я думаю, даровщинка... Хе!.. (Съ улыбкой.) У васъ вѣдь тамъ купцы на Уралъ торговать ѣздятъ, такъ на поклонъ по возвращеніи, чай, десяточекъ другой привезли...

Пурпуровъ.

Эхъ, Анисимъ Ѳедорычъ, нѣтъ! Не тѣ, видно, настали времена: не очень нынче и купцы-то распоясываются... Кровныя свои денежки, Анисимъ Ѳедорычъ, посылалъ: именно хотѣлось васъ почтить этимъ гостинникомъ, какъ по себѣ знаю, сколько пріятель эдакой рѣдкій и лакомый кусокъ...

Анисимъ Ѳедорычъ (сухо).

Благодарю васъ... Хотя и могу, какъ объяснилъ уже вамъ, замѣнить журналъ о сдѣланіи вамъ выговора другимъ: объ истребованіи отъ васъ объясненія по жалобѣ женки Петровой, и не замѣтно подамъ его къ подписанію, но только опять васъ предупреждаю: примите мѣры; относительно васъ въ большомъ сумнѣніи и генералъ и Владиміръ Васильичъ; только еще я васъ и поддерживалъ... Но за дальнѣйшія распоряженія начальства не отвѣчаю: съ нами не всегда совѣтуются... Безъ всякой причины и вдругъ можете всего лишиться... А вы человекъ семейный...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Ѳедорычъ, для кого же я и живу, какъ не для семейства?.. Въ семействѣ своемъ всю отраду для себя нахожу...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Знаю я, знаю эти чувства: у меня у самого дочь, знаю какъ дѣти дороги и сколько имъ желаешь добра... Поэтому, изъ участія, васъ и предупреждаю...

Пурпуровъ.

Что же мнѣ дѣлать, что предпринять? научите...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Надо подумать...

Пурпуровъ.

Но что же я могу придумать? я готовъ бы служить начальству... Да вѣдь все зависить отъ Владиміра Васильича, а къ нимъ не подойдешь съ благодарностью...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ссъ... Избави Богъ...

Пурпуровъ.

Такъ что же мнѣ дѣлать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Надо постараться угодить начальству, заслужить его довѣріе...

Пурпуровъ.

Но какими средствами?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Можетъ-быть и есть средства: надо подумать...

Пурпуровъ *(быстро отворачивается въ сторону, поспѣшно раскрываетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него пачку ассигнацій)*.

Анисимъ Ѳедорычъ... я вамъ обязанъ много... душа моя только знаетъ, сколько я вамъ обязанъ: позвольте поблагодарить васъ... отъ души... *(Подаетъ деньги.)*

Анисимъ Ѳедорычъ *(спокойно беретъ деньги)*.

Благодарю васъ. *(Искоса поглядываетъ на деньги въ своей рукѣ.)*

Пурпуровъ *(вполголоса)*.

Полтора ста...

(Анисимъ Ѳедорычъ опускаетъ деньги въ карманъ).

Пурпуровъ.

Одной прошу милости: научите, какъ войти въ расположеніе начальства... А я для службы готовъ распинать себя.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Въ вашемъ стану вѣдь есть аскольники?

Пурпуровъ.

Есть, Анисимъ Федорычъ, есть...

Анисимъ Федорычъ.

И богатые?

Пурпуровъ.

Есть съ большими достоинствами.

Анисимъ Федорычъ (*въ раздумьи*).

А нѣтъ ли такой старой дѣвки... у нихъ бывають такія, что книги читаетъ, къ ней сходятся молиться, она и кадиломъ эдакъ кадитъ, и на себя что-то такое надѣваетъ...

Пурпуровъ.

Долженъ признаться передъ вами, зная всю вашу высокую честность, что не выдадите своего,—есть и такая...

Анисимъ Федорычъ.

Вы съ нея, стало-быть, до сихъ поръ получали... Ну, теперь... нечего дѣлать...

Пурпуровъ (*въ восторгѣ*).

Понялъ, Анисимъ Федорычъ, понялъ, сообразилъ... (*Скороговоркою.*) Дабы заслужить передъ начальствомъ, лишиться этого дохода, подкраудить ее во время сходки, оцѣпить, схватить, представить со всѣмъ, что найдется, даже можно выдумать новую секту, а ее, какъ главную сектанку... Анисимъ Федорычъ, благодѣтель... Вотъ, вѣдь, оно что... Вотъ она выдумка-то...

Анисимъ Федорычъ (*спокойно*).

Не хотите ли чайку? теперь время... Можетъ-быть, и съ прибавленіемъ любите...

Пурпуровъ (*еще въ волненіи*).

Съ удовольствіемъ могу съ вами... Ахъ, Анисимъ Федорычъ, оживили вы меня... Да я на этой же недѣлѣ представлю...

Анисимъ Федорычъ.

Дашенька!

Голосъ за сценой.

Сейчасъ, папаша.

Пурпуровъ.

Ваша милая дочка?

Анисимъ Федорычъ.

Да.

ПУРПУРОВЪ.

Давно уже не имѣлъ чести видѣть...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, И ДАШЕНЬКА.

ДАШЕНЬКА *(вбѣгая)*.

Чего изволите, папаша? *(Дѣлаетъ книксенъ Пурпурову, и подходитъ къ отцу.)*

ПУРПУРОВЪ *(раскланиваясь)*.

Какъ изволили вырасти, сударыня, и похорошѣли... Давно уже не имѣлъ чести васъ видѣть...

ДАШЕНЬКА *(насмѣшливо)*.

Развѣ я прежде дурна была?

ПУРПУРОВЪ.

Были всегда прекрасны, а теперь стали еще прекраснѣе...

ДАШЕНЬКА.

Для васъ, я думаю, это все равно...

ПУРПУРОВЪ.

Какъ это можно, сударыня, пріятно видѣть, когда цвѣтутъ... У меня, у самого дочь—невѣста...

ДАШЕНЬКА *(со смѣхом)*.

И то же цвѣтеть?

Анисимъ Федорычъ *(съ улыбкой удовольствія смотря на дочь)*.

Ну-ка, полно, полно, ботушка. Поди-ка, пришли намъ поскорѣе чайку...

ДАШЕНЬКА.

Сейчасъ... *(Идетъ къ дверямъ.)*

Анисимъ Федорычъ *(вслѣдъ ей)*.

Да и ромку... Слышишь?...

ДАШЕНЬКА.

Слышу, чайку и ромку. Исторія извѣстная. *(Уходитъ.)*

ПУРПУРОВЪ.

Веселая барышня...

Анисимъ Федорычъ.

Да, весела, пока отецъ живъ...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Федорычъ, что можетъ быть этого пріятнѣе, какъ свои законныя дѣти, и какъ есть чѣмъ ихъ воспитать и образовать...

Анисимъ Федорычъ *(со вздохомъ)*.

Да, вотъ у меня единственное утѣшеніе на старости.

Пурпуровъ *(тоже со вздохомъ)*.

Да, а вотъ какъ у меня ихъ шестеро, Анисимъ Федорычъ, надо для всѣхъ приготовить!...

(Входитъ слуга и подаетъ чай.)

Анисимъ Федорычъ.

Можетъ-быть, много дѣтей еще лучше: меньше любишь ихъ, больше себя рассчитываешь... А вотъ, я все ей готовъ отдать, только бы была весела... Тамъ одинъ умереть, другіе останутся, а я, безъ нея, кажется, совсѣмъ пропаду...

Пурпуровъ.

Правда ваша, Анисимъ Федорычъ, велики чувства родительскія, говорить, съ дѣтьми не хорошо, а безъ дѣтей еще хуже того... Теперь хоть иногда и душой покривишь, такъ и предъ Богомъ покаешься, для дѣтей, Господи!... Не одного себя кормишь, отечеству слугъ приготавливаешь, а жалованьемъ однимъ не проживешь... Правду ли я говорю, Анисимъ Федорычъ?

(Анисимъ Федорычъ молча качаетъ головой).

Пурпуровъ.

Вы, теперь, Анисимъ Федорычъ, такую мнѣ мысль подали... Такое я для начальства удовольствіе сдѣлаю, что и не ожидаютъ... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Анисимъ Федорычъ, вѣдь эти раскольники большой вредъ нашему государству, Россіи, причиняютъ: это начальство справедливо поступаетъ, что приказываетъ ихъ всячески преслѣдовать...

Анисимъ Федорычъ *(повеселѣвши отъ пунша и возбужденныхъ чувствъ родительской любви)*.

Выгодную статью дѣлаетъ для нашего брата чиновника: кто хочетъ, получай деньги, а кто не хочетъ денегъ, — чины.

Пурпуровъ *(смѣется)*.

Истинную правду изволите говорить...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А кто половчѣе, да поумнѣе, такъ тотъ и деньги и чины получить можетъ, какъ вашъ исправникъ...

(Оба смѣются.)

Пурпуровъ.

И все такъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всѣ изъ одного этого бьются... Отчего же это только нынче эти безкорыстные чиновники завелись...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Отчего?... Отъ самолюбія...

Дашенька *(входя)*.

А что, папаша, не пора ли вамъ въ правленіе?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

А въ самомъ дѣлѣ ужъ пора...

Пурпуровъ *(поспѣшно допивая стаканъ)*.

Позвольте пожелать вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всякаго благополучія.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Прощайте... Когда же вы домой?..

Пурпуровъ.

Сейчасъ же въ путь... Вы знаете, вѣдь я инкогнито, безъ отпуска, только по вашему...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну-съ... Желаю вамъ... А тамъ тѣ вещи, что привезли, отдайте человѣку...

Пурпуровъ.

Очень хорошо-съ... Отвѣдайте: замѣчательныя штучки, я самъ по этой части охотникъ... Прощайте, сударыня...

Дашенька *(незамѣтно передразнивая его)*.

Прощайте, сударь...

Пурпуровъ.

Ахъ, вы, барышня веселая! Ну да Богъ съ вами...

(Кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тъ же, безъ Пурпурова.

ДАШЕНЬКА.

Что у васъ, папаша, за уроды бываютъ?..

Анисимъ Федорычъ.

Ахъ, Даша, зачѣмъ ты надъ каждымъ человѣкомъ насмѣхаешься? неужели васъ этому въ пансіонѣ учили? Матушка моя, иной уродъ полезнѣе для насъ съ тобой всякаго франта...

ДАШЕНЬКА.

Ну ужь, я думаю: развѣ только тѣмъ полезенъ, что посмѣяться есть надъ чѣмъ... (*Передразнивая*) Были прекрасны; а теперь стали еще прекраснѣе...

Анисимъ Федорычъ (*невольно улыбаясь*).

Ну, что же дѣлать? не всѣмъ же быть такимъ молодцамъ, какъ Владиміръ Васильевичъ...

ДАШЕНЬКА (*вспыхнувъ*).

Что мнѣ Владиміръ Васильичъ? Есть и кромѣ него хорошіе люди на свѣтѣ...

Анисимъ Федорычъ.

А я думалъ, что ужь лучше его для насъ и на свѣтѣ нѣтъ...

ДАШЕНЬКА.

Я ничего не говорю про него ни дурнаго, ни хорошаго, а ласкова съ нимъ потому, что вы сами того хотите...

Анисимъ Федорычъ.

Поди-ка сядь возлѣ меня.. Вотъ что я тебѣ скажу: ты будь съ нимъ ласкова, любезна, только не забывай, что онъ мой на-чальникъ.

ДАШЕНЬКА.

А мнѣ-то что до того за дѣло?..

Анисимъ Федорычъ.

Да, разумѣется, тебѣ нѣтъ дѣла, а все-таки помни, что отъ него зависитъ моя служба и все твое благополучіе; но будь осторожна съ нимъ, потому что онъ все-таки чужой человѣкъ...

ДАШЕНЬКА.

То-есть какъ осторожна?

Анисимъ Ѳедорычъ.

А не довѣрай ему очень. Ты дѣвушка умная, должна понять, что онъ ходитъ сюда такъ часто не для меня, а для тебя... Ну, и пусть ходитъ: отъ этого служба моя зависить... Только смотри, чтобы больше ничего не было...

Дашенька.

Про что это вы говорите? я не понимаю...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, да хорошо!.. понимаешь: ты не дура... Помни, что ты вѣдь у меня одна, а онъ нашимъ не будетъ...

Дашенька.

Какъ это нашимъ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

А такъ: ни твоимъ мужемъ, ни моимъ зятемъ... Нечего краснѣть-то... Еслибы мы и захотѣли этого, такъ онъ не захочеть... Такъ и будь осторожна... Намъ бы какъ только провести время, покаместъ онъ здѣсь служить, а вѣдь онъ изъ такихъ, что какъ разъ въ Петербургъ переведутъ... Эдакимъ, вѣдь, здѣсь не лафа: они только изъ того и хлопочуть, чтобы какъ въ Петербургъ мѣстечко получить... Онъ ужь, кажется, и въ виду имѣеть... Что ты точно поблѣднѣла...

Дашенька.

Нѣтъ, ничего... Ну, а послушайте, папаша: вотъ онъ у насъ почти каждый день бываетъ; вы приказываете, чтобы я была съ нимъ любезна; ну, а если я очень привыкну къ нему, а онъ уѣдетъ въ Петербургъ, вы побѣдете ли туда?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

И не подумаю...

Дашенька.

Ну, а если я привыкну такъ, что умру безъ него?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Что? что? Что ты шутишь, или дѣло говоришь?

Дашенька.

Ну, а если дѣло...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Послушай, Дарья... Даша... ты мнѣ лучше прямо скажи... Ты знаешь, ты одна у меня... Я для тебя и живу, и служу, и коплю... Я тебя берегу... Я не съ тѣмъ тебя заставляю ласкать

его... А если, что у тебя на душѣ... ты лучше скажи мнѣ... Я и службу брошу, и его прогоню... Слышишь?.. Ты мнѣ скажи... Ты мнѣ дороже всего... Я на тебя надѣялся, оттого такъ и пу-скалъ его, и тебѣ позволялъ, а то смотри... Ты мнѣ скажи лучше...

Дашенька (*хохочетъ*).

Ахъ, папаша, и испугался ужь, а чего и сами не знаете... Полноте, папаша, что мнѣ въ вашемъ Владимірѣ Васильчѣ! есть ли, нѣтъ ли, все равнехонько... Ха, ха, ха!.. вотъ еще что вообразилъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да ты правду скажи... Какъ же ты... Что ты говорила...

Дашенька.

Да я пошутила, попугать васъ хотѣла...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну то-то смотри... Ты вѣдь умница... Ты вѣдь знаешь какъ я тебя люблю... Не шути эдакъ никогда...

Дашенька.

Я хотѣла только узнать, какъ вы меня любите... такъ пош-лать...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, то-то пошались! совсѣмъ было съ ума свела... Поцѣлуй-ка меня... Да и ничего въ немъ нѣтъ хорошаго, такъ только одни разговоры пустые... Фанфоронство одно... Нѣтъ въ немъ ни-чего существеннаго: все для одного близиру и говорить и дѣ-лаетъ...

Дашенька.

Вотъ, папаша, ужь не люблю, все разное говорите: то хва-лите его, то браните...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, ты меня не учи: я знаю, что говорю, для предостереже-нія твоего... У этихъ молодчиковъ совѣсти мало, хоть и рассказы-ваютъ тамъ розказни свои про честь, да про безкорыстіе... А мы знаемъ: не беретъ деньгами, такъ радъ взять чѣмъ другимъ... Знаю я, не будь ты такая красавица, давно бы ужь быть мнѣ безъ мѣста. Только помни: не женится онъ на тебѣ никогда...

Дашенька.

Да перестаньте, папаша! что это вздумалось твердить одно и то же? Говорятъ вамъ, мнѣ дѣла нѣтъ никакого до вашего Влади-

міра Васильича... Угодно вамъ, чтобы я его принимала, и принимаю, а не прикажете, и выходить не стану при немъ... Очень мнѣ нужно...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ, не выходить нельзя, только будь осторожна. . Ушей не развѣшивай.

Дашенька.

Ужъ слышала, слышала, слышала... А вотъ если онъ услышитъ, что вы говорите, такъ и отдастъ васъ подь судъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ахъ ты... вѣтеръ!.. И то дѣло, нечего и говорить, кажись, не дура дѣвка, въ обиду сама себя не дастъ... Ну-ка, прощай, пора мнѣ въ правленіе идти....

Дашенька.

А чаю не хотите еще?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ, не хочу... Ромъ славный прислалъ Трезимовъ, съ одного стакана въ головѣ зашумѣло... *(Собираетъ бумаги, лежащія на столѣ, беретъ фуражку и готовится идти.)*

(За сценой голосъ: дома баринъ? Другой голосъ: дома!)

Дашенька.

Вотъ Владиміръ Васильичъ пришелъ... За то, что вы мнѣ говорили, уйду въ свою комнату и не выйду... Занимайте его сами, какъ знаете...

(Убѣгаетъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ *(вслѣдъ ей).*

Погоди, не уходи... Эка вострушка!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анисимъ Ѳедорычъ и Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ *(подавая руку Анисиму Ѳедорычу быстро осматриваетъ комнату).*

А я къ вамъ мимоѣдомъ, хотѣлось сообщить пріятную новость: вице-губернаторъ переведенъ въ другую губернію... *(Садится.)*

Анисимъ Ѳедорычъ (*стоя*).

Будто съ...

Владиміръ Васильичъ.

Я сейчасъ отъ губернатора, обѣдалъ у него... Съ нынѣшней почтой пришелъ указъ, перемѣщенъ въ Архангельскъ... Ничего, пусть прокатится тысяча двѣ версты, коли съ нами не умѣлъ ужиться...

Анисимъ Ѳедорычъ.

И прекрасно... Да что, пустой, безпокойный человекъ... Черезъ него однѣ неприятности... Свое самолюбіе любилъ тѣшить... Рѣдкій журналъ пропустить, все свое мнѣніе подаетъ...

Владиміръ Васильичъ.

Скажите лучше: взяточникъ и покровитель взяточниковъ... И съ кѣмъ же вздумалъ тягаться?.. Я давно говорилъ, что укупеку его... Еще когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій и пріѣхалъ сюда съ генераломъ, онъ имѣлъ дерзость не заплатить мнѣ визитъ и еще вздумалъ дѣлать мнѣ замѣчанія по слѣдствіямъ... Хотѣлъ бороться съ губернаторомъ, съ этимъ благороднѣйшимъ, безкорыстнѣйшимъ человекомъ... И кто же, кто?.. Онъ, защитникъ Зайчиковыхъ и имъ подобныхъ старыхъ мошенниковъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Хм... да!..

Владиміръ Васильичъ.

Да что вы не садитесь?.. одолжите огня... закурить сигару... Э, да вы и съ фуражкой: видно, въ правленіе собирались...

Анисимъ Ѳедорычъ (*зажигая спичку*).

Да хотѣлъ было: уже время... Да не прикажете ли чаю?

Владиміръ Васильичъ.

Съ удовольствіемъ... Я еще не пилъ... да гдѣ же Дарья Анисимовна?.. Я васъ не задерживаю ли?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ-съ, ничего... Я вотъ ее сейчасъ позову... А мнѣ ужъ позвольте отправиться... (*Подходитъ къ дверямъ и кричитъ.*) Дашенька! пооди сюда, да прикажи чайку подать для Владиміра Васильича...

Владиміръ Васильичъ.

Да вотъ еще что, я васъ хотѣлъ просить: кстати вы ѣдете въ правленіе, возьмите вотъ эту бумагу и рассмотрите ее по-

жалуста, справьтесь тамъ съ законами... Это копія съ духовнаго завѣщанія двоюродной тетки моей, по которому я долженъ получить часть изъ наслѣдства... вмѣстѣ со мной покойницей назначены наслѣдниками родные дядя и тетка мои Губанчиковы, съ тѣмъ, чтобы имѣніе раздѣлить поровну между троими... Кажется мнѣ, воля умершей незаконна и имѣніе не можетъ быть раздѣлено, а должно слѣдовать мнѣ одному... Вы лучше знаете гражданскіе законы, служили въ гражданской палатѣ: подумайте, пожалуста, хорошенько и скажите мнѣ: я вамъ буду очень благодаренъ.

Анисимъ Федорычъ.

Слушаю, разсмотрю-съ... (*Къ дверямъ.*) Дашенька, что ж ты найдешь?..

Голосъ за сценой.

Иду, иду...

(*Входитъ Дашенька.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (*вставая*).

Здравствуйте, Дарья Анисимовна. Здоровы ли вы?..

Дашенька.

Слава Богу...

Анисимъ Федорычъ.

Ну, а мнѣ ужъ позвольте.. Вотъ хозяйка...

Владиміръ Васильичъ.

Сдѣлайте милость, Анисимъ Федорычъ... Займитесь, пожалуста, этимъ завѣщаніемъ...

Анисимъ Федорычъ.

Непремѣнно... (*Раскланивается.*)

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте...

Дашенька.

Прощайте, папаша. (*Цѣлуетъ его*)

(*Анисимъ Федорычъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ Васильичъ и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (*садится возлѣ Дашеньки*).

Ну, что вы подѣлывали въ это время, пока мы не видались?

Дашенька.

По обыкновенію, ничего...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же: веселились или скучали...

Дашенька (*насмѣшливо*).

Веселилась... съ папашей... съ его милыми посѣтителями. . . Отчего вы у насъ давно не бывали?..

Владиміръ Васильичъ.

Три дня назадъ: развѣ это давно?..

Дашенька.

Не знаю, какъ для васъ...

Владиміръ Васильичъ.

А для васъ?.. Что же вы молчите?.. Хотя я и не былъ у васъ эти три дня, но я не переставалъ о васъ думать, а вы?.. Что же вы не хотите сказать?.. Доротея... (*Хочетъ взять ее за руку.*)

Дашенька (*отдергивая руку*).

Я Дарья...

Владиміръ Васильичъ.

Но вѣдь вы дали мнѣ право называть васъ этимъ именемъ?..

Дашенька.

Отчего вамъ не нравится мое настоящее имя?..

Владиміръ Васильичъ.

Доротея благозвучнѣе... То имя, которое вамъ дали, не стѣбитъ васъ...

Дашенька.

Такъ же, какъ я не стою васъ...

Владиміръ Васильичъ.

Послушайте, Доротея, что это за фразы... Иногда мнѣ кажется, что вы капризный ребенокъ, которому нравится мучить меня...

ДАШЕНЬКА.

Если вы находите меня капризнымъ ребенкомъ, это ваше дѣло... Но зачѣмъ же мнѣ мучить васъ?..

Владиміръ Васильичъ.

Такъ, отъ нечего дѣлать или изъ кокетства.

ДАШЕНЬКА.

Зачѣмъ же вы позволяете играть собою капризному ребенку и кокеткѣ?..

Владиміръ Васильичъ.

Но вѣдь вы знаете, что я люблю васъ, что любовь моя къ вамъ безмѣрна, что я готовъ всѣмъ для васъ пожертвовать... Отчего же вы никогда не скажете, любите ли вы меня хоть немножко, или ненавидите...

ДАШЕНЬКА.

Отчего я никогда васъ не спрашиваю объ этомъ, а вы вѣчно съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ?

Владиміръ Васильичъ.

Оттого, что я люблю васъ, а ваше молчаніе напротивъ убѣждаетъ меня въ вашемъ равнодушіи ко мнѣ...

ДАШЕНЬКА.

Если вы убѣждены въ этомъ, о чемъ же вы спрашиваете?..

Владиміръ Васильичъ.

Такъ вы не любите меня?

ДАШЕНЬКА.

Ну, полноте, Владиміръ Васильичъ, что у васъ за страсть спрягать этотъ глаголъ? мнѣ ужъ это и въ пансіонѣ надобно... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ...

Владиміръ Васильичъ *(надувшись)*.

О чемъ же прикажете?

ДАШЕНЬКА.

Ну хоть о томъ, что вы дѣлали въ эти три дня, пока вы не были у насъ.

Владиміръ Васильичъ.

О, я это время провелъ очень пріятно въ обществѣ милой, образованной, очень хорошенькой и богатой вдовушки, которая пріѣхала изъ Петербурга хлопотать по своимъ дѣламъ...

ДАШЕНЬКА.

Не собираетесь ли и вы въ Петербургъ?

Владиміръ Васильичъ.

Очень можетъ быть, и даже больше, нежели вѣроятно.

ДАШЕНЬКА (*блѣднѣя*).

На службу, или на время?..

Владиміръ Васильичъ.

Конечно, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе сюда не возвращаться...

ДАШЕНЬКА (*скрываая внутреннее волненіе*).

Счастливыи путь!..

(*Входитъ Николай Потапычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Николай Потапычъ.

ДАШЕНЬКА.

Ахъ, Николай Потапычъ, какъ я рада, что вы пришли... Садитесь, пожалуйста.

Владиміръ Васильичъ.

А, Зайчиковъ, вы какимъ образомъ сюда?

Николай Потапычъ (*садясь*).

Да той же самой дорогой, что и вы, Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ (*сухо*).

Отчего же вы не въ правленіи?

Николай Потапычъ.

Да нечего дѣлать, такъ и ушелъ.

Владиміръ Васильичъ.

Какъ это? прежде секретаря?

Николай Потапычъ.

У Анисима Федорыча, вѣрно, есть дѣла, а у меня особенно нужныхъ и спѣшныхъ нѣтъ...

Владиміръ Васильичъ.

Всякое дѣло и нужно, и спѣшно: мнѣ это не совсѣмъ пріятно, что вы самовольничаете; этакъ всѣ столоначальники уйдутъ изъ

правленія, а за ними и писцы прежде секретаря... А почему вы знаете, можетъ-быть Анисиму Федорычу нужно отдать вамъ какое-нибудь приказаніе?..

Дашенька.

Ну, полноте, Владиміръ Васильчъ, о вашихъ дѣлахъ! еще вамъ не надо!.. За папашу я отвѣчаю, онъ не разсердится... Садитесь сюда поближе, Николай Потапычъ... Ну, что ваша повѣсть?.. Вы знаете, Владиміръ Васильчъ, Николай Потапычъ пишетъ повѣсть: онъ читалъ мнѣ нѣсколько главъ... Какъ хорошо, еслибы вы знали...

Владиміръ Васильчъ (колко).

Вижу, вижу, что повѣсти г. Зайчикова вамъ очень нравятся... Не смѣю съ вами спорить: можетъ-быть, онъ точно заслуживаютъ такого восторга съ вашей стороны, только признаюсь, мнѣ не нравится, что госпоринъ Зайчиковъ пустился въ литературу: всѣ литераторы плохіе чиновники, а Зайчикову нужно служить... и слѣдовательно дорожить мнѣніемъ о немъ начальства... (Обращаясь къ Зайчикову.) Какъ вы объ этомъ думаете?

Николай Потапычъ.

Я думаю, что начальство будетъ составлять обо мнѣ мнѣніе на основаніи моихъ служебныхъ трудовъ, а не на основаніи моихъ литературныхъ занятій, до которыхъ, я полагаю, кромѣ меня никому дѣла нѣтъ...

Владиміръ Васильчъ.

Нѣтъ, вотъ видите, и Дарья Анисимовна принимаетъ въ вашей повѣсти большое участіе...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна была единственная женщина, которая приласкала меня въ этомъ городѣ, и ей одной только рѣшился я прочесть, что пишу на досугѣ, надѣясь, что не станеть смѣяться надо мною...

Дашенька.

Нѣтъ, Николай Потапычъ, прелестно, превосходно: вы будете замѣчательный писатель...

Владиміръ Васильчъ (со смѣхомъ).

Писатель изъ губернскаго правленія...

Николай Потапычъ.

Острота, Владиміръ Васильчъ, довольно не новая...

Владиміръ Васильичъ (*презрительно*).

Что-съ?..

Дашенька.

Я такъ не знаю, какъ благодарить Николая Потапыча: съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился съ нами, я постоянно имѣю книги...

Николай Потапычъ (*съ горечью*).

Если пошло на благодарность, Дарья Анисимовна, такъ и я съ своей стороны за знакомство съ вами долженъ благодарить должность столоначальника, которую получилъ недавно: въ низшей должности я бы, вѣрно, не удостоился чести быть въ одномъ домѣ съ Владиміромъ Васильичемъ...

Дашенька.

Почему это?.. Я не понимаю...

Николай Потапычъ.

А я очень хорошо помню, что Анисимъ Ѳеодорычъ пригласилъ меня къ себѣ въ тотъ самый день, какъ я былъ утвержденъ столоначальникомъ...

Дашенька (*съ упрекомъ*).

Ахъ, Николай Потапычъ, зачѣмъ вы такъ говорите о папашѣ? Это не хорошо!..

Николай Потапычъ.

Простите меня, ради Бога, я становлюсь жолченъ...

Владиміръ Васильичъ.

Это все отъ литературныхъ занятій...

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, скорѣе отъ служебныхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, да, да! Понимаю, что вы хотите сказать: писателю неприлично служить, онъ не способенъ къ службѣ... Совершенная правда, г-нъ Зайчиковъ...

Николай Потапычъ.

Понимаю и я, что вы хотите сказать... Дѣйствительно, я не сталъ бы служить, но не потому, что считаю службу недостойною себя, или себя не способнымъ къ ней: я знаю, что слѣдуетъ служить, и что я могу служить не хуже другихъ... Но потому радъ бы я былъ оставить службу, что въ ней много возмутительной лжи и неправды, что даже въ людяхъ, считающихъ себя безкорыстными, одинъ эгоизмъ и ни малѣйшей снисходительности, а не только самопожертвованія...

Владиміръ Васильичъ.

А вамъ хотѣлось бы, чтобъ начальникъ снисходилъ всѣмъ уклоненіямъ отъ службы подчиненнаго, чтобы онъ можетъ-быть даже изъ глупаго состраданія щадилъ мошенниковъ и взяточниковъ?.. вамъ этого бы хотѣлось?. Это взглядъ недостойный даже поэта...

Дашенька.

Ахъ, полноте, господа: это даже скучно... Оставьте этотъ разговоръ.

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Дарья Анисимовна, позвольте мнѣ отвѣтить Владиміру Васильичу, потомъ дамъ вамъ слово ничего не возражать... Нѣтъ, не того бы я хотѣлъ, но желалъ бы, чтобы въ людяхъ, облеченныхъ властію, было побольше сердца, чтобы они умѣли отличать настоящее зло отъ кажущагося, чтобы умѣли цѣнить людей, которые служатъ сорокъ лѣтъ, никого не обижая, не притѣсняя, окруженные любовью и довѣріемъ всѣхъ близкихъ къ нимъ людей, чтобы не пускали по міру цѣлую семью, за то только, что глава, ее вскормившій, выросъ и воспитался на иныхъ убѣжденіяхъ, а умѣли бы оцѣнить въ немъ настоящую честность, хотя и не согласную въ формахъ съ ихъ собственною... Вы понимаете чего бы я хотѣлъ, Владиміръ Васильичъ?..

Владиміръ Васильичъ.

Горячо и безтолково, какъ и свойственно настоящему поэту. Но я, какъ начальникъ, совѣтую вамъ, милостивый государь, никогда не разсуждать такъ смѣло о поступкахъ людей, которые стоятъ васъ выше, слѣдовательно и видятъ дальше, у которыхъ сфера дѣятельности шире вашей, а слѣдовательно и знанія и пониманія больше вашего. Вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшало бы вамъ помнить, что для васъ же очищается та дорога, съ которой сталкиваютъ все негодное, что слѣдовательно, если есть семья, которая должна идти по міру, такъ вы обязаны поддерживать ее... А для этого нужно не соваться впередъ своего носа, не умничать, гдѣ не спрашиваютъ, а дѣлать дѣло, не манкируя имъ, выучиться сначала повиноваться, чтобы умѣть повелѣвать, и чтобы не потерять средствъ дѣлать добро, если вы желаете его дѣлать, хотя бы для вашей собственной семьи... Поняли вы меня, г-нъ литераторъ Зайчиковъ?...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Понимаю, что во всемъ этомъ общія мѣста, эгоизмъ, ни капли...

ДАШЕНЬКА.

А вы дали слово, что больше не будете возражать...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Да, правда... Да оно и лучше молчать, а то, пожалуй, лишусь послѣднихъ средствъ дѣлать добро своей собственной семьѣ, которая должна идти по міру для того, чтобы я могъ ей помогать... Ну, не въ добрый часъ я пришелъ къ вамъ, Дарья Анисимовна... Лучше уйти.. Прощайте...

ДАШЕНЬКА.

Полноте, посидите...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Нѣтъ, не могу... Прощайте... Прощайте, Владиміръ Васильичъ...

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Советую вамъ не уходить въ другой разъ изъ правленія прежде времени.

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ *(готовый выйти изъ комнаты при послѣднихъ словахъ пріостанавливается)*.

И вотъ какъ достаются они, эти средства дѣлать добро, равныя тремъстамъ цѣлковыхъ жалованья.. цѣной рабской покорности и униженія .. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ И ДАШЕНЬКА..

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(презрительно)*.

Мальчишка!..

ДАШЕНЬКА.

Зачѣмъ вы такъ презрительно съ нимъ обходитесь?

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(злбно)*.

А вамъ жалко его?..

ДАШЕНЬКА.

Конечно жалко: онъ славный молодой человекъ, умный, добрый... Я не понимаю только, что съ нимъ сегодня сдѣлалось...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

О, вижу, вижу ваши отношенія: онъ вамъ книжки носить, по вечерамъ свои повѣсти читаетъ... Какія нѣжныя, идиллическія отношенія. И отецъ вашъ на это смотритъ равнодушно...

ДАШЕНЬКА.

Да что вы, Владиміръ Васильичъ, развѣ тутъ есть что-нибудь непозволительное?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

О, помигите, возвышенныя высокія чувства... что же иное можетъ питать душу поэтовъ..

ДАШЕНЬКА.

Я васъ не понимаю...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Да я то васъ понимаю. Вы не умѣли меня цѣнить, вы меня дурачили, предпочли мнѣ перваго встрѣчнаго мальчишку... Ну, такъ прощайте!.. О, я теперь понимаю, что все это значило...

(Входитъ Анисимъ Федорычъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Слѣшьте, чтобы доложить вамъ: дѣло по завѣщанію можно повернуть въ вашу пользу; все одинъ получите... *(Вынимаетъ изъ кармана бумагу.)*

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(сухо)*.

Хорошо-съ! *(Беретъ изъ рукъ Анисима Федорыча бумагу)*.
Прощайте.

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Куда же вы изводите?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Въ правленіе; у васъ тамъ безпорядокъ: чиновники не занимаются дѣломъ, самовольно уходятъ изъ присутствія...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Помилуйте... Всѣ при своихъ мѣстахъ... *(Слѣдуя за уходящимъ.)* Владиміръ Васильичъ... Владиміръ Васильичъ, закусьте неугодно-ли? .

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, не хочу... Прощайте...

(Уходитъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ *(къ дочери).*

Что онъ, разсердился?..

Дашенька *(печально и разсѣянно).*

Да...

Анисимъ Ѳедорычъ.

На кого? За что?

Дашенька.

На меня...

Анисимъ Ѳедорычъ.

За что же это?.. Какъ же тебѣ не стыдно... Говорилъ я тебѣ... Вотъ что теперь будетъ... Ахъ, Дарья, говорилъ: будь любезна... Да за что же разсердился-то?..

Дашенька *(сидитъ молча и задумчиво, опускаетъ голову на руку).*

Не знаю...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Какъ не знаешь?.. Вѣдь вотъ говорилъ... Ахъ Дарья! ахъ, Дарья! Что теперь будетъ...

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ III.

Гостиная въ домѣ Анисима Ѳедорыча.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дашенька *(сидитъ въ большихъ креслахъ, скучная и задумчивая съ работою въ рукахъ)* и Анисимъ Ѳедорычъ *(ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ).*

Анисимъ Ѳедорычъ.

И ночи не спятъ, и послѣ обѣда заснуть не могъ... Я зналъ, что все такъ пойдетъ... И пошло... Пошли неприятности... Те-

перь знай только оттерпливайся, пока по шеѣ не прогонять... *(Останаалмваясь противъ Дашеньки.)* Что дочка?.. Утѣшила отца, одолжила... Умѣла заслужить... Добилась, что отца чуть изъ службы не гонять, что послѣдній писаришка подь носъ ему сѣтся и ни страху, ни уваженія никакого не показываетъ... Что?.. рада?..

Дашенька.

Помидуйте, папаша!.. да чѣмъ же я-то виновата?.. За что вы ва меня-то сердитесь?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Чѣмъ виновата?.. За что сержусь?.. Гм... Не понимаешь!.. Нѣтъ, какъ бы ты дура была, я бы на тебя не сердился и не взыскивалъ... Съ дурака нечего взыскивать... А ты не дура, ты понимаешь... Это все капризы одни... Баловство!.. Избаловалъ я тебя... Къ самовольству приучилъ... Такъ надо на зло отцу дѣлать, досадить, подразнивать—это ваше женское дѣло... Гм... не понимаетъ... Ученьемъ своимъ, пансіономъ превозносишься, а отецъ, дескать, на мѣдныя деньги учился... Да черезъ кого ты и образованье-то свое получила, какъ не черезъ отца?..

Дашенька.

Папаша, да клянусь вамъ, я не понимаю за что вы на меня сердитесь... Вторую недѣлю вы мучите меня этими упреками, а все-таки не знаю своей вины...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не говори, не серди... Ты знаешь, что я для одной тебя и живу, и служу... Не въ гробъ же возьму съ собой, что коплю... Для тебя же коплю... Я не дурному чему училъ тебя, отъ дурнаго самъ предостерегалъ... А хотѣлось, чтобъ ты была помощницей отцу, хоть сколько-нибудь... Все устроилъ: правитель канцеляріи меня уважалъ, совѣтники заискивали, отъ просителей отбою не было: первымъ человѣкомъ въ губерніи былъ... Совѣтъ молокососа къ рукамъ прибралъ, все шло, какъ по маслу, а ты точно на зло все испортила... На зло, на досаду отцу... Умѣла же любезничать съ этимъ фертомъ, Володкой Васильевымъ, пока ничего не говорилъ, а какъ только слово сказалъ, въ предостереженіе сказалъ, такъ взяла, да нарочно и поссорилась съ нимъ тѣмъ же днемъ... Развѣ я твоихъ капризовъ не понимаю?.. А вотъ теперь что надѣлала: показалъ тебѣ хвостъ, много ли видѣла, и поговорить, полебезить не съ кѣмъ, самой скучно, а отцу таки досадила, молъ... на!..

ДАШЕНЬКА.

Это наконецъ невыносимо, папаша, это обидно... Чего вы хотите отъ меня, чего требуете?..

Анисимъ Федорычъ.

Хотьгь, а теперь вичего не хочу, вичего не требую... Не умѣла держать, когда давался, а теперь не изловишь... Онъ самъ ловокъ...

ДАШЕНЬКА (съ злѣвомъ и со слезами).

Папаша, да чувствуете ли что вы говорите? вѣдь, вы меня оскорбляете, унижаете...

Анисимъ Федорычъ.

Ты оскорбляешься, дѣвчонка... когда тебѣ нечѣмъ оскорбляться... А отцу вичего... Онъ и оскорбляться не долженъ, когда его того и смотри съ позоромъ, да съ безчестьемъ изъ службы выгонять... И теперь ужь на меня никто не сталъ вниманія обращать... И теперь всѣ стали замѣчать, что не въ ту сторону колесо повернуло... Да какъ и не замѣтить? каждое присутствіе непріятности, не говорить хорошенько, не смотреть, а чуть что, пустяки какіе, такъ сейчасъ и придирка, и замѣчаніе... На писаря сегодня закричалъ, дуракомъ, или шельмецомъ что ли назвалъ, такъ и тотъ осмѣлился, пошелъ жаловаться на меня, и мнѣ же выговоръ при всѣхъ писаряхъ и столоначальникахъ... А осмѣлъ ли бы всякая мелочь прежде идти на меня пожаловаться?.. Такъ развѣ мнѣ это легко переносить?.. Вотъ другой день ни одного просителя не было: и тѣ, видно, узнали... Прежде, бывало, что ни захочу, что ни посоветую—все дѣлалъ!.. А если и самъ велить что сдѣлать, да не по моему, такъ ужь будетъ такъ какъ хочу: и увидить, что не исполнилъ, молчить, точно не замѣчаетъ... А теперь, что ни предложу, все на перекоръ дѣлаетъ... Какъ и просителямъ не узнать!.. А кто во всемъ виноватъ? Ты, ты виновата, изъ каприза изъ одного не хотѣла отца послушать... Хорошо, какъ уберется, въ Петербургъ уѣдетъ, а если пробудетъ еще хоть съ недѣлю—прощай служба... Да еще въ уголовную, пожалуй, упекутъ: отъ нихъ станется, знаю я ихъ голубчиковъ... А все отчего вышло?.. отъ твоего каприза... Да она же еще и обижается, плачетъ... Вотъ оно баловство—то... Злость беретъ, лучше уйдти... *(Уходитъ, крѣпко хлопнувши за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ II.

Дашенька (одна).

Такъ вотъ что... Вотъ какую роль заставилъ меня играть родной отецъ!.. *(Переставая плакать съ грустнымъ смѣхомъ.)* Славная роль для дочери чиновника-взяточника... Вѣдь, это обидно, унизительно... *(Послѣ нѣкотораго молчанія, въ раздумьи.)* Тамъ развѣ я-то виновата, что полюбила его?.. Хоть бы и такимъ образомъ... А онъ... Развѣ это не любовь, что онъ терпѣлъ моего отца на службѣ?.. Онъ, безкорыстный и благородный... Онъ это дѣлалъ для меня... Теперь я понимаю, почему онъ пересталъ ѣздить къ намъ: онъ подумалъ, что и я въ заговорѣ съ отцомъ, что я только кокетничаю съ нимъ, увлекаю его, чтобъ онъ не отставилъ отца отъ должности... Зачѣмъ я не сказала ему, что люблю его, зачѣмъ дурачилась, скрывалась?.. Вольдемаръ, Володя, какъ бы ты зналъ, какъ бы ты умѣлъ догадаться!.. Неужели онъ уѣдетъ въ Петербургъ совсѣмъ?.. *(Ломаетъ руки.)* Господи, зачѣмъ я не сказала ему?.. Онъ уѣдетъ... Я не могу жить безъ него... *(Задумывается.)* Чего я жалѣю... Кого?.. Отца?.. *(Горько улыбаясь.)* Для него все равно... *(Закрывая лицо руками.)* Вольдемаръ... Вольдемаръ... *(Плачетъ, потомъ быстро отираетъ глаза.)* Развѣ не все равно страдать... Развѣ я виновата... *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

Дашенька и Николай Потапычъ.

Николай Потапычъ (входя).

Здравствуйте, Дарья Анисимовна...

Дашенька.

А, здравствуйте, Николай Потапычъ...

Николай Потапычъ *(пристально вглядываясь въ Дашеньку).*

Что вы такая блѣдная, грустная?..

Дашенька.

Нисколько.

Николай Потапычъ.

Простите меня, Дарья Анисимовна, но я замѣчаю, что вы

очень измѣнились въ последнее время и наружно и, кажется, нравственно: похудѣли, поблѣднѣли, ваша обычная веселость пропала, вы стали какъ-то печальны и разсѣянны...

Дашенька *(равнодушно)*.

Можетъ-быть.

Николай Потапычъ.

Но вѣдь должна быть какая-нибудь важная причина такой перемены...

Дашенька.

Конечно должна быть, а можетъ-быть и нѣтъ...

Николай Потапычъ.

Еще разъ простите меня, Дарья Анисимовна: мы еще не очень давно знакомы, но я успѣлъ такъ... оцѣнить ваши достоинства... такъ искренно и глубоко... *(голосъ его немного дрожитъ)* преданъ вамъ, что мнѣ тяжело видѣть такую перемену...

Дашенька.

Я не замѣчаю, чтобъ измѣнилась сколько-нибудь въ отношеніи къ вамъ...

Николай Потапычъ *(съ чувствомъ)*.

О, за себя я вамъ много, много благодаренъ... Но мнѣ грустно за васъ самихъ...

Дашенька *(съ грустною улыбкой)*.

А за меня не безпокойтесь: всякій больше всего дорогъ для самого себя...

Николай Потапычъ.

Ну, не знаю, справедливо ли это: могутъ быть у каждаго такіе люди, для которыхъ мы съ наслажденіемъ готовы пожертвовать своимъ счастьемъ, жизнью, всѣмъ.

Дашенька *(вдругъ оживившись)*.

Да... да... это можетъ быть, я согласна... *(Опомнившись и стараясь скрыть волненіе.)* Но... вѣроятно... это случается очень рѣдко, какъ исключеніе...

Николай Потапычъ.

Безъ сомнѣнія, для этого надобно любить такъ, какъ умѣютъ любить немногіе.

Дашенька *(снова оживляясь)*.

А признайтесь мнѣ, вы любили когда-нибудь такъ сильно...

Николай Потапычъ (*въ совершенномъ смущеніи*).

Я.. я.. я, можетъ-быть... Для чего вамъ это знать?..

Дашенька.

Такъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы опредѣлили это чувство, если испытали или испытываете его...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна, пожалуста.. Это поведетъ слишкомъ далеко... А это.. это бесполезно... Кончимте этотъ разговоръ ..

Дашенька (*съ необыкновеннымъ оживленіемъ*).

Нѣтъ, ради Бога, если вы любили когда-нибудь, разкажите мнѣ какъ вы любили.. Я хочу, я непременно хочу говорить объ этомъ... Если вы любили... если вы страдали... или были счастливы... разкажите мнѣ...

Николай Потапычъ.

Но пощадите меня... я не могу... мнѣ тяжело, не возможно... Ради Бога...

Дашенька.

Какъ вѣрному другу, который васъ любитъ, цѣнить... который вамъ будетъ сочувствовать, откройтесь мнѣ... Ну, пожалуста... Только все подробно день за днемъ, часъ за часомъ... все, все...

Николай Потапычъ.

Что вы дѣлаете, Дарья Анисимовна?... Чего вы отъ меня требуете?.. (*Схватываетъ ее за руку.*) Вѣдь я васъ люблю...

Дашенька (*отскакивая отъ него*).

Какъ?... меня?... (*Смотритъ на него*). Развѣ я... Вы серьезно говорите... (*Сухо.*) Я не ожидала, чтобы вы рѣшились говорить мнѣ такія вещи... Развѣ я подавала вамъ поводъ?

Николай Потапычъ.

Но вѣдь вы сами меня вызвали... Я не рѣшился бы... Теперь все сдѣлано... Я сказалъ вамъ... Вы сердитесь: да развѣ я виноватъ, что полюбилъ васъ?..

Дашенька.

Да, да, я знаю: вы не виноваты... Я нѣ имѣю права сердиться на васъ за это: не любить не въ нашей волѣ... Но, ради Бога, для себя, для меня, если можете, разлюбите меня... Какъ другу,

какъ брату я признаюсь вамъ, вамъ первому и послѣднему: я люблю другаго, люблю давно и...

Николай Потапычъ.

Я зналъ, видѣлъ это давно... догадывался и не ошибся... Но зачѣмъ вы это сказали, зачѣмъ не оставили хоть сомнѣнія?... Вамъ хотѣлось съ одного разу оттолкнуть меня... О, я знаю кого вы любите...

Дашенька.

Говорите, говорите: кого?... Я признаюсь, если вы скажете правду... Я такъ долго молчала, что рада сказать вамъ все, все...

Николай Потапычъ (съ горечью).

Я васъ не спрашиваю, мнѣ не нужно вашей откровенности... Я знаю, что вы любите человѣка сквернаго, недостойнаго васъ...

Дашенька.

Какъ вы смѣете такъ говорить?.. Неужели вы думаете, что только вы одни стѣбите любви?.. Никогда не смѣйте такъ говорить о немъ, а то вмѣсто дружбы я возненавижу васъ... Слышите?..

Николай Потапычъ.

О, для меня лучше ненависть, нежели любовь ваша къ этому человѣку: онъ эгоистъ, бездушный фразеръ, который никого не любитъ кромѣ себя, ни даже васъ самихъ...

Дашенька.

Да вы не знаете, про кого говорите: онъ вашъ благодѣтель...

Николай Потапычъ.

Онъ мой благодѣтель?... Онъ?... Не за то ли, что далъ мнѣ должность тогда, какъ пустилъ по міру моего отца-старика?.. Онъ мой благодѣтель, когда съ послѣдней встрѣчи у васъ въ домѣ, старается притѣснять и оскорблять меня на каждомъ шагу, зная что должность мнѣ нужна, чтобы поддержать мою семью?.. О, завтра же я сброшу съ себя его тяжелое благодѣяніе, чего бы это ни стоило: хоть съ тяжкимъ трудомъ, но я найду средство существованія и безъ него.

Дашенька.

Да вы врете, врете: онъ благородный, безкорыстный, честный человѣкъ... Онъ не беретъ взятокъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ и могъ бы очень скоро обогатиться... Онъ изъ любви ко мнѣ не удалилъ отъ должности моего отца, тогда какъ... А вы хотите увѣрить, что онъ не любитъ меня...

Николай Потапычъ.

Такъ знайте же: этотъ человекъ въ одно и то же время ухаживаетъ за вами и за пожилою вдовой, почти старухой, за то только, что она богата и имѣеть связи въ Петербургѣ... Видите: я слѣжу за нимъ и знаю, что онъ дѣлаетъ, больше всѣхъ и гораздо больше васъ...

Дашенька (*блѣдная и дрожащая*).

Вы клеветеете, вы лжете на него изъ зависти, изъ злобы... Этого быть не можетъ.. (*Удерживая истерическія рыданія.*) Я васъ не спрашивала объ этомъ.. Вы это выдумали... Я не повѣрю... Я люблю его, а васъ ненавижу...

Николай Потапычъ (*смягчался*).

Дарья Анисимовна... Я не хотѣлъ васъ такъ огорчить... Я хотѣлъ вразумить, остановить васъ... Простите меня...

Дашенька.

Подите прочь... Вы хотѣли остановить меня... Нѣтъ, того нельзя уничтожить, что стало жизнью!.. Отецъ думалъ дать мнѣ низкую, скверную роль... Онъ хотѣлъ меня сдѣлать средствомъ своихъ цѣлей... Онъ ошибся... Это былъ первый человекъ, съ которымъ я сблизилась... Я сама не знаю какъ случилось, что полюбила его... но я люблю его другой годъ... И онъ самъ, мой Вольдемаръ, не знаетъ объ этомъ... Но разлюбить его никакія силы меня не заставятъ... Я знаю, что и онъ меня любитъ... Если онъ на что-нибудь и рѣшался, такъ въ этомъ я сама виновата... Но онъ все бросить, когда узнаетъ, что я люблю его... Слышите ли? его, его люблю я, а всѣхъ, кто про него говоритъ дурно, ненавижу, презираю... Слышите ли вы это?..

Николай Потапычъ (*почти со слезами*).

За что же я-то васъ люблю?..

Дашенька (*откидываясь въ изнеможеніи на спинку кресла*).

Уйдите, пожалуста... Оставьте меня... Вы не услышите отъ меня ничего утѣшительнаго...

(*Николай Потапычъ стоитъ молча, уныло опустя голову.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ (*къ Николаю Потапычу, не отвѣчая на поклонъ его.*)

Что вы тутъ шляетесь?.. Что вы тутъ торчите у меня?.. Васъ никто не зоветъ сюда... а за васъ тамъ непріятности отъ начальства получай...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Что вы хотите сказать?..

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Что хотите сказать?.. Что сказалъ, то и говорю. Вы вотъ здѣсь незванный, непрошенный сидите, а Владиміръ Васильичъ пріѣхалъ въ правленіе, да мнѣ непріятности при всѣхъ наговорилъ, что васъ не было тамъ на своемъ мѣстѣ...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Завтра же, Анисимъ Федоричъ, я избавлю васъ отъ непріятной ответственности за меня,—я завтра подаю въ отставку...

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

И давно бы пора, а то и такъ бы выгнали... А здѣсь вамъ все-таки дѣлать нечего, извините вы меня...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Не ожидалъ я отъ васъ подобной любезности... Впрочемъ теперь я ничему не удивляюсь... (*Взглядываетъ на Дашеньку.* Будьте счастливы... Я прощаю васъ, Анисимъ Федоричъ... (*Вздыхаетъ и уходитъ.*)

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ (*вслѣдъ ему.*)

Ступайте, ступайте... Каковъ еще!.. прощеніе даетъ! обойдемся и безъ него... молокососъ! (*Обращаясь къ дочери.*) А ты вмѣсто того, чтобъ отцовской волѣ повиноваться, на всякую дрянъ вѣшаешься... (*Дашенька смотритъ на него съ изумленіемъ.*) Что смотришь?.. Всѣ твои штуки теперъ понялъ. Отецъ просилъ тебя въ службѣ его поддержать, желалъ только расположеніе начальника удержать за собой... а ты вмѣсто того около этого молодчика лебезишь, а тотъ на это злится, а отецъ изъ-за этого службу теряетъ... Дочь ты недостойная!..

ДАШЕНЬКА.

Да перестанете ли вы меня оскорблять?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не потерплю я распутства отъ тебя...

ДАШЕНЬКА (*вскакиваетъ какъ ужа-
ленная*).

Что?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

То... Въ монастырь отдамъ...

ДАШЕНЬКА (*закрываетъ лицо руками
и падаетъ въ кресло*).

Это адъ, а не жизнь....

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ты у меня не смѣй и думать объ этомъ нищемъ: отъ насъ не тѣмъ пахнетъ... Онъ намъ не пара... Знай, Дарья, я ничего для тебя не пожалѣю, жизнью пожертвую, все для тебя одной приобрѣтаю, такъ ты мнѣ плати тѣмъ же... Ну, ну, Дарья... Даша... перестань... Я опять все дѣло поправилъ, чуть не на колѣняхъ у него прощенія просилъ... Онъ прямо сказалъ, что онъ засталъ у насъ Зайчикова, тотъ наговорилъ ему дерзостей, а ты за него же заступилась... Это его и обидѣло... Да и какой слѣдъ совѣтнику быть въ одномъ мѣстѣ съ столоначальникомъ?.. Я ему побожился Зайчикова въ домъ не пускать... Общался сегодня пріѣхать...

ДАШЕНЬКА (*живо*).

Какъ? къ намъ пріѣхать?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да... Ну, смотри же, Даша, веди себя умненько, такъ за все старое Богъ простить... А то ты видѣла, каковъ я, какъ что не по мнѣ... Люблю тебя, а изъ моей воли не выходить... Ну, я уйду со двора: вы помиритесь, а смотри, будь осторожна... Этого не забывай... Прощай же... Вели чаю изготовить...

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ДАШЕНЬКА (*одна*).

Онъ опять пріѣдетъ... (*Хватается за грудь.*) Чтò со мной?.. Чтò я буду дѣлать?.. И рада... и боюсь чего-то... И опять въ

прежней роли... Но что мнѣ за дѣло, лишь бы онъ былъ со мной... Отчего же я вся дрожу?... Сама судьба помогаетъ мнѣ... Папаша и не подозреваетъ, что онъ дѣлаетъ... Но зачѣмъ онъ оскорблялъ меня?... Развѣ я заслужаю эти подозрѣнія, эти упреки... Онъ не понимаетъ меня... Онъ меня дѣлаетъ орудіемъ своихъ цѣлей... Чѣмъ же я рада... Мнѣ бы надобно оскорбляться... а я счастлива... И что такое въ душѣ?... Обиды не забыты... но я какъ будто довольна, что все это случилось... *(Схватываетъ себя за голову.)* Ну, лучше не думать... *(Молчитъ нѣсколько минутъ, потомъ подбѣгаетъ къ зеркалу и смотрится въ него.)* Вотъ теперь не бѣдна... вся горю... Чѣмъ же, я хороша... Онъ не можетъ не любить меня... Матреша, Матрена.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАШЕНЬКА И МАТРЕНА.

МАТРЕНА.

Чего изволите, барышня?

ДАШЕНЬКА.

Поправь, пожалуста, мнѣ волосы...

МАТРЕНА.

Сейчасъ, сударыня, гребенку только возьму. *(Уходитъ.)*ДАШЕНЬКА *(садится)*.

Что онъ будетъ говорить?... *(Задумывается.)* Ну, что будетъ...

(Входитъ Матрена.)

ДАШЕНЬКА.

Ты, Матреша, прикажи согрѣть самоваръ и разлей чай сама, тамъ въ дѣвичей... когда я спрошу, и вели подать...

МАТРЕНА *(приглаживая гребенкой волосы у Дашеньки)*.

Да что, барышня, гости что ли будутъ?..

ДАШЕНЬКА *(старается казаться равнодушною)*.

Да, Владиміръ Васильичъ...

МАТРЕНА.

Владиміръ Васильичъ!.. Ну, слава Богу...

ДАШЕНЬКА.

Что же это тебя такъ обрадовало?

МАТРЕНА.

Да какъ, барышня, не радоваться! Сколько времени не бывали...

ДАШЕНЬКА.

Такъ тебѣ-то что же?..

МАТРЕНА.

Да ужъ мы думали, что онъ совсѣмъ къ вамъ ѣздить пересталъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, такъ что же? Тебѣ вѣдь, я думаю, все равно?

МАТРЕНА.

Да оно извѣстно, что все равно, а одначе же...

ДАШЕНЬКА *(улыбается)*.

Что одначе же?..

МАТРЕНА.

Ахъ, барышня, хоть мы люди у васъ и не ваши, нанятые, а то же привыкли къ вамъ, любимъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, такъ что же?

МАТРЕНА.

Ну, то и есть...

ДАШЕНЬКА.

Да тебѣ-то что же: ѣздить ли къ намъ Владиміръ Васильичъ, или нѣтъ...

МАТРЕНА.

Какъ что, барышня? Мы хоша люди, а то же видимъ...

ДАШЕНЬКА.

Да что же вы видите?

МАТРЕНА.

Да какъ что? все видимъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, что же, напримѣръ?

МАТРЕНА.

Такъ развѣ мы не видимъ, что какъ пересталъ только ѣздить къ вамъ Владиміръ Васильичъ, такъ и съ папенькой у васъ по-

шли непріятности, и сами вы совсѣмъ другія стали... А вонъ теперь только духомъ - то его запахло, такъ вонъ какъ разцвѣли...

ДАШЕНЬКА.

Какія ты глупости врешь... Для меня рѣшительно все равно... Это такъ, здѣсь жарко... А у папеньки непріятности были по службѣ, вотъ онъ и былъ не въ духѣ, сердился на всѣхъ и на меня...

МАТРЕНА.

Ну, да хорошо, ладно, сударыня! я говорю, мы хошь и люди, а тоже понимаемъ.

ДАШЕНЬКА.

Да скажи, чтò же ты понимаешь?

МАТРЕНА.

Такъ, вѣдь надо правду говорить, барышня, вѣдь ужъ сейчасъ видно, что женихъ съ невѣстой.

ДАШЕНЬКА (*притворно смѣется*).

Вотъ чтò выдумала, чего быть-то никогда не можетъ...

МАТРЕНА.

Ну, да смѣйтесь, барышня, смѣйтесь, а вѣдь ужъ это все видно, не сыкритесь: какъ разошлись-то было, такъ не одни вы тосковали, и Владиміръ-то Васильичъ не больно веселъ ходилъ...

ДАШЕНЬКА.

Это ты еще какъ знаешь?

МАТРЕНА.

Ахъ, батюшки мои, мудрено узнать! мы съ ихнимъ-то людямъ знакомы...

ДАШЕНЬКА.

Полно, Матрена, какія ты глупости говоришь... Все вздоръ...

МАТРЕНА.

Ну, да какъ угодно, сударыня, надо правду говорить... Чтò же, эдакой женихъ вамъ не въ обиду... этакихъ красавцевъ, да молодцовъ поискать... Соколъ баринъ!... Надо правду говорить...

ДАШЕНЬКА.

Ну, отстань же, Матрена, этого быть никогда не можетъ... И я ему никогда не понравлюсь, и онъ мнѣ не нравится... Папенька только потому такъ его уважаетъ, что онъ его начальникъ, а для

меня рѣшительно все равно... Не говори никогда этихъ глупостей, а-то я сошлю тебя...

МАТРЕНА.

Не прикажете, такъ не буду говорить: это какъ вамъ угодно... Тутъ гнѣваться не за что: для васъ же добра желаемъ... Вотъ погодите—ка, кажись, пріѣхалъ... Пріѣхалъ и есть... Такъ чай—отъ сейчасъ подавать, или погодить?...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ... погоди... Я скажу, когда... только приготовляй теперь...

(Матрена уходитъ.)

ДАШЕНЬКА.

Что это со мной... Какъ бьется сердце...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДАШЕНЬКА и Владимиръ Васильичъ.

Владимиръ Васильичъ.

Здравствуйте, Дарья Анисимовна.

ДАШЕНЬКА.

Здравствуйте.

Владимиръ Васильичъ (*садясь*).

Папенька вашъ дома?

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ... онъ ушелъ... скоро придетъ...

Владимиръ Васильичъ (*съ улыбкой*).

Позвольте мнѣ подождать его?...

ДАШЕНЬКА.

Если вамъ угодно...

Владимиръ Васильичъ.

Да вамъ это не будетъ непріятно?...

ДАШЕНЬКА.

Развѣ когда—нибудь ваше присутствіе было для меня не-пріятно?...

Владимиръ Васильичъ.

Можетъ—быть, вы желали бы видѣть кого-нибудь другаго вмѣсто меня...

ДАШЕНЬКА.

Кого же другаго?... У меня такъ мало знакомыхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Что, и я даже могу быть пріятнымъ гостемъ. *(Усмѣхается.)*
А можетъ-быть, напрімѣръ, хотъ господина Зайчикова...

ДАШЕНЬКА.

Зайчиковъ былъ сегодня, и папаша его почти выгналъ изъ дома...

Владиміръ Васильичъ *(улыбается)*.

А-а!... Такъ вотъ причина того волненія, въ которомъ я васъ засталъ?.. Понятно...

ДАШЕНЬКА *(сквозь слезы)*.

Владиміръ Васильичъ, вы-то за что меня оскорбляете?

Владиміръ Васильичъ.

Развѣ я оскорбляю васъ?... Можетъ-быть, вамъ досадно, что я отгадалъ ваше душевное состояніе... Но чѣмъ же тутъ оскорбляться?...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, вы не понимаете меня... Я въ васъ ошиблась... Вамъ весело смѣяться надо мной... мучить меня... Зачѣмъ же вы говорили... увѣряли меня?

Владиміръ Васильичъ.

Что я вамъ говорилъ? въ чемъ увѣрялъ?...

ДАШЕНЬКА.

Неужели нужно напоминать вамъ ваши слова?...

Владиміръ Васильичъ.

Да, я не отказываюсь отъ своихъ словъ, но... быть соперникомъ Зайчикова—не могу, быть игрушкой вашего каприза—тоже не могу... Это не моя роль...

ДАШЕНЬКА.

У васъ никого нѣтъ соперниковъ... Я никогда вами не играла...

Владиміръ Васильичъ.

Зачѣмъ же вы не хотите сказать мнѣ-то, о чемъ я васъ спрашивалъ...

ДАШЕНЬКА.

Я боюсь... Я не знаю... что мнѣ мѣшаетъ... *(Опускаетъ голову на руку.)* Развѣ вы не знаете сами?...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, Доротея, утѣште меня: скажите... если вы меня любите...
Ну, Доротея... *(Цѣлуетъ ея руку.)*

(Дашенька молча цѣлуетъ его въ голову. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся громкіе шаги и кашель Анисима Ѳедорыча.)

Дашенька *(быстро отдергивая руку, вполголоса)*.

Папаша.

Владиміръ Васильичъ *(стараясь скрыть волненіе)*.

Мнѣ очень нужно бы видѣть Анисима Ѳедорыча, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ... Досадно, что его нѣтъ дома...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, и Анисимъ Ѳедорычъ.

Владиміръ Васильичъ *(какъ бы не замѣчая входящаго Анисима Ѳедорыча)*.

Какъ вы думаете, скоро придетъ вашъ папенька?... *(Увидя его.)*
А-а... да вотъ и Анисимъ Ѳедорычъ... Здравствуйте... А я только-что пріѣхалъ къ вамъ... *(Подаетъ ему руку.)* Куда вы это побывали?...

Анисимъ Ѳедорычъ *(униженно раскланиваясь)*.

А ходилъ-съ въ правленіе: давеча позабылъ захватить журналы, надо разсмотрѣть вечеркомъ... Дашенька, что же ты чаю...

(Дашенька быстро уходитъ.)

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, я пилъ... Ну а что, вы написали мнѣ прошеніе по моему наслѣдству?...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Какъ же-съ, какъ же... написалъ... Надо полагать, что дѣло выиграется въ вашу пользу...

Владиміръ Васильичъ.

А вообразите: какъ отличился сорокинскій становой приставъ, помните, котораго я хотѣлъ было отдать подъ судъ: открылъ,

батюшка, страшную сектантку — раскольницу, представилъ ее, книги, образа, множество интересныхъ рукописей раскольничьихъ... Я виноватъ, ошибался въ немъ: онъ молодецъ...

Анисимъ Федорычъ.

Чиновникъ распорядительный-съ!

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Кабинетъ Владиміра Васильича. Всѣ вещи въ безпорядкѣ, который бываетъ при сборахъ въ дальнюю дорогу: по столамъ и стульямъ разложено платье, сапоги, разные свертки. На полу клочки разорванныхъ бумагъ. У одной стѣны чемоданъ. Поздній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ И МАТРЕНА.

МАТРЕНА.

Такъ онъ сегодня ѣдетъ, Андрей Капитонычъ?

АНДРЕЙ *(укладывая платье въ чемоданъ)*.

Хотѣлъ сегодня ѣхать безпремѣнно въ ночь, а либо завтра объ утрѣ рано... А и то сказать: кто его знаетъ...

МАТРЕНА.

Такъ какъ же, вы совсѣмъ въ Петербургъ, али на время только?..

АНДРЕЙ.

Кто его знаетъ?... развѣ онъ станеть со мной разговаривать?... небель-то продамъ: видно ужъ не пріѣдетъ сюда.

МАТРЕНА.

Такъ вотъ вы какъ, Андрей Капитонычъ, уѣдете отъ насъ: прощайте...

АНДРЕЙ *(со вздохомъ)*.

Да... Мало здѣсь наблажили, въ Петербургъ поѣдемъ себя показывать...

МАТРЕНА.

А что бы и въ правду, чѣмъ ему здѣсь не жизнь, зачѣмъ уѣхать хочеть ..

АНДРЕЙ.

Жить было хорошо: теперича сколько просителей ходило кажинной день... Кто полтинникъ, кто четвертакъ суетъ, только доложи... Вѣдь, самъ-то ничѣмъ не пользовался, нѣтъ... эта у него была фанеберія... Ну, такъ меня больше и благодарили...

МАТРЕНА.

Что же онъ въ чины что ли произойдетъ въ большіе тамъ, въ Петербургъ?..

АНДРЕЙ.

Кто его знаетъ!.. Можетъ, невѣсту хочетъ себѣ искать богатую...

МАТРЕНА.

Такъ, значитъ, наша барышня, Андрей Капитонычъ, такъ и останется... *(смѣется)* не при чемъ...

АНДРЕЙ *(улыбается)*.

Вамъ лучше знать, при чемъ останется...

(Оба смѣются.)

МАТРЕНА.

А молодецъ... ловокъ! дѣльцо свое обдѣлалъ...

АНДРЕЙ *(серіозно)*.

Ну... Богъ-отъ, вѣдь, накажетъ...

МАТРЕНА *(принимая тоже серіозную физиономію.)*

Извѣстно, что ужъ накажетъ.. Чего только смотрѣлъ отецъ, этого я понять не могу, Андрей Капитонычъ...

АНДРЕЙ *(глубокомысленно)*.

Ну... всякъ о своихъ дѣлахъ думаетъ. .

МАТРЕНА.

А какъ она, бѣдная, въ него влюблена это... до страсти!..

АНДРЕЙ.

Ну... дѣвичье дѣло!..

МАТРЕНА.

Только какая скрытная... Вѣдь, ужъ вижу, что у нихъ дѣлается, все вижу... А ужъ не скажетъ ни подъ какимъ видомъ... Когда нарочно объ немъ заговорю, такъ еще осержается... Ну, а ужъ чего тутъ... *(смѣется)* Этого не спрячешь!..

АНДРЕЙ.

Ну такъ, вѣдь кому лестно про это разказывать... Хоть бы до васъ доведись...

МАТРЕНА.

Чтой-то вы, Андрей Капитонычъ, развѣ я изъ такихъ...

АНДРЕЙ.

Ну да ладно... Года мои только ушли, а то бы вы не увернулись отъ меня...

МАТРЕНА.

На врядъ ли ужь... Насчетъ этого поищите прочихъ... Ай, батюшки, закалякалась я съ вами: послали, вѣдь, за сухарями, да наслышана, что не сегодня-завтра собираетесь въ дорогу: дай, думаю, забѣгу... А вы ну-ка на прощанье-то неприятности какія говорите...

АНДРЕЙ.

Вѣдь, я не къ обидѣ вашей, а такъ насчетъ всѣхъ... то-есть женскаго вашего пола...

МАТРЕНА.

Ну, да хороши и вы мушцины: сами во всемъ виноваты, а мы отвѣчай...

(Слышенъ звонокъ).

АНДРЕЙ.

Вона, видно, самъ пріѣхалъ...

МАТРЕНА.

Ну, прощайте, Андрей Капитонычъ, счастливаго вамъ успѣха: худомъ не помяните, а добромъ не за что...

АНДРЕЙ.

И вамъ также... *(Опять звонокъ.)* Ну, поспѣешь... Экъ!...

МАТРЕНА *(у дверей направо).*

Прощайте же... *(Уходитъ).*

(Снова звонокъ).

АНДРЕЙ.

Да сейчасъ... Экъ тебя... *(Уходитъ въ дверь задней стѣны.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Владиміръ Васильичъ и Андрей.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же ты, уложился?

Андрей.

Укладываюсь...

Владиміръ Васильичъ.

Укладывайся проворнѣе, да сходи за лошадьми, чтобы сейчасъ же прѣзжали... Слышишь?..

Андрей.

Слышу... Маменька, сударь, опять прѣехали...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ, ко мнѣ?

Андрей.

Нѣту, а въ городъ прѣехали. Кирюшка ихный прибѣгалъ, говорить, маменька въ большомъ на васъ гнѣвъ, слышана, что вы наследство хотите отнять у нея, такъ судиться съ вами хочетъ: мнѣ, говорить, не надо, а ему не уступлю...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, ну, хорошо... Укладывайся поскорѣе, да лошадей...

Андрей.

Такъ что же, молъ, не у насъ остановились? И видѣть, говорить, его не хочу, а не то что... Съ чужихъ, говорить, не беретъ, а родныхъ хочетъ грабить... Батюшка, Владимиръ Васильичъ, вѣдь не хорошо: маменьку-то огорчаете...

Владиміръ Васильичъ (*ирозно*).

Что-о? Ахъ ты сюска! Наставленія мнѣ вздумалъ говорить... Это еще что!..

Андрей.

Рабски докладывалъ, Владимиръ Васильичъ! Вся дворня въ ужасть пришла отъ этого самаго...

Владиміръ Васильичъ.

Молчать, оселъ!.. Скажи у меня еще хоть слово... Изорву... Пошелъ вонъ!..

Андрей (*уцрюмо*).

Зайчиковъ еще приходилъ... два раза...

Владиміръ Васильичъ.

Какой Зайчиковъ?

Андрей.

Этотъ, что у васъ въ правленіи служилъ... молодой...

Владиміръ Васильичъ.

Что ему надо?

Андрей.

Почемъ я знаю... Хотѣлъ опять придти...

Владиміръ Васильичъ.

Не пускать... Скорѣй укладывайся...

(*Андрей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Владиміръ Васильичъ (*одинъ*).

Убраться бы отсюда поскорѣе... Надоѣлъ мнѣ этотъ проклятый городишко... Въ Петербургъ, въ Петербургъ! Одного жаль: Доротею... Ну, что дѣлать: сама виновата... Такой страстной натурѣ, какъ ея, нельзя не поддаться... Тутъ никто бы не устоялъ... Жениться на ней?.. А карьера, а служба, а общественная польза, для которой живу... Тестъ—взяточникъ!.. Нѣтъ, это невозможно... (*Задумывается.*) Э, да утѣшится... Поплачетъ и перестанетъ... Тотъ же Зайчиковъ женится... (*Съ усмѣшкой.*) Безсмертнымъ писателямъ всего приличнѣе поправлять ошибки смертныхъ людей... (*Ходитъ насвистывая.*) А жаль ея, бѣдняжки... Вялъ бы съ собой, еслибъ не пугали послѣдствія... (*Слышится звонокъ.*) Кто это, неужто Зайчиковъ?.. Чего ему отъ меня нужно?..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Владиміръ Васильичъ и Золотаревъ.

Андрей (*вбѣгая*).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ.

Владиміръ Васильичъ (*поспѣшно*).

Проси, проси...

(*Андрей уходитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*осматривая комнату*).

Какой безпорядокъ! И свѣчка одна горитъ. (*Зажигаетъ другую свѣчу.*)

(*Золотаревъ входитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*идя къ нему на встрѣчу*).

Извините меня, Дмитрій Николаичъ, какъ дорожнаго человѣка: у меня здѣсь страшный безпорядокъ!.. Прошу васъ покорно. (*Пододвигаетъ кресло.*)

Золотаревъ.

Сдѣлайте милость, пожалуста! для меня все равно... (*Садится.*)
Вы у меня были сегодня...

Владиміръ Васильичъ.

Два раза заѣзжалъ, но не заставалъ васъ дома...

Золотаревъ.

Виновать, виновать... захопотался сегодня... Но я свою вину заглядылъ: самъ явился... Ну-съ, такъ вы собрались совѣтъ?.. Ну, желаю вамъ счастливаго пути... успѣховъ... генеральскаго чина...

Владиміръ Васильичъ (*улыбаясь*).

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ... Этого слишкомъ долго дожидаться, не доживу!..

Золотаревъ.

Э, еще доживете, молоды!.. Должность, надѣюсь, вамъ понравится. Вы будете всегда на виду. Начальникъ, ручаюсь вамъ, отличный человѣкъ, онъ васъ оцѣнитъ. Я съ нимъ пріятель лѣтъ пятнадцать и знаю его хорошо: онъ любитъ окружать себя такими даровитыми и безкорыстными чиновниками, какъ вы...

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ; я чувствую какое добро вы для меня сдѣлали... Безъ вашей рекомендаціи я никогда не надѣялся получить такого мѣста...

Золотаревъ.

Э, пожалуста, что за благодарности... Добра я никогда не дѣлаю и въ добродѣтельныхъ людей не вѣрю... Но должникомъ никогда не остаюсь... Долгъ платежемъ красенъ, вотъ мой девизъ и вотъ вся добродѣтель земныхъ смертныхъ... Безъ цѣли ничего не дѣлается... Всякое дѣло требуетъ вознагражденія... Требовать, чтобы человекъ дѣлалъ что-нибудь даромъ, значитъ нарушать право собственности... А платить долги, вотъ, повторяю, величайшая добродѣтель, которой я только и требую отъ человека... Извините за многословіе, но мнѣ хотѣлось только оправдать себя передъ вами и избавить васъ отъ тяжелаго чувства благодарности, которая по моему то же, что неуплаченный долгъ... Вы исполнили мою просьбу, слѣдовательно дали мнѣ займы, я сдѣлалъ для васъ, слѣдовательно расплатился, затѣмъ мы квиты и другъ другу ничѣмъ не обязаны.

Владиміръ Васильичъ *(съ улыбкой)*.

Ваша философія и проста, и удобопонятна...

Золотаревъ.

И, надѣюсь, основана на здоровомъ пониманіи человѣческаго сердца... Прибавлю еще маленькую сентенцію въ дополненіе, она послужитъ вамъ пищею для размышленія во время дороги, да авось и пригодится, особенно въ Петербургѣ... Вы вотъ не любите денегъ, получаемыхъ не изъ рукъ казначея, а я уважаю ихъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ рукахъ: ну, о вкусахъ не спорять... Это ваше дѣло, вамъ такъ лучше, и я не совѣтую вамъ измѣнять вашего вкуса... Вы такъ созданы и оставайтесь тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа, ибо вкусъ зависитъ отъ природнаго характера... Но не забудьте двухъ вещей: во первыхъ, всякій долженъ какимъ бы то ни было образомъ заработать себѣ что-нибудь, чтобы пообѣдать и прикрыть свое брѣнное тѣло; во вторыхъ, самый страшный врагъ и самый вѣрный другъ — миліонъ... Но можетъ-быть ученаго учить только портить. Впрочемъ ваше образованіе изъ книгъ, мое изъ жизни, пополнять одно другимъ не мѣшаетъ... Затѣмъ имѣю честь кланяться и пожелать вамъ счастливаго пути и таковаго же успѣха во всѣхъ вашихъ предначинаніяхъ... Вы, кажется, укладывались; я васъ остановилъ... *(Встаетъ.)*

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, Дмитрій Николаичъ, я васъ слушаю, какъ оракула, и удивляюсь вашей житейской мудрости...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

А я рѣдко говорю съ кѣмъ о своихъ убѣжденіяхъ такъ охотно, какъ съ вами... Извините меня, но я полюбилъ васъ душевно... Прощайте, мой любезнѣйшій...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, добрѣйшій Дмитрій Николаичъ... Еще разъ благодарю искренно...

Золотаревъ.

Ради Бога, не называйте меня добрымъ и никогда не благодарите, а то я буду думать, что вы не поняли моей философіи...

Владиміръ Васильичъ.

О, понялъ совершенно и совершенно согласенъ: въ этомъ вы можете быть увѣрены...

Золотаревъ.

Надѣюсь... Прощайте...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, Дмитрій Николаичъ... (*Обнимаются и цѣлуются.*)
(*Золотаревъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ Васильичъ (*одинъ, ходитъ въ раздумьи*).

Онъ правъ совершенно... Еслибы всѣ разсуждали такъ, какъ онъ, то безкорыстіе и честность на службѣ никогда бы не оставались не вознагражденными, какъ это иногда случается... Да, жизнь учить лучше книгъ... Полчаса бесѣды съ подобнымъ человекомъ дороже десяти томовъ... Всѣ убѣжденія, почерпнутыя изъ книгъ, уясняются и оправдываются этой мудростью, вычитанною изъ книги жизни... Замѣчательный человекъ!..

(*Входитъ Дашенька въ двери направо.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ Васильичъ, Дашенька и потомъ Николай Потапычъ.

Владиміръ Васильичъ (*съ испугомъ*).

Доротея, ты какимъ образомъ попала сюда?

ДАШЕНЬКА.

Вольдемаръ, ты уѣзжаешь отсюда совсѣмъ, ты обманываешь меня, что воротишься... Ты хочешь бросить меня, оставить здѣсь, одну...

Владиміръ Васильичъ (*въ замѣшательствѣ*).

Кто это тебѣ сказалъ?.. Нѣтъ, я пріѣду опять... я въ отпускъ только...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, нѣтъ, Вольдемаръ... ты и мебель продалъ, все... Ты не пріѣдешь... Ты разлюбилъ меня...

Владиміръ Васильичъ.

Да какъ же ты рѣшилась придти сюда?.. Ну тебя хватятся дома... Чѣмъ подумаютъ?..

ДАШЕНЬКА.

Я ушла потихоньку, никто не видалъ... Здѣсь прошла чрезъ заднее крыльцо... Никто со мной не встрѣтился... Вольдемаръ, я не останусь здѣсь... Ты возьми меня съ собой...

Владиміръ Васильичъ.

Помилуй, что ты, Доротея... Развѣ это возможно?..

ДАШЕНЬКА.

Все возможно, если любишь...

Владиміръ Васильичъ.

Послушай, душа моя!.. Ты не понимаешь жизни... Какъ мнѣ взять тебя?.. Ну, узнаетъ твой отецъ, вступится: я могу испортить карьеру, потерять службу...

ДАШЕНЬКА.

Для меня отецъ мой долженъ быть страшнѣе, нежели для тебя, но видишь, я ничего не боюсь, я ушла отъ него... Вольдемаръ, я все потеряла... Мнѣ невозможно жить безъ тебя...

Владиміръ Васильичъ.

Доротея, душа моя!.. да развѣ мнѣ не такъ же тяжело разстаться, какъ и тебѣ?.. Вѣдь ты знаешь, я люблю тебя... Но это невозможно, моя радость... Погоди... Вотъ я съѣзжу въ Петербургъ, устрою свои дѣла, и опять пріѣду сюда...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, Вольдемаръ, нѣтъ, одна мысль, что я не увижусь съ тобой, одно ожиданіе можетъ убить меня.

Владимиръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея! я боюсь, право: дома тебя хватятся... Ты погубишь себя...

Дашенька.

Я давно уже погибла... Только ты одинъ для меня дорогъ... Вольдемаръ, пожалѣй меня...

(Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шумъ.)

Владимиръ Васильичъ *(съ испугомъ)*.

Что это? Ужь не за тобой ли?... Ахъ, Доротея...

Дашенька.

Мнѣ все равно... Я не боюсь...

Голосъ Андрея, за сценой.

Говорять, не велѣно пускать...

Годосъ Зайчикова, за сценой.

Пусти, мнѣ нужно... Пусти, говорятъ... А то я силой войду...

Владимиръ Васильичъ.

Доротея, прощай, уйди...

Дашенька.

Нѣтъ, я не пойду...

Владимиръ Васильичъ *(растерявшись)*.

Ахъ, Боже мой! хотъ спрячѣся вотъ сюда за ширмы... А я пойду туда... Это Зайчиковъ... *(Почти насильно вталкиваетъ Дашеньку за ширмы и идетъ къ дверямъ. Въ это время двери съ шумомъ распахиваются и въ нихъ врывается Зайчиковъ.)*

Владимиръ Васильичъ.

Что вы за шумъ тамъ дѣлаете?... Какъ вы смѣете насильно врываться въ чужой домъ?... Что вамъ угодно?

Николай Потапычъ.

Что мнѣ угодно?... Мнѣ угодно было проститься съ вами... Я услышалъ, что мой благодѣтель уѣзжаетъ, и пришелъ разсчитаться съ нимъ...

Владимиръ Васильичъ.

Вы пьяны, вы шумите! Ступайте вонъ, а не то я васъ велю свести въ полицію...

Николай Потапычъ.

Я пьянъ—это правда... но пьянъ отъ горя и злости, пьянъ

для того, чтобы высказать тебѣ правду... Ты меня хочешь свести въ полицію... можешь, но прежде выслушай правду...

Владиміръ Васильичъ.

Эй человекъ... Андрей...

Николай Потапычъ (*схватываетъ его за руку*).

Погоди, герой честности и безкорыстія... Ты долженъ выслушать меня; я пришелъ сказать тебѣ спасибо за то, что ты чуть не убилъ моего отца, раззорилъ мою семью, помѣшалъ мнѣ быть ей полезнымъ, почти выжилъ и меня изъ службы... Вѣдь отецъ пѣшкомъ притащился сюда, узнавши, что я вышелъ въ отставку; онъ меня винить въ этомъ, называетъ сыномъ неблагодарнымъ... Стой... Еще это не все... Ты держалъ при себѣ извѣстнаго взяточника-секретаря, а для-чего?.. Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое созданіе... И ты достигъ этого, подлецъ: я все знаю... Страхомъ изгнанія изъ службы, ты заставлялъ отца потворствовать вашимъ отношеніямъ... Ты увлекъ и погубилъ ее, неопытную...

Дашенька (*выходя изъ-за ширмы, быстро подходитъ къ Владимиру Васильевичу и обнимаетъ его*).

Вы врете: онъ ни въ чемъ не виноватъ, я сама полюбила его.

Николай Потапычъ (*отскакивая въ изумленіи*).

Дарья Анисимовна, вы ли это?.. Гдѣ вы?.. Онъ все задавилъ въ васъ—и стыдъ, и совѣсть...

Дашенька.

Васъ никто не проситъ быть моимъ защитникомъ, и принимать во мнѣ участіе; вамъ давно сказано, что я не люблю васъ, ненавижу, и люблю только его одного... Чего вамъ еще нужно?

Николай Потапычъ (*въ изступленіи*).

Га!.. Такъ пришло время мести: пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвуетъ дочерью изъ корыстныхъ цѣлей... Оставайтесь же здѣсь, я сейчасъ приведу сюда вашего отца... (*Убѣгаетъ*.)

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея... Боже мой, что за несчастіе!.. Уходите домой поскорѣе... ради Бога... Андрей, готовы ли лошади?..

АНДРЕЙ *(выглядывая въ двери.)*

Лошади у крыльца.

Владимиръ Васильичъ.

Выноси чемоданы проворнѣй, живо... Доротея... Уйдете ли же вы?.. Чего вы еще дожидаетесь?

ДАШЕНЬКА.

Такъ развѣ ты и теперь не возьмешь меня?...

Владимиръ Васильичъ.

Да развѣ ты не понимаешь, что это не возможно?.. Чего ты хочешь? чтобы погоня что ли была за нами, скандалъ сдѣлать?... Что это такое?.. Это невыносимо...

АНДРЕЙ.

Пожалуйте... Готово...

Владимиръ Васильичъ.

Ну, прощай, ради Бога, прощай... Я скоро опять приѣду.

Дашенька *(на колыняхъ).*

Вольдемаръ, не оставяй меня... Подумай, что со мной будетъ... *(Обнимаетъ его колѣни.)*

Владимиръ Васильичъ *(освобождаясь).*

Боже мой! говорить, это невозможно... Ты просто сумасшедшая... Или уходи скорѣй, или оставайся здѣсь... Я уѣду... Что это такое?... Вотъ адъ!.. Вотъ казнь!.. *(Идетъ къ дверямъ.)*

Дашенька *(ломаетъ руки).*

Пусть же мое проклятіе преслѣдуетъ тебя всю жизнь, на каждомъ шагу... Господи... *(Всплескиваетъ руками, рыдаетъ и приклоняется къ полу.)*

Владимиръ Васильичъ *(приостанавливается у дверей, оглядывается на Дашеньку).*

Я столько же страдаю, какъ и ты, а наслаждались мы равно... *(Машетъ рукой и уходитъ.)*

(Черезъ нѣсколько минутъ слышенъ звонъ колокольчика.)

Дашенька *(вздрагиваетъ и поднимается на ноги).*

Уѣхалъ... Все кончено...

(Медленно, пошатываясь, идетъ къ дверямъ.)

Алексѣй Потѣхинъ.

СТАРАЯ И НОВАЯ СИСТЕМА

ЗАГОТОВЛЕНІЯ ПРОВІАНТА И ФУРАЖА

ДЛЯ АРМІИ И ФЛОТА

Je n'impose rien, je ne propose même rien:
j'expose.

Dunoyer. «De la liberté du travail».

Вопросъ, возбужденный въ отчетѣ комиссаріатскаго департамента морскаго министерства за 1855 годъ, о необходимости измѣнить существующій порядокъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота, подробно развитый въ статьѣ декабрьской книжки 1856 года *Морскаго Сборника*, встрѣтилъ весьма громкій откликъ въ нашей современной литературѣ. Съ одной стороны, согласно мнѣнію отчета, доказываютъ несоотвѣтственность общимъ государственнымъ пользамъ системы пріобрѣтенія провіанта чрезъ посредство подрядчиковъ—монополистовъ, равно стѣснительной для казны и производителей хлѣба; съ другой—считаютъ стремленіе къ полученію провіанта непосредственно отъ землевладѣльцевъ, съ цѣлю покровительства симъ послѣднимъ, несогласнымъ съ условіями теоріи народнаго хозяйства, и слѣдовательно вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ. Одни упрекаютъ своихъ противниковъ въ незнаніи дѣла практически, въ незнакомствѣ съ положеніемъ и нуждами поселянъ; другіе — въ совершенномъ уклоненіи отъ законовъ науки, выведенныхъ путемъ анализа изъ явленій экономической жизни народовъ. Между тѣмъ, вслѣдъ за выраженнымъ, непремѣннымъ желаніемъ морскаго

коммиссаріатскаго департамента заняться изученіемъ этого вопроса, военное министерство, въ 1856 году, приступило къ осуществленію системы пріобрѣтенія провіанта изъ первыхъ рукъ отъ помѣщиковъ, хотя далеко не въ размѣрѣ предположеній автора статьи *Морскаго Сборника*. Доселѣ мы не встрѣчали никакихъ данныхъ о результатѣ попытки военного министерства за исключеніемъ слѣдующихъ строкъ г. Бабста, въ № 9 *Экономическаго Указателя*, за 1856 г.: «И мы знаемъ практиковъ, которые нисколько не тронулись съ мѣста, когда, какъ deus ex machina, явился оберъ-провіантмейстеръ съ предложеніемъ покупать хлѣбъ изъ первыхъ рукъ, а остались при своихъ обыкновенныхъ покупщикахъ, и никогда не пролаютъ по чрезу чуръ низкими цѣнамъ», и замѣчаній Г. Хр. К—ва въ № 168 *Сѣверной Пчелы* 1857 года: «Во многихъ мѣстахъ помѣщики взялись за поставку хлѣба по цѣнамъ, опредѣленнымъ въ военномъ совѣтѣ... и при этомъ сэкономлено казною нѣсколько милліоновъ.»

Сообщеніе болѣе подробное такихъ данныхъ, во сколько это доступно для частнаго человѣка, и приложеніе статистическаго метода къ изслѣдованію положеній, выраженныхъ въ статьѣ *Морскаго Сборника*, должно много содѣйствовать къ уясненію нѣкоторыхъ сторонъ возбужденнаго вопроса. Цифра, фактъ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ орудій въ спорѣ, гдѣ между противниками одни, мало довѣряя началамъ науки, опираются преимущественно на знаніи особенностей развитія народнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ.

Отсутствіе гласности и бѣдность въ достовѣрныхъ статистическихъ матеріалахъ чрезвычайно затрудняетъ изслѣдователя, которому съ боя достаются нужныя для него данныя; представляя нѣсколько изъ нихъ, мы надѣемся, что послѣдующіе труды лицъ и вѣдомствъ, занятыхъ изученіемъ вопроса о заготовленіи провіанта и фуража для войска, вопроса, тѣсно связаннаго съ судьбой земледѣлія въ низовомъ краѣ Россіи, доставятъ болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія по этому важному предмету.

Дорого или дешево пріобрѣтало военное вѣдомство провіантъ и фуражъ чрезъ подрядчиковъ, по цѣнамъ, состоявшимся на публичныхъ торгахъ?

Для составленія объ этомъ нѣкотораго понятія, мы представляемъ слѣдующую таблицу, показывающую: 1) полную стоимость

заготовленія провіантскимъ департаментомъ ржаной муки съ 1845 по 1857 годъ для С.-Петербургской губерніи на основаніи отчетовъ департамента; 2) среднія цѣны ржаной муки на с.-петербургской биржѣ, составленныя по биржевымъ прейсъ-курантамъ посредствомъ сложения всѣхъ бывшихъ въ продолженіе года цѣнъ и раздѣленія образовавшейся суммы на число разъ показаній. За 1848 и 1849 годы, по неимѣнію этого рода данныхъ, взяты цифры рыночной цѣны ржаной муки изъ сочиненія г. Егунова: *О среднихъ цѣнахъ на главныя жизненныя потребности въ Россіи*. За 1855 годъ вмѣсто цѣны на муку поставлена биржевая цѣна ржи. 3) Наименьшія цѣны на муку, бывшія на биржѣ въ теченіе года.

Цѣна куля ржаной муки въ 9 пуд. въ копѣйкахъ сер.

Года.	Въ которую куль обошелся провіантскому департаменту.	Средняя биржевая.	Наименьшая биржевая.
1845	355½	545	528
1846	380½	520	457
1847	394½	600	457
1848	501	535	486
1849	533	572	»
1850	446	494	»
1851	434½	422	400
1852	418	472	450
1853	435	575	450
1854	472	512	500
1855	398	387½	375
1856	451	540	500
Среднее за 12 лѣтъ	435	514	»
Среднее за 10 лѣтъ (безъ 1848 и 1849 годовъ)	424	510	460

Слѣдовательно военное министерство приобрѣтало среднимъ числомъ, въ продолженіи 12 лѣтъ, ржаную муку на 18% дешевле частныхъ покупателей; если же исключить 1848 и 1849 годы, за которые мы не имѣемъ биржевыхъ показаній, то окажется, что оно черезъ посредство подрядчиковъ заготовляло муку не только ниже средней общей торговой цѣны на 20%, но даже сходнѣе наименьшей цѣны на 8½%.

Слѣдующая таблица представитъ намъ сравнительную стоимость казеннаго заготовленія овса съ биржевыми на него цѣнами.

Цѣна овса въ копѣйкахъ серебромъ.

Года.	Казеннаго заготовленія.	Средняя биржевая.	Наименьшая биржевая.
1846	289	428 ¹ / ₂	400
1847	291 ³ / ₄	403	286
1848	293 ⁷ / ₈	318	271
1849	308	321 ¹ / ₂	300
1850	261	320	275
1851	302 ² / ₇	411	275
1852	244 ¹ / ₃	328	300
1853	277 ¹ / ₂	307	280
1854	315 ³ / ₄	317	290
1855	315 ⁷ / ₁₀	»	»
1856	367 ¹ / ₂	354	325
Среднее за 10 лѣтъ (безъ 1855 года).	295	350	300.

Слѣдовательно, по десятилѣтней сложности, военное министерство заготовляло овесъ на 18¹/₂% ниже средней биржевой цѣны, и на 1¹/₂% дешевле наименьшей.

Гречневая крупа обошлась военному вѣдомству по слѣдующимъ цѣнамъ:

Въ 1845 году.	515 к. с.	въ 1851	684
— 1846 —	546 ¹ / ₄	— 1852	486 ¹ / ₄
— 1847 —	515	— 1853	557
— 1848 —	592 ² / ₅	— 1854	580
— 1849 —	647	— 1855	566
— 1850 —	508	— 1856	785 ¹ / ₅

Не имѣя биржевыхъ цѣнъ на этотъ продуктъ, мы возьмемъ для сравненія среднія рыночныя, выведенныя г. Егуновымъ для С.-Петербургской губерніи съ 1846 по 1852 годъ, и получимъ, что если среднимъ числомъ въ этотъ промежутокъ времени военному вѣдомству крупа обошлась въ 5 р. 89 к., то средняя рыночная цѣна была 7 р. 83 к., то есть на 33% выше. Самая низшая рыночная цѣна была лѣтомъ 1848 года, именно 6 р. 33 к., слѣдовательно на 7¹/₂% выше цѣны, въ которую приобрѣтало крупу военное министерство. Приведенныя цифры ясно доказываютъ, что всеобщее, и казалось бы, самое вѣроятное, мнѣніе о дорогой стоимости приобретенія казною продовольствія для войска, лишено всякаго основанія, и, судя по сравненію съ расчетами частныхъ потребителей, можно сказать, что въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ военное министерство, дѣйствуя по принятой имъ системѣ заготовленія провіанта черезъ подрядчи-

ковъ, блистательно достигало непосредственной цѣли своей: «своевременнаго и выгоднаго обезпеченія довольствіемъ войскъ.» Но, какъ видно изъ словъ отчета комиссаріатскаго департамента морскаго министерства, такой результатъ вовсе не удовлетворяетъ его. Для дальнѣйшихъ сужденій выпишемъ вполнѣ его соображенія:

«Обращаясь къ самой сущности основаній, на которыхъ производится заготовленіе для флота провіанта, нельзя не сознаться, что основанія эти далеко не соответствуютъ началамъ экономическимъ и общимъ государственнымъ пользамъ. Вообще пріобрѣтеніе необходимыхъ для казны продуктовъ изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ производителей, должно быть постояннымъ стремленіемъ правительства, ибо только при этомъ условіи возможно удешевить заготовленіе и оградить казну отъ стачекъ и сдѣлокъ посредствующихъ лицъ, каковы: подрядчики, поставщики, коммисіонеры и проч... Нѣтъ примѣра, чтобы великороссійскіе помѣщики и сельскія общества доставляли провіантъ въ морское вѣдомство; казалось бы, взаимная выгода должна была снызывать казну и производителей при покупкѣ и сбытѣ продуктовъ, необходимыхъ для первой, и составляющихъ единственное богатство вторыхъ. Но вмѣсто того, подрядчики постоянно являються посредствующими лицами, и одинаково держатъ въ зависимости своей какъ казну, такъ и помѣщиковъ. Хлѣбные подрядчики, число коихъ весьма ограничено, ибо въ казенные подряды могутъ вступать только капиталисты, владѣющіе залогомъ, суть настоящіе властители и распорядители народнаго богатства. Опредѣляя иногда цѣну, не вознаграждающую труда земледѣльца, они держатъ въ своихъ рукахъ производителей, не имѣющихъ средствъ мимо ихъ сбывать свои произведенія; между тѣмъ казенные подрядчики въ сущности не что иное, какъ казенные коммисіонеры, ибо самую покупку и транспортировку провіанта производятъ на казенныя деньги, Покупка хлѣба отъ производителей на пристаняхъ могла бы утвердить въ низовыхъ губерніяхъ среднія цѣны на провіантъ, о чемъ уже неоднократно, но безуспѣшно заботилось правительство.»

Ясно, что, по этому мнѣнію, покупка провіанта черезъ подрядчиковъ считается невыгодною, и единственнымъ средствомъ къ уменьшенію государственныхъ расходовъ, на это тратящихся, полагается непосредственный размѣнъ съ производителями, находящимися въ рукахъ тѣхъ же подрядчиковъ; устраненіемъ этихъ послѣднихъ та часть, которая приходилась имъ въ барышъ,

должна раздѣлиться на двѣ половины, изъ которыхъ на одну сократятся издержки казны, на другую увеличится доходъ землевладѣльца. Надобно думать, что это дѣлимое, составляющее барышъ подрядчика, чрезвычайно значительно, ибо отъ него требуется не только облегчить бремя казны и справедливо вознаграждать трудъ землевладѣльца, но въ то же время, несмотря на всю идеализацію непосредственности сдѣлокъ казны и производителей, и отложить нѣкоторую долю на покрытіе расходовъ при покупкѣ, храненіи, сдачѣ и проч., не говоря уже о рискѣ предпріятія. Для этого рода дѣйствій подрядчикъ употребляетъ прикащиковъ, правительство замѣнить ихъ чиновниками; но достаточно ли доказываютъ намъ казенные фабрики и заводы, что чиновники *de facto* всегда стобятъ дороже прикащиковъ, хотя *de jure* чиновники получаютъ менѣ содержанія нежели прикащики? Это одна изъ тѣхъ кажущихся странностей, которыя не составляютъ новости, и съ которыми намъ придется часто встрѣчаться при изслѣдованіи занимающаго насъ вопроса. Прежде однако, нежели мы приступимъ къ опредѣленію барыша, получаемого подрядчиками, мы должны рассмотреть нѣкоторыя положенія, не согласныя, какъ намъ кажется, съ дѣйствительностію.

Дѣйствительно ли помѣщики низоваго края Россіи не имѣютъ средствъ сбывать хлѣба помимо казенныхъ подрядчиковъ? Отвѣтомъ послужить намъ вѣдомость о закупѣ хлѣба на пристаняхъ Волги и ея притоковъ для отправки къ Рыбинску и Петербургу въ 1853—54 г., помѣщенная въ прекрасномъ *Журналѣ Казанскаго Экономическаго Общества* за 1857 годъ № 1. Изъ этой вѣдомости видно, что на означенныхъ пристаняхъ закуплено было всего 6,559,200 четвертей разнаго рода хлѣба, изъ нихъ для казны 1,416,960 четв.; слѣдовательно, если казенные подрядчики властительствуютъ и распоряжаются, то только $\frac{1}{5}$ частию отправляемаго по волжской системѣ къ Рыбинску и Петербургу народнаго богатства. Правда, что въ числѣ закупленныхъ хлѣбовъ находятся такіе, которые не требуются для военнаго вѣдомства; сравнимъ же тѣ, которые требуются: ржаной муки, овса и крупы куплено для вольной продажи частными торговцами 2,800,390 четв., слѣдовательно и въ этомъ отношеніи на долю казны приходится лишь только $\frac{1}{3}$ часть. Какъ эта дробь ни незначительна, однако $\frac{2}{3}$ все болѣе $\frac{1}{3}$, и потому нѣтъ основанія думать, что производителямъ хлѣба некуда дѣвать его мимо казенныхъ подрядчиковъ. А какъ скоро помѣщики и вообще производители хлѣба имѣютъ средства сбывать свои продукты

мимо подрядчиковъ, и эта возможность распространяется на часть вдвое болѣшую части, скупаемой для казны, то спрашивается, какимъ образомъ могутъ казенные подрядчики опредѣлять цѣны по произволу, и держать помѣщиковъ въ своихъ рукахъ? Конкуренція представляется поле довольно обширное...

Теперь мы перейдемъ къ отысканію прибыли, получаемой казенными подрядчиками. Дѣйствительно ли эта прибыль такъ значительна, что, раздѣленная, она можетъ и уменьшить расходы казны, и удовлетворить земледѣльца? Для разрѣшенія этого вопроса мы сдѣлаемъ другой вопросъ: если эта прибыль такъ велика, то не обратились ли бы къ дѣлу съ казною другіе промышленники? Не образовалось ли бы совмѣстничество и не прекратилась ли бы та ограниченность числа лицъ, вступающихъ въ казенные подряды, на которую сѣтуютъ? Говорятъ, что дабы быть казеннымъ подрядчикомъ, надо располагать большимъ капиталомъ; а развѣ чтобъ быть частнымъ хлѣбнымъ торговцемъ надобно менѣе капитала? Самая сущность хлѣбной торговли, и преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ мѣсто производства хлѣба отъ мѣста сбыта находится на такомъ разстояніи, что оборотъ капитала при самыхъ удачныхъ обстоятельствахъ совершается въ продолженіе цѣлаго года, требуетъ громадныхъ затратъ, въ особенности при совершенномъ отсутствіи крѣпко организованнаго кредита. Вольный торговецъ, покупающій хлѣбъ для Петербурга, долженъ до самой минуты сбыта дѣйствовать собственнымъ капиталомъ, между тѣмъ какъ казенный подрядчикъ, по словамъ отчета, и покупку и транспортировку производить на казенныя деньги; названіе капиталиста присвоивается ему потому, что, принимая подрядъ, онъ долженъ обезпечить его залогомъ, равняющимся $\frac{1}{4}$ подрядной суммы. Но подъ залогомъ не предполагается собственность подрядчика, залогъ можетъ быть имуществомъ посторонняго лица; у насъ же, вслѣдствіе необходимости залоговъ при всѣхъ казенныхъ операціяхъ, давно образовался особый родъ промышленности, заключающійся въ уступкѣ недвижимыхъ имуществъ, за извѣстный процентъ, подрядчикамъ для предоставленія въ залогъ по дѣламъ съ казною. Слѣдовательно, чтобъ быть казеннымъ хлѣбнымъ подрядчикомъ, можно обойтись даже безъ вещественнаго капитала, пользуясь, если хотите, нравственнымъ, то-есть довѣріемъ къ знаніямъ, оборотливости предпринимателя и къ выгодѣ предпріятія. А такъ какъ, несмотря на всю доступность казенныхъ подрядовъ, число подрядчиковъ весьма ограничено, то можно съ вѣроятностью предположить, что барыши

ихъ не должны быть чрезчуръ значительны, въ особенности припомнимъ, что частные торговцы продають почти на 20% дороже цѣны, получаемой отъ казны, одни и тѣ же продукты, которые конечно на мѣстахъ пріобрѣтенія ихъ изъ первыхъ рукъ не уступаются подрядчикамъ дешевле, нежели частнымъ покупателямъ, изъ того только соображенія, что они казенные. Попробуемъ однако опредѣлить барышъ подрядчика болѣе осязательнымъ образомъ, цифрою. Мы видѣли, что среднимъ числомъ за двѣнадцать лѣтъ куля муки 9-пудоваго вѣса обошелся въ Петербургѣ военному вѣдомству въ 4 руб. 24 коп. сер.; возьмемъ одинъ изъ крайнихъ предѣловъ Волги, изъ котораго идетъ ржаная мука для Петербурга—Симбирскую, Майнскую и Ундорскую пристани. Если мы положимъ расходъ доставки отсюда до Петербурга, проценты на залого, содержаніе прикащиковъ, закупающихъ хлѣбъ, и проч. и проч., въ 2 р. 40 к. съ куля, — насъ можно будетъ только обвинить въ чрезвычайной умѣренности оцѣнки: г. Рыбкинъ въ № 152 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* прошедшаго года вычислилъ расходъ доставки куля муки изъ Казани, стоящей на 220 верстѣ выше Симбирска, за исключеніемъ процентовъ на затраченный капиталъ, на страхованіе и др. мелкія издержки, въ 2 р. 57 коп. При этомъ надобно припомнить, что на казенномъ прикащикѣ лежитъ еще расходъ — сдача провіанта, который нельзя назвать мелкимъ: само военное вѣдомство въ настоящемъ году, въ кондичіяхъ поставки помѣщиками провіанта на пристани, опредѣлило его въ 7 к. сер. съ куля. Когда вычтемъ эти 2 р 40 к. изъ цѣны, въ которую обошелся военному вѣдомству куля муки въ Петербургѣ, останется 1 р. 84 коп. Средняя цѣна куля ржаной муки, помѣщичьей продажи, на Симбирской, Майнской и Ундорской пристаняхъ, въ принятый нами періодъ времени, равняется 2 р. 20 к. сер. (1). Значитъ казенному подрядчику не только не досталось прибыли, но довелось среднимъ числомъ понести убытокъ въ 36 коп. сер. съ куля. Согласимся, что выведенная нами средняя цѣна для Симбирска высока, ибо составляетъ результатъ продажи нѣсколькихъ помѣщиковъ; уменьшимъ ее на 36 к., — барышъ подрядчика окажется равнымъ нулю!

(1) Справочная средняя цѣна выше; мы, для опредѣленія показанной, руководствовались данными, доставленными изъ помѣщиками, продававшими свой хлѣбъ на этихъ пристаняхъ.

Вычисления и соображенія наши привели насъ однако къ страннымъ выводамъ. Казенные подрядчики обратились у насъ не только въ самыхъ искусныхъ, — это бы еще ничего, — но въ самыхъ безкорыстныхъ, самоотверженныхъ служителей правительства! Данныя, нами принятая, непогрѣшительно вѣрны; никто не упрекнетъ насъ въ своевольной игрѣ ими, а между тѣмъ заключенія странны. Кому неизвѣстно быстрое обогащеніе у насъ большей части лицъ, ведущихъ дѣла съ казною по всемъ возможнымъ подрядамъ? Назовите десять человѣкъ, составившихъ въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ изъ ничего нѣсколько милліоновъ, и мы ручаемся, что если не всѣ, то девять изъ нихъ были или откупщиками, или подрядчиками, или комиссіонерами казны. Какъ разрѣшить эти противорѣчія? Задача трудная.

А ларчикъ просто открывался!

Цѣна товара, устанавливаясь по соотношенію запроса къ предложенію, обуславливается его качествомъ, а качества продовольственныхъ припасовъ чрезвычайно разнообразны; такъ, напримеръ, ржаная мука бываетъ чистая, свѣжая, сухая рижная; бываетъ сыромолотная, гнилая, затхлая, комковатая, смѣшанная съ лебедой, мѣломъ, известью и другими болѣе или менѣе питательными суррогатами. Частный человѣкъ, покупающій для своего собственнаго продовольствія или для сбыта частнымъ потребителямъ, ищетъ муки перваго разряда; несмотря на то, что предъ нимъ другая мука, гораздо дешевле, онъ покупаетъ дорогую, и не считаетъ себя въ убыткѣ, ибо твердо знаетъ, что послѣдняя насыщаетъ дѣйствительно, а первая только обманываетъ голодъ, что вторая даетъ ему много здороваго припека, а первая, если не отнимаетъ нѣсколькихъ лѣтъ жизни, то требуетъ расходовъ на медика, или лишаетъ силъ къ продолженію трудовъ, обезпечивающихъ его и семейство.

Но вѣдь и казна ищетъ хорошей муки? Совершенная истина, и въ контрактахъ своихъ она подробно описываетъ качество требуемаго провіанта, какъ никогда не встрѣтишь въ условіяхъ между купцами и производителями. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: получаетъ ли она то, чего требуетъ? Отвѣтъ, къ глубокому прискорбію нашему, не можетъ быть сомнителенъ, ибо, еслибъ она получала требуемое, то платила бы если не дороже, что вѣроятнѣе, то по одной цѣнѣ съ частными оптовыми покупателями, а такъ какъ она платитъ не только дешевле общей торговой цѣны, но ниже самой низшей ея степени, то это можетъ произойти отъ

двухъ причинъ : или оттого что подрядчики покупаютъ хлѣбъ за безцѣнокъ у производителей , или оттого что они ставятъ дурной хлѣбъ.

Первое предположеніе достаточно опровергнуто предшествующими доводами; слѣдующія данныя, почерпнутыя изъ приведенной нами драгоцѣнной вѣдомости, подтверждая ихъ, послужатъ къ убѣжденію въ правильности втораго. Возьмемъ въ примѣръ пристани Казанской губерніи. Извѣстно, что на Спасской пристани преимущественно продается мука помѣщичья, слѣдовательно сухая ричная, чистая, свѣжая, именно такая, какая требуется для военнаго вѣдомства на основаніи его кондицій; не менѣе извѣстно и то, что сборный хлѣбъ всякаго рода сосредоточивается на Чистопольской и Чебоксарской пристаняхъ, гдѣ помѣщичій хлѣбъ составляетъ незначительную единицу. Число помѣщиковъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ весьма ограничено, а въ Чебоксарскомъ, кажется, нѣтъ ни одного. Что же оказывается?

Ржаной муки въ 1853—54 г. куплено кулей:

На пристаняхъ:

	Для казны.	Для вольной продажи.	Всего.
Чистопольской	475,000	85,000	260,000
Чебоксарской	150,000	50,000	200,000
Спасской	35,000	170,000	205,000
Всего	360,000	305,000	665,000

Слѣдовательно $\frac{9}{10}$ всего количества ржаной муки для казны куплено на такихъ пристаняхъ, гдѣ господствуетъ сборный хлѣбъ; напротивъ болѣе $\frac{1}{2}$ всего количества, купленнаго для вольнаго сбыта, взято со Спасской пристани; остальная же часть, скупленная на пристаняхъ Чебоксарской и Чистопольской, есть или хлѣбъ тоже помѣщичій, или хотя и сборный, но достаточно подсушенный и чище отдѣланный. Безъ натяжки можно сказать, что изъ казеннаго подряда хорошая мука составляетъ $\frac{1}{5}$ долю, остальные $\frac{4}{5}$ заключаютъ въ себѣ хлѣбъ сборный, сырой, лежалый, комковатый, крупно смолотый, но за то набитый въ щегольское куле. Пробыть въ Чистополь одну зиму достаточно, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Здѣсь казенный подрядчикъ властвуетъ, тутъ отдѣланную муку трудно сбыть кому-либо, кромѣ казеннаго поставщика, тутъ міръ кулака во всѣхъ смыслахъ этого слова.

Итакъ, вотъ печальный ключъ къ разрѣшенію тѣхъ недоумѣній, которыя могли возникнуть въ мысляхъ читателя при нашихъ возраженіяхъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ отчетѣ комиссаріатскаго департамента! Быть-можетъ это гипотеза, но такъ какъ единственно ею возможно объясненіе противорѣчій и странностей, на которыя мы безпрестанно наталкиваемся при изслѣдованіи занимающаго насъ вопроса, то безъ дальнѣйшихъ доказательствъ можно смѣло принять ее за истину, какъ бы горька она ни казалась. Приложивъ эту посылку къ анализу представленныхъ нами фактовъ, мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: съ точки зрѣнія приходорасходчика заготовленіе провіанта и фуража до 1857 года обходилось военному вѣдомству необыкновенно дешево, но рассматривая этотъ предметъ со стороны началъ экономическихъ и общихъ государственныхъ пользъ, нельзя не признать, что правительство несло постоянно огромный убытокъ. Оно платило за провіантъ, судя по качеству его, необыкновенно дорого. Мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что казенные подряды дѣйствительно составляютъ монополію, но, какъ выразился г. Валуевъ (№ 10 *Морск. Сборн.* 1857 г.), не потому, чтобы кто-либо захватилъ ихъ въ свои руки, а потому что никто другой не протираетъ къ нимъ своихъ рукъ. Прибавимъ еще, что дѣйствительно подрядчики получаютъ огромные барыши, и, ставя въ казну провіантъ недоброкачественный, дѣйствуютъ тягостно на производителей хорошаго хлѣба, принося на общій рынокъ по крайней мѣрѣ $\frac{3}{8}$ негоднаго, принимаемаго абстрактно за хорошій. Отъ этого соотношеніе предложенія хлѣба (годнаго) къ спросу его нарушается въ пользу перваго, то-есть предлагается больше дѣйствительно существующаго; цѣны понижаются, а самая возможность сбыта всякой всячины вредно дѣйствуетъ на хозяйство мелкое сельское и городское мельничное, не понуждая ихъ къ полезнымъ улучшеніямъ, а напротивъ изощряя въ разнаго рода плутовствахъ и поддѣлкахъ.

Гдѣ же вина этого порядка вещей? Неужели въ системѣ заготовленія провіанта черезъ подрядчиковъ? Не скорѣе ли въ образѣ приведенія этой системы въ исполненіе? Корень зла и жалобъ не лежитъ ли въ тѣхъ язвахъ, которыя, точатъ весь общественный организмъ нашъ, въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ? При этихъ спутникахъ, изъ которыхъ одинъ получилъ даже право гражданства и названіе *законныхъ доходовъ*, самая рачіональная система можетъ привести къ чудовищнымъ ре-

зудтатамъ въ своемъ осуществленіи. Закупка провіанта посредствомъ комиссіонеровъ, значить преимущественно изъ первыхъ рукъ, при существованіи той же гангрены должна доставлять провіантъ не лучшей, а стоящей казні еще дороже приобретаемаго ею черезъ подрядчиковъ. При современномъ развитіи экономической науки нельзя сомнѣваться въ сбереженіи расходовъ при раздѣленіи труда или въ томъ, что торговля есть одинъ изъ производительнѣйшихъ его видовъ, одинаково выгодный для первоначальныхъ дѣлателей и потребителей.

Мы не остановимся на предложеніяхъ неизвѣстнаго автора статьи *Морскаго Сборника*, развившаго вопросъ о необходимости переимѣнить порядокъ заготовленія провіанта, такъ какъ всѣ эти предложенія о покупкѣ изъ первыхъ рукъ основываются на устраненномъ уже нами, воображаемомъ фактѣ: невозможности сбывать въ низовыхъ губерніяхъ хлѣбъ мимо казенныхъ подрядчиковъ—и перейдемъ къ разсмотрѣнію результатовъ новой системы заготовленія провіанта, принятой военнымъ министерствомъ съ прошедшаго года, когда хозяйственное управленіе морскаго вѣдства призывало публику сообщать ему откровенно свои мысли по этому важному предмету, съ посвященною цѣлью подвергать его всестороннему обсужденію.

Приведемъ основанія, на которыхъ военное министерство установило новый порядокъ пріобрѣтенія продовольствія для войска, и причины, побудившія его къ тому, стараясь выражаться словами обнародованнаго имъ объявленія.

Военное министерство, будучи однимъ изъ главныхъ потребителей хлѣбныхъ продуктовъ, кромѣ непосредственныхъ обязанностей своевременнаго и выгоднаго обезпеченія довольствіемъ войскъ, имѣя, въ общихъ государственныхъ видахъ, цѣлю поощреніе и развитіе земледѣльческой промышленности, еще въ 1845 году, издало облегчительныя правила для поставки хлѣба дворянами, но помѣщики не принимали достаточнаго въ ней участія. Желая отклонить все, что хотя нѣсколько можетъ затруднить участіе дворянъ въ поставкѣ въ казну хлѣба, найдено полезнымъ, не сосредоточивая заподавда въ С. - Петербургѣ, назначить такіе центральные пункты нашихъ хлѣбородныхъ губерній, которые бы представляли помѣщикамъ возможность принимать дѣятельное участіе въ помянутыхъ поставкахъ, и сверхъ того, для вящаго облегченія симъ послѣднимъ сбыта своихъ

продуктовъ, приняло для заготовленія провіанта и фуража двѣ системы:

1) Покупку провіанта и овса у помѣщиковъ до торговъ по предварительно опредѣленнымъ цѣнамъ. 2) Въ случаѣ неуспѣха сего заготовленія, за подрядъ продуктовъ посредствомъ торговъ, при чемъ цѣна, за которую будетъ сдана поставка подрядчикамъ, отнюдь не должна превышать цѣны, предложенной помѣщикамъ.

При производствѣ этой операціи, въ 1856 году, не было достаточно объяснено: имѣеть ли каждый помѣщикъ право на продажу по предложеннымъ до торговъ цѣнамъ исключительно собственнаго своего хлѣба, или оно распространяется на все то количество провіанта, которое онъ желаетъ принять въ поставку, не разбирая его происхожденія. Казалось бы, самая цѣль новаго порядка пріобрѣтенія продовольственныхъ припасовъ изъ первыхъ рукъ достаточно объясняетъ, что это право относится единственно къ собственному хлѣбу помѣщика, ибо, въ противномъ случаѣ, была бы только замѣна купцовъ-подрядчиковъ дворянами-подрядчиками; но въ дѣйствительности это коренное начало было въ различныхъ мѣстностяхъ понято различно, и замѣчательно, что въ Казанской губерніи, гдѣ принято было первое, настоящее, толкованіе, — изъ всего количества, предложеннаго къ сбыту, взято было помѣщиками менѣе половины, остальное пало на долю подрядчиковъ при торгахъ; въ Самарской же губерніи, гдѣ преобладало второе, все безъ остатка было принято въ поставку помѣщиками. Мы не знаемъ достоверно о послѣдствіяхъ этой операціи въ Моршанскѣ и Рязани; въ Симбирскѣ, гдѣ принято было тоже первое толкованіе, помѣщики отказались отъ поставки. Явленіе это весьма знаменательно: подрядчиками быть соглашались, отъ поставки исключительно своего хлѣба большею частію отказывались!

Въ настоящемъ году предложеніе цѣны помѣщикамъ на поставку провіанта и фуража въ казну (при чемъ было ясно выражено, что помѣщикъ имѣеть право продать по этимъ цѣнамъ только свой хлѣбъ, количество котораго должно быть удостоительно установленнымъ свидѣтельствомъ) происходило въ Казани и Самарѣ 1-го, а въ Симбирскѣ 4-го ноября. Количество преложеннаго къ поставкѣ хлѣба, за исключеніемъ потребностей мѣстныхъ магазиновъ, было слѣдующее:

На пристаняхъ:

	Ржаной мук. кулей 9 п.	Овса	Крупы.
Казанской губ.	219,536	136,123	17,849
Симбирской —	216,000	133,000	17,000
Самарской —	270,577	56,087	30,745
Всего	706,113	325,210	65,594.

Изъ всего этого количества было взято помѣщиками по предложеннымъ цѣнамъ:

	Муки	Овса	Крупы
Въ Казанской губ.	6,300	7,500	400
— Симбирской —	0	0	0
— Самарской —	22,350	6,705	3,352
Всего	28,650	14,305	3,752

Система закупки провіанта и фуража изъ первыхъ рукъ не удалась!

Намъ могутъ сказать, что неудача, какъ бы она ни была поразительна своею общностью, ничего не доказываетъ противъ системы, тѣмъ болѣе, что она однажды, хотя и не совершенно, но дала желанный результатъ. На это мы отвѣтимъ во первыхъ, что полное свое осуществленіе она имѣла тамъ, гдѣ была превратно понята, а вовторыхъ, духъ спекуляціи кого не обманывалъ? Англичане послали же разъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ коньками въ Бразилію. Послѣдствія этого порыва горько отозвались спекуляторамъ; такъ и помѣщики, поставившіе хлѣбъ свой въ казну, послѣ золотыхъ надеждъ, не досчитались нѣсколькихъ тысячъ рублей сравнительно съ тѣми, которые остались при прежнихъ покупщикахъ (1). Но не придавая соображеніямъ этимъ особой важности, постараемся глубже вникнуть въ причины неудачи новой системы.

Памятуя все вышесказанное о заготовленіяхъ провіанта до 1857 года, мы понимаемъ, почему производители хлѣба, несмотря на всѣ призывы правительства, не обратились къ непосредственнымъ сдѣлкамъ съ казною: они продавали собственный хлѣбъ свой купцамъ и самимъ казеннымъ подрядчикамъ гораздо дороже той цѣны, которая, за вычетомъ расходовъ доставки провіанта до мѣста назначенія и наименьшей прибыли подрядчика, оставалась для мѣстности производящей; корень этой мнимой аномаліи для насъ тоже не тайна. Единственный способъ къ

(1) Торговля цѣны на хлѣбъ были много выше.

устройству непосредственныхъ сношеній казны съ помѣщиками заключается, слѣдовательно, въ назначеніи военнымъ вѣдомствомъ такой цѣны, которая бы равнялась общеторговой, по которой помѣщики продаютъ свой хлѣбъ торговцамъ. Но какъ назначить предварительно такую цѣну? Откуда почерпнуть данныя, которыя заранѣ могли бы опредѣлить могущее возникнуть отношеніе предложенія къ спросу? Говорятъ, что у насъ производитель хлѣба, вслѣдствіе обязательности труда, соединенной съ его производствомъ, не можетъ опредѣлить самъ стоимости этого продукта. Не отрицаемъ этого, тѣмъ болѣе что самый размѣръ этой обязательности—трехъ дней въ недѣлю—весьма эластиченъ, и встрѣчаетъ въ дѣйствительности множество разнородныхъ толкованій, примѣненій и наконецъ прямыхъ злоупотребленій (1); но эта невозможность относится только къ minimum стоимости хлѣба, или къ тому, во что обошлось самое его производство. Если торговая цѣна всѣхъ произведеній рукъ человеческихъ, въ среднемъ итогѣ, приближается къ стоимости ихъ производства, колеблясь временно, по мѣрѣ услугъ, представляемыхъ ими для покупающаго [и средствъ сего послѣдняго къ приобрѣтенію, то

(1) Какъ примѣръ пониманія этого и примѣненія, представляемъ нѣсколько строкъ изъ статьи: «Нѣсколько словъ о чисто русскомъ сельскомъ хозяйствѣ», помѣщенной въ февральской книжкѣ 1857 года *Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества*: «Крестьяне не вездѣ одинаково работаютъ владѣльцу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они прежде обрабатываютъ поля барскія, а потомъ свои; въ другихъ, всякое тягло имѣетъ опредѣленный участокъ, который, отъ начала до конца полевыхъ работъ, лежитъ на его отвѣтственности; наконецъ, въ третьихъ, крестьяне отбываютъ помѣщику 3, 4, 5, 6, а иногда даже 7 дней въ недѣлю. Чтобы и при этомъ придерживаться средняго пропорціональнаго числа, будемъ считать 5 дней, полагая не такъ, какъ обыкновенно бываетъ 3 пѣшихъ и 2 упряжныхъ, но по $2\frac{1}{2}$ дня въ недѣлю одинъ и столько же другихъ. Этого рода повинность представляетъ болѣе удобствъ для вычисленія рабочей силы, и мы примемъ ее за основаніе при исчисленіи средствъ владѣльца къ обработкѣ полей въ описываемомъ нами имѣніи (нормальномъ русскомъ имѣніи, заключающемъ въ себѣ всѣ условія, общія большей части нашихъ имѣній.)» Замѣтимъ что за исключеніемъ одного случая, отбыванія помѣщику трехъ-дневной работы, всѣ остальные такого свойства, что, по законоположеніямъ нашимъ, имѣнія, такимъ образомъ управляемая, должны подвергаться опека, а владѣльцы лишаются правъ приобрѣтать впредь населенныя имѣнія. Автору «для доведенія хозяйства до высшей степени совершенства» не мѣшаетъ иногда заглядывать въ законы о состояніяхъ и въ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

хлѣбъ отличается отъ другихъ товаровъ относительно спроса и потребности и въ отношеніи къ предложенію сильною зависимостью отъ природы, и потому колеблемость цѣнъ на хлѣбъ чрезвычайно значительна и уловленіе той цѣны, которая должна соответствовать положенію хлѣбнаго рынка въ мѣстахъ производства въ извѣстное время, составляетъ почти неразрѣшимую задачу. Эта соответственная цѣна образуется, независимо отъ издержекъ производства, сама собою, вслѣдствіе оказывающагося во время закупа отношенія между требованіемъ и предложеніемъ. Сами производители у насъ не могутъ опредѣлить низшую степень цѣны; ни они, ни покупатели не могутъ заранее назначить рыночную цѣну: на какомъ же основаніи опредѣлить ея военное вѣдомство? Неужели къ этому опредѣленію могутъ служить справочныя цѣны, составляемыя въ каждой губерніи и посылаемыя въ провіантскій департаментъ съ октября одного года по май другаго, или свѣдѣнія о произрастаніи хлѣбовъ и травъ? Принимая даже, что эти показанія правильны, — одна перемена погоды въ іюль и августъ можетъ перевернуть всѣ заключенія, построенныя на этомъ основаніи. Самое установленіе рыночной цѣны совершается на мѣстахъ производства и закупокъ послѣ долгихъ колебаній, спросовъ съ одной стороны, предложеній съ другой, соображеній о количествѣ существующихъ запасовъ отъ закупокъ прежнихъ лѣтъ, отъ гадательныхъ видовъ на урожай въ будущемъ году. Въ низовыхъ губерніяхъ средняя цѣна хлѣбу обыкновенно устанавливается съ конца декабря по мартъ, а военное вѣдомство предлагаетъ уже цѣну въ началѣ ноября, когда навѣрное можно сказать, что $\frac{9}{10}$ помѣщиковъ не имѣютъ никакого понятія о количествѣ хлѣба, которое можетъ быть каждымъ изъ нихъ пущено въ продажу. Казенная цѣна, объявляемая 1-го ноября, должна быть опредѣлена по крайней мѣрѣ въ половинѣ октября; между тѣмъ, если мы даже предположимъ, что въ это время становится извѣстнымъ урожай и количество запасовъ, — неблагоприятная осень въ мѣстахъ закупа или слухи о неблагонадежности всходовъ въ чужихъ краяхъ, пользующихся нашимъ хлѣбомъ, могутъ измѣнить всѣ цѣны. Наконецъ ранніе сильные морозы при безснѣжицѣ могутъ ограничить дѣйствіе водяныхъ мельницъ, и вслѣдствіе увеличенія цѣны помола, вздорожаетъ и мука. Всѣ эти обстоятельства не могутъ быть въ виду военнаго вѣдомства въ то время, когда оно опредѣляетъ цѣны, и потому самая цѣна, предлагаемая отъ него помѣщикамъ, можетъ подойти къ ихъ требованіямъ развѣ какъ

рѣдкое исключеніе, какъ случайность. Такимъ образомъ единственное средство къ учрежденію непосредственныхъ сдѣлокъ между казною и производителями оказывается неудобноисполнимымъ; но оно усложняется еще болѣе, видами поощренія и развитія земледѣльческой промышленности. По свойству закупокъ военнаго вѣдомства, эти виды могутъ относиться только къ ржаной мукѣ, овсу и крупѣ, то-есть къ тѣмъ предметамъ, на дешевизну которыхъ, и сдѣдовательно изобиліе которыхъ, именно жалуются. Что же будетъ достигнуто? еще большее производство того, что и такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отдается за безцѣнокъ первому встрѣчному подрядчику? Но прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ еще большая дешевизна. А между тѣмъ цѣль мѣры состоитъ скорѣе въ поднятіи цѣны на эти продукты и подавніи помощи производителямъ, страдающимъ подъ гнетомъ нѣсколькихъ Монополистовъ. Надо было ожидать страшнаго наплыва помѣщичьяго хлѣба въ казенные магазины, — въ дѣйствительности вышло иначе. Въ 1807 году помѣщичики, какъ ни слабы они въ знаніи стоимости своего хлѣба, какъ ни грозенъ надъ ними Дамоклесовъ мечъ платы процентовъ опекунскаго совѣта, какъ ни грабятъ ихъ купцы-монополисты, отвѣчали на вызовъ къ поставкамъ въ трехъ губерніяхъ почти единогласнымъ отказомъ: ясное доказательство, что назначать предварительно цѣны не такъ легко! Но вѣдь, можетъ-быть, помѣщичики, погрязнувъ въ глуши своихъ хлѣбородныхъ губерній, не понимаютъ собственныхъ своихъ выгодъ? Все это дѣло плутовъ-купцовъ: можетъ-быть они временно повысили цѣны, чтобы протяки помѣщичики, думая продать дороже, отвергли поощрительное приглашеніе. Въ 1856 году много ходило такихъ толковъ въ Казани, а на повѣрку вышло, что не тотъ остался въ накладѣ, кто имѣлъ дѣло съ купцами.

Вотъ цѣны, опредѣленные военнымъ вѣдомствомъ:

Для поставки на пристани

	куль муки въ 9 пуд.	четверть овса.	четверть крупъ.
Казанской губерніи	2 р. 75 к.	1 р. 50 к.	3 р. 75 к.
Симбирской губерніи	3 р. —	1 — 50 к.	3 р. 50 к.
Самарской губ.	3 р. 13 к.	1 р. 80 к.	4 р. 10 к.

Съ пристаней первыхъ двухъ губерній покупается провіантъ для Петербурга и попутныхъ магазиновъ; съ пристаней же послѣдней—для Астрахани и гѣваго фланга Кавказскаго корнуса.

Высоки ли, низки ли эти цѣны, мы опредѣлять не беремся по

той причинѣ, которую мы приводили въ доказательство невозможности этого опредѣленія и для военнаго вѣдомства, обладающаго большими для того средствами; но думаемъ, что если отвергли ихъ, значить, онѣ почему-либо неудовлетворительны. Мы намѣрены только рассмотреть эти цѣны относительно мѣстностей, для которыхъ онѣ назначены. Каждому изъ читателей нашихъ извѣстно, что цѣна хлѣба, идущаго по одному направленію, тѣмъ выше, чѣмъ менѣе разстояніе отъ мѣста назначенія, и что напротивъ, чѣмъ разстояніе это больше, тѣмъ цѣна хлѣба на мѣстѣ производства ниже, или что цѣна хлѣба на мѣстахъ производства обратно пропорціональна разстоянію ихъ отъ мѣста потребленія; эта простая истина составляетъ одну изъ особенностей цѣнъ на хлѣбъ и вообще произведеній почвы, и основывается на законѣ, извѣстномъ въ наукѣ подъ названіемъ: поземельная рента. Законъ этотъ оказываетъ свое дѣйствіе и у насъ въ Россіи, несмотря на мнѣніе нѣкоторыхъ, не признающихъ примѣнимости началъ политической экономіи къ нашему отечеству по какимъ-то особымъ условіямъ его быта; у насъ этотъ законъ, по недостатку удобныхъ путей сообщенія, оправдывается не только для пристаней и близъ-лежащихъ мѣстъ, но часто для цѣлыхъ губерній, смотря по географическому положенію ихъ вдоль судоходныхъ рѣкъ. Въ доказательство этого приведемъ слѣдующія данныя:

Съ 1837 г. по 1840 г., по показанію г. Протопопова (О хлѣбной торговлѣ Россіи 1842 г. № 3 Ж. М. Гос. Им.), средняя цѣна ржаной муки на пристаняхъ Волжской системы была:

Съ 1846 г., по 1852 г. по показанію г. Егунова (О среднихъ цѣнахъ 1852 г. № 10 Отч. Зап.), средняя мѣстная цѣна ржаной муки въ слѣдующихъ губерніяхъ была:

На Симбирской. . . 9 р. 65 к. асс.	Въ Симбирской. . . 2 р. 66 к. сер.
— Лаишевской. . . 9 — 83 —	— Казанской. . . 2 — 81 —
— Казанской. . . 10 — 44 —	— Нижегородской. 3 — 10 —
— Васильевской. . 10 — 70 —	— Ярославской. . 3 — 31 —
— Рыбинской. . . 11 — — —	— Тверской. . . 4 — 29 —
— Тверской. . . 13 — 41 —	— Новгородской. . 4 — 72 —
— Новгородской. . 15 — — —	— Олонейской. . . 5 — 35 —
— Шинссельбург. 16 — 20 —	— С.-Петербургск. 6 — — —
— Петербургской. 18 — — —	

Прилагая эти обще извѣстныя данныя къ цѣнамъ, вышеприведеннымъ, мы видимъ, что они имѣютъ радикально противоположныя; такъ на пристаняхъ Казанской губерніи мука оцѣнена 25-ю копѣйками серебр. дешевле нежели на пристаняхъ Симбирской, вѣсъ въ равной степени, только крупа на 25 к. дороже. Любопытно бы было знать, чему обязана крупа вышею

оцѣнкою для пристаней Казанской губерніи? Сравнительный урожай гречи, въ означенныхъ двухъ губерніяхъ, не могъ быть извѣстенъ, ибо умолотъ его былъ вполне конченъ только во второй половинѣ октября, да и въ послѣдствіи оказалось, что природа въ этомъ отношеніи одинаково благопріятствовала обѣимъ административнымъ мѣстностямъ. Но мы всего болѣе затрудняемся объяснить сравнительныя цѣны, назначенныя для пристаней Симбирской и Самарской губерній. Извѣстно, что Симбирская губернія отдѣляется отъ Самарской рѣкою Волгою; по ту и другую сторону ея находятся пристани, принадлежащія которой либо изъ двухъ губерній, что же вышло? Для лѣвой стороны Волги объявлена одна цѣна, а для правой — другая. Последняя пристань по направленію къ Рыбинску въ Самарской губерніи, село Майна, находится совершенно противъ села Ундоръ, последней пристани Симбирской губерніи по тому же направленію; казалось бы, на той, и на другой пристани цѣны должны быть одинаковы, однако цѣны назначены разныя.

Въ Ундорахъ мука	3 р.	На Майнѣ	3 р. 12 к.
овесъ	1 р. 50 к.		1 р. 80 к. (1)
крупя	3 р. 50 к.		4 р. 10 к.

Мы объяснили выше невозможность вообще заранѣе вычислить торговую цѣну хлѣба и тѣмъ доказали несостоятельность краеугольнаго камня новой системы; разборъ самыхъ цѣнъ, назначенныхъ въ настоящемъ году, приводитъ насъ къ тому заключенію, что идея покровительства земледѣлію, примѣшанная къ порядку заготовленія провіанта, усложняя и безъ того трудную задачу: устранить подрядчиковъ не обременяя излишними расходами казну, — спутала всѣ отношенія, основанныя на естественномъ движеніи хлѣбной торговли.

Такимъ образомъ неудачу новой системы закупки провіанта изъ первыхъ рукъ нельзя приписать случайности; дѣйствуя наперекоръ законамъ естественнаго обращенія цѣнностей, она сама въ себѣ носитъ начало паденія; внося въ торговыя отношенія произволъ и фантазію, она неисполнима безъ потрясенія всего хлѣбнаго рынка и безъ несправедливости, какъ къ производителямъ, такъ и къ потребителямъ.

Военное вѣдомство, правда, не принуждаетъ помѣщиковъ входить съ нимъ въ сношеніе, оно только желаетъ помочь имъ. Это обстоятельство предусмотрѣно: все неразобранное

(1) Овесъ требуется на Майнѣ на 3 фунта въ четверти легче.

помѣщиками количество провіанта и фуража отдается съ торговъ, на которые допускаются всѣ безъ изыятія сословія, пользующіяся правомъ торговли. Но вникая въ сущность новой системы, надо сказать, что, соединенная съ идеею покровительства и поощренія, которая всегда и повсюду въ дѣлѣ промышленности и торговли разнорѣчитъ съ природою, она сама заграждаетъ себѣ путь къ осуществленію. Припомнимъ, что цѣны, по которымъ можетъ быть сдана поставка на торгахъ, отнюдь не должны превышать цѣнъ, предложенныхъ помѣщикамъ. Какимъ же образомъ если помѣщики не отдали своего хлѣба за 3 рубля, можетъ подрядчикъ согласиться поставить такой же продуктъ за меньшую цѣну? Вѣдь ему придется покупать у тѣхъ же помѣщиковъ. Какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ требуется продуктъ одинаковаго качества. Мы убѣждены, что покупка провіанта чрезъ подрядчиковъ всегда выгоднѣе, нежели изъ первыхъ рукъ; купецъ закупаетъ хлѣбъ, когда онъ дешевле, и продаетъ, когда дороже; онъ постоянно служитъ умѣрителемъ крайнихъ цѣнъ большими запасами, остающимися у него отъ закупокъ въ урожайные годы; статистическія данныя неопровержимо доказываютъ, что колеблемость цѣнъ на хлѣбъ несравненно сильнѣе въ мѣстахъ производства, нежели въ мѣстахъ потребления; но, вѣрная идеѣ покровительства, новая система самые торги назначаетъ въ охраняемыхъ ею отъ монополій мѣстностяхъ, съ требованіемъ поставки хлѣба съ пристаней тѣхъ же административныхъ мѣстностей; по самому же существованію путей, соединяющихъ губерніи, избыточествующія хлѣбомъ, съ губерніями, въ немъ нуждающимися, на пристаняхъ первыхъ не можетъ быть сосредоточено много запасовъ; они стекаются или на мѣстѣ самаго потребления, или на тѣхъ пунктахъ, откуда доставка можетъ быть всегда произведена вовремя на мѣсто требованія; таковъ Рыбинскъ для хлѣба, идущаго съ низовыхъ губерній. Такъ какъ и въ этомъ случаѣ основанія новой системы не соотвѣтствуютъ естественному теченію торговли, то и тутъ удача ея сомнительна. Дѣйствительность оправдала начала науки. Въ настоящемъ году въ Симбирскѣ торги не состоялись, въ Казани взята съ торговъ бездѣлица, въ Самарѣ тоже. Слѣдовательно и суррогатъ покупки провіанта изъ первыхъ рукъ, — отдача не разобраннаго количества съ торговъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и при томъ же произвольномъ опредѣленіи цѣнъ, — не удался.

По неотразимой силѣ обстоятельствъ для продовольствія арміи придется возвратиться къ старой системѣ заготовленія, един-

ственно согласной съ требованіями экономической науки, не нарушающей общаго естественнаго хода торговли и наивыгоднѣйшей для казны. Говоря это, мы разумѣемъ устраненіе тѣхъ злоупотребленій, которыми сопровождалось исполненіе прежней системы, и тѣхъ стѣснительныхъ и ни къ чему не ведущихъ формальностей, о которыхъ такъ много и такъ дѣльно писано въ статьяхъ г. Валуева и *Экономическаго Указателя*.

Предоставляя изслѣдованіе наше о существовавшей, предлагаемой и дѣйствующей системахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота, мы не имѣли въ виду ни порицанія, ни оправданія которой-либо изъ нихъ. Мы хотѣли только привести нѣсколько фактовъ, характеризующихъ каждую изъ системъ въ ея приложеніи и тѣмъ подвинуть разрѣшеніе вопроса, такъ живо занимающаго нашу экономическую литературу. Говоря словами избраннаго нами эпитафа, «мы ничего не приказывали, мы даже не указывали: мы разказывали.»

Владиміръ Трубиновъ.

Г. Сямбарскъ
25 ноября 1857 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОСЛѢДНІЕ ЯЗЫЧНИКИ

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ молящій, —

Смутились старыя вожди...
Столпы языческаго міра,
Съ нѣмымъ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ прага,

Бѣгутъ къ царю, вопиать: «О царь!
Ты губишь все—свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!..

«Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!

«Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распивать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь! скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!»

Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣнъ емъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.

Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали,
И шумно въ груди предъ царемъ
Свое оружье побросали—

И разошлись...

Побѣдилъ

Къ Христу прибѣгшій императоръ,
И предъ Распатымъ преклонилъ
Свои знамена триумфаторъ.

И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христовыхъ снять оковы,
И строить сталъ за храмомъ храмъ,
И слова читать Христовы.

Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падеть имперія родная.

Они собирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину—
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ...
А надъ вселенной крестъ горѣлъ
Какъ солнца лучъ надъ вѣнчимъ лугомъ.

Осталось двое только ихъ.
Храня обѣтъ, другъ другу данный,
Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлись, розами вѣнчанны.

Заросъ и треснулъ старый храмъ.
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался...

Синѣль Эвксинъ; блестягь Босфоръ;
 Вдвмались куполы цвѣтные;
 Тамъ—на вселенскій ши соборъ
 Іерархи, иноки святые;

Тамъ—колесницы, корабли...
 Подъ твердью неба голубою
 Сливался благовѣствъ вдали
 Съ побѣдной воинской трубою...

Смотрѣли молча старики
 На эту роскошь новой славы,
 Полны завистливой тоски,
 Стыдась промолвить: «мы не правы».

Давно ужъ въ мірѣ безъ утѣхъ
 Свой вѣкъ они влачили оба;
 Давно смѣшна была для всѣхъ
 Тупая старческая злоба...

Они глядятъ—и ждетъ ихъ взоръ —
 Эвксинъ на городъ не прорвется ль?
 Изъ-за морей нейдетъ ли моръ?
 Земля кругомъ не пошатнется ль?

Глядятъ—не встанетъ ли куширъ...
 Но Олимпіецъ, грудью въ прахъ,
 Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
 Какъ трупъ предъ палачемъ на плахѣ;

Проклятъ самый мертвы
 У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы—
 И старцы съ дряхлой головы
 Снимаютъ молча плющъ и розы...

Ушли... Распатіе въ пути
 На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ...
 Но нѣтъ! не поняли они,
 Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ!

А. Майковъ.

УКРАИНСКІЯ СКАЗКИ.

I.

ДѢДОВЫ КОЗЫ

Были козы у стараго дѣда.
Посылалъ старый дѣдъ въ поле дочку
На привольѣ пасти свое стадо.
Самъ подъ вечеръ, въ тесовыхъ воротахъ,
Становился онъ въ красныхъ сапожкахъ,
Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
Вопрошалъ у любимаго стада:

«Козы дорогія,
Козы не простыя,
Ѣли ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?»

Тутъ выходитъ коза-лиходѣйка,
Говоритъ громкимъ голосомъ дѣду:

«Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!
Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
Ухватили кленовый листочекъ;
Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
Поживились каплей одною,—
Только ѣли мы, только и пили,
Какъ день весь въ чистомъ полѣ ходили!»

Осерчалъ старый дѣдъ, расходился,
 Сталъ бранить и корить свою дочку:
 « Не пасла, не кормила ты стада,
 Наказать тебя, вижу я, надо! »
 И сажалъ онъ ее въ темный погребъ,
 Запиралъ на засовъ въ погребъ двери;
 А на утро заказывалъ сыну —
 На привольѣ пасти свое стадо.
 И опять, чуть лишь день закатился, —
 Онъ встрѣчать милыхъ козъ становился.
 Выходила коза-лиходѣйка,
 Громкимъ голосомъ плакалась дѣду...
 Запиралъ подъ замокъ дѣдъ и сына,
 И свою напоследокъ старуху.
 День не спалъ, ночь не спалъ, дивовался,
 Да за умъ ненарокомъ и взялся:
 Сапоги надѣвалъ постарѣе,
 Самъ пасти своихъ козъ подымался,
 Накормилъ ихъ травой шелковою,
 Наполнъ ихъ водой ключевою;
 А подъ вечеръ, другою дорогою,
 Обогнавъ ихъ, тихонько въ воротахъ
 Становился онъ въ красныхъ сапожкахъ,
 Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
 Вопросалъ у любимаго стада:

« Козы дорогія,
 Козы не простыя,
 Ъли ль вы и пили,
 Какъ весь день ходили? »

Выходила коза-лиходѣйка,
 Грожно плакалась старому дѣду:

« Нѣтъ не ѣди мы, дѣдъ, и не пили,
 Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!
 Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 Ухватили кленовый листочекъ;
 Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
 Поживились каплей одною,
 Только ѣли мы, только и пили,
 Какъ день весь въ чистомъ полѣ ходили! »

Тутъ не вытерпѣлъ дѣдъ, на расправу
 За рога потащилъ лиходѣйку:
 « Лиходѣйка-коза, лиходѣйка,
 Расплатиться теперь ты сумѣй-ка! »

И страшилъ онъ ее передъ стадомъ,
Сѣкъ ее за лихія лукавства,
Снялъ съ боковъ напоследокъ ей кожу
И пустилъ ее такъ въ чисто поле...

Но и тутъ та коза не смирилась,
Въ перелѣскѣ опять провинилась.
Прибѣжала въ лисичкину хатку,
Стала прыгать по окнамъ и лавкамъ,
На чужое хозяйство насѣлась—
На чужомъ на хозяйствѣ хотѣла
Безъ труда и заботъ извернуться!
Въ свою хатку вернулась лисичка,
Слышитъ, возится что-то такое...
Постучалась лисичка сестричка:
«Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Страшнымъ голосомъ ей отвѣчаетъ:

«Я коза сѣчена,
Съ боковъ перемѣчена;
Топъ, топъ ногами,
Заколю рогами,
Ножками загребу,
Хвостикомъ замету!»

Испугалась лисичка сестричка,
Безъ оглядки въ кусты убѣжала.
А на встрѣчу ей сѣренькій зайчикъ.
«Помоги ты мнѣ, сѣренькій зайчикъ!
Вѣкъ тебя я за то не забуду —
У меня что-то страшное въ хаткѣ!»
Прибѣжали они, тихо зайчикъ
Лапкой стукъ въ затворенныя двери:
«Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Страшнымъ голосомъ имъ отвѣчаетъ:

«Я коза сѣчена,
Съ боковъ перемѣчена;
Топъ, топъ ногами
Заколю рогами,
Ножками загребу,
Хвостикомъ замету!»

Испугалась лисичка сестричка,
Испугался и сѣренькій зайчикъ:
«Охъ боюсь я, лисичка сестричка,
Лучше мы побѣжимъ за другими!»

И гонялись они вплоть до утра,
 Забьгали во всё закоулки,
 Приводили съ собой на подмогу
 И грача-трубача, и лягушку—
 Скакуна, и ежа-пѣхотинца,
 Всѣхъ великихъ звѣрей и звѣрюшекъ...
 Но никто самъ собой не рѣшался
 Посмотрѣть, кто въ лисичкиной хаткѣ.
 И рѣшился лѣнтяй и трусишка,
 Рагъ, ползунъ и хромоу лежебока.
 Онъ тихонько ползкомъ перебрался
 За порогъ: увидалъ, что за диво
 Расходилось въ лисичкиной хаткѣ;
 Поводилъ потихоньку усами,
 Да какъ хватить, какъ дернетъ клещами! —
 Тутъ коза безъ оглядки метнулася
 За порогъ изъ лисичкиной хатки...
 Ото всѣхъ отъ сторонъ, изъ-за двери,
 На нее нападали всѣ звѣри —
 И гуртомъ, за лихія лукавства,
 Разрывали козу по кусочкамъ!

II.

БРАТЪ И СЕСТРА

Жили-были сироточки.
 Пошли они искать себѣ
 Промежь людей пристанища.
 Не день идутъ, не два идутъ,
 И стала ихъ жара палить;
 Измучились путемъ они —
 Путемъ чудо увидѣли...
 Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
 Зеленый весь, съ зеленою
 Повозкою и лошадыю.
 — Не видѣлъ ли, ты, дядюшка,
 Ручья путемъ-дорогою?

« Не видѣлъ я ручья путемъ;
 А видѣлъ я, межъ двухъ дубовъ,
 Пробилъ ногой конь ямочку,
 И въ ней съ дожда воды глотокъ. »
 Хотѣлъ испить усталый братъ,
 Сестра ему въ отвѣтъ на то:
 — Не пей, не пей, Ивашечко,
 Не пей, коземъ прикинешься!
 Пошли опять съ сестрою братъ,
 Опять жарой измучились,
 Опять чудо увидѣли:
 Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
 Весь огненный, какъ жаръ горитъ,
 И огненныхъ воловъ ведетъ.

— Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
 Ручья путемъ-дорогою?
 « Не видѣлъ я ручья путемъ,
 А видѣлъ я, край пахати,
 Пробилъ ногой волъ ямочку,
 И въ ней съ дожда воды глотокъ! »
 Хотѣлъ испить усталый братъ,
 Сестра ему въ отвѣтъ на то:
 — Не пей, не пей, Ивашечко,
 Не пей, воломъ прикинешься!

Пошли опять съ сестрою братъ,
 Опять жарой измучились,
 Опять чудо увидѣли:
 Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
 Весь бѣлый самъ, какъ въ саванѣ,
 И бѣлаго козла ведетъ...

— Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
 Ручья путемъ-дорогою?
 « Не видѣлъ я ручья путемъ;
 А видѣлъ я, подъ горкою
 Ступаль козелъ копытцами,
 Пробилъ въ землѣ двѣ ямки,
 И въ нихъ съ дожда воды глотокъ! »
 Хотѣлъ испить усталый братъ,
 Сестра ему въ отвѣтъ на то:
 — Не пей, не пей, Ивашечко,
 Не пей, козломъ прикинешься?

Сестра соснуть къ коннѣ легла.
 Усталый братъ ослушался...
 Испилъ воды съ земли сырой

И козликомъ прикинулся!
 Онъ сталъ мотнать, съ бородкою,
 И съ рожами, и съ хвостикомъ;
 Пошелъ блеять по козьему,
 Траву щипать по рытвинамъ...
 Сестра его какъ вскинулась,
 Увидѣла и ажнула!
 Услыся къ коннѣ она,
 Плететь носу, рыдаючи,
 Поеть съ утра до вечера:
 «Пасись, пасись, Ивашечко,
 Пасись, пасись, родимый братъ;
 Тебя въ лугахъ не мишу я,
 Не дамъ волкамъ на пагубу!»
 Взошла зѣра вечерняя...
 Домой спѣшитъ богатый панъ.
 Увидѣлъ онъ сироточку,
 Послалъ слугу узнать, о чемъ
 Она въ лугахъ печалится,
 Печалится, кручинится;
 Узнавъ и сталъ просить ее:
 «Пойдемъ, пойдемъ, сироточка;
 Тебѣ я дамъ пристанище;
 А козлика рогатаго
 Я выкормлю и вырощу,
 На всемъ добрѣ, на роскоши,
 На всѣхъ моихъ на радостяхъ!»

Пошла къ нему сироточка;
 За всѣмъ глядитъ, ночей не спитъ,
 Ночей не спитъ, работаетъ;
 Да вдругъ опять и начала
 Печалиться, кручиниться.
 Что день, глядитъ на улицу,
 Зарей стада съ полей идуть,
 Идуть съ полей сытехоньки, —
 Одинъ козелъ, понутившись,
 Съ полей идетъ не поенный,
 Не поенный, не кормленный;
 Всю ночь стоитъ у закровъ,
 Солому рветъ съ плетней и крышъ.
 Подумавши, хозяйина
 Давай она просить, молить;
 И радъ бы онъ помочь бѣдѣ:

Жена вѣдьма, сердитая,
 Сердитая, ревнивая,
 Приказъ даетъ козла томить,
 На зло держать голоднаго...
 Пошла сестра зарей къ рѣкѣ,
 Подумала, поплакала;
 Да съ берега и бросилась
 На дно, въ рѣку широкую...
 Пришелъ къ рѣкѣ козленочекъ,
 Дрожить, кричить у берега:
 «Сестра, сестра родимая!
 Ты встань ко мнѣ, ты выгляни;
 Меня, козла рогатаго,
 Колотъ хотять, губить хотять;
 Народъ сидитъ по лавочкамъ,
 На столъ несутъ тарелочки;
 А панъ стоитъ у горенки;
 Ему жена сердитая
 Приказъ даетъ губить меня,
 Ловить меня у рѣченьки,
 Бросать въ котлы кипучіе!»
 Со дна рѣки сестра ему
 Отвѣтъ даетъ, со дна рѣки
 Поднявшись до пояса:
 — Охъ, братъ ты мой, Изашечко!
 Не встать ужъ мнѣ, не вынырнуть;
 Пески въ водѣ усыпали
 Всю косу мнѣ, всю русую;
 Въ камышъ руки завязнули;
 А сердце мнѣ змѣя-тоска,
 Змѣя-тоска сердитая,
 Сосеть-грызеть безъ устали!
 Сестра въ водѣ осталася,
 Осталася на днѣ сыромъ,
 На днѣ сыромъ русалкою —
 Зачѣмъ тоски не вынесла;
 А козлика зарѣзали, —
 Зачѣмъ сестры не слушался!

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

1858.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Берлинъ, 17 ноября.

Я не стану еще сегодня говорить съ вами о Берлинѣ. Я здѣсь еще не осмотрѣлся. Столичная суета и осенній дождь не дали мнѣ до сихъ поръ разглядѣть порядкомъ людей и городъ. Пользуюсь простудой, удерживающею меня дома, чтобы разказать вамъ о Мюнхенѣ, гдѣ я провелъ послѣдніе теплые и ясные дни осени, гдѣ я въ немногое времени успѣлъ видѣть многое, благодаря южной мягкости воздуха и южной любезности жителей.

Для человѣка, интересующагося новѣйшимъ германскимъ искусствомъ, нѣтъ города болѣе интереснаго, чѣмъ Мюнхенъ. Тутъ болѣе чѣмъ коллекціи, чѣмъ мастерскія художниковъ. Тутъ, по мѣрѣ возрожденія пластическихъ искусствъ по сю сторону Альпъ, возникъ около стараго города новый, монументальный и величественный городъ, въ которомъ осуществилось это движеніе. Огромное количество дворцовъ, церквей, публичныхъ зданій выросло въ самое короткое время, и каждая изъ этихъ построекъ въ богатой мѣрѣ украшена статуями, фресками, рельефами. Никогда въ Германіи искусству не было открыто такое широкое, такое достойное поле дѣйствія, какъ въ Мюнхенѣ съ 1825 года, со времени вступленія на престолъ короля Лудвига.

Съ радостнымъ ожиданіемъ спѣшитъ путешественникъ осмотрѣть эти чудеса новаго искусства. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ пробѣгаетъ эти новыя великолѣпныя улицы, всматривается въ эти громадныя зданія, и имъ овладѣваетъ странное чувство. То, что онъ видитъ передъ собою, лишено всякаго общаго характера. Ни одинъ памятникъ не носитъ на себѣ печати современности, каждый изъ нихъ переноситъ воображеніе въ болѣе или менѣе далекое прошлое. Тутъ площадь, окруженная зданіями въ греческомъ стилѣ, тамъ громадная базилика, подражающая во всѣхъ подробностяхъ храмамъ первыхъ временъ христіанства. Далѣе византійская часовня, и церковь, соединяющая романскія формы съ лонгобардскими, потомъ готическій соборъ, наконецъ дворцы во вкусъ Палладіо. Этотъ новѣйшій изъ германскихъ городовъ на первый взглядъ кажется посѣтителю городомъ призраковъ, городомъ, по преимуществу, прошлаго, или если его соображеніе менѣе подвижно, производитъ на него впечатлѣніе громаднаго атласа, изданнаго въ кирпичъ и гранитъ, бронзѣ и мраморѣ, для назиданія изучающихъ исторію искусства.

Но если станешь всматриваться ближе въ эту пеструю толпу зданій, въ особенности если обратишь вниманіе на произведенія

живописи, украшающія ихъ внутренность и внѣшность, первое впечатлѣніе значительно измѣняется. Величавый паеосъ Корнеліуса, могучій юморъ Каульбаха, граціозная фантазія Нейрейтера и Швинда, все это такъ національно, такъ оригинально и ново, что часто даже остается непонятнымъ при поверхностномъ знакомствѣ. Съ другой стороны, дѣятельность живописцевъ, примыкающихъ съ благоговѣніемъ къ стариннымъ школамъ, представляетъ столько истинно-прекраснаго, что при видѣ ихъ твореній мирнѣе съ эклектизмомъ, такъ непріятно поражающимъ съ перваго взгляда въ мюнхенской архитектурѣ. Не говоря уже о произведеніяхъ Овербека, сколько силы и поэзіи въ церковныхъ картинахъ Гесса и Фейта, сколько граціи въ композиціи Шраудольфа! Но еще болѣе увеличивается интересъ, внушаемый всѣмъ этимъ періодомъ въ исторіи искусства, если обратить вниманіе на ея временное развитіе, на обстоятельства, вызвавшія ее въ свѣтъ, наконецъ на симптомы, предвѣщающіе ей и въ будущемъ богатое и широкое развитіе. Осматривая художественныя сокровища Мюнхена, невольно вспоминаешь и первые шаги новаго германскаго искусства. Позвольте мнѣ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Они послужатъ поясненіемъ тому, что я хочу повѣстовать вамъ о свѣжихъ художественныхъ новостяхъ Мюнхена.

Новѣйшая германская живопись и пластика очевидно выраженіе того же духа, который накзнулъ нашего столѣтія оживилъ всѣ области мышленія, который нашелъ такое дивное выраженіе въ германской литературѣ и музыкѣ. Но развитіе пластическихъ искусствъ пошло инымъ путемъ, чѣмъ, напримѣръ, развитіе поэзіи. Они не имѣли своего Гете и Шиллера, своихъ могучихъ гениевъ, въ идеальномъ совершенствѣ воплотившихъ всѣ стремленія времени. Они ожили позже, не въ первый, сильно-творческій періодъ новой эры, а во второй, въ періодъ рефлексіи, въ блестящее время романтической школы. Гете, этотъ страстный любитель живописи, всю жизнь долженъ былъ возиться съ посредственными живописцами, съ какимъ-нибудь Гакертомъ и Тишбеиномъ, и только подъ старость былъ обрадованъ композиціями Корнеліуса, очерками Реча и Нейрейтера. Новое германское искусство существенно принадлежитъ нашему столѣтію. Его начало совпадаетъ съ дѣятельностію братьевъ Шлегелей и Тика, его быстрое развитіе слѣдуетъ за освобожденіемъ Германіи отъ Французовъ.

Вспомнимъ художественное настроеніе, господствовавшее въ то время. Узкая сфера мѣстныхъ и временныхъ интересовъ въ искусствѣ была разбита навсегда. Вся природа, все человѣчество, вся исторія открывались взору какъ единое, какъ гармоническое царство духа. Не было времени и мѣста, не было народа и религіи, которые казались бы чуждыми и далекими. Ученіе Шеллинга и примѣръ Гете одушевляли всѣхъ. Съ любовью стали углубляться во всѣ міеологіи,

во всё иррациональна проявленія челоѣческаго духа въ исторіи, въ убѣжденіи, что вездѣ кроется глубокой смыслъ и богатые источники воззніи. Но скоро оказалось, что не всякому дано совладать съ вседенною. Между тѣмъ какъ Гете тихо продолжалъ свое величавое шествіе сквозь всѣ области поэтическаго міра, то озаряя яркимъ лучомъ своего гениа темное время среднихъ вѣковъ, то отдыхая въ древней Греціи, то небрежно играя восточными розами,—большая часть младшей братіи, какъ неопытный колдунъ въ балладѣ, подпала могуществу вызванныхъ ею же призраковъ. Юные поэты дотого углубились въ Индію, или въ Испанію, или въ древнюю Грецію, что совершенно теряли мѣрило современнаго сознанія. Братья Шлегели и ихъ послѣдователи все болѣе и болѣе погружались въ католицизмъ и въ поклоненіе среднимъ вѣкамъ. Это направленіе, скоро нашедшее сильную поддержку въ политическихъ стремленіяхъ времени, сдѣлалось отличительнымъ признакомъ романтической школы, хотя не составляетъ сущности ея характера.

Средневѣковой романтизмъ взялъ верхъ надъ всѣми другими видами этой болѣзни по многимъ причинамъ. Вспомнимъ, что къ среднимъ вѣкамъ относились самые блестящіе памятники національнаго искусства, что только въ этихъ отдаленныхъ временахъ поэты могли видѣти общегерманскій колоритъ, соотвѣтствовавшій тогдашнимъ стремленіямъ къ національному единству.

Въ эту-то эпоху, во время самага цвѣта средневѣковаго и католическаго романтизма, возникла новая школа живописи. Она возникла живымъ образомъ. Нѣсколько молодыхъ людей, исполненныхъ жажды высокой художественной дѣятельности, и утомленныхъ мертвою рутинною нѣмецкихъ академій, поселились въ Римѣ, чтобы жить исключительно для искусства.

Эти молодые люди были уроженцы различныхъ мѣстностей Германіи, и большею частію протестанты. Собравшись въ Римѣ, они поселились въ опустѣвшемъ монастырѣ Святаго Исидора, чтобы работать вмѣстѣ въ отшельнической тишинѣ и въ братскомъ единодушіи. Ихъ соединяла не одна страстная любовь къ искусству; ихъ воззрѣніа оказались удивительно схожими. Всѣ чувствовали глубокое отвращеніе отъ бравуры Болоньской школы, отъ расмашистыхъ, эффектныхъ композицій Караччи и Рени; этихъ хваленыхъ образцовъ академическаго стила. Всѣхъ неудержимо привлекали произведенія инаго, болѣе далекаго времени, времени разсвѣта въ искусствахъ. Простыя композиціи Джотто, святые лики блаженнаго Фіезоли, свѣтлыя Мадонны Беллино и Франчіа были для нихъ идеалами искусства. Только въ этихъ твореніяхъ видѣлось имъ то, чего они искали такъ страстно: глубокое чувство, находящее въ формѣ только необходимое выраженіе, не заманчивое украшеніе, форму дотого простую и прозрачную, даже при несовершенной техникѣ, что ея содержаніе ясно

и для ребенка. Дѣятельно принялись неутомимые юноши за изученіе старинныхъ италинскихъ мастеровъ, за композиціи въ ихъ духѣ. Они приступали къ дѣлу съ благоговѣніемъ, съ торжественнымъ энтузіазмомъ. Вся ихъ жизнь проникалась святостию ихъ дѣла. Ихъ рѣдко видали на улицахъ. Между собой они собирались только за столомъ и для того, чтобы рисовать съ натуры. За собственными композиціями каждый сидѣлъ въ своей келліи, въ глубокомъ одиночествѣ, безъ моделей, чтобы внѣшнія случайности не помutilи форму, въ которую должна была вылиться идея художника. Но и это показалось недостаточнымъ восторженному кружку. Все болѣе и болѣе переносясь въ художественный міръ четырнадцатаго столѣтія, все болѣе и болѣе проникаясь духомъ его набожныхъ мастеровъ, они скоро почувствовали сильную склонность къ католицизму, склонность, которая перешла въ энтузіазмъ и довела ихъ до совершеннаго обращенія. Въ 1814 году, Овербекъ, братья Шадовы и многіе другіе живописцы изъ монастыря Св. Исидора, торжественно приняли католическую вѣру. Это событіе произвело порядочный скандалъ. Въ Римѣ смѣялись надъ этими «Назарейми», какъ прозвали ихъ собраты-художники, надъ ихъ длинными волосами, ихъ монашескою жизнью, пѣ-архаическими стремленіями. Гёте съ строгимъ негодованіемъ выразился о новой сектѣ. Братья Шлегели и Тикъ торжествовали. То, что проповѣдывалъ ихъ другъ Вакенродеръ въ «Сердечныхъ изліяніяхъ художника-монаха» (*Herzergiessungen eines kunstliebenden Klosterbruders*), сбылось на дѣлѣ. Завелись среди бѣла дня, среди девятнадцатаго столѣтія такіе художники, какихъ конечно не было въ четырнадцатомъ, но какіе водились въ восторженныхъ повѣстяхъ романтической школы, гдѣ изображалось золотое время искусства. И въ самомъ дѣлѣ, ихъ дѣятельность имѣла что-то идеально-величественное, поражающее даже людей, совершенно разнящихся съ ними въ воззрѣніи. Такъ Нибуръ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, бывшіе въ то время въ Римѣ, люди какъ по сѣрѣ занятій, такъ и по складу ума болѣе сочувствующіе античному, чѣмъ средневѣковому міру, отзывались съ глубокимъ уваженіемъ о молодыхъ германскихъ живописцахъ, объ ихъ добросовѣстномъ энтузіазмѣ, объ ихъ неутомимыхъ трудахъ, объ ихъ примѣрномъ согласіи и безкорыстіи. Скоро явились блестящіе плоды ихъ дружной дѣятельности. Ихъ неутомимымъ трудамъ удалось снова открыть давно затерянную тайну живописи *al fresco* (1). Это открытіе имѣло огромное значеніе для новой школы. Живопись *al fresco* именно та техника, которая соотвѣтствуетъ характеру новѣйшей германской живописи. Ограниченная гамма красокъ, необходимость вѣрною рукою складывать всю картину, такъ сказать, пѣз кусковъ, правда, не позволяетъ переступать извѣстныхъ предѣловъ

(1) Главная часть этого открытія принадлежитъ Эггерсу.

въ смѣлости исполненія, въ блескѣ колорита, но тѣмъ самымъ вызывается необходимость сильнаго и выразительнаго рисунка. Далѣе, самая сущность фрески, ея нераздѣлимость съ твердою стѣною зданія, даетъ ей характеръ серьезный и величавый. Наконецъ соединеніе многихъ фрескъ въ одномъ и томъ же пространствѣ и ихъ отношеніе къ архитектурнымъ формамъ даетъ художнику возможность развить въ цѣломъ ряду композицій величественную идею, которая не умѣстилась бы въ одной картинѣ, ни чѣмъ не связанной съ извѣстнымъ помещеніемъ. Новая германская школа въ послѣдствіи мастерски воспользовалась всѣми этими преимуществами фрескотехники. Но уже первые ея опыты въ этомъ родѣ были блестящіе. Консулъ Бартольдъ въ Римѣ предоставилъ живописцамъ монастыря Св. Исидора залу въ своемъ домѣ, которую Овербекъ, Корнеліусъ, Фейтъ и Шадовъ украсили изображеніями изъ жизни Іосифа. Восхищенный этимъ первымъ опытомъ, маркизъ Массими поручилъ тѣмъ же художникамъ расписать нижній этажъ его виллы фресками изъ Данте, Аріосто, Тассо. И эта работа была исполнена ими къ восторгу всѣхъ знатоковъ.

Я упомянулъ о Корнеліусѣ въ числѣ живописцевъ монастыря Св. Исидора. Великій художникъ, прибывшій въ Римъ годъ послѣ Овербека, тѣсно примыкалъ къ неокатолической братіи. Рожденный въ католическомъ исповѣданіи, проникнутый жаждою идеальнаго творчества, онъ имѣлъ много точекъ соприкосновенія съ Овербекомъ и съ его друзьями. Но его натура была гораздо шире. Ученикъ по духу слишкомъ рано умершаго, гениальнаго Карстенса, этого перваго идеалиста между германскими художниками новаго времени, онъ съ любовью всматривался въ произведенія старинныхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ, но не менѣе страстно изучалъ творенія античнаго искусства. Корнеліусъ—художникъ мысли по преимуществу; его творчество плодъ огромной внутренней работы. Его композиціи имѣютъ своего рода организмъ, къ которому нужно присмотрѣться. Глубокомысленный складъ его фантазій требовалъ совершенно новыхъ способовъ выраженія, и въ его твореніяхъ встрѣчаются формы, въ равной степени напоминающія и христіанское, и античное искусство.

Онъ явился въ Римъ, уже окончивши свои рисунки къ Фаусту, и тутъ съ жаромъ принялся за композиціи къ Нибелунгамъ и за живопись *al fresco*. Онъ тотчасъ понялъ, что этотъ родъ техники созданъ для его таланта, и дѣйствительно никто, какъ онъ, не владѣетъ даромъ развить въ длинномъ ряду величавыхъ композицій одну и ту же идею. Никто силою своего рисунка, доходящаго иногда въ своей энергіи до произвольной неправильности, не умѣетъ производить такого потрясающаго дѣйствія. Кто видѣлъ разъ его Бога Отца, его апокалиптическихъ всадниковъ, тотъ никогда не забудетъ ихъ.

Между тѣмъ какъ первые таланты Германіи росли и крѣпли въ

Римѣ, въ ихъ отечествѣ готовилась самая благодарная почва для ихъ трудовъ. Французы были изгнаны. Национальное искусство, національная литература сдѣлались всеобщою потребностію. Что это национальное искусство должно было быть средневѣковое и католическое, давно было рѣшено романтической школой. Случайныя причины усилили это убѣжденіе. Средневѣковыя зданія сильно пострадали во время военныхъ смутъ отъ вандализма Французовъ. Кельнскій соборъ требовалъ рѣшительныхъ поправокъ, и страхъ за будущность драгоценнаго памятника привлекалъ на него всеобщее вниманіе. Картины старинной Кельнской школы, спасенныя отъ погибели во время войны братьями Буассере, сдѣлались національною святыней, о которой нельзя было говорить довольно восторженно. Достоинства этихъ картинъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательныя, такимъ образомъ сдѣлались извѣстны всѣмъ, и средневѣковой стиль рѣшительно сталъ модой. Съ другой стороны, вліяніе Гёте и веймарскаго кружка продолжало поддерживать изученіе античнаго искусства. При такихъ обстоятельствахъ, въ 1825 году, вступилъ на баварскій престолъ король Лудвигъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ любителей и тонкихъ знатоковъ искусства нашего времени.

Король Лудвигъ сдѣлалъ изъ Мюнхена самый блестящій центръ художественной дѣятельности въ наше столѣтіе. Нельзя не похвалить въ особенности тѣхъ способовъ, какими онъ поощрялъ развитіе искусства въ Германіи. Тѣ громадныя работы, которыя совершались въ Мюнхенѣ подъ его вліяніемъ, отнюдь не были выраженіями его личной фантазіи. Онъ глубоко постигъ духъ современнаго искусства, и постоянно старался дать достойное поле дѣйствія всѣмъ его разнообразнымъ стремленіямъ. Его личный вкусъ склонялся къ античнымъ формамъ, и еще прежде его вступленія на престолъ была выстроена, архитекторомъ Кленце, Глиптотека для помѣщенія его богатой коллекціи статуй и мраморовъ. Это зданіе, будто бы греческое, вмѣстѣ съ другими постройками въ томъ же стилѣ, окружающими площадь, производитъ такое же фальшивое впечатлѣніе, какъ напримѣръ, Іонъ Шлегеля или гимны Платона, написанные по-нѣмецки разнѣрами, существующими только на греческомъ языкѣ.

По вступленіи на престолъ, король Лудвигъ открылъ самое грандіозное поле дѣйствія художникамъ всѣхъ направленій, и съ вѣрнымъ инстинктомъ началъ съ того, что сталъ поощрять архитектуру, эту твердую основу всѣхъ прочихъ пластическихъ искусствъ. Мѣсто не позволяетъ мнѣ говорить здѣсь о его дѣятельности иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ и оставляя въ сторонѣ, для краткости, хронологическій порядокъ.

Съ удивительнымъ тактомъ удовлетворилъ король Лудвигъ стремленіямъ католическаго романтизма въ искусствѣ постройкой четырехъ монументальныхъ церквей въ главныхъ стиляхъ христіанскаго

зодчества, и открылъ такимъ образомъ архитекторамъ, скульпторамъ и живописцамъ полную возможность погружаться въ прошлыя времена, вдохновляться идеалами изъ любимыхъ историческихъ эпохъ. Эти постройки, разумѣется, не безукоризненны, отчасти даже не удачны. Но онѣ имѣли огромное вліяніе на развитіе архитектуры въ Германіи.

Первая изъ нихъ, по времени стиля, базилика Св. Бони+ація, произведеніе Цибланда. Она принадлежитъ къ самымъ блестящимъ и удачнымъ постройкамъ новаго Мюнхена, и особенно нравится туристамъ и большой массѣ публики. Но это зданіе, именно при своемъ удивительномъ исполненіи, показываетъ намъ ясно, до какой степени форма базилики бѣдна въ сравненіи съ формами, созданными дальнѣйшимъ развитіемъ христіанскаго искусства. Что первыя большія церкви, выстроенныя христіанами, были базилики, это вовсе не доказываетъ, чтобы то была форма; соответствующая христіанству въ его первобытной чистотѣ. Напротивъ того, архитектура первыхъ вѣковъ христіанства, какъ и искусство вообще, движется въ совершенноязыческихъ формахъ, и возвращается къ ней—уже черезъ—чуръ бессмысленный романтизмъ. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служатъ безобразныя базилики въ Берлинѣ.

Церковь Св. Лудовика въ романскомъ стилѣ съ лонгобардскою прихвѣсью можетъ—быть самая неудачная изъ новыхъ церковныхъ построекъ въ Мюнхенѣ. Когда вспомнишь очаровательныя церкви береговъ Рейна, эти смѣлыя попытки христіанской архитектуры освободиться отъ языческихъ формъ базилики, эти дивныя зданія, исполненныя гармоніи при всей борьбѣ противоположныхъ началъ, выражающейся въ ихъ организмѣ, то невольно отвернешься отъ тяжелого, безсвязнаго подражанія, созданнаго Гертнеромъ. Эта постройка, конечно, не говоритъ въ пользу архитекторовъ, желающихъ вновь ввести романскій стиль, именно для протестантскихъ церквей. Но и вообще говоря, мнѣ совершенно не понятно возвращеніе къ стилю, о которомъ мы исторически знаемъ, что онъ былъ только переходъ къ другому, высшему, именно къ готическому.

Часовня Всѣхъ Святыхъ составляетъ пристройку къ дворцу, и ея внутренность устроена въ чисто-византійскомъ стилѣ. Я не говорю о внѣшности. Она слаба и безхарактерна. За то внутренній видъ церкви поразителенъ. Окна помѣщены такъ, что ихъ не видать. Весь свѣтъ повидимому исходитъ изъ золотого поля куполовъ, на которомъ отдѣляется мастерская живопись Гесса. Гармоническія пропорціи всѣхъ архитектурныхъ элементовъ, таинственный полусвѣтъ въ нижней части церкви, богатая игра золотистыхъ рефлексовъ, придающая особенную жизнь лицамъ святыхъ, помѣщеннымъ въ вышній куполовъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ потолка, все это производитъ прекрасное, истинно-церковное настроеніе. Но этотъ

стиль не соответствуетъ католическому богослуженію. Ему нужны длинныя ряды столбовъ, между которыми въ роскошной перспективѣ могли бы развиваться его блестящія процессіи, широкія пространства, гдѣ бы раздавался громъ органа и оркестра. Византійскій же стиль вполне согласуется съ тихимъ и стройнымъ богослуженіемъ восточной церкви.

Послѣдняя церковь, можетъ-быть самая удачная, выстроена въ готическомъ стилѣ Ольмюллеромъ въ предмѣстьѣ Ау. При многихъ недостаткахъ, особенно во внѣшности, она все-таки, какъ цѣлое, представляетъ намъ почтенное, истинно-художественное произведение. И тутъ внутренность безукоризненна. Къ тому же, при обсужденіи этой постройки нужно принять въ соображеніе ея время (1831 годъ). Съ тѣхъ поръ изученіе организма готическихъ церквей подвинулось значительно впередъ, и блестящія постройки въ этомъ стилѣ все болѣе и болѣе оправдываютъ его распространяющееся употребленіе для католическихъ церквей. Готическій стиль, конечно, самое высокое архитектурное выраженіе христіанства. Его удивительное единство, его неисчерпаемое богатство, необходимо истекающее изъ его конструктивныхъ основъ, дѣлаютъ изъ него явленіе, находящее себѣ подобное только въ дивной гармоніи греческой архитектуры. Его удобство для католическаго богослуженія несомнѣнно. Онъ, какъ необходимое выраженіе, развился изъ него въ то время, когда еще дремали античныя элементы, въ послѣдствіи обусловившія появленіе стиля возрожденія.

Разнородныя церковныя постройки въ Мюнхенѣ имѣли огромное значеніе для искусства. Съ одной стороны онѣ ярко выставили неприложимость извѣстныхъ стилей (греческаго, древне-христіанскаго, византійскаго) къ мѣстнымъ и временнымъ потребностямъ; съ другой стороны, онѣ дали могучій толчокъ изученію всѣхъ стилей и черезъ это принесли значительную пользу архитектурѣ. Изученіе старинныхъ, самобытныхъ архитектурныхъ типовъ выставило въ яркомъ свѣтѣ безсмысленность и пустоту того стиля, который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ преобладаетъ вокругъ насъ въ частныхъ постройкахъ, во всемъ, что касается до внутренняго и внѣшняго украшенія домовъ, этого стиля рококо, лишеннаго всякаго содержанія, всякой гармонической связи. Въ виду истинныхъ произведеній искусства все болѣе и болѣе признается основное начало всякой здравой архитектуры, соответственность внѣшнихъ формъ и декоративныхъ элементовъ конструктивнымъ условіямъ, и такимъ образомъ готовится основаніе для установленія того, чего такъ рѣшительно не достаетъ въ новѣйшемъ искусствѣ,—опредѣленнаго архитектурнаго стиля. Уже кое-гдѣ были сдѣланы удачныя опыты развить формы строенія изъ его назначенія и изъ характера употребляемаго матеріала, безъ всякихъ произвольныхъ заимствованій изъ

прежнихъ стилей. Между ними прекрасныя, совершенно оригинальныя постройки Эйзенлора изъ камня и дерева для баденскихъ желѣзныхъ дорогъ заслуживаютъ всякаго уваженія. Кто знаетъ, какія архитектурныя формы рождаются еще изъ возрастающей потребности въ общественныхъ зданіяхъ вообще, въ особенности въ обширныхъ дебаркадерахъ и lodging-houses, отъ огромнаго употребленія въ постройкахъ чугуна и стекла?

Непосредственную пользу принесло углубленіе въ прежніе архитектурныя стили при возобновленіи старинныхъ построекъ. Что за чудо добросовѣстности и художественнаго такта реставраціи Шпейерскаго собора Гюбшомъ! Я уже не говорю о Кёльскомъ. Работы, производимыя тамъ подъ руководствомъ Цвирнера, будутъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ столѣтія, въ которомъ наука уничтожила время не только для мысли, но и для художественнаго чувства.

Но возвратимся въ Мюнхенъ. Церковныя постройки открыли обширное поприще для живописи *al fresco*; изъ старинный стиль позволялъ и даже требовалъ живописи подобнаго характера. Церковь Св. Лудовика украсилась фресками Корнелиуса, о которыхъ выше. Базилку и часовню Всѣхъ Святыхъ росписали Гессъ и его ученики, между которыми въ особенности отличается Шраудольфъ. Въ этихъ двухъ обширныхъ работахъ, Гессъ показалъ удивительное искусство въ приспособленіи живописнаго украшенія къ архитектурнымъ формамъ, непсчерпаемую фантазію въ изобрѣтеніи разнообразныхъ мотивовъ, не переступающихъ предѣловъ строго-церковнаго стиля. Еще выше въ этомъ отношеніи стоитъ, по моему мнѣнію, его ученикъ Шраудольфъ. Главная его работа — фрески въ возобновленномъ Шпейерскомъ соборѣ — можетъ быть самое блестящее произведеніе церковной мюнхенской школы. Тутъ въ колоритѣ, въ степени оконченности, въ композиціи, вмѣстѣ строгой и широкой, въ такомъ совершенствѣ соблюдена настоящая мѣра, какъ ни въ какой современной работѣ этого рода. Можетъ быть не всякая композиція Шраудольфа, ваятая отдѣльно, выдержитъ критику. Но въ совокупности, и на своемъ мѣстѣ, эти картины достойны всякой похвалы.

Но не одна живопись *al fresco* нашла богатое поле дѣятельности въ новыхъ церковныхъ постройкахъ Мюнхена. Подъ ея влияніемъ оживились отрасли религіознаго искусства, давно заглохшія и забытыя. Между ними я назову живопись на стеклѣ и художественную рѣзбу изъ дерева.

Живопись на стеклѣ, конечно, одно изъ самыхъ достойныхъ и роскошныхъ украшеній для внутренности церкви. Окна старинныхъ готическихъ соборовъ показывали, какіе дивные эффекты доступны этому роду живописи, какъ особенно соотвѣтствуетъ она церков-

ному характеру. Но секретъ этихъ чудныхъ тинтовъ, вѣсть темныхъ и пламенныхъ, которыми отличаются стекла старинныхъ соборовъ, давно былъ затерянъ. Только въ недавнее время неутомимыя старанія Гертнера и Айнмюллера удалось снова поднять техническую сторону этого искусства на такую высоту, на которой она не была и во времена Дюрера. Сущность ихъ открытiя состоитъ въ томъ, что для полученiя сильныхъ и чистыхъ тинтовъ слѣдуетъ употреблять бѣлое стекло, покрытое цветнымъ слоемъ (Ueberfangglas) и въ прискаванiи составовъ, дающихъ этому слою желанную глубину и яркость колорита. Изъ этого слоя выкабливаются тѣ части, которыя должны получить другой цвѣтъ, и исполняются кистью. Кроме того, живописецъ на стеклѣ представляетъ множество другихъ трудностей: самая композицiя должна быть строго расчитана, чтобъ оконныя рѣшетки не производили не-приятныхъ раздѣленiй, спайки стекла — ненужныхъ линий. Далѣе живописецъ долженъ обладать самымъ точнымъ и тонкимъ знанiемъ красокъ для того, чтобы расчитать впередъ колоритъ, который приметъ стекло подъ влиянiемъ огня, наконецъ имѣть постоянно передъ воображенiемъ общiй эффектъ картины (что не бездѣлица въ громад-номъ готическомъ окнѣ), чтобы при мозаичномъ исполненiи отдѣльныхъ кусочковъ не потерялась гармонiя цѣлаго. Это трудъ, въ которомъ нужно столько художественнаго такта и технической ловкости, что на него едва хватаетъ одного человѣка. Съ особеннымъ удовольствiемъ посетилъ я мастерскую братьевъ Шереръ, посвятившихъ себя этой отрасли искусства. Они работаютъ вмѣстѣ, съ рѣдкою любовью и согласiемъ. Хотя одинъ изъ нихъ преимущественно занимается композицiею, въ исполненiи они дѣйствуютъ съ равнымъ жаромъ и совершенствомъ, такъ что никто не знаетъ, кому изъ братьевъ должна быть приписана та или другая часть работы. Эта дружная дѣятельность даетъ имъ возможность исполнять свои картины на стеклѣ безъ всякой посторонней помощи. Братья Шереръ сами обжигаютъ свои стекла, сами спаиваютъ ихъ. Такой способъ работы конечно, единственный, вполне добросовѣстный въ дѣлѣ искусства. Раздѣленiе мыслей и исполненiя всегда отзывается въ результатѣ. Напротивъ того, при такомъ углубленiи художника въ технику своего искусства, самая эта техника оживляется и совершенствуется, и живописецъ наконецъ приобретаетъ способность также точно управлять пламенемъ печи для достиженiя известнаго колорита, какъ и самою кистью.

И какъ удивительны результаты этой кропотливой работы! Когда смотришь на окна, подаренныя королемъ Лудвигомъ Кельнскому собору и церкви въ предместьи Ау, и исполненныя въ Мюнхенѣ подъ руководствомъ Гесса, то рѣшительно нельзя нарадоваться этой ослѣпительной, сверхъестественной, а вмѣстѣ съ тѣмъ гармониче-

ской игрѣ красокъ. Разумѣется, такимъ способомъ нельзя изображать ничего, кромѣ идеальныхъ, церковныхъ сюжетовъ. Только въ нихъ можетъ быть умѣстенъ этотъ неземный блескъ колорита, и въ нихъ онъ составляетъ могучее средство для достиженія восторженнаго, чуднаго настроенія. Нельзя не пожалѣть, что это великолѣпное украшеніе такъ рѣдко употребляется въ нашихъ церквахъ, о красотѣ которыхъ такъ много заботятся.

Менѣ блестящая, но не менѣ драгоценная отрасль церковнаго искусства воскресла въ художественной рѣзбѣ изъ дерева, которою сильно занимаются въ Мюнхенѣ. Сикингеръ отличается въ архитектурной рѣзбѣ, Энтресъ въ произведеніи очаровательныхъ статуетокъ изъ липоваго дерева. Извѣстно, какое огромное вліяніе имѣетъ матеріалъ на художественное исполненіе, слѣдовательно и на выборъ мотивовъ. Легкая обработка дерева дѣлаетъ его особенно способнымъ для изображенія граціозныхъ сценъ, для работъ въ стилѣ наивныхъ мастеровъ старинной швабской школы. Къ тому же художественныя стремленія романтической школы тутъ встрѣтились съ преданіемъ, сохранившимся въ южной Баваріи и въ Тироли скульптуру на деревѣ, по крайней мѣрѣ ея технику, въ народѣ. Цѣлыя селенія въ этихъ мѣстностяхъ съ незапамятныхъ временъ живутъ рѣзбою и изготовляютъ на всю католическую Германію распятія и изображенія Богородицы; изъ числа этихъ темныхъ художниковъ нерѣдко выступали люди съ замѣчательнымъ дарованіемъ: назову только Эбергарда и Энтреса. Оттуда также происходитъ художникъ, особенно отличающійся теперь въ Мюнхенѣ въ этой отрасли скульптуры. Его имя Кнабль, и онъ началъ заниматься рѣзбою, будучи пастушкомъ въ тирольскихъ горахъ. Приходскій священникъ замѣтилъ его дарованіе и уговорилъ его родителей отдать его въ ученіе къ рѣзчику. Послѣ многихъ лѣтъ, исполненныхъ трудностей и лишений, молодой художникъ пробрался въ Мюнхенъ, гдѣ его замѣчательный талантъ развился подъ вліяніемъ Энтреса и Сикингера. Теперь онъ приобрѣлъ имя и заваленъ работою, до которой онъ не даетъ дотронуться своимъ ученикамъ, самъ исполняя все до малѣйшей подробности. Прекрасны, по стилю и по идеѣ, его Богородица съ благословляющимъ Христомъ, его группа Апостоловъ. Теперь онъ исполняетъ для церковнаго алтаря большую группу съ архитектурною обстановкою—*възлцаніе дьвы Маріи*.

Я распространился такъ подробно о католическомъ искусствѣ въ Мюнхенѣ, потому что о немъ рѣдко говорятъ съ сочувствіемъ. Причина понятна. Оно неволью напоминаетъ противную католическую литературу, развившуюся вмѣстѣ съ нимъ, напоминаетъ церковныя реакціи, гіерархическія реставраціи, которыя такъ знаменательны для нашего времени. Но мнѣ кажется, что роль пластическихъ искусствъ тутъ совершенно иная, чѣмъ роль литературы.

Книги католической партіи пишутся для извѣстнаго, обрзованнаго слоя общества: онѣ распространяють ложь, онѣ затмѣвають истину. Церкви строятся для народа, и въ религиозной живописи нѣтъ мѣста ни для полемики, ни для пропаганды. Народъ южной Германіи чрезвычайно набоженъ, и наполняетъ церкви, какія бы онѣ ни были. Достойное, серьезное украшеніе церквей можетъ только дѣйствовать какъ благотворное, просвѣщающее средство. Какъ не порадоваться, видя, что изъ нихъ исчезаютъ отвратительныя куллы въ стилѣ рококо, передъ которыми молились до сихъ поръ, которыя своею яркою матеріальностію вызывали къ фетишизму, и замѣняются произведеніями въ простомъ и строгомъ стилѣ, дѣйствующими на душу, а не на чувственность? Какъ не порадоваться, что кокетливыя постройки въ іезуитскомъ стилѣ уступаютъ мѣсто готическимъ церквямъ?

Такія мысли приходили мнѣ въ голову въ Шпейерскомъ соборѣ, гдѣ я любовался прелестными фресками Шраудольфа. Уже вечерѣло. Западное солнце озаряло золотистые своды святилища и играло на чистой головкѣ Мадонны, являющейся Св. Бернарду. Передъ нею стояло въ глубокой молитвѣ нѣсколько стариковъ и женщинъ, нѣсколько работниковъ и монаховъ. Не можетъ быть, думалось мнѣ, чтобы гармоническая простота стариннаго собора, чтобы эти глубоко почувствованныя композиціи остались безъ вліянія на этихъ людей, ежедневно ищущихъ здѣсь утѣшенія—и позавидовалъ я Шраудольфу въ сердцѣ своемъ!

Дѣйствительно, католическое искусство обладаетъ огромными годами. Обиліе готовыхъ, освященныхъ религіею типовъ, самый духъ католицизма, вызывающій къ внѣшнему, пластическому выраженію, помогаютъ художнику дѣйствовать на массы. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, повело къ безпрестанно повторяемому парадоксу, будто протестантизмъ убиваетъ художественную дѣятельность. Но не входя въ длинныя разсужденія на этотъ счетъ, замѣтимъ, что при такихъ сужденіяхъ всегда имѣютъ въ виду только пластику. Совсѣмъ другой видъ принимаетъ дѣло, если взять въ расчетъ всѣ области искусства. Трудно рационально сравнивать творенія совершенно различныхъ сферъ; но на меня по крайней мѣрѣ (и конечно многіе чувствуютъ, какъ я) отъ Гётевой *Ифигеніи* вѣетъ такою же тихою святостію, какъ отъ *Сикстинской Мадонны*; величавая гармонія *Страстей* Баха такъ же возвышаетъ мнѣ душу, какъ воздушные своды и волшебныя перспективы Кельнскаго собора, и одинъ Шекспиръ мнѣ дороже, чѣмъ Рубенсъ и Ванъ-Дейкъ, чѣмъ Тиціанъ и Паоло Веронезе.

Но я опять заболтался. Позвольте мнѣ въ доказательство благотворнаго вліянія мюнхенской церковной школы разказать вамъ о мо-

людомъ художникѣ, недавно сдѣлавшемся извѣстнымъ, и отъ котораго можно ожидать многого.

Его зовутъ Губеромъ. Никто о немъ не зналъ до осени прошлаго года. Тутъ онъ выставилъ въ Мюнхенѣ картину, которую многіе восхвалялись, но которой никто не покупалъ. Къ счастью, ее увидѣлъ король Лудвигъ и тотчасъ приобрѣлъ ее для новой Цинакотехи.

Сюжетъ этой картины не замысловатъ. Богородица сидитъ на пригоркѣ и держитъ на колѣняхъ Младенца, который протягиваетъ ручонку къ крестику, а на крестикъ опирается маленькій Іоаннъ. Въ замигъ онъ предлагаетъ ему раковину, символъ крещенія. Святая дѣва съ грустною думою смотритъ на непонятныя для нея игры дѣтей. Общее впечатлѣніе очаровательно. Широкій рисунокъ, простота и гармонія линий напоминаютъ лучшія времена италіанскаго искусства. Колоритъ, хотя не сильный, но прекрасно соответствующій характеру композиціи. Эта картина чрезвычайно выгодно отличается отъ всѣхъ церковныхъ произведеній мюнхенской школы совершеннымъ отсутствіемъ манерности въ системѣ и исполненіи.

Особенный интересъ придаетъ этому произведенію судьба самого художника. Губеръ—сынъ хлѣбопашца, владѣющаго маленькою земелькою на берегахъ Хіемскаго озера. До двадцати третьяго года онъ пахалъ землю и дошелъ до того, что выучился сѣять, что, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ трудныхъ частей земледѣльческой практики. Въ то же время онъ, по неудержимому инстинкту, рисовалъ чѣмъ попало, на доскѣ и стѣнахъ, на заборахъ и бумажныхъ клочкахъ, и никто не обращалъ вниманія на эти произведенія. Однажды къ его отцу зашелъ ночевать странствующій портной. Этотъ артистъ взглянулъ на рисунки молодого Губера и объявилъ, что у него большой талантъ. Такое сужденіе со стороны челоуѣка, какъ бы то ни было, выдавшаго свѣтъ и занимающагося своего рода искусствомъ, очень обрадовало молодого земледѣльца. Онъ скоро послѣ того отправился въ сосѣднюю деревню, посоветоваться съ тамошнимъ маляромъ. Маляръ просмотрѣлъ рисунки и одобрилъ нѣкіе портнаго. Послѣ долгихъ толковъ и переговоровъ, Губеръ рѣшился отправиться въ Мюнхенъ. Онъ прибылъ туда въ 1847 году, и послѣ года, проведеннаго въ лишенияхъ и заботахъ (на него палъ было жребій при рекрутскомъ наборѣ), онъ поступилъ въ академію, разумѣется въ младшій классъ. Трудно пришлось ему это ученіе, котораго онъ такъ долго добивался. Его рука, загрубѣвшая въ полевыхъ работахъ, сдѣлалась тяжела и не вѣрна. Онъ не могъ держать карандаша и кисти такъ, какъ предписывалъ учитель. Его неловкіе приемы возбуждали смѣхъ его товарищей, большею частію дѣтей. А между тѣмъ его уже созрѣвавшая фантазія рисовала ему величавыя и граціозныя картины, которыя онъ могъ бы осуществить, еслибъ не давившая его до тѣхъ поръ бѣдность и незнаніе. Но онъ не те-

рять терпѣнія. Съ желѣзною волею побѣдилъ онъ всѣ трудности, которыя мѣшали ему дать внѣшнюю форму своей мысли. Пробившись сквозь всѣ классы академіи, онъ сдѣлался ученикомъ Шраудольфа и принялся творить самостоятельно, часто терпя голодъ и голодь, но не унывая. Онъ исполнилъ по частнымъ заказамъ нѣсколько картинъ, не сдѣлавшихся извѣстными (Св. Маргарита, Два Апостола, Св. Семейство). Въ этихъ темныхъ работахъ прошло три года. Наконецъ онъ собралъ всѣ силы, чтобъ явиться передъ публикою. Онъ написалъ картину, о которой я говорилъ выше, и выставилъ ее въ Художественномъ Обществѣ (Kunst-Verein). Всѣ его надежды сосредоточивались на продажѣ этой работы. Выставка длилась и приближалась къ концу, но ни Художественное Общество, ни любители не покупали произведеній неизвѣстнаго живописца. Между тѣмъ вѣрный взглядъ короля Лудвига тотчасъ замѣтилъ рѣдкія достоинства картины, и она сдѣлалась достояніемъ знаменитой коллекціи произведеній новѣйшаго искусства, новой Пинакотекы.

Теперь Губертъ имѣетъ по крайней мѣрѣ имя и съ нимъ надежду на обезпеченіе въ будущемъ. Но онъ не изъ тѣхъ, которые умѣютъ пользоваться извѣстностію, и его дѣла все еще идутъ плохо. Въ настоящее время онъ занятъ картиною, изображающею поклоненіе волхвовъ. Композиція очаровательна, и судя по эскизу, набросанному красками, она еще много выиграетъ въ исполненіи.

Губертъ—явленіе чрезвычайно интересное само по себѣ, а во вторыхъ по своему отношенію къ школѣ Шраудольфа. Онъ поступилъ въ нее въ такую пору своего развитія, когда онъ могъ уже потеряться въ старинно-церковномъ стилѣ. Но на немъ видно, какъ много хорошаго здоровая и сильная натура можетъ заимствовать отъ церковнаго направленія. Если оригинальность и сила его композиціи принадлежатъ собственно ему, то школѣ принадлежитъ та чистота и мѣра, та вѣрность религіознаго настроенія, которая отличаетъ его картины, какъ и всѣ хорошія церковныя произведенія мюнхенскихъ художниковъ.

Но пора перейти къ другой группѣ мюнхенскихъ живописцевъ, къ той группѣ смѣлыхъ идеалистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Петръ Корнелиусъ. Если до сихъ поръ ихъ занимали художники, ищущіе точки исхода въ иныхъ временахъ, въ давно-погибшихъ вѣрованіяхъ, то тутъ встрѣчаются намъ болѣе сильныя натуры, ищущія этой точки опоры въ самихъ себѣ, смѣло выливающія въ пластическія формы то міросозерцаніе, которое сложилось въ ихъ собственной душѣ.

Упомяну сперва о Шноррѣ и Швиндѣ. Ихъ можно считать переходными звеньями отъ предыдущей группы. Оба первоначально посвятили себя изображеніямъ изъ сказочнаго прошлаго Германіи, оба, за невѣріемъ образцовъ, составили себѣ совершенно оригиналь-

ный, собственный стиль. Шнорръ нашелъ очень удачные типы для изображенія Нибелунговъ. Швиндъ съ тонкимъ юморомъ рисуетъ намъ средне-вѣковыя сцены, въ совершенно-особенномъ стилѣ, вмѣстѣ свободномъ и отзывающемся стариною. Я уже упоминалъ въ другомъ письмѣ о Житіи Св. Елизаветы, исполненномъ имъ на Вартбургѣ. Но все болѣе терается онъ теперь въ блестящихъ, но тщательныхъ попыткахъ передавать кистью то, чего именно кисть не можетъ передать. Такъ недавно онъ удивилъ публику огромною композиціею, изображающею—симфонію. Окруженная богатыми и глубокомысленными орнаментами, строится одна надъ другою четыре картины, соответствующія четыремъ классическимъ отдѣленіямъ симфоніи: аллегро, адажіо, скерцо и финалу. Рисунокъ исполненъ остроумныхъ выдумокъ: такъ наприимѣръ, скерцо изображено слѣдующимъ образомъ. Въ маленькомъ павильонѣ, посреди рисунка, сидятъ молодой человекъ и молодая дѣвушка въ нѣжномъ разговорѣ. Съ обѣихъ сторонъ, на симметрическихъ террасахъ, происходятъ веселыя карнавальныя сцены, пестрѣетъ толпа танцующихъ масокъ, изъ которой только что убѣжали любящіе. Это расположеніе композиціи соответствуетъ и нѣжному тріо, помѣщенному между двумя повтореніями игриваго скерцо. Понятно, что такія композиціи остаются совершенными іероглифами для непосвященной публики и имѣютъ болѣе достоинство куріоза чѣмъ художественнаго произведенія. Это такіе-же безплодные эксперименты, какъ описательная музыка Фелисіена Давида. Но съ другой стороны, нельзя не удивляться богатству фантазіи Швинда. Его мастерская наполнена эскизами, которые конечно лучше въ неоконченномъ видѣ, чѣмъ еслибъ они были тщательно исполнены. Ихъ фантастическое содержаніе рѣшительно не допускаетъ реальности колорита и отдѣлки. Особенно понравилась мнѣ одна набросанная картина — олицетвореніе горы Юнгфрау: на высокой скалѣ сидитъ величественная дѣва и царственнымъ движеніемъ руки собираетъ вокругъ своихъ плечъ покрывало изъ тучъ. У ногъ ея носится орелъ. Но что станетъ съ этою картиною, когда тучи и одѣяніе примутъ ту опредѣленность, которая составляетъ особенность живописи масляными красками,—трудно себѣ представить.

Между Швиндомъ и Корнелиусомъ надобно упомянуть о талантливомъ Генелли, извѣстномъ своими рисунками «изъ жизни колдуньи» и композиціями къ Гомеру. И у него преобладаетъ искусство облекать въ пластическіе образы идеи, повидимому самыя отвлеченныя.

Но высшее свое выраженіе эта способность нашла въ Корнелиусѣ. То, что великій художникъ изображаетъ намъ въ тѣхъ богатыхъ рядахъ глубокомысленныхъ композицій, въ которыхъ такъ охотно ищеть простора его могучее творчество, не есть рядъ опредѣленныхъ моментовъ, не рядъ индивидуальныхъ фигуръ. Онъ намъ ри-

суетъ связь и смыслъ событій, какъ ее отражаетъ его творческое воображеніе. Вполнѣ сынъ нашего вѣка, онъ напоминаетъ тѣхъ историковъ Гегелевской школы, которые вмѣсто точнаго возсозданія известной эпохи, даютъ намъ ея призракъ, возсозданный ими а priori. Въ церкви Св. Лудовика напримѣръ, несмотря на многія прекрасныя частности, большая часть зрителей остается холодна при первомъ взглядѣ на фрески Корнелиуса. Только при подробномъ разсмотрѣніи, когда выясняются многозначительныя отношенія, связывающія картины изъ жизни Спасителя между собою, и съ изображеніями Бога Отца, небесныхъ силъ и отцовъ церкви, открывается взору основная мысль, и съ нею величавая прелесть цѣлаго. Тутъ становятся понятными и значительными поза всѣхъ фигуръ, выраженіе всѣхъ лицъ. Много было говорено противъ слишкомъ запутаннаго содержанія композицій Корнелиуса. Но мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ въ церкви этотъ упрекъ теряетъ большую часть своей силы. Фрески въ церкви назначены для постоянныхъ посѣтителей, не для разбѣянныхъ туристовъ. Если нѣкоторая сложность въ композиціи помогла художнику выразить болѣе величавую мысль, то его произведеніе все-таки вполнѣ соответствуетъ своему назначенію. Оно будетъ понято при третьемъ, при четвертомъ посѣщеніи церкви, и тогда будетъ дѣйствовать тѣмъ сильнѣе. Живопись такого рода такъ же умѣстна въ зданіи, назначенномъ для богослуженія, какъ прекрасная музыка въ сложномъ фугированномъ стилѣ, мало понятная съ перваго раза, но все болѣе потрясающая при ближайшемъ знакомствѣ.

То же можно сказать про залу Боговъ и залу Героевъ въ Глиптотека. Страшная сложность при первомъ взглядѣ, безконечная гармонія, богатство и сила, когда всмотришься порядкомъ.

Въ ложжіяхъ старой Пинакотекы, эта сложность доходитъ до крайности, уничтожающей всякое общее впечатлѣніе. Тутъ галлерей въ 70 сажень длины расписана какъ еслибы ее можно было охватить однимъ взглядомъ. Соответствующія одна другой фигуры и сцены раздѣлены огромными пространствами, и только сильная память можетъ доставить зрителю наслажденіе цѣлымъ.

Не стану говорить о картонахъ Корнелиуса для берлинскаго Campo Santo. Объ нихъ, если не ошибаюсь, уже была рѣчь въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Это самый головокружительный лабиринтъ символовъ и намековъ, мысленныхъ сочетаній, антитезъ, впрочемъ исполненный съ энергіею гениальнаго художника.

Геній Корнелиуса до того самобытенъ, самая манера его такъ тѣсно съ нимъ связана, такъ неподражаема, что его многочисленные ученики не составляютъ школы. Самый знаменитый изъ нихъ, Каульбахъ, личность совершенно самобытная, о которой въ другой разъ. Мое письмо уже становится слишкомъ длиннымъ, а о Каульбахѣ грѣшно было бы говорить вскользь.

Если мы захотимъ отдать себѣ отчетъ въ современныхъ результатахъ разнородныхъ стремленій мюнхенской школы, то намъ необходимо бросить взглядъ на состояніе германскаго искусства вообще. Мѣстныя школы въ послѣднее время все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе. Центры художественной дѣятельности умножаются, ихъ взаимныя вліянія усиливаются и разнообразно перекрещиваются. Берлинъ и Вѣна, Франкфуртъ и Дрезденъ почти стали на ряду съ Мюнхеномъ и Дюссельдорфомъ.

Такой бѣглый взглядъ покажетъ намъ, что теперешнее положеніе пластическихъ искусствъ въ Германіи вообще блестящее, даже что они сильно затемняютъ изящную литературу, въ тѣни которой началось ихъ возрожденіе.

Съ одной стороны католическій романтизмъ, принявшій въ литературѣ такой злостный характеръ, въ архитектурѣ и живописи все болѣе и болѣе теряетъ свое архаическое и узкое направленіе и, приближаясь къ современной жизни, дѣлается выраженіемъ настоящихъ народныхъ потребностей. Съ другой стороны могучее вліяніе субъективнаго идеализма Корнелиуса и Каульбаха налагаетъ спасительную тѣру сильно развивающемуся въ послѣднее время натурализму. Этотъ новый элементъ конечно залогъ блестящей будущности для германскаго искусства. Его-то именно не доставало до сихъ поръ. Исходъ романтизма въ реализмъ и народность, совершающійся въ современной германской литературѣ, и такъ ярко выразившійся въ твореніяхъ Ауербаха и Фрейтага, можетъ-быть еще полнѣе совершается въ пластическихъ искусствахъ. Между живописцами достаточно напомнить о Лессингѣ, Вальдмюллерѣ, Клаусѣ, о блестящей элангѣ пейзажистовъ. Но въ полной силѣ выразился этотъ новый духъ въ скульптурѣ, въ благородномъ реализмѣ твореній Рауха и его учениковъ. Вспомнимъ только о его Фридрихѣ Великомъ, и о Гете съ Шиллеромъ Ричеля.

Не менѣе знаменательно усиливающееся распространеніе здраваго художественнаго вкуса въ Германіи. Общей потребности соответствуетъ распространеніе *кунстфрейновъ* и выставокъ, высокое достоинство народныхъ иллюстрированныхъ изданій. По случаю этихъ послѣднихъ нельзя не упомянуть о замѣчательномъ усовершенствованіи въ технику гравюры на деревѣ, а именно о возвращеніи къ здоровой, широкой манерѣ старинныхъ мастеровъ, въ которой только и выказываются характеристическія преимущества этого способа воспроизведенія. Такъ въ особенности Габеръ и Бюркнеръ въ Дрезденѣ, и Кречмаръ въ Лейпцигѣ, производятъ чудеса въ этомъ родѣ. Извѣстные художники работаютъ для такихъ гравюръ на деревѣ, доступныхъ всѣмъ по своей дешевизнѣ. Шнорръ продолжаетъ свою прекрасную древорѣзную библию. Лудвигъ Рихтеръ, милый художникъ семейной жизни и народнаго быта, соединяющій грацію Уланда

съ точностію Бертольда Ауербаха, продолжаетъ наполнять своими симпатическими твореніями маленькія книжечки, назначенныя для чердаковъ и хижинъ. Эта благородная дѣятельность встрѣтилась съ подобными стремленіями на полѣ литературы. Передо мною лежитъ *Календарь на 1858 годъ*, изданный Бертольдомъ Ауербахомъ, съ рисунками Каульбаха и Лудвига Рихтера, цѣна 12 грошей.

Въ заключеніе еще два слова о Мюнхенѣ. Считаю излишнимъ говорить о богатствахъ обѣихъ Пинакотекъ, Глиптотеки, и т. д. Имъ посвящена длинная статья въ каждомъ порядочномъ руководителѣ. Но не могу не упомянуть о двухъ коллекціяхъ менѣе извѣстныхъ, чрезвычайно замѣчательныхъ.

Первая изъ нихъ принадлежитъ скульптору Энтресу. Талантливый мастеръ посвятилъ ей долгіе годы и значительныя суммы, и что драгоцѣннѣе всего, внимательную любовь истиннаго художника. Коллекція состоитъ изъ картинъ и скульптуръ старинной германской и фламандской школы. Она содержитъ произведенія Ванъ-Эйка, Ванъ-деръ-Вейде, Квинтина Мессиса, Шорееля, Дюрера, Шонгауера. Каждый изъ этихъ мастеровъ представленъ одною, много двумя картинами, но каждая изъ этихъ картинъ — настоящей перлъ. Очаровательны также старинныя скульптуры изъ дерева, собранныя Энтресомъ въ швабскихъ и франконскихъ церквахъ, большею частью купленныя собственноручною работою, данною въ замѣнъ художникомъ. Прохаживаясь по немногимъ комнатамъ, вмѣщающимъ все собраніе и сравнивая его со многими подобными, постигаешь какое искусство, какое знаніе нужно для того, чтобы составить такую коллекцію, гдѣ каждый предметъ значителенъ, гдѣ каждый мастеръ представленъ по достоинству.

Другое собраніе, о которомъ я хотѣлъ сказать вамъ два слова, скоро станетъ публичнымъ. Это такъ называемый баварскій музей, составляемый по порученію короля барономъ Аретиномъ. Этотъ музей будетъ состоять изъ баварскихъ древностей всякаго рода, художественныхъ произведеній, церковной и домашней утвари, оружія, костюмовъ, и т. д. Количество предметовъ, собранныхъ въ теченіи трехъ лѣтъ, изумительно. Особенно интересенъ богатый выборъ маленькихъ вещицъ всѣхъ временъ, относящихся до домашней ежедневной жизни, игрушекъ, посуды, туалетныхъ принадлежностей и т. д. Все это покуда страшно сжато въ нижнемъ этажѣ въ Максбургѣ и не разставлено въ надлежащемъ порядкѣ. Въ скоромъ времени для драгоцѣнзаго собранія будетъ приготовлено большое помѣщеніе, гдѣ оно будетъ расположено антологически и станетъ доступно публикѣ.

Между разнообразными предметами коллекціи, живо переносщими въ прошлыя времена, бросается въ глаза собраніе музыкальных инструментовъ XV и XVI столѣтія. Фантастическія гитары, длин-

ны мандолины, какъ тѣ, на которыхъ играютъ ангелы въ картинахъ старинныхъ мастеровъ. Недавно, королева баварская захотѣла узнать, какъ звучали концерты, исполняемые 300 лѣтъ тому назадъ при мюнхенскомъ дворѣ. Остроумный графъ Поччи, этотъ гениальный дилеттантъ, которому дано въ музыкѣ, въ поэзiи и въ живописи говорить азыкомъ давно минувшихъ временъ, сочинилъ квартетъ для этихъ безыменныхъ инструментовъ. Говорать, что ихъ звуки имѣютъ особенную, меланхолическую прелесть...

С. Рачинскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

При разсмотрѣнiи историческихъ явленiй и событiй не должно смѣшивать двухъ существенно различныхъ вопросовъ: иной вопросъ, въ какой мѣрѣ данныя явленiя соотвѣтствуютъ своей идеѣ; иной вопросъ, въ какой мѣрѣ вынуждены они необходимостью времени. Это два совершенно различныхъ основанiя для оцѣнки, и очень часто то, что въ самомъ себѣ не имѣетъ удовлетворительнаго смысла, оказывается дѣломъ неизбѣжнымъ, единственно возможнымъ при соображенiи обстоятельствъ. Система, не выдерживающая строгой критики, не удовлетворяющая требованiямъ разума, оскорбляющая убѣжденiя, завѣщанныя историческимъ прогрессомъ, можетъ, какъ данный фактъ въ известную эпоху, быть явленiемъ совершенно рациональнымъ, совершенно логически вытекающимъ изъ условiй, также завѣщанныхъ исторiей, изъ требованiй также рациональныхъ, — рациональныхъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношенiи, что запечатлѣны роковою необходимостью факта.

Съ какой бы точки зрѣнiя ни смотрѣть на систему, господствующую теперь во Францiи, нельзя не признать, что она вызвана необходимостью и соотвѣтствуетъ потребностямъ обстоятельствъ. Не Лудовикъ Наполеонъ виноватъ въ томъ порядкѣ вещей, который господствуетъ нынѣ во Францiи. — виновата въ томъ сама Францiя, виновата въ томъ ея исторiя, виноваты обстоятельства, которыя съ роковою послѣдовательностью проистекли одно изъ другаго и тѣсно связаны между собою. Каковы бы ни были приговоры, которые ис-

торикъ произнесетъ надъ тѣми или другими лицами, онъ признаетъ необходимость факта; онъ отдастъ справедливость благороднымъ голосамъ, свидѣтельствующимъ о тѣхъ началахъ, на которыхъ долженъ основываться истинный порядокъ, свидѣтельствующимъ не съ тѣмъ, чтобы волновать современное общество, но съ тѣмъ, чтобы возстановить въ умахъ утраченное равновѣсіе, и возвышать ихъ надъ условіями даннаго времени, освѣжая ихъ мыслию о всепримиряющей цѣли всякаго историческаго развитія. Будущій историкъ объяснить также, въ какой мѣрѣ содѣйствовало къ достиженію этой цѣли даже то, что повидимому было рѣшительнымъ уклоненіемъ отъ нея; онъ найдетъ, въ тѣхъ самыхъ фактахъ, которые повидимому подавляли нравственныя потребности человѣческой природы, неизбѣжныя средства къ достиженію будущаго полнѣйшаго удовлетворенія ихъ.

Совершенное разложеніе всѣхъ общественныхъ основъ, нравственный упадокъ, чувствуемая повсюду бездна, грозящая поглотить все, чѣмъ держится жизнь человѣческая, — вотъ что составляетъ необходимость и силу наполеоновской имперіи. Пока во Французскомъ народѣ не народится великое начало самообладанія и самоограниченія, которое есть въ одно и то же время начало самаго прочнаго порядка и истинно-человѣческой свободы, до тѣхъ поръ публицисты наполеоновской школы будутъ правы, утверждая, что нынѣ дѣйствующая во Франціи система есть національная французская система, и до тѣхъ поръ ей не страшны никакія нападенія, и даже въ случаѣ какихъ бы то ни было потрясеній и переворотовъ, она всегда всплыветъ наверхъ въ той или другой формѣ; а когда родится то великое начало, тогда она безъ всякихъ насильственныхъ катастрофъ, сама собою, уступитъ мѣсто другой системѣ.

Какъ бы ни враждовали въ душѣ противъ нынѣшней французской имперіи, и противъ нынѣшняго императора Французовъ, нѣкоторые лица и обрывки политическихъ партій, — Франція спокойна, и если чѣмъ она тревожится, то развѣ опасеніемъ за жизнь императора.

Во всѣхъ европейскихъ журналахъ, съ негодованіемъ и омерзеніемъ, извѣщалось о новомъ покушеніи на эту жизнь. Французскіе журналы утѣшали себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что покушеніе это было задумано не на французской почвѣ и совершено было не французскими руками. Еще съ іюня мѣсяца прошедшаго года подозрѣвали существованіе заговора, нити котораго, какъ кажется, сосредоточивались въ рукахъ политическихъ выходцевъ, проживающихъ въ Лондонѣ. Французскому правительству дѣлались предостереженія съ разныхъ сторонъ. Полиція, разумѣется, принимала всѣ нужныя мѣры, но несмотря на всю ея бдительность, злоумышленники успѣли черезъ бельгійскую границу пробраться во Францію,

проникнуть въ Парижъ и тамъ приготовиться къ исполненію своего замысла. Дѣло произошло 14 января, въ восемь часовъ вечера, когда придворная карета, въ которой находились императоръ и императрица, подъѣзжая къ Оперному театру, гдѣ они располагали присутствовать на представленіи. Вдругъ раздался взрывъ двухъ ручныхъ гранатъ и вскорѣ за тѣмъ третьей. Лошади пали на мѣстѣ. Но прежде чѣмъ раздался третій взрывъ, сидѣвшіе въ каретѣ успѣли выскочить изъ нея и тѣмъ спасли себя отъ гибели, потому что гранату разорвало подъ каретой, которую сила взрыва подбросила на воздухъ, и она развалилась, несмотря на толстые желѣзные листы, которыми была окована. Не только императоръ, но и супруга его обнаружили при этомъ замѣчательное мужество и присутствіе духа. Къ счастью, ни онъ, ни она не пострадали нисколько. Площадь передъ театромъ внезапно превратилась въ поле побойща: ее покрыли множество раненныхъ или убитыхъ. Кто еще оставался на ногахъ, тотъ или бѣжалъ, или старался поймать бѣжавшаго. Число раненныхъ простирается до 150 человекъ; въ томъ числѣ немало убитыхъ на мѣстѣ, или умершихъ отъ ранъ. Одинъ Итальянецъ, какъ послѣ оказалось, родомъ изъ Флоренціи, былъ схваченъ еще за нѣсколько времени до взрыва, и въ карманѣ у него найдена одна изъ тѣхъ разрывныхъ гранатъ, которыхъ дѣйствіе было такъ губительно. Этотъ Пьерри, какъ кажется, былъ главнымъ руководителемъ покушенія. Вскорѣ былъ схваченъ и еще одинъ изъ его товарищей, графъ Орсини. Слѣдствіе было начато немедленно. Нѣтъ ни одной черты во всемъ этомъ событіи, которая хоть сколько-нибудь облегчала бы отвѣтственность этихъ бандитовъ передъ судомъ Божескимъ и человѣческимъ. Это повтореніе *адской машины* Фіески. Тутъ все возмутительно: и первоначальный замыселъ, и способъ, какимъ онъ приведенъ въ исполненіе.

Взрывъ былъ слышенъ далеко въ окрестности. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Публика въ театрѣ была въ страшномъ испугѣ, и появленіе императора въ ложѣ было встрѣчено единодушнымъ энтузіазмомъ. Рукоплесканіямъ и изъявленіямъ радости не было конца. Между тѣмъ вѣсть о происшедшемъ облетѣла Парижъ; на главныхъ улицахъ мгновенно запылала иллюминація, и на возвратномъ пути толпы народа встрѣчали императора громкими выраженіями своего сочувствія (1).

Вотъ какъ ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто теперь въ Парижѣ достаточно одного выстрѣла, чтобы взбудоражить все народонаселеніе,

(1) Ниже (см. *Смѣсь*) сообщаемъ мы только что полученное письмо отъ одной нашей соотечественницы, находящейся теперь въ Парижѣ, писанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшествія, котораго она была свидѣтельницею.

поднять баррикады, произвести всеобщую рѣзню. Слава Богу, ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ!

На другой день всѣ государственныя сословія представили императору поздравительныя адреса, изъ которыхъ особенною энергіею отличались рѣчь г. Тролона (предсѣдателя сената) и рѣчь гр. Морниа (предсѣдателя законодательнаго сословія).

18-го января открылись на 1858 годъ засѣданія сената и законодательнаго сословія. Рѣчь императора получила, естественно, особое значеніе послѣ описаннаго событія.

«Правительство, говоритъ императоръ, слѣдовало въ истекшемъ году своимъ прогрессивнымъ и правильнымъ путемъ, безъ всякой тщеславной хвастливости. Часто высказывалось мнѣніе, будто для управленія Франціей необходимо безпрестанно давать, какъ пищу, народному духу какой-нибудь поразительный театральнй эффектъ. Я думаю напротивъ, что достаточно лишь дѣлать добро, чтобы заслужить довѣріе страны.» Затѣмъ императоръ исчисляетъ полезныя результаты дѣятельности правительства въ истекшемъ году. По части земледѣлія, снова была разрѣшена вывозъ зерна и употребленіе его на винокурениіе, и поддержка со стороны банка усилила поземельный кредитъ. По части публичныхъ работъ, важнѣйшіе результаты суть: 1,530 километровъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ въ 1857 году для обращенія, 2,610 километровъ вновь уступленныхъ компаніямъ для проведенія желѣзныхъ дорогъ; далѣе устроены новыя пути сообщенія, предприняты дѣятельныя розысканія для предупрежденія бѣдствій, происходящихъ отъ наводненій, улучшеніе портовъ и т. д. По части народнаго просвѣщенія, императоръ находитъ также, что было сдѣлано много полезнаго. «Преподаваніе стало религіознѣе и нравственнѣе, оно возвышается съ стремленіемъ къ здоровой гуманности (*vers les saines humanités*) и къ полезнымъ знаніямъ.» Особенное вниманіе заслуживаетъ слѣдующее затѣмъ мѣсто о свободѣ вѣроисповѣданія. Это начало, которое еще съ такимъ трудомъ пробивается въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, даже въ тѣхъ, какъ недавно видѣли мы въ Швеціи, гдѣ самое свойство господствующаго вѣроисповѣданія должно было бы требовать полнѣйшей вѣротерпимости, — начало это утвердилось, какъ кажется, во Франціи, и есть одинъ изъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ плодовъ ея исторіи. «Воля правительства, говоритъ Наполеонъ III, состоитъ въ томъ, чтобы начало религіозной свободы прилагалось искренно, хотя и съ сознаніемъ, что католическая религія есть религія большинства Французскаго народа. А потому религія эта никогда не пользовалась ни большимъ уваженіемъ, ни большою свободою... Вѣроисповѣданія — лютеранское и реформатское, равно какъ и еврейская религія, получаютъ, въ справедливой соразмѣрности, пособія отъ государства, а также пользуются его покровительствомъ.»

Какъ сказано, начало вѣротерпимости неотъемлемо принадлежить теперь Франціи, какъ плодъ всего ея развитія, и не связано ни съ какими учрежденіями. Но еще весьма недавно, въ одномъ изъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, было показано, а полу-официальными французскими газетами не опровергнуто какъ слѣдуетъ, что начало это вовсе не такъ широко и полно прилагалось французскою администраціею, какъ того требуетъ французское законодательство.

Экономическія затрудненія относительно содержанія чиновниковъ и вообще лицъ, находящихся на государственномъ жалованьи, о чемъ недавно была рѣчь въ нашемъ журналѣ (1), чувствуются повсюду. Говоря объ этомъ, императоръ выразился слѣдующимъ образомъ: «Возвышеніе цѣнностей и всѣхъ вещей обязало насъ въ прошедшемъ году увеличить жалованье, соединенное съ должностями, которыя вознаграждались менѣе прочихъ.»

Далѣе исчисляются благотворительныя мѣры. Упомянувъ о бюджетѣ на предбудущій 1859 г., императоръ сказалъ нѣсколько словъ о финансовомъ кризисѣ, котораго дѣйствіе отразилось на французской торговлѣ, хотя она, среди этого всеобщаго кризиса, умѣла сохранить твердость своего положенія. Увеличеніе доходовъ, прямыхъ и косвенныхъ, въ истекшемъ году, простиралось до 38 милліоновъ франковъ. Изъ различныхъ законодательныхъ проектовъ, долженствующихъ подвергнуться рассмотрѣнію въ нынѣшнемъ году, императоръ указываетъ на законъ, имѣющій цѣлю облегчить тяжесть, падающую на мелкихъ плательщиковъ государственныхъ повинностей; далѣе упоминаетъ о новомъ военномъ кодексѣ для флота, о предложеніи употребить 20 милліоновъ, остающихся отъ займовъ, на окончаніе работъ, имѣющихъ цѣлю обезопасить города отъ наводненія.—Покореніе Кабилии окончательно упрочило владычество Франціи въ Алжирѣ. «Армія, говорить императоръ, которой уже болѣе не съ кѣмъ тамъ сражаться, будетъ бороться съ другаго рода трудностями, открывая желѣзныя дороги, столь необходимыя для развитія благосостоянія нашей колоніи.» За этимъ, весьма естественнымъ переходомъ, императоръ коснулся Шалонскаго лагеря: «это великая школа, которая поддержитъ военный духъ и военное образованіе на той высотѣ, на которую они поднялись теперь во Франціи.» Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, вспомянутыхъ благоговѣнія къ военной славѣ своего дяди, императоръ припомнилъ о мѣрахъ, принятыхъ имъ для вознагражденія старыхъ сподвижниковъ Наполеона I-го и объ учрежденіи медалей для всѣхъ лицъ, служившихъ подъ его знаменами, какимъ бы странами они ни принадлежали.

(1) *Русскій Вѣстникъ* № 24, 1857 г., статья *О жалованьи чиновниковъ въ Германіи.*

«Нашъ флотъ, говоритъ далѣе императоръ, поддерживаетъ на всѣхъ моряхъ честь нашего флага. Въ Китаѣ, онъ дѣйствуетъ согласно съ англійскимъ флотомъ, чтобъ получить удовлетвореніе за общія непріятности, и чтобъ отмстить за кровь нашихъ миссіонеровъ. Сношенія Франціи съ иностранными державами никогда не были въ лучшемъ положеніи; наши прежніе союзники, вѣрные чувствованія, родившіеся изъ общаго дѣла, попрежнему свидѣтельствуютъ намъ о своемъ довѣрїи, а новые, своими добрыми поступками, своимъ добросовѣстнымъ содѣйствіемъ во всѣхъ великихъ вопросахъ, почти заставляютъ насъ сожалѣть, что мы были въ войнѣ съ ними. Я могъ убѣдиться, въ Осборнѣ, равно какъ и въ Штутгартѣ, что желаніе мое сохранить искренность прежнихъ связей, также какъ и желаніе вступить въ новыя, равно раздѣлялось главами двухъ великихъ державъ. Если политика Франціи оцѣнивается въ Европѣ по достоинству, то происходитъ это оттого, что мы вступаемся лишь въ тѣ вопросы, которые касаются насъ, или какъ націй, или какъ великой европейской державы; вотъ почему я и остерегался выѣзжать въ вопросъ о герцогствахъ, который волнуетъ теперь Германію, потому что вопросъ этотъ—чисто германскій и будетъ оставаться германскимъ дотолѣ, пока цѣлость Датской монархіи не подвергнется опасности. Если же напротивъ я выѣхалъ въ нештательское дѣло, то это лишь потому, что король прусскій пожелалъ моихъ дружескихъ услугъ, и я былъ счастливъ, что въ этомъ случаѣ содѣйствовалъ окончанію распри, которая могла бы стать опасною для спокойствія Европы. Относительно княжествъ удивлялись нашему разногласію съ нѣкоторыми изъ нашихъ союзниковъ: дѣло въ томъ, что Франція, въ своей безкорыстной политикѣ, всегда покровительствовала, сколько то дозволялось ей договорами, желаніямъ народонаселеній, обращавшихъ къ ней свои взоры. Тѣмъ менѣе, на конференціи, которая откроется въ Парижѣ, принесемъ мы духъ примиренія, могущій облегчить трудности нераздѣльныя съ разногласіемъ нѣвѣй».

Мы не можемъ не выразить полнаго нашего сочувствія всей той части рѣчи императора, въ которой обозначается характеръ вѣшной политики Франціи. Наполеонъ III остается вѣренъ преданіямъ этой безкорыстной политики, которою всегда отличалась эта страна, и онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что Франція не остается равнодушною къ желаніямъ народовъ, взоры которыхъ обращаются къ ней. Если той благой мысли, въ которой сошлись Россія и Франція относительно соединенія княжествъ, не суждено осуществиться въ настоящее время, то заслуга этой политики оттого не умалится, а сѣмя, брошенное ею, не пропадетъ даромъ. Какъ безкорыстно Франція дѣйствовала въ этомъ вопросѣ, такъ точно дѣйствуетъ она теперь, сколько намъ извѣстно, въ пользу христіанскаго народонаселенія Турціи, которое подвергается самымъ тяжкимъ испытаніямъ.

Мы надѣемся вскорѣ представить читателямъ обзоръ положенія дѣлъ въ тѣхъ провинціяхъ Турціи, которыя заселены народомъ намъ близкимъ по происхожденію и вѣрѣ. Ниже представимъ мы нѣсколько данныхъ, а теперь возвратимся къ рѣчи императора Французовъ.

Недовольствуясь характеристикой внѣшней и внутренней политики Франціи, онъ находитъ полезнымъ объяснить значеніе того начала, которое выражается въ имперіи и представляется въ его лицѣ. Онъ утверждаетъ, что начало это вовсе не чуждо дѣлу прогресса и просвѣщенія, что имперія вовсе не желаетъ подавлять благородныя и великодушныя стремленія, вовсе не враждебна великимъ началамъ 1789 года. «Нѣтъ, восклицаетъ онъ, имперія начертала эти начала во главѣ своего уложенія; она искренно допускаетъ все, что можетъ облагораживать сердца и возбуждать умы ко благу.» Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ прямо высказываетъ, что имперія хочетъ власти сильной, способной побѣждать препятствія, встрѣчаемая ею въ своемъ движеніи, ибо «не забудемъ, прибавляетъ онъ, путь всякой новой власти есть долго путь борьбы.» Онъ находитъ, опираясь на исторію, что свобода безъ стѣсненій не возможна, пока въ странѣ существуетъ партія, не признающая коренныхъ основъ правительства. «Ибо тогда, говоритъ онъ, свобода, вмѣсто того, чтобы вразумлять, контролировать, улучшать, служить въ рукахъ партій лишь орудіемъ разрушенія.»

Въ этихъ послѣднихъ словахъ императора заключается какъ бы цѣлое политическое ученіе. Изъ нихъ явствуетъ, что онъ считаетъ возможнымъ согласить основу своей имперіи съ такою свободою, которая могла бы контролировать, и признаетъ, что она была бы полезна для самого правительства, ибо могла бы вразумлять и улучшать. Онъ какъ бы слагаетъ съ себя отвѣтственность за отсутствіе такой свободы въ нынѣшней Франціи: свобода не возможна въ томъ обществѣ, гдѣ есть люди, не признающіе основъ его и готовые, при первой возможности, ниспровергнуть всякій порядокъ. Нельзя не согласиться, какъ замѣтили мы выше, что во Франціи есть такіе разрушительные элементы, но развѣ нѣтъ ихъ, напримеръ, въ Англіи? И въ нихъ ли вся бѣда? Что значили бы эти элементы, хотя бы число ихъ было вдвое, втрое, вдесятеро сильнѣе, еслибъ основы общества были неизблемы и безспорны?.. Надобно, чтобы господствующій порядокъ былъ не на словахъ только, а на дѣлѣ согласенъ съ истинными потребностями человѣческой природы, и давалъ бы въ себѣ просторъ для развитія всѣхъ ея интересовъ; надобно, чтобы онъ былъ дорогъ всѣмъ и каждому, и тогда ему нечего опасаться какой-нибудь крамольной фракціи. Но если устроеніе порядка будетъ сообразоваться главнымъ образомъ съ существованіемъ этой крамольной фракціи, если онъ будетъ расчитанъ только на то, чтобы противодействовать враж-

дебнымъ элементамъ, то онъ неминуемо долженъ будетъ пожертвовать своими внутренними цѣлями, которыя однѣ могли бы упрочить порядокъ, чрезмѣрно развитому инстинкту самохраненія, который можетъ лишь временно поддерживать порядокъ, но никогда не успѣетъ укоренить и упрочить его. Если путь правительства будетъ *долгое время ничѣмъ инымъ какъ только борьбою*, то можетъ-быть и не удастся ему выйти изъ борьбы; борьба останется постояннымъ его характеромъ, и если народу суждено что-либо лучшее, то къ этому лучшему можетъ-быть суждено ему будетъ придти уже подъ другимъ знаменемъ. Императоръ далѣе объявляетъ торжественно, что полученная имъ власть дорога ему лишь для того, чтобъ основать во Франціи что-нибудь прочное, и находить, что опасность заключается не въ чрезмѣрныхъ преимуществахъ власти, а въ отсутствіи стѣснительныхъ законовъ. Дай Богъ, чтобы Наполеонъ III достигъ своей цѣли основать что-либо прочное, но думаемъ, что могутъ быть разногласія относительно способа опредѣлять прочность общественныхъ созиданій. Императоръ особенно жалуется на послѣдніе выборы. «Несмотря на удовлетворительный результатъ ихъ, говоритъ онъ, они во многихъ мѣстахъ представили прискорбное зрѣлище; враждебныя партіи воспользовались ими для того, чтобы волновать страну, и нашлось нѣсколько человѣкъ, которые, громко признавая себя врагами національныхъ учреждений, обманывали избирателей ложными обѣщаніями, и пріобрѣтши ихъ голоса, отвергали ихъ потомъ съ пренебреженіемъ;» императоръ изъявляетъ желаніе, чтобы подобный скандалъ не возобновлялся, и для этого считаетъ нужнымъ обязывать къ предварительной присягѣ всѣхъ, являющихся кандидатами на выборы. Тонъ рѣчи становится все суровѣе и строже. Императоръ находить нужнымъ, для умиротворенія умовъ, отыскать средства наложить молчаніе на крайнія и крайольныя оппозиціи: «Не тягостно ли, восклицаетъ онъ, видѣть, что въ странѣ спокойной, благоденствующей, уважаемой въ Европѣ, находятся люди, порицающіе правительство, которому они обязаны своею безопасностію, между тѣмъ какъ другіе пользуются своими политическими правами лишь для того, чтобы подкапываться подъ учрежденія?»

Мы еще не получили англійскихъ журналовъ, въ которыхъ обсуждается рѣчь императора; очень вѣроятно, что тамъ спросятъ, какимъ образомъ нѣсколько человѣкъ могутъ быть опасны въ странѣ, благоденствующей подъ стѣнью своихъ національныхъ учреждений, и можно ли, ради этихъ нѣсколькихъ человѣкъ, подвергать образованную и мыслящую часть общества стѣснительнымъ законамъ? Пусть умолкнутъ крайольныя партіи, если онѣ есть, это хорошо; но худо, если вмѣстѣ съ ними должны будутъ умолкнуть и лучшія части общества, его благороднѣйшіе умы, худо уже потому, что прочность общественнаго зданія опредѣляется преимущественно ихъ симпатіей.

Рѣчь свою императоръ заключаетъ словами, внушенными ему недавнимъ покушеніемъ на его жизнь, покушеніемъ, въ которомъ однако не виновата Франція. Вотъ слова эти: «Благодарю Небо за видимое покровительство, и скорблю о томъ, что погублено столько людей для того, чтобы покуситься на жизнь одного человѣка. Тѣмъ не менѣе изъ этого заговора можно извлечь не одинъ полезный урокъ: первый—тотъ, что партіи, прибѣгающія къ убійству, доказываютъ этими отчаянными средствами свою слабость и безсиліе, второй тотъ, что никогда убійство, еслибъ удалось ему совершиться, не приноситъ пользы дѣлу тѣхъ, кто вооружилъ руку убійцъ. Ни партія, поразившая Цезаря, ни та, которая поразила Генриха IV, не воспользовались плодами убійства. Богъ допускаетъ иногда смерть праведнаго, но никогда не дозволяетъ, чтобы торжествовало дѣло, прибѣгающее къ преступленію. Оттого—то эти покушенія не отнимаютъ у меня ни спокойствія въ настоящемъ, ни вѣры въ будущее: пока я живъ, будетъ жива со мною и имперія; а если я паду, то самая смерть моя только утвердитъ имперію, потому что негодованіе народа и арміи будетъ новою поддержкою для моего сына.»

Гнушаясь этимъ отвратительнымъ злодѣяніемъ, которому нѣтъ имени, мы пожелаемъ только, чтобы тронъ Наполеона III и его сына нашелъ себѣ опору въ чемъ-нибудь лучшемъ, нежели въ чувствѣ негодованія противъ презрѣнныхъ убійцъ, или въ чувствѣ страха, внушаемаго обществу' крамольными партіями.

Строгій тонъ, съ которымъ императоръ выразился о крайнихъ оппозиціяхъ, не замедлилъ отозваться и на дѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней по произнесеніи этой рѣчи, подверглись окончательному запрещенію два періодическія изданія въ Парижѣ: *Revue de Paris* и *Spectateur*. Первое изданіе служило выраженіемъ республиканской партіи, и дѣйствительно вдавалось въ мнѣнія крайнія и рѣзкія. Что же касается до *Spectateur*, то при всемъ своемъ оппозиціонномъ характерѣ, оно вовсе не преслѣдовало какихъ-нибудь противообщественныхъ цѣлей. Нѣкоторыя статьи, въ немъ помѣщенные, могли не нравиться правительству, и вызывать возраженія со стороны полуофіціальныхъ органовъ его, но, дурно ли или хорошо, онъ дѣйствовалъ съ цѣлью оказывать правительству тѣ услуги, которыхъ, какъ мы сейчасъ видѣли, императоръ ожидаетъ отъ разумной свободы. *Spectateur*, какъ и нѣкоторые другіе журналы, напримѣръ *Journal des Débats*, *Revue des deux Mondes*, хотѣлъ быть органомъ независимымъ, а только независимый органъ можетъ быть къ чему-нибудь полезенъ и къ чему-нибудь пригоденъ. Конечно, очень многому изъ напечатаннаго въ *Spectateur* нельзя сочувствовать, со многимъ можно не соглашаться и многое можно опровергать, но элементовъ противообщественныхъ, разрушительныхъ, подкапывающихся подъ основы общественнаго по-

рядка, въ немъ не было. Это, какъ извѣстно, тотъ самый журналъ, который прежде носилъ названіе *L'Assemblée Nationale*, первоначально основанный въ интересѣ сліянія партіи орлеанской и партіи лигитимистовъ. Правительство гораздо лучше, гораздо вѣрнѣе можетъ обезоружить подобные органы прежнихъ партій, усвоивъ себѣ тѣ общіе интересы, которыми они завладѣли, и не допускать, чтобы эти общіе интересы стали исключительною принадлежностью какого-нибудь другаго династическаго знамени. Независимые органы не будутъ враждебны наполеоновской династіи, если подл ея знаменемъ окажутся всѣ тѣ коренныя начала, которыя дороги независимому общественному мнѣнію, а еслибъ и послѣ того эти изданія продолжали упорствовать въ эгоистическомъ духѣ партій, то они зачали бы и исчезли бы сами собою, лишеныя всякихъ живительныхъ соковъ.

Какъ бы взаимнѣ закрывшихся изданій, недавно открылся въ Парижѣ новый литературный журналъ, подл названіемъ *Le Réveil*, куда перенесъ свою дѣятельность пресловутый Гранье де-Кассаньякъ, притупившій свое политическое перо, и очинившій теперь перо литературное, съ тѣмъ, чтобы распространять въ литературѣ и въ обществѣ вліяніе официальныхъ идей. Первая статья его, подл названіемъ: *Silence à l'orgie*, обратила на себя общее вниманіе, на которое впрочемъ имѣло уже право по одному своему заглавію. Въ этой статьѣ ветеранъ бонапартистской публицистики громитъ современное направленіе литературы, которое едва ли и будетъ кто-нибудь защищать. Но интересно высказанное по этому поводу мнѣніе англійской журналистики. Вотъ что между прочимъ сказано въ *Times*: «Врачебныя средства, предлагаемыя г. де-Кассаньякомъ, бесполезны; причины, которымъ онъ приписываетъ зло, вовсе не истинныя причины. Адвокатъ бонапартизма желаетъ объяснить духовную скудость высшей литературы и безнравственность драмы и романа неограниченною свободою лицъ и книгопечатанія. Но политическая философія не совсѣмъ еще вымерла у Французовъ, даже при второй ихъ имперіи, и между ними найдутся люди, которые докажутъ ему, что нынѣ въ самыхъ свободныхъ странахъ господствуетъ и наибольшая чистота въ литературѣ, и что ни въ какомъ англо-саксонскомъ обществѣ не могли бы печататься такія книги и даваться на сценѣ такія піесы, какими ежедневно наслаждается парижская публика. Да и дѣло оттого ни мало не измѣнится, если подвергнется новому стѣсненію то, что еще осталось отъ французской литературы. Новый журналъ, какъ кажется, хочетъ нападать на всѣ философскія, историческія и политическія произведенія, которыя не согласуются съ наполеоновскими идеями (*les idées napoléoniennes*). Нѣкоторые періодическія изданія и ежедневныя листки еще удержали слѣдъ независимости: еще есть два, три человѣка, спокойно и твердо защищающіе тѣ уче-

вія, отъ которыхъ Франція отпала. Они должны подвергнутъ ся бичеванію, наравнѣ съ сочинителями скандальныхъ піесъ и романовъ. Такъ какъ г. де-Классаньякъ въ политикѣ не дѣлаеъ никакого различія между свободнымъ изслѣдованіемъ и проповѣдью коммунизма и бунта, то онъ не можетъ постигнуть и различія между такимъ писателемъ, который не сочувствуетъ наполеонизму, и такимъ, который отвергаетъ всякую нравственность. Но отъ такого реформатора мало можемъ мы ожидать уроку. Мы знаемъ, что пороки Франціи проистекли изъ системы стѣсненія, а не свободы, и что упадокъ общественной нравственности, въ послѣдніе годы совершеннаго подчиненія и безгласія, сталъ еще глубже.»

Въ послѣднія двѣ недѣли столбцы газетъ преимущественно были звяты некрологами. Много знаменитостей, въ это короткое время, сошло со сцены: генералъ Гевлокъ, ланкоскій герой, котораго имя стало такъ славно и такъ всѣмъ сочувственно, Решидъ-Паша, великій вазирь, фельдмаршалъ Радецкій, наконецъ знаменитая артистка Рашель.

Извѣстіе о смерти генерала Гевлока поразило всю Англію глубокою скорбію. Въ Ливерпулѣ всѣ корабли спустили свои флаги; въ другихъ городахъ, при полученіи извѣстія объ его смерти, закрылись лавки. Его оплакивають, какъ оплакивалъ Англійскій народъ лучшихъ героевъ своихъ. Совершивъ чудеса мужества и отваги, выдержавъ страшную осаду, онъ палъ жертвою не оружія, но болѣзни, когда опасность, въ которой онъ находился, миновалась, когда ожидали его и новыя торжества, и новая слава. Онъ умеръ отъ кроваваго поноса 25-го декабря, еще не узнавъ объ изъявленной ему въ Англіи всенародной благодарности и тѣхъ наградахъ, какія готовила ему королева и парламентъ. Его возвышеніе въ достоинство баронета послѣдовало 26-го декабря, то-есть на другой день по его кончинѣ. Вмѣстѣ съ смертію Гевлока пришли дальнѣйшія извѣстія изъ Ауда. Мы не будемъ сообщать ихъ въ подробности, потому что до сихъ поръ еще не получено совершенно точнаго и обстоятельнаго описанія событій. Сэръ-Коллинъ Кампбелъ не могъ продолжать своихъ дѣйствій подъ Лакно и долженъ былъ возвратиться къ Канпуру, оставивъ въ Алумбагѣ генерала Отрама. Причиною тому была опасность, грозившая Канпуру отъ гваліорскихъ мятежниковъ, которые нанесли поражение генералу Виндгаму, вырѣзавъ цѣлыя два полка изъ его отряда. Главнокомандующій прибылъ вовремя, чтобы разбить и разсѣять собравшихся подъ Канпуромъ мятежниковъ. По послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ, остатки ихъ были окончательно разсѣяны генераломъ Грантомъ при Шорапурѣ, гдѣ они хотѣли переправиться черезъ Гангъ.

Графъ Іосифъ Радецкій, чешскаго происхожденія, родился въ Требниці, въ Богеміи, 2-го ноября, 1762 г., а скончался въ Миланѣ

3-го января нынѣшняго года, слѣдовательно почти 92 лѣтъ отъ роду. Вся долгая жизнь его протекла на военномъ поприщѣ, которое совершалъ онъ самымъ почетнымъ образомъ; но имя его приобрѣло громкую славу лишь въ послѣдній поздній періодъ его дѣятельности, именно начиная съ 1848 года, когда этотъ осмидесятилѣтній герой поддержалъ своимъ мечемъ разсыпавшуюся Австрію и возвратилъ ей итальянскія ея владѣнія. Извѣщаютъ, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Фельдмаршалъ графъ Радецкій. Біографическій очеркъ, составленный по собственнымъ его указаніямъ и письмамъ.*

Въ прежнія времена могло бы показаться страннымъ, что между именами политическими встрѣчается имя актрисы. Но въ настоящее время было бы, во первыхъ, трудно провести рѣзкую черту разграниченія между политическимъ и не политическимъ, а вторыхъ было бы еще труднѣе руководствоваться старинными теоріями о томъ, что болѣе важно, и что менѣе важно. Въ одномъ изъ первостепенныхъ англійскихъ журналовъ, *Globe*, сказаны были по этому поводу даже слѣдующія слова, которыя не могли не показаться многимъ вопіющею нелѣпностью: «Радецкій, говоритъ *Globe*, былъ даровитый солдатъ, но для развитія своей націи онъ не сдѣлалъ ничего, и еще очень можно спросить, не оставила ли гениальная сценическая артистка болѣе прочную и болѣе плодотворную память, нежели австрійскій покоритель Италіи.» Слова эти по крайней мѣрѣ интересны какъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ времени. Впрочемъ эта характеристическая черта времени еще замѣнательнѣе обозначилась въ томъ впечатлѣніи, какое смерть Рашели произвела въ Парижѣ, не только во всѣхъ сферахъ общества, но даже въ сферахъ офіціальныхъ. Ея похороны дѣйствительно имѣли характеръ почти политической. Рашель умерла въ Канне, близъ Тулона, на тридцать восьмомъ году отъ рожденія. Ея агонія была медленна и мучительна. Телеграфъ тотчасъ же сообщилъ въ Парижъ объ ея кончинѣ, и Théâtre Français отмѣнилъ назначенное представленіе и закрылъ на тотъ вечеръ свою сцену. Тѣло было привезено въ Парижъ и предано погребенію въ еврейскомъ отдѣленіи кладбища отца Лашеза. На похоронахъ стеченіе народа было несмѣтное. Тутъ присутствовали министры, вся литература, все драматическое искусство. Журналы доселѣ еще наполняются статьями о ней, а извѣстный Жюль Леконтъ готовитъ къ изданію полную біографію знаменитой артистки.

Решидъ-паша умеръ скоропостижно отъ удара въ то время, когда недоразумѣніе, возникшее между нимъ и французскимъ посланникомъ Тувенелемъ, разсѣялось, и сближеніе ихъ общало много хорошихъ результатовъ, какъ для европейской дипломатіи, такъ и для внутреннихъ дѣлъ Турціи. При вѣсти о кончинѣ турецкаго великаго

визиря, европейскія газеты не замедлили отдать должную справедливость его достоинствамъ, какъ государственнаго человѣка, который усердно старался прививать формы европейской цивилизаціи къ своему отечеству; онъ много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, хотя мы не думаемъ, чтобы это могло принести большую пользу Турціи; она нуждается не въ формахъ цивилизаціи, а въ живомъ духѣ ея, котораго ей не достаетъ, и котораго Решидъ-паша, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могъ, конечно, вдохнуть въ нее. Несмотря на увѣренія, высказанныя въ *Times*, что Решидъ-паша дѣйствовалъ самостоятельно, и что лица опоры въ англійскомъ посланникѣ, онъ будто бы повиновался въ этомъ чувству собственнаго патриотизма, который, по мнѣнію упомянутой газеты, измѣряется въ турецкихъ государственныхъ людяхъ большимъ или меньшимъ подчиненіемъ ихъ англійскому вліянію, мы думаемъ напротивъ, что Решидъ-паша былъ слишкомъ угодливымъ пособникомъ чуждой политики, съ которою патриотизмъ его не могъ имѣть ничего общаго. Скажемъ еще, что ни жизнь, ни смерть Решидъ-паши не могутъ слишкомъ много значить для Турціи; жизнь его не спасла бы ее отъ внутренняго недуга, точно также какъ и смерть его не можетъ слишкомъ много усилить дѣйствіе этого недуга, который идетъ своимъ путемъ, не нуждаясь въ постороннихъ пособіяхъ для своего развитія. Всѣ признаки свидѣлствуютъ, что Турціи предстоитъ сильный кризисъ, болѣе опасный для ней, чѣмъ недавно окончившаяся война.

Сообщаемъ здѣсь кстатіи нѣкоторыя свѣдѣнія о возстаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европейской Турціи.

Вотъ что пишетъ корреспондентъ *Journal de Débats*:

«Христіане возстаютъ въ южной части Герцеговины; смятенія въ Боснѣ далеко не успокоены, а въ Албаніи, хотя тамъ и расположенъ значительный отрядъ войска, турецкое правительство, только цѣною уступокъ возмутившимся родамъ, успѣло купить ненадежное спокойствіе.

«Причина этихъ движеній повсюду одна и та же; вмѣсто исполненія обѣщаній, высказанныхъ въ гатти-гумаюнѣ, послѣдовали новые налоги; налоги эти взимаются откупщиками, которые требуютъ вчетверо болѣе чѣмъ слѣдуетъ; и безпрестанно встрѣчаются затрудненія въ установленіи обязательныхъ отношеній между поземельными владѣльцами и христіанскими райями; все это довершается самоуправствомъ властей, которое замѣняетъ собою законъ и вынуждаетъ искать милости, а не правосудія; обстоятельство весьма важное въ странѣ, гдѣ органы власти разьединены съ населеніемъ религіею и интересами.

«Въ Герцеговинѣ жители Баньяни и Крушевца заключили съ пашою договоръ, по силѣ котораго они обязались, вмѣсто взноса податей, содержать пандуровъ и иррегулярныя войска, расположен-

ныя въ этихъ странахъ. Въ прошломъ году войска выступили оттуда, и жители снова подчинились общему положенію, и должны были внести подати за этотъ годъ. Между тѣмъ откупщики податей, не принимая въ уваженіе договора паши, требовали взноса податей не за одинъ годъ, а за пять лѣтъ. Жители отказались, разумеется, удовлетворить такому несправедливому требованію; спѣшили однако же собрать подати за годъ, чтобы представить ихъ въ Мостаръ, и поручили это своимъ предводителямъ, съ тѣмъ чтобы они защищали передъ пашою интересы племени. Но никто изъ начальствующихъ въ племени не захотѣлъ принять на себя столь опасное порученіе. Они боялись, что въ отсутствіе европейскихъ консуловъ они могутъ быть задержаны, посажены въ тюрьму, и что племена ихъ, лишеныя своихъ начальниковъ, тотчасъ же уступятъ вымогательствамъ Турокъ. Собранныя подати остались въ кассахъ племени; никто не осмѣлился отвезти ихъ.

«Племена, не уплатившія податей, сочтены мятежниками, и противъ нихъ отправлены войска.

«Въ округѣ Дробнякъ человекъ четыреста иррегулярныхъ войскъ чинили различные безпорядки и насилія. Жители просили пашу вывести отъ нихъ этихъ разбойниковъ и предложили содержать въ Мостарѣ, на свой счетъ, столько заложниковъ, сколько паша назначитъ, избранныхъ изъ семействъ начальниковъ племени. Они увѣрили въ своей покорности и просили только освободить ихъ отъ этихъ иррегулярныхъ войскъ, соглашаясь заранее на всѣ условія, которыя предложатъ имъ за это освобожденіе. Паша не считалъ нужнымъ вывести войска. Тогда Дробнякъ, равно какъ и сосѣднія племена, не ожидая болѣе ничего отъ начальства, сами взяли за оружіе.

«Еще въ прошломъ году жители Пиры держали въ осадѣ роту иррегулярныхъ войскъ. Солдаты, зная ненависть къ себѣ жителей, не надѣялись войти съ ними въ какиа-либо соглашенія и вынуждены были прибѣгнуть къ отчаянной оборонѣ; почти всѣ погибли. Этотъ фактъ все еще не образумилъ турецкаго начальство. Въмѣсто того чтобы принять мѣры къ успокоенію жителей, оно усладо только военные посты. Такъ распоряжаются и теперь. На мѣста смуть отправлены отряды регулярныхъ войскъ.

«Христіане, кажется, одержали верхъ въ первой схваткѣ, и потому надобно полагать, что возстаніе распространится; а какъ дороги, въ этой странѣ, бывають, въ зимнее время, непроходимы для войскъ, то христіане будутъ имѣть возможность приготовиться къ упорной оборонѣ.»

Въ пиемонтской палатѣ депутатовъ все еще продолжалась повѣрка выборовъ. Статьи, напечатанныя въ *Journal des Débats*, по вопросу о влѣшателствѣ духовенства въ выборы, произвели тамъ сильное впечатлѣніе. На благородный умъ графа Кавура не могло не подѣйствовать живое и зрѣлое слово французскаго публициста. Замѣчательно, что послѣ того онъ не принималъ никакого участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ, которыя шли горячо между либералами и католиками. Замѣчательно также то, что г. Ратацци, самый ревностный противникъ католической партіи, самый крайній членъ министерства, почти примыкающій къ лѣвой сторонѣ, вышелъ въ отставку. На запросъ г. Брофферіо о томъ, что означаетъ этотъ выходъ изъ министерства того лица, которое служило связью между лѣвою стороною и правительствомъ, министерство отвѣчало, что выходъ его не измѣнитъ направленія кабинета. Главный вопросъ, занимавшій палату, состоялъ въ томъ, имѣютъ ли каноники право избираться въ члены парламента. Много было сказано въ ту и въ другую сторону. Аргументомъ противъ канониковъ было то, что призваніе ихъ не въ политической, а церковной дѣятельности, еще же важнѣе то, что они принадлежатъ къ составу особаго цѣлаго, которое само есть какъ бы государство и имѣетъ главу свою въ римскомъ владыкѣ, такъ что существенные интересы страны не могутъ, безъ нѣкотораго опасенія, довѣряться лицамъ, которые могутъ быть не только чужды, но и враждебны имъ. Аргументъ этотъ очень силенъ, и каноникамъ трудно опровергнуть его. Рѣшить вопросъ о томъ, могутъ или не могутъ католики засѣдать въ парламентѣ, оказалось не удобнымъ въ предварительныхъ засѣданіяхъ, когда еще парламентъ не совсѣмъ опредѣлился въ своемъ составѣ. Было рѣшено только подвергнуть слѣдствію выборъ нѣкоторыхъ изъ канониковъ, а нѣкоторыхъ, не удовлетворявшихъ требованіямъ по-вѣрки, исключить.

Испанская королева открыла свои палаты. Пространная рѣчь, произнесенная ею по этому случаю, прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ для всей націи рожденіе принца Астурійскаго. «Этотъ новый залогъ прочности для трона, говоритъ она, уничтожаетъ и самую тѣнь суетныхъ обольщеній (карлистскихъ притязаній) и обозначаетъ новую эру спокойствія и благоденствія для королевства, открывая широкое поле для самыхъ радостныхъ надеждъ.» Такъ и дѣйствительно было принято рожденіе наследника престола, и слова королевы являются подтвержденіемъ общаго чувства. Но скоро ли дѣйствительно наступитъ «новая эра спокойствія и благоденствія» для Испаніи, это еще не извѣстно. Пока все еще чувствуются тамъ прежнія шатанія и неурядица партій, все еще шипитъ камарилья, все еще открытъ неизскаемый источникъ министерскихъ кризисовъ. Нынѣшняя тронная рѣчь

была программю недавно составившагося министерства Арmero, на которое вѣсти возлагалось столько надеждъ; королева объявляетъ о новыхъ проектахъ, финансовыхъ и административныхъ, которые министерство должно было внести для обсуждения въ палаты, и вотъ, черезъ нѣсколько дней по произнесеніи этой рѣчи, наступаетъ новый министерскій кризисъ, и гг. Арmero, Монъ, Бермудесъ и пр., оставляютъ свои портфели, а на мѣсто ихъ являются новыя лица, которыя, вѣроятно, захотятъ дѣйствовать по своей программѣ. Случилось это слѣдующимъ образомъ: многіе признаки заставляли думать, что въ собравшихся кортесахъ министерство не будетъ имѣть большинства; опасенія эти подтвердились выборомъ президента въ палатѣ депутатовъ: именно выбранъ г. Браво Мурильйо, такъ достаточно ознаменовавший себя своею реакціонною политикой. Для министерства оставались два конституціонные исхода: просить королеву либо уволить ихъ, либо распустить парламентъ, чтобы сама страна разсудила министерство съ своими представителями и показала новыми выборами, которая изъ двухъ сторонъ пользуется ея довѣріемъ и представляетъ собою ея истинные интересы. Королева колебалась нѣкоторое время; съ одной стороны она чувствовала, что министерство Арmero-Монъ, по своему направленію, могло бы весьма удовлетворительно начать общаеую новую эру для Испаніи; съ другой, ей трудно было освободиться отъ вліянія придворной партіи и личныхъ отношеній къ г. Браво Мурильйо. Наконецъ она рѣшилась, — и приняла прошеніе министровъ объ отставкѣ. Составленіе новаго кабинета возложено на г. Истурица, который впрочемъ представляетъ собою умѣренное направленіе. Кабинетъ уже составился. Многіе думаютъ, что онъ будетъ только степенью перехода къ министерству Браво Мурильйо.

Баронъ Мантейфель, въ рѣчи своей, при открытіи засѣданій прусскихъ палатъ, выразилъ твердую надежду на скорое и совершенное выздоровленіе короля. Онъ объявилъ, что его величество, актомъ новой делегаціи, поручилъ верховное управленіе дѣлами его высочеству принцу Прусскому. Потомъ упоминаетъ онъ о предстоящемъ союзѣ одного изъ принцевъ королевской фамиліи, близкаго къ трону, съ принцессою союзнаго, могущественнаго государства (Англіи). «Королевское правительство, — говоритъ онъ далѣе — согласно съ австрійскимъ кабинетомъ, сообщило союзному сейму содержаніе сношеній своихъ съ правительствомъ его величества короля датскаго, герцога гольштинскаго и лауенбургскаго, въ видахъ охраненія правъ Германіи. Мы намѣрены, собща съ прочими правительствами Германскаго Союза, настоятельно поддерживать германскія права и интересы.»

Упомянувъ о хорошемъ урожаѣ винограда въ провинціяхъ гдѣ онъ воздѣлывается, и о новыхъ сооруженіяхъ по части путей сообщенія, баронъ Мантейфель говоритъ объ успѣшномъ движеніи

торговли и промышленности, признавая однако вліяніе американскаго финансоваго кризиса на прусскую промышленность, и извѣщая палаты, что правительство, «желая смягчить, по возможности, дѣйствіе этого кризиса, не ослабляя слишкомъ много существующихъ законоположеній, сочло нужнымъ отмѣнить на трехмѣсячный срокъ ограниченія закономъ установленной нормы процентовъ», и что распоряженіе объ этомъ будетъ представлено на конституціонное утвержденіе палатъ, равно какъ проектъ закона объ упраздненіи рентныхъ банковъ и законъ объ установленіи условій политическихъ правъ жительства въ восточныхъ провинціяхъ. Въ заключеніе, президентъ совѣта министровъ изъясняетъ, что финансы Пруссіи находятся въ самомъ благопріятномъ положеніи, и что доходы государства возвысились.

Мы уже извѣщали нашихъ читателей, что одна изъ комиссій, назначенныхъ по парижскому трактату 30-го марта 1856 года, покончила свои засѣданія, составивъ проектъ правилъ судоходства по Дунаю и рѣчной полиціи; что Австрія, подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго которой состояла эта комиссія, несмотря на оппозицію французскаго правительства, продолжаетъ отрицать право парижской конференціи на просмотръ и окончательное рѣшеніе всего, что касается свободы Дуная. Вопросъ этотъ, въ послѣднее время, выступилъ на первый планъ, имъ занялись съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ газеты, а потому мы считаемъ себя обязанными подробно изложить его.

По естественному праву, полное господство и всѣ верховныя права надъ рѣками принадлежатъ тѣмъ государствамъ, по территоріи которыхъ онѣ протекаютъ. Эти государства могутъ распоряжаться ими на правахъ полной собственности, то-есть, исключительно пользоваться всѣми ихъ выгодами, усановлять правила плаванія и полицейскаго надзора, разрѣшать и запрещать другимъ государствамъ судоходство по этимъ рѣкамъ. Это начало собственности территоріальныхъ водъ, съ самыхъ первыхъ временъ развитія общенароднаго европейскаго права, послужило основаніемъ многочисленныхъ трактатовъ. Но съ развитіемъ торговли и промышленности, съ успѣхами цивилизаціи, когда больше и лучше стали понимать значеніе и важность судоходныхъ рѣкъ, сталъ развиваться и взглядъ болѣе сообразный съ этимъ значеніемъ и взаимными выгодами государствъ, а вслѣдствіе этого и естественное право исключительнаго господства необходимо должно было ограничиваться все болѣе и болѣе для пользы общей. Естественно также, что первое приложеніе этого взгляда отно-

силось къ рѣкамъ, пересѣкающимъ или раздѣляющимъ нѣсколько государствъ; здѣсь выгоды свободнаго судоходства были слишкомъ ясны, невыгоды исключительнаго права слишкомъ ощутительны. И вотъ первый примѣръ практическаго примѣненія этихъ началъ подаеть Франція въ договорѣ съ Германіей отъ 15-го августа 1804 года, о пошлинахъ съ рейнскаго судоходства. Этотъ знаменитый актъ признаеть Рейнъ рѣкою, общемою обоимъ государствамъ, и подробно опредѣляетъ все, что имѣеть отношеніе къ судоходству по немъ. Постановленія этой конвенціи можно считать переходною фазой въ движеніи вопроса о внутреннемъ судоходствѣ; въ нихъ подробно и часто весьма счастливо примирены начала естественнаго права и стремленія къ полной свободѣ. Договоръ этотъ въ послѣдствіи послужилъ основаніемъ и точкой исхода для работъ Вѣнскаго конгресса. Парижскій трактатъ 30-го мая 1814 года подвинулъ этотъ вопросъ еще далѣе. Въ немъ между прочимъ говорится: «Плаваніе по Рейну, съ того мѣста, гдѣ онъ становится судоходнымъ, до моря и обратно, будетъ совершенно свободно, и пользованіе имъ не будетъ воспрещено никому,» и далѣе: «на будущемъ конгрессѣ будетъ рассмотрѣно и окончательно рѣшено какимъ образомъ, для облегченія сообщеній между народами и для большаго сближенія ихъ между собою, эта свобода судоходства можетъ быть распространена и на всѣ судоходныя рѣки, протекающія по разнымъ государствамъ, или отдѣляющія одно государство отъ другаго.» Въ конференціи уполномоченныхъ 14-го декабря 1814 года, назначена была, для обстоятельнаго обсужденія и разрѣшенія этой задачи, особая коммиссія изъ представителей четырехъ державъ, наиболѣе заинтересованныхъ: Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи. Эта коммиссія открыла свои засѣданія въ Вѣнѣ 2-го февраля 1815 года, и призвала къ участию въ нихъ для установленія правилъ судоходства по Рейну, Шельдѣ и ихъ притокамъ, уполномоченныхъ отъ прибрежныхъ государствъ. Въ двѣнадцать засѣданій, эта коммиссія покончила 24-го марта свои работы, составивъ во первыхъ проектъ, въ 9 статьяхъ, общихъ правилъ рѣчнаго судоходства, и во вторыхъ 32 статьи о плаваніи по Рейну и 7 статей о плаваніи по пяти другимъ рѣкамъ. Изъ нихъ первые 9 статей вошли въ окончательный актъ Вѣнскаго конгресса отъ 9-го іюня 1815 года (статья 108 — 117), а остальные были предложены къ нему.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, начала, провозглашенныя этимъ актомъ: Всѣ рѣки, пересѣкающія или раздѣляющія государства, съ той точки, гдѣ онѣ становятся судоходными, и до устьевъ, признаются совершенно свободными и плаваніе по нимъ съ коммерческою цѣлью не можетъ быть возбранено никому. Система полицейскаго надзора и сбора пошлинъ, по возможности умѣренныхъ, однообразныхъ, неизмѣнныхъ, должна быть устроена наименѣе отяготительнымъ для судоходства образомъ. Всякое прибрежное государство, собирающее

пошлины, обязано за это взять на себя издержки по содержанию бичевника, маяковъ и необходимыхъ работъ по руслу рѣки, для облегченія судоходства и выгодъ торговли.

Таковы были начала, выработанныя этою комиссіей, составленною изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ того времени, комиссіей, которой баронъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, а извѣстный Мартенсъ — секретаремъ.

Но Вѣнскій конгрессъ не ограничился постановленіемъ однихъ общить началъ, приложеніемъ къ акту частныхъ постановленій, относящихся къ судоходству по Рейну, Неккару, Майну, Маасу, Мозелю и Шельдѣ,—поданъ былъ и примѣръ практическаго ихъ примѣненія.

Трактатъ 30-го марта 1856 года эти начала думалъ приложить къ судоходству по Дунаю; что Вѣнскій конгрессъ сдѣлалъ для рѣкъ центральной Европы — то Парижскій положилъ сдѣлать для Дуная.

Дунай судоходный почти на $\frac{9}{10}$ своего теченія (340 г. м.), будучи второю рѣкою въ Европѣ по длинѣ (374 г. м.) и по обширности своего бассейна (14,630 кв. м.), принимая въ себя до 120 рѣкъ, изъ которыхъ 34 судоходны, орошая по теченію своему множество государствъ, могъ бы имѣть огромное значеніе, какъ широкій соединительный путь между среднею и юго-восточною Европой, и если до сихъ поръ онъ уступаетъ въ значеніи не только Рейну и Эльбѣ, но даже Шельдѣ, Маасу и Везеру,—въ этомъ отчасти виновны только естественныя препятствія (подводные камни, пороги, необыкновенная быстрота при Оршовѣ), главнымъ же образомъ историческія обстоятельства судьбы его и политическія причины. Излишне было бы подробно указывать здѣсь на все значеніе, которое придастъ Дунаю свобода судоходства. Развитие его поведетъ за собою устраненіе естественныхъ препятствій: разчистятся гирла, взорвутся пороги и по всему теченію рѣки закипитъ торговая дѣятельность, что безъ сомнѣнія отзовется не только въ странахъ прибрежныхъ, но и распространитъ благотѣльные послѣдствія свои на Францію, Англію, Пруссію, Россію. Уже теперь появляются первые признаки ожидаемыхъ послѣдствій: страны, прилежащія къ Нижнему Дунаю, въ послѣднее время вступили въ сношенія съ Англіей, отправляя туда избытокъ своего хлѣба. Современемъ, при окончательномъ приложеніи началъ свободнаго плаванія, эти сношенія распространятся и на другія отрасли торговли, разовьются промышленныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственныя силы Дунайскихъ княжествъ, для которыхъ особенно важна свобода Дуная. Вотъ что побудило Парижскій конгрессъ включить въ условія трактата постановленія, которыя мы не нашимъ считаемъ привести здѣсь.

Статья 15-я Парижскаго трактата постановляетъ полное примѣненіе къ Дунаю и устьямъ его тѣхъ правилъ, которыя опредѣлены актомъ Вѣнскаго конгресса для судоходства по рѣкамъ, раздѣляю-

цямъ и пересѣкающимъ разныя государства. Это постановленіе, которымъ обезпечивается свобода плаванія по Дунаю на всемъ его протяженіи, признается въ этомъ трактатѣ принадлежностію общенароднаго европейскаго права, и утверждается взаимнымъ ручательствомъ договаривающихся державъ. Для приведенія распоряженій этихъ въ дѣйствіе, положено учредить комиссію, въ которой Россія, Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія, Сардинія и Турція должны имѣть каждая своего депутата, и на которую будетъ возложено предназначить и привести въ исполненіе всѣ работы для очистки дунайскихъ гирлъ отъ песку и всякихъ другихъ препятствій, встрѣчаемыхъ судоходствомъ. Для покрытія расходовъ на эти работы, равно какъ и на заведенія, имѣющія цѣлю облегчить и обезпечить плаваніе по гирламъ, предположено установить постоянный сборъ съ судовъ, соразмѣрный съ надобностію. На основаніи 17 статьи, предполагалось другой комиссіи, состоящей изъ уполномоченныхъ Австріи, Баваріи, Порты и Виртемберга, и комиссаровъ трехъ придунайскихъ княжествъ, поручить: 1-е, составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2-е, устранить всѣ какія бы то ни было препятствія, которыя встрѣчаетъ еще примѣненіе постановленій вѣнскаго трактата къ Дунаю; 3-е, предположить и исполнить нужныя по всему теченію рѣки работы, и 4-е, по упраздненіи общеевропейской комиссіи, наблюдать за содержаніемъ въ исправности дунайскихъ гирлъ и прилегающихъ къ нимъ частей моря. По статьѣ 18, общая европейская комиссія должна исполнить все ей поручаемое, а комиссія прибрежныхъ странъ привести къ окончанію всѣ работы, означенныя подъ № № 1 и 2, въ теченіи двухъ лѣтъ. Тогда первая изъ нихъ будетъ упразднена, и власть ея передана постоянной прибрежной комиссіи.

Въ силу этихъ-то постановленій парижскаго трактата и были составлены двѣ комиссіи, одна общеевропейская, а другая прибрежная. Въ первомъ же засѣданіи этой послѣдней комиссіи, въ которомъ присутствовалъ и австрійскій министръ торговли, труды по составленію первой части акта о свободномъ плаваніи по Дунаю были раздѣлены между тремя, нарочно для этого назначенными комитетами. Въ засѣданіяхъ этихъ комитетовъ часто возбуждались горячіе споры между комиссарами Дунайскихъ княжествъ, отстаивавшими интересы своей страны, и уполномоченными другихъ прибрежныхъ державъ. Молдавскій комиссаръ Доничи поплатился даже отставкой за свое энергическое сопротивленіе.

Съ августа мѣсяца, въ продолженіи котораго былъ составленъ актъ въ 47 статьяхъ, по 7 ноября, когда подтвержденъ былъ подписію уполномоченныхъ отъ четырехъ державъ, безъ всякаго участія и даже въ отсутствіи комиссаровъ придунайскихъ княжествъ, были только два засѣданія, въ которыхъ обсуживались предваритель-

ныя мѣры для составленія правилъ рѣчной полиціи. Послѣ этого страннѣе покажется, что у комиссаровъ, обсуживавшихъ вмѣстѣ съ уполномоченными другихъ державъ постановленіе акта, вмѣстѣ подписывавшихъ протоколы засѣданій, оспаривали однакоже право подписать самый актъ. Еслибы дѣйствительно, по смыслу парижскаго трактата, вопросъ могъ быть рѣшенъ одними уполномоченными Австріи, Турціи, Виртемберга и Баваріи, то было бы совершенно безполезно призывать къ участию комиссаровъ Дунайскихъ княжествъ. Въ протоколѣ засѣданій 15, 17 и 20 августа особенно замѣчательны двѣ послѣднія статьи.

Статья 46 говоритъ: «Предлежащій актъ о судоходствѣ *вступить въ силу 1-го января 1858 года*; правительства прибрежныхъ странъ сообщать другъ другу мѣры, принятыя ими для его выполненія».

Статья 47 говоритъ: «Предлежащій актъ о судоходствѣ будетъ ратификованъ, и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Вѣнѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ или еще скорѣе, если возможно».

«Въ завѣреніе чѣмъ уполномоченные и комиссары участвовавшихъ державъ подписали его и приложили свои гербовыя печати».

«Дано въ Вѣнѣ» и т. д.

Въ первой изъ этихъ статей очевидно упущено, что прежде нежели актъ вступить въ силу, онъ долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе парижской конференціи. Послѣдняя же статья явно противорѣчитъ тому, что извѣстно о подписаніи акта; ибо по этой статьѣ онъ долженъ бы быть подписанъ и комиссарами Дунайскихъ княжествъ, а мы знаемъ, что дальнѣйшій ходъ дѣла не совсѣмъ былъ согласенъ съ этимъ постановленіемъ.

Австрія, какъ уже можно было видѣть изъ приведенныхъ статей, отказывается признать за участвовавшими въ конгрессѣ державами право подвергнуть этотъ актъ пересмотру. Но соответствуютъ ли притязанія Австріи смыслу вышеизложенныхъ статей парижскаго трактата? Не ясно ли, что признавъ эти притязанія, предоставивъ, следовательно, всѣ постановленія о судоходствѣ по Дунаю на произвольное прибрежныхъ державъ, участники Парижскаго конгресса не имѣли бы никакого ручательства въ томъ, что постановленныя ими начала дѣйствительно будутъ соблюдены?

Въ уставѣ о судоходствѣ по какой-нибудь рѣкѣ можетъ входить множество постановленій, которыя, не противорѣча повидимому началамъ свободы плаванія, на самомъ дѣлѣ почти совершенно уничтожаютъ ее. Такъ напримѣръ пошлины, предоставляемыя прибрежнымъ державамъ, какъ справедливое возмездіе за сдѣланную ими въ пользу свободнаго плаванія уступку своихъ правъ, могутъ быть такъ высоки, карантинныя и полицейскія мѣры такъ стѣснительны, что свобода плаванія будетъ обращена ими въ одно пустое слово.

Не признавая за парижскими конференціями права контрола, Австрія преимущественно опирается на то, что по вѣнскому трактату, составленіе полицейскаго рѣчнаго устава и надзоръ за соблюденіемъ его исключительно предоставлены были прибрежнымъ державамъ. Еще въ засѣданіи конгресса 18 марта 1856 года, графъ Буоль, съ цѣлю ограничить свободное плаваніе по Дунаю одною нижнею частью этой рѣки и устьями ея, приводитъ это постановленіе вѣнскаго трактата. Нынѣ же подъ этимъ предлогомъ хотятъ отклонить надзоръ участвовавшихъ въ Парижскомъ конгрессѣ державъ за соблюденіемъ свободнаго плаванія по всему протяженію Дуная. Газета *le Nord*, принимающая самое дѣятельное участіе въ полемикѣ, порожденной этимъ вопросомъ, и представляя цѣлый рядъ статей, въ которыхъ онъ излагается и обсуживается, горячо и съ неумолимою логикой опровергаетъ доводы, на которыхъ основываются притязанія Австріи. Еслибы даже дѣйствительно, говорить эта газета, актъ Вѣнскаго конгресса, предоставляя прибрежнымъ державамъ каждой рѣки устраивать съ общаго согласія все касающееся до судоходства по этой рѣкѣ, отнималъ въ то же время у союза европейскихъ державъ право надзора за приложеніемъ началъ свободнаго плаванія, ими же постановленныхъ, — мы отвѣчали бы въ этомъ случаѣ коротко и опредѣленно: Парижскій конгрессъ изъяснилъ въ этомъ пунктѣ постановленія конгресса 1815 года. Если парижскій трактатъ статьею 15-ю опредѣляетъ приложить къ Дунаю начала, установленныя актомъ Вѣнскаго конгресса, то ужъ вѣрно не съ тѣмъ, чтобъ нарушить ими начала, изложенныя въ другихъ статьяхъ того же самаго трактата. Смыслъ статей этого трактата очевидно нужно было бы понимать такъ, что къ свободному плаванію по Дунаю будутъ приложены всѣ установленныя Вѣнскимъ конгрессомъ начала, за исключеніемъ постановленія той статьи, которая предоставляетъ исключительно прибрежнымъ державамъ установленіе правилъ для судоходства. Иначе почему же, въ слѣдующихъ статьяхъ парижскаго трактата, на эти державы возлагается только составленіе устава, а право окончательнаго утвержденія и обезпеченія въ исполненіи предоставляется, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, совокупности державъ, подписавшихъ трактатъ?»

Такимъ образомъ, еслибы даже дѣйствительно смыслъ постановленийъ Вѣнскаго конгресса благопріятствовалъ притязаніямъ Австріи, то и въ такомъ случаѣ она не имѣла бы права на нихъ ссылаться, ибо они уничтожались бы постановленіями парижскаго трактата. Но въ самомъ ли дѣлѣ таковъ смыслъ акта Вѣнскаго конгресса? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ освобождаетъ уставъ, сочиненный прибрежными державами, отъ контрола прочихъ европейскихъ державъ? Напротивъ, собственныя дѣйствія этого конгресса, какъ читатели могли видѣть выше, не допускаютъ подобнаго истолкованія его постанов-

лений. Онъ не только беретъ на себя постановленіе главныхъ руководящихъ правилъ, но входить даже въ малѣйшія подробности рѣчной полиціи, когда онъ хоть сколько-нибудь важенъ для обезпеченія началъ свободнаго плаванія. Такъ въ статьяхъ о судоходствѣ по Рейну, присоединенныхъ къ общему акту Вѣнскаго конгресса, самимъ конгрессомъ опредѣляется количество взимаемыхъ пошлинъ, число конторъ для ихъ взиманія, число и права чиновниковъ; послѣдніе даже обязываются клятвой свято хранить постановленія конгресса.

Актъ о судоходствѣ по Рейну представляетъ еще въ другомъ отношеніи явное опроверженіе австрійскихъ притязаній. Въ самомъ дѣлѣ, онъ обработанъ былъ комиссіей, избранною изъ среды членовъ конгресса, а не изъ однихъ представителей прибрежныхъ къ Рейну державъ; въ ней участвовалъ и представитель Англіи, лордъ Клякарти, котораго имя встрѣчается во главѣ подписей подъ всѣми протоколами и подъ самимъ актомъ. Это участіе представителя Англіи было не пассивное; напротивъ, какъ видно изъ протоколовъ, онъ имѣлъ не маловажное вліяніе при составленіи акта. Не явно ли послѣ этого, что Вѣнскій конгрессъ вовсе не имѣлъ намѣренія установить установленіе правилъ для рѣчнаго судоходства исключительно прибрежнымъ державамъ каждой рѣки, устраняя участіе и надзоръ со стороны прочихъ державъ? Что же значатъ послѣ этого выраженія, въ которыхъ *Oesterreichische Correspondenz* объявляетъ о ратификаціи акта о плаваніи по Дунаю?

«Актъ этотъ будетъ сообщенъ парижской конференціи для того, чтобы послѣдняя приняла его къ свѣдѣнію и тѣмъ самымъ даровала бы ему то окончательное освященіе, которымъ условливается гарантія всѣхъ европейскихъ державъ.» — Неужели, въ самомъ дѣлѣ, задача парижской конференціи ограничивается принятіемъ къ свѣдѣнію акта о плаваніи по Дунаю?

Въ заключеніе мы упомянемъ еще объ одномъ любопытномъ доводѣ, который приводитъ *Journal de Francfort* въ пользу Австріи. Присутствіе въ рѣчной комиссіи уполномоченныхъ отъ Виртемберга и Баваріи, по мнѣнію этой газеты, должно освободить дунайскій рѣчной уставъ отъ контроля парижской конференціи; ибо упомянутыя державы не принимали участія въ Парижскомъ конгрессѣ и, слѣдовательно, не обязаны признавать его актовъ. Но, принявъ приглашеніе Парижскаго конгресса участвовать въ совѣщаніяхъ касательно свободнаго плаванія по Дунаю и въ составленіи акта, который долженъ былъ подвергнуться контролю всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, могутъ ли Виртембергъ и Баварія не признавать этого контроля? Ничтожность такихъ доводовъ слишкомъ ясна, и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ долѣе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ НА ИМЯ НИЖЕГОРОДСКАГО
ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА.

Дворянство Нижегородской губерніи, въ общемъ, бывшемъ по случаю выборовъ, собраніи, изъявило единодушно желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ на основаніяхъ, кои будутъ ему указаны.

Поручаю вамъ, объявить сему благородному сословію Мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое успѣшило воспользоваться случаемъ—дать примѣръ сей готовности изъясненіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго, и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла.

Согласно съ желаніемъ дворянства Нижегородской губерніи, Я разрешаю ему приступить къ составленію проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ сей губерніи. Предположенія его по сему предмету должны быть приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства имѣній помѣщичьихъ.

Для сего повелѣваю открыть нынѣ же въ Нижнемъ-Новгородѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ cadaго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ Нижегородской губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдность, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правитель-

ствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Нижегородской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными поглавнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Нижегородской губерніи изыятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Отрывая такимъ образомъ дворянству Нижегородской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполне оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участию въ столь важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамереннымъ внушеніямъ и живымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ.
24 декабря 1857 г.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ нижегородскому военному губернатору, отъ 24-го декабря, № 48.

Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше представлять Государю Императору отношеніе вашего превосходительства отъ 18-го сего декабря и доставленное при ономъ постановленіе губернскаго собранія дворянъ Нижегородской губерніи, въ коемъ дворяне, на бывшихъ нынѣ

выборахъ, выслушавъ Высочайшіе рескрипты, дѣнные 20-го ноября виленскому военному, гродненскому и ковенскому генералъ-губернатору и 5-го декабря с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, и вида въ оныхъ знакъ того высокаго довѣрія, которое Его Величество изволилъ оказать дворянству сихъ четырехъ губерній, единодушно опредѣлили: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать.

Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе постановленіе дворянства Нижегородской губерніи, Высочайшимъ рескриптомъ, на имя ваше даннымъ, изволилъ Всемиловѣйше разрѣшить дворянству приступить, посредствомъ особо учреждаемаго комитета, къ составленію проекта надлежащаго по сему важному предмету положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій комитета, такъ и главные основанія самого положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ семъ рескриптѣ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Постановленія, заключающіяся въ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ въ отношеніи моемъ, отъ 5-го декабря, за № 41, с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, относительно выбора въ комитетъ членовъ и кандидатовъ, приглашенія въ засѣданія онаго опытныхъ помѣщиковъ, производства расходовъ, наблюденія за ходомъ работъ, срока занятій и вообще дѣйствій комитета, распространить вполнѣ и на учреждаемый въ Нижегородской губерніи комитетъ, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по с.-петербургскому комитету утвержденіе и разрѣшеніе предоставляется военному генералъ-губернатору, по Нижегородской губерніи оно было предоставлено вашему превосходительству; и

2) По различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ, предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернской комитетъ, имѣть предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія.

Видѣвъ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить вамъ мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному комитету при его занятіяхъ. Какъ сіи соображенія уже изложены въ извѣстномъ вашему превосходительству отношеніи моемъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, отъ 5-го декабря, № 41; то я покорнѣйше прошу васъ предложить ихъ въ свое время на обсужденіе учреждаемаго въ Нижегородской губерніи комитета. Если онъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаетъ неудобнымъ принять который-либо изъ сихъ соображе-

ній; то я просидь бы ваше превосходительство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской.

Срѣпилъ: товарищъ министра А. Левшинъ.

Постановленіе дворянства Нижегородской губерніи.

1857 года декабря 17-го дня. Дворянство Нижегородской губерніи въ губернскомъ собраніи своемъ, по выслушаніи Высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ виленскому военному, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору и с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, съ благоговѣніемъ и глубокою признательностію усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ изволилъ оказать дворянству тѣхъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ возлюбленнаго своего Монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе: принести Его Императорскому Величеству полную готовность—исполнить его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать.

(Слѣдуютъ подписи в. губернскаго предводителя дворянства и 127 дворянъ.)

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему генералъ-майору, нижегородскому военному губернатору Муравьеву 4-му.

Въ изъявленіе особеннаго Нашего благоволенія за отлично-ревностную службу и особые труды ваши, министромъ внутреннихъ дѣлъ засвидѣтельствованные, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего *Св. Анны первой степени*, знаки коего, у сего препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ въ вамъ Императорскою милостию Нашею благоклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ, 31-го декабря 1857 года.

На Тамбовскихъ дворянскихъ выборахъ, бывшихъ въ декабрѣ прошлаго года, представлено было нѣсколько проектовъ, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживало приглашеніе дворянства губерніи къ участию участія въ постройкѣ желѣзной дороги отъ Москвы до Саратова, для чего уже составила въ С.-Петербургѣ компанія на акціяхъ. Проектъ объ участи дворянъ Тамбовской губерніи представленъ оставшимъ инженеромъ г. Г. и состоитъ въ томъ, чтобъ дворянское общество согласилось ходатайствовать у правительства о разрѣшеніи кредитнымъ мѣстамъ выдавать помѣщикамъ еще по 30 р. сер. на ревизскую душу, каковой суммы могло бы составиться до 11 милл. р. сер. (если не всѣ владѣльцы согласятся участвовать въ компаніи построенія дороги, то недостающую сумму можно пополнить тѣми деньгами, которыя получатся за перезалогъ и совершенно новый залогъ имѣній, уплатившихъ части долговъ, или вовсе не должныхъ кредитн. учрежденіямъ), съ тѣмъ, чтобы вся сумма изъ тѣхъ кредитныхъ мѣстъ была отослана прямо въ правленіе компаніи, акціи были написаны на имя каждаго залогодателя-акціонера и переданы прямо въ кредитныя установленія. Уплату процентовъ и погашенія въ кредитныхъ мѣстахъ будетъ производить компанія, а если будутъ оставаться дивиденды, то они должны выдаваться дворянамъ-акціонерамъ, или поступать на погашеніе долга въ скорѣйшій срокъ, если акціонеры будутъ о томъ просить.

Другой не менѣ важный проектъ, или предложеніе, былъ представленъ дворяниномъ К., объ увеличеніи жалованья чиновникамъ, зависящимъ отъ выборовъ, и канцелярій тѣхъ мѣстъ, гдѣ они служатъ, особенно же по вѣдомству юстиціи, гдѣ еще нѣтъ штатовъ. Предположеніе это не ново: въ Бессарабской области дворянство уже сдѣлало подобное для своихъ выборныхъ членовъ; кажется, что то же предпринято и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Увеличивъ содержаніе служащихъ по выборамъ, дворянство могло бы болѣе быть разборчивымъ и осторожнымъ въ своемъ баллотированіи и не допускало бы въ число избранныхъ людей неблагонадежныхъ; тогда явилось бы болѣе желающихъ служить изъ честныхъ и благородныхъ дворянъ, кои могли бы имѣть благое вліяніе и на подчиненныхъ чиновниковъ коронной службы. Проектъ этотъ остался почти безъ послѣдствій. Только во 2-хъ или 3-хъ уѣздахъ опредѣлили собирать по 1 к. сер. съ десятины на содержаніе уѣздныхъ судовъ.

Третій проектъ состоялъ въ предложеніи превратить натуральную подводную повинность въ денежную для уравнительности крестьянъ въ отправленіи ея и для освобожденія ихъ отъ неудобства и невыгодъ исправленія натурою въ рабочее время, во время посѣва и уборки хлѣбовъ. Проектъ этотъ представилъ г. П.

Недавно обнародованное извлеченіе изъ отчета министерства внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ изобилуетъ чрезвычайно важными данными. Считаемою обязанностію привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

По внутреннему управленію, 1856 годъ отличается многими важными перемѣнами, которыя имѣли одинъ характеръ: дарованіе разныхъ льготъ и облегченій, и отеческое довѣріе Государя къ народу. Такъ независимо отъ сложенія недоимокъ и освобожденія на три года податныхъ сословій отъ рекрутскихъ наборовъ, 9,000 человекъ разнаго званія

освобождены отъ полицейскаго наблюденія, отмѣненъ надзоръ надъ оставшимися офицерами, поселившимися въ западномъ краѣ, и надъ воспитанниками бывшей виленской медико-хирургической академіи; жителямъ западнаго края дозволено имѣть огнестрѣльное оружіе; политическимъ преступникамъ, какъ русскаго, такъ и польскаго происхожденія, и выходцамъ Царства Польскаго и западныхъ губерній объявлено всепрощеніе и возвращены гражданскія права; облегчены правила о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ русскимъ подданнымъ; прекращены караванныя дѣйствія по черноморскому побережью, что послужило къ облегченію торговыхъ сношеній нашихъ съ портами Средиземнаго моря. Отмѣна генераль-губернаторствъ въ Харьковѣ и Витебскѣ ускорила въ семи губерніяхъ движеніе дѣлъ и послужила къ значительному сокращенію переписки.

Въ началѣ 1856 года, подѣ надзоромъ полиціи находилось 10,830 человекъ (1), изъ которыхъ не болѣе 900 были по судебнымъ приговорамъ лишены всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ состоянія. Большая часть ихъ состояла подѣ надзоромъ долгое время и постоянно одобрялась въ поведеніи. Въ день священнѣйшаго коронованія Государя Императора, 3,927 лицъ освобождены изъ подѣ надзора полиціи. Освобоженіе 5,032 лицъ, отданныхъ подѣ надзоръ по судебнымъ приговорамъ, предоставлено губернскимъ начальствамъ. Затѣмъ къ 1-му января 1857 г. оставалось состоящихъ подѣ надзоромъ 1,878 лицъ.

Изъ донесеній начальниковъ губерній (2) видно, что, въ 1856 году, податей слѣдовало поступить — 78,199,913 р. 81 $\frac{1}{2}$ к., въ томъ числѣ оклада—45,218,631 р. 82 $\frac{1}{2}$ к. и недоимокъ—32,981,284 р. 99 к. Поступило—42,416,336 р. 77 к., въ томъ числѣ оклада — 37,192,052 р. 29 $\frac{1}{4}$ к., недоимокъ—5,224,284 р. 47 $\frac{3}{4}$ к.

Манифестами, 27-го марта 1855 года и 26-го августа 1856 г., прощено всякаго рода недоимокъ до 66,000,000 р. По донесеніямъ начальниковъ губерній, къ 1-му января 1857 года во всей имперіи, кромѣ Сибири и Кавказа, недоимка простиралась до 9,214,761 р., въ томъ числѣ двѣ трети на государственныхъ крестьянахъ и колонистахъ (6,161,000 р.), около одной четверти на крестьянахъ помѣщичьихъ (2,366,000 р.), а остальное количество на городскомъ сословіи (1,663,000 р.); недоимки на удѣльныхъ крестьянахъ ничтожны,—8,700 р.

Возвышеніе въ 1855 году цѣнъ на жизненные припасы доходило, многихъ мѣстахъ до чрезвычайно значительныхъ размѣровъ. Дороговизна эта продолжалась и въ 1856 году. Причину непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, конечно, не могъ быть одинъ неурожай, тѣмъ болѣе, что въ 1856 году сборъ хлѣба былъ для продовольствія вообще достаточенъ, а между тѣмъ къ концу года пониженіе цѣнъ замѣтно было почти только въ однѣхъ западныхъ губерніяхъ. Въ началѣ года, скопленіе большими массами войскъ въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего цѣны отъ усиленнаго требованія возвысились, а по заключеніи мира большой вы-

(1) Дворянъ и чиновниковъ 2,939, купцовъ, мѣщанъ и другаго званія 7,529 и кавказскихъ горцевъ 371.

(2) Кромѣ Сибири, Кавказа и Николаевскаго отдѣльнаго управленія.

возъ хлѣба за границу, конечно, не мало содѣйствовали къ поддержанію дороговизны. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ водорожали повсемѣстно и другія жизненныя потребности, что также замѣчается въ нѣкоторой связи съ общими явленіями финансоваго міра, какъ вообще въ Европѣ, такъ и собственно въ Россіи. Впрочемъ, министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ, что къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ о хлѣбныхъ цѣнахъ нельзя имѣть полнаго довѣрія. Напротивъ того, можно полагать, что во время войны, по случаю совершавшихся большихъ заготовокъ провіанта и фуража, справочныя цѣны нарочно показывались въ преувеличенномъ видѣ. Такъ, въ началѣ 1856 г., въ западномъ краѣ цѣны были весьма высоки; съ выводомъ оттуда войскъ цѣны стали понижаться, тогда какъ требованіе хлѣба не уменьшалось по причинѣ разрѣшенія заграничнаго вывоза. Министерство обращало вниманіе на невѣрность справочныхъ цѣнъ и неоднократно обнаруживало злоупотребленія; вслѣдствіе чего виновные преданы взысканію по законамъ. Въ настоящее время, для достиженія наибольшей вѣрности въ собираніи цѣнъ, предполагается, всѣ свѣдѣнія, отъ мѣстныхъ начальствъ получаемыя, *дѣлать гласными* посредствомъ общей публикаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ изготавляется проектъ новаго положенія о порядкѣ собиранія справочныхъ цѣнъ. Тѣмъ же особенно важнымъ въ настоящее время вопросомъ о цѣнахъ на сельско-хозяйственныя предметы занялось теперь и Русское географическое общество. Желая положить основаніе статистики цѣнъ въ Россіи, и не ограничиваясь печатными источниками, статистическое отдѣленіе этого общества приглашаетъ всѣхъ доставлять въ общество имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о существовавшихъ, въ разные годы нынѣшняго и прошедшаго столѣтія, цѣнахъ на предметы сельскаго хозяйства (какъ-то: на хлѣбъ, сѣно, солому), о цѣнахъ, по которымъ продавались земли (пахатныя, сѣнокосныя или съ лѣсомъ), или за которыя отдавались въ наемъ (за деньги или съ снопа); о цѣнахъ на скотъ; о цѣнахъ на разные предметы потребленія (на печеный хлѣбъ, говядину, птицу, дичь, яйца, сало, масло, соль, шерсть, пеньку, ленъ, медъ, воскъ, рыбу, сахаръ, свѣчи, мыло, кожи, овчины, дрова и проч.); о цѣнахъ на строительные матеріалы (железо, известь, кирпичъ, бревна, доски и пр.); о цѣнахъ на работу или услуги (наемная плата работникамъ въ земледѣіи, на фабрикахъ и заводахъ, плата домашней прислугѣ: лакеямъ, кучерамъ, поварамъ, кухаркамъ, нянькамъ, дворникамъ и проч.); плата различнымъ ремесленникамъ (портнымъ, сапожникамъ, плотникамъ, каменщикамъ и т. п.); цѣны за перевозку тяжестей по сухопутнымъ и водянымъ путямъ, цѣны легковымъ извозчикамъ; цѣны найма квартиръ, плата за ночлеги на постоянныхъ дворахъ и т. п.

Потери и тягости, понесенныя Новороссійскимъ краемъ, еще не приведены въ точную извѣстность. Больше всего пострадалъ Крымскій полуостровъ. Въ Севастополѣ уцѣлѣло лишь 14 домовъ, да около 60 признано было возможнымъ исправить кое-какъ для жилья; окрестныя хутора, сады и другія частныя заведенія истреблены, самая земля разрыта, занята неприятельскими кладбищами, такъ что нѣкоторымъ изъ владѣльцевъ совершенно невозможно возобновить свои хозяйствен-

ныя заведенія. Въ Керчи оказалось годныхъ для жилья только 380 домовъ, значительно поврежденныхъ 50, разрушенныхъ 442; отъ остальныхъ 607 и слѣдовъ не осталось. Здѣсь, даже на городскомъ кладбищѣ, разрушены почти всѣ надгробные памятники и разрыты многія могилы. Меньше пострадала Евпаторія; но и тамъ изъ 1,796 домовъ только 895 годны для жительства, 475 разрушены въ половину, 426—совершенно. Въ Балаклавѣ, самомъ незначительномъ городѣ, бывшемъ въ рукахъ непріятели и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе другихъ пощаженномъ, убытки мѣстныхъ жителей исчисляются до 1,500,000 р. Въ Крыму совершенно разорено 132 владѣльческихъ имѣнія и 105 татарскихъ деревень. Отъ усиленныхъ воинскихъ повинностей и повальныхъ болѣзней, крымскіе жители потеряли $\frac{1}{2}$ рабочаго скота, значительныя пространства остались незабѣнными, а нѣкоторыя мѣстности, особенно же Евпаторійскій уѣздъ, совсѣмъ обезлюдѣли. Въ полуострова особенно пострадали Таганрогъ, Мариуполь, Бердянскъ и Геническъ, гдѣ 890 хозяевъ лишились движимаго и недвижимаго имущества на $2\frac{1}{2}$ милл. руб. Прочія мѣстности Новороссійскаго края хотя и не понесли отъ войны столь непосредственныхъ убытковъ, но истощены усиленными повинностями, особенно Бессарабія, сѣверные уѣзды Таврической и южныя Екатеринославской и Херсонской губерній, гдѣ цѣнность исполненныхъ повинностей простирается до 12,500,000 р.

На основаніи свидѣній, собранныхъ нынѣ въ первый разъ по всѣмъ банковымъ учрежденіямъ имперіи, состояніе займовъ, въ 1856 году, представляло слѣдующіе выводы:

всего займовъ	40,336
долгу	427,109,994 р. 76 к.
въ томъ числѣ долговъ, превышающихъ ссуду	7,147, въ 98,686,214 р. 29 к., т. е. 23 %.

Самая значительная часть займовъ приходится на совершенные подъ залогъ населенныхъ имѣній.

такихъ займовъ	43,248
въ залогъ	6,596,620 душъ
долгу	397,876,459 р. 63 к.
въ этомъ числѣ, превышающихъ первоначальную ссуду займовъ 6,683.	
по залогу	1,182,492 душъ
долгу	94,760,447 р. 97 к., т. е. 24%.
По 1,155 займамъ, подъ залогъ 923.681 дес. земли, долгу	4,862,742 р. 10 к.

Въ томъ числѣ 29%, превышающихъ первоначальную ссуду.

По 140 займамъ, подъ залогъ орошительныхъ садовъ и виноградниковъ, долгу. 337.198 р. 63 к.

Въ томъ числѣ превышающихъ ссуду 33%

По 1,724, подъ залогъ аданій, долгу. 23,960,086 р. 64 к.

Въ томъ числѣ превышающихъ ссуду 10%.

По 9 займамъ, подъ залогъ билетовъ кредитныхъ установленій, долгу 28,751 р. 99 к. и по 60 займамъ подъ поручительство купцовъ, 21,052 руб. 77 к. По займамъ этихъ двухъ категорій, неисправныхъ плательщиковъ нѣтъ.

Причины накопленія долговъ весьма мало зависятъ отъ хозяйственныхъ способовъ. Такъ, Смоленская губернія оказалась самою неисправною (въ ней долговъ, превышающихъ ссуду, $\frac{2}{3}$ всего количества), тогда какъ Витебская, Могилевская и другія бѣднѣйшія ея губерніи исправнѣе въ платежѣ долговъ. Богатыя губерніи Саратовская, Пензенская, Тамбовская и Рязанская гораздо исправнѣе Тверской, Новгородской и другія, менѣе богатыхъ. Оказывается, что степень неисправности соответствуетъ числу дарованныхъ губерніямъ льготъ: тамъ, гдѣ онѣ разрѣшались рѣже, плательщики гораздо исправнѣе.

Къ 1 января 1856 г. просроченныхъ займовъ по приказамъ было 5,052 съ дѣйствительною просрочкою 1,427,458 р. Уплата послѣдовала въ продолженіе сентябрьской трети, а въ первыхъ двухъ третяхъ года просрочки увеличились. Это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые заемщики ожидали сложенія по Всемилостивѣйшему манифесту недоимокъ въ кредитныя установленія; но когда увидѣли, что этого не послѣдовало, то немедленно внесли въ приказы слѣдовавшія съ нихъ деньги.

Изъ 126 милліоновъ рублей, обращающихся въ приказахъ, болѣе половины остается безъ употребленія, и огромный капиталъ въ 63 милліона рублей переданъ въ другія кредитныя установленія, гдѣ тоже не находятъ употребленія. Цифра эта постоянно растетъ; ибо въ теченіе 1856 г. сумма вкладовъ увеличилась на 15 $\frac{1}{2}$ процентовъ, а ссуды возрасли только на 2 $\frac{1}{2}$, такъ, что итогъ капиталовъ, остающихся безъ обращенія, возвысился на 13% или почти на 10,000,000 рублей. Изъ вкладовъ почти половина принадлежитъ къ числу судебныхъ или составляетъ казенную собственность; частнымъ лицамъ принадлежитъ лишь остальная половина. Нельзя не замѣтить также, что казенныхъ вкладовъ возвращено нѣсколько болѣе, чѣмъ частныхъ. Хотя итогъ ссудъ увеличился, какъ сказано, на 2 $\frac{1}{2}$ процента; но это увеличеніе послѣдовало преимущественно по тѣмъ ссудамъ, кои произведены мѣстамъ казеннымъ; сумма же долга частныхъ лицъ увеличилась не столько отъ новыхъ ссудъ, сколько отъ неисправныхъ платежей. Такимъ образомъ, развитіе кредитныхъ операций приказовъ далеко не соответствуетъ приливу капиталовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ уплата процентовъ вкладчикамъ производится изъ приказовъ на томъ же основаніи, какъ и изъ другихъ кредитныхъ установленій, вклады стали замѣтно усиливаться, и хотя приказы передавали свои излишки въ кредитныя мѣста и получали за нихъ по 4 процента, но изъ этого не только не извлекали нимагнѣйшей прибыли, но даже нерѣдко терпѣли убытки, доплачивая изъ своей собственности проценты, слѣдующіе вкладчикамъ за время пересылки суммъ. Эта потеря для нѣкоторыхъ приказовъ, особенно отдаленныхъ, была довольно чувствительна. Результатъ всего этого весьма невыгоденъ для финансоваго положенія приказовъ; ибо ихъ прибыль отъ кредитныхъ операций составляетъ на общую массу обращающихся капиталовъ менѣе милліона рублей, то-есть менѣе одного процента. Этою прибылью надлежитъ со-

держатъ управленіе и покрывать всѣ расходы по благотворительнымъ заведеніямъ. При такомъ положеніи, собственный капиталъ не только не увеличивается, но съ каждымъ годомъ уменьшается. Въ теченіе 1856 года, онъ понизился на 250,000 р. или на 2%.

Въ особенно неудовлетворительномъ положеніи находятся приказы С.-Петербургскій, Московскій, Тверской, Воронежскій и Виленскій. По С.-Петербургскому приказу собственный капиталъ въ послѣдніе 10 лѣтъ уменьшился на 700,000 рублей. Въ Московскомъ приказѣ, съ 1850 года, обнаруживается ежегодный дефицитъ въ 17,000 рублей. Тверской приказъ былъ, въ 1856 году, обревизованъ особою комиссіею и для приведенія въ равновѣсіе доходовъ его съ расходами составляются соображенія. Состояніе приказа Воронежскаго хотя и неудовлетворительно, вслѣдствіе бывшей въ двадцатыхъ годахъ растраты его суммъ; но онъ обезпеченъ недвижимыми имѣніями виновныхъ лицъ и потому есть надежда, что приказъ поправится, если дѣло, продолжающееся уже около 30 лѣтъ, кончится. Виленскій приказъ пришелъ въ неудовлетворительное состояніе потому, что, принявъ на свое содержаніе заведенія, содержавшіяся прежде на счетъ доходовъ съ имѣній римско-католическаго духовенства, хотя и получилъ до 633,250 р. капитала этого духовенства; но часть его, состоявшая въ долговыхъ обязательствахъ, оказалась безнадежною къ полученію, и приказъ потерпѣлъ убытка 164,000 р.

Изъ 109,110 дворянскихъ имѣній находятся въ залогъ 38,976. Въ 1856 г., за казенные и частные долги и за неплатежъ процентовъ въ кредитныя установленія, подвергнуто было описи и опежѣ 4,131 имѣніе, продано съ публичнаго торга 402 (болѣе всего въ Калужской, Смоленской, Тамбовской и Тульской губерніяхъ). Опежъ, въ 1856 г., было 36,021; въ томъ числѣ по малолѣтству 29,297, по злоупотребленію полиціею власти 176.

Городскіе общественные выборы производились въ 18 губерніяхъ, вездѣ удовлетворительно. Въ Отчетѣ замѣчено, что большая часть нашихъ городовъ, съ самаго основанія своего, служатъ лишь *средствомъ мѣстныхъ управленій*, и что иначе и быть не можетъ; ибо, при обширности дѣлопроизводства и недостаткѣ промышленной дѣятельности, государству, въ настоящее время, нужно пока еще имѣть болѣе административныхъ, чѣмъ промышленныхъ средоточій. Отъ этого, общественная жизнь въ городахъ развилась и развивается весьма медленно. Управленіе общественными дѣлами лежитъ повсюду на попеченіи податныхъ сословій; но, при ограниченности гражданскаго развитія, они еще не вполне сознаютъ всю важность для нихъ этого дѣла и, отрываемые общественною службою отъ своихъ торговыхъ дѣлъ, тяготятся ею, или же верѣдко увлекаются личными расчѣтами. Поэтому, отъ губернскихъ начальствъ поступали, какъ и прежде, жалобы на неудовлетворительность существующаго общественнаго устройства. О приведеніи въ удовлетворительное положеніе этого предмета составляются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ соображенія.

По взаимнымъ между помѣщиками и ихъ крестьянами договорамъ

уволено въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, 16 помѣщиками, 1,850 душъ муж. пола, именно: въ Московской 305, Новгородской 6, Псковской 111, Рязанской 133, Саратовской 736, Тверской 331, Тульской 40 и Ярославской 188. Нынѣ ихъ до 147,000 душъ. По дѣлу объ улучшеніи быта крестьянъ Эстляндской губерніи, замѣчанія и заключенія тамошняго генералъ-губернатора и ходатайства дворянства были разсмотрѣны въ комитетѣ остзейскихъ дѣлъ, а затѣмъ проектъ о крестьянахъ эстляндскихъ республикованъ правительствующимъ сенатомъ, въ сентябрѣ 1856 г. Въ Лифляндской губерніи, постепенный переходъ помѣщичьихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ продолжался и въ минувшемъ году. Къ 1857 году, въ этой губерніи, крестьянскихъ земель состояло въ полной собственности крестьянъ—у 57 хозяевъ, на оброкѣ—у 1,493 хозяевъ; оставалось затѣмъ на барщинѣ 5,074 человека.

По всеподданнѣйшимъ представленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ, въ 1856 году, соизволилъ: а) разрѣшить свободный выѣздъ за границу лицамъ всѣхъ состояній, б) отмѣнить существовавшія пошлины съ заграничныхъ паспортовъ, взимая только по 5 р. за каждое полугодіе за паспортные бланкеты; и в) предоставить выдачу заграничныхъ паспортовъ губернскимъ начальствамъ. Въ первое полугодіе, когда еще паспорта выдавались исключительно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, ихъ выдано 2,612, въ томъ числѣ дворянамъ 1,272. Высочайше разрѣшено дальнѣйшее пребываніе за границею 78 лицамъ. Во вторую половину 1856 г. начальниками губерній выдано 2,553 паспорта. Всего въ теченіе 1856 года выдано 5,165 заграничныхъ паспортовъ.

По разсмотрѣніи вѣдомостей рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ, только по 41 губернскому правленію оказалось, что въ нихъ нерѣшенныхъ болѣе 3 лѣтъ дѣлъ 8,435, въ томъ числѣ 56 дѣлъ, болѣе 25 лѣтъ продолжающихся, болѣею частию, по безспорнымъ взысканіямъ денегъ или объ имуществахъ. Изъ нихъ, по Таврической губерніи есть такіа дѣла, которыя начались даже 48 лѣтъ тому назадъ, а по Витебской 41 годъ. Самое большое накопленіе дѣлъ, продолжающихся болѣе 3 лѣтъ, въ подольскомъ губернскомъ правленіи, гдѣ ихъ 1,509, и въ томъ числѣ 350 по взысканіямъ. Затѣмъ слѣдуетъ правленіе кievское съ 688, таврическое съ 685, саратовское съ 672, витебское съ 635 и смоленское съ 512. Самыя дѣятельныя губернска правленія въ этомъ отношеніи слѣдующія: пензенское, гдѣ только 7 дѣлъ, продолжающихся болѣе 3 лѣтъ, псковское, гдѣ ихъ 10, калужское — 14, тверское — 18, и бессарабское—20.

— Въ изданныхъ нынѣ «Видахъ Виѣшней Торговли за 1856 г.» напечатанъ слѣдующій общій обзоръ:

«Виѣшняя торговля Россіи 1856 года была значительнѣе, нежели въ послѣднемъ предъ минувшю войною 1853 году, какъ по отпуску отечественныхъ произведеній, такъ и по привозу иностранныхъ товаровъ.

Всѣхъ вообще товаровъ отпущено въ 1856 году:

Изъ Имперіи:

По европейской границѣ на	136,492,398 р.
» азіатской » »	10,593,882
Въ Финляндію.	2,884,096
Изъ Царства Польскаго.	10,279,496
	<hr/>
	160,249,872 р.

Въ 1853 году сумма отпуска составляла 147,662,815 р.; слѣдовательно отпускъ товаровъ въ 1856 году, противъ 1853 г., увеличился на 12,587,057 руб.

Привезено товаровъ:

Въ Имперію:

По европейской границѣ на	90,171,961 р.
» азіатской » »	17,002,169
Изъ Финляндіи	564,828
Въ Царство Польское	14,823,464
	<hr/>
	122,562,442 р.

Въ 1853 году сумма привоза составляла 102,286,768 руб.; по сему въ 1856 году привезено товаровъ, противъ 1853 года, болѣе на 20,275,674 руб.

Золотой и серебряной монеты въ 1856 году вывезено:

Изъ Имперіи:

По европейской границѣ на	885,272 р.
» азіатской » »	4,825,296
Изъ Царства Польскаго.	81,774
	<hr/>
	5,792,342 р.

Привезено изъ-за границы золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ:

Въ Имперію:

По европейской границѣ на	15,158,210 р.
» азіатской » »	110,075
Въ Царство Польское	950,744
	<hr/>
	16,219,029 р.

Привозъ превышаетъ отпускъ на 10,426,687 р.

Вывозъ хлѣба, дѣса, кожъ, льна, сала, желѣза и сѣмени льнянаго, противъ 1853 года, увеличился. Прочихъ же товаровъ, какъ-то: пеньки, мѣди, шерсти овечьей, поташа и щетины, отпущено въ 1856 г. менѣе нежели въ 1853 г.

— Въ воздаяніе подвиговъ мужественнаго самоотверженія, совершенныхъ въ минувшую войну, и преданности къ Россіи, Болгарскій уроженецъ Ангелъ Тодоровъ Всемилоствѣйше пожалованъ въ потомственное Россійской Имперіи дворянское достоинство.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

I. Новыя финансовыя гипотезы (1).

Главный вопросъ настоящаго времени, по праву такъ сильно занимающій публику и газеты, вопросъ, въ которомъ сливаются все другіе, есть финансовый и промышленный кризисъ. Съ нѣкотораго времени у насъ почти періодически повторяются финансовые кризисы; но они были не продолжительны, торговля и промышленность расплачивались немногими жертвами, дѣло тѣмъ и кончалось. Но не такъ было на этотъ разъ. Нынѣшній финансовый кризисъ, уже пятый или шестой съ 1854 года, длится гораздо болѣе всѣхъ прежнихъ. Теперь же сверхъ того, къ сожалѣнію уже слишкомъ поздно, начинаютъ понимать, что финансовый кризисъ самъ по себѣ не что иное, какъ осязательное выраженіе многихъ общественныхъ золъ. Всего болѣе затрудняется это положеніе тѣмъ, что нѣтъ ни одной вѣтви общественной дѣятельности, которая не страдала бы въ болѣе или меньшей степени отъ скудости въ наличныхъ деньгахъ; а какъ при настоящемъ порядкѣ вещей во Франціи все, и даже сама *беззаботная юность*, приносятъ жертвы золотому тельцу биржи, то отовсюду и слышится отчаянный вопль: *финансовый кризисъ, 9-и процентный учетъ!* Одинъ изъ тузовъ нашего финансоваго міра сказалъ недавно, тономъ горделиваго презрѣнія: «У кого же нѣтъ своего милліончика?» Еще бы лучше, еслибъ онъ прибавилъ: «У кого же не было или не будетъ своего милліончика?» И такъ какъ *всѣмъ* надо или пріобрѣсти милліончикъ, или сохранить его, что еще труднѣе, то *всѣмъ* и занимаетъ судьба акцій движимаго кредита, сардинскаго займа трехпроцентнаго, австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Наши экономическія знаменитости сбиты съ толку тѣмъ, что нынѣшній кризисъ, такъ какъ онъ пятый или шестой въ продолженіи короткаго времени, не объясняется такъ легко, какъ другіе. А въ оффиціальномъ мірѣ, кажется, объясняютъ все, и объясняютъ прекрасно. Такъ, напримѣръ, два года тому назадъ намъ говорили: «Удивительно ли, что теперь у насъ кризисъ? Вѣдь у насъ была война

(1) Предлагая читателямъ письмо нашего корреспондента, о предположеніяхъ гг. Даримона и Жирардена, мы не беремъ на себя отвѣтственность за то можетъ быть слишкомъ сильное увлеченіе, которому поддался нашъ корреспондентъ, и надѣемся во всякомъ случаѣ возвратиться къ этому предмету. *Ред.*

и потому множество серебра вывезено въ Азію? Очень естественно, прибавляли эти господа, что торговля не процвѣтаетъ, что довѣріе исчезаетъ.» Вы согласитесь, что это *объясненіе*, вызванное благою цѣлью, но не принимающее въ расчетъ увеличенія общественаго богатства, улучшенія въ общественной жизни, объясненіе, которое не обращаетъ вниманія даже на число работниковъ и на эксплуатацію новыхъ путей сбыта, такое объясненіе не заслуживаетъ того, чтобы на немъ останавливаться и разбирать его.

Посмотримъ теперь, что говорятъ просвѣщенные умы средняго сословія: они большею частью обвиняютъ биржу вмѣстѣ съ банкомъ, но справедливо ли это обвиненіе? Прежде всего нужно условиться въ томъ, о какой биржѣ здѣсь говорится; если обвиненіе направлено противъ спекуляцій на воображаемыя цѣнности, противъ недобросовѣстныхъ химерическихъ предпріятій, не приносящихъ пользы никому, кромѣ немногихъ безчестныхъ спекулянтовъ, то такое обвиненіе я вполнѣ понимаю, хотя и не вижу еще здѣсь источника всѣхъ нашихъ общественныхъ золъ. Но не должно также и преувеличивать дурныхъ послѣдствій биржевыхъ спекуляцій, и въ особенности не должно забывать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ биржа есть въ высшей степени полезное коммерческое учрежденіе. Всѣ великія предпріятія для общественной пользы принуждены бѣгаютъ прибѣгать къ биржѣ, чтобы найти необходимыя имъ капиталы. Если вы хотите уменьшить всеобщій притокъ къ этому учрежденію, дайте сначала кредитъ труду для того, чтобы онъ пересталъ быть работою денегъ. Въ наше время кредитъ открытъ всему, собственности и спекуляціямъ, а для труда, источника всѣхъ богатствъ, нѣтъ кредита. Впрочемъ въ наше время финансовыя потребности совершенно измѣнились. Прежде, болѣе всего искали постояннаго помѣщенія для своихъ капиталовъ, охотнѣе давали займы на долгіе сроки; теперь, совершенно наоборотъ, всѣ стараются помѣщать капиталы на возможно-кратчайшее время, сегодня дадутъ въ займы, а завтра берутъ назадъ: значитъ, люди научились лучшему употребленію источниковъ производства; гдѣ же производить всѣ эти операціи какъ не на биржѣ? тамъ всегда навѣрно найдутся и желающіе дать, и желающіе взять деньги. Надо еще замѣтить, что всѣ матеріальныя интересы страны, развѣ лишь за немногими исключеніями, имѣютъ своихъ представителей на биржѣ, такъ что порицаніе биржи, какъ общественнаго учрежденія, теряетъ уже и потому много силы, что падаетъ на слишкомъ большое число лицъ и интересовъ.

Другіе, старающіеся говорить языкомъ болѣе ученымъ и съ большими претензіями, ставятъ огромное развитіе кредита въ послѣднее время единственною виною кризиса. Они приводятъ между прочимъ нѣкоторыя цифры, имѣющія большой интересъ, но съ совершенно

другой точки зрѣнія. Изъ цифръ, приведенныхъ противниками кредита особенно интересны тѣ, которыя относятся къ биржевымъ цѣнностямъ, могутъ служить къ точной оцѣнкѣ настоящаго порядка вещей, и потому мы приводимъ ихъ:

Государственнаго долга	10,144,260,840	франк. -
Различныхъ банковъ	1,677,167,660	—
Облигацій	2,170,097,377	—
Желѣзныхъ дорогъ	3,156,910,000	—
Обществъ застрахованія	262,650,000	—
Почтовыхъ сообщений и перевозовъ	352,990,000	—
Газъ	213,197,100	—
Рудники	145,895,595	—
Мосты и каналы	310,136,037	—
Плавильное дѣло	491,306,545	—
Различныхъ статей	412,012,437	—
Всего	19,507,623,491	—

Надо еще сказать, что г. Тедеско, авторъ брошюры: *Les reports faits par une caisse d'Etat*, не обратилъ вниманія на множество другихъ цѣнностей, какъ напримѣръ на общества, которыхъ капиталъ не извѣстенъ и др.

Возможно ли, чтобы не было кризисовъ, когда кредитъ доходитъ до такихъ ужасающихъ размѣровъ? говорятъ парижскіе буржуа. По мнѣнію этихъ господъ прежде всего надо бы было затормозить ту колесницу, на которой кредитъ совершаетъ свой необузданный и разрушительный для биржъ и банковъ полетъ. Мнѣніе это не трудно опровергнуть. Я вижу здѣсь просто только ошибку въ опредѣленіи, важную ошибку, происходящую именно отъ того, что мы не даемъ себѣ вѣрнаго отчета въ значеніи слова *кредитъ*. Въ самомъ дѣлѣ, нападать на распространеніе кредита значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ нападать на развитіе богатства вообще. Когда открытъ новый источникъ промышленности, а количество наличныхъ денегъ остается прежнее, тогда волей или неволей мы должны прибѣгнуть къ кредиту. И если при нынѣшнихъ условіяхъ онъ постоянно возрастаетъ, то въ этомъ должно видѣть несомнѣнный признакъ увеличенія народнаго богатства. Такъ напримѣръ предположимъ необработанную, заброшенную и не приносящую никакихъ доходовъ землю. Является ловкій промышленникъ, умный земледѣлецъ, который сушитъ, расчищаетъ, разрабатываетъ эту дикую почву, засѣваетъ, воздѣлываетъ ее по самымъ новымъ и выгоднымъ правиламъ земледѣльческой химіи и сельскаго хозяйства. Но для исполненія всѣхъ этихъ работъ промышленнику необходимъ капиталъ, а какъ число денегъ не умножилось въ странѣ (которая однакожь обогатилась хорошо плодородною землею), то онъ долженъ выпустить въ финансовый свѣтъ облигацій, акцій, однимъ словомъ необходимо долженъ прибѣгнуть къ кредиту. Итакъ еслибъ допустить мнѣніе, которое мы опро-

вергаемъ, значило бы, что земледѣлецъ, воздѣлавшій и заставлявшій необработанную почву, нанесъ вредъ обществу, нанесъ именно тѣмъ, что увеличилъ число цѣнностей биржи. Не слѣдуетъ ли, напротивъ, видѣть въ этомъ только одну истинную аксіому, а именно: чѣмъ болѣе возрастаетъ кредитъ при томъ же количествѣ денегъ, тѣмъ болѣе растетъ и богатство.

Впрочемъ надо вотъ что еще замѣтить: кредитъ такъ же какъ и всѣ экономическія силы, слѣдуя въ нормальномъ своемъ развитіи самымъ простымъ и естественнымъ законамъ, лежащимъ въ самой его сущности, развивается только тамъ, гдѣ онъ долженъ существовать. Такъ напримѣръ, если сегодня приступлено къ кладкѣ желѣзныхъ дорогъ, то завтра же компаніи этихъ дорогъ будутъ имѣть финансовыя сношенія для сведенія счетовъ, и имъ понадобится банкъ. Итакъ, чтобы воспрепятствовать развитію кредита, пришлось бы употребить насиліе.

Мы еще не покончили разбора различныхъ мнѣній, высказанныхъ относительно кризиса. Прежде всего былъ бы нуженъ, говорятъ современные политико-экономическіе корифеи, *священный союзъ европейскихъ капиталовъ*. Но на это можно отвѣчать категорически: *железный союзъ* существуетъ уже давно, и какъ очень вѣрно замѣчаетъ г. Даримонъ, не нуждается въ освященіи. Неужели до сихъ поръ еще не могли убѣдиться, что у капиталовъ нѣтъ отечества и что въ наше время ни въ какой странѣ ни одно важное предпріятіе не могло осуществиться безъ содѣйствія капиталовъ иностранныхъ? На биржахъ Парижа и Лондона каждый день назначаютъ цѣну акціямъ австрійскихъ и испанскихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ же какъ въ Генуѣ, въ Амстердамѣ, акціямъ французскаго движимаго кредита и англійскихъ рудниковъ.

Наконецъ говорятъ еще нѣкоторые: во всемъ виноватъ банкъ. Съ огромными средствами, какія ему предоставлены, онъ можетъ и долженъ доставлять гораздо большее количество драгоценныхъ металловъ, нежели то, какое онъ доставляетъ теперь, и тогда всѣ неудобства исчезнутъ какъ бы силою волшебства. Допустимъ на минуту, что это справедливо, и приведемъ самыя слова французскаго банка. Возьмемъ его официальные донесенія, и пусть онъ самъ себя судитъ. *Fiat justitia.*

По донесеніямъ 31 января 1856 года, закупки золота и серебра французскимъ банкомъ за границей, во второмъ семестрѣ 1855 года ложили до 254,400,000 франковъ, за которые доплачено преміи 3,920,600 (меня нельзя упрекнуть въ преувеличеніи потому что я списываю подлинныя цифры), то есть $1\frac{1}{2}\%$ или 15 франковъ на 1,000. Но это еще не все... Французскій банкъ имѣетъ право выпускать билетовъ на тройную сумму своего металлическаго запаса, считая даже учетъ только по 4% ; выходитъ, что банкъ перепродалъ

по 12⁰/₀ то, что ему стоило 1½. Вотъ какою цѣной французскій банкъ доставляетъ торговлѣ драгоцѣнные металлы. И другіе банки другихъ европейскіхъ государствъ поступаютъ почти такъ же. Если такъ, то всякій имѣетъ право завести съ банкомъ процессъ во имя той же «общественной безопасности», такъ податливой и уклончивой, во имя которой уже объявлена война столькимъ принципамъ. Къ счастью банкъ можетъ указать на обстоятельство, смягчающее вину его, на то обстоятельство, что всѣ европейскія страны, одинаково падкія на драгоцѣнные металлы, страшно соперничаютъ другъ съ другомъ въ приобрѣтеніи этого многоцѣннаго продукта рудниковъ. Если банкъ доставляетъ золото и серебро только по такимъ ужасающимъ цѣнамъ, то причину этому не слѣдуетъ видѣть въ одномъ только желаніи его приобрѣсти огромные барыши, но также въ безчисленныхъ трудностяхъ покупки и перевоза металловъ.

Финансовый кризисъ, какъ вы знаете, проявился въ двухъ видахъ. Не просто рѣдкость монеты вообще была его признакомъ: серебро совершенно исчезло, такъ что въ сравненіи съ серебромъ золото, казалось, было въ изобиліи. Это обстоятельство принесло свою долю смущенія и тревоги. Поэтому нѣкоторые финансовыя умы (я съ намѣреніемъ не говорю экономисты) смотрѣли на кризисъ единственно со стороны исчезновенія серебра сравнительно съ золотомъ, и предлагали разныя средства, въ большей или меньшей степени приложимыя и практическія, для того чтобы возвратитъ серебро въ кассы, и тѣмъ устранить существующую несоразмѣрность между обоними благородными металлами. Но возвратитъ въ кассы золото или серебро, смотря по обстоятельствамъ и по требованіямъ времени, это, какъ говорить г. Даримонъ, дѣло правительствъ и банкировъ, а не политической экономіи. Оспаривать предложенныя средства, находимъ мы тѣмъ менѣе нужнымъ, что это помѣшало бы намъ взглянуть на кризисъ съ точки зрѣнія болѣе общей.

Мы изложили главныя толкованія кризиса, предложенныя разными экономическими и финансовыми партіями. Ни одно изъ нихъ неудовлетворительно; ни одно не объясняетъ причины зла, такъ же какъ и не указываетъ средства избѣжать въ будущемъ повторенія кризиса. Причина тому самая простая. Въмѣсто того чтобы разобратъ причины и потомъ оцѣнить послѣдствія, эти толкователи предпочли ограничиться одними послѣдствіями, и притомъ считая главныя идеи, служащія основаніемъ настоящей системѣ, неприкосновенными, они могли прійти только къ средствамъ незначительнымъ, каковы напримѣръ усилить притокъ одного изъ металловъ, увеличить сумму его, или же къ средствамъ нецѣльнымъ, какъ напримѣръ закрытіе банка и кредита.

Гг. Жирарденъ, Перейръ и А. Даримонъ съ своей стороны изучали

кризисъ и дошли до очень удовлетворительныхъ результатовъ, позволяющихъ надѣяться, что мы могли бы скоро избавиться отъ нашей болѣзни, еслибъ рѣшились употребить средства, предложенныя ими. Только вмѣсто того, чтобъ ограничиться частнымъ разборомъ существующихъ злоупотребленій, эти господа, люди дѣйствительно передовые, напали на основную систему, на главные понятія, по которымъ организовано обращеніе денегъ и кредитъ. Такъ, напримѣръ вмѣсто того, чтобъ ограничиться *частными измѣненіями* въ устройствѣ банковъ, они предложили *совершенное преобразованіе* ихъ, на основаніи новыхъ понятій. Вмѣсто того, чтобъ отыскивать средства увеличить количество денегъ, сдѣлавшееся недостаточнымъ съ увеличеніемъ національнаго богатства, они старались отыскать монету, болѣе удобную въ обращеніи, и менѣе дорогую, чѣмъ золото и серебро. Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь вполне развить идеи гг. Жирардена и Даримона, но все же, хотя вкратцѣ, постараюсь изложить ихъ основныя понятія.

Такъ какъ банки служатъ нѣкоторымъ образомъ выраженіемъ идей спеціальныхъ экономистовъ о кредитѣ, то мы сначала бросимъ взглядъ на эти учрежденія, ограничиваясь впрочемъ однимъ французскимъ банкомъ.

Правительство учредило этотъ банкъ подъ своимъ покровительствомъ, оградило его привилегіями, предоставило ему преимущества, какихъ не имѣетъ никакое другое кредитное установленіе. Годъ тому назадъ рѣшено было увеличить его капиталъ, продлить данный ему привилегіи, такъ что все побуждало ожидать отъ него значительной пользы для торговли. Здѣсь мы укажемъ на аномалію, поистинѣ странную. Правительство первой имперіи, не уяснивъ себѣ истиннаго значенія слова «деньги», забывъ, что деньги—*товаръ*, установило въ 1807 году шесть процентовъ какъ наибольшее законное вознагражденіе за ссуду, какъ будто цѣна товара можетъ подчиняться другому закону кромѣ *запроса* и *предложенія*? Притомъ же займы даже за очень высокіе проценты, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть весьма полезны для торговли. Какъ бы то ни было, несмотря на успѣхи политической экономіи во Франціи, всѣ правительства, смѣнявшіяся со временъ первой имперіи, сохранили постановленія о шести процентахъ. То же самое правительство, которое преслѣдуетъ ростовщика, берущаго болѣе 6%, позволяетъ въ то же время учрежденному имъ Французскому банку возвышать учетный процентъ, смотря по обстоятельствамъ: недавно, какъ мы знаемъ, Французскій банкъ возвысилъ свой учетъ до 9%!

Банкъ учрежденъ преимущественно съ цѣлю дисконтировать срочныя торговые векселя своими билетами (банковые билеты), за которые, по предъявленіи, платятъ монетою. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ банкъ беретъ учетныхъ 4%, но вотъ уже почти пять мѣся-

цевъ, какъ процентъ этотъ измѣняется отъ $5\frac{1}{2}$ до 9% . Еслибъ тутъ было одно лихоимство, то зло было бы не такъ велико, но сама организація банка, или скорѣе ошибочныя понятія о *богатствѣ* и *денежномъ обращеніи*, положенныя въ основу учрежденія банка, виной тому, что Французскій банкъ волею или неволею всякій разъ только способствуетъ усилению кризиса. Въ самомъ дѣлѣ вмѣсто того, чтобъ пригоршнями сыпать золото и серебро всякій разъ, когда довѣріе колеблется, Французскій банкъ отнимаетъ большую часть послѣдняго золота и серебра, находящагося въ обращеніи, заботливо прячетъ его въ своихъ погребахъ, когда въ немъ чувствуется особенная потребность. Вотъ какъ это дѣлается: выпуски банковыхъ билетовъ *отчасти* обезпечены наличными деньгами, представляющими треть суммы, на которую выпущены билеты. Это основано на предположеніи, что не болѣе трети билетовъ могутъ быть представлены вдругъ для уплаты, но это обезпеченіе, эта треть оказывается въ одно и то же время и *недостаточною*, и *чрезмѣрною*. Недостаточною, — ибо ничто не ручается, что сумма требованій не превзойдетъ ее. Въ теоріи ничто этого не доказываетъ, на практикѣ же предположеніе это опровергается самымъ торжественнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не видѣли мы, какъ Англійскій банкъ отказывался производить платежи звонкою монетою, въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ? Съ 1797 года по 1822 сотни американскихъ банковъ обанкрутились, Австрійскій банкъ тоже, Французскій былъ на краю гибели, и все это именно потому, что *болѣе трети* выпущенныхъ банками билетовъ были предъявлены къ уплатѣ. Впрочемъ, — и это самое важное обстоятельство — банки основаны прежде всего на томъ, что всѣ цѣнности, каковы бы онѣ ни были, всѣ виды богатства, должны быть измѣряемы наличными деньгами, драгоценнымъ металломъ: но справедливо ли, разумно ли это? Справимся съ подлинными офиціальными цифрами, сравнимъ приращеніе общественнаго богатства вообще съ приращеніемъ звонкой монеты, — другими словами, сравнимъ успѣхи труда и производства съ успѣхами неподвижной цѣнности, ничего не производящей, а служащей только единицей для измѣренія.

Общественное богатство Франціи, въ 1853 году, оцѣнено было приблизительно — а въ такихъ случаяхъ приблизительная оцѣнка есть единственно — возможная — въ 20 миллиардовъ. Изъ нихъ 16 миллиардовъ представляются кредитными цѣнностями и только четыре миллиарда драгоценнымъ металломъ. Что касается до приращенія этихъ двухъ цѣнностей, то вотъ цифры, представленныя періодическимъ изданіемъ, которое пользуется заслуженнымъ авторитетомъ. Это лондонскій *Экономистъ*: «Наличныя деньги, добываемыя изъ рудниковъ, составляютъ одну двѣнадцатую, тогда какъ приращеніе торговли было *двойное*.» «Кредитъ долженъ былъ пополнить

недостающее, говоритъ г. Даримонъ, — и вотъ почему цифра бумажныхъ денегъ все возрастала, тогда какъ цифра наличныхъ должна была напротивъ уменьшаться. Эта-то свѣтлая мысль излагалась, два года тому назадъ, въ англійскомъ парламентѣ, когда торговля, доведенная до крайности монетною системою, обратилась за помощью къ кредиту; тогда весь механизмъ денежнаго обращенія обнаружилъ всю свою несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, что значить кредитъ, когда система обращенія неудовлетворительна?»

Итакъ, 'самымъ очевиднымъ образомъ доказано и подтверждено, что наличныя деньги составляютъ только незначительную долю всего богатства, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уменьшающуюся; зачѣмъ же придавать имъ неограниченную власть, вѣзмъять ими все, даже трудъ, на который ни одинъ банкъ не даетъ займы?

Меня удивляетъ не то, что у насъ часто бываютъ кризисы; нѣтъ, я только не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ кризисъ не превратился у насъ въ явленіе постоянное. Приведу цифры въ подтвержденіе моихъ словъ.

Въ настоящее время Франція имѣетъ, круглымъ числомъ, около 4 миллиардовъ звонкой монеты для удовлетворенія всѣхъ потребностей денежнаго обращенія. Но какъ мы видѣли выше, суммы этой далеко недостаточно; итогъ торговыхъ кредитныхъ цѣнностей равняется шестнадцати миллиардамъ, то-есть вчетверо превышаетъ сумму звонкой монеты. Предположимъ трехмѣсячный срокъ уплатъ, какъ средній, — предположеніе для насъ невыгодное, — допустимъ также, что вся звонкая монета обращается въ предѣлахъ кредита. Такъ какъ деньги, какъ мы уже видѣли, составляютъ четвертую часть кредитныхъ знаковъ, а въ году считается 12 мѣсяцевъ, то-есть четырежды тримѣсяца, то выходитъ, что звонкая монета должна совершить *шестнадцать* полныхъ оборотовъ въ каждые 12 мѣсяцевъ. Теперь возьмемъ цифры, болѣе подходящія къ дѣйствительности. Средній срокъ уплатъ предположимъ двухмѣсячный, ибо въ пользу этого предположенія говорятъ самыя свѣжія данныя. Далѣе, совершенно невозможно допустить, чтобы вся звонкая монета находилась въ оборотѣ, значительная часть ея не участвуетъ въ немъ, напримѣръ хоть та, которую съ удивительнымъ здравымъ смысломъ банки запрягаютъ въ свои сундуки, подъ обманчивымъ предлогомъ поощренія торговли и оборотовъ. Кромѣ того не надо терять изъ виду, что очень значительная часть звонкой монеты переходитъ каждый день изъ рукъ въ руки для покупокъ на наличныя деньги. Сложите всѣ эти цифры, и вы увидите, что вмѣсто шестнадцати полныхъ обращеній, которыя мы сейчасъ предполагали, на дѣлѣ число ихъ доидетъ до 25. При такой быстротѣ обращенія съ одной стороны и при разнообразіи многочисленныхъ матеріальныхъ интересовъ съ другой, самаго легкаго препятствія, самаго малѣйшаго замедленія, од-

ного какого-нибудь банкротства или сколько-нибудь значительнаго вывоза металовъ уже слишкомъ достаточно, чтобъ произвести совершенное разстройство, подать поводъ къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ.

Посмотрите, какое невѣроятное противорѣчіе заключается въ понятіяхъ экономистовъ, защищающихъ нынѣшнюю монетную систему и организацію нынѣшнихъ банковъ. Они первые твердятъ вмѣстѣ со всѣми приверженцами прогресса, что богатство не въ золотѣ и серебрѣ, что оно все заключается въ трудѣ, въ дѣятельности, въ знаніи, промышленности, торговлѣ и пр. Они громко осмѣиваютъ политику Филиппа II во время завоеванія Америки. Испанія, говорятъ они, переполнена была золотомъ, тамъ оно было повсюду въ излишествахъ и несмотря на то, даже именно поэтому, она изнемогла отъ голода, отъ нищеты. Вскорѣ послѣ пріобрѣтенія рудниковъ она принуждена была сдѣлать тягостный заемъ у Генуэзской республики, у которой не было рудниковъ, но за то былъ трудъ, была торговля. Если такъ, если вы сами признаете очевидную несостоятельность золота, если вы смѣтаетесь надъ людьми XVII столѣтія, зачѣмъ же въ XIX вѣкѣ впадаете въ ту же ошибку? И точно, осудивъ Филиппа II за то, что въ золотѣ онъ видѣлъ все, офіціальные экономисты непремѣнно хотятъ всякому произведенію труда противопоставить *равную цѣнность въ золотѣ*, они все сравниваютъ съ металомъ, все превращаютъ въ него, и все это послѣ того, какъ сами они вычеркнули золото изъ списка производительныхъ цѣнностей. А между тѣмъ извѣстно, что всякое количество можетъ быть измѣряемо только однородною ему величиной, многогранникъ—многогранниками, треугольникъ—треугольниками, линія—линіями. Кто бы могъ думать, что деньги, изобрѣтенныя единственно для облегченія мѣны, вслѣдствіе ложныхъ системъ обратятся въ помѣху торговлѣ!

Вотъ еще одно вопіющее противорѣчіе въ системѣ ложныхъ понятій, лежащихъ въ основѣ нынѣшней монетной системы. Съ одной стороны государство объявляетъ притязанія на исключительное право чеканить монету и сообщать золоту и серебру ту цѣнность, которую они имѣютъ въ обращеніи. Государство преслѣдуетъ строгими наказаніями того, кто дерзнулъ бы соперничать съ нимъ. Съ другой стороны оставляя за собой монополію превращенія металовъ въ монету, оно въ то же время допускаетъ изготовленіе бумажныхъ денегъ частными лицами. Предположимъ, что основывается частное общество, которое выпускаетъ акціи въ 500 франковъ каждую и раздаетъ ихъ капиталистамъ, получая отъ нихъ взаимѣмъ наличное серебро. Развѣ это общество, поступая такимъ образомъ, не выпускаетъ монету? Развѣ, добывая 500 франковъ за клочекъ бумаги, оно не превращаетъ этотъ клочекъ бумаги въ монету? Одно изъ двухъ: или пусть государство пользуется исключительнымъ, един-

ственнымъ правомъ выпуска монеты, и въ такомъ случаѣ пусть запретятъ частнымъ лицамъ выпускать клочки бумаги, замѣняющіе монету, или пусть дадутъ частнымъ людямъ право дѣлать ходячую монету, безо всякаго ограниченія, и пусть уничтожатъ тогда монетные дворы съ ихъ спеціальнымъ законодательствомъ, ибо они въ этомъ случаѣ будутъ бесполезны.

По всему выше изложенному мы ясно видимъ, что *единственную причину нашихъ финансовыхъ кризисовъ должно искать въ господствующемъ ложномъ понятіи о звонкой монетѣ и особенно въ преувеличеніи ея важности, ея мнимого превосходства надъ другими денежными цѣнностями.*

Другими словами, кризисовъ нашихъ не должно приписывать расширенію кредита, которое служитъ напротивъ признакомъ благоденствія, приращенія богатства. Ихъ должно приписывать единственно старанію противопоставить труду и производству равносильную цѣнность въ звонкой монетѣ.

Всѣ нынѣ существующіе банки основаны на тройномъ обманѣ: во первыхъ, на ложномъ понятіи о звонкой монетѣ и на заблужденіи, считающемъ ихъ за главную цѣнность, откуда происходитъ слишкомъ низкая оцѣнка труда; во вторыхъ, на ложномъ предположеніи, что только третья часть всѣхъ выпущенныхъ банковыхъ билетовъ будетъ предъявлена къ уплатѣ; въ третьихъ, на столь же ложномъ предположеніи, будто можно пособить недостатку въ деньгахъ, запрятывая требуемое золото въ глубокія кладовыя.

«Обольщенія, вымыслы», говоритъ г. Жирарденъ, «они должны подвергнуться общей судьбѣ всѣхъ обольщеній!» Не имѣетъ ли послѣ этого г. Жирарденъ право сказать: «Теперь дѣло идетъ не о частныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ банковъ, а о совершенномъ ихъ преобразованіи?»

Не ясно ли, что всѣ перевороты въ торговомъ мірѣ суть необходимыя, роковыя послѣдствія самой монетной системы, а слѣдовательно и банковъ, основанныхъ на этой системѣ? Офиціальныи міръ, создавшій монетную систему, самъ ее осуждаетъ, допуская кредитъ. Ибо если монетная система хороша сама по себѣ, къ чему же было бы пополнять ее кредитомъ?

Въ новой организаціи монетной системы и банковъ, на которую я долженъ ограничиться здѣсь однимъ указаніемъ, гг. Жирарденъ и Дармонъ поставили себѣ сначала вопросъ: что такое трудъ въ глазахъ нынѣшнихъ банковъ? и отвѣчаютъ: *ничто!* Подобно Сейесу, который некогда сказалъ: «Что такое среднее сословіе? — *ничто*; чѣмъ должно оно быть? — *всѣмъ*,» — г. Жирарденъ говоритъ: «Для новыхъ банковъ, трудъ, этотъ источникъ всякаго богатства, будетъ *всѣмъ* или *почти всѣмъ*; *деньги же* для нихъ должны быть *ничѣмъ* или *почти ничѣмъ*. Кромѣ того, новые банки, такъ какъ ме-

таллѣ отступаетъ въ нихъ на второй планъ, будутъ имѣть такую монету, при посредствѣ которой всѣ цѣнности будутъ обращаться легко и свободно, сообразно своей истинной цѣнѣ. Такимъ образомъ вмѣсто монеты — *милрида цѣнности*, мы получимъ монету, служащую *свидѣтельствомъ* (certificat) *цѣнности*.

Тогда только, то-есть когда прекратится неограниченное господство металла, и онъ станетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, то-есть ничѣмъ, или почти ничѣмъ, не будетъ болѣе ни затрудненій, ни кризисовъ. Затѣмъ г. Жирарденъ, не желая предположить безъ основанія, какъ это сдѣлали нынѣшніе банки, что къ уплатѣ не будетъ предъявлено заразъ болѣе одной трети выпущенныхъ ассигнацій, предполагаетъ напротивъ, что предъявлено будетъ все количество ихъ. За то онъ предлагаетъ вымѣнивать ихъ на срочные торговые билеты или на банковые билеты, также уплачиваемые на срокъ, а не по предъявленіи. Что касается до обезпеченія выпущенныхъ билетовъ, оно, по г. Жирардену, должно заключаться не въ кладовыхъ, а въ сосредоточеніи и предварительномъ взносѣ преміи, пропорціональной шансамъ неуплаты или замедленія уплаты. Такіе банковые билеты съ уплатою въ срокъ имѣютъ всѣ преимущества *вынужденнаго курса*, не представляя его невыгодныхъ сторонъ и насильственности. Съ такими билетами не нужно уже будетъ скоплять металлъ въ банкѣ; отнимая его у обращенія, не нужно будетъ прибѣгать къ оружію для защиты дверей банка, осаждаемыхъ предъявителями билетовъ.

Монета новыхъ банковъ будетъ *монетою-представителемъ цѣнности*; этотъ родъ монеты отчасти былъ уже употребляемъ и съ большимъ успѣхомъ. Въ историческомъ и экономическомъ отношеніи, по мнѣнію г. Жирардена, существуетъ четыре вида монеты:

- 1) Монета мѣновая, — соль, скоть, кожи и т. д. — бывшая первоначально монетою.
- 2) Монета металлическая — чеканенное золото и серебро; это монета временная.
- 3) Монета бумажная — банковые билеты и проч.: это усовершенствованная монета.

4) Введенный во всеобщее употребленіе *переводъ съ одного лица на другое* (*le virement de partie universalisé*) — орудіе, которое не можетъ быть ни затеряно, ни поддѣлано; это самая совершенная и окончательная монета.

Дѣйствительно, при большихъ торговыхъ сдѣлкахъ, значительнѣйшіе и сложнѣйшіе платежи совершаются самымъ простымъ и вѣрнымъ образомъ, посредствомъ виремента (*перевода съ одного лица на другое*). Положимъ на примѣръ, что французскій городъ Лионъ находится въ торговыхъ сношеніяхъ съ бразильскимъ городомъ Рио-Жанейро. Купецъ изъ этого послѣдняго города, отдаленнаго на

2,000 миль отъ Франціи, заказываетъ ліонскому фабриканту шелковыя издѣлія. Чтобы заплатить за нихъ, онъ, конечно, не станетъ посылать ему большихъ мѣшковъ съ мѣстною монетою, которые могутъ быть потеряны дорогою и транспортъ которыхъ стоитъ дорого. Онъ поступитъ гораздо проще: такъ какъ одинъ ліонскій купецъ, торгующій кампешевымъ деревомъ, долженъ ему сумму въ 80,000 франковъ, то онъ, купецъ изъ Рио-Жанейро, отправитъ къ фабриканту шелковыхъ издѣлій *переводъ (trattum)* на торговца кампешевымъ деревомъ, и такимъ образомъ два счета будутъ покончены разомъ, не прибѣгая къ пересылкѣ большихъ массъ металла, теряющихъ часть своей цѣнности при всякомъ перемѣщеніи, сообразно требованіямъ курса, существующаго между двумя упомянутыми торговыми пунктами. Положимъ теперь, что весь итогъ торговыхъ сдѣлокъ между Франціей и Бразиліей, раздѣляемыми такимъ огромнымъ пространствомъ, равняется 500 милліонамъ, соответствующимъ отправкѣ товаровъ на 2 милліарда. Спрашиваемъ, что удобнѣе—переправлять ли на 2 милліарда металлическихъ денегъ черезъ Океанъ или переводить, хоть 600 разъ, счета въ купеческихъ книгахъ изъ одной рубрики въ другую?

Въ Англіи *сиренитъ* приложенъ былъ съ успѣхомъ въ нѣсколькихъ, къ сожалѣнію, немногихъ банкахъ. Вотъ, вкратцѣ, въ чемъ состоитъ сущность операцій этихъ банковъ. А* дѣлаетъ вкладъ въ 100,000 франковъ. У В* есть 50,000 франковъ, и онъ задолжалъ А* 25,000 франковъ, вслѣдствіе десяти торговыхъ сдѣлокъ, и А* въ свою очередь задолжалъ В* 80,000 франковъ вслѣдствіе двадцати сдѣлокъ. Эти два негоціанта, вмѣсто того чтобы сводить и уплачивать двадцать отдѣльныхъ счетовъ, дѣлаютъ другъ другу переводъ на банкъ, въ которомъ находятся ихъ капиталы, то-есть въ итогѣ дѣлаютъ двѣ сдѣлки. Но банкъ, сравнивая оба счета, составляетъ для А* и В* слѣдующія два уравненія:

$A^* = (\text{вклада}) 100,000 G + (\text{должна ему } B^*) 25,000 - (\text{должна имъ } B^*) 80,000 = 45,000.$

$B^* = (\text{вклада}) 50,000 - (\text{должна имъ } A^*) + 25,000 G (\text{должна ему } A^*) 80,000 = 105,000.$

Въ Лондонѣ и другихъ значительныхъ городахъ Англи, всякое сколько-нибудь достаточное семейство имѣетъ своего банкира, на котораго возложена обязанность производить каждый мѣсяцъ или каждыя двѣ недѣли платежи различнымъ поставщикамъ этого семейства. Англичанинъ, по пословицѣ котораго «*время — деньги*» (*time is money*), не любитъ безпокойиться понапрасну и тратить время въ дразгахъ ежедневныхъ счетовъ, а слагаетъ ихъ на банкировъ, обдѣлывающихъ между собою этого рода дѣла самымъ простымъ, скорымъ и выгоднымъ для всѣхъ образомъ. Вотъ какъ это дѣлается. Устроены особенные дома, такъ-называемые *clearing houses*, находящіеся подъ

надзоромъ офиціально назначеннаго инспектора. Въ этихъ учрежденіяхъ платежи и полученія совершаются посредствомъ особеннаго рода векселей, извѣстныхъ подъ именемъ *чековъ* (*checks*), которые передаются взаимно между городскими банкирами. Въ залѣ въ извѣстномъ порядкѣ, разставлены пюпитры; у каждого пюпитра находится ящикъ съ именемъ торговаго дома, которому онъ принадлежитъ; въ этотъ ящикъ кладутся векселя, которые должны быть выручены прикащиками другихъ домовъ. Прикащикъ, сидящій у пюпитра, вноситъ ихъ въ книгу. Въ четыре часа ящики запираются, прикащикъ подводитъ итогъ векселей, вложенныхъ и поступающихъ въ уплату. Въ то же время онъ получаетъ отъ своего дома счетъ съ итогомъ векселей, вложенныхъ этимъ домомъ въ ящики другихъ домовъ. Тогда онъ сводитъ балансъ и отправляетъ его къ своему патрону, который если онъ остался долженъ, присылаетъ банковыми билетами сумму, нужную для уплаты. Въ 5 часовъ является инспекторъ, получающій подъ квитанцію платежи тѣхъ, кто остался долженъ. Общій итогъ *временовъ*, совершаемыхъ такимъ образомъ въ продолженіи одного дня, оцѣнивается приблизительно въ два съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ, и на все это употребляется только 20,000 фунт. стерлинговъ банковыми билетами и 500 фунтовъ серебряною и золотою монетою. Цифры эти сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что можно воздержаться отъ панегирика.

Но отъ чего же то, что приложено въ малыхъ размѣрахъ съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ, не можетъ быть приложено въ размѣрахъ большихъ? Почему по крайней мѣрѣ не испытать этого? Въдмы не отказываемся отъ испытанія какого-нибудь новаго смертоноснаго орудія, чтобъ узнать, точно ли оно скорѣе и вѣрнѣе убиваетъ, чѣмъ всѣ бывшія до сихъ поръ въ употребленіи. Это тѣмъ болѣе слѣдовало бы сдѣлать, что и экономическая теорія, и практическіе примѣры равно говорятъ въ пользу этого учрежденія, равно доказываютъ, что этотъ новый родъ монеты (*Monnaie de virements de parties*), представляя существенныя удобства для свободнаго и быстрого обращенія, не имѣетъ въ себѣ въ то же время ничего несбыточнаго, а напротивъ того какъ нельзя болѣе положителенъ и приложимъ въ дѣйствительности.

Банки, устроенныя на такую ногу, будутъ представлять собою не болѣе какъ страховыя общества отъ риска неуплаты или замедленія уплаты.

Г. Жирарденъ справедливо думаетъ, что даже не проникая глубже въ сущность дѣла, не подвергая монетной и банковской системы совершенному преобразованію, можно было бы способствовать обращенію денегъ и умѣрить разрушительное вліяніе кризисовъ, даже съ тѣми ограниченными средствами, которыя представляетъ нынѣшняя организація.

Такъ напримѣръ нельзя ли было бы раздѣлить облигаціи такъ-называемой *ренты*, которыя представляютъ вкладъ, дающій проценты, на небольшіе купоны, 'положимъ хоть въ 10 франковъ каждый? «Такимъ образомъ, говорятъ блестящій публицистъ, билеты ренты, билеты государственные, билеты банковые, бумаги срочныя будутъ дополнять другъ друга, помогать другъ другу. Въ каждомъ изъ нихъ неудобства будутъ вознаграждаться его выгодными сторонами. Такъ съ точки зрѣнія владѣльцевъ рентныхъ билетовъ невыгода послѣднихъ состоитъ въ томъ, что по нимъ нѣтъ срочной уплаты, выгода же ихъ та, что они приносятъ проценты; тогда какъ банковые билеты представляютъ совершенно обратное.» Да и что же препятствуетъ свободному обращенію облигацій, акцій и проч., если не тягостныя, разорительныя, безконечныя формальности передачи, доставляющія пропитаніе длинной вереницѣ паразитовъ, которые обогащаются въ ущербъ свободному обращенію и истиннымъ интересамъ торговаго міра? Нужна ли биржа и цѣлое сословіе биржевыхъ маклеровъ, на которыхъ уходитъ до 60 милліоновъ въ годъ, для того чтобъ способствовать обращенію денегъ, которыя сами по себѣ суть не что иное какъ сила и стихія обращенія?

Нѣтъ сомнѣнія, что первыхъ провозвѣстниковъ этого благотѣльнаго проекта, столь же простаго, какъ и грандіознаго, прежде осуществленія его встрѣтятъ страшные вопли всѣхъ поборниковъ рутинны и предрасудковъ. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; реформаторовъ всегда встрѣчаютъ крикомъ *crucifigatur!* — если только ихъ не выдадутъ за умалишенныхъ. Когда герцогъ Сюлли сказалъ Генриху IV, что единственное средство для обогащенія короля состоитъ въ прямомъ собираніи податей съ народа помимо всякихъ посредниковъ, придворные называли Сюлли сумашедшимъ, но знаменитый Бурбонъ далъ волю великому министру, и послѣ того какъ проектъ послѣдняго вполне удался, остроумнѣйшій изъ французскихъ королей повторялъ всѣмъ и каждому: «Мудрые разорили меня, а безумцы обогатили».

Яковъ Фельденъ.

II. Покушеніе 14-го января.

Третьяго дня въ Оперномъ театрѣ былъ бенефисъ Масоля. Ристори играла Марию Стюартъ; кромѣ того давали одинъ актъ изъ Вильгельма Телля, одинъ актъ изъ *Muette de Portici* и балетъ. Я достала ложу и отправилась въ Оперу съ двумя знакомыми дамами. Подъѣзжая къ зданію театра, я замѣтила необыкновенную иллюминацію; вездѣ горѣли вензеля Наполеона. На мой вопросъ, мнѣ сказали, что

императоръ будетъ въ театрѣ. Мы пробрались къ подъѣзду между рядами жандармовъ и *sergeants de ville*. Спектакль уже начался, когда мы вошли въ залу. Едва добрались мы до своей ложи, какъ два взрыва, похожіе на пушечные выстрѣлы, оглушили залу.—Что это? спросила я. «Вѣроятно, салютъ императору, отвѣчала мнѣ одна дама,—вѣрно онъ пріѣхалъ.»—Давно ли ввелся обычай салютовать императору, когда онъ пріѣзжаетъ въ театръ, и какъ стрѣлять при такомъ стеченіи публики, и такомъ множествѣ экипажей у подъѣзда? замѣтила я. Едва проговорила я это, какъ дверь нашей ложи отворилась и къ намъ вбѣжалъ, перепуганный, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, съ словами: «стрѣляютъ въ императора; что-то въ родѣ адской машины, много убитыхъ, пропасть раненыхъ, но онъ невредимъ и уже вышелъ изъ кареты.» Сосѣди наши обратились къ намъ съ разспросами, и въ то же время весь партеръ поднялся съ своихъ мѣстъ, и въ залѣ сдѣлалось такое волненіе, такой шумъ, что оперы не было уже слышно; всѣ обернулись спиною къ сценѣ, взоры всѣхъ устремились на императорскую ложу. Но императоръ не показывался. Актеры пѣли съ пропусками, кое-какъ допѣли финалъ и занавѣсъ опустился. Волненіе возрастало; нѣсколькимъ дамамъ сдѣлалось дурно. Наконецъ, императоръ вошелъ въ ложу; онъ былъ очень блѣденъ и отиралъ платкомъ лицо свое. Многіе говорили, что на платьѣ видна была кровь, потому что осколокъ каретнаго стекла ранилъ его въ лицо. Императрица поднесла платокъ къ глазамъ; она плакала. Всѣ зрители обратились къ нимъ, рукоплескали, махали платками, шляпами, кричали: *vive l'Empereur!* Ихъ величества долго откланивались публикѣ, и наконецъ заняли свои мѣста. Вдругъ кто-то вошелъ въ императорскую ложу, сказалъ что-то Наполеону... Партеръ снова встревожился, снова всѣ встали съ своихъ мѣстъ, и въ залѣ раздались крики: «*Un médecin! un médecin!* par ordre de l'Empereur un médecin!» потомъ опять начали аплодировать, и онъ опять всталъ и кланялся. Между тѣмъ вотъ что узнали мы о томъ, что произошло на улицѣ. Когда карета императора, въ которой онъ сидѣлъ съ императрицей, штатсъ-дамою и своимъ адъютантомъ генераломъ Рогé, стала подъѣзжать къ зданію Оперы, газъ былъ вдругъ остановленъ, такъ что сдѣлалось темно, и подъ карету были брѣшены три гранаты, одна вслѣдъ за другою; всѣ три лопнули. При первомъ взрывѣ лошади встали на дыбы, уланы императорскаго конвоя спутали ряды свои, народъ бросился въ сторону и началась страшная суматоха. Карета остановилась и не двигалась съ мѣста. Тогда лопнула вторая, и вслѣдъ за нею третья бомбы подъ самою каретою. Лошадей убило, кучеръ слетѣлъ съ козелъ, карета была пробита осколками и пронизана пулями, генералъ Рогé раненъ въ затылокъ, нѣсколько уланъ убиты наповалъ. Въ народѣ убита молодая дѣвушка и нѣсколько другихъ лицъ; переранено множество.

Шла императора прострѣлена. Послѣ втораго взрыва, Наполеонъ отворилъ дверцу кареты, и сказавъ, улыбаясь: *le marchepied*. Онъ вышелъ изъ кареты, высадилъ императрицу, и обратясь къ народу, сказалъ: *Je n'ai rien!* Тогда лопнула третья бомба и пронизала всю карету пулями. Онъ нисколько не потерялъ присутствія духа. Что касается до императрицы Евгеніи, можете сами представить себѣ, въ какомъ она была положеніи. Обѣ улицы и дома тотчасъ были оцѣплены и начались розыски. Между тѣмъ представленіе шло своимъ порядкомъ. Въ одинъ изъ антрактовъ пріѣхали въ театръ и вошли въ ложу императора: принцъ Іеронимъ, сынъ и дочь его Матильда. Въ этотъ день у нихъ былъ вечеръ, на который они не звали императора, чтобы не стѣснить своихъ гостей этикетомъ. Услышавъ о происшедшемъ, они оставили своихъ гостей и пріѣхали въ театръ. Обыкновенно императоръ бываетъ въ театрѣ не долго; въ этотъ день онъ остался до конца спектакля. У подъѣзда театра представилось намъ ужасное зрѣлище. Лошади лежали еще на улицѣ истерзанныя взрывами; одна изъ нихъ была разорвана на части и представляла изъ себя кусокъ кроваваго мяса. Въ фронтонѣ подъѣзда не осталось ни одного цѣлаго стекла, все было разбито, и самый навѣсъ подъѣзда прострѣленъ и разрушенъ. Мы уѣхали изъ театра вслѣдъ за императоромъ. Я была поражена страшнымъ множествомъ народа, толпившагося на улицахъ и безчисленными отрядами войскъ. Говорятъ, что вслѣдъ за первымъ взрывомъ, возлѣ императора появился вдругъ полкъ зуавовъ, будто изъ земли выросъ. Мы едва дотащились домой, медленно пробираясь сквозь эту сплошную массу народа и войскъ. Когда императоръ возвращался изъ театра, народъ повсюду привѣтствовалъ его восторженными криками: *Vive l'Empereur!* Вчера цѣлый день народъ толпился въ улицѣ *Lepelletier*, возлѣ Оперы. Виновниковъ покушенія еще не открыли, но говорятъ, что трое арестованы по подозрѣнію, и что полицейскій офицеръ задержалъ, за минуту до взрыва, какого-то господина, у котораго нашли такую же гранату въ карманѣ, и кромѣ того, револьверъ и кинжалъ. Увѣряютъ, будто англійская полиція дала знать французской, еще задолго прежде, что будетъ покушеніе на жизнь императора. Оказалось, что господинъ, задержанный съ бомбой, извѣстный заговорщикъ Пьерри, давно уже изгнанный изъ Франціи, и прибывшій въ Парижъ за два дня до этого происшествія. Всѣ замѣшанные въ это дѣло—Итальянцы, что подаетъ мысль, что здѣсь не безъ Мадзини. Полагаютъ, что Англія, на этотъ разъ, попросить его выхъать изъ ея владѣній; но все это только слухи. Въ театрѣ сидѣло возлѣ насъ нѣсколько легитимистовъ; всѣ были въ восторгѣ, что императоръ уцѣлѣлъ, и съ участіемъ смотрѣли на него. Около насъ многіе говорили: *Que deviendrons nous demain, s'il lui arrivait malheur!* Я думаю, мысль эта была господствующею мыслию въ публикѣ. Говорятъ, что нашли еще двѣ гранаты, которыя не лопнули.

Двѣ дамы, жившія напротивъ Оперы, ранены въ домѣ. Весь подъѣздъ Оперы пронизанъ пулями. C'est le cas de dire que j'en ai échappée belle. Еслибы мы пріѣхали тремя минутами поздиѣе, то сгибли бы посреди этой сумятицы; за шальную пулю, при такомъ множествѣ пуль, отвѣчать нельзя. Эти бомбы были начинены огромнымъ количествомъ пуль, и ранили осколками очень многихъ. Отъ императорской кареты почти ничего не осталось. Говорятъ, что его спасло именно то, что полицейскій офицеръ Эберъ арестовалъ за двѣ минуты до того времени, какъ кинули бомбы, подозрительнаго господина, который былъ начальникъ заговорщиковъ. Говорятъ, что онъ долженъ былъ въ самую минуту смятенія броситься на императора и впотымахъ убить его, если бы бомбы не коснулись его. Для этого на немъ и былъ револьверъ, кинжалъ и проч. Оно было бы очень легко, потому что императоръ вышелъ изъ кареты посреди толпы, гдѣ была ужасная толкотня и сумятица, прибавьте къ этому темноту ночи, тѣла убитыхъ уланъ; крики народа, стоны раненыхъ, всеобщій ужасъ, и вы поймете, что человѣку отчаянному и фанатику, какъ этотъ Пьерри, легко было добраться до императора, въ эту страшную минуту. Дамы, бывшія на подъѣздѣ, попадали въ обморокъ; и ихъ едва могли пронести сквозь толпу. Словомъ, говорятъ, что улица была чѣмъ-то неслыханно страшнымъ въ продолженіи полчаса. До сихъ поръ не понимаютъ какъ могли потушить газъ въ одно мгновеніе. Это заставляетъ думать, что заговорщиковъ было много.

Е. Т.

ПОСЛѢДНІЙ ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ ХУДОЖНИКА ЖЕЛѢЗНОВА (1).

Бываютъ споры, долго не умоляющіе, но между тѣмъ на столько уже исчерпавшіе спорный предметъ, что все дѣло, какъ говорятъ иногда Французы, не стоитъ щепотки табаку, ne vaut pas une prise de tabac. Въ такомъ почти положеніи полемика наша съ г. Желѣзновымъ, и судьба хотѣла, чтобы въ ней буквально зашла рѣчь о щепоткѣ табака, которую мы сознаемъ себя принужденными уступить въ этомъ случаѣ нашему противнику, но тѣмъ не менѣе почитаемъ себя обязанными опровергнуть незаслуженныя нами обвиненія, и въ свою очередь указать г. Желѣзнову его ошибки.

Разсмотримъ возраженія г. Желѣзнова въ послѣдовательномъ порядкѣ: сочиненія картины, типовъ ея дѣйствующихъ лицъ и достоинства исполненія.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1857 г. № 23.

Г. Желѣзновъ въ началѣ своей статьи говоритъ, что «критикъ не долженъ искать въ картинѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, а проникать въ мысли и чувства художника»; послѣ чего онъ постав-
ляетъ намъ въ обязанность, не только знать, но даже сказать при
разборѣ картины, что «въ Андалузіи находится множество цыган-
скихъ семействъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, причислен-
ныхъ къ мѣщанскому сословію» и т. п., однимъ словомъ такіа подроб-
ности, для которыхъ мало изучать статистику испанскихъ провин-
цій, но почти необходимо ѣхать на мѣсто и все это затѣмъ только,
чтобы снискать право произнести сужденіе о картинѣ г. Сорокина.
Кажется, слова наши «не думайте встрѣтить это знакомое вамъ племя
въ его кочевьи среди поля» и проч., не заключаютъ еще въ себѣ
сужденія, что г. Сорокинъ изобразилъ испанскихъ цыганъ не такими,
какіе они суть въ дѣйствительности въ Андалузіи. Мы хотѣли только
выразить, что не представляя характеристическихъ особенностей
цыганскаго племени, сообразно съ понятіями о немъ, однажды усво-
енными нашимъ обществомъ, картина г. Сорокина не облизываетъ съ
перваго взгляда угадывать ея содержаніе. Сознаемся, что мы не ви-
дѣли цыганъ въ Андалузіи, но намъ привелось видѣть крымскихъ
цыганъ въ Саланчукѣ, предмѣстіи Бакчисарая, также ведущихъ осыд-
лую жизнь и занимающихся музыкой и пляскою, и несмотря на это
случайное знакомство, мы не станемъ отрицать, что характеристи-
ческою чертою цыганскаго племени все-таки остается жизнь коче-
вая, воспитанія Пушкинымъ, съ ея *кострами и шатрами*:

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры!
Я бы самъ въ другое время
Провожалъ сіи шатры.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Вездѣ кочующій цыганъ.

Дальвѣйшее возраженіе г. Желѣзнова еще болѣе лишаетъ картину
идеальной ея стороны. Мы говорили, что дѣвочка плачетъ, и не-
отрекаемся отъ своихъ словъ; таково наше мнѣніе и теперь. Кар-
тина находится здѣсь въ Москвѣ, въ собраніи г. Солдатенкова; стоить
только взглянуть на глаза дѣвочки, на пригнувшуюся къ ней голову
матери, старающейся повидимому ее утѣшить, на лицо отца, обра-
щенное въ эту сторону и на хлопающую въ ладоши старуху, напра-
вившую свой взоръ и костлявыя руки къ ребенку. Г. Желѣзновъ
разоблачаетъ картину отъ этого украшенія, говоря, что предметъ
картины простой урокъ домашняго воспитанія. Едва ли онъ пере-
даетъ въ этомъ случаѣ взглядъ самого художника, производителя кар-
тины, иначе можно было бы не согрѣша сказать, что картины у г.
Сорокина дѣйствительно komponуются «по волѣ боговъ сами собою.»

Далѣе г. Желѣзновъ объясняетъ, что «картины изъ народнаго быта обыкновенно не отличаются глубиною мысли, а вѣрно передаютъ подмѣченныя въ натурѣ сцены». Не хочетъ ли г. Желѣзновъ этимъ выразить, что отъ подобныхъ картинъ не нужно и требовать мысли? Но почему же, спрашиваемъ мы, народныя сцены заслуживаютъ быть предметомъ кисти художника, если не потому, что въ нихъ изобличается народный характеръ, большею частію вслѣдствіе идеи, лежащей въ ихъ основаніи? Въ какой мѣрѣ эта идея преобладаетъ надъ пошлою стороною всѣдневной жизни, въ такой мѣрѣ сцена дѣлается предметомъ болѣе достойнымъ искусства; лишь только такимъ путемъ доходимъ мы до высокаго жанра, гдѣ идея составляетъ уже господствующій элементъ.

Законы эстетики одни и тѣ же, какъ въ живописи, такъ въ поэзій и вообще въ литературѣ. Такъ-называемый жанръ есть ни болѣе ни менѣе какъ натуральная школа въ литературѣ. Неужели она должна ограничиться одними только сколками съ дѣйствительности? Искусство есть достояніе времени, въ которое оно развивается, достояніе современнаго общества, которому оно должно симпатизировать, это своего рода поле для выраженія идей. Таково наше понятіе о томъ родѣ живописи, который г. Желѣзновъ, представилъ чѣмъ-то въ родѣ вышиванья по канвовому узору, замѣняемому тутъ натурою.

Не оставляя еще дѣвочки, — смѣющейся по словамъ г. Желѣзнова, но плачущей или по крайней мѣрѣ плакавшей по нашему убѣжденію, — г. Желѣзновъ, недовольный нашимъ замѣчаніемъ, что дѣвочка блондинка, дѣлаетъ упрекъ нашей наблюдательности, приводя въ доказательство, что большая часть дѣтей въ Италіи бѣлокуры. Мы думаемъ, что приведенный примѣръ былъ бы кстати лишь въ томъ случаѣ, еслибы Италія была населена цыганскимъ племенемъ, а теперь находимъ его бездоказательнымъ и нисколько не относящимся къ нашей наблюдательности.

Изъ общаго разбора, которому подверглось сдѣланное нами описаніе картины, на сторонѣ г. Желѣзнова остается лишь неоспоримая пapiroса, хотя старику, который ее свертываетъ, ничто не мѣшаетъ походить на другаго старика, нюхающаго табакъ. Кому случалось наблюдать впечатлительность собственнаго воображенія, тотъ сколько-нибудь изслѣдовалъ одну изъ сторонъ его именно — представленіе. Процессъ усвоенія памятью всякаго новаго встрѣчаемаго предмета происходитъ при помощи уподобленій его прежде еще усвоеннымъ ею представленіямъ; чѣмъ разительнѣе сходство вновь встрѣчаемаго предмета съ однимъ изъ преждевидѣнныхъ, тѣмъ процессъ усвоенія совершается скорѣе, и оба предмета совпадаютъ въ воображеніи нашемъ иногда такъ, что мы смѣшиваемъ ихъ второстепенныя особенности.

Въ защиту типовъ г. Желѣзновъ говоритъ не многое, какъ на

принять про типъ того же старика, что онъ южный, да и мы кажется не утверждали, чтобъ онъ былъ сѣверный, а только не находили въ немъ типа отличительно цыганскаго. Сожалѣемъ, что г. Желѣзновъ ничего не сказалъ въ защиту типа, представляемаго лицомъ матери ребенка: здѣсь нападенія наши должны были бы показаться всего болѣе рѣзкими. Но, мы предчувствуемъ, г. Желѣзновъ готовъ въ крайнемъ случаѣ сказать: такова была натура! Эта догадка оправдывается его словами: «Г. Сорокинъ, какъ изъ картины видно, убѣжденъ, что въ сценѣ изъ народнаго быта не должно искать античной красоты (какъ будто нѣтъ красоты кромѣ античной), а должно комментировать обыкновенную натуру». Вотъ каковы убѣжденія у историческихъ художниковъ нашего времени! Куда послѣ того дѣвать всѣ результаты теоретиковъ, плоды созвательнаго мышленія столькихъ великихъ умовъ, когда отъ современныхъ намъ дѣятелей въ искусствѣ остается ожидать въ сочиненіи картинъ направленія лишь той школы, къ которой принадлежали Теньеръ и Остаде?

Переходимъ къ тому, что сказано г. Желѣзновымъ въ защиту самаго исполненія картины. Разбирая слова наши, что причина невыгоднаго впечатлѣнія, производимаго картиною, заключается «въ построѣ задняго плана и неумѣнн согласовать его со свѣтовымъ пятномъ», г. Желѣзновъ замѣчаетъ, что вся лѣвая сторона задняго плана принадлежитъ къ свѣтовому пятну и потому находить невозможнымъ согласовать свѣтовое пятно съ самимъ собою. Неужели на нашу долю выдается сказать, что самъ г. Желѣзновъ жестоко ошибается, называя среднюю часть боковой стѣны дворика (мы разумѣемъ среднюю по удаленію отъ зрителя, на которую также попало солнце какъ и на среднюю часть помоста) заднимъ планомъ, тогда какъ далѣе отъ глазъ зрителя находится вся задняя стѣна почти параллельная рамѣ картины и находящаяся безъ исключенія въ тѣни? Неужели, спрашиваемъ мы, освѣщеніе задней стѣны не могло быть согласовано съ освѣщенными частями лѣвой боковой стѣны и помоста? Вотъ именно почему рефлексъ солнечныхъ лучей, отражающихся на боковыхъ стѣнкахъ дворика, и выраженъ весьма неправильно, на что г. Желѣзновъ требуетъ отъ насъ доказательствъ. Находить новые недостатки картины относительно освѣщенія теперь не мѣсто, но признаемся по совѣсти, что относительно этой стороны едва ли слишкомъ много было сказано нами, и ежели бы картина по своему достоинству заслуживала болѣе аналитическаго разбора, то чего бы еще нельзя было сказать относительно освѣщенія фигуръ, относительно распределенія свѣта на ихъ оконечностяхъ, такого свѣта, который скорѣе можно уподобить или яркому свѣту луны или пожалуй ключьямъ лежащаго снѣга, но отнюдь не солнечнымъ лучамъ, схваченнымъ съ природы! Г. Желѣзновъ отчасти и сознается, что «въ краскахъ картина г. Сорокина дѣйствительно имѣетъ недостатокъ, общій почти всѣмъ работамъ этого художника.»

Выраженію нашему «намалевана, а не написана», употребленному относительно исполненія вѣтки виноградной лозы, г. Желѣзновъ желалъ придать тотъ смыслъ, что листьѣне имѣють опредѣленнаго контура, и нашедши ихъ очень тщательно вырисованными, отзывается совершенно непониманіемъ нашихъ словъ. Это поставляетъ намъ въ обязанность объясниться пространнѣе. Вопервыхъ мы не знали, чтобы живописью въ строгомъ смыслѣ этого слова могло называться все то, чѣмъ достоинствомъ своимъ имѣетъ опредѣленный контуръ, иначе китайское, японское и имъ подобныя искусства были бы причислены къ школамъ живописи. Богатство нашего роднаго языка усвоило себѣ для означенія такого искусства особый глаголъ малевать отъ нѣмецкаго *malen*, отдѣльно отъ глагола живописать. Этимъ различіемъ опредѣляется характеръ двухъ различныхъ степеней искусства. Отъ русскаго корня производится живописецъ, а отъ нѣмецкаго усвоенія маляръ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ живопись не достигаетъ своего назначенія живописать природу, говорятъ: намалевано, а не написано. Надѣмся, что этого достаточно.

Незаслуженный упрекъ, дѣлаемый намъ г. Желѣзновымъ о нашемъ будто бы намѣтѣ на происхождение и воспитаніе г. Сорокина въ такой мѣрѣ не основателенъ, что редакторъ *Русскаго Вѣстника* почелъ нужнымъ тутъ же оправдать насъ своимъ примѣчаніемъ. Требованіе г. Желѣзнова назвать ему третье лицо, произносившее невыгодное мнѣніе о картинѣ г. Сорокина, обличаетъ въ немъ глубокое незнаніе приличій журнальной полемики, изъ которой онъ хотѣлъ бы сдѣлать нѣчто въ родѣ уголовного слѣдствія. Мы не совѣтовали бы въ свою очередь и ему приводить слова, произнесенныя въ частномъ разговорѣ даже такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ А. А. Ивановъ, о новой картинѣ г. Сорокина *Благовѣщеніе*. Частный разговоръ не всегда бываетъ выраженіемъ заключительнаго мнѣнія; отношеніе людей, съ которыми говорится, къ лицу, о комъ говорится, часто недопускаютъ полной откровенности. Что касается до насъ, то мы не имѣемъ ни малѣйшаго предубѣжденія противъ г. Сорокина, и отъ всей души желаемъ полнаго успѣха его новому произведенію.

Мнѣ всего ожидали мы, чтобы г. Желѣзновъ рѣшился возобновить рѣчь о другой картинѣ г. Сорокина: *Ницца*, получающая милостыню отъ руки, протянутой къ ней изъ-за церковной двери, поставляя намъ въ укоръ, что мы осудили картину, не имѣя о ней и понятія. Мы надѣмся, читатели согласились съ нами, что концепція этой картины зиждется на ложномъ основаніи: всякое доказательство тутъ будетъ излишествомъ. Что же касается до права, которое мы себѣ присвоили судить о картинѣ заочно, то ежели сужденіе наше касалось одной только общей идеи ея сочиненія, надѣмся, никто не лишитъ насъ этого права. Ежели мысль рождалась не подъ самымъ карандашомъ художника, противъ чего сильно протестуетъ г. Же-

лѣзновъ, то слѣдовательно и разсматривать ее можно, не касаясь самаго произведенія.

Нужно ли еще пояснять г. Желѣзнову смыслъ нашихъ словъ, что при развитомъ воображеніи художника каждое дѣйствующее лицо въ картинѣ можетъ съ перваго приѣма выдти неизбѣжною частию общаго дѣла? Конечно мы разумѣли не складки одежды, на которыя уклончиво сворачиваетъ г. Желѣзновъ, а созданіе дѣйствующихъ лицъ, которое хотя и требуетъ по словамъ его «дзже отъ знаменитыхъ художниковъ великихъ усилій», но все-таки, надѣмся, не подъ карандашомъ получаетъ свое начало, а выходитъ зрѣло обдуманнмъ изъ головы художника.

Отвѣтъ свой г. Желѣзновъ оканчиваетъ яркимъ представленіемъ того положенія, въ которое поставлены русскіе художники, какъ во время пребыванія ихъ въ академіи, такъ и за границею.

Нельзя не поблагодарить серьезно г. Желѣзнова за такія свѣдѣнія, которыя ближе всего могутъ заставить наше общество быть болѣе правдивымъ судьей дѣла. Что касается до насъ самихъ, то будучи давно посвящены въ эти тайны и давно сознавая причину такого положенія художниковъ, мы чрезвычайно рады, что вызвали со стороны г. Желѣзнова такое откровенное признаніе, по поводу этого у насъ еще столь мало затронутаго вопроса. Намъ было бы чрезвычайно пріятно, еслибы г. Желѣзновъ рѣшился высказать болѣе подробностей о предметѣ, котораго всѣ недостатки и слабыя стороны ему ближе извѣстны. Ежели въ первоначальной статьѣ нашей (Р. В. 1856 г. № 14) мы возбудили вопросъ: «виноваты ли русскіе художники въ томъ, что нейдуть далеко?», и тутъ же представили отрицательное разрѣшеніе этого вопроса, то конечно г. Желѣзновъ не въ правѣ упрекать насъ въ томъ, что мы бьемъ лежачаго, а не обращаемъ возгласовъ нашихъ прямо противъ господъ членовъ академіи. Пусть г. Желѣзновъ видитъ въ сужденіяхъ нашихъ зло; мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что это зло могло принести свою относительную пользу. Не этимъ ли нападкамъ обязаны мы за откровенность, съ которою г. Желѣзновъ рисуетъ передъ нами положеніе русскаго художника, отправляемаго за границу? Мы просимъ у него позволенія приложить къ полемическимъ выходкамъ нашимъ слова Шекспира: вправо или вкось, въ окно или черезъ заборъ, а все таки попало, стало-быть мѣтко выстрѣлено.

Something about, a little from the right,
 In at the window, or else o'er the hatch:
 Who dares not stir by day, must walk by night;
 And have is have, however men do catch:
 Near or far off, well won is still wel chot.

ОТВѢТЪ Г. ПРОФЕССОРУ БУНГЕ. (1)

Изъ замѣтки г. профессора Бунге на мои воспоминанія о Свидзинскомъ, напечатанной въ № 24 Русскаго Вѣстника прошлаго года, я вижу, что онъ, г. профессоръ, не вчитался въ мою статью, вѣроятно, по множеству своихъ официальныхъ занятій. Онъ представилъ дѣло такъ, какъ будто *студентъ Кулишъ* негодовалъ на нѣкоторыхъ изъ профессоровъ Кіевскаго университета за ихъ «отталкивающую, черствую гордость, которую они обнаружили къ нему съ высоты своей официальной учености.» Нѣтъ, г. профессоръ! бывши студентомъ Кіевскаго университета, я помышлялъ только объ одномъ: какъ бы что-набудь позаимствовать въ аудиторіи отъ официальной учености. Но официальная ученость, въ лицѣ оправдываемаго вами столь сочувственно покойнаго Неволіна, не позволяла мнѣ черпать познаній изъ ея заповѣднаго источника. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Не удовлетворяясь тѣмъ, что читалось съ кафедры русской словесности, которую почти исключительно занималъ (по болѣзни ординарнаго профессора) туманнѣйшій изъ преподавателей, покойный Костырѣ, я дѣйствительно, какъ вы пишете, перемѣнилъ факультетъ, желая воспользоваться лекціями Неволіна, котораго, въ числѣ немногихъ другихъ, студенты признавали истинно достойнымъ профессоромъ университета. Но въ одно прекрасное утро Неволіанъ призываетъ меня къ себѣ, какъ ректоръ университета, и объявляетъ мнѣ *запрещеніе посѣщать лекціи до тѣхъ поръ*, пока я не представлю свидѣтельство о дворянствѣ, не на имя моего отца (какъ оно давно уже было представлено вмѣстѣ съ метрическимъ свидѣтельствомъ, удостовѣряющимъ, что я сынъ такого-то), а непосредственно на мое имя. Можетъ быть, напрасно я сталъ бы вамъ, г. профессоръ, разказывать, что значило для студента, не имѣвшаго ни родныхъ, ни покровителей, ни денегъ, ѣхать изъ Кіева въ Черниговъ и исполнить желаніе блюстителя буквы закона, покойнаго Неволіна. Вы можете оправдывать его, сколько вамъ угодно, но я представляю вамъ фактъ, что послѣ того, перебивавъ въ разныхъ вѣдомствахъ по службѣ, я не прибавилъ ни одной строчки къ своимъ документамъ, и никому не пришла въ голову мысль великаго юриста. Онъ вполне оправдалъ пословицу: *Summum jus summa injuria*. Какъ бы то ни было, но не что иное, а именно это обстоятельство, заставило меня

(1) Долгъ справедливости заставляетъ насъ помѣстить отвѣтъ г. Кулиша на замѣтку г. Бунге, но признаемся откровенно, что вообще полемика эта, кажется намъ, основана на недоразумѣніяхъ. *Ред.*

оставить университетъ (о чемъ вы нашли нужнымъ довести до свѣдѣнія общества) и обратиться въ учителя уѣзднаго учителя (о чемъ вы также сочли необходимымъ упомянуть).

Да, г. профессоръ! оттолкнутый отъ источника официальной учености, я предался изученію того, чего не слыжалъ съ университетскихъ кафедръ, и, по моему крайнему разумѣнію, думаю, что могъ бы, въ бесѣдѣ съ инымъ профессоромъ, хоть бы напримѣръ и съ самимъ Неволинымъ, котораго не разъ потомъ встрѣчалъ у знакомыхъ, сообщить ему кое-что интересное изъ вычитаннаго мною въ народѣ, въ замѣнъ того, что онъ вычиталъ въ книгахъ. Тутъ дѣлается слишкомъ узко ваше насмѣшливое сближеніе нашихъ специальныхъ занятій. Какъ я, не будучи по призванію юристомъ, жаждалъ слушать лекціи Неволіна, такъ и Неволинъ, не будучи этнографомъ, могъ бы кой-чѣмъ поинтересоваться изъ моего круга знаній. Но если вы въ 1857 году такъ понимаете связь между науками, то что же сказать о названныхъ мною профессорахъ, преподававшихъ двѣнадцать лѣтъ назадъ? Всѣ они являлись передо мной вездѣ, гдѣ я ихъ встрѣчалъ, не иначе, какъ драпированные плащомъ официальной учености, и—сто разъ повторю это—держали себя относительно ко мнѣ съ отталкивающею черствою гордостію.

Что касается до профессора М. А. Максимовича, о которомъ вы упоминаете, то прошу вспомнить, когда онъ выбылъ изъ университета. Да притомъ странно съ вашей стороны заставлять меня писать воспоминанія о живыхъ людяхъ и выставлять передъ свѣтомъ мои личныя отношенія къ нимъ!...

Характеристику благороднаго, доблестнаго польскаго археолога Свидзинскаго вы, по поводу его наивнаго аристократическаго восклицанія къ казакамъ XVIII вѣка: *Chłopi iesteście!* извращаете, въ противность представленнымъ мною фактамъ,—точно такъ, какъ несправедливо замѣчаете, будто бы я невѣрно перевожу слово *chłor*. Спросите перваго Поляка въ Кіевѣ на улицѣ, и онъ вамъ слово *chłor* переведетъ словомъ *мужикъ*, а не словомъ *холопъ*, которое давно вышло изъ употребленія не только въ южной, да и въ сѣверной Руси. А если вы больше вѣрите книгамъ, нежели живымъ людямъ, то посмотрите въ лексиконѣ.

Въ заключеніе скажу, что я не отвѣчалъ бы на вашу замѣтку, если бы вы не представили моихъ отношеній къ упомянутымъ профессорамъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто я толкался къ нимъ въ дверь, будучи студентомъ, и былъ ими отвергаемъ по несходству нашихъ занятій. Позже, гораздо позже искалъ я встрѣчъ съ людьми, которыхъ знаніями интересовался, и желалъ отъ нихъ одного—чтобы они смотрѣли на меня не какъ профессора на недоучившагося студента, а какъ люди просвѣщенные на юношу, жаждущаго просвѣщенія. Но этого-то именно я въ нихъ и не встрѣтилъ. Это покази-

васть, между прочимъ, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, наука и жизнь были у насъ, особенно въ провинціи, еще въ большомъ разьединеніи, и что такъ-называемая ученость не только не была направлена къ смягченію нравовъ, а напротивъ, еще какъ-то ожесточала врожденную черствость нѣкоторыхъ натуръ. Независимо отъ этого вашего недоразумѣнія, меня удивило, что профессоръ—и какого же?—*Кіевскаго* университета, въ 1857 году, не обратилъ вниманія на сущность моихъ воспоминаній о *Полякѣ* Свидзинскомъ, и повернулъ ее къ читателямъ такимъ образомъ, какъ-будто она написана для моего я. Еслибы можно было характеризовать польскаго археолога, не упоминая ни о себѣ, ни о *Кіевскомъ* университетѣ, я бы это сдѣлалъ по одному своему способу пониманія, какъ пишутся характеристики. Но я заставленъ былъ говорить о себѣ тою же необходимостью, которая и на этотъ разъ принудила меня высказать передъ обществомъ мои отношенія къ *Кіевскому* университету. Печатаю свои воспоминанія о Свидзинскомъ, я думалъ, что для современныхъ мыслителей будетъ утѣшительно подобное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ *Полякъ*, католикъ, аристократъ забываетъ всѣ выработанныя родною исторіею свои предубѣжденія противъ Русскихъ, да еще Русскихъ Малороссіянъ, и служитъ чѣмъ можетъ (не забудьте, не съ однимъ матеріальнымъ рискомъ) людямъ, ищущимъ по своему истинны. Это былъ вполне достойный просвѣщеннаго сочувствія шагъ къ примиренію разрозненныхъ старыми раздорами народностей, во имя науки, во имя истины.

П. Кълишъ.

С М Ъ С Ъ

Калькутта не только столица англійскихъ владѣній въ Индіи и резиденція главнаго правителя (1) но и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ торговыхъ портовъ. Не далѣе какъ двѣ недѣли назадъ *Times* восхищался «великолѣпнымъ зрѣлищемъ», которое представлялъ ея рейдъ, разцвѣченный флагами 192-хъ судовъ различныхъ

(1) Главный правитель Индіи (въ настоящую минуту лордъ Каннингъ сынъ знаменитаго Каннинга) живетъ въ крѣпости Фортъ-Уильямъ, начатой еще Кливомъ и оконченной очень недавно. Крѣпость защищена батареями въ 300 пушекъ и стѣнами, омываемыми Гангомъ.

націй. Зпутанность дѣлъ внутри полуострова не помѣшала имъ собраться сюда со всѣхъ концовъ свѣта за данью и съ данью. Дѣйствительно, торговля Калькутты, сдѣлавшая гигантскіе успѣхи въ послѣдніа тридцать лѣтъ, не изъ тѣхъ, что падаютъ отъ перваго толчка, отъ первой политической суматохи. По офиціальнымъ даннымъ, обнаруженнымъ калькуттскою таможеню, общее число судовъ, посѣдившихъ портъ въ теченіи 1855—1856 года, простиралось до 2,591. Болѣе двухъ третей цифры принадлежало, конечно, Англии, которая прислала 1,722 судна, затѣмъ 1,169 пришло вообще изъ Европы и Америки, 1,047—изъ Австраліи, Китая и индѣйскихъ портовъ, а остальные 375 были каботажныя. Всѣ вмѣстѣ заключали въ себѣ 1,355,763 тонны, изъ которыхъ 845,859 принадлежало Европѣ и Америкѣ, 464,489—Востоку и 45,415—каботажу. Цифра ввоза достигла, въ 1855—1856 году 50,380,137 рубл. серебр. товарами и 36,487,782 звонкою монетою; вывозъ простирался до 78,807,897 р. с. Звонкой монеты возвратилось обратно около 7,142,694 р. с. Общая цифра ввоза товаровъ и денегъ доходила до 87 милліоновъ р. с., вывозъ до 86 мил., что представляетъ, вмѣстѣ, оборотъ болѣе чѣмъ въ 170 милліоновъ рубл. с. Степень участія въ немъ различныхъ странъ опредѣляется слѣдующими цифрами. Англія ввезла въ 1855—1856 году болѣе чѣмъ на 42 мил. р. с., вывезла на 31¼. Доля Франціи гораздо меньше: полтора слишкомъ милліона ввоза и около 5 мил. вывоза. Главнѣйшій ввозъ Англии состоялъ изъ бумажныхъ и льняныхъ тканей, металловъ и соли, Франція — изъ винъ, пива, спиртуозныхъ напитковъ, модныхъ благовонныхъ товаровъ (*parfumerie*). Вывозила первая индиго, сахаръ, шелкъ, льняное сѣмя, горчицу, рисъ, кожи и селитру, вторая преимущественно индиго (на три четверти всей суммы) и рисъ. Ввозъ Соединенныхъ Штатовъ—главнымъ образомъ бумажныя ткани—доходилъ лишь до 600 тысячъ р. с., вывозъ сравнительно гораздо болѣе и состоявшій особенно изъ льнянаго сѣмени, индиго, оберточнаго холста, кожъ и селитры, возвышался до 6¼ милл. р. с. Участіе другихъ странъ въ калькуттской торговлѣ почти ничтожно. Въ 1855—1856 году совокупный ввозъ ихъ не доходилъ до 450 т. р. с., а вывозъ лишь 30-ю тысячами превышалъ эту сумму. — Этихъ свѣдѣній достаточно, чтобы судить о важности калькуттской торговли. До июля прошлаго года слѣдовало ожидать еще большаго ея развитія. Невозможно угадать, какое вліяніе будетъ имѣть на торговые сдѣлки возстаніе, но предполагаемая реформа Англо-индѣйской администраціи нисколько до нихъ не касается. Уцѣлѣть Компанія или уничтожится, попрежнему станетъ жить въ Калькуттѣ главный правитель Индіи или переселится въ болѣе центральный городъ, напримѣръ въ Агру, о которой часто говорили какъ о столицѣ англо-индѣйской имперіи—до всего этого Калькуттѣ нѣтъ никакого дѣла. Ея сила въ портъ, а не въ при-

существованіи верховнаго управленія. Природа создала для нея положеніе, котораго лишены Бомбей и Мадрась, и на много вѣковъ, можетъ быть на всегда, останется она самымъ значительнымъ изъ всѣхъ южно-азіатскихъ рынковъ. Не то, чтобы портъ ея былъ очень удобенъ. Напротивъ, входъ въ него чрезвычайно затруднителенъ и вообще плаваніе по Гугли (1) одно изъ самыхъ опасныхъ, такъ-что все искусство полтораста опытныхъ лопмановъ едва-едва спасаютъ торговыхъ гостей отъ крушеній. Мало того, въ окрестностяхъ города нѣтъ корабельнаго лѣса, который получаютъ изъ Пегу. Но Гугли — единственное изъ устьевъ Ганга, по которому могутъ подниматься суда нѣкотораго объема: всѣ другія устьяны песчаными отмелями. Кромѣ того, по своему географическому положенію Калькутта находится въ связи съ самыми плодородными частями Индіи, гдѣ разнообразіе производительности равняется лишь ея изобилію. Последнее обстоятельство и сдѣлало ее царицей индійской торговли. Невозможно было избрать лучшей центръ. Кромѣ приведенныхъ выше цѣрръ доказательствомъ удачнаго выбора служить, между прочимъ, и быстрое развитіе города. Простая факторія, основанная въ XVII ст. съ позволенія Ауренгъ-Зеби, Калькутта (на мѣстномъ нарѣчій Индусовъ Каль-Кутта, городъ богини Кали) до 1707 г. зависѣла отъ Мадраса, до 1715 — отъ бенгальскаго набоба. Въ 1735, въ эпоху, когда Англичане уже сражались за нее съ Великимъ Моголомъ, она была еще незначительнымъ городомъ: всего въ 60 т. жителей. Теперь въ городѣ 600 т., да въ окрестностяхъ около 2 милліоновъ. (Европейцевъ лишь 10 т., изъ числа которыхъ Англичанъ отъ 7 до 8 т.) Недавно городъ освѣщенъ газомъ. Вотъ что пишутъ по этому поводу изъ Калькутты г. Дуркинъ, главному инженеру восточной компаніи газоваго освѣщенія, въ Сутэмptonѣ: — «(22 окт.) Освѣщеніе газомъ совершенно неизвѣстно туземцамъ и очень ихъ удивило. Самые смысленные съ недоумѣніемъ разспрашиваютъ, какъ это лампы горятъ безъ фитиля. Чернь была просто въ отчаяніи. Ей вообразилось, что тысячи газовыхъ рожковъ назначены не для иного чего, какъ для сожженія города, что правителю стоять только, не сходя съ кресла, повернуть ключомъ, и огненная рѣка разольется по улицамъ. Было бы опасно разувѣрять ихъ въ суевѣрной боязни, полезной нашимъ интересамъ, и она скоро до того увеличилась, что ни одинъ изъ туземцевъ не осмѣливался прикоснуться къ страшному аппарату. Нѣкоторые по привычкѣ и стараются упо-

(1) Калькутта расположена на лѣвомъ берегу Гугли, одного изъ восьми устьевъ Ганга, лѣвъ въ пятидесяти отъ моря. — Лопмана составляютъ особую корпорацію на жалованьи. Двѣнадцать главныхъ получаютъ по 450 р. с. въ мѣсяць (5,500 въ годъ): изъ этого можно судить объ ихъ необходимости и значеніи.

кояты другихъ, но зажигальщики все еще не рѣшаются исполнять свою должность безъ сильнаго прикрытія.»

Канзасъ.—До 1854 года Канзасъ, теперь обращающій на себя всеобщее вниманіе, былъ не что иное какъ обширная равнина, обитаемая немногочисленными потомками народовъ, нѣкогда владѣвшихъ страпою и называемая, по этому поводу, *Индійскою Территоріею*. Открытая, около 1719 г., французомъ Дютинь, она была присоединена къ Луизианѣ, и въ 1803 г. уступлена Соединеннымъ Штатамъ. Но лишь въ эпоху открытія золота въ Калифорніи вышелъ забытый и заброшенный Канзасъ изъ мрака, въ которомъ до тѣхъ поръ скрывался. По своему положенію Канзасъ—самая прямая дорога отъ береговъ Атлантическаго океана къ странѣ золотыхъ росышей: правительство Соединенныхъ Штатовъ рѣшилось окончательно вступить во владѣніе ихъ. 25 мая 1854 заключенъ договоръ, по которому Индѣйцы уступили 10 милл. акровъ земли за тридцатилѣтнюю ренту въ 25 т. доллеровъ. Канзасъ лежитъ между штатомъ Миссури на западѣ и скалистыми горами на востокѣ. Это пространство въ 250 т. кв. верстъ, состоящее изъ плодоносныхъ равнинъ и части такъ-называемой Великой Американской Пустыни. Климатъ его довольно ровный; на юго-востокѣ бываютъ сильные холода, но за то осень вообще очень суха и до такой степени здорова, что страдающіе грудью получаютъ облегченіе, проведя въ Канзасѣ это время года. Официальная столица Канзаса—*Lecompton*, основанный не далѣе какъ въ 1855 году: пока это небольшой городишка, но нѣтъ сомнѣнія, что американская дѣятельность скоро обратитъ его въ цвѣтущій городъ. За нимъ слѣдуетъ *Lawrence*, на Канзасѣ, и *Leavenworth*, на Миссури. Въ первомъ учредили свою главную квартиру аболиціонисты и по этому поводу едва не штурмовали его Миссурійцы. *Lawrence* оперся на небольшую армію въ 800 человекъ, укрѣпился трудами искуснаго инженера и готовился уже вступить въ бой. Къ счастью дѣло устроилось безъ кровопролитія. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что отважный городъ снова готовъ вооружиться на защиту правыхъ убѣжденій.—Остальные центры канзасскаго населенія состоятъ изъ нѣсколькихъ миссій и фортовъ, вокругъ которыхъ группируются жилища, умножаясь съ каждымъ днемъ и служа перепутьемъ и мѣстомъ отдыха для многочисленныхъ каравановъ, безпрестанно снующихъ по этой части Америки. Вотъ что говоритъ о нихъ авторъ прекрасной книги о Канзасѣ (*The Kansas region, by Max Treene*): «Когда произнесешь слово *караванъ*, воображеніе тотчасъ рисуетъ однообразную картину: вереница однодербыхъ верблюдовъ; горделивые Бедуины верхомъ на небольшихъ арабскихъ лошадакахъ, сильныхъ, стройныхъ, съ огненными очами, тѣсныя стада козъ, побрякивающихъ колокольчиками; — все тянется изъ Дамаска къ

Синаю или отъ Мертваго моря въ центрѣ Африки. Американскіе караваны совсѣмъ иного вида. Четырехколесныя телеги прочной постройки, сверху до низу покрытыя холстомъ, запряжены восемью быками или мулами и каждая везетъ пудовъ до 130 груза. Сопровождающіе караванъ поочередно сторожатъ впереди и смотрятъ за скотомъ, который ведутъ за собою. Телеги—сто, иногда больше—четырьмя рядами слѣдуютъ одна за другою. На привалахъ онѣ образуютъ изъ себя огромный овалъ, одна сторона котораго открыта. Сюда вводятъ скотину, потомъ отверстіе старательно загораживаютъ. Зажигаютъ огни для удаленія дикихъ звѣрей и затѣмъ, полагаясь на бдительность часовыхъ, всѣ засыпаютъ.

Вопросъ о долговыхъ обязательствахъ Остъ-Индской компаніи въ случаѣ прекращенія ея политическаго существованія.—Весьма вѣроятно, что въ настоящемъ году прекратится политическое существованіе Остъ-индской компаніи. Раждается вопросъ, что будетъ съ ея денежными обязательствами, то-есть акціями, индійскими облигаціями и долгомъ?... Англійскій *Economist* 2 января напоминаетъ, что рѣшеніе его не отдано произволу настоящей минуты, но обозначено еще въ 1834 году, въ эпоху, когда Компанія перестала существовать какъ торговое общество. До того времени дивидендъ на акціи, представляющія внесенный капиталъ въ 37½ милл. р. с., выплачивался изъ торговыхъ барышей. Реформа 1834 г., уничтоживъ главный источникъ доходовъ, на который рассчитывали акціонеры, потребовала созданія новаго порядка для финансовыхъ обязательствъ Компаніи. Онъ установленъ закономъ 1834 года. Дивидендъ послѣднихъ лѣтъ возвышался до 10%. Сообразно съ этимъ и по соглашенію съ акціонерами парламентъ гарантировалъ послѣднимъ 10%, какъ норму дивиденда, а уплату его отнесъ на счетъ общихъ индійскихъ доходовъ. То же сдѣлано для четырехпроцентныхъ облигацій, общая сумма которыхъ простирается тоже до 37½ милл. р. с., и для долга. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту, совокупность всѣхъ финансовыхъ обязательствъ Компаніи можетъ быть разсматриваема въ формѣ долга индійскаго правительства, гарантированнаго, какъ всякій національный долгъ, доходами страны. Утрата Компаніей своего политическаго значенія ничего не измѣнитъ въ этомъ положеніи дѣла. Замѣтимъ, что выплачиваемые изъ доходовъ проценты доходятъ, по послѣднимъ даннымъ, для долга собственно до 12,587,500 р. с.; прибавивъ къ нимъ 3,950,000 р. с. дивиденда на акціи и полтора милліона р. с. процентовъ по облигаціямъ, получимъ годовую цифру въ 18,037,500 р. с. Финансовыя обязательства Компаніи не дешево обходятся Индіи. Хорошо, что страна богатая, и что доходы съ нея превышаютъ 137 милл. р. с.

BUREAU-VERITAS.—Въ Парижѣ существуетъ учрежденіе, заслуживающее вниманія мореплавателей и оказывающее великія услуги морской торговлѣ. Это такъ называемое *Bureau-Veritas*, цѣль котораго—открывать всему свѣту достоинства и недостатки торговых судовъ различныхъ націй. Понятно, какъ важно знаніе истинныхъ качествъ судна. Оно предохраняетъ страховыя общества отъ неблагоразумнаго риска, привлекаетъ фрахтъ къ добросовѣстному арматору, уменьшаетъ шансы разоренія для человѣка, вѣрившаго морю свое состояніе, увеличиваетъ шансы безопасности для того, кто доверяетъ ему свою жизнь... Честь основанія бюро принадлежитъ г. Августу Морелю, который завелъ его, тридцать лѣтъ назадъ, въ Автверпенѣ. Король Вильгельмъ I, который былъ горячимъ покровителемъ всякаго начинанія, представляющаго соріозныя задатки общественной пользы, пожелалъ оказать помощь предпріятію и ссудилъ основателя 25-ю тысячами голл. гульд. (болѣе 13 т. р. с.), суммою, необходимою для первоначальныхъ издержекъ. Благодаря королевскому участію г. Морель получилъ возможность утвердить свое бюро на прочныхъ основаніяхъ. Въ 1831 г. онъ перенесъ его въ Парижъ, а въ 1846, для дополненія и контроля его операций, учредилъ новое бюро — *Integritas*. Здѣсь, слѣдя за судьбами отъ 30 до 35 тысячъ торговыхъ судовъ различныхъ націй, *Veritas* и *Integritas* ежегодно издають такъ называемый *Registre-Veritas*, заключающій въ себѣ результаты ихъ дѣятельности, массу свѣдѣній, необходимыхъ для негціантовъ, страховыхъ обществъ и т. д. Это превосходная справочная книга морской торговли. Заимствуемъ изъ нея нѣсколько данныхъ относительно гибели торговыхъ судовъ различныхъ націй. Изъ 35 тысячъ судовъ, которыя въ 1857 г. удовлетворяли потребностямъ морской международной торговли, подверглось крушенію 2,230 ($7\frac{1}{4}\%$; $\frac{1}{4}\%$ болѣе чѣмъ въ 1856 и 1854 г., $\frac{3}{4}\%$ болѣе 1855 г. и $2\frac{1}{4}\%$ болѣе 1853); пропало безъ вѣсти 101; погибло отъ столкновеній 111; сгорѣло 51. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ данныхъ показываетъ, что наибольшее число крушеній достается на долю января мѣсяца (320), наименьшее — іюля (90). Безвѣстныхъ отсутствій гораздо меньше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы: 1857 годъ даетъ лишь 101 случай, тогда какъ въ 1856 ихъ было 115, въ 1855—138, а въ 1854—253. Уменьшается и число сгорѣвшихъ судовъ: 51 судно противъ 63-хъ 1856 года и 62-хъ 1855. Но случаи гибели вслѣдствіе столкновенія увеличиваются въ ужасающей пропорціи. Въ 1845 году 553 столкновенія повели за собою гибель 48 судовъ; въ 1857 они были такъ часты, что, по словамъ *Registre-Veritas*, ихъ невозможно исчислить; а погибло вслѣдствіе ихъ 111 судовъ! Замѣтимъ, въ заключеніе, что вообще между погибшими судами находилось 93 новыхъ, то-есть такихъ, которыя и года не бороздили море. Пароходовъ погибло 104. Невозможно опредѣлить отношеніе этой цифры къ пред-

шествовавшимъ годамъ, ибо невозможно уловить увеличеніе общаго числа пароходовъ.

Общество въ Лондонѣ для введенія повсюду однообразной системы вѣса, мѣры и монеты. — Недавно былъ въ Лондонѣ большой митингъ международнаго общества, образовавшагося для введенія однообразія въ систему вѣса, мѣры и монеты. Собраніе происходило у доктора *Hodgkin*, въ Бедфордъ-Скверѣ, подъ его предсѣдательствомъ. Мистеръ *I. Yotes* открылъ засѣданіе чтеніемъ записки о линейной мѣрѣ, въ которой пытался рѣшить, удовлетворяетъ ли метръ географическимъ потребностямъ. Послѣ продолжительныхъ преній, возбужденныхъ положеніями г. *Yotes*, общество остановилось на слѣдующихъ выводахъ: «Нѣкоторая неточность метра неважна для практики. Польза повсемѣстнаго принятія его за единицу линейной мѣры не подлежитъ сомнѣнію.» Сообразно съ этимъ, члены митинга, разставаясь, дали другъ другу слово употребить всѣ усилія для распространенія мѣры, повсемѣстное принятіе которой упроститъ научныя сношенія народовъ и облегчитъ распространеніе географическихъ свѣдѣній.

Вліяніе труда на цѣнность. — Въ доказательство вліянія труда на цѣнность, одинъ изъ французскихъ экономистовъ представляетъ слѣдующій примѣръ того, какъ первоначальная цѣнность грубаго матеріала возвышается посредствомъ обработки. Фунтъ желѣза стоитъ во Франціи 25 сантимовъ (около $6\frac{1}{8}$ к. с.). Его обрабаютъ въ сталь, изъ стали дѣлаютъ пружину, двигающую часовой маятникъ. Каждая изъ такихъ пружинъ вѣситъ $\frac{1}{10}$ грана и продается по 18 франковъ ($4\frac{1}{2}$ р. с.). Изъ фунта желѣза легко изготовить 80 тысячъ пружинъ. Слѣдовательно трудъ можетъ обратить копѣчный матеріалъ въ миллионную цѣнность, — 25 сантимовъ поднять почти до полутора мил. франковъ.

Эмиграція. — По офиціальному рапорту число эмигрантовъ, выѣхавшихъ въ 1856 г. изъ Гамбурга, простиралось до 23,822. Изъ нихъ около 17 т. направилось въ Соединенные Штаты, болѣе 3 т. въ Канаду, 1,700 въ Австралію, около полуторы тысячи въ Бразилію и болѣе 700 въ Валдивію и Валпарайсо. Остальные разсѣялись небольшими кучками по разнымъ странамъ. Въ семь предшествовавшихъ лѣтъ среднее число эмигрантовъ было 14,600, слѣдовательно 1856 годъ представляетъ увеличеніе на 50%.

Когда въ различныхъ частяхъ Германіи прекратилось крѣпостное состояніе? — Крѣпостное состояніе не слишкомъ давно вывелось изъ Германіи. Въ Пруссіи оно уничтожено, въ королевскихъ владѣніяхъ, въ 1717 г., но въ остальной странѣ оставалось до кодекса Фридриха Великаго, который крѣпость лицу (*Leibeigenschaft*) замѣнилъ подданствомъ (*Erbunterthänigkeit*). Окончательно совер-

шено освобожденіе въ 1809. То же самое повторилось въ Австріи, гдѣ 1782 годъ принесъ смягченіе положенія, а 1811 совершенное его уничтоженіе. Въ другихъ германскихъ государствахъ освобожденіе произошло въ слѣдующіе годы. Въ Баденѣ—1783; Гогенцолернѣ—1789; Шлезвигѣ и Голштейнѣ—1804; Баваріи, Нассау, Эрфуртѣ, Бейрутѣ и великомъ герцогствѣ Бергѣ—1808, декретомъ Наполеона; въ Вестфаліи и Липпе-Детмольдѣ—1809; въ Шаумбургѣ-Липпе, Шведской Помераніи и Гессенѣ-Дармштадтѣ—1810; въ Ольденбургѣ въ 1814; въ Вюртембергѣ—1817; въ Мекленбургѣ—1820; въ Саксоніи—1832 и Гогенцолернѣ-Зигмарингенѣ—1833. До тѣхъ поръ крестьяне были крѣпки землѣ и не могли оставлять владѣльческаго имѣнія или переходить въ другое сословіе. Они подлежали, въ извѣстныхъ случаяхъ, суду помѣщика; не имѣли права жениться безъ позволенія. Работали на владѣльца мѣстами по три дня въ недѣлю; были обязаны строить и починать принадлежащія ему зданія, поставлять подводы, служить гонцами, а въ молодости—дворовыми. Собственность могли пріобрѣтать, но не имѣли права отчуждать ее или закладывать, должны были воздѣлывать ее особеннымъ образомъ, сообразаясь съ волею помѣщика при сбытѣ своихъ произведеній и т. п. Оставляя въ наслѣдство, давали извѣстную часть владѣльцу.

Мелочи.— Въ истекшемъ году 116 засѣданій англійскаго нижняго парламента продолжались 903¼ часовъ: среднимъ числомъ по 7 часовъ 47 м. на засѣданіе. Самыя длинныя изъ послѣднихъ происходили въ пятницу 7-го, въ четвергъ 30-го и пятницу 31 июля: 16½, 15½ и 14½ часовъ. Послѣ полуночи посвящено было преніямъ не менѣе 91¼ часа.

— Съ 1 января по 23 декабря прошлаго года товарное и пассажирское движеніе по французскимъ желѣзнымъ дорогамъ доставило компаниямъ, не считая сбора въ пользу казны, 74,911,672 р. 27½ к. с. Компания парижскихъ омнибусовъ выручила, по 26 декабря, 3,070,886 руб. 26 к. с.

— Императоръ Наполеонъ III поручилъ своему придворному портретному живописцу Винтергалтеру написать свое свиданіе съ Императоромъ Александромъ II въ Штутгартѣ. На картинѣ будутъ изображены всѣ высокія лица, находившіяся во время этого свиданія въ столицѣ Вюртембергскаго королевства.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

*Университетскомъ, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской ти-
пографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5,*

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ. Переводы Василія Курочкина. С.-Пб. 1858 года; ц. въ англійской коленкоровой папкѣ, печатанной золотомъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА. Семь томовъ. Съ портретомъ автора. С.-Пб. 1858 г.; Ц. за 7 томовъ 7 р.; съ пер. 10 р. 1-й и 2-й томы вышли, послѣдніе печатаются.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ (1844—1848). Матвея Волкова. Спб. 1857 г.; ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Соч. А. Пышина. Спб. 1857 г.; ц. 1 р. 50 к.; съ пер. 2 р.

БЕСѢДЫ ПОМѢЩИКА СО СВОИМИ КРЕСТЬЯНАМИ. Изданіе Смирнова, 3 книжки. Спб. 1857 г.; ц. 75 к.; съ пер. 1 р.

ОРГАНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ, въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ, соч. К. Ф. Шнелля, перев. съ нѣмец. Ф. Бемерь. Спб. 1857 г.; ц. 1 р.; съ пер. 1 р. 25 к.

ПРИМѢРЫ БЛАГОЧЕСТІЯ СРЕДИ СОБЛАЗНОВЪ, или поведеніе древнихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. Соч. архимандрита Макарія. Спб. 1858 г.; ц. съ пер. 50 к.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ВЛАДИМІРСКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ, въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія Владимірской епархіи. Соч. магистра іеромонаха Іосафа. Владиміръ 1857 г.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЛИТУРГІИ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО и литургіи преждеосвященныхъ Святаго Григорія Великаго Двоеслова, священника при земледѣльческомъ удѣльномъ училищѣ, Іоанна Вѣвѣническаго. Спб. 1857 г.; ц. 25 к.; съ пер. 50 к.

СКАЗАНІЕ О ЖИЗНИ И ЧУДЕСАХЪ святаго праведнаго Симеона, Верхотурскаго Чудотворца. А. М. Спб. 1857 г.; ц. 15 к.; съ пер. 40 к.

ДАНИЕЛЛА. Романъ Жоржъ-Санда. Переводъ съ французскаго; ц. 2 р.; съ пер. 2 р. 50 к.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ КАТОНА СТАРШАГО. Соч. Конст. Зедергольма. Ц. 1 р.; съ пер. 1 р. 30 к.

— Богъ вамъ заплатитъ! сказала женщина, закрывъ лицо руками и рыдая.

Малютка, видя, что она плачетъ, жался въ ея объятіяхъ.

Благодаря нѣжнымъ женственнымъ заботамъ, къ которымъ никто не былъ такъ способенъ какъ в-жа Бердъ, страдалица наконецъ успокоилась. Ей постлали на лавкѣ, близъ огня, и она вскорѣ погрузилась въ глубокой сонъ, обнявъ руками сына, который былъ утомленъ не менѣе ея. Она не хотѣла разстаться съ нимъ и съ нервнымъ содроганіемъ противилась самымъ обязательнымъ стараніямъ уложить его особо. Даже во снѣ крѣпко сжимала она сына въ своихъ объятіяхъ, какъ бы защищая его и тогда.

Г-нъ и г-жа Бердъ возвратились въ гостиную и, странное дѣло, ни тотъ, ни другая не сдѣлали даже и намека на бывшій между ними разговоръ; г-жа Бердъ сѣла за свое вязанье, а мужъ ея опять сѣлъ за газеты; потомъ положивъ ихъ, сказалъ:

— Я никакъ не придумаю, кто могла бы быть эта незнакомка.

— Когда она отдохнетъ и оправится, мы вѣроятно это узнаемъ, отвѣчала мистриссъ Бердъ.

— Какъ ты думаешь, милая, продолжалъ г-нъ Бердъ, подумавъ въ молчаніи надъ листкомъ своей газеты...

— Что такое, другъ мой?

— Нельзяли передѣлать ей какое-нибудь изъ твоихъ платьевъ, распустивъ или надставя внизу; она, кажется, выше тебя ростомъ.

Едва замѣтная улыбка пробѣжала на губахъ г-жи Бердъ.—Посмотримъ, отвѣчала она.

Опять оба замолчали; г. Бердъ снова прервалъ это молчаніе.

— Какъ ты думаешь, жена!

— Что ещё, другъ мой?

— Знаешь мой тканевый плафрокъ, которымъ ты меня прикрываешь, когда я ложусь отдохнуть послѣ обѣда; ты могла бы отдать его бѣдной женщинѣ; она такъ нуждается въ одеждѣ.

Въ это самое время вошла Дина объявить, что незнакомка проснулась и желаетъ видѣть г-жу Бердъ.

Супруги отправились оба въ кухню съ двумя старшими сыновьями; маленькихъ дѣтей уложили спать.

Женщина сидѣла на скамейкѣ у огня. Она смотрѣла на пламя съ споконствіемъ глубокой горести, вовсе не похожимъ на дикую заносчивость, о которой мы упомянули прежде.

— Вы хотѣли видѣть меня, сказала г-жа Бердъ съ кротостью: — я надѣюсь, что вы теперь лучше себя чувствуете, бѣдняжка.

Несчастливая глубоко вздохнула въ отвѣтъ; она подняла и устремила на г-жу Бердъ свои черные глаза съ выраженіемъ такой глубокой грусти и такой умильной мольбы, что г-жа Бердъ, тронутая до глубины души, чувствовала, что у ней навернулись слезы.

— Вамъ нечего бояться здѣсь, мы друзья ваши, бѣдная женщина. Скажите мнѣ, откуда вы идете и что имѣете въ виду?

— Я пришла изъ Кентески.

— Когда? спросилъ г. Бердъ, желая самъ разспросить ее.

— Въ эту ночь.

— Какъ же вы прошли?

— Я перебралась черезъ ледъ.

— Черезъ ледъ! воскликнули всѣ.

— Да, отвѣчала она медленно, — Богъ помогъ мнѣ, я перешла черезъ ледъ, потому что они гнались за мною, а другой дороги не было!

— А знаете, миссизъ! воскликнулъ Кеджо: — ледъ взломанъ на рѣкѣ, льдины идутъ, вертятся и безпреставно погружаются въ воду.

— Знаю, знаю, отвѣчала она, тономъ помѣшательства; — однако я это сдѣлала... я не думала, что буду въ состояніи исполнить это, я не надѣялась перебраться на другой берегъ... но что же дѣлать? надобно было или перейти или умереть. Богъ помогъ мнѣ! Кто самъ не испыталъ Божьей помощи, тотъ этого не пойметъ, прибавила она съ оживленнымъ взоромъ.

— Вы были невольница? спросилъ г. Бердъ.

— Да, я принадлежала одному владѣльцу въ Кентески.

— Онъ былъ жестокъ съ вами?

— Нѣтъ, онъ былъ добрый господинъ.

— Такъ госпожа ваша была слишкомъ строга?

— Нѣтъ, нѣтъ! моя госпожа всегда была добра до меня.

— Что же понудило васъ покинуть добрыхъ людей и бѣжать, подвергаясь такимъ опасностямъ?

Невольница обратила на г-жу Бердъ пытливый и провинцательный взоръ и замѣтила, что она въ глубокомъ траурѣ.

— Сударыня, сказала она ей внезапно, — случилось ли вамъ потерять дитя свое?

Вопросъ этотъ былъ неожиданный; онъ раскрылъ еще не зажившую рану: не прошло еще мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ любимца семьи сложили въ могилу.

Г. Бердъ отворотился, и отошелъ къ окну. Г-жа Бердъ залилась слезами, но вскорѣ, успокоившись немного, она сказала:

— Къ чему этотъ вопросъ? Да, я лишилась ребенка.

— Такъ, значитъ, вы поймете меня. Я потеряла двухъ дѣтей, одного за другимъ. Я оставила ихъ въ той землѣ, откуда иду теперь. Мнѣ остается одинъ этотъ сынъ. Я не провела ни одной ночи разню съ нимъ. Онъ все для меня; я только имъ и гордилась, только имъ и утѣшалась, только о немъ и думала днемъ и ночью. А они хотѣли отнять его у меня, чтобы *продать* его, продать на югъ, отправить одного, ребенка, который никогда еще не разлучался съ матерью. Я

не могла перенести этого, сударыня. Я хорошо знала, что если его уведутъ, я ни къ чему не буду способна, и когда я провѣдала, что онъ проданъ, что купчій актъ уже подписанъ, я взяла его и ушла ночью. Они гнались за мною, тотъ кто купилъ его, и невольники моего господина; они ѣхали слѣдомъ за мною, я слышала ихъ и прыгнула на ледъ. Какъ перешла я рѣку, сама не знаю...

Она не плакала и не рыдала; она дошла до того мѣста, гдѣ слезы становятся уже сухи; но вокругъ нея сочувствіе высказывалось у каждого по своему.

Два маленькіе мальчика, послѣ отчаянныхъ поисковъ платковъ своихъ въ карманахъ, гдѣ (это извѣстно всѣмъ матерямъ) ихъ никогда не бываетъ, бросились къ юпкѣ своей матери, съ плачемъ и рыданіями, утирая глаза и носы ея платьемъ. Г-жа Бердъ закрыла платкомъ свое лицо, а старая Дина, у которой слезы градомъ капались по ея честному, хоть и черному лицу, восклицала: «Боже, будь къ намъ милостивъ», съ такимъ же усердіемъ, какъ будто на молитвенномъ сходбищѣ, между тѣмъ какъ старикъ Кеджо, сильно потирая рукою глаза свои, корчилъ разнообразнѣйшія гримасы, хныкала на тотъ же тонъ и съ одинакимъ умиленіемъ. Нашъ сенаторъ, какъ человѣкъ государственный, не могъ всклипывать какъ простые смертные; онъ повернулся спиною къ присутствовавшимъ, смотрѣлъ въ окно, и казалось, былъ въ особенности занятъ откашливаніемъ и протираніемъ своихъ очковъ, при чемъ онъ сморкался такъ часто, что это могло бы возбудить подозрѣніе, еслибы кто былъ въ состояніи за нимъ присматривать.

— Какъ же вы мнѣ сказали, что у васъ былъ добрый господинъ? отозвался онъ наконецъ, вдругъ поворотившись къ бѣдной женщинѣ и стараясь подавить рыданія, вырывавшіяся изъ его груди.

— Потому что онъ точно добрый, отвѣчала она,—и госпожа моя также добрая, но имъ нечего было дѣлать; у нихъ были долги... Я не сумѣю пересказать вамъ этого, но я знаю, что одинъ человѣкъ держалъ ихъ въ рукахъ и заставлялъ ихъ дѣлать, что только ему угодно. Я слышала, какъ господинъ мой сказалъ своей женѣ, что сынъ мой проданъ. Госпожа заступалась, просила за меня, но онъ отвѣчалъ, что этому помочь нельзя, и что бумаги уже подписаны. Тогда я взяла дитя свое и бѣжала изъ дому. Я знала, что не переживу разлуки съ нимъ, потому что онъ мое единственное сокровище.

— У васъ нѣтъ мужа.

— Есть, но онъ принадлежитъ другому владѣльцу. Хозяинъ его очень строгъ съ нимъ и не позволяетъ ему приходиться повидаться со мною... Жестокость его съ каждымъ днемъ усиливается. Онъ грозитъ продать его на югъ... Видно ужъ мнѣ съ нимъ никогда не свидѣться.

Спокойствіе, съ которымъ бѣдная женщина проговорила эти слова, могло бы подать мысль поверхностному наблюдателю, что у нея была апатичная изтура, но взглянувши въ глаза ея, видно было, что отчаяніе ея было спокойно потому только, что было глубоко.

— Куда же вы думаете идти? спросила мистриссъ Бердъ ласково.

— Я пошла бы въ Канаду, еслибы знала дорогу! Далеко ли отсюда Канада? спросила она съ примодушнымъ довѣріемъ, смотря на г-жу Бердъ.

— Бѣдная! воскликнула невольно г-жа Бердъ.

— Вѣрно, не ближній путь! проговорила задумчиво женщина.

— Да, гораздо дальше, чѣмъ ты полагаешь, моя милая; но мы подумаемъ, какъ помочь горю. Дина, постели ей въ твоей комнатѣ, возлѣ кухни. Завтра увидимъ, что можно сдѣлать для этой несчастной. Покуда не бойся ничего, уповай на Бога, онъ не оставитъ тебя.

Г-жа Бердъ и ея мужъ возвратились въ гостиную. Она усѣлась противъ камина въ кресла-на полозьяхъ, и задумчиво качалась передъ огнемъ. Мистеръ Бердъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ворча себѣ подъ носъ: «Вотъ нажили хлопотъ, чортъ возьми!» Наконецъ, подойдя къ женѣ, сказалъ:

— Дѣлать нечего, ей надо убираться отсюда въ эту же ночь. Новый ея господинъ пожалуетъ сюда, по ея слѣдамъ, завтра же, ранехонько утромъ. Будь баба одна, она могла бы переждать здѣсь притаившись, пока бѣда перейдетъ, но вѣдь съ мальчугой не совладаешь; онъ все выдастъ, выглянетъ какъ-нибудь изъ окна или двери; я тебѣ отвѣчаю за это. Куда какъ весело будетъ для меня попасться тутъ вмѣстѣ съ ними. Нѣтъ, ихъ непременно надо спровадить въ эту ночь.

— Помилуй, какъ это можно? Куда везти ихъ ночью?

— Я [ужь знаю куда, отвѣчалъ сенаторъ, принимаясь надѣвать сапоги, съ озабоченнымъ видомъ; надѣвъ до половины одинъ сапогъ, онъ остановился, и обхвативъ руками одно колѣно, погрузился въ глубокую задумчивость.

— Да, нажили хлопотъ, сказалъ онъ наконецъ, принявшись опять натягивать сапогъ за уши, — и говорить нечего!—Надѣвши одинъ сапогъ, и держа другой въ рукѣ, сенаторъ многодумно разсматривалъ узоръ своего ковра.—Видно быть этому такъ, хотя я ужь впередъ вижу... пропади они совсѣмъ!—Онъ натянулъ другой сапогъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Милая мистриссъ Бердъ была женщина скромная, которая отъ роду не сказала: «А что, не говорила я тебѣ!» Въ настоящемъ случаѣ, хотя она и догадывалась, какое направленіе принимали мысли ея супруга, но очень благоразумно воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ теченіе и была готова выслушать предначертанія своего законнаго властелина, когда онъ сочтетъ нужнымъ сообщить ихъ.

— Видишь ли, сказалъ онъ, — здѣсь есть мой старинный клиентъ, Ванъ Тромпъ, который переселился къ намъ изъ Кентекки, отпустивъ на волю всѣхъ своихъ негровъ. Онъ купилъ землю въ семи миляхъ отсюда, по ту сторону брода, въ лѣсахъ; мѣсто не проѣзжее, развѣ что кому именно туда нужно, да и то дорогу не скоро сыщешь. Тамъ она будетъ въ безопасности: горе въ томъ только, что ночью туда никому не проѣхать кромѣ меня.

— Почему же это? Кеджо мастеръ править.

— Оно такъ, но дѣло въ томъ, что придется переѣзжать два брода, а второй переѣздъ очень опасенъ, если кто не знаетъ его такъ твердо, какъ я. Я сто разъ переѣзжалъ этотъ бродъ верхомъ, и по пальцамъ знаю всѣ повороты. Такъ видишь, что дѣло безъ меня не обойдется. Кеджо около полуночи запряжетъ потихоньку лошадей, и мы съ нею отправимся. Чтобы придать моей поѣздкѣ видимый предлогъ, онъ отвезетъ меня до ближней таверны, гдѣ я возьму мѣсто въ дилижансѣ, что идетъ въ Колумбъ, и проходитъ тамъ часа въ три или четыре; всѣ и подумаютъ, что я только для этого отправился изъ дому. Въ Колумбѣ пообедаю я утромъ кое-какія дѣла. Не такъ долженъ бы я поступать, послѣ всего, что было говорено и сдѣлано относительно невольниковъ, но чортъ возьми! этому не можешь!

— Сердце твое лучше твоей головы, Джонъ, сказала мистриссъ Бердъ, положивъ свою маленькую, бѣленькую ручку на руку своего мужа. — Я не могла бы любить тебя такъ, еслибы не знала тебя лучше, чѣмъ ты самъ себя знаешь. И милая женщина смотрѣла такъ нѣжно, съ наворачившимися на глазахъ слезами, что сенаторъ невольно подумалъ, что онъ рѣшительно долженъ быть ловкій малый, если сумѣлъ внушить такому прекрасному созданію такое страстное удивленіе къ своей особѣ: какъ послѣ этого не пойдти посмотреть, скоро ли готова повозка? На порогѣ, однако, онъ остановился, воротился къ женѣ, и молвилъ ей:

— Мери, не знаю, что ты скажешь, а вѣдь у насъ цѣлый комодъ вещей послѣ... послѣ бѣднаго Гарри! Проговоривъ это, онъ вышелъ изъ комнаты, и затворилъ за собою дверь.

Г-жа Бердъ отворила дверь маленькой спальни, смежной съ ея комнатою, и взявъ свѣчу, поставила ее тамъ на письменный столикъ. Потомъ достала она изъ потайнаго ящика ключъ, задумчиво вложила его въ замочную скважину комоднаго ящика, и вдругъ остановилась; два мальчика, слѣдовавшіе за нею по пятамъ, тоже остановились и молча, но выразительно, поглядывали на свою мать.

О, матери, читающія эти строки! скажите, нѣтъ ли у васъ завѣтнаго ящика, или сундука, который вамъ приходится открывать съ такимъ же чувствомъ въ душѣ, какъ будто крышу маленькаго гробика? Счастливы тѣ матери, у которыхъ не найдется такого хранилища!

Г-жа Бердъ медленно отодвинула ящикъ. Тамъ лежали дѣтскія платья разнаго покрою и цвѣта, связки передничковъ и груды дѣтскихъ чулокъ. Были и маленькіе башмачки, уже поношенные, съ стоптанными задниками; они высовывались изъ бумаги, въ которую были завернуты. Были тамъ и игрушки: лошадка, телѣжка, мячикъ, кубарь. Драгоценныя памятники! много слезъ пролито передъ вами, много страданій вынесло сердце матери, когда она васъ собирала! Г-жа Бердъ сѣла у комода, склонила голову на руки и плакала такъ, что слезы капали въ ящикъ сквозь ея пальцы. Потомъ, вдругъ приподнявъ голову, съ нервною торопливостью выбрала она изъ этихъ вещей, что было покрѣпче и получше, и связала ихъ въ узелъ.

— Маменька, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, ласково трогая ее за руку, — вы хотите отдать эти вещи?

— Милые дѣти, отвѣчала она, — если нашъ дорогой малютка, нашъ милый Гарри видитъ насъ съ небеси, онъ будетъ радъ тому, что мы дѣлаемъ. Я не въ состояніи была бы отдать эти вещи кому постороннему, какому-нибудь счастливцу, но я отдаю ихъ матери, у которой и заботъ и огорченій больше чѣмъ у меня, и надѣюсь, что Господь пошлетъ ей съ этимъ свое благословеніе.

Есть на свѣтѣ благодѣтельныя души, которыхъ скорби отражаются радостями для другихъ; которыхъ земныя надежды, сложенные съ горькими слезами въ могилу, становятся зерномъ, изъ котораго вырастаютъ цѣлебныя цвѣты, и вытекаетъ бальзамъ утѣшенія для скорбящихъ и бѣдствующихъ. Изъ числа такихъ душъ была эта вѣжная женщина, которая сидѣла теперь передъ лампою, тихо проливая слезы и складывая памятники своей собственной утраты для безпріютной странницы.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, г-жа Бердъ отворила свой гардеробный шкафъ, достала оттуда одно или два платья, простые, но еще годныя къ употребленію, и сѣла къ своему рабочему столу. Съ помощію иглы, ножницъ, наперстка, начала она процессъ «выпускаванія запаса», рекомендованный ей мужемъ, и работала, пока старыя часы въ углу комнаты не пробили двѣнадцать, и она не услышала глухаго стука колесъ остановившейся у подъѣзда повозки.

— Мери, сказалъ г. Бердъ, входя въ комнату съ своимъ пальто на рукѣ, — поди разбуди ее; намъ пора ѣхать.

Г-жа Бердъ успѣшила уложить въ небольшую коробку приготовленныя ею вещи, и заперевъ ее, передала мужу, съ просьбой, отнести въ повозку, а сама пошла за Элизой. Вскорѣ появилась Элиза въ салопъ, чепчикъ и платкѣ, подаренныхъ ей ея благодѣтельницей, и съ малюткой-сыномъ на рукахъ. Г. Бердъ посадилъ ее въ повозку, а г-жа Бердъ подошла вслѣдъ за нею къ самой подножкѣ. Элиза высунулась изъ повозки, и протянула руку, столь же вѣжную и прекрасную, какъ та, которую ей подали за дверцами повозки.

Она устремила свои черные глаза, исполненные нѣжности и признательности, на лицо г-жи Бердъ и, казалось, хотѣла что-то сказать, пыталась раза два что-то выговорить, губы ея шевелились, но звука не было слышно; тогда взглянувъ вверхъ, такимъ взоромъ, который навѣкъ остается въ памяти, она опустила на свое мѣсто и закрыла лицо руками. Дверцы хлопнули; повозка покатилаь.

Странное положеніе для сенатора-патріота, который цѣлую недѣлю подстрекалъ законодателей своего родимаго штата установить самыя строгія мѣры противъ бѣглыхъ невольниковъ, ихъ пристанодержателей и соучастниковъ!

Никто изъ вашингтонскихъ собратій нашего сенатора не превзошелъ его въ этомъ родѣ краснорѣчія, которое снискало имъ безсмертную славу. Какъ важно сидѣлъ онъ, засунувъ руки въ карманы, и насмѣхаясь надъ сентиментальною слабостію тѣхъ, которые предпоставляли благосостояніе ничтожныхъ невольниковъ великимъ интересамъ государства!

Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ смѣлъ, какъ левъ, былъ «могущественно убѣжденъ», и не только самъ, но и тѣ, которые его слышали. Но тогда его понятіе о невольникѣ состояло только изъ представленія объ извѣстномъ порядкѣ буквъ, составляющихъ это слово, и ужъ никакъ не болѣе, какъ изъ образа маленькой фигурки, съ котомкой за плечьями и палкой въ рукахъ, изображаемой обыкновенно во главѣ газетныхъ объявленій, съ словами внизу: «бѣжалъ отъ нижеподписавшагося». Онъ никогда не испыталъ магическаго впечатлѣнія, производимаго истиннымъ бѣдствіемъ, умоляющимъ взоромъ, протянутою исхудалою, дрожащею рукою, отчаянною мольбой безпомощной агоніи. Онъ никогда не подумалъ, что въ бѣгахъ можетъ быть и несчастная мать и беззащитное дитя, какъ тотъ ребенокъ, который вадѣлъ теперь знакомую ему шапочку съ умершаго сына. Итакъ, нашъ сенаторъ, какъ человекъ не съ желѣзнымъ, не съ каменнымъ, а съ правдолюбивымъ и благороднымъ сердцемъ, былъ, какъ всякій можетъ видѣть, въ затруднительномъ положеніи относительно своего патріотизма. Не превозносите себя надъ нимъ и вы, добрые братья южныхъ штатовъ; мы полагаемъ, что и вы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, поступили бы не многимъ лучше. Мы съ достовѣрностію знаемъ, что въ Кентекки и Миссиссипи есть благородныя и великодушныя сердца, которыя никогда равнодушно не выслушивали разказа о страданіяхъ ближняго. Добрые братья! хорошо ли, съ вашей стороны, требовать отъ насъ услугъ, которыхъ ваше доброе и честное сердце не позволило бы вамъ исполнить, еслибы вы были на нашемъ мѣстѣ?

Какъ бы то ни было, если нашъ добрый сенаторъ сдѣлался политическимъ грѣшникомъ, онъ былъ теперь на пути искупленія этого грѣха тяжкими испытаніями своего ночнаго странствія. Въ тѣхъ мѣ-

стахъ долго стояла предъ тѣмъ ненастная, дождливая погода, а богатая, рыхлая почва береговъ Огайо, какъ всѣмъ извѣстно, очень способна претворяться въ грязь; дорога же вдоль Огайо была не простая, а рельсовая дорога прежнихъ временъ.

Что же это за дорога? спросать меня путешественники восточныхъ странъ, привыкшіе соединять съ понятіемъ о рельсовой дорогѣ мысль о спокойномъ и быстромъ передвиженіи.

Да будетъ вамъ извѣстно, неопытные друзья мои, живущіе въ восточныхъ штатахъ, что въ благословенныхъ западныхъ штатахъ, гдѣ земля, въ дожди, раскисаетъ на невообразимую глубину, дороги устилаются неотесанными бревнами, сплоченными одно съ другиямъ поперекъ дороги, и прикрытыми землею, торфомъ и чѣмъ пополю; обрадованные туземцы называютъ эту гать дорогою и изволятъ разѣзжать по ней. Со временемъ дожди смываютъ съ настилки землю и торфъ; накатникъ всплываетъ и разиѣщается по дорогѣ живописными узорами, туда и сюда, вверхъ и внизъ, бревно на бревно, оставивъ въ промежуткахъ бездны непроходимой черной тины.

По такой-то дорогѣ ѣхалъ сенаторъ, углубясь въ размышленія, прерываемыя часто толчками и неправильнымъ ходомъ повозки, которая попадала изъ колеи въ выбоину. Сенаторъ, женщина и ребенокъ то и дѣло измѣняли свое положеніе. Повозка подвигалась по немногу, между тѣмъ какъ Кеджо, какъ было слышно, ревностно упражнялся около лошадей. Послѣ многихъ безплодныхъ понуканій и погоняній, когда сенаторъ терялъ уже терпѣніе, повозка вдругъ подскочила и переднія колеса опустились въ пропасть, а сенатора, Элизу и ребенка откинуло на переднее мѣсто. Шляпа сенатора нахлобучилась ему на глаза и на носъ; онъ почиталъ себя уже погибшимъ. Въ повозкѣ раздавались крики ребенка, а снаружи возгласы Кеджо и удары кнута, отъ которыхъ лошади прыгали, брыкались и рвались впередъ. Вскорѣ повозка, новымъ скачкомъ, вынеслась передомъ изъ ямы, но вслѣдъ за тѣмъ запали туда заднія колеса, и сенаторъ, его спутница и ребенокъ перевалились опять на заднее мѣсто; онъ своротилъ локтемъ ея чепчикъ, а она попала ногами въ его шляпу, слетѣвшую во время суматохи. Наконецъ рывину переѣхали, и запыхавшіяся лошади остановились. Сенаторъ отыскалъ свою шляпу, Элиза поправила свой чепчикъ, уняла ребенка и всѣ приободрились на предстоящія дальнѣйшія походы.

Нѣкоторое время продолжалась одна стукотня колесъ по накатамъ, перемежающимся, для разнообразія, качаньемъ повозки изъ стороны въ сторону и наклоненіемъ въ боковыя колеи. Путешественники начинали уже думать, что дѣло обойдется безъ дальнѣйшихъ приключеній, какъ вдругъ повозка всѣми четырьмя колесами ввалилась въ яму; всѣ поднялись на ноги и съ невѣроятною быстротою снова опустились на свои мѣста; лошади стали и Кеджо, не мало побившись на дорогѣ, подошелъ къ дверцамъ.

— Плохо, сударь не знаю какъ мы выберемся. Пожалуй, придется подкладывать рельсы?

Сенаторъ въ отчаяніи вылезъ изъ повозки; онъ искалъ глазами надежнаго мѣстечка, чтобы стать; но худо высмотрѣлъ, и одна нога его ушла въ неизмѣримую глубину грязи; онъ пытается высвободить ее оттуда, терлетъ равновѣсіе и во всю длину растягивается въ этомъ омутѣ тины, откуда съ трудомъ вытаскиваетъ его Кеджо.

Но мы пощадимъ чувствительность читателя. Западный путешественникъ, которому случалось пробиться за полночь, подкладывая рельсы подъ свой экипажъ, чтобы вытянуть его изъ грязи, ощутить грустное и полное уваженія сочувствіе къ нашему злополучному герою. Мы просимъ его пролить въ молчаніи слезу и продолжаемъ нашъ разказъ.

Было далеко за полночь, когда повозка, загрязненная и разбитая, перѣхавъ бродъ, остановилась у крыльца обширнаго дома термы. Не мало труда стояло разбудить обитателей; наконецъ почтенный хозяинъ отворилъ дверь. Это былъ дюжій, плечистый мужчина, футовъ шести съ прибавкой ростомъ, въ красной фланелевой охотничьей блузѣ. Всклоченные свѣтло-рыжеватые, матовые волосы и небритая нѣсколько дней борода придавали ему видъ, сказать правду, не слишкомъ благонадежный. Со свѣчею въ рукѣ, разсматривая онъ нѣсколько минутъ путешественниковъ, съ таинственнымъ и мрачнымъ видомъ, который по правдѣ сказать былъ очень забавенъ. Сенатору стоило большаго труда вразумить его въ чемъ дѣло. Пока онъ толкуетъ съ хозяиномъ, мы долгомъ считаемъ представить читателямъ новаго знакомаца.

Честный старикъ Джонъ ванъ-Тромпъ былъ нѣкогда зажиточнымъ фермеромъ и негро-владѣльцемъ въ штатѣ Кентекки. Будучи «только съ виду медвѣдомъ» и имѣя отъ природы великое, честное и правдолюбивое сердце, онъ нѣсколько лѣтъ былъ грустнымъ свидѣтелемъ послѣдствій системы, одинаково пагубной какъ для притѣсненнаго, такъ и для притѣснителя. Наконецъ, *великое сердце* Джона не въ состояніи было долге выдержать того, что такъ сильно заставляло его биться. Онъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, переправился за Огайо, купилъ тамъ пространный участокъ хорошей, плодородной земли, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ негровъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, усадилъ ихъ въ повозки и отослалъ селиться на купленной имъ землѣ; самъ же поселился, по берегу маленькой рѣчки, въ уединенной фермѣ, и жилъ тамъ наслаждаясь спокойною совѣстію.

— Ну, что, дружище, сказалъ сенаторъ, — такой ли вы человекъ, чтобы дать убѣжище женщинамъ и ребенку, которыхъ преслѣдуютъ негроловами?

— Надѣюсь, что такъ, отвѣчалъ Джонъ не безъ нѣкотораго значительнаго выраженія въ тонѣ голоса.

— Такъ я и думалъ, сказалъ сенаторъ.

— Если они вздумаютъ пожаловать сюда, продолжалъ фермеръ, выпрямляя свои атлетическія формы, — милости просимъ, я всегда готовъ къ ихъ услугамъ, я и шестеро моихъ сыновей, изъ которыхъ каждый шести футовъ ростомъ. Милости просимъ; скажите имъ, что они могутъ пожаловать когда имъ угодно; намъ все равно.

И при этихъ словахъ, расчесывая пальцами свои спутанные волосы, онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

Усталая, истощенная, полумертвая Элиза дотащилась кое-какъ до двери, держа на рукахъ заснувшаго ребенка. Угрюмый фермеръ поднесъ свѣчу къ лицу ея и съ какимъ-то особеннымъ сострадательнымъ ворчаньемъ отворилъ дверь въ маленькую комнату, смежную съ кухнею, гдѣ они находились. Введя Элизу въ эту комнату, онъ зажегъ другую свѣчу, поставилъ ее на столъ и сказалъ:

— Теперь, говорю тебѣ, нечего бояться; приходи кто захочетъ. Я на все готовъ, продолжалъ онъ, указывая на два-три ружья, висѣвшія надъ каминомъ. — Кто меня знаетъ, тотъ знаетъ, что не поздоровится тому, кто вздумаетъ взять изъ моего дома кого я не хочу выдать. Теперь, спи себѣ спокойно, какъ бы подъ охраной родной матери, проговорилъ онъ, уходя и затворяя дверь.

— Она такая пригожая, сказалъ онъ сенатору. — Красота-то и доводитъ ихъ часто до побѣга, если въ нихъ есть чувства честной женщины. Да, много я знаю такихъ случаевъ.

Сенаторъ разказалъ, въ короткихъ словахъ, исторію Элизы.

— Какъ! вскричалъ добрякъ тономъ искреннаго состраданія: — неужели это правда? Хорошо, что я знаю это! Ахъ, ты бѣдная женщина! Они гонятся за нею за то, что она естества послушалась! Ее травятъ какъ звѣря, за то что въ ней есть чувства, за то что она не въ состояніи была сдѣлать то, чего ни одна мать не сдѣлаетъ. Такія вещи такъ все во мнѣ и воротятъ, и ужъ тутъ не удержишься отъ крѣпкаго слова! И честный Джонъ отеръ глаза свои морщинистою, желтоватою рукой. — Въ давніе годы, скажу вамъ, продолжалъ фермеръ, — я долго не ходилъ въ церковь, потому что наши проповѣдники говорили, будто Библия застѣпается за эти мерзости... Я не умѣлъ отвѣчать имъ на ихъ греческія и еврейскія ссылки: ну и оставилъ въ покоѣ проповѣдниковъ и не ходилъ въ церковь, пока не попалъ на такого, который совсѣмъ другое говорилъ. Теперь вотъ я опять хожу въ церковь. Сказавъ это, Джонъ откупорилъ бутылку пѣнистаго сидра и подалъ стаканъ своему собесѣднику.

— Вамъ надо здѣсь переночевать, сказалъ онъ радушно сенатору: — я позову старуху, она сейчасъ приготовитъ вамъ постель.

— Благодарю васъ, добрый другъ, но мнѣ надобно ѣхать, чтобы захватить мѣсто въ дилижансѣ, который идетъ въ Колумбъ.

— Если такъ, я провожу васъ и укажу вамъ окольную дорогу; она

будетъ получше той, по которой вы ѣхали; та, въ самомъ дѣлѣ, ужь больно плоха.

Джонъ одѣлся и съ фонаремъ въ рукахъ провелъ экипажъ сенатора по дорогѣ, которая шла вдоль задняго фаса строенія. Отъѣзжая, сенаторъ вложилъ въ руку хозяина ассигнацію въ десять долларовъ.

— Это ей, сказалъ онъ лаконически.

— Хорошо, отвѣчалъ Джонъ такъ же-отрывисто.

Пожавъ другъ другу руки, они разстались.

ГЛАВА X.

Товаръ отправляется въ дорогу.

Февральское утро, сырое и ненастное, глядѣло въ окно хижины дяди Тома, освѣщая печальныя лица, въ уныломъ видѣ которыхъ отражалось уныніе сердець. Къ огню былъ придвинутъ столъ съ приборомъ для глаженья; двѣ или три суровыя, но чистыя рубашки, прямо изъ-подъ утюга, сушились у огня на спинкѣ стула, а на столѣ, передъ теткой Хлоей была разостлана еще такая же рубашка. Тщательно и почти съ математическою точностью расправляла и разглаживала она каждую складку, каждый рубчикъ, только иногда прерывая свое занятіе, чтобы поднести руку къ лицу и утереть катившіяся по щекамъ крупныя слезы.

Томъ сидѣлъ возлѣ, подпирая рукой голову; на колѣняхъ у него лежалъ раскрытый Новый Заветъ. И мужъ и жена молчали. Было такъ равно, что дѣти еще спали, всѣ вмѣстѣ, въ своемъ неуклюжемъ ищнкѣ.

Томъ всталъ съ своего мѣста, взглянулъ на спящихъ дѣтей. Сердце Тома было, въ полной мѣрѣ, проникнуто чувствомъ той нѣжной семейной привязанности, которымъ природа—на горе!—такъ щедро надѣлила его несчастное племя.

— Въ послѣдній разъ, сказалъ онъ грустно.

Тетка Хлоя не отвѣчала, продолжая гладить во всевозможныхъ на-правленіяхъ свою рубашку, которая и безъ того, казалось, была уже такъ гладка, какъ только человѣческія руки могли сдѣлать ее гладкою; но вдругъ, отчаяннымъ движеніемъ руки опутивъ утюгъ, она съѣла къ столу, и возвысивъ голосъ, горько заплакала.

— Правда, что сказано: покоряйся; да, Господи Боже мой, какъ тутъ покориться? Еслибы я хоть знала, куда они тебя дѣнутъ, или хоть какъ будутъ обходиться съ тобой! Миссизъ говоритъ, что она непременно постарается выкупить тебя черезъ годъ или черезъ два, да что толку въ этомъ? Говорятъ, ужь кто туда попадетъ, на ни-

зовье, ужь тому не воротиться. Слышала я, какъ они мучать черныѣ на своихъ проклятыхъ плантаціяхъ.

— Все Богъ, Хлоя! Богъ вездѣ одинъ, и тамъ Онъ будетъ со мною, какъ былъ здѣсь.

— А хотъ и будетъ, возразила Хлоя, Богъ-то хранить, да люди-то страшныя дѣла дѣлають, а Богъ терпитъ. Ахъ, плохая надежда!

— Я въ рудѣ Божіей, сказалъ Томъ,—ничто не приключится, если Ему не будетъ угодно. Я и такъ долженъ благодарить Его за то, что проданъ я, а не ты и не дѣти. Вы здѣсь будете жить спокойно, а мнѣ Господь Богъ поможетъ, я знаю, Онъ поможетъ!

Очестная, истинно мужественная душа, которая старается скрыть собственное горе, чтобъ ободрить своихъ милыхъ! Томъ тяжело произносилъ слова, дыханіе спиралось у него въ горлѣ, но онъ силлся говорить твердо и спокойно.

— Мы не должны забывать Его милостей, прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, какъ будто въ настоящемъ положеніи это была самая близкая, самая естественная мысль, какая только могла придти ему въ голову.

— Милости! сказала тетка Хлоя:—я, признаюсь, никакой тутъ милости не вижу! тутъ и правды-то нѣтъ, вовсе нѣтъ! Ну развѣ все это по правдѣ сдѣлалось? Зачѣмъ баринъ-то въ такіе долги вошелъ, что тебя отнимають у него. Ему бы давно слѣдовало дать тебѣ вольную, ужь давнымъ бы давно! Теперь-то ему ужь точно, можетъ быть, и нечего дѣлать, а все-таки это не хорошо. Ужь этого ничѣмъ у меня изъ головы не выбьешь. Ты ли, кажется, не былъ ему вѣрный слуга, его пользу завсегда ставилъ прежде своей, объ нечужой плотью да кровью за свои долги расплачиваются, ужь ихъ накажетъ Богъ!

— Хлоя! послушай, если любишь меня, не говори ты такихъ словъ, когда намъ, быть-можетъ, въ послѣдній разъ остаеся поговорить съ тобой. У меня сердце болитъ, Хлоя, слышать отъ тебя хотъ одно дурное слово противъ нашего господина. Вѣдь мнѣ отдали его на руки, когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ... какъ же мнѣ не думать и не стараться о немъ? И какъ отъ него требовать, чтобы и у него только и мыслей было, что о бѣдномъ Томѣ? Господа ужь такъ привыкли, чтобъ имъ служили, и все для нихъ дѣлали, такъ извѣстное дѣло, гдѣ жъ имъ о всякой малости думать? Отъ нихъ и требовать этого нельзя, никакъ нельзя. А ты посмотри на другихъ господъ, гдѣ ты найдешь такое житье, какое мнѣ было? И никогда въ свѣтѣ господинъ нашъ не довелъ бы насъ такой бѣды, еслибъ онъ только зналъ это напередъ.

— Ну, что ты тамъ ни говори, а ужь не чисто дѣло, отвѣчала тетка Хлоя, въ характерѣ которой упорное чувство справедливости

составляло главную, господствующую черту:—ужь я это чувствую.

— Думай почаще о Богѣ; Онъ надъ всѣми, безъ Него и робей не пропадетъ.

— Охъ, такъ-то такъ, да что-то не легче мнѣ отъ этого, развѣ ужь послѣ, Господь дастъ, полегчѣетъ, отвѣчала тетка Хлоя.—Ну да что тутъ толковать! словами дѣлу не поможешь. Вотъ я сейчасъ выну пирогъ; хоть въ послѣдній разъ позавтракаешь, какъ слѣдуетъ: Богъ вѣсть, придется ли тебѣ опять здѣсь завтракать.

Чтобы вполнѣ понять страшное горе негровъ, когда ихъ продаютъ на югъ, надо вспомнить, что всѣ инстинктивныя привязанности чрезвычайно развиты у этого племени. Привычка къ мѣсту глубоко вѣдрена въ ихъ природѣ. Робкіе и непредпріимчивые, они отлучаются въ то же время необыкновенно-вѣжною привязанностью къ дому и семьѣ. Прибавьте къ этому всѣ ужасы, которыми невѣжественное воображеніе облакаетъ незнакомую сторону, прибавьте, что быть проданнымъ на югъ—съ дѣтства представляется негру, какъ самая ужасная степень наказанія. Потому угроза продать на низовье для нихъ страшнѣе бича и всякаго истязанія. Намъ не разъ случалось слышать это отъ самихъ негровъ, и быть свидѣтелями непритворнаго ужаса, съ какимъ они въ часы отдыха, по окончаніи работъ, разказываютъ, усѣвшись въ кружокъ, страшныя исторіи объ этомъ низовьѣ, которое для нихъ есть:

Та сторона, невѣдомая людямъ,
Откуда нѣтъ возврата...

Одинъ миссіонеръ, жившій нѣкоторое время въ Канадѣ между бѣлыми неграми, разказывалъ намъ, какъ многіе изъ нихъ признавались ему, что бѣжали отъ господъ, относительно добрыхъ и кроткихъ, именно потому, что имъ самимъ, или ихъ женамъ и дѣтямъ угрожала опасность попасть на югъ. Эта мысль придаетъ отъ природы терпѣливому, робкому и непредпріимчивому негру, отчаянную отвагу, и заставляетъ его переносить холодъ и голодъ, подвергаться всѣмъ опасностямъ пустыни, гдѣ онъ долженъ скрываться, и еще болѣе ужаснымъ казнямъ, которыя ожидаютъ несчастнаго въ случаѣ поимки.

Между тѣмъ на столѣ уже дымилась стряпня тетки Хлои, которую мистриссъ Шельби освободила отъ всякой работы на цѣлое утро. На приготовленіе этого прощальнаго завтрака бѣдняжка истощила всѣ изобрѣтательныя силы своего ума и повареннаго искусства: на жаркое были убиты и зажарены отборные цыплята, пирогъ испеченъ со всевозможною старательностью, именно такъ, какъ любилъ мужъ, и наконецъ явились изъ подъ спуда какія-то таинственныя баночки съ вареньемъ, которыя подавались только въ крайне-торжественныхъ случаяхъ.

— Смотри-ко, Петя, смотри-ко! воскликнул Мося, торжествующимъ голосомъ, и собирался уже овладѣть крыломъ цыпленка, какъ вдругъ совершенно неожиданно почувствовалъ надъ самымъ ухомъ очень чувствительный щелчокъ отъ руки матери.

— Вотъ тебѣ! вишь зубы-то наострилъ, послѣдній завтракъ у тяти тащить!

— Ахъ, Хлоя! сказалъ Томъ, съ кроткимъ укоромъ.

— Да что жь мнѣ дѣлать, когда я сама съ собой не слажу, отвѣчала тетка Хлоя, закрывъ лицо фартукомъ.—У меня голова кругомъ идетъ, поневолѣ будешь зла!

Мальчишки остановились, какъ вкопанные, поочередно поглядывая, то на отца, то на мать, между тѣмъ какъ ихъ младшая сестра, вѣпившись въ платье матери, начала заявлять свои требованія проницательнымъ крикомъ, не допускавшимъ, казалось, ни возраженія, ни отлагательства.

— Ну, сказала тетка Хлоя, осушая глаза, и взявъ на руки ребенка,—ну теперь, авось, совсѣмъ прошло, теперь завтракай. Это мой лучший цыпленокъ. Натѣ и вамъ, ребята! ѣшьте, бѣдные дѣтки! Мама обидѣла васъ!

Мальчуганы не дожидались вторичнаго приглашенія; они дружно и съ блистательнымъ успѣхомъ принялись за все съѣдобное, и хорошо сдѣлали, потому что отъ взрослой половины общества нельзя было ожидать многого въ этомъ отношеніи.

— Ну, теперь! сказала Хлоя, послѣ завтрака, вставая и опять принимаясь суетиться,—теперь я соберу твоѣ платье. Пожалуй у тебя и послѣднее отнять. Знаю я этотъ народъ! Вотъ въ этомъ углу твоѣ фланелевая фуфайка отъ ревматизма, береги ее, новой векому ужъ будетъ сдѣлать. Вотъ старыя рубашки, а вотъ тутъ новыя. Я вчера за ночь починила носки у твоихъ чулокъ. А теперь-то, Боже мой, Боже мой! кто теперь будетъ чинить на тебя?

Тетка Хлоя, снова подавленная чувствомъ своего горя, положила голову на дорожный ящикъ мужа и залилась слезами.

— Какъ только вздумаешь, что ни одна-то душа на бѣломъ свѣтѣ не позаботится о тебѣ, хоть здоровъ ты, хоть боленъ! Ахъ ты, Господи, поневолѣ озлишься!!!

Въ это время, ребятъ, которые успѣли управиться со всѣмъ, что было на столѣ, начали смутно понимать, что около нихъ происходитъ что-то не доброе. Видя, что мать плачетъ, а отецъ смотритъ очень не весело, они вдругъ начали хныкать и зажали глаза ручонками. Между тѣмъ дѣвочка, которую Томъ держалъ на колѣняхъ, въ полной мѣрѣ потѣшалась предоставленнымъ ей правомъ царапать «визиономию своего родителя, тормошить ему волосы, и отъ времени до времени разражаясь громогласными взрывами удовольствія, которое, очевидно, происходило не изъ внѣшнихъ впечатлѣній, а изъ внутреннихъ движеній ея души.

— Пой, дитятко, пой! сказала тетка Хлоя, обращаясь къ ней — Придетъ и твоя пора, и тебя не минуетъ! Доживешь, такъ увидишь, какъ мужа станутъ продавать, а можетъ и самое продадутъ: вотъ и ребята—то, какъ только выростутъ, да будутъ гонимы въ дѣло, и ихъ, гляди, продадутъ; на что черному и имѣть-то родныхъ!

— Миссизъ идетъ! вскричалъ вдругъ одинъ изъ мальчугановъ.

— Зачѣмъ это еще? вѣдь ужъ не пособить горю, сердито проворчала Хлоя.

Мистрисъ Шельби вошла. Тетка Хлоя, подавая ей стулъ, явно обнаружила сердитое и непріязненное расположеніе духа. Но мистрисъ Шельби не замѣтила ни стула, ни того, какъ онъ былъ поданъ. Ино ея было встревожено и покрыто смертною блѣдностію.

— Томъ, сказала она, — я пришла... и вдругъ остановилась, окинула взглядомъ стоящую передъ ней безмолвную группу, опустилась на стулъ, и, закрывъ лицо платкомъ, зарыдала.

— Господи, миссизъ, что это вы! перестаньте, перестаньте! воскликнула тетка Хлоя, сама закрываясь слезами. Такъ они проплакали всѣ вмѣстѣ нѣсколько минутъ. И въ этихъ слезахъ, которыя на одинъ мигъ уравнили ихъ общественныя положенія, въ этихъ слезахъ распустилось и исчезло раздраженіе угнетенныхъ. О вы, благодѣтели страждущаго человѣчества, посѣщая несчастныхъ, знаете ли вы, что самые богатые дары, какіе вы только можете купить на свои деньги, если вы даете ихъ, отвернутся, съ холоднымъ, безпривѣтнымъ лицомъ, не стоятъ и одной искренней слезы, вызванной теплымъ участіемъ!

— Добрый мой Томъ, сказала мистрисъ Шельби, — я не могу ничего дать тебѣ на дорогу, что бы могло тебѣ пригодиться. Если я дамъ тебѣ денегъ, у тебя отнимутъ ихъ. Но обещаю тебѣ торжественно, передъ лицомъ всевидящаго Бога, что я не забуду тебя, буду слѣдить за тобой, и выкуплю непременно, какъ только будутъ деньги, а до тѣхъ поръ, надѣйся на Бога!

Въ эту минуту Мося и Петя закричали въ одинъ голосъ, что масръ Гели идетъ, и вслѣдъ за тѣмъ безцеремонный толчекъ растворилъ дверь. Гели предсталъ, очень не въ духѣ, еще усталый отъ ночной экспедиціи, и ни мало не умиротворенный неудачною попыткой возвратить свою добычу.

— Эй ты, черномазый! закричалъ онъ: — готовъ, что ли? Вашъ покорнѣйшій, сударыня, прибавилъ онъ, замѣтивъ присутствіе г-жи Шельби.

Тетка Хлоя, которая въ это время закрывала и увязывала до-рожный сундучокъ мужа, подняла голову, и такъ сердито посмотрѣла на мастера Гели, что, казалось, изъ глазъ ея, вмѣсто слезъ, посыпались искры.

Томъ коротко всталъ, собираясь слѣдовать за своимъ новымъ гос-

поодиномъ, и поднялъ на плечи свой тяжелый ящикъ. Жена его взяла на руки ребенка, чтобы проводить его до повозки, а Мося и Петя, не переставая хныкать, послѣдовали зади. Миссизъ Шельби остановила торговца, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ говорила ему что-то очень серьезно и съ большимъ одушевленіемъ. Во время этого разговора Томъ съ семействомъ направились къ повозкѣ, которая дожидалась у воротъ, совершенно готовая къ отъезду. Толпа старыхъ и молодыхъ негровъ собралась на дворѣ проститься съ своимъ старымъ сослуживцемъ. На Тома всѣ привыкли смотрѣть съ почтеніемъ; въ немъ уважали не только старшаго въ дворѣ, но и добраго, любимаго наставника въ христіанскомъ законѣ. Много, много теплаго сочувствія къ его участи, много искренняго сожалѣнія изображалось на всѣхъ лицахъ, особенно между женщинами.

— Ахъ, Хлоя, право ты свое горе лучше насъ переносишь, сказала одна изъ женщинъ, которая до сихъ поръ громко плакала навзрыдъ, замѣтивъ мрачное спокойствіе, съ которымъ Хлоя стояла у повозки.

— Я свои слезы всѣ выплакала! сказала Хлоя, бросивъ яростный взглядъ на приближавшагося торговца:— чтобы я стала плакать передъ этимъ старымъ псомъ? ни за что на свѣтѣ.

— Маршъ! въ повозку! крикнулъ Гели, шагая сквозь толпу слугъ, глядѣвшихъ на него изъ-подлобья. Когда Томъ помѣстился въ повозку, Гели, доставъ изъ подъ сидѣнья пару тяжеловѣсныхъ колодокъ, надѣлъ ихъ на ноги своей покупки.

Подавленный крикъ негодованія раздался въ цѣлой толпѣ, и въ то же время съ веранды послышался голосъ г-жи Шельби:

— Мистеръ Гели, увѣряю васъ, это совершенно лишняя предосторожность.

— А почему знать, сударыня? я и такъ ужъ заплатилъ здѣсь пятьюстами долларовъ; такъ мнѣ еще рисковать не приходится.

— Чего жъ она отъ него ожидала? проворчала съ озлобленіемъ Хлоя, между тѣмъ какъ оба мальчугана, казалось, теперь только понявъ въ чемъ дѣло, съ громкимъ воплемъ и рыданіями бросились къ матери, и прильнули къ ея платью.

— Мнѣ очень, очень жаль, сказалъ Томъ, — что мнѣ не удалось проститься съ масръ-Джорджемъ.

Джорджъ утромъ этого самого дня уѣхалъ на сосѣднюю плантацію, провести день или два у одного изъ своихъ сверстниковъ. Онъ отправился очень рано, когда вѣсть о несчастной судьбѣ его стараго любимца не получила еще официальной гласности, и потому ничего не подозрѣвалъ о случившемся.

— Кланяйтесь отъ меня масръ-Джорджу, сказалъ Томъ печально.

Гели хлопнулъ бичомъ, и повозка быстро покатила, унося съ

собою Тома, который, устремивъ неподвижный взоръ на родную усадьбу, долго, долго не сводилъ съ нея глазъ, пока она не исчезла въ отдаленіи.

Мистера Шельби не было дома. Онъ рѣшился продать Тома подвѣяніемъ тяжелой, неизбежной необходимости; онъ видѣлъ въ этомъ единственный исходъ, чтобъ избавиться отъ власти человѣка, котораго онъ боялся и ненавидѣлъ: потому первымъ чувствомъ его, когда контрактъ былъ подписанъ, было чувство радости. Но слезы и упреки жены снова разбудили въ его душѣ полу-дремавшее чувство раскаянія, а самоотверженіе и безотвѣтная покорность Тома усилили неприятное состояніе духа, въ которомъ онъ находился. Напрасно старался онъ увѣрить себя, что имѣлъ полное право поступить такъ, что всѣ такъ дѣлаютъ, и притомъ часто не имѣя крайности,—ему не удавалось оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, и, чтобы не быть свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ разставанья, онъ рѣшился уѣхать не на долго по какому-то дѣлу, надѣясь, что все будетъ кончено, когда онъ воротится.

Между тѣмъ Томъ съ своимъ спутникомъ катились по пыльной дорогѣ, минуя одно за другимъ старыя знакомыя мѣста, пока наконецъ они очутились за рубежомъ плантаціи, въ открытомъ полѣ.

Отъѣхавъ около мили, Гели вдругъ поворотилъ къ кузницѣ и, доставъ изъ экипажа пару желѣзныхъ наручниковъ, вошелъ въ кузницу, чтобы приказать сдѣлать ихъ просторнѣе.

— А то вотъ они маловаты на его ростъ, сказалъ Гели, подавая наручники, и указывая головой на Тома.

— Ба! да это никакъ Томъ отъ Шельби? Неужто онъ продалъ такого молодца? спросилъ кузнецъ.

— Продалъ, отвѣчалъ Гели.

— Неужто? кто бы подумалъ, возразилъ кузнецъ. — Такъ его и ковать не надо. Это честнѣйшая, добрѣйшая душа.

— Да, да, сказалъ Гели, — знаю я вашъ честный народъ! Съ ними-то и надо держать ухо востро. Вотъ дурачье да пьяницы, тѣ другое дѣло. Это забубенныя головы, ихъ куда хочешь вези, имъ все равно, а вотъ этимъ вашимъ умницамъ-то, такъ имъ это пуще смерти. Съ ними одинъ ладъ, ковать покрѣпче.

— Что говорить, возразилъ опять кузнецъ, — эти низовыя плантаціи не больно по сердцу нашему кентекскому негру; они тамъ, говорятъ, какъ мухи мрутъ. А? правда?

— Да не безъ того! скоренько, бываетъ, отправляются: климатъ тамъ, да то, да другое... грѣхъ пожаловаться, торговля идетъ живо, отвѣчалъ Гели.

— Ну нельзя не пожалѣть, какъ эдакого смирнаго, славнаго малаго, какъ Томъ, свезутъ туда на низъ, и пропадетъ онъ ни за что на этихъ сахарныхъ плантаціяхъ.

— Еще ему счастье, о немъ я общалъ похлопотать. Постараюсь пристроить его въ какое-нибудь доброе, старинное семейство; такъ если выдержитъ лихорадку да климатъ, ему будетъ житье такое, какого только можетъ желать черный.

— Въдь у него тутъ, чай, жена, дѣти остались?

— Какъ же; да тамъ другихъ заведетъ; этого добра вездѣ много, отвѣчалъ Гели.

Во все продолженіе этого разговора Томъ сидѣлъ въ повозкѣ, весь погруженный въ грустную думу. Вдругъ онъ услышалъ за собой приближавшійся звукъ лошадиныхъ копытъ, и, прежде чѣмъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, молодой масръ Джорджъ уже висѣлъ у него на шеѣ, обливаясь слезами, и обнаруживая свое негодованіе самыми энергическими возгласами.

— Это стыдно, говорю я, это низко! Пускай они всё, что хотятъ, говорятъ, а это стыдно, это низко! Будь я большой, увидѣлъ бы я, какъ бы они смѣли это сдѣлать — да! прибавилъ Джорджъ, и это да, вырвалось у него изъ груди съ глухимъ стenanіемъ.

— Ахъ, масръ Джорджъ! какъ вы меня обрадовали! сказалъ Томъ.—Какъ ужъ мнѣ тяжело было уѣхать, не простясь съ вами! Ужъ какъ вы меня утѣшили!

Говоря это, Томъ сдѣлалъ нечаянное движеніе ногой, и глаза Джорджа упали на кандалы.

— Какая мерзость! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками. — Я изобью этого стараго мошенника, непременно изобью!

— Ни, ни, масръ Джорджъ; да и говорите, сдѣлайте милость, по-тише. Въдь, если онъ разсердится, мнѣ отъ этого хуже будетъ.

— Ну, такъ и быть, не буду—для тебя. Но какъ только подуматъ объ этомъ... ну не срамъ ли это, Господи! Въдь они не послали за мной, и ничего мнѣ не сказали, и еслибы не Томъ Линкольнъ, я бы такъ и не зналъ! Ужъ и отдѣлалъ же я ихъ всѣхъ тамъ, отдѣлалъ!

— Вотъ это, я боюсь, грѣшно вы сдѣлали, масръ Джорджъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать! Я говорю: это стыдъ и срамъ! Посмотри сюда, дядя Томъ, сказалъ онъ вдругъ таинственно, понизивъ голосъ, и повернувшись къ кузницѣ спиной,—вотъ тебѣ мой долларъ.

— О! масръ Джорджъ! я и подуматъ не смѣю, чтобы взять это; ни за что на свѣтѣ! сказалъ Томъ, глубоко растроганный.

— Непременно возьми! сказалъ Джорджъ. Я ужъ говорилъ объ этомъ съ теткой Хлоей; она посовѣтовала мнѣ повернуть дырочку, да надѣть его на шнурокъ. Ты повѣсь его на шею, чтобы никто не видѣлъ, а то, пожалуй, отниметъ этотъ мерзавецъ. Говорю тебѣ, Томъ, мнѣ страхъ какъ хочется отдѣлать его, мнѣ бы отъ этого легче стало.

— Нѣтъ, масръ Джорджъ, не дѣлайте этого: отъ этого мнѣ тяжело будетъ.

— Ну так и быть, для тебя, отвѣчалъ Джорджъ, тщательно завязывая свурокъ на шеѣ Тома; — вотъ такъ! застегнись теперь плотнѣе, да береги его, смотри; каждый разъ, какъ взглянешь на него, вспоминай, что я приѣду къ тебѣ, и увезу тебя назадъ, домой. Ужь мы обо всемъ условились съ Хлоей. Я сказалъ ей, чтобъ она не плакала. Ужь я беру это дѣло на себя. Я житья не дамъ папашѣ, если онъ не сдѣлаетъ по моему!

— Ахъ, масръ Джорджъ, какъ можно такъ говорить о папашѣ?

— Господи, Томъ, я вѣдь это только такъ, безъ дурной мысли.

— Теперь послушайте, чтò я вамъ буду говорить, масръ Джорджъ, сказалъ Томъ:—будьте вы всегда добры, помните, сколько людей любить васъ и на васъ надѣются. Держитесь всегда мамаша. Не дѣлайте вы такъ, какъ иные глупые мальчики, которые думаютъ будто ужъ такіе большіе стали, что мать имъ ни по чемъ. Вотъ чтò я скажу вамъ, масръ Джорджъ, Богъ много прекраснаго даетъ по два раза, но мать даетъ одну только во всю жизнь. Другой матери, масръ Джорджъ, у васъ ужъ не будетъ, хоть вы сто лѣтъ проживите. Такъ—то, масръ Джорджъ, если вы будете ея слушаться, и какъ выростете большой, станете утѣшать ее—вотъ тогда будете мое родное, дорогое дитяtko! Вѣдь вы послушаетесь меня старика, масръ Джорджъ, не правда ли?

— Да, дядя Томъ, подтвердилъ Джорджъ.

— Да еще, масръ Джорджъ, будьте осторожны въ словахъ. Молодые люди, въ ваши лѣта, горячи, это ужъ такъ въ природѣ. Но джентльмены, настоящіе, то-есть молодые джентльмены, вогъ такіе, какъ вы, я знаю, будете, слова не скажутъ непочтительнаго противъ отца съ матерью. Вѣдь вы не сердитесь на меня, масръ Джорджъ?

— Вовсе нѣтъ, дядя Томъ, ты всегда меня добру учишь.

— Дѣло извѣстное, масръ Джорджъ, я постарѣй васъ, продолжалъ Томъ, глядя прекрасные, вьющіеся волосы на головѣ Джорджа своею широкою, могучею рукой, но говоря тонкимъ и нѣжнымъ голосомъ, словно женщина, — я вѣдь знаю все, что есть въ васъ добраго. О, масръ Джорджъ! Богъ васъ всѣмъ наградишь—и умошь, и породой, и ученьемъ. Выростете, будете ученый, добрый человекъ, тогда папаша и мамаша, и всѣ наши домашніе будутъ любоваться на васъ и гордиться вами! Будьте добрый баринъ, какъ вашъ папа, а пуще всего будьте добрый христианинъ, какъ мама. Помни Господа Бога твоего, во дни юности твоя, масръ Джорджъ! Вотъ что!

— Обѣщаю тебѣ, дядя Томъ, что буду *въ правду* хорошимъ человекомъ, сказалъ Джорджъ торжественно. — Буду стараться такимъ сдѣлаться, что чудо! А ты, дядя Томъ, не унывай! Дай срокъ, я тебя опять перевезу на старое гнѣздо. Я ужъ нынче утромъ ска-

заль теткѣ Хлоѣ, что за ново отдѣлаю тебѣ домъ, и устрою тебѣ гостиную, съ обоями, съ ковромъ, дай мнѣ только вырасти! По-годи, дядя Томъ, еще придутъ и твои красные дни!

Въ это время въ дверяхъ кузницы показался Гели, съ желѣзными кольцами въ рукахъ.

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ Джорджъ, слѣзая съ повозки и обращаясь къ нему съ видомъ величайшаго превосходства:—я разкажу моему отцу и матери, какъ вы обходитесь съ дядей Томомъ!

— Много обяжете, сухо отвѣчалъ торговецъ.

— Я все думаю, какъ это вамъ не опротивѣетъ весь свой вѣкъ скупать мужчинъ и женщинъ, да ковать ихъ въ желѣзо, какъ безсловесный скотъ? Я право думалъ, что вы наконецъ поймете, какъ это низко!

— Пока богатые люди не стыдятся покупать мужчинъ и женщинъ,—я ничуть не хуже ихъ, сказалъ Гели:—покупать людей ни чуть не лучше, чѣмъ продавать.

— Когда я буду большой, я не стану дѣлать ни того, ни другаго, сказалъ Джорджъ.—Съ нынѣшняго дня я стыжусь, что родился въ Кентекки: до сихъ поръ я гордился своею родиной.

Выпрямившись на лошади, онъ при этомъ такъ гордо оглянулся кругомъ, какъ будто ожидалъ, что весь Кентеккскій штатъ придетъ въ волненіе отъ его словъ.

— Такъ прощай же, дядя Томъ, да смотри не унывай, сказалъ онъ послѣ того.

— Прощайте, масръ Джорджъ, сказалъ Томъ, провожая его взорами, исполненными любви и восторга.—Богъ Всемогущій да благословитъ васъ! О! въ Кентекки не много найдется такихъ молодыхъ людей, какъ этотъ! прибавилъ онъ, отъ полноты чувствъ, когда открытая отроческая фізіономія его юнаго друга исчезла за поворотомъ дороги. Томъ смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся всаднику, пока вдали не замеръ послѣдній стукъ копытъ, для Тома—прощальный звукъ, послѣдній слѣдъ родной стороны! Но у груди, гдѣ эти юныя, чистыя руки привѣсили драгоценный долларъ, бѣдный Томъ вдругъ почувствовалъ какую-то чудную, благотворную теплоту. Онъ поднялъ руку и крѣпко прижалъ къ сердцу дорогой подарокъ.

— Слушай, что я тебѣ скажу, Томъ, сказалъ Гели, сѣвъ въ повозку и кладя кольца подъ ноги,—я думаю ты у меня далеко пойдешь, какъ и всѣ мои негры; такъ вотъ что я тебѣ скажу! ты будь со мною хорошъ, и я съ тобою хорошъ буду; я, братъ, своихъ черныхъ не люблю мучить, а для нихъ же стараюсь, какъ бы имъ было лучше. Такъ видишь, всего лучше для тебя—жить смирно и не пробовать улизнуть, а нѣтъ, такъ ужъ прошу не прогнѣваться!

Томъ увѣрилъ Гели, что въ настоящее время онъ и не думалъ о побѣгѣ.

Въ сущности подобное увѣщаніе было совершенно излишнее для чловѣка, скованнаго по ногамъ парюю тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпей. Но мистеръ Гели уже привыкъ обращаться къ неграмъ съ рѣчью подобнаго рода, какъ для внушенія бодрости и спокойствія духа, такъ и для предотвращенія нѣкоторыхъ неприятностей.

Но оставимъ на время дядю Тома и посмотримъ, что дѣлается съ другими лицами нашего повѣствованія.

Г Л А В А X I.

Въ этой главѣ главъ собственность оказывается въ не-
собственномъ состояніи духа.

Поздно вечеромъ въ сырую погоду, у дверей маленькаго деревенскаго трактира селенія Н*, въ Кентекки, остановился путешественникъ.

Войдя въ общую залу, онъ нашелъ тамъ разнообразное общество, принужденное искать убѣжища отъ невѣстья и представлявшее обычную картину подобныхъ сборищъ. Дюжіе крупные Кентекійцы въ охотничьихъ блузахъ, широко раскинувъ свои неуклюжіе члены, расположились съ безцеремонностью, свойственною мѣстнымъ обычаямъ. Ружья, составленныя въ уголь, ягдташи, пороховницы, охотничьи собаки и маленькіе негрята, скученные въ повалку по угламъ, составляли характеристическія черты этой сцены.

У каждаго угла очага сидѣло подлинноному джентльмену: спинки ихъ стульевъ были опрокинуты назадъ, шляпы нахлобучены на головы, а ноги, обутыя въ грязные сапоги, смѣло упирались въ верхнюю окраину камина. Да будетъ извѣстно читателю, что такое положеніе считается особенно благопріятнымъ тому обороту мыслей, который постигаетъ обыкновенно посѣтителей тавернъ въ западныхъ штатахъ, гдѣ путешественники оказываютъ рѣшительное предпочтеніе такому оригинальному способу возвышаться духомъ.

Трактирщикъ, стоявшій за конторкою, походилъ на большую часть своихъ земляковъ: онъ былъ высокаго роста, съ добродушнымъ лицомъ и развихленными членами, съ обильною массою волосъ на головѣ и высочайшею шляпою посверхъ ихъ.

Впрочемъ и всѣ остальные посѣтители носили этотъ отличительный признакъ мужскаго владычества: поярковыя шляпы, пальмовые листья, засаженные шапки или модные *chapeaux*, ровно сидѣли на головахъ съ истинно-республиканскою независимостью, каждая изъ

нихъ болѣе или менѣе опредѣляла характеръ своего хозяина. Одинъ ухорски заламливалъ шапку на бекрень, то былъ весельчакъ, хватъ и разбитной малый; другой самостоятельно нахлобучивалъ ее на носъ—это былъ челоуѣкъ твердаго характера; казалось, что имѣя на головѣ шляпу, онъ на томъ стоялъ, чтобы она держалась у него именно такъ, а не иначе. Были такіе, у которыхъ шляпы опрокидывались на затылокъ: это были люди дальновидные, себѣ на умѣ, желавшіе ясно видѣть, что предъ ними творится, тогда какъ беззаботные ребята, которые не знали или знать не хотѣли, какъ сдѣять ихъ головные уборы, дозволяли имъ ѣздить во всѣ стороны. Словомъ, изученіе всѣхъ этихъ шляпъ было бы достойно самого Шекспира.

Нѣсколько негровъ въ широкихъ панталонахъ и очень узкихъ рубашкахъ шныряли по всѣмъ направленіямъ безъ всякой видимой цѣли, кромѣ развѣ желанія выказать свою готовность перевернуть все вверхъ дномъ для удовольствія хозяина и его гостей.

Прибавьте къ этой картинѣ яркое пламя камина, которое треща и гудя, весело стремится въ широкую трубу, наружныя двери и окна, открытыя настежь, каленкоровыя занавѣски, вздутыя и хлопающія отъ напора свѣжаго и сыраго вѣтра, и вы получите полное понятіе о пріятностяхъ кентеккійскаго трактира.

Кентеккіецъ нашего времени подтверждаетъ собою ученіе о наследственной передачѣ инстинктовъ и странностей. Отцы его были страстными охотниками, жили среди лѣсовъ и спали подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ однихъ звѣздъ; потомки ихъ, еще и въ наше время, какъ будто принимаютъ всякій домъ за охотничій привалъ: никогда не скидаютъ своихъ шляпъ, за все задѣваютъ, закидываютъ ноги на спинку стула или на навѣсъ очага, точь-въ-точь, какъ отцы ихъ, раставувшись на травѣ, задирали свои ноги на пни и колоды; зиму и лѣто держатъ окна и двери настежь, чтобы вдоволь набрать свѣжаго воздуха въ свою широкую грудь, съ лѣнливымъ добродушіемъ зовутъ каждого *иностранцемъ* и въ сущности остаются самими открытыми, простодушными и веселыми созданіями въ мірѣ.

Въ это-то безцеремонное общество вошелъ нашъ путешественникъ, маленькій, приземистый челоуѣчекъ, круглое лице котораго выражало добродушіе; онъ былъ одѣтъ довольно тщательно, и фигура его имѣла что-то педантское и своеобразное.

Онъ такъ заботился о своемъ чемоданѣ и зонтикѣ, что собственно-ручно внесъ ихъ въ комнату, упорно сопротивляясь слугамъ, прорывавшимся освободить его отъ этихъ вещей. Окинувъ залу спокойнымъ взоромъ, онъ отошелъ въ самый теплый уголъ, помѣстивъ обѣ свои драгоценности подъ стулъ, сѣлъ на него и не безъ опасенія посмотрѣлъ на джентльмена, котораго каблукъ красовался на каминѣ, и который плевалъ направо и налѣво такъ смѣло и звер-

гично, что возбуждалъ невольный ужасъ въ людяхъ, отличавшихся слабостію нервовъ и чистоплотностью.

— А что, какъ поживаете, иностранецъ? сказалъ этотъ господинъ, посылая въ видѣ привѣтствія цѣлый залпъ табачнаго сока въ сторону новопришедшаго.

— Ничего, не дурно, отвѣчалъ тотъ, тщательно оберегаясь отъ угрожавшаго ему салюта.

— Что новенькаго? продолжалъ первый, вытаскивая изъ кармана свертокъ табаку и большой охотничій ножикъ.

— Я ничего не знаю, былъ отвѣтъ.

— Жуете? сказалъ первый, подавая старому джентльмену кусокъ табаку съ истинно-братскимъ добродушіемъ.

— Нѣтъ благодарю, не употребляю, отвѣчалъ маленькій господинъ, стараясь увернуться.

— Нѣтъ, не жуете? и длинноногій джентльменъ безъ дальнихъ околичностей отправилъ табакъ въ собственный ротъ, съ цѣлю извлечь изъ него запасъ соку на удовольствіе всей комнаты.

Старичокъ не могъ удержаться отъ содроганія при всякомъ залпѣ своего сосѣда, направленномъ въ его сторону, это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія послѣдняго: онъ очень добродушно повернулъ свою батарею въ противную сторону и принялся бомбардировать одну изъ каминныхъ перекладинъ, изобличая при этомъ столько воинскихъ доблестей, что ихъ бы достало на взятіе цѣлаго города.

— Это что? спросилъ старый джентльменъ, видя, что нѣсколько членовъ общества столпились около большой афишп.

— Бѣглый негръ, отозвался кто-то изъ читавшихъ.

Мистеръ Уильсонъ, такъ звали стараго господина, всталъ, тщательно поправилъ свой чемоданъ и зонтикъ, медленно вынулъ очки, укрѣпилъ ихъ на своемъ носу, и покончивъ эту операцію, прочелъ слѣдующее:

«Въ бѣгахъ отъ нижеподписавшагося молодой мулатъ, по имени Джорджъ. Ростомъ 6 футовъ, кожа очень свѣтлая, волосы темные, кудрявые; очень смышленъ, красно говоритъ, можетъ читать и писать; вѣроятно будетъ выдавать себя за бѣлаго, на спинѣ и плечахъ глубокіе шрамы, на правой рукѣ выжжена буква *H*.

«Четыреста доллеровъ тому, кто представитъ мнѣ его живымъ, столько же за вѣрное доказательство его убіенія.»

Старый джентльменъ прочелъ это извѣщеніе въ полголоса отъ начала до конца, какъ будто желая выучить его наизусть.

Длинноногій ветеранъ, осаждавшій до тѣхъ поръ каминную перекладину, собралъ тогда свою объемистую и неуклюжую особу, вытянулся во весь ростъ, подошелъ къ афишѣ и, съ рѣшительнымъ видомъ, пустилъ въ нее полный зарядъ табачнаго соку.

— Так вот же тебѣ, сказалъ онъ лаконически и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Что съ вами, иностранецъ, это къ чему? спросилъ трактирщикъ.

— Такъ же поступилъ бы я и съ самимъ писакой, еслибъ онъ тутъ случился, отвѣчалъ длинноногій, хладнокровно принимаясь опять за рѣзанье табаку.— Если владѣлецъ такого молодца не умѣетъ съ нимъ лучше обходиться, такъ значить и ничто ему. Такія объявленія сущее безчестіе для нашего штата. Вотъ мое мнѣніе, если кому надо знать его

— Вотъ это дѣло, проговорилъ трактирщикъ, записывая приходъ въ счетную книгу.

— У меня самого цѣлая куча негровъ, сударь, продолжалъ длинноногій господинъ, снова принимаясь осаждать каминную рѣшетку,—и я имъ говорю подчасъ: ребята, говорю, бѣгайте, работайте, отдыхайте, когда вамъ вздумается, отъ меня за собою пристоитра не ждите! Вотъ какъ я поступаю со своими. Коли они знаютъ, что вольны бѣжать во всякое время, то у нихъ къ тому и охота пропадаетъ. Мало того: у меня для каждого приготовлены отпускные листы на случай, что не сегодня, завтра могу отправиться на тотъ свѣтъ: они то знаютъ, и я вамъ говорю, иностранецъ, что въ нашей сторонѣ никто не извлекаетъ изъ своихъ негровъ столько пользы, какъ я. Напримѣръ я посылалъ въ Синсиннети на пять сотъ долларовъ жеребятъ со своими молодцами, и чтожь? они привезли мнѣ деньги сполна въ самый срокъ. Да такъ и быть должно: поступай съ неграми, какъ съ собаками, они и дѣлать все будутъ по-собачьи; поступай съ ними по-человѣчески, такъ и они станутъ дѣйствовать, какъ люди.

И честный барышникъ, въ жару разсужденія, подтверждалъ свое нравственное изреченіе, пустивъ въ очагъ блистательный фонтанъ табачнаго соку.

— А точно, вы правы, другъ мой, сказалъ мистеръ Уильсонъ,—описанный здѣсь мулатъ, дѣйствительно славный малый, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ работалъ у меня на холщевой фабрикѣ лѣтъ шесть сряду и былъ моею правою рукою. Онъ къ тому же очень смышленъ: выдумалъ машину для чесанія пеньки и очень удачную; она пригодилась и на другихъ фабрикахъ, а господину его дали на нее привилегію.

— За это можно поручиться, сказалъ барышникъ, — привилегію получилъ и деньгу наживаешь, а тамъ, смотришь, и заклеимилъ молодцу правую руку. Ну ужъ коли бы мнѣ дали волю, я бъ этому хозяину налѣпилъ такое клеймо, что и въкъ бы не стерлось.

— Ужъ эти мнѣ ученые негры! всегда напѣляютъ и напугаютъ, сказалъ, съ другаго конца комнаты, господинъ очень грубой наруж-

ности,—за это-то ихъ и клеймятъ. Сиди они смиренно, этого бы съ ними не случилось.

— То—есть значить, что Богъ сотворилъ ихъ людьми, а потому, превратилъ ихъ въ скотовъ очень мудрено, возразилъ барышникъ сухо.

— Ученые негры невыгодны для хозяина, продолжалъ тотъ, вооружившись противъ презрѣнія своего собесѣдника грубою и тупою безчувственностію. — Какая польза въ ихъ талантахъ и во всѣхъ этихъ штукахъ, если они вамъ ни на что не годятся, или только на то и годятся, чтобъ васъ же кругомъ провести? У меня было двое такихъ молодцовъ, только я поскорѣе сбылъ ихъ съ рукъ. Я зналъ, что если не сдѣлаю этого, то не сегодня, завтра все—таки потерю ихъ.

— Вы бы лучше обратились къ Господу Богу, да попросили Его отнять у нихъ души, замѣтилъ барышникъ.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ приближеніемъ къ трактиру маленькаго экипажа въ одну лошадь. Въ этомъ щеголеватомъ экипажѣ сидѣлъ хорошо одѣтый джентльменъ красивой наружности, а на козлахъ правилъ негръ. Все общество принялось разсматривать новоприбывшаго съ любопытствомъ, съ какимъ толпа зѣвакъ въ дождливый день обыкновенно осматриваетъ прїѣзжихъ.

Онъ былъ очень высокъ, смуглъ какъ Испанецъ, съ прекрасными выразительными черными глазами и круто вьющимися волосами, также черными и блестящими. Его красивый носъ, ровныя, тонкія губы и изящныя формы всѣхъ членовъ, тотчасъ внушили всему обществу, что онъ былъ человѣкъ не простой.

Онъ вошелъ очень свободно, движеніемъ головы указавъ своему слугѣ мѣсто для чемодана, поклонился всему обществу и, съ шляпою въ рукѣ, не торопясь подошелъ къ конторкѣ и сказалъ свое имя: Генри Ботлеръ изъ Окланда, въ графствѣ Шельби. Потомъ, повернувшись съ равнодушнымъ видомъ, онъ увидѣлъ газетное объявленіе и прочелъ его отъ начала до конца.

— Джимъ, сказалъ онъ обращаясь къ своему слугѣ,—кажется въ Берненѣ мы встрѣтили человѣка, очень сходнаго съ этимъ, не правда ли?

— Да, масръ, отвѣчалъ Джимъ, — только я не замѣтилъ знака на рукѣ.

— Ну и я не посмотрѣлъ, сказалъ прїѣзжій, безопасно зѣвая. Онъ снова подошелъ къ трактирщику и попросилъ особую комнату, говоря, что ему тотчасъ нужно писать.

Хозяинъ, рассыпавшійся въ любезностяхъ, отрядилъ семь человѣкъ негровъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, мелкихъ и крупныхъ, которые засуетились какъ стая куропатокъ, забѣгали, заспѣшили, не разъ отдавали другъ другу ноги, не разъ перекувырнулись одинъ черезъ другаго, ревностно приготавливая комнату для

новопріѣзжаго джентльмена; а онъ, между тѣмъ, преспокойно сидѣлъ среди комнаты и разговаривалъ съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ.

Съ самаго прибытія этого господина, фабрикантъ мистеръ Уильсонъ не переставалъ смотрѣть на него съ какимъ-то безпокойнымъ любопытствомъ.

Ему казалось, что онъ уже гдѣ-то встрѣчалъ и знавалъ его, но гдѣ, онъ не могъ припомнить. Всякій разъ какъ этотъ человѣкъ говорилъ, двигался или улыбался, мистеръ Уильсонъ дѣлалъ невольное движеніе и взглядывалъ на него пристально, но тотчасъ опускалъ глаза, какъ только встрѣчался съ черными блестящими глазами незнакомца, смотрѣвшими на него съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Но вдругъ, какъ бы озаренный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ взглянулъ на пріѣзжаго съ такимъ изумленіемъ и страхомъ, что тотъ подошелъ къ нему.

— Мистеръ Уильсонъ, кажется, сказалъ онъ, какъ будто узнавъ своего собесѣдника и протягивая ему руку, — извините, я не призналъ васъ до сихъ поръ. Но я вижу, что вы меня узнали: Ботлеръ, изъ Окланда, въ графствѣ Шельби.

— Да... да... сэръ, отвѣчалъ мистеръ Уильсонъ, какъ будто сквозь сонъ.

Въ эту минуту вошелъ мальчикъ негръ и возвѣстилъ, что комната масра готова.

— Джимъ, смотри за поклажей, сказалъ джентльменъ небрежно, и, обращаясь къ Уильсону, прибавилъ: — мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы на нѣсколько минутъ пожаловали въ мою комнату; мнѣ бы нужно было поговорить съ вами кое о чемъ.

Мистеръ Уильсонъ послѣдовалъ за нимъ, какъ человѣкъ, движущійся во снѣ; они вошли на верхъ въ большую комнату, гдѣ уже пылалъ въ каминѣ трескучій огонь и еще бѣгали слуги, доканчивая уборку ея.

Когда все было кончено и слуги разошлись, молодой человѣкъ тщательно заперъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ, потомъ обернулся и скрестивъ руки на груди, посмотрѣлъ прямо въ лицо мистеру Уильсону.

— Джорджъ! вскричалъ мистеръ Уильсонъ.

— Да, Джорджъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Этого я никакъ не ожидалъ!

— Кажется, я довольно хорошо переодѣлся, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ улыбкою. — Орѣховою корой придавъ я своей желтой кожѣ красивый, смуглый отливъ, а волосы выкрасилъ въ чернѣйшій цвѣтъ; теперъ, какъ видите, я вовсе не соотвѣтствую примѣтамъ, выставленнымъ въ афишѣ.

— О, Джорджъ... ты играешь въ преопасную игру, я бы этого не совѣтовалъ тебѣ.

— Я принялъ на себя всю отвѣтственность, отвѣчалъ Джорджъ съ тою же гордою улыбкой.

Замѣтимъ мимоходомъ, что съ отцовской стороны Джорджъ происходилъ отъ бѣлыхъ. Мать его была одна изъ тѣхъ несчастныхъ мулатокъ, которыя красотою своею обречены быть жертвами преступной страсти своихъ владѣльцевъ, и матерями дѣтей, которыя не знаютъ своихъ отцовъ. Джорджъ наследовалъ, отъ одной изъ важнѣйшихъ семей въ Кентекки, изящный, европейскій складъ тѣла и гордый, неукротимый нравъ. Отъ матери своей получалъ онъ только легкій желтоватый оттѣнокъ, и неразлучные съ нимъ, блестящіе, черные глаза. Перемѣнивъ слегка цвѣтъ своей кожи и волосъ, онъ, какъ мы уже видѣли, преобразился въ совершеннаго Испанца; и такъ какъ онъ отъ природы обладалъ граціею движеній и благородною осанкою, то ему не трудно было разыграть смѣлую роль, за которую онъ взялся, а именно, роль джентльмена, путешествующаго съ своимъ слугой.

Мистеръ Уильсонъ, добродушный, но до крайности боязливый и осторожный господинъ, тревожно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, весьма озабоченный; повидимому онъ сильно колебался между желаніемъ помочь Джорджу, и довольно смутнымъ чувствомъ долга и законности. Походивъ изъ угла въ уголъ, онъ выразился наконецъ слѣдующимъ образомъ:

— Итакъ, Джорджъ, положимъ, что ты бѣжишь—оставляешь своего законнаго господина, Джорджъ (это меня не удивляетъ), но мнѣ все-таки прискорбно, Джорджъ, да рѣшительно, я думаю, что обязанъ сказать тебѣ это—долгъ повелѣваетъ мнѣ говорить такъ.

— Чтò же вамъ прискорбно, милостивый государь? спросилъ Джорджъ спокойно.

— А то, что я вижу, что ты, такъ сказать, поступаешь противъ законовъ своего роднаго края.

— *Моею* роднаго края! повторилъ Джорджъ величаво, но съ горечью. — Гдѣ же мой родной край, какъ не въ могилѣ? И дай Богъ, чтобъ я уже лежалъ въ ней!

— О, нѣтъ, Джорджъ, нѣтъ, этого не надо, такъ не слѣдуетъ говорить, это противно Священному Писанію. Джорджъ, правда, что ты нажилъ себѣ дурнаго господина, это такъ, онъ поступаетъ очень предосудительно, и я не пытаюсь защищать его. Но ты знаешь, что ангелъ явился Агари и приказалъ ей возвратиться къ своей госпожѣ и покориться ей... И апостолъ тоже отослалъ Онисима обратно къ его хозяину.

— Не говорите мнѣ этого, мистеръ Уильсонъ, сказалъ Джорджъ, и глаза его засверкали, — пожалуйста не говорите! Моя жена христіянка, и самъ буду истиннымъ христіаниномъ, какъ только добыюсь своей цѣли. Но если приводить примѣры изъ Библіи человеку въ

моемъ теперешнемъ положеніи, то этого довольно, чтобы навсегда отучить его отъ нея. Я призываю всемогущаго Бога, готовъ предстать къ Нему на судъ, и спросить Его, правъ ли я, ища свободы?

— Это все очень натурально, Джорджъ, сказалъ добродушный старикъ, сморкаясь.— Да, эти чувства понятны; но я обязанъ не потворствовать имъ. Да, мой любезный, мнѣ за тебя очень грустно; это плохая штука, очень плохая. Всякій долженъ покориться тому состоянію, въ которомъ онъ поставленъ. Всѣ мы должны повиноваться указанію Божию, Джорджъ. Не такъ ли?

Джорджъ стоялъ, откинувъ голову, вѣрнѣе скрестивъ руки на своей широкой груди и съ горькою улыбкою на устахъ.

— Я теперь думаю, мистеръ Уильсонъ, что еслибъ Индѣйцы пришли и взяли васъ въ плѣнъ, увезли бы далеко отъ жены и дѣтей, и всю жизнь изнуряли бы васъ работой, почли ли бы вы тогда своимъ долгомъ покориться состоянію, въ которое поставлены? Мнѣ кажется, что вы бы первую попавшуюся лошадь сочли скорѣе за указаніе Божіе. Не такъ ли?

При такомъ оборотѣ дѣла, маленькій старичокъ только выпучилъ глаза; не будучи большимъ умникомъ, онъ обладалъ однакоже качествомъ, которымъ рѣдко отличаются ораторы, толкующіе объ этомъ предметѣ, а именно переставалъ говорить, когда нечего было сказать.

Итакъ, тщательно сложивъ свой зонтикъ, выправляя и поглаживая всѣ его складочки, онъ продолжалъ свои увѣщанія уже въ болѣе общихъ выраженіяхъ.

— Вотъ видишь ли, Джорджъ, знаешь, вѣдь я всегда былъ твоимъ другомъ, я все для твоей же пользы говорю. Мнѣ кажется, что ты страшно рискуешь. Тебѣ нельзя надѣяться на счастливый исходъ дѣла. Если поймутъ тебя, тебѣ будетъ еще хуже чѣмъ прежде: тебя только замучатъ до полусмерти, и продадутъ на низовье.

— Мистеръ Уильсонъ, я все это знаю, сказалъ Джорджъ,—знаю, что страшно рискую, но... онъ разстегнулъ верхнее платье и показалъ два пистолета и кривой кинжалъ, — вотъ! прибавилъ онъ, — я на все готовъ. На югъ я никогда не пойду! нѣтъ, если дойдетъ до этого, то я сумѣю приобрести хоть шесть футовъ земли—первую и послѣднюю собственность, которую заведу себѣ въ Кентекки.

— Но, Джорджъ, такое состояніе духа ужасно! Оно становится почти отчаяннымъ, Джорджъ. Это меня огорчаетъ. Ты просто идешь противъ законовъ своей родины.

— Моя родина, опять моя родина? мистеръ Уильсонъ: у васъ есть родина, но какая же родина у меня и всѣхъ, подобно мнѣ рожденныхъ отъ невольницъ? Какіе законы насъ ограждаютъ? Не мы ихъ писали, не мы утвердили! Чтò есть общаго между ими и нами?

Разумъ мистера Уильсона былъ такого свойства, что болѣе всего

походилъ на туюк хлопчатой бумаги: мягкой, пухлой, но спутанной и разлетающейся въ клочки. Онъ дѣйствительно всею душой соблаговолѣвалъ Джорджу, имѣлъ даже какое-то нѣжное, гуманное понятие о тѣхъ чувствахъ, которыя должны были волновать его; но считалъ своей непремѣнною обязанностью увѣщевать его въ томъ же духѣ, съ необычайнымъ упорствомъ.

— Джорджъ, это не хорошо. Я долженъ говорить съ тобой какъ другъ: брось эти мысли; онѣ вредны, очень вредны, Джорджъ, для молодыхъ людей твоего состоянія, весьма вредны. И мистеръ Уильсонъ, сѣвъ у стола, судорожно задергалъ ручку своего зонтика.

— Посмотрите, мистеръ Уильсонъ, сказалъ Джорджъ, подойдя къ нему и рѣшительно садясь прямо противъ него. — Вы только посмотрите на меня, вотъ я сижу передъ вами, не такой же ли я человѣкъ, какъ и вы? Посмотрите на мое лицо, на руки мои, на всю мою фигуру! И молодой человѣкъ величаво выпрямился. — Чѣмъ же я не человѣкъ? Мистеръ Уильсонъ, выслушайте то, что я могу сказать вамъ. Отецъ мой, одинъ изъ вашихъ кентекійскихъ джентльменовъ, не позаботился обо мнѣ и настолько, чтобы меня не продали вмѣстѣ съ собаками и лошадьми, для уплаты долговъ послѣ его смерти. Я видѣлъ, какъ шерифъ продалъ мать мою, и ея семерыхъ дѣтей. Всѣ они при ея глазахъ были распроданы поодиначкѣ, разнымъ владѣльцамъ, я былъ младшій. Она подошла къ старому господину и на колѣняхъ просила его купить ее вмѣстѣ со мною, чтобы осталось при ней хотя одно дѣтище; но онъ оттолкнулъ ее своимъ тяжелымъ сапогомъ. Я видѣлъ какъ онъ это сдѣлалъ, и въ послѣдній разъ слышалъ ея вопли и рыданія, пока меня привязывали къ его сѣдлу; онъ увезъ меня въ свое помѣстье.

— Что же далѣе?

— Мой хозяинъ сторговался съ однимъ изъ другихъ и перекупилъ у него мою старшую сестру. Она была богобоязливая, добрая дѣвушка, принадлежала къ сектѣ баптистовъ, и была такая же красавица какъ и бѣдная мать моя. Она получила хорошее воспитаніе и имѣла прекрасныя манеры. Сперва я былъ очень радъ тому, что ее купили, потому что около меня было хоть одно родное лицо. Но скоро я пересталъ радоваться этому. Сэръ, я стоялъ у двери и слышалъ какъ ее били плетью; мнѣ казалось, что каждый ударъ врѣзывался въ мое сердце, и я ни чѣмъ не могъ помочь ей. А били ее, сэръ, за то, что она хотѣла оставаться честною христіанскою дѣвушкой, тогда какъ по вашимъ законамъ, невольница не имѣетъ права быть честною дѣвушкой. Наконецъ ее сковали, вмѣстѣ съ партією другихъ продажныхъ рабовъ, и отправили на орлеанскій рынокъ, за это только и отправили, и съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видалъ ея. Прошли долгіе годы, я выросъ, не зналъ ни отца, ни матери, ни сестры, не видалъ ни одной живой души, которая бы заботилась обо мнѣ немножко по-

больше чѣмъ о собакахъ: меня только били, бранили и морили голодомъ. Сэръ, я бывалъ такъ голоденъ, что съ радостью подбираю кости, которыя они бросали своимъ собакамъ; и все-таки, когда я, еще ребенкомъ, проплакивалъ напролетъ цѣлыя ночи, — то плакать не отъ голода и не отъ побоевъ. Нѣтъ, я плакалъ о своей матери и сестрахъ, о томъ, что не было на свѣтѣ никого, кто бы любилъ меня. Я никогда не знавалъ покоя и утѣшенія, никто не сказалъ мнѣ ласковаго слова, до тѣхъ поръ, пока я не началъ работать на вашей фабрикѣ. Мистеръ Уильсонъ, вы обходились со мною хорошо; вы поставили меня на добрый путь, внушили мнѣ охоту учиться грамотѣ, возбудили во мнѣ желаніе сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ; и Богу извѣстно, какъ я благодаренъ вамъ за это. Вслѣдъ за этимъ, сэръ, я нашелъ себѣ жену. Вы видѣли ее, вы знаете какъ она хороша. Когда я узналъ, что она любитъ меня, когда я женился на ней, то былъ такъ счастливъ, что едва могъ повѣрить дѣйствительности. Жена моя, сэръ, такъ же прекрасна душою, какъ наружностью. И что же? Мой господинъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ отрываетъ меня отъ работы, отъ друзей моихъ, отъ всего, что я любилъ, и топчетъ меня въ самую грязь! И за что же? За то, что, по его словамъ, я забылъ, *что я* такое; онъ хотѣлъ мнѣ напомнить, что я не болѣе какъ негр! Наконецъ, послѣ всего этого, онъ разлучаетъ меня съ женою, велитъ оставить ее и требуетъ, чтобы я жилъ съ другою женщиной. И на все это онъ имѣетъ право, по вашимъ законамъ, предъ Богомъ и людьми. Мистеръ Уильсонъ, замѣьте! Всѣ эти поступки, все, все что сдѣлано несчастными мою мать, сестру, жену, меня сзмого, оправдывается вашими законами, которые даютъ эти права всякому Кентекійцу, и никто не можетъ имъ противорѣчить. Это ли вы называете законами *моего* роднаго края? Сэръ, у меня нѣтъ родины, также какъ нѣтъ и отца. Но теперь у меня *будетъ* родная сторона; отъ *вашей* я болѣе ничего не требую, кромѣ того, чтобы она оставила меня въ покоѣ и не мѣшала удалиться. Когда я достигну Канады, гдѣ законъ признаетъ и защищаетъ меня, то ее назову я своею родиною, и тѣмъ законамъ буду повиноваться. Но горе тому, кто попытается остановить меня, я доведенъ до отчаянья! Я буду защищать свою независимость до послѣдняго издыханія. Вы сами говорите, что отцы ваши такъ поступали: если они были правы, то правъ и я.

Говоря такимъ образомъ, Джорджъ то сидѣлъ у стола, то ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; рѣчь его, произнесенная со слезами, съ пылающими взорами и отчаянными жестами, произвела такое сильное впечатлѣніе на стараго добряка, къ которому она относилась, что онъ вытащилъ изъ кармана большой желтый шелковый платокъ и принялся съ величайшею энергіею вытирать себѣ лицо.

— Шутъ ихъ возьми совсѣмъ! проговорилъ онъ наконецъ. — Не говорилъ ли я всегда, этимъ старымъ чертямъ... Господи прости мое

прегрѣшеніе! Ну ступай, Джорджъ, ступай; только будь остороженъ, мой милый; не стрѣлай ни въ кого, Джорджъ, развѣ ужь... того... мнѣ кажется все-таки лучше не стрѣлять; по крайней мѣрѣ, такъ знаешь ли, чтобъ не совѣмъ убить... А гдѣ твоя жена, Джорджъ? прибавилъ онъ вдругъ, нервически вставая и шагая по комнатѣ.

— Ушла, ушла съ ребенкомъ на рукахъ, и одному Богу известно гдѣ она. Кто знаетъ гдѣ мы съ нею встрѣтимся и встрѣтимся ли когда-нибудь!

— Какъ это возможно? Удивительно! Ушла отъ такого добряшаго семейства?

— Добряшнія семейства входятъ въ долги, а законы *вашею* отечества дозволяютъ отрывать младенца отъ груди матери и продавать его за долги хозяина, сказалъ Джорджъ съ горечью.

— Хорошо, хорошо, возразилъ честный старикъ, шаря въ карманахъ.—Положимъ, что я... того... не послѣдую своимъ правиламъ... да провалъ ихъ побери, не хочу я имъ слѣдовать! прибавилъ онъ вдругъ:—вотъ что, Джорджъ, и вытащивъ изъ кармана цѣлую пачку банковыхъ билетовъ, подаль ихъ Джорджу.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой добрый мистеръ Уильсонъ! сказалъ Джорджъ.—Вы уже для меня много сдѣлали, и я боюсь, чтобъ это не повредило вамъ. Надѣюсь, что у меня денегъ достаточно, чтобы дойти туда, куда мнѣ нужно.

— Нѣтъ, это нужно, Джорджъ. Деньги вездѣ великая подмога: онѣ никогда не лишнія, если только честно добыты. Возьми ихъ, пожалуйста возьми, мой милый!

— Съ условіемъ, что я отдамъ вамъ ихъ когда-нибудь послѣ. Въ такомъ случаѣ дайте, сказалъ Джорджъ, взявъ билеты.

— Ну, Джорджъ, долго ли придется тебѣ странствовать такимъ образомъ? Надѣюсь, что не долго и не далеко. Оно хорошо затѣяно, но ужь слишкомъ смѣло. А кто этотъ черный молодецъ съ тобою?

— Это вѣрный товарищъ. Съ годъ тому назадъ онъ ушелъ въ Канаду; но услышалъ, что побѣгъ этотъ до того разгнѣвалъ его господина, что онъ за это билъ бѣдную старуху мать его. Бѣглецъ возвратился назадъ, чтобъ ее утѣшить, а если можно то увести.

— Что же, увелъ?

— Нѣтъ еще; до сихъ поръ онъ все бродилъ вокругъ дома, но не нашелъ удобнаго случая. Теперь пока онъ проводитъ меня до Огайо, и сдаться добрымъ людямъ, которые уже ему помогали, а потомъ воротится за матерью.

— Опасно, очень опасно, сказалъ старикъ.

Джорджъ выпрямился и улыбнулся презрительно.

Старый джентльменъ посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы, съ простодушнымъ изумленіемъ.

— Джорджъ, съ тобою случилось что-то необыкновенное. Теперь

ты какъ-то совершенно иначе поднимаешь голову, иначе говоришь, иначе ходишь. Ты совсѣмъ иной человѣкъ, сказалъ мистеръ Уильсонъ.

— Это потому, что я свободный человѣкъ! отвѣчалъ Джорджъ гордо. — Да, сударь, никого ужъ не буду называть я своимъ господиномъ. Я человѣкъ свободный.

— Смотрите! Будьте осторожны. Васъ еще могутъ поймать.

— Всѣ люди свободны и равны въ могилѣ, если ужъ на то пошло, мистеръ Уильсонъ, сказалъ Джорджъ.

— Твоя смѣлость рѣшительно удивляетъ меня! продолжалъ мистеръ Уильсонъ. — Какъ можно пріѣхать именно сюда, въ ближайшую таверну?

— Мистеръ Уильсонъ, это дотога дерзко, и эта таверна такъ близка, что о ней и не подумаютъ, а будутъ искать гораздо дальше. Вы было сами не узнали меня. Хозяинъ Джима не въ здѣшнемъ графствѣ, а потому здѣсь не знаютъ его. Къ тому же о немъ позабыли и думать, никто его не ищетъ, да и меня по газетнымъ примѣтамъ никто не схватитъ, я думаю.

— А клеймо на рукѣ?...

Джорджъ снялъ перчатку и показалъ недавно зажившій шрамъ на своей рукѣ.

— Вотъ, сказалъ онъ злобно, — послѣднее доказательство вниманія мистера Гарриса. Недѣли двѣ тому назадъ пришло ему въ голову сдѣлать это, потому что онъ началъ бояться, чтобъ я не вздумалъ бѣжать на этихъ дняхъ. Любопытная вещь, не правда ли? прибавилъ онъ, надѣвая перчатку.

— Признаюсь, кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, какъ подумаю... Какъ можно такъ рисковать! сказалъ мистеръ Уильсонъ.

— Моя кровь стыла многіе, долгіе годы, мистеръ Уильсонъ. За теперь она кажется кипить, сказалъ Джорджъ. Итакъ, мой добрый сэръ! продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — я видѣлъ, что вы меня узнали и потому рѣшился поговорить съ вами откровенно, иначе ваши удивленные взгляды могли выдать меня. Я выѣзжаю завтра рано поутру, до разсвѣта, а завтра вечеромъ надѣюсь спокойно и безопасно уснуть въ Огайо. Я поѣду среди бѣлаго дня, буду останавливаться въ лучшихъ гостинницахъ и обѣдать за общимъ столомъ съ здѣшними владѣльцами. Итакъ прощайте; если вы услышите, что я пойманъ, то знайте, что меня ужъ нѣтъ на свѣтѣ!

Джорджъ всталъ, «неколебимый какъ утесъ», и съ царственнымъ видомъ протянулъ руку: дружелюбный старичокъ пожалъ ее съ искреннимъ чувствомъ, и изливъ еще маленький потокъ предостереженій, взялъ свой зонтикъ и пошелъ вонъ изъ комнаты.

Джорджъ стоялъ задумчиво и смотрѣлъ на дверь, затворившуюся за старикомъ. Какаѣ-то мысль, казалось, промелькнула въ его умѣ; онъ быстро подошелъ къ двери, и растворивъ ее, сказалъ:

— Мистеръ Уильсонъ, еще одно слово.

Старый джентльменъ вошелъ, и Джорджъ снова заперъ дверь; нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ нерѣшимости и смотрѣлъ въ землю; наконецъ, внезапно поднявъ голову: «Мистеръ Уильсонъ, сказалъ онъ, во всѣхъ вашихъ поступкахъ со мною вы дѣйствовали какъ христiанинъ; могу-ли просить васъ объ исполненiи еще одного христiанскаго дѣла?»

— Что такое, Джорджъ?

— Вы говорили правду: я точно ужасно рискую. Если я умру, ни одна живая душа не пожалуетъ объ этомъ, прибавилъ онъ, тяжело дыша и произнося эти слова съ видимымъ усиленiемъ.— Меня столкнуть въ яму, засыпятъ какъ собаку, и на другой день всѣ забудутъ обо мнѣ, кромѣ бѣдной жены моей! Бѣдняжка, она будетъ горевать и плакать; еслибы вы могли, мистеръ Уильсонъ, доставить ей какъ-нибудь эту маленькую булавку: она подарила мнѣ ее на святкахъ, бѣдное дитя! Отдайте ей эту булавку и скажите, что я любилъ ее до конца. Сдѣлайте это. Сдѣлаете? прибавилъ онъ настойчиво.

— Да, разумѣется, мой бѣдный другъ! сказалъ старый джентльменъ съ влажными глазами, взявъ булавку; голосъ его дрожалъ.

— Скажите ей еще, продолжалъ Джорджъ,—это моя послѣдняя воля: если она *можетъ* пробраться въ Канаду, то чтобы шла туда. Какъ бы ни была добра ея госпожа, какъ бы ни любила она свое прежнее жилище, скажите, чтобы она не возвращалась туда, потому что рабство не можетъ привести къ добру. Скажите ей, чтобы сына она воспитывала свободнымъ человѣкомъ, тогда онъ не будетъ терпѣть того, что я вытерпѣлъ. Скажете ей все это, мистеръ Уильсонъ?

— Да, Джорджъ, скажу; но я надѣюсь, что ты не умрешь. Мужайся, ты славный малый; надѣйся на Бога, Джорджъ. Отъ всего сердца желаю, чтобы ты благополучно убрался отсюда, хотя впрочемъ... того... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, по душѣ желаю.

— Легко сказать: *надѣйся*, сказалъ Джорджъ съ такимъ горькимъ отчаянiемъ, что старый джентльменъ замолкъ.—Во всю жизнь мою я былъ свидѣтелемъ такихъ дѣлъ, которыя научили меня только сомнѣваться. А между тѣмъ христiане вѣроятно и не подозреваютъ, какъ мы смотримъ на эти дѣла. У васъ есть Богъ, но есть ли Онъ для насъ?..

— Ахъ нѣтъ, постой, не говори этого, мой милый! сказалъ старикъ, почти рыдая:—не должно такъ думать. Есть Богъ,—не видимъ мы Его, но истина и правосудiе служатъ подножиемъ Его престолу. Есть Богъ, Джорджъ,—вѣрь этому; уповай на Него, и я увѣренъ, что Онъ поможетъ тебѣ. Онъ все разсудитъ и за все вознаградитъ, если не въ этой жизни, то въ будущей.

Искренняя вѣра и добросердечiе старика придали въ эту минуту ка-

кое-то особенное значеніе и важность словамъ его. Джорджъ прекратилъ свою тревожную прогулку по комнатамъ, съ минутою постоялъ задумавшись и потомъ сказалъ спокойно:

— Благодарю васъ за послѣднія слова ваши, мой добрый другъ; я *подумаю объ этомъ*.

ГЛАВА XII.

Случайности законной торговли.

Гласъ въ Раиѣ слышенъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися о чадахъ своихъ, и не хотяше утѣшиться, яко не суть. *Матв. 11, 18.*

Мистеръ Гели и Томъ, подпрыгивая, катились на своей тележкѣ: каждый изъ нихъ былъ на нѣкоторое время погруженъ въ свои собственные размышленія. Весьма любопытно сослѣдить мысли двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ, обладающихъ одинаковыми глазами, ушами, руками и всякими другими органами; взорамъ ихъ представляются даже совершенно одни и тѣ же предметы: а между тѣмъ какая удивительная разница въ ихъ размышленіяхъ!

Такъ, напримѣръ, мистеръ Гели соображалъ теперь длину, ширину и размѣры Тома, и высчитывалъ какую можно взять цѣну, если представить его на рынокъ сытымъ и, что называется, въ тѣлѣ. Думалъ онъ о томъ, какъ бы теперь сдѣлать хорошей наборъ; думалъ объ относительной рыночной цѣнности разныхъ воображаемыхъ мушкетъ, женщинъ и дѣтей, могущихъ войти въ составъ набора, и о другихъ предметахъ, касающихся этого дѣла. Потомъ онъ размышлялъ о себѣ самомъ, и о томъ, какъ онъ человѣколюбивъ, сравнительно съ другими, которые заковываютъ своихъ негровъ по ногамъ и по рукамъ, тогда какъ онъ, Гели, сковалъ Тому только ноги, оставивъ руки совершенно свободными, пока онъ сидитъ смирно; и глубоко вздыхалъ онъ при мысли о неблагодарности людской и о томъ, что Томъ едва ли способенъ сознавать всѣ его милости. Ему даже казалось удивительнымъ, какъ могъ онъ оставаться столь добродушнымъ, послѣ того какъ уже столько негровъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, обманули его.

Что касается до Тома, то въ головѣ его безпрестанно вертѣлись и повторялись слѣдующія строки одной очень старой книги: «здѣсь нѣтъ у насъ постоянной обители, но мы ищемъ обители грядущей; потому самъ Господь не постыдится быть нашимъ Господомъ, ибо онъ уготовалъ намъ обитель.» Эти слова изъ древней книги, которую читаютъ по большей части «люди простые

и неученые», съ давнихъ временъ производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на умы безхитростныхъ бѣдняковъ, подобныхъ Тому. Слова эти проникаютъ въ самую глубину души, и, подобно трубному звуку, поселяютъ мужество, твердость и энтузіазмъ тамъ, гдѣ царствовало дотошъ одно мрачное отчаяніе.

Мистеръ Гели вынулъ изъ кармана нѣсколько листовъ различныхъ газетъ и съ величайшимъ вниманіемъ началъ просматривать объявленія. Онъ былъ небольшой грамотей, а потому имѣлъ привычку читать какъ-то на распѣвъ, въ полголоса, какъ будто для того, чтобы проверить ушами то, что видѣли глаза. Такимъ образомъ онъ медленно прочелъ слѣдующія строки:

«Аукционная продажа. Негры! По опредѣленію суда, во вторникъ 20 февраля, у дверей судейскаго дома въ Вашингтонѣ, въ Кентекки, будутъ распродаваться слѣдующіе негры: Агарь—60 лѣтъ; Джонъ—30 лѣтъ; Бенъ—21 года; Саулъ—25 лѣтъ, Альбертъ—14 лѣтъ. Продаются въ пользу кредиторовъ и наслѣдниковъ умершаго Джесса Блочфорда, эсквайра.

«Душеприкащики:

«Самуилъ Моррисъ.

«Томасъ Флинтъ.»

— Это надо будетъ посмотреть, сказалъ Гели, обращаясь къ Тому, за непяніемъ другаго собесѣдника.—Вотъ видишь, Томъ, я теперь стану набирать отличную артель и тебя присоединю къ ней: будетъ и людно и весело; въ хорошей компаніи все-же лучше, ты самъ знаешь. Прежде всего мы поѣдемъ прямо въ Вашингтонъ, а тамъ уже я запру тебя въ коморку, пока самъ займусь дѣломъ.

Томъ очень кротко выслушалъ это пріятное извѣщеніе; онъ только раздумывалъ про себя, были ли жены и дѣти у означенныхъ негровъ и каково имъ было разставаться съ ними. Должно сказать также, что откровенное, наивное признаніе въ томъ, что его посадятъ въ тюрьму, очень непріятно подѣйствовало на бѣдняка, который всегда гордился честною и безпорочною своею жизнью. Да, мы должны созваться, что Томъ рѣшительно гордился своею честностью; чѣмъ-же больше могъ онъ гордиться, бѣдняжка? Принадлежи онъ къ которму-нибудь изъ высшихъ слоевъ общества, тогда конечно встрѣтлоси бы меньше затрудненій въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ день проходилъ, и подъ вечеръ Гели и Томъ очень удобно размѣстились въ Вашингтонѣ, одинъ въ гостинницѣ, а другой въ тюрьмѣ.

На другой день, часовъ въ одиннадцать, у входа въ судейскій домъ собралась порядочная толпа людей: въ ожиданіи аукціона одни курили, другіе жевали табакъ, третьи плевали, божились или просто разсуждали, смотря по вкусамъ и настроенію духа. Мужчины и женщины, назначенные въ продажу, сидѣли особо въ кучкѣ и тихо разговаривали между собою. Женщина, означенная въ объявленіи подъ

именемъ Агари, была по наружности истая Африканка. Ей было лѣтъ шестьдесятъ, но тяжелая работа и недуги придавали ей болѣе драхмидный видъ; къ тому же она была почти слѣпа и сгорблена ревматизмомъ. Около нея стоялъ послѣдній, оставшійся сынъ ея, Альбертъ, хорошенькій четырнадцатилѣтній мальчикъ. То былъ единственный представитель многочисленнаго семейства, распроданнаго и развезеннаго по южнымъ рынкамъ. Мать держалась за него своими дрожащими руками и съ ужаснымъ трепетомъ смотрѣла на всякаго, кто подходилъ осматривать его.

— Не бойсь, тетка Агарь, сказалъ самый пожилой изъ негровъ. — Я говорилъ ужъ объ этомъ съ масромъ Томасомъ, и онъ думаетъ, что можно такъ уладить, чтобы васъ продать вмѣстѣ.

— Зачѣмъ они говорятъ, что я ужъ никуда не гожусь! сказала она, поднимая свои дрожащія руки. — Я еще могу быть и стиральной и прачкой, и поломойкой. Еще почему не купить меня, коли не дорого запросятъ? Скажите имъ это, скажите а? прибавила она настойчиво.

Тутъ Гели продрался къ группѣ невольниковъ, подошелъ къ старому негру, разинувъ ему ротъ, заглянулъ туда, пощупалъ зубы, заставилъ его встать, выпрямиться, согнуть спину и дѣлать различныя эволюціи для показанія силы мышцъ; потомъ онъ перешелъ къ другому и подвергнулъ его такому же испытанію. Наконецъ онъ приблизился къ мальчику, потрогалъ его руки, вытянулъ ихъ, осмотрѣлъ пальцы, и заставилъ его прыгать, чтобы судить о гибкости тѣла.

— Его не продаютъ безъ меня! сказала старуха, со страстною поспѣшностію: — мы съ нимъ продаемъ заодно. Я еще презрѣвшая, масръ, я могу много работать, очень много, масръ!

— На плантаціи что ли? сказалъ Гели, посмотрѣвъ на нее презрительно. — Сбыточное дѣло! и повидимому довольный осмотрѣвъ, онъ началъ прохаживаться и оглядываться, засунувъ руки въ карманы и заломивъ шляпу набекрень, съ сигарою во рту, готовый къ бою.

— Что вы о нихъ думаете? спросилъ какой-то человекъ, во все время осмотра слѣдовавшій за Гели и какъ будто желавшій составить свое мнѣніе по его отзыву.

— Да что, сказалъ Гели, сплевывая, — я думаю сторговать молодыхъ, да еще мальчика.

— Мальчика-то продаютъ кажется вмѣстѣ со старухой, сказалъ тотъ же человекъ.

— Хороша штука! однѣ кости да кожа; она не стоитъ и корма.

— Такъ вы бы не купили?

— Дуракъ будетъ, кто купитъ. Она почти совсѣмъ слѣзла; вишь какъ ее свело! куда она годится!

— А иные нарочно покупають такихъ старухъ; говорятъ, что онѣ держатся дольше, чѣмъ можно предполагать, сказалъ незнакомецъ, какъ бы раздумывая.

— Нѣтъ, неподходящее дѣло, сказалъ Гели; — я бы ее и даромъ не взялъ, право; я вѣдь емъ, чего жъ еще?

— А право жалко не купить—то ее вмѣстѣ съ сыномъ: она надъ нимъ такъ и дрожить. Вѣрно ее дешево отдадутъ.

— Кому охота бросать деньги, тотъ пусть и покупаетъ. Этого мальчика я куплю для работы на плантацияхъ; а старуху не возьму, хотъ бы мнѣ ее и такъ прикинули, сказалъ Гели.

— Она съ ума сойдетъ! замѣтилъ незнакомецъ.

— Какъ ей угодно, отвѣчалъ торгошъ хладнокровно.

Разговоръ былъ прерванъ внезапнымъ шумомъ въ толпѣ; аукціонеръ—низенькій, торопливый человѣчекъ, съ значительнымъ видомъ проталкивался локтями между зрителями. Старая негритянка, сдерживая дыханіе, инстинктивно схватилась за сына.

— Прижмись къ своей мамѣ, Альбертъ, прижмись крѣпче, насъ купятъ вмѣстѣ, сказала она.

— А какъ не вмѣстѣ, мама? сказалъ мальчикъ.

— Купятъ, дитятко; я не переживу, коли не купятъ, не переживу, отвѣчала старуха отчаянно.

Громкій голосъ аукціонера, просившаго посторониться, возвѣстилъ объ открытіи торга. Мѣсто очистили и началась продажа. Вскорѣ негры, означенные въ спискѣ, были раскуплены; цѣнность показывала, что потребность на нихъ была довольно велика на рынкахъ; двое достались Гели.

— Теперь твоя очередь, молодецъ, сказалъ аукціонеръ, ткнувъ мальчика своимъ молоткомъ,—вставай, прыгай хорошенько.

— Поставьте насъ вмѣстѣ, вмѣстѣ, пожалуста, масръ! заговорила старая негритянка, хватаясь за сына.

— Прочь, сказалъ аукціонеръ грубо, отдернувъ ея руки. — Твоя очередь послѣ всѣхъ. Ну-ка, черномазенькій, прыгай. Съ этими словами онъ толкнулъ мальчика къ подмосткамъ; глубокой, тяжелой стонъ раздался ему вслѣдъ. Мальчикъ остановился, повернулъ голову, но некогда было останавливаться; онъ отеръ слезы, нагнувшись на большихъ, блестящихъ глазахъ его, и вспрыгнулъ.

Его стройное тѣло, гибкіе члены и красивое личико, тотчасъ возбуждали конкуренцію: пять или шесть голосовъ разомъ стали надбавлять цѣну. Внимательно и боязливо смотрѣлъ онъ изъ стороны въ сторону, прислушиваясь къ голосамъ торговцевъ, раздававшимся тамъ, то сямъ, поканаконецъ ударилъ молотокъ. Мальчикъ достался мистеру Гели. Съ подмостокъ толкнули его къ новому хозяину: но онъ на минуту остановился и оглянулся назадъ: бѣдная старуха, мать его, дрожа всѣмъ тѣломъ, протягивала къ нему свои трепещущія руки.

— Купите и меня также, масръ, ради милосердаго Бога! купите меня, не то я умру!

— Все равно умрешь, если и куплю, въ томъ-то и штука, отвѣчалъ Гели.—Нѣтъ, и онъ отвернулся.

Торги за старуху не были продолжительны. Торговецъ, разговаривавшій съ Гели и какъ видно не лишенный человѣколюбія, купилъ ее за безцѣнокъ. Зрители начали расходиться.

Бѣдныя жертвы торга, уже много лѣтъ сряду жившія подъ одною кровлей, собрались вокругъ несчастной матери: жалко было сморѣть на ея отчаяніе.

— Хоть бы одного то мнѣ оставили! Хозяинъ говорилъ, что оставить одного, онъ обѣщаль мнѣ! повторяла она надгрывающимъ душу голосомъ.

— Надѣйся на Бога, тетка Агарь, сказалъ старшій изъ негровъ уныло.

— Да, надѣйся, отвѣчала она, рыдая съ отчаяніемъ.

— Мама! мама! не говори этого, не говори! сказалъ мальчикъ.— Говорятъ, что у тебя добрый хозяинъ.

— Мнѣ все равно, все равно. Альбертъ! сыночекъ мой! Последнее мое дѣтище. Господи, что со мною будетъ?

— Эй вы, кто тамъ! оттащите ее отсюда, сказалъ Гели сухо.— Этимъ вѣдь вы ей не поможете.

Частію увѣщаніями, частію силою, старшіе негры вырвали Альберта изъ послѣдняго, страстнаго объятія несчастной матери, и отвода ее къ телѣгѣ новаго хозяина, старались по возможности утѣшить.

— Вотъ такъ-то! сказалъ Гели, сталкивая въ кучу свои три покупки; и вытащивъ связку колодокъ, онъ тотчасъ началъ навязывать ихъ на руки негровъ; потомъ, привязавъ каждую колодку къ длинной цѣпи, погналъ ихъ къ тюрьмѣ.

Черезъ нѣсколько дней Гели благополучно помѣстился, вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, на одномъ изъ судовъ, плавающихъ по Огайо. Онъ еще только началъ набирать свою артель; по мѣрѣ того какъ судно подвигалось, она должна была пополниться различными образчиками того же товара, подготовленнаго имъ самимъ или прикащикомъ его, на разныхъ пунктахъ, по берегу.

La Belle Rivière, одинъ изъ красивѣйшихъ и быстрѣйшихъ парходовъ, когда-либо ходившихъ по рѣкѣ того же имени, весело бѣжалъ внизъ по теченію; надъ нимъ свѣтило ясное небо и раздвѣвался игривый флагъ съ тремя звѣздами Американской республики; на палубѣ толпились щегольски одѣтыя леди и джентльмены, которые прогуливались и наслаждались прекрасною погодой. Все кипѣло жизнью, все было шумно и радостно, все, кромѣ невольниковъ Гели, помѣщенныхъ, вмѣстѣ со всякою другою поклажей, на нижней палубѣ:

повпидному они совсѣмъ не умѣли цѣнить различныхъ преимуществъ своихъ, и сѣвъ въ кучу, разговаривали другъ съ другомъ по-тихоньку.

— Ребята! сказалъ Гели, внезапно подойдя къ нимъ.—Я надѣюсь, что вы довольны и веселы. У меня чуръ не нонить, не развѣшивать губъ! Держите себя хорошенько, такъ и я васъ не обижу.

Бѣдняги, къ которымъ обращалась эта рѣчь, отвѣчали свое невѣжливое «слушаемъ, масръ», съ давнихъ вѣковъ привычный отвѣтъ несчастныхъ негровъ; но должно сознаться, что особенной радости они не выказывали. Каждый изъ нихъ чувствовалъ какую-нибудь маленькую слабость къ жень, матери, сестрѣ или дѣтямъ, недавно покинутымъ на вѣки; и хотя отъ нихъ требовалось веселье,—веселье какъ-то не вдругъ приходило.

— У меня есть жена, сказалъ негръ, который по списку значился «Джонъ, 30 лѣтъ»; онъ положилъ свою скованную руку на колѣна къ Тому:—она, бѣдняжка, еще ничего не знаетъ! договорилъ онъ.

— Гдѣ она живетъ? спросилъ Томъ.

— Тамъ, ниже, въ гостинницѣ, сказалъ Джонъ.—Какъ бы хотѣлось взглянуть на нее еще хоть разъ на этомъ свѣтѣ! прибавилъ онъ.

Бѣдный Джонъ! желаніе довольно естественное; даже и слезы закапали изъ глазъ его, при этихъ словахъ, такъ же естественно, какъ у бѣлыхъ. Грустно, глубоко вздохнулъ горемыка-Томъ, и началъ утѣшать его на свой беззиптростный ладъ.

А наверху, въ каютѣ, сидѣли между тѣмъ отцы и матери, жены и мужья; веселыя дѣти, подобно стаѣ мотыльковъ, вертѣлись и бѣгали между ними; и все было такъ удобно, такъ пріютно! •

— Ахъ, мама! сказалъ маленький мальчикъ, только что прибѣжавшій съ нижней палубы.—Здѣсь на кораблѣ есть торговецъ неграми: тамъ внизу я видѣлъ человѣкъ пять невольниковъ!

— Бѣдняжки! сказала мать, тономъ сожалѣнія, смѣшаннаго съ негодованіемъ.

— Что такое? спросила другая дама.

— Тамъ внизу сидятъ бѣдные невольники, отвѣчала мать.

— И на рукахъ у нихъ цѣпи, сказалъ мальчикъ.

— Какой срамъ, что въ нашемъ отечествѣ еще встрѣчаются подобныя явленія! отозвалась какая-то дама.

— О, на этотъ предметъ можно смотрѣть и такъ и иначе! сказала щеголеватая модная женщина, сидѣвшая у дверей своей каюты съ шитьемъ въ рукахъ, между тѣмъ какъ ея малютки, сынъ и дочь, играли около нея. — Я жила въ южныхъ штатахъ, и признаюсь, мнѣ кажется, что неграмъ теперь лучше, чѣмъ еслибъ они были свободны.

— Да, я согласна, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ бываетъ

хорошо, отвѣчала дама, вызвавшая это замѣчаніе. — Но, по моему мнѣнію, самое ужасное послѣдствіе рабства—это оскорбленіе благороднѣйшихъ чувствъ и привязанностей, какъ напримѣръ разъединеніе семействъ.

— Это конечно очень дурно, отвѣчала молодая женщина, расправивъ только что оконченное дѣтское платьице и внимательно осматривая его отдѣлку.—Но вѣдь это, я думаю, не часто случается.

— О нѣтъ, извините, прервала первая дама съ живостью. — Я долго жила въ Кентекки и въ Виргиніи, и видѣла столько прижѣровъ, что сердце надрывается какъ вспомнишь. Представьте себѣ, что еслибъ этихъ двухъ малютокъ вдругъ взяли у васъ и продали?

— Мы не можемъ судить по себѣ о чувствахъ людей этого класса, отвѣчала леди, раскладывая на своихъ колѣнахъ шерсти въ тѣнь.

— Вы говорите это потому, что вѣрно не знаете ихъ хорошенько, подхватила первая дама съ жеромъ. — Я родилась и выросла между ними, и знаю, что они чувствуютъ также глубоко какъ мы съ вами, а можетъ быть и глубже.

— Неужели? проговорила щеголеватая дама, зѣвая, потомъ посмотрѣла въ окно и наконецъ, въ видѣ ритурнаго, повторила свое первое замѣчаніе:—А все таки, я думаю, что имъ такъ лучше, чѣмъ не волѣ.

— Нѣтъ сомнѣнія, что само Провидѣніе опредѣлило африканскому племени быть въ рабствѣ и всегда оставаться въ низкой долѣ, сказалъ съ важнымъ видомъ джентльменъ въ черномъ одѣяніи, очевидно какой-то проповѣдникъ, сидѣвшій у наружной двери каюты.— Въ Писаніи сказано: «да будетъ проклятъ Ханаанъ; да будетъ онъ слугою изъ слугъ.»

— Какъ такъ, *иностранецъ*, развѣ этотъ текстъ только и значитъ? спросилъ высокій челоѣкъ, стоявшій возлѣ.

— Безъ сомнѣнія. Неисповѣдимой волѣ Провидѣнія угодно было отъ начала вѣка обречь это племя на плѣнь и рабство, и не наше дѣло спорить съ этимъ.

— Коли таково Божіе велѣніе, то всѣмъ намъ слѣдуетъ идти и сейчасъ закупить негровъ, сказалъ высокій челоѣкъ.—Не такъ ли, господинъ? продолжалъ онъ, обращаясь къ Гели, который, засунувъ руки въ карманы и стоя у трубы, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ разговору.

— Да, продолжалъ тотъ-же челоѣкъ,—всѣ мы должны покориться волѣ Господней. Негровъ должно продавать, притѣснять, унижать: они на то и сотворены. Очень удобное и пріятное убѣжденіе! Такъ что ли, *иностранецъ*? спросилъ онъ Гели.

— Я объ этомъ никогда не размышлялъ, отвѣчалъ Гели;—не мое дѣло разсуждать объ этомъ, я челоѣкъ неученый. Занимаюсь торговлей; чтобы сколотить капиталъ. Если я погрѣшилъ, то думаю, что еще успѣю вовремя раскаяться, вотъ и все.

— А теперь уж и каяться нечего, вы больше не станете беспокоиться? сказалъ высокий человѣкъ. — Видь вотъ что значить понимать Священное Писаніе! Еслибы вы читали Библию, какъ наприимѣръ этотъ добрый человѣкъ, то давно бы ужъ знали все что нужно, и оградили бы себя отъ всякаго безпокойства. Стоитъ только сказать: Да будетъ проклятъ... какъ бишь его зовутъ? И дѣло бы было въ шляпѣ. И незнакомецъ, который былъ не кто иной какъ честный барышникъ, уже встрѣчавшійся читателю въ кентеккійской тавернѣ, сѣлъ и съ лукавою улыбкой на длинномъ, сухомъ лицѣ своемъ, началъ курить.

Молодой человѣкъ съ умною и выразительною физиономіей, высокий и стройный, вмѣшался въ разговоръ.

— «Поступайте такъ съ другими, какъ желаете чтобы съ вами поступали,» сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ:—это, кажется, тоже изъ Св. Писанія, какъ и ваше изреченіе: «Да будетъ проклятъ Хаваанъ».

— Да, это точь-въ-точь, какъ въ текстѣ, *иностранецъ*, насколько нашъ братъ бѣднякъ разумѣетъ это, молвилъ Джонъ барышникъ, и трубка его задымилась, какъ волканъ.

Молодой человѣкъ приостановился на минуту и поглядѣлъ, какъ бы желая продолжать, но судно вдругъ остановилось, и вся компанія засуетилась, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, чтобы взглянуть, гдѣ пристануть къ берегу.

— Оба духовные, сказалъ Джонъ своему сосѣду, когда они выжили.

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

Въ ту самую минуту, какъ барка остановилась, какая-то негритянка быстро пробѣжала по доскѣ, переложенной на берегъ, пробилась сквозь толпу, бросилась въ трюмъ, гдѣ находились невольники, и обнявъ съ плачемъ и рыданіями того изъ этого человѣчьяго товара, который былъ выше означенъ подъ именемъ «Джонъ, тридцати лѣтъ», называла его своимъ мужемъ.

Но къ чему разказывать то, что такъ часто, что каждый день разказывается въ свѣтѣ?... Расторгнуты узы сердца! слабые—жертва сильныхъ; объ этомъ говорить нечего; каждый день передаетъ это Тому, Кто все слышитъ, хотя и долго безмолвствуетъ.

Молодой человѣкъ, защищавшій дѣло человечества и Бога, стоя и сложивъ на груди руки, смотрѣлъ на эту сцену. Онъ обратился къ мистеру Гели, и голосомъ, прерывавшимся отъ волненія, сказалъ ему:

— Любезный другъ, какъ можете вы, какъ рѣшаетесь вы вести такую торговлю? взгляните на этихъ несчастныхъ! Послушайте, я такъ радъ, что буду свидѣться съ моею женой и моимъ ребенкомъ, а тотъ самый звонокъ, который подастъ сигналъ къ моему отплытію къ нимъ, навѣкъ разлучитъ эти несчастныя созданія. Подумайте объ этомъ! вы будете отвѣчать за это передъ Богомъ.

Продавецъ невольниковъ молча отворотился.

— Надо сказать, молвмъ барышникъ, толкая его локтемъ, — что проповѣдникъ проповѣднику рознь; вотъ этотъ, какись, не скажетъ: «Да будетъ проклять Ханаанъ!»

Гели глухо проворчалъ что-то.

— Ну, это еще куда не шло; а вотъ каково-то будетъ передъ Господомъ, когда, не выче-завтра придется вамъ съ нимъ рас-счетъ вести; а вѣдь этого никто изъ насъ не минуетъ.

Гели пошелъ, въ задумчивости, на другой конецъ парохода.

«Удайся мнѣ продажа еще одного или двухъ грузовъ этого товара, думалъ онъ про себя, — я брошу этотъ торгъ... дѣло не надеж-ное.» И добывъ изъ кармана портфель, онъ принялся сводить итоги своихъ оборотовъ. Не одинъ мистеръ Гели нашелъ въ этомъ занятіи средство успокоить тревожную совѣсть.

Отчаливъ отъ берега, судно гордо повеселось по волнамъ, и веселье возстановилось на немъ попрежнему. Мушны разговаривали, смѣ-ялись, читали, курили; женщины шили; дѣти играли, и пароходъ спо-койно шелъ путемъ своимъ.

Въ одинъ прекрасный день пароходъ остановился у маленькаго городка, въ штатѣ Кентекки. Гели сошелъ изъ берегъ по дѣлаги.

Томъ, которому колодки не препятствовали пройтии не много, подошелъ на край судна и расвѣнно смотрѣлъ на набережную. Вскорѣ онъ увидѣлъ г-на Гели, возвращавшагося скорыми шагами. Съ нимъ шла цвѣтная женщина, съ ребенкомъ на рукахъ. Она была очень прилично одѣта; цвѣтной слуга несъ за ними небольшой че-моданъ. Она шла, весело разговаривая съ челоуѣкомъ, несшимъ че-моданъ, и перешла по кландѣ на пароходъ. Раздался звонокъ, паръ свиснулъ, машина запыхтѣла, заревѣла, и пароходъ пошелъ внизъ по рѣкѣ.

Вновь приближая женщина пробралась мимо тюковъ, на переднюю часть парохода, сѣла и начала забавлять своего ребенка.

Гели обошелъ раза два палубу, и усѣвшисъ возлѣ нея, вступилъ съ нею въ разговоръ довольно равнодушно.

Томъ вскорѣ замѣтилъ облаке печали на лицѣ женщины; она отвѣ-чала отрывисто и съ завальчивостію:

— Я не вѣрю вамъ, я не хочу вамъ вѣрить; вы меня дурачите.

— Если мнѣ не вѣришь, взгляни вотъ на это, отвѣчалъ Гели, вы-нимая изъ кармана бумагу. Это купчая, за подписью твоего госпо-дина. Я заплатилъ не дешево, могу тебя увѣрить.

— Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ господинъ мой могъ такъ обмануть меня, говорила женщина съ возрастающимъ волненіемъ; — это не-правда.

— Можешь спросить у всѣхъ грамотныхъ, правда ли это. Эй, ска-залъ онъ проходившему мимо челоуѣку, — потрудитесь, любезный,

прочеть это... Вы умёте читать? Вотъ эта женщина не хочетъ вѣрить мнѣ, какая это бумага.

— Это купчая крѣпость, за подписью Джона Фосдина, на дѣвку Люцію и ея ребенка. Актъ этотъ составленъ со всѣми должными формальностями, сколько я могу судить.

Горестныя восклицанія Люціи привлекли толпу; Гели объяснялъ прибывшимъ причину ея волненія.

— Онъ сказалъ мнѣ, что я отправляюсь въ Луизвилъ, въ должность кухарки, въ ту самую таверну, гдѣ служитъ мой мужъ. Мнѣ сказалъ это самъ господинъ мой; я не вѣрю, чтобъ онъ солгалъ.

— Но онъ продалъ тебя, бѣдная женщина; въ этомъ нечего и сомнѣваться, сказалъ человекъ очень добрый съ виду, по разсмотрѣннн документа. — Онъ продалъ тебя, это несомнѣнно.

— Такъ и говорить не о чемъ, сказала женщина, вдругъ усноковившись и прижавъ ребенка еще крѣпче къ груди своей: Она съѣла на свой сундучокъ, обернулась спиною къ толпѣ и устремила разсѣянный взоръ на волны.

— Она легко приняла это, молвилъ Гели; я вижу, что она успокоилась.

Женщина спокойно смотрѣла какъ пароходъ скользилъ по волнамъ. Теплый, лѣтній вѣтерокъ, какъ сострадательный духъ, пролетѣлъ надъ ея головою, нѣжный вѣтерокъ, который не разбираетъ, бѣлое или черное лице освѣжитъ онъ. Она видѣла какъ лучи заходящаго солнца разсыпались золотыми струями по рѣкѣ; она слышала веселые голоса, полные радости и удовольствія, но ея сердце прилегло, какъ будто тяжелый камень упалъ на него. Ребенокъ всталъ къ лицу ея и трепалъ ея щеки своими ручонками; прыгая съ крикомъ и свѣжомъ, онъ, казалось, хотѣлъ разбудить ее. Она вдругъ судорожно схватила его въ своихъ объятіяхъ, и слезы медленно, одна за другою, закапали на его безсознательное, удивленное лице. Потомъ постепенно, мало-по-малу, она, казалось, успокоилась и стала кормить дитя грудью.

Ребенокъ былъ мальчикъ, шѣснадцѣтъ десяти, необыкновенно великъ и силенъ по возрасту, и вообще крѣпкаго сложенія. Не оставался спокойнымъ ни на минуту, онъ вынуждалъ мать безпрестанно заботиться о немъ и присматривать за его неутомимою вознею.

— Славный мальчикъ, сказалъ одинъ изъ пассажировъ, остановившись прямо противъ него, съ засунутыми въ карманы руками. — Сколько ему?

— Десять шѣснадцѣтъ съ половиною, отвѣчала мать.

Пассажиръ свиснулъ мальчику и подаль ему палочку леденца; ребенокъ схватилъ конфетку и по обыкновенію дѣтей поднесъ ее ко рту.

— Ай да мошенникъ, сказалъ пассажиръ, — смыслить что сладко.

За тѣмъ онъ свиснулъ еще и отошелъ прочь. Перейдя на другой конецъ палубы, пассажиръ подошелъ къ г. Гели, который курилъ, сидя на грудѣ тюковъ.

Незнакомецъ зажегъ спичку и закурилъ сигару.

— Казистую бабенку добыли вы гдѣ-то, г. иностранецъ; лучшаго сорта.

— Да, живетъ, отвѣчалъ Гели, пуская струю дыма.

— Чтожь, спустите на Югъ? спросилъ пассажиръ.

Гели утвердительно кивнулъ головою и продолжалъ курить.

— На плантаціи?

— Да, отвѣчалъ Гели.— У меня есть подрядъ на одну плантацію, и я думаю, что вотру ее туда. Миѣ говорили, что она не дурная кухарка, такъ пускай имъ стряпаетъ; не то пусть лущить хлопчатую бумагу; у ней пальцы какъ на то сдѣланы, я ихъ осматривагь... Во всякомъ случаѣ сбыть ее не трудно... И Гели снова принялся за сигару.

— Мальчикъ—то на плантаціи вовсе не нуженъ, сказалъ снова пассажиръ.

— Я при первомъ случаѣ сбуду его, отвѣчалъ Гели, закуривъ новую сигару.

— А какъ вы полагаете, дорого онъ пойдетъ у васъ? спросилъ пассажиръ, взлѣзая на тюки и усаживаясь на нихъ съ комфортомъ.

— Кто его знаетъ! можетъ спущу и въ цѣнѣ; мальчикъ хоть куда, статный, полненькій, крѣпышъ; тѣмъ словно камень, не ущипнешь.

— Правда, но за то сколько хлопотъ, сколько издержекъ пока его выкормишь.

— Вотъ вздоръ какой! эта дрянь сама растетъ; за ними уходу не больше, какъ за щенятами. Еще съ мѣсяцъ, онъ пожалуй и бѣгать самъ станетъ.

— У меня есть мѣстечко, гдѣ можно бы и выростить его; я ужъ думаю не взять ли его у васъ? У нзшей кухарки извелся мальчишка на прошлой недѣлѣ; захлебнулся въ корчагѣ, когда она пошла бѣе въпшать; такъ, по моему, не мѣшало бы отдать ей этого на выкормку.

Гели и пассажиръ продолжали курить въ молчаніи. Ни одинъ не хотѣлъ, казалось, приступить первый къ дѣлу. Наконецъ пассажиръ началъ:

— Вы, вѣроятно, не надѣетесь взять за него больше десяти долларовъ; тѣмъ болѣе, что вамъ надо же какъ-нибудь съ нимъ развязаться.

Гели покачалъ головою и презрительно плюнулъ.

— Все же не за такую цѣну, сказалъ онъ и продолжалъ курить.

— Такъ что же вы за него хотите, иностранецъ?

— Я и самъ могу воспитать его или отдать кому на воспитаніе...

Таких пригожихъ и такихъ статныхъ не скоро найдешь. Черезъ полгода онъ будетъ стоять и сотню долларовъ, а черезъ годъ или два за него дадутъ и двѣсти, если его выдержать какъ слѣдуетъ. Такъ я теперь за него и центомъ меньше пятидесяти не возьму.

— Это ужъ чересчуръ дорого, иностранецъ.

— Такъ тому и быть... сказалъ Гели.

— Дамъ вамъ тридцать и ни цента больше.

— Я скажу вамъ какъ мы сойдемся, возразилъ Гели, снова плюнувъ,—грѣхъ пополамъ: возьмите его за сорокъ пять, больше уступить не могу.

— Ну ужъ что дѣлать? по рукамъ, такъ по рукамъ, сказалъ пассажиръ, подумавъ немного.

— Вотъ и дѣло слажено, молвилъ Гели. — Гдѣ вы сойдете на берегъ?

— Въ Луизвилѣ.

— Въ Луизвилѣ! прекрасно; мы приплывемъ туда въ сумерки... ребенокъ будетъ спать, вы возьмете его безъ шума, безъ крика... Я люблю, чтобы все дѣлалось тихо; терпѣть не могу шуму и суматохи.

Нѣсколько ассигнацій перешли изъ кармана пассажира въ карманъ мистера Гели, и онъ спокойно принялся за свою сигару.

Вечеръ былъ тихій и ясный, когда пароходъ остановился у набережной Луизвила. Женщина, сидѣвшая съ ребенкомъ на рукахъ, который теперь крѣпко спалъ, какъ только услышала громко произнесенное названіе города, положила свое дитя во впадину, образовавшуюся между чемоданами и тюками, подославъ туда прежде свой салопъ. Потомъ она бросилась къ выходу съ палубы, въ надеждѣ, что въ числѣ прислуги изъ городскихъ гостиницъ, которая толпилась у пристани, она, быть-можетъ, встрѣтитъ своего мужа. Опершись на бортъ, она высунулась впередъ, устремила взоръ на толпу движущихся головъ на берегу. Толпа пассажировъ проходила тогда между нею и ея ребенкомъ.

— Вотъ самое время, сказалъ Гели, подавая незнакомцу спящаго ребенка. — Не разбудите его, чтобы онъ не раскричался; тогда съ дѣвкой и сладу не будетъ.

Незнакомецъ бережно взялъ свою добычу и смѣшался съ толпою.

Когда пароходъ, ворча и пыхтя, отчалилъ отъ берега и пошелъ по рѣкѣ, женщина возвратилась на свое прежнее мѣсто. Гели сидѣлъ тамъ; ребенка не было...

— Гдѣ онъ, гдѣ? вскричала она въ безумномъ испугѣ.

— Люси, прервалъ купецъ, — ребенокъ твой отправился; рано или поздно надо же сказать тебѣ это. Видишь ли, я зналъ, что тебѣ нельзя везти его съ собою на югъ. Я воспользовался однимъ случаемъ и помѣстилъ его въ хорошемя семействѣ, гдѣ его воспитаютъ лучше, чѣмъ ты могла бы это сдѣлать.

Гели дошелъ до того совершенства, о которомъ проповѣдуютъ нѣкоторые духовные ораторы и политики Съвера; онъ исполнилъ побѣдилъ въ себѣ всѣ человѣческія слабости и предрассудки. Сердце его сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ ваше, читатель, и мое собственное, могутъ современемъ сдѣлаться, при надлежащемъ стараніи и выработкѣ. Дикій взглядъ глубокаго страданія и неисцѣлимаго отчаянія, брошенный на него Люціей, смутилъ бы человѣка менѣе опытнаго, но онъ уже втравился въ это; онъ сто разъ встрѣчалъ этотъ взоръ. И вы, читатель, можете привыкнуть къ подобнымъ вещамъ, а это цѣль теперешнихъ усилій приучить къ тому наше съверное общество во славу Союза. И потому поставщикъ негровъ видѣлъ въ страшныхъ страданіяхъ на мрачномъ лицѣ, въ прерывающемся дыханіи, въ судорожныхъ движеніяхъ рукъ, только неизбежныя случайности этой торговли. Онъ заботился только о томъ, чтобы *дьяна* не начала кричать и не надѣлала суматохи на пароходѣ, потому что онъ, какъ и другіе защитники нашихъ спеціальныхъ учрежденій, терпѣть не могъ безпорядка.

Но Люсіа не кричала. Ударъ попалъ въ самое сердце; и слова и слезы замерли.

Она была, какъ въ безпамятствѣ; руки ея опустились какъ омертвѣлыя; глаза ея смотрѣли впередъ, но она ничего не видала. Шумъ на пароходѣ, стукотня машины, какъ сквозь сонъ звучали въ ухахъ ея... а ея разбитое сердце не находило ни слезъ, ни звука, чтобы выразить свое отчаяніе. Она была совершенно спокойна.

Купецъ, не менѣе человѣколюбивый, какъ и всѣ наши политики, готовъ былъ предложить ей всевозможныя утѣшенія, примѣняясь къ обстоятельствамъ.

— Я знаю, Люси, что это тяжело въ первую минуту, но умная и разсудительная женщина не поддается горю. Ты видишь, что это было необходимо; этому нечѣмъ помочь.

— Полноте, масръ, полноте! стонала Люсіа задыхающимся голосомъ.

— Ты умная женщина, Люсіа, продолжалъ онъ. — Я хочу добромъ поступать съ тобою, получше пристроить тебя; мы найдемъ тебѣ другаго мужа... такая пригоженькая какъ ты...

— О масръ, ужъ не говорили бы мнѣ этого теперь, сказала Люсіа такимъ отчаяннымъ голосомъ, что купецъ почувствовалъ, что настоящій случай выходитъ изъ обыкновеннаго порядка его операций. Онъ ушелъ, а Люсіа отворотилась и закутала голову въ свой плащъ.

Гели прохаживался взадъ и впередъ и по временамъ остзнавлялся и смотрѣлъ на Люцію.

— Это на нее сильно подѣйствовало, говорилъ онъ самъ себѣ, — между тѣмъ она спокойна. Она закуталась; это произведетъ испарину, и она мало-по-малу придетъ въ себя.

Томъ все видѣлъ и слышалъ, отъ начала до конца, и вполнѣ понималъ, что изъ этого выйдетъ. Онъ видѣлъ въ этомъ невыразимую жестокость. Его бѣдная, невѣжественная душа не умѣла обобщать факты, не привыкла къ широкимъ воззрѣніямъ. Еслибъ онъ учился у нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ, онъ имѣлъ бы болѣе здравое понятіе о дѣлѣ. Онъ видѣлъ бы въ этомъ только всѣдневный случай законной торговли, которая есть жизненнымъ элементомъ учрежденія, которое, по словамъ одного американскаго богослова (*Д-ра Джозель Паркера изъ Филадельфіи*), имѣетъ только тѣ изъ золъ, которыя неразлучны съ отношеніями общественной и семейной жизни. Но Томъ, какъ мы видимъ, будучи только бѣднымъ, неспѣдущимъ человѣкомъ, котораго чтеніе ограничивалось Новымъ Заветомъ, не могъ утѣшить и подкрѣпить себя такими высокими мыслями. Сердце его обливалось кровью при видѣ этой несчастной, лежавшей, какъ увядшее растеніе, на грудѣ тюковъ, этой живущей, чувствующей и безсмертной вещи, которую органической статутъ Америки внести въ разрядъ тюковъ, ящиковъ и связокъ съ товарами, на которыхъ бѣдная теперь валялась.

Томъ подошелъ къ ней и пытался заговорить, но она отвѣчала однимъ стономъ. Привѣтливо и со слезами, бѣжавшими по щекамъ его, онъ говорилъ о сердцѣ, о любви въ небесахъ, о милосердіи Спасителя, о вѣчной отчизнѣ, но ударъ несчастія оглушилъ ее, и разбитое сердце не въ силахъ было чувствовать.

Настала ночь, тихая, спокойная, неподвижная, сіяющая землѣ безчисленными очами ангеловъ, полная блеска, роскошная, но безмолвная. Съ далекаго неба не спустилось ни отраднаго слова, ни сострадательнаго голоса, ни руки помощи... На пароходѣ затихли одинъ за другимъ и голосъ труда, и голосъ веселья; все заснуло, только слышалось унылое журчаніе струи за кормою судна. Томъ легъ на сундукъ и слышалъ время отъ времени прерывистыя слова: «Что мнѣ дѣлать, Господи! Боже милосердый, помоги мнѣ. Наконецъ замерли и эти звуки.»

Въ полночь Томъ внезапно проснулся; что-то черное пробѣжало мимо его къ борту парохода и вслѣдъ за тѣмъ послышался всплескъ воды. Кромѣ его, никто не слышалъ этого. Онъ поднялъ голову; мѣсто, гдѣ лежала Люція, пусто; онъ всталъ, но тщетно искалъ ее. Наконецъ успокоилось это окровавленное сердце, а рѣка текла спокойная и свѣтлая, какъ будто никого не поглотила въ волнахъ своихъ.

Терпите, терпите, вы, которыхъ сердце наполняется негодованіемъ при разказѣ о такихъ ужасахъ. Ни одинъ вопль отчаянія, ни одна слеза угнетеннаго не будутъ забыты Человѣкомъ скорби, Царемъ славы! Онъ носитъ въ груди своей, терпливой и великодушной, всѣ страданія человѣчества. Послѣдуйте Ему, снесите съ терпѣніемъ и страдайте съ любовью, потому что время искупленія настаётъ! Это вѣрно какъ то, что онъ Богъ.

Гели пробнулся рано и пришелъ осмотрѣть свой человѣчій товаръ. Пришла его очередь тревожно осматриваться.

— Гдѣ же дѣвка? спросилъ онъ у Тома.

Томъ, знавшій цѣну скромности, не счелъ нужнымъ сообщать свои догадки и замѣчанія; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ.

— Ей невозможно было сойти на берегъ въ эту ночь; я не спалъ и глядѣлъ въ оба при каждой остановкѣ... Я никогда не повѣряю другимъ этого надзора.

Слова эти были обращены къ Тому съ тономъ довѣрія, какъ будто дѣло это въ особенности относилось къ нему. Томъ молчалъ.

Купецъ обыскалъ паруходъ съ конца въ конецъ, между бочками, тюками, около машины, и осмотрѣлъ даже трубы. Люции нигдѣ не было.

— Послушай, Томъ, будь откровененъ, сказалъ онъ, возвратясь съ своихъ напрасныхъ поисковъ къ тому мѣсту, гдѣ Томъ стоялъ, — ты знаешь куда она дѣвалась; не говори нѣтъ, я увѣренъ, что ты знаешь. Часовъ въ десять я самъ видѣлъ, что она тутъ лежала, видѣлъ опять и въ двѣнадцать, и опять часу во второмъ, а въ четыре ея вдругъ не стало; а ты спалъ тутъ же все время. Ты непременно знаешь, нечего заператься.

— Я скажу что знаю масръ, отвѣчалъ Томъ:—передъ свѣтомъ слышалъ я, съ просонья, какъ будто шумъ около себя, потомъ услышалъ какъ всплеснула вода, и тогда я совсѣмъ проснулся; гляжу, дѣвки нѣтъ. Вотъ все что я знаю.

Купецъ не смутился и не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія, потому что онъ, какъ мы уже выше сказали, онъ привыкъ ко многому такому, къ чему вы, читатель, не привыкли. Ужасающее присутствіе смерти не произвело на него торжественнаго впечатлѣнія. Онъ не разъ видалъ смерть, причелъ ее къ обыкновеннымъ случаямъ торговли и освоился съ нею; онъ видѣлъ въ ней только несговорчиваго таможеннаго пристава, который, иногда, очень неучтиво вмѣшивается въ его коммерческіе обороты. Въ Люции онъ видѣлъ товаръ, видѣлъ въ ея смерти неудачный случай торговли, и думалъ про себя, что если дѣла пойдутъ такъ далѣе, то онъ и цента не заработаетъ на своемъ грузѣ. Словомъ, онъ почиталъ себя рѣшительно несчастливымъ, но помочь было нечѣмъ, потому что Люциа перешла въ страну, откуда не выдаютъ дезертировъ, даже и на требованія цѣлаго Сѣверо-Американскаго Союза. Раздосадованный Гели сѣлъ, взялъ свою счетную книгу и внесъ въ графу *убытковъ* тѣло и душу, которыхъ лишился.

Черствый человѣкъ этотъ поставщикъ негровъ, не правда ли? Ни малѣйшаго чувства, ужасный, отвратительный!

Но за то на этихъ людей никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; ихъ всѣ презираютъ, не принимаютъ ни въ одно порядочное общество.

Университетъ и литература понесли новую скорбную, невознаградимую утрату. Сегодня, 18-го января, въ 3³/₄ часа утра скончался преподаватель всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, послѣ изнурительнаго недуга, на 42 году отъ рожденія. Уже давно носилъ онъ въ себѣ этотъ недугъ; давно близкіе и друзья тревожились состояніемъ его здоровья. Осенью 1856 года отправился онъ въ Италію, въ сопровожденіи нѣжно-любимой жены: онъ увѣжалъ изнуренный медленною болѣзнію, она исполненная жизни, цвѣтущая здоровьемъ. Всѣ опасались за него, и никто не думалъ, что ему суждено было пережить ее. Быстро развившаяся мучительная болѣзнь свела ее въ могилу. Похоронивъ ее во Флоренціи, онъ провелъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, подавленный тяжестью потери, которая была ему не по силамъ. Образъ мучительной кончины существа, въ которомъ сосредоточивался для него все счастье жизни, преслѣдовалъ его ежеминутно, и быстро довершалъ давно-начавшееся дѣло болѣзни. Письма его къ друзьямъ и роднымъ изъ Италіи были исполнены невыразимаго страданія, безвыходной тоски. Мы надѣялись, что по возвращеніи на родину, вступивъ снова въ обычный кругъ своихъ занятій, онъ сколько-нибудь успокоится и отдохнетъ отъ потрясенія. Въ Москву прибылъ онъ 2-го октября, и уже 4-го, въ день смерти Грановскаго, видѣли Петра Николаевича на могилѣ его товарища и друга. За свои занятія принялся онъ горячо. Казалось, въ нихъ лишь находилъ онъ убѣжище отъ неотступныхъ воспоминаній. Снова раздался знакомый голосъ въ аудиторіи, которая по прежнему наполнялась множествомъ слушателей, собиравшихся со всѣхъ сторонъ; снова полилась эта знакомая рѣчь, спокойная и ровная, какъ глубокій потокъ. Онъ открылъ вмѣстѣ два курса по средней и новой исторіи, и являлся на кафедрѣ съ своею обычною, ничѣмъ не нарушимую точностью, несмотря на предосте-

реженія врачей, которые дозволяли ему лишь легкія кабинетныя работы, сколько казались онъ нужными для его развлечения. Онъ торговался съ врачами и никакъ не хотѣлъ ослабить свою университетскую дѣятельность. Последними литературными работами его было политическое обозрѣніе въ двухъ ноябрьскихъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника*, отчасти писанное имъ самимъ, отчасти составленное подъ его редакцію. Со дня прибытія его въ Москву, онъ почти ни разу ни съ кѣмъ изъ близкихъ не заводилъ рѣчи о своей недавней потерѣ, и никто не дозволялъ себѣ неосторожнымъ словомъ сожалѣнія касаться этой свѣжей раны. Онъ самъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ, просилъ о томъ своихъ друзей. Но какъ ни старались защитить его отъ растрavляющихъ воспоминаній, трудно было избавиться отъ нихъ тамъ, гдѣ все живо говорило ему о невозвратно-минувшихъ дняхъ счастья, все, отъ знакомыхъ улицъ до послѣдней вещицы въ кабинетѣ. Болѣзненно отзывались во всемъ его организмѣ разные неизбежные случаи, сильно возбуждавшіе въ немъ муку воспоминаній, которыя впрочемъ никогда не засыпали. У него открылось сильное кровохарканье, которое въ началѣ скрывалъ онъ отъ родныхъ, и хотя оно уступило дѣятельнымъ медицинскимъ пособіямъ, но уже окончательно потрясло его истощенный организмъ; послѣ этого онъ едва могъ подниматься съ мѣста, страшный кашель подавлялъ его голосъ, крайняя слабость лишала его возможности читать, говорить и даже слушать; злѣйшая чахотка быстро пожирала его, и съ каждымъ днемъ расло его изнеможеніе. Въ послѣднее время, лишь при особенномъ напряженіи удавалось ему сказать что-нибудь сознательно и ясно; большею же частію онъ находился въ состояніи забытья, болѣе похожемъ на сонъ, нежели на бодрственное состояніе. За три дня до кончины, онъ пріобщился Христовыхъ Таинъ, съ полнымъ сознаніемъ и вѣрою. Наканунъ былъ совершенъ надъ нимъ обрядъ соборованія. Вскорѣ послѣ того, съ 5-ти часовъ вечера, начались предсмертныя страданія. Въ послѣднія минуты произносилъ онъ имя своей жены.

Хотя мы ежедневно видѣли, какъ погасала эта благородная жизнь, хотя уже были готовы встрѣтить неизбежное, но такъ велика наша потеря, что теперь мы можемъ только оплакивать, а не оцѣнивать ее. Во глубинѣ сосредоточенной и крѣпко замкнутой души его таилось много сокровищъ, и какъ ни обильна была его дѣятельность, не досказаннаго было болѣе чѣмъ высказаннаго. Черта глубокой меланхолии была господствующею въ его характерѣ; чувство сосредоточенной грусти отзывалось уже въ первыхъ литературныхъ опытахъ его юности, оно проходило черезъ всю жизнь его, но не омрачало ея радостей, не возмущало его душевной ясности. Менѣе всего былъ онъ подверженъ апатіи; никто не видалъ его въ нравственномъ застоѣ; никому не случалось застичь въ немъ умственный упадокъ. Внутри души его всегда горѣлъ огонь, который поддерживалъ непрерывное обращеніе его нравственныхъ силъ, и согрѣвалъ его во всѣхъ занятіяхъ. Впечатлѣнія не обнаруживались въ немъ порывами, но шли всегда внутрь души, дѣйствуя неуклонно, продолжительно и глубоко. Всю жизнь свою онъ отличался высокою независимостью характера, чистотою и неколебимою твердостью правилъ.

Кромѣ многочисленныхъ трудовъ, извѣстныхъ публикѣ подъ его именемъ, много разнородныхъ сочиненій его появлялось въ періодическихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ или безъ имени. Высокія достоинства его историческихъ трудовъ признаны въ нашей литературѣ. Они принадлежатъ къ лучшему, что произвела у насъ наука, и составляютъ значительную долю нашего меньшаго ученаго капитала. Онъ никогда не довольствовался тѣмъ поверхностнымъ и фальшивымъ знаніемъ, которое приобрѣтается безъ самостоятельной умственной работы. Онъ не любилъ искусственной оригинальности, но мысль его была самобытна на дѣлѣ. Никогда онъ не слѣдовалъ слѣпо чужому указанію, и успокоивался только тогда, когда проникалъ въ живую глубину источниковъ. Писалъ онъ сразу, тщательно вырабатывая мысль и фразу подъ перомъ, но никогда не передѣлывая и не поправляя

написанного. Обыкновенно молчаливый, не любившій споровъ, которые слишкомъ сильно волновали его восприимчивую натуру, онъ отличался, тѣмъ не менѣе, блестящимъ даромъ слова на каедрѣ, живостью и изворотливостью мысли на публичныхъ диспутахъ. Въ зрѣломъ умѣ его выработались опредѣленные убѣжденія по всѣмъ вопросамъ жизни, убѣжденія неуступчивыя и непреклонныя. Чтѣ было въ умѣ его, то было и въ его сердцѣ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые дорожатъ мнѣніями только какъ предметомъ для разговоровъ, и легко мѣняютъ ихъ; онъ не навидѣлъ *праздныхъ* мнѣній, и умственный интересъ былъ для него дѣломъ жизни. Событія текущей исторіи чувствовалъ онъ съ энергіею личнаго дѣла. Его антипатіи и симпатіи были рѣшительны и неизмѣнны. Въ комъ разъ онъ убѣдился, тотъ могъ быть спокоенъ за себя въ его мнѣніи. Дружба его была исполнена ничѣмъ невозмутимаго довѣрія и преданности. На своихъ слушателей онъ производилъ симпатическое и глубокое дѣйствіе. Невольно чувствовалось, что онъ былъ весь въ своемъ словѣ, безъ утайки. Благородный образъ его сохранится навѣки въ сердцахъ его друзей и многочисленныхъ слушателей, на ряду съ образомъ незабвеннаго Грановскаго.

Прости, нашъ дорогой товарищъ! Прекрасная память твоя останется живою частью преданныхъ тебѣ людей; мысль о тебѣ будетъ укрѣплять насъ въ невзгодахъ, будетъ оживлять наши убѣжденія, возвышать наши помыслы. Покойся съ миромъ! ты жилъ не даромъ. Честное дѣло твоей жизни пребудетъ цѣннымъ достояніемъ твоего земнаго отечества.

Выносъ тѣла въ университетскую церковь послѣдуетъ въ понедѣльникъ, 20-го января, въ 5 часовъ пополудни (1); отпѣваніе во вторникъ, 21 января, послѣ литургіи. Тѣло предано будетъ землѣ на Даниловскомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ его отецъ.

М. Катковъ.

(1) Квартира покойнаго находится въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Рождественской.

ШЕМОНТЬ И АВСТРІЯ

СЪ ИСХОДА XVIII ВѢКА

Storia della politica austriaca rispetto ai sovrani ed ai governi italiani, per Bianchi. 1857.

Rettificazioni istoriche dedicate alla gazetta ufficiale di Milano. 1857. Deux ans de revolution en Italie, par Perrens. 1857.

Италію часто обвиняли въ антипатіяхъ и несогласіяхъ, раздѣляющихъ ея общество: многіе готовы отнести даже исключительно на ея счетъ неудачу переворота, охватившаго ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ обвиненіяхъ этихъ есть много правды. Какъ скоро заходитъ дѣло о политическомъ перерожденіи, о которомъ мечтаютъ многіе для своего отечества, то является почти столько же партій, сколько и мнѣній. Одни, не принимая въ расчетъ ни современныхъ условій, ни прошедшаго страны, мечтаютъ о водвореніи на полуостровѣ единой, нераздѣльной республики; другіе, сознавая, какъ сильны въ Италіи муниципальныя и мѣстныя привязанности, желаютъ для нея республики федеративной; болѣе умѣренные думаютъ о конституціонной монархіи, которая соединила бы всѣ ея части; многочисленная партія, наконецъ, довольствуется только федераціей между италянскими монархіями, предоставляя каждой изъ нихъ сохраненіе своей самостоятельности. Всѣ эти партіи дѣлаютъ неохотно уступки одна другой,—и съ одной стороны Италія конечно представляетъ весьма печальную картину. Но есть одна существенная потреб-

ность въ ней, которая соединяетъ всѣ мнѣнія, прекращаетъ всѣ вражды: мы говоримъ о ея національной независимости. Вопросъ этотъ стоитъ впереди всѣхъ, потому что безъ него невозможно исполненіе ни одной изъ задачъ, которыя она предположила себѣ: только въ томъ случаѣ Италия будетъ чѣмъ-нибудь, если она освободится отъ чужеземнаго вліянія, которое въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій сряду, если не совершенно прекратило ея матеріальное и нравственное развитіе, то по крайней мѣрѣ постоянно препятствовало ему:

Никогда Италия не была такъ близка къ разрѣшенію этого вопроса, какъ девять лѣтъ тому назадъ, и никогда надежды ея не рушились такъ быстро и, можно сказать, такъ неожиданно. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что переворотъ, пережитый ею, не оставилъ по себѣ никакого слѣда? Утверждать это было бы крайне ошибочно. Конечно, съ перваго взгляда кажется, что все возвратилось къ прежнему порядку вещей, но это только кажется. Въ сущности, между положеніемъ Италіи до 1848 года и положеніемъ ея послѣ этого времени замѣтна огромная разница. Прежде, чужеземное вліяніе тяготѣло надъ нею такъ сильно, что требованія, самыя законныя, желанія, самыя умеренныя, не смѣли почти вовсе высказываться: независимость страны, ея единствѣ, улучшенія въ ея политическомъ устройствѣ — все это были, можетъ-быть, великодушныя и благородныя идеи, но благоразуміе требовало скрывать ихъ въ своей груди. Италия могла думать, мечтать, надѣяться, но работа ея внутренней жизни подавала или украдкой о себѣ голосъ, или вовсе не выходила наружу. Обстоятельства измѣнились: одно государство, давно уже стоявшее во главѣ всей Италіи, вышло изъ переворота 1848 и 1849 годовъ съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя составляли цѣль его постоянныхъ и давнишнихъ стремленій. Піемонтъ открыто и рѣшительно связалъ свое дѣло съ дѣломъ всей Италіи; онъ впервые заговорилъ о національной, чисто-итальянской политикѣ въ противоположность политикѣ австрійской, которая господствовала до сихъ поръ на полуостровѣ; онъ объявилъ прямо, что считаетъ преобладаніе Австріи гибельнымъ для всей страны и будетъ всѣми силами противоборствовать ему: Италия нашла съ этихъ поръ свою трибуну, гдѣ она можетъ высказывать свои требованія во всеуслышаніе Европы. Борьба происходитъ теперь главнымъ образомъ между Австріей и Піемонтомъ: на одной сторонѣ политика, основанная на неподвижности и застоѣ, стремленіе отворить все,

что можетъ пробудить народъ изъ апатіи, — съ другой, обращеніе, напротивъ, ко всѣмъ его живымъ силамъ, съ цѣлю возбудить его самосознаніе и вести его, безъ потрясеній, путемъ постепеннаго и вѣрнаго прогресса. За кѣмъ останется побѣда — можетъ рѣшить только время.

Слѣдя за этимъ антагонизмомъ Пьемонта съ Австріею въ дѣлѣ, касающемся такъ близко интересовъ всей Европы, очень естественно начинаешь спрашивать, гдѣ искать начала этого антагонизма? Порожденъ ли онъ только недавними потрясеніями, которыя пережила Италия, или вытекаетъ изъ всей предшествующей исторіи двухъ странъ? Намъ казалось не лишнимъ предварительно прослѣдить съ этою цѣлю исторію взаимныхъ отношеній между Пьемонтомъ и Австріею въ исходѣ прошедшаго столѣтія. Мы убѣдились, что вражда, раздѣляющая ихъ теперь, есть только послѣднее слово непрерывной борьбы, въ которой почти всегда, и иногда даже безсознательно, участвовали самые дорогіе и существенные интересы Италии.

I.

Многочисленные примѣры убѣждаютъ насъ, что бывають такія печальныя эпохи, когда народы выигрываютъ не столько образованіемъ, развитіемъ искусствъ, изяществомъ и правдою общественной жизни, сколько воинственнымъ характеромъ и грубою энергіею своихъ нравовъ. Доказательства этому мы нашли бы въ древней Греціи, въ періодъ ея упадка, или въ Италиі въ XV и XVI вѣкѣ. Мы найдемъ ихъ и въ болѣе близкомъ къ намъ времени: «Богу угодно было создать мечомъ Прусскую монархію», сказала однажды теперешній король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ IV. Мечомъ создалась когда-то Македонія и присвоила себѣ достоиніе Греціи, мечомъ создался и Пьемонтъ и сталъ теперь во главѣ всей Италиі.

Въ древности, народъ, составляющій теперешнее Пьемонтское государство, не ознаменовалъ себя ничѣмъ замѣчательнымъ въ исторіи; въ исходѣ XV и началѣ XVI вѣка, когда искусство и наука достигли своего высочайшаго развитія въ Италиі, когда почти каждый городъ могъ хвалиться чудными произведеніями, которыя до сихъ поръ составляютъ удивленіе образованнаго міра, Пьемонтъ не принималъ никакого участія въ этомъ движеніи. Онъ

начинаетъ возвышаться въ то время, когда для всей Италіи настаетъ самая бѣдственная пора ея жизни. Политическая жизнь ея совершенно убита, и чужеземное владычество связываетъ ее по рукамъ и ногамъ. Возвышенію Піемонта способствовало то, чего именно не доставало остальной Италіи. Онъ не жилъ, правда, широкою историческою жизнію, но за то онъ избѣгалъ той раздробленности, того множества партій, непрерывно враждующихъ между собою, тѣхъ мѣстныхъ и территоріальныхъ раздѣленій, вслѣдствіе которыхъ почти каждый городъ стремился составить отдѣльное цѣлое и преслѣдовалъ только свои частные интересы. Въ характерѣ его народа сохранились черты, отдѣлявшія его рѣзко отъ остальныхъ италіанскихъ племенъ: въ немъ не было ихъ артистической воспримчивости, впечатлительности, онъ страшился нововведеній, съ какимъ-то упорствомъ отказывался отъ общенія съ своими сосѣдами и сохранилъ свои грубые, невѣжественные нравы. Но за то въ немъ уцѣлѣлъ воинственный духъ, онъ постоянно былъ готовъ, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать свою независимость, въ то время какъ вся Италія все болѣе и болѣе отвыкала отъ воинственной жизни, пока не сдѣлалась легкою добычею завоевателей. Можетъ — быть, при другихъ обстоятельствахъ, качества эти оказались бы недостаточными, чтобы создать для народа значительную роль въ исторіи, но среди тогдашняго упадка Италіи, которую со всѣхъ сторонъ терзали непріязненные народы, можно сказать, только имъ былъ обязанъ Піемонтъ тѣмъ, что избѣгалъ общей участи страны и сохранилъ свою независимость.

Были еще другія причины, которыя особенно благопріятствовали Піемонту: онъ заключался въ его географическомъ положеніи. Сперва территорія Піемонта была весьма не обширна: еще не далѣе, какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, она не заключала въ себѣ и половины тѣхъ земель, которыя принадлежатъ ему теперь. Но положеніе этой территоріи было крайне выгодно. Она лежала у подножія Альпъ и заключала въ себѣ всѣ проходы, которые ведутъ черезъ эти горы въ сѣверную Италію. Едва ли можно погрѣшить противъ истины, сказавши, что всѣми своими послѣдующими успѣхами Піемонтъ обязанъ главнымъ образомъ той ловкости, съ которою онъ умѣлъ пользоваться счастливымъ положеніемъ своей территоріи. Не даромъ съ конца XVII вѣка за государями Савойскаго дома сохранилось названіе привратниковъ Италіи. Съ этой поры наступаетъ въ Европѣ цѣлый рядъ почти непрерывныхъ войнъ, продолженіе давнишней и непри-

миримой вражды между Бурбонами и Габсбургскимъ домоуъ. Подъ какимъ бы предлогомъ ни начинались эти войны, но, болѣе или менѣе, онѣ разыгрывались неминуемо на италянсконъ почвѣ: среди этой борьбы роль Пьемонта была опредѣлена. Съ своими воинственными привычками, съ своею непреклонною энергіею, и главное, держа во своемъ обладаніи такіе важные пункты въ стратегическомъ отношеніи, онъ могъ быть одинаково полезенъ и для той и для другой изъ враждовавшихъ сторонъ. Пьемонтъ постигъ это очень быстро и умѣлъ устроить себѣ независимое и выгодное положеніе. Достаточно было силъ каждаго изъ его сосѣдей порознь, Франціи или Австріи, для того, чтобы совершенно задавить его,—и, конечно, то было не пустое опасеніе въ такую эпоху, когда справедливость и законность имѣли такъ мало мѣста въ международныхъ отношеніяхъ. Пьемонтъ не только избѣжалъ этой печальной участи, но изъ каждой войны онъ выходилъ съ новыми пріобрѣтеніями. Такимъ образомъ постепенно и мало-по-малу онъ успѣваетъ закруглить свои владѣнія. Не малая выгода Пьемонта состояла также въ томъ, что, во все это время, въ главѣ его находилась династія, пользовавшаяся безграничною преданностію народа и встрѣчавшая ревностное содѣйствіе даже въ рядахъ аристократіи. Видя, съ какою выгодною пользуются государи Савойскаго дома всякимъ, сколько-нибудь важнымъ событіемъ въ Европѣ, не знаешь, чему больше удивляться, ихъ энергіи или искусству. Конечно, съ конца XVII вѣка и во все послѣдующее время, политика ихъ не представляетъ одного непрерывнаго ряда успѣховъ; но и неудачи, какъ бы ни были онѣ велики, не могутъ, кажется, поколебать и на минуту ихъ врожденную энергію. Политику ихъ упрекали часто въ путяхъ не совсѣмъ строгихъ и твердыхъ, которыми она шла къ своей цѣли: можетъ-быть это и справедливо, но другой политики не могло существовать, потому что она естественно вытекала изъ положенія Пьемонта. Это была политика слабаго, поставленнаго судьбою между сильными: можно ли требовать непреклонной твердости тамъ, гдѣ видишь непрерывно со всѣхъ сторонъ угрозы своему существованію? И не находила ли она себѣ оправданія въ понятіяхъ того времени, въ тѣхъ образцахъ, которые встрѣчала она на каждомъ шагѣ? развѣ, напримѣръ, вся дипломатія Лудовика XIV отличалась болѣе строгими и нравственными началами?

Постоянно заботясь только о томъ, какъ бы выгоднѣе продать свои услуги, нынче сражаясь въ рядахъ одного союзника, а зав-

тра также легко переходя на сторону другого, — пиемонтскіе государи почти не сходятъ съ коня. Безъ всякаго сомнѣнія, это едва ли не самая воинственная династія во всей Европѣ: только одинъ изъ нихъ не предводительствовалъ самъ своими войсками. Когда слѣдишь за этими непрерывными войнами, въ которыхъ они то помогаютъ Франціи, то сражаются противъ нея въ союзѣ съ Австріей, можно подумать, что ими не управляетъ никакая опредѣленная мысль; но если взглядишься попристальнѣе, то увидишь тотчасъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ преслѣдованіе одного неизмѣннаго плана, который, какъ наследственное достояніе, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій сряду, переходилъ отъ одного поколѣнія къ другому. Планъ этотъ состоитъ въ расширеніи пиемонтскихъ предѣловъ на счетъ Милана и Ломбардіи. Если онъ составлялъ основную мысль политики первыхъ закладчиковъ Пиемонтскаго государства, если онъ преслѣдуется еще въ наше время, то это показываетъ только одно, — что планъ этотъ вытекаетъ изъ положенія Пиемонта, изъ потребностей народа, и налагается на него какъ необходимость, которой онъ не можетъ избѣгнуть. Дѣйствительно, очень ясно, что, находясь между такими сильными сосѣдями, какъ Франція и Австрія, Пиемонтъ никогда не могъ бы сохранить своей независимости, еслибъ онъ оставался всегда въ тѣхъ слабыхъ размѣрахъ, въ которыхъ застаеъ его начало XVII вѣка: увеличеніе предѣловъ не было для него дѣломъ только честолюбія, оно было дѣломъ необходимости, непремѣннымъ условіемъ его существованія. Но съ какой стороны искать этого расширенія предѣловъ? Въ первыя времена, когда сознаніе этой необходимости еще не успѣло вполне выработаться, пиемонтскіе государи могли стремиться съ завоеваніямъ на счетъ Швейцаріи или Франціи; но не надо было слишкомъ большой опытности, чтобъ убѣдиться какъ даже въ случаѣ успѣха были ненадежны и эфемерны планы удержать за собою страны, отъ которыхъ отдѣляли ихъ сильныя, естественныя границы, — страны, чуждыя имъ по языку, понятіямъ и всему своему прошедшему. Напротивъ того, со стороны Ломбардіи далеко не существовало такихъ важныхъ препятствій. Съ народомъ, который населялъ ее, Пиемонтъ соединяло много общаго: одинаковая національность, одинаковыя преданія, наконецъ даже исключительное положеніе этого народа, который находясь подъ тягостнымъ, чужеземнымъ игомъ, всегда готовъ былъ протянуть руку тому, отъ кого могъ ожидать себѣ освобожденія. Еслибы Пиемонтъ даже и не созналъ этой необходимости, обстоятельства невольно навели бы на нее: естественные инте-

ресы Австріи, которая утвердила свое владычество въ сѣверной Италіи, побуждали ее точно также къ распространенію своихъ предѣловъ, и рано или поздно столкновение между ними на поляхъ Ломбардіи было необходимо. Борьба эта заключалась, слѣдовательно, въ самомъ порядкѣ вещей: она можетъ прикрываться различными принципами, она принимаетъ по времени различный характеръ, но въ сущности ею управляютъ одни и тѣ же интересы, и если мы хотимъ доискиваться начала той драмы, которая такъ недавно разыгралась на поляхъ Новарры, то должны будемъ обратиться къ отдаленнымъ временамъ Пьемонтскаго государства.

Въ этой борьбѣ, въ которой были такъ неравны силы соперниковъ, все зависѣло, разумѣется, отъ обстоятельствъ. Никогда обстоятельства не были такъ благопріятны для Савойскаго дома, какъ въ продолженіе всего XVIII вѣка, до начала революціонныхъ войнъ, и потому не удивительно, что главнѣйшіе успѣхи его относятся къ этому времени. Договоры въ Утрехтѣ, Вѣнѣ и Аквиспранѣ обозначаютъ три періода, когда имъ были сдѣланы самыя важныя пріобрѣтенія. Въ началѣ этого времени владѣнія Пьемонта не простираются на востокъ далѣе Турина; въ концѣ его, онъ состоялъ почти изъ всѣхъ тѣхъ земель (за исключеніемъ Генуи), которыя принадлежатъ ему теперь. И всего болѣе удивляетъ насъ въ этихъ быстрыхъ пріобрѣтеніяхъ то, что болѣею частью они были не слѣдствіемъ войны съ Австріею, а слѣдствіемъ союза съ нею!

Положеніе Габсбургскаго дома во всѣхъ его владѣніяхъ съ половины XVII вѣка было весьма затруднительное. Въ то время какъ Испанія, истощивши всѣ свои богатства и не переставая страдать подѣ бременемъ дурнаго управленія, не сохраняла и тѣни своего прежняго величія, — Австрія представляла не менѣе жалкую картину. Значеніе ея въ Германіи было много ослаблено, границы ея были въ постоянной опасности отъ Турокъ, внутри она терпѣла отъ частыхъ возмущеній Венгровъ, и ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились еще болѣе страшныя, когда Лудовикъ XIV вовлекъ ее въ цѣлый рядъ непрерывныхъ войнъ, въ которыхъ она должна была напрягать свои послѣднія силы. Чѣмъ далѣе шли событія, тѣмъ все болѣе росли затрудненія: новый, опасный врагъ явился ей въ Германіи, въ лицѣ Пруссіи, и въ то же самое время она выдерживала борьбу съ могущественною коалиціей, образовавшеюся противъ нея, когда по смерти императора Карла VI престолъ перешелъ къ его дочери Маріи Терезіи. Въ такихъ обстоятельствахъ, для Австріи конечно было

очень важно то положеніе, которое приметъ Пиемонтъ, потому что, какъ мы уже замѣтили выше, рѣдкая война не переносилась въ сѣверную Италію. Пиемонтскимъ государямъ предстоялъ выборъ между двумя политиками: или соединиться съ Австріей, или воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ, пристать на сторону ея враговъ и стремиться къ тому, чтобы положить конецъ ея владычеству въ Италіи. Съ перваго взгляда кажется, что послѣдняя политика была наиболѣе въ интересахъ Пиемонта. Къ удивленію, онъ почти всегда предпочитаетъ первую изъ нихъ,— и если взглянуть внимательнѣе, выборъ этотъ оказывается слѣдствіемъ глубокаго и вѣрнаго разсчета съ его стороны. Конечно, очищеніе Италіи отъ чужеземнаго владычества и въ то время, точно такъ же какъ и въ наше, должно было стоять впереди всѣхъ прочихъ соображеній. Но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ оно было рѣшительно не исполнимо: вопросъ для Италіи шелъ не объ освобожденіи ея отъ чужеземнаго ига, а только о томъ, чтобы перемѣнить одно владычество на другое. Еслибъ Австрія не устояла подъ тяжестью нанесенныхъ ей ударовъ, и должна была бы покинуть свои италіянскія владѣнія, то достояніе ея перешло бы въ руки Бурбонскаго дома. Положеніе Пиемонта измѣнилось бы тогда самымъ невыгоднымъ образомъ: вмѣсто того, чтобы находиться, какъ до сихъ поръ, между двумя сильными соперниками, — онъ былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ владѣніями, находившимися подъ властію одной фамиліи. Всякій выходъ былъ для него запертъ съ той минуты, и, конечно, онъ не долго бы сохранилъ свою независимость. Существенные интересы, слѣдовательно, интересы самосохраненія побуждали Пиемонтъ не желать совершеннаго торжества Франціи и Испаніи. За рѣдкими исключеніями, это была постоянная политика всѣхъ замѣчательныхъ его государей въ XVIII вѣкѣ: Виктора-Амедея II, Карла-Эммануила и Виктора-Амедея III. Въ началѣ войны за испанское наслѣдство, Пиемонтъ соединился было съ Франціею и Испаніею, но потомъ быстро перешелъ на противную сторону. Въ войнѣ за австрійское наслѣдство онъ оставался неизмѣннымъ союзникомъ Австріи.

Но можно ли было думать, чтобы, соединяясь съ Австріею, Пиемонтъ не вносилъ въ этотъ союзъ никакихъ корыстныхъ разсчетовъ? Напротивъ, союзы эти были только самымъ удобнымъ и лучшимъ средствомъ достигнуть той цѣли, которой, какъ мы уже замѣтили, онъ не покидаетъ съ конца XVI вѣка, то-есть, распространенія своего на счетъ Ломбардіи. Мы считаемъ безо-

лезнымъ входить въ подробное изложеніе, какимъ медленнымъ и труднымъ путемъ, почти шагъ за шагомъ, шелъ онъ къ этой цѣли. Изъ каждой войны онъ выходилъ съ какимъ-нибудь приобретениемъ: Утрехтскій миръ далъ ему Монферратъ, Алессандрію, Ломелино; миръ въ Вѣнѣ подвинулъ его къ сѣверу отъ рѣки По, онъ доставилъ ему Новарру, Тортонау; изъ войны за австрійское наслѣдство онъ вышелъ еще съ большими владѣніями, Боббіо, Піаченца перешли въ его руки, и границею между Пьемонтомъ и Австріею становится рѣка Тичино. Стбить только взглянуть на карту, чтобъ убѣдиться, какъ были обширны эти приобретения. Они поставили Пьемонтъ почти въ тѣ самые предѣлы, въ которыхъ онъ находится теперь. Они имѣли еще другую важность въ томъ отношеніи, что оправдывали его дальнѣйшія притязанія. Въ мысляхъ пьемонтскихъ правителей вся остальная Ломбардія съ Миланомъ, рано или поздно, должны были неминуемо сдѣлаться ихъ законнымъ достояніемъ. Это прочно утвердилось въ ихъ сознаниі: Карлъ Эммануилъ III, опредѣляя условія своего союза съ Маріею-Терезіею въ войну за австрійское наслѣдство, поспѣшилъ сдѣлать странную оговорку, что если онъ довольствовался на этотъ разъ только обѣщанными ему уступками въ Ломбардіи, то это нисколько не значило, чтобъ онъ отказывался отъ своихъ правъ на всю страну.

Австрія дѣлала всѣ эти уступки, потому что ей не оставалось другаго выбора. Но понятно, съ какимъ безпокойствомъ должна была она смотрѣть на это быстрое возвышеніе рядомъ съ нею опаснаго соперника. Щедрая на обѣщанія въ минуты опасности, она дѣлалась крайне несговорчивою, когда наступало время приводить ихъ въ дѣло, и отбивалась до послѣдней возможности отъ каждой уступки, которую вырывали у нея обстоятельства. Она не могла скрыть отъ себя, что если дѣла будутъ идти все тѣмъ же порядкомъ, то Пьемонтъ можетъ не на шутку стать помѣхою ея владычеству за Альпами. Борьба только начиналась между ними, но можно было предвидѣть, что въ борьбѣ этой выгоды не всегда будутъ на ея сторонѣ. До сихъ поръ Пьемонтъ думалъ только о себѣ, о своихъ собственныхъ интересахъ; содѣйствіе онъ находилъ только въ обстоятельствахъ, да въ своей неуспяной энергіи. Но современемъ все могло перемениться. Австрія не могла забыть, что она не представляла за Альпами ничего болѣе какъ чужеземное, всегда ненавистное иго. Конечно, идея національности еще не проникла достаточно въ сознаніе Италіи, не сдѣлалась еще существенною потребностью ея на-

рода. Но кто могъ поручиться, что будущее не принесетъ съ собою новыхъ идей, новыхъ требованій, что дуновение новой, самостоятельной жизни не пробьжитъ по этому народу? Кто могъ поручиться, что онъ не пробудится наконецъ отъ своего долгаго сна и не захочетъ играть независимую роль въ судьбахъ Европы? И что если Піемонтъ станетъ во главѣ этого движенія? Не ясно ли, что съ этимъ новымъ союзникомъ онъ будетъ грозить Австріи иного рода опасностью, что дѣло будетъ идти для нея не о потерѣ того или другаго участка въ Ломбардіи, не объ утратѣ того или другаго города, а о совершенномъ уничтоженіи ея владычества за Альпами? Борьба будетъ заключаться уже не въ прежнихъ тѣсныхъ предѣлахъ: то будетъ борьба во имя народностей, во имя принциповъ, а побѣда въ этихъ случаяхъ не всегда остается на сторонѣ грубой силы. Опасенія за будущее, можетъ-быть еще болѣе нежели сожалѣніе о прошедшемъ, не позволяли Австріи забыть ни на минуту о томъ, что было у нея вырвано въ минуту опасности. Говорятъ, что уже при самой Маріи-Терезіи, императоръ Іосифъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда онъ проѣзжалъ однажды по плодоноснымъ землямъ, составлявшимъ еще такъ недавно достояніе его дома. Онъ тогда же высказалъ желаніе присоединить ихъ снова къ Австріи. Занятый другими планами, онъ не могъ серьезно подумать объ исполненіи этой мысли. Но слова, сказанныя имъ въ минуту сильнаго внутренняго волненія, остались какъ бы завѣщаніемъ его преемникамъ, и съ этихъ поръ Австрія напрягаетъ всѣ свои силы для борьбы, въ которой она отличается столько же своимъ упорствомъ, сколько и неразборчивостью тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ непрерывно.

II.

Французская революція застала врасплохъ европейскія государства. За изумленіемъ, которымъ ее встрѣтили повсюду, послѣдовалъ вскорѣ страхъ, когда сдѣлалось ясно, что, не ограничиваясь предѣлами своей страны, она готовится къ повсемѣстной пропагандѣ своихъ доктринъ. Опасность становилась общою, и нужно было принять противъ нея скорыя мѣры. Впрочемъ, болышая часть европейскихъ державъ, и впереди всѣхъ

Австрія, были убѣждены, что Франція не устоитъ противъ ихъ натиска. Придумывая средства задуть революцію въ самомъ началѣ, онѣ льстили себѣ мыслию подвѣстися на ея счетъ добычей и заранѣе составляли объ этомъ планы. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что планы эти сильно занимали Пруссію и Австрію, во время переговоровъ ихъ въ Пильницѣ. Когда было все улажено между ними, онѣ обратили воззваніе къ другимъ дворамъ, чтобъ усилить коалицію. И вотъ между прочимъ въ іюлѣ, 1791 года, императоръ Леопольдъ обратился къ сардинскому королю съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ излагая положеніе дѣлъ, просилъ его соединиться съ ними противъ грозившей опасности.

На сардинскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время Викторъ Амедей III, преемникъ Карла Эммануила III, оказавшаго наибольшія услуги своему государству. Новый король былъ человекъ твердыхъ убѣжденій, примѣрной честности характера, но не любившій реформъ и при вступленіи на престолъ удалившій почти всѣхъ совѣтниковъ своего отца, которые помогали ему въ дѣлѣ преобразованія государства. Предложеніе императора Леопольда могло, по многимъ причинамъ, рассчитывать на радушный приемъ съ его стороны: во первыхъ, оно какъ нельзя лучше соответствовало его политическимъ убѣжденіямъ; во вторыхъ, Пьемонтъ, по близости своихъ границъ съ Франціей, былъ болѣе прочихъ странъ подверженъ наплыву новыхъ ученій. Рассчитывать на то, чтобы, въ союзѣ съ прочими итальянскими государствами, сохранить независимое положеніе въ начинавшейся борьбѣ, было бы безумно: отвыкшія отъ самостоятельной роли, влачившія печальное существованіе, государства эти не умѣли ничего предвидѣть въ будущемъ, и могли понимать опасность только тогда, когда она была уже въ ихъ собственныхъ предѣлахъ. Оставалось, слѣдовательно, выбирать одно изъ двухъ: или пристать къ революціонной Франціи, или соединиться тѣсно съ Австріей, и поставленный между такими крайностями, Викторъ Амедей конечно не могъ долго затрудняться въ своемъ выборѣ.

Новое правительство Франціи не отличалось большою сговорчивостью въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими державами, отъ которыхъ оно не могло ожидать для себя ничего, кромѣ враждебныхъ расположеній. Но королевство Сардинское было, можетъ быть, единственное, въ пользу котораго оно было готово рѣшиться на значительныя уступки. Важность его географическаго положенія была такова, что ни какъ нельзя было пренебрегать

имъ въ ожиданіи предстоявшей борьбы,—и французское правительство тотчасъ же озаботилось склонить на свою сторону Виктора Амедея III. При первыхъ слухахъ о переговорахъ между королемъ и императоромъ, оно успѣшило отправить въ Туринъ своего посланника при Лигурійской республикѣ, Семувиля. Предложенія, сдѣланныя имъ, были весьма выгодны. Франція принимала на себя обязательство охранять Пиемонтскія владѣнія отъ враждебныхъ нападений, оно обѣщало присоединить къ нимъ всѣ завоеванія, которыя будутъ сдѣланы ея войсками въ сѣверной Италіи, и въ замѣнъ этого требовалось отъ Пиемонта даже не союза, а только нейтралитета. Строгія монархическія правила короля не сложились даже и на эти предложенія: ему казалось, что, принимая ихъ, онъ сдѣлается сообщникомъ революціонныхъ идей, господствовавшихъ во Франціи. Въмѣсто всякаго отвѣта, Семувиль получилъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ Туринъ, приказаніе немедленно покинуть Сардинскія владѣнія. Мѣра эта, уже оскорбительная сама по себѣ, дѣлалась еще болѣе оскорбительною по тѣмъ выраженіямъ, которыя дозволяли себѣ при этомъ министры Виктора-Амедея. Послѣ этого разрыва не оставалось ничего болѣе какъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ: король отозвалъ своего посланника изъ Парижа, и 25 іюля 1792 года письменнымъ трактатомъ присталъ къ коалиціи державъ, соединенныхъ войною противъ Франціи.

Не успѣли совершиться эти событія, какъ они уже влекли за собою свои послѣдствія. Французскія войска вторглись въ Савойю, завладѣли ею, обратились потомъ къ Ниццѣ, ея морскому побережью, не встрѣчая себѣ нигдѣ сильнаго сопротивленія. Времена измѣнились: сардинскія войска, хорошія можетъ-быть въ прѣжнее время, оказались почти безсильными, когда встрѣтились лицомъ къ лицу съ преобразованными войсками Франціи. Область за областью переходила въ руки непріятеля, и Викторъ-Амедей, испуганный его быстрыми и неожиданными успѣхами, началъ серьезно опасаться даже за свою столицу. Несмотря на обязательства, недавно заключенныя Австріею, она не присылала никакого вспоможенія: напрасно Викторъ-Амедей отправлялъ письмо за письмомъ къ императору, напоминая ему его обѣщанія, убѣждая его не медлить ни минуты и не оставлять Сардиніи на жертву общему врагу. Всѣ эти просьбы оставались безъ отвѣта. Какъ будто бы какое-то ослѣпленіе овладѣло вѣнскимъ дворомъ, или онъ съ умысломъ не хотѣлъ видѣть, что если такъ пойдутъ дѣла, то его несчастному

союзнику не останется ничего болѣе, какъ покинуть свои владѣнія. Последнее предположеніе не могло придти въ голову Виктора Амедея: слишкомъ увѣренный въ добросовѣстности и безкорыстии своего союзника, онъ предполагалъ, что все замедленіе происходитъ отъ того, что ему не хорошо извѣстно положеніе Сардиніи. Викторъ Амедей продолжалъ свои просьбы до тѣхъ поръ, пока вѣнскій кабинетъ не былъ поставленъ въ необходимость дать положительный отвѣтъ: тогда посланникъ его въ Туринѣ объявилъ прямо, что лишь только въ такомъ случаѣ правительство его согласится подать помощь Сардиніи, если она откажется въ его пользу отъ значительной части тѣхъ владѣній въ Ломбардіи, которыя перешли къ ней по договорамъ въ Утрехтѣ и Аквисгранѣ.

Требованіе это было такъ невѣроятно и такъ неожиданно, что оно поразило какъ громомъ Виктора Амедея. Дѣйствительно, можно ли было ожидать чего-нибудь подобнаго отъ австрійскаго правительства, которое стояло во главѣ коалиціи, образовавшейся, по видимому, съ самыми безкорыстными цѣлями? Можно ли было ожидать этого, особенно въ ту минуту, когда извѣстія, одно другаго печальнѣе, приходили непрерывно изъ Франціи, — когда королевская фамилія, считавшая въ своей средѣ одну принцессу изъ Австрійскаго дома, подвергалась ежедневнымъ опасеніямъ за свою свободу? Викторъ Амедей обратился немедленно съ собственноручнымъ письмомъ къ императору, умоляя его именемъ общаго дѣла, именемъ общей опасности, отказаться отъ своихъ требованій. Но затрудненія, встрѣченныя имъ, показывали очень ясно, что планъ былъ обдуманъ Австрією заранѣе, и она ждала только удобнаго случая привести его въ исполненіе. Баронъ Тугутъ, управлявшій вѣнскою политикою, въ переговорахъ своихъ съ сардинскимъ посланникомъ и въ отвѣтахъ на собственноручныя письма короля, объявлялъ наотрѣзъ, что только уступкою Алессандріи, Новарры и Тортоны Сардинія могла спасти свою независимость. Но какая была выгода въ этой независимости, если у Сардиніи отнимались ея лучшія земли? Согласиться на притязанія Австріи — не значило ли разрушить всю работу предшествовавшаго времени и удовольствоваться снова незначительною ролью савойскихъ герцоговъ? Дѣло шло не о временныхъ интересахъ, а обо всей будущности Пьемонта, и Викторъ Амедей рѣшился не уступать ни одного изъ своихъ законныхъ правъ.

Событія между прочимъ не ждали, чѣмъ окончатся эти странные переговоры, и продолжали идти своимъ путемъ. Французы

распоряжались какъ полные господа въ Савойѣ и Ниццѣ, и ожидали только подкрѣпленія, чтобы распространить далѣе свои завоеванія. Предвидя какъ могутъ быть опасны эти распри, когда такъ необходимо было единодушіе, другія государства поспѣшили вмѣшаться и положить имъ конецъ. Англія, всегда расположенная въ пользу Савойскаго дома, обратилась къ вѣнскому кабинету, убѣждая его къ большей уступчивости и умѣренности. Увѣщанія эти, по крайней мѣрѣ отчасти, не остались безъ успѣха: не то чтобы Австрія согласилась отказаться отъ предъявленныхъ ею требованій,—напротивъ, она съ непреклоннымъ упорствомъ настаивала на возвращеніи принадлежавшихъ ей нѣкогда земель; но прежде она требовала ихъ безъ всякаго вознагражденія Пиемонту,—теперь она рѣшила ихъ устроить дѣло болѣе выгоднымъ для него образомъ. Вице-канцлеръ имперіи, князь Коллоредо, незамедлилъ объяснить въ чемъ состояли новыя предположенія его двора. Мы уже замѣтили прежде, что Австрія, приступая къ военнымъ дѣйствіямъ, не скрывала своихъ надеждъ на увеличеніе предѣловъ со стороны Франціи. Опасное положеніе этой страны, которая въ одно и то же время должна была бороться внутри съ всякаго рода затрудненіями и отстаивать извнѣ свои границы отъ непріятелей, казалось, какъ нельзя болѣе оправдывало эти замыслы. Но что могло оставаться только надеждою, положимъ даже основательною,—въ пылкомъ воображеніи совѣтниковъ императора Леопольда представлялось уже какъ дѣйствительность. Они предлагали теперь Пиемонту вознаградить его потери въ Сѣверной Италіи тѣми завоеваніями, которыя будутъ сдѣланы союзными войсками во Франціи. Понятно, что обѣщанія эти были весьма мало успокоительны для Виктора-Амедея. Они были основаны только на предположеніяхъ; но еслибы даже и суждено имъ было сбыться, еслибы союзныя войска дѣйствительно овладѣли Дофинне и Провансомъ, то Пиемонтъ не имѣлъ никакой выгоды промѣнять на нихъ свои владѣнія въ Ломбардіи. Въ будущемъ, это не избавило бы его отъ соперничества съ Австріей, а между тѣмъ вовлекло бы его въ непрерывную вражду съ Франціей и такимъ образомъ создало бы неисчислимыя затрудненія. Обѣщанія Австріи были, слѣдовательно, весьма обманчивы, но отвергнуть ихъ безусловно не представлялось никакой возможности. Поглощенные исключительно начинавшеюся борьбою, европейскіе дворы не были расположены заниматься интересами Пиемонта; даже Англія совѣтовала ему поскорѣе кончить это дѣло. Въ ночь, отправленной къ

сардинскому правительству, лордъ Гренвиль упоминалъ, что все было испытано имъ для отвращенія Австріи отъ ея проекта, но такъ какъ императорскій дворъ настаивалъ болѣе нежели когда-нибудь на немъ и связывалъ исполненіе его съ успѣхомъ общаго предпріятія, отъ котораго зависѣли судьбы Европы, то оставалось только покориться обстоятельствамъ. Викторъ-Амедей схватился за послѣднее средство: въ первоначальныхъ переговорахъ вѣнскій кабинетъ, можетъ-быть не совсѣмъ надѣясь на успѣхъ дѣла, проговорился, что если Сардинія не согласится на обмѣнъ земель, то можно будетъ прибѣгнуть къ денежнымъ сдѣлкамъ. Онъ поспѣшилъ предпочесть это послѣднее условіе, но было уже поздно: Австріи требовалось теперь земель, принадлежавшихъ ей нѣкогда въ Ломбардіи. Трактатъ былъ подписанъ въ Валансьенѣ, но Виктору-Амедею удалось выговорить, что трактатъ этотъ вступить силу не прежде какъ черезъ мѣсяць послѣ своего заключенія. Онъ надѣялся, что до того времени произойдутъ какія-нибудь событія, которыя благопріятно измѣнятъ положеніе дѣлъ.

Начались военныя дѣйствія. Мы не считаемъ нужнымъ подробно слѣдить за ними, потому что исторія этого времени довольно извѣстна всякому образованному человѣку. Скажемъ только, что Сардинія съ самаго начала должна была убѣдиться, какъ мало она можетъ ожидать отъ союза своего съ Австріею. Договоръ въ Валансьенѣ былъ подписанъ въ ту минуту, когда дѣла Французовъ въ Италіи, послѣ первыхъ блестящихъ успѣховъ, приняли не совсѣмъ благопріятный оборотъ. Они терпѣли отъ всякаго рода матеріальныхъ лишеній; не было денегъ, продовольствія; артиллерія была слаба, и кромѣ того директорія медлила присылкою подкрѣпленій. Время было, слѣдовательно, самое удобное для наступательныхъ дѣйствій, и никто не сомнѣвался, что еслибъ австрійскій главнокомандующій Девинсъ, соединившись съ Пьемонтцами, началъ дѣйствовать энергически, то Французы не удержались бы въ Савойѣ. Но Девинсъ былъ человѣкъ далеко не даровитый, и, кромѣ того, вѣнскій военный совѣтъ стѣснялъ его своими предписаніями. Хотя, по условію, онъ долженъ былъ дѣйствовать въ союзѣ съ Сардинцами, однако секретныя инструкціи говорили ему, чтобъ онъ ограничивался только охраненіемъ австрійскихъ предѣловъ, не подвергая своихъ войскъ опасностямъ наступательнаго движенія. Ошибка была очевидна, потому что Французы могли получить въ это время подкрѣпленія, и тогда характеръ войны перемѣнился бы весьма невыгодно для союзни-

ковъ. Піемонтскіе генералы и самъ Викторъ Амедей понимали это очень ясно: они старались передать свои опасенія Девинсу и побудить его къ быстрому движенію на Савойю; но все оставалось тщетнымъ. Австрійскій главнокомандующій представлялъ незначачія отговорки, говорилъ, что ждетъ появленія англійскаго флота передъ Ниццей, обѣщалъ скоро начать дѣйствовать, а между тѣмъ не трогался изъ лагера. Эти бесполезные переговоры продолжались нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Разумѣется, результатъ всего этого былъ весьма печальный: Французы получили наконецъ подкрѣпленія, двинулись впередъ, и битва при Лоано открыла имъ прямое сообщеніе съ моремъ. Такимъ образомъ, несмотря на соединеніе съ Австрійцами, компанія этого года не принесла Піемонту никакой пользы: напротивъ она только затруднила его положеніе. Викторъ-Амедей выражалъ громко свое неудовольствіе противъ австрійскихъ полководцевъ. Но если ихъ дѣйствія были предосудительны до этого времени, то они сдѣлались еще болѣе предосудительными послѣ. Лишь только извѣстіе о сраженіи при Лоано достигло до Девинса, онъ поспѣшилъ перейти черезъ По, на зимнія квартиры, оставивъ незначительный отрядъ между Алессандріей и Тортоной. Увѣщанія, жалобы, остались бесполезны, и Сардинія очутилась теперь въ болѣе затруднительномъ положеніи, нежели когда-нибудь.

Такое начало не предвѣщало ничего добраго. Впрочемъ, было еще средство поправить дѣло, потому что Франція, несмотря на оскорбленіе, нанесенное ея посланнику, несмотря на то, что открылась уже война, выказывала большое расположеніе къ миру съ Викторомъ-Амедеемъ. Онъ могъ очень выгодно воспользоваться этимъ расположеніемъ французскаго правительства; но вѣрность заключеннымъ трактатамъ, непреклонность его образа мыслей мѣшали этому. Мало того, онъ отправлялъ въ это самое время въ Вѣну двухъ приближенныхъ къ нему людей, съ цѣлію — еще болѣе упрочить союзъ свой съ Австріей и устранить всѣ недоразумѣнія, которыя могли бы помѣшать успѣху общаго дѣла. Положено было съ началомъ будущаго года дѣйствовать болѣе энергически и согласно. Силы, которыми надѣялись располагать союзники, простирались до пятидесяти тысячъ человекъ, и Австрія дѣлала уступку туринскому правительству, смѣнивши Девинса, которому приписывали всѣ неудачи компаніи. Мѣсто его занялъ генералъ Больё.

Были ли искренни новыя обѣщанія и приготовленія Австріи?

Намѣревалась ли она дѣйствительно поддерживать мужественно своего союзника, или думала попрежнему усыпить его надеждами, довольствуясь тѣмъ, что сардинскія владѣнія выдерживали натискъ непріятеля? Зачѣмъ же, впрочемъ, объяснять непременно дурными умыслами то, что гораздо легче объясняется неспособностью ея генераловъ, дурными распоряженіями ея военнаго совѣта? Какъ бы то ни было, но новая кампанія, открывшаяся въ 1796 году, была еще несчастнѣе первой. Извѣстно, что вообще весь этотъ періодъ составляетъ довольно позорную страницу въ военной исторіи Австріи. Генералы ея не умѣли предпринять ничего вовремя, не умѣли никогда воспользоваться обстоятельствами, и дѣйствія ихъ представляютъ непрерывный рядъ ошибокъ. Впрочемъ, на этотъ разъ имъ приходилось бороться съ самимъ Бонапартомъ, появившимся впервые на поляхъ Италіи. Союзники должны были прежде всего заботиться о соединеніи своихъ силъ, пока имъ еще не могъ воспрепятствовать въ этомъ непріятель. Пьемонтскіе генералы, по крайней мѣрѣ, настоятельно требовали этого, но не извѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ Болье обращалъ еще менѣе вниманія на ихъ совѣты нежели Девинсъ. Онъ продолжалъ держать свой лагерь вдали отъ сардинскаго войска: на этой ошибкѣ былъ основанъ Бонапартомъ весь планъ его дѣйствій. Онъ бросился между союзниками, раздѣлилъ ихъ и потомъ обратилъ свои главные силы противъ Сардинцевъ: битвы при Монтеноте и Миллезимо рѣшили все дѣло. Пьемонтъ очутился вдругъ почти беззащитнымъ въ рукахъ непріятеля, между тѣмъ какъ Австріицы съ поспѣшностію ретировались за По.

Въ Туринѣ распространился паническій страхъ. Приверженцы Французовъ преувеличивали несчастье и называли безуміемъ всякую мысль о сопротивленіи. Австрійскій и англійскій посланники, напротивъ, не переставали убѣждать короля оставаться вѣрнымъ союзу. Между тѣми и другими находилась третья, самая многочисленная партія, которая, не чувствуя особаго расположения ни къ монархической Австріи, ни къ революціонной Франціи, имѣла въ виду только интересы страны, и видя ея истощеніе, умоляла о мирѣ. Архіепископъ туринскій, кардиналъ Коста, со слезами на глазахъ убѣждалъ короля, уступить грустной необходимости. Викторъ-Амедей еще колебался: мысль о томъ, чтобы вступить въ переговоры съ народомъ, который еще недавно возвелъ на эшафотъ своего короля, казалась ему невыносимою. Въ эту рѣшительную минуту, онъ хотѣлъ испро-

бовать послѣднее средство: онъ обратился съ пламеннымъ воззваніемъ къ Австріи, и напоминая ей объ общемъ дѣлѣ, объясняя какъ важно сохраненіе Пиемонта въ интересахъ всей Европы, призывалъ ее къ себѣ на помощь. Благоразуміе, добросовѣстность, опасенія за будущее заставляли внять этому голосу: можетъ-быть Австрія и поступила бы такъ, еслибы все тѣ же корыстные разсчеты, что и въ началѣ войны, не ослѣпляли ея. Можно ли повѣрить, что даже въ эту минуту она не забыла своихъ требованій на Алессандрію, Валенцію и Тортопу? Правительство ея объявило, что прежде всего оно настаиваетъ на исполненіи валансьенскаго договора и требуетъ передачи этихъ крѣпостей въ ея руки. Только послѣ этого она обѣщала снова ввести свои войска въ Пиемонтъ, для очищенія его отъ непріятеля.

Эта послѣдняя капля переполнила чашу. Викторъ Амедей немедленно объявилъ французскому правительству; что онъ готовъ вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ, и чрезъ нѣсколько времени сардинскіе депутаты, Ревель и кавалеръ Тонсо, и уполномоченный республики, Фепу (Fairout), съѣхались для этой цѣли въ Генуѣ. Слухъ объ этихъ переговорахъ не могъ, разумѣется, долго оставаться тайной для Австріи. Съ этой минуты она считала себя свободною отъ всѣхъ обязательствъ къ Пиемнту; мало того, прежнія дружескія отношенія она замѣнила такими дѣйствіями, которыя не допускаются даже между государствами, находящимися во враждебныхъ отношеніяхъ. На другой же день послѣ того, какъ посланникъ австрійскій, въ Туринѣ, получилъ несомнѣнныя доказательства, что Сардинія отпадаетъ отъ коалиціи, онъ далъ приказаніе генералу Болъе, отъ имени своего правительства, овладѣть тремя упомянутыми крѣпостями какимъ бы то ни было образомъ: измѣною, обманомъ, или насиліемъ. По счастью, планъ этотъ не совсѣмъ удался: коменданты Алессандріи и Тортопы отказались наотрѣзъ впустить въ свои стѣны австрійское войско, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Только Валенція досталась въ руки недавняго союзника, теперешняго врага. Этимъ послѣднимъ поступкомъ Австрія завершала свою политику во всю эту несчастную войну, въ продолженіе которой она не разъ оставляла Пиемонтъ одинъ бороться съ наплывомъ революціонныхъ войскъ на сѣверную Италію. Перемиріе въ Хераско, и послѣдовавшій вскорѣ окончательный миръ въ Парижѣ, отстранили совершенно Сардинію отъ участія въ коалиціи. Савойя и Ницца остались въ рукахъ побѣдителя; кромѣ того, самыя лучшія сардинскія крѣпости, начиная съ Алессандріи и Тортопы

переходили къ Французамъ, или въ постоянное, или временное обладаніе. Австрія впрочемъ должна была вскорѣ раскаяться въ недальновидности своей политики. Отпаденіе Сардиніи было первымъ ударомъ для ея владѣній за Альпами; всѣ они переходили постепенно въ руки ея геніальнаго противника. Дѣло шло для нея уже не о томъ, чтобы выйти съ честью изъ борьбы, а спасти хотя что-нибудь изъ этого общаго разгрома. Миръ въ Кампо-Форміо, которымъ завершилась, въ слѣдующемъ году (1797), первая кампанія въ Италіи, былъ для Австріи единственнымъ, отчаяннымъ выходомъ изъ ея положенія. Она пріобрѣтала, правда, владѣнія Венеціанской республики, но цѣною какихъ жертвова-ній! Вся Ломбардія отходила отъ нея, и вмѣстѣ съ Моденою и римскими легаціями должна была образовать такъ-называемую Цизальпинскую республику, поступившую подъ французское владычество.

Миръ въ Кампо-Форміо произвелъ рѣшительный переворотъ въ положеніи сѣверной Италіи. Французское вліяніе дѣлалось въ ней преобладающимъ. Можно было думать, что событіе это соединитъ интересы Австріи и Пьемонта, заставитъ ихъ забыть, хотя навремя, свое постоянное соперничество. Мы видимъ однако совершенно противное: блестящіе успѣхи Французовъ въ сѣверной Италіи нанесли тяжелый ударъ Австріи, но они не ослабили ея. Съ рѣдкою провицательностью, она понимала очень хорошо всю непрочность, всю эфемерность образованія такъ-называемой Цизальпинской республики. Во мнѣніи ея, эта новая политическая форма не имѣла никакихъ задатковъ будущности, была лишь эпохою переходною въ судьбахъ сѣверной Италіи; Австрія рассчитывала какъ бы воспользоваться этимъ переходнымъ временемъ, чтобы вѣрнѣе упрочить тамъ свое владычество на будущее время. Соображенія эти не только не сближали ея съ Пьемонтомъ, напротивъ, они побуждали ее дѣйствовать съ большею настойчивостью противъ своего стариннаго врага; ей казалось, что теперь наступило самое удобное время для того, чтобы навсегда уничтожить значеніе его въ сѣверной Италіи. Поэтому, въ конференціяхъ, открывшихся въ скоромъ времени въ Зельцѣ, Австрія побуждала всѣми силами французское правительство присоединить къ себѣ владѣнія Савойскаго дома. Пьемонтъ, съ другой стороны, старался въ то же самое время убѣдить Францію, какъ важно было въ ея интересахъ образованіе въ сѣверной Италіи національнаго, сильнаго государства, которое служило бы непреодолимою преградой владычеству Габсбургскаго дома за Альпами.

Борьба, слѣдовательно, продолжалась и теперь, но только она перемѣнила характеръ, и соперники старались расположить въ свою пользу Францію, которая держала временно въ своихъ рукахъ судьбу того и другаго. Среди этихъ новыхъ обстоятельствъ, положеніе Пиемонта было крайне опасно: онъ желалъ союза съ Франціей, но событія, часто противъ воли, ставили его во враждебныя къ ней отношенія. Пропаганда новыхъ революціонныхъ идей, подъ покровительствомъ недавнихъ побѣдителей, распространялась неудержимо въ сѣверной Италиі. Пиемонтское правительство съ самаго начала преслѣдовало ихъ неутомимо въ своихъ предѣлахъ, и въ слѣдствіе этого поставлено было въ необходимость дѣйствовать противъ партіи, которая внутри государства выражала громко свои симпатіи къ французскому владычеству. Это подавало поводъ къ непрерывнымъ столкновеніямъ. Ничего не было дороже Пиемнту его независимости, онъ хотѣлъ сохранить ее и теперь; но обстоятельства совершенно противились этому. Пиемонтъ, слѣдовательно, съ своими тенденціями, которыя были явно противны тенденціямъ побѣдителей, съ своими упорными усиліями удержаться въ самостоятельной роли, когда все вокругъ склоняло передъ ними голову, былъ только лишнимъ затрудненіемъ для Франціи, и судьба его съ этой поры была рѣшена. Рядомъ непрерывныхъ униженій, онъ быстро приближался къ той минутѣ, когда онъ долженъ былъ увеличить собою чужеземное владычество за Альпами.

Нужно ли подробно разказывать объ этомъ жалкомъ для Сардиніи времени? Викторъ Амедей не дожилъ до него: онъ сошелъ въ могилу еще въ 1796 г., передавъ престолъ своему сыну, Карлу Эммануилу IV. О новомъ государѣ говорили, что онъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ, которые требовались тогдашнимъ, труднымъ временемъ. Впрочемъ, еслибъ онъ даже обладалъ великими талантами, едва ли они принесли бы пользу въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился Пиемонтъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ почувствовалъ на себѣ всю тяжесть посторонняго вліянія. Французское правительство непрерывно обращалось къ нему съ требованіями, изъ которыхъ одно было несправедливѣе и незаконнѣе другаго, но отказать которымъ онъ былъ не въ состояніи. Требования эти доказывали ясно, что Франція не потерпитъ рядомъ съ собою въ сѣверной Италиі никакой власти, имѣвшей притязанія на свободный и независимый образъ дѣйствія. Не находя иногда возможности дѣйствовать открыто противъ сардинскаго правительства, безъ нарушенія самыхъ священнѣхъ основъ общена-

роднаго права, она прибѣгала къ средствамъ другаго рода: возстановила противъ него народъ, распускала въ немъ ложные враждебныя слухи. Въ Туринѣ не проходило почти дня безъ шума и волненія на улицѣ. Особенно сдѣлались они часты, когда прибылъ туда французскій посланникъ Генгене (Guinguet). Многочисленная партія воспользовалась этимъ, чтобы начать въ его честь манифестаціи, нарушавшія общественный порядокъ и кончавшіяся очень часто кровопролитіемъ. Король рѣшился прибѣгнуть къ строгости; зачинщики движенія были схвачены и осуждены. Генгене требовалъ, чтобъ имъ было объявлено прощенье, находя, что въ противномъ случаѣ правительство сардинское докажетъ только свое враждебное расположеніе къ Франціи. Въ то же самое время, воспользовавшись тѣмъ, что Лигурійская республика объявила Пьемонту войну, онъ объяснилъ желаніе своего правительства занять туринскую крѣпость. Это послѣднее требованіе было такъ незаконно, такъ насильственно, что оно оскорбило не только короля, но даже многихъ посланниковъ при его дворѣ. Это нисколько однако не смутило Генгене; онъ настаивалъ на своемъ предложеніи и сопровождалъ его угрозами. Видя, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ, Карлъ Эммануилъ просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ директорія подтвердила слова своего посланника, но и въ этомъ ему было отказано. Отрядъ генерала Брюна, стоявшаго съ главными французскими силами около Милана, появился черезъ нѣсколько дней передъ Туриномъ и вступилъ въ его крѣпость. Франція, ставъ теперь твердою ногою въ самомъ центрѣ Пьемонта, почти не скрывала своихъ намѣреній, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, отдѣлаться отъ короля и присоединить его земли къ своимъ владѣніямъ за Альпами. Разумѣется, при доброй волѣ, не надо было долго отыскивать этого случая. Онъ представился самъ собою, когда генералъ Жуберъ, недовольный тѣмъ, что въ рукахъ его находилась туринская крѣпость, потребовалъ, чтобъ ему переданъ былъ также и арсеналъ. На этотъ разъ, Карлъ Эммануилъ выразилъ самое рѣшительное сопротивленіе. Онъ видѣлъ, что всѣ эти мѣры клонятся только къ тому, чтобы лишить его въ собственныхъ владѣніяхъ всякой власти. Опасаясь, что, несмотря на его отказъ, Французы, по своему обыкновенію, попытаются силою овладѣть арсеналомъ, онъ успѣшилъ собрать около столицы все войско, которымъ могъ располагать въ ту минуту. Эта законная мѣра предосторожности была въ мнѣніи Жубера достаточнымъ предлогомъ для того, чтобъ исполнить

давнишній планъ его правительства. Французское войско перешло Тичино, и овладѣвши всѣми городами, лежавшими на его пути, подступило къ Турину. Сопrotивленіе оказалось безплезненнымъ. Карлъ-Эммануилъ долженъ былъ подписать отреченіе отъ всѣхъ своихъ владѣній на твердой землѣ, и на другой день, 40-го декабря 1799 года, онъ былъ перевезенъ со всѣмъ своимъ семействомъ на островъ Сардинію. Вступая въ гавань Кальяри, онъ издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ недѣйствительнымъ свое отреченіе отъ престола, и призывалъ всю Европу быть свидѣтельницею учиненнаго надъ нимъ грубаго насилія.

Піемонтъ потерялъ такимъ образомъ свою независимость: съ этихъ поръ и во все продолженіе великой эпопеи, завершившейся подъ стѣнами Парижа, онъ служитъ лишь покорнымъ орудіемъ въ рукахъ чужой власти. Отношенія его къ Австріи прекращаются ли вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ? Напротивъ. Судьбѣ было угодно, чтобъ именно въ это самое время произошли событія, которыя обнаружили въ яркомъ свѣтѣ всѣ тайные замыслы, всѣ враждебные планы Австріи на Піемонтъ. Мы говоримъ о знаменитой коалиціи 1799 г., когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, явились къ ней на помощь и ознаменовали себя цѣлымъ рядомъ побѣдъ въ сѣверной Италіи. Безъ сомнѣнія, еслибы мы искали доказательствъ, что австрійская политика въ отношеніи къ Піемонту руководствовалась постоянно самыми незаконными средствами, что она не останавливалась ни предъ чѣмъ, какъ скоро были затронуты ея корыстные разсчеты, мы нашли бы ихъ въ достаточномъ количествѣ въ исторіи этой войны. Мы не остановимся однако на этомъ, и по весьма основательной причинѣ: кому изъ нашихъ читателей не памятно превосходное сочиненіе, посвященное этому предмету? (1) Въ книгѣ своей, г. Милютинъ, съ помощью неизвѣстныхъ прежде документовъ, изобразилъ такими ясными чертами отношенія Австріи къ Піемонту, въ продолженіе кампаніи Суворова, что всякое повтореніе было бы, по нашему мнѣнію, слишкомъ блѣднымъ. Читатель увидитъ изъ этого сочиненія, съ какими безкорыстными цѣлями образовалась коалиція 1799 года. Единственною мыслію императора Павла, когда онъ сталъ въ ея главѣ, было возстановленіе потрясенныхъ престоловъ, укрѣпленіе связи между правительствами и народами, искорененіе началъ революціи. Сардинія могла льстять себя

(1) *Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I въ 1799 году.*

надеждою на возвращеніе своей политической независимости, но не надолго. Вскорѣ послѣ первыхъ успѣховъ русскихъ войскъ въ сѣверной Италіи политика Австріи обозначилась. Платоническая война, которую вели ея союзники, была вовсе не въ ея вкусъ: она открыто стремилась къ тому, чтобы пользоваться тогдашнимъ положеніемъ Пьемонта, освобожденнаго отъ непріятеля, но еще не поступившаго въ обладаніе своего законнаго государя, не только присоединить къ себѣ тѣ земли, которыя составляли нѣкогда часть Ломбардіи, но и совершенно исключить его изъ системы европейскихъ государствъ. Планы эти встрѣчаютъ противодѣйствіе въ русскомъ правительствѣ. Роль спасителя царей, возстановителя престоловъ, которую императоръ Павелъ поручалъ отъ своего имени Суворову, не могла не льстить знаменитому полководцу. Это была его любимая мысль. Перелетая отъ одной победы къ другой, среди военныхъ заботъ и соображеній, онъ не забывалъ ея ни на минуту, и гдѣ только представлялась возможность, спѣшилъ возстановить законныя власти. Точно также желалъ онъ поступить и въ Сардиніи, гдѣ его встрѣчали какъ избавителя, и города спѣшили отворять ему свои ворота. Но каждая мѣра, каждое распоряженіе великаго полководца въ этомъ смыслѣ, были тотчасъ же парализированы вѣнскимъ дворомъ. Желалъ ли онъ сформировать сардинскую армію, австрійское правительство объявляло, что оно не допуститъ этого. Принималъ ли онъ мѣры для возвращенія Карла-Эммануила въ его владѣнія, вѣнскій кабинетъ находилъ этому тысячу препятствій. Присылалъ ли король уполномоченныхъ, которые отъ его имени должны были принять управленіе страной, имъ не давали никакой власти, и австрійскіе комиссары распорядились въ Пьемонтѣ какъ въ собственной землѣ. Съ каждымъ днемъ Австрія все болѣе приучала и себя и другихъ къ мысли, что Пьемонтъ увеличить число ея владѣній, въ то время какъ бѣдный дворъ, находившійся въ Кальяри, съ минуты на минуту ожидалъ возможности возвратиться въ отечество. Эта политика, чуждая всякой справедливости, не управляемая никакими началами, повергала въ глубокое уныніе Суворова. Въ перепискѣ своей съ императоромъ Павломъ, онъ не скрываетъ своего негодованія и выражаетъ невозможность служить двору, « котораго намѣренія и планы не совмѣстны съ выгодами и безопасностію Европы ». Къ счастью, это тяжелое положеніе было не продолжительно. Суворовъ сдѣлалъ свое дѣло. Италія была почти совсѣмъ освобождена отъ непріятеля, австрійское владычество

было утверждено столь же прочно, какъ до начала войнъ. Съ этой минуты онъ становился только помѣхою для австрійскаго правительства, и оно не безъ радости смотритъ на удаленіе русскихъ войскъ въ Швейцарію. Австріи развязывались руки. Теперь безпрепятственно, совершенно на свободѣ, она могла привести въ исполненіе свои давнишніе, корыстные планы на Піемонтъ.

Еслибъ успѣхи не ослѣпляли Австріи, она увидала бы, что положеніе ея было вовсе не такъ блестяще, какъ ей казалось. Императоръ Павелъ, бывший самымъ вѣрнымъ ея союзникомъ, отозвалъ свои войска въ Россію, выразивъ неудовольствіе противъ ея образа дѣйствій. Внутри представлялись затрудненія другаго рода. Все народонаселеніе Піемонта, безъ различія партій, выражало громко свою ненависть къ Австрійцамъ. Ненависть эта доходила до того, что многіе начинали сожалѣть о французскомъ владычествѣ, еще недавно такъ ненавистномъ. Нѣсколько разъ доходило дѣло до возстанія, и доводилось силою отражать нападеніе на арсеналъ. Въ столицѣ скопилось наконецъ множество голодныхъ и полуодѣтыхъ солдатъ, непрерывно грозившихъ мятежомъ. Этотъ запасъ ненависти, скопившійся противъ Австріи и не въ одномъ только Піемонтѣ, но и вообще во всей сѣверной Италіи, долженъ былъ побудить ее къ большей умѣренности. Представлялась ей удобная минута упрочить свое положеніе: судьбы Франціи приняли другой оборотъ, и Наполеонъ сталъ въ ея главѣ. Желая обезопасить себя извнѣ, для того чтобъ обратить свое вниманіе на внутреннее преобразование страны, онъ предлагалъ Австріи весьма выгодныя условія для мира. Австрія не умѣла или не хотѣла этимъ воспользоваться. Вскорѣ она должна была раскаяться въ этомъ: непрерывный рядъ пораженій принудилъ ее не только отказаться отъ несправедливыхъ притязаній на Піемонтъ, но разрушилъ почти совершенно ея собственное владычество за Альпами.

Е. Феокистовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АНГЛІЙСКОЙ ИНДІИ

Во второй половинѣ іюня пришло въ Европу неожиданное извѣстіе объ индійскомъ возстаніи. Изумленіе было всеобщее. Общественное мнѣніе не было приготовлено къ такому событію, ни въ Англіи, ни даже на континентѣ. И естественно. Система управленія Индійской компаніи увѣнчалась въ послѣднія времена неизмовѣрными, громадными успѣхами. Со времени эманципаціоннаго билля, 26 іюля 1834 г., (1) калькуттское правительство рѣшительно вступило на путь реформъ, улучшеній, полезныхъ предпріятій. Многое было сдѣлано, многому положено начало, еще болѣе предполагено для развитія производительности и благосостоянія страны. Желѣзныя дороги, пароходство, каналы, телеграфы явились на почвѣ Индіи. Предприняты были важныя административныя мѣры для утвержденія порядка и безопасности лицъ и имуществъ, основаны школы, дарована свобода тисненія. Если двадцатилѣтняя дѣятельность въ этомъ управленіи и не достигла во многомъ значительныхъ результатовъ, за то возбуждены были блестящія надежды на будущее. Поразительнѣе были другаго рода успѣхи. Въ продолженіе восьмилѣтняго только управленія лорда Дальгаузи, 36 тысячъ квадратныхъ миль новыхъ земель присоединены были къ владѣ-

(1) Билль, которымъ уничтожена была монополія компаніи и опредѣлено, что компанія должна прекратить всѣ торговыя операціи, и что всѣ подданные англійскіе могутъ торговать свободно со всеми странами отъ мыса Доброй Надежды.

ніямъ компаніи. Система, основанная на нравственномъ и физическомъ превосходствѣ англо-саксонскаго племени надъ Азіатцами, система, управляющая страной, равную Европѣ и заселенную 180 милліонами жителей, посредствомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ Англичанъ и 300-тысячной арміи туземцевъ, — система самая искусственная и, повидимому, ненадежная, оправдывалась однакожъ съ каждымъ годомъ новыми успѣхами. Въ послѣднее время она обнаружила даже нѣкотораго рода магическую силу. Области, равныя европейскимъ государствамъ, пріобрѣтены были мирно, безъ пролитія капли крови, безъ выстрѣла, посредствомъ простаго губернаторскаго декрета. Такъ присоединенъ былъ Нагпуръ. «Ни одного солдата не было вновь послано въ эту область, говорить донесеніе лорда Дамльгаузи, отъ 28 февраля 1856 г. Англійская гражданская администрація введена была вездѣ. Одна часть войска причислена къ нашей арміи, другая распущена по выдачѣ жалованья. Нигдѣ не было слышно ни малѣйшаго ропоту, ни въ одномъ мѣстѣ не былъ нарушенъ общественный порядокъ.» Точно также присоединено было послѣднее пріобрѣтеніе компаніи, Аудское королевство. «Пространство территоріи, обнимающее около 25,000 квар. миль и 5,000,000 жителей, перешло изъ рукъ туземныхъ князей подъ власть англійской королевы безъ пролитія крови, почти безъ ропота. Мирный характеръ такой великой перемѣны и спокойствіе, господствующее въ странѣ съ этого времени, внушаютъ самыя радостныя чувства.» Въ виду такихъ огромныхъ результатовъ не возможно было не поддаться увлеченію. Казалось, одни только ипохондрики или люди теорій и отвлеченныхъ идей могли толковать о непрочности системы индійскаго управленія, объ опасностяхъ, угрожающихъ англійскому владычеству въ Индіи. Если и предвидѣлись опасности, то скорѣе извнѣ, не изнутри. Предсказанія сэръ-Томаса Монро, Чарльса Напира и всѣхъ тѣхъ, которые неоднократно повторяли, что компанія стоитъ на вулканѣ, и видѣли въ военной туземной силѣ зародышъ будущихъ катастрофъ, — предсказанія эти были забыты или потерялись, какъ голоса въ пустынѣ. Трудно было вѣрить этимъ пророкамъ въ виду завоеваній, совершенныхъ силами сипаевъ, въ виду ихъ кротости, вѣрности и примѣрной дисциплины, въ виду водворявшагося вездѣ порядка и благоустройства, въ виду наконецъ возрастающаго съ каждымъ годомъ значенія англійскаго имени въ Индіи и на Востокѣ вообще. Съ полною увѣренностью въ своей силѣ и превосходствѣ въ непоколебимости

своего господства, смотрѣла Англія въ будущность. Война съ Персією и предстоящая война съ Китаемъ открывала новыя, необозримыя перспективы. Уже *Times*, въ увлеченіи энтузіазма, видѣлъ въ будущемъ англійскихъ правителей въ Кантонѣ и Пекинѣ. Эту вѣру въ ненарушимость своего господства Англія сообщила отчасти и континенту. Если многіе и замѣчали отдаленныя тучи на индійскомъ горизонтѣ, то все-таки не предполагали, что буря должна скоро разразиться.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Европа узнала вдругъ о возстаніи сипаевъ. Въ скоромъ времени Индія представила страшное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. На пространствѣ трехсотъ миль исчезли, какъ бы сметенные ураганомъ, всѣ слѣды англійскаго владычества, всѣ власти, всѣ административныя учрежденія. Рушилась мгновенно система, созданная цѣлымъ столѣтіемъ, исчезла армія сипаевъ, которая служила ей основаніемъ, почва внутренней страны ушла изъ-подъ ногъ правительства; оно принуждено было сосредоточиться въ прибрежныхъ пунктахъ. Притомъ вслѣдъ за возстаніемъ сипаевъ поднялись всѣ противообщественныя элементы, насилу подавленные англійскимъ владычествомъ, и разнесли на всѣ стороны грабежь, кровопролитіе и всѣ ужасы варварства. Возстаніе распространилось по всей равнинѣ Ганга на подобіе враждебной силы природы, на подобіе огромнаго разлива воды, прорвавшаго всѣ плотины, проломившаго всѣ преграды. И среди этого общаго наводненія уцѣлѣло лишь нѣсколько возвышенныхъ пунктовъ, на огромномъ разстояніи другъ отъ друга нѣсколько, сказать можно, островковъ, на которыхъ маленькіе англійскіе гарнизоны истощали послѣднія усилія, чтобы защитить себя противъ враждебной стихіи, и выжидали подкрѣпленій изъ отдаленнаго отечества. Огромное пространство, отдѣляющее Европу отъ театра событій, невозможность частыхъ, точныхъ, послѣдовательныхъ извѣстій придавали кризису еще страшнѣйшіе размѣры, усугубляли его значеніе. Когда прошло первое впечатлѣніе изумленія и ужаса, общественное мнѣніе всей Европы стало искать причины этой неожиданной катастрофы, уяснять себѣ ея значеніе, предусматривать ея послѣдствія. Индійскія дѣла сдѣлались живѣйшимъ вопросомъ современности. Уже пять мѣсяцевъ, какъ взоры всей Европы обращены на Индію; всѣ журналы и періодическія изданія наполнены разсужденіями, описаніями, комментаріями возстанія сипаевъ; явилась цѣлая литература индійскаго вопроса. И естественно: это вопросъ первостепенной важности, вопросъ, свя-

занный съ самыми существенными интересами не только Англии, но и всей Европы. Одна лишь возможность потери для Англии ея индійскихъ владѣній уже открываетъ глазамъ публицистовъ обширное поле предположеній. Какія послѣдствія произведетъ въ общемъ ходу европейской политики отпаденіе Индіи? какое вліяніе обнаружитъ она на систему настоящихъ политическихъ отношеній Европы? будетъ ли въ состояніи Англія удержатъ прежнее свое значеніе? не сойдетъ ли на степень второстепенной державы? будетъ ли такая новая роль Англии полезна или вредна для Европы? какова будетъ судьба Индіи, освободившейся отъ власти компаніи? отпаденіе индійскихъ колоній не произведетъ ли внутреннихъ переворотовъ въ самой метрополіи, перемѣнъ въ ея конституціи? Съ другой стороны, можетъ ли Англія собственными своими силами, безъ чужой помощи, прекратить возстаніе сипаевъ, и возстановить прежнее свое владычество въ Индіи? Если удастся ей побѣдить инсургентовъ, то какъ сложится будущая организація индійскихъ владѣній? Должна ли Европа равнодушно смотрѣть на драму, происходящую на берегахъ Ганга? Должна ли Франція, союзница Англии, удержаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ или напротивъ вмѣшаться? въ какой мѣрѣ и въ чью пользу? Вотъ нѣкоторые вопросы, поднятые по поводу индійскаго возстанія. Съ ними соединяются другіе, не менѣе важные вопросы: экономическіе, религиозные, военные и пр.; все это разсматривается и обсуживается съ различныхъ точекъ зрѣнія, во всѣхъ органахъ европейской гласности и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

Ясно, что по прекращеніи возстанія не можетъ быть рѣчи о простомъ лишь возстановленіи *statu quo ante*. Всѣ согласны въ томъ, что на мѣсто прежней системы надобно поставить что-нибудь другое. Какова будетъ эта новая система, каково будетъ новое устройство индійскихъ колоній—вотъ вопросъ, которымъ въ скоромъ времени должна будетъ заняться Англія. Индійскія дѣла сдѣлаются главнымъ предметомъ совѣщаній въ имѣющихъ открыться засѣданіяхъ парламента; услышимъ сужденія знаменитыхъ ораторовъ, людей военныхъ и политическихъ, людей свѣдущихъ. Интересъ индійскаго вопроса перенесется съ береговъ Ганга въ Вестминстеръ.

Будущая организація Индіи есть предметъ достойный вниманія всякаго мыслящаго человѣка, всякаго, кто принимаетъ живое участіе въ судьбахъ человѣчества, потому что предметъ этотъ находится въ связи съ одною изъ важнѣйшихъ основныхъ задачъ политики.

Уже нѣсколько лѣтъ въ жизни Англiи происходитъ внутреннiй; можно сказать, психологическiй процессъ необыкновенной важности. Подъ покровомъ внѣшнихъ событiй, таится внутреннiй моментъ глубокаго содержания. Англiя есть государство, которое предоставляетъ каждой частичкѣ общественнаго организма свободное движенiе и самостоятельное развитiе; Англiя есть классическая земля самоуправленiя (selfgovernment). Между тѣмъ, съ нѣкотораго времени, всѣ внѣшнiя и внутреннiя событiя ея жизни, по видимому, влекутъ ее въ противоположную сторону. Внутри возрастаетъ постоянно демократическiй, уравнивающiй (nivelateur), централизирующiй элементъ; съ каждымъ днемъ усиливается влiяние людей теорiи, людей, прилагающихъ отвлеченныя однообразныя начала къ политическимъ отношенiямъ. Извнѣ уроки послѣдней войны, общее положенiе дѣлъ въ Европѣ, особенное отношенiе къ континентальнымъ государствамъ, по видимому, постоянно усиливаютъ въ Англiи потребность держать въ значительномъ количествѣ постоянныя военныя силы, готовыя на всякiй случай, указывая на необходимость усиленiя средствъ правительства и расширенiя его круга дѣйствiй. Однимъ словомъ, и внутреннiя и внѣшнiя событiя ведутъ по видимому Англiю къ сближенiю съ системою, преобладающею на континентѣ. Индiйское возстанiе побудитъ ее, какъ думаютъ, ступить новый шагъ въ этомъ направленiи. Полагаютъ, что по прекращенiи мятежа правительство должно будетъ взять въ свои руки непосредственное управленiе остъ-индскими колонiями. Значитъ, Англiи предстоитъ воспроизвести въ огромныхъ размѣрахъ роль, которую играетъ Францiя въ Алжирiи, рѣшиться на военную оккупацию, измѣнить, можетъ быть, систему наборовъ, предоставить государству огромныя средства влiянiя и новую силу, словомъ прибѣгнуть къ мѣрамъ самымъ антипатическимъ, самымъ противоположнымъ ея природѣ. Индiйское возстанiе, по видимому, послужитъ только къ новой побѣдѣ системы централизацiи и государственной монополiи. Но рождается вопросъ: суждено ли Англiи рѣшительно принять это направленiе и отступить отъ началъ, которымъ она обязана своимъ величiемъ, своимъ значенiемъ и положенiемъ въ мiрѣ? Будетъ ли новая организацiя Индii окончательнымъ торжествомъ системы централизацiи, или только переходнымъ, вынужденнымъ состоянiемъ, приготовленнымъ къ новому виду самоуправленiя? Для того ли уничтожена монополiя компанii, чтобы поставить на ея мѣсто монополiю государства? Будетъ ли Англiя въ состоянiи удержать Индiю тѣми

средствами, которыми Франція удерживаетъ Алжирію? Найдеть ли она у себя эти средства и сумѣетъ ли употребить ихъ въ дѣло? Обобщимъ вопросъ: выдержать ли старыя жизненные начала Англіи натискъ новыхъ централизирующихъ, уравнивающихъ стремленій? Натискъ этихъ стремленій составляетъ ли симптомъ неизбежнаго будущаго переворота англійскаго устройства въ смыслѣ централизаціи, или это есть только временный кризисъ, изъ котораго начало самоуправленія, личной, или общественной инициативы, свободнаго движенія всѣхъ членовъ народнаго организма, выйдетъ побѣдоносно и съ новою силою? Такіе вопросы возникаютъ необходимо при видѣ современнаго состоянія Англіи вообще и индійскаго кризиса въ особенности. Отвѣтъ принадлежитъ будущему; мы можемъ сдѣлать лишь нѣсколько предположеній въ томъ или другомъ смыслѣ, основываясь на данныхъ прошедшаго и соображеніяхъ настоящаго. Полагаемъ, что для объясненія дѣла не бесполезно будетъ представить бѣглое обзорѣніе литературы индійскаго вопроса и познакомить читателей нашего журнала съ мнѣніями главныхъ органовъ гласности, и съ содержаніемъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій и брошюръ, появившихся на Западѣ, по поводу индійскаго возстанія. Это будетъ нѣкотораго рода приготовленіемъ къ чтенію о предстоящихъ совѣщаніяхъ парламента. Особенно интересно движеніе общественнаго мнѣнія во Франціи, возбужденное индійскими дѣлами. Что касается до Англіи, то она, какъ сторона, не можетъ еще покажѣть быть судьей въ этомъ дѣлѣ; мы не найдемъ въ англійскихъ журналахъ спокойнаго, холоднаго, безпристрастнаго сужденія объ индійскомъ вопросѣ; его и невозможно требовать отъ нихъ — всѣ журналы говорятъ языкомъ страсти, всѣ находятся еще подъ вліяніемъ чувствъ, вызванныхъ ужасами возстанія сипаевъ. Возстаніе это и страшныя жестокости, совершенныя сипаами, нанесли глубокое оскорбленіе англійской гордости, самому щекотливому чувству этой націи. Англійскіе журналы исполнены воззваніями къ мести; ища виновника несчастія, они слагаютъ по очереди всю вину то на компанію, то на министерство, то на губернатора, то на библейскія общества и религиозную пропаганду. Франція, находящаяся въ положеніи зрителя и не замѣшанная въ дѣло, можетъ высказать безпристрастное сужденіе. Отношеніе, въ какомъ находится она къ Англіи со временъ послѣдней войны, дѣлаетъ это сужденіе еще болѣе любопытнымъ и придаетъ ему еще болѣе важности.

I.

Обозрѣніе литературы остъ-индскаго вопроса во Франціи мы начинаемъ книгою Вальбезена: *Анличане и Индія (Les Anglais et l'Inde, par E. de Valbesen)*. Сочиненіе это, подъ псевдонимомъ майора Фридолина, было первоначально помѣщено отдѣльными главами въ *Revue des deux Mondes*. Въ послѣдствіи оно явилось особою книгою съ незначительными измѣненіями и дополненіями, и вотъ теперъ дождалось третьяго изданія. Успѣхъ этотъ вполне заслуженный. Сочиненіе Вальбезена представляетъ намъ живую картину внутренняго состоянія англійской Индіи въ послѣдніе годы. Авторъ былъ долгое время французскимъ консуломъ въ Калькуттѣ, и хорошо знакомъ со всѣми отношеніями страны. Онъ отличается замѣчательнымъ безпристрастіемъ, въ сужденіяхъ своихъ обнаруживаетъ тонкую наблюдательность, выводы свои старается основывать на неоспоримыхъ фактахъ и достовѣрныхъ источникахъ. Легкая, пріятная форма описанія, оживленный разказъ, не лишенный мѣстами юмористическаго оттѣнка, дѣлаютъ книгу Вальбезена чрезвычайно привлекательною для чтенія и способствуютъ ея успѣху. Что касается до направленія, то, какъ увидимъ, сочиненіе Вальбезена написано въ консервативномъ духѣ. Авторъ рѣшительно объявляетъ себя противъ всякихъ реформъ, основанныхъ на одной лишь теоріи. Онъ признаетъ необходимость реформъ, но требуетъ, чтобы то были реформы постепенныя, частныя, основанныя на почвѣ существующихъ отношеній; онъ врагъ общихъ мѣръ и отвлеченныхъ началъ. Сочиненіе Вальбезена состоитъ изъ семи главъ, въ которыхъ поочереди описываются гражданское устройство Индіи, военныя силы, народное воспитаніе, преступленія и судебное устройство, производительность страны и движеніе торговли, финансы и публичныя работы; наконецъ седьмая и послѣдняя содержитъ въ себѣ уже болѣе беллетристическій очеркъ главныхъ городовъ Индіи. Книга Вальбезена чрезвычайно полезна для оцѣнки настоящаго индійскаго возстанія; она представляетъ намъ данныя, по которымъ мы можемъ судить и о значеніи теперешняго кризиса, и о будущей судьбѣ страны. Хотя Вальбезенъ написалъ свое сочиненіе еще за два года до возстанія сипаевъ, хотя онъ въ новомъ изданіи своей книги вовсе не касается послѣднихъ

событій, однако тѣмъ не менѣе его очерки даютъ намъ возможность судить о томъ, изъ какихъ элементовъ сложилось возстаніе, объясняютъ намъ его причину, характеръ, значеніе и указываютъ возможные послѣдствія. Съ другой стороны представленное имъ безпристрастное описаніе учрежденій страны можетъ послужить лучшимъ матеріаломъ къ уясненію вопроса о будущемъ устройствѣ Индіи. Представляемъ здѣсь въ возможной подробности содержаніе этой интересной книги. Въ изложеніи нашемъ мы будемъ слѣдовать за авторомъ, прибавляя изъ другихъ источниковъ все, что считаемъ необходимымъ для поясненія дѣла.

«Индія есть страна, которая приноситъ около 30 милліоновъ фунтовъ годового дохода; содержитъ 400-тысячную армію, въ томъ числѣ 40,000 Европейцевъ; платитъ жалованіе десяти тысячамъ англійскихъ джентльменовъ, изъ которыхъ каждый получаетъ среднимъ числомъ 1000 фунтовъ.»

Такъ, немногими словами, опредѣляетъ одинъ англійскій писатель огромныя владѣнія, приобретенныя простою купеческою компаніей. Въ этомъ явленіи огромнаго государства, созданнаго купцами, лежитъ великое начало, великій историческій законъ. Оно показываетъ, какую пользу приноситъ государство само себѣ, если уважаетъ свободу дѣйствія своихъ гражданъ, предоставляетъ многое ихъ личной инициативѣ, и не вмѣшивается въ предпріятія всѣхъ и каждого. Индія есть именно плодъ такой личной инициативы; всѣмъ своимъ величіемъ, всѣмъ своимъ могуществомъ обязана Остъ-Индская компанія той свободѣ дѣйствія, которую предоставляетъ правительство англійское частнымъ людямъ. Никогда компанія не дошла бы до такихъ блестящихъ результатовъ, еслибы непосредственно зависѣла отъ метрополи. Примѣръ Франціи (въ той же Индіи) показываетъ очевидно, какъ неблагоприятна развитію колоніи система централизаціи.

Говорятъ обыкновенно, что Остъ-Индія никакъ не можетъ служить примѣромъ въ пользу колонизаціоннаго духа Англии, что Англичане не основади ничего прочнаго въ Индіи, что послѣ нихъ не осталось бы никакихъ слѣдовъ, еслибы вдругъ рушилось ихъ владычество. Конечно, нельзя сравнивать Индію съ Америкой, Австраліею, мысомъ Доброй Надежды и пр.; колоніи эти образовались иначе; но если примемъ въ уваженіе различіе исходной точки тѣхъ и другихъ колоній, если вспомнимъ, что англійская Остъ-Индія образовалась не вследствие свободной эмиграціи, что

это есть частное предпріятіе, которое начато и ведено было привилегированнымъ обществомъ, съ исключеніемъ всѣхъ прочіихъ подобнаго рода предпріятій,—и если послѣ этого сообразимъ, что это частное предпріятіе, собственными своими силами и средствами, создало огромное государство, почти равное Европѣ: то должны будемъ согласиться, что въ этомъ явленіи самымъ разительнымъ образомъ оправдывается основной принципъ всякой колонизаціи, основное условіе ея успѣха, именно самостоятельность колоній; возможная независимость ихъ отъ центрального управления. Только такую свободу дѣйствія и независимостію отъ метрополии объясняется тотъ непрерывный рядъ успѣховъ, завоеваній и пріобрѣтеній, который представляетъ намъ исторія Остъ-Индской компаніи. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы все въ этой исторіи было хорошо и удовлетворительно, чтобы тутъ не было всякаго рода злоупотребленій, порожденныхъ корыстью и пыломъ частныхъ интересовъ; но все это прекращается само собою, по мѣрѣ ограниченія деспотизма Компаніи, который портитъ и людей и учрежденія, по мѣрѣ уничтоженія ея привилегій, которыя давали ей характеръ исключительности и монополіи, и по мѣрѣ развитія въ странѣ условій гражданственности и свободнаго проавленія жизни.

Извѣстно, какъ скромно было начало этой компаніи. Это была торговая монополія, дарованная привилегированному обществу. Учрежденіе Компаніи произошло такимъ же точно образомъ, какимъ въ наше время правительства уступаютъ постройку желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ. Подобныя общества обыкновенно пользуются совершенною свободою дѣйствія въ своемъ кругу, имѣютъ свою собственную независимую организацію, свои статуты и законы; правительство предоставляетъ имъ свободу внутренняго управления; иногда только оно контролируетъ дѣйствія общества посредствомъ своего комиссара. Остъ-Индская компанія долгое время ничѣмъ не отличалась отъ такихъ обществъ. Она была основана для торговыхъ цѣлей, имѣла свои факторіи и конторы; въ Англіи состояла изъ собранія акціонеровъ, которые участвовали въ составленіи капитала общества, и изъ соѣта директоровъ, которые управляли дѣлами Компаніи, руководили торговыми оборотами и были избираемы акціонерами. Но мало-по-малу, вслѣдствіе особеннаго своего положенія въ Индіи, Компанія приняла другой характеръ. Раздоры и войны мѣстныхъ индійскихъ властителей, соперничество другихъ европейскихъ народовъ, были причиною того, что Компанія изъ купеческой,

торговой, сдѣлалась военной, завоевательной, изъ частной—политической. Для увеличенія своихъ доходовъ, Компанія стала стремиться къ приобрѣтенію территоріи; завоевательная система заняла мѣсто учреждений, основанныхъ для торговыхъ цѣлей. Честолюбіе и таланты людей, управлявшихъ дѣлами Компаніи, способствовали отчасти этому новому направленію. Счастіе постоянно сопровождало всѣ предпріятія Компаніи; пользуясь свободою, предоставленною ей правительствомъ, она устремляла всѣ свои усилія къ этой цѣли, шла отъ завоеванія къ завоеванію, отъ побѣды къ побѣдѣ. Надобно признать впрочемъ, что самая необходимость указывала Компаніи этотъ путь. Для охраненія и защиты факторій, конторъ и другихъ торговыхъ учреждений, нужно было построить укрѣпленія, воздвигнуть форты. Построивъ фортъ, слѣдовало завладѣть городомъ, потому что городъ могъ произвести возстаніе, жители могли осадить фортъ. Овладѣвъ городомъ, нужно было занять окрестности его, потому что окрестности доставляли средства продовольствія городу. Потомъ необходимо было покорить сосѣднее племя или сосѣдняго князя, который могъ производить набѣги на эти окрестности. Еще опаснѣе были набѣги горныхъ жителей: слѣдовало подчинить своей власти горцевъ для того, чтобъ обезпечить равнину. Для безопасности Калькутты нужно было владѣть всею Бенгалією; для того, чтобъ спокойно владѣть Бенгалією, полезно было имѣть въ своихъ рукахъ Аудское королевство и т. д. Одно завоеваніе необходимо влекло за собою другое. Въ непродолжительное время Компанія соединила въ своихъ рукахъ огромныя территоріи. Послѣ этого правительство не могло уже долѣе чуждаться ея предпріятій. Компанія приняла политическій характеръ, основала цѣлое государство; она располагала значительными военными силами, сношенія ея съ правительствомъ дѣлались все чаще и обширнѣе, интересы ея все болѣе и болѣе приходили въ связь съ общими интересами метрополіи; десятки тысячъ англійскихъ гражданъ принимали участіе въ дѣлахъ Компаніи то своими капиталами, то военною или гражданскою службою; словомъ, Компанія вышла изъ предѣловъ частнаго предпріятія, и оказалась потребность надзора, контроля со стороны правительства. Тогда-то, въ 1784, вслѣдствіе билля, представленнаго Питтомъ (India bill), учреждено было контрольное бюро (board of control), которому порученъ былъ верховный надзоръ надъ дѣлами Остъ-Индской компаніи. Учрежденіе это, соответствовавшее сначала роли, которую играютъ при обществахъ, со-

ставленныхъ на акціяхъ, комиссары правительства, тѣсно связали владѣнія Компаніи съ интересами метрополіи. Предоставляя попрежнему Компаніи свободу внутренняго управленія, правительство приняло въ свои руки, черезъ посредство контрольнаго бюро, верховное руководство всею внѣшнею и внутреннею ея политикою. Съ тѣхъ поръ контрольное бюро приобретаетъ все болѣе и болѣе вліянія на дѣла Компаніи; при каждомъ возобновленіи привилегіи она теряетъ какое-нибудь изъ своихъ преимуществъ; торговая монополія уничтожается постепенно, и мало-по-малу исчезаетъ характеръ частнаго предпріятія. Въ 1793 году, въ первый разъ нѣсколько ограничивается монополія: дозволяется каждому англійскому гражданину свободная торговля съ Индіею, но посредствомъ кораблей, принадлежащихъ Компаніи. Въ 1814 году, за Компаніею оставляется (на тридцать лѣтъ) одна лишь монополія китайской торговли; торговля съ Индіею объявлена свободною, хотя все еще съ нѣкоторыми ограниченіями. Наконецъ, въ 1834, уничтожается окончательно всякая монополія, провозглашается свобода торговли безъ всякихъ ограниченій; каждый англійскій гражданинъ получаетъ право селиться и покупать земли во владѣніяхъ Компаніи. Съ марта 1848 г. всѣ флаги и всякіе товары получаютъ свободный доступъ ко всѣмъ гаванямъ Остъ-Индіи на условіяхъ совершеннаго равенства. Со времени уничтоженія монополіи, Компанія окончательно теряетъ всякій коммерческій характеръ; она не производитъ болѣе никакихъ торговыхъ операцій, и занимается только управленіемъ Остъ-Индіи. Это уже не коммерческая, а такъ, сказать правительственная компанія. Вся движимая и недвижимая собственность ея, факторіи, крѣпости, огромныя территоріи, отошла къ государству; Компаніи предоставлены доходы страны и ввѣрено управленіе ею. Говоря юридическимъ терминомъ, Остъ-Индія остается въ рукахъ Компаніи, какъ фидеикомиссъ правительства. Доходы ея употребляются Компаніею на содержаніе арміи, полиціи и всѣхъ другихъ учрежденій, на публичныя работы, на уплату процентовъ долга и пр.; изъ нихъ же прежде всего уплачивается ежегодно дивидендъ акціонерамъ Компаніи (1). Такимъ образомъ въ настоящее время Компанія есть только особенная форма колоніальнаго управленія, форма, которою охраняется

(1) Этотъ обезпеченный доходами Индіи дивидендъ опредѣленъ развѣ навсегда въ $10\frac{1}{2}\%$.

начало self-government и которую можно бы назвать управленіемъ на акціяхъ. Акціонеры Компаніи обратились въ пансіонеровъ Англо-индійскаго государства; они получаютъ ежегодную ренту, какъ проценты отъ внесеннаго ими нѣкогда капитала.

Мы сочли за нужное сказать эти немногія слова о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи Остъ-Индской компаніи, потому что Вальбезенъ въ своемъ сочиненіи не занимается ея прошедшимъ, а прямо приступаетъ къ изображенію настоящаго положенія дѣлъ (т. е. за два года до начала возстанія). «Часто уже было говорено о томъ, какимъ образомъ возникло и сложилось англійское владычество въ Индіи; пора разсмотрѣть какими средствами и при какихъ условіяхъ держится это владычество.» Этими словами авторъ обозначаетъ задачу своей книги. Онъ начинаетъ изображеніемъ гражданскаго устройства Остъ-Индіи.

Одна изъ отличительныхъ чертъ всѣхъ англійскихъ учреждений состоитъ въ томъ, что въ нихъ сохраняются тщательно формы давноинувшаго прошедшаго. Формы продолжаютъ существовать ненарушимо, между тѣмъ какъ содержаніе и значеніе ихъ давно уже видоизмѣнились. Другая характеристическая особенность заключается въ томъ, что въ англійскихъ учрежденіяхъ мы не видимъ цѣльныхъ, систематическихъ созданій, возникшихъ вдругъ, построенныхъ по теоріи, по однообразнымъ началамъ, не видимъ учреждений, сдѣланныхъ, такъ-сказать, изъ одной штуки; почти каждое англійское учрежденіе есть продуктъ сложный, продуктъ времени, въ созданіи котораго участвуютъ многія поколѣнія; каждое поколѣніе, каждая эпоха прибавляетъ что-нибудь новое къ старому зданію. Реформы, производимыя время отъ времени въ учрежденіяхъ, не уничтожаютъ одна другую, но, такъ-сказать, нарастаютъ другъ на друга. Какъ геологъ въ земной почвѣ, такъ точно историкъ можетъ открыть въ англійскихъ учрежденіяхъ разные слои, принадлежащіе къ различнымъ эпохамъ. Объ эти характеристическія черты мы встрѣчаемъ въ устройствѣ остъ-индскихъ колоній: съ одной стороны, старыя формы, которыхъ значеніе измѣнилось съ теченіемъ времени, съ другой—сложность и постепенное образованіе.

Власти, которымъ принадлежитъ управленіе Остъ-Индіею, суть слѣдующія: а) въ Англии — Компанія, представляемая совѣтомъ директоровъ, и бюро или комитетъ контроля (*board of control*). б) въ Индіи — генераль-губернаторъ, губернаторы отдѣльныхъ президентствъ, вмѣстѣ съ цѣлою административною іерархіей (*civil*

service). Компания, которую Индусы представляют себѣ въ видѣ богатой пожилой дамы, живущей за моремъ, состоитъ 1) изъ общаго собранія акціонеровъ (*court of proprietors*) и 2) изъ совѣта или палаты директоровъ (*court of directors*). Чтобы имѣть право голоса въ общемъ собраніи акціонеровъ, нужно имѣть на 1000 ф. стерл. акцій. 3,000 ф. с. даютъ право на два голоса, 6,000 ф. с. на три, 10,000 на четыре. Женщины и иностранцы пользуются правомъ голоса; вообще для полученія этого права требуются одни лишь финансовыя условія. По послѣднимъ счисленіямъ находилось 1,750 акціонеровъ, имѣющихъ право голоса, а голосовъ всѣхъ считалось 2,600. Собраніе акціонеровъ происходитъ каждые три мѣсяца, не считая чрезвычайныхъ случаевъ. Отъ этого собранія зависитъ выборъ директоровъ, которые непосредственно представляютъ собою Компанію и управляютъ ея дѣлами съ обязанностью отчета. По хартіи 1833 г., которая оставалась въ силѣ до 1853 г., совѣтъ директоровъ состоялъ изъ тридцати членовъ, избираемыхъ между акціонерами Компаніи. Въ директоры могъ быть избранъ всякій, кто имѣлъ на 2000 ф. с. акцій и по крайней мѣрѣ два года прожилъ въ Англии. Жалованье директоровъ, по этой хартіи, было очень скромно — 300 ф. с. въ годъ; но за то палата директоровъ пользовалась чрезвычайно важнымъ преимуществомъ, именно такъ-называемымъ правомъ патроната въ Индіи, то-есть правомъ замѣщать всѣ военныя и гражданскія должности. Директоры пользовались этою прерогативою не сообща, но каждый изъ нихъ по очереди раздавалъ вакантныя мѣста гражданскимъ чиновникамъ и патенты офицерамъ остъ-индской арміи. Среднимъ числомъ каждый директоръ имѣлъ ежегодно въ своемъ распоряженіи двѣнадцать военныхъ патентовъ и одну гражданскую должность. Случалось, что директоры пользовались правомъ патроната, какъ источникомъ дохода, и продавали мѣста, которыми располагали; но надобно прибавить, что это случалось очень рѣдко. Вальбезень называетъ право патроната самымъ красивымъ цвѣткомъ въ директоріальномъ вѣнцѣ,—и дѣйствительно въ этомъ правѣ заключалась большая доля силы и значенія Компаніи. Высшее городское сословіе, изъ котораго состоитъ Компанія, сдерживало, преимущественно посредствомъ права патроната, предоставленнаго директорамъ, излишнее вліяніе аристократіи. Директоры располагали огромнымъ количествомъ чрезвычайно прибыльныхъ должностей: аристократія смотрѣла на эти должности, какъ на самое лучшее средство пристроить судьбу своихъ младшихъ сыновей;

она нуждалась для этого въ благоволеніи Компаніи. Желая доставить выгодныя мѣста въ Индіи младшимъ сыновьямъ, аристократія старалась постоянно удерживать Компанію въ добромъ расположеніи къ себѣ, и потому принуждена была въ свою очередь дѣлать уступки въ пользу средняго сословія вообще. Съ другой стороны, право патроната, оставленное въ рукахъ директоровъ Компаніи, давало возможность людямъ незначительнаго происхожденія, людямъ средняго сословія, достигать высокихъ должностей, славы и значенія, и препятствовало тому, чтобы всѣ высшія должности обратились въ монополію аристократическихъ родовъ. Военная и гражданская служба въ Индіи была лучшею школою, лучшимъ поприщемъ, на которомъ талантливые, но незнатные и бѣдные люди добивались высокихъ должностей и громкаго имени. Понятно, что директоры раздавали вакантныя мѣста по преимуществу людямъ своего, то-есть средняго сословія. Безъ этого учрежденія, героями нынѣшней войны были бы вѣроятно не Гевлокъ и Вильсонъ, люди незначительнаго происхожденія, а какой-нибудь Кавендишъ или Говардъ (1). При каждомъ возобновленіи привилегій Компаніи поднималась буря въ парламентъ, завязывалась борьба, въ которой обыкновенно Компанія лишалась какого-нибудь изъ своихъ преимуществъ. Но отказываясь отъ многихъ правъ своихъ, Компанія упорно защищала право патроната. Самые либеральные люди въ парламентъ поддерживали ее въ этомъ отношеніи, и дѣйствительно до самаго 1853 г. она удержала въ нерушимости право патроната. Причина ясна. Предоставить министерству раздачу огромнаго количества должностей въ Индіи, казалось опаснымъ каждому истинному другу свободы. Это значило давать въ руки министерства средства огромнаго вліянія, могучее оружіе противъ независимости парламента. Лучше ужь, казалось, оставить назначеніе на военныя и гражданскія должности въ Индіи за директоріей, которая по своему устройству была независима отъ министерства и парламента.

Новая хартія 1853 года значительно измѣнила устройство совѣта директоровъ, ограничивъ его силу и объемъ его власти. Число директоровъ уменьшено изъ 30 на 18, изъ которыхъ только 12 избираются акціонерами, остальные 6 назначаются

(1) Эти имена употребляютъ Англичане для обозначенія древности рода.

правительствомъ ; въ директоры можетъ быть избранъ только тотъ , кто провелъ десять лѣтъ въ Индіи , на службѣ правительству или Компаніи ; жалованье директоровъ возвышено отъ 300 до 500 ф. стерл. ; наконецъ право назначать на гражданскія должности отнято у нихъ , и опредѣлено , чтобы всѣ эти должности замѣщались посредствомъ публичнаго конкурса ; за директорами оставлено только право раздавать офицерскіе патенты . Такимъ образомъ хартія 1853 г. въ первый разъ ограничиваетъ право патроната ; нѣтъ сомнѣнія , что распоряженія ея значительно подрываютъ власть и значеніе директоріи . Вальбезенъ вовсе не симпатизируетъ этой новой мѣрѣ . Онъ сомнѣвается въ хорошихъ результатахъ отъ ней . По его мнѣнію Индія требуетъ чиновниковъ спеціальныхъ , опытныхъ , съ ранней юности привыкшихъ къ туземнымъ обычаямъ , образу жизни , предразсудкамъ и языку , воспитанныхъ среди туземцевъ и знакомыхъ со всѣми мѣстными условіями и обстоятельствами страны . Эта цѣль достигалась прежде тѣмъ , что палата директоровъ давала мѣсто обыкновенно молодымъ людямъ , которыхъ отцы и дѣды провели цѣлую жизнь на службѣ въ Индіи , и такимъ образомъ опытность и знакомство съ подробностями службы , съ характеромъ страны , передавались по наслѣдству . Новая система , по мнѣнію Вальбезена , имѣетъ одинъ лишь внѣшній видъ либерализма ; съ практической стороны она не выдерживаетъ критики . Какая программа конкурснаго экзамена , спрашиваетъ онъ , въ состояніи замѣнить всѣ эти преданія чести , опытности , преданности общему дѣлу , которыя поддерживались наслѣдственной службою ? Не рѣшаемъ , въ какой мѣрѣ основательно въ настоящемъ случаѣ это мнѣніе .

Совѣтъ директоровъ , повидимому , сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все управленіе Остѣ Индіею ; всѣ распоряженія , всѣ правительственныя мѣры , касающіяся Индіи , издаются отъ его имени ; армія , полиція , финансы , публичныя работы , даже дѣла войны и мира , трактаты , все это находится въ его вѣдомствѣ . Но въ дѣйствительности власть эта есть болѣе формальная , чѣмъ существенная . Надъ совѣтомъ директоровъ возвышается надзоръ короны и парламента , представляемыхъ комитетомъ , или бюро контроля (board of control) . Контрольное бюро имѣетъ верховный надзоръ надъ всѣми мѣрами и постановленіями палаты директоровъ ; президентъ его принадлежитъ къ числу министровъ и засѣдаетъ въ ихъ совѣтѣ . Сношенія палаты директоровъ съ контрольнымъ бюро происходятъ слѣдующимъ образомъ : Каждая сколько-

нибудь важная правительственная мѣра, принимаемая директорами, предлагается на разсмотрѣніе контрольнаго бюро, которое или утверждаетъ, или отвергаетъ ее. Въ послѣднемъ случаѣ двухнедѣльный срокъ предоставляется палатѣ директоро́въ для приготовления объясненій (ремонстрацій), послѣ чего контрольное бюро произноситъ окончательное рѣшеніе, и совѣтъ директоро́въ посылаетъ его въ Индію для исполненія, хотя бы это рѣшеніе и было совершенно противоположно его видамъ. Такимъ образомъ контрольное бюро, а черезъ его посредство парламентъ и министерство, имѣютъ рѣшительное вліяніе на всѣ важные вопросы внутренней и вѣншей политики Остѣ-Индіи. Въ случаѣ столкновенія между контрольнымъ бюро и совѣтомъ директоро́въ, особенно во всѣхъ вопросахъ о компетенціи того и другаго, дѣло предлагается на рѣшеніе верховнаго суда, *Queen's Bench*. Власть совѣта директоро́въ въ Индіи подвержена еще нѣкоторымъ другимъ ограниченіямъ; именно, высшія судебныя мѣста въ Калькуттѣ, Мадрасѣ и Бомбеѣ не зависятъ отъ Компаніи; Компанія не можетъ содержать болѣе 20,000 европейскаго войска (королевскія войска въ Индіи содержатся правительствомъ); назначеніе главнокомандующаго всѣми военными силами въ Индіи зависитъ отъ короны и пр. За то совѣту директоро́въ принадлежитъ право назначать и отрѣзать отъ должности генераль-губернатора всѣхъ Остѣ-Индскихъ владѣній.

Генераль-губернаторъ, вмѣстѣ съ совѣтомъ пяти членовъ, составляетъ мѣстное правительство въ Индіи. Сановнику этому не достаетъ только королевскаго титула; нѣтъ въ Европѣ государя, который управлялъ бы болѣе обширнымъ государствомъ и повелѣвалъ бы большому числу подданныхъ. Все, что только можетъ удовлетворить честолюбію, инстинкту власти, благородному желанію дѣйствовать на пользу человѣчеству, все это, говоритъ Вальбезенъ, соединяется въ этой должности. Не будучи царемъ самъ, генераль-губернаторъ имѣетъ царей въ числѣ своихъ подданныхъ; король дельгійскій, навабъ бенгалскій, раджа тингорскій, навабъ карнатикскій, раджа бенаресскій, малабарскій и многіе другіе повинуются ему и получаютъ изъ его рукъ огромное жалованіе — 1,486,284 ф. стерл., — которое платитъ имъ Компанія. Чрезвычайная отвѣтственность лежитъ на генераль-губернаторѣ; но за то, говоритъ авторъ, «какое благородное поприще, какое широкое поле открываетъ для всѣхъ человѣческихъ способностей и талантовъ, это огромное государство, въ которомъ цивилизація XIX столѣтія безпре-

станно приходить въ столкновение съ варварствомъ первобытнаго времени, и котораго правитель, окончивъ изслѣдованіе какого-нибудь тонкаго вопроса политической экономіи, опредѣливъ направленіе той или другой желѣзной дороги или электрическаго телеграфа, долженъ послѣ этого на томъ же столѣ, на новомъ листѣ бумаги, начертывать планъ кодекса законовъ для народовъ болѣе грубыхъ нежели Галлы во времена друидовъ, издавать декреты о прекращеніи дѣтубійства, сдѣлавшагося постояннымъ обычаемъ, и человѣческихъ жертвъ.» Английская Индія можетъ указать на губернаторовъ, которые достойнымъ образомъ понимали высокую задачу этой должности. Довольно вспомнить только имена лорда Бентинка и Дальгаузи.

Власть генералъ-губернатора, которую онъ пользуется по порученію палаты директоровъ, измѣряется лишь его личною отвѣтственностію. Онъ можетъ принимать всякія мѣры, которыя считаетъ нужными, и отвѣчаетъ за нихъ лично; но обязанъ, подѣ страхомъ подвергнуться обвиненію въ государственной измѣнѣ, повиноваться всѣмъ приказаніямъ палаты директоровъ. Губернаторъ управляетъ владѣніями Компаніи при содѣйствіи верховнаго совѣта Индіи; совѣтъ этотъ не пользуется въ отношеніи къ губернатору правомъ *velo*, а имѣетъ одно совѣщательное значеніе. Онъ состоитъ изъ трехъ членовъ: одного военнаго и двухъ гражданскихъ. Главнокомандующій всѣми военными силами Остъ-Индіи есть по праву четвертый, чрезвычайный членъ совѣта, но нѣтъяко эта должность соединяется съ губернаторствомъ. Когда обсуживаются какія-нибудь законодательныя мѣры, къ совѣту присоединяется еще пятый членъ, юристъ, который избирается между знаменитостями лондонской адвокатуры. Должность члена верховнаго совѣта, самая высшая въ англо-индійской іерархіи, дается на пять лѣтъ; каждый членъ получаетъ огромное жалованіе: 8000 ф. ст. (48,000 р. сер.)

Губернаторъ, окруженный совѣтомъ, рѣшаетъ всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики во всѣхъ трехъ президентствахъ (1); но въ каждомъ изъ нихъ есть свой губернаторъ и свой совѣтъ, состоящій изъ трехъ членовъ. Генералъ-губернаторъ управляетъ кромѣ того непосредственно такъ-называемыми *non regulated provinces*, то-есть новозавоеванными областями,

(1) Собственно четырехъ, Калькуттѣ, Бомбей, Мадрасѣ и такъ-называемыхъ сѣверо-западныхъ областяхъ.

какъ Пенджабъ, Сатара, Теннассеримъ, Арраканъ и проч., которыя требуютъ крѣпкаго, большею частію военнаго правительства. Генераль-губернатору принадлежитъ также надзоръ надъ независимыми индійскими князьями, при дворѣ которыхъ пребываютъ постоянно англійскіе резиденты, или, какъ говоритъ Вальбезенъ, «дипломатическіе менторы, которымъ поручено удерживать этихъ князей въ страхѣ Божьемъ и въ страхѣ достопочтенной Компаніи».

Высшая судебная власть, представляемая тремя палатами въ трехъ столицахъ президентствъ, независитъ ни отъ губернатора, ни отъ совѣта директоровъ. Каждая палата состоитъ изъ президента и двухъ членовъ; президентъ получаетъ 8000 ф. ст. жалованья, члены по 6000. Обыкновенно въ эту должность поступаютъ знаменитѣйшіе изъ англійскихъ юристовъ. Какъ самостоятельное и независимое учрежденіе, верховныя судебныя палаты находятся въ возможности контролировать поступки всѣхъ должностныхъ лицъ Компаніи и не допускать злоупотребленій и притѣсненія туземцевъ.

Вотъ главныя стихіи, изъ которыхъ состоитъ англо-индійское устройство: совѣтъ директоровъ, контрольное бюро, генераль-губернаторъ и независимая судебная власть. Мы видимъ, что система эта, подобно всѣмъ англійскимъ учрежденіямъ, основывается на началѣ равновѣсія силъ, на началѣ взаимодѣйствія властей. Всѣ эти стихіи существуютъ самостоятельно, и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ зависимости другъ отъ друга; каждая дѣйствуетъ порознь, но всѣ взаимно ограничиваютъ и контролируютъ другъ друга. Приверженцы систематическихъ, централизованныхъ формъ правленія называютъ эту систему хаосомъ, безсвязнымъ нагроможденіемъ разнородныхъ элементовъ, неуклюжею комбинаціею. Но этой-то комбинаціи, этому-то хаосу обязана Англія своимъ величіемъ, своими успѣхами и процвѣтаніемъ своихъ колоній. Эта система, которая преобладаетъ во всѣхъ англійскихъ учрежденіяхъ, предоставляетъ каждому члену организма самостоятельность и свободу дѣйствія, не жертвуетъ для цѣлаго частями, для правильности и симметріи свободою, для формы содержаніемъ.

Отъ главныхъ властей Остъ-Индіи обратимся теперь къ второстепеннымъ, и посмотримъ на всю административную іерархію, во главѣ которой стоитъ губернаторъ. Гражданское управленіе Індіи состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ группъ чиновниковъ или такъ-называемыхъ агентовъ Компаніи: 1. гражданская служба въ собственномъ смыслѣ (*covenanted civil service*), 2. офицеры арміи, исполняющіе гражданскія должности по особому поруче-

нію, 3. вспомогательная гражданская служба (uncovenanted civil service), и наконецъ 4. туземные агенты или полиція (native agency).

Въ то время, когда Компанія была еще чисто коммерческимъ учрежденіемъ, чиновники или агенты ея ничѣмъ не отличались отъ прикащиковъ, и получали весьма скромное жалованье. Поэтому почти каждый изъ нихъ, руководя торговыми операціями Компаніи, дѣлалъ кромѣ того спекуляціи на свою руку и производилъ торговлю на свой счетъ и для себя. Эти частныя спекуляціи агентовъ Компаніи чрезвычайно вредили ея интересамъ, и потому директоры запретили частную торговлю. Вслѣдствіе этого положеніе компанейскихъ чиновниковъ сдѣлалось чрезвычайно затруднительно; они принуждены были довольствоваться своимъ недостаточнымъ жалованьемъ. Результаты самыя вредныя обнаружались вскорѣ: чиновники стали прибѣгать къ разнымъ незаконнымъ способамъ для увеличенія своихъ доходовъ; помимо запрещенія, производили тайно разныя недостойныя спекуляціи, и чѣмъ потаеннѣе, тѣмъ хуже; они сдѣлались продажны, поддались всякаго рода порчѣ. Честные люди чуждались такой службы, и въ число агентовъ Компаніи поступали всякаго рода искатели приключеній безъ совѣсти и чести. Такое положеніе сдѣлалось еще опаснѣе, когда Компанія перестала быть только коммерческимъ учрежденіемъ, когда она приобрѣла огромныя владѣнія и увидѣла передъ собою другіе интересы. Порча, распространившаяся на все сословіе чиновниковъ Компаніи, грозила упадкомъ англійскому владычеству въ Индіи. Туземные князья производили подкупы въ огромныхъ размѣрахъ. Вальбезень приводитъ, по этому случаю, одинъ чрезвычайно любопытный случай. Герцогъ Веллингтонъ, тогда еще сэръ-Артуръ Уелльсли, велъ по порученію Компаніи переговоры о мирѣ между Марратами и низамомъ гайдерабадскимъ; министръ послѣдняго, желая узнать секретныя его инструкціи, предложилъ ему 100,000 ф. ст. за сообщеніе ихъ, и клялся свято хранить тайну. «Вы сумѣете сохранить тайну?» спросилъ Веллингтонъ. — Новая клятвы и увѣренія со стороны министра. «И я также» (*and so I am*), хладнокровно сказалъ молодой генералъ. Но такое безкорыстіе было рѣдкостью между агентами Компаніи. Порча и безнравственность ихъ требовала настоятельной реформы. Реформу эту произвелъ лордъ Корнваллисъ, одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ Индіи. Онъ понялъ, что лучшій способъ искоренить зло и поднять достоинство чиновниковъ Компаніи состоятъ въ увеличеніи жалованья ихъ. Съ тѣхъ поръ какъ

Компанія основала въ Индіи обширное государство, агенты ея имѣли дѣло уже не съ одними счетами и торговыми операціями. У нихъ были трудныя, многостороннія обязанности. Судить милліоны людей, разнящихся между собою языкомъ и обычаями, завѣдывать сложною системою финансовъ въ округахъ, равныхъ европейскимъ государствамъ, удерживать порядокъ и уваженіе къ законамъ среди испорченной народности, быть въ одно время судьей, администраторомъ, казначеемъ, дипломатомъ, часто даже солдатомъ — вотъ тѣ разнообразныя обязанности, которыя лежали на агентахъ Компаніи. Нигдѣ въ мірѣ должностныя лица не имѣли и не имѣютъ передъ собою такой многотрудной задачи. Отъ честности и правоты, отъ способностей, отъ самоотверженія и преданности служителей Компаніи зависѣла дальнѣйшая судьба англійскаго владычества въ Индіи. Понятно, что лордъ Корнваллисъ старался поставить жалованье ихъ въ уровень съ тою высокою миссіей, которая лежала на нихъ въ Индіи. Онъ назначилъ агентамъ Компаніи огромныя штаты, какихъ не существуетъ нигдѣ въ мірѣ. Лордъ Бентинкъ уменьшилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ 1830 г.; но несмотря на это, нынѣ средняя величина годоваго жалованья чиновниковъ англо-индійскихъ составляетъ 1,750 фунт. стерл. (слишкомъ 10,000 р. серебр.)

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ въ настоящее время молодые люди приготавливаются къ многотрудному поприщу англо-индійской службы. Мы сказали уже, что съ 1853 г. гражданскія должности въ Индіи замѣщаются посредствомъ публичнаго конкурса. Парламентская коммиссія, которой главнымъ членомъ былъ Маколей, составила программу экзамена для кандидатовъ. Программа эта чрезвычайно обширна. Кто желаетъ быть допущенъ къ конкурсу, долженъ знать ни болѣе, ни менѣе, какъ англійскую литературу, и исторію, древніе языки, изъ новыхъ, итальянскій, нѣмецкій, французскій, начала санскритскаго, математику низшую и высшую, химію, физику, основанія этики и философіи. Выдержавъ экзамень, молодые люди поступаютъ въ коллегію Гелибери, учрежденную для кандидатовъ на англо-индійскую службу, гдѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, изучаютъ спеціальныя науки, по преимуществу, восточныя языки, необходимыя для агентовъ Компаніи, хотя впрочемъ здѣсь преподаются и многіе предметы общаго образованія. Коллегія эта находится въ графствѣ Гертфордскомъ; она основана лѣтъ тому тридцать, по внушенію Веллингтона, и содержитъ до ста воспитанниковъ. Послѣ успѣшнаго экзамена кандидатъ, который теперь получаетъ назва-

не мѣста, *writer*, отправляется въ Индію, но не принимается еще на службу, а поступаетъ опять въ Фортъ-Уильямскую коллегію, основанную 1800 г. въ Калькуттѣ Веллингтономъ для окончательнаго образованія англо-индійскихъ чиновниковъ. Предметъ занятій составляетъ практическое изученіе множества языковъ и нарѣчій, господствующихъ въ Индостанѣ. Знакомство съ ними необходимо для каждаго агента Компаніи, живущаго въ постоянномъ соприкосновеніи съ туземцами. Курсъ наукъ въ Форт-Уильямской коллегіи продолжается восемнадцать мѣсяцевъ. Послѣ окончательнаго испытанія, *writer* назначается ассистентомъ, или помощникомъ при которомъ—нибудь изъ управителей административныхъ округовъ, на которые раздѣляются президентства. Изъ сказаннаго видимъ, что существуютъ весьма удовлетворительныя условія для воспитанія достойныхъ спеціальныхъ чиновниковъ.

Послѣ семилѣтней безукоризненной службы ассистентъ получаетъ мѣсто окружнаго управителя. Производство въ высшія должности по старшинству гдѣ составляетъ постоянное и единственное правило въ гражданской и въ военной службѣ Остъ-Индіи. Довольно вспомнить только, что каждый округъ заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ отъ 3,000 до 4,000 квадрат. миль (англ.) и 1,000,000 жителей, чтобъ понять, какъ трудны, какъ тяжелы и сложны обязанности управителя. Одинъ, при помощи не болѣе какъ двухъ ассистентовъ, онъ долженъ заниматься всѣми подробностями управленія огромной вѣренной ему области. Управитель предпринимаетъ въ своемъ округѣ всѣ мѣры, необходимыя для поддержанія общественнаго порядка; онъ стоитъ во главѣ мѣстной, туземной полиціи, заботится о хорошемъ состояніи дорогъ, мостовъ и каналовъ; школы и всѣ благотворительныя заведенія подлежатъ его надзору; въ случаѣ преступленія, онъ дѣлаетъ предварительный розыскъ дѣла, и проч.

Помѣ управителя въ каждомъ округѣ существуетъ такъ-называемый коллекторъ (сборщикъ податей, казначей), въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ финансовыя интересы округа, все чтò касается его доходовъ и расходовъ (1). Коллекторъ собираетъ подати и ведетъ имъ счета; въ его завѣдываніи находится казна округа; но, кромѣ того, онъ имѣетъ множество

(1) Случается не рѣдко, что обѣ должности—управителя и коллектора—соединяются въ одномъ лицѣ.

другихъ обязанностей. Онъ держитъ у себя регистры (описи) всѣхъ поземельныхъ и недвижимыхъ имуществъ, вписываетъ всѣ происшедшія въ нихъ измѣненія; слѣдитъ за правильнымъ взиманіемъ податей и повинностей, взыскиваетъ недоимки, преслѣдуетъ и заключаетъ въ тюрьму государственныхъ должниковъ или даетъ имъ отсрочки; онъ управляетъ государственными землями, завѣдываетъ въ качествѣ нотариуса имѣніями малолѣтнихъ, отсутствующихъ, неспособныхъ; рѣшаетъ въ первой инстанціи споры между владѣльцами и фермерами; во время слѣдованія войскъ заботится о ихъ продовольствіи. Чиновникъ этотъ, по характеру своей должности, находится въ постоянномъ, ежедневномъ соприкосновеніи съ туземцами и ихъ интересами.

Выше управителя округа и коллектора, или лучше, совершенно отдѣльно отъ нихъ, стоитъ въ англо-индійской іерархіи — судья. Эта должность доступна для гражданскаго чиновника Компаніи только послѣ двадцатилѣтней безукоризненной службы. Чтобы понять съ какими трудностями соединена должность судьи округа, довольно бросить бѣглый взглядъ на характеръ остъ-индскаго народонаселенія. Мусульмане, Пандусы, жида, парсы, Армяне: сколько вѣроисповѣданій, столько и законодательствъ, и все это живетъ вмѣстѣ, другъ возлѣ друга. Представимъ себѣ, что судья долженъ рѣшить дѣло, въ которомъ участвуютъ, въ качествѣ истцовъ, отвѣтчиковъ или свидѣтелей, десять человѣкъ различнаго происхожденія, языка и вѣроисповѣданія; къ одному слѣдуетъ приложить законы Магомета, къ другому предписанія Ману, къ третьему англійское право:—какихъ многостороннихъ познаній потребуется отъ судьи! Онъ долженъ знать индійскіе законы, Коранъ, англійское право и кромѣ того спеціальный уголовный кодексъ Компаніи. Всѣ англійскіе подданные судятся по законамъ метрополи; что касается до туземцевъ, то если обѣ стороны исповѣдуютъ одну вѣру, дѣло рѣшается по законамъ этого вѣроисповѣданія; если же стороны разнятся вѣрою, то приговоръ произносится по законамъ отвѣтчика. Тѣ, которые не принадлежатъ ни къ мусульманской, ни къ индійской религіи, какъ Евреи, парсы, Армяне, судятся во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ по англійскимъ законамъ. Уголовный кодексъ Компаніи, дѣйствующій во всѣхъ ея владѣніяхъ, составленный въ концѣ прошлаго вѣка лордомъ Корнваллисомъ и постоянно дополняемый, состоитъ изъ смѣси англійскихъ законовъ съ туземными, которые однакожь много потянули своей первоначальной жестокости. Вообще нельзя назвать

этот кодекс строгимъ; всё безчеловѣчныя и позорящія наказанія исключены изъ него, благодаря особенно гуманизму лорда Уильяма Бентинка. Кромѣ знакомства съ разными законодательствами, судья долженъ хорошо понимать разные языки и нарѣчія, господствующія въ Индіи, чтобы быть въ состояніи разбирать безъ переводчика дѣла, часто очень сложныя. Но не этимъ только ограничиваются трудности его задачи; трудности эти возрастаютъ вслѣдствіе глубоко испорченнаго характера туземцевъ, между которыми ложь, клятвопреступленіе, лжесвидѣтельство въ судѣ не считаются даже пороками и свершаются ежедневно въ огромныхъ, неслыханныхъ размѣрахъ. Друзья и сосѣди оказываютъ другъ другу взаимныя услуги, поддерживая въ судѣ ложныя показанія своею присягой; за нѣсколько штукъ мелкой монеты всегда можно найти лжесвидѣтеля. Надобно прибавить, что среди этого хаоса различныхъ законодательствъ, разныхъ языковъ и фальшивыхъ свидѣтельствъ, судья можетъ рассчитывать только на себя одного; вокругъ его нѣтъ, какъ въ Европѣ, просвѣщенной и честной адвокатуры, которая содѣйствовала бы ему въ исполненіи его многотрудной задачи.

Итакъ управитель округа, коллекторъ и судья—вотъ главныя пружины въ механизмѣ англо-индійской администраціи. Кромѣ того, существуетъ нѣсколько спеціальныхъ вѣдомствъ и въ главныхъ резиденціяхъ президентствъ департаменты финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, внѣшнихъ дѣлъ и пр., соотвѣтствующія министерствамъ. Все гражданское управленіе Остъ-Индіи состоитъ изъ 808 чиновниковъ, изъ которыхъ 484 приходится на Калькуттское президентство, 189 на Мадрасское, 138 на Бомбейское. Цифры эти чрезвычайно краснорѣчивы; онѣ говорятъ болѣе, нежели длинныя выводы и доказательства, и приводятъ въ изумленіе каждаго, кто только смотритъ безпристрастными глазами на владычество Англичанъ въ Индіи. 808 человекъ несутъ бремя управленія страны, населенной 180 милліонами жителей; 808 человекъ достаточны для исполненія всѣхъ тѣхъ государственныхъ отправленій, для которыхъ государства съ нѣсколькими десятками милліоновъ жителей употребляютъ десятки, даже сотни тысячъ чиновниковъ всякаго рода. При видѣ этого явленія не знаешь, право, чему удивляться болѣе — этой ли энергіи, дѣятельности, нравственной и физической силѣ людей, изъ которыхъ каждый несетъ бремя столь разнообразныхъ, столь трудныхъ обязанностей, или смиренности и пассивности подвластнаго народонаселенія. Всѣ чиновники Компаніи получаютъ огромныя

жалованья, о какихъ нѣтъ и понятія въ Европѣ; жалованья эти подвергались и подвергаются многимъ нареканіямъ, но, говорить Вальбезенъ, еслибы всѣ тѣ, кто наиболее возстаетъ противъ нихъ, увидѣли близко жизнь англо-индійскихъ чиновниковъ среди зловреднаго климата, страшной скуки, безпрестанныхъ, тяжелыхъ трудовъ, изнуряющей дѣятельности, то не стали бы имъ завидовать въ ихъ большихъ жалованьяхъ, а признали бы, что это справедливое, можно даже сказать скромное вознагражденіе за ихъ тяжкую службу. «Мы не хотимъ быть, говоритъ далѣе Вальбезенъ, апологистами à tout prix системы гражданскаго управленія достопочтенной Компаніи; мы не сомнѣваемся въ томъ, что система эта нуждается въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, не думаемъ скрывать, что многіе изъ чиновниковъ Компаніи представили и представляютъ жалкій примѣръ порчи или неспособности; но утверждаемъ, что какъ цѣльный организмъ, англо-индійская администрація, своею честностію, посвященіемъ и опытностію, стоятъ въ уровень съ высокимъ своимъ призваніемъ; что никогда туземное народонаселеніе не имѣло правителей болѣе честныхъ, коллекторовъ болѣе безкорыстныхъ, судей болѣе независимыхъ, что, однимъ словомъ, большинство англо-индійскихъ должностныхъ лицъ представляетъ собою достойнымъ образомъ одинъ изъ народовъ, стоящихъ во главѣ европейской цивилизаціи.» Мы вполне согласны съ этимъ убѣжденіемъ, хотя въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи всего, что имѣетъ отношеніе къ индійскому вопросу, не будемъ скрывать недостатковъ системы и затаенныхъ пороковъ ея; но, когда придется намъ говорить о настоящемъ возстаніи въ Индіи, мы будемъ имѣть случай представить многія живыя доказательства въ пользу мнѣнія Вальбезена. Съ другой же стороны, мы думаемъ, что авторъ переходить уже мѣру консерватизма, утверждая громко, что англійское владычество въ Индіи рушится непременно, если будетъ тронуть хоть одинъ камень въ искусственномъ зданіи англо-индійскаго устройства; что если Англій суждено потерять когданибудь индійскія владѣнія, то она потеряетъ ихъ не вслѣдствіе внѣшней войны или внутренняго возстанія, а вслѣдствіе духа реформъ и нововведеній. Онъ смотритъ на систему индійскаго устройства, какъ на идеаль колоніальнаго управленія, ставитъ ее выше всѣхъ другихъ формъ и не сомнѣвается сказать, «что видитъ единственное спасеніе для Компаніи въ строгомъ слѣдованіи тѣмъ добрымъ старымъ традиціямъ колоніальнаго деспотизма, въ которыхъ можетъ быть только одна лишь анархія и

разрушеніе.» Онъ постоянно отзывается съ презрѣніемъ обо всѣхъ тѣхъ, какъ говоритъ онъ, «реформаторахъ и филантропахъ», которые хотятъ примѣнить къ колоніальному управленію либеральныя теоріи. Мы видимъ, что авторъ смотритъ на колонизацію такъ, какъ смотрѣли на нее въ XVIII столѣтіи, какъ нынѣ еще смотрятъ многіе государственные люди и дѣлая партія торіевъ въ Англіи.

Вторая категорія агентовъ Компаніи состоитъ, какъ мы сказали выше, изъ офицеровъ англо-индійской арміи, исполняющихъ по особенному порученію разныя гражданскія должности. Такъ какъ во всей остъ-индской арміи производство въ высшія степени по старшинству составляетъ непремѣнный законъ, то у правительства нѣтъ другаго средства награждать заслуженныхъ офицеровъ какъ только поручать имъ разныя гражданскія должности, вслѣдствіе чего удваивается и даже утроивается ихъ жалованье, между тѣмъ какъ военная ихъ служба считается своимъ порядкомъ. Офицерамъ обыкновенно поручаются дипломатическія назначенія, резидентства при дворахъ полусамостоятельныхъ индійскихъ князей, и почти всѣ административныя посты въ ново-завоеванныхъ областяхъ.

Такъ-называемая вспомогательная гражданская служба состоитъ изъ Европейцевъ, прибывшихъ въ Индію искать счастья и пріобрѣтшихъ нѣкоторыя познанія въ языкахъ и обычаяхъ страны. Последняя категорія состоитъ изъ туземцевъ, которые занимаютъ всѣ низшія должности и составляютъ полицію.

Часто упрекаютъ Англичанъ въ томъ, что они систематически исключаютъ туземцевъ изъ государственной службы, предоставляя имъ однѣ лишь мелкія, канцелярскія должности. Вальбеэнь совершенно оправдываетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Онъ говоритъ, что Компанія, поручая всѣ сколько-нибудь важныя административныя и судебныя посты исключительно однимъ лишь Англичанамъ, слѣдуетъ неумолимой необходимости, дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія. Опытъ прошедшаго показалъ достаточно, что допущеніе туземцевъ до высшихъ государственныхъ должностей ведетъ прямо къ анархіи и гибели. Въ первыя времена своего господства, Компанія оставила былоу все правленіе и судебную власть въ рукахъ туземцевъ, принимая на себя одно лишь собраніе податей. Но злоупотребленія, притѣсненія, продажность туземныхъ чиновниковъ, не сдерживаемыхъ болѣе деспотическою рукою прежнихъ султановъ и навабовъ, достигли такихъ огромныхъ размѣровъ, что самое существованіе Компа-

ни подвергалось опасности, и нужно было по необходимости прибѣгнуть къ противоположной системѣ. Вальбезенъ думаетъ, что, по всеѣму вѣроятію, первые годы нашего столѣтія видѣли бы паденіе англійскаго владычества въ Индіи, еслибъ одною общею мѣрою туземцы не были исключены изъ всеѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Лордъ Корнваллисъ оставилъ за ними только мѣста съ жалованьемъ, непревышающимъ ста рупій въ мѣсяцъ. Но это исключеніе должно было служить не постояннымъ правиломъ, а временною мѣрою: положено было расширять кругъ государственной службы для туземцевъ постепенно, по мѣрѣ утвержденія и укрѣпленія англійскаго владычества въ Индіи. Все губернаторы отъ Корнваллиса до Бентинка слѣдовали этому правилу; послѣдній ввелъ туземный элементъ въ администрацію страны въ значительныхъ размѣрахъ, создалъ для Индусовъ новыя должности, увеличилъ жалованье всеѣхъ прочихъ. До послѣднихъ дней эта либеральная политика не переставала руководить дѣйствіями калькуттскихъ губернаторовъ, такъ что въ послѣднее время въ одномъ только Калькуттскомъ президентствѣ считалось 1,850 туземныхъ чиновниковъ, не считая большаго количества канцелярскихъ служителей. Вопросъ о допущеніи туземцевъ до государственныхъ должностей тѣсно связанъ съ вопросомъ о воспитаніи. Слѣдовало бы, чтобы туземцы посылали своихъ дѣтей въ школы, основанныя правительствомъ для приготовленія способныхъ чиновниковъ. Какъ это увидимъ дальше, англо-индійское правительство дѣлало и дѣлаетъ огромныя усилія, большія пожертвованія въ дѣлѣ воспитанія туземцевъ, но къ несчастію, усилія эти увѣнчиваются незначительными успѣхами.

Для дополненія картины англо-индійской администраціи слѣдуетъ сказать объ устройствѣ туземной полиціи. Это темная сторона англійскаго владычества въ Индіи, истинное пятно, лежащее на достопочтенной Компаніи, язва страны, требующая немедленнаго излѣченія. Вальбезенъ, несмотря на свое консервативное направленіе, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ позорное, порочное, жалкое устройство туземной полиціи, и требуетъ радикальной реформы. Одинъ фактъ лучше всего характеризуетъ индійскую полицію, цѣликомъ состоящую изъ туземцевъ: среднее число преступленій противъ лицъ и собственности, совершаемыхъ ежегодно въ Бенгаліи, простирается до 60,000; но ужасъ, какой распространяетъ полиція на все народонаселеніе, такъ великъ, что другая половина этихъ преступленій не доходитъ

до свѣдѣній власти. Жертвы предпочитаютъ лучше вообще не жаловаться и молчать, нежели подвергаться опасности соприсношенія съ полиціею. Вся страна раздѣляется на участки, называемые *thanahs*, изъ которыхъ каждый имѣетъ среднимъ числомъ отъ 100 до 800 квадрат. миль (англ.) и 80,000 жителей. Во главѣ каждаго *thana* стоитъ высшій полицейскій чиновникъ *darogah*; за нимъ слѣдуютъ двое низшихъ и пятнадцать человекъ мелкихъ полицейскихъ агентовъ, все это люди разнаго происхожденія, разныхъ кастъ и вѣроисповѣданій, или лучше, отребье всѣхъ кастъ, всѣхъ народностей и религій. Эти агенты дѣлаютъ изъ своей службы постоянный грабежь, разбой, обманъ и насилие. Самое мрачное воображеніе, говоритъ Вальбезенъ, не выдумало бы всѣхъ тѣхъ страшныхъ злоупотребленій, которыя ежедневно совершаются полиціею. Полиція смотритъ сквозь пальцы на извѣстныхъ преступниковъ и дѣлитъ съ ними добычу; не будучи въ состояніи открыть виновника какого-нибудь преступленія или подкупленная имъ, преслѣдуетъ невинныхъ, и пытками и страшными мученіями вынуждаетъ какія угодно признанія. Обманъ, грабительства, продажность, притѣсненія туземныхъ полицейскихъ агентовъ превосходятъ всякое вѣроятіе; притомъ, въ большей части своихъ продѣлокъ, они умѣютъ такъ искусно прятать концы, что высшая власть часто не въ состояніи уличить ихъ въ злоупотребленія. Такимъ характеромъ отличается регулярная полиція, находящаяся подъ непосредственнымъ контролемъ правительства; но вдвое хуже еще другая иррегулярная, сельская полиція, которая будто избирается жителями каждой общины, но въ сущности зависитъ совершенно отъ большихъ поземельныхъ владѣтелей (*zemindars*), и служить имъ орудіемъ для всякаго рода произвола.

Въ заключеніе этого описанія гражданской части англо-индійскаго устройства приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ книги Вальбезена, въ которыхъ авторъ высказываетъ свой основной взглядъ на систему управленія достопочтенной Компаніи. «Насъ не обольщать, говоритъ онъ, звучныя, великолѣпныя фразы, которыя такъ-называемые реформаторы выписываютъ на знаменахъ своихъ, въ родѣ слѣдующей: *Индія должна быть управляема Индіею и для Индіи, а не Анліею и для Анліи*. Если же бы намъ пришлось избрать какой-нибудь девизъ въ индійскомъ вопросѣ, то, въ качествѣ нашего—друзей постепеннаго и просвѣщеннаго прогресса, мы избрали бы благородныя слова, произнесенныя Веллингтономъ въ началѣ нашего столѣтія: «Индія

должна быть управляема скипетромъ государственнаго челоуѣка, а не аршиномъ изъ конторы купца».

«Важность индійскихъ владѣній для Англіи очевидна даже для самаго поверхностнаго взгляда. Если Англіи удалось избѣжать тѣхъ революціонныхъ кризисовъ, которые волнуютъ остальную Европу, уже почти цѣлое столѣтіе, то это безъ сомнѣнія потому, что она постоянно имѣла возможность, такъ сказать, переливать въ свои азійскія колоніи этотъ истинно-опасный классъ новѣйшихъ обществъ, классъ людей образованныхъ, просвѣщенныхъ, желающихъ играть роль въ государствѣ, но остающихся безъ занятія вслѣдствіе огромной конкуренціи. Обеспеченіе судьбы младшихъ сыновей семействъ, *to provide for the younger sons*,— вотъ самый жизненный вопросъ для Англіи. Въ виду этого вопроса мы не беремся защищать дѣло туземцевъ и требовать для нихъ тѣхъ природныхъ правъ, которыхъ лишило ихъ иноплеменное завоеваніе; у насъ нѣтъ силы совѣтовать самоубійство нашимъ заморскимъ сосѣдямъ, побуждая ихъ привести въ исполненіе теорію *Индіи, управляемой Индією и для Индіи*. Нѣтъ сомнѣнія, что это явленіе народности, систематически исключенной изъ всѣхъ важнѣйшихъ гражданскихъ должностей, армія съ иностранными офицерами, чрезвычайно аномально, что въ немъ выражается злоупотребленіе силы, очевидная несправедливость; но выше всего этого стоитъ благо государства, вопросъ о жизни или смерти для Англіи: *to be, or not to be!* Впрочемъ несправедливость есть только кажущаяся; надобно признать, что почти невозможно найти туземцевъ, способныхъ достойно исполнять высшія должности. Еслибъ и была у нихъ энергія и необходимое для этого образованіе, то не найдется той любви къ правдѣ, того чувства долга, той строгости начала чести, столь нужныхъ для чиновника и офицера. Каждый, кто только имѣлъ случай узнать ближе нравы индійскаго племени, согласится, что эти свойства совершенно ему чужды. Какъ же тутъ требовать отъ Англіи, чтобъ она открыла туземцамъ высшіе посты арміи или административныя должности?»

«Нельзя умолчать о другаго рода фактахъ... Во время неудачной войны въ Кабулѣ и нерѣшительной пенджабской кампаніи, видно было, что народныя симпатіи въ Индіи были на сторонѣ Афгановъ и Сиковъ, а не на сторонѣ Англичанъ. Напрасно англійское завоеваніе вырвало Индію изъ бездны междоусобій, кровавыхъ раздоровъ и переворотовъ; напрасно подъ англійскимъ вліяніемъ общее благосостояніе страны возрасло въ

огромныхъ размѣрахъ; всѣ тѣ благодѣнія, которыя ведетъ съ собою правильный образъ правленія: личная свобода, безопасность частной собственности, публичныя работы, покрывающія страну, не внушили туземцамъ ни симпатіи, ни даже благодарности. Для нихъ Англичанинъ есть все-таки только господинъ, если не врагъ.

«Принимая въ уваженіе всѣ эти очень важныя обстоятельства, мы не можемъ судить слишкомъ строго исключительныя мѣры, не допускающія туземцевъ къ высшимъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, и приходимъ къ заключенію, что одностороннія начала гуманизма и справедливости не должны вести къ самоубійству Компанію и вмѣстѣ съ нею самую Англію. Но чтобы достойно и съ честію исполнить свое назначеніе, согласно съ тою ролью, которую ей суждено играть въ исторіи, Компанія обязана дать туземцамъ честную полицію и серьезное судопроизводство, котораго рѣшенія могли бы выдержать самое строгое испытаніе..... Мы знаемъ, что не легко найти гѣбарство противъ тѣхъ страшныхъ золъ, о которыхъ мы говорили. Мы сами убѣдились въ томъ, сколько иллюзій лежитъ въ надеждѣ, что распространеніе европейскаго образованія и христіанскаго ученія возвыситъ нравственную сторону туземнаго народонаселенія. Но нѣтъ сомнѣнія, что, увеличивая число англійскихъ должностныхъ лицъ и доставляя такимъ образомъ правительству возможность дѣятельнѣе и строже наблюдать за дѣйствіями полиціи, можно бы значительно поправить настоящее положеніе и т. д.»

Нельзя отказать въ справедливости и вѣрности этимъ соображеніямъ, но насъ поражаетъ въ нихъ какая-то чрезмѣрная безнадежность взгляда и холодъ довольно узкой логики. *Salus populi suprema lex*, вотъ основаніе всѣхъ воззрѣній автора. Но неужели все политическое и историческое значеніе Ост-Индіи заключается въ томъ, что она даетъ средства содержанія младшимъ сыновьямъ нѣсколькихъ тысячъ англійскихъ семействъ? Суждено ли Индіи быть всегда только *une source de sûreté*, черезъ которую вырываются всѣ нечистые пары революціонныхъ элементовъ въ метрополи? Можно ли утверждать, что Англія оттого только избѣжала въ послѣднія времена внутреннихъ переворотовъ, что революціонныя стихіи нашли себѣ выходъ въ Индію? Мы попытаемся отвѣчать ниже на эти вопросы въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, тѣмъ болѣе, что еще не разъ придется намъ встрѣтиться съ подобными мнѣ-

ніями. Теперь скажемъ только, что авторъ слишкомъ большое значеніе придаетъ обстоятельству, въ сущности второстепенному; что съ владычествомъ Англичанъ въ Индіи связаны гораздо высшіе интересы, нежели обезпеченіе судьбы младшихъ сыновей; что нельзя отчаиваться совершенно въ возможности просвѣщенія туземцевъ, что будущность Индіи не такъ безотраднa, какъ можно бы предполагать, слѣдуя воззрѣнію автора. Онъ смотритъ на Индію глазами многихъ государственныхъ людей и въ особенности торіевъ, и видитъ въ ней одну лишь жертву, обреченную по неумолимой необходимости на вѣчное служеніе исключительнымъ интересамъ Англіи. Индія должна страдать, потому что это нужно для жизни Англіи, иначе Англія погибнетъ. Воззрѣніе безотрадное, печальное, если не прибавимъ къ нему слѣдующаго соображенія. Допустимъ, что купецъ, плантаторъ, фабрикантъ соединяются для того, чтобы эксплуатировать Индію всевозможными способами, выдать въ ней лишь огромный рынокъ для выгоднаго сбыта своихъ товаровъ, или одну лишь почву для производства своихъ матеріаловъ; допустимъ, что государственный человѣкъ жертвуетъ Индію для внутреннихъ интересовъ Англіи, что младшіе сыновья семействъ смотрятъ на нее, какъ на средство содержанія и обогащенія; но нельзя позабыть, что рядомъ съ купцомъ, плантаторомъ, фабрикантомъ, чиновникомъ, солдатомъ, входитъ въ Индію цивилизація со всѣми своими благами, что она прививается къ странѣ даже безъ ихъ воли, безъ ихъ участія и вѣдома. Правда, дѣйствіе ея можетъ быть долгое время незамѣтно, медленно, слабо; но оно существуетъ, и рано или поздно принесетъ свой плодъ, потому что сила цивилизаціи неотразима. Этимъ—то окупаются многіе временные недостатки англійскаго владычества въ Индіи.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнiю военныхъ силъ Индіи.

Военное устройство Индіи, основанное, какъ извѣстно, на туземномъ элементѣ, на арміи сипаевъ, принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ историческимъ явленіямъ. Вальбезень, писавшій свое сочиненіе до начала возстанія и никакъ не подозрѣвавшій близости этого кризиса, находитъ военную систему Компаніи превосходною, и говоритъ, что англо-индійская армія какъ нельзя лучше приспособлена и къ странѣ, которую должна удерживать въ повиновеніи, и къ врагамъ, съ которыми должна сражаться. Онъ спрашиваетъ, можно ли было бы Англичанамъ совершить такіа огромныя завоеванія, еслибъ армія сипаевъ имѣла всѣ тѣ недо-

статки, въ которыхъ упрекають ее многочисленныя ея порицатели. Последнія событія опровергають мнѣніе автора, по крайней мѣрѣ въ его безусловности. Нѣтъ сомнѣнія, что англо-индійское военное устройство было результатомъ долговременнаго опыта и глубокаго изученія характера туземцевъ и потребностей службы; нѣтъ сомнѣнія, что оно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстное время, было превосходно; но обстоятельства измѣняются съ теченіемъ времени, и самыя совершенныя учрежденія оказываются недостаточными при другихъ условіяхъ и въ другое время.

Двумъ главнымъ властямъ, которыя раздѣляютъ управленіе Индіи, соотвѣтствуютъ двѣ категоріи военныхъ силъ: армія Компаніи, въ которой господствуетъ туземный элементъ, и армія королевская, состоящая исключительно изъ англійскихъ войскъ. Посмотримъ на первую изъ нихъ.

Каждое изъ трехъ президентствъ имѣетъ свою отдѣльную армію, съ особеннымъ устройствомъ. Вальбезенъ описываетъ, по преимуществу, бенгальскую армію, съ которою онъ знакомъ ближе. Для полноты прибавимъ нѣкоторыя подробности о мадрасской и бомбейской.

Армія Компаніи состоитъ изъ туземцевъ, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Офицерскіе дипломы раздаются, какъ сказано выше, директорами. Для полученія диплома нужны только два условія: окончаніе курса наукъ въ коллегіи, и возрастъ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Молодой человекъ, получившій офицерскій дипломъ, по прибытіи въ Калькутту, отправляется въ полкъ, и отдается на руки сержанту-инструктору, который, въ продолженіе одного года, долженъ научить его военному искусству. Нечего говорить, что при такой системѣ военнаго воспитанія офицеры не приобретають особенныхъ познаній въ своемъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи офицеры англо-индійскіе не могутъ выдержать сравненія съ офицерами любой европейской арміи (1). Но недостатокъ спеціальныхъ военныхъ познаній они обыкновенно искупають, въ день сраженія, своею храбростью и неустрашимостью. Такъ какъ производство въ высшіе чины дѣлается только по старшинству, то, при обыкновенныхъ условіяхъ, молодой офицеръ, поступившій на службу Компаніи, рѣдко восходитъ

(1) Исключеніе составляютъ артиллерійскіе и инженерные офицеры, которые подвергаются строгому экзамену.

выше капитанскаго или майорскаго чина. Майорскія эполеты обыкновенно составляютъ, для большинства офицеровъ, крайній предѣлъ честолюбія; нужно служить двадцать пять лѣтъ и болѣе, чтобы получить ихъ. Оттого происходитъ, что нерѣдко полковые офицеры складываютъ значительныя суммы и предлагаютъ ихъ своимъ майорамъ и полковникамъ, чтобы склонить ихъ выйти въ отставку. Въ военное время повышенія, разумѣется, идутъ скорѣе. Ни въ одной арміи въ мірѣ офицеры не получаютъ такихъ огромныхъ жалованій, какъ въ арміи Компаніи. Довольно упомянуть, что капитанъ получаетъ 3,000 руб. сер. въ годъ, полковникъ 12,000 р. с., простой прапорщикъ 1,500. Эти жалованья удваиваются и даже утраиваются, оттого что многимъ офицерамъ поручаются разныя гражданскія должности: административныя, дипломатическія, комиссаріатскія, интендантскія и другія. Но вслѣдствіе этого происходитъ одно очень важное неудобство. Офицеры, занятые гражданской службой или спеціальными порученіями, отсутствуютъ изъ полковъ и нерѣдко случается, что полкомъ командуетъ поручикъ или прапорщикъ; Вальбезенъ приводитъ въ примѣръ одинъ батальонъ, который, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, находился подъ командою своего военного лѣкаря. Это обстоятельство значительно поясняетъ настоящее индійское возстаніе. Цѣлыя полки сипаевъ оставались по нѣскольку лѣтъ безъ серьезнаго надзора, въ рукахъ молодыхъ, неопытныхъ офицеровъ, несовершенно понимавшихъ языкъ туземцевъ и не знавшихъ часто, что происходитъ въ полку.

Переходя къ сипаямъ, мы начинаемъ слѣдующими словами Вальбезена: « Во всѣхъ отчетахъ о выставкахъ въ Парижѣ и Лондонѣ говорится, что произведенія Индіи привлекали всеобщее вниманіе; но, кто пожилъ въ Бенгаліи, согласится, что тамъ не доставало самаго любопытнаго произведенія этой земли — сипая. Дать Индусу наружный видъ европейскаго солдата, это дѣло удивительнаго терпѣнія, которое можетъ быть оцѣнено по достоинству только тѣмъ, кто вслѣдствіе продолжительнаго, ежедневнаго опыта убѣдился, какая непроходимая бездна предрассудковъ отдѣляетъ индійское племя отъ насъ и нашихъ обычаевъ ». Компанія, дѣлая основаніемъ своего владычества въ Индіи туземную армію, должна была принять предохранительныя мѣры, чтобы оружіе сипаевъ не обратилось противъ нея самой. Для этого положено было составлять полки изъ разнородныхъ, часто другъ другу враждебныхъ стихій индустанскаго народонаселенія. Компанія обязана большею частью своихъ успѣховъ и завоеваній

тому искусству, съ какимъ она умѣла пользоваться враждою и соперничествомъ различныхъ племенъ и религій, и употребляла то мусульманъ противъ браминовъ, то обратно. Эту же обычную политику свою она примѣнила и къ военному устройству. Пѣхотные полки состоятъ обыкновенно изъ двухъ третей Индусовъ и одной трети мусульманъ; кромѣ того, со временъ завоеванія Пенджаба, прибавляется еще къ каждому полку одна рота (1/10) Сиковъ; такимъ образомъ одна стихія сдерживается другою. Въ кавалеріи преобладаетъ магометанскій элементъ. Вальбезенъ называетъ это учрежденіе мѣрою высокой политической мудрости; но настоящее возстаніе сипаевъ показываетъ, что эта мѣра, нѣкогда умная и полезная, теперь оказывается уже недѣйствительною: магометане и брамины дѣйствуютъ дружно. Впрочемъ это явленіе, по нашему мнѣнію, говорить въ пользу Англичанъ: оно показываетъ, что англійское владычество въ Индіи успѣло уже стереть или, по крайней мѣрѣ, смягчить ту страшную вражду, которая до сихъ поръ раздѣляла два главные племени Индіи и двѣ соперничающія религіи. Другая мѣра, касающаяся впрочемъ одной бенгальской арміи, обнаруживаетъ въ настоящее время свои вредныя послѣдствія: это обычай составлять полки по преимуществу изъ высшихъ кастъ, воиновъ и браминовъ, которые сохраняютъ сильнѣе другихъ вражду къ иноплеменнымъ завоевателямъ и всѣ религіозныя предрассудки и суевѣрія. Низшія касты, презираемыя и угнетаемыя высшими, всегда болѣе благопріятствовали Англичанамъ. Еще одно обстоятельство служитъ къ поясненію нынѣшнихъ событій, именно, что большая часть сипаевъ бенгальской арміи происходитъ изъ Аудскаго королевства и сосѣднихъ съ нимъ областей, которыхъ народонаселеніе отличается особенно воинственнымъ духомъ.

Въ Индіи какъ и въ Англій, нѣтъ ни конскрипціи, ни другихъ формъ рекрутскаго набора; армія образуется изъ охотниковъ, которыхъ всегда является очень много, болѣе нежели нужно. Варренъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ англійской Индіи говоритъ, что еслибы нужно было миллионъ солдатъ, то черезъ шесть мѣсяцевъ можно имѣть ихъ, не прибѣгая къ насильному набору. Причина въ томъ, что положеніе сипая гораздо лучше въ матеріальномъ отношеніи, нежели положеніе простаго работника, наемника или земледѣльца. Сипай получаетъ отъ 7 до 9 рупій въ мѣсяцъ (5 — 6 руб. сер.), то-есть около 20 коп. сер. въ день, вдвое больше нежели заработная плата простаго наемника. Въ продолженіе года онъ сберегаетъ обыкновенно около 36 рупій, ко-

торья отсылаетъ своему семейству. Притомъ, врожденная Индусамъ наклонность къ лѣни и безпечность влечетъ ихъ въ армію, гдѣ нѣтъ ни трудовъ, ни заботъ о завтрашнемъ днѣ. Срокъ службы три года: по истеченіи трехъ лѣтъ каждый сипай можетъ возвратиться на родину, если захочетъ; но ббльшая часть ихъ предпочитаетъ оставаться долѣе на службѣ. Пятнадцатилѣтняя служба даетъ право на пенсію, состоящую изъ 4 рупій въ мѣсяцъ. Учреждены два ордена, которыми награждаются храбрость и примѣрное поведеніе сипаевъ, орденъ Заслуги и Британской Индіи. Съ обоими связана пенсія. Всѣ высшіе посты въ полку, какъ мы сказали, замѣщаются англійскими офицерами, сипаямъ доступны только четыре низшіе, именно: *naik* или капралъ, съ жалованьемъ 12 рупій въ мѣсяцъ, *havildar* или сержантъ, 14 рупій, *jemtadar* или подпоручикъ, 40 рупій; *soubadar* или поручикъ, 60 рупій. Производство въ эти чины дѣлается также по старшинству, такъ что джеммадары и субадары считаютъ обыкновенно по 50 и даже 60 лѣтъ. Но шестидесятилѣтній субадаръ долженъ повиноваться во всемъ двадцатилѣтнему англійскому прапорщику, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ начальствовать надъ Англичаниномъ. Составъ пѣхотнаго полка сипаевъ таковъ: 1 полковникъ, 1 майоръ, 6 капитановъ, 10 поручиковъ, 5 прапорщиковъ, 1 хирургъ, 1 полковой адъютантъ, 1 сержантъ-майоръ, все это Англичане; изъ туземцевъ 10 субадаровъ, 10 джеммадаровъ, 3 врача, 60 гавильдаровъ, 60 наиковъ, 20 барабанщиковъ и 1000 простыхъ сипаевъ. Презрѣніе, которое Англичане питаютъ къ Азіятцамъ, и неизлѣчимая гордость ихъ характера отразились самымъ несчастнымъ образомъ на отношеніяхъ офицеровъ къ сипаямъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ туземца отъ англійскаго офицера. Между офицерами и сипаями нѣтъ никакой нравственной связи; штабъ совершенно отдѣленъ отъ туземцевъ, офицеры имѣютъ очень мало сближеній съ сипаями и всегда остаются чужды для нихъ; многія мелкія предписанія еще болѣе увеличиваютъ это врожденное отчужденіе. Все бремя, всѣ заботы команды лежатъ на туземныхъ офицерахъ, они отвѣтствуютъ за порядокъ, поведеніе и знаніе полка, но въ день сраженія они уступаютъ и сдаютъ команду англійскимъ офицерамъ. Всѣ труды и лишенія службы на сторонѣ туземцевъ: на сторонѣ Англичанъ одна лишь честь и выгоды ея. Отношеніе неловкое, исполненное опасностей. Вальбенъ сознаетъ дурную сторону такого порядка вещей, но онъ опять не предвидитъ опасности и говорить: «Правда, что пою-

женіе туземнаго офицера, лишеннаго надежды на повышеніе, подчиненнаго любому англійскому юнкеру, не представляет много пищи честолюбію сипая; но существуетъ ли честолюбіе и жажда высокихъ почестей среди этихъ смиренныхъ и простыхъ людей, наполняющихъ армію Компаніи? требуютъ ли они чего-нибудь выше положенія, дающаго насущный хлѣбъ имъ и ихъ семействамъ? Позволительно сомнѣваться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ почти не случалось, чтобъ туземный офицеръ или унтеръ-офицеръ принялъ участіе въ какомъ-нибудь возмущеніи сипаевъ. » То, чего не бывало до сихъ поръ, случалось теперь вдругъ: вождями возстанія сипаевъ вездѣ являются туземные офицеры. Это понятно, потому что теперь многіе изъ этихъ офицеровъ, посѣдѣвшихъ на службѣ Компаніи, понимаютъ по-англійски, читаютъ англійскіе журналы и книги. Вмѣстѣ съ образованіемъ, они пришли къ сознанію своего незавиднаго положенія; вмѣстѣ съ образованіемъ, возросло въ нихъ чувство личнаго достоинства; высокомѣріе англійскихъ офицеровъ, ихъ недоступность и презрѣніе ко всему туземному стало невыносимо для сипаевъ; огромныя жалованья, роскошная жизнь, комфортъ англійскихъ офицеровъ сдѣлались предметомъ ихъ зависти. Замѣчательно, что вездѣ, гдѣ восторжествовало возстаніе, инсургенты удерживаютъ названія англійскихъ военныхъ чиновъ, называютъ себя майорами, полковниками, генералами; офицеры сипаевъ тщательно присвоиваютъ себѣ палатки, кареты, мебель убитыхъ англійскихъ офицеровъ, одѣваются въ ихъ мундиры и во всемъ подражаютъ имъ. Туземцамъ очевидно наскучила второстепенная роль, которую они играли; имъ захотѣлось также значенія, почестей, чиновъ и большихъ жалованій. Это походитъ на возстаніе слугъ противъ господъ.

Скажемъ теперь о численномъ количествѣ арміи сипаевъ во всѣхъ трехъ президентствахъ. Бенгальская армія состоитъ изъ 74 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ линейныхъ полковъ; къ этому надобно присоединить иррегулярныя войска въ числѣ 31 полка кавалеріи и 41 полка пѣхоты, мѣстную милицію (16 полковъ), и контингенты нѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ раджей, навабовъ и князей индійскихъ. Иррегулярными полками кавалеріи и пѣхоты командуютъ также англійскіе офицеры, но англійскій штабъ этихъ полковъ состоитъ только изъ четырехъ человекъ: командира, лейтенанта, адъютанта и хирурга. Артиллерія бенгальской арміи состоитъ большею частью изъ Европейцевъ; на девять батальионовъ пѣхотной артиллеріи, только три составлены

изъ туземцевъ; въ конной участіе туземнаго элемента еще меньше. Бомбейская и мадрасская армія отличаются отъ бенгальской тѣмъ, что въ составъ ихъ входятъ безъ различія всѣ народности и всѣ касты, и не соблюдается пропорція мусульманскаго и браминскаго элемента, принятая въ Калькуттскомъ президентствѣ. Пѣхотные полки этихъ армій набираются даже по преимуществу изъ низшихъ кастъ, угнетенныхъ и презираемыхъ высшими. Система эта оказалась въ настоящее время гораздо полезнѣе. Между тѣмъ, какъ вся бенгальская армія подняла оружіе противъ Англичанъ, бомбейская и мадрасская остаются вѣрны Компаніи и спокойны. Мадрасская армія состоитъ изъ 52 линейныхъ полковъ пѣхоты и 8 кавалеріи, и изъ 6 полковъ иррегулярной пѣхоты и 4 кавалеріи. Бомбейская армія заключаетъ въ себѣ 29 линейныхъ пѣхотныхъ полковъ и 3 кавалерійскихъ; иррегулярныя войска состоятъ изъ 15 полковъ. Мѣстныя милиціи и контингенты туземныхъ князей дополняютъ составъ обѣихъ армій. Кромѣ этихъ силъ, Компанія содержитъ по три полка европейскихъ въ каждомъ изъ трехъ президентствъ; полки эти устроены по образцу королевскихъ войскъ, но состоятъ не изъ однихъ только Англичанъ, а изъ Европейцевъ вообще. Вся англо-индійская армія, зависящая отъ Компаніи, заключаетъ въ себѣ около 300,000 сипаевъ и 20,000 Европейцевъ.

Теперь спрашивается, каково достоинство этой арміи въ сравненіи съ европейскими войсками? Всѣ писатели, въ томъ числѣ и Вальбезенъ, отдають похвалу кротости, уваженію къ дисциплинѣ, воздержности, терпѣнію, повиновенію и порядку, какимъ отличаются сипаи; но и самые пристрастные апологисты не смѣютъ противопоставить ихъ европейскому солдату. Вальбезенъ говоритъ, что относительно дисциплины, порядка, знанія службы и даже наружнаго вида сипаи не уступаютъ европейскимъ войскамъ: но въ дѣйствиіи, на полѣ сраженія, дѣло другое. Военное искусство сказало послѣднее слово своего могущества, произведши сипая въ настоящемъ его видѣ; но все знаніе, все терпѣніе человѣческое не въ силахъ сдѣлать изъ Индуса достойнаго соперника европейскому солдату. Этому препятствуетъ сама природа. Индусу не достаетъ той энергіи, той физической силы, того развитія мышцъ, какимъ отличается Европейецъ. Племя, привыкшее къ рабству и деспотизму, къ нѣгѣ и безпечности, не имѣетъ той самостоятельности, того сознанія личнаго достоинства, той силы воли, твердости и отваги, какія видимъ въ Европейцахъ.

Рядомъ съ арміею Компаніи существуетъ въ Индіи другая, совершенно отъ нея независимая, армія королевская. Какъ ни велики туземныя силы Компаніи, все-таки англійское владычество въ Индіи поддерживается главнымъ образомъ этимъ тридцати тысячнымъ королевскимъ войскомъ. Еслибы Компанія принуждена была рассчитывать только на свои собственные силы, то она не была бы въ состояніи не только совершить такіа огромныя завоеванія, но даже удержать въ повиновеніи обширныя свои владѣнія. Уже послѣднія войны съ Сиками и въ Афганистанѣ показали, что все бремя внѣшней войны падаетъ не на сипаевъ, а на королевскія войска. Событія, которыя въ настоящее время происходятъ въ Индіи, привели нѣкоторые англійскіе журналы къ заключенію, что 50,000 человекъ англійскихъ войскъ были бы въ состояніи удержать Индію, даже безъ помощи туземныхъ силъ.

Армія королевская, какъ мы сказали, совершенно независима отъ Компаніи. Она составляетъ часть общихъ военныхъ силъ метрополіи, посылаемую правительствомъ въ Индію для защиты и поддержанія англійскаго владычества на Востокъ. Офицеръ королевской арміи не можетъ быть переведенъ въ полкъ сипаевъ и обратно. Офицеры королевской арміи, служащіе въ Индіи, получаютъ обыкновенное свое жалованье отъ правительства метрополіи; но такъ какъ жалованье это ниже жалованья, получаемого офицерами Компаніи, то послѣдняя выдаетъ имъ прибавочныя деньги. Несмотря на это, положеніе офицеровъ королевской арміи не столь выгодно, какъ положеніе офицеровъ Компаніи, потому что имъ не позволяется занимать гражданскихъ, административныхъ, дипломатическихъ должностей, которыя удвояютъ и даже утраиваютъ жалованье послѣднихъ. Даже всѣ мѣста по интендантству и комиссаріату составляютъ исключительное достояніе однихъ только офицеровъ Компаніи. Такъ какъ посылка войскъ въ Индію соединена съ огромными расходами, то первоначально положено было, что каждый полкъ долженъ служить двадцать лѣтъ въ Индіи. Теперь срокъ этотъ сокращенъ на 15 лѣтъ, и войска отправляются не прямо въ Индію, а переходятъ постепенно посредствующіе гарнизоны, Гибралтаръ, Мальту, Капръ или Австралію, привыкая такимъ образомъ мало-по-малу къ знойному климату. Несмотря однакожъ на всѣ эти предосторожности, болѣзни и смертность чрезвычайно велики въ королевской арміи. Считаютъ, что изъ 1000 человекъ всегда 129 находится въ больницѣ, и между тѣмъ какъ въ Англійи изъ 1000 умираетъ 15 человекъ въ годъ, въ Бенгаліи умираетъ 7 изъ 100.

Соединенныя силы Компаніи и короны составляютъ армію въ 350,000 человекъ. Этой силы достаточно было, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ удерживать въ повиновеніи страну съ 150 милліонами жителей,—явленіе тѣмъ болѣе изумительное, что европейскій элементъ составляетъ только седьмую часть всей арміи. И этою силою не только поддерживалось англійское владычество въ Остѣ-Индіи, но совершены были огромныя завоеванія. Едва ли найдется армія, лѣтописи которой заключали бы въ себѣ столько блестящихъ страницъ за такое непродолжительное время. Начиная съ битвы при Пласси (Plassey) до битвы при Чиліанваллахѣ (Chillianwallah), мы видимъ одинъ рядъ побѣдъ и подвиговъ; всѣ великіе англійскіе генералы образовались въ этой школѣ. Но послѣднія событія показали, какъ не прочно, не надежно было это созданіе, на какомъ слабомъ основаніи оно держалось. За исключеніемъ мадрасскихъ и бомбейскихъ силъ, арміи сипаевъ уже не существуетъ; орудіе, посредствомъ котораго Компанія удерживала Индію въ своей власти, сокрушилось, и нѣтъ никакой возможности возсоздать его въ прежнемъ видѣ. Такой кризисъ былъ рано или поздно неизбеженъ. Туземныя массы, которымъ Компанія дала въ руки оружіе, почувствовали свою силу, сосчитались и обратили это оружіе противъ завоевателей. Сближеніе туземцевъ съ европейскимъ элементомъ произвело неизбежное, обыкновенное слѣдствіе; цивилизація обнаружила обычную свою силу; лучи ея проникли въ эту массу и разбудили ея сознаніе. По нашему мнѣнію, возстаніе сипаевъ есть не что иное, какъ первый симптомъ вліянія европейской цивилизаціи на неподвижную, окаменѣвшую массу индустанскаго народонаселенія. Возстаніе, которое продолжается уже шесть мѣсяцевъ, располагаетъ значительными силами, дѣйствуетъ по одному плану и не лишено извѣстной организаціи, такое возстаніе въ странѣ раздѣленной, разрозненной до безконечности, не связанной никакими общими интересами, въ странѣ, которая представляетъ намъ истинный хаосъ народностей, языковъ, кастъ и религій, — въ которой не можетъ быть рѣчи ни о народной независимости, ни о патриотизмѣ въ настоящемъ значеніи слова, — которой вся исторія являетъ только рядъ завоеваній извнѣ, никакого движенія внутри, — возстаніе въ такой странѣ есть, повторяемъ, первый признакъ жизни, начало развитія, первый симптомъ дѣйствія цивилизаціи. Армія сипаевъ есть первый и единственный живой организмъ, образовавшійся посреди мертвой, хаотической, такъ-сказать

неорганической массы индустанскаго народонаселенія. И организмъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ европейскому началу; онъ почувствовалъ въ себѣ уже столько силы, что добивается самостоятельнаго существованія; но эта сила заключается именно въ европейскомъ его происхожденіи: всѣ средства его, всѣ способы дѣйствія заняты у Европейцевъ. Не патриотизмъ, не желаніе народной независимости, не стремленіе къ достиженію политической свободы, даже не религіозный фанатизмъ даетъ силу возстанію сипаевъ; ничего этого нѣтъ и не можетъ быть въ арміи, составленной изъ смѣси самыхъ разнородныхъ элементовъ, враждебныхъ народностей, кастъ и вѣроисповѣданій. Существенная сила инсургентовъ лежитъ въ ихъ европейской военной дисциплинѣ и въ этомъ *esprit de corps*, который образовался мало-по-малу въ арміи сипаевъ. Вмѣстѣ съ духомъ товарищества появилось и сознаніе силы; почувствовавъ свою силу, сипаи захотѣли власти.

II.

Мы говорили до сихъ поръ о гражданскомъ и военномъ устройствѣ Остѣ-Индіи; мы должны бросить бѣглый взглядъ на другія стороны ея внутренняго быта. Прежде всего представляется вопросъ о народномъ воспитаніи, о нравственномъ и религіозномъ состояніи страны. Заботилась ли Компанія о распространеніи просвѣщенія и христіанской вѣры въ народонаселеніи, закоснѣвшемъ съ незапамятныхъ временъ въ грубомъ суевѣрїи и невѣжествѣ? Много ли сдѣлано было въ этомъ отношеніи? Отвѣтъ на эти вопросы не можетъ быть въ пользу Компаніи. Занятая исключительно своими торговыми оборотами, она оставляла долгое время въ совершенномъ пренебреженіи дѣло цивилизаціи и даже жертвовала для своихъ матеріальныхъ выгодъ, для увеличенія доходовъ, нравственными интересами подвластнаго себѣ народонаселенія. Только въ послѣднія времена, уступая общественному мнѣнію въ Англіи и благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ благородныхъ губернаторовъ, Компанія стала обращать болѣе вниманія на вопросъ о народномъ воспитаніи. Что касается до распространенія христіанскаго ученія въ Индіи, то

ніями. Теперь скажемъ только, что авторъ слишкомъ большое значеніе придаетъ обстоятельству, въ сущности второстепенному; что съ владычествомъ Англичанъ въ Индіи связаны гораздо высшіе интересы, нежели обезпеченіе судьбы младшихъ сыновей; что нельзя отчаиваться совершенно въ возможности просвѣщенія туземцевъ, что будущность Индіи не такъ безотраднa, какъ можно бы предполагать, слѣдуя воззрѣнію автора. Онъ смотритъ на Индію глазами многихъ государственныхъ людей и въ особенности торіевъ, и видитъ въ ней одну лишь жертву, обреченную по неумолимой необходимости на вѣчное служеніе исключительнымъ интересамъ Англіи. Индія должна страдать, потому что это нужно для жизни Англіи, иначе Англія погибнетъ. Воззрѣніе безотрадное, печальное, если не прибавимъ къ нему слѣдующаго соображенія. Допустимъ, что купецъ, плантаторъ, фабрикантъ соединяются для того, чтобы эксплуатировать Индію всевозможными способами, видятъ въ ней лишь огромный рынокъ для выгоднаго сбыта своихъ товаровъ, или одну лишь почву для производства своихъ матеріаловъ; допустимъ, что государственный человекъ жертвуетъ Индіею для внутреннихъ интересовъ Англіи, что младшіе сыновья семействъ смотрятъ на нее, какъ на средство содержанія и обогащенія; но нельзя позабыть, что рядомъ съ купцомъ, плантаторомъ, фабрикантомъ, чиновникомъ, солдатомъ, входитъ въ Индію цивилизація со всеми своими благами, что она прививается къ странѣ даже безъ ихъ воли, безъ ихъ участія и вѣдома. Правда, дѣйствіе ея можетъ быть долгое время незамѣтно, медленно, слабо; но оно существуетъ, и рано или поздно принесетъ свой плодъ, потому что сила цивилизаціи неотразима. Этимъ—то окупаются многіе временные недостатки англійскаго владычества въ Индіи.

Перейдемъ теперь къ обзорѣнн военныя силы Индіи.

Военное устройство Индіи, основанное, какъ извѣстно, на туземномъ элементѣ, на арміи сипаевъ, принадлежитъ къ самымъ любопытнымъ историческимъ явленіямъ. Вальбозенъ, писавшій свое сочиненіе до начала возстанія и никакъ не подозревавшій близости этого кризиса, находитъ военную систему Компаніи превосходною, и говоритъ, что англо-индійская армія какъ нельзя лучше приспособлена и къ странѣ, которую должна удерживать въ повиновеніи, и къ врагамъ, съ которыми должна сражаться. Онъ спрашиваетъ, можно ли было бы Англичанамъ совершить такіа огромныя завоеванія, еслибъ армія сипаевъ имѣла всѣ тѣ недо-

статки, въ которыхъ упрекають ее многочисленныя ея порицатели. Последнія событія опровергаютъ мнѣніе автора, по крайней мѣрѣ въ его безусловности. Нѣтъ сомнѣнія, что англо-индійское военное устройство было результатомъ долговременнаго опыта и глубокаго изученія характера туземцевъ и потребностей службы; нѣтъ сомнѣнія, что оно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстное время, было превосходно; но обстоятельства измѣняются съ теченіемъ времени, и самыя совершенныя учрежденія оказываются недостаточными при другихъ условіяхъ и въ другое время.

Двумъ главнымъ властямъ, которыя раздѣляютъ управление Индіи, соотвѣтствуютъ двѣ категоріи военныхъ силъ: армія Компаніи, въ которой господствуетъ туземный элементъ, и армія королевская, состоящая исключительно изъ англійскихъ войскъ. Посмотримъ на первую изъ нихъ.

Каждое изъ трехъ президентствъ имѣетъ свою отдѣльную армію, съ особеннымъ устройствомъ. Вальбезенъ описываетъ, по преимуществу, бенгалскую армію, съ которою онъ знакомъ ближе. Для полноты прибавимъ нѣкоторыя подробности о мадрасской и бомбейской.

Армія Компаніи состоитъ изъ туземцевъ, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ. Офицерскіе дипломы раздаются, какъ сказано выше, директорами. Для полученія диплома нужны только два условія: окончаніе курса наукъ въ коллегіи, и возрастъ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Молодой человѣкъ, получившій офицерскій дипломъ, по прибытіи въ Калькутту, отправляется въ полкъ, и отдается на руки сержанту-инструктору, который, въ продолженіе одного года, долженъ научить его военному искусству. Нечего говорить, что при такой системѣ военнаго воспитанія офицеры не приобрѣтаютъ особенныхъ познаній въ своемъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи офицеры англо-индійскіе не могутъ выдержать сравненія съ офицерами любой европейской арміи (1). Но недостатокъ спеціальныхъ военныхъ познаній они обыкновенно искупають, въ день сраженія, своею храбростью и неустрашимостью. Такъ какъ производство въ высшіе чины дѣлается только по старшинству, то, при обыкновенныхъ условіяхъ, молодой офицеръ, поступившій на службу Компаніи, рѣдко восходитъ

(1) Исключеніе составляютъ артиллерійскіе и инженерныя офицеры, которые подвергаются строгому экзамену.

выше капитанскаго или майорскаго чина. Майорскія эполеты обыкновенно составляютъ, для большинства офицеровъ, крайній предѣлъ честолюбія; нужно служить двадцать пять лѣтъ и болѣе, чтобы получить ихъ. Оттого происходитъ, что нерѣдко полковые офицеры складываютъ значительныя суммы и предлагаютъ ихъ своимъ майорамъ и полковникамъ, чтобы склонить ихъ выйти въ отставку. Въ военное время повышенія, разумѣется, идутъ скорѣе. Ни въ одной арміи въ мірѣ офицеры не получаютъ такихъ огромныхъ жалованій, какъ въ арміи Компаніи. Довольно упомянуть, что капитанъ получаетъ 3,000 руб. сер. въ годъ, полковникъ 12,000 р. с., простой прапорщикъ 4,500. Эти жалованья удваиваются и даже утраиваются, оттого что многимъ офицерамъ поручаются разныя гражданскія должности: административныя, дипломатическія, комиссаріатскія, интендантскія и другія. Но вслѣдствіе этого происходитъ одно очень важное неудобство. Офицеры, занятые гражданскою службой или спеціальными порученіями, отсутствуютъ изъ полковъ и нерѣдко случается, что полкомъ командуетъ поручикъ или прапорщикъ; Вальбезень приводитъ въ примѣръ одинъ батальонъ, который, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, находился подъ командою своего военного лѣкаря. Это обстоятельство значительно поясняетъ настоящее индійское возстаніе. Цѣлыя полки сипаевъ оставались по нѣскольку лѣтъ безъ серіознаго надзора, въ рукахъ молодыхъ неопытныхъ офицеровъ, несовершенно понимавшихъ языкъ туземцевъ и не знавшихъ часто, что происходитъ въ полку.

Переходя къ сипаямъ, мы начинаемъ слѣдующими словами Вальбезена: « Во всѣхъ отчетахъ о выставкахъ въ Парижѣ и Лондонѣ говорится, что произведенія Индіи привлекали всеобщее вниманіе; но, кто пожилъ въ Бенгаліи, согласится, что тамъ не доставало самаго любопытнаго произведенія этой земли — сипая. Дать Индусу наружный видъ европейскаго солдата, это дѣло удивительнаго терпѣнія, которое можетъ быть оцѣнено по достоинству только тѣмъ, кто вслѣдствіе продолжительнаго, ежедневнаго опыта убѣдился, какая непроходимая бездна предрасудковъ отдѣляетъ индійское племя отъ насъ и нашихъ обычаевъ. Компанія, дѣлая основаніемъ своего владычества въ Индіи туземную армію, должна была принять предохранительныя мѣры, чтобы оружіе сипаевъ не обратилось противъ нея самой. Для этого положено было составлять полки изъ разнородныхъ, часто другъ другу враждебныхъ стихій индустанскаго народонаселенія. Компанія обязана большею частью своихъ успѣховъ и завоеваній

тому искусству, съ какимъ она умѣла пользоваться враждою и соперничествомъ различныхъ племенъ и религій, и употребляла то мусульманъ противъ браминовъ, то обратно. Эту же обычную политику свою она примѣнила и къ военному устройству. Пѣхотные полки состоятъ обыкновенно изъ двухъ третей Индусовъ и одной трети мусульманъ; кромѣ того, со временъ завоеванія Пенджаба, прибавляется еще къ каждому полку одна рота ($\frac{1}{10}$) Сиковъ; такимъ образомъ одна стихія сдерживается другою. Въ кавалеріи преобладаетъ магометанскій элементъ. Вальбеэнь называетъ это учрежденіе мѣрою высокой политической мудрости; но настоящее возстаніе сипаевъ показываетъ, что эта мѣра, нѣкогда умная и полезная, теперь оказывается уже недѣйствительною: магометане и брамины дѣйствуютъ дружно. Впрочемъ это явленіе, по нашему мнѣнію, говоритъ въ пользу Англичанъ: оно показываетъ, что англійское владычество въ Индіи успѣло уже стереть или, по крайней мѣрѣ, смягчить ту страшную вражду, которая до сихъ поръ раздѣляла два главныхъ племени Индіи и двѣ соперничающія религіи. Другая мѣра, касающаяся впрочемъ одной бенгальской арміи, обнаруживаетъ въ настоящее время свои вредныя послѣдствія: это обычай составлять полки по преимуществу изъ высшихъ кастъ, воиновъ и браминовъ, которые сохраняютъ сильнѣе другихъ вражду къ иноплеменнымъ завоевателямъ и всѣ религіозные предрасудки и суевѣрія. Низшія касты, презираемыя и угнетаемыя высшими, всегда болѣе благоприятствовали Англичанамъ. Еще одно обстоятельство служитъ къ поясненію нынѣшнихъ событій, именно, что болѣшая часть сипаевъ бенгальской арміи происходитъ изъ Аудскаго королевства и сосѣднихъ съ ними областей, которыхъ народонаселеніе отличается особенно воинственнымъ духомъ.

Въ Индіи какъ и въ Англій, нѣтъ ни конскрипціи, ни другихъ формъ рекрутскаго набора; армія образуется изъ охотниковъ, которыхъ всегда является очень много, болѣе нежели нужно. Варренъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ англійской Индіи говоритъ, что еслибы нужно было миллионъ солдатъ, то черезъ шесть мѣсяцевъ можно имѣть ихъ, не прибѣгая къ насильному набору. Причина въ томъ, что положеніе сипая гораздо лучше въ матеріальномъ отношеніи, нежели положеніе простаго работника, наемника или земледѣльца. Сипай получаетъ отъ 7 до 9 рупій въ мѣсяцъ (5 — 6 руб. сер.), то-есть около 20 коп. сер. въ день, вдвое больше нежели заработная плата простаго наемника. Въ продолженіе года онъ сберегаетъ обыкновенно около 36 рупій, ко-

торыя отсылаетъ своему семейству. Притомъ, врожденная Индусамъ склонность къ лѣни и безопасность влечетъ ихъ въ армію, гдѣ нѣтъ ни трудовъ, ни заботъ о завтрашнемъ днѣ. Срокъ службы три года: по истеченіи трехъ лѣтъ каждый сипай можетъ возвратиться на родину, если захочетъ; но большая часть ихъ предпочитаетъ оставаться долѣе на службѣ. Пятнадцатилѣтняя служба даетъ право на пенсію, состоящую изъ 4 рупій въ мѣсяцъ. Учреждены два ордена, которыми награждаются храбрость и примѣрное поведеніе сипаевъ, орденъ Заслуги и Британской Индіи. Съ обоими связана пенсія. Всѣ высшіе посты въ полку, какъ мы сказали, замѣщаются англійскими офицерами, сипаямъ доступны только четыре низшіе, именно: *naik* или капралъ, съ жалованьемъ 12 рупій въ мѣсяцъ, *havildar* или сержантъ, 14 рупій, *jemadar* или подпоручикъ, 40 рупій; *soubadar* или поручикъ, 60 рупій. Производство въ эти чины дѣлается также по старшинству, такъ что джеммадары и субадары считаютъ обыкновенно по 50 и даже 60 лѣтъ. Но шестидесятилѣтній субадаръ долженъ повиноваться во всемъ двадцатилѣтнему англійскому прапорщику, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ начальствовать надъ Англичаниномъ. Составъ пѣхотнаго полка сипаевъ таковъ: 1 полковникъ, 1 майоръ, 6 капитановъ, 10 поручиковъ, 5 прапорщиковъ, 1 хирургъ, 1 полковой адъютантъ, 1 сержантъ-майоръ, все это Англичане; изъ туземцевъ 10 субадаровъ, 10 джеммадаровъ, 3 врача, 60 гавильдаровъ, 60 наиковъ, 20 барабанщиковъ и 1000 простыхъ сипаевъ. Презрѣніе, которое Англичане питаютъ къ Азіятцамъ, и неизлѣчимая гордость ихъ характера отразилась самымъ несчастнымъ образомъ на отношеніяхъ офицеровъ къ сипаямъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ туземца отъ англійскаго офицера. Между офицерами и сипаями нѣтъ никакой нравственной связи; штабъ совершенно отдѣленъ отъ туземцевъ, офицеры имѣютъ очень мало сближеній съ сипаями и всегда остаются чужды для нихъ; многія мелкія предписанія еще болѣе увеличиваютъ это врожденное отчужденіе. Все бремя, всѣ заботы команды лежатъ на туземныхъ офицерахъ, они отвѣтствуютъ за порядокъ, поведеніе и знаніе полка, но въ день сраженія они уступаютъ и сдаютъ команду англійскимъ офицерамъ. Всѣ труды и лишенія службы на сторонѣ туземцевъ: на сторонѣ Англичанъ одна лишь честь и выгода ея. Отношеніе неловкое, исполненное опасностей. Вальбенъ сознаетъ дурную сторону такого порядка вещей, но онъ опять не предвидитъ опасности и говорить: «Правда, что поло-

женіе туземнаго офицера, лишеннаго надежды на повышеніе, подчиненнаго любому англійскому юнкеру, не представляет много пищи честолюбію сипая; но существуетъ ли честолюбіе и жажда высокихъ почестей среди этихъ смиренныхъ и простыхъ людей, наполняющихъ армію Компаніи? требуютъ ли они чего-нибудь выше положенія, дающаго насущный хлѣбъ имъ и ихъ семействамъ? Позволительно сомнѣваться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ почти не случалось, чтобъ туземный офицеръ или унтеръ-офицеръ принялъ участіе въ какомъ-нибудь возмущеніи сипаевъ. » То, чего не бывало до сихъ поръ, случилось теперь вдругъ: вождями возстанія сипаевъ вездѣ являются туземные офицеры. Это понятно, потому что теперь многіе изъ этихъ офицеровъ, посѣдѣвшихъ на службѣ Компаніи, понимаютъ по-англійски, читаютъ англійскіе журналы и книги. вмѣстѣ съ образованіемъ, они пришли къ сознанію своего незавиднаго положенія; вмѣстѣ съ образованіемъ, возрасло въ нихъ чувство личнаго достоинства; высокоуміе англійскихъ офицеровъ, ихъ недоступность и презрѣніе ко всему туземному стало невыносимо для сипаевъ; огромныя жалованья, роскошная жизнь, комфортъ англійскихъ офицеровъ сдѣлались предметомъ ихъ зависти. Замѣчательно, что вездѣ, гдѣ восторжествовало возстаніе, инсургенты удерживаютъ названія англійскихъ военныхъ чиновъ, называютъ себя майорами, полковниками, генералами; офицеры сипаевъ тщательно присвоиваютъ себѣ палатки, кареты, мебель убитыхъ англійскихъ офицеровъ, одѣваются въ ихъ мундиры и во всемъ подражаютъ имъ. Туземцамъ очевидно наскучила второстепенная роль, которую они играли; имъ захотѣлось также значенія, почестей, чиновъ и большихъ жалованій. Это походитъ на возстаніе слугъ противъ господъ.

Скажемъ теперь о численномъ количествѣ арміи сипаевъ во всѣхъ трехъ президентствахъ. Бенгальская армія состоитъ изъ 74 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ линейныхъ полковъ; къ этому надобно присоединить иррегулярныя войска въ числѣ 31 полка кавалеріи и 41 полка пѣхоты, мѣстную милицію (16 полковъ), и контингенты нѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ раджей, навабовъ и князей индійскихъ. Иррегулярными полками кавалеріи и пѣхоты командуютъ также англійскіе офицеры, но англійскій штабъ этихъ полковъ состоитъ только изъ четырехъ человекъ: командира, лейтенанта, адъютанта и хирурга. Артиллерія бенгальской арміи состоитъ большею частью изъ Европейцевъ; на девять батальионовъ пѣхотной артиллеріи, только три составлены

торья отсылаетъ своему семейству. Притомъ, врожденная Индусамъ склонность къ лѣни и безпечность влечетъ ихъ въ армію, гдѣ нѣтъ ни трудовъ, ни заботъ о завтрашнемъ днѣ. Срокъ службы три года: по истеченіи трехъ лѣтъ каждый сипай можетъ возвратиться на родину, если захочетъ; но ббльшая часть ихъ предпочитаетъ оставаться долѣе на службѣ. Пятнадцатилѣтняя служба даетъ право на пенсію, состоящую изъ 4 рупій въ мѣсяцъ. Учреждены два ордена, которыми награждаются храбрость и примѣрное поведеніе сипаевъ, орденъ Заслуги и Британской Индіи. Съ обоими связана пенсія. Всѣ высшіе посты въ полку, какъ мы сказали, замѣщаются англійскими офицерами, сипаямъ доступны только четыре низшіе, именно: *naik* или капралъ, съ жалованьемъ 12 рупій въ мѣсяцъ, *havildar* или сержантъ, 14 рупій, *jemadar* или подпоручикъ, 40 рупій; *soubadar* или поручикъ, 60 рупій. Производство въ эти чины дѣлается также по старшинству, такъ что джеммадары и субадары считаютъ обыкновенно по 50 и даже 60 лѣтъ. Но шестидесятилѣтній субадаръ долженъ повиноваться во всемъ двадцатилѣтнему англійскому прапорщику, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ начальствовать надъ Англичаниномъ. Составъ пѣхотнаго полка сипаевъ таковъ: 1 полковникъ, 1 майоръ, 6 капитановъ, 10 поручиковъ, 5 прапорщиковъ, 1 хирургъ, 1 полковой адъютантъ, 1 сержантъ-майоръ, все это Англичане; изъ туземцевъ 10 субадаровъ, 10 джеммадаровъ, 3 врача, 60 гавильдаровъ, 60 наиковъ, 20 барабанщиковъ и 1000 простыхъ сипаевъ. Презрѣніе, которое Англичане питаютъ къ Азіятцамъ, и неизлѣчимая гордость ихъ характера отразились самымъ несчастнымъ образомъ на отношеніяхъ офицеровъ къ сипаямъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ туземца отъ англійскаго офицера. Между офицерами и сипаями нѣтъ никакой нравственной связи; штабъ совершенно отдѣленъ отъ туземцевъ, офицеры имѣютъ очень мало сближеній съ сипаями и всегда остаются чужды для нихъ; многія мелкія предписанія еще болѣе увеличиваютъ это врожденное отчужденіе. Все бремя, всѣ заботы команды лежатъ на туземныхъ офицерахъ, они отвѣтствуютъ за порядокъ, поведеніе и знаніе полка, но въ день сраженія они уступаютъ и сдаютъ команду англійскимъ офицерамъ. Всѣ труды и лишенія службы на сторонѣ туземцевъ: на сторонѣ Англичанъ одна лишь честь и выгода ея. Отношеніе неловкое, исполненное опасностей. Вальбень сознаетъ дурную сторону такого порядка вещей, но онъ опять не предвидитъ опасности и говоритъ: «Правда, что поло-

женіе туземнаго офицера, лишеннаго надежды на повышеніе, подчиненнаго любому англійскому юнкеру, не представляет много пищи честолюбію сипая; но существуетъ ли честолюбіе и жажда высокихъ почестей среди этихъ смиренныхъ и простыхъ людей, наполняющихъ армію Компаніи? требуютъ ли они чего-нибудь выше положенія, дающаго насущный хлѣбъ имъ и ихъ семействамъ? Позволительно сомнѣваться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ почти не случалось, чтобъ туземный офицеръ или унтеръ-офицеръ принялъ участіе въ какомъ-нибудь возмущеніи сипаевъ. » То, чего не бывало до сихъ поръ, случилось теперь вдругъ: вождями возстанія сипаевъ вездѣ являются туземные офицеры. Это понятно, потому что теперь многие изъ этихъ офицеровъ, посѣдѣвшихъ на службѣ Компаніи, понимаютъ по-англійски, читаютъ англійскіе журналы и книги. вмѣстѣ съ образованіемъ, они пришли къ сознанію своего незавиднаго положенія; вмѣстѣ съ образованіемъ, возросло въ нихъ чувство личнаго достоинства; высокомѣріе англійскихъ офицеровъ, ихъ недоступность и презрѣніе ко всему туземному стало невыносимо для сипаевъ; огромныя жалованья, роскошная жизнь, комфортъ англійскихъ офицеровъ сдѣлались предметомъ ихъ зависти. Замѣчательно, что вездѣ, гдѣ восторжествовало возстаніе, инсургенты удерживаютъ названія англійскихъ военныхъ чиновъ, называютъ себя майорами, полковниками, генералами; офицеры сипаевъ тщательно присваиваютъ себѣ палатки, кареты, мебель убитыхъ англійскихъ офицеровъ, одѣваются въ ихъ мундиры и во всемъ подражаютъ имъ. Туземцамъ очевидно наскучила второстепенная роль, которую они играли; имъ захотѣлось также значенія, почестей, чиновъ и большихъ жалованій. Это походитъ на возстаніе слугъ противъ господъ.

Скажемъ теперь о численномъ количествѣ арміи сипаевъ во всѣхъ трехъ президентствахъ. Бенгальская армія состоитъ изъ 74 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ линейныхъ полковъ; къ этому надобно присоединить иррегулярныя войска въ числѣ 31 полка кавалеріи и 41 полка пѣхоты, мѣстную милицію (16 полковъ), и контингенты нѣкоторыхъ полусамостоятельныхъ раджей, навабовъ и князей индійскихъ. Иррегулярными полками кавалеріи и пѣхоты командуютъ также англійскіе офицеры, но англійскій штабъ этихъ полковъ состоитъ только изъ четырехъ человекъ: командира, лейтенанта, адъютанта и хирурга. Артиллерія бенгальской арміи состоитъ большею частью изъ Европейцевъ; на девять батальионовъ пѣхотной артиллеріи, только три составлены

низацію, свои догмы и вѣрованія, свои обряды, своихъ начальниковъ и безчисленное множество членовъ, разныхъ ступеней, агентовъ, эмиссаріевъ, дѣятельныхъ участниковъ и пассивныхъ адептовъ, даже своихъ прозелитовъ, апостоловъ и мучениковъ. Основаніемъ этой страшной секты тайныхъ убійць, похожихъ на извѣстныхъ ассасиновъ крестовыхъ походовъ, служило поклоненіе богинѣ Бовани, мрачному божеству, представляющему начало зла, начало разрушающее. Это божество, находясь въ постоянной борьбѣ съ началомъ творящимъ, особенно ненавидитъ родъ человѣческой, любитъ кровопролитіе, убійство и разрушеніе, и наслаждается человѣческими жертвами. Богиня Бовани сама установила орденъ своихъ поклонниковъ *туговъ*, или *пансигаровъ*, повелѣла имъ истреблять людей и научила ихъ искусству удавливанія. Чѣмъ кто болѣе человѣческихъ жертвъ принесетъ богинѣ, тѣмъ большихъ наградъ можетъ ожидать отъ нея въ будущей жизни. Въ честь своей богини тугъ умерщвляетъ, безъ гнѣва и безъ угрызенія совѣсти, ребенка, женщину, старика. Онъ долженъ убивать всякаго, кто не принадлежитъ къ обществу поклонниковъ Бовани. Рѣдко тугъ прибѣгаетъ къ открытой силѣ, онъ совершаетъ убійства тайно; коварство, хитрость, лицемѣріе суть обыкновенныя его орудія; онъ приготовляетъ убійство потихоньку, исподоволь вкрадывается въ довѣріе жертвы, обреченной имъ на погибель, опутываетъ ее своими сѣтями и при удобномъ случаѣ умерщвляетъ. Такого рода общество существовало съ незапамятныхъ временъ въ Индіи, и такую глубокою тайною покрыты были его дѣйствія, что никто не подозрѣвалъ даже его существованія. Ежегодно тысячи жертвъ падали, поражаемая невидимою рукою; тугизмъ распространился до такой степени, что опоясывалъ какъ цѣпью, всю страну и пожиралъ все общественное тѣло Индіи, и тайна все-таки оставалась непроницаемою тайною. «Какимъ образомъ подобная система, говоритъ Варренъ, могла получить такое развитіе, и какимъ образомъ народонаселеніе, среди котораго жили адепты тугизма, не знало, даже не подозрѣвало ея существованія, это можетъ понять только тотъ, кто знакомъ съ особенными политическими и общественными условіями страны. Индія всегда была раздроблена на множество мелкихъ государствъ, враждебныхъ другъ другу; никогда эти государства не соединились въ общій союзъ, для того чтобъ обезпечить безопасность публичныхъ дорогъ; если въ которомъ-нибудь изъ нихъ и находилась энергическая полн-

ція, то дѣйствіе ея не простиралось за предѣлы небольшой территоріи. Если притомъ примемъ во вниманіе, что въ Индii никогда не существовало тѣхъ средствъ сообщенія и перевоза, которыми пользуется Европа; что по недостатку почтъ и дилижансовъ самыя далекія путешествія дѣлаются пѣшкомъ или верхомя, что путешественникъ, отправляясь въ дорогу, долженъ брать съ собою все нужное, часто даже все свое имѣніе; что нѣтъ въ Индii большихъ, публичныхъ дорогъ, а есть большею частью одиѣ лишь тропинки среди огромныхъ лѣсовъ, горъ и пустынь; что деревни очень рѣдки, и народонаселеніе не очень густо; что на огромныхъ пространствахъ, раздѣляющихъ деревни, нельзя встрѣтить человѣческаго жилища, гдѣ бы можно опасаться свирѣпостей; если сообразимъ все это, то поймемъ легко, что всѣ возможныя условія соединились для того, чтобъ облегчить дѣло туземца и обезпечить его совершенную безнаказанность.» Но мало того, даже Англичане, въ первыя пятьдесятъ лѣтъ своего владычества въ Индii, ничего не знали о существованіи такой страшной общественной язвы. Въ 1810 году, въ первый разъ, злодѣянiя туговъ обратили на себя вниманіе Компаніи. Большое число туземныхъ солдатъ, отправившихся въ отпускъ, исчезло внезапно. Слѣдствіе, произведенное по этому дѣлу, открыло существованіе туземца, но никто еще тогда не подозрѣвалъ всего объема зла; показанія, сдѣланныя захваченными преступниками, были такъ ужасны, такъ чудовищны, что казались невѣроятными. Однакожь убійства продолжались въ страшныхъ размѣрахъ; многія шайки туговъ попали въ руки правительства; нѣкоторые изъ нихъ, желая избѣгнуть наказанія, сдѣлались донощиками и разоблачили систему своихъ соучастниковъ. Въ числѣ этихъ доказчиковъ былъ знаменитый Фарингеа, который сдѣлалъ самыя полныя и самыя ужасныя показанія. Имя этого начальника туговъ страннымъ образомъ получило громкую извѣстность въ Европѣ: Евгений Сю ввелъ его въ число дѣйствующихъ лицъ своего романа *Вѣчный Жидъ*. «Кто былъ въ Индii въ 1831 и 1832 году, говоритъ Варренъ, тотъ помнитъ, какое изумленіе и какой всеобщій ужасъ произвело открытіе адской машины туземца.» Оказалось, что цѣлыя тысячи преступниковъ свирѣпствовали, что вся почва страны покрыта была костями жертвъ этого небывалаго въ мiрѣ фанатизма. До какой степени доходило остервененіе этой секты, показываетъ примѣръ одного изъ начальниковъ туговъ, который сознался, что въ продолженіе своей жизни совершилъ семьсотъ

девятнадцать убійствъ и часто повторялъ со вздохомъ и досадою эти невѣроятныя слова: «Еслибы я не провелъ десяти лѣтъ моей жизни въ темницѣ, я на вѣрно дошелъ бы до тысячи, при помощи Бовани.» Въ то время, когда сдѣланы были эти ужасающія открытія, во главѣ правительства Компаніи стоялъ человекъ энергической воли, искренній другъ человѣчества—лордъ Уильямъ Бентинкъ. Онъ понялъ, что надзоръ обыкновенной полиціи будетъ безсиленъ противъ тугизма и не въ состояніи искоренить эту язву, и потому онъ составилъ изъ самыхъ способныхъ, дѣятельныхъ и энергическихъ офицеровъ и чиновниковъ Компаніи особенную комиссію, которой поручилъ истребленіе тугизма. Значительныя военныя силы были отданы въ распоряженіе этой комиссіи, и тогда на всемъ протяженіи страны начался настоящій крестовый походъ противъ туговъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ комиссія преслѣдовала, безъ отдыха и безъ милосердія, эту кровавую секту; съ 1831 по 1837 годъ 3,266 туговъ были преданы въ руки правосудія. Изъ этого числа 412 человекъ были повѣшены, 1,059 сосланы въ Пенангъ, остальные заключены въ темницу. Эти цифры даютъ намъ понятіе о томъ, какое страшное истребленіе человѣческой жизни производилось до открытія алскаго механизма туговъ. Наслѣдники лорда Бентинка неутомимо продолжали принятыя имъ энергическія мѣры, и въ настоящее время тугизмъ уже не существуетъ; онъ истребленъ окончательно въ Индіи. Безъ всякаго сомнѣнія, это одно изъ величайшихъ благодѣяній, которыя даровало туземцамъ англійское правительство.

Кромѣ тугизма, Англичане нашли въ Индіи еще другіе ужасы, о которыхъ нѣтъ понятія въ Европѣ. До сихъ поръ во всѣхъ трехъ президентствахъ существуютъ цѣлыя шайки такъ называемыхъ *dattureas*, или отравителей, которые умерщвляютъ и грабятъ путешественниковъ по большимъ дорогамъ. Такъ какъ эти шайки не связаны никакою общою организаціею, то англійскому правительству трудно истребить ихъ. Рядомъ съ *dattureas* существуетъ цѣлая каста такъ-называемыхъ *дакоитовъ*; ночной грабежъ со взломомъ составляетъ ихъ обыкновенное ремесло. До какихъ размѣровъ доходятъ эти преступленія, видно изъ официальныхъ отчетовъ англійскихъ судовъ въ Индіи. Съ 1833 по 1836 годъ 14,168 *дакоитовъ* были отданы подъ судъ; изъ нихъ 4,665 приговорены къ смертной казни и сосланы. Не будемъ говорить о множествѣ другихъ преступленій, которыя совершаются въ Индіи, этой классической землѣ

всякаго рода злодѣйствъ; скажемъ только, къ чести англійскаго правительства, что оно неутомимо занимается преслѣдованіемъ преступниковъ и, не страшась постоянныхъ препятствій, съ которыми встрѣчается, всѣми мѣрами заботится о водвореніи общественнаго порядка и безопасности лицъ и имуществъ. Это самая утѣшительная сторона дѣятельности Англичанъ въ Индіи, сторона, на которую вообще весьма мало обращаютъ вниманія не только систематическіе враги и порицатели Англій, но даже многіе изъ ея друзей. Правда, что Англичане немного заботились о политическихъ правахъ туземцевъ, объ умственномъ и нравственномъ ихъ образованіи; но не надобно забывать, что прежде всего имъ нужно было создать самыя первыя условія, основныя гарантіи гражданскаго порядка, которыхъ не существовало въ Индіи, освободить страну отъ всѣхъ тѣхъ противобщественныхъ элементовъ, которые препятствовали правильному развитію гражданскаго быта; не надобно притомъ забывать, съ какими трудностями соединена была эта задача; она поглощала всѣ силы, всѣ средства Компаніи, и мало оставляла мѣста для дѣятельности другаго рода. Не можетъ быть сомнѣнія, что никогда въ прежнія времена туземное народонаселеніе не пользовалось такою суммою общественнаго порядка, внутренней безопасности и благоустройства, какъ теперь при англійскомъ правительствѣ. Неприкосновенность лицъ и имуществъ, непристрастный судъ, правильный ходъ управленія, всѣ эти необходимыя гарантіи общественнаго быта, мало были извѣстны туземцамъ при прежнихъ деспотическихъ и варварскихъ правительствахъ. Всѣмъ этимъ обязана Индія англійскому владычеству. Одинъ фактъ особенно характеризуетъ перемѣну, которая произошла въ общественномъ быту туземцевъ подъ вліяніемъ Англичанъ. Каждому, кто знаетъ Азію, извѣстно, какимъ опасностямъ подвергается жизнь и имущество богатыхъ людей въ азіятскихъ государствахъ; богачи должны притворяться нищими и тщательно скрывать свои богатства для того, чтобы не сдѣлаться жертвою хищныхъ правителей и деспотовъ, которые безнаказанно играютъ жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ. Теперь во всѣхъ главныхъ центрахъ народонаселенія въ Индіи живутъ десятками банкиры, миллионеры, купцы туземные, которые выставляютъ на показъ свои богатства и увѣрены въ совершенной безопасности: явленіе неслыханное доселѣ въ Азіи!

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что въ послѣднее время сдѣланы были даже попытки ввести въ Индію одну изъ

тѣхъ неотъемлемыхъ принадлежностей англійской націи, которыя сопровождаютъ ее повсюду, именно судъ присяжныхъ для туземцевъ. Въ то время, когда вспыхнуло возстаніе сипаевъ, верховный совѣтъ управленія въ Калькуттѣ занимался обсужденіемъ проекта, который имѣлъ цѣлью распространить кругъ дѣйствія присяжныхъ и сдѣлать это учрежденіе повсемѣстнымъ въ Индіи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ экономическомъ состояніи страны, объ ея производствѣ и потребленіи, о торговомъ движеніи и публичныхъ работахъ. Много ли сдѣлала Компанія для увеличенія матеріальнаго благосостоянія страны? Заботилась ли объ умноженіи ея народнаго богатства? Вотъ вопросы, которые требуютъ отвѣта.

Извѣстно, какъ богато надѣлена Индія природою, какимъ плодородіемъ отличается ея почва; всѣ естественныя условія самаго громаднаго экономическаго развитія существуютъ въ этой благословенной землѣ; однакожь, въ отношеніи къ производству, въ отношеніи къ народному богатству, она не можетъ выдержать сравненія даже съ самыми бѣдными странами Европы. Если сравнимъ средства съ результатами, то увидимъ, что Индія не производитъ даже десятой части того, что могла бы производить. Обладая естественными природными условіями производства, она лишена условій, которыя создаетъ трудъ человѣческій. Существуютъ силы природы, но не достаетъ труда и капитала, которые бы привели ихъ въ дѣйствіе. До послѣдняго времени, до самаго 1854 г., въ которомъ была уничтожена монополія Компаніи, остъ-индское правительство не сдѣлало почти ничего для увеличенія производительности страны, и оставляло въ совершенномъ пренебреженіи всѣ матеріальныя и экономическіе интересы ея. Первоначально Компанія занята была одними лишь торговыми оборотами, заботилась исключительно о сбытѣ своихъ товаровъ, и о дивидендѣ своихъ акціонеровъ. Къ большому или меньшему благосостоянію страны, къ большей или меньшей производительности ея купцы и негоціанты были совершенно равнодушны; главное дѣло для нихъ было помѣстить товары и заплатить дивиденды. Потомъ Компанія, въ продолженіе многихъ лѣтъ, занята была постоянно войною, завоеваніями, распространеніемъ своихъ владѣній. вмѣстѣ съ новыми пріобрѣтеніями росли расходы ея, война поглащала огромныя суммы; вслѣдствіе этого, все вниманіе Компаніи обратилось на увеличеніе доходовъ, главною ея заботою сдѣлался сборъ податей и налоговъ, изобрѣтеніе новыхъ источниковъ дохода. Компанія эксплуатировала страну,

истощала всѣ ея средства, и попрежнему вовсе не заботилась объ увеличеніи ея благосостоянія, о созданіи новыхъ средствъ. Многія отрасли производства попрежнему находились въ дѣтствѣ, нѣкоторыя пришли даже въ совершенный упадокъ: Компанія обращала постоянно въ свою пользу всѣ стіхія народнаго богатства, но съ своей стороны ничего къ нимъ не прибавляла. Въ продолженіе первыхъ шестидесяти лѣтъ своего господства, Компанія не построила ни одной дороги, не прорыла ни одного канала, не предприняла никакихъ общепользныхъ публичныхъ работъ; мало того, она не заботилась даже о сохраненіи построекъ, которыя оставили послѣ себя прежніе туземные власти. Но чтобы быть справедливымъ, нужно сказать, что съ 1830 г. и даже раньше, вообще съ тѣхъ поръ какъ торговля перестала быть главнымъ занятіемъ Компаніи, когда Компанія утратила исключительный характеръ монополіи, который долго давало ей поддерживать государство, когда провозглашена была свобода торговли, остъ-индское правительство стало лучше понимать свои интересы и свои обязанности, пришло къ сознанію настоящихъ потребностей страны и начало дѣятельно заботиться объ экономическомъ развитіи и о матеріальномъ ея благосостояніи. Известно, что Индія есть страна преимущественно способная къ производству разнаго рода сырыхъ матеріаловъ. Въ послѣднія тридцать лѣтъ, Компанія не оставила безъ вниманія ни одной отрасли сельскаго хозяйства, поощрала всѣми мѣрами воздѣлываніе индига, сахарнаго тростника, льна, конопли и пр. Значительные успѣхи сдѣланы были въ производствѣ всѣхъ этихъ сырыхъ матеріаловъ, но особенное вниманіе Компанія обратила на воздѣлываніе хлопчатой бумаги: болѣе чѣмъ пять милліоновъ акровъ земли посвящено этой отрасли производства, и полученные результаты предвѣщаютъ, что современемъ Англія можетъ-быть вовсе не будетъ нуждаться въ хлопчатой бумагѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что Индія будетъ въ состояніи снабжать въ достаточномъ количествѣ всѣ англійскія фабрики этимъ важнымъ матеріаломъ. То, что Компанія сдѣлала послѣ тридцатыхъ годовъ относительно путей сообщенія и другихъ общепользныхъ предпріятій, уже теперь можетъ изгладить невыгодное воспоминаніе о прежнемъ ея нерадѣніи. Одна изъ первыхъ потребностей страны, условливаемыхъ ея климатомъ и качествомъ почвы, состоитъ въ искусственномъ орошеніи полей. Для этой цѣли предприняты Компаніею многія гидравлическія работы, которыя громадностію своею приводятъ въ изумленіе самихъ Европейцевъ.

Такъ, каналъ рѣки Джумны, длиною въ 580 миль, орошаетъ теперь пространство 2,870 квадратныхъ миль. Въ Пенджабѣ начать другой каналъ длиною въ 450 миль; онъ долженъ снабжать водою всю страну, заключенную между рѣками Рава и Сутледжъ. Каналъ рѣки Ганга, открытый въ 1854 г., имѣетъ 525 миль длины, 10 футовъ глубины; самая большая ширина его простирается до 170 футовъ. Когда кончены будутъ всѣ вѣтви этого канала, длина его достигнетъ 900 миль, и онъ будетъ оплодотворять 1,470,000 акровъ земли. Это громадное предпріятіе, съ которымъ не можетъ быть сравнено ничто въ Европѣ, стоило уже до сихъ поръ 1,400,000 фунтовъ стерл. Въ Мадрасскомъ президентствѣ, если нѣтъ такихъ каналовъ, за то устроены плотины, которыя во время засухи снабжаютъ поля водою рѣкъ. Три такого рода плотины на рѣкахъ Гадавери, Ковери и Кришна, стоили вмѣстѣ 430,000 фунт. стерл. Высчитываютъ, что первая изъ нихъ увеличиваетъ производство земель, которыя орошаетъ, на 1,500,000 фунт. стерл. ежегодно. Ни одна, можетъ-быть, страна въ мірѣ не нуждается до такой степени въ путяхъ сообщенія, какъ Индія. Компанія вполне сознала эту потребность и предприняла постройку многихъ дорогъ для соединенія главныхъ центровъ народонаселенія. Вотъ главные изъ нихъ: 1) большой военный и торговый трактъ, такъ-называемый *great trunk road*, который долженъ соединить Калькутту съ Дельги, Лагоромъ и Пешаверомъ. Эта огромная артерія, связывающая обѣ сѣверныя оконечности остъ-индскихъ владѣній, устроена по системѣ Макадама и окончена уже на протяженіи 980 миль, то-есть отъ Калькутты до Карнауль. Все протяженіе ея должно занимать 1,450 миль; такъ какъ каждая миля среднимъ числомъ стоитъ 1,000 фунт. стерл., то вся линія, по окончаніи, представлять будетъ огромный капиталъ 1,500,000 фунт. стерл. 2) Дорога, которая должна связать Калькутту съ Бомбеемъ, конченная на протяженіи 150 миль. 3) Дорога, соединяющая Бомбей съ Агрюю—780 миль, которая уже открыта для проѣзжающихъ. Всѣ оконченные и находящіеся въ постройкѣ дороги имѣютъ 3,159 миль протяженія и представляютъ расколъ въ 2,166,600 фунт. стерл. Цифры эти достаточно говорятъ объ усиліяхъ остъ-индскаго правительства въ послѣднія двадцать лѣтъ. Но важность этихъ обыкновенныхъ путей сообщенія исчезаетъ въ сравненіи съ важностію желѣзныхъ дорогъ, которыхъ постройка началась самымъ дѣятельнымъ образомъ въ послѣднее время. Ни въ одной странѣ въ мірѣ желѣзныя дороги не имѣютъ такого огромнаго значенія, какъ въ Индіи; онѣ предвѣщаютъ

результаты, которые трудно даже намѣрить въ настоящее время. Желѣзные дороги не только увеличатъ громаднымъ образомъ производительность страны и движеніе ея торговли, но принесутъ великую пользу относительно внутренняго управленія и общественной безопасности, и послужатъ къ самому прочному утвержденію англійскаго владычества въ Индіи. Мы видѣли, какъ немногочисленна англо-индійская администрація; мы говорили о томъ, что правители округовъ и коллекторы управляютъ областями, равными европейскимъ государствамъ; если высшему чиновнику нужно произвести лично какое-нибудь слѣдствіе или ревизію въ той или другой мѣстности округа, онъ долженъ, за немѣніемъ другихъ средствъ сообщенія, отправляться въ путь на носилкахъ (въ паланкинѣ), отчего происходитъ огромная потеря времени, замедленіе дѣла и множество разнаго рода неудобствъ и затрудненій. Желѣзные дороги, давая возможность чиновникамъ переноситься мгновенно изъ одного конца округа въ другой, уволятъ средства правительства, облегчатъ его дѣйствія и одѣлаютъ его надзоръ повсемѣстнымъ. Мало того, желѣзные дороги увеличатъ въ огромныхъ размѣрахъ военную силу правительства. Въ настоящее время движеніе войскъ соединено съ чрезвычайными трудностями и расходами, совершается очень медленно, и только въ извѣстныхъ времена года. Нужно три мѣсяца, чтобы небольшой отрядъ войска прибылъ изъ Калькутты въ Дельги; при помощи желѣзныхъ дорогъ, такое движеніе войска потребуетъ лишь нѣсколько дней и гораздо меньшихъ издержекъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Индіи предпринята частными обществами, правительство гарантируетъ 5 процентовъ и уступаетъ даромъ мѣсто подъ дорогу. Главныя предположенныя линіи суть слѣдующія: 1) сѣверо-западная линія, которая должна связать Калькутту съ Дельги, проходя черезъ Бурдванъ, Мирзапуръ, Аллагабадъ и Агру. Она кончена уже на значительномъ протяженіи; каждая миля обходится въ 10,000 фунт. стерл.; 2) линія отъ Бомбея до Мирзапура, открытая на небольшомъ пространствѣ: между Бомбеємъ и Нассокомъ; 3) линія изъ Бомбея въ Мадрасъ черезъ Пуна и Беларн, открыта съ обѣихъ концовъ; наконецъ 4) южная линія изъ Мадраса въ Каликутъ находится въ постройкѣ. Все протяженіе желѣзныхъ дорогъ должно занимать 3,194 миль. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ, устроено на Гангѣ, Индѣ и Ирравади паровое судоходство и 4,000 миль электрическихъ телеграфовъ въ разныхъ направленіяхъ. Послѣ этого нужно быть очень при-

страстнымъ судьей, чтобы сказать, что Англичане ничего не сдѣлали для Индіи.

Что касается остъ-индской торговли, ввоза и вывоза товаровъ, довольно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ общая сумма движенія торговли увеличилась на 10,750,000 ф. стерл. Съ тѣхъ поръ какъ была уничтожена монополія Компаніи, съ тѣхъ поръ, какъ гавани Индіи сдѣлались доступны не только всѣмъ англійскимъ подданнымъ, но и кораблямъ всѣхъ государствъ Европы и Америки, торговое движеніе не переставало возрастать съ каждымъ годомъ. Чтобы оцѣнить, какія благодѣтельные послѣдствія, какіе блестящіе результаты произвела эта мѣра, водворившая въ Европѣ эру свободной торговли, надобно сравнить нѣсколько официальныхъ цифръ. Въ періодъ отъ 1830 по 1834 сумма движенія кораблей, въ двухъ главныхъ гаваняхъ, Калькуттѣ и Бомбей, доходило до 240,000 тоннъ; ввозъ простирался на сумму 26 милліоновъ рупій; вывозъ на 38 милліоновъ. Въ послѣднія пять лѣтъ, въ тѣхъ же гаваняхъ, средняя сумма ввоза достигла 163 милліоновъ рупій, средняя сумма вывоза 201 милліоновъ. Число входящихъ и выходящихъ кораблей было 2,500, мѣрою въ 1,400,000 тоннъ. Главный предметъ вывоза составляютъ сырые матеріалы, предметы ввоза произведенія фабрикъ и мануфактуръ европейскихъ. Одни бумажныя и прядильныя издѣлія англійскихъ фабрикъ ввозятся въ Индію на сумму 30 милліоновъ рублей ежегодно.

Остается намъ упомянуть о финансахъ Остъ-Индской Компаніи. « Безъ сомнѣнія, говоритъ Вальбезенъ, финансовая исторія Компаніи не столь блистательна, какъ военная ея исторія; дефицитъ въ бюджетъ бываетъ часто послѣдствіемъ самыхъ славныхъ кампаній ея арміи; но кто же можетъ теперь сказать, что результаты не соответствовали пожертвованіямъ? Нѣкоторыя неудачныя и бесполезныя войны, какъ напримѣръ, война противъ Бирмановъ въ 1825 — 26, походъ въ Афганистанъ въ 1839 и пр., увеличили безъ всякой нужды долгъ Компаніи. Но этой оборотной сторонѣ медали можно противопоставить рядъ военныхъ предпріятій, которыя сопровождались значительнымъ увеличеніемъ доходовъ. Съ первыхъ годовъ столѣтія, хотя время отъ времени появлялся дефицитъ въ бюджетъ, общая сумма доходовъ не переставала возрастать въ значительной прогрессіи. Въ 1791—92 г., во время губернаторства лорда Корнваллиса, доходы составляли сумму 8 милліоновъ фунтовъ стерл.; 1804 — 5 г. при маркизѣ Уэльсли они увеличились до

14 милліоновъ, въ 1813 — 14 г. достигли 17 милліона, въ 1831 — 32 г. 21 милліона, въ послѣднее время бюджетъ представлялъ сумму 26 милліоновъ ф. стерл.» Съ нѣкотораго времени дефицитъ сдѣлался постояннымъ и ежегоднымъ, но не надобно забывать, что Компанія жертвуетъ огромныя суммы на публичныя работы. Больше чѣмъ половину общей суммы дохода даетъ поземельная подать. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ читать возгласы и нареканія на то, что англо-индійское правительство обременяетъ туземное народонаселеніе чрезмѣрными налогами, выжимаетъ всѣ лучшіе его соки, приводитъ и земледѣльческій классъ къ совершенной нищетѣ своими взысканіями. Фразы подобнаго рода сдѣлались стереотипными во всѣхъ описаніяхъ Остѣ - Индскихъ владѣній. Однакожъ дѣйствительность представляетъ другое. Правда, что поземельная подать довольно высока въ Индіи, но она все-таки легче той, которую взымали прежніе деспотическіе властители туземные. Притомъ надобно замѣтить, что подѣ англійскимъ правительствомъ налоги собираются законнымъ, правильнымъ и равномѣрнымъ образомъ, между тѣмъ какъ въ прежнія времена сборъ ихъ сопровождался всегда страшнымъ грабежомъ и неслыханными злоупотребленіями со стороны агентовъ малыхъ и большихъ туземныхъ деспотовъ. Подати отдавались на откупъ; откупщикъ платилъ правительству впередъ всю сумму, а потомъ взыскивалъ съ беззащитныхъ жителей въ нѣсколько разъ больше. Одно обстоятельство особенно характеризуетъ систему налоговъ прежнихъ, доанглійскихъ временъ. Откупщикъ, заключая сдѣлку съ правительствомъ, обыкновенно выговаривалъ себѣ, что правительство не будетъ принимать никакихъ жалобъ противъ него; вслѣдствіе этого сборъ податей, говоритъ Варренъ, скорѣе похожъ былъ на насильную военную контрибуцію въ завоеванной странѣ, нежели на правильное взысканіе повинностей. Мало того, для избѣжанія всякаго рода столкновеній и споровъ, сборщику обыкновенно предоставлялась и судебная власть, и такимъ образомъ народонаселеніе предавалось, безъ всякой апелляціи, на жертву хищнымъ грабителямъ. Злоупотребленія ихъ были причиною, что народъ бѣднѣлъ, земли оставались невоздѣланными, источники доходовъ изсякали. Туземные властители, желая покрыть происходившій отъ этого дефицитъ, прибѣгали къ новымъ налогамъ, причиняли новыя грабительства и такимъ образомъ увѣковѣчивали зло. Во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся Англійской Индіи, говорится о чрезвычайной бѣдности, о нищетѣ земледѣльческаго

класса, и обыкновенно вся вина этого сваливается на Компанію. Обвиненіе это несправедливо. Англичане нашли уже страну въ такомъ положеніи. Несчастное состояніе земледѣльческаго сословія, это было наслѣдіе, полученное ими отъ прежнихъ властителей Индіи. Надобно сожалѣть только о томъ, что въ продолженіе первыхъ шестидесяти лѣтъ они ничего не могли сдѣлать для улучшенія этого состоянія, для увеличенія благосостоянія жителей. Но не въ одномъ лишь уменьшеніи поземельной подати лежитъ единственный способъ улучшенія матеріальнаго положенія земледѣльческаго класса. Англійское правительство вѣрнѣе достигнетъ этой цѣли, увеличивая производство страны, устраняя всѣ препятствія къ его развитію, устраивая пути сообщенія, каналы, умножая средства орошенія почвы, соединяя желѣзными дорогами торговые центры съ внутренностію страны. Мы видѣли, что англійское правительство, въ послѣднее время, рѣшительно вступило на эту дорогу; надобно ожидать самыхъ благотворныхъ результатовъ въ будущемъ отъ его энергіи и доброй воли. Каждый истинный другъ человѣчества и прогресса можетъ пожелать только успѣха этому дѣлу. Звучныя декламации и риторическія іереміады о несчастной участи Индусовъ и деспотизмъ Англичанъ, которыми въ настоящее время по поводу возстанія сипаевъ переполнены разные европейскіе журналы и сочиненія, кажутся намъ вовсе неумѣстными и запоздалыми.

Прочія статьи доходовъ суть слѣдующія: соляная монополія, монополія на опиумъ (обѣ находятся въ рукахъ правительства), пошлины и таможи, нѣкоторые мелкіе косвенные налоги, наконецъ дань полусамостоятельныхъ князей индійскихъ, находящихся подъ покровительствомъ Компаніи. Извѣстно, что Англичане слѣдуютъ въ своихъ завоеваніяхъ политикѣ, которой слѣдовали Римляне, покоряя своей власти италіанскіе народы, Грецію и другія государства. Прежде нежели извѣстная часть территоріи обратится въ ихъ непосредственное владѣніе, она проходитъ нѣсколько посредствующихъ ступеней зависимости. Еще теперь существуетъ цѣлая іерархія туземныхъ полусамостоятельныхъ князей, которые находятся въ разнообразныхъ политическихъ отношеніяхъ къ Компаніи: это точь-въ-точь *socii et amici populi romani*. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются покровительствомъ Компаніи, которая гарантируетъ цѣлость и неприкосновенность ихъ территорій, обязывается защищать ихъ, и въ замѣнъ получаетъ отъ нихъ опредѣленную дань. Другимъ Компанія удѣляетъ отряды своихъ собственныхъ войскъ для защиты

изъ отъ вѣшнихъ враговъ и внутреннихъ возстаній и за это получаетъ, подъ именемъ *субсидій*, суммы, нужныя для содержанія этихъ войскъ. Иныя связаны съ Компаніею оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ и обязываются содержать *компліменты* военныхъ силъ, которыми въ случаѣ нужды распоряжается Компанія по своему усмотрѣнію. Контингенты эти находятся подъ командою англійскихъ офицеровъ.

Въ бюджетѣ 1855 года чистый доходъ составлялъ сумму 22,147,347 фунт. стерлинговъ. Расходы того же года были слѣдующіе:

Гражданскія и политическія учрежденія	2,276,262	ф. ст.
Судопроизводство и полиція	2,510,799	—
Публичныя работы	1,881,606	—
Армія.	10,417,369	—
Флотъ.	598,070	—
Проценты долга въ Индіи	2,044,318	—
Дивиденды акціонеровъ.	632,680	—
Проценты долга въ Англии.	152,017	—
Учрежденія въ Англии	493,834	—
Магазины въ Индіи	526,663	—
Прочія издержки.	1,586,620	—
Итого.	23,120,138	—

Слѣдовательно дефицитъ простирается на сумму 672,791 ф. ст. Долгъ Компаніи состоитъ изъ двухъ главныхъ категорій. Первая представляетъ первоначальный капиталъ общества 6,000,000 ф. ст., который послужилъ основаніемъ англійскому владычеству въ Индіи. Когда въ 1834 торговая монополія Компаніи была отмѣнена; въ вознагражденіе за эту потерю опредѣлено было парламентомъ, что дивидендъ отъ этого первоначальнаго капитала, въ количествѣ 10¹/₂ за сто, будетъ выплачиваться акціонерамъ изъ доходовъ Индіи до 1874 года, и что въ этомъ году правительство выкупить акціи Компаніи за сумму 12,000,000 фунтовъ то-есть вдвое ихъ номинальной цѣны (200 за 100). Съ тѣхъ поръ акціонеры получаютъ ежегодно изъ доходовъ Индіи 632,680 ф. стерл. Долгъ этотъ похожъ на общепотребительныя въ прошломъ столѣтіи тонтинны. Вторая категорія представляетъ публичный долгъ Компаніи, накопившійся мало по-малу вслѣдствіе чрезвычайныхъ потребностей, которыя влекли за собою постоянныя войны, и достигшій въ послѣднее время 54,000,000 ф. стерл. Обѣ категоріи составляютъ вмѣстѣ долгъ въ 60,000,000 ф. стерл., проценты котораго причиняютъ ежегодный расходъ въ 2,924,577 ф. ст. Мы видимъ, что долгъ превышаетъ безъ

малаго въ три раза годовой доходъ, а проценты его составляютъ менѣе чѣмъ седьмую часть расхода. Что подобное финансовое положеніе не только не представляетъ ничего неправильнаго, но даже выгоднѣе положенія многихъ государствъ европейскихъ, показываетъ сравненіе Остъ-индіи съ Англіею. Годовой бюджетъ Англіи полагается круглымъ числомъ въ 60,000,000 ф. стерл.; долгъ ея въ 780,000,000 ф. ст., то-есть въ тринадцать разъ болѣе, чѣмъ годовой доходъ; проценты отъ этого долга причиняютъ ежегодный расходъ въ 28,000,000 ф. ст., то-есть почти половину всего годоваго расхода (1).

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ внутренняго состоянія Англійской Индіи до начала возстанія сипаевъ. Въ изложеніи нашемъ мы руководились книгою Вальбезена, прибѣгая время отъ времени къ помощи другихъ современныхъ сочиненій по этому предмету. Въ заключеніе приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ Вальбезена, въ которыхъ ясно выражается его направленіе и съ которыми согласится каждый безпристрастный судья. Припомная сложный характеръ англо-индійскаго устройства, онъ говоритъ: «Въ устройствѣ этомъ нѣтъ единства власти, вездѣ соперничество, можно даже сказать борьба. Какіе элементы входятъ въ его составъ?—Армія, раздѣленная на два соперничающіе лагеря: армію королевы и армію Компаніи; офицерамъ этой послѣдней не доступны высшія военныя начальства, но за то они занимаютъ безъ исключенія всѣ мѣста въ штабѣ, комиссаріатѣ, интенданствѣ, администраціи и дипломатіи, въ свою очередь недоступны королевскимъ офицерамъ; рядомъ съ арміею гражданская англійская администрація—небольшое число высшихъ должностныхъ лицъ, съ огромными жалованіями и преимуществами; ниже ея, цѣлая армія мелкихъ туземныхъ чиновниковъ, съ незначительнымъ жалованьемъ, систематически исключаемыхъ отъ всѣхъ высшихъ должностей;—въ столицахъ президентствъ независимая отъ мѣстнаго правительства судебная власть; наконецъ въ метрополиі два соперничающія учрежденія: палата директоровъ и бюро контроля. Однакожь изъ этихъ разнородныхъ, другъ другу противорѣчащихъ стихій, вышло одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій всемірной исторіи—рядъ побѣдъ и завоеваній, подобныя которымъ мы можемъ найти только въ жизни Александра, Цезаря и Наполеона—и основаніе

(1) Вычисленіе это дѣлаетъ англійскій журналъ *Economist*.

одного изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ... Чему обязана Англія такими огромными успѣхами? Она обязана ими талантамъ и мудрости своихъ государственныхъ людей, счастливому механизму своихъ учреждений, глубокому практическому смыслу своего народонаселенія, истинно могущественному патриотизму англо-саксонскаго племени, и отчасти даже этой счастливой звѣздѣ, которая сопровождаетъ всѣ ея начинанія.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Никогда въ прежнія времена Индія не пользовалась правительствомъ, которое было бы честнѣе, просвѣщеннѣе, справедливѣе, лучше англійскаго. Потому, будучи почитателями всего великаго и друзьями всякаго либеральнаго и разумнаго прогресса, мы заранѣе объявляемъ, что еслибы какая-нибудь опасность грозила зданію англійскаго владычества въ Индіи, еслибы какой темнокожій Спартакъ поднялъ противъ Англичанъ знамя возстанія, при возгласахъ туземнаго народонаселенія, всѣ наши симпатіи будутъ на сторонѣ цивилизаціи противъ варварства.»

Спартакъ нашелся въ настоящее время; варварство поднялось противъ цивилизаціи съ необыкновенною силою; уже девять мѣсяцевъ Англія выдерживаетъ борьбу, какихъ мало въ исторіи. Однакожь не всѣ симпатіи въ Европѣ стали на сторону цивилизаціи. Многіе журналы громко объявили себя въ пользу возстанія; многія сочиненія защищаютъ дѣло инсургентовъ. Эти журналы и эти книги не перестаютъ повторять въ громкихъ фразахъ, что возстаніе сипаевъ есть справедливое наказаніе за преступленія, совершенныя англійскимъ правительствомъ въ Индіи. Самыя страшныя обвиненія возводятся на Компанію; постоянно читаемъ звучныя декламации о невыносимомъ гнетѣ, подъ которымъ страдаетъ индійское народонаселеніе, нескончаемыя нареканія на деспотизмъ, эгоизмъ, узкій купеческій духъ, жадность и корыстолюбіе Англичанъ, которые эксплуатируютъ, истощаютъ страну, приводятъ къ нищетѣ миллионы туземцевъ и не заботятся ни о матеріальныхъ, ни о нравственныхъ интересахъ Индіи. Насколько справедливы подобные возгласы, показываетъ представленное нами изложеніе внутренняго состоянія страны, которое основано на несомнѣнныхъ фактахъ. Обыкновенно въ этихъ книгахъ и журналахъ, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе въ послѣдствіи, выставляется на первомъ планѣ прошедшее Компаніи, но говорится очень мало или вовсе умалчивается о томъ, что было сдѣлано Англичанами въ послѣднее время въ пользу цивилизаціи и благосостоянія страны.

Безпристрастное изученіе дѣла убѣждаетъ, что на всемъ азіатскомъ материкѣ нѣтъ страны, которая бы пользовалась лучшимъ управленіемъ, чѣмъ три президентства. Каково было состояніе Индіи въ до-англійскія времена? Раздробленная на множество мелкихъ государствъ, она въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій была театромъ кровавыхъ междоусобій, жертвою жестокости, грабительства, насилія мелкихъ тирановъ и ихъ агентовъ; конфискаціи и убійства были ежедневными событіями ея исторіи; все народонаселеніе коснѣло въ гнусномъ рабствѣ; жизнь и имущества не пользовались никакою безопасностью. Англійское правительство вырвало страну изъ этого печальнаго положенія, водворило въ ней законный порядокъ, приняло подъ защиту своихъ законовъ жизнь и имущество каждаго, очистила страну отъ многихъ ея общественныхъ язвъ и положила первыя основанія европейской гражданственности. Съ нѣкотораго времени оно стало дѣятельно заботиться о распространеніи образованія и увеличеніи благосостоянія страны. Купеческая Компанія, составившаяся вовсе не съ цѣлю образовывать государство, цивилизовать одичалые народы и страны, должна быть оцѣняема и измѣряема свойственнымъ ей масштабомъ; но тѣмъ не менѣе она положила первыя основанія государственнаго порядка, и мало-по-малу теряя свой исключительный и коммерческій характеръ, стала могущественнымъ орудіемъ цивилизаціи, орудіемъ благороднѣйшихъ идей историческаго прогресса. Буря, которая разразилась теперь въ Индіи, не смотря на всѣ свои ужасы, послужитъ только, мы увѣрены, къ очищенію воздуха и почвы: падетъ и рухнетъ все гнилое, не годное и отжившее, и знамя, поднятое Англіею на отдѣленномъ Востокѣ, поднимется выше и станетъ свѣтлѣе. Поэтому каждый истинный другъ просвѣщенія и прогресса повторитъ слова, произнесенныя недавно Брайтомъ на одномъ митингѣ: «Въ интересѣ не одной только Англій, но въ интересѣ цивилизаціи и свободы всего Востока, я желаю, чтобъ англійское правительство побѣдило и удержалось въ Индіи, потому что оно безконечно выше всѣхъ азіатскихъ правительствъ.»

ГЕНРИХЪ ВЫЗИНСКІЙ.

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ

ОСТЗЕЙСКИХЪ ГУБЕРНІЙ

Въ газетѣ *le Nord* напечатанъ былъ въ минувшемъ январѣ цѣлый рядъ писемъ, писанныхъ Русскимъ, въ которыхъ обстоятельно излагается исторія освобожденія крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Думаемъ оказать нашимъ читателямъ услугу переводомъ этихъ писемъ, которыя составляютъ статью, не лишнюю интереса въ настоящее время.

I.

Эсты, Летты и остатки Ливовъ, разсѣянные по Лифляндіи, со времени покоренія ихъ земель на сѣверъ Датчанами, а на югъ Меченосцами, находились въ самомъ полномъ и неограниченномъ рабствѣ: *jus pleni dominii et proprietatis* прилагалось къ нимъ въ полной своей строгости. Все, что рабство, по началамъ римскаго права и по обычаямъ американскихъ плантаторовъ, представляетъ жестокаго и униантельнаго для человѣчества, осуществлялось безъ малѣйшихъ ограниченій и препятствій отъ Финскаго залива до самыхъ границъ Литвы. Не только можно было, безъ жалости и пощады, подвергать крестьянина всевозможнымъ поборамъ, но онъ сверхъ того былъ лишенъ всѣхъ личныхъ правъ и всякой защиты противъ злоупотребленій и жестокости помѣщичьей власти.

Онъ не имѣлъ никакой собственности; все, что онъ вырабатывалъ въ потѣ лица, принадлежало его господину, какъ *accessorium*; все, чѣмъ онъ владѣлъ, принадлежало ему лишь на столько, на сколько дозволялось то помѣщикомъ; онъ не могъ продавать своихъ произведеній, онъ не могъ ничего покупать, онъ не могъ даже посѣщать рынковъ безъ дозволенія помѣщика. Дозволеніе господина было также необходимо для браковъ; но лишь только крестьянинъ былъ женатъ, его можно было разлучить съ женою, продавъ его другому помѣщику отдѣльно отъ жены. Эта торговля людьми сначала происходила безъ всякихъ ограниченій; крестьянъ можно было продавать съ землею или безъ земли, семействами или отдѣльно, можно было переселять ихъ въ той же провинціи или даже вывозить за границу, когда покупщики были Поляки или Русскіе. Помѣщику принадлежалъ судъ гражданскій и уголовный въ его владѣніяхъ, онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими подданными. Косвеннымъ образомъ это право сохранилось даже тогда, когда оно было положительно уничтожено закономъ. Помѣщику, безъ всякаго контроля, было сохранено право назначать исправительныя наказанія крестьянамъ; онъ могъ убивать ихъ дурнымъ обращеніемъ и слишкомъ частыми чрезмѣрными наказаніями. Это жестокое обращеніе главнымъ образомъ и долѣ всего господствовало въ Лифляндіи и Эстляндіи. На присоединенномъ въ послѣдствіи къ Лифляндской губерніи островѣ Эзелѣ, гдѣ землевладѣльцы съ первой минуты покоренія составляли, и до сихъ поръ составляютъ, совершенно отдѣльное дворянство, состояніе крѣпостныхъ было не такъ несчастно. Работы и повинности были нѣкоторымъ образомъ приведены въ законную форму мѣстными обычаями каждаго округа; въ нихъ не было столько произвола, и онѣ не возрастали и не измѣнялись ежедневно. То же самое было и въ Курляндіи, гдѣ, благодаря плодородію почвы, многочисленности и огромному протяженію государственныхъ земель, богатству помѣщиковъ и нѣкоторымъ отбѣнкамъ нравовъ, тѣсно связанныхъ съ географическимъ положеніемъ страны и съ ея отношеніями къ сосѣдямъ, Полякамъ и Литовцамъ, туземное народонаселеніе сравнительно несло гораздо менѣе тяжкое иго. Въ XVIII столѣтіи, и даже въ XVII, крестьянинъ фактически пользовался нѣкоторыми правами собственности; лежація на немъ повинности большею частію установились мѣстнымъ обычаемъ, пропорціонально землѣ, уступленной ему помѣщикомъ въ пользованіе, и вообще злоупотребленія помѣщичьей власти встрѣчались здѣсь рѣже, чѣмъ въ сѣвер-

ныхъ провинціяхъ. Впрочемъ эти улучшенія совершились постепенно и даже тамъ, гдѣ они твердо были установлены фактически, они не были еще освящены закономъ. Съ точки зрѣнія закона, рабство оставалось вполне не тронутымъ, и еще около половины XVII столѣтія, курляндскій ландтагъ утверждалъ приложеніе римскихъ уголовныхъ законовъ противъ бѣглыхъ рабовъ. Крестьянинъ, бѣжавшій отъ помѣщика, при повтореніи преступленія, долженствовалъ быть приговоренъ къ отрѣзанію ноги. Неизвѣстно, приводилось ли въ исполненіе это наказаніе; но фактъ постановленія сейма (1638) существуетъ; этого достаточно, чтобы характеризовать начала законодательства и нравы времени.

Естественно, что такой порядокъ вещей необходимо требовалъ внимательства всѣхъ правительствъ, въ теченіи трехъ столѣтій снѣнявшихъ одно другое въ Остзейскихъ провинціяхъ. Поэтому мы видимъ, что сначала короли польскіе и шведскіе, а потомъ императоры римскіе, стараются положить предѣлъ жестокостямъ противъ несчастныхъ эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ. Въ 1582 г. Стефанъ Баторій объявилъ лифляндскому дворянству, что необходимо облегчить участь сельскаго народонаселенія, угнетеннаго страшнымъ образомъ (*miris modis*); черезъ четыре года, въ 1585 году, онъ повторилъ то же самое, объявивъ, чрезъ сенюірскаго и маріенбургскаго воеводу Богуславскаго лифляндскому сейму, что лифляндскіе крестьяне до того угнетены, «что во всемъ мірѣ, даже между варварами и язычниками, ничего подобнаго не видано». Говорятъ, что Баторій между прочимъ хотѣлъ замѣнить тѣлесныя наказанія денежными пенями, но что крестьяне, находившіеся въ страшной нищетѣ, сами протестовали противъ денежныхъ взысканій. Король, узнавъ объ этомъ, будто бы воскликнулъ: «*Phryges non nisi plagis emendantur!*» (1) Эти слова въ послѣдствіи часто повторялись дворянствомъ, когда на увѣщанія королей польскихъ и шведскихъ оно старалось оправдать свое жестокое обращеніе съ крестьянами ихъ пороками и невѣжествомъ. Въ 1597 году, преемникъ Стефана Баторія, Сигизмундъ III отправилъ въ Лифляндію слѣдственную комиссію, которая запретила фермерамъ и управляющимъ королевскими имѣніями, подъ страхомъ строжайшихъ взысканій, подвергать крестьянъ новымъ поборамъ и претятствовать имъ въ продажѣ излишка своихъ произведеній. Ланд-

(1) Рабы-Фригійцы только побоями исправляются.

тагъ 1598 года рѣшился сдѣлать подобное этому постановленію, и дворянство, на словахъ, обязалось воздержаться отъ привилегіи исключительно торговать на своихъ земляхъ, обязалось дозволить крѣпостнымъ продавать излишекъ своихъ произведеній и покупать въ городахъ необходимое для своихъ нуждъ. Въ 1601 году, когда Лифляндія была занята Шведами, герцогъ Эюдерманландскій, въ послѣдствіи Карлъ IX, пригласилъ въ Ревель депутацію лифляндскаго дворянства и предложилъ освободить крестьянъ и дозволить имъ дѣтямъ посѣщать школы. Въ 1629 году Лифляндія окончательно подпала подъ шведское владычество и, на слѣдующій годъ, Густавъ Адольфъ приказалъ допускать дѣтей изъ крестьянскаго сословія въ основанную имъ въ Ригѣ гимназію; онъ учредилъ также спеціальную комиссію, которая должна была произвести розысканіе о количествѣ земель, уступленныхъ во владѣніе крѣпостнымъ и составить инвентарь ихъ повинностей. Въ 1632 г., онъ отнялъ у дворянства право гражданскаго и уголовного суда надъ своими крестьянами, и оставилъ помѣщикамъ только право домашнихъ исправительныхъ наказаній (Hauszucht). Но всѣ эти либеральныя мѣры, прерванныя вскорѣ смертію короля, плохо приводились въ исполненіе.

Король Карлъ XI, въ 1681 году, повторилъ, хотя и безъ успѣха, предложенія Карла IX объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, и вскорѣ потомъ, въ 1687 году, предпринялъ составленіе кадастра занятыхъ крестьянами земель. Начала этого кадастра, оставшіяся въ силѣ около двухъ столѣтій, даже и въ наше время, съ нѣкоторыми измѣненіями, составляютъ основу сельскаго поземельнаго законодательства Лифляндіи. Вотъ главныя ихъ черты. Земля, обрабатываемая помѣщикомъ для себя трудами крестьянъ (Hofeland), была отдѣлена отъ земель, отданныхъ крестьянамъ въ пользованіе либо за отбываемую ими работу, либо за натуральныя или денежныя повинности (Bauerland). Однѣ послѣдняго рода земли сдѣлались предметомъ кадастра. Ихъ правильно измѣрили и оцѣнили. За кадастровую единицу былъ принятъ участокъ земли, равняющійся ежегодному доходу въ 60 талеровъ, получаемыхъ за отбываемыя повинности. Пространство этого участка, называемаго *Naken*, могло значительно измѣняться, по случаю высшей или низшей оцѣнки земель, сообразно ихъ производительности; но какъ бы ни были эти участки различны по объему, цѣнность всѣхъ частей такого участка, вмѣстѣ взятыхъ, должна была представлять одну и ту же сумму повинностей, отбываемыхъ помѣщику. Съ другой стороны, отдѣльная цѣнность каждой повин-

ности была оцѣнена по опредѣленной таксѣ. Эти повинности, по своему распредѣленію, также могли до нѣкоторой степени измѣняться; но сумма ихъ цѣнностей для каждаго *Haken* должна была постоянно равняться 60 талерамъ, считая въ этомъ числѣ подати и другія повинности государственныя. Кадастровыя книги были названы *Wackenbücher*, отъ слова *Wacke*, обозначающаго всякаго рода повинности. Помѣщикамъ сохранено было право новаго распредѣленія и передѣла полей, имъ также оставлено было право увеличенія повинностей новыми оцѣнками; но эти оцѣнки должны были подвергаться извѣстному контролю.

Карлъ XI этимъ не ограничился. Онъ обнародовалъ эдиктъ для управленія государственнымъ землями, и въ 1697 году объявилъ ливонскому ландтагу, что считаетъ вообще отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ опредѣленными этимъ эдиктомъ, съ началами котораго онъ приглашалъ дворянство сообразоваться.

Хотя около этого же времени шведское правительство занималось положеніемъ крестьянъ въ Эстляндіи, хотя польскіе короли нѣсколько разъ отправляли въ Курляндію комиссаровъ, съ порученіемъ изслѣдовать тамошній порядокъ и устроить администрацію, однакожь мы видимъ, что правительство вступается, особенно въ Ливоніи, непрерывно въ отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, и старается вводить въ эти отношенія болѣе или менѣ либеральныя реформы. Кадастръ, предписанный Карломъ XI, распространился только на одну Ливонію. Слѣды его, встрѣчающіеся въ Эстляндіи, очень рѣдки. Причины этого объяснить не трудно. Не говоря уже о важности Ливоніи, которая своимъ протяженіемъ равняется Эстляндіи и Курляндіи, вмѣстѣ взятымъ, ни одна изъ частей прибалтійскаго берега не служила такъ часто театромъ непрерывныхъ войнъ между Поляками, Шведами и Русскими, и не была такъ часто опустошаема. Разореніе (1) страны, беспорядки и злоупотреб-

(1) Приведемъ нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. Въ 1630 году въ Рижскомъ округѣ остались неразоренными 6 церквей изъ 17, въ Дерптскомъ 7 изъ 27. Мѣстечки Маріенбургъ и Оденпахъ были опустошены. Въ имѣніи Гохрозенъ въ 35 фермахъ можно было насчитать всего 13 человекъ, способныхъ къ работѣ. Въ имѣніи Кадферъ въ 30 фермахъ 8 человекъ. Земли Алицкиви и Кавастъ, стоющія нынѣ отъ 150 до 200 тысячъ рублей, были отданы въ аренду, одна за 178 талеровъ, другая за 7 польскихъ флориновъ. Этихъ цифръ достаточно, чтобы дать понятіе о состояніи страны.

ленія, происходившіе вслѣдствіе этого, необходимо должны были привлечь вниманіе правительства и вызвать мѣры противъ этого зла.

II.

Восшествіе Карла XII на шведскій престолъ прервало реформы, предпріятыя его предшественникомъ. Законодательство уступило мѣсто оружію, и въ 1710 году Лифляндія и Эстляндія перешли подъ владычество Россіи, которой эти двѣ провинціи вмѣстѣ съ островомъ Эзелемъ были окончательно уступлены Ништадскимъ миромъ 1721 года.

Въ 1716 году императорское правительство запретило, подъ страхомъ строгихъ наказаній, препятствовать свободѣ браковъ между крѣпостными. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого было запрещено арендаторамъ государственныхъ имуществъ самовольно располагать работами крестьянъ этихъ имуществъ, брать ихъ въ услуженіе или отдавать ихъ службу въ наемъ другимъ хозяевамъ. Эти запрещенія, съ усиленіемъ наказаній, были повторены въ 1728 и 1733 годахъ. Но, какъ кажется, этихъ отрывочныхъ заботъ правительства было недостаточно, чтобъ опять двинуть впередъ благосостояніе крестьянъ, сильно пришедшее въ упадокъ послѣ смерти Карла XI. Это, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить изъ офіціальнаго отношенія въ юстицъ-коллегію, ландрата барона Розена, отъ имени лифляндскаго дворянства, въ 1739 году. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, баронъ Розенъ стоитъ за полное, неограниченное право собственности относительно крѣпостныхъ. Онъ утверждаетъ начало, что всякое имущество, пріобрѣтенное крѣпостнымъ, необходимо принадлежитъ помѣщику, какъ *accessorium*. Онъ объявляетъ, что нельзя не только уменьшить, но даже и *опредѣлить* мѣру исправительныхъ наказаній, которымъ помѣщики въ правѣ подвергать своихъ крестьянъ. Наконецъ онъ напоминаетъ о запрещеніи принимать какія бы то ни было жалобы отъ крѣпостныхъ на злоупотребленія помѣщичьей власти; и, отвергая существованіе этихъ злоупотребленій, онъ не приводитъ ни началъ справедливости, ни челолюбія, ссылается только на выгоду помѣщика, несовмѣстную, говоритъ онъ, съ разореніемъ крестьянъ. Можно подуматъ, что эта сильная выходка озадачила юстицъ-коллегію, оттого что въ

теченіи четверти столѣтія правительство ничѣмъ не заявляло своего несогласія съ мнѣніемъ барона Розена.

Въ 1764 году императрица Екатерина II посѣтила Лифляндію. Дошедшія до нея жалобы и замѣченная ею бѣдность сильно поразили ее. Генераль-губернатору, графу Броуну, было поручено сдѣлать твердыя замѣчанія дворянству и пригласить его немедленно принять необходимыя мѣры противъ зла. Графъ Броунъ на ландтагъ 1765 года исполнилъ это порученіе благо-разумно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ замѣчательною твердостью и умѣренностью. Дворянство сдѣлало важныя уступки. Оно признало за крѣпостными право собственности и право жалобы на помѣщика. Оно обязалось не увеличивать повинностей, отбываемыхъ крестьянами; для обезпеченія исполненія этого обѣщанія, оброки сдѣлало опредѣлить положительно, и каждый помѣщикъ долженъ былъ представить свою роспись. Право исправительныхъ наказаній было ограничено, и самыя наказанія смягчены. Наконецъ было опредѣлено учрежденіе сельскихъ школъ, и было запрещено продавать крѣпостныхъ на рынокъ или иностранцамъ на вывозъ, подъ страхомъ штрафа въ 200 червонцевъ; за продажу жены безъ мужа, или мужа безъ жены, былъ положенъ штрафъ въ 400 червонцевъ. Мѣры, касательно продажи и учрежденія школъ, были приняты дворянствомъ безъ малѣйшаго затрудненія. Но для принятія остальныхъ потребовалось энергическое вмѣшательство генераль-губернатора. При открытіи ландтага, графъ Броунъ сдѣлалъ цѣлый рядъ предложеній, которыя въ сущности и легли въ основу опредѣленія сейма. Графъ Броунъ приглашалъ собраніе тщательно рассмотреть его предложенія, сдѣлать на нихъ свои замѣчанія, которыя скорее бы повели къ цѣли, и обѣщался, если собраніе составитъ свои проекты, принять ихъ, «ибо, говорилъ онъ, если правительство вступаетъ за право и общественное благо, оно необходимо должно также выслушивать мнѣнія по этому предмету.» Но когда ландтагъ относительно правъ собственности, требуемыхъ для крѣпостныхъ, права жаловаться, чрезмѣрныхъ оброковъ и исправительныхъ наказаній, ограничился глухими и недостаточными заключеніями, генераль-губернаторъ объявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ представить такого результата императрицѣ, и что, если собраніе не рѣшится сдѣлать первый шагъ къ самымъ необходимымъ реформамъ, верховная власть предпишетъ эти реформы свыше и не будетъ обращать въ послѣдствіи ни малѣйшаго вниманія на мнѣнія и требованія дворян-

ства. Этотъ отвѣтъ вызвалъ толки, которые повели къ окончательно-принятому рѣшенію ландтага.

Текстъ первоначальнаго отвѣта графу Броуну представляетъ нѣкоторыя очень замѣчательныя черты. Дворянство объявляетъ въ немъ, что считаетъ крестьянина *самою важною вещью* въ имѣніи помѣщика (*das wesentlichste Stück des Eigenthums seines Herrn*); оно разсматриваетъ злоупотребленія помѣщицъей власти, согласно съ мыслями, высказанными барономъ Розеномъ, въ 1739 году, не съ точки зрѣнія челоувѣчества и права, но только съ точки зрѣнія выгодъ собственника означенной вещи; наконецъ оно предлагаетъ судить за *расточительность* всякаго дворянина, разоряющаго крестьянъ, и приговаривать его къ лишенію права управлять имѣніемъ, не какъ челоувѣка недостойнаго этого права, но какъ челоувѣка, который самъ себя разоряетъ. Это замѣчательное рѣшеніе было принято *единогласно* всѣми дворянами, присутствовавшими на ландтагѣ, предводителемъ дворянства и всѣми членами коллегіи ландратовъ (1), за исключеніемъ одного. Единственный голосъ, поднявшійся въ защиту другихъ началъ, былъ голосъ ландрата барона Шульцъ-фонъ-Ашераденъ, и память о роли, которую игралъ въ эту эпоху этотъ благомыслящій челоувѣкъ, достойна сохраненія.

(1) Намъ кажется не бесполезнымъ представить здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ этихъ совѣщательныхъ собраніяхъ и постоянныхъ представительныхъ органахъ дворянства эстляндскаго, острова Эзеля, лифляндскаго и курляндскаго. Собранія называются *ландтагами*, то-есть сеймами. Рѣшенія ихъ называются *сеймовыми заключеніями* (*Landtagschlüsse*). Для обыкновенныхъ дѣлъ собранія собираются черезъ каждые три года, въ случаѣ нужды ихъ можно собирать и чаще. Въ Эстляндіи, Лифляндіи и на Эзелѣ всѣ дворяне, имѣющіе недвижимую собственность, пользуются правомъ голоса. Въ Курляндіи, въ собраніи считается всего 33 члена, отправляемыхъ приходами (*Kirchspiele*) провинціи. Эти депутаты называются *Landboten*, и обязаны согласоваться съ инструкціями своихъ избирателей, которые для выборовъ собираются въ предварительныя приходскія собранія. Постоянныя представительныя органы состоятъ: въ Эстляндіи, Лифляндіи и на Эзелѣ изъ предводителя дворянства и коллегіи ландратовъ (*Landrathscollegium*); въ Курляндіи изъ предводителя дворянства и *Ritterschaftscomité* (комитета, составленнаго изъ уѣздныхъ предводителей). Предводитель дворянства называется *Ritterschaftshauptman* въ Эстляндіи, *Landmarschall* въ Лифляндіи и на Эзелѣ, *Landesbevollmächtigter* въ Курляндіи. Последний предсѣдательствуетъ въ комитетѣ, между тѣмъ какъ въ Эстляндіи, Лифляндіи и на Эзелѣ, предсѣдательство въ коллегіи ландратовъ принадлежитъ поочереды каждому ландрату, который принимаетъ тогда

Баронъ Шульцъ, которому принадлежали имѣнія Ашераденъ и Ремергофъ, давно уже работалъ надъ тѣмъ, чтобъ установить тамъ болѣе справедливыя взаимныя отношенія между помѣщичьей властью и крѣпостными. Въ 1764 году, онъ напечаталъ на латинскомъ языкѣ положеніе, которое и роздалъ своимъ крестьянамъ. Этотъ документъ, извѣстный подъ именемъ *Ascheradensches Bauerrecht*, былъ въ послѣдствіи отобранъ, по повелѣнію дворянства, какъ могущій взволновать сельское народонаселеніе и произвести возстанія въ другихъ имѣніяхъ. Онъ давалъ крестьянамъ не только личныя права, признанныя ландтагомъ въ слѣдующемъ году, но кромѣ того и право наследственнаго владѣнія фермами, право, уступленное имъ въ послѣдствіи только положеніемъ 1804 года и остававшееся въ силѣ только до обнародованія положенія 1819 года. Когда барону Шульцу пришлось высказать свое мнѣніе о предложеніяхъ графа Броуна, онъ объявилъ, что, по его мнѣнію, онъ и безъ того уже достаточно доказалъ свой образъ мыслей тѣми измѣненіями, которыя онъ ввелъ у себя; но прибавилъ, что если дворянство потребуетъ отъ него точнѣйшаго изложенія принятыхъ имъ мѣръ, относительно своихъ крестьянъ, то онъ готовъ повиноваться. Приглашенный депутаціею ландтага опредѣленіемъ высказать свой образъ мыслей, онъ изложилъ письменно, съ благородною и почтенною простотою, свои возвышен-

титулъ *residirender*. Наконецъ на ландтагахъ председательствуетъ предводитель, а въ Курляндіи временный президентъ, избранный депутатами изъ среды себя. Этотъ президентъ носитъ титулъ *Landbotenmarschall*. Ландраты избираются пожизненно, предводители на три года. Курляндскій имѣетъ ту привилегію, что его не утверждаютъ въ должности. Дворянство ограничивается однимъ извѣщеніемъ правительства о выборѣ. Всѣ эти и другіе отгѣнки въ устройствѣ и имѣніяхъ различныхъ судебныхъ и административныхъ учреждений тѣсно связаны съ историческимъ прошедшимъ страны. Дворянство поэтому, не безъ причины, сильно къ нимъ привязано; правительство не касается этихъ учреждений, и Остзейскія губерніи процвѣтаютъ. Всѣ эти отгѣнки—живые слѣды прошедшаго. Слѣдовательно хорошо, когда тѣмъ прошедшаго проникаетъ въ настоящее. Она возбуждаетъ чувство уваженія, спасительна для продолжительности и постоянства соціальныхъ учреждений. Горизонтъ расширяется, и почтеніе къ извѣстнымъ началамъ, мысль объ извѣстныхъ обязанностяхъ находятъ здѣсь болѣе мѣста. Имѣя въ виду прошедшее, люди лучше умѣютъ соединять лихорадочную дѣятельность настоящаго съ заботою о будущемъ, и привываютъ къ мысли, что грустно будетъ находить слѣды прошедшей исторіи въ однихъ пыльныхъ архивахъ.

ные взгляды. Но ландтагъ не отозвался на это и уступилъ только угрозамъ генераль-губернатора. Что же касается до барона Шульца, сдѣлавшагося предметомъ ненависти своихъ товарищей, онъ, не дождавшись закрытія ландтага, сложилъ съ себя свою должность. Только черезъ полстолѣтія его соотечественники отдали справедливость его памяти, украсивъ его портретомъ одну изъ залъ дома дворянскаго собранія (Ritterhauses) въ Ригѣ.

Съ точки зрѣнія права, крестьяне много выиграли въ рѣшеніи ландтага 1765 года. На дѣлѣ же выгоды были очень незначительны. Множество помѣщиковъ не исполнило обязательства представить росписи оброковъ крѣпостныхъ, и въ то же время оказалось невозможнымъ контролировать урочныя положенія, представленныя въ коллегію ландратовъ. Съ другой стороны злоупотребленія помѣщичьей власти относительно исправительныхъ наказаній продолжались; за ними слѣдили слабо и не очень хлопотали объ ихъ прекращеніи. Отъ этого мы и видимъ, что въ 1774 году, сенатъ справляется въ коллегіи ландратовъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, и отвѣтъ коллегіи скорѣе дышитъ началами 1739 года, чѣмъ началами 1765. Вскорѣ, въ различныхъ мѣстахъ провинціи вспыхнули востанія, для усмиренія которыхъ потребовалась военная сила. Въ 1777 году генераль-губернаторъ жаловался ландтагу на неисполненіе мѣръ, общающихся въ пользу крестьянъ. Подобнаго рода жалобы нѣсколько разъ и въ послѣдствіи вызывали жаркія пренія, но не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Замѣчательно то, что около этого времени, русскій фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, въ своемъ, жалованномъ императрицею въ Лифляндіи, имѣніи Буртнекъ, учредилъ судъ, въ которомъ засѣдали крестьяне, для разбирательства споровъ, возникавшихъ въ общинѣ. Этому примѣру послѣдовалъ графъ Меллинъ, можетъ-быть и еще нѣкоторые другіе дворяне, о которыхъ преданіе забыло.

Очень можетъ быть, что затрудненія, встрѣченныя въ Остзейскихъ провинціяхъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ, отчасти побудили императрицу Екатерину II, въ 1783 году, уничтожить большую часть древнихъ мѣстныхъ учрежденій, и замѣнить ихъ учрежденіями, сходными съ существующими въ другихъ областяхъ имперіи. Депутаты отъ крестьянъ были призваны засѣдать въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ и даже въ нѣкоторыхъ центральныхъ судебныхъ мѣстахъ; но эти мѣры не долго оставались въ силѣ. Тотчасъ новступленіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ возобновилъ, за нѣкоторыми исключеніями, прежній порядокъ вещей. Этотъ

актъ верховной власти, принятый большою частью эстляндскаго и лифляндскаго дворянства, какъ знакъ милости и справедливости, побудилъ лифляндскій ландтагъ, 1797 года, предложить проектъ поземельнаго закона, съ цѣлью уменьшить тяжести лежащихъ на крестьянахъ повинностей. Этотъ проектъ, составленный ландратомъ Сиверсомъ, и известный подъ его именемъ (Sieversches Regulativ), былъ напечатанъ въ Москвѣ и поднесенъ императору самимъ Сиверсомъ, назначеннымъ въ депутаты на коронацію. Въ письмѣ на имя императора, по этому случаю, онъ характеризуетъ дѣло ландтага, какъ дань признательности и непосредственное послѣдствіе возстановленія древнихъ привилегій дворянства, что не помѣшало однакоже огромной партіи, изъ этого же самаго дворянства, почти тотчасъ же протестовать противъ положенія, принятаго большинствомъ. Императоръ przeprowadилъ проектъ на разсмотрѣніе сената, и при вступленіи на престолъ императора Александра I, онъ еще не былъ высочайше утвержденъ.

III.

Мы, Русскіе, привыкли употреблять сильныя эпитеты относительно того притѣсненія, которому нѣкогда подвергались несчастныя крѣпостныя отъ дворянства Остзейскихъ губерній. Мы не хотимъ принимать въ соображеніе никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Это несправедливо. Необходимо рѣшиться принять въ расчетъ сначала варварство и нравы времени, а потомъ предразсудки породы и касты и даже препятствія прогрессу изъ личныхъ выгодъ. Какъ бы ни были пусты и мелки такія причины, онѣ имѣютъ однакоже сильное вліяніе. Обыкновенно чувствуется потребность скрывать ихъ; онѣ являются подъ видомъ твердыхъ убѣжденій и защищаются тѣмъ упорнѣе, чѣмъ труднѣе найти доказательства къ защитѣ; но всмотритесь въ сущность мысли, и вы увидите въ чемъ дѣло. Но, къ счастью для судьбы человѣчества, хорошо понимаемый индивидуальный интересъ, принимающій въ расчетъ не однѣ заботы настоящаго, но и будущее, всегда соглашается съ интересами большинства. Правда, что всегда необходимъ болѣе или менѣе долговременный трудъ ума, чтобы произвести это соглашеніе; но никогда не слѣдуетъ

отчаиваться въ исходѣ. Новыя направленія, новыя идеи возникаютъ и растутъ подъ тѣнію господствующихъ направленій и идей. Мало-по-малу новыя идеи выходятъ на свѣтъ и быстро распространяются. Онѣ находятъ краснорѣчивыхъ защитниковъ и преданныхъ послѣдователей. Онѣ нападаютъ на старыя злоупотребленія, стараются опровергнуть ошибки, освященные привычкою, и наконецъ образуютъ умственный токъ, который становится одною изъ дѣйствующихъ силъ своего времени, и служить поддержкою правительства въ его благотворныхъ начинаніяхъ. Часто эта новая сила бываетъ очень полезна. Недостаточно при случаѣ налагать молчаніе на индивидуальныя интересы; лучше стараться привлечь ихъ и употребить въ пользу, — и когда окажется, что человѣкъ самъ направляется на добрый путь, отчего же не поддержать его? Именно, при столкновеніи противоположныхъ интересовъ, очень важно не пропускать минуты, когда одна изъ сторонъ начинаетъ сознавать необходимость уступокъ. Вынуждать на жертвы — дѣло бесполезное. Но если уступки представляются какъ бы сами, если онѣ находятъ защитниковъ въ средѣ тѣхъ, кто долженъ ихъ сдѣлать, и если онѣ основываются на видахъ общественной пользы и началахъ справедливости и человѣчества; то по мѣрѣ всѣхъ этихъ условій возрастаетъ и залогъ успѣха. Если самыя сильныя правительства никогда не могли искоренить идею, то самыя искусныя правительства никогда ничѣмъ не могли замѣнить ту идею, со стороны которой имъ не доставало поддержки.

Мы видѣли, что до сихъ поръ оставались безъ пользы дѣланныя въ различныя времена попытки защитить крестьянское народонаселеніе Эстовъ и Леттовъ противъ гнета помѣщиковъ. Въ самой странѣ не было нравственной поддержки усиліямъ правительства. Нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ раздалось; нѣсколько примѣровъ представилось; но первыхъ не послушали, а вторымъ не послѣдовали. Дворянство держалось своихъ укоренившихся предразсудковъ; оно считало всякое ограниченіе производа за нарушеніе своихъ правъ и всякую гарантію, уступленную крестьянамъ, за оскорбленіе правъ собственности. Въ рядахъ дворянства было много помѣщиковъ менѣе взыскательныхъ и менѣе жестокихъ, чѣмъ остальные, но и они наравнѣ съ другими боялись новаго порядка вещей, въ которомъ бы добровольная, умѣренность ихъ сдѣлалась для нихъ обязательною. Они боялись потери власти и состоянія, и этотъ страхъ долго еще одерживалъ верхъ надъ другими болѣе возвышенными началами.

Но время шло своимъ чередомъ. Около конца XVIII столѣтія, въ умъ распространились новыя убѣжденія о правахъ и непремѣнныхъ обязанностяхъ человечества. Болѣе частыя сношенія дворянства съ городскимъ народонаселеніемъ вызвали развѣтъ мыслей, результатъ котораго былъ неблагопріятенъ для прежнихъ предразсудковъ касты. Наконецъ литература принялась за вопросъ и стала сильно обличать злоупотребленія помѣщичьей власти. Сочиненія доктора Меркеля въ особенности произвели глубокое впечатлѣніе. Они возбудили страшный гнѣвъ, были запрещены, но согласно съ такъ часто приводимымъ стихомъ Горациа: *nititur in vetitum, sursumque negata*, ихъ старались достать и читали нарасхватъ. Нѣсколько молодыхъ людей съ жаромъ приняли сторону крестьянъ, другіе присоединились къ нимъ для защиты этого дѣла, и дворянство раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна требовала рѣшительныхъ улучшеній, а другая, сначала самая многочисленная, противилась прогрессу и старалась его ограничить. Всѣ тѣ, которыхъ великодушныя влеченія и просвѣщенный взглядъ заставляли смотрѣть на уничтоженіе крѣпостнаго состоянія какъ на нравственную необходимость и полезную общественную мѣру, принадлежали къ первой изъ этихъ двухъ партій. Около второй партіи группировались всѣ тѣ, которые были ослѣплены страхомъ лишиться своихъ выгодъ, которые, по своему преклонному возрасту, не рѣшались пуститься по новымъ путямъ, или люди, занимавшіе общественныя должности, привыкшіе приказывать и недовѣрчиво, съ предубѣжденіемъ и презрѣніемъ, смотрѣвшіе на всякое возраженіе ихъ мнѣніямъ. «Еслибы вы лучше знали факты, говорили они своимъ противникамъ, еслибъ у васъ было столько же опытности, какъ и у насъ, вы бы не рѣшились приняться за то, чего вы требуете. Было бы благодарностью не признавать мудрости правительства, желающаго искоренить злоупотребленія, но не настаивайте на реформахъ, которыя оно само считаетъ неисполнимыми и преждевременными. Безумно хотѣть дать волю необузданному народонаселенію, неспособному понимать своихъ настоящихъ интересовъ, неспособному благоразумно пользоваться дарованными ему правами, и исполненному ненависти противъ помѣщиковъ. Обдумали ли вы вѣроятныя послѣдствія законной гарантіи, которую вы хотите ему дать? Какъ поймутъ эти мѣры, и что вы сдѣлаете, если вмѣсто того, чтобъ оставаться въ повиновеніи, въ законѣмъ предписанныхъ границахъ, крестьяне сочтутъ себя избавленными отъ всякихъ обязательствъ относительно

вась? Поддержать правильныя отношенія между землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ необходимо для блага государства, и не вы одни будете разорены вслѣдствіе безпорядковъ, которые необходимо произойдутъ, если осуществить на дѣлѣ ваши теоріи. Мы знаемъ, что злоупотребленія есть, и что есть имѣнія, гдѣ положеніе крестьянъ ужасно. Но это только исключенія. Въ большей части провинцій отеческая власть помѣщика очень умѣренна. Она иногда строга, но рѣдко несправедлива. Мы впрочемъ сознаемся, что необходимо ограничить ее, и дать крестьянамъ большія обезпеченія противъ произвола и болѣе значительный залогъ благоденствія. Но это сдѣлается только временемъ; къ этой цѣли можно подвигаться только шагъ за шагомъ съ величайшею осторожностію. Надобно предварительно изучить вопросъ со всѣхъ сторонъ и приготовить умы народа къ предназначеннымъ ему благодѣяніямъ.»

«Тактика откладывать вопросъ, вмѣсто того чтобъ его разрѣшать, и преувеличивать опасности, чтобы не идти имъ на встрѣчу, вовсе не нова, отвѣчала противная партія. Также не ново стараться поставить противниковъ въ безвыходное положеніе, чтобы заставить ихъ замолчать. Мы признаемъ заботливость правительства и въ отвѣтъ на то хотимъ сообразоваться съ его видами. Въ нихъ нечего сомнѣваться, и лучше будетъ, если мы поможемъ ихъ осуществленію, чѣмъ дожидаться, чтобы дѣло обошлось безъ нашей помощи. Дѣло не въ томъ, чтобъ ослабить связь, поддерживающую общественный порядокъ, но въ томъ, чтобы обуздать угрожающее ему притѣсненіе. Мы знаемъ, что наша задача не легка, но мы знаемъ также, что затрудненія возрастаютъ со дня на день и, если время ужь ушло, чтобы можно было уладить ихъ безъ всякихъ опасеній, то мы предпочитаемъ встрѣтить нѣсколько частныхъ безпорядковъ, чѣмъ въ послѣдствіи бороться съ общимъ возстаніемъ. Умственное и нравственное состояніе нашихъ крестьянъ есть необходимое послѣдствіе гнета, который на нихъ лежитъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ продолжаться, вы встрѣтите тѣ же результаты. Покажите намъ развитіе, произведенное, гдѣ бы-то ни было, отеческою властію, про которую вы говорите. Плоды ея, если такіе есть, совершенно отрицательны; это не добро, а только отсутствіе зла. Покажите намъ средство, какъ остановить злоупотребленія, которыя вы осуждаете. Вы говорите, что на это нужно время. Согласны; но по крайней мѣрѣ нужно начать дѣло, которое время должно окончить. Вѣдь вы не со вче-

рашняго дня стали объ этомъ думать. Вы отвергаете наши предложенія и откладываете свои. Это не называется идти шагъ за шагомъ къ цѣли. Впрочемъ развѣ вы думаете, что система отсрочекъ не представляетъ своего рода опасностей? Кто предвидѣлъ когда-нибудь минуту, въ которую лопнетъ слишкомъ натянутая пружина? Кто могъ заранѣе рассчитать время, когда зашевелятся массы? Можетъ-быть наши уже волновались бы теперь, еслибы народонаселеніе жило тѣснѣе, и еслибы наши крестьяне были поселены въ большихъ деревняхъ, вмѣсто разсѣянныхъ фермъ. Вы насъ обвиняете въ необдуманной поспѣшности. Но мы готовы слѣдовать за вами; ведите насъ. Но не полагайте насъ вести, не показавъ, что сами-то вы идете.»

Во время этихъ споровъ заря новаго царствованія освѣтила нерѣшимость однихъ и нетерпѣніе другихъ.

IV.

Инициатива новаго движенія принадлежитъ Эстляндіи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра I, два эстляндскіе дворянина Левисъ и баронъ Штакельбергъ обратились къ нему прямо, съ просьбою утвердить нѣсколько мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ ихъ провинціи. Тогдашній предводитель дворянства, Яковъ фонъ-Бергъ, горячій приверженецъ этого же дѣла, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ убѣдить ландтагъ 1802 года постановить цѣлый рядъ положеній, которыхъ существенные пункты слѣдующіе: 1) Право собственности крестьянъ признавалось и гарантировалось относительно всего движимаго имущества, которымъ они владѣли или которое могли приобрести. 2) Крестьянина нельзя было лишить фермы иначе какъ съ полнымъ обезпеченіемъ, сумма котораго опредѣлялась судебнымъ приговоромъ присутственнаго мѣста, составленнаго въ видахъ обезпечить его безпристрастіе. 3) Владѣніе фермами было обезпечено фермерамъ пожизненно, съ правомъ передавать ихъ по смерти дѣтямъ или вдовамъ, исключая случая неспособности или явнаго нерадѣнія. Это нерадѣніе или неспособность должны быть доказаны юридически судомъ, который каждый помѣщикъ обязанъ былъ учредить во всякомъ своемъ имѣ-

ни, и который долженъ былъ состоять изъ членовъ, избранныхъ изъ крестьянъ. 4) Проступки и нарушеніе законовъ были подсудны этому суду, кромѣ случаевъ, въ которыхъ они судились общими присутственными мѣстами. 5) Право продавать крѣпостныхъ безъ земли должно было нѣсколько ограничиться; продажа не могла состояться безъ согласія сельскаго суда. 6) Въ каждомъ приходѣ должны были быть учреждены нѣкоторыя новыя власти, которыхъ обязанность исключительно состояла въ разборѣ жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, и въ силу добавочной статьи, не обнародованной въ началѣ, эти власти должны были составить новыя урочныя положенія въ имѣніяхъ, гдѣ тяжести показались бы имъ слишкомъ велики.

Бергъ представилъ эти положенія императору 4-го іюля 1802 года, а 14-го іюля, въ императорскомъ рескриптѣ, появилась благодарность предводителю дворянства, съ приглашеніемъ поспѣшить окончаніемъ благороднаго труда, предпринятаго дворянствомъ. Окончательная редакція постановленій ландтага была составлена немедленно и представлена на разсмотрѣніе императора, который, 2-го сентября того же года, прислалъ второй рескриптъ Бергу. Въ этомъ рескриптѣ было дозволено обнародованіе новаго устава на эстонскомъ языкѣ и объявлено, что *мока* императоръ остается доволенъ. Въ этомъ уставѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Igga üks* (*всякій изъ васъ*, слова, которыми начинается эстскій текстъ) были два важные пробѣла. Ни границы права исправительнаго наказанія, предоставленнаго помѣщику, ни количество повинностей, наложенныхъ или которыя можно наложить на крѣпостныхъ, не были въ точности опредѣлены. Ландтагъ 1803 года поручилъ особенному комитету составленіе на этотъ предметъ проекта постановленій, который и былъ одобренъ ландтагомъ 1804 года. Новый проектъ сельскаго положенія былъ представленъ на усмотрѣніе императора тогдашнимъ предводителемъ дворянства Розенталемъ. Это положеніе, временно утвержденное императоромъ 27-го августа 1804 года, было немедленно введено. Императоръ, въ рескриптѣ отъ того же числа на имя предводителя дворянства, повелѣвалъ нѣкоторыя дополнительныя распоряженія. Было повелѣно, чтобы право переводить крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое по купчей крѣпости могло существовать только при непремѣнномъ согласіи суда, и въ случаѣ излишества народонаселенія.

Милостивое принятіе императоромъ первыхъ положеній эстляндскаго ландтага внушило ландрату Сиверсу, главѣ партіи про-

гресса въ Лифляндіи, мысль воспользоваться своимъ очерредью предсѣдательства въ коллегіи ландратовъ, чтобъ испросить утвержденія лифляндскихъ предложеній 1796 года; дворянство нѣсколько разъ уже безъ успѣха просило о конфирмаціи ихъ императоромъ (1). Императоръ, рескриптомъ отъ 2-го декабря 1802 года, изъявилъ свое удовольствіе Сиверсу и коснулся въ рескриптѣ нѣкоторыхъ подробностей относительно этихъ предложеній, не изъявляя впрочемъ желанія, чтобъ онѣ были передѣланы въ болѣе широкомъ смыслѣ. Сиверсъ сейчасъ же представилъ цѣлый рядъ измѣненій, которыя императоръ одобрилъ, приглашая его въ то же время новымъ рескриптомъ отъ 30-го января 1803 года, сообщить ихъ на обсужденіе дворянству.

Ландтагъ 1803 года, собравшійся 17 февраля, былъ одинъ изъ самыхъ бурныхъ въ Лифляндіи. Происходили жаркія пренія, прежде чѣмъ большинство согласилось на положенія, которыя легли въ основаніе устава 1804 года. Множество протестовъ было записано и сообщено генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ императору, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ большинства. Это разногласіе взглядовъ между дворянствомъ вызвало одну иѣтру, которая не была принята въ Эстляндіи. Рескриптомъ отъ 11 мая 1803 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа (въ послѣдствіи князя) Кочубея, императоръ приказалъ учредить комитетъ для разсмотрѣнія предложеній ландтага, установить на мѣстѣ комиссію для пересмотра и исправленія крестьянскихъ повинностей и наконецъ составить проектъ сельскаго положенія для Лифляндіи. Президентомъ этого комитета, который долженъ былъ заниматься подъ верховнымъ руководствомъ императора, былъ назначенъ графъ Кочубей, членами: сенаторъ Козодавлевъ, тайный совѣтникъ графъ Строгановъ и два ландрата, которыхъ императоръ предоставилъ себѣ назначить изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ дворянствомъ. Выборъ палъ на Анрепа и Будденброкка.

Донесеніе комитета (2), напечатанное въ началѣ положенія, было отъ 3 февраля. Положеніе, текстъ котораго былъ приложенъ къ донесенію, утверждено императоромъ 20 того же мѣсяца. Вотъ

(1) Эти предложенія были пересмотрѣны и нѣсколько измѣнены въ 1797 и 1798 годахъ.

(2) Это донесеніе стоитъ прочесть. Въ немъ отражается характеръ времени, употребительныя тогда формы въ дѣлахъ, и сверхъ того оно содержитъ очень вѣрное изложеніе вопроса.

краткое изложеніе началъ этого закона о лифляндскихъ крестьянахъ (1):

1) Право располагать личною крестьянина безъ земли, которую онъ обрабатываетъ или на которой онъ живетъ, уничтожено совершенно.

2) Помѣщикъ не имѣетъ права принуждать крестьянина бросить сельскія работы и, противъ желанія, поступить въ личное услуженіе помѣщику.

3) Крестьянинъ имѣетъ право вступать въ бракъ совершенно свободно.

4) Его нельзя переселять, противъ его воли, изъ одного уѣзда въ другой или даже въ другое имѣніе того же уѣзда.

5) Онъ имѣетъ право избирать изъ своего сословія судей въ три судебныхъ инстанціи (общинный, приходскій и окружный суды).

6) Наказанія за проступки могутъ быть назначаемы только приговоромъ общиннаго суда въ первой инстанціи.

7) Исправительныя наказанія, опредѣляемыя помѣщикомъ дворовымъ и барщиннымъ людямъ, не могутъ превышать пятнадцати палочныхъ ударовъ.

8) Рекруты, по количеству требуемому правительствомъ, назначаются и ставятся общиною или общиннымъ судомъ, а не помѣщикомъ, который можетъ только пользоваться этимъ правомъ относительно дворовыхъ людей.

9) Лѣсъ, необходимый для построекъ и отопленія, долженъ быть выдаваемъ крестьянамъ помѣщикомъ безденежно.

10) Крестьянинъ имѣетъ право купли, продажи, наслѣдства и пр. относительно всякаго имущества движимаго и недвижимаго, которымъ онъ можетъ владѣть по общимъ законамъ имперіи.

11) Крестьянинъ свободенъ отъ всякихъ личныхъ оброковъ. Всѣ тяжести налагаются на него за землю, которою онъ пользуется, пропорціонально ея количеству.

12) Арендный контрактъ наслѣдственъ. Фермера можно ли-

(1) Мы извиняемся предъ читателемъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ, но мы полагаемъ, что не бесполезно указать въ этомъ очеркѣ различныя фазы, которыя перешла сельская реформа, прежде чѣмъ дойти до окончательныхъ результатовъ. Чтобы возможно было слѣдовать за движеніемъ этой реформы, необходимо имѣть передъ глазами подробности главныхъ измѣненій, которымъ подвергались въ разныя эпохи положенія закона и мысль законодателя.

шесть фермы только за недоимки или долгъ, сумма которыхъ вдвое превышаетъ ежегодныя повинности; но даже и въ этомъ случаѣ ферма переходитъ къ его ближайшимъ наследникамъ.

13) Извѣстная часть земли отдается въ пользованіе бесплатно; доходъ съ нея идетъ на покрытіе государственныхъ повинностей.

14) Повинности, записанныя въ урочныя положенія (Wackenbücher), не могутъ быть въ послѣдствіи увеличены.

15) Начала шведскаго кадастра 1687 года служатъ основаніемъ для оцѣнки земель. Но сумма тяжестей, лежащихъ на каждомъ Haken, возвышена отъ 60 талеровъ до 80, оттого что въ 1687 году оцѣнивались только пахатныя земли и не принимались въ расчетъ сады и луга, находящіеся во владѣніи крестьянъ.

16) Положены правила для опредѣленія суммы всякаго рода повинностей, для распредѣленія ихъ по временамъ года и для опредѣленія барщины либо пѣшими и конными днями, либо дневнымъ урокомъ для различнаго рода работъ. Пространство обрабатываемыхъ для помѣщика барщиною земель не должно превышать извѣстныхъ границъ, расчисленныхъ по количеству барщинъ, которыми можно располагать (1).

(1) Чтобы дать общее понятіе о повинностяхъ, оставшихся на крестьянахъ, не бесполезно будетъ указать сумму ихъ для cadaго Haken.

1. Обыкновенная барщина пѣшая или конная 624 дня.
2. Дополнительная барщина пѣшая лѣтомъ. 252 дня.
3. Вспомогательныя барщинныя работы, особо опредѣленныя 468 дней.

Итого 1344 дня.

Пѣшій день оцѣненъ въ 3 гроша, конный въ 4; 90 грошей на талеръ. 1092 дня конныхъ и 252 пѣшихъ, представляютъ около 64 талеровъ. На подати остается нѣсколько болѣе 6 талеровъ, повинности натуральными произведеніями, около 10 талеровъ. Общій итогъ 80 талеровъ для cadaго Haken. Обыкновенно считаютъ 10 мушьянъ и 10 женщинъ, способныхъ къ работѣ и около 4 фермъ на каждый Haken. Что касается до различнаго протяженія составляющихъ его земель, можно положить, среднимъ числомъ, 50 десятинъ пахатной земли и 60 десятинъ подъ лугами и выгономъ. Это пространство тѣмъ обширнѣе, чѣмъ земля менѣе плодородна. Пахатныя земли, перваго лучшаго разряда, оцѣнены нѣсколько болѣе 2 талеровъ, а четвертаго, послѣдняго разряда, около 1 талера десятина.

СЦЕНЫ ВЪ ПУСТЫНѢ

МЕЖДУ БАСРОЙ И БАГДАДОМЪ

Басра, когда-то одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ Востока, въ настоящее время пользуется славою совѣтъ другаго рода. Это одинъ изъ нездоровѣйшихъ городовъ Азіи. Конечно, всѣ, и *братія чужбины*, какъ зовутъ здѣсь путешественниковъ, и жители здѣшніе, соглашались въ томъ, что этому несчастью помочь было бы не трудно, что убійственныя басринскія лихорадки происходятъ отъ нечистоты въ каналахъ и притокахъ, прорѣзывающихъ почву по всему городу; но общее согласіе здѣсь не ведетъ ровно ни къ чему: правительство турецкое, взявшее инициативу во всемія свои руины, заботится лишь о томъ, что выгнать самое прямое и близкое отношеніе къ его выгодамъ, и притомъ заботится съ нестерпимою восточною лѣнью. Довольно, что уѣздный городъ Басра существуетъ, хотя и въ развалинахъ, что здѣсь собираются таможенные доходы и другія повинности, до остальнаго же правительству нѣтъ дѣла; горожане съ своей стороны, возложивъ упованіе на Аллаха, а еще болѣе на беззаботное и эгоистическое правительство, съ ужасомъ толкуютъ десятки, сотни лѣтъ о вредныхъ каналахъ, толкуютъ, и ничего не дѣлаютъ.

Дурную славу Басры, попавшей въ арабскую пословицу: *посль влітїя Басры*, что равняется нашему: *посль ужина горчица*, довелось мнѣ испытать на самомъ себѣ. Правда, что, несмотря на предостереженія народной молвы и путешественниковъ, несмотря на смерть нѣсколькихъ челоуѣкъ, изъ которыхъ иные умирали отъ лихорадки (дѣло мало вѣроятное) въ однѣ сутки, я велъ себя безъ всякой осмотрительности, путешествовалъ въ сильнѣйшій

жаръ къ развалинамъ деревушки Забейръ, спалъ по ночамъ на кровлѣ безъ теплаго платья и проч., но во всемъ этомъ я подражалъ большинству здѣшнихъ жителей, у Арабовъ есть даже пословица, что «жаръ—здоровье, а холодъ—грызенье затылка». Въ продолженіе двухъ недѣль это вольное подражаніе сходило съ рукъ безнаказанно, и ужь близокъ былъ часъ отъѣзда, какъ вдругъ однимъ утромъ я почувствовалъ страшную тяжесть въ головѣ: безъ всякаго преувеличенія, надъ глазами у меня лежало нѣсколько фунтовъ свинцу. Это случилось именно въ самый день отъѣзда: непонятная бессонница проручила меня всю ночь, наконецъ заснулъ я уже передъ утромъ, проспалъ дальше законнаго срока, положеннаго для пребыванія на кровлѣ, жгучіе лучи солнца слишкомъ долго били въ мою голову, защищенную только легкимъ кисейнымъ навѣсомъ, и я всталъ самъ не свой. Добрый хозяинъ мой, армянскій священникъ, былъ въ отчаяніи отъ страшной красноты моихъ глазъ, упрекалъ себя въ обилии фруктовъ, ежедневно являвшихся за нашимъ столомъ, и только утѣшался вѣрою въ искусство англійскихъ докторовъ, къ которымъ я долженъ былъ поступить на руки, по его разсчету. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этого разчета мнѣ угрожала вѣрная смерть: въ дрянномъ арабскомъ городишкѣ какія могутъ быть средства для борьбы съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ басринская лихорадка? Восточная медицина дальше Иппократа не двинулась, неказивъ притомъ и его наставленія собственными безобразными дополненіями; европейскіхъ же докторовъ въ Басрѣ не имѣется, да едва ли и захочетъ имѣть съ ними дѣло тотъ, кто разъ побывалъ въ ихъ рукахъ: я разумѣю здѣсь не настоящихъ докторовъ, которые на Востокѣ очень рѣдки, а многочисленныхъ фельдшерскихъ учениковъ, преимущественно изъ Итальянцевъ, наводняющихъ большіе города Востока. Конечно, въ этомъ печальномъ явленіи виноваты сами жители, прибѣгающіе предпочтительно къ подобнымъ шарлатанамъ, съ экономическою цѣлью гущеть за дешевую плату неоцѣнимое здоровье. Правда, турецкіе министры обратили вниманіе въ послѣднее время на фальшивые дипломы самозванцевъ-докторовъ, но правила, установленныя на этотъ случай, почти совсѣмъ не исполняются. Притомъ каждый порядочный паша хочетъ имѣть своего доктора, а откуда ихъ взять, когда такъ-называемая Галатская медицинская академія учитъ медицину безъ основательнаго знанія анатоміи, и когда хорошіе европейскіе доктора не имѣютъ ни нужды, ни охоты ѣхать въ турецкую провинцію? Случаются еще обстоя-

тельства по народному здоровью имперіи нисколько не забавны: его превосходительство, невѣжественнѣйшій паша, къ несчастію, пользуется, со всѣмъ своимъ домою, наилучшимъ здоровьемъ; итальянскій фельдшеръ сидитъ совершенно безъ дѣла, паша находитъ, что доктору платить не за что, да и нечѣмъ иной разъ; между тѣмъ не ловко же его превосходительству, увѣренному въ познаніяхъ своего эскулапа, надуть сироту ограбленной Италиі, и вотъ паша начинаетъ толковать о какомъ-то моровомъ повѣтріи, о чумѣ, пожалуй, зловѣщіе признаки которой, по словамъ его турецкаго превосходительства, обнаружилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области, вѣренной его драконскому управленію. Услужливая губернаторская челядь превращаетъ эти милостивыя слова своего начальника въ факты: по предписанію пашы, безпрестанно пекущагося о благосостояніи края, учреждается карантинъ на границахъ опальнаго уѣзда или даже одной области съ другою, куда и посылается на кормленіе голодный пасынокъ Италиі. Одинъ изъ такихъ фактовъ я видѣлъ собственными глазами, съ тѣмъ отличіемъ однако, что чуму на этотъ разъ сочинилъ не паша, а *Journal de Constantinople*; стамбульское же начальство очень ей обрадовалось, и поборы со всѣхъ проѣзжихъ обогащали не одного доктора.

Изъ этого поучительнаго очерка восточной медицины и народнаго здоровья очень ясно слѣдуетъ, что я въ самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно счастливъ, отказавшись отъ поѣздки на арабскомъ суднѣ, и попалъ на англійскій пароходъ. Здѣсь опять приходится говорить о допотопномъ бытѣ, въ которомъ живетъ до сихъ поръ Востокъ, но что же дѣлать путешественнику, если онъ на каждомъ шагу спотыкается о подобныя явленія?.. Сообщеній между Басрой и Багдадомъ, двумя важными торговыми пунктами, изволите видѣть, мусульмане до сихъ поръ не могли выдумать лучше тѣхъ, которыя существовали еще во времена Геродота или Навуходоносора: сверху по Тигру товары сплавляются на плотахъ изъ бурдюковъ, а снизу на верхъ идутъ тяжелѣйшіе плоскодонные досчаники. Сухопутнаго сообщенія не существуетъ: степи и бедуины—плохіе проводники какихъ бы то ни было сношеній. Начальство двухъ городовъ ограничивается пересылкою гнѣвыхъ скороходовъ, совершающихъ свои переходы, съ почтовою сумкою и мѣшечкомъ сухихъ финиковъ, въ семь или восемь дней, и то еще не всегда удается скороходу ускользнуть отъ бдительности бедуиновъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Басру, ко мнѣ явился арабскій капитанъ одного досчаника, нагруженнаго, ка-

жется, горшками, и предлагалъ мнѣ, за довольно дорогую цѣну, почетное мѣсто на кормѣ. Зная, что присутствіе Европейца на арабскомъ суднѣ почти равняется застраховкѣ этого судна въ лучшемъ европейскомъ страховомъ обществѣ, что капитанъ, изъ собственныхъ выгодъ, долженъ бы свезти меня даромъ, я никакъ не могъ согласиться на дорогую плату, тѣмъ болѣе, что и состояніе моихъ финансовъ было самое плачевное; съ другой стороны армянскій священникъ искренно убѣждалъ меня остаться въ его жилищѣ и дожидаться англійскаго парохода, который всѣхъ сколько-нибудь сносныхъ Европейцевъ возить бесплатно. Нечего и сомнѣваться, что Русскаго Англичане возьмутъ охотно: въ ту пору Англія была очень дружна на Востокъ съ Россіей и не совсемъ ладила съ Франціей.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, въ концѣ іюня, въ самую знойную пору, я поступилъ на англійскій пароходъ, куда меня приняли съ самою обязательною предупредительностію. Кроме политическаго единоклісія, такому благосклонному приему была еще и другая причина: семейство англійскаго резидента въ Багдадѣ, полковника Тейлора, ѣздило на родину, въ Англію, черезъ Кавказъ и Россію, и не могло довольно нахвалиться внимательною предупредительностію русскихъ властей и гостеприимствомъ Русскихъ. У насъ обыкновенно нападаютъ на это вниманіе къ иностранцамъ, но, во первыхъ, почему же мы голословно восхищаемся гостеприимствомъ восточнымъ, а между тѣмъ осуждаемъ эту черту въ своемъ характерѣ? А во вторыхъ, какъ видите, это гостеприимство не остается безъ должной оцѣнки и вознагражденія со стороны иностранцевъ. Дурныя исключенія бывають и здѣсь: съ одной стороны гостеприимство утрируется до унижительнаго поклоненія, а съ другой ласковый приемъ встрѣчается равнодушіемъ и насмѣшкою; но ради дурныхъ исключеній не слѣдуетъ вычеркивать благородное правило изъ народнаго характера.

Я прибылъ на пароходъ за полчаса до отправленія: ни малѣйшей суматохи не было видно тамъ, гдѣ обыкновенно прислуга непрерывно суется взадъ и впередъ, толкаетъ все встрѣчное и поперечное, кричитъ, бѣснуется—и дѣло все-таки идетъ плохо. Какъ и куда исчезли мои вещи, я даже не замѣтилъ; на палубѣ видѣлись только одинъ или два матроса, чѣмъ-то занятые очень серьезно. Даже самый пароходъ, повидимому, велъ себя гораздо скромнѣе и основательнѣе: изъ большой трубы не валилъ столбомъ черный дымъ съ копотью и искрами, паровая труба не

шипѣла прензительно. Последней я былъ особенно благодаренъ за ея молчаливость, потому что въ головѣ моей достаточно было шуму и безъ того. На лѣстницѣ въ каюту, я встрѣтилъ доктора багдадскаго резидентства, Рааса, который тотчасъ же назвалъ свое имя, отвелъ меня въ каюту, и представилъ меня всему англійскому обществу, а-это общество—мнѣ. Знакомство началось съ перваго же шага безъ всякихъ церемоній, но и безъ комплиментовъ: никто не сказалъ мнѣ, что я здѣсь какъ дома, въ своей собственной комнатѣ, и между тѣмъ я чувствовалъ себя точно дома; каждый говорилъ съ другимъ, когда хотѣлъ и о чемъ хотѣлъ, и молчалъ, когда говорить не хотѣлось. Это пріятное чувство—быть господиномъ своей воли, несмотря на то, что находишься въ гостяхъ у совершенно незнакомыхъ людей, подѣйствовало даже на мое болѣзненное состояніе очень благопріятно: цѣлый день я пробылъ на ногахъ и—на діэтѣ, выходилъ не рѣдко на палубу и легко ознакомился съ новыми моими хозяевами. Знакомство было не безъ интереса: это были остъ-индскіе Англичане, нація, а не чиновники, за официальность которыхъ вездѣ имѣешь право опасаться. На пароходѣ находилась половина англо-багдадскаго общества, которымъ мы и займемся теперь.

Капитанъ парохода Джонсъ—толстая, румяная и низенькая фигура, на высокихъ каблукахъ, управляетъ своимъ пароходомъ отлично и донынѣ, потому что имя его я встрѣчаю и теперь въ извѣстіяхъ съ Евфрата. Джонсъ, по своей тучной натурѣ, принадлежитъ къ разряду добрыхъ малыхъ, бонъ-вивановъ: вкусный столъ и хорошее вино для него предметы первостепенной важности, къ которымъ онъ любитъ примѣшивать съ своей стороны не всегда удачныя остроты, причемъ, для большаго эффекта, капитанъ упираетъ глаза въ потолокъ. Кромѣ умѣренныхъ попойекъ, которыхъ онъ придерживается въ качествѣ моряка, осужденнаго однако плавать въ бассейнѣ двухъ-аршинной глубины, Джонсъ любитъ охоту; въ качествѣ услужливаго кавалера, капитанъ покупаетъ и даритъ дочери Тейлора всѣ попадающіе ему подъ руку антики, но жестокая судьба неумолимо преслѣдуетъ здѣсь любезнаго капитана: какъ-то случается, что Джонсу все приносятъ фальшивыя антики, и притомъ, въ качествѣ Англичанина, онъ платитъ за нихъ очень дорого. Я помню, что въ Багдадѣ, гдѣ уже довольно развита жидами фабрикація вавилонскихъ антиковъ, за два поддѣльные цилиндра съ клинообразными надписями, одному и тому же Еврею мы съ капитаномъ Джонсомъ заплатили очень различно: я за свой—рубль серебромъ; а несчаст

ный капитанъ — десять. Конечно, сказать по правдѣ, я былъ бы смѣшнѣе, еслибы купилъ фальшивый антикъ за настоящій безъ малѣйшаго сомнѣнія; но къ счастью мой неизбежный скептицизмъ спасъ меня: покупая поддѣльную древность, я рассчитывалъ отчасти на обманъ, но мнѣ нужно было имѣть ее какъ образецъ древняго и новаго производства. Добрая и простая натура Джонса несколько не огорчалась этими неудачами, и теперь, сколько я могъ замѣтить по англійскимъ извѣстіямъ съ Евфрата, капитанъ Джонсъ уже приобрѣлъ познанія въ вавилонскихъ древностяхъ, такъ что успѣлъ оказать нѣкоторыя ученые услуги, если только это тотъ самый Джонсъ, котораго я зналъ тогда.

Докторъ Рассъ едва ли не во всемъ составляетъ антипода капитану Джонсу, начиная съ физической организаціи. Докторъ очень высокъ ростомъ, сложенъ атлетически, и гладкой, лоснящейся физиономіи капитана противопоставляетъ плоское, усѣянное веснушками лицо. Если капитанъ видитъ жизнь лишь съ эпикурейской ея стороны, то Рассъ смотритъ на нее гораздо серіознѣе, и потому даже при самыхъ улыбкахъ сжимаетъ тонкія губы, какъ будто промѣтъ влаго сарказма у него нѣтъ ничего на душѣ. Фальшивые антики капитана докторъ замѣняетъ основательнымъ изслѣдованіемъ руинъ, которыхъ въ этомъ краю довольно: Рассъ совершилъ замѣчательную поведку на развалины Хатры, описаніе которой принято археологами съ благодарностью; но эта поѣздка осталась не безъ печальныхъ послѣдствій для самого Расса: несмотря на званіе доктора, Рассъ оставался однажды на солнцѣ въ легкой соломенной шляпѣ, не положивъ въ тулью ничего, и получилъ легкій солнечный ударъ; бывший съ нимъ Арабъ, вѣроятно еще болѣе неосторожный—а можетъ-быть, противъ страшнаго дѣйствія раскаленной пустыни и всякая осторожность безсильна!—получилъ сильный солнечный ударъ, отъ котораго очень скоро умеръ въ сумашествіи. Несмотря на то, что докторъ Рассъ вскорѣ оправился отъ своего удара, здоровье его поколебалось, надобно думать, потому что вотъ уже четыре года, какъ англійскіе журналы упоминали объ его кончинѣ. Въ то время, о которомъ я говорю, докторъ пользовался отличнымъ здоровьемъ, и, при умѣренности своей, обѣщалъ долголѣтіе, но... пребываніе на Востокѣ ломаетъ и не такія желѣзныя натуры! Успѣвъ вовремя выбраться изъ жаркаго пояса, я, слабый пациентъ Расса, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, а между тѣмъ мощный спаситель мой отъ басринской лихорадки уже давно перешелъ въ иной видъ существованія. Я очень счастливъ на этотъ разъ, что ничѣмъ,

кромѣ хорошаго, не могу помянуть своего багдадскаго благодѣтеля; да впрочемъ, я думаю, и всѣ другіе помянуть доктора Расса добрымъ словомъ.

Остъ-Индская Компанія очень заботится о здоровьѣ своихъ служащихъ, по крайней мѣрѣ въ месопотамскихъ предѣлахъ: кромѣ доктора резидентства, пароходъ имѣетъ своего лѣкаря, мистера Линча. Не смотря на свое ирландское происхожденіе, которое высказывается даже и въ изобиліи ирландскихъ ландшафтовъ въ комнатахъ Линча и въ восторженныхъ его похвалахъ ирландской природѣ, этотъ докторъ горячо преданъ Англій, такъ что оправдываетъ многія историческія событія, на которыя мы смотримъ иначе. Мнѣ очень было пріятно встрѣтить это искреннее примиреніе съ злою судьбой, потому что въ бесполезной враждѣ національностей я и тогда подозрѣвалъ несправедливость. Можетъ-быть черта, о которой я говорю, составляетъ лучшее украшеніе доктора Линча: въ другихъ отношеніяхъ едва ли что было замѣчательное въ этой личности. Если онъ любилъ страшно обливать себя одеколономъ, а мистриссъ Тейлоръ потокомъ стародавнихъ любезностей, то вѣдь позволительно же имѣть хоть какую-нибудь страсть; если докторъ Линчъ держалъ всегда черезчуръ неподвижно свою длинную шею, точно аршинъ проглотилъ, то вѣдь позволительно же имѣть и недостатки въ своей наружности. Такъ какъ больнымъ я поступилъ еще на пароходѣ, то ближайшее медицинское наблюденіе за мной имѣлъ докторъ Линчъ, которому я обязанъ не менѣе, чѣмъ доктору Рассу. Хотя рѣчь о докторсахъ пора кончить, однако я не хочу пропустить безъ должнаго замѣчанія и то, что англійскіе доктора больше мѣсяца лѣчили меня безъ кровопусканій, между тѣмъ какъ въ Смирнѣ и Константинополѣ первымъ приемомъ тамошнихъ эскулаповъ было сильное кровопусканіе, для излѣченія меня отъ солнечнаго удара, который я успѣлъ вторично получить въ Смирнѣ. И та и другая система лѣченія имѣетъ свои опасныя послѣдствія: учащенные приемы александрийскаго листа могутъ кончиться диссентеріей, а сильныя кровопусканія—изнуреніемъ, но во всякомъ случаѣ послѣдній методъ гораздо хуже и опаснѣе, какъ бы ни стояли за него левантскіе блюстители общественнаго здоровья.

О послѣднемъ Англичанинѣ, находившемся на пароходѣ, я сохранилъ до сихъ поръ грустное воспоминаніе: я не имѣлъ времени познакомиться съ нимъ, потому что, по прибытіи въ Багдадъ, бѣдный молодой человѣкъ вскорѣ умеръ, но, проведя съ д'Анверомъ, такъ звали этого юношу—офицера, семь

ночей съ глазу на глазъ, въ жестокихъ страданіяхъ, я не могъ не имѣть къ нему особеннаго чувства. Доктора мнѣ сказали, что д'Анверъ безнадеженъ, что онъ, подобно многимъ другимъ Европейцамъ, прибывающимъ на Востокъ съ нѣжнымъ здоровьемъ, подвергся диссентеріи: могъ ли я, въ эти долгія и мучительныя ночи, тревожить свою рѣчью обреченнаго на смерть? и притомъ же я самъ проводилъ эти ночи въ перемежающемся бредѣ и постоянномъ адскомъ огнѣ! Я молчалъ, когда былъ въ памяти, старался быть спокойнымъ, чтобы не тревожить д'Анвера, который спалъ въ общей каютѣ, насупротивъ меня, въ какихъ-нибудь десяти шагахъ; молчалъ и д'Анверъ, но что за пронзительная грусть выражалась въ его голубыхъ глазахъ, всегда спокойныхъ и ясныхъ! Мнѣ и теперь тяжело вспомнить этотъ неподвижный взглядъ, обращенный на меня съ тоской, въ тѣ минуты, когда послѣ долгаго и мятежнаго бреда, я приходилъ въ себя. Ни страшная боль головы, ни оглушительный стукъ паровыхъ колесъ, ни удушливый воздухъ каюты не могли отвлечь меня отъ этихъ голубыхъ глазъ, неподвижно устремленныхъ на меня. Можетъ-быть д'Анверъ считалъ меня вѣрною жертвой смерти: такъ много скорби и участія я видѣлъ въ этомъ печальномъ взорѣ. Не подумай, читатель, чтобы это былъ не больше какъ бредъ больной головы моей: д'Анверъ не зналъ ожидающей его самой будущности, и сострадалъ такъ живо моему положенію, что я не могъ принять это за бредъ. Можетъ-быть живое участіе д'Анвера также не безъ вліянія на воспоминаніе о немъ, такъ долго и такъ крѣпко сохранившееся у меня: заглянувъ и въ настоящую минуту въ мой путевой журналъ, я читаю иногда не совсѣмъ выгодные отзывы о прочихъ Англичанахъ Востока, между тѣмъ какъ личность д'Анвера упомянута съ любовью и грустью, хотя д'Анверъ собственно ничего не сдѣлалъ для меня. Я помню и теперь тотъ печальный день, когда хоронили въ Багдадѣ злополучнаго юношу: Англичане всѣ были очень тронуты, Тейлоръ былъ мраченъ, а дамы плакали: и мнѣ тоже такъ было жаль, жаль молодого лейтенанта!...

Предавшись этимъ грустнымъ воспоминаніямъ, я совсѣмъ забываю, что пароходу моему пора уже ринуться въ пустыню, широко раскинувшуюся по обѣимъ берегамъ Евфрата. Пароходъ этотъ принадлежитъ Остъ-Индской Компаніи; каждый мѣсяцъ онъ совершаетъ по одному рейсу изъ Багдада въ Басру и обратно, за исключеніемъ августа, когда мелководіе Тигра и Евфрата, послѣдствіе лѣтнихъ жаровъ, не позволяетъ плаванья; по причинѣ

этого же мелководья такихъ славныхъ рѣкъ, пароходъ, желѣзный и небольшой, въ сорокъ силъ, и несмотря однако на всѣ эти выгодныя условія, онъ во всю дорогу садился очень часто на мель. Стимеръ этотъ очень удачно представляетъ смѣшеніе языковъ на мѣстѣ, гдѣ происходило столпотвореніе вавилонское: въ самомъ дѣлѣ, что за невѣроятное соединеніе различныхъ національностей, представляемое прислугой парохода! Чистыхъ Англичанъ только два или три матроса: остальная прислуга состоитъ изъ Арабовъ, Персіянъ, Халдеевъ, Армянъ, Индійцевъ, Португальцевъ, Поляковъ, Итальянцевъ, и даже — да не оскорбится моя родина — Русскихъ. Я былъ пораженъ какъ громомъ, когда на второй день плаванія вдругъ услышалъ самое чистѣйшее русско-саратовское: «Убирайся къ чорту!» очень громко раздавшееся изъ кухни. Оказалось, что на кухнѣ царствовалъ нераздѣльно русскій языкъ: главный поварь, Итальянецъ, когда-то служившій у нашихъ офицеровъ во время турецкой компаніи, принужденъ постоянно объясняться на русскомъ языкѣ, потому что оба помощника его, одинъ Полякъ, другой Русскій, только на нашемъ языкѣ и могутъ понимать своего начальника. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что русскій языкъ забрался на пароходъ Остъ-Индской Компаніи, на берега Евфрата: спорьте послѣ этого противъ расширенія русской національности! Печальнымъ свидѣтельствомъ раздора между англійскимъ и французскимъ народомъ служило совершенное отсутствіе Французовъ на томъ пароходѣ, гдѣ Россія и Польша имѣли своихъ представителей: конечно этотъ фактъ произошелъ не случайно, потому что на Востокъ нѣтъ недостатка во Французахъ. Несмотря на это отсутствіе несчастнѣйшей — потому что она очень легкомысленна — націи европейской, французскій языкъ слышался иногда на пароходѣ, такъ что вѣрность моего замѣчанія о вавилонскомъ смѣшеніи языковъ на суднѣ Остъ-Индской Компаніи остается въ полной силѣ. Когда какой-нибудь необыкновенный случай производилъ впечатлѣніе на эту подвижную массу разныхъ племенъ — чтó за странный, перекрестный огонь итальянскихъ, арабскихъ, португальскихъ, персидскихъ, англійскихъ, турецкихъ, армянскихъ, русскихъ и tutti quanti словъ начинался на нашемъ пароходѣ! Различіе религій кидалось не менѣе въ глаза; тутъ были христіане: католики, реформаты и англикане, православные, халдеи, армяно-грегоріане, сиріане, и мало ли еще какіе христіане! изъ мусульманъ были и сунниты и шитты; язычниковъ представляли Индусы, Гвевры, Сабей; были

тутъ и ренегаты, были, разумѣется, и такіе, которые не имѣли никакой религіи. И все это невообразимое столкновеніе націй и исповѣданій уживалось довольно тѣсно на пространствѣ какихъ-нибудь десяти-пятнадцати сажень. Для иного изъ насъ покажется непостижимой загадкой, какимъ образомъ могли Англичане управлять этою враждебною амальгамою пылкихъ южныхъ характеровъ съ неподвижными азіятскими, этою пестрою одеждой арлекина, гдѣ каждый лоскутъ имѣлъ свой рѣзкій характеръ и ярко отличался отъ своего сосѣда; но тайна этого управления была очень проста: Англичане ни во что не мѣшались, покажеться не требовали того обстоятельства или сами враждующія національности; они предоставляли каждому полную свободу жить и развиваться по своему, лишь бы эта жизнь не нарушала чужихъ правъ. Несмотря на то, что въ числѣ прислуги были лѣнивѣйшія и развращеннѣйшія личности, порядокъ службы, какимъ бы шумомъ, и даже иногда бранью не сопровождался онъ, не былъ нарушаемъ; враждебныя столкновенія также прекращались на первыхъ порахъ, — и все это вслѣдствіе чрезвычайно-почтенной системы невмѣшательства въ чужое дѣло. Поспѣшимъ прибавить, что здѣсь не вмѣшивалась политика.

Если Англичане были такъ сильны на своемъ пароходѣ, то нельзя было сказать того же о поведеніи ихъ на берегу: мусульманскій и національно-арабскій фанатизмъ смирялся передъ могуществомъ паровъ, но на сушѣ онъ чувствовалъ себя во множествѣ и силѣ. Пока нашъ пароходъ собирался въ дорогу, на берегу шла такая рѣчь между двумя Арабами, басринскими горожанами:

— Слава Аллаху! Эти невѣрные убираются изъ нашей благословенной Басры, гдѣ имъ хуже, чѣмъ въ гееннѣ.

— Да, уѣзжаютъ, отвѣчалъ другой, старый Арабъ, съ густою сѣдою бородой; — уѣзжаютъ, затѣмъ, чтобъ пріѣхать сюда опять черезъ мѣсяцъ и навезти всякихъ дьявольскихъ бездѣлушекъ. Змѣя умерла, но оставила свой хвостъ.

— Проклятіе этимъ невѣрнымъ, проклятіе и тѣмъ, которые покупаютъ ихъ шайтанскія изобрѣтенія! И что это за злополучіе на правовѣрную обитель, что невѣрные расползлись вездѣ какъ скорпіоны! Вѣдь есть у нихъ своя страна невѣрія: жили бы тамъ. Теперь ужъ и въ Басрѣ пускаютъ свои корни Франки; а скверную траву не скоро выполешь!

— И какъ они пробрались сюда? спрашивалъ первый собесѣдникъ, Арабъ среднихъ лѣтъ, довольно бѣдно одѣтый.

— Наше несчастіе въ томъ, что Аллахъ, въ несказанной своей премудрости, соединилъ благодатный нашъ Шаттъ (Эвфратъ) съ гяурскими морями: этимъ-то путемъ пришли сюда нечестивые.

— Погибнуть бы имъ всѣмъ въ пучинѣ морской! Пусть этотъ пароходъ разобьется въ дребезги о первую мель Шатта, пусть всѣ эти гяуры погибнуть въ огнѣ своей адской машины; пусть вороны пустынные выклюютъ глаза ихъ трупамъ, которыхъ не приметъ нашъ Шаттъ.

Отличное напутствіе намъ, думалъ я, слушая это живое выраженіе мусульманской ненависти, которая, впрочемъ, уже нерѣдко толкуетъ на всемъ Востоку о томъ, что Аллахъ по особеннымъ причинамъ опредѣлилъ невѣрнымъ забраться въ мусульманскія владѣнія, и что это уже неизмѣнный законъ не исторіи, но Провидѣнія. Чему бы ни приписывали это событіе мусульмане, дѣло въ томъ, что они по-немногу примиряются съ этимъ фактомъ. Проводниками этой мысли служатъ англійскіе негоціанты: ни одна нація не сдѣлала такихъ широкихъ шаговъ къ сближенію съ Востокомъ, какъ Англичане. Не довольствуясь пароходствомъ по Евфрату, для котораго снаряжена была сюда цѣлая экспедиція, составившая, подъ управленіемъ Чесни, превосходную карту эвфратскаго бассейна, Англичане замышляютъ давно о желѣзной дорогѣ не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я теперь описываю, но и о дорогѣ между Багдадомъ и Дамаскомъ. Гигантскій планъ желѣзной дороги въ пустынѣ, и между тѣмъ сколько пользы для Англій въ этой дорогѣ! Чѣмъ болѣе проложить Англія дорогъ въ Индію, тѣмъ она крѣпче свяжетъ метрополию съ колоніей. Даже и тогда, когда я находился на Евфратѣ, часть индѣйской корреспонденціи шла изъ Басры въ Багдадъ, а оттуда въ Дамаскъ; въ послѣднее время эти сношенія могли только усилиться.

Пароходъ нашъ двинулся, но не къ Багдаду, какъ я ожидалъ: онъ пошелъ внизъ по Евфрату, чтобъ отвести до персидскаго городка Мохамары одинъ англійскій купеческій корабль. Страннымъ покажется, что пароходъ долженъ буксировать корабль внизъ по рѣкѣ: повидимому, корабль легко могъ бы и самъ совершить эту операцію. На дѣлѣ не то: приливы съ моря, узкое и мелководное мѣстами русло знаменитаго *Шаттъ-Эль-Араба* не позволяетъ свободныхъ эволюцій кораблямъ, и плаваніе здѣсь трудно. На подмогу пароходу, корабль распустилъ паруса и очень картинно накрепился: докторъ Линчъ тотчасъ же предло-

жилъ мнѣ сравненіе этого корабля съ падающими пизанскими башнями.

День склонялся къ вечеру; жаръ началъ спадать; чувствуя въ себѣ довольно силъ, я не хотѣлъ съ перваго же раза казаться передъ Англичанами слабымъ и страждущимъ, и поэтому оставался постоянно на палубѣ. За это не совсѣмъ похвальное упрямство я былъ вознагражденъ живописною картиной Евфрата: густыя пальмовыя рощи, оканчивающіяся у береговъ пространными камышами, окаймляли нашъ не широкій горизонтъ; веселые островки, покрытые сочною растительностью, часто загораживали путь пароходу. Свѣжій вѣтеръ игралъ въ прибрежныхъ камышахъ и по высокой травѣ острововъ, да и на пароходѣ все было въ движеніи. Капитанъ Джонсъ съ зрительною трубой расхаживалъ по палубѣ и очень часто прикладывалъ трубу къ своимъ глазамъ: я думалъ, что онъ наблюдаетъ въ камышахъ евфратскихъ пиратовъ. Матросы-Англичане то же слѣдили за берегами рѣки.

— Капитанъ, капитанъ! вдругъ крикнулъ одинъ изъ матросовъ: — камышъ колышется противъ вѣтра, вонъ съ лѣваго борта....

— Справедливо, отвѣчалъ Джонсъ, наводя трубу на указанное мѣсто.

— Это онъ, это онъ! закричали всѣ матросы и бросились къ гичкѣ.

— Стопъ машина! скомандовалъ Джонсъ; — держаться на мѣстѣ. Отдай буксиръ: корабль можетъ идти и на парусахъ, вѣтру довольно. Спустить гичку.

Наблювъ за исполненіемъ всѣхъ этихъ приказаній, Джонсъ наклонился потомъ въ каюту и закричалъ.

— Воу.

Это восклицаніе слышалось на пароходѣ безпрестанно, и относилось оно къ юношѣ, Армянину, расторопнѣйшему малому, вездѣ и на все готовому, вѣчно въ бѣлой курткѣ и панталонахъ, вѣчно съ самою веселою физиономіей. Этотъ пятнадцатилѣтній мальчикъ составлялъ единственную прислугу Англичанъ парохода, потому что онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ, за исключеніемъ французскаго. Въ этихъ случаяхъ Армянъ можно назвать восточными Поляками.

Малый отозвался изъ каюты: — Уес!

— Подай ружье мое!

Явилось и ружье немедленно. Между тѣмъ гичка съ вооруженными матросами уже успѣла скрыться въ камышахъ.

Я съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за этою сценой, имѣя постоянно

въ мысляхъ арабскихъ пиратовъ, только не могъ понять, отчего Англичане преслѣдуютъ ихъ съ такою жесточеномъ. Докторъ Линчъ какъ нарочно убрался на самый носъ парохода, чтобы лучше оттуда видѣть дѣйствія матросовъ. Капитанъ крѣпко занять былъ развинчиваніемъ и завинчиваніемъ своего отличнаго двуствольнаго ружья съ четырьмя зарядами: въ то время подобныя ружья были еще рѣдкость. Ружье шло къ малолетнему капитану: оно было короткое.

Въ камышахъ раздался крикъ: го, го! видно, что матросы преслѣдуютъ кого-то, камышь стелется лыкомъ подъ ногами убѣгающаго врага; покраснѣвшій еще болѣе капитанъ Джонсъ навелъ ружье на это мѣсто и ждетъ лишь минуты, какъ покажется врагъ.... Волненіе моей крови, разгоряченной лихорадкою, достигаетъ высшей степени.... развязка близко.... но вдругъ бѣгущій непріятель, пользуясь вдавнившимся въ берегъ доломъ, сворачиваетъ влево и быстро удаляется отъ народа. Обманутые матросы остаются неподвижно на одномъ мѣстѣ. Капитанъ произноситъ глухое: *goddem!* и подаетъ знакъ матросамъ возвратиться на пароходъ. Одинъ изъ Арабовъ, находящихся въ числѣ прислуги парохода, замѣчаетъ насмѣшливо: нагрузилъ судно хлѣбомъ, а очутилась соль.

Когда капитанъ нѣсколько успокоился, я обратился къ нему съ вопросомъ: кого они такъ горячо преслѣдовали? Оказалось, что это былъ совсѣмъ не Арабъ, а кабанъ, которыхъ въ камышахъ Шатта водится довольно. Въ иные рейсы капитану удается эта охота счастливѣе, нежели въ этотъ разъ, когда мы не видали ничего, кромѣ измученныхъ матросовъ: даже кабана никто не видѣлъ. Вообще Англичане любятъ эту охоту, и въ Багдадѣ устраиваютъ ее въ большихъ размѣрахъ, отправляются верхомъ на отличныхъ скак унахъ, въ товариществѣ съ Арабами, и, вооруженные копьями, смѣло преслѣдуютъ опаснаго врага: эта охота очень интересна, иногда сопровождается приключеніями или забавными эпизодами и во всякомъ случаѣ не то, что охота на зайцевъ, которою должны ограничиваться Англичане въ Тегеранѣ.

Послѣ этой маленькой тревоги, я уже былъ не въ силахъ оставаться на палубѣ, сошелъ въ каюту и легъ на свой диванъ чуть не въ безпамятствѣ: меня жгло всего, но больше всего горѣла внутренность. Неутолимая жажда мучила меня: Рассъ, чтобы утѣшить меня, разрѣшилъ мнѣ даже портеръ. Ничто не помогало: адскій огонь бѣгалъ по всему тѣлу, а свинцовая тяжесть залегла въ головѣ. Чтобы освѣжить пылающее дыханіе, я вы-

ставляя голову въ маленькое окно парохода, но снаружи казалась жгло еще сильнѣе: Въ этихъ мученіяхъ застигла меня ночь: пароходъ сталъ на якорь у персидскаго городишка Мохаммары, всѣ на пароходѣ предались покою. Не спали только я и д'Анверъ. Я продолжалъ метаться, пока не впалъ въ бредъ, и тогда уже ничего не помню, что происходило со мной: должно быть я былъ спокойнѣе, потому что д'Анверъ утромъ сказалъ докторамъ, будто я спалъ ночь хорошо.

На пароходѣ встаютъ рано, но и нельзя иначе: раньше всѣхъ встаетъ не выносимо раскаленное солнце и поднимаетъ всѣхъ спящихъ на палубѣ. Истомленный ночнымъ волненіемъ, я не могъ встать и остался цѣлый день въ каютѣ: потому я не видалъ ни Мохаммары, которую Англичане взяли приступомъ въ нынѣшнюю войну съ Персіей, ни цвѣтущихъ береговъ Евфрата, которыми любовался, когда плылъ изъ Бендеръ-Бушира въ Басру. Пароходъ, оставивъ купческаго спутника своего на произволъ приливовъ и отливовъ морскихъ въ Евфатѣ, пошелъ обратно въ Басру и остановился у лѣтней французской дачи, называемой Мегиль. Бѣдное это заведеніе, въ полуверстѣ отъ города, не заслуживаетъ особеннаго описанія: лучше познакомимся съ новымъ пассажиромъ нашего парохода. Это лицо, довольно почтенное въ здѣшнемъ краю, прибыло на пароходъ очень смиренно, потому что уже не состояло болѣе на сценѣ и потому, что имѣло дѣла съ свободными Европейцами, а не съ несчастными раба, не-мусульманскими подданными турецкой имперіи: пора сказать, что это былъ мутселлимъ (градоначальникъ) Басры, навсегда оставившій свою робкую паству. Пожилыя лѣта его уже напередъ опредѣлили до извѣстной степени его характеръ или, если хотите вѣрнѣе, его принципы: старый Турокъ можетъ быть только старымъ Туркомъ, другими словами—изувѣромъ и деспотомъ; притомъ же въ то время юная Турція г-на Убиччини еще не существовала. Турокъ новаго покроя—иначе о нихъ нельзя выражаться, въ Багдадѣ былъ еще рѣдкость. Въ качествѣ истиннаго нравовѣрнаго, отставной мутселлимъ Басры носилъ чалму, бороду и нѣсколько престраннѣйшихъ халатовъ; погруженный въ размышленія о брэнной судьбѣ, низвергающей иногда и такіе колоссы, какъ градоначальникъ Басры, ликій фанатикъ не удостоивалъ окружающее вниманія, какъ все невѣрное, нечистое, и между тѣмъ не имѣлъ довольно характера, чтобъ открыто и прямо выразить свое отвращеніе. Большую часть времени онъ проводилъ у себя въ каютѣ,

вѣроятно омывая безпрестанно грѣшное тѣло, оскверненное прикосновеніемъ къ гурамъ, и въ общую каюту спускался только во время обѣда или завтрака, и то не всегда. Въ первый день однакоже онъ счелъ долгомъ обѣдать съ гурами и показать имъ, что каждый правовѣрный, слава Аллаху, умѣетъ вести себя гордо съ этими выродками. Дебютъ нашему Турку не удался, и надобно было все хладнокровіе Англичанъ, чтобы не расхотаться неловкости надменнаго повелителя Басры: разумѣтся, капитана Джонса спасла его лукаво неподвижная физиономія, докторъ Рассъ всегда былъ чрезвычайно серіозенъ, меня сокрушала лихорадка, что же выручило доктора Линча, не знаю. Дѣло состояло въ томъ, что почтенный градоначальникъ въ первый разъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ европейскимъ столовымъ приборомъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлать: не говоря о томъ, что онъ безпрестанно смѣшивалъ вилку съ ножомъ, ножъ съ ложкой, и разумѣется сердился при томъ не на себя, а на гурскія выдумки, съдой Турокъ началъ обѣдъ съ послѣдняго блюда, мѣшалъ одно кушанье съ другимъ и разыгралъ роль настоящаго дитяти. Не должно однако предполагать, что Турокъ стыдился своихъ промаховъ: въ этомъ случаѣ онъ былъ непоколебимъ въ своемъ мусульманскомъ стоицизмѣ. Одна изъ неловкостей его была особенно забавна: увидавъ, что Англичане берутъ соль изъ солонки ножикомъ, градоначальникъ Басры запустилъ свою несовсѣмъ-то чистую пятерню въ солонку, захватилъ сколько считалъ нужнымъ соли и потомъ пересыпалъ эту соль на ножикъ, а съ нока на тарелку свою. Говорилъ мутселлимъ мало и неохотно: впрочемъ, о чемъ было и бесѣдовать съ этимъ господиномъ, который зналъ лишь набивать себѣ карманъ и «стричь непослушное стадо», нисколько не заботясь объ остальномъ?.. Въ стриженіи непослушнаго стада мутселлимъ, какъ мнѣ говорили въ Басрѣ, былъ очень рьянъ и даже искусенъ: впрочемъ не надобно думать, чтобы въ Турціи операціи этого рода сопровождались особенными ухищреніями. Напротивъ, дѣло идетъ очень просто: имѣете вы какую-нибудь надобность до начальства, платите соразмѣрно вашему карману, платите вездѣ и всѣмъ, вотъ и все. Только въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда нужно взять деньги ни съ того ни съ сего, начальство прибѣгаетъ къ изобрѣтеніямъ въ родѣ напимѣръ устройства новаго канала, о которомъ никогда не будетъ и рѣчи въ сущности. Иногда провинціальный правитель просто объявляетъ, что онъ выкурилъ весь табакъ, что ему нечего курить, а нужно выпки-

сать табакъ изъ Стамбула, гдѣ безъ денегъ ничего не получишь: начинается сборъ на табакъ правителя и производится очень всенародно. Можетъ не доставать табаку и какому-нибудь министру: что дѣлать, вѣдь и министры тоже люди, тоже хотятъ уладить себя среди своихъ «безчисленныхъ и неусыпныхъ трудовъ», какъ принято за правило выражаться въ турецкой имперіи о столбахъ правительства. Нынешній султанъ торжественно осудилъ взятку «ришветъ», при восшествіи своемъ на престолъ, въ изданномъ тогда гюльханейскомъ манифестѣ, но что прикажете дѣлать? ни одинъ фибръ ни одного турецкаго начальника не пошевелился отъ этого осужденія, потому что другихъ, болѣе энергическихъ мѣръ, не было принято, и съ тѣхъ поръ до нынѣ мутселлимы съ братіей продолжаютъ блаженствовать даже и потому, что народнаго сомосознанія, общественнаго осужденія въ Турціи не пробуждалось. Конечно, еслибы общественное мнѣніе сколько-нибудь сложилось и получило голосъ тамъ, гдѣ кромѣ купленнаго Journal de Constantinople почти не существуетъ выраженій общественнаго мнѣнія, это мнѣніе прежде всего должно бы обрушиться всею безпощадною тяжестью своего шорицанія на гнилые столбы правительства, которые, если иной разъ и довольно честны по отношенію къ своему карману, то, большею частію, безчестны по отношенію къ родинѣ, къ народу. По крайней мѣрѣ эти столбы правительства часто имѣютъ настолько самостоятельности, что подаютъ въ отставку, когда ихъ мнѣніе не принято, а съ другой стороны правительство въ послѣднее время настолько великодушно, что не преслѣдуетъ за оппозицію: не во всякомъ европейскомъ государствѣ и это найдешь.

Да будетъ преданъ забвенію этотъ полудикій мутселлимъ, отвлекшій наше вниманіе отъ цвѣтущей евратской природы и англійскаго общества: мнѣ, страждущему, отраднo было отдыхать на этихъ двухъ картинахъ, что нужды въ томъ, что въ общей каютѣ не сходилъ со стола грогъ, и капитанъ часто спускался внизъ навѣдаться о моемъ здоровьи и благосостояніи грога, при чемъ не рѣдко являлся на столѣ и sherry, столь любимый Англичанами, вѣроятно потому, что это вино крѣпковато? что нужды въ томъ, что, будто для контраста съ красенькимъ капитаномъ, передо мной постоянно находилось блѣдное, блѣдное до смертнаго цвѣта, прозрачное до послѣдней оболочки лицо д'Анвера? что нужды до того, что съ роскошныхъ береговъ Еврата неслись душливыя испаренія, что пламенные струи пустынь-

наго воздуха лились въ мою раскаленную грудь? Все же мнѣ было гораздо легче смотрѣть на все это, чѣмъ на мрачную фигуру фанатическаго градоначальника Басры.

Но впередъ! Пароходъ снялся вечеромъ съ якоря и пустился вверхъ по Шатту, на первыхъ парахъ довольно бойко, но потомъ ходъ сталъ медленнѣе. Мы плыли всю ночь, на этотъ разъ показавшуюся мнѣ страшно длинною: я не спалъ, но и не лежалъ въ безпамятствѣ, я все видѣлъ, чувствовалъ, я осязалъ этотъ пламень, который лился подъ котломъ парохода и по моему тѣлу, я томился подъ неподвижнымъ взоромъ тоже страждущаго д'Анвера... Къ утру, однако, я впалъ въ забытiе. Въ это время мы прошли мимо Корна и вошли въ Тигръ: я не видалъ слиянія двухъ райскихъ рѣкъ, не видалъ мѣстности, гдѣ когда-то начинался земной рай, нынѣ перенесенный въ душу каждаго чело-вѣка, но, можетъ-быть, я и немного потерялъ: дрянной городишко Корнъ съ нѣсколькими топкими пальмами нынѣ позорить эту мѣстность. За то я имѣлъ еще достаточно силъ, чтобы въ десять часовъ утра вытаскаться на палубу и взглянуть на могилу Пророка Эдры. Какая печальная картина, чисто библейская! Пустыня широкая, безграничная, сливающаяся съ горизонтомъ, и въ ней, на берегу рѣки, небольшое, убогое зданіе, обнесенное кирпичною стѣной, съ двумя пальмами у входа и нѣсколькими деревьями на дворѣ: это гробница пророка. Гдѣжь было и успокоиться ему, какъ не въ этой пустынѣ, голой, безмолвной, мертвой? Евреи приходятъ сюда на поклоненіе, а еще болѣе ходитъ сюда евреекъ: въ этотъ разъ я видѣлъ здѣсь много женщинъ и очень мало мужчинъ. И на Востокъ для женщинъ молитва нужнѣе, а между тѣмъ Мухаммедъ почти уводилъ своихъ женщинъ отъ молитвы.

Пальмовыя рощи кончились: мы вступили въ пустыню. Воздухъ здѣсь, говорятъ, здоровѣе, вода чище, но я страдаю по-прежнему, если еще не больше: только потрясающій вѣтъ степи возбуждаетъ мою ослабѣвшую энергію. Я остаюсь на палубѣ, чтобы насладиться поэзіей пустыни, въ которой не видно ни одного живаго существа: даже бедуинъ, безъ котораго пустыня становится чѣмъ-то невозможнымъ, не показывается здѣсь. Солнце свѣтитъ нестерпимо ярко на желтыхъ пескахъ степи; красноватое небо, кажется, страшно далеко и глубоко; горизонта будто нѣтъ, земля слилась съ небомъ. Волны песковъ представляются то волнами озера, то какими-то зданіями, которые колышутся и мѣняются въ струяхъ воздуха; сѣроватый фонъ

пустыни сливается постепенно съ желтыми песками; нигдѣ ни куста, ни дерева, ни зеленого листика. Вдали какъ-будто показались кто-то, приближается, приближаясь растеть... но это вихрь набѣжалъ, поигралъ съ пескомъ пустыни, сбѣгалъ изъ него фантастическую фигуру—и разсыпался на черномъ фонѣ. За отсутствіемъ живыхъ существъ, Арабъ населяетъ пустыни «джиннами», духами, и «гулями», оборотнями, и говорить, что нужно сорокъ ночей дождя для того, чтобы показалась на пескѣ пустынномъ тощая травка «васмъ», какъ нужно сорокъ ночей для того, чтобы выправились сломанная нога у человѣка. Страшно очутиться одному въ этой пустынѣ, но много въ ней и поэзіи! Только мѣрный стукъ колесъ парохода нарушаетъ безмолвіе пустыни, но что для этого громаднаго пространства шумъ парохода! Притомъ пустыня и тутъ умѣла поставить преграды: быстрый Тигръ мелководенъ, и пароходъ спотыкается чуть не на каждомъ шагу; иногда мы часто врѣзываемся на мель, но капитанъ Джонсъ знаетъ свое дѣло, а пароходъ послушенъ своему капитану: въ одно мгновеніе мы сходимъ съ мели и идемъ дальше. Однако, какъ ни искусенъ Джонсъ и какъ ни послушенъ стимеръ, на ночь мы останавливаемся на якорѣ, потому что рѣка черезчуръ мелководна и попадаетса на пути много острововъ.

Еще ночь и уже на берегахъ Тигра. О мучительная южная ночь! кто тебя опишетъ, кто тебя благословить? Небо темно-темно-голубое, но звѣзды блестятъ не ярко, такъ что не отличишь ихъ отъ огоньковъ въ арабскихъ аулахъ, гдѣ Арабы цѣлую ночь жгутъ огни, для безопасности отъ хищныхъ звѣрей; воздухъ невыносимо густъ и влаженъ, но желанной прохлады все же нѣтъ, горячій «гаруръ», ночной вѣтеръ, другъ полуденнаго самума, гуляетъ по землѣ, испарина покрываетъ все тѣло спящаго, тяжелыя грезы прерываютъ сонъ, проснувшійся жадно хватается за воду, пьетъ, пьетъ—но жаръ и жажда не прекращаются; ненарушимая тишина наводитъ тоску на душу, даже волна на плеснетъ въ рѣкѣ, развѣ гдѣ нибудь вдали, въ арабскомъ аулѣ, раздастся лай собакъ, или пронзительный плачь шакала... Для меня эта ночь была вдвое мучительнѣе; сожигаемый внутреннимъ пламенемъ, томимый духотою воздуха, я видѣлъ въ то же время, что бѣдный д'Анверъ очень страдалъ, часто вставалъ съ постели и уходилъ на палубу, гдѣ оставался долго. Это тоска по родинѣ, по роднымъ, вѣрно мучить несчастнаго юношу: и мнѣ становилось еще тяжелѣе. Я не зналъ тогда, что пара

было и мнѣ подумать о тѣхъ, которые на далекомъ Сѣверѣ немножко помнили меня, что я находился въ положеніи, едва ли лучшемъ д'Анверова; только болѣзнь, по своей недавности, не успѣла сокрушить мои силы, и свѣжій запасъ ихъ могъ спасти меня, при искусномъ содѣйствіи англійскихъ докторовъ. Глядя на страданія д'Анвера, я ни разу не подумалъ, что смерть уже наклонилась надо мной и дышетъ на меня: докторъ Рассъ говорилъ послѣ въ Багдадѣ, что въ одинъ изъ дней нашего плаванія онъ считалъ меня совершенно погибшимъ.

Къ утру, когда уже взошло жгучее солнце, мы оба съ д'Анверомъ успокоились, а пароходъ напротивъ заклокочалъ и забушевалъ: мы опять плывемъ, но это плаваніе чисто англійское, съ препятствіями; пароходъ опять врѣзывается въ отмели. И капитанъ Джонсъ уже не является освѣдомляться о моемъ здоровьи. По берегамъ Тигра кочуетъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ «народъ верблюжьей шерсти», бедуины, между которыми племя Забейдъ самое сильное. Несмотря на равнодушіе бедуиновъ къ религіи, вы видите и здѣсь мѣстами «рѣреты», мѣста пелеринажа, гдѣ покоится, подъ сводами небольшого зданія, какой-нибудь святой мужъ, которыми особенно обилуетъ шіитское исповѣданіе ислама, какой-нибудь потомокъ пророка Мухаммеда, которымъ уже давно и счетъ потерянь. Проходъ нашего судна составляетъ для жителей пустыни чрезвычайную потѣху: трудно представить себѣ всѣ нечѣпости, которыя выдѣлываютъ бедуины, предаваясь своей *фантазіе*. Одни кидаются въ лодки, гребутъ изъ всѣхъ силъ, чтобъ догнать пароходъ, Богъ вѣсть за чѣмъ, и конечно не догоняютъ. Случается, что смѣльчакъ, въ жару преслѣдованія, попадаетъ съ своею длинною и острою пирогой въ волненіе отъ колесъ парохода, челнокъ бедуина измѣняетъ своему хозяину, и гордый обитатель пустыни беретъ невольню ванну въ горячей водѣ Тигра. Другой бедуинъ, завидя пароходъ, вскакиваетъ на своего бѣгуна, покрытаго попоной, и дико несется на немъ въ погоню за пароходомъ: послушный арабскій конь, похожій въ длинной попонѣ на траурныхъ лошадей, скоро догоняетъ пароходъ, и мчится въ рядъ съ нимъ, будто быстроногіи строусъ; бедуинъ неистово размахиваетъ руками, издаетъ раздражительные гортанные звуки, епанча его живописно развѣвается по вѣтру, конь храпитъ и пышетъ огнемъ, но въ нашемъ пароходѣ-скакунѣ огня больше, и вскорѣ бедуинъ остается назади, не желая ухъзатъ далеко отъ своего аула. Иногда арабское кочевье попадаетъ на самоѣ берегу Тигра, и тогда картина

преслѣдованія еще одушевленнѣе: бедуинки съ покрытыми лицами, бѣгутъ за парохомъ, криками и жестами даютъ знать, что онѣ хотѣли бы прійти на невѣрное судно, а капитанъ Джонсъ только улыбается такому странному желанію, въ которомъ иной разъ можетъ скрываться и опасность; пусть остановится парохомъ, и бедуины толпами явятся на него, и тогда можетъ возникнуть непріятный споръ, кому принадлежитъ судно: хозяевамъ ли пустыни, бедуинамъ, или хозяевамъ рѣки, Англичанамъ. Между бедуинками мало видно хорошенькихъ: вся ихъ красота, въ гибкомъ станѣ и легкости формъ; но одна изъ преслѣдовательницъ нашихъ обратила на себя общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что сильная и смѣлая, она долго бѣжала рядомъ съ парохомъ. И одѣта она была не въ длинную, узкую рубашку, какъ прочія бедуинки: на ней было широкое шерстяное платье желтаго цвѣта, конечно имѣвшее свой оригинальный покровъ, котораго нельзя однако было разглядѣть, потому что сверху было накинута огромное черное покрывало, плотно прилегшее къ тѣлу и головѣ: черный цвѣтъ покрывала еще ярче выказывалъ бѣлизну матоваго лица и рукъ, что между смуглыми бедуинками составляетъ большую рѣдкость. Большіе черные глаза, обведенные некрашенными рѣсницами, горѣли огнемъ; бѣлые зубы ея блестѣли, по выраженію Арабовъ, какъ ряды градинъ; овальное правильное лицо было блѣдно, несмотря на то, что красавица пустыни бѣжала за нами долго, и румянецъ долженъ бы заиграть на ея юныхъ щекахъ. Еслибы не свидѣтельство Англичанъ, я бы думалъ, что видѣлъ очаровательную бедуинку въ бреду: долго спустя послѣ, въ Басдадѣ, я опять припомнилъ это видѣніе, варисовалъ на память восхитительный призракъ, припомнилъ всѣ складки траурнаго покрывала, но лицо воспроизвести не могъ. Дочь пустыни осталась для меня неуловимою феей.

Вотъ уже пять дней, какъ басринская лихорадка не покидаетъ меня, но все болѣе и болѣе ожесточается: сегодня я ослабѣлъ ужасно и впалъ въ бредъ, едва парохомъ успѣлъ бросить якорь. Длинной и душной ночи, длинной, по выраженію Арабовъ, какъ тѣнь пики, я не помнилъ теперь: только по временамъ, приходя въ память, я встрѣчался съ тоскливымъ взоромъ д'Анвера, и боль моя еще увеличивалась отъ этого печальнаго участія. Это положеніе, проводить цѣлыя ночи страданій вмѣстѣ и не сказать другу другу ни слова, чтобы не потревожить больного, это положеніе ужасно тяготѣло надо мной. Странная встрѣча! Впрочемъ, можетъ-быть д'Анверъ имѣлъ ту же черту

въ своемъ характерѣ, которою одаренъ и я: больной, страждущій, я не желаю ни безпокоить, ни видѣть никого, предпочитаю всему одиночество, какъ оно, по видимому, ни тяжело въ такія минуты. Д'Анверъ тоже и днемъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Тѣмъ грустнѣе было смотрѣть на эту жертву смерти.

Въ продолженіе ночи капитанъ Джонсъ и другіе Англичане охотились съ палубы на кабановъ и шакаловъ, которые пробѣгали по берегу: вся охота впрочемъ состояла въ ружейныхъ выстрѣлахъ, которые посылались въ ночной темнотѣ наудачу. Можетъ-быть нѣкоторые звѣри и были ранены, но по крайней мѣрѣ утромъ, снимаясь съ якоря, Англичане не нашли ни одного трупа. Матъ же это утро принесло довольно смѣшную сцену, хотя она могла кончиться очень дурно. По обыкновенію къ утру бредъ утихъ, и я заснулъ: вдругъ я слышу, что кто-то схватилъ меня за ноги холодными руками. Вздвогнувъ всѣми нервами, я въ страхѣ открываю глаза: передо мной стоитъ одинъ изъ служителей моихъ Армянъ, съ непомярно-выпученными глазами, того и гляди, что они выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ. Въ первую минуту я думалъ, что бѣдняжка помѣшался.

— Что тебѣ нужно? спросилъ я наконецъ, потому что мой Армянинъ упорно молчалъ, страшно повода зрачками.

— Саабъ! будьте осторожны, не пейте ничего.

— Что это значитъ?

— Сколько больныхъ на пароходѣ! Вчера умеръ вдругъ слуга мутселлима. Говорять...

Армянинъ сдѣлалъ страшные глаза и замолчалъ. Это начинало походить на разказъ Шехерезады, которая всегда останавливается на самомъ интересномъ мѣстѣ. Испугъ мой увеличился: я тресся всѣмъ тѣломъ, понятно; что разгоряченная голова моя не могла работать исправно, и я принималъ нелѣпую рѣчь Армянина за чистую монету.

— Что жъ говорить?

— Говорять... (И Армянинъ наклонился ко мнѣ и продолжалъ шопотомъ)—говорять, что Англичане отравляютъ.

Только тогда я вспомнилъ, что мой Армянинъ былъ помѣшанъ на этой мысли, что онъ очень ясно выразилъ ее еще въ Бендеръ-Буширѣ, когда я отправлялся на обѣдъ въ англійское резиденство.

— Что это? ты хочешь меня уморить, приходишь такъ и будишь безъ всякой осторожности, чтобы сказать самую отчаянную глупость...

— Но, саабъ, это говорить всё на палубѣ...

— Кто всё?

— Сиріане, мусульмане.

— Убирайся и оставь меня въ покоѣ.

Но этотъ покой уже не возвращался ко мнѣ. Между тѣмъ ничтожный случай, разказанный моимъ Армяниномъ, показалъ мнѣ, что Англичане многими были здѣсь не любимы.. Конечно, холодная гордость англійской націи какъ бы ни прикрывалась она приличною виѣшностью, не можетъ не оскорблять здѣшняго народонаселенія, и въ этомъ случаѣ Англичане теряютъ передъ горячими и навязчивыми Французами.

Пароходъ шелъ своимъ обычнымъ ходомъ, натываясь на мели и останавливаясь иной разъ даже на нѣсколько минутъ, потому что мелководье возрастало, но я едва могъ отличать эти остановки отъ плаванія: въ шесть дней раздраженная голова моя до того освоилась съ стукомъ колесъ судна, что онъ день и ночь раздавался въ ушахъ моихъ, и этотъ страшный неумолкающій шумъ не позволялъ ни одной мысли сколько-нибудь окрѣпнуть. Подозрѣвая Армянина въ сумашествіи, я едва ли не болѣе походилъ на помѣшаннаго. Презрительные взгляды мутселлима, которыми онъ изрѣдка удостоивалъ мои невольныя метанья на диванѣ, удостовѣрили меня еще болѣе въ этомъ мнѣніи. Кажется, это былъ кризисъ болѣзни, потому что къ вечеру жаръ уменьшился, и я былъ внѣ опасности. Здѣшнія болѣзни такого свойства, что человѣкъ долго держится на ногахъ, и потомъ внезапно отходить въ иной міръ: съ д'Анверомъ, съ служителемъ мутселлима было такъ, могло случиться и со мной то же.

Около семи часовъ вечера на палубѣ послышались восторженные крики. Д'Анверъ пошелъ на палубу, но я уже такъ обезсиленъ, что не могъ встать одиномъ съ постели. Приподнявшись, я выглянулъ въ окно каюты и однако не скоро понялъ въ чемъ дѣло: наконецъ восклицанія Персіаннина, буфетчика на пароходѣ, «ширъ, ширь», что я сначала принялъ въ значеніи молока, естественно было ожидать этого значенія отъ буфетчика, и уже потомъ понялъ настоящее значеніе—левъ, наведи меня на истинный смыслъ криковъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, я увидалъ, далеко въ пустынь, фигуру царя звѣрей: ярко освѣщенный косвеннымъ отблескомъ солнца, левъ стоялъ неподвижно, выставивъ одну лапу впередъ и вывернувъ косматую голову въ нашу сторону, какъ будто хотѣлъ сказать: «кто это дерзкій смѣетъ шумѣть въ моихъ владѣніяхъ?» Эту красивую и гордую позу живаго льва

напомнилъ мнѣ послѣ каменный левъ, валявшійся на развалинахъ Вавилона. Выходъ льва въ такую раннюю пору на добычу показываетъ, что азіятскій левъ не слѣдуетъ привычкамъ своего африканскаго собрата, который, по словамъ знаменитаго Жерара, показывается только по ночамъ. Левъ, котораго мы видѣли съ парохода, былъ очень рослый, и конечно, встрѣча съ нимъ въ пустынѣ имѣла бы ужасныя послѣдствія: но мы не могли видѣть никакой встрѣчи, потому что на всемъ горизонтѣ не представлялось ни одного живаго существа: вѣроятно, почувявъ его приближеніе, все бѣжало далече, и серны, и лошади, и верблюды, которыхъ уже ни чѣмъ не удержишь. Какія были намѣренія нашего льва, трудно угадать, потому что мы и оставили его въ этомъ величественномъ положеніи. Естествоиспытатель Оливье говоритъ, что львы на берегахъ Евфрата меньше африканскіе и безъ гривы: видѣнный нами левъ никакъ не подходилъ полъ это описаніе.

Для восточнаго человѣка левъ составляетъ постоянный предметъ восторга или ненависти: восточный человѣкъ живетъ въ природѣ больше, нежели мы, и больше занятъ ею. Особенно для Араба левъ есть нераздѣльное съ его поэзіей существо: по этому—то Арабъ надавалъ льву до трехъ сотъ прозвищъ, въ которыхъ не малую роль играетъ слово «абу», отецъ (такой-то): Арабъ отличилъ льва всѣхъ возрастовъ, всѣхъ оттѣнковъ шерсти, всѣхъ складовъ, различными словами, такъ что никакъ не смѣшаетъ одного льва съ другимъ. Восточные государи также любить льва: нѣкоторые изъ нихъ постоянно держали при себѣ этого страшнаго спутника, и мода на львовъ до сихъ поръ въ большомъ ходу на Востокѣ: у персидскаго шаха левъ разгуливаетъ по столицѣ, едва удерживаемый на цѣпяхъ служителями. Охота на льва тоже составляла любимую забаву иныхъ восточныхъ деспотовъ: одинъ персидскій монархъ охотился на льва на мулъ, потому что этотъ не столько пугливъ, какъ лошадь. Охота бедуиновъ за львами иногда довольно жалка: здѣсь больше крику, нежели настоящаго мужества, а иной разъ трусость доходитъ до того, что они покидаютъ несчастнаго товарища, попавшаго въ лапы льва. Мнѣ не разъ рассказывали и о томъ, какъ бедуины ходятъ въ степи отыскивать логовище львицы и красть маленькихъ львятъ: эти экспедиціи очень опасны и требуютъ испытаннаго мужества.

На ночь пароходъ нашъ опять остановился у берега. Эти остановки, кромѣ мелководья Тигра имѣютъ еще и другую причину:

пароходъ запасается дровами, которыя заготовлены заблаговременно въ извѣстныхъ мѣстахъ; такъ какъ топливо въ этихъ краяхъ составляетъ пальмовый лѣсъ, то и пароходъ жжетъ тоже пальмы. Конечно, при одномъ пароходѣ и обилии пальмовыхъ рощъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ истребленіи лѣсовъ; дрова запасаютъ и складываютъ прибрежные Арабы. Англичане платятъ хорошо: почему же и не продать имъ завѣтной пальмы?— При ночныхъ остановкахъ соблюдается величайшая осторожность, потому что на честность и миролюбіе бедуиновъ никакъ нельзя положиться. Конечно, месопотамскіе пираты знаютъ что у Англичанъ судно изъ желѣза: иначе они давно бы покусились подобраться къ нему ночью, чтобъ просверлить бока въ нѣсколькихъ мѣстахъ и наполнить стимерь водой.

Пока мѣсть пароходъ нагружался дровами, которыя таскали бедуины, нѣсколько человекъ мусульманъ принялись рыть могилу для служителя мутселлимовъ: такъ какъ времени было довольно, вырыли яму глубже, чтобъ пустынные звѣри не вытащили трупъ. Простое мусульманское погребеніе совершилось тихо и скоро: самъ мутселлимъ, въ качествѣ муллы, прочелъ узаконенныя молитвы, и трупъ опустили. Въ пустынѣ крѣпокъ будетъ сонъ покойника!

У капитана Джонса была своя забота: онъ имѣлъ странный визитъ. Когда пароходъ присталъ къ берегу, всѣ замѣтили группу Арабовъ, сидѣвшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста остановки и какъ будто занимавшихся бесѣдою: разумѣется, такъ какъ на пароходѣ всѣ были заняты своимъ дѣломъ, то никто и не безпокоилъ почтенное собраніе; только капитанъ искоса наблюдалъ за положеніемъ этихъ странныхъ собесѣдниковъ, изъ предосторожности, чтобы не попасться въ какую-нибудь засаду. Спустя съ полчаса, вся группа, состоявшая изъ двадцати человекъ, встала и двинулась къ пароходу: впереди всѣхъ выступалъ гордымъ шагомъ шейхъ бедуинскій, котораго было не трудно узнать по нѣкоторой изящности костюма. Сверхъ не совсѣмъ бѣлой рубашки, на шейхъ былъ надѣтъ бумажный кафтанъ, съ обыкновеннымъ поясомъ; на кафтанѣ очень живописно накинута полосатый плащъ; на головѣ шейха развѣвался аглейль самыхъ яркихъ цвѣтовъ, но ярче всего костюма блестяли черные глаза и черная борода шейха. Аллахъ, Аллахъ! такой черной ороды не видывала еще пустыня: только не доставало этой бороды густоты и курчавости.

Театральною поступью пѣвцовъ оперы шейхъ взошелъ на

пароходъ, безмолвно отыскивая глазами, кто здѣсь былъ старшій между невѣрными. Толстенькій Джонсъ, откинувъ англійскую спѣсь, самъ подошелъ къ шейху, свита котораго стала полукругомъ. Шейхъ потрясъ руку капитана. Эта встрѣча двухъ гордыхъ расъ была очень занимательна: бедуинъ, такъ же какъ и Англичанинъ, подъ изящными манерами скрываетъ полное презрѣніе ко всему чужому.

О сынъ франкскій, есть у тебя мѣсто для бесѣды? сказалъ Шейхъ.

— Прощу пожаловать, отвѣчалъ капитанъ черезъ юношу-Армянина, который уже стоялъ подлѣ своего командира.

Капитанъ съ переводчикомъ и шейхъ съ двумя Арабами пошли на корму парохода, гдѣ никого не было. Одинъ изъ Арабовъ раскинулъ на полу коверъ, и шейхъ усѣлся на немъ; другой Арабъ подаль шейху кальянъ. Капитанъ сидѣлъ на маленькомъ складномъ стулѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія, которое восточные считаютъ необходимымъ, шейхъ зашипѣлъ и заклокоталъ гортанными звуками.

Начались безконечныя оувѣдомленія о здоровьѣ капитана, а потомъ шейхъ сталъ толковать о войнѣ султана съ египетскимъ пашей, увѣряя, что для нихъ все равно, лисица ли одолѣетъ шакала, или шакалъ загрызетъ лисицу, такъ какъ и паша и султанъ равно имъ ненавистны, и наконецъ, уже при третьей чашкѣ кофе приступилъ къ настоящей цѣли своего визита.

— Я братъ далекой дороги: отошаль я, будто молодой мѣсяцъ, сгорбился и пожелтѣлъ отъ долгаго пути. И недаромъ пришелъ я сюда. У Арабовъ-Зобейдъ всегда была дружба и миръ съ Инглазами, но всегда была вражда и война съ проклятымъ племенемъ Доуаръ. Не такъ ли?

— Вѣрно, отвѣчалъ Армянинъ за капитана.

— Теперь къ проклятому Аллахомъ племени Доуаръ пристаю столь же проклятое племя Бени-Лямъ, и оба они пошли на водопой убійства. Зобейдъ—сильное племя, храброе племя, клянусь этимъ кофеемъ, который пьютъ и правовѣрный и невѣрный!

— Вѣрно, опять повторилъ Армянинъ.

— Зобейдъ когда сядетъ на коня, вся степь покроется ихъ копьями. Зобейдъ всегда любило Ингилизовъ и присылало имъ пальмы для «огненнаго судна». Не такъ ли?

— Вѣрно.

— Зобейдъ думаетъ, что Ингилизы съ своей стороны пода-

дутъ теперь намъ руку содѣйствія. Зобейдъ никогда не забудеть этой услуги. Горе имѣть Зобейда своимъ врагомъ.

— Чего же именно хочетъ этотъ пестрый господинъ? сказалъ капитанъ, обращаясь къ переводчику. — Спроси его опредѣлительно и ясно.

Переводчикъ передалъ эту насмѣшливую фразу такъ:

— О славный, единственный шейхъ! ты долго мчишься по мейдану краснорѣчія, разсыпашь жемчугъ словъ, пѣнишь сляною экспромпта, но скажи, чѣмъ могутъ служить вамъ Ингилизы?

— Зобейду нужно оружіе и порохъ. Говорятъ, у Ингилизовъ много оружія и пороху. Горе имѣть Зобейда своимъ врагомъ.

Капитанъ отвѣчалъ черезъ переводчика, что у нихъ оружія и пороху имѣется ровно столько, сколько необходимо для самого парохода, но что цѣна очень высоко дружбу Зобейда, капитанъ непремѣнно доложить объ этомъ дѣлу своему консулу въ Багдадъ, безъ котораго онъ не можетъ ни на что рѣшиться. Разумѣется, капитанъ имѣлъ въ виду просто оттянуть время и проволочить дѣло, и еслибы, въ слѣдующій рейсъ парохода, упрямый шейхъ явился за рѣшеніемъ консула, то получилъ бы въ отвѣтъ, что дѣло это важно, что о немъ нужно написать въ Англію, и отвѣтъ конечно не пришелъ бы до тѣхъ поръ, пока не кончилась война между бедуинами. Однако удовлетворить арабскаго шейха и на этотъ разъ было не такъ легко.

— Я вижу здѣсь, сказалъ шейхъ, — много лишняго оружія. Почему бы не отдать Зобейду одну изъ этихъ пушекъ?

И шейхъ показалъ на кормовую пушку, близъ которой онъ сидѣлъ.

— Эти пушки такъ крѣпко придѣланы къ пароходу, отвѣчалъ капитанъ, — что ихъ нельзя отнять, не испортивъ всего судна.

— Хорошо! сказалъ шейхъ, издавая крикъ шакаала и едва не разрываясь отъ гнѣва, какъ выражаются Арабы: — но у васъ въ Багдадѣ есть лишнія пушки.

— Ни одной, клянусь Аллахомъ! энергически возразилъ капитанъ, чтобъ отвязаться отъ шейха, ястребиный глазъ котораго бѣгалъ по палубѣ, и какъ будто искалъ добычи.

— Я вижу, у васъ есть отличные кинжалы; Зобейдъ любитъ это оружіе, и умѣетъ владѣть имъ.

Джовсъ былъ въ недоумѣніи, гдѣ видитъ шейхъ отличные кинжалы: оказалось наконецъ, что подъ кинжалами шейхъ разумѣлъ поварскіе ножи, лежавшіе подлѣ кухни. Чтобы отвязаться отъ назойливаго шейха, который ни за что бъ не ушелъ безъ подарка,

капитанъ приказалъ подать одинъ изъ этихъ ножей и поднесъ его шейху: бедуинъ былъ въ восторгѣ отъ этого подарка, однако старался скрыть свою радость; на увѣренія же капитана, что это не кинжалъ, онъ отвѣчалъ нецеремонно: «хаки» (вадоръ)!

Англичанамъ давно пора было садиться за обѣдъ, которыхъ такъ запоздали сегодня, по случаю этого визита, и потому капитанъ постарался отдѣлаться отъ своего гостя, который наконецъ съ восклицаніемъ: Аллахъ богатъ милостію! поднялся съ своего ковра. Тѣмъ же театральнымъ маршемъ шейхъ удалился съ парохода, со всею свитой; сѣли на коней, которые находились по близости, и тихимъ шагомъ двинулись въ глубь пустыни, не безъ внутреннихъ проклятій гяурамъ за то, что они не имѣютъ лишняго оружія и пороху. Во все время, какъ шейхъ находился на пароходѣ, матросы не спускали глазъ со свиты его: бедуины извѣстны страстью своей къ воровству, и, разумѣется, еслибы не были приняты должныя предосторожности, многого бы не оказалось на пароходѣ по удаленіи шейха.

Слѣдующій день былъ послѣдній нашего плаванія; и пора было достигнуть Багдада на восьмыя сутки. Едва пароходъ бросилъ якорь передъ англійскимъ консульствомъ, какъ подъѣхалъ на шлюпкѣ полковникъ Фарентъ, котораго я зналъ еще въ Тегеранѣ: онъ привезъ мнѣ охранный листъ турецкаго султана, и приглашеніе англійскаго резидента Тейлора поселиться у него. Послѣднему я былъ крайне радъ, но силы измѣняли моей радости. Что жъ, если умирать, такъ по крайней мѣрѣ въ столицѣ халифовъ, а не въ голой, печальной пустынѣ, какъ бѣдный служитель мутселлима!

Я съѣхалъ съ парохода, и уже не видалъ съ тѣхъ поръ д'Анвера: черезъ мѣсяцъ томленія, молодой морякъ умеръ. Иначе распорядилась со мной судьба, хотя въ Багдадѣ я вынесъ два новыя и страшныя нападенія басринской лихорадки. Смерть опять была близко... Зачѣмъ же эта пощада?

И. Березинъ.

ПУШИЛОВСКІЙ РЕГЕНТЪ

ПОВѢСТЬ

Въ концѣ іюля жары бываютъ нестерпимые ; такіе жары, что земля трескается, и вода до того нагревается, что хотя Ильинъ день и прошелъ, а купаться въ ней, по ея чрезмѣрной теплотѣ, никакой нѣтъ пользы. Въ такіе-то жары я удалялся обыкновенно на хуторъ.

Хуторъ этотъ былъ верстахъ въ десяти отъ моей деревни и стоялъ на небольшой отлогой полянкѣ, въ большомъ, темномъ и заглохшемъ лѣсу. Онъ состоялъ изъ скотнаго двора съ большою чистою избой, срубленною изъ толстыхъ липовыхъ бревенъ, не успѣвшихъ еще отъ времени почернѣть, и небольшой водяной мельницы о двухъ поставахъ, вѣчно оглашавшей молчаливый лѣсъ шумомъ воды, падавшей на колеса, и торопливымъ стукомъ ковша. Шумъ воды и стукъ ковша можно было слышать по крайней мѣрѣ за версту отъ хутора,—такъ было тихо въ лѣсу, и я всегда съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ этому шуму. « Чу! вонъ и вода зашумѣла », говорилъ обыкновенно мой кучеръ, когда мы подъѣзжали къ хутору и принимался понукать лошадь, которая едва тащила дроги по узкой и колеистой лѣсной дорогѣ.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ хутора, у ската полянки, протекала небольшая рѣчка въ родѣ ручья, по имени Веджа. Веджа вся составлялась изъ ключей, и потому очень не мудрено, что ручей этотъ, несмотря на свою ничтожность, никогда не замерзалъ, а вѣчно струился и журчалъ, и постоянно наполнялъ

прудъ, у котораго лѣпилась мельница. Въ прудѣ этомъ не было никакой возможности купаться, такъ вода была холодна. Вкусъ воды былъ какой-то желѣзноватый, и это самое обстоятельство всегда заставляло меня думать, что вода Веджи непременно должна имѣть цѣлебное свойство, да и кромѣ того я замѣчалъ, что былъ гораздо свѣжѣе и бодрѣе, когда поживу бывало нѣсколько дней на хуторѣ и поплю нѣсколько дней веджинской воды. Да и самые крестьяне, приходившіе на хуторъ во время сѣнокоса, тоже замѣчали это на себѣ. Мнѣ никогда не случалось видѣть ручья затѣливѣе Веджи. Онъ почти на каждомъ шагѣ извивался самыми мудреными извилинами; то образуетъ небольшой островокъ, заросшій кустами жимолости и ольхи, то небольшой заливъ или скорѣе выбоину. Выбоины эти были очень глубоки и представляли нѣчто въ родѣ маленькихъ омутовъ, въ которыхъ вода стояла какъ въ котлѣ, и была дотогу свѣжа и прозрачна, что можно было видѣть дно и рыбу, медленно въ ней плававшую. Ключи били не только въ самой Веджѣ, но и по берегамъ ея, и потому можно было очень часто встрѣчать часовенки съ врытыми передъ ними срубиками съ прозрачною холодною водой, поверхъ которой всегда плаваетъ березовая черпалка, сдѣланная какимъ-нибудь прохожимъ мужичкомъ.

Я любилъ бывать на этомъ хуторѣ, — любилъ за тишину, которая тамъ господствовала. Слышался только тихій шелестъ листьевъ, да щебетанье птичекъ. Кромѣ того, на хуторѣ, даже въ самый знойный день, было такъ свѣжо и прохладно! Тѣнь отъ высокихъ деревьевъ ложилась на всю небольшую площадку угловатыми и густыми языками.

Жителей на хуторѣ было очень мало. Все народонаселеніе состояло только изъ скотника Акима съ его женой, мельника Емельяна, про котораго Богъ вѣдаетъ почему носились слухи, что онъ колдунъ, да одного пастуха съ двумя подпасками. Но послѣдніе стерегли цѣлый день стадо и приходили только на ночь. Акимъ и Емельянъ были двѣ весьма замѣчательныя личности. Акимъ былъ безобразно высокаго роста, костлявый, съ длинными сухими руками, которыя всегда безпорядочно болтались, и съ лицомъ до крайности глупымъ. Емельянъ, напротивъ, былъ маленькаго роста; кругленькій и съ плаутовскимъ лицомъ; его небольшіе глазки такъ и бѣгали: что Акимъ и въ полчаса не могъ разглядѣть, то Емельянъ разглядывалъ въ одну минуту. Акимъ двигался медленно съ перевалкой и волоча ногами, Емельянъ напротивъ все бѣгалъ и какъ-то особенно припрыги-

валъ; Акимъ говорилъ точно кашу жевалъ, Емельянъ же такъ и сыпалъ словами. Несмотря однако на всѣ эти различія между Акимомъ и Емельяномъ, они были задушевными пріятелями.

За то, когда наступала пора сѣнокоса, тогда въ хуторѣ все измѣнялось. Акимъ и Емельянъ принимали праздничный видъ, а хуторъ пестрѣлъ толпою мужиковъ и разряженныхъ бабъ и дѣвокъ. Всѣ они наряжались изъ села на хуторъ, и такъ какъ тутъ же былъ и крестьянскій сѣнокосъ, то, чтобы не ходить понапрасну, рабочіе запасались провизіею на нѣсколько дней. На хуторѣ былъ большой сѣнокосъ, и потому нужно было довольно времени, чтобы скосить и сметать въ стога всю эту густую и высокую траву, растущую по лощинѣ вдоль береговъ Веджи. Время это ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ жителями самого хутора, такъ и жителями села, и было для тѣхъ и другихъ сущимъ праздникомъ. Хуторскіе ждали съ нетерпѣніемъ, потому что имъ прискучило это уединеніе, а сельскіе потому, что имъ надоѣло уже село, и что ихъ давно уже тянуло на хуторъ, гдѣ и прохладно, гдѣ и вода такая студеная и свѣжая будто слеза.

И надо было видѣть тогда уединенный хуторъ, въ который заѣзжали только изрѣдко одни мужички смолоть на мельницѣ нѣсколько мѣръ ржицы или овсеца!.. Надо было видѣть, какъ оживлялся онъ, и какъ сіяли лица дяди Акима и Емельяна! Въ это время они окончательно уже бросали свои занятія. Акимъ переставалъ возить солому и убирать дворъ, а Емельянъ рѣшительно запиралъ мельницу, и тутъ ему хоть цѣлая деревня пріѣзжай съ хлѣбомъ, онъ ни за что не станетъ молоть. Акимъ и Емельянъ въ это время почитали себя хозяевами хутора, а рабочихъ своими гостями. Оба старались всячески угодить своимъ гостямъ, а иногда даже случалось, что оба начнутъ шептаться, и вдругъ ни съ того, ни съ другаго, который-нибудь изъ нихъ вспрыгнетъ на лошадь и съ боченкомъ подъ мышкой поскачетъ въ кабакъ за виномъ.

— Да зачѣмъ это? спросишь бывало ихъ.

И они въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Да какъ же! Въдь мы хозяевы, а они наши гости.

То, вдругъ, Акимъ, копавшійся на берегу Веджи, закричить:

— Эй, Емельянъ!

И откуда ни возьмется вдругъ Емельянъ:

— Чаво тибѣ?

— Подавать скребокъ, да иди печку рыть, а то народъ придетъ, негдѣ будетъ кашницу варить.

— Ладно, кричитъ Емельянъ, и бросается за скребкомъ, и черезъ минуту принимаются рыть въ Серегу печь, уставлять котель и рубить хворостъ; между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ доносятся и веселыя пѣсни бабъ и дѣвокъ, сгребавшихъ душистое сѣно, и мѣрное жужжаніе звонкихъ косъ и веселый говоръ косцовъ. Наступитъ вечеръ, и площадка передъ скотнымъ дворомъ покрывается народомъ. Косцы съ чашками и ложками въ рукахъ засуетятся вокругъ котловъ; бабы начинаютъ рушить огромныя ковриги хлѣба; образуются группы ужинающихъ; хоть и говоръ увеличивается; пригнанное стадо оглашаетъ лѣсъ громкимъ мычаніемъ; зыбочницы укачиваютъ своихъ плачущихъ ребятишекъ, и все это затихнетъ, бывало, лишь только тогда, когда ночь густою тѣнью окутаетъ хуторъ, и когда на площадкѣ между спящими можно только увидеть одного Акима съ Емельяномъ, которые съ ведрами въ рукахъ заливаютъ подъ котлами огонь; паръ клубится, угли шипятъ, но не надолго. Не долго и Акимъ съ Емельяномъ хлопчутъ. Они тоже, обнявшись, идутъ отдохнуть послѣ трудовъ, и тогда ночь съ своимъ таинственнымъ молчаніемъ ложится повсюду; ложится и въ кусты, и въ темный лѣсъ, и въ траву, и въ мельницу, и отовсюду начинаетъ сторожить своими большими темными глазами, сторожить и за тихимъ шелестомъ листьевъ, и за мягкимъ полетомъ летучихъ мышей и за журчаніемъ Веджи; сторожить надо всѣмъ уснувшимъ хуторомъ и окружающимъ его густымъ лѣсомъ, въ которомъ такъ и поютъ здѣсь и тамъ соловьи, то тихо замирая, то разсыпаясь мелкою трелью!

На этотъ-то хуторъ пріѣхалъ я разъ въ концѣ іюля. Сѣнокосъ былъ уже давно оконченъ, и потому хуторъ сохранялъ свою обычную тишину. Дѣло было вечеромъ, солнце уже садилось. Акимъ и Емельянъ копались у берега Веджи. Акимъ лѣниво ломалъ хворостъ, а Емельянъ подкидывалъ его подъ котелокъ и разводилъ огонь.

Я подошелъ къ нимъ и сѣлъ неподалеку отъ котелка. Оказалось, что Акимъ и Емельянъ варили кашницу и собирались ужинать. Кучеръ отложилъ лошадь и тоже подошелъ къ котелку.

— Богъ помочь! проговорилъ онъ, слегка кивнувъ головой.

Емельянъ вскочилъ на ноги.

— А, Михайло Иванычъ! почти вскрикнулъ онъ, — милости просимъ.

Михайло Иванычъ подошелъ еще ближе, и чтобы не быть без-
полезнымъ зрителемъ, сѣлъ на корточки и принялся слегка помѣ-
шивать кашицу.

Михайло Иванычъ принадлежалъ къ числу самыхъ серьезныхъ
людей, и потому очень естественно, что и на этотъ разъ лицо
его сохраняло какое-то глубокомысленное выраженіе. Онъ изрѣд-
ка поплеывалъ сквозь зубы и бросалъ на безъумолку болтав-
шаго Емельяна косвенные взгляды, какъ—будто желая сказать ими:
вѣхъ дѣлать-то тебѣ видно нечего; языкомъ-то ты мелешь! —
Но Емельянъ этихъ взглядовъ не замѣчалъ и точно какъ нароч-
но безпрестанно обращался къ кучеру съ расказами и раз-
спросами. Кучеръ хмурился, отворачивался и наконецъ, чтобы
избавиться отъ Емельяна, обратился къ Акимъ.

— А что, хозяйки-то твоей, проговорилъ онъ, видно дома нѣтъ?

Но, и тутъ дѣло неудалось, потому что пока Акимъ собирался
отвѣтить, Емельянъ успѣлъ уже объявить, что хозяйка ушла
къ теткѣ.

— Знаешь ты ея тетку-то? прибавилъ онъ, глянувъ на ку-
чера. — Ну вотъ къ ней, гостить пошла, — и Емельянъ запѣлъ:

Я гостила у сосѣда
У мила сваво дружка;
У мила сваво дружка.
Зелена вина пила.

Кучеръ только покачалъ головой.

Я взглянулъ на Акима. Можно было подумать, что онъ про-
хворалъ цѣлое лѣто; такъ вяло онъ поворачивался и до того
было болѣзненно его лицо. Волосы, выстриженные спереди и на
макушкѣ, беспорядочными прядями упали на сухія и упустив-
шіяся его плеча; изодранная рубашка была до того грязна, что
казалась совершенно черною. Онъ безпрестанно охалъ и стоналъ
и безпрестанно мѣнялъ положенія.

— Что ты, боленъ? спросилъ я его.

— Я-то? — Ничего.

— Что жъ ты все охаешь?

— Чаво?

— Что жъ ты охаешь-то?

Емельянъ залился тонкимъ смѣхомъ.

— Ужъ онъ такой, батюшка-баринъ, есть человекъ на свѣтѣ
все одно, что хворый. — Ну-ка ты, давай сюда еще хворосту.

Акимъ подалъ.

— Человѣкъ ты, посмотрю я на тебя, — проговорилъ кучеръ, взглянувъ на Емельяна.

— А что? спросилъ тотъ весело.

— Да такъ!....

Между тѣмъ западъ былъ весь облитъ заревомъ. Солнце успѣло уже опуститься въ темный лѣсъ. Розовыя облака медленно расходились по небу; робкій и блѣдный мѣсяцъ плылъ уже довольно высоко и отражался въ неподвижной водѣ пруда, вмѣстѣ и съ облаками и съ заревомъ заката. Стаи дикихъ утокъ со свистомъ летѣли на гречи. Вороны и галки шумно разсыпались по лѣсу, прискивая себѣ мѣсто для ночлега. Мелкая рыба изрѣдка выскакивала на гладкую поверхность воды. Въ воздухѣ замѣтно распространялась ароматическая сырость. Все было тихо, или скорѣе, все замѣтно утихало. Вдругъ, въ кустахъ близъ рѣки, послышался трескъ сухихъ сучьевъ и чьи-то шаги. Я оглянулся и увидалъ мушкетера въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, съ одностольнымъ ружьемъ за плечами. Онъ подошелъ къ рѣкѣ, зачерпнулъ картузомъ воды, и принялся пить съ жадностію.

— Кто это? спросилъ я.

Емельянъ поспѣшно вскочилъ, приложилъ къ глазамъ руку, и взглянувъ въ кусты, вскрикнулъ:

— О! это тотъ егирь!

— Какой? спросилъ я.

— Да вотъ, что наемни-то утицъ-то стрѣлять съ вами ходилъ.

— Ахъ, это пушиловской регентъ!

— Ну, вотъ онъ самый.

Въ это самое время регентъ выходилъ уже изъ кустовъ.

— Здравствуйте, Василій Яковлевичъ, проговорилъ я, обрадовавшись, что наконецъ-то судьба посылаетъ мнѣ собесѣдника: — какими судьбами?

Регентъ съѣлъ возлѣ меня, и отеревъ съ лица потъ, отвѣчалъ утомленнымъ голосомъ:

— Да, вотъ все тутъ шатаюсь, охочусь.

— И какъ видно, съ успѣхомъ, проговорилъ я, взглянувъ на ягдташъ регента, въ которомъ видѣлся чирокъ.

— Какое! усталъ только, возразилъ регентъ, сбрасывая съ себя картузъ и снимая ружье.

— То-то вотъ и есть, вмѣшался Емельянъ. — Говорилъ, ступайте на Васюткино озеро!

— Да былъ и тамъ.

— Ну, что жь?

— Дичи-то много, да взять-то ее трудно, все камыши.

— Гдѣ это? спросилъ я.

— А вотъ тутъ, проговорилъ регентъ, лѣниво махнувъ рукой и опускаясь на траву. Видно было, что онъ сильно усталъ.

— Вотъ тутъ, за Ермошкинымъ ключемъ, добавилъ Емельянъ.

— Много, больно много утиць! И, сколько! Намедни черизмергский кузнецъ ходилъ, такъ что набилъ! Добре много! У!

— Кабы собака была, ну, такъ! снова проговорилъ регентъ.

— А у васъ развѣ нѣтъ собаки?

— Нѣтъ, гдѣ же...

— Эка! Трудность достать-то! замѣтилъ Емельянъ. — Только кусочекъ вѣгчинки взять, какъ хошь увести можно!

— Ну, что ты пустяки-то мелешь, проговорилъ наконецъ раздосадованный кучеръ. — Прямой-то ты мужикъ. Ну и станеть баринъ сманивать собакъ!... Эхъ!

— Что жь за важность!... Ничаво!... Не суть тутъ никакой важности!

— Кучеръ только взглянулъ на Емельяна.

Регентъ все еще лежалъ на травѣ; фуражка съ пунцовою тульей валялась возлѣ него. Онъ бессмысленно смотрѣлъ на все окружающее, и только по временамъ приговаривалъ, отирая рукою крупный потъ, выступавшій на лбу.

— Фу! какъ усталъ-то!

— А не напиться ли намъ чаю? спросилъ я немного погодя.

— Что жь, пожалуй.

— Куда прикажете самоваръ-то, вскрикнулъ Емельянъ, въ одну минуту вскочивъ на ноги. — Сюда что ли?

— Сюда.

И Емельянъ обратился къ Акимъ:

— Эй ты! Акимъ! катая живо за углями, а я побѣгу за самоваромъ.

Между тѣмъ воздухъ съ каждою минутой становился все прохладнѣе, и регентъ началъ мало-по-малу оживляться. Онъ разказывалъ мнѣ подробно про свою охоту, и даже звалъ меня завтра на «Козье болото» за бекасами.

Но скажу вамъ нѣсколько словъ о регентѣ.

Василій Яковлевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ лучшихъ моихъ деревенскихъ пріятелей. Я познакомился съ нимъ у одного сосѣда-помѣщика, отставнаго флота-лейтенанта Игнатія Гаврилыча Пушилова, у котораго онъ обучалъ пѣвческую капеллу,

составленную изъ дворовыхъ и крестьянскихъ мальчишекъ, и даже дѣвчонокъ. Василій Яковлевичъ былъ такой человекъ, что съ нимъ нельзя не сойтись съ перваго же раза. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ. Поѣхалъ разъ къ Пушкилову обѣдать и встрѣтился съ регентомъ въ залѣ. Онъ протянулъ мнѣ руку, и крѣпко пожавъ мою, проговорилъ: «А, здравствуйте!» Меня это удивило, но черезъ полчаса, не болѣе, я самъ уже пожималъ руку Василю Яковлевичу, и тутъ же, въ этотъ же день увезъ его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ Василій Яковлевичъ бывалъ у меня чуть ли не каждый день. Бывало, выйдешь вечеромъ на балконъ, глядь и Василій Яковлевичъ идетъ. Вечера эти обыкновенно мы проводили такъ, сидимъ, бывало, и смотримъ молча вдаль, то на прогоняемое стадо, а то на прудъ, на которомъ кружатся стаи утокъ. Вдругъ Василій Яковлевичъ подниметъ голову и взглянетъ на меня.

— Чтѣ вы? спросишь его.

— Такъ. Вечеръ хорошъ.

— Да, не дуренъ.

— Гулять пойдѣмъ?

— Пожалуй.

— А то, пожалуй, и не нужно.

— Пожалуй, и не нужно.

И оба замолчимъ. Или вдругъ Василій Яковлевичъ спроситъ:

— А чтѣ, газетъ еще не получали?

— Нѣтъ, получилъ. Хотите прочесть?

— Да, не мѣшало бы, говорилъ Василій Яковлевичъ, и уходилъ въ кабинетъ, въ которомъ просиживалъ вплоть до ночи и читалъ газеты.

— Ну, прощайте, говорилъ потомъ Василій Яковлевичъ, выходя изъ кабинета, и пожавъ мнѣ руку, отправлялся домой.

— Да, постоитѣ, скажешь ему бывало, — я прикажу заложить лошадь.

— Нѣтъ, я пѣшкомъ!

Впрочемъ бесѣды наши не всегда бывали въ такомъ родѣ. Иногда и Василій Яковлевичъ бывалъ въ ударѣ, и въ это-то время чего онъ мнѣ не разказывалъ! И про семинарскую-то свою жизнь, и про бурсу, но больше всего любилъ онъ разказывать про свою бабушку, старуху лѣтъ семидесяти, учившую его любить своихъ враговъ, потому что враги, какъ выражалась она, наши учителя.

Василій Яковлевичъ былъ весьма видный мужчина; ему было

лѣтъ тридцать. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ. Длинные бѣлокурые волосы падали почти на плеча, руки были всегда бѣлы и опрятны, болѣе всего нравилось мнѣ въ Василиѣ Яковлевичѣ то, что въ немъ проглядывала какая-то мечтательность, хотя глаза его и вообще все его открытое лицо было полно энергии. Характера Василия Яковлевича былъ скорѣе веселаго, хотя подчасъ находили на него и такія минуты, что вдругъ, бывало, повѣситъ голову и о чемъ-то задумается, и дотога задумается, что, казалось, вотъ, вотъ сейчасъ брызнуть изъ глазъ слезы.

— О чемъ задумались? спросишь его бывало.

— Такъ! и замолчить.

Въ подобныя-то минуты, я оставлялъ всегда Василия Яковлевича одного и шелъ куда-нибудь шататься. Случалось такъ, что, возвращаясь, я находилъ уже Василия Яковлевича не тѣмъ, какимъ оставилъ, а случалось и такъ, что я вовсе не находилъ его.

— Куда дѣвался Василий Яковлевичъ? спросишь бывало у человѣка.

— Да ушли-съ.

— Куда?

— Не могу знать-съ. Они ничего не сказали-съ.

— Да по какой дорогѣ по крайней мѣрѣ?

— Да они просто такъ пошли прямо вдоль пруда.

Выходи эти меня чрезвычайно всегда интересовали; но тщетно разспрашивалъ у Василия Яковлевича причину ихъ. Онъ упорно молчалъ. Но не вытерпѣлъ же Василий Яковлевичъ и все разказалъ мнѣ. Это случилось въ описанную мною встрѣчу съ регентомъ на хуторѣ. Обращаюсь къ своему разказу.

Пока Емельянъ возился съ самоваромъ, я разговорился съ Василиемъ Яковлевичемъ про семинарскую жизнь и про житье-бытье семинаристовъ, по окончаніи курса. Онъ утверждалъ, что время это самое трудное для ихъ брата.

— Почему же трудное-то? спросилъ я.

— Какъ почему? отвѣчалъ Василий Яковлевичъ. — Первый шагъ въ жизнь, а первый шагъ всегда труденъ. Мѣстовъ нынче почти нѣтъ... другіе ждутъ, ждутъ, а хорошо у кого есть родные, а какъ ихъ нѣтъ, да какъ и въ карманѣ-то тоже пусто, — какъ говорится, сунешь руку въ карманъ, глядь, дыра въ горсти — тутъ-то что?

— Что жъ, можно приискать покуда какое-нибудь занятіе. Определиться куда-нибудь въ учителя.

— Хорошо если такъ, а другой разъ и мѣста-то не скоро найдешь. Да опять и то надо сказать, на какое мѣсто наткнешься; бываютъ такія мѣста, что лучше бы ихъ и не было.

— Это отчего?

— Да мало ли отчего!.. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія. Другому и посчастливится. Вотъ, напримѣръ, былъ у меня одинъ товарищъ, по фамиліи Амаринскій, такъ тотъ такое нашель мѣсто, что все свое счастье составилъ.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да такъ, отвѣчалъ регентъ, набивая свою коротенькую трубочку.—Нанялся учить дѣтей у одного значительнаго чиновника въ губернскомъ городѣ. Нанялся, да какъ-то и сошелся съ его женою, а вѣдь какая безобразная-то была, посмотрѣли бы вы, просто во что цѣловать, въ то и наплевать. Ну, Амаринскій, конечно, на это не смотрѣлъ и продолжалъ себѣ свое дѣло. Такъ чтò жъ вы думаете? Вѣдь не дальше какъ черезъ мѣсяцъ жена-то выпросила у мужа для Амаринскаго мѣсто, да мѣсто-то какое! Сколько студентовъ изъ университета добивались этого мѣста, да нѣтъ всѣмъ отказали, и посадили Амаринскаго, а онъ даже, признаться, и курса не кончилъ. И теперь узнать его нельзя. Одѣвается съ форсомъ, сюртукъ не сюртукъ, сапоги не сапоги; шляпа тоже отличная; лошадь завелъ! Вотъ какъ! ну а другому, глядишь, кошель на шею. Конечно, это вамъ дико кажется, но это оттого, что вы не знаете нашего быта. Вѣдь все больше голъ да нищета. Вы кончаете курсъ, у васъ и имѣніе, и знакомые, и связи, и протекція, а у насъ вѣдь ничего этого нѣтъ. Мы кончимъ курсъ, и ужъ насъ поминай какъ звали. Разстрѣляемъ по всѣмъ концамъ земли; тотъ въ учителя, другой въ репетиторы; третій въ регенты, четвертый просто въ нахлѣбники къ какой-нибудь дьячихѣ, у которой дочь съ рукъ не сходитъ, и которая въ ожиданіи будущихъ благъ прикармливаетъ, да припаиваетъ бѣдняка, а народъ-то все молодой, неопытный, жизни и людей не знаетъ, ну, глядишь, и плохо вышло. Да что, за примѣромъ далеко ходить нечего. Я первый. Ну чтò изъ меня вышло? Вѣдь если вамъ поразказать, чтò со мной случилось по окончаніи курса, такъ вы, пожалуй, и не повѣрите на половину.

— Чтò жъ такое?

— Да что, разказывать-то долго.

— Что за бѣда. Вѣдь вамъ некуда торопиться?

— Не куда-то, не куда...

— Ну, такъ вотъ, чего же лучше.

— Ну, пожалуй. Да что чай-то скоро что ль поспѣеть?

Я крикнулъ Емельяна.

— Что чай?

— Готовъ-съ.

Я всталъ и разлилъ чай. Василій Яковлевичъ взялъ свой стаканъ, выкотилъ докуренную трубку и снова принялся набивать ее. Смиѣливый Емельянъ подалъ уголь и возвратился на прежнее свое мѣсто.

— Ну-ка ты, поварачивайся, кричалъ онъ толкая дремавшего уже Акима.—Что заснулъ-то? кашница готова.

Немного погода они сидѣли уже около котелка и ужинали. Регентъ между тѣмъ отхлебнулъ чаю, и выпустилъ изо рта пѣлое облако дыма, оборотился ко мнѣ.

— Ну, смотрите же, протговорилъ онъ, чуръ не спать, разказь мой будетъ не коротокъ. Разказывать, такъ ужъ разказывать подробно.

— И прекрасно.

«Родился я, началъ Василій Яковлевичъ, выпустивъ еще клубъ дыма, въ селѣ Ключаревѣ. Отецъ мой былъ дьячкомъ. Приходъ у насъ былъ самый бѣдный и состоялъ только изъ одного села Ключарева, въ которомъ было всего душъ триста; впрочемъ жили мы не плохо, не потому чтобы отецъ получалъ хорошій доходъ съ прихожанъ, а потому, что былъ хорошій хозяинъ. Онъ нанималъ землю, засѣвалъ ее хлѣбомъ, держалъ много скота и имѣлъ пчельникъ. Въ семействѣ нашемъ было семь человекъ, а именно: отецъ, мать, бабушка, я, двое братьевъ и сестра. Гдѣ сестра, гдѣ братья, Богъ вѣсть! На девятомъ году отецъ отвезъ меня въ училище, но я учился плохо и только, бывало, и зналъ, что ждалъ того времени, когда должны наступить каникулы. Однако въ училищѣ курсъ я кончилъ порядочно и безъ затрудненій перешелъ въ семинарію. Въ это время отецъ мой умеръ, мать вслѣдъ за нимъ, и мы всѣ остались сиротами. Отцовское хозяйство какъ-то разстроилось, и я не успѣлъ оглянуться, какъ у насъ ужъ ничего не было. У бабушки, о добродѣтеляхъ которой я не разъ уже разказывалъ вамъ, былъ въ Самарской губерніи братъ какимъ-то чиновникомъ. Она взяла моихъ братьевъ и сестру и переѣхала на житье къ своему брату, а я остался совершенно одинъ. Въ семинаріи у меня былъ довольно хорошій голосъ, меня взяли въ архіерейскій хоръ, въ которомъ и про-

былъ я до окончанія курса. Вышелъ я по второму разряду, и такъ какъ, по существующимъ положеніямъ, мнѣ не выгодно было поступать на гражданскую службу, я сталъ искать священническаго мѣста, а до того времени нанялся въ регенты къ одному помѣщику, г. Пошехонскому, въ село Угрюмово. Пошехонскіе были господа добрые. Мнѣ отвели квартиру рядомъ съ кухней, дали сукна на пару, сшили сапоги и связали двѣ пары ковриковъ. Въ господскій домъ ходу я не имѣлъ, а получилъ только дозволеніе поздравлять господъ съ праздниками, придти, поздравить и опять идти домой. Общество мое состояло изъ причетниковъ и дворовыхъ людей, между которыми и я тоже глядѣлъ какимъ-то дворовымъ. Сначала это меня какъ-будто оскорбляло, но потомъ я разсудилъ, что чѣмъ оскорбляться, гораздо лучше сидѣть одному въ комнатѣ и съ дворней не знаться. Я такъ и сдѣлалъ. Дворнѣ это не понравилось, но я не обращалъ на то вниманія. Утромъ я обыкновенно занимался пѣвчими, а по окончаніи класса уходилъ въ свою комнату, запиралъ дверь и занимался либо чтеніемъ, либо что-нибудь писалъ. Иногда же ходилъ я гулять въ лѣсъ, въ поле... Въ одну изъ такихъ прогулокъ попалъ я разъ въ Жданово, село по сосѣдству отъ Угрюмова, и какъ то нечаянно встрѣтился съ ждановскимъ дьячкомъ; разговорились, я попросилъ его показать мнѣ ждановскую церковь, онъ исполнилъ мою просьбу, а послѣ позвалъ меня къ себѣ на чашку чая. У дьячка была дочь, Таней звали. Мнѣ понравилась Таня, и вскорѣ я такъ сошелся съ дьячкомъ, что началъ ходить къ нему каждый день. Знакомство это сильно утѣшило меня, потому что, откровенно сказать, меня начинало уже тяготить мое одиночество. Какъ хотите, а все-таки, учившись въ семинаріи и особенно находившись въ архіерейскомъ хорѣ, я нѣкоторымъ образомъ имѣлъ и друзей и знакомыхъ, привыкъ и побесѣдовать, не прочь былъ и повеселиться подчасъ, а тутъ вдругъ одинъ-одинешенекъ; не съ дворней же въ самомъ лѣтѣ подружиться!

Такъ текла моя жизнь и вѣроятно бы протекла точно такъ же и долго, еслибъ не случилось слѣдующаго обстоятельства.

Шелъ я однажды къ ждановскому дьячку, вдругъ, смотрю, мчится карета. Стекла были опущены, но окна закрывались шелковыми шторками. Карета поровнялась со мною, и я увидѣлъ, что чья-то, словно женская, рука отворила немного шторку и, увидавъ меня, сказала что-то лакею на козлахъ. Карета прокатилась мимо меня и остановилась. Я продолжалъ себѣ идти, по-

тому что какое-же мнѣ до этого дѣло? Вдругъ я услыхала чье-то мѣрное топанье и чей-то голосъ, который кричалъ:

«— Эй! почтенный, почтенный, постой-ка!

«Я обернулся и увидалъ, что ко мнѣ бѣжитъ челоуѣкъ и махаетъ мнѣ рукой. Я остановился:

«— Что, почтенный, проговорилъ онъ запыхавшись, ты откуда будешь?

«— Изъ Угрюмова, отвѣчалъ я.

«— Ну, намъ это-то и нужно.

«— А что?

«— А вотъ что. Не знаешь, угрюмовскіе господа дома будутъ аль нѣтъ?

«— Дома.

«— Ну, спасибо.

«— Только?

«— Только, больше ничего. Ступай себѣ съ Богомъ своею дорогою, спасибо.

«— Не за что.

«Лакей подбѣжалъ къ каретѣ, снялъ фуражку и, что-то сказавъ въ окно, въ которомъ виднѣлась головка въ дорожномъ чепчикѣ, смотрѣвшая на меня, вспрыгнулъ на козлы. Головка скрылась, и карета снова покатила, поднявъ облако пыли. Вскорѣ они поворотили налѣво и въѣхали въ улицу села Угрюмова.

«У дьячка пробылъ я на тотъ разъ очень долго и пошелъ домой только тогда, когда уже пробило одиннадцать часовъ.

«Возвратясь домой, я увидалъ, что попавшаяся мнѣ карета стояла уже около сарая съ поднятымъ дышломъ, которое было подперто какимъ-то чурбакомъ. Важи и чемоданы были уже сняты. Вся дворня была на ногахъ; всѣ суетились, бѣгали; на кухнѣ стучали ножами; ключница безпрестанно ходила на вышки. По тропинкѣ, отъ кухни къ заднему крыльцу дома, безпрестанно пробѣгалъ то поваръ, то какая-нибудь горничная; домъ былъ освѣщенъ, и видѣлъ я, какъ по залу ходила, обнявшись съ какою-то другою молодою дамою, старуха Пошехонская. Словомъ, такая была суматоха, что я даже и не узнавалъ Угрюмова.

«Я вошелъ въ сѣни и не успѣлъ войти къ себѣ, какъ изъ кухни съ звонкимъ смѣхомъ выбѣжала какая-то дѣвушка въ пестромъ холстинковомъ платьѣ, съ бѣлымъ передничкомъ, и съ личикомъ веселымъ и лаутовскимъ. Она такъ быстро выбѣжала изъ кухни, что чуть не сшибла меня съ ногъ.

«— Ахъ! вскрикнула она.

«Я посторонился.

«— Ахъ, извините! я васъ толкнула, кажется, извините, и сказавъ это, дѣвушка выбѣжала изъ сѣней.

«Я никогда не отличался любопытствомъ; я думаю, и вы уже успѣли это замѣтить; но въ тотъ разъ я не вытерпѣлъ и спросилъ, кто это пріѣхалъ.

«Оказалось, что это была племянница Пошехонскихъ, дѣвушка лѣтъ двадцати девяти,—Вѣра Павловна.

«Съ того самого дня въ Угрюмовѣ все измѣнилось. Гости пріѣзжали со всѣхъ сторонъ и гостили по цѣлымъ днямъ; столъ накрывался не менѣе какъ приборовъ на пятнадцать или на двадцать, словомъ такое пошло веселіе, какого давно не видало Угрюмово. Ну, разумѣется все это дѣлалось, надо полагать, потому, что племянница Пошехонскихъ была въ дѣвцахъ, и что ей не худо бы было выйти замужъ. Кромѣ того по всему было видно, что Пошехонскіе любятъ свою племянницу, и потому отчего же не по заботиться соединить полезное съ пріятнымъ? *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*, сказалъ поэтъ. Такъ вотъ какъ-съ! Однако никакъ выпить еще стаканчикъ чаю, проговорилъ немного погодя регентъ, вставая и подходя къ самовару.»

Онъ налилъ себѣ стаканъ и, набивъ еще трубку, усѣлся на прежнее свое мѣсто и снова началъ:

«Вотъ хорошо-съ. Пріѣхала племянница, и по всему было видно, что намѣревалась прогостить долго. Ну, мнѣ, разумѣется, дѣла до этого нѣтъ. Пускай ее гоститъ сколько душѣ угодно; что мнѣ? не дѣтей крестить съ ней въ самомъ дѣлѣ! Только вотъ на дѣлѣ-то и не такъ вышло.

«Прошло такъ должно быть съ недѣлю послѣ пріѣзда племянницы, а можетъ и больше, возвращался я опять-таки отъ ждановскаго дьячка и опять таки ночью, часовъ такъ должно быть въ одиннадцать, если не въ двѣнадцать. Дорога лежала мнѣ черезъ паркъ, а надо вамъ сказать паркъ въ Угрюмовѣ былъ огромный и тянулся отъ самаго дома вплоть до рѣки, которая протекала отъ господской усадьбы верстахъ въ двухъ и отдѣляла паркъ отъ мелкаго кустарника, который росъ по отлогому полугорью. Паркъ былъ отличный. Старыя сосны и ели опу-скали свои вѣтви чуть ли не до земли. Дорожки старинныя, прямыя; но такъ какъ Пошехонскіе были уже очень стары и дѣтей не имѣли, то за паркомъ не было никакого надзора, и былъ

онъ отданъ такъ—сказать въ руки одной природы, превратившей его въ дикія дебри и покрывшей его дорожки разными травами и растеніями!»

Регентъ, какъ видно, былъ очень доволенъ этою громкою фразой, однако скрылъ это удовольствіе и продолжалъ какъ ни въ чемъ ни бывало.

«Такъ вотъ съ, этимъ—то самымъ паркомъ нужно было мнѣ проходить, возвращаясь изъ Жданова. Я пошелъ по прямой аллеѣ, которая упиралась въ бокъ дома, и какъ было уже очень поздно, то сонъ клонилъ меня чрезвычайно, да опять и усталъ я какъ-то особенно въ тотъ день. Иду, знаете ли, вдругъ вижу въ одномъ окнѣ свѣтъ и слышу, что кто-то поетъ, и фортепіанные звуки долетаютъ. Я подошелъ ближе и услышалъ какой-то италіанскій романсъ. Ахъ, чортъ возьми! подумалъ я, вотъ находка-то, и подошелъ почти подъ самое окно, прислонился къ дереву и принялся слушать. Каковъ же былъ мой восторгъ, когда услышалъ я голосъ чистый, ясный, сильный, и до того пріятный, что западалъ прямо на душу! Окно было растворено, но шторка опущена. Я никогда не слышалъ италіанскаго пѣнія, и потому ничего нѣтъ мудренаго, что сонъ мой прошелъ, и усталости тоже какъ будто не бывало. Наконецъ голосъ затихъ. На шторкѣ показалась тѣнь женской фигуры. Я все еще стоялъ; вдругъ тѣнь обрисовалась еще явственнѣе, чья-то рука подняла стору, и я увидалъ дѣвушку, одѣтую въ бѣлое, какъ снѣгъ, платье. Луна ударила прямо въ окно, и мнѣ хорошо удалось рассмотреть лицо. Вообразите себѣ дѣвушку, высокую, стройную, развитую, съ правильнымъ серьезнымъ лицомъ, съ глазами большими и черными, съ немного нахмуренными бровями, но главное, вообразите себѣ лицо гордое, покойное, и длинные черные локоны, которые падали на плечи, и вы согласитесь, что дѣвица эта имѣла много сходства съ Жоржъ-Сандъ, какою по крайней мѣрѣ изображается она на портретѣ, если вамъ случалось когда видѣть. Она подошла къ окну, молча взглянула въ паркъ, и вдругъ ахнувъ бросилась отъ окна и скрылась... Я смутился, но ужь послѣ догадался отчего это произошло. На мнѣ были, признаться, въ тотъ разъ бѣлые панталоны, которые среди темноты ночи и обличили вѣроятно мое присутствіе. Вы догадываетесь, что это была племянница Пошехонскихъ, которая попалась мнѣ въ каретѣ, когда я шелъ въ Жданово; тогда я не могъ рассмотреть ея лицо.

«Вотъ хорошо-съ. Пришелъ я домой, снялъ сюртукъ, заку-

рилъ трубочку и началъ этакъ думать. Больше всего меня поразило лицо племянницы; такое оно было серьезное, строгое, что я даже страхъ какой-то почувствовалъ. Вотъ, думаю себѣ, неприступная-то должна быть!... и сейчасъ пришло мнѣ въ голову, какъ она должна быть эффектна въ этихъ богатыхъ гостиныхъ, о которыхъ впрочемъ я имѣю самое смутное понятіе. То-то, думаю, трудно обратить на себя вниманіе такой дѣвочки, и до того раздумался, что даже и не замѣтилъ, какъ три трубки подъ рядъ выкурилъ. Прошло еще минутъ десять, я началъ раздѣваться. Вдругъ, шастъ ко мнѣ въ комнату Дуняша, горничная племянницы, такая дѣвка востроглазая, продувная, та самая, что, помните, въ сѣняхъ-то, чуть съ ногъ меня не сшибла.

«— Василій Яковлевичъ! были вы сейчасъ въ паркѣ? спросила она, подбѣгая ко мнѣ, а сама, знаете ли, такъ и вертится.

«— Ну былъ. А что?

«— Такъ, ничего. Я думала, что кто-нибудь другой.

«Я сейчасъ же смекнулъ, что вѣрно племянница сказала ей что-нибудь, и струсилъ не на шутку. Вотъ, думаю себѣ, если осердилась, что такъ близко подошелъ къ окну.

«— А на что тебѣ? не безъ робости спросилъ я у Дуняши, которая такъ и юлила передо мною будто бѣсенокъ.

«— Такъ, говорить, я гуляла по парку и видѣла, что кто-то прошелъ.

«— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

«Но Дуняша только захохотала и бросилась къ двери. Я было хотѣлъ ее удержать, но, не тутъ-то было — выскользнула,

«Ахъ, чортъ возьми! думалъ я, вотъ еще бѣды-то нажилъ!.. И не повѣрите, такъ перепугался, что даже всю ночь не могъ заснуть. Чего добраго, думалъ, пожалуй отъ мѣста откажутъ.

«Пришло утро. Я собралъ своихъ пѣвчихъ, — а мнѣ былъ отвѣденъ для этого особый флигель неподалеку отъ господскаго дома, — собралъ пѣвчихъ и началъ спѣваться, но только что успѣлъ пропѣть *жерувимскую*, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ пѣвческую вошла племянница. У меня такъ и замерло сердце. Ну, думаю себѣ, вотъ она бѣда-то пришла! Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ увидалъ я совершенно противное!

«— Я, говорить, пришла послушать вашихъ пѣвчихъ. — Давно, говорить, собиравалась, но все какъ-то не было времени.

«— Очень, говорю, благодаренъ, сударыня.

«Племянница сѣла.

«— Заставьте, говорить, ихъ пропѣть что-нибудь.

«Спѣли *высшую небесь*, потомъ *аеруемскую*.

«— Очень, очень, говорить, хорошо. А давно вы ихъ учите?

«— Третій мѣсяцъ, говорю, сударыня.

«— Только-то! это дѣлаетъ вамъ честь. И тутъ же принялась, знаете, перебирать всѣ ноты. Однѣ хвалила, другія осуждала, и все это такъ дѣльно и вѣрно, какъ будто сама училась церковному пѣнію. Вотъ это, говорить, хорошо, вотъ это дурно, вотъ это слабо. Вотъ это бы, говорить, надо было сдѣлать такъ, а вотъ это этакъ. И дотога заговорила меня,—а она, надо вамъ сказать, говорила скоро, точно сыпала словами,—что у меня куда и робость дѣвалась. Вотъ, думаю себѣ, какъ наружность—то иногда бываетъ обманчива и, не повѣрите ли, дотога разкозырялся, что даже спорить началъ. Право—съ.

«— Нѣтъ, дескать, сударыня, по мнѣ, это несправедливо. Право такъ—таки и говорилъ, и не повѣрите ли, такъ мнѣ было весело, что я даже не замѣтилъ, какъ и утро прошло. И она тоже была такая веселая.

«— Ахъ да, кстати, вдругъ проговорила она бросая ноты и вставая съ мѣста.—Это вы попались мнѣ, когда я вѣкала сюда? Еще мой человекъ спрашивалъ у васъ, дома ли дядюшка съ тетушкой.

«— Точно такъ, я, сударыня.

«— Куда это вы шли?

— А въ Жданово, говорю.

«— Это что за Жданово?

«— Село, говорю, есть такое, въ трехъ верстахъ отсюда.

«— А!.. Вотъ видите ли, я васъ замѣтила.

«Я поклонился.

«— Однако прощайте, говорить. Я думаю меня ждуть уже къ завтраку.

«Я проводилъ ее до крылечка.

«— Василий Яковлевичъ! Василий Яковлевичъ! раздался вдругъ за мною чей-то голосъ. Я обернулся и увидалъ Дуняшу. Она звонко хохотала и какъ пуля пролетѣла мимо меня къ господскому дому. Экой бѣсенокъ, подумалъ я; ну, да добро же, ужъ попадешься ты мнѣ когда-нибудь воръ—дѣвка! Вскорѣ раздался звонокъ къ обѣду. Я распустилъ пѣвчихъ и съ торжествующимъ сердцемъ вошелъ въ свою комнату, въ которой стояла уже на столѣ чашка съ горячими щами и горшокъ съ гречневою кашей.

«Прошло должно-быть этакъ съ недѣлю. Племянница не переставала посѣщать иногда мою пѣвческую и все такъ же была

весела и снисходительна. Дуняша тоже забѣгала ко мнѣ часто, то утюгъ въ печку поставить, то крахмаль развести, а иногда такъ и вовсе приходила ко мнѣ что-нибудь разглаживать, и все попрежнему не переставала хохотать и даже лукаво грозить пальцемъ. Чтò такое, думаю себѣ, все это значить? Однако въ Жданово я все-таки ходить не переставалъ. Случился какой-то праздникъ; сидѣлъ я дома, только вдругъ подають мнѣ письмо. Я распечаталъ и чуть не ахнулъ отъ радости, когда увидалъ, что письмо это было отъ одного моего товарища по семинаріи; ужъ онъ теперь вышелъ изъ духовнаго званія и служить въ пензенской палатѣ государственныхъ имуществъ, далъ онъ мнѣ слово увѣдомлять меня объ открывающихся священническихъ вакансіяхъ. Но каково же было мое огорченіе, когда я прочелъ письмо товарища! Онъ увѣдомлялъ меня, что была одна священническая вакансія, но что она уже отдана тоже одному моему товарищу. Вѣсть эта сильно опечалила меня. Мнѣ дано было слово, что первая открывшаяся вакансія будетъ моею, но оказалось, что въ консисторіи обо мнѣ забыли, а вспомнили о другомъ, по той причинѣ, что тотъ еще въ семинаріи позаботился какъ слѣдуетъ объ этомъ. Я шибко разгрустился: какъ ни хорошо мнѣ было у Пошехонскихъ, какъ ни весело мнѣ было въ обществѣ многочисленной и пьяной дворни (послѣднее сказалъ регентъ съ самою злѣйшею улыбкой), а все, знаете ли, хотѣлось бы поскорѣе вырваться изъ этого омута и пожить тою жизнью, о которой я постоянно помышлялъ, и которая, надѣюсь, все-таки была бы и поближе и посроднѣе мнѣ. Цѣлый день тотъ я былъ не въ духѣ и даже прогналъ Дуняшу, которая прибѣжала было ко мнѣ, не помню за чѣмъ-то. Вечеромъ отправился я въ Жданово къ дьячку и пробылъ у него вплоть до ночи. Рѣшено было послать секретарю подарокъ и просить его не оставить меня безъ его покровительства. вмѣстѣ съ дьячкомъ написалъ я письмо, вложилъ въ него всѣ какія только были у меня деньги и отдалъ это письмо ждановскому пономарю, который долженъ былъ вручить это письмо моему товарищу, а тотъ—передать секретарю. Все это требовало времени, и потому вышелъ я изъ Жданова, когда уже пѣтухи начали пѣть. Дорога была недалеко, а потому я не замѣтилъ, какъ подошелъ къ Угрюмову, и опомнился только тогда, когда очутился уже въ паркѣ. Все было тихо. Огоньки всѣ уже потушены. Въ домѣ тоже все было темно, и всѣ спали. Я вышелъ на знакомую уже вамъ аллею, и не успѣлъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ лицомъ къ лицу

столкнулся съ племянницей. Она вскрикнула, а я остановился как вкопанный и не зналъ что мнѣ дѣлать.

«— Ахъ, это вы! проговорила она.

«— Да-съ, шепталъ я и сробѣлъ еще больше.

«— Какъ вы напугали меня! Откуда это вы такъ поздно?

«— Изъ Жданова-съ.

«— Что это вы все изъ Жданова? Вѣрно у васъ тамъ что-нибудь есть? Ахъ да! вы сегодня письмо получили. Отъ кого это?

«— Изъ города-съ. Отъ одного товарища.

«— А ужъ я думала тоже изъ Жданова... Что онъ вамъ пишетъ?

«— Да что-съ. Все неприятности.

«— Какія?

«— Мѣста не даютъ-съ.

«— Какого мѣста?

«— Священническаго.

«— Какъ? развѣ вы хотите быть священникомъ? проговорила вдругъ племянница и взглянула на меня такъ какъ-то смѣло, что я даже и глаза опустилъ.—Я этого не знала.

«— Да-съ, проговорилъ я едва слышно и хотѣлъ было раскланяться съ племянницей.

«— Какъ? вы уже домой? Вы хотите спать?

«— Нѣтъ-съ, говорю, но я...

«— А если не хотите спать, то пойдемте ходить, перебила меня племянница и пошла по направленію къ рѣкѣ.—Я очень люблю ходить по ночамъ, продолжала она.—Кругомъ такъ тихо и невольно какъ-то вздрагивается при малѣйшемъ шорохѣ. Не правда ли? А вы любите гулять ночью?

«— Да-съ, очень люблю.

«— Я это замѣтила, проговорила она и какъ-то особенно улыбулась.—Я одинъ разъ васъ видѣла здѣсь.

«Я догадался, что дѣло идетъ о томъ вечерѣ, въ который на мнѣ были бѣлые панталоны, и чувствовалъ, что я покраснѣлъ до ушей.

«Мы подошли къ рѣкѣ. Вода струилась какъ-то особенно мягко, и едва-едва покачивала камышомъ, который цѣлыми куртинами росъ у берега.

«— Вотъ бы теперь на лодкѣ прокатиться! почти вскрикнула племянница.

«Я встрепелулся.

«— Если прикажете, я сейчас пригоню лодку, проговорилъ я и вдругъ почувствовалъ какую-то смѣлость.

«— Да гдѣ жь вы ее возьмете?

«— А вотъ тамъ, за паркомъ, въ камышахъ есть рыбацья лодка.

«— Да крѣпка ли она?

«— Крѣпкая-съ.

«— Такъ пригоните, а я васъ здѣсь подожду.

«Я бросился бѣгомъ къ тому мѣсту, гдѣ была лодка, не разбирая ни пней, ни сучьевъ; перемахнулъ, какъ бѣлка, черезъ плетень, и не успѣлъ оглянуться какъ выбѣжалъ изъ парка и очутился позади крестьянскихъ гумень. Вскорѣ я нашелъ и лодку. Она была до половины на берегу, половина ея оставалась на водѣ; неподалеку валялось весло. Я оттолкнулъ лодку, схватилъ весло, и черезъ минуту былъ уже посреди рѣки и выплескивалъ воду, которая такъ и летѣла во всѣ стороны, разсыпаясь мелкими и блестящими брызгами.

«— Ахъ, вотъ и вы, проговорила племянница, когда я подчалывалъ къ тому мѣсту, на которомъ она стояла.

«Я выскочилъ изъ лодки, подтащилъ ее къ берегу и потомъ снова сѣлъ на лавочку, протянувъ племянницѣ руку.

«— Да вы умѣете ли грести?

«— Помилуйте, какъ же не умѣть. Будьте покойны.

«Она начала спускаться съ берега, но вдругъ остановилась.

«— Послушайте, вѣдь я боюсь, проговорила она снова прерывающимся голосомъ.

«— Да будьте покойны, сударыня, помилуйте.

«— Зачѣмъ вы меня зовете сударыней? Я этого не люблю, что это за сударыня?

«Я прикусилъ языкъ. Между тѣмъ она спустилась уже съ берега и уже поставила одну ножку на носъ лодки.

«— Нѣтъ, право боюсь.

«— Да будьте покойны, снова повторилъ я.— Не первый разъ, Я чуть ли не выросъ на водѣ.

«Племянница молчала. Ея ножка все еще была на носу лодки. Ну ужъ и ножка же только была у нея, доложу вамъ! Отъ роу я не видалъ такихъ, а какъ была обута-то!

«— Ну, поѣдемте, проговорила она наконецъ рѣшительно и протянула мнѣ свою руку.

«Я схватилъ ее и слышалъ какъ она дрожала.

«— Вы бонтесь? проговорилъ я, усаживая племянницу на лавочку.

«— Нѣтъ, теперь ничего.

«Я уперся весломъ въ берегъ, слегка оттолкнулъ лодку и выплылъ на середину рѣки. Мы плыли по ея теченію. Темныя нахмуренныя деревья парка такъ и бѣжали назадъ вмѣстѣ съ кустами жимолости и ольхи. Тѣнь отъ деревьевъ густо ложилась на рѣку; но вотъ и конецъ и парка: мы выѣхали въ поле, и въ одну минуту такъ и облилъ насъ серебряный блескъ луны; огненная полоска побѣжала за нашей лодкой. Угрюмово уходило въ даль.

«— Ахъ, какъ я вамъ благодарна, говорила племянница прерывающимся отъ избытка чувства голосомъ.—Вотъ ужъ никакъ не ожидала, что такъ чудно проведу ночь. Посмотрите, посмотрите какъ бѣгутъ мимо насъ поля. А вонъ и Угрюмово начинается уже сливаться съ горизонтомъ. А вотъ и дорога, по которой я пріѣхала; кажется, это она?

«— Однако, вы хорошо помните мѣстность.

«— Да, у меня хорошая память. На этой дорогѣ мы съ вами познакомились.

«— То-есть встрѣтились, проговорилъ я и принялся грести еще сильнѣе.

«— Все равно, продолжала племянница. — Ахъ, какъ вы быстро! потише.

«Между тѣмъ и поля уже скрылись; потянулись луга, а немного погодя показалось и Жданово.

«— Это что за село? спросила племянница, когда мы подплыли къ Жданову.

«— А Жданово!

«— Ахъ, это то самое, куда вы такъ часто ходите?

«— Да-съ, то самое.

«— Это сколько же мы отплыли отъ Угрюмова?

«— Три версты.

«— Какъ, неужели три версты! Послушайте, надо поворачивать, а то этакъ мы черезчуръ долго проѣздимъ.

«— Какъ угодно-съ.

«— Да, поворачивайте, поворачивайте.

«Я поворотилъ лодку, и мы поплыли назадъ, но плыть назадъ противъ теченія воды было не слишкомъ-то легко. Мы подвигались медленно. Я былъ радъ этому, потому что, откровенно сказать, мнѣ не хотѣлось такъ скоро покинуть эту лодку, которая

дала мнѣ случай видѣть лицомъ къ лицу племянницу. Боже мой, какъ она была хороша въ ту ночь! Я глядѣлъ на нее, но глядѣлъ только тогда, когда взоръ ея устремлялся на окрестность. Смотрѣть же на нее въ то время, когда она смотрѣла на меня, я не могъ, потому что, откровенно вамъ сказать, я не могъ вынести ея жгучаго взгляда, безъ того, чтобъ не опустить глазъ. И до сихъ поръ я помню еще и этотъ профиль, серьезный и строгій, оттъняемый густыми и длинными локонами, падавшими на самыя плеча, и эти приподнятыя темныя рѣсницы, и этотъ маленькій сомкнутый ротикъ... Черезъ полчаса мыплыли уже мимо парка. Наконецъ, показалось и то мѣсто, отъ котораго мы поѣхали. Я причалилъ къ берегу и осторожно подтащилъ лодку на песокъ. Черезъ минуту мы были уже въ паркѣ. По-прежнему все было тихо. Мы сдѣлали нѣсколько круговъ по парку, наконецъ племянница остановилась.

«— Ну, теперь пора домой.

«Я было хотѣлъ проводить ее.

«— Нѣтъ, не надо, проговорила она,—не ходите, увидать. И сказавъ это, она протянула мнѣ руку. — Благодарю васъ. Надѣюсь, что мы не въ послѣдній разъ гуляемъ здѣсь. Я хожу почти каждую ночь; если хотите, приходите...

«И, можете себѣ представить, она пожала мнѣ руку.

«— Придете? проговорила она едва слышно.

«Я далъ слово.

«— Однако вогъ чтѣ. Поставьте лодку на мѣсто, и чтобы о нашихъ прогулкахъ никто не зналъ. Не надо! И сказавъ это, она снова протянула мнѣ руку, снова пожала мою, улыбнулась и пошла къ дому. Развѣсистая ель вскорѣ скрыла отъ меня ея бѣлое платье, послышался легкій стукъ балконной двери, и я остался одинъ, очарованный, полный какого-то неизъяснимаго чувства, отъ котораго такъ и замирало мое бѣдное сердце. Не много погодя я пошелъ къ лодкѣ, и что же? Въ ней сидѣла Дуняша.

«— Ну чтѣ жъ, теперь меня! проговорила она.

«Я вскочилъ въ лодку и прокатилъ Дуняшу, но напрасно я спрашивалъ ее, по какому случаю она до сихъ поръ не спала,—она только хохотала, и далеко разносился среди ночной тишины ея звонкій веселый хохотъ. Вскорѣ я былъ уже дома. Дуняша еще больше сбивала меня съ толку; не раздѣваясь, бросился я на постель и вплоть до утра не могъ заснуть.

«Однако надо вамъ разказать поподробнѣе тѣ обстоятельства, въ которыхъ застала меня племянница Пошехонскихъ.»

Регентъ всталъ и началъ набивать трубку.

— А знаете ли, проговорилъ я, — вашъ разказъ меня заинтересовалъ не на шутку; набивайте-ка поскорѣе вашу трубку и продолжайте.

— А вотъ постоитъ, сейчасъ.

Регентъ подошелъ къ котелку. Акимъ и Емельянъ успѣли уже поужинать. Они встали на ноги, и оборотясь лицомъ къ востоку, принялись креститься. Не много погодя Емельянъ подошелъ ко мнѣ.

— Что, я вамъ больше не нуженъ, батюшка баринъ?

— А что?

— Да такъ, заснуть бы время.

Я отпустилъ его.

— Эй ты, пріятель, прокричалъ онъ вдругъ, оборотясь къ Акиму, — прибирай все да пойдемъ спать, баринъ отпустилъ.

Вскорѣ все уже было убрано, и Акимъ съ Емельяномъ отправились на покой. Между тѣмъ регентъ успѣлъ уже закурить трубку. Онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто и началъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что я очень часто ходилъ къ ждановскому дьячку. Дьячокъ этотъ крѣпко придерживался горячихъ напитковъ, былъ вдовъ и имѣлъ многочисленную семью. Двое старшихъ сыновей были въ семинаріи, дочь замужемъ за сивинскимъ дьякономъ; вслѣдствіе этого при дьячкѣ оставались только одни маленькія дѣти, которыя вѣрно бы росли безо всякаго призрѣнія, еслибъ у дьячка не было дочери Тани, о которой я сказалъ уже вамъ нѣсколько словъ. Танѣ было лѣтъ шестнадцать, не больше; она была очень хорошенькая дѣвочка, умная и заботливая хозяйка. Бывало, гдѣ еще встанеть! Умоется, одѣнется, причешется, надѣнетъ свой фартучекъ и пойдетъ хлопотать. И хлѣбы поставитъ, и корову подоить, и избу подмететь, и братишекъ своихъ умоеть, и стадо проводить, словомъ дьячокъ, бывало, не успѣетъ придти отъ заутрени, а ужъ домикъ у него и чистъ и опрятенъ, и цвѣты на окнахъ политы и вымыты, словно свѣтлый гразникъ на дворѣ. А посмотрѣли бы вы на нее въ рабочую пору, когда хлѣбъ созрѣетъ; посмотрѣли бы вы, когда она въ одной сорочкѣ, которая, бывало, такъ и обрисовывала ея стройный станъ, согнувшись и разкраснѣвшись, выхватывала звонкимъ серпомъ цѣлые снопы золотистыхъ колосьевъ! Посмотрѣли бы вы, какъ съ ранней зари и до поздней ночи, когда ужъ, бывало, и карастели перестануть пѣть, Таня перекидываясь согнутымъ туловищемъ, то въ одну, то въ дру-

гую сторону, торопилась дожать загонъ и развѣ, бывало, только въ самый полдень, утомленная, съ болью въ головѣ и поясницѣ, бросалась на снопы и прикрывъ лицо руками, забывалась на самое короткое время. Отецъ бывало никогда не помогалъ дочери. Развѣ, развѣ завернетъ только кое-когда въ поле, да полюбовавшись Таней, проговорить, понюхивая табакъ: «Ай да дочь! Вотъ люблю! Молодца дочь, молодца!» Ну, разумѣется, человекъ пьяный, а отъ пьянаго, что отъ глупаго, ждать нечего. Такимъ манеромъ я таки довольно часто сталъ посѣщать дьячка, но такъ какъ онъ почти всегда былъ либо, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ, либо съ мужиками въ шинкѣ сидѣлъ, то я и оставался съ глазу на глазъ съ Таней, и признаться, крѣпко полюбили мы другъ друга. Дѣло это было лѣтомъ, въ избѣ душно, и потому мы съ Таней проводили время больше на огородѣ. Огородъ выходилъ на рѣку, на ту самую рѣку, по которой я прогуливался на лодкѣ съ племянницей; за рѣкой тянулись луга, а за лугами видѣлось и село Угрюмово. На огородѣ была ракета, подъ которой дѣти дьячка устроили скамеечку. На этой-то скамьѣ и подъ этой-то ракетой я провелъ столько истинно спокойно-сладкихъ минутъ съ Таней. Но и среди этихъ минутъ Таня не забывала своихъ обязанностей, и только бывало лишь заслышитъ ревъ пригоняемаго стада, какъ ужъ она вставала, приказывала мнѣ идти домой, а сама спѣшила на улицу за коровой и овцами. Тогда я перепрыгивалъ черезъ плетень, перебирался по перекладнѣ черезъ рѣку, и веселый, спокойный, прямо лугами бѣжалъ домой. Лугами было гораздо ближе, да и кромѣ того мѣсто было такое привольное, что любо смотреть было. Прошло должно-быть этапъ съ мѣсяцъ. Привязанность моя къ Танѣ расла все болѣе и болѣе, однако я никогда не высказывалъ этого Танѣ, и она никогда не говорила мнѣ о своей любви. Мы сходились какъ добрые знакомые, и добрыми знакомыми расходились. Не знаю, долго ли это оставалось бы такъ, еслибъ не одинъ случай. Вотъ какъ это случилось.

«Пошелъ я, однажды въ Жданово. Таня на этотъ разъ была въ огородѣ, и я гдѣ еще завидѣлъ ее подъ ракетой. Таня тоже изъ далека увидала меня. Она встала, вспрыгнула на плетень и замахала платкомъ. Я прибавилъ шагу, какъ кошка пробѣжалъ по перекладнѣ черезъ рѣку, и минутъ черезъ пять сидѣлъ уже съ Таней подъ ракетой. Она обрадовалась мнѣ, какъ дитя, зарумянилась.

«— Насилу-то вы пришли, Василій Яковлевичъ, говорила она,

поправляя выпадавшіе изъ косы волосы. — Ужь я васъ ждала, ждала сегодня.

«— Чтò такое, говорю, развѣ чтò случилось?»

«— Нѣтъ, да такъ. Съ вами весело, скучно безъ васъ.

«— А гдѣ батюшка?»

«Таня только махнула рукой, и слезки заискрились на ея глазахъ.

«Оказалось, что дьячокъ въ тотъ день былъ шибко пьянъ и въ пьяномъ видѣ жестоко оскорбилъ и прибилъ Таню, чтò случилось впрочемъ не рѣдко. Мнѣ стало жаль ея, такъ жаль, что самъ чуть не расплакался и тутъ же сталъ просить ея руки.

«Такъ, не повѣрите ли, она даже заплакала отъ радости и тутъ же принялась цѣловать мои руки. Пришелъ вечеръ; дьячокъ возвратился домой и на мое счастье успѣлъ уже протрезвиться. Я повторилъ свое предложеніе и получилъ согласіе. Свадьбу мы назначили осенью, а до того времени я каждый день бывалъ въ Ждановѣ. Дни эти проводили мы неразлучно съ Таней, и все подъ тою же ракитой и на той же скамеечкѣ. И о чемъ мы только не мечтали подъ этою ракитой! И о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда мы будемъ принадлежать другъ другу, и о будущемъ нашемъ хозяйствѣ и житьѣ-бытьѣ... А то, бывало, примемся оба смотрѣть вдаль, на эти необозримые луга, по которымъ бѣжала рѣчка, въ которой рыбаки тянули бредни; смотрѣли на небо; вслушивались въ далекую, заунывную пѣсенку, въ плескъ воды, и намъ становилось и легко и весело.

«Въ это-то самое время пріѣхала въ Угрюмово племянница.

«Я не переставалъ посѣщать Таню, но такъ какъ она всегда ложилась рано, то посѣщенія эти не мѣшали мнѣ прогуливаться по ночамъ съ племянницей. Я разказалъ Танѣ о своемъ новомъ знакомствѣ и даже разказалъ ей, какъ катался на лодкѣ и какъ подѣзжалъ ночью почти-что къ самому огороду. Таня сначала, какъ будто, стала меня ревновать къ племянницѣ, но когда я увѣрилъ ее, что никто не заставитъ меня забыть и разлюбить ее, то Таня совершенно успокоилась и даже всегда весело смѣялась надъ затѣйливыми выдумками племянницы во время ночныхъ прогулокъ... Но запретъ-то я прямо, да поѣхалъ криво. Вся эта любовь была — дождевой пузырь; вскочилъ, загремѣлъ и лопнулъ, и осталось ничего. Прогулки съ племянницей не обошлись мнѣ даромъ.»

Регентъ на минуту задумался, но, не много погодя, снова началъ:

«Однажды, сижу я въ своей комнатѣ. Вдругъ вбѣгаетъ Ду-
няша.

«— Здравствуйте, говорить, Василій Яковлевичъ. Что это вы
все дома, да дома?

«— Да куда идти-то? говорю. Идти-то не куда, въ Ждановѣ
вчера былъ.

«— Будто ужъ такъ и есть, что одно Жданово. И кромѣ его
можно сыскать мѣстечко.

«— А какое, напримѣръ?

«— Да, напримѣръ хоть, паркъ. Видите, какая славная
ночь.

«— Чтѣ тамъ дѣлать?

«— Да хоть со мной прогуляться! И Дуняша захохотала, под-
бѣжала ко мнѣ, вспрыгнула мнѣ на колѣни и принялась меня
упрашивать идти съ ней въ паркъ.

«— Ну, душечка, Василій Яковлевичъ, говорила она,—ну,
пойдемте же, голубчикъ, хорошенькій.

«Я согласился, но только что мы вошли съ ней въ калитку,
какъ Дуняша запрыгала, завертѣлась и убѣжала, оставивъ меня
одного. Выходка эта меня взбѣсила, я было хотѣлъ бѣжать за
Дуняшей, но не побѣжалъ, потому что ко мнѣ подошла племян-
ница.

«— Теперь я знаю, Василій Яковлевичъ, проговорила она, по-
давая мнѣ руку,—отчего вы такъ часто ходите въ Жданово.

«Я сконфузился.

«— У васъ тамъ невѣста?

«— Я молчалъ.

«— У васъ тамъ невѣста? продолжала племянница.

«Я продолжалъ молчать, точно какъ, сосватавъ невѣсту, я
сдѣлалъ какое преступленіе.

«— Вы не хотите признаться, вы не хотите! О, да какой же
вы упрямый, я этого не знала. Однако, что же мы стоимъ? пой-
демте ходить, авось на ходу вы не разкажете ли мнѣ чего-ни-
будь про свою невѣсту.

«Мы пошли.

«— Скажите, вы очень любите Таню? вѣдь такъ, кажется,
зовуть ее?

«— Да-съ такъ, проговорилъ я, начиная понемногу выхо-
дить изъ замѣшательства.

«— Чтѣ жъ она, хорошенькая?

«— Да-съ, недурна, говорю.

«— Брюнетка или блондинка?

«— Блондинка.

«— Стало-быть мы, брюнетки, на ваши глаза ничего не стоимъ?

«— Я этого не говорилъ.

«— А какихъ лѣтъ?

«— Лѣтъ шестнадцати.

«— Только-то! Я гожусь ей въ матери. Я посмотрѣлъ на нее.

«— Что вы такъ смотрите? Вы не вѣрите?

«— Извините, не вѣрю, проговорилъ я.

«— Вы, кажется, хотите дѣлать мнѣ комплименты. Полноте, это глупо. Я не изъ такихъ дѣвушекъ, которымъ они нравятся. Поберегите ихъ для Тани.

«И она вдругъ засмѣялась и протянула мнѣ руку. Я схватилъ ее и поцѣловалъ.

«— Вы начинаете за мной ухаживать, проговорила она, не отнимая руки, которую я осыпалъ поцѣлуями. — Ну, будетъ, довольно. А знаете ли вѣдь у меня есть къ вамъ просьба. Я за этимъ и послала къ вамъ Дуняшу.

«— Такъ это вы? почти вскрикнулъ я.

«— Чтò я? проговорила вдругъ спокойно племянница и взглянула мнѣ прямо въ глаза.

«Я сконфузился и не зналъ, чтò отвѣчать.

«— Вы думаете, что я Дуняшу послала къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ она привела васъ сюда? Совсѣмъ нѣтъ. Я только велѣла ей просить васъ показать мнѣ свою Таню.

«Я вздрогнулъ. Племянница замѣтила и начала еще больше настаивать показать ей Таню. Я чувствовалъ, что мнѣ не слѣдуетъ дѣлать это, что это подведетъ Таню только подъ однѣ насмѣшки, что это пожалуй огорчитъ ее; но могъ ли я отказать въ чемъ-нибудь племянницѣ, и могъ ли я устоять противъ этихъ рукопожатій, противъ этихъ взглядовъ? Я не устоялъ, племянница торжествовала. Рѣшено было на слѣдующій же день ѣхать въ Жданово, но такъ какъ мнѣ нельзя было ѣхать вдвоемъ съ племянницей, то она и придумала слѣдующее. Такъ какъ слѣдующій день былъ воскресный, то я и долженъ былъ ѣхать въ Жданово съ пѣвчими и пропѣть обѣдню, а она придетъ вмѣстѣ съ теткой. Во время обѣдни я долженъ былъ глазами указать племянницѣ Таню. Племянница еще разъ поблагодарила меня, крѣпко пожала мнѣ руку, и мы разстались. Цѣлую ночь я не могъ закрыть глазъ. Какое-то тяжелое предчувствіе

мучило меня... Я даже собирался сказатья больнымъ, но силы оставляли меня каждый разъ. Впрочемъ у меня была еще одна надежда. Я не думалъ, чтобы старуха Пошехонская согласилась ѣхать съ племянницей въ Жданово; она была больна и не только никуда не выѣзжала, но и не выходила. Однако и эта надежда лопнула, когда, вставши утромъ, увидалъ я у каретнаго сараю коляску, вокругъ которой суетились кучера, подмазывая колеса и прилаживая фордекъ и вагу. Но мнѣ все еще не вѣрилось. Почти бѣгомъ я бросился къ сараю.

«— Кому эту коляску? спросилъ я, подбѣжавъ къ кучерамъ.

«— А старой барыни, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

«— Куда она ѣдетъ?

«— А въ Жданово, къ обѣднѣ.

«Сердце у меня замерло; опуствя голову, пошелъ я домой. Дуняша была уже у меня. Она почти лежала опуствя голову и хохотала чтд есть мочи. Черезъ полчаса я ѣхалъ уже въ Жданово вмѣстѣ съ своими пѣвчими.

«Завидѣвъ меня, Таня выѣзжала ко мнѣ навстрѣчу. Бѣдное дитя, она была въ восторгѣ послушать моихъ пѣвчихъ, и тутъ же бросилась къ себѣ въ комнату одѣться въ самые лучшіе свои наряды. Вскорѣ началась обѣдня, вскорѣ пріѣхала и Пошехонская вмѣстѣ съ своею племянницей.

«Но, вы меня извините, я не въ силахъ разказывать вамъ эту сцену; она слишкомъ тяжело лежитъ на моей душѣ. Скажу вамъ только то, что я показалъ Таню, и предчувствія мои сбылись. Градъ насмѣшекъ посыпался на бѣдную дьяческую дочь, и вскорѣ насмѣшки эти совсѣмъ убили мою любовь. Я сталъ посѣщать Таню рѣже и рѣже, а подъ конецъ и совсѣмъ забылъ о ней, и весь отдался племянницѣ, которой впрочемъ я даже и не смѣлъ намекнуть о любви. Да и можно ли мнѣ было противостоять, когда ночныя прогулки наши становились все продолжительнѣе, когда Дуняша все чаще и чаще забѣгала ко мнѣ, и когда уже прямо говорила мнѣ, что меня ждуть тамъ-то и тамъ-то, и что я долженъ идти туда-то и туда-то? А Таня скучала, но все думалъ, что меня удерживаютъ какія-нибудь занятія. Однако занятія мои, какъ видно, не прекращались, и Таня начала грустить, въ чуткое ея сердце начало прокрадываться подозрѣніе, и Таня начала плакать подъ тою же самою ракутой, гдѣ мы съ нею сидѣвали. Иногда приходилъ ко мнѣ ея отецъ, но я спѣшилъ всегда напоить его, и онъ скоро уходилъ, а я бѣжалъ въ паркъ, въ которомъ забывалъ и дьячка, и Таню, и даже самого себя.

«Однако вотъ что случилось.

«Сидѣли мы однажды съ племянницей на берегу извѣстной уже вамъ рѣки. Было далеко за полночь. А надо вамъ сказать, что мы гуляли не иначе, какъ по ночамъ, днемъ же мы даже и виду никому не подавали, что были знакомы: такъ хотѣла племянница, потому что боялась, чтобы кто-нибудь не узналъ о нашихъ отношеніяхъ. Ну, такъ вотъ-съ. Было далеко за полночь. Помнится, въ ту ночь разказывала я исторію моей жизни. Обстоятельства эти конечно были близки моему сердцу. Немудрено, что, разказывая я увлекся воспоминаніями. Племянница слушала меня внимательно, иногда улыбалась, замѣчая мои увлеченія, называла меня ребенкомъ, а иногда, когда разказъ мой касался печальныхъ сценъ, она задумывалась, и съ участіемъ протягивала мнѣ свою руку. Вдругъ слышались чьи-то тяжелые шаги и выхлѣбныя, мы вздрогнули.

«— Тш! проговорила племянница, зажимая мнѣ ротъ рукой.
— Кто-то идетъ.

«Мы стали прислушиваться. Шаги приближались и направлялись прямо къ намъ. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься съ берега и притаяться въ камышахъ. Племянница вскочила, но не успѣла она сдѣлать двухъ шаговъ, какъ изъ чащи деревьевъ показалась толстая фигура дворецкаго. Увидавъ барышню, онъ остановился въ недоумѣніи, разтопырилъ руки и невольно взглянулъ на рѣку, по которой разходились огромные круги. Причиною этихъ круговъ былъ я, потому что камыши, въ которые я бросился, росли въ водѣ. И долго бы дворецкій простоялъ въ такомъ положеніи, еслибы племянница не подошла къ нему и не проговорила спокойно:

«— Ахъ, это ты, Кондратій. Какъ ты меня испугалъ! Я думала Богъ знаетъ что, и вскочила такъ, что даже земля осыпалась съ берега.

Дворецкій опомнился, поспѣшно снялъ фуражку и началъ извиняться. Вскорѣ племянница приказала ему проводить ее до дому, и спокойно напѣвая, пошла по прямой аллеѣ. Да, я всегда удивлялся этой дѣвушкѣ. Мнѣ кажется, нѣтъ обстоятельствъ, изъ которыхъ бы она не вывернулась. Дворецкій слѣдовалъ за ней въ почтительномъ отдаленіи, однако все-таки по временамъ оглядывался на рѣку и на камыши. Между тѣмъ я не нашутку продрогъ. Вода охватывала меня до самой груди. Когда все стихло, я осторожно вылѣзъ изъ камыша, выжалъ мокрое свое платье, вылилъ изъ сапогъ воду и еще осторожнѣе началъ про-

бираться къ дому. Проходя мимо окна, я увидалъ огонь, но скорѣ онъ былъ потушенъ,—знакъ, что племянница легла поживать.

«Признаюсь, сильно напугался я въ ту ночь, такъ напугался, что цѣлый слѣдующій день боялся выдти изъ своей комнаты. Не знаю почему, мнѣ показалось, что дворецкій не совсѣмъ—то повѣрилъ барышнѣ. Однако съ наступленіемъ ночи я опять—таки пробрался въ паркъ, проштатался цѣлую ночь, но племянницы не видалъ, даже и огня не было въ ея комнатѣ. Вернулся я домой на разсвѣтъ, но несмотря на то, всталъ утромъ какъ слѣдуетъ, умылся, одѣлся, и чтобы какъ-нибудь убить время, пошелъ заниматься въ пѣвческую. Занимался я въ тотъ день часа два, небольшое, и по окончаніи класса взялъ удочку и пошелъ удить на рѣку, и именно на то самое мѣсто, на которомъ я такъ часто сидѣлъ съ племянницей. Рыба и удочка конечно были однимъ только предлогомъ, въ сущности же я думалъ только о томъ, авось не увижу ли племянницу. Мнѣ хотѣлось узнать скорѣе, не было ли послѣ вышесказаннаго происшествія какихъ-нибудь неблагоприятныхъ послѣдствій. Признаюсь, это меня сильно тревожило, сердце мнѣ какъ будто говорило, что не пройдутъ мнѣ даромъ эти свиданія, и что рано или поздно, я заплачусь за нихъ. Тщетно старался я прогнать эти мысли, но онѣ какъ нарочно тѣснились въ мою голову. Итакъ я пошелъ удить, но напрасно просидѣлъ я надъ рѣкой вплоть до вечера, племянницы я не видалъ. Можетъ-быть ночью не увижу ли, думалъ я, но прошла и ночь, прошелъ и слѣдующій день, а все по парку раздавались только одни мои шаги и больше ничего. Окно было попрежнему темно. Такимъ образомъ ходилъ я по крайней мѣрѣ съ недѣлю, но ни ночью, ни днемъ мнѣ не удавалось встрѣтить ее. Страхъ увеличивался. Я боялся за нее, только за нее. Что если я окомпрометировалъ ее! Что если узнали о нашихъ ночныхъ свиданіяхъ! и сердце мое невольно сжималось... Чтобы сколько-нибудь подавить это тягостное чувство, я каждый день собиралъ своихъ пѣвчихъ. Но скрипка моя издавала фальшивые звуки, уши мои ничего не слыхали, глаза ничего не видали. Въ умѣ у меня была одна только племянница; я жаждалъ узнать, что съ ней. Я искалъ случая повидаться съ Дуняшей и расспросить ее, не случилось ли что съ племянницей, но и Дуняши я не видалъ. Она была больна и лежала въ больницѣ. Прошла еще недѣля, и я совсѣмъ упалъ духомъ. Между тѣмъ дворецкій началъ обращаться со мной какъ-то лукаво. Не разъ удавалось мнѣ улавли-

вать его улыбки, его лукавоприщуренный взглядъ. Дворня начала перешептываться и подглядывать за мной. Поваръ приходилъ почти каждую минуту въ мою комнату, прачка лукаво подсмѣивалась, и не разъ случалось мнѣ во время своихъ ночныхъ прогулокъ, вдругъ ни съ того, ни съ другаго, встрѣтиться то съ поваренкомъ, то съ конторщикомъ, то съ какимъ-нибудь кучеромъ. Но больше всѣхъ терзалъ меня дворецкій. Надо вамъ сказать, что онъ сильно не долбилъ меня, и именно за то, что когда я прѣхалъ въ Угрюмово, господа приказали мнѣ отвести ту самую комнату, въ которой помѣщалась до того времени бѣлая и румяная прачка Анисья, предметъ нѣжной любви дворецкаго. Обстоятельство это сильно возстановило его противъ меня по той причинѣ, что Анисью перевели въ людскую, гдѣ всегда было пропасть народу, и гдѣ уже дворецкій не могъ съ глазу на глазъ бесѣдовать съ Анисьей. Среди такихъ-то горькихъ обстоятельствъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ было—бродить по парку, по лугамъ и полямъ.

Разъ, пошелъ я въ паркъ, было ужъ поздно. Все, что только ни встрѣчалъ я, напоминало мнѣ о недавнихъ счастливыхъ минутахъ; и я невольно всегда вспоминалъ и тотъ жаркій день, когда я шелъ въ Жданово, и когда мнѣ попалась карета, которая крупною рысью катилась въ Угрюмово, и ту ночь, когда услышалъ я голосъ племянницы, и ту прогулку по рѣкѣ, и тѣ пожатія руки и, наконецъ, ту ночь, которая отравила все мое блаженство, и тяжелый камень легъ на мою душу. Въ такомъ-то раздумьи очутился я вдругъ на берегу рѣки. Я пошелъ вдоль берега, вышелъ изъ парка и незамѣтно дошелъ до Жданова. Все спало. Огоньки были уже давно потушены; темной кучей чернѣли избы, и одна только ракета на дьяческомъ огородѣ какъ будто не спала и трепетала въ воздухѣ. Я перешелъ по перемадинѣ рѣку. Вдругъ послышался чей-то сдержанный шепотъ. Я притаилъ дыханіе, опустился на руки и подползъ къ плетню. Шепотъ вскорѣ послышался снова.

«— Охота вамъ такъ убивать себя, шепталъ кто-то.— Нешто стоитъ онъ этого. Онъ и вниманья-то этого не стоитъ! Посмотрѣли бы вы, какъ онъ перебываетъ каждую ночь съ нашей барышней, а вы тутъ слезы проливаете; есть о чемъ! Онъ и думать-то забылъ о васъ.

«Сердце мое сжалось. Я осторожно приподнялъ голову и еще осторожнѣе взглянулъ въ дыру плетня. Подъ ракетой сидѣла Таня, блѣдная, убитая; она сидѣла опустя голову и руки, слезы текли

по ея щекамъ, а возлѣ нея сидѣлъ дворецкій. Морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу, руки подкосились, и я упала на землю. Таня вдрогнула, а дворецкій соскочилъ со скамьи и сталъ прислушиваться. Однако минуты черезъ двѣ все опять стихло, и дворецкій снова усѣлся на скамейку.

«— Звѣрокъ какой-нибудь пробѣжалъ, заговорилъ онъ и замолчалъ.

«Немного погода онъ снова началъ.

«— А я бы вотъ что посовѣтовала вамъ, Татьяна Николавна.

«Таня подняла голову и посмотрѣла на дворецкаго.

«— Сходите-ка вы лучше къ нашимъ господамъ, а то тятиньку своего пошлите, да велите ему, чтобы все разказалъ про племянницу-то про ихнюю. Самъ видѣлъ, ужъ я вамъ лгать не буду, хоша онъ и схоронился въ камышъ, да вѣдь меня не надуешь. Право пошлите-ка тятиньку. Тогда его отъ насъ прогонять, онъ не будетъ видѣться съ барышней и вспомнить о васъ.

«Таня вздохнула.

«— Нѣтъ, Кондратій Ивановичъ, проговорила она едва слышно.— На такія дѣла я не пойду. Насильно мила не будешь. Богъ съ нимъ!

«Таня не докончила, слезы ручьемъ хлынули изъ ея глазъ, она закрыла лице руками, раздались вопли. Дворецкій всталъ.

«— Я для васъ же стараюсь, Татьяна Николавна, говорилъ онъ, видимши то есть ваши слезы, а впрочемъ какъ хотите. Вѣдь мнѣ все равно, пушай его живетъ, что мнѣ!.. Вот!.. Я для васъ же, а мнѣ что! Пушай живетъ! Такъ прощайте, Татьяна Николавна; прошу прощенья, коли обезпокоилъ.

«Таня встала.

«— Такъ ужъ онъ у васъ давно не бывалъ?

«Таня снова заплакала.

«— Ну вотъ, такъ и есть, проговорилъ онъ и направился къ плетню.

«Я еще плотнѣе припалъ къ землѣ и совершенно притаилъ дыханіе. Вскорѣ плетень затрещалъ, погнулся, послышалось пыхтѣніе и вслѣдъ за тѣмъ толстое туловище дворецкаго перевалилось на другую сторону плетня и спустилось къ рѣкѣ. Все стихло. Я вскочилъ, заглянулъ черезъ плетень, — Тани уже не было, и одна только ракета шептала своими уже желтѣющими листьями обо всемъ ею видѣнномъ и слышанномъ и тихо показывала вѣтвями!..

«Я отошелъ отъ плетня и сѣлъ на берегъ рѣки. Вѣрите ли,

такъ было мнѣ тяжело въ ту ночь, что я даже и передать вамъ не могу. Мнѣ стало жаль Тани; я плакалъ о ней, но, скажу откровенно, не могъ забыть и племянницу. Сердце мое обливалось кровію, когда я вспоминалъ разговоръ дворецкаго съ Таней. Чтѣ будетъ съ ней? думалъ я. Тайна наша раскрыта. Не дальше, какъ завтра, думалъ я, Пошехонскіе узнаютъ все, и мнѣ придется оставить Угрюмово и на вѣки разлучиться съ тѣмъ, чтѣ было такъ дорого моему сердцу, и еще печальнѣе смотрѣлъ я тогда на рѣку, которая струилась у моихъ ногъ. Вдругъ, чья-то рука опустилась на мое плечо. Я вдрогнулъ, обернулся... Передо мною стояла Тани! Я бросился къ ней, обнялъ ее и, помню, что я ей лгалъ, лгалъ и лгалъ!...»

Регентъ остановился, закрылъ лицо руками, потомъ, не много погодя, снова началъ, но голосомъ уже болѣе спокойнымъ.

«Однако все это не даромъ обошлось мнѣ. Возвратясь домой, я почувствовалъ жаръ, а черезъ два дня лежалъ уже въ больницѣ. Со мной открылась горячка. Прохворалъ я съ мѣсяць, но, благодаря усердію подлѣвара, я сталъ поправляться успѣшно, однако изъ больницы мнѣ все еще не было дозволено выходить. Я слышалъ, что Тани вмѣстѣ съ отцомъ приходила меня навѣщать, но чтѣ касается до племянницы, я опять-таки ничего не зналъ. Спросить объ ней я боялся. Однажды лежу я на постелѣ, а у меня, надо вамъ сказать, была особая комната; было уже поздно, подлѣваръ ушелъ на свою половину, на столѣ горѣлъ ночникъ и едва-едва освѣщалъ комнату. Вдругъ дверь слегка отворилась и показалось чье-то женское платье.

«— Кто тамъ? спросилъ я.

«— Это я, Василій Яковлевичъ.

«Я приподнялся и увидалъ Дуняшу.

«— Что съ тобой? невольно спросилъ я, увидавъ ее блѣдное и изнуренное лицо.

«— Все одно, чтѣ и съ вами. Больна была.

«Она тихо подошла къ моей кровати и сѣла у изголовья. Видно было что, Дуняша хотѣла мнѣ что-то сказать, но какъ будто не рѣшалась. Спросить же ее я боялся. Мнѣ пришло въ голову, что племянницы уже нѣтъ въ Угрюмовѣ. Минуть десять прошло такимъ образомъ, наконецъ Дуняша прервала молчаніе.

«— Ну что, какъ вы, Василій Яковлевичъ?

«— Теперь, слава Богу, ничего.

«— А ужъ какъ вы перемѣнились-то!

«— Не знаю, здѣсь нѣтъ зеркала.

«— Хотите, я принесу.

«И не дождавшись моего отвѣта, Дуняша тихо вышла изъ комнаты и вскорѣ возвратилась съ зеркаломъ въ рукахъ. Я взглянулъ въ него и испугался.

«— Вотъ вы какіе теперь, проговорила Дуняша.

«Я опустился на подушку и молчалъ.

«— И я такая же, проговорила она, и тоже замолчала.

«Я снова взглянулъ на нее и невольно подумалъ: неужели это та самая Дуняша, рѣзвая, веселая, которая, бывало, такъ часто съ звонкимъ хохотомъ вбѣгала въ мою комнату? Казалось, и тѣни не осталось отъ прежней Дуняши.

«— А помнишь, Дуняша, проговорилъ я, какъ мы по рѣкѣ-то?

«— Какъ не помнить!

«Я замолчалъ, но не много погодя рѣшился наконецъ спросить о племянницѣ. Дуняша вздохнула.

«— Полноте, Василій Яковлевичъ, проговорила она. — Вѣкъ я себя не прощу того, что сдѣлала.

«— Что такое?

«— Да что! кабы не я, такъ можетъ вы бы, Василій Яковлевичъ, и горя-то никакого не знали. Согрѣшила я передъ Богомъ и передъ вами, Василій Яковлевичъ, и Дуняша закрыла лицо руками и горько заплакала.

«Я перепугался.

«— Вѣкъ себя не прощу этого!

«— Да что такое?

«— Какъ что? Развѣ не по моей милости познакомились вы съ барышней-то? Развѣ не я то и дѣло забѣгала-то къ вамъ? Дура я, дура, что исполняла ея приказанія.

«Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу.

«— Да что станешь съ ней дѣлать? продолжала Дуняша. Вѣдъ словно дьяволъ какой, прости Господи, ужъ что захочетъ, такъ непремѣнно исполнить. Ступай да ступай, хочу, говорить, свертѣть ему голову.

«Я молчалъ, слезы просились мнѣ на глаза, сердце сжималось. Какое-то ослабленіе овладѣло мною.

«— Да гдѣ она? проговорилъ я наконецъ, взглянувъ на Дуняшу.

«Она молчала. Я съ трепетомъ ждалъ ея отвѣта. Ждалъ и боялся. Наконецъ Дуняша обернулась, сердце еще пуще замерло во мнѣ.

«— Уѣхала? прошепталъ я.

«— Куда ей ѣхать-то! проговорила Дуняша.

«— Такъ она еще здѣсь? почти вскрикнулъ я отъ радости.

«— Здѣсь, и ужь съ княземъ Бековымъ подружилась. — Да жаль, парень-то онъ не таковский, не на того напала!

«Дуняша замолчала. Я едва могъ разобрать послѣднія ея слова. Я снова опустился на подушку, и не слышалъ уже какъ ушла Дуняша.

«Когда я очнулся, около меня стоялъ подлѣварь; мнѣ бросали кровь. Выздоровленіе мое тянулось медленно. Дуняша ко мнѣ больше не приходила. Боже мой, какъ долго тянулись для меня эти дни! и еслибъ не Таня и не ждановскій дьячекъ навѣщали меня, кажется умеръ бы съ тоски. Таня по цѣлымъ днямъ просиживала у меня; подавала мнѣ лѣкарство, пила меня чаемъ, ходила за мной какъ родная сестра. Нечего говорить, что слова Дуняши сильно поразили меня. Я чувствовалъ, что въ душѣ у меня какія-то развалины. Такъ пролежалъ я еще двѣ недѣли, наконецъ, мнѣ дозволено было оставить больницу. Я тотчасъ же пошелъ въ Жданово. Между тѣмъ, письмо, посланное къ секретарю со вложеніемъ должноствующаго, не осталось безъ благихъ для меня послѣдствій. Я получилъ извѣщеніе, что въ одномъ селѣ открылось мѣсто. Можете себѣ представить мой восторгъ, но, скажу вамъ откровенно, я почувствовалъ, что во мнѣ какъ будто что-то оборвалось. Не знаю почему, я какъ будто вдругъ увидалъ племянницу, ея спокойный тихій взглядъ, ея длинные локоны, ея станъ, стройный и высокій, и какъ-то невольно, живо представились мнѣ всѣ мои прогулки съ ней, и какъ будто почувствовалъ я все то волненіе, всю ту лихорадочную дрожь, которую испытывалъ я во время этихъ прогулокъ. Я вспомнилъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ всегда ночи, и какъ полна была въ то время моя жизнь. И вдругъ я испугался, когда вспомнилъ, что все это прошло и исчезло. Да оно и понятно. Племянница была для меня явленіемъ, выходящимъ изъ круга моей обыкновенной обстановки. Она явилась для меня какъ будто чѣмъ-то сверхъестественнымъ, чѣмъ-то неожиданнымъ, поэтому мудрено ли, что она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, какого не могла произвести на меня Таня—явленіе, созданное мною еще на семинарской скамейкѣ, и вдругъ я долженъ былъ разстаться со всѣмъ этимъ. Такъ иногда жаль проснуться во время заманчиваго сновидѣнія, и уронить взоръ на окружающіе предметы, которые хотя и близки сердцу, но уже приглядѣлись.

«Нечего говорить, что подъ вліяніемъ такихъ чувствъ, я не совсѣмъ вѣрилъ Дуняшѣ. Лучше сказать, я не хотѣлъ ей вѣрить.

Мнѣ казалось, что племянница любить меня, хотя она никогда не говорила мнѣ объ этомъ. Но что же значать всѣ эти прогулки, пожатія и взгляды?... Въ такомъ-то раздумьи находился я во время полученія письма. Я былъ въ одно и то же время и обрадованъ и пораженъ, да, именно пораженъ. Мнѣ не хотѣлось оставить Угрюмово, что-то такое меня привязывало къ нему, и вмѣстѣ съ тѣмъ во мнѣ возникали вопросы, заставлявшіе меня оглянуться на мое положеніе. Чтò я? Гдѣ я? Чтò со мной? Чтò меня ждетъ, и чего я жду? Не выдетъ же за меня въ самомъ дѣлѣ барышня. Не пробудетъ же она вѣкъ въ Угрюмовѣ, и рано или поздно придется же мнѣ разстаться съ ней. Вотъ тѣ вопросы, которые задавалъ я самъ себѣ, и слѣдствіемъ которыхъ было то, что разсудокъ взялъ верхъ надъ сердцемъ. Я какъ будто началъ вѣрить словамъ Дуняши; начала рисоваться матеріальная обстановка моей жизни со всѣми этими дворцами, поварами и Анисьями, и потому не мудрено, что я надѣлъ сюртукъ, повязалъ галстухъ, отправился къ господамъ и выпросилъ у нихъ лошаденку съѣздить въ городъ. Вѣсть эта шибко распространилась между дворней. Дворецкій, единственною цѣлью котораго было выжить меня изъ той комнаты, въ которой онъ такъ пріятно проводилъ время съ Анисьей, былъ очень тому радъ. Онъ одобрялъ мой поступокъ, говорилъ, что не вѣкъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ жить съ поварами, что пора мнѣ наконецъ завести и свое хозяйство, и даже самъ отправился къ прикащику хлопотать о подводѣ. Анисья начала уже укладывать свои коробья, поваръ тоже обрадовался. Вечеромъ я отправился въ Жданово, и обо всемъ объявилъ дядьку и Таню. Надо было видѣть ея восторгъ. Она бросилась меня обнимать, слезы ручьями текли изъ ея глазъ. Мы цѣлый вечеръ просидѣли съ ней подъ ракитой, и Таня забыла даже на этотъ разъ и пригнанное стадо, и своихъ братишекъ, которыхъ надо было уложить спать. Она не отходила отъ меня. Было уже за полночь, когда она наконецъ сказала, что мнѣ пора идти домой. Прощаясь, Таня благословила меня, и я отправился въ Угрюмово съ тѣмъ, чтобы на зарѣ вѣхать въ городъ и покончить дѣло. Ночь была свѣтлая, и я видѣлъ, какъ Таня стояла на плетнѣ и все еще продолжала благословлять меня. Это-то благословеніе, вѣроятно, и хранитъ меня до сихъ поръ.

« Было уже очень поздно, когда зачернѣлъ передо мною угрюмовскій паркъ. Я вошелъ въ темную аллею, и вдругъ увидѣлъ племянницу. Она стояла надъ берегомъ рѣки и задумчиво смо-

трѣла на воду. Не знаю почему, я вдругъ какъ будто вздрогнулъ. Какая-то ненависть закипѣла во мнѣ; я вспомнилъ опять разговоръ Дунаши, и можете себѣ представить, онъ уже не казался мнѣ этотъ разъ неправдоподобнымъ, и я даже какъ будто самъ видѣлъ, что все происшедшее между мною и племянницей было одною шуткой или лучше одною прихотью съ ея стороны. «Безчувственная, проговорилъ я самъ про себя, глядя на племянницу, для тебя видно нѣтъ ничего завѣтнаго, пусть же вѣчное мое презрѣнiе накажетъ тебя за это.» И я совсѣмъ было хотѣлъ идти домой, не подходя къ племянницѣ; но не тутъ-то было. Только я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ шелестъ деревьевъ, между которыми я пробирался, вывелъ племянницу изъ задумчивости. Она взглянула въ ту сторону, откуда доносился шелестъ, и завидѣвъ меня, быстро подошла ко мнѣ:

«— Вы ѣдете? проговорила она, устремивъ на меня долгiй и пронизательный взоръ.

«— Да, ѣду, отвѣчалъ я отрывисто.

«Но она этого не замѣтила и протянула мнѣ руку.

«— Итакъ, мы расстаемся, проговорила:—прощайте, будьте счастливы.

«И вдругъ, куда дѣвалась моя твердость! Все пропало. Я схватилъ ея руку и принялся осыпать ее подблудами. Боже мой! И зачѣмъ только встрѣтился я въ ту ночь съ племянницей! Нечего говорить, что желанiе поскорѣе попасть домой исчезло. Я не отходилъ отъ племянницы. Мы говорили о прошломъ, о будущемъ, и вѣроятно не скоро бы кончили нашъ разговоръ, еслибы племянница не заговорила о томъ, что мнѣ пора идти домой.

«— Вы ѣдете рано, говорила она.—Вамъ нуженъ отдыхъ, ступайте спать.

«— А вы еще останетесь здѣсь? спросилъ я племянницу.

«— Да, я еще останусь.

«— Мнѣ нельзя побыть съ вами?

«Она задумалась, но немного погодя проговорила:

«— Нѣтъ, нельзя, сыро, а вы недавно были больны. Я часто справлялась объ васъ. Вы были опасно нездоровы. Васъ навѣщала Таня. Ну, что? она рада?

«— Чему?

«— Тому, что вы скоро получите мѣсто и женитесь на ней?

«Я молчалъ.

«— Однако, прощайте.

«— Вы идете домой?

«— Да, домой. Я раздумала, я не хочу гулять.

«Она снова протянула мнѣ руку.

«— Ну, прощайте, больше не увидимся. Вспоминайте иногда этотъ паркъ.

«— О, всегда, всегда! невольно вырвалось у меня:—паркъ этотъ я никогда не забуду!

«— Право? Благодарю васъ. Въ такомъ случаѣ и я иногда буду вспоминать о немъ. Прощайте.

«Я бросился цѣловать ея руку. Она молчала. Немного погодя, она ушла. Я остался одинъ, повѣсивъ руки и голову, не зная, что со мной происходитъ. Я чувствовалъ, что я какъ будто только что возвратился съ кладбища, на которомъ произошло погребеніе лучшаго моего друга. Какая-то тяжелая тоска сжимала мое сердце. «Боже мой, Боже мой, невольно шепталъ я. Зачѣмъ я попалъ въ Угрюмово, зачѣмъ полюбилъ эту дѣвушку.» Я бросился на скамейку, закрылъ лице руками и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Вдругъ мнѣ пришла мысль остаться на слѣдующій день въ Угрюмовѣ и объясниться съ барышней. Въ одну минуту мысль эта завладѣла мною. Такъ, говорилъ я самъ себѣ; надо, непременно надо. Пусть будетъ такъ или иначе, а я долженъ объясниться. Съ такимъ намѣреніемъ я пошелъ домой. Дворецкій встрѣтилъ меня у двери.

«— Готова лошадь, проговорилъ онъ.—Самъ бѣгалъ для васъ на село.

«— Я не поѣду завтра, проговорилъ я рѣшительно, и хлопнувъ дверью, ушелъ въ свою комнату, оставивъ дворецкаго съ разинутымъ ртомъ и изумленнымъ взоромъ.

«Я сказался больнымъ и въ городъ не поѣхалъ. Дворня пришла въ смущеніе. За дверью снова слышался шепотъ, и я слышалъ собственными своими ушами, какъ говорилъ дворецкій, что я, вѣроятно, какъ-нибудь видѣлся съ барышней, которая, какъ онъ самъ видѣлъ, гуляла въ ту ночь въ паркѣ. Анисья тоже подтѣрждала это. Но что мнѣ было за дѣло до всѣхъ этихъ шушуканій, когда я зналъ, что я долженъ былъ остаться, и что я долженъ былъ объясниться съ племянницей. Я думалъ только о томъ, какъ бы мнѣ увидѣть ее и попросить ее придти въ паркъ. Дуняша все еще была въ больницѣ. Однако мнѣ не долго пришлось думать объ этомъ. Сама судьба хлопотала за меня. Я увидѣлъ племянницу еще утромъ. Она проходила откуда-то мимо моего окна.

«— Вы не уѣхали? проговорила она не глядя на меня.—Приходите въ паркъ.

«Я хотѣлъ было сказать, что только для этого и остался, но она уже была далеко, и когда я высунулся въ окно, она была уже на крыльцѣ дома.

«Какъ ни было коротко это свиданіе, однако оно не ускользнуло отъ глазъ дворецкаго. Онъ шелъ въ это время съ села и хотя не слышалъ, что сказала мнѣ племянница, однако все-таки успѣлъ замѣтить, какъ я подбѣжалъ къ окну. Обстоятельство это, вѣроятно, тоже было передано дворнѣ, потому что я самъ видѣлъ, какъ сходились по временамъ кружки, и какъ они поспѣшно расходились при первомъ моемъ появленіи. Но я, опять-таки повторю; что не обращалъ тогда на нихъ никакого вниманія. Я былъ полонъ какой-то рѣшимости, и только ждалъ ночи. Я даже пересталъ грустить; напротивъ я былъ веселъ. Приготовлялся къ отъѣзду, укладывалъ въ мѣшокъ свои пожитки, собралъ, какія были у меня, ноты и книги и даже одѣлся какъ быть по дорожному. Словомъ, я какъ будто остался въ Угрюмовѣ только для того, чтобъ исполнить какую-то формальность, результатъ которой я зналъ напередъ, и которая нужна мнѣ для того, чтобы чище покончить дѣло.

«Ночь пришла.

«Я отправился въ паркъ и даже не обратилъ вниманія на дворецкаго, который проводилъ меня взоромъ до самой калитки и потомъ куда-то скрылся. Я былъ совершенно спокоенъ, но спокойствіе это исчезло тотчасъ-же, когда завидѣлъ бѣлое платье. Она еще не видала меня. Сердце мое забилося, дыханіе мое прерывалось на каждомъ шагу. По временамъ я останавливался, силнлся усмирить это волненіе, но напрасно. Я чувствовалъ, что я сробѣлъ. Она между тѣмъ была въ совершенно другомъ расположеніи духа, и должно быть торжествовала. Завидѣвъ меня, она весело подошла ко мнѣ и съ веселою улыбкой протянула мнѣ руку.

«— Вотъ мы и еще разъ видимся, проговорила она, пристально взглянувъ на меня.—Вотъ ужъ не ожидала. Однако я очень рада. Знаете ли, мнѣ нужно съ вами переговорить. Я хотѣла сдѣлать это еще вчера, но... раздумала.

«Я окончательно растерялся.

«— Однако пойдемте къ рѣкѣ. Я хочу васъ сегодня вполнѣ удивить, пойдемте.

«Мы подошли къ рѣкѣ; у берега стояла лодка.

«— Ну что жъ? Васъ это не удивляетъ? проговорила племянница, остановясь и показывая на лодку.

«Я только тутъ опомнился. Лодка постоянно была въ камышахъ за гумнами.

«— Кто это пригналъ ее сюда?

«— Отгадайте.

«— Дуняша.

«— Она не выходитъ изъ больницы.

«— Такъ стало-быть рыбакъ.

«— Нѣтъ, и не рыбакъ.

«— Въ такомъ случаѣ не знаю.

«— Я сама, проговорила племянница, удерживая веселый хохотъ.—Что вы на меня такъ смотрите? А знаете для чего я сдѣлала это?

«— Не знаю.

«— Для того чтобы удобнѣе переговорить съ вами. Берите весло и поѣдьте.

«Я вскочилъ въ лодку, усадилъ племянницу и выплылъ на середину рѣки. На этотъ разъ мы поплыли не по направленію къ Жданову, а въ противоположную сторону. Такъ хотѣла она. Можете себѣ представить мое положеніе. Я остался только для того, чтобы объясниться съ ней, и вдругъ она тоже о чемъ-то хочетъ говорить со мною. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, и потому очень немудрено, что мы успѣли проѣхать и мимо крестьянскихъ гуменъ и мимо горы, по которой ползла дорога въ городъ, даже успѣли подплыть и подъ мостикъ, на который спускалась дорога, а все еще оба молчали и вѣроятно бы промолчали еще долго, еслибы племянница не начала первая.

«— Знаете ли о чемъ я хотѣла говорить съ вами? проговорила она.—О вашей женитьбѣ. Слушайте. Обдумали ли вы какъ слѣдуетъ этотъ предметъ?

«Я вздрогнулъ. Она замѣтила это.

«— Вамъ не нравится, что я заговорила объ этомъ?

«— Нѣтъ, нѣтъ напротивъ, проговорилъ я невольно,—продолжайте, напротивъ.

«Племянница взглянула на меня и улыбнулась.

«— Вы добрый ребенокъ, проговорила она какъ будто шутя. Я въ этомъ убѣждаюсь. Такъ вотъ видите ли что. Хорошо ли вы дѣлаете, что вы женитесь на вашей Танѣ? Мнѣ кажется, она не можетъ быть вашею женой. Вы получили образованіе, положимъ, хоть и на мѣдныхъ деньги, а все-таки получили, она же никакого. Она вѣдь только умѣетъ доить коровъ, и больше ничего. Но вѣдь этого недостаточно для человѣка образованнаго; ему нужна и

правственная жизнь. Что-же будетъ Таня среди этой жизни?... Положимъ, сначала вы будете ослѣплены супружескою любовью, но вѣдь рано или поздно она притупится. Тогда что?... Вѣдь вы тогда станете искать чего-нибудь и помимо любви. Вы обратитесь съ этою потребностію къ Танѣ, но Таня умѣетъ только донѣ коровъ!... Потому воть еще что. Хорошо ли вы дѣлаете, что идете въ священники? Сладите ли вы съ этимъ саномъ? Мнѣ кажется, вы не для него созданы. Не лучше ли бы вамъ было выйти изъ духовнаго званія и опредѣлиться куда-нибудь на службу? У васъ есть способности, есть здравый смыслъ, трудиться вы тоже не прочь, чего же еще? Современемъ вы можете занять выгодное мѣсто и, кто знаетъ, можетъ-быть вы бы тогда вспомнили добромъ ту дѣвушку, съ которою вы такъ неожиданно встрѣтились, съ которою сошлись, если не ошибаюсь, и, наконецъ, съ которою вы ѣдете теперь на лодкѣ?

«Она замолчала. Я... я тоже молчалъ.

«Незамѣтно проходили мимо меня окрестности, рощи, поля. Я даже не помню, какъ поверотилъ я лодку, и какъ очутились мы снова въ паркѣ.

«— Ну что скажете вы мнѣ на мои замѣчанія? проговорила наконецъ племянница, когда мы вышли уже изъ лодки и когда сидѣли уже на полусогнувшей скамейкѣ.

«Я молчалъ.

«— Я, кажется, напрасно заговорила объ этомъ, продолжала она.— Не слѣдовало. Я васъ огорчила. Но вы не такъ приняли мои слова. Я нисколько не желаю разстроить ваши планы. Я только хотѣла вамъ дать совѣтъ, потому что, скажу вамъ откровенно, сама не знаю почему, принимаю въ васъ живое участіе. Что же вы опустили голову и не хотите взглянуть на меня?

«Я поднялъ голову. Она протянула мнѣ руку.

«— Дайте мнѣ вашу руку, проговорила она,— дайте-же. Вотъ такъ. Простите же меня, если я огорчила васъ. Вѣдь вы мнѣ прощаете, не такъ ли?.. Прощаете?.. Ну вотъ и прекрасно. Такъ стало-быть мы остаемся попрежнему друзьями и такими же, какими были въ продолженіе всего нашего знакомства, начиная съ того вечера, когда я увидала васъ въ окно и когда пѣла. Да, друзьями, вы понимаете?.. Вчера вы мнѣ дали слово вспоминать иногда объ этомъ паркѣ. Я васъ объ этомъ просила вчера. Теперь попрошу о другомъ. Вспоминайте не о паркѣ, а вспоминайте лучше обо мнѣ, которая тоже въ свою очередь будетъ помнить васъ.

«И сказавъ это, она снова протянула мнѣ руку и крѣпко пожала мою.

«Только тутъ я встрепенулся. Только тогда вспомнилъ я, зачѣмъ остался я въ Угрюмовѣ, зачѣмъ искалъ случая видѣться съ племянницей. Я вспомнилъ это, и упалъ прямо къ ея ногамъ, схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ къ губамъ.

«— Полноте, полноте, шептала она отрывисто, но не отталкивая меня.—Полноте, встаньте...

«Но я не могъ встать. Я стоялъ передъ нею на козлякахъ, и не знаю какъ, но открылъ ей все, что только было у меня на душѣ, все что только почувствовалъ я съ того самаго времени когда она въ первый разъ была у меня въ пѣвческой. Откуда взялось краснорѣчіе, откуда взялась смѣлость! Я говорилъ ей, говорилъ много и, не опускалъ уже своихъ глазъ, а смотрѣлъ ей прямо въ лице...

«Вдругъ что-то захрустѣло, мы вздрогнули... Я отскочилъ, и только что отскочилъ, какъ увидалъ въ кустахъ блѣдную Таню!.. Я не помню, что сдѣлалось тогда со мной, но только помню, что кровь хлынула къ моему сердцу, бѣшенство овладѣло мной, кулаки мои сжались, и съ поднятыми руками я кинулся на Таню, но не успѣлъ я подскочить къ кустамъ, какъ чья-то тяжелая рука схватила меня за плечо. Я оглянулся, передо мною, снявъ свою фуражку, стоялъ дворецкій. Барышни уже не было!..»

Регентъ остановился, закрылъ лицо руками и минутъ пять просидѣлъ въ такомъ положеніи. По временамъ, онъ тяжело вздыхалъ. Видно, что онъ былъ сильно взволнованъ; наконецъ, онъ медленно поднялъ голову, откинулъ назадъ волосы и едва слышно проговорилъ:

«На другой день я шелъ уже по дорогѣ, идущей изъ Угрюмова въ городъ. Въ рукахъ у меня былъ подожекъ, а за спиной висѣлъ мѣшокъ съ платьемъ, да болтались новые сапоги. Пошехонскіе меня прогнали. Имъ разказала обо всемъ сама племянница и разказала такъ, что я же остался кругомъ виноватъ. Будто я, вотъ видите ли, употребилъ въ зло ея милостивое ко мнѣ вниманіе и снисхожденіе, и будто всего только одинъ разъ встрѣтился съ нею въ паркѣ. Уходя изъ Угрюмова, я встрѣтилъ племянницу. Она ѣхала въ кабриолетѣ съ княземъ Бековымъ, тѣмъ самымъ, о которомъ упоминала Дуняша. Завидѣвъ меня, она что-то шепнула князю; оба засмѣялись и, вмѣсто прощанья, охватили меня съ ногъ до головы облакомъ густой пыли. Чтобы выдти изъ Угрюмова, мнѣ нужно было пройти мимо больницы,

и не успѣлъ я поровняться съ нею, какъ одно окно растворилось, и я увидѣлъ Дуняшу. Я подошелъ къ ней, протянулъ ей руку, но не успѣлъ опомниться, какъ Дуняша схватила ее обѣими руками и начала осыпать ее поцѣлуями.

«— Простите мнѣ, Василій Яковлевичъ, говорила она, отирая слезы, я — это я всему виной.

« Я вырвалъ руку, протиснулся съ Дуняшей и отошелъ отъ окна. Сердце во мнѣ какъ будто перевернулось. Я вышелъ на дорогу, и вскорѣ гора задвинула отъ меня Угрюмово, и съ бѣлою большою церковью, въ которой я такъ часто управлялъ хоромъ своихъ пѣвчихъ, и съ этимъ промятымъ паркомъ.

«Дня черезъ два я былъ уже въ городѣ, но и въ городѣ не много встрѣтилъ я утѣшительнаго. Рѣдко, видно, несчастіе не сопровождается другимъ. *Upo avulso non deficit alter*, сказалъ, если не ошибаюсь, Виргилій, и онъ правъ. Ждановскій дьячекъ узналъ все, ему рассказалъ обо всемъ дворецкій. Тихонько отъ Тани онъ пришелъ въ городъ и пожаловался на меня архіерею. Меня исключили изъ духовнаго званія, и вотъ остался я, какъ говорится, крыть свѣтомъ и обнесень вѣтромъ.»

— А чтѣ Таня? невольно спросилъ я, обращаясь къ регенту.

— Года два тому назадъ вышла замужъ за священника. У нея есть уже одинъ сынъ, которому она дала мое имя, и котораго она любитъ со всею горячностію любящей своей души.

Регентъ снова вздохнулъ, опустилъ голову и задумался, но немного погодя онъ какъ будто опомнился и проговорилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Все это я рассказалъ вамъ только для того, чтобы показать вамъ, какія иногда случаются съ нашимъ братомъ исторіи, и какъ можно иногда попасться. Да я ли одинъ? помилуйте!... Еслибы можно было говорить все, чтѣ иногда съ нами случается, такъ то ли бы еще услышали вы! Беззащитные, знаете... Копни-ка нашъ быть... И!... Вѣдь мы только глядимъ такими смиренными, да скромненькими, а право, шатаюсь по разнымъ домамъ, много видимъ иногда и хорошаго и дурнаго, да благо молчимъ!...

И регентъ замолчалъ.

Въ эту самую минуту подъ котелкомъ вспыхнулъ огонекъ. Я

оглянулся, все было тихо. Вода едва слышно сочилась сквозь воротъ кауза. Безмолвная ночь давно уже спустилась на хуторъ. Полный мѣсяцъ высоко плылъ по небу, усыпанному мерцающими звѣздами. Лѣсъ, окружающій площадку, съ одной стороны былъ окутанъ черною тѣнью, съ другой — освѣщенъ луною. Въ воздухѣ распространялась какая-то пахучая сырость. Все дремало, все спало, но спало осторожнымъ, чуткимъ сномъ! И невольно замирало сердце, когда приходило на умъ, что можетъ же, наконецъ, раздаться какой-нибудь звукъ, который спугнетъ всю эту дремоту и нарушитъ это таинственное молчаніе, которымъ былъ очарованъ малѣйшій листокъ, малѣйшая травка, и даже каждая струйка свѣтлаго ручья... И стало мнѣ вдругъ какъ-то жутко, когда увидалъ я, что среди всей этой робкой и таинственной дремоты бодрствовалъ только одинъ я, да регентъ.

Вскорѣ мы были уже въ сѣнномъ сараѣ и спали на душистомъ сѣнѣ.

Проснулся я рано, такъ рано, что солнце еще не вставало. Трава была покрыта еще росой, и зеленѣла только на томъ мѣстѣ, по которому только еще успѣли прогнать стадо. Надъ рѣчкой клубился легкій туманъ. Я подошелъ къ двери сарая. Акимъ и Емельянъ были уже на ногахъ. Емельянъ возился около кауза и силился поднять шлюзы, Акимъ стоялъ возлѣ него безъ шапки и стоялъ такъ, какъ будто его только что чѣмъ-нибудь пришибло.

— Ну, поднимайся, кричалъ Емельянъ, вспрыгивая на рычагъ, подсунутый подъ перекладину шлюза.—Ну!

— Ну, ну, повторялъ Акимъ, распустивъ руки.

— Ну, каторжная, кричалъ Емельянъ,—поднимайся!

— Поднимайся, промычалъ Акимъ.

Вдругъ шлюзъ поднялся, вода хлынула, колеса застонали, и въ одно мгновенье молчаливый дотогѣ лѣсъ огласился обычнымъ шумомъ и торопливымъ стукомъ ковша, и какъ будто гармонировавъ этому пробужденію, въ лѣсу зычно кричалъ пастухъ:

— Гей, гей! куда въ кусты-то лѣзешь... Гей! и громко ударя бичемъ, все дальше и дальше уходилъ со стадомъ въ лѣсъ.

Я посмотрѣлъ на регента, онъ все еще спалъ.

Года три спустя послѣ описаннаго, случилось мнѣ быть въ Петербургѣ. Дѣло было лѣтомъ, Петербургъ перебрался на дачи. Въ числѣ перебравшихся былъ и одинъ мой хорошій знакомый, съ которымъ мнѣ нужно было повидаться. Онъ жилъ на Аптекарскомъ Острову, и такъ какъ день былъ хорошій и не жаркій, то я и рѣшился идти пѣшкомъ. Дорога лежала мнѣ вдоль Невы. Въ это самое время отправлялся пароходъ въ Петергофъ, я подошелъ къ кружку зрителей, но только что успѣлъ подойти къ рѣшоткѣ пристани, какъ вдругъ въ толпѣ раздался чей-то довольно звучный голосъ, называвшій меня по имени. Я оглянулся и увидалъ Василя Яковлевича.

Онъ былъ одѣтъ весьма чисто и прилично, густыя бакенбарды обкладывали его щеки, отложенные воротнички были безукоризненно бѣлы, на немъ было легонькій лѣтній пиджакъ и плюшевая шляпа. Въ одной рукѣ онъ держалъ зонтикъ, въ другой небольшой картонъ, вѣроятно, съ какою-нибудь принадлежностью женскаго туалета, потому что на картонѣ былъ приклеенъ ярлыкъ, на которомъ, помнится, я прочелъ фамилю какой-то французской модистки. Нечего говорить, что встрѣча эта меня удивила. Я разговорился съ регентомъ. Оказалось, что онъ уже года два какъ живетъ въ Петербургѣ, содержитъ хоръ пѣвчихъ, за которыхъ получаетъ хорошія деньги, и живетъ безъ нужды.

— Кто же васъ сюда перетасилъ? спросилъ я.

— Да такъ, случай вышелъ. Мало ли какіе бываютъ случаи. Да вотъ соскучился въ Петербургѣ, хочу ѣхать въ Петергофъ.

— Такъ это вы въ Петергофъ ѣдете?

— Да, въ Петергофъ.

— А помните хуторъ?

— Еще бы.

— А чтò племянница? видѣли вы ее?

— И не спрашивайте, очень часто!

— Ну, чтò жь она?

— Все такая же.

— Вышла замужъ?

— Нѣтъ.

— А знаете ли отчего?

— Отчего?

— Оттого, что васъ любитъ.

— Какое! и регентъ расхохотался.

— Чтò, неправда?

— Конечно, нѣтъ, да развѣ она можетъ кого-нибудь любить? что вы! помигите! и регентъ снова залился смѣхомъ.

— А гдѣ она теперь?

— Въ Петергофѣ, съ матерью.

Въ это время раздался свистокъ. Мы простились. Я остался на пристани, а регентъ, говоря на каждомъ шагу: «простите, извините, виновать, пропустите», пробрался между толпой, и вскорѣ взошелъ на пароходъ, который немного погодя тронулся, и испуская клубы чернаго густаго дыма, полетѣлъ на взморье.

Долго махалъ мнѣ Василій Яковлевичъ то платкомъ, то шляпой, наконецъ пароходъ скрылся, и я отошелъ отъ пристани.

На слѣдующій день я отправился въ Ревель, и больше уже не встрѣчалъ регента.

И. СЛОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

О нѣтъ, не всякому дано
Святое право обличенья...
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья:
И бесполезно и грѣшно
На мѣръ его ожесточенье.

Но если праведная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,—
Она разитъ какъ Божій мечъ.
Дрожить, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи, щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ,
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являютъ привыкъ
Толпѣ въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока...
Рабаиъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко!

А. П.—вѣ.

* * *

Тобой лишь ясны дни мои.
 Ты ихъ любовью озарила—
 И духа дремающая сила
 На зовъ откликнулась любви.

О еслибъ я — отъ дней тревогъ
 Перехода къ надеждѣ новой—
 Страницу мрачную былова
 Изъ книги жизни вырвать могъ!

О еслибъ могъ я заглушить
 Укоръ, что часто шепчетъ совѣсть!
 Но нѣтъ! тщеславной жизни повѣсть
 Слезами горькими не смыть!

Молю того, кто весь любовь!
 Онъ приметъ скорбное моленье —
 И ниспославъ мнѣ искушенье
 Къ добру меня направитъ вновь.

Молю, чтобъ въ сердца не погасъ
 Огонь вражды къ неправдѣ черной;
 Чтобы къ борьбѣ со зломъ упорной
 Готовъ былъ другъ твой каждый часъ.

Чтобы душа моя была
 Твоей души достойна ясной,
 Чтобъ сердца преданности страстной
 Ты постыдиться не могла!

А. П—въ.

* * *

Голубенькій, чистый
 Подснежникъ-цвѣтокъ,
 И подлѣ—сквозистый,
 Последній снѣжокъ.

Последнія слезы
 О горѣ быломъ—
 И первыя грезы
 О счастья иномъ.

А. Майковъ.

* * *

Лѣсомъ мы шли по тропинкѣ единственной
 Въ поздній и сумрачный часъ,
 Я посмотрѣлъ: западъ съ дрожью таинственной
 Гасъ.

Что-то хотѣлось сказать на прощаніе —
 Сердца не понялъ никто;
 Что же сказать про его обмираніе?
 Что?

Думы ли рѣютъ тревожно-несвязны,
 Плачеть ли сердце въ груди,
 Скоро повысыплютъ звѣзды алмазны,
 Жди!

А. ФЕТЬ.

Б Ъ С Ы

УКРАИНСКАЯ СКАЗКА.

Разъ въ судѣ было дѣло такое:
 Сталъ богачъ за избенку тягаться
 Съ горемычной, убогой вдовою.
 За него и почетъ, и попойки,
 И дукаты усердно хлопчуть;
 За нее только слезы, да горе.
 Долго дѣло по судьямъ тянулось;
 Разорилась совсѣмъ горемыка.
 Богачу не въ избенкѣ находка,
 Да себя показать захотѣлось!
 Вотъ зовутъ ихъ на судъ напоследокъ;
 Передъ ними читаютъ рѣшенье;
 Обвиняютъ вдову, горемыку,
 Богачу все отдать присуждаютъ.
 Залилася вдова тутъ слезами:
 «То была я бѣдна и убога,

А теперь еще стала бѣднѣе!»
 Поклонилась она низко судьямъ,
 И пошла со двора безъ оглядки.
 А богачъ ей кричитъ изъ окошка:
 «Такъ и надо вамъ всѣмъ, попрошайкамъ,
 Чтобъ не очень носы задирали!»
 Тутъ откуда предъ нимъ ни возьмися,
 Человѣчекъ, какъ мушка, весь черный,
 Съ бородою, въ очкахъ, съ длиннымъ носомъ
 И на тоненькихъ, бѣлчыхъ лапкахъ.
 Говоритъ богачу съ укоризной:
 «Эхъ ты, свать, какъ тебѣ не зазорно?
 Оттягалъ у вдовы ты избенку,
 Да еще и глумишься надъ нею!»
 Раскричался богачъ, расходился:
 «Какъ ты смѣешь соваться съ укоромъ?
 Мое правое, чистое дѣло
 Такъ рѣшили законно и вѣрно,
 Что и чорту бѣ во снѣ не приснилось!»
 Отозвался ему человѣчекъ:
 «Какъ тамъ дѣло твое ни рѣшили,
 Только чорта напрасно ты вспомнилъ!»
 Съ этимъ словомъ онъ ножкою шаркнулъ,
 И пропагъ, какъ сквозь полъ провалился.

По дворамъ разошлись всѣ судьи;
 Скоро смерклось, и всѣ улеглись.
 Только въ самую, тихую полночь
 Приключилось дивное диво:
 Сталъ вставать ото сна цѣлый городъ;
 Растворились всѣ окна и двери,
 Стали всѣ выбѣгать за ворота...
 Вдалекѣ застучали колеса,
 Загремѣли о камни подковы...
 Въ темнотѣ, межъ дворовъ, тихимъ шагомъ,
 Отъ конца до конца, черезъ городъ,
 Показался невиданный поѣздъ:
 Впереди, на огромныхъ носилкахъ,
 Поднимая въ ушатъ чернила
 И неся очиненныя свѣчки,
 Съ погребальными свѣчками, рядомъ,
 Вдоль по улицѣ двигались черти...
 И какія все рыла и хари:
 На одномъ, на подобіе рака,
 Былъ хомуть, и султанъ, и фуфайка;

На другомъ лошадиная грива
 И жидовская старая юпка...
 По бокамъ выступали арабы
 И въ огромныя трубы трубили;
 А за ними тянулись галки,
 Пауки, черепахи и мухи;
 На повозочкахъ маленькихъ крысы;
 На крылатыхъ кузнечикахъ совы;
 На метлахъ бородатыя вѣдьмы;
 А сѣдые, столѣтніе бѣсы —
 Шестерней въ золоченыхъ каретахъ!
 Въѣхалъ поѣздъ на главную площадь...
 Распахнулись въ судѣ всѣ окошки,
 Растворилися застежъ всѣ двери;
 Стали бѣсы входить по ступенькамъ,
 Вкругъ стола по скамейкамъ садиться—
 Вынимать очиненныя перья,
 Предъ собою чернилицу ставить.
 Они сѣли рядкомъ, облѣпили
 Вкругъ стола погребальныя свѣчки;
 И всю ночь, напролетъ, разбирали
 По законамъ неправую тяжбу...
 И всю ночь, напролетъ, вплоть до утра,
 На ногахъ простоялъ цѣлый городъ;
 Шумъ и гамъ, и бѣсовскіе крики
 Изъ судейскихъ дверей вылетали...
 Рано утромъ, предъ тою порою,
 Какъ кричать пѣтухамъ приходилось,
 Повставали косматые бѣсы, —
 Всѣмъ собраньемъ на кожѣ воловьей
 Приговоръ свой они прописали,
 Приложили, какъ надо, печати,
 Приложили бѣсовскія лапы
 И опять черезъ городъ, по-парно,
 Потянулись тѣмъ же порядкомъ...

Чуть исчезли за городомъ бѣсы,
 Стали судьи къ крыльцу собираться;
 За порогъ потихоньку ступили,
 И увидѣли дивное диво:
 На судейскомъ столѣ, посрединѣ,
 Сатанинская кожа лежала;
 А на ней, въ цѣлый палецъ словами,
 Изреченье такое читалось:

« Душегубцы и воры вы, судьи!
 Покривили душой вы не мало —
 Больше вамъ ужь не будетъ поблажки!
 Воротите вдовоѣ все, что взяли,
 Да еще, за расходъ и обиду,
 Всякъ имѣнемъ своимъ заплатитесь...
 Кто не будетъ доволенъ рѣшеньемъ
 Съ богача можетъ протори править
 А не то—будетъ вамъ на орѣхи!»
 Межъ собой переглянулись судьи,
 И промолвили такъ, усмѣхаясь:
 « Нѣтъ! не дурни на свѣтъ мы родились,
 Чтобъ послушать лукаваго бѣса!»
 Со стола подъ сукно, тихомолкомъ,
 Они сунули тутъ же рѣшенье,
 И судить по мѣстамъ вновь усѣлись.
 Только, смотря, а хитрая кожа
 Изъ-подъ крыши на столъ выползаеть
 И опять передъ ними ложится...
 Подивилися этому судьи,
 Подъ сукно снова спрятали кожу...
 Только вновь непокорная кожа
 Изъ-подъ крыши на столъ выползала
 И опять передъ ними ложилась...

Дѣлатъ нечего, судьи притихли,
 И послушались воли бѣсовской:
 Воротили вдовоѣ все, что взяли;
 За расходы ея и обиды
 Всѣмъ имѣнемъ своимъ заплатились;
 Недовольные этимъ рѣшеньемъ
 Съ богача свои протори взяли...
 И едва это кончилось дѣло—
 Сатанинская кожа исчезла!

Г. Данилевскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ ВЪ ДѢЛѢ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

Отвѣтъ г. Парошину (1).

Г. Парошинъ не доволенъ нашею статьею: (*Благотворительность и Общественная экономія*, въ № 2 *Русскаго Вѣстника* 1857 г.), въ которой мы говорили объ изданной имъ книжкѣ: *Дворяне-Благотворители*. Собственно о неудовольствіи г. Парошина мы не считали бы себя въ правѣ разсуждать передъ публикой; но почтенный авторъ обвиняетъ насъ въ недоразумѣніяхъ, и мы не можемъ молчать, когда дѣло идетъ о такомъ важномъ вопросѣ какъ улучшеніе быта крестьянъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Мы не можемъ молчать, несмотря на лестный отзывъ г. Парошина о нашей статьѣ, когда, по нашему убѣжденію, напротивъ именно размысленія г. Парошина возбуждаютъ недоразумѣнія, весьма неблагопріятныя для разрѣшенія нашего жизненнаго общественнаго вопроса.

Разсматривая въ названной статьѣ нѣкоторыя произведенія нашей литературы послѣдняго времени, по вопросу объ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ въ бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ, мы встрѣтились съ двумя весьма различными родами возрѣній. Съ одной стороны непреодолимое стремленіе хозяина извлечь изъ подвластныхъ ему земледѣльцевъ какъ можно болѣе матеріальныхъ для себя выгодъ, безъ малѣйшей заботливости о выгодахъ земледѣльцевъ. Съ другой стороны, стремленіе улучшить благосостояніе земледѣльца, съ забвеніемъ необходимыхъ экономическихъ выгодъ хозяйства для владѣльца. Это послѣднее направленіе замѣтили мы въ подвигѣ кн. Шихматовыхъ, посвятившихъ себя воспитанію своихъ крестьянъ и даровавшихъ имъ гражданскую свободу. Посреди этихъ крайностей мы указали на болѣе сообразный съ потребностями и свойствами большинства помѣщиковъ, какъ и вообще большинства всякаго рода промышленныхъ дѣятелей, характеръ отношеній землевладѣльца къ крестьянамъ, связаннымъ съ его поземельною собственностью; этотъ характеръ назвали мы экономическимъ, то-есть, такимъ, при которомъ совершается свободная мѣна услугъ, со взаимнымъ вознагражденіемъ за нихъ: хозяинъ извлекаетъ какъ можно болѣе выгоду изъ своей собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне какъ

(1) *Экономическій Указатель*, 1857 г. № 50.

можно болѣе выгодъ изъ своего труда. Первое вышеуказанное нами воззрѣніе на хозяйство не было противно выставленной нами нормѣ отношеній землевладѣльца къ земледѣльцу, еслибы въ настоящее время эти отношенія были повсемѣстно свободно-экономическія; но земледѣлецъ не можетъ пока еще произвольно торговаться съ землевладѣльцами о вознагражденіи, получаемомъ за свой трудъ, или о вознагражденіи, которое онъ выплачиваетъ за отданную въ его пользованіе землю. Потому хозяину и остается самому озаботиться о выгодахъ работниковъ или же о приведеніи ихъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они могли стать къ нему въ свободно-экономическія отношенія, въ такія, въ какихъ находится самъ помѣщикъ ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ съ нимъ какія-либо хозяйственныя дѣла. Именно въ виду этого послѣдняго преобразованія, необходимость котораго живо чувствуется большинствомъ нашего помѣщичьяго класса, и которое одно только можетъ вывести наше сельское хозяйство на безопасный путь улучшеній, сочли мы нужнымъ разобрать нѣкоторыя воззрѣнія на бытъ крестьянъ, въ томъ числѣ высказавшіяся въ книжкѣ г. Парошина. Мы выразили желаніе, чтобы въ основаніе такой важной общественной и экономической реформы легло не грубое и невѣжественное своекорыстіе и также не благотвореніе, а экономическая сдѣлка, которая обезпечиваетъ выгоды помѣщиковъ и крестьянъ, согласна съ честью послѣднихъ и конечно нисколько не противна чести первыхъ. Разумно-понятая промышленная выгода никогда не была противна чувству чести и христіанскаго долга, въ житіи самыхъ благороднѣйшихъ провозвѣстниковъ и представителей человѣческой нравственности. Мы даже думаемъ, что иной путь и не возможенъ, чтобы выйдти съ успѣхомъ изъ настоящаго дѣла; но возможны увлеченія умовъ въ разныя стороны, а они-то и могутъ если не окончательно разстроить дѣло, то много затруднить и задержать его. Весьма важно вникнуть въ него внимательно, и со стороны частнаго хозяйства, и со стороны администраціи и государственныхъ финансовъ, какъ въ *экономическую сдѣлку, которую необходимо совершить, не медля и не спѣша, но какъ можно скорѣе; едва ли не это одно и можетъ пособить дѣлу.*

Г. Парошинъ находитъ, что наше сопоставленіе двухъ крайнихъ воззрѣній на отношенія помѣщика къ его крестьянамъ основано на одномъ пристрастіи къ антитезизмъ, что въ подвигѣ кн. Шихматовыхъ нѣтъ крайности, нѣтъ исключительнаго характера благотворенія (котораго конечную цѣль мы выразили такъ: «какъ можно болѣе дать и какъ можно менѣе получить», въ противоположность грубому эгоизму и неограниченному произволу тѣхъ хозяевъ, которые желаютъ какъ можно болѣе извлечь выгодъ изъ своихъ крестьянъ и какъ можно менѣе предоставить имъ выгодъ). «Князья Шихматовы, говоритъ авторъ, увольняя крестьянъ, могли дать имъ болѣе, выговорить для

себя менѣе. Имъ осталась дворовая земля (село) съ рощею, часть крѣпостныхъ, да годоваго оброка пожизненно 1050 р. асс. На крестьянахъ: этотъ оброкъ, вѣчный платежъ въ столичную больницу по смерти владѣльцевъ, 9-й пунктъ условія (мечъ Дамоклеса), расходы на школу и переселеніе, да государственныя подати и повинности. Въ 12 лѣтъ 88 душъ заплатили такимъ образомъ выкупа, по частямъ, всего 12,600 р. асс., заплатили бы вдвое болѣе, еслибы владѣлецъ дожигъ до сего дня. Не надо забывать, что въ 1836 г. деньги значили больше, чѣмъ нынѣ. Все это умѣренно, не ничтожно, какъ критикъ полагаетъ. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ вещественномъ отношеніи князя могли сдѣлать для крестьянъ своихъ болѣе того, что сдѣлали: въ нравственномъ, подвижъ безпримѣрно великъ и единственъ въ своемъ родѣ. Мы славимъ ихъ преимущественно съ этой стороны; но въ вѣрномъ изложеніи всѣхъ извѣстныхъ намъ подробностей дѣла выставили безпристрастно обѣ стороны. Если взять притомъ во вниманіе, что у князей не было прямыхъ наследниковъ, а также справедливое убѣжденіе ихъ въ превосходствѣ вольно-наемнаго труда, снятіе съ владѣльцевъ (тяжкой порою) ответственности за крестьянъ и слѣдовательно обоюдную пользу и независимость, какъ крестьянъ, такъ и владѣльцевъ, то желаніе «не пить крѣпостныхъ», какъ выразился князь, будетъ не только понятно, но и довольно разсчетливо и благоразумно. За пользою, на второмъ, такъ-сказать, планѣ, является справедливость, стремленіе къ уравненію естественныхъ правъ между людьми. Наконецъ, сочувствіе, подающее руку помощи народу, отсталому въ развитіи, лишенному средствъ и даже воли и стремленія къ собственному воздвиженію изъ мрака и нравственнаго безсилія. Всѣ эти побужденія дѣйствовали въ различной мѣрѣ, одно сильнѣе другаго. Критикъ напрасно, можетъ-быть безсознательно представляетъ дѣло князей какою-то странностию, сентиментальною мечтою. *Идиллія* очень нѣжное слово; но въ немъ слышится сарказмъ изъ устъ критика. Считаешь долгомъ возвратить событію настоящей смыслъ его, переименованный изъ любви къ антитезамъ.»

Полагаемъ, что мы вовсе не переименовали характера увольненія крестьянъ кн. Шихматовыхъ, а напротивъ представили его въ настоящемъ свѣтѣ. Мы не споримъ, что они могли дать еще болѣе, взять еще менѣе; въ этомъ отношеніи не можетъ быть предѣловъ, кромѣ физической возможности. Но не о ней адѣсь и рѣчь. Кн. Шихматовы, по собственнымъ словамъ г. Парошина, получили отъ отпущенныхъ ими крестьянъ, въ теченіи 12 лѣтъ, всего 12,600 р. асс. Такова вся сумма вознагражденія, полученная ими (и притомъ съ разсрочкою на 12 лѣтъ) за имѣніе Можайскаго уѣзда съ 88 душами (42 тяглами) и съ землею, приходящеюся до 12 десятинъ на тягло. Такимъ образомъ весь выкупъ (если это можно назвать выку-

помъ) составлялъ до 25 р. асс. на десятину, съ разсрочкою на 12 лѣтъ. Припомнимъ также, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о вознагражденіи за крестьянскія усадьбы или за доходы съ промысловъ крестьянъ; а между тѣмъ, то и другое постоянно принимается въ соображеніе въ подобныхъ случаяхъ для промышленныхъ губерній, и не безъ справедливаго основанія. Крестьяне кв. Шихматовыхъ, именно какъ мы знаемъ изъ сказанія г. Парошина, занимались, кромѣ хлѣбопашества, и фабричными промыслами; но оставимъ это въ сторонѣ: неужели 12,600 р. асс. вознагражденія за имѣніе многоземельное и благоустроенное въ Можайскомъ уѣздѣ съ 88 душами, то-есть, 41 р. с. за душу (выражаясь языкомъ прежняго времени), вознагражденія притомъ разсроченнаго на 12 лѣтъ, или 3 р. 40 к. съ души ежегоднаго оброка, не дадутъ намъ права назвать эту сдѣлку скорѣе благотворительною, чѣмъ экономическою? Дѣйствительно, кн. Шахматовы могли прожить и долѣе, нежели они прожили и крестьянамъ пришлось бы тогда выплатить имъ болѣе; но кажется всѣмъ извѣстно, что когда вѣчный доходъ обращается по условію въ пожизненный, то его масштабъ по законамъ экономическимъ всегда долженъ быть увеличенъ, а пожизненный доходъ, выговоренный кн. Шихматовыми, весьма ничтоженъ даже въ сравненіи съ обыкновеннымъ, вѣчнымъ доходомъ съ населеннаго имѣнія. Но не въ томъ или другомъ размѣрѣ выкупа заключается значеніе подвига князей Шихматовыхъ. Не съ этой стороны мы и должны смотрѣть на него. Въ теченіи двадцати лѣтъ кн. Шихматовы посвятили всѣ свои труды и всѣ свои помысленія *воспитанію своихъ крестьянъ, и увольнительный акты являлся только дополненіемъ и въящемъ этого подвига.* Съ этой точки зрѣнія кн. Шихматовы конечно дали столько, сколько могли, и не раасчитывали получить взамѣнъ ничего, кромѣ удовлетворенія собственной, личной потребности души. Если они и не дали свободы всѣмъ крестьянамъ, а оставили нѣкоторыхъ въ крѣпостномъ состояніи, то только потому, что по нравственнымъ ихъ свойствамъ считали для нихъ свободу преждевременною или вредною; они сохранили послѣднихъ подъ своимъ попеченіемъ, при всемъ непреложномъ желаніи (какое высказывается во всѣхъ ихъ поступкахъ и словахъ) *не имѣть крѣпостныхъ.* Такимъ образомъ сохраненіе нѣкоторыхъ крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи является въ настоящемъ случаѣ дѣломъ еще большаго самоотверженія, чѣмъ отпускъ другихъ на волю; въ этомъ выражается самымъ рѣзкимъ образомъ исключительность дѣйствій этихъ помѣщиковъ, совершенная противоположность ихъ съ дѣйствіями по увольненію крестьянъ во всѣхъ прочихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и со стороны всѣхъ прочихъ владѣльцевъ. Послѣ этого мы не согласны съ г. Парошинымъ, чтобы въ подвигѣ кн. Шихматовыхъ «на первомъ планѣ стояла польза, и только на второмъ справедливость, стремленіе къ уравненію есте-

ственныхъ правъ между людьми.» На первомъ планѣ является христіанское желаніе нравственныхъ благъ ближнему, меньшему своему брату; вся дѣятельность помѣщиковъ—благотворителей сосредоточивается на этой цѣли, и всѣ прочіе ихъ интересы уступаютъ и блѣднѣютъ передъ этимъ. Таково существенное содержаніе всѣхъ занятій кн. Шихматовыхъ, по ихъ имѣнію, и такимъ духомъ проникнуто самое сказаніе г. Парошина объ этомъ предметѣ; въ этомъ, безъ сомнѣнія, согласится съ нами всѣ, кто прочли его книжку. Доказательство этому мы находимъ въ первыхъ же строкахъ, которыми авторъ начинаетъ предисловіе къ своему сказанію; вотъ онъ: «Сочетаніе двухъ словъ (дворяне-благотворители), двухъ понятій, двухъ предметовъ, въ заглавіи означенныхъ, всегда казалось намъ созвучіемъ счастливымъ, залогомъ благодатныхъ, самыхъ гармоническихъ послѣдствій. Власть и добро, право и обязанности, цѣль жизни и ея органы, все заключается въ этомъ дву-стихійномъ выраженіи.»

Можетъ ли послѣ этихъ строкъ быть какое-либо сомнѣніе относительно взгляда автора, и какое значеніе можетъ имѣть подлѣ этого его увѣреніе, что въ дѣйствіяхъ кн. Шихматовыхъ на первомъ планѣ была польза, и только на второмъ справедливость? Въ статьѣ нашей мы умалчивали объ этомъ взглядѣ, считая его увлеченіемъ писателя передъ благородствомъ христіанской доблести, увлеченіемъ, заставившимъ его на время разказа забыть о твердости нѣкоторыхъ экономическихъ убѣжденій. Но это увлеченіе не покидаетъ г. Парошина и въ настоящемъ его возраженіи противъ насъ, и мы считаемъ своею обязанностию, не увлекаясь похвальною теплотою его сердца, указать на необходимость нѣкоторыхъ не менѣ теплыхъ экономическихъ убѣжденій.

Г. Парошинъ упорствуетъ и нынѣ въ своемъ увлеченіи. Онъ говоритъ: «Не споримъ, правильный, обоюдно-выгодный размѣнъ услугъ есть конечная форма отношеній между людьми. Такъ во всѣхъ случаяхъ обыкновенной жизни. Но также неоспоримо, что когда рѣчь идетъ о томъ, чтобъ измѣнить все до основанія, создать новыя положенія въ свѣтѣ, преобразиться, тогда нужны другія нормы, необходимы жертвы добровольныя, требующія въ свою очередь не арметики, а той великодушной неразсчетливости, которая выше всѣхъ счетовъ. Съ такимъ убѣжденіемъ государственный человѣкъ, высшее сословіе, съ такимъ увлеченіемъ общественное вѣщъ должны приступить къ реформѣ. А вѣдь о ней-то здѣсь и говорится, не о томъ, что будетъ послѣ, когда все пойдетъ колеей всѣдневности, силою многосторонняго совмѣстничества лицъ, одно отъ другаго не зависящихъ.»

Мы очень хорошо знаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о реформѣ въ бытѣ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ; именно ее, сосредоточившую на себѣ съ давнихъ поръ всѣ лучшія думы нашего общества и дви-

нутую теперь впередъ великодушнымъ вдохновеніемъ сверху, и шлемъ мы въ виду въ нашей статьѣ, и именно мы бы не хотѣли, чтобъ исполнителями этой ретормы руководили начала, на которыхъ настаиваетъ авторъ.

Замѣна обязательной работы свободною есть одна изъ самыхъ основныхъ условій успѣховъ благосостоянія и просвѣщенія во всякомъ народѣ, и преобразование это было въ исторіи всѣхъ государствъ одною изъ самыхъ рѣшительныхъ эпохъ въ ихъ развитіи. Но хотя на освобожденіи человѣческаго труда есть всякаго рода гнета основана прочность народнаго благосостоянія, однако при различныхъ видахъ этого освобожденія нѣкоторые члены общества всегда по необходимости должны терять часть выгодъ прежняго положенія вещей. То же самое встрѣчается какъ при отиженіи обязательной или принудительной работы, такъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ прусвѣщенія народнаго хозяйства: въ введеніи новыхъ машинъ, упраздняющихъ прежнюю ручную работу, въ пониженіи и снятіи таможенныхъ преградъ, въ упраздненіи цеховыхъ и сословныхъ имущественныхъ привилегій и т. д. Иногда при такихъ промышленныхъ преобразованіяхъ всѣ утраченныя выгоды съ избыткомъ вознаграждаются другими, возникшими изъ новаго порядка; въ иныхъ случаяхъ прежнія выгоды были только послѣдствіемъ злоупотребленія и насилія, никогда не признававшихся закономъ; наконецъ въ третьихъ, и весьма многочисленныхъ случаяхъ, привилегированныя выгоды были терпимы или даже освящены закономъ и между тѣмъ не вознаграждаются новыми выгодами, открывающимися въ самомъ преобразованіи. Въ этомъ послѣднемъ родѣ преобразованій нужна особенная заботливость и дѣятельность болѣе образованныхъ классовъ общества и предержащей власти. Еслибы здѣсь все дѣло состояло только въ томъ, чтобы перекрестясь обречь себя на жертву, то роль и привилегированнаго сословія, и власти, была бы весьма проста. Замѣна обязательной работы свободною принадлежитъ, во разнообразнымъ условіяхъ почвы, климата, промышленности и торговли, въ разныхъ полосахъ нашего отечества, и наконецъ по внутреннему устройству хозяйства у разныхъ отдѣльныхъ лицъ, ко всѣмъ выше названнымъ тремъ категоріямъ экономическихъ преобразованій. Безъ всякаго сомнѣнія, есть въ Россіи прострательства, и весьма обширныя, гдѣ замѣна принужденія къ труду свободнымъ на него условіемъ не только не уменьшитъ доходовъ хозяйства, но, при малѣйшемъ расположеніи со стороны хозяевъ устроить свои дѣла сообразно съ новыми условіями быта, прибыли ихъ должны увеличиться. Таковы всѣ хлѣбородныя мѣстности, то-есть, такія, гдѣ доходъ съ извѣстнаго основанія на свойствахъ самой земли, его обработкѣ и на выгодахъ сбыта произведеній земли. Здѣсь вѣдливый трудъ долженъ только уси-

лить, и непроницаемо — тотчас усилить производительность земли и притячь связанных с нею отраслей хозяйства. Таково же положение фабрик, работниками на которых были досель обязательные работники помещичьих имений; известно, что все помещики, учредившие фабрики и ведущие их согласно современным требованиям промышленности, уже сами, по влечению личного интереса, давно заменили барщинный порядок работ на своих фабриках так-называемым или коммерческим (то-есть съ вознагражденіемъ за работу, какъ за наемную): однимъ словомъ, тотчасъ съ водвореніемъ новаго порядка должны неминуемо вытратить все тѣ хозяева, доходы которыхъ положительно основаны на приложеніи труда работниковъ и собственнаго ихъ труда, состоящаго въ распоряженіи капиталами, находящимися въ ихъ имѣніи или имъ, хозяевамъ, принадлежащими, заключаются ли эти капиталы въ землѣ, въ скотѣ, въ промышленныхъ заведеніяхъ, въ деньгахъ; наконецъ въ какихъ-либо умственныхъ свѣдѣніяхъ или свойствахъ самихъ хозяевъ. Но есть много рода хозяйства. О тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ преобразование будетъ относиться, по внутреннему ихъ устройству, ко второй категоріи, мы не считаемъ нужнымъ говорить. Но есть цѣлыя пространства и цѣлыя группы хозяйствъ, гдѣ преобразование будетъ имѣть характеръ послѣдней изъ трехъ названныхъ нами категорій. Сюда мы отнесемъ вообще все такія населенныя помещичьи имѣнія, въ которыхъ доходъ основанъ на приложеніи труда наемныхъ или ихъ крестьянъ къ капиталамъ, не принадлежащимъ владѣльцамъ имѣній, на заработкахъ и промыслахъ, находящихся въ этихъ имѣніяхъ, или такъ же на земледѣліи, которое, при вольномъ наймѣ, не можетъ съ выгодою выдержать совѣстничество хозяйствъ, находящихся въ полосахъ болѣе выгодныхъ для земледѣлія, по естественнымъ условіямъ почвы или по промышленнымъ условіямъ сбыта. Сюда относятся все по преимуществу промышленныя губерніи, гдѣ оброкъ выплачивается крестьянами, только при помощи ихъ промысловъ и заработковъ на сторонѣ, или гдѣ земледѣліе выгодно лишь при обязательной, барщинной работѣ. Для помещиковъ такихъ имѣній реформа необходимо должна быть связана съ вознагражденіемъ, какъ это понимается всеми благомыслящими людьми нашего общества. Говоря такъ, мы разумѣемъ реформу, которая удерживала бы охранный характеръ, составляющій необходимое условіе всякой правильной реформы сверху. А такой охранный характеръ необходимо требуетъ такого направленія реформы, при которомъ бы возможно менѣе была нарушена и на возможно болѣе продолжительное время была сохранена существующая связь крестьянъ съ имѣніями, или населенными, и при которомъ бы возможно болѣе было обезпечено ихъ благосостояніе вслѣдъ за реформою. Эти цѣли могутъ быть достигнуты при откры-

ти крестьянамъ возможности получить какую-нибудь поземельную собственность, хотя бы самую ничтожную, и при образовании класса земледѣльцевъ-землевладельцевъ, самаго охранительнаго во всѣхъ государствахъ. Не забудемъ, что въ Англии, при всей прочности ея государственнаго и общественнаго организма, только реторика незабвеннаго Роберта Пила въ законахъ о глѣбныхъ пошлинахъ, спасла государство отъ потрясеній, которыми угрожало столкновенеіе монополіи поземельной собственности съ насущными потребностями народныхъ массъ.

По отвлеченнымъ государственнымъ воззрѣніямъ упраздненіе обязательной работы можно бы считать благомъ, само себя удѣлывающимъ, и по отвлеченнымъ политико-экономическимъ началамъ можно бы признавать освобожденіе труда достаточнымъ для человѣка обезпеченіемъ его благосостоянія; но именно эти отвлеченныя или чисто рациональныя начала влекли всегда за собою грозныя для общественнаго порядка перевороты, и нынѣ потеряли кредитъ и въ наукѣ и въ государственной практикѣ. Потому и за реторикою, о которой здѣсь идетъ рѣчь, долженъ быть упроченъ охранительный характеръ въ показанномъ направленіи.

Итакъ съ преобразованиемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ можетъ быть связанъ цѣлый рядъ экономическихъ сдѣлокъ: предоставленіе въ ихъ пользу необходимыхъ осѣдлостей и земельныхъ участковъ и опредѣленіе слѣдующихъ съ нихъ за это въ пользу помѣщиковъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей; вознагражденіе въ пользу хозяевъ за нѣкоторую часть доходовъ, получавшихся преимущественно съ промысловъ; наконецъ, какъ мы видимъ напримѣръ въ Пруссіи, принятіе на счетъ всего государства, въ помощь крестьянамъ, части слѣдующаго съ нихъ вознагражденія, во имя и въ силу той всеобщей государственной пользы, которая возникаетъ отъ вступленія въ общій составъ гражданскаго общества свѣжихъ ордъ десятковъ милліоновъ людей, доселѣ изъ него изъятыхъ. Все это чисто экономическія и финансовыя сдѣлки: мѣна однихъ цѣнностей на другія, уступка одной части матеріальныхъ выгодъ для полученія другой. Такимъ соображеніемъ и строго экономическимъ расчетомъ долженъ руководствоваться здѣсь и крестьянинъ, принимающій на себя новыя обязанности и получающій новыя за нихъ выгоды, и помѣщикъ, уступающій часть своего имущества и представляющій свои права на соразмѣрное вознагражденіе, и государственный человѣкъ, исчисляющій сколько можетъ удѣлить на это дѣло все государство или насколько оно можетъ взять на себя обязательства взаимнѣй выгодъ, ожидаемыхъ отъ реторикъ для всего государства. Для успѣха всѣхъ этихъ операцій, чрезвычайно сложныхъ, желательна величайшая точность въ исчисленіяхъ и расчетахъ, величайшая обдуманность, самая педантическая ком-

мерческая строгость въ повѣркѣ своихъ собственныхъ и чужихъ соображеній. Но всѣ эти требованія и вопросы г. Парошинъ разрѣшаетъ разомъ двумя словами: *дворяне благодетели!* «Необходимы жертвы добровольныя, требующія, въ свою очередь, не ариеметики, а той великодушной нерасчетливости, которая выше всѣхъ счетовъ.» Но позвольте: здѣсь именно необходимы ариеметика и расчетливость; если безъ нихъ не обошлись въ подобныхъ же случаяхъ другія общества, опередивши насъ на пути образованности, то не обойдемся и мы. Если какимъ бы то ни было образомъ мы получили святое право говорить съ публикою, если мы пользуемся этою величайшею общественною честью, то неужели она ничего другаго не услышитъ отъ насъ, какъ то, что нужны жертвы? Это она знаетъ и безъ насъ, и не хуже насъ; этому намъ нѣтъ никакой надобности учить ее. Къ жертвамъ мы можемъ воодушевить ее развѣ только собственнымъ нашимъ примѣромъ, посвятивъ посильные труды наши внимательному изученію ея требованій, ея нуждъ, ея недоумѣній. Но пока она еще не расположена обратиться въ *дворяне-благодетели*; да въ этомъ и нѣтъ никакой надобности, ибо для государства необходимы *дворяне-хозяйева*.

Именно это послѣднее сочетание словъ кажется намъ залогомъ самыхъ благодатныхъ послѣдствій. Намъ бы хотѣлось, чтобъ эта идея не покидала помѣщика во все продолженіе и при всемъ развитіи реформы, чтобъ она поддерживала и укрѣпляла его силы въ самыхъ трудныя минуты. Призваніе хозяина должно преобладать во всѣхъ операціяхъ, вызываемыхъ реформою, разумное сознаніе обязанностей этого призванія должно побороть многія затрудненія и сдѣлать не нужными многія жертвы и лишенія. Если помѣщикъ дѣйствительно хозяинъ, то-есть, самъ занимается своимъ хозяйствомъ или какою-нибудь промышленною отраслюю, если онъ не посвятилъ своей жизни сладкой праздности и не считаетъ всѣмъ призваніемъ своей жизни болѣе или менѣе остроумныя размышленія въ послѣобѣденное время, какъ Буеракинъ въ разказахъ г. Щедрина, то онъ всегда найдетъ возможность приложить свой трудъ и капиталъ къ прибыльному дѣлу. Безъ всякаго сомнѣнія, мы должны покинуть наши привычки восточной нѣги, такъ привлекательныя, къ сожалѣнію, еще для многихъ, должны воодушевиться всѣми лучшими порывами нашего дѣятельнаго безъ усталости вѣка, должны подумать, что каждый, отъ мала до велика, въ образованномъ гражданскомъ обществѣ, обязанъ принести свой трудъ, какой бы онъ ни былъ, должны помнить, что трудъ одного наслажденія благами природы и просвѣщенія не трудъ, ибо за него, при упраздненіи стародавнихъ привилегій, никто ничего не дастъ, что каждый изъ насъ долженъ произвести какую-нибудь цѣнность или пожалуй услугу для общества, за которую нахъ всегда согласится оказать такую услугу или дать цѣнность, и

которая потому полезна для общества, мы должны всё испробовать того ни съ чѣмъ несравнимаго наслажденія потребовать плоды только собственныхъ своихъ трудовъ, а не чужихъ,—наслажденія не быть ни въ чѣмъ безграничномъ распоряженіи и не жить въ своемъ распоряженіи ни чьей обязательной работы; мы должны привязаться къ общественному дѣлу, и считать порочнымъ для каждаго члена общества быть равнодушнымъ свидѣтелемъ его жизни, наконецъ мы должны положить всё эти понятія въ основаніе воспитанія нашихъ дѣтей. Выкинуть всею нашею душою во всё эти понятія, всюду распространенныя въ воздухѣ нашего вѣка, — въ этомъ заключается наша священная обязанность въ настоящую минуту. Лишь такого рода жертвы мы можемъ требовать и ожидать, и такая жертва скоро и во сто кратъ вознаградится.

На нашу мысль, что норма благотворенія, описаннаго г. Парошнымъ, не только не возможна для дѣятельности нашихъ помѣщиковъ, но даже и не желательна, авторъ возражаетъ, что это напрасныя тревоги, ибо въ наше время порывы самопожертвованія не приличны и не опасны! Мы ни сколько не опасались, чтобы выставленный примѣръ великодушнаго подвига кн. Шихматовыхъ сдѣлался заразительнымъ; совершенно съ другою дѣлю признавали мы, по нашему крайнему разумѣнію, полезнымъ представить ложность благотворенія, какъ общаго начала, выведеннаго изъ этого частнаго случая и возведеннаго въ какой-то идеалъ для помѣщичьяго хозяйства. Всякая печатная литература пользуется какимъ-то авторитетомъ, хотя бы иногда и демоническимъ, въ глазахъ массы общества; публика ищетъ въ литературѣ, и съ нѣкоторою справедливостью, отраженія преобладающаго направленія въ умахъ, рѣшительныхъ стремленій и желаній времени, и стремленій и желаній наиболее образованной части общества. У насъ печатному слову по вопросамъ общественнымъ придаютъ даже болѣе важности, чѣмъ въ другихъ странахъ; ибо оно рѣже и новѣе. Въ то время, какъ мы писали нашу статью, по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, высказывались, и довольно громко, и съ достаточною самоувѣренностью, мнѣнія, подобныя техническимъ воззрѣніямъ на крестьянина г. Бланка и др. Весьма естественно, что большинство людей, читающихъ или имѣющихъ какіе-либо интересы, связанные съ этимъ вопросомъ, либо съ негодованіемъ отвергивались отъ такихъ воззрѣній, либо съ грустію видѣли и въ литературѣ повтореніе тѣхъ же домашнихъ драгъ, которыя искажаютъ собою человѣческой характеръ многихъ нашихъ хозяйствъ. Во всякомъ случаѣ каждый такъ-называемый у насъ практической человекъ, то-есть, затронутый вопросомъ въ своихъ личныхъ, матеріальныхъ интересахъ, съ нетерпѣніемъ искалъ выраженія лучшихъ, болѣе возвышенныхъ взглядовъ литературы на это дѣло; его мучило любопытство узнать, какъ же смотрятъ на это дѣло лучшие представители нашего

образованнаго круга, какія они предъявляютъ требованія, наконецъ, в это самое главное, въ какой степени эти лучшія требованія, возникшія подъ вліаніемъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ времени, согласуются съ его хозяйственными практическими интересами? Все это не предположеніе нашей фантазіи; мы были всему этому свидѣтели и очевидцы. Въ этомъ-то отношеніи важно было появленіе книжки г. Парошина; она обратила на себя всеобщее вниманіе и гораздо болѣе въ практической части публики, чѣмъ въ литературной. Что благородное, но не идущее къ дѣлу, умечаніе автора не овладѣло тотчасъ воображеніемъ всѣхъ читателей и не повело къ немедленному и повсемѣстному составленію актовъ и условий, на подобіе тѣхъ, которыя приложены къ книжкѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, да это нисколько и не отчаянное еще положеніе вопроса; но важне то, что упованія и стремленія, высказанныя авторомъ, совершенно расходились съ насущными потребностями и цѣлями практической массы. Такое коренное раздвоеніе жизни съ идеалами литературы намъ всегда казалось фактомъ начальнымъ. Оно и нисколько не въ духѣ времени. Оно и нисколько не въ самой натурѣ вещей. Потому мы и сочинившимъ долгомъ указать на экономическія пути разрѣшенія вопроса, натовъ путь, которымъ, въ настоящее время, лучше нежели во всѣхъ другихъ сферахъ жизни, приширяются ученія науки съ жизнью, или такъ-называемыя теорія и практика. Мы хотѣли поднять голосъ, который бы нѣсколько уравнивалъ мечты автора «дворянъ-благотворителей» съ дѣйствительными условиями хозяйства, никакъ не расположеннаго обратиться въ благотвореніе.

Мы не признаемъ даже *желательнымъ* такое обращеніе хозяйства въ *благотвореніе*, еслибы даже оно и было возможно; мы не желаемъ, чтобы экономическая сдѣлка увольненія помѣщичьихъ крестьянъ обратилась въ благотворительный подвигъ. Г. Парошинъ выставляетъ на видъ наше нежеланіе, и рисуетъ съ нимъ вмѣстѣ прихвѣры изъ исторіи, гдѣ не рѣдко многія личныя доблести самоотверженія обращались, съ теченіемъ времени, въ гражданскія обязанности. Мы же настаиваемъ на нашей мысли, и менѣе знакомые съ исторіею, чѣмъ съ статьею г. Парошина, почерпаемъ изъ нея весьма сильное подтвержденіе нашей мысли.

«Послѣ изданія нашей книги, говоритъ онъ, мы продолжали свои изслѣдованія, и вотъ что писалъ намъ изъ Москвы одинъ мѣстный, знающій дѣло, наблюдатель. Объ училищѣ была длинная переписка между разными вѣдомствами. Наконецъ рѣшено, что это училище, согласно съ волею завѣщателя, остается въ вѣдѣніи московскаго учебнаго округа. Между тѣмъ оно, бывъ понынѣ предоставлено само себѣ, существуетъ лишь на бумагѣ. Крестьяне, окончившіе курсъ въ школѣ, занялись промыслами въ Москвѣ или перемерли; учителя

изъ нихъ выбрать невозможно. Свѣтлица развалилась; учениковъ нѣтъ. Читатель вспомнить, что первоначально училище находилось при домѣ князя, что потомъ оно переведено въ Алешково, гдѣ и свѣтлица построена. Такое удаленіе школы отъ приходской церкви и дома господскаго было, повидимому, ошибкою, которую исправить предполагается теперь, возвращеніемъ школы въ село, съ тою цѣлю, по словамъ корреспондента, чтобы вопервыхъ доставить возможность всему приходу отдавать дѣтей въ школу за извѣстную небольшую плату, и вовторыхъ подчинить училище прямому надзору приходскаго священника, который въ школѣ долженъ быть и учителемъ и блюстителемъ нравственности. Благая мысль! желаемъ видѣть исполненіе. Странно, отчего, нельзя не спросить, отчего князь Алексѣй Александровичъ, исполненный скромности и уваженія къ алтарю, столько лѣтъ несъ на себѣ обязанность миссіонера, и не рѣшился сложить съ себя это бремя, хотя бы подъ конецъ жизни, когда здоровье ему уже измѣнилось! скажите отчего?»

Очень просто отчего, отвѣчаемъ мы: оттого что побужденіемъ къ настоящему подвигу была у князей Шихматовыхъ безрѣдкая любовь къ человѣчеству, ненасытимая жажда самоотверженія на пользу меньшихъ его братій; они не могли оторваться отъ своего подвига, не оторвавшись отъ своихъ душеспасительныхъ цѣлей, которыя стали исключительнымъ значеніемъ всей ихъ жизни. То, что въ хозяйствѣ было бы не понятно и могло сдѣлаться для него справедливымъ укоромъ, совершенно естественно и высоконравственно въ благотворителѣ. Въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ г. Парошинымъ, мы встрѣчаемъ извѣстіе о *платѣ* за отдачу дѣтей въ школу, какъ новомъ условіи, которымъ, между прочимъ, надѣются обезпечить болѣе прочнымъ образомъ существованіе школы и ея пользу. Это извѣстіе радуетъ насъ, не потому только, что оно оправдываетъ наши экономическія убѣжденія, но потому что такимъ образомъ дѣйствительно обученіе пойдетъ успешнѣе. Трудно основать цѣлое учрежденіе только на одномъ великодушномъ порывѣ: онъ гаснетъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ дней великодушнаго человѣка, а экономически обдуманнѣе планъ учрежденія непрерывно будетъ привлекать къ нему новыхъ дѣятелей.

Далѣе г. Парошинъ сообщаетъ слѣдующія, собранныя имъ мѣстные свѣдѣнія о послѣдствіяхъ данной крестьянамъ князей Шихматовыхъ свободы:

«Пока уволенные оставались въ нѣкоторой зависимости отъ владыка, это было самое счастливое для нихъ время, по собственному ихъ отзыву. Со смертью князя все стало иначе: старость началъ выбирать еженедѣльно, каждый хотѣлъ былъ старшимъ, порядокъ исчезъ. Пользовались этимъ и со стороны (*NB*), и крестьяне видимо бѣднѣли. Грустно сказать, что не только въ домашнемъ хозяйствѣ

они поразстроились, но и моральная ихъ сторона измѣнилась. Послѣдніе годы жизни своей князь былъ не въ силахъ слѣдить за школой, которая переведена за шесть верстъ отъ его дома. Не стали, какъ прежде водилось, собираться къ нему въ домъ всѣ его крестьяне, старые и молодые, и жены ихъ для того, чтобы между утренней и обѣдной слушать объясненіе катихизиса и слова Божія: упорная болѣзнь его, потомъ приключившаяся смерть, и — всему конецъ. Пять-шесть стариковъ остались еще образцомъ того, чѣмъ были крестьяне прежде. Прочіе стали сначала рѣже, а потомъ и очень рѣдко ходить въ церковь, и хотя они и не сдѣлались негодяями, однако ничѣмъ не отличались уже отъ своихъ сосѣдей.

«Итакъ исторію этой вотчины можно раздѣлить на четыре періода. 1. Въ теченіе 22 лѣтъ князя служатъ во флотѣ и не имѣютъ дѣла съ вотчиной. 2. Двадцать лѣтъ потомъ князя занимаются образованіемъ крестьянъ своихъ. 3. Съ 1836 по 1849 годъ они управляютъ уже свободными хлѣбопашцами. 4. Князей не стало: община предоставлена всей своей волѣ.

«Результаты перваго періода: крестьяне оказались мало просвѣщенными въ вѣрѣ, мало знакомыми съ христіанскою нравственностію; втораго періода: подъ благимъ руководствомъ своихъ господъ, крестьяне созрѣли для свободы, и многіе изъ нихъ получили ее; третьяго періода: они устояли въ условіяхъ, сохранили уваженіе и послушаніе къ прежнимъ владѣльцамъ, которые продолжали добровольно управлять ими (только въ послѣдствіи времени служба князей частію тому препятствовала; по этой причинѣ, и по болѣзни, надзоръ ихъ, особенно подъ конецъ, слабѣлъ); четвертаго періода: послѣ князя, община разстроилась, внутренній порядокъ исчезъ, крестьяне поразбрелись за промыслами, загрубѣли; упадокъ школы, не нашлось учителя.

«Можемъ вывести отсюда свои заключенія.

«Прошли столѣтія. Поколѣніе, которое князь застали въ вотчинѣ, не далеко ушло въ своемъ развитіи. Вотъ начинается разработка умъ и сердца; тихо идетъ она, хотя усердіе просвѣтителей, ихъ терпѣніе безпредѣльны. Наступилъ великій день увольненія: изъ 127 душъ 39 остались въ крѣпости, потому что не были достойны свободы, по отзыву князя: «поведеніе ихъ неблагонадежное.» Двадцать лѣтъ ихъ не измѣнили, есть упорныя натуры! Между ними, почти только старые (закоренѣлые въ холопствѣ) люди, и недоросли (частію изъ обучавшихся ремесламъ, т.-е. избалованные въ городѣ). И ко всему, даже къ увольненію, они равнодушны; примѣръ другихъ ихъ не трогаеть. «Какъ прежде они требовали понужденія, такъ и послѣ.»

«Но вѣдь 39 на 127 составляютъ слишкомъ 30 процентовъ. Это значило бы на 10 милліоновъ, по крайней мѣрѣ, 3 милліона душъ!

«При совершеніи записи, князя, перевода оставшихся въ преж-

вѣшь состояніи къ себѣ, въ село Архангельское, еще мечтаютъ о лучшей для нихъ долѣ, еще думаютъ долго жить съ ними. Иначе, не тратились бы на ихъ водвореніе, не выговаривали бы въ записи (п. 8), чтобъ дѣти этихъ крѣпостныхъ обучаемы были, если пожелають, въ сельской школѣ вмѣстѣ и наравнѣ съ свободными. Не прошло трехъ лѣтъ: въ 1839 году, ихъ переводятъ дальше, въ Смоленскую губернію, гдѣ князья имѣли тогда, въ опекуновскомъ распоряженіи своемъ, вотчину племянниковъ. Что сдѣлали бы они безъ этого ресурса?.. съ большимъ числомъ людей?..

« Бывають разные случаи: а) есть господа, которые, воспитывая и обучая людей своихъ грамотѣ и другимъ искусствамъ, оставляютъ ихъ вѣчно при себѣ, въ своемъ владѣніи, на законномъ основаніи. Такие умудрившіеся люди всегда хуже неучей. б) Есть господа, которые, проведѣвъ людьми своими много лѣтъ, по обычаю, такъ же равнодушно, какъ тѣ равнодушно имъ служили и работали, увольняютъ ихъ потомъ, на какихъ-нибудь условіяхъ. Относительное положеніе сторонъ измѣняется: но въ нравственной и политической жизни народа, перемѣна сія мало имѣетъ значенія, потому что внутренно люди остаются тѣ же, и такими же, какъ были. в) Князья воспитали и уволили: способъ ихъ лучше. Еще лучше было бы, еслибъ увольненіе, совершаясь постепенно, въ одно время съ воспитаніемъ, содѣйствовало послѣднему въ достиженіи общей ихъ цѣли, а цѣль — освободить каждаго съ собственною его волею, приучать къ законному ея употребленію. Иначе, при дѣйствіи воспитанія и увольненія врознь, на разстояніи долгихъ лѣтъ, выходитъ, что, въ нѣкоторомъ смыслѣ, случай в = а. Можетъ статься, и тѣ 39 душъ, не тронутыя воспитаніемъ самымъ душевнеспасительнымъ, уступили бы совокупному вліянію воспитанія и постепенно нисходящей на нихъ свободы... »

« Чтѣ же касается состоянія общины въ послѣднее время, то оно доказывается только, что люди, живя въ обществѣ, не могутъ обойтись безъ правильной организаціи, безъ суда, безъ власти попечительной: все это не по названію, а самымъ дѣломъ имъ необходимо-нужно. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность князей съ 1836 года еще поучительнѣе: задача рѣшится ихъ примѣромъ; в нельзя не удивляться силѣ нравственнаго вліянія ихъ на толпу, только-что познающую волю и независимость. Видимъ благотворную власть ума и добродетели: видимъ лица высшаго сословія и образованія, посвятившія безкорыстно жизнь свою общей пользѣ. Но отдѣльные лица умираютъ безъ потомства, или оставляютъ потомство, не наследующее иногда ихъ свойствъ, видовъ и убѣжденій. »

« Отсюда слѣдуетъ, что (высшее?) сословіе должно принять въ свое вѣдѣніе дѣло эманципаціи, и дѣйствуя преемственно, пресвященно, строго въ самому себѣ и къ недостойнымъ членамъ своимъ, на основаніяхъ долга и чести, упрочить общее благоустройство и благосо-

стояніе. Свѣтлая доля открывается ему въ будущемъ, въ новомъ порядкѣ вещей...»

Безъ всякаго сомнѣнія, для успѣха преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ необходимо, чтобъ это дѣло было въ *свѣдѣніи* высшаго сословія; чтобъ оно бодро, откровенно, и примудренно взялось за него. Отъ этого направленія реформы зависятъ не только интересы крестьянъ, но и самыхъ помѣщиковъ. Только при этомъ не надо забывать, какъ это *свѣдѣніе* должно относиться къ завѣдываемымъ и какой должно имѣть характеръ. Отъ различнаго характера отношеній будутъ зависеть и различныя послѣдствія. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Парошинымъ, мы уже можемъ вполне, и въ весьма яркихъ краскахъ, видѣть результаты *благотворительнаго* обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Созданіе ихъ великодушныхъ намѣреній распалось само собою, какъ только отъ него отодвинулась создавшая рука, какъ только оно разлучилось съ личностью, вложившею въ него свою душу. И эти печальныя послѣдствія ни на волю не умаляютъ значенія подвига дворянъ-благотворителей, ибо нравственный подвигъ весь только въ намѣреніи; по намѣренію онъ судится, и только въ намѣреніи его масштабъ. Послѣдствія отъ него не зависятъ и нисколько не измѣняютъ его цѣны. Потому всякаго человѣка, который бы хотѣлъ взять для себя примѣръ съ кн. Шихматовыхъ, неудача ихъ дѣла нисколько не можетъ привести въ уныніе и никакъ не можетъ заставить дѣйствовать иначе. Такимъ образомъ для насъ мало имѣетъ цѣны мысль г. Парошина, что дѣло кн. Шихматовыхъ имѣло бы болѣе успѣха, еслибъ увольненіе ихъ крестьянъ совершено было не вдругъ, а шло бы постепенно вмѣстѣ съ ихъ воспитаніемъ. Но въ этомъ видимъ мы ложное направленіе этого дѣла, которое въ какомъ-нибудь отдаленномъ случаѣ могло бы, по счастливому стеченію обстоятельствъ, и не обнаружиться, и которое, къ сожалѣнію, высказалось, въ настоящемъ случаѣ, во всѣхъ своихъ необходимыхъ, самыхъ плачевныхъ послѣдствіяхъ. По нашему глубокому убѣжденію, все описываемое авторомъ печальное положеніе крестьянъ кн. Шихматовыхъ есть самое естественное послѣдствіе способа ихъ увольненія, и оно зависѣло не отъ той или другой подробности въ устройствѣ ихъ быта, а отъ самой сущности этого устройства.

Главное, преобладающее значеніе крестьянъ, населяющихъ помѣщичьи имѣнія, есть значеніе работниковъ или земледѣльцевъ, людей отдающихъ свой трудъ въ распоряженіе землевладѣльца за извѣстное вознагражденіе или прилагающихъ свой трудъ къ его землѣ, отданной имъ въ пользованіе за извѣстное съ ихъ стороны вознагражденіе. Помѣщикъ-землевладѣлецъ, капиталистъ и распорядитель, иногда всѣ эти три элемента народнаго хозяйства соединяются въ одномъ лицѣ помѣщика, иногда онъ представляетъ собою

только одинъ элементъ землевладѣнія и отдасть свое имѣніе въ аренду другому лицу, которое прилагаетъ къ нему свой распорядительный трудъ и даже свои капиталы. Но во всякомъ случаѣ въ крестьянахъ заключается четвертый необходимый элементъ хозяйства, *трудъ*. Это существенное экономическое значеніе помѣщика и крестьянина, лежащее въ основаніи всѣхъ ихъ действительныхъ отношеній между собою, должно и давать главное содержаніе и направленіе всѣмъ обоюднымъ сдѣлкамъ, условіямъ, сношеніямъ, однимъ словомъ, должно быть принято въ основаніе всякихъ попеченій помѣщика объ устройствѣ быта крестьянъ. Всякія другія, не возникшія изъ этихъ экономическихъ отношеній, права и обязанности, наросшія на помѣщичьсмъ хозяйствѣ, какъ чужеродныя растенія, должны мало-по-малу исчезнуть, ибо они ведутъ къ запутанности и смѣшенію въ государствѣ, гдѣ весь общественный организъмъ, всѣ его члены должны быть подчинены одному общему началу гражданскаго и государственнаго права. Только взаимныя права и обязанности, истекшія изъ естественнаго, свободнаго отношенія землевладѣнія къ землевоздѣланію, капитала къ труду, могутъ быть прочны и годны къ дальнѣйшему развитію, сообразно съ успѣхами гражданской жизни и просвѣщенія. Такія понятія должны, по нашему мнѣнію, руководствовать помѣщика какъ въ постоянномъ обращеніи его съ крестьянами, такъ и въ преобразованіи ихъ быта... Крестьяне должны сдѣлаться свободными работниками или земледѣльцами въ хозяйствѣ помѣщика. Такова мысль, если мы не ошибаемся, которая проникаетъ собою всѣ современныя намъ помышленія объ улучшеніи быта крестьянъ. Потому и всѣ средства должны быть направлены къ осуществленію этой мысли. А для этой цѣли крестьяне должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы, съ одной стороны, они обезпечивали свое благосостояніе именно своимъ трудомъ, и съ другой стороны, чтобы они могли свободно располагать имъ.

Между тѣмъ всѣ разсужденія г. Парошина, какъ и обращеніе кн. Шихматовыхъ съ ихъ крестьянами, проникнуты иною мыслию: у нихъ крестьяне являются воспитанниками, питомцами, дѣтьми помѣщика. Въ этомъ, по нашему убѣжденію, вся сущность нашего разномыслія съ почтеннымъ авторомъ и въ то же время вся его ошибка. Крестьяне — не дѣти, и обращеніе съ ними, какъ съ такими, ставить, какъ ихъ самихъ, такъ и помѣщика, въ совершенно фальшивое положеніе и преисполнено вреда какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для хозяйства. Относиться къ нимъ, какъ къ дѣтямъ, которыхъ надо постепенно поучать и наставлять, и мало-по-малу готовить къ жизни, значить являться въ глазахъ ихъ мечтателемъ, а ничего не можетъ быть опаснѣе для всякаго промышленнаго предпріятія, и потому также сельско-хозяйственнаго, какъ

прослыть въ средѣ людей, въ немъ трудящихся, мечтателемъ. Мечтатель можетъ имѣть значеніе и производить обаяніе, во многихъ отношеніяхъ весьма справедливое, между людьми, высоко развитыми въ умственномъ отношеніи, знающими дѣлу и призваніе мечтателей въ обществѣ, историческомъ развитіи человѣческихъ обществъ. Но для работника, для человѣка, добивающагося усиленымъ напряженіемъ своихъ мышцъ выработать сегодня кусокъ хлѣба на завтра, мечтатель покажется или невнимнымъ сумасбродомъ, или вертопрахомъ, которому по несправедливому жребію судьбы, позволено мечтать въ то время, какъ другіе работаютъ. Сказанное нисколько не противорѣчитъ событіямъ сороковыхъ годовъ во Франціи, когда цѣлыя массы рабочаго класса были глубоко взволнованы мечтателями. Посреди мученій нищеты эти массы охотно слушали на площади сладкія рѣчи народныхъ пророковъ, подъ ихъ знаменемъ они даже шли умирать, но работать они все таки шли къ промышленнымъ людямъ, къ хозяевамъ, а мечтатели не могли заставить ихъ работать. Это можетъ-быть было самую печальную сторону положенія дѣла. Попытки промышленныхъ предпріятій подъ предводительствомъ этихъ пророковъ и наставниковъ народа были, какъ извѣстно, весьма неудачны; онѣ даже ускорили несостоятельность всего движенія, болѣе нежели критика самыхъ началъ. Если и удались нѣкоторыя начинанія устройства рабочихъ товариществъ въ Парижѣ, возникшія подъ вліяніемъ того же движенія умовъ, то они удались подъ распоряженіемъ людей, не принадлежавшихъ къ ряду тѣхъ блестящихъ личностей, которыя выставились въ то время,—людей, взявшихся за дѣло совершенно иначе. Если ваши природныя наклонности влекутъ васъ болѣе къ нравственнымъ размышленіямъ, чѣмъ къ хозяйственнымъ соображеніямъ, болѣе къ воспитанію, къ проповѣди, чѣмъ къ хозяйству, то слѣдуйте вашему влеченію, и для васъ будетъ приличное мѣсто въ народной жизни, слѣдуйте съ искреннимъ убѣжденіемъ, и вы сдѣлаете много добра народу; но предоставьте заботы по хозяйству другимъ людямъ, уступите имъ мѣсто, неправильно занимаемое вами въ обществѣ. Если народу нужны наставники и проповѣдники, то нужны также и образованные хозяева. Всѣми признанное могущественное вліяніе мануфактурной промышленности на народное развитіе именно заключается въ томъ, что черезъ нее вступаютъ въ тѣсное соприкосновеніе съ народными массами люди, болѣе образованные, вышедшіе, въ томъ или другомъ отношеніи, изъ оцѣленія прародительскихъ обычаевъ, предпріимчивые, способные обдумать и затѣять дѣло, выходящее изъ предѣловъ одного околотка и одной человѣческой жизни. Съ помощью этихъ промышленныхъ людей, хозяевъ, фабрикантовъ, купцовъ, прикащиковъ, механиковъ, и т. д., новая струя мысли течетъ въ са-

мое сердце народной жизни, течетъ путемъ ежедневныхъ, насущныхъ заботъ, самыхъ естественныхъ интересовъ народа. Такимъ были послѣдствія возрастанія фабричной промышленности во всѣхъ странахъ Европы; вездѣ она сопровождалась быстрыми успѣхами народнаго развитія... Но вліаніе образованныхъ сельскихъ хозяевъ и всего круга просвѣщеннаго сельскаго хозяйства еще могущественнѣе; ибо здѣсь соприкосновеніе съ народомъ тѣснѣе, а народная среда свѣжѣе и свободнѣе отъ посторонняго вмѣшательства.

Итакъ смѣшеніе понятій, принадлежащихъ разнымъ сферамъ жизни: экономической и духовно-нравственной, и затѣмъ неопредѣленность экономическихъ началъ хозяйства, таковы, въ заключеніе, недостатки въ сдѣланныхъ намъ отъ г. Парошина возраженіяхъ. Мы же съ своей стороны упорствуемъ до самой послѣдней крайности въ необходимости смотрѣть на отношенія помѣщика къ крестьянамъ какъ на строго-экономическія и на необходимости устроить все быть крестьянъ сообразно съ этими отношеніями. Когда помѣщикъ будетъ прежде всего хозяинъ, а крестьяне прежде всего земледѣльцы и работники въ отношеніи къ нему и въ свою очередь хозяева въ своемъ кругу; тогда, повѣрьте, и распространеніе между ними грамотности пойдетъ успѣшнѣе, ибо польза ея будетъ для нихъ осязательнѣе, и религіозно-нравственная проповѣдь удобнѣе найдетъ дорогу къ ихъ сердцу и уму, ибо религія и нравственность суть по преимуществу принадлежность существъ разумно-свободныхъ. Но прежде всего не обращайтесь съ ними какъ съ дѣтьми, какъ съ пятамцами, которыхъ надо окружить разными искусственными перегородками, чтобы приготовить къ свободѣ зрѣлаго возраста. Есть много такого, чему отъ другихъ не научиться. Вспомните при этомъ случаѣ прекрасныя замѣчанія Маколея, что человѣкъ воспитывается къ гражданской свободѣ въ ней же самой, точно также какъ плавать можно научиться не иначе какъ въ водѣ.

В. Безобразовъ.

Январь 1856.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ (1).

Мм. Гг. Два года тому назадъ , когда смерть такъ внезапно вырвала изъ среды нашей благороднаго Т. Н. Грановскаго, я избранъ былъ университетомъ въ помощь осиротѣвшему Петру Николаевичу. И вотъ я только теперѣ всхожу на эту кафедру и всхожу на другой день послѣ того, какъ предано было землѣ тѣло незабвеннаго наставника, какъ горячими слезами была оплакана эта вторая, столь же невознаграждаемая утрата. Пусть же будетъ мое первое слово, обращенное къ вамъ, посвящено памяти того, кто такъ дорогъ всѣмъ намъ. Знаю, что въ настоящую минуту вы ждете отъ меня именно этого, что вы были бы оскорблены, еслибы я вздумалъ обратить ваше вниманіе на что-нибудь другое. И вы были бы правы. Будемъ же говорить о покойномъ. Въ университетской семьѣ всего замѣтнѣе чувствуется его отсутствіе, здѣсь сильнѣе говорить скорбное чувство, когда вспомнишь, кого она потеряла. Общество не можетъ вполне дѣлится съ нами горе, хотя всѣ общественные интересы горячо принималъ онъ къ сердцу, хотя жизнь его не прошла безъ слѣда, безъ вліянія на общество, хотя много потрудился онъ для общества. Онъ не любилъ выступать на общественную арену. Помню, не разъ говорили ему о публичныхъ лекціяхъ. Каждый разъ отвѣчалъ онъ, что мало чувствуетъ себя способнымъ для нихъ. Только въ кругу людей близкихъ чувствовалъ онъ себя совершенно свободнымъ, только передъ ними во всей полнотѣ раскрывались сокровища его знаній, его глубокое пониманіе предмета, поэтическая свѣжесть чувства, теплое сочувствіе ко всему благородному и прекрасному. А что же ближе было къ нему университету? И университету отдавалъ всего себя Петръ Николаевичъ. Но позвольте привести одинъ примѣръ того, какъ понималъ онъ свои обязанности относительно общества. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ болѣзнь окончательно лишила его возможности являться въ своей любимой аудиторіи, но когда уже тяжело дала она почув-

(1) Помѣщаемая здѣсь характеристика есть вступительное чтеніе профессора С. В. Кшевскаго, открывшаго свой курсъ всеобщей исторіи 22 января, на другой день послѣ похоронъ П. Н. Кудрявцева, описаніе которыхъ читатели найдутъ ниже. Эта лекція, имѣвшая значеніе надгробнаго слова, была произнесена при огромномъ стеченіи студентовъ всѣхъ факультетовъ. Ред.

ствовать свое присутствіе въ слабомъ организмѣ покойнаго, я спрашивалъ, не откажется ли онъ отъ политическаго обозрѣнія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, я опасался, что это срочное занятіе, хотя и служившее ему спасительнымъ развлеченіемъ, отвлекаетъ мысль отъ горькихъ воспоминаній, все таки могло утомлять его, я убѣждалъ его сберечь силы для ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ каждый былъ такимъ существеннымъ приобрѣтеніемъ для нашей науки. Онъ отвѣчалъ, что дѣло политическаго воспитанія общества въ настоящее время онъ считаетъ столь же важнымъ, какъ и чисто-научную дѣятельность, что пока есть еще силы, онъ не въ правѣ устраниться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, даже послѣ того какъ ясно обнаружались симптомы страшнаго недуга, истомленный, едва говоря, онъ читалъ еще иностранныя газеты, отмѣчая въ нихъ то, на что, по его мнѣнію, слѣдовало обратить вниманіе публики. Такъ сознавалъ онъ общественное значеніе писателя, и если къ уtratѣ своего благороднѣйшаго дѣятеля останется равнодушнымъ общество, вина будетъ конечно только въ его неразвитости; и даже упрекъ въ неблагодарности не будетъ неумѣстенъ.

Какъ же Петръ Николаевичъ былъ тамъ, гдѣ понимали его стремленія, гдѣ встрѣчали его восторженнымъ сочувствіемъ, гдѣ окружали его любовью и уваженіемъ, въ университетѣ? Одной учености еще мало для профессора. Чтобы слово его живительно дѣйствовало на молодые умы, чтобы, раскрывая передъ слушателями богатое содержаніе науки, онъ могъ успѣшно возбуждать самостоятельность, необходимо, чтобы между профессоромъ и его аудиторіею установились извѣстныя нравственныя отношенія. Всегда талантливому, добросовѣстному наставнику отдана будетъ полная справедливость; онъ заслужитъ себѣ уваженіе, какъ ученый; но молодыя поколѣнія, окружающія профессорскую кафедру, быть-можетъ безсознательно, но тѣмъ не менѣе поразительно-вѣрно умѣютъ отдавать свое сочувствіе только тому, кто самъ является къ нимъ, исполненный симпатіи. Инстинктивно они всегда умѣютъ отгадывать внутренніе мотивы преподавателя, отличить добросовѣстное, но оффиціальное, холодное исполненіе обязанности, желаніе составить или поддержать свою репутацію, отъ настоящей любви къ наукѣ и къ нимъ. И никакою діалектическою изворотливостію мысли, никакимъ внѣшнимъ краснорѣчіемъ нельзя обмануть этого чутья. Петръ Николаевичъ являлся всегда въ аудиторію исполненъ любви и сочувствія: за то аудиторія и понимала его. Между нимъ и слушателями была полная симпатія. Равнодушное, невнимательное лицо слушателя парализировало профессора; но оно встрѣчалось лишь какъ рѣдкое исключеніе, если только встрѣчалось. Еще лучше были отношенія Петра Николаевича къ тѣмъ, кто, возбужденный его же чтеніями, хотѣлъ сблизиться съ нимъ, чтобы пользоваться его указаніями. Не отталкивалъ

онъ отъ себя холодною вѣжливостію, не озадачивалъ трудностями, не выставался, не рисовался онъ передъ начинающими самостоятельное занятіе. Простъ и радушенъ былъ его приѣмъ, и кто изъ студентовъ разъ побывалъ у него, для того навѣрно это было только началомъ частыхъ посѣщеній, [тотъ смѣло входилъ къ нему, часто безъ особенной надобности, только затѣмъ, чтобы посмотреть на него, послушать его разговора. Немногіе умѣли внушать такую любовь къ своему предмету, немногіе умѣли такъ поддерживать и руководить первые шаги начинавшихъ ближайшее знакомство съ наукой. Въ комъ возбудилъ онъ любовь къ наукѣ, кому передалъ онъ часть своего огромнаго знанія, тотъ переставалъ быть для него чужимъ. Довѣрчиво раскрывались передъ нимъ первые, еще робкіе продукты самодѣтельной мысли, часто односторонніе выводы—понятное увлеченіе молодости. Съ неизмѣнною снисходительностью выслушивалъ онъ мнѣніе каждаго. Слѣдя за умственнымъ дѣятельностью молодого поколѣнія, онъ какъ будто вновь переживалъ исторію своего собственнаго развитія. Да, былъ онъ наставникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. До конца жизни сохранять въ душѣ слушателя Петра Николаевича свѣтлый поэтическій его образъ. Воспоминаніе о немъ будетъ освѣжительно дѣйствовать на души, возбуждать усталыя силы, извлекая изъ нравственной апатіи.

Исторія не была для него умственнымъ гробокопательствомъ; не систематизировалъ онъ, не подводилъ равнодушно историческія событія подъ извѣстныя рубрики, подъ заранѣе составленные взгляды, какъ ботаникъ раскладываетъ засушенныя растенія въ своемъ гербаріумѣ. И въ жизни онъ любилъ только живыя цвѣты. Мысль его отворачивалась отъ всего безжизненнаго, отъ всего неестественнаго; за то всему живому отдавалъ онъ свое полное сочувствіе, за то все благородное и прекрасное находило отзывъ въ созвучной душѣ его. Едва ли кому-нибудь былъ такъ доступенъ внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній. Историческое прошедшее понималъ онъ прежде всего сердцемъ. Каждая эпоха имѣла для него значеніе сама въ себѣ, не только какъ логическая послылка, изъ которой необходимое заключеніе выводится нашею современностію. Никогда не упускалъ онъ изъ виду отдаленнаго будущаго, точно такъ же, какъ говоря о настоящемъ, всегда обращался онъ къ прошедшему, чтобы въ немъ искать его объясненій. На первомъ планѣ было однако же не прошедшее и даже не будущее, а сама жизнь тѣхъ поколѣній, судьбамъ которыхъ посвящалъ онъ свое вниманіе. Во всѣ духовныя и общественныя интересы этихъ поколѣній проникалъ онъ мыслію, весь проникался ими, но съ особенною любовью слѣдилъ онъ за титаническою работою человѣческой мысли, ее преслѣдовалъ онъ во всѣхъ проявленіяхъ: въ сферѣ политической, въ области искусства, въ религиозныхъ вѣрованіяхъ. Всегда неизмѣнно-вѣрный своимъ

жизненнымъ убѣжденіямъ, результатамъ всего своего развитія, онъ владелъ даромъ вѣрно воспроизводить въ своемъ умѣ понятія известнаго времени во всей ихъ чистотѣ, не примѣшивая къ нимъ ничего чуждаго, но въ то же время сохраняя вполне свободу сужденія. Глубоко проникалъ онъ въ общественное сознаніе известной эпохи, въ убѣжденія историческихъ дѣятелей. За то жизнью вѣяло отъ его изображеній. Съ глубокою скорбію разказывалъ онъ страданія отжившихъ поколѣній, и на симпатическій вызовъ историка выдавали историческія могилы свои заветныя тайны, свои глубокія думы, свои сбывшіяся и не сбывшіяся ожиданія. Ясенъ становился смыслъ дѣятельности того или другаго лица. Петръ Николаевичъ могъ читать только спеціальныя курсы. Онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета своихъ занятій, не могъ довольствоваться однимъ общимъ очеркомъ, какъ бы хорошъ ни былъ этотъ очеркъ. Слишкомъ близко знакомился онъ со всею полнотою жизни известной эпохи, и во всей полнотѣ передавалъ ее слушателямъ. То поколѣніе студентовъ Московскаго университета, къ которому принадлежу я, слышало самыя первые курсы Петра Николаевича, только что возвратившагося тогда изъ заграничнаго путешествія. На нашихъ глазахъ росъ и мужалъ его талантъ историческаго изложенія. Первый курсъ его былъ посвященъ послѣднимъ временамъ языческаго міра, первымъ началкамъ христіанско-европейскаго общества. Особенно поразительны были его лекціи для меня, пришедшаго въ эту аудиторію изъ другаго университета. Превосходно изложены были послѣднія попытки вдохнуть духъ жизни въ мертвыя формы древняго язычества, бесплодная дѣятельность Юліана, эти силы, истраченныя въ бесполезной борьбѣ, но достойныя лучшей цѣли. Съ особеннымъ сочувствіемъ остановился онъ на дѣятельности Блаженнаго Августина. Ему въ высшей степени понятны были эти порывы пытливаго ума, это тревожное исканіе вѣчной истины. Онъ самъ пережилъ подобныя минуты, самъ, только уже довольно поздно, созналъ свое настоящее призваніе, только послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собою онъ вышелъ на настоящій путь, по которому и пошелъ онъ такими быстрыми шагами. Еще сильнѣе произвелъ на насъ впечатлѣніе второй его курсъ, посвященный исторіи реформации. Уже горячо полюбивъ его, уже признавъ вполне его ученныя достоинства, мы съ изумленіемъ однако же смотрѣли, какъ поднялся онъ въ этомъ курсѣ. Въ это время онъ окончательно свылся съ кафедрой и аудиторіей, покоривъ себѣ ту и другую. Послѣ онъ самъ говорилъ, что опытомъ перваго года онъ убѣдился въ сочувствіи слушателей, а это сочувствіе производило на него могущественное, возбуждающее дѣйствіе. Самый предметъ чтеній въ высшей степени былъ близокъ ему. Исторіи освобожденія человѣческой мысли отъ двойныхъ оковъ мертвой схоластики, обрядовой внѣшности и бездушнаго формализма не могъ не отдать онъ своего сочувствія. За то, спросите у тогдаш-

нихъ студентовъ, что чувствовали они, когда, какъ бы вызванная изъ могилы вдохновеннымъ историкомъ, передъ ними являлась трагическая личность Лютера, когда разказывалъ онъ повѣсть долгихъ душевныхъ страданій, исторію мучительнаго перехода отъ полной вѣры къ отрицанію того, передъ чѣмъ еще такъ недавно падалъ онъ ницъ съ восторженными благоговѣніемъ, когда раскрывалъ то невыносимое состояніе духа, когда глубокое религиозное чувство, нисколько не утратившее своей энергіи, настойчиво требуютъ себя удовлетворенія, когда безъ возврата исчезли прежнія вѣрованія, оставивъ по себѣ только ѣдкую горечь утраты, и когда однако же для него нѣтъ еще успокоенія на новыхъ началахъ.

Такъ поразительно вѣрно изображать нравственныя страданія извѣстной эпохи можетъ только тотъ, кто въ самомъ себѣ пережилъ ихъ, кто въ своемъ развитіи перешелъ тѣ ступени, по которымъ восходило человечество. Еще одно воспоминаніе объ этомъ курсѣ. Западная Европа въ ту пору переживала одинъ изъ политическихъ кризисовъ. Въ напряженномъ усиліи вставала Германія, чтобы разомъ покончить съ своимъ прошедшимъ, чтобы порвать вѣковую цѣпь, сковывавшую ея силы. Въ лицѣ представителей науки она вступила въ отчаянную борьбу съ самой собою и изнемогла въ этой борьбѣ. Въ судьбахъ Германіи временъ реформации искалъ профессоръ разгадку бурь, разыгрывавшихся на политическомъ горизонтѣ Европы, причину, вызывавшую къ жизни и самое стремленіе и его временную безуспѣшность, и мы слушали его съ жаднымъ вниманіемъ. Германіи, на ряду съ Италіей, посвящалъ онъ свой трудъ предпочтительно предъ другими странами Европы. Ихъ тяжелая исторія, ихъ вѣковыя страданія имѣли для него неодолимую силу притяженія. Не буду говорить о другихъ курсахъ, потому что не могъ слѣдить за ними. Знаю только, что онъ читалъ исторію XIV и XV столѣтій, исторію новой Европы, исторію древнихъ памятниковъ. Не любилъ повторяться Петръ Николаевичъ. Если ему необходимо было возвратиться еще разъ къ тому, что уже однажды высказалъ онъ передъ слушателями, онъ старался остановиться на другой сторонѣ предмета. Строго понималъ онъ обязанности профессора. Владѣя увлекательнымъ даромъ изложенія, огромною памятью, онъ только въ послѣднее время началъ читать безъ записокъ. Прежнія лекціи онъ писалъ почти сполна, считая это необходимымъ, и это большое для насъ счастье. Этими дается возможность современемъ издать ихъ, возобновить въ душѣ бывшихъ слушателей Петра Николаевича прежнее впечатлѣніе, дать возможность обществу, знавшему его только какъ даровитаго и добросовѣстнаго писателя, взглянуть на него и съ этой стороны: оцѣнить вполне ту потерю, какую понесъ университетъ. Не скоро найдетъ послѣдній ученаго, который бы могъ замѣнить его какъ профессора. Съ чувствомъ глубокой скорби смотримъ мы во всѣ концы Россіи, чтобы найти ему преемника, и

Богъ знаетъ, удастся ли намъ достойно замѣнить покойнаго. Кто же замѣнитъ намъ человѣка? Никто, вы это знаете. На рукахъ донесли вы до послѣдняго жилища тѣло любимаго наставника, вы напутствовали его горячимъ словомъ любви и благодарности. Сохранимъ же навсегда въ нашей памяти его свѣтлый образъ. Во имя той беззаветной преданности къ наукѣ, которой оставался онъ вѣренъ до конца своей жизни, я призываю васъ къ общему намъ труду. Этимъ мы всего достойнѣе почтимъ покойнаго и останемся вѣрны его завѣту.

С. Ешевскій.

Тѣло П. Н. Кудрявцева было предано землѣ января 21-го. На канунѣ къ выносу тѣла собралось такъ много лицъ, знавшихъ и чтившихъ покойнаго, что квартира его не могла вмѣщать всѣхъ, и улица передъ домомъ была заставлена толпами. По панихидѣ, которую служилъ архимандритъ Леонидъ, давшій послѣднее благословеніе и праху Грановскаго, товарищъ покойнаго, профессоръ С. М. Соловьевъ произнесъ слѣдующее слово:

«Друзья! Смерть страшно свирѣпствуетъ въ нашихъ рядахъ! Цѣлыми семьями вырываетъ она у насъ лучшихъ людей! Двѣ семьи, гдѣ мы находили такой успокоительный пріютъ, гдѣ было такъ много отрады и укрѣпленія для человѣка, не равнодушнаго къ высшимъ интересамъ жизни, двѣ эти семьи исчезли безслѣдно! Два имени, неразлучныя въ устахъ Русскихъ людей, любящихъ науку, два имени, которыми такъ радовались и гордились воспитаники нашего Университета въ разныхъ углахъ Россіи, эти два имени — уже прошедшее.... Замолкъ навсегда и тихій голосъ Кудрявцева! Но какъ могущъ былъ этотъ тихій голосъ, какъ глубоко западалъ онъ въ душу, когда возбуждалъ молодое поколѣніе къ благотворному труду, указывалъ пути къ занятіямъ! Какъ привлекателенъ былъ этотъ прекрасный и грустный образъ, предвзвѣщавшій, что дорогой братъ не долго прогоститъ между нами! Дѣти съ шумнымъ восторгомъ стремились къ нему: это былъ одинъ отъ нихъ, чистый сердцемъ; дитя среди дѣтей, наставникъ среди возрастныхъ. Да, это былъ наставникъ въ высокому искусству забывать себя для другихъ, погружаясь въ интересы другаго, уничтожать свою личность; другой подлѣ него чувствовалъ, что живетъ двойною жизнью отъ этой близости, отъ этой теплоты участія; вспомнимъ бесѣды Кудрявцева, въ большомъ ли обществѣ, одинъ ли на одинъ: все вниманіе и слово отдано интересамъ другаго или интересамъ общественнымъ, ничего не оставлено для себя. Такого-то общественнаго человѣка потеряло наше общество! Но что же, придемъ ли въ отчаяніе отъ этихъ тяжелыхъ ударовъ, отъ этихъ скорбныхъ лишеній? Нѣтъ, друзья! Не такъ мы

должны почитать память подобныхъ людей. Наша обязанность показать, что они не даромъ жили среди насъ, что духъ ихъ дѣятельности остался среди насъ и останется вѣчно; мы должны показать, что могущество смерти безсильно порвать преданія, такъ бережно хранившіяся нашими славными наставниками и собратіями; послѣ каждаго удара судьбы тѣснѣ будемъ соединяться вокругъ водруженнаго ими знамени, на которомъ начертано: *святъ, правда и добро*.

«Дорогой братъ! Мы передаемъ твои останки въ храмъ Божій! Чистый сердцемъ! Тебѣ обѣтованіе зрѣть Бога, а мы всегда будемъ зрѣть въ тебѣ одинъ изъ лучшихъ даровъ Божіихъ, ниспосланныхъ нашему обществу.»

Гробъ былъ перенесенъ студентами на рукахъ въ университетскую церковь. Студенты же читали плагырь во всю ночь.

Литургію и отпѣваніе совершалъ архимандритъ Леонидъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Предъ окончаніемъ литургіи профессоромъ протоіереемъ П. М. Терновскимъ произнесено было надгробное слово. Обширная университетская церковь была полна тѣми, которые пришли отдать послѣдній долгъ усопшему. Кромѣ университетскаго начальства, кромѣ товарищей и слушателей покойнаго, много постороннихъ лицъ присутствовали при печальномъ обрядѣ. Здѣсь были люди всѣхъ возрастовъ и поколѣній, всѣхъ классовъ общества. Слезы были проливаемы многими, не принадлежавшими къ кругу близкихъ знакомыхъ покойнаго. Друзьямъ его особенно пріятно было видѣть только-что возвратившагося изъ Петербурга графа С. Г. Строганова, котораго имя такъ тѣсно связано съ Московскимъ университетомъ, и который умѣлъ оцѣнить дарованія и нравственныя достоинства покойнаго. Онъ зналъ Петра Николаевича еще студентомъ; имъ покойный отправленъ за границу и имъ же возведенъ на кафедру всеобщей исторіи.

Тѣло погребено на Даниловскомъ кладбищѣ за Серпуховскою заставой, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ московскихъ кладбищъ. Несмотря на морозъ и глубокой снѣгъ, студенты донесли на рукахъ гробъ отъ университетской церкви до самой могилы. Между ними соблюдалась очередь, и далеко не всѣмъ изъ желавшихъ удалось поднять дорогое бремя. Стеченіе провожавшихъ было огромное, и печальное шествіе тянулось версты на двѣ (1). Долго еще собравшіеся оставались надъ раскрытою могилой; нѣсколько теплыхъ и благородныхъ словъ сказано было учениками надъ могилою любимаго наставника. Нельзя было безъ умиленія видѣть это доброе юношество, которое такъ свято чтитъ память благороднаго и чистаго чловека, велицеузнаннаго служившаго святому дѣлу науки.

(1) Передовые «кальщики» были уже близко отъ заставы, когда задніе экипажи только-что успѣли пройтись церковь Вознесенія у Серпуховскихъ воротъ.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ХРОНИКА.

Общество поощренія промышленности. — Связь между наукою и промышленностію. — Гидравлическіе цементы Вика. — Механическая чесалка Гейльмана. — Богъзна въинограда. — Алюминій.

Давно уже на страницахъ *Русскаго Вѣстника* не появлялось статей технического содержанія: интересы болѣе важные поглощали все его вниманіе. Но и въ этой сферѣ бывають явленія, имѣющія особое общественное значеніе, и которыя поэтому надобно занести въ современную летопись. Мы хотимъ поговорить о послѣднемъ годичномъ засѣданіи Общества поощренія народной промышленности въ Парижѣ.

Составъ и кругъ дѣйствія этого общества сами по себѣ уже заслуживають вниманія. Впервыхъ оно не облечено никакимъ оффиціальнымъ характеромъ, но награды его дѣнаты высоко, приговоры уважаются всею промышленною публикою. Въ его совѣтъ всегда засѣдали люди, прославившіеся въ области приложеній наукъ; въ немъ, какъ въ центрѣ, сходились непрерывные успѣхи промышленности и находили себѣ справедливую оцѣнку.

Отраднo видѣть эти ежегодныя торжественныя раздачи медалей людямъ разнаго званія, получающимъ награды за свои полезныя изобрѣтенія, за свой талантъ и трудолюбіе.

Имѣя постоянно въ виду одну цѣль—поощреніе промышленности, Общество, мало-по-малу, своими собственными средствами возвысилось до степени великаго и свободнаго учрежденія.

Возникшее въ трудную эпоху, когда едва стихли бури революціи, оно вишло свои черныя годы, пережило тяжкіе кризисы, ни разу не измѣняя своей благородной цѣли.

Вспомнимъ, что во главѣ его, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, находился знаменитый Шапталъ, а потомъ Тенаръ, и наконецъ теперь Дюма, котораго труды, какъ химика, извѣстны всему ученому міру; совѣтъ его, какъ мы уже сказали, постоянно былъ составленъ изъ значительнаго числа людей, сдѣлавшихъ себѣ почетную извѣстность по наукамъ, имѣющимъ отношеніе къ промышленности. Гдѣ же руководствуются другими началами въ выборѣ лицъ, гдѣ существованіе самихъ совѣтовъ есть только номинальное, гдѣ наконецъ сама общественная жизнь не выработала еще искреннаго уваженія къ умственному труду, тамъ не ждите прочныхъ успѣховъ и живой вѣры въ труды ученаго общества.

Хотя рѣдкая среда можетъ доставить такихъ дѣятелей, каковы были члены совѣта Общества поощренія народной промышленности

Монжъ, Фуркруа, Бертолетъ, и другіе столь же знаменитые люди, да и самое появленіе ихъ есть уже признакъ зрѣлости общественной, однакожь не слѣдуетъ и забывать, что только талантъ, знаніе и трудъ могутъ возвышать и прославлять какія бы то ни было учрежденія.

Всѣ были въ восторгѣ отъ г. Дюма: раздавая награды, онъ умѣлъ всякому. сказать умное и ласковое слово. Съ какимъ рѣдкимъ искусствомъ онъ резюмировалъ успѣхи химіи, механики и сельскаго хозяйства, — успѣхи, увѣнчанные въ этомъ засѣданіи! Желая показать тѣсную связь между промышленностію и наукою, онъ сказалъ:

«Когда вы назначили необыкновенныя награды Викю, Шверрёлю, Гейльману, не имѣли ли вы въ виду воздать честь самымъ возвышеннымъ источникамъ науки? Не къ наблюденію ли, анализу и вычисленію, которыя оплодотворилъ счастливый геній, относились ваши пальмы и вѣнки?»

«Общество поощренія промышленности, служащее связью между чистою наукою и прикладною, обращая вниманіе на то, что происходитъ около него, съ радостію замѣчаетъ, что политехническое ученіе растетъ и распространяется, приготовляетъ болѣе нежели когда-либо избраннымъ умамъ, живущимъ въ отвлеченной области чистой науки, *истолкователей для толпы* тѣхъ истинъ, которыми эти умы обогащаютъ свой вѣкъ и свою страну.

«Вы далеки отъ того, чтобы считать благородныя истины науки за сокровище, зарытое въ землю жадностію деспота; напротивъ, вы хотите, чтобы выпущенные въ свѣтъ, какъ добрая монета, онѣ оплодотворялись многочисленными приложеніями, не теряя ничего во внутреннемъ достоинствѣ.

«Такимъ-то образомъ вы поддержите неприкосновенную великую мысль основателей нашего Общества, тѣсную и крѣпкую связь науки и промышленности, связь академій съ мастерскими.»

Нельзя было лучше опредѣлить значеніе того учрежденія, во главѣ котораго стоитъ теперь г. Дюма; нельзя также не согласиться съ нимъ, что самое образованіе народныхъ массъ много выигрываетъ отъ развитія промышленности.

Какъ бы ни были благопріятны учрежденія и законы страны, одной грамотности все-таки было бы недостаточно для такого развитія промышленности, которому мы можемъ быть живыми свидѣтелями: нужна еще наука, и нужны люди, посвящающіе себя ей приложеніямъ. Вотъ почему мы выражаемъ свое полное сочувствіе повсемѣстному появленію въ западной Европѣ политехническихъ школъ, которымъ, смѣемъ думать, суждено внести свѣтъ знанія въ самыя темныя углы странъ. На подготовленной такимъ образомъ почвѣ, еще успѣшнѣе возрастутъ и созрѣютъ благородныя плоды высокаго гуманнаго образованія.

Мы говоримъ не объ избранномъ кругѣ гражданъ, поставленномъ

въ благопріятныя условія жизни, но о толпѣ, которой нужно осознательно, неотразимо показать могущество знанія, значеніе побѣдъ, одерживаемыхъ честными тружениками въ тишинѣ своихъ кабинетовъ.

Когда видишь, что мысль передается почти мгновенно за сотни, тысячи верстъ, когда переносишься на многіе десятки верстъ въ часъ, безъ помощи какого-либо живаго двигателя, тогда невольно проникаешься святымъ чувствомъ уваженія къ наукѣ; а это—то уваженіе и можетъ послужить добрымъ началомъ къ дальнѣйшему движенію.

Три награды выступили ярко на первый планъ въ послѣднее засѣданіе Общества поощренія народной промышленности: г. Вика за его превосходныя изслѣдованія гидравлическихъ цементовъ, покойному Жозюе Гейльману за его механическую чесалку, и наконецъ, 19,000 франковъ роздано было различнымъ лицамъ за изученіе и присканіе средствъ къ излѣченію болѣзни виноградныхъ лозъ.

Скажемъ по нѣскольку словъ о каждомъ изъ этихъ трехъ капитальныхъ изобрѣтеній.

Общество объявляло конкурсъ:

1) на открытіе способа для распознаванія гидравлическихъ веществъ, способныхъ сопротивляться дѣйствию моря въ состояніи покоя и движенія.

2) на изученіе цементовъ, уже употребляемыхъ при морскихъ построеніяхъ.

Честь рѣшенія обоихъ вопросовъ принадлежитъ инженеру, уважаемому во всей Европѣ, г. Вика, посвятившему всю жизнь свою на изученіе и отыскиваніе веществъ, употребляемыхъ для гидравлическихъ цементовъ, и вслѣдствіе того, обогатившему многія области своего отечества. Онъ уже получилъ прежде премію, въ 12,000 франковъ, маркиза д'Аржантёля. Теперь же Общество выдало ему 2000 франковъ за открытіе способа быстрой оцѣнки достоинства гидравлическихъ составовъ, и еще 2000 франковъ за лучшее сочиненіе о цементахъ, уже употребляемыхъ или назначенныхъ къ употребленію въ морѣ.

«Если строительное искусство, замѣтилъ Дюма, возвысилось въ наше время, по употребленію цементовъ, до точности, которой никогда Римляне не знали, если теперь мы можемъ сооружать на каждомъ мѣстѣ, сухомъ и мокромъ, въ морѣ и въ рѣкѣ, зданія прочныя, несокрушимыя, дешевыя, то этимъ обязаны мы генію и упорному труду г. Вика, и ему одному: не забудемъ этого.»

Высшая награда, въ 12,000 франковъ, была присуждена наследникамъ г. Гейльмана. Чтобы понять достоинство его изобрѣтенія, уже не новаго и признаннаго на всемирной выставкѣ важнѣйшимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ по прядильному дѣлу, намъ нужно будетъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Прядильныя вещества, какъ-то: шерсть, хлопчатая бумага, ленъ, пенька, шелкъ, очень разнообразны по своимъ качествамъ. Вообще они состоятъ изъ массы волоконъ узловатыхъ, различной длины, перепутанныхъ между собою. Разобрать эти волокна, распрямить ихъ, очистить, снять узлы и шишечки, привести къ параллелизму волоконъ равной длины, наконецъ раздѣлить ихъ и утонить, если вещество допускаетъ это, вотъ задача, которую должны разрѣшать чесальныя аппараты.

Прежде Гейльмана никто не думалъ, чтобъ одна и та же система могла быть безразлично приложена къ различнымъ волокнамъ, и чтобы машина превзошла самаго искуснаго рабочаго.

Онъ придумалъ двѣ машины: одна подготавливаетъ работу, разбирая волокна, другая принимаетъ уже продуктъ первой въ видѣ ленты. Свойства этой машины таковы, что самыя короткія волокна хлопки, смѣшанныя съ дрянью, клочки хлопчатой бумаги, расчесываемые доселѣ только на кардахъ, могутъ теперь подвергаться дѣйствию гребней. Отъ этого отбросы могли пойти въ дѣло, въ хорошую нитку.

Разческа шерсти оцѣнивалась прежде по 25 к. сер. за фунтъ; теперь, благодаря изобрѣтенію Гейльмана, она стоитъ только 10 к., и при томъ она лучше и продуктивнѣе. Считаютъ для одной Франціи выгоду, доставляемую *ежедневно* машинами Гейльмана, въ 60,000 франковъ, на однихъ только шерстепрядильныхъ фабрикахъ.

Такія числа краснорѣчивѣе всякихъ словъ!

Хлопчато-бумажная промышленность также воспользовалась этимъ изобрѣтеніемъ. Долгое время она оставалась почти неподвижною; ее считали какъ бы достигшею своего апогея, какъ вдругъ машина Гейльмана дала ей новый неожиданный толчокъ. Самая лучшая хлопка георгійская и египетская была сортируема, очищаема и выбиваема руками; эта вредная для здоровья процедура была рѣзкимъ протестомъ противъ механическаго искусства, и еще болѣе сильнымъ упрекомъ человечеству. Вѣчная честь Гейльману за освобожденіе женщинъ отъ губельной работы! Присовокупимъ еще, что, замѣнивши кардованіе разческою гребнями, онъ сообщилъ хлопчатой бумагѣ чистоту, блескъ и другія качества, дотогѣ неизвѣстныя. Предѣлъ тонины нити и ея прочности отодвинулся замѣчательнымъ образомъ. Изъ даннаго матеріала приготавливаются теперь не только болѣе тонкія и болѣе прочныя нити, но и самыя отбросы, падающіе съ машинъ, превращаются въ прядильный матеріалъ довольно цѣнный.

Услуги льняной промышленности вскорѣ будутъ также оцѣнены всѣми. Хлопки, составляющіе почти половину льна какъ по цѣнѣ, такъ и по количеству, обработанные на машинѣ Гейльмана, даютъ нити лучшаго качества, нежели длинно-волокнистый ленъ.

Наконецъ, фабрикація шелковаго сдора также улучшилась въ отношеніи экономическомъ и гигиеническомъ.

Это перерожденіе отбросовъ, добываніе изъ нихъ лучшаго матеріала, составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей машины Гейльмана, критеріумъ обширности успѣха. Великая заслуга, дать цѣну остаткамъ, нигуда не годившимся и часто даже вреднымъ!

Этого довольно для того, чтобы показать, съ какою строгою осмотрительностію Общество Поощренія раздаетъ премію маркиза Аржантѣля. Оно хочетъ сдѣлать изъ нея награду великой заслуги передъ наукою и отечествомъ, жизни безкорыстной и чистой, посвященной добру и чести.

Эти послѣднія слова принадлежатъ самому президенту общества; въ нихъ слышится уваженіе къ тому, что во всякомъ человѣкѣ, будетъ ли онъ машинистъ или администраторъ, должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о болѣзни виноградныхъ лозъ.

Въ 1845 году, болѣзнь винограда замѣчена въ первый разъ въ Англіи. Искусный садовникъ Тукеръ началъ изучать ходъ болѣзни, между тѣмъ какъ ученый ботаникъ Беркелей нашелъ въ бѣловатомъ цвѣтеніи лозы тайнобрачное растеніе изъ рода *oidium*. Въ 1847 году болѣзнь замѣчена была въ окрестностяхъ Парижа, а потомъ и въ Версали.

Съ распространіемъ зла по всей Франціи убытокъ винодѣльцовъ, по мнѣнію Барраля, могъ быть оцѣненъ по крайней мѣрѣ въ 200 миліоновъ франковъ въ годъ.

Общество поощренія не хотѣло оставаться простымъ зрителемъ подобнаго бѣдствія: оно полагало нужнымъ возбудить рвеніе наблюдателей и вызвать изслѣдованія, которыя повели бы, если не къ открытію причины, то по крайней мѣрѣ къ средствамъ исцѣленія болѣзни. На первый его призывъ откликнулись многочисленными мемуарами, присланными еще въ концѣ 1853 года, и доказавшими, что задача можетъ быть разрѣшена.

Между тѣмъ французскіе министры земледѣлія и торговли Дюма и Манъ обратили вниманіе на этотъ предметъ, и послѣдній прибавилъ сумму въ 7000 фр. къ преміи общества. Такимъ образомъ окончательно предложено было выдать всѣмъ конкурентамъ, прежнимъ и новымъ: 1) премію въ 10,000 фр. за изобрѣтеніе предупреждающаго и разрушающаго болѣзнь средства, 2) премію въ 3000 фр. за лучшій трудъ о сущности страшнаго бича; 3) поощрительныя награды отъ 1000 до 500 фр., составляющія вмѣстѣ 6000 фр., за лучшіе опыты и изслѣдованія о свойствахъ и причинахъ болѣзни, о ея распространеніи, о способахъ лѣченія, и пр.

Триста семьдесятъ мемуаровъ было прислано къ назначенному

сроку. Главнѣйшимъ результатомъ конкурса было то, что найдено было дѣйствительное, экономическое и удобное средство для уничтоженія болѣзни винограда.

Это средство—сѣра. Вездѣ, гдѣ показывается *oidium*, надобно употребить сѣру, и всегда, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, болѣзь исчезала, виноградныя лозы воспринимали свою прежнюю свѣжесть и силу, и виноградъ достигалъ попрежнему совершенной зрѣлости.

Первая мысль объ употребленіи сѣры принадлежитъ Килью (Англичанину); первое приложеніе этого средства во Франціи сдѣлано г-мъ Дюшартромъ, профессоромъ бывшаго агрономическаго института въ Версали; употребленіе въ большихъ размѣрахъ показано г-мъ Гонтье, и наконецъ условія употребленія выяснены г. Маресомъ.

Премія въ 10,000 фр. была раздѣлена между этими четырьмя конкурентами. Г. Килью поднесена была еще, кромѣ денегъ, медаль въ 500 фр. за первенство мысли. Премію въ 3000 фр. получилъ тотъ же г. Маресъ за лучшій трудъ о сущности болѣзни виноградныхъ лозъ.

Наконецъ сумма въ 6000 фр. была раздѣлена между многими лицами.

Исполненное вѣры въ науку, Общество Поощренія издало программу новыхъ премій, имѣющихъ цѣлью вызвать изслѣдованія о болѣзни шелковичныхъ червей. Да будетъ оно и на этотъ разъ столь же счастливо, какъ въ вызовѣ изслѣдованій о болѣзни винограда.

2-го декабря прошлаго 1857 года, Общество поощренія имѣло экстраординарное засѣданіе, въ которомъ г. Моренъ, директоръ Нантерской фабрики алюминія, показывалъ новый металлъ во всѣхъ видахъ, которые успѣли уже дать ему промышленность и искусство. Гаври Сентъ-Клеръ Девилль, изобрѣтатель способа добыванія алюминія въ большомъ размѣрѣ, излагалъ исторію его открытія, исчислялъ и объяснял свойства новаго металла. Собраніе было многочисленно; всѣ члены совѣта присутствовали.

Контора, длинный столъ, занимающій средину залы, были уставлены предметами, сдѣланными изъ алюминія: лабораторныя аппараты, кухонная посуда, физическія инструменты, галантерейныя вещи. Это неожиданное разнообразіе было само по себѣ уже блестящимъ доказательствомъ великаго успѣха, неожиданною побѣдою; еслибы вызвали другихъ фабрикантовъ алюминія, то импровизированная выставка была бы гораздо богаче, блистательнѣе и изящнѣе. Алюминій есть металлъ глинозема; глиноземъ же есть окисленный алюминій. Глиноземъ находится въ большомъ количествѣ во всѣхъ родахъ глины; нѣкоторыя изъ послѣднихъ содержатъ глинозема до 78 процентовъ; пятьдесятъ же двѣ части глинозема заключаютъ двадцать восемь частей алюминія; слѣдовательно есть роды

глины, которые въ случаѣ нужды могли бы доставить значительное количество алюминія; относительно не меньше, сколько доставляютъ желѣза лучшія руды въ Англіи. Здѣсь затрудненіе состоитъ не въ недостаткѣ богатства руды, но въ трудности извлеченія металла. Трудно разкислить глиноземъ; но за то съ трудомъ добытый металлъ (алюминій) не окисляется,—не ржавѣетъ.

Для добыванія алюминія употребляются теперь очень простые способы и самыя обыкновенныя ингредиенты: уголь, глина, соль, наконецъ хлоръ. Цѣна фунта около 40 рублей. Настало время для промышленныхъ употребленій этого металла, и вотъ причина, по которой мы заговорили въ промышленной хроникѣ о предметѣ уже давно извѣстномъ.

Заслуга Девиля неоспорима. Было время, когда металлъ или содй стоилъ 5000 франковъ за килограммъ ($2\frac{1}{2}$ фунта); теперь цѣна его доведена до 9 франковъ. А такъ какъ содй необходимъ при добываніи алюминія, то это пониженіе цѣны составляло главное условіе промышленнаго употребленія новаго металла.

Алюминій почти такъ же бѣлъ какъ и серебро; но блескъ его меньше блеска серебра. Онъ упругъ и можетъ быть вытянутъ въ очень тонкую проволоку. Нечего говорить о чрезвычайной легкости алюминія: всѣмъ извѣстно, что онъ вчетверо легче серебра.

Не безъ удивленія поднимаешь большой кусокъ этого металла, какъ бы неспровергающаго всѣ наши обычныя понятія о вѣсомости металловъ. Предметы, сдѣланные изъ алюминія, сохраняютъ неизмѣнно свой наружный видъ. Ни сернистая, ни серная кислоты не производятъ на алюминій замѣтнаго дѣйствія. Въ нѣкоторыхъ вольтовыхъ столбцахъ платина замѣнена алюминіемъ, и этотъ послѣдній оказался болѣе прочнымъ.

Новый металлъ съ большою пользою можетъ быть употребляемъ для приготовленія кухонной посуды: изъ всѣхъ металловъ онъ есть самый безвредный. Еслибы и могло что-либо раствориться въ пищу, то послѣ кипѣнія это что-либо разложилось бы на уксусную кислоту, которая бы улетучилась, и на глиноземъ, совершенно безвредный для здоровья.

Алюминій расплавляется втрое медленнѣе серебра и долго сохраняетъ теплоту, ему сообщенную.

Въ числѣ различныхъ предметовъ, выставленныхъ г-мъ Девиллемъ, были и театральныя трубки. Необыкновенная легкость этихъ трубокъ дѣлаетъ ихъ болѣе удобными въ употребленіи.

Для промышленныхъ цѣлей совершенно чистый алюминій не употребляется. Несмотря на усовершенствованія фабрикаціи, этотъ металлъ все-таки заключаетъ небольшое количество мѣди. Впрочемъ сплавъ мѣди съ алюминіемъ доставляетъ бронзу замѣчательнаго свойства. Самый лучшій сплавъ содержитъ 10 процентовъ алюминія. Онъ

походить на желѣзо почти всѣми своими физическими свойствами, и вытягивается въ проволоку, которой вязкость превосходитъ вязкость желѣзной проволоки. Когда будутъ сдѣланы опыты надъ проводимостію электричества, тогда вѣроятно подумаютъ серьезно объ употребленіи этого сплава для телеграфическихъ проволокъ.

А. Ершовъ.

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ ЗАЛАХЪ МОСКОВСКАГО УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ И ВАЯНІЯ.

Въ настоящей выставкѣ картинъ, помѣщенной въ залахъ Московскаго училища живописи и ваянія, не столько выражается добровольно принятая обязанность Художественнаго Общества давать передъ московскою публикой отчетъ въ годичныхъ трудахъ воспитанниковъ Училища живописи и ваянія, сколько удовлетвореніе потребности публики въ наслажденіи искусствомъ. Это доказывается самымъ составомъ выставки. Лучшее украшеніе настоящей выставки составляютъ картины современныхъ отечественныхъ художниковъ, занимаемымъ большею частію изъ частныхъ коллекцій любителей и нѣкоторыхъ членовъ Московскаго Художественнаго Общества.

Особенно богата пейзажная живопись. Имена Калама, Айвазовскаго, Лагоріо, Боголюбова, Давыдова, Саврасова и другихъ, столь извѣстныхъ каждому любителю искусства, привлекли въ залы училища толпу, въ нѣкоторые дни до того многочисленную, что многіе, за невозможностію пробраться чрезъ переднюю комнату, должны были откладывать свое посѣщеніе до слѣдующаго дня. Всеобщее сочувствіе къ Каламу молодыхъ нашихъ художниковъ сдѣлало его родоначальникомъ новой современной школы пейзажа, до того у насъ распространеннейшей, что подражаніе манерѣ Калама называется между художниками *окаламиться*. Выставленный нынѣ пейзажъ Калама представляетъ одно изъ озеръ Швейцаріи, озеро Четырехъ Кантоновъ. Это одинъ изъ тѣхъ видовъ, гдѣ ничто не нарушаетъ спокойствія, въ которое какъ будто погружена природа: на первомъ планѣ озеро съ его кристальными лазуревыми водами, будто дышащими прозрачною влагою и вмѣстѣ очаровывающими глазъ своимъ цвѣтомъ. Часть горъ, покрытая зеленью, освѣщена лучомъ солнца; воздухъ наполненъ парами, придающими всему пейзажу необыкновенную мягкость; дальній планъ, состоящій изъ горнаго ущелья, постепенно исчезаетъ въ легкомъ прозрачномъ туманѣ; промежъ рѣдкихъ облаковъ сквозитъ мѣстами лазурь небеснаго свода. Нельзя не подивиться простотѣ и вмѣстѣ мастерству исполненія въ этомъ пейзажѣ.

Изъ работъ нашихъ отечественныхъ художниковъ первенствующее мѣсто безъ сомнѣнія принадлежитъ двумъ пейзажамъ Лагоріо. Кагель Фузано, или скорѣе лѣсъ пиній, картина, писанная въ Римѣ зимою 1856 года, о которой мы уже имѣли случай говорить однажды (1), и видъ острова Капри. Обѣ принадлежатъ Д. Ч. Общества г-ну Соддатенкову. Мы въ немаломъ затрудненіи, которой изъ этихъ картинъ, написанныхъ въ совершенно-различныхъ родахъ, дать предпочтеніе. *Лѣсъ пиній* уже занималъ въ нашей памяти весьма почетное мѣсто: эта картина доставляла намъ столько наслажденій еще въ Римѣ, гдѣ мы нетерпѣливо слѣдили за ея окончаніемъ, совершавшимся почти передъ нашими глазами; это могло невольно сдѣлать насъ къ ней пристрастными. Но дарованіе художника быстрымъ *crescendo* двигается впередъ, и кажется первенство должно безспорно быть на сторонѣ послѣдняго его произведенія. Ежели въ частѣ лѣса пиній, среди роскошной, почти дѣвственной растительности, которую еще можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ уголкахъ римской Кампаньи, какъ напримѣръ въ знаменитомъ лѣсу, находящемся близъ Неттуно, или въ извѣстномъ паркѣ Гиджи подлѣ Альбано, Лагоріо показалъ намъ, какъ онъ усвоилъ себѣ физономію и поэтической характеръ этой природы, и сроднился съ ея могущественными силами, то въ видѣ острова Капри мы находимъ, что его кисти сподручна и морская влага того волшебнаго острова, гдѣ самыя брызги волнъ окрашиваются лазурью, и каждый камешекъ подъ водою блеститъ пуще серебра. Лагоріо показалъ, какимъ бываетъ Капри при небѣ, покрытомъ легкими облаками, сквозь которыя мѣстами прорываются солнечные лучи. Перспектива волнъ, освѣщенныхъ солнцемъ на дальнемъ планѣ картины, и въ особенности освѣщенная часть воды средняго плана выражены неподобно. Зрителя поражаетъ эта живая громада горъ, выдвинувшаяся изъ моря, гдѣ съ первымъ шагомъ на берегъ, должно уже карабкаться на высоту, мѣстами одѣтую роскошною южною растительностію. Освѣщенная часть горы, составляющая средній планъ картины, выражена съ тою мягкостію, которая пріобрѣтается въ пейзажной живописи только многолѣтнимъ упражненіемъ; прозрачность воды на первомъ планѣ, прикрытомъ тѣнью отъ облаковъ, приводитъ въ восхищеніе; разбѣги этихъ волнъ по береговой отмели превращаются въ брызги и пѣну, принявшую лазоревый цвѣтъ, что живо напоминаетъ мѣстныя свойства воздуха, окрашивающаго все голубою краскою.

Послѣ отрадныхъ успѣховъ замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ молодыхъ пейзажистовъ, мы упомянемъ о многочисленныхъ произве-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1856 г. № 11: *Мастерскія русскіихъ художниковъ въ Римѣ.*

деніяхъ давно уже прославленнаго у насъ художника, особенно отличающагося необыкновенною плодовитостію своей кисти,—о картинахъ Айвазовскаго, находящихъ на выставкѣ въ количествѣ 10-ти номеровъ. Всѣ онѣ поступили на выставку изъ частныхъ галлерей любителей, за исключеніемъ *бурн* и *вида Капри*, картинъ предназначенныхъ самимъ художникомъ въ пользу училища. Извѣстно было бы много распространяться объ особенностяхъ кисти художника, столь давно у насъ всѣмъ извѣстнаго. Кому изъ московскихъ жителей не памятны картины его, нѣкогда украшавшія выставку того же училища, какъ напримѣръ *утро близъ Алушты*, *вечеръ въ Ориандѣ* и *ночь въ Феодосіи*? кого не приводили онѣ въ восторгъ? Нельзя чтобы и выставленныя нынѣ произведенія лишены были достоинствъ, вышедши изъ подъ руки такого могучаго дарованія; но отъ такого художника, какъ Айвазовскій, публики въ правѣ требовать большаго уваженія къ собственному таланту; она въ правѣ желать, чтобы онъ выпускалъ изъ своихъ рукъ произведенія болѣе серьезнаго и обдуманнаго труда. Изъ выставленныхъ произведеній болѣе обращаютъ на себя вниманіе: *пейзажъ мельницы* и *пожаръ на корабль*, но къ сожалѣнію въ первомъ изъ нихъ мы видимъ неоконченность правой стороны, а во второмъ не совсѣмъ вѣрно изображенный на волнахъ свѣтъ огня, гдѣ рефлексъ не можетъ достигать перваго плана, такъ какъ огонь находится не высоко надъ водою. *Поле ржи при полуденномъ освѣщеніи* не лишено достоинствъ, но нѣсколько холодно по своему тону. Въ *видѣ Отранн* игра луннаго свѣта на ближнихъ волнахъ выполнена довольно мастерски, но тонъ освѣщенія береговыхъ зданій не выражаетъ лунной ночи. Нигдѣ нельзя столько пожалѣть о небрежности художника, при составленіи своихъ произведеній, какъ въ прекрасномъ зимнемъ пейзажѣ *Чумаки, подѣлывающіе къ жидовской корчмѣ*, болѣе другихъ удачномъ по своему исполненію. Пространство, на которомъ растянута обозъ Чумаковъ изъ подводъ, стоящихъ непрерывно одна вслѣдъ за другою, которыхъ насчитывается только восемь, занимаетъ по перспективѣ картины чуть-чуть не полверсты. Прекрасна картина г. Боголюбова, *видъ Соррента*, родины Тасса, гдѣ воздухъ постоянно наполненъ благоуханіемъ померанцевъ. Долина Сорренто, въ садахъ которой находится самое мѣстечко, лежитъ на ближайшихъ скалахъ. На горѣ, выступающей болѣе другихъ въ море, находится мѣстечко Вино, не уступающее своею живописностію Сорренту. Нельзя налюбоваться зеркальною поверхностію водъ въ этой картинѣ, о которой мы имѣли уже однажды случай говорить. (1)

Слѣдуетъ еще упомянуть въ этомъ быстромъ обзорѣннн о *видѣ Альбанскихъ горъ со стороны моря* даровитаго, рано покищеннаго

(1) См. Р. В. 1856 г. № 11: *Мастерскія русскія художниковъ въ Римѣ.*

смертью Давыдова, объ одномъ изъ двухъ финляндскихъ пейзажей г. Богомолова, о *видѣ Кукцова* г. Саврасова. Г. Богомоловъ вѣрно передаетъ характеръ сѣверной природы, не слишкомъ подражаетъ манерѣ Калама. Г. Саврасовъ очень вѣрно изобразилъ разнообразные тоны осенней зелени; особенно хорошъ средній планъ его пейзажа.

Изъ перспективъ заслуживаютъ исключительное вниманіе работы г. Шухвостова, уже составившаго себѣ извѣстность по этому роду живописи. Но скудость размѣровъ церквей нашихъ и рѣдко встречающееся въ нихъ эффектное освѣщеніе представляютъ мало разгула для кисти талантливаго художника. Не этой ли скудости должно приписать то обстоятельство, что художникъ, имѣя предъ собою предметы на весьма близкомъ разстояніи, поневолѣ слишкомъ вдается въ выработку подробностей, упуская иногда изъ вида общій эффектъ цѣлаго, который въ перспективѣ все-таки долженъ оставаться главною задачею? Нельзя не пожелать отъ души пространнѣйшаго поля дѣятельности для замѣчательной кисти г. Шухвостова; оно можетъ представиться ему не иначе какъ съ поѣздкою за границу, гдѣ въ особенности могли бы развить его дарованіе эффектные перспективы церквей Италіи. Изъ выставленныхъ г. Шухвостовымъ картинъ болѣе всего заслуживаетъ быть замѣченною *внутренность Благовѣщенскаго собора въ Кремль*.

Перейдемъ къ живописи портретной.

Особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ въ этомъ родѣ работы инспектора училища г. профессора Зарянка, котораго необыкновенный талантъ подаетъ поводъ къ самымъ разнороднымъ сужденіямъ художниковъ и дилеттантовъ.

Въ портретѣ князя С. М. Голицына перспектива задней комнаты со всѣми находящимися въ ней предметами, приводитъ въ удивленіе. О головѣ пока еще никто не въ правѣ произносить своего мнѣнія, потому что она не окончена, но постановка и рисунокъ всей фигуры имѣетъ недостатки, которые бросаются съ перваго же рза въ глаза всѣмъ и каждому. Правая сторона фигуры вмѣстѣ съ правою рукою и ногою представляетъ весьма не граціозную прямую линію, не прерываемую, или правильнѣе, не перебитую ничѣмъ, между тѣмъ какъ лѣвый рукавъ кафтана, вообще бѣднаго движеніемъ складокъ, до того измятъ, что не видно живой руки подъ сукномъ. Нельзя умолчать и о томъ, что постановка ногъ не соответствуетъ перспективѣ паркета: онѣ кажутся слишкомъ выдвинутыми впередъ. Мы позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе, именно по тому только, что предполагаемъ въ г. Зарянка художника крайне зыскательнаго къ собственному труду. При всемъ стараніи нашемъ опредѣлить пространство паркета промежуточной менѣ освѣщенной комнаты, это не удалось намъ, хотя комната сама по себѣ и не велика. Видимое про-

странство потолка и перспективное сокращеніе двери показываютъ, что и полъ долженъ имѣть протяженіе, а въ картинѣ этого рѣши-тельно нѣтъ. Другой, выставленный г. Зарянкою портретъ г. тайнаго совѣтника Черткова, вызываетъ всеобщія похвалы исполненіемъ платья и шляпы; искусство въ правдоподобіи изображенія доведено здѣсь дѣйствительно до крайнихъ предѣловъ. Менѣе удовлетворительно кажется самое лицо, и можетъ-быть потому, что оно тераетъ отъ необычайной оконченности всей фигуры. Объ аксессуарахъ этого портрета мы умолчимъ. Портретъ г. Масоѣдова представляетъ нѣкоторую особенность въ манерѣ исполненія головы, не лишенную также своего рода достоинствъ. Здѣсь видно стремленіе передать прозрачность кожи, что въ многихъ мѣстахъ головы достигнуто довольно удачно; за то удаленіе отъ естественности въ колоритѣ лица болѣе бросается въ глаза, чѣмъ во всѣхъ другихъ портретахъ. Блескъ металла въ шитьѣ мундира и въ особенности въ звѣздахъ, превышаетъ всякое понятіе о совершенствѣ выполненія. Но лучшимъ перломъ изъ выставленныхъ г. Зарянкою работъ должно безспорно признать грудной портретъ неизвѣстной дамы, или скорѣе эту же женской фигуры, нижняя часть которой еще не кончена. Пусть завистники дарованія г. Зарянки проповѣдуютъ, что онъ неестественнымъ путемъ, съ помощію скользящаго освѣщенія, достигаетъ своихъ эффектовъ, что живопись его не походить на то, что сдѣлано цѣлымъ рядомъ великихъ живописцевъ, начиная съ имени Рафаэля и доходя до Брюллова. Каждый дѣятель въ искусствѣ, поубѣжденію нашему, долженъ идти собственнымъ путемъ къ предположенной имъ цѣли, и трудами своихъ предшественниковъ пользоваться только по мѣрѣ надобности, какъ средствомъ, буде оно дѣйствительно, къ скорѣйшему ея достиженію. Не будемъ входить въ подробности, какими средствами достигнуто здѣсь живописный эффектъ: это дѣло техники самого художника; довольно того, что мы видимъ передъ собою не портретъ, а живую женщину съ накинутымъ на голову платкомъ бѣлаго тончайшаго кашемира. Это произведеніе г. Зарянки живо напомнило намъ то общее впечатлѣніе, котораго достигаетъ въ своихъ портретахъ знаменитый Ридель. Оба живописца идутъ совершенно различными путями, и ежели на этихъ разностороннихъ путяхъ послѣдовало между ними случайное сближеніе, нельзя же предположить, что оба они уклонились отъ прямой дороги искусства.

Ежели всякое, болѣе или менѣе самобытное дарованіе находить себѣ подражателей, то было бы не естественно не найти подражанія г. Зарянкѣ между работами учениковъ того самаго училища, въ которомъ онъ занимаетъ мѣсто преподавателя и инспектора. Работы гг. Шпревича, Зарянки (ученика) и Колесова, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Но не радостно было бы и видѣть на выставкѣ вліяніе одной манеры,

и не встрѣтитъ произведенія современной портретной живописи, которое бы изобличало въ художникѣ самобытность дарованія. По счастью, художникъ Невревъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ профессора Скотти подарилъ намъ такимъ портретомъ, отъ котораго приходятъ въ единомышленный восторгъ многіе любители и знатоки искусства. Мы разумѣемъ портретъ графа Чернышева. Это та естественность въ изображеніи человѣческаго тѣла, очищенная отъ всякихъ умышленныхъ эффектовъ, которой достигаютъ въ живописи немногіе. Дѣло ли это случайной удачи, или сознательнаго стремленія, только желательно, чтобы художникъ продолжалъ слѣдовать тѣмъ же самымъ путемъ и подарилъ намъ побольше подобныхъ произведеній. Давая художнику этотъ совѣтъ, мы принимаемъ на себя обязанность высказать ему общее желаніе многихъ любителей искусства.

Изъ жанровъ, число которыхъ довольно многочисленно на выставкѣ, прежде всего должно обратить вниманіе на небольшую картину г. Шильдерна *Обольщеніе*, какъ по драматизму самаго сюжета, такъ равно и по мастерскому выраженію идеи дѣлаго сочиненія дѣйствующими лицами картины. Нельзя не согласиться, что на художника имѣли вліяніе композиціи Фодотова, работавшаго въ томъ же самомъ родѣ, и даже скомпоновавшаго нѣчто подобное, но это замѣчаніе нисколько не отнимаетъ у картины г. Шильдерна ея достоинства. Въ жилищѣ, гдѣ бѣдность постоянно борется съ нуждою, мы видимъ престарѣлую мать, лежащую на смертномъ одрѣ. Къ дочери ея, одаренной молодостію и красотою, является почтенныхъ лѣтъ знакомка съ довольно нецеремоннымъ предложеніемъ: золотой браслетъ употребляется со стороны поклонника ея красоты, какъ средство, чтобы свискать ея расположеніе. Невинная дѣвушка, какъ видно по движенію руки, отвергаетъ гнусное предложеніе этой барыни, старающейся всѣми силами своего краснорѣчія поколебать юную добродѣтель, но въ то же время на благородномъ лицѣ ея вмѣстѣ съ негодованіемъ есть слѣдъ нѣкотораго колебанія и нерѣшимости: ее, какъ видно, ужасаютъ бѣдствія нищеты. Изъ-за дверей выглядываетъ круглая физиономія мужчины съ усами, приславшаго браслетъ и нетерпѣливо выжидающаго, какое дѣйствіе произведетъ онъ на невинную жертву. Исполненіе главныхъ фигуръ, въ которыхъ ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно выразился драматизмъ сюжета, — превосходно, какъ по рисунку, типу и выраженію лицъ, такъ и по достоинствамъ кисти. Какъ желательно было бы встрѣчать по болѣе такихъ жанровъ, гдѣ видна искусная обработка мысли, хотя сюжетъ и заимствованъ изъ обыкновенной жизни.

Переходимъ къ произведенію г. Сорокина, столь давно намъ вътѣресовавшему, о самомъ названіи котораго не мало было толковъ. Ее называли Нищею, получающею милостыню отъ руки, протанутой къ ней изъ-за церковной двери, но названіе было неудачно. Чтобы

сохранить болѣе уваженія къ достоинству картины, выдвигая впередъ ея основную идею, которая, несмотря на всѣ возгласы ея почитателей, оставалась для насъ не вполне извѣстною, назовемъ ее однимъ словомъ: *Милостыня*.

Произведеніе г. Сорокина, какъ по самому рисунку, такъ и по пріятной манерѣ живописи, обращаетъ на себя вниманіе многихъ. Оно носитъ слѣды серіознаго труда и несомнѣннаго художническаго дарованія и потому не требуетъ, думаемъ, уклончивости въ сужденіяхъ. Разсмотримъ же его содержаніе. На церковной паперти у самыхъ дверей, прислонясь къ стѣнѣ, стоитъ дѣвочка съ поднятою для прошенія милостыни рукою. Милостыня подается ей протянутою изъ-за двери рукою молодой и богато одѣтой дамы, какъ можно судить по контуру руки въ перчаткѣ и по части ея одежды, но фигура нищей остается неподвижною. Голова ея нѣсколько склонилась впередъ; смурится она не отъ солнца, которое на нее свѣтитъ и свидѣтельствуешь о себѣ сильными и опредѣленными тѣнями, хотя въ бликахъ самой фигуры этого солнечнаго освѣщенія не выражено. Изъ ея мины можно заключить, что стыдливость приводитъ ее въ замѣшательство, вслѣдствіе котораго она какъ бы не торопится протягивать руку. Вполнѣ сочувствуя прекрасной идеѣ художника, которую мы старались по возможности опредѣлить, не можемъ однако удержаться отъ замѣчанія, что замѣшательство и стыдливость въ дѣвочкѣ, стоящей на церковной паперти съ поднятою уже рукою, едва ли уместны; иное дѣло, еслибы милостыня предлагалась ей не тамъ, куда она какъ видно пришла за ея полученіемъ. Что касается до руки, то хотя она по общему приговору и представляетъ вполнѣ-выраженный характеръ изящной руки аристократки, но мы все-таки остаемся при нашемъ прежнемъ убѣжденіи (1), что отдѣлать руки или ноги отъ фигуръ, скрытыхъ за дверью или за рамою картины, не позволительно, даже хотя бы это сдѣлано было подъ вліяніемъ идеи, что милостыня подается втайнѣ.

Нельзя не обратить вниманія еще и на произведенія кисти г. Тимашевскаго, выставившаго три масляныя картины и одну акварель, принадлежащую училищу. Они приводятъ насъ невольню къ мысли, какъ разнообразны бываютъ средства, которыми награждаетъ природа художниковъ. Одинъ обладаетъ въ совершенствѣ рисункомъ, но у него нѣтъ творческой фантазіи, у другаго соединено то и другое, но не развито чувство колорита, и онъ не болѣе какъ рисовальщикъ. Но случается иногда, что это чувство колорита развито до такой степени, что оно обольщаетъ насъ своею прелестью, и нужно замѣтить, что эта врожденная способность встрѣчается всего рѣже и не достигается наукою.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1856 № 11, 1857 № 5 и 1858 № 1.

Итальянка у фонтана есть уже весьма замѣчательный этюдъ г. Тимашевскаго, отличающійся пріятностію исполненія и бойкою кистию. Но особенность его дарованія болѣе всего выразилась въ двухъ небольшихъ картинахъ, изображающихъ сцены изъ жизни итальянскихъ бандитовъ. Въ одной мы видимъ фигуру разбойника, высматривающаго изъ-за скалы и выжидающаго съ кинжаломъ въ рукѣ благопріятной минуты, чтобы напасть на путешественника. На заднемъ планѣ жена подаетъ мужу кинжалъ, убѣждая его послѣдовать примѣру своего товарища. Въ другой мы видимъ какъ бы результатъ этой сцены: сынъ разбойника прибѣгаетъ съ извѣстіемъ къ своей матери, что отецъ его поплатился жизнью за отважное покушеніе. Въ послѣдней картинѣ особенно замѣчательна фигура матери, какъ по выраженію лица, такъ и по необыкновенной граціи положенія; но нельзя не пожалѣть, что въ фигурѣ мальчика есть недостатки въ рисункѣ. Что касается до колорита, г. Тимашевскій обладаетъ имъ въ совершенствѣ, но этого еще мало сказать: кромѣ пріятной гармоніи въ выборѣ колеровъ, имъ усвоена пріятная манера писать, не перекачывая своихъ произведеній. Прибавьте къ этому мастерское, но нисколько не изысканное освѣщеніе фигуръ, которое въ особенности видно въ его акварельной *сценѣ изъ римской жизни*, которой дано названіе: *Хозяйка глаза протираетъ, а служанка юстей принимаетъ*. Не можемъ не пожалѣть, что продолженіе этой сцены, также акварель, составляющая pendant къ этой и находящаяся въ коллекціи г. Солдатенкова, не помѣщена на выставкѣ. Та акварель еще несравненно замѣчательнѣе по мастерскому освѣщенію.

На нынѣшней выставкѣ, столь богатой произведеніями нашихъ римскихъ художниковъ, мы находимъ еще двѣ уже извѣстныя намъ картины работы г. Орлова. Это во первыхъ повтореніе *Октябрьскаго праздника*, о которомъ едва ли не болѣе было писано, чѣмъ сколько картина заслуживаетъ; а во вторыхъ *портретъ г. Лорисъ Меликова и его супруги*, въ національномъ костюмѣ Итальянки, и подлѣ нихъ *мальчика римскаго пифферари*. Произведеніе это мы имѣли уже однажды случай разсматривать (1). Картинѣ *Октябрьскій праздникъ*, — рисунокъ и сочиненіе которой виѣтъ съ выраженіемъ фигуръ имѣютъ много достоинствъ, — слышится одинъ упрекъ, что она записана, упрекъ по несчастію совершенно справедливый, потому что таково по большей части свойство кисти этого художника. И ежели въ портретѣ г. Лорисъ Меликова не видно того же недостатка, то этому должны не мало радоваться почитатели таланта г. Орлова. Поза женской фигуры въ этомъ портретѣ весьма граціозна, и исполненіе ея удовлетворительно.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1856 г. № 14.

Нельзя умолчать и о двухъ произведеніяхъ г. И. Соколова, *праздникъ Купалы* и *малороссійской свадьбы*, поступившихъ на выставку изъ собранія г. Солдатенкова. Дарованіе г. Соколова, въ недавнее время сдѣлавшееся столько извѣстнымъ по картинѣ *Цыгане*, приобретенной Государемъ Императоромъ и украшавшей послѣднюю академическую выставку, принадлежитъ къ дарованіямъ, не получившимъ еще своего окончательнаго развитія, но въ то же время дающимъ вѣрный залогъ для будущаго. Это подтверждаютъ и выставленныя нынѣ картины. Любимый предметъ г. Соколова составляютъ національные обычаи и народныя сцены; въ немъ замѣтно прилежное изученіе какъ народнаго характера, такъ и типичности фязіономій. Въ *праздникъ Купалы* выборъ сюжета представилъ г. Соколову крайне трудную задачу по выполненію. Но если въ этой картинѣ мы не находимъ еще сосредоточеннаго единства, которое бы видимо привязывало къ главной сценѣ дѣйствія всѣ отдѣльныя группы, вслѣдствіе чего, въ группахъ дѣйствующихъ лицъ какъ будто нѣтъ достаточной энергіи, и замѣтна нѣкоторая вялость, то не таковъ ли характеръ и самаго народа, въ средѣ котораго напрасно было бы искать живой вакханаліи? Трудность выполненія фигуры, прыгающей черезъ костеръ, конечно не совсѣмъ побѣждена; но всѣ другія фигуры въ этой картинѣ и отдѣльныя группы удовлетворительны и притомъ вѣрны характеру малороссійской національности. Другая картина г. Соколова, *Возращеніе молодыхъ отъ вѣнца*, также сцена изъ деревенской жизни малороссійскихъ поселенъ. При нѣкоторомъ недостаткѣ движенія въ фигурахъ, и преимущественно въ фигурахъ молодой четы, картина не лишена своего рода достоинства.

Изъ ученическихъ работъ въ этомъ родѣ обращаетъ на себя вниманіе картина г. Перова *Судъ у станоката*, удостоенная большой серебряной медалі. Въ тѣсной крестьянской избѣ засѣдаетъ этотъ грозный членъ земской полиціи въ присутствіи полнаго своего штата. Сотскій съ безстрастнымъ выраженіемъ лица держитъ на обрывкѣ молодого парня, старающагося по видимому своими жалобами смягчить непоколебимое сердце полицейскаго чиновника, спокойно разкуривающаго трубку. Сидящій напротивъ его писецъ въ гороховомъ сюртукѣ и съ подбитымъ глазомъ, личность весьма типичная, записываетъ показанія и въ то же время посматриваетъ на водку, столь же неизбѣжную принадлежность служебной дѣятельности нашихъ героевъ, какъ и чернила, которыми они пишутъ. Картина эта обличаетъ въ г. Перовѣ много таланта и пониманія дѣла. Художникъ съ такимъ направленіемъ, при достаточной силѣ въ рисунокѣ, былъ бы весьма современнымъ явленіемъ. Публика могла бы ожидать олицетворенія литературныхъ произведеній, каковы Губернскіе Очерки, и гг. Живолоты, Порфирія Петровичи, Пригоренскіе и

другіе превратились бы въ видимые образы. Но подобнаго труда едва ли мы скоро дождемся: у насъ еще мало сильныхъ съ развитымъ соображеніемъ рисовальщиковъ, да вообще кажется русскій художникъ тяжелъ для подобныхъ работъ; онъ все стремится къ произведенію чего-либо посолондѣе, рѣдко останавливается на карандашѣ, а берется скорѣе за кисть, чтобъ ею вырывать недостатки своего рисунка.

Какъ и на всѣхъ современныхъ выставкахъ крайне-малымъ числомъ произведеній ограничивается у насъ живопись историческая. Отраднѣйшимъ изъ этихъ явленій мы назовемъ произведеніе молодого художника, къ сожалѣнію, сошедшаго уже въ могилу: это — *Богоматерь* Капкова. Произведенія религиозной живописи на нашихъ выставкахъ — явленіе чрезвычайно рѣдкое, между тѣмъ какъ живопись собственно церковная составляетъ главное поле дѣйствій нашихъ молодыхъ художниковъ. Какъ объяснить такое явленіе? Намъ можетъ-быть скажутъ, что произведенія церковной живописи дѣлаются по частнымъ заказамъ, и время ихъ выполненія не всегда можетъ совпадать со временемъ выставокъ. Это обстоятельство наводитъ на мысль о постоянной выставкѣ; необходимой для большаго развитія и поощренія у насъ художественныхъ способностей. Примѣръ — выставки, устроенныя обществами любителей въ Римѣ, въ Мюнхенѣ; какъ мы слышали, нѣчто подобное учреждаютъ теперь въ Петербургѣ. Но это все-таки не настоящій отвѣтъ на заданный нами вопросъ. Мы принуждены сознаться, что изготовляемые большею частію нашихъ художниковъ образы не подходятъ подъ разрядъ даже и упражненій въ сочиненіи предметовъ религіознаго сдержанія; большею частію они бывають соединеннымъ произведеніемъ позировавшаго натурщика и драпировки, накинутой на манекенъ. Вотъ почему *Богоматерь* Капкова составляетъ явленіе истинно отрадное. Въ лицѣ ея мы находимъ то невозмутимое спокойствіе, которое можетъ быть только выраженіемъ святости. При красотѣ лица нельзя не замѣтить небольшого недостатка — нѣкотораго отсутствія круглоты въ головѣ. Фигура Предвѣчнаго Младенца менѣе удовлетворительна, и выраженіе ея видимо заимствовано съ Сикстинской Мадонны Рафаэля. Къ сожалѣнію, картина осталась неоконченною.

Изъ историческихъ композицій нельзя между прочимъ не остановиться на композиціи г. П. Соколова: *Пріемъ, сдѣланный Іованномъ Грознымъ посланному отъ князя Курбскаго*. Ни одинъ родъ живописи не подвергается въ такой степени критическому разбору со стороны публики, какъ историческая композиція: здѣсь художникъ не вполнѣ господинъ своей фантазіи, онъ стѣсненъ еще условіями историческаго правдоподобія, кромѣ множества другихъ условій. Различіе взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ можетъ породить различныя сужденія, вотъ почему и первоклассныя произведенія въ этомъ родѣ не избѣгаютъ строгаго критическаго разбора. Суж-

денія, произносимыя относительно композиціи г. Соколова, болѣе или менѣе близки къ дѣлу. Говорятъ, такой человекъ, какимъ былъ Іоаннъ Мучитель, вонзивъ, во время чтенія письма отъ князя Курбскаго, острие своего посоха въ ногу посланнаго, долженъ былъ сохранять видимое равнодушіе. Разъяренный взглядъ Іоанна въ эскизѣ г. Соколова нашли и мы неумѣстнымъ. Положеніе его напоминаетъ нѣсколько тѣ позы, которыя принималъ покойный Каратыгинъ, играя Лудовика ХІ. Фигуру посланнаго можно назвать счастливѣйшею во всей композиціи. Но указаніе шута на струю крови, текущей изъ раны посланнаго, не имѣетъ определенной мысли и производитъ самое безотрадное впечатлѣніе. Остальныя фигуры слишкомъ бездѣйственно присутствуютъ при этой сценѣ. Въ головахъ чтеца и рядомъ стоящаго съ нимъ боярина нѣтъ достаточнаго перспективнаго сокращенія. За исключеніемъ слишкомъ далекихъ ступеней лѣстницы, аксессуары картины весьма удовлетворительно сочинены.

Намъ остается упомянуть еще о копіяхъ г. Михайлова, на приобрѣтеніе которыхъ для училища производится подписка. Пять копій г. Михайлова сдѣланы съ картинъ, находящихся въ Мадридѣ, и потому извѣстныхъ весьма немногимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, посѣщавшимъ Испанію; изъ нихъ три копіи съ картинъ Рафаэля, одна съ Мурильо и одна съ Креспи. Изъ этихъ трехъ художниковъ картины Мурильо, какъ извѣстно, отличаются достоинствомъ колорита и счастливымъ сохраненіемъ красокъ. Въ этомъ отношеніи и копія г. Михайлова оказывается болѣе удовлетворительною; особенно мастерски исполнены руки, скрещенныя на груди Богоматери. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе и головка Мадонны della perla—копія съ Рафаэля; въ кисти копировщика есть тутъ столько достоинства, что нельзя не предположить близости копіи съ оригиналомъ. Что же касается до копіи съ другой Мадонны Рафаэля, del pesce, то тутъ великаго художника не узнаешь въ контурахъ копировщика.

Мы указали почти на все, что на выставкѣ болѣе или менѣе обращаетъ на себя вниманіе. Мы готовы были уже съ нею распрощаться, но вспомнили, что иногородные наши читатели могутъ быть поставлены въ недоумѣніе, не найдя въ нашемъ описаніи ни слова о произведеніяхъ скульптуры, тогда какъ школа наша называется училищемъ Живописи и Ваянія. Спѣшимъ сообщить имъ, что произведеніями ваянія, въ количествѣ 60 нумеровъ, наполненъ цѣлый залъ на выставкѣ, и что они состоятъ по большей части изъ произведеній учениковъ и нѣкоторыхъ художниковъ, получившихъ тутъ же свое образованіе. Не надѣясь, чтобъ описаніе ихъ могло имѣть интересъ для отсутствующихъ, мы рѣшаемся пройти молчаніемъ эту часть выставки, тѣмъ болѣе, что и московская публика смотрѣла на нее довольно холодно.

А. Авдѣевъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

МОСКОВСКОМУ ВОЕННОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ.

Московское дворянство, изъявляя полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, просить разрѣшенія приступить къ составленію по Московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта своихъ крестьянъ.

Признавая необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ, и чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній, — повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же, въ Москвѣ, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ Московской губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

II. Комитету сему, по открытіи его, немедленно приступить къ составленію подробнаго проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Московской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главные основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осядлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитие сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Московской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проектъ, съ нужными по разнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Московской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Московской губерніи средства устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ, Я увѣренъ, что дворянство московское, движимое чувствами преданности къ престолу и отечеству, знаменовавшими оное издревле, оправдаетъ довѣріе Мое усерднымъ содѣйствіемъ къ достиженію цѣли, указанной Мною для блага самихъ дворянъ и всей Россіи.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

« АЛЕКСАНДРЪ ».

Въ С.-Петербургѣ, января 16-го дня, 1858 года.

Списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ г. московскому военному генералъ-губернатору, отъ 17-го января 1858 г. № 39-й.

Государь Императоръ, прочитавъ доставленное вашимъ сіятельствомъ, при отношеніи отъ 9-го января № 15, постановленіе собранія предводителей и депутатовъ дворянства Московской губерніи 7-го января, о дозволеніи сему дворянству приступить къ составленію проекта правилъ объ улучшеніи и устройствѣ быта ихъ крестьянъ, Высочайшимъ рескриптомъ, на имя ваше даннымъ, изволить повелѣвать учредить въ Москвѣ особый комитетъ для составленія проекта положенія по сему предмету на главныхъ началахъ, уже указанныхъ другимъ губерніямъ.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ семъ рескриптѣ, относительно состава и круга дѣйствій учреждаемъ его въ Московской

губерніи комитета, Государь Императоръ повелѣваетъ: всѣ вообще постановленія, заключающіяся въ Высочайшихъ повелѣніяхъ, сообщенныхъ въ декабрѣ 1857 года с.-петербургскому военному генераль-губернатору и нижегородскому военному губернатору относительно: совѣщаній дворянъ по уѣздамъ, выбора въ комитетъ членовъ и кандидатовъ, приглашенія въ засѣданія онаго опытныхъ помѣщиковъ, производства расходовъ, наблюденія за ходомъ работъ, срочна занятій и вообще дѣйствій комитета, распространить вполнѣ и на учреждаемый въ Москвѣ комитетъ, съ тѣмъ, чтобы ваше сіятельство разрѣшали всѣ тѣ вопросы и случаи, разрѣшеніе коихъ по с.-петербургскому и нижегородскому комитетамъ предоставлено с.-петербургскому военному генераль-губернатору и нижегородскому военному губернатору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоудобно было поручить мнѣ сообщить вамъ, милостивый государь, мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному комитету въ трудѣ, ему поручаемомъ. Какъ сіи соображенія уже изложены въ известномъ вашему сіятельству отношеніи моемъ къ с.-петербургскому военному генераль-губернатору отъ 5-го декабря № 41, то я покорнѣйше прошу васъ предложить ихъ въ свое время на обсужденіе учреждаемаго въ Московской губерніи комитета. Если онъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаетъ не удобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ моихъ соображеній, то я просилъ бы ваше сіятельство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ:

Министръ внутреннихъ дѣлъ *С. Ланской*.

Свѣдѣлъ:

Товарищъ министра *Левшинъ*.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ СОБРАНІЯ ГУБЕРНСКАГО И УЕЗДНЫХЪ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ И ДЕПУТАТОВЪ ДВОРЯНСТВА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, 1858 ГОДА 7-ГО ЯНВАРЯ.

Московское дворянство, постоянно движимое чувствами безпредѣльной любви и преданности къ престолу и отечеству, во всѣ времена принимало живѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ Россіи, утвердившихъ въ исторіи славу и величіе Русскаго народа, и нынѣ исполненное глубокой признательности къ Государю Императору за всемилостивѣйшее Его Величества довѣріе, оказанное дворянскому сословию всей Имперіи, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, изъявляетъ и съ своей стороны полную готовность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха, и проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общепользными и удобными для мѣстности Московской губерніи,

Собрание гг. предводителей и депутатов положило: основывался на представленныхъ гг. уѣздными предводителями болѣе 500 отзывовъ дворянъ (1), предоставить г. губерискому предводителю довести о семъ до свѣдѣнія г. московскаго военнаго генераль-губернатора и просить повергнуть всеподданнѣйшую просьбу на всемилоствѣйшее воззрѣніе Государи Императора.

Подписали: губерискій предводитель П. Воейковъ, московскій уѣздный предводитель Рабининъ, коломенскій предводитель Скорняковъ, дмитровскій предводитель Черевинъ, волоколамскій предводитель Шиповъ, Можайскій предводитель Савеловъ, звенигородскій предводитель князь Голицынъ, серпуховскій предводитель Сорочинъ, рузскій предводитель Вырубовъ, верейскій предводитель Павловъ, клинскій предводитель Фомъ-Визинъ, бронницкій предводитель Максимовъ, за подольскаго предводителя депутатъ князь Оболенскій, богородскій предводитель Козаковъ, московскій депутатъ Молчановъ, коломенскій депутатъ Осиповъ, дмитровскій депутатъ графъ Толстой, волоколамскій депутатъ Шереметевъ, Можайскій депутатъ Чекмаревъ, звенигородскій депутатъ Гвоздевъ, серпуховскій депутатъ Ершовъ, верейскій депутатъ Карѣевъ, клинскій депутатъ Смирновъ, бронницкій депутатъ Силинъ, богородскій депутатъ Можаровъ.

23-го сего января послѣдовало Высочайшее дозволеніе на составленіе акціонернаго общества для сооруженія Рижско-Динабургской желѣзной дороги, на капиталъ въ 10,200,000 р. сер. Каждая акція въ 125 р. сер. (20 ф. стерл., 134 прусск. тал.). Дорога отдана обществу на 75 лѣтъ. Правительство обезпечиваетъ акціонерамъ чистаго ежегоднаго дохода 459,000 р. сер., съ открытія всей линіи желѣзной дороги. Главнымъ инженеромъ дороги согласился быть вице-президентъ англійскаго института гражданскихъ инженеровъ, Джонъ Гаукишоу. Мысль постройки этой желѣзной дороги принадлежитъ рижскому купечеству.

Дорога эта удешевитъ и ускоритъ перевозку товаровъ къ рижскому порту, для отправки ихъ за границу, а также будетъ способствовать къ пониженію цѣнъ на иностранные товары, требуемые внутри Россіи. По соединеніи своемъ въ Динабургъ съ линіею Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, она сблизитъ Ригу съ нашими столицами и съ главными городами Европы. Дорогу предполагаютъ окончить и открыть для поѣздовъ черезъ три года, а до того времени акціонеры будутъ получать по пяти проц. на свой капиталъ, которые будутъ выплачиваемы каждыя полгода.

(1) Отзывовъ было представлено 514. Списокъ дворянъ, подавшихъ отзывы съ изъявленіемъ готовности упрочить быть своихъ крестьянъ, напечатанъ въ № 10 Московскихъ Вѣдомостей сего года.

— Главная астрономическая обсерваторія, находящаяся въ Пулковѣ, учрежденіе, и доселѣ уже располагавшее огромными средствами, получила нынѣ новый штатъ, по которому къ отпуску бывшимъ прежде сего изъ государственнаго казначейства 17,777 р. 19 к. присоединено еще 14,372 р. 81 к. Ежегодная сумма, находящаяся въ распоряженіи обсерваторіи для жалованья и текущихъ расходовъ, возрасла такимъ образомъ до 32,150 р. Этихъ расширеніемъ своихъ денежныхъ способовъ обсерваторія обязана содѣйствию военнаго и морскаго министерствъ, на суммы которыхъ отнесено по 5000 р.; остальные добавочные 4,372 р. 81 к., въ теченіи предстоящаго трехлѣтія, будутъ также отпущать морское министерство, а послѣ того эта сумма будетъ внесена на счетъ государственнаго казначейства въ смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по положенію главнаго управленія училищъ, въ 4-й день декабря 1857 года, удостоивъ принять во Всемилюстивѣйшее вниманіе стѣсненное положеніе учителей и училищъ вообще, и имѣя въ виду, что нѣкоторое увеличеніе платы за ученіе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ платится нынѣ по 5 рубл. сер. въ годъ, и установленіе оной въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ сіе окажется возможнымъ, было бы съ одной стороны справедливо и необходимо, по незначительности этой платы, а съ другой—необходимо для улучшенія положенія учебныхъ заведеній, а также учителей и бѣдныхъ учениковъ, какъ пользующихся изъ сбора за ученіе наградами и единовременными вспомошествованіями, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) во всѣхъ гимназіяхъ, гдѣ существуетъ нынѣ плата за ученіе съ приходящихъ учениковъ по 5 р. сер., взимать съ 1-го января 1858 года по десяти рубл. сер. въ годъ. 2) Съ того же времени во всѣхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищахъ взимать за ученіе вмѣсто 5 р. сер. по восьми рубл. серебр. въ годъ съ каждаго приходящаго ученика, и 3) предоставить министру народнаго просвѣщенія установить сборъ платы за ученіе и въ тѣхъ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства, окажется это возможнымъ, съ тѣмъ, чтобы количество и употребленіе платы опредѣлялись, по представленіямъ попечителей учебныхъ округовъ, министромъ, а освобожденіе отъ взноса платы производилось на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ гимназіяхъ, не исключая и лицъ податнаго состоянія, для которыхъ преимущественно предназначены уѣздныя училища.

— Государь Императоръ, разсмотрѣвъ послѣдовавшее въ государственномъ совѣтѣ заключеніе, по предположенію о дозволениі молодыхъ людямъ, кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, начинать службу въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, Высочайше соизволилъ повелѣть: воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, выпускаемымъ изъ оныхъ съ учеными степенями, дозволить начинать службу не въ губернскихъ мѣстахъ, какъ это постановлено ст. 369-й устава о служ. по опред. отъ правительства (Св. Зак. Т. III, изд. 1842 года), но прямо въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ; а тѣмъ изъ сихъ лицъ, кои состоятъ нынѣ на службѣ въ мѣстахъ губернскаго, разрѣшить переходить въ департаменты и канцеляріи министерствъ и

главныхъ управленій, не ожидая истеченія установленнаго означенною выше статьею для сего перехода трехлѣтняго срока. Тѣмъ же изъ выпускаемыхъ съ учеными степенями воспитанниковъ учебныхъ заведеній, кои по собственному желанію поступать на службу въ мѣста губернскаго и уѣзднаго, или же, состоя нынѣ въ сихъ мѣстахъ, добровольно въ оныхъ останутся, пользоваться попрежнему указаннымъ въ статьѣ 609-й того же устава правомъ быть представляемыми къ повышенію чиномъ по выслугѣ двухъ лѣтъ.

— Въ г. Митавѣ уѣздное училище преобразовано въ реальное, и значительно усиленъ его штатъ. Классовъ будетъ три, учителей пять, считая въ томъ числѣ и смотрителя, который обязанъ преподавать науки. Смотритель получаетъ 500 р. жалованья и квартиру, другой учитель наукъ—400 р. и квартиру, учитель реальныхъ предметовъ 500 р. и квартирныхъ 120 р., учитель русскаго языка 300 р. и квартирныхъ 86 (отъ дѣвичьяго училища Св. Троицы за преподаваніе въ немъ онъ получаетъ еще 100 р.), учитель рисованія 200 р. На покрытие издержекъ назначаются: 1,715 р. 50 к. изъ государственнаго казначейства, 600 р. изъ доходовъ города Митавы и 238 рублей изъ сбора за ученіе. Сборъ въ низшихъ классахъ по 13 р., въ высшихъ по 20 р. Кончившіе курсъ имѣютъ право за личное увольненіе отъ рекрутской повинности, при наступленіи очереди, вносить въ казну 150 р. и свободны отъ тѣлеснаго наказанія.

— Въ г. Ригѣ учреждаются начальныя русскія училища для распространенія начальнаго образованія между бѣдными классами русскаго населенія. Въ нихъ принимаются бесплатно дѣти обоихъ половъ, мальчики отъ 7 до 14 лѣтъ, дѣвочки не старше 11 лѣтъ. Поступленіе въ эти училища обязательно для всѣхъ податныхъ русскаго происхожденія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда родители обучаютъ дѣтей своихъ дома или помѣщаютъ въ другія казенныя или частныя учебныя заведенія. Въ начальныхъ училищахъ преподаются слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, по краткому катихизису, и священная исторія. 2) Чтеніе гражданскихъ и церковныхъ книгъ. 3) Чистописаніе. 4) Первые четыре правила ариметики. 5) Хорное пѣніе молитвъ, церковныхъ пѣсней и духовныхъ книгъ. Въ субботніе дни, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго часовъ утра, учащимся объясняются кратко: воскресные и праздничные евангелія и апостолы, исторія и значеніе важнѣйшихъ церковныхъ праздниковъ, богослужбные обряды церкви и въ особенности литургіи. Кромѣ того, въ начальныхъ училищахъ обучаютъ дѣвочекъ рукодѣлю, а мальчиковъ—ремесламъ: а) портвному, б) сапожному, в) столярному вмѣстѣ съ черченіемъ, г) токарному и д) слесарному. Если ученикъ окажетъ особенную склонность и способность къ умственному упражненію, то ему можетъ быть дозволено употреблять назначенныя для обученія ремесламъ часы на занятія другаго рода, какъ-то: изученіе рисованія и нѣмецкаго языка. Учители опредѣляются училищными начальствами не иначе, какъ съ согласія главнаго начальника края и преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Рижской духовной семинаріи, но не состоящихъ въ духовномъ званіи. Ученіе въ начальныхъ русскіихъ училищахъ продолжается для мальчи-

ковъ и для дѣвочекъ три года. До истеченія этого срока они не могутъ быть увольняемы безъ особо-уважительныхъ причинъ. Учитель получаетъ 300 р. жалованья и до 100 р. квартирныхъ, по мощникъ его 150 р. жалованья и квартирныхъ до 60 р., квартирныя и тотъ и другой по назначенію главнаго начальника края.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Событіе 14-го января было обильно послѣдствіями. Гулъ, произведенный имъ во Франціи и Европѣ, долго отзывался, и еще быть-можетъ не скоро замолкнетъ. Долго столбцы *Монитера* наполнялись адресами императору, изъ всѣхъ частей французской имперіи, отъ всѣхъ сословій, не исключая даже парижскихъ торговокъ (*les dames de la Halle*). Особенно шуметь и грозить былъ эфектъ, произведенный хоромъ адресовъ отъ французской арміи. Каждый полкъ спѣшилъ изъявить свою полную и безграничную преданность императору и его династіи; всѣ клялись защищать престолъ Наполеона до послѣдней капли крови и въ случаѣ смерти его служить съ неменьшею преданностію его сыну. Адресъ гвардіи замѣчательнѣе тѣмъ, что подписанъ почти поголовно. Все это было бы очень хорошо, еслибъ эти военные адреса ограничились однимъ прямымъ выраженіемъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ, и еслибы нѣкоторые изъ нихъ не были исполнены угрозъ и негодованія противъ *муснаго вертепа*, гдѣ злоумышленники находятъ себѣ безопасное убѣжище и куютъ свои замыслы. Намекъ былъ ясенъ и дошелъ по назначенію.

Общественное мнѣніе въ Англіи, сначала безъ различія партій отозвавшееся сочувственно, было оскорблено воинственными выходками противъ коренныхъ убѣждений англійскаго народа, противъ его національнаго достоинства, — выходками, получавшими

тѣмъ большее значеніе, что онѣ появлялись въ официальномъ органѣ французскаго правительства. Тамъ находили, что правительство умѣющее принимать такіа энергическіа мѣры противъ гласности, когда она ему кажется неудобною, непрерывно поражающее журналы выговорами за неумѣренность, безтактность и неприличіе, само подало примѣръ неумѣренности, безтактности и неприличія помѣщеніемъ всѣхъ этихъ адресовъ безъ всякаго измѣненія, въ той первоначальной свѣжести, какъ они вылетѣли изъ груди храбрыхъ. Въ англійскихъ журналахъ послышался голосъ негодованія; чувство, съ которымъ Англія смотрѣла на сосѣднюю страну, чувство, похожее на то, съ какимъ мы обыкновенно смотримъ на положеніе челоуѣка, въ борьбѣ съ смертною опасностію потерявшаго всѣ другіе инстинкты кромѣ самосохраненія, уступило было мѣсто чувству собственнаго достоинства, когда на великую и могущественную націю, казалось, хотѣли подѣйствовать перспективою штыковъ и вынудить ее этимъ аргументомъ къ радикальному измѣненію ея вѣковаго, вросшаго въ землю устройства. Только два министерскіе органа англійской журналистики, *Morning-Post* и *Globe*, старались всѣми дипломатическими способами уладить это недоразумѣніе и успокоить какъ французское правительство, такъ и общественное мнѣніе въ Англіи. Но національная политика Англіи выражается въ газетѣ *Times*, свободной отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній къ частнымъ партіямъ, представляющей собою полно и вѣрно всѣ фазы, которыя принимаетъ общественное мнѣніе при различныхъ обстоятельствахъ. Вотъ что между прочимъ сказано въ *Times*, по поводу императорской рѣчи и подѣ впечатлѣніемъ оглушительныхъ адресовъ.... «Если мы лишены счастья видѣть нашихъ сосѣдей въ обладаніи тѣми же учрежденіями, которыя достались въ удѣлъ намъ, видѣть ихъ свободными въ нашемъ смыслѣ слова, то естественнымъ образомъ мы ожидаемъ порядка тамъ, гдѣ невозможна свобода, и привѣтствуемъ политическое довольство, хотя бы оно являлось въ формѣ не совсѣмъ достойной. Единственно въ интересъ порядка и мира, и ради тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя зависятъ отъ спокойствія, желаемъ мы для Франціи такое устройство, которое было бы для насъ нестерпимо, и котораго мы даже и вообразить не можемъ у себя. Но что бы ни творилось во Франціи, чему бы ни довелось тамъ случиться, ничто не должно касаться внутренняго состоянія, духа или учреждений сосѣдняго народа, равно независимаго, могущественнаго и уважаемаго. Не будемъ доискиваться, какую страну разумѣютъ Французы, говоря о *вертепѣ* и *родимѣ* заговоровъ, направленныхъ противъ нынѣшняго ихъ устройства. Достаточно будетъ замѣтить, что если Франція имѣетъ свое естественное и неизбѣжное развитіе, то и другіе народы имѣютъ также свое особое развитіе. Если она съ неотразимою силою тяготѣетъ

къ единству системы, къ простотѣ единой воли, къ царству необходимаго порядка и благодѣтельнаго насилія, — мы съ своей стороны идемъ въ духѣ нашихъ особенныхъ преданій, отъ которыхъ намъ никакъ нельзя отречься. Часть нашей натуры, часть нашего тождества съ самими собою состоитъ въ томъ, чтобы служить убѣжищемъ для всѣхъ народовъ. Сама природа дала намъ для этого гавани и указала намъ торговыя сношенія со всѣми климатами. Наше первоначальное происхожденіе изъ сліянія многихъ племенъ, наше исконное гостепріимство для всякаго рода людей, ищущихъ убѣжища, даетъ намъ указаніе и способность сочувствовать всѣмъ племенамъ человѣческаго рода и даже всѣмъ частямъ человѣческаго мінія. Мы никакъ не можемъ помѣшать тому, чтобы эта столица не была, какъ древній Римъ по выраженію своихъ сатириковъ, стокомъ нечистотъ человѣческаго рода. Мы не можемъ защитить наши улицы отъ грязныхъ потоковъ, которые изливаются въ нихъ изъ сосѣднихъ странъ. На счастье наше или на несчастье, мы уже давнымъ-давно сочетались законнымъ бракомъ съ свободою, и миримся со всѣми ея невыгодами, ради ея великой и многообразной благодати. Если нѣкоторые люди употребляютъ во зло право убѣжища, то изъ-за этого мы не можемъ измѣнять нашихъ учрежденій, и всякая малѣйшая попытка къ тому была бы сопряжена съ опасностями не для одной нашей страны. Мы можемъ только указать на нашъ собственный примѣръ. Мы не находимъ никакой опасности въ свободѣ. Мы впускаемъ къ себѣ и выпускаемъ отъ себя всѣхъ кому угодно. Да и чтó могли бы мы въ этомъ отношеніи сдѣлать, чего бы тщетно не испробовали наши сосѣди? Они прибѣгаютъ ко всякимъ возможнымъ стѣсненіямъ, чтобы наблюдать за всякимъ подозрительнымъ человѣкомъ — съ кѣмъ успѣхомъ, мы это видимъ. Если наши сосѣди не умѣютъ сами защитить себя, то какъ же можемъ мы защищать ихъ?...»

Надобно думать, что шумныя демонстраціи противъ Англій, какъ убѣжища злоумышленниковъ, произошли лишь вслѣдствіе излишняго усердія и не соответствовали истинной мысли самого императора. Корыстные слуги имѣютъ въ виду какъ бы только отличиться своимъ усердіемъ и мало заботятся о достоинствѣ, интересахъ и цѣли своего властелина. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ императоръ имѣетъ несравненно высшія понятія и намѣренія, нежели какъ можно заключать изъ дѣйствій и словъ правительственныхъ агентовъ. Не можетъ быть, чтобы люди, доказавшіе свою свободу отъ всякихъ убѣжденій и правилъ, готовые служить наусерданѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ всякой силы, — не можетъ быть, чтобы подобные люди способными были служить достойнымъ и вѣрнымъ орудіемъ политики опредѣленной, стремящейся къ ясно-сознаваемой цѣли и имѣющей передъ собою будущность. Такіе люди только роняютъ и портятъ всякое

дѣло и завтра же готовы обратиться въ орудіе кары противъ того, чему въ томъ же качествѣ служатъ сегодня. Мы убѣждены, что инцидента всѣхъ слишкомъ рѣзкихъ мѣръ принадлежить этимъ господамъ, которые, пользуясь обстоятельствами и настроеніемъ минуты, старались отличиться передъ верховною властію, вызывая ее на эти мѣры. По послѣднимъ извѣстіямъ, которыя мы усматриваемъ еще занести въ наше обозрѣніе, министръ внутреннихъ дѣлъ г. Бильйо, котораго краснорѣчивые доклады о мѣрахъ строгости противъ гласности мы недавно читали въ *Мониторъ*, — который сдѣлалъ *предостереженіе* одной провинціальной газетѣ за то, что она, извѣщая объ энтузіазмѣ, произведенномъ рѣчью императора, прибавила, «какъ пишутъ изъ Парижа», и этимъ, по мнѣнію усерднаго министра, придала своему извѣстію нѣкоторый оттѣнокъ сомнительности, — г. Бильйо уволенъ въ отставку. На мѣсто его вскорѣ назначенъ генералъ Эспинасъ. Не знаемъ еще, какъ этотъ храбрый генералъ примется за управленіе внутренними дѣлами, которыя становятся въ настоящее время сложнѣе и обширнѣе, потому что къ этому министерству присоединяется и полицейское вѣдомство; но во всякомъ случаѣ, нельзя думать, чтобы къ этой перемѣнѣ побудила излишняя мягкость и либеральность бывшаго министра. Хотя, какъ извѣщаютъ, никакого существеннаго измѣненія въ политикѣ не должно произойти вслѣдствіе этой перемѣны въ личномъ составѣ правительства, но многое побуждаетъ насъ думать, что ясный и энергическій умъ Лудовика-Наполеона не терпѣтъ изъ виду конечной цѣли, которою, какъ онъ возвѣщалъ самъ, должно увѣнчаться воздвигаемое имъ зданіе. Надобно думать, что въ стремленіи къ этой цѣли, его не задержатъ люди, которые хотятъ быть *plus napoléoniens que Napoléon*, что мысль его не остановится на перепутьѣ, соблазненная ученіями наполеоновскихъ публицистовъ, перспективу централизованной и организованной демократіи, идеями г. Тролона о смыслѣ историческаго развитія; надобно думать что, пройдя всю глѣбвицу человѣческихъ судебъ, онъ вынесетъ истинное чувство тѣхъ законовъ, которыми зиждется общество человѣческое. Замѣчательно, что изъ всѣхъ правительственныхъ лицъ, спѣшившихъ наперерывъ выказать свою преданность наполеоновской династіи, всѣхъ умѣреннѣе является дѣвній другъ императора, вѣрный товарищъ его минувшихъ бѣдствій, г. де-Персиньи, который теперь посланникомъ въ Лондонъ. Какое различіе въ тонѣ между рѣчью, произнесенною имъ передъ корпораціею лондонскаго юрада (city), и тѣми рѣчами, которыми привѣтствовали императора президенты государственныхъ сословій! Въ рѣчи графа Персиньи дѣло идетъ о правѣ убѣжища. Но тутъ нѣтъ неистоваго пыла, хотя графъ Персиньи, конечно, нельзя заподозрить въ холодности къ особѣ императора. «Я

особенно удивляюсь въ чту въ вашей странѣ, говоритъ онъ обращаясь къ лорду-мѣру, это право убѣжища, составляющее честь и гордость Англии. Убѣжище, которое вы предлагаете всѣмъ жертвамъ политическихъ страстей Европы, это ваша слава, и конечно не Франція захотѣла бы видѣть ущербъ этой славы. Мы не только безъ всякаго неудовольствія, а напротивъ съ радостію видимъ, что государи, лишившіеся трона, находятъ здѣсь уваженіе къ своимъ несчастіямъ; и мы чтимъ васъ за покровительство и убѣжище, которое даете вы всѣмъ жертвамъ нашихъ политическихъ междуусобій, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Итакъ пусть живутъ они въ Англии въ мирѣ, въ полной безопасности, въ полной независимости, и сохраняютъ полную свободу своихъ дѣйствій. Страна моя совершенно понимаетъ то благородное чувство, которое пренятствуетъ намъ домогаться отъ дружбы Англии чего-либо не совмѣстнаго съ ея честью.» Представитель Франціи желаетъ только, чтобы правительство не оставалось хладнокровнымъ зрителемъ *лжыхъ* приготовленій къ преступленіямъ, и если англійское законодательство не даетъ правительству достаточныхъ средствъ для предупрежденія замысловъ противъ жизни кого-либо изъ иностранныхъ государей, чтобы Англія не отказалась расширить въ этомъ отношеніи свое законодательство. Въ *Times* отвѣчали, что англійскіе законы признаютъ преступленіемъ всякое злоумышленіе, и хотя англійскіе законы имѣютъ прежде всего въ виду охраненіе и обезпеченіе обитателей страны, будутъ ли то подданные королевы, или иностранцы, живущіе на англійской почвѣ; но, продолжаетъ *Times*, «ничто въ нашихъ обычаяхъ не препятствуетъ намъ давать иностранному государю такую же защиту, какую мы даемъ нашей королевѣ, или давать какому бы то ни было иностранцу ту самую защиту, какою пользуемся мы сами. Есть разница между тѣмъ, что дурно въ самомъ себѣ, есть преступленіе въ полномъ смыслѣ слова по нравственному чувству всего человѣчества; это не то, что попытка произвести политическое движеніе. Слѣдовательно, еслибы мы не признавали преступленіемъ заговоръ, имѣющій цѣлю произвести переворотъ въ какой-либо странѣ, то могущественные доводы тѣмъ не менѣе побуждаютъ насъ признавать преступнымъ всякій заговоръ, имѣющій прямою цѣлю убійство, кто бы ни была и гдѣ бы ни была его жертва. Болѣе этого нельзя отъ насъ требовать; болѣе этого мы не можемъ уступить. Злѣйшіе враги Англии не могли бы потребовать отъ насъ большаго; но нѣтъ намъ причины не уступать того, чего по справедливости могутъ отъ насъ требовать. Изгнанники пусть не опасаются, что мы откажемъ имъ въ гостеприимствѣ, которымъ они всегда пользовались у насъ. Законодательная власть вовсе не будетъ заниматься ими, она обратитъ вниманіе лишь на пре-

ступленіе, которое сохраняет одинъ и тотъ же характеръ, будетъ ли совершенно англійскими подданными или иностранными выходцами.»

Между тѣмъ открылись засѣданія англійскаго парламента. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ былъ этотъ самый вопросъ о правѣ убѣжища. Графъ Дерби, лордъ Кампбелъ, лордъ Брумъ въ верхней палатѣ спокойно и въ умѣренныхъ выраженіяхъ, однако энергически протестовали противъ всякой попытки подвергнуть существенному измѣненію это коренное и дорогое право Англійскаго народа. Гораздо рѣзче выражался по этому поводу въ нижнемъ парламентѣ г. Робакъ, который формально побранился съ лордомъ Пальмерстономъ по этому случаю. Почтенный, но безпардонный представитель Шеффилда, не попадая въ выраженій, чтобы высказать накипѣвшее въ немъ негодованіе отъ французскихъ притязаній. Французскія газеты въ своихъ отчетахъ объ этомъ засѣданіи не рѣшились передать и сотой доли той горечи, съ какою этотъ истый Англичанинъ отзывался объ императорѣ Французовъ. «Давно-ли, восклицалъ онъ, Лудовикъ Наполеонъ не доволенъ Англіею за то, что она служитъ убѣжищемъ для всѣхъ изгнанниковъ? Не искалъ ли когда-то онъ самъ въ ней убѣжища? Онъ самъ пользовался англійскими законами, составлялъ въ Англіи политическіе заговоры и замышлялъ перевороты.» Но мы считаемъ излишнимъ приводить всѣ тѣ любезности, которыми почтенный членъ отъ Шеффилда осыпалъ нынѣшняго императора Французовъ и вообще Французовъ. По требованію г. Робака, лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ представить парламенту депешу французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валуевскаго, по вопросу объ иностранныхъ выходцахъ. Депеша отличается еще болѣе скромнымъ и мирнымъ тономъ, чѣмъ даже рѣчь графа Персиньи. Французское правительство обращаетъ вниманіе англійскаго правительства на тѣ опасности, которыми постоянно угрожаютъ Франціи и особѣ императора заговоры выходцевъ, находящихъ себѣ приютъ въ Англіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ оно изъявляетъ свое полное уваженіе къ праву убѣжища, священному англійскими законами, и не дѣлая никакихъ формальныхъ предложеній касательно обезпеченій, какія Франція желала бы получить отъ Англіи, какъ отъ государства сосѣдственнаго и союзнаго, оно «съ полною довѣренностію поручаетъ себя совѣсти и прямотѣ англійскаго правительства, предоставляя ему самому заботиться о принятіи мѣръ, какія сочтетъ справедливыми и необходимыми». Кромѣ этой депеши, англійскій кабинетъ получилъ еще другую, въ которой изъявлено сожалѣніе императора о неосторожности, съ какою обнаружены были нѣкоторые слишкомъ пылкіе адреса, оскорбившіе національное чувство Англіи. Послѣ всего этого лордъ Пальмерстонъ счелъ уже возможнымъ внести въ нижнюю палату билль, имѣющій цѣлю подавленіе заговоровъ, составляемыхъ выходцами для

покушенія на чью-либо жизнь. Явное злоумышленіе на чью-либо жизнь признается формальнымъ преступленіемъ и подвергается уголовному наказанію. Вотъ вкратцѣ сущность этого билля, который собственно есть не что иное какъ распространеніе на всѣ части Великобританіи закона, уже давно дѣйствующаго въ Ирландіи: Всякій, кто въ англійскихъ предѣлахъ будетъ сговариваться съ однимъ или многими лицами, находящимися внутри или внѣ королевства, для совершенія смертоубійства внутри или внѣ владѣній ея величества, подвергается, если будетъ изобличенъ на дѣлѣ, ссылкой на цѣлую жизнь или на опредѣленный срокъ, не менѣе однако пяти лѣтъ, или тюремному заключенію, съ обязательною работою или безъ оной, на какой-нибудь опредѣленный срокъ времени, не свыше однако трехъ лѣтъ. За подущеніе къ смертоубійству внутри или внѣ владѣній ея величества полагается такое же наказаніе. Всякій обвиненный въ подобномъ дѣлѣ можетъ быть арестованъ и наказанъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ королевства, гдѣ только онъ окажется. Въ дѣлѣ злоумышленія на чью-либо жизнь не полагается различія, будетъ ли то противъ подданнаго ея величества или нѣтъ.

Билль этотъ, какъ мы знаемъ по телеграфу, принятъ въ нижней палатѣ значительнымъ большинствомъ. Кроме того въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, сдѣлано было новое положеніе относительно выдачи паспортовъ. Извѣстно, что англійское правительство считаетъ дѣломъ излишнимъ всякіе паспорта; всякій можетъ пріѣзжать въ Англію и уѣзжать изъ нея не предъявляя никакого паспорта; но въ другихъ странахъ паспорта требуются, и потому англійскіе подданные, и иностранцы, живущіе въ Англіи, отъѣзжая во Францію или въ другую какую страну, принуждены запасаться этими залогами государственной безопасности. Обыкновенно они брали паспорта у посланниковъ или консуловъ тѣхъ странъ, куда отправлялись. Такъ Орсини, Піери, Рудіо, эти герои событія 14 января, прибыли во Францію съ паспортами отъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ. Для предупрежденія всѣхъ подобныхъ неприятностей, рѣшено между обоими правительствами, чтобы французскія власти выдавали паспорта лишь французскимъ подданнымъ; если же англійскимъ подданнымъ при выѣздѣ въ чужіе края, понадобится паспортъ, то получать его должны они отъ англійскаго правительства. При разсужденіи объ этомъ въ парламентѣ было высказано съ разныхъ сторонъ мнѣніе о совершенной бесполезности паспортовъ. Честный человекъ останется честнымъ и безъ паспорта, а мошенникъ и злоумышленникъ всегда сумѣетъ найти себѣ самый удовлетворительный паспортъ. Въ результатъ выходитъ то, что полицейскіе агенты континентальныхъ странъ обращаютъ все свое вниманіе на паспортъ, и совершенно удовлетворяются, если находятъ его въ порядкѣ, упуская изъ виду другіе болѣе существенные признаки; Орсини и Піери, съ своими

снарядами, преспокойно вѣхали во Францію, преспокойно жили въ Парижѣ, приготовляясь къ исполненію своего замысла въ самомъ центрѣ самой централизованной въ мірѣ страны, славящейся бдительностію своей полиціи, множествомъ своихъ жандармовъ, которымъ предоставлены всевозможныя льготы для вышательства въ дѣла всѣхъ и каждаго. Лордъ Кларендонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, высказалъ между прочимъ намѣреніе склонять европейскія правительства къ совершенной отиѣнѣ системы паспортовъ.

Но о засѣданіяхъ англійскаго парламента мы на этотъ разъ не будемъ распространяться: они только что открылись, вопросы только что поставлены. Въ слѣдующей книжкѣ журнала намъ, вѣроятно, придется заняться преимущественно англійскими дѣлами, которыя представляютъ въ настоящее время сильный и разнообразный интересъ. Теперь же ограничимся немногимъ.

Одинъ изъ самыхъ главныхъ вопросовъ, лежащихъ парламенту, есть, безъ сомнѣнія, вопросъ объ Остъ-Индской компаніи. Мы знаемъ по телеграфу, что правительство внесло уже билль объ отиѣнѣ Компаніи, и о назначеніи на ея мѣсто отвѣтственнаго министра съ совѣщательною коллегіею. Успѣетъ ли въ этомъ правительство, не рѣшаемъ; но должно замѣтить, что въ настоящее время общественное мнѣніе сильно повернуло въ пользу Компаніи, и правительство должно развить всѣ свои средства и выставить убѣдительнѣйшія доказательства въ подкрѣпленіе своего билля, чтобы восторжествовать надъ противными убѣжденіями. Въ главныхъ органахъ общественнаго мнѣнія высказывается та мысль, что устройство Компаніи подлежитъ многимъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, но что отнюдь не слѣдуетъ вовсе отиѣнять ее.

Между директорами Компаніи и первымъ министромъ была по этому вопросу переписка. Директоры сообщаютъ его лордству, что они увѣдомили остъ-индскую корпорацію о полученномъ ими официальномъ объявленіи, и приняли мѣры для произведенія тщательнаго слѣдствія о причинахъ нынѣшняго возстанія. Они желали бы, чтобы не одинъ только этотъ вопросъ представленъ былъ на обсужденіе парламента, но чтобы и политика правительства подверглась разсмотрѣнію, дабы разъяснилось, въ какой мѣрѣ можно приписать вину печальныхъ событій въ Индіи политическимъ мѣрамъ, принятымъ Компаніею по предложенію контрольнаго бюро. Но безъ предварительнаго изслѣдованія предложить суммарно отиѣну Компаніи, предложить особенно въ настоящее время, когда спокойствіе въ Индіи еще не возстановилось,—этотъ проектъ, говорятъ директора, дважды и трижды изумителенъ. Примѣры 1813, 1833 и 1853 г. показываютъ, что Компанія постоянно была готова на всѣ реформы и на всѣ жертвы, которыя правительство ея величества признавало нужными, но

нынѣ не сообщено ей ни малѣйшаго намека относительно подробностей предполагаемаго остъ-индскаго билля. Въ заключеніе замѣчаютъ они, что по ихъ мнѣнію, должна непременно оставаться *не-политиче-ская*, совершенно независимая, посредствующая корпорація, какъ необходимое обезпеченіе хорошаго управленія Индіей. Лордъ Пальмерстонъ въ своемъ отвѣтѣ удостоверяетъ, что «выраженныя въ письмѣ директоровъ мнѣнія и замѣчанія будутъ надлежащимъ образомъ взвѣшены правительствомъ.» Въ обсужденіе предполагаемой мѣры онъ теперь не пускается, и находитъ, что основанія правительства и директоріи въ этомъ вопросѣ всего лучше объяснятся сами собою, когда дѣло будетъ внесено въ парламентъ. Директоры Компаніи подаютъ въ нижнюю палату прошеніе, направленное противъ правительственнаго проекта, и между прочимъ они протестуютъ противъ доктрины, что «Индія должна быть управляема почти исключительно къ выгодѣ живущихъ тамъ Англичанъ.» Компанія, напротивъ, говорятъ они, вмѣняетъ себя въ честь, что не полагала различія между господствующею и покоренною пороодою. А между тѣмъ митинги, по вопросамъ объ остъ-индской реформѣ и о реформѣ парламентской слѣдовали почти непрерывно одинъ за другимъ. Директоры Остъ-Индской компаніи устроили митингъ въ Лондонской Тавернѣ, но результатъ этого митинга можетъ-быть не совершенно удовлетворилъ ихъ ожиданіямъ; здѣсь довольно замѣтно высказалась тенденція связать въ одинъ вопросъ остъ-индскую реформу съ парламентскою, выражено желаніе, чтобы полнѣйшій надзоръ за остъ-индскою администраціей принадлежалъ *реформированной* нижней палатѣ. Ораторами въ этомъ смыслѣ были г. Мидъ, журналистъ изъ Остъ-Индіи, и г. Джонсъ, одинъ изъ чартійскихъ вождей.

Мы не можемъ оставить Англію, не упомянувъ о торжественномъ событіи въ королевской фамилии, — о бракосочетаніи королевской принцессы (royal princess), старшей дочери королевы, съ принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, сыномъ принца Прусскаго и по своему отцу ближайшимъ наследникомъ прусскаго престола. Это было истинное торжество, не просто государственное и церемонное, но вполне народное, можно сказать семейно-народное. Въ этой общей радости, въ этомъ чувствѣ любви, съ какимъ народъ семейную радость своей королевы дѣлалъ своею собственною радостію, не было и не могло быть ничего заказнаго, ничего поддѣльнаго, ничего такъ называемаго офиціальнаго.

Напрасно думаютъ, что королевскій санъ не имѣетъ въ Англій существеннаго значенія. Напротивъ, нигдѣ въ западной Европѣ представитель верховной власти не имѣетъ такого существеннаго значенія, какъ въ Англій. Англійскій народъ видитъ въ своемъ королѣ, или какъ теперь привыкли говорить, въ своей королеѣ, чистѣйшее и полнѣйшее олицетвореніе того верховнаго начала, кото-

рымъ замыкается все здание его политическаго и общественнаго устройства, и поддерживается всеобщее равновѣсіе. Это начало той высшей справедливости, до которой доходилъ греческій мыслитель на высотахъ своего умозрѣнія, — справедливости, указывающей всему должное мѣсто и должный предѣлъ, обеспечивающей развитіе всѣхъ общественныхъ стихій, и ограждающей ихъ взаимно другъ отъ друга. Королевская власть не есть въ Англии только государственное начало; верховная санкція, налагаемая ею на правительственные акты и возводящая ихъ въ силу непреложнаго закона, не исчерпываетъ всего ея значенія. Вмѣстѣ съ правительствомъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, примыкають къ ней и въ ней находятъ свое обезпеченіе независимая судебная власть, всѣ общественныя льготы; въ ней находятъ свой символъ столько же общественная свобода, сколько и государственный порядокъ, въ ней также находятъ свой символъ вѣчныя права человѣческой личности. Въ самомъ механизмѣ государственныхъ функцій королевская власть не есть начало односторонне-правительственное; она несравненно выше правительства и выраженіе: оппозиція ея королевскаго величества, во все не есть пустое слово. Она безпристрастно относится ко всѣмъ интересамъ и служитъ живою, посредствующею связью между ними. Оттого - то Англичанинъ такъ и преданъ своей королеви, оттого-то такъ непоколебима его *loyalty*. Оттого-то съ такою любовью онъ и смотритъ на тронъ своихъ королей, вида въ немъ чистое безпримѣсное выраженіе народнаго блага и лучшее обезпеченіе своей свободы. Оттого-то въ изъявленіи его преданности слышится одна истина и искреннее чувство; оттого-то нынѣшнее торжество королевской фамилии не было простою официальною, но было согрѣто тѣмъ живымъ народнымъ энтузіазмомъ, который придаетъ ему и особливое очарованіе и прелесть. Самое описаніе этого торжества, особенно какъ оно читается въ *Times*, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенными описаніями подобныхъ случаевъ: никакой официальной, ничего натянутого, оцѣпняющаго живое чувство, напротивъ совершенная простота, свобода выраженія, обиліе всѣхъ этихъ мелкихъ подробностей, говорящихъ чувству и воображенію; все дышетъ жизнью англійскаго home, изъясцествомъ англійскаго семейнаго быта; передъ нами будто развертывается маленькая прелестная поэма, гдѣ все производитъ отрадное впечатлѣніе, начиная отъ дорогаго для англійскаго сердца образа королевы и ея супруга, отъ скромной, застѣнчивой, прекрасной невесты, расстающейся съ благодатною средою, въ которой расцвѣла ея юность, и уѣзжающей въ чужую сторону съ человѣкомъ, котораго избрало ея сердце, до этихъ безчисленныхъ массъ народа, который покрывалъ улицы, окружалъ дворецъ и неоднократно вызывалъ новобрачныхъ на балконъ, чтобъ еще разъ полюбоваться ими, до этихъ студен-

товъ Итонской коллегіи, которые въ Виндзорѣ отпрягли лошадей отъ кареты новобрачныхъ и на себѣ довели ее до дворца; даже «фигура лорда Пальмерстона съ обнаженнымъ государственнымъ мечомъ не вредить общему впечатлѣнію. Но особенно торжественны, почти можно сказать трогательны были проводы новобрачныхъ; стеченіе народа было несмѣтное, и каждый, провожая «старшую дочь Англіи», какъ будто дѣйствительно провожалъ кого-нибудь изъ своихъ родныхъ.

О политическомъ значеніи этого брака было также говорено въ европейской журналистикѣ. Англійскіе журналы надѣются, что бракъ этотъ скрѣпитъ связь Англіи съ одною изъ первенствующихъ державъ Германскаго Союза и упрочитъ ее политику на континентѣ. Какъ бы то ни было, вѣрно только то, что въ выборѣ королевы не участвовали никакія политическія соображенія, и что онъ былъ только подтвержденіемъ выбора ея дочери.

Въ Испаніи есть также королева, есть государственное устройство, съ виду похожее на англійское; но какаѣ различія въ положеніи обѣихъ королевъ и обѣихъ странъ! Напрасно, кажется, радовались всѣ, что съ рожденіемъ принца астурийскаго дѣла въ Испаніи примутъ болѣе благопріятный оборотъ. Последніе событія представили новыя и разительныя доказательства, что источникъ всѣхъ злополучій здѣсь таится въ этомъ незазорномъ червякѣ камарильи, въ этихъ непрерывныхъ усиліяхъ реакціонной партіи всячески вредить новому порядку, въ этихъ потаенныхъ интригахъ, которыми бѣдная королева служитъ какъ бы театромъ и игрищемъ. Читатели наши знаютъ, что когда адмиралъ Армеро представилъ королеву на выборъ или распустить парламентъ, или уволить министерство, то прямымъ, естественнымъ и лучшимъ побужденіемъ королевы было подписать актъ, которымъ парламентъ распускался и страна приглашалась произнести свое сужденіе новыми выборами. Дѣло казалось было кончено, а оно еще не начиналось. На другой же день адмиралъ изъ разговора съ принцемъ—супругомъ узналъ, что королева снова колеблется и сожалѣетъ о своемъ рѣшеніи. Ни мало не медля министерство подало въ отставку, которая, какъ мы уже знаемъ, была принята. Все болѣе и болѣе оправдываются догадки, что новый кабинетъ назначенъ только для формы. Въ самомъ дѣлѣ кабинетъ этотъ, какъ недавно высказалъ это одинъ изъ замѣчательныхъ ораторовъ испанскаго парламента, Санта-Крусъ, принялъ программу предшествовавшаго кабинета: спрашивается, къ чему же произошла эта перемѣна? Причина очевидна: министерство Армеро-Монъ пошло бы твердымъ шагомъ по тому пути, какого требуетъ духъ настоящихъ учреждений страны, и каждый шагъ его былъ бы проигрешемъ для реакціонной партіи, новымъ препятствіемъ для осуществленія ея замысловъ. Кабинетъ Истурица совсѣмъ другое дѣло; онъ, какъ мы сказали выше, назначенъ только для формы. Онъ уже от-

части и состоитъ изъ креатуръ г. Браво-Мурилью, этого вождя реакціонной партіи, — и г. Браво-Мурилью, теперь президентъ палаты депутатовъ, уже сидитъ на плечахъ этого жалкаго министерства. Не нынче, такъ завтра г. Браво-Мурилью приметъ снова бранды пражленія, и колесница повернется назадъ; благо не далеко отъѣхали. Въ палатѣ всячески старались вызвать г. Браво-Мурилью на объясненія, но онъ упорно хранилъ молчаніе. Наконецъ недавно онъ прервалъ его длинною рѣчью, изъ которой мало можно извлечь утѣшительнаго, хотя г. Браво-Мурилью отчасти одобрялъ программу министерства, и обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

Но возвратимся къ Франціи. Видно, дѣйствительно положеніе дѣлъ въ этой странѣ таково, что правительство должно принимать самыя рѣшительныя мѣры для всеобщей безопасности. Оказывается, что оно еще до покушенія 14 января убѣдилось въ существованіи подземныхъ замысловъ, готовыхъ къ сильному взрыву. Событіе 14-го января только усилило рѣшимость правительства вооружиться всѣми своими средствами для подавленія революціонныхъ элементовъ, тапшихся во французскомъ обществѣ; оно находитъ, что остатки гражданскихъ ратей, недавно терзавшихъ страну, служатъ слишкомъ опасною въ ней закваскою, и сожалѣетъ, что помиловало ихъ и не выслало изъ французской земли, по ея замиренію. Дѣйствительно, здѣсь слишкомъ много горючихъ матеріаловъ, — и желчь обманутыхъ надеждъ, и завѣтныя связи и обязательства относительно прошедшаго; пока не смѣнится это поколѣніе, возросшее въ революціонныхъ буряхъ, видѣвшее на своемъ вѣку столько переворотовъ и чѣмъ нибудь заручившее себя каждому изъ нихъ, до тѣхъ поръ государственныя основы, какое бы знамя ни развѣвалось на нихъ, не могутъ стоять неколебимо, и общественная безопасность не можетъ быть надежна. Такое положеніе вещей совершенно оправдываетъ императора въ его заботахъ объ огражденіи порядка; это великій долгъ, лежащій на немъ, независимо отъ всякихъ династическихъ интересовъ. Боже сохрани, еслибъ адептамъ демагогіи удалось ихъ замыслы, и еслибы на развалинахъ всякаго порядка поднялось знамя какого-нибудь Мадзини! Люди, недовольные системою, господствующею нынѣ во Франціи, должны вспомнить, въ какой крайности она находится; самое лучшее, чего могла бы ожидать она, въ случаѣ торжества демагоговъ, былъ бы тотъ демагогическій деспотизмъ, который ужаснѣе всѣхъ возможныхъ видовъ деспотизма. Истинные друзья свободы должны прежде всего желать обезоруженія этихъ тенденцій, какъ злѣйшаго врага не только порядка, но и свободы, которая въ истинномъ своемъ смыслѣ не возможна безъ твердаго порядка. Но желательно только, чтобы французское правительство въ выполненіи этой многотрудной задачи не уклонялось отъ своей прямой цѣли, и преслѣдуя враговъ общественного порядка, не при-

обрѣтало себѣ новыхъ и многочисленнѣйшихъ враговъ, не теряло симпатій къ себѣ, не являлось всѣмъ и каждому только какъ необходимое зло. Духъ умѣренности, примиренія, справедливости и самообладанія, долженъ чувствоваться во всѣхъ его распоряженіяхъ, чтобъ они не только могли увѣнчаться успѣхомъ, но и не могли произвести совершенно обратное дѣйствіе.

Въ организаціи французской арміи произошло важное преобразование, имѣющее связь съ принимаемыми теперь мѣрами общественной безопасности. Декретомъ императора отъ 27-го января всѣ войска раздѣлены на пять главныхъ отдѣльныхъ отрядовъ, которые будутъ состоять подъ начальствомъ пяти маршаловъ. Чтобы читатели наши могли вѣрнѣе оцѣнить значеніе этой мѣры, мы почитаемъ не излишнимъ припомнить имъ прежнюю организацію французскихъ войскъ.

Сухопутныя военныя силы Франціи раздѣлялись, въ последнее время, на два отдѣльные корпуса: гвардейскій и линейный. Алжирскій отрядъ состоитъ изъ командированныхъ отъ линейнаго корпуса пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; численность высылаемыхъ туда войскъ зависитъ отъ тамошнихъ мѣстныхъ потребностей. Остающіяся во Франціи линейныя войска распределены гарнизонами по цѣлому государству и безпрестанно мѣняють между собою свои кантониры-квартиры. Въ мирное время, эти отдѣльные отряды не имѣли между собою никакой тактической связи и всѣ распоряженія получали непосредственно отъ военнаго министра. За военнымъ образованіемъ этихъ войскъ наблюдали особые инспекторы. Въ отношеніи къ подчиненности, войска эти раздѣляются на двадцать одну территоріальную дивизию, или правильнѣе, кантониры-квартиры этихъ войскъ распределены на двадцать одинъ округъ, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на субдивизіи, которыхъ численный составъ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ удобствамъ департамента. Надъ каждымъ такимъ округомъ начальствуетъ дивизионный генералъ, которому подчинены всѣ войска, расположенныя въ томъ округѣ. Итакъ территоріальная дивизія не представляетъ собою военнаго отряда, сформированнаго изъ опредѣленнаго числа бригадъ и полковъ одного или всѣхъ родовъ оружія, какъ дѣйствующія дивизіи въ военное время. Но какъ пѣхота, кавалерія и артиллерія смѣшаны между собою въ своемъ расположеніи по кантониры-квартирамъ, то изъ соединенія нѣсколькихъ территоріальныхъ дивизій можетъ образоваться комплектный военный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Эта организація арміи представляла то неудобство, что военачальники, предназначенные командовать войсками въ военное время, удалены во время мира отъ своихъ частей. Распределеніе кантониры-квартиръ въ странѣ не дозволяло сосредоточить нигдѣ, за исключеніемъ Парижа и Ліона, достаточно сильнаго отряда, чтобъ

должность начальствующаго надъ нимъ соотвѣтствовала званію маршала имперіи.

Императоръ Наполеонъ, имѣя въ виду вышензложенныя неудобства, поручалъ военному министру изыскать средства къ обращенію ихъ, и самъ указалъ основанія новой организаціи арміи. Маршалъ Вальянъ призналъ необходимость создать для маршаловъ положеніе, которое ставило бы ихъ, въ мирное время, въ тѣ самыя отношенія къ начальникамъ территоріальныхъ дивизій, въ которыхъ маршалы находятся къ начальникамъ дѣйствующихъ дивизій во время войны; но такъ чтобы не измѣнилась ни прежней организація войскъ въ странѣ, ни самый составъ территоріальныхъ дивизій. Мѣра эта не только предоставляетъ возможность воспользоваться дѣятельною службою этихъ высшихъ начальниковъ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ отдѣльнымъ начальникамъ дивизій силу совокупнаго дѣйствія, которой они до сихъ поръ не имѣли. Войска, разбѣяныя въ странѣ незначительными гарнизонами, не равными между собою, по своему числительному составу, могутъ быть вдругъ сосредоточены въ сильныя отряды, подъ командою одного начальника, и тѣмъ приобрести возможность охранить во всѣхъ пунктахъ государства порядокъ и мѣстную безопасность. Руководимый этими соображеніями, военный министръ представилъ на утвержденіе императора проектъ декрета; вотъ главные пункты этого постановленія:

Линейныя войска, расположенныя внутри государства, раздѣляются на пять большихъ отрядовъ. Первый отрядъ будетъ состоять изъ 1, 2 и 3 территоріальныхъ дивизій; главная квартира въ Парижѣ. Второй изъ 4, 5, 6 и 7-й дивизій; главная квартира въ Нанси. Третій изъ 8, 9, 10, 17 и 20 дивизій; главная квартира въ Лионѣ. Четвертый изъ 11, 12, 13 и 14 дивизій; главная квартира въ Тулузѣ. Пятый изъ 15, 16, 18, 19 и 21 дивизій, главная квартира въ Турѣ. Эти пять отрядовъ поступятъ подъ начальство маршаловъ Франціи, которымъ присвоиватся титулъ *главноначальствующихъ* войсками, расположенными въ дивизіяхъ: сѣверныхъ, западныхъ, юго-западныхъ, юго-восточныхъ и восточныхъ. Генералы, командующіе территоріальными дивизіями, обязаны представлять своимъ главноначальствующимъ донесенія о положеніи, службѣ, дисциплинѣ и выправкѣ войскъ; во всемъ же, что касается до территоріальнаго управленія ввѣренными имъ войсками, относятся непосредственно къ военному министру. Когда дѣйствующія дивизіи расположены внутри государства, командующіе ими генералы подчиняются непосредственному завѣдыванію главноначальствующаго. Они обязаны представлять ему всѣ отчеты по ввѣреннымъ имъ войскамъ и не имѣютъ уже непосредственныхъ сношеній съ военнымъ министромъ. Въ случаѣ смятеній, но только въ этомъ случаѣ, главноначальствующіе распоряжаются движеніями и сосредоточеніемъ командуемыхъ ими войскъ, по своему личному усмотрѣнію.

Изъ государственнаго совѣта поступилъ въ законодательное сословіе проектъ новаго закона, который, вѣроятно, подразумѣвался въ рѣчи императора, подъ общимъ выраженіемъ тѣхъ *репрессивныхъ* законовъ, на отсутствіе которыхъ онъ жаловался. Въ Парижѣ было много толковъ объ этомъ *репрессивномъ* законѣ; всѣ опасались мѣръ террористическихъ, и дѣйствительно, въ первоначальномъ видѣ этого проекта, какъ онъ вышелъ изъ—подъ редакціи слишкомъ усердныхъ совѣтниковъ, было кое-что, чѣмъ нѣсколько оправдывались эти опасенія. Въ Парижѣ съ закономъ этимъ сопряглось имя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ; это *loi Villaut*, какъ тамъ говорятъ. По первоначальному смыслу проекта, можно было ожидать ужасающаго развитія системы шпіонства, отъ котораго никто не могъ бы почитать себя безопаснымъ даже въ своемъ домѣ, и самое невинное слово могло бы служить поводомъ къ безднѣ непріятностей при обычномъ усердіи полицейскихъ агентовъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ административныя власти имѣютъ первенствующее значеніе.

Предисловіе къ проекту новаго закона, при внесеніи его въ законодательное сословіе, прямо высказываетъ, какъ главную цѣль этого закона, необходимость для правительства держать въ постоянномъ страхѣ остающихся во Франціи зачинщиковъ и предводителей прежнихъ мятежей. Исключительное положеніе французскаго правительства въ этомъ случаѣ обозначено слѣдующими словами: «Въ странахъ, которыя были долгое время возмущаемы революціями, умереніе умовъ совершается медленно даже и по восстановленіи порядка; по окончаніи борьбы остается еще пройти много испытаній и противодѣйствовать многимъ живучимъ причинамъ смуты. Въ такую эпоху глухой, но упорной войны, надо, чтобы правительство было вооружено на общую защиту.» Положеніе безспорно исключительное, подобно тѣмъ, въ какихъ римскій сенатъ провозглашалъ свою грозную формулу: *Videant consules!* А потому безпристрастіе требуетъ сказать, что, понимая такимъ образомъ свое положеніе, французское правительство дѣйствуетъ вообще гораздо либеральнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Несмотря на нѣкоторыя стѣсненія политическихъ правъ, во Франціи и теперь остается еще столько свободы для гласно-выражаемаго мнѣнія, что многія страны, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ чего-либо враждебнаго государственному порядку, могли бы еще позаимствовать Франціи. Даже въ самомъ разгарѣ репрессивныхъ мѣръ, послѣ покушенія 14 января, независимые органы французской журналистики не были вынуждены измѣнить тонъ своихъ мнѣній, насколько впрочемъ не опасныхъ ни какому правительству. Было бы только желательно, чтобы агенты правительства не употребляли во зло своихъ полномочій, чтобы не навязывали своихъ историческихъ и философскихъ теорій правительству и обществу, чтобы идеи п.

Билльо и Тролона оставались ихъ собственными идеями и не получали официального штемпеля, чтобы мысли человеческой оказывалось больше довѣрія, и чтобы правительство, желающее стать надежно и прочно, не связывало своей участи съ судьбою какихъ-либо особъ или ученій.

Вотъ сущность новаго закона относительно *осебной безопасности* (*Mesures de sureté générale*).

1) Подвергается тюремному заключенію отъ двухъ до пяти лѣтъ и денежной пенѣ отъ 500 до 10,000 фр. всякій, кто изустно, письменно или дѣломъ будетъ побуждать другихъ къ покушеніямъ противъ правительства или особы государя, хотя бы эти побужденія не сопровождались исполненіемъ. 2) Всякій французскій подданный, который своими происками въ самой Франціи или въ чужихъ краяхъ сталъ бы возбуждать французскихъ гражданъ къ междоусобию, или внушать имъ ненависть и презрѣніе къ верховной власти, хотя бы и безъ всякихъ послѣдствій, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и пеней отъ 500 до 2000 фр. 3) Равнообразно наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, и пеней отъ 50 до 3000 фр., всякій, кто, не имѣя законнаго дозволенія, будетъ фабриковать, продавать или раздавать смертоносныя машины, дѣйствующія взрывомъ или иначе, а также какого бы то ни было рода огнестрѣльный составъ; тому же наказанію подвергается и всякій, кто окажется владельцемъ подобныхъ вещей, не имѣя на то законнаго дозволенія.

Лица, приговоренныя къ наказаніямъ за какой-либо изъ означенныхъ проступковъ, могутъ быть, въ видахъ общественной безопасности, поселены на безотлучное жительство въ одномъ изъ департаментовъ, или въ Алжирѣ, либо изгоняемы изъ французскихъ владѣній. Тѣ же мѣры общественной безопасности могутъ быть прилагаемы къ лицамъ, осужденнымъ за преступленія и проступки, предусмотрѣнные другими статьями уголовного кодекса, какъ напримеръ относительно оружія и боевыхъ снарядовъ, о слоббихахъ и т. д. Можетъ быть сослаемъ въ какой-либо департаментъ имперіи, или изгоняемъ изъ Франціи, всякій, кто былъ либо приговоренъ къ наказанію, либо поселенъ на безвыѣздное жительство, изгнанъ или сосланъ въ колоніи, въ видахъ общественной безопасности, по случаю событій мая и іюня 1848, іюня 1849 или декабря 1851 годовъ, если онъ вновь окажется опаснымъ для общественаго спокойствія. Наконецъ, всякій поселенный на жительство въ Алжирѣ, или изгнанный изъ государства и возвратившійся во Францію безъ дозволенія, можетъ быть сосланъ на исправительное поселеніе либо въ Алжирію, либо въ какую-либо другую французскую провинцію.

Сверхъ этихъ мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ общественной безопасности, императоръ нашелъ нужнымъ опредѣлить составъ ре-

гентства, въ случаѣ его смерти. Въ декретѣ, изданномъ по сему предмету, правительницею назначается императрица, а въ императорскомъ посланіи на имя сената сказано, что въ случаѣ ея смерти регентство переходитъ къ принцамъ императорской фамилии въ порядкѣ престолонаслѣдіа. Особымъ декретомъ опредѣляется личный составъ совѣта регентства: оба французскіе принца, архіепископъ парижскій кардиналъ Морло, маршалъ герцогъ Малаховскій, государственный министръ г. Фульдъ, г. де-Морин, г. Тролонъ, г. де-Персиньи, г. Барошъ.

С М Ъ С Ъ

Кохинхина. — По поводу событій, приготовляющихся нынѣ въ Кохинхинѣ и долженствующихъ преобразовать существовавшія до сихъ поръ отношенія Франціи къ этой странѣ, мы приводимъ здѣсь географическій обзоръ Кохинхины и исторію ея отношеній къ Франціи, сообщенныя газетѣ *Le Nord* однимъ изъ ея корреспондентовъ.

Аннамская имперія занимаетъ западную часть Индо-китайскаго полуострова, граничитъ къ сѣверу съ Китаемъ, къ западу съ Сиамомъ, къ югу и востоку Китайскимъ моремъ; она состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: Кохинхины, Тонкина и Камбоджи. Поверхность ея равняется 140,000 квадратныхъ миль, о народонаселеніи мы не имѣемъ точныхъ данныхъ: одни считаютъ 5, другіе 11, 12 и даже до 20,000,000 жителей. Населеніе это состоитъ изъ трехъ элементовъ: Кохинхинцевъ или Аннамитовъ, схожихъ съ Китайцами, Камбоджей, имѣющихъ большое сродство съ жителями Сиамы, наконецъ Моисовъ (*Moys*), племени дикаго, жестокаго, которое принимаютъ за первобытныхъ туземцевъ.

Религія этой имперіи—буддизмъ, а въ высшемъ общественномъ сословіи—религія Конфуція. Вообще существуетъ большое сходство между Кохинхинцами и Китайцами, съ которыми они вхождатся въ постоянныхъ сношеніяхъ, хотя и не разъ уже доказывали Китайцамъ, что превосходятъ ихъ воинственностью.

Промышленность развита очень слабо; такъ же какъ и въ Китаѣ здѣсь занимаются производствомъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, лаковыхъ и другихъ *китайскихъ* вещей (*chinoiseries*).

Правленіе Кохинхины — монархическое неограниченное. Названіе этой странѣ дано Португальцами и ничего не имѣетъ общаго съ названіемъ Китая (Chine), не смотря на сосѣдство этихъ государствъ. Можетъ-быть лиссабонскіе моряки дали ей это названіе по найденному ими сходству съ Кочиномъ на Малабарскомъ берегу. Другіе напротивъ видятъ въ этомъ словѣ сокращеніе словъ Кочинъ-Джинна (западный Китай), которое, какъ утверждаютъ, есть названіе японское.

Цѣпь высокихъ горъ почти правильно раздѣляетъ Аннамскую имперію на двѣ продольныя части; двѣ же другія цѣпи, перерѣзывая первую подъ прямымъ угломъ, отдѣляютъ эту страну съ одной стороны отъ Китая, съ другой отъ Сиама. У береговъ есть нѣсколько хорошихъ пристаней.

Земля вообще плодородна и производитъ тропическую растительность.

Въ самой Кохинхинѣ семь областей и три главныхъ города, а именно: Гуэ, столица всей имперіи, На-Трангъ, укрѣпленный однимъ изъ овицеровъ, посланныхъ королемъ Людовикомъ XVI, и Канъ-Гонъ. Гуэ—это значительная крѣпость, расположенная въ шести милахъ отъ моря, на широкой рѣкѣ, которая защищаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Въ ней множество очень бѣдныхъ избъ, но есть также и нѣсколько кирпичныхъ домовъ, крытыхъ черепицей. По повелѣнію императора выстроены здѣсь огромные магазины, просторныя казармы, такъ какъ этотъ городъ составляетъ военный оплотъ Кохинхины: ровъ, его окружающій, имѣетъ восемь километровъ въ длину, а стѣнные валы доходятъ отъ 15 до 16 метровъ въ вышину.

Тонкинъ есть самая значительная и населенная часть Аннамской имперіи: въ немъ полагаютъ 15 провинцій; столица его Кетчо, о которой путешественники удивительно противорѣчатъ другъ другу.

Камбоджа плодороднѣе предыдущихъ большихъ областей, но въ ней только два замѣчательные города: Пенанъ-Пенгъ и Понъ-Таи-Претъ.

Въ этихъ обширныхъ странахъ есть нѣсколько пунктовъ, на которые мы должны преимущественно обратить вниманіе: мы говоримъ о мѣстахъ, уступленныхъ Франціи по договору 28 ноября 1787 года, и которыя не ограничиваются, какъ это утверждали, Туранской бухтой и островомъ Пуло-Кондоръ, но составляютъ землю сорока миль въ длину и восьми или десяти въ ширину, въ томъ числѣ находятся Ганъ, Туанна и острова Фзи-Фо и Гай-Уэнъ.

Группа Пуло-Кондоръ состоитъ изъ двѣнадцати острововъ большихъ и малыхъ, но только одинъ изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія; въ немъ двѣнадцать миль въ длину и четыре въ ширину. Онъ имѣетъ большую бухту, на самомъ берегу которой стоитъ дере-

вущка довольно бѣдная, населенная мирными и честными жителями; климатъ тамъ здоровый, почва достаточно плодородна.

Туранская бухта, это покойный и огромный бассейнъ, обрамленный, будто озеро, высокими горами. Изъ средины, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, двѣ трети окружности представляются базальтовой стѣной отъ 1,500 до 1,800 футовъ въ вышину, тамъ и самъ испещренной огромными вѣковыми деревьями. Природа всей этой мѣстности сурова и дика, растительность здѣсь первобытная и только мѣстами смягчается видомъ обработанныхъ полей, засѣянныхъ рисомъ. Въ углубленіи на берегу бухты и небольшого ручья находится пристань, отъ которой идетъ дорога къ мѣстечку Туранна и къ крѣпости; большая площадь и базаръ занимаютъ средину ея, немного далѣе находятся дома мандариновъ и чиновниковъ и стойла для слоновъ.

Рядомъ съ Туранной лежитъ городъ Фаи-фо, главный въ области, болѣе укрѣпленный и болѣе населенный, въ немъ не менѣе 50,000 жителей.

Земледѣльческія и промышленныя средства Аннамской имперіи всего лучше характеризуются слѣдующими отзывами, которые мы извлекаемъ изъ донесенія одного изъ французскихъ коммерческихъ комиссаровъ, отправленныхъ при посольствѣ Лагрене, и изъ географіи Мальте-Бруна: «Три области, составляющія верхнюю Кохингину, обладаютъ, у подошвы горъ, обильными цинковыми и мѣдными рудниками въ разработкѣ. Оттуда-то добывается значительное количество цинка, пущеннаго въ обращеніе въ видѣ монеты, а золотые, серебряные и мѣдные рудники въ Сю-Иенъ особенно замѣчательны, но добываемые изъ нихъ продукты идутъ только на увеличеніе сокровищъ, собираемыхъ императоромъ въ кладовыхъ своего дворца. Равнины часто изводняются во время дождей; онѣ производятъ огромное количество рису, котораго сборъ бываетъ два раза ежегодно, и за фунтъ котораго платятъ менѣе одного су. Тамъ растетъ также маисъ, просо, многіе роды бобовъ и тыквъ, всѣ плоды Индіи и Китая, множество сахарнаго тростника, арековыхъ ореховъ, бетелевыхъ листьевъ, хлопчатой бумаги, есть также много шелку хорошаго качества и индиго. Особенный видъ лавра даетъ корицу, которую, по ея камфорному запаху и сладкому вкусу, Китайцы предпочитаютъ цейлонской. Кохинхинскій чай могъ бы быть превосходенъ, еслибы только съ болѣе широкимъ стараніемъ собирали его, а растеніе, называемое *диаксамъ*, или зеленый индиго, одно способно обогатить колонию».

Изъ Сіама, гдѣ уже достаточно было распространено христіанство и французское вліяніе, французскія миссіи въ послѣднемъ столѣтіи проникли въ Кохингину, и уже въ 1770 году *де-Безель* носилъ титулъ епископа адранскаго и папскаго тонкинскаго викарія; когда

революція свергла съ престола законнаго государя, де-Бегемъ далъ ему приютъ въ одной изъ прибрежныхъ областей и вскорѣ привезъ его во Францію. Лудовикъ XVI, пораженный выгодами, какія представляло это положеніе для колоніальнаго владычества Франціи, съ радостью предпринялъ дѣло, которое касалось не только политическаго вліянія, но и флота—предмета его постоянныхъ заботъ, а въ особенности будущности католицизма въ этихъ странахъ. Договоръ былъ заключенъ 28-го ноября 1787 года графомъ де-Монтморенъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, и епископомъ адранскимъ, представителемъ Игюенъ-Ана. Франція обязалась доставить этому послѣднему морскую дивизію и семь полковъ съ пушками за уступку земель, подробно нами описанныхъ въ началѣ.

Происшествія, потрясшія вскорѣ послѣ того Францію, замедлили полное осуществленіе этихъ обѣщаній; однакожъ нѣсколько офицеровъ изъ Пондишери прибыли въ Кохинхину на двухъ судахъ, снабженныхъ оружіемъ и снарядами. Д'Аюгъ, Шенью, Ваннье и Оливье съ полнымъ успѣхомъ предприняли образованіе небольшого числа солдатъ, оставшихся вѣрными Игюенъ-Ану, и въ нѣсколько недѣль успѣли настолько обучить ихъ европейской дисциплинѣ, что они имѣли уже неоспоримое превосходство надъ противниками. Побѣда вполне вознаградила ихъ за усилія, и въ 1802 году, свергнутый императоръ приобрѣлъ не только свои прежнія владѣнія, но и весь полуостровъ.

Императоръ не отказался отъ своихъ добрыхъ намѣреній, и не былъ ослѣпленъ такимъ блестящимъ успѣхомъ; онъ попрежнему былъ милостивъ къ французскимъ офицерамъ и многимъ изъ нихъ далъ титулъ мандариновъ, пользовался ихъ знаніемъ при устройствѣ фабрикъ, дорогъ, но оказывалъ къ нимъ постоянно какую-то недовѣрчивость.

Несмотря на то, Шенью и Ваннье не утратили своего вліянія, но войны Франціи во время имперіи не дозволили правительству послѣдовать ихъ совѣтамъ. Наполеонъ, увлеченный европейскою войною, не могъ думать о развитіи колоніальнаго могущества, которое, можетъ-быть, и не цѣнилъ достаточно. Лудовикъ XVIII принялъ эти предложенія и не пренебрегъ ничѣмъ для осуществленія договора 1787 года: онъ назначилъ Шенью консуломъ и послалъ военный корабль для подкрѣпленія его требованій; но старанія Кергаріу, капитана корабля, не имѣли успѣха. Къ тому же Франція лишилась тогда твердой опоры своей въ Кохинхинѣ: въ октябрѣ 1819 года умеръ де-Бегемъ, а въ слѣдующемъ году и императоръ Гіа-Лонгъ. Ученикъ адранскаго епископа, долженствовавшій наследовать имперію и воспитанный въ правилахъ католической вѣры, конечно произвелъ бы счастливый переворотъ въ Аннамѣ, но онъ умеръ еще въ 1799 году; престолъ достался побочному сыну Гіа-Лонга, Мингъ-Ману, несмотря на право, которое имѣли на него законные внуки.

Положеніе дѣлъ тотчасъ же измѣнилось: Минь-Манъ воротился на старую дорогу, и въ 1823 году изгналъ двухъ единственныхъ Французовъ, оставшихся въ Гуэ, Шенью и Ванье; два года спустя, онъ отказался принять де-Бугенвиля, командира фрегата *Отеида*; съ этого же времени началось преслѣдованіе, и въ 1827 года миссіонеры были изгнаны подѣ страхомъ жесточайшихъ наказаній. Французское правительство снова отправило корабль въ Индо-Китайское море, съ назначеніемъ доставить въ Гуэ Шенью сына, назначеннаго консуломъ; судно разбилось о скалы, и потерпѣвшіе кораблекрушеніе оставались въ Тураннѣ, покуда не пришелъ за ними корветъ *Фаворитка* въ 1831 году. Командовавшій этимъ корветомъ де-Лапласъ не былъ счастливѣе де-Каргаріу и де-Курсона, который передѣ июльской революціей возобновилъ было эту попытку.

Въ 1833 году былъ убитъ первый миссіонеръ Гажеленъ; перечень жертвъ былъ бы слишкомъ длиненъ, еслибы мы вздумали аккуратно вести его съ того времени. Но не одни духовныя лица подверглись жестокостямъ Минь-Мана, всѣ католики имперіи терпѣли ту же участь, и несмотря на то, число ихъ расло съ каждымъ днемъ.

Минь-Манъ умеръ въ 1840 году, но гоненія продолжались еще съ большею силою при Тіэнъ-Три, его наслѣдникъ: пять миссіонеровъ были захвачены въ одно время и неизбѣжно бы подверглись жесточайшей пыткѣ, еслибъ не энергическое вмѣшательство г. Левока, командовавшаго *Геронией*, вмѣшательство, которое принужденъ былъ возобновить въ свою очередь адмиралъ Сесиль, командиръ *Аломель*, въ 1844, и адмиралъ Лапьеръ, командовавшій *Славой*, въ 1846 годахъ, для освобожденія епископа Лечебюра. Г. Лапьеру удалось также открыть ужасный заговоръ, цѣлью котораго было убіеніе моряковъ, сованныхъ на пиршество. Нѣсколько сотенъ Кохинкинцевъ заплатились въ этомъ случаѣ за своего жестокаго государя.

Не трудно отгадать, что послѣ этого гоненіе еще болѣе усилилось: смерть Тіэнъ-Три ничего не измѣнила; вышелъ эдиктъ, запрещающій «религію Ісуса, принятую отъ Европейцевъ». Христіанское народонаселеніе тогда уже состояло болѣе чѣмъ изъ 150,000 человекъ, и папскіе викаріи въ Кохинкинѣ показали, что въ продолженіи одного 1850 года таинство крещенія совершено было надъ 13,000 человекъ.

Наконецъ въ сентябрѣ 1856 года г. de-la-Ville-sur-Arce было поручено доставить въ Туранну договоръ, предложенный отъ имени французскаго правительства; мандарины не хотѣли принять его, и даже отказались отъ всякихъ сношеній съ Французами; они представили къ батаредамъ солдатъ, показывая видъ, будто хотятъ стрѣлять въ паровой корветъ *Камма*. Г. de-la-Ville-sur-Arce высадилъ съ собою моряковъ, взялъ крѣпость, заклепалъ пушки, и тогда мандарины стали просить прощенія; они повторили эту униженную

просьбу и передъ командиромъ Камье, вскорѣ прибывшимъ на *Капризеишъ* (la Capricieuse), и только тогда получили депеши и трактаты, которые и доставили въ Гуэ.

Наконецъ-то можно было надѣяться на смягченіе 25-ти-лѣтнихъ кровавыхъ преслѣдованій героевъ-миссіонеровъ на этихъ негостеприимныхъ берегахъ. Но въ то самое время, когда, казалось, Франція могла уже поздравить себя съ желаннымъ успѣхомъ, смерть епископа Діаза, папскаго викарія въ Тонкинѣ, обезглавленнаго 20-го іюля 1857 года въ Нанъ-Тингѣ, разрушила надежды, и, какъ сказалъ молодой сотрудникъ одного изъ французскихъ обозрѣвій, воззвала къ Европѣ, чтобы она положила конецъ этому длинному ряду преступленій, направленныхъ противъ всего, что отъ нея исходитъ.

Итакъ Франція, заключаетъ авторъ предложеннаго очерка, дѣйствительно вынуждена прибѣгнуть къ оружію, чтобы положить конецъ этимъ кровавымъ и позорнымъ оскорбленіямъ: долгъ ея защитить католиковъ, которые въ далекой Азій не страшатся мученій и презираютъ смерть, — долгъ ея продлить въ этихъ отдаленныхъ странахъ ту роль, которая безспорно принадлежала ей на юго-востокѣ Азій, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Но объ руку съ этимъ христіанскимъ долгомъ идетъ національный и политическій интересъ, побуждающій ее не упускать никакого случая для распространенія своего колониальнаго могущества и умноженія торговыхъ и морскихъ постовъ. Нынѣшнее французское правительство понимаетъ значеніе колоній, и съ прямою рѣшимостью идетъ по этому пути. Основаніе колоній въ Туранѣ чрезвычайно хорошо пополнило бы французскую колониальную систему; суда могутъ теперь приставать въ Сенегалѣ, въ Габонѣ, въ Бурбонѣ, но отъ этого послѣдняго острова до архипелага Тавити нѣтъ ни одной пристани, гдѣ бы они могли запасти съѣстными припасами. Занятіе Туранны удовлетворяетъ этой потребности, которая уже во время іюльской монархіи была такъ ошутительна, что съ этою цѣлью пріобрѣли тогда Базилянгъ, недалеко отъ Борнео; но отъ этого намѣренія вскорѣ принуждены были отказаться вслѣдствіе мѣстныхъ препятствій и дипломатическихъ причинъ. Прочная колонія въ Кохинхинѣ послужитъ къ большому развитію морскихъ силъ Франціи, и будетъ настоящимъ благодѣяніемъ для католицизма, защищать который будетъ тогда она въ состояніи не только на самомъ полуостровѣ, но и въ Китаѣ.

Договоръ между Франціей и Сіамомъ.—Между тѣмъ какъ въ Кохинхинѣ гоненіе христіанъ и преслѣдованіе миссіонеровъ усиливается все болѣе и болѣе, въ государствѣ сосѣднемъ съ нею, въ Сіамскомъ королевствѣ, наступаетъ какъ будто новая эпоха какъ для сношеній съ Европейцами, такъ и для распространенія христіанства. Конечно, въ подобныхъ государствахъ, гдѣ предъ личнымъ ка-

призоумъ замолкають важнѣйшіе интересы страны, нельзя ругаться, что преобразованія эти будутъ прочны, что страна неуклонно пойдетъ по тому пути, который указанъ ей настоящимъ властелиномъ. Какъ бы то ни было, будемъ надѣяться, что нынѣ царствующій король сіамскій, Хао-Фа-Монгъ-Кутъ проживетъ еще на столько, чтобы развить въ своихъ подданныхъ потребности цивилизации. Начало сношеній Европейцевъ съ Сіамомъ относится еще къ XVII вѣку. Англичане и Португальцы, тогда еще соперничавшіе на водахъ индійскихъ, были первыми, вступившими въ эти сношенія; но сношенія эти, случайно получившія свое начало, не были постоянны. Въ третьей четверти XVII же вѣка, кесало нійскій Грекъ Констанцій Фалькъ, сынъ харчевника, по увѣренію Вольтера, попалъ въ Сіамъ и тамъ сталъ первымъ министромъ короля сіамскаго; желая лучше упрочить свое положеніе, онъ отправилъ отъ имени короля съ богатыми подарками торжественное посольство къ Лудовику XIV, слава котораго распространилась и до Сіама, благодаря основанію Французами торговыхъ конторъ на берегу Коромандельскомъ; посольство это извѣстило, что король Сіамскій, очарованный славой великаго монарха, желаетъ вступить съ нимъ въ дружескія и торговыя сношенія, и вовсе не прочь принять христіанство. Лудовикъ успѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ: онъ отправилъ въ 1684 году двухъ посланниковъ, шесть миссіонеровъ іезуитскаго ордена, нѣсколькихъ офицеровъ и нѣсколько сотенъ солдатъ. Года черезъ четыре послѣ этого событія, Констанцій погибъ жертвою своего честолюбія; часть оставшихся Французовъ была умерщвлена по повелѣнію новаго короля, остальные разбѣжались, тѣмъ дѣло и кончилось. Въ самомъ концѣ XVII вѣка Голландцы и Англичане попытались было основать нѣсколько конторъ въ Банкокѣ, главномъ городѣ Сіама, желая воспользоваться нерасположеніемъ сіамскаго двора къ Французамъ; но торговля ихъ была незначительна, вслѣдствіе жестокихъ междоусобныхъ войнъ, раздиравшихъ тогда Сіамъ.

Весь XVIII вѣкъ Сіамъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній съ Европейцами, даже до 1820 года не было никакихъ особенно замѣчательныхъ попытокъ со стороны Европейцевъ, и только съ этого времени попытки эти были дѣлательно возобновлены Англичанами и Сѣверо-Американцами, хотя и безъ особенно-важныхъ результатовъ. Но съ восшествіемъ на престолъ нынѣ-царствующаго государя, человека замѣчательнаго по своему характеру, далеко превосходящаго своимъ образованіемъ всѣхъ своихъ подданныхъ, а вслѣдствіе этого лучше понимающаго прямыя отъ сношеній съ Европейцами выгоды для своей страны, Сіамъ вступилъ въ новую эпоху. Хао-Фа-Монгъ-Кутъ, вступившій на престолъ въ апрѣль 1851 года, предпринялъ рядъ внутреннихъ реформъ для благоденствія своей

страны и употребляетъ всѣ мѣры для развитія торговыхъ связей съ Европейцами. Первый дружественный и торговый трактатъ былъ заключенъ имъ съ Англіей 18 апрѣля 1855 года, въ Банкоктѣ. Едва узнали объ этомъ правительствѣ французское и Соединенныхъ Штатовъ, какъ поспѣшили тоже воспользоваться добрымъ расположеніемъ короля, и отправили съ этою цѣлью: Франція г. Монтинья, бывшего консула въ Шангаѣ, а Соединенные Штаты, бывшего консуломъ въ Японіи, г. Т. Гарриса. Г. Монтинья удалось выполнить свое назначеніе, договоръ съ Франціей подписанъ 15 августа 1856 года, и 28 декабря обнародованъ въ Монитерѣ. Вотъ краткое извлеченіе изъ статей этого договора совершенно сходнаго съ договоромъ, который заключенъ съ Англіей: Какъ французскіе подданные, проживающіе въ Сіамѣ, такъ и сіамскіе подданные, проживающіе во Франціи, пользуются въ этихъ странахъ полнымъ покровительствомъ властей, какъ лично, такъ и относительно своихъ имуществъ. Они имѣютъ право на всѣ преимущества и выгоды, которыя могутъ быть когда-либо дарованы въ этихъ странахъ чужестранцамъ. Сверхъ того, сіамскіе подданные и купеческіе корабли ихъ пользуются покровительствомъ французскихъ консуловъ и въ предѣлахъ другихъ государствъ. Договаривающіяся стороны признаютъ взаимное право назначать другъ у друга консуловъ для покровительства интересамъ и торговлѣ своихъ соотечественниковъ и для посредничества между ними и мѣстнымъ правительствомъ. Французскій консулъ можетъ быть водворенъ въ Банкоктѣ немедленно по ратификаціи настоящаго договора. Французскіе подданные пользуются во всемъ Сіамѣ правомъ открыто совершать свое богослуженіе и строить церкви въ мѣстахъ, указанныхъ мѣстнымъ правительствомъ. Французскіе миссіонеры могутъ свободно во всемъ Сіамѣ проповѣдывать христіанство, строить церкви, семинарія, школы, госпитали и другія богоугодныя заведенія, могутъ свободно для исполненія своихъ обязанностей путешествовать по всему Сіаму, но не иначе, какъ съ паспортомъ, выданнымъ отъ французскаго консула. Французскіе подданные пользуются правомъ производить торговлю по всему Сіаму, но постоянное жительство дозволяется имъ только въ Банкоктѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. На этомъ пространствѣ имѣютъ они право покупать земли, строить дома, разводить плантаціи и т. д. Но для покупки земель, находящихся болѣе чѣмъ на шесть километровъ отъ стѣнъ Банкока требуется особенное дозволеніе сіамскаго правительства. Французскіе путешественники, ученые, натуралисты пользуются всѣмъ возможнымъ покровительствомъ и содѣйствіемъ сіамскихъ властей. Французскіе военные корабли могутъ ходить рѣкою Менамъ до Пакнама, но подниматься до Банкока они могутъ только по особому разрѣшенію сіамскаго правительства. Впрочемъ французскіе корабли поль-

зуются всѣми преимуществами, какія дарованы сіамскимъ кораблямъ и джонкамъ. Пошлина съ привозныхъ товаровъ не должна превышать трехъ процентовъ съ цѣны ихъ. Французы могутъ вывозить изъ Сіама и ввозить туда изъ Франціи и другихъ странъ всѣ товары, за исключеніемъ только тѣхъ, которые, при заключеніи настоящаго договора, составляютъ предметъ особенной монополіи или запрещенія. Впрочемъ сіамское правительство предоставляетъ себѣ право запретить вывозъ соли, риса и рыбы, въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ основаніе опасаться недостатка ихъ въ самомъ Сіамѣ. Обязанъ договаривающимся сторонамъ предоставляется право, за годъ до истеченія двѣнадцатилѣтняго срока, объявить о своемъ желаніи пересмотра и измѣненія условій настоящаго договора, въ видахъ пользы и развитія торговыхъ сношеній обѣихъ странъ.

Пароходъ Кальери.— Въ газетахъ много было толковъ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между Сардинією и королевствомъ Обѣихъ Сицилій, и о могущемъ произойти отъ того разрывѣ дипломатическихъ сношеній между этими государствами. Дѣло идетъ о сардинскомъ пароходѣ *Кальери*, захваченномъ двумя фрегатами неаполитанскаго королевскаго флота. Вотъ какъ это случилось:

Въ прошломъ іюнѣ, на островѣ Пондза и въ небольшомъ неаполитанскомъ приморскомъ городкѣ Сапри сдѣланы были попытки возмущенія. Вечеромъ 25-го іюня пароходъ *Кальери*, принадлежавшій торговому дому Рубаттино, вышелъ изъ Генуи, подъ командою капитана Сильція, съ тридцатью тремя пассажирами, съ депешами и пакетами, вѣренными капитану мѣстнымъ почтовымъ управленіемъ. *Кальери* отправлялся тогда въ одинъ изъ своихъ обычныхъ періодическихъ рейсовъ изъ Генуи въ Кальери (столицу Сициліи) и въ Тунисъ. Вскорѣ по выходѣ парохода изъ генуэзской гавани, двадцать пять изъ находившихся на немъ пассажировъ напали на капитана, арестовали его, назначили на мѣсто его другаго и направили пароходъ къ острову Пондза; тамъ сошли на берегъ и выпустили изъ тюрьмы около четырехъ сотъ арестантовъ и возвратившись на пароходъ пошли къ Сапри. Здѣсь, передъ тѣмъ какъ сойдти на берегъ, виновники этихъ насилій возвратили свободу капитану, который, принявъ, снова командованіе пароходомъ, немедленно пошелъ въ Неаполь, чтобы извѣстить о случившемся находящагося тамъ сардинскаго консула. Но подходя къ Неаполю, *Кальери* былъ встрѣченъ двумя неаполитанскими фрегатами *Танкредомъ* и *Гекторомъ-Фьерамоска*, которые задержали его и отвели въ Неаполь, гдѣ на него былъ наложенъ секвестръ; экипажъ и пассажиры были арестованы и замѣшаны въ уголовный процессъ противъ возмущившихся.

Призовая коммиссія королевства Обѣихъ-Сицилій признала пароходъ *Кальери* и грузъ его законнымъ призомъ, между тѣмъ какъ туринскій совѣтъ для разсмотрѣнія дипломатическихъ исковъ отри-

цаетъ эту законность, и на основаніи рѣшенія этого совѣта, сардинское правительство требуетъ отъ сицилійскаго немедленной выдачи парохода *Кальери* и его груза, а равно освобожденія арестованныхъ сардинскихъ уроженцевъ.

По изслѣдованію оказалось, что пароходъ *Кальери* задержанъ въ тридцати миляхъ отъ Салерно, въ открытомъ морѣ, то-есть въ свободномъ морѣ, гдѣ никто не имѣетъ права чинить судъ и расправу, за исключеніемъ случая войны и морскаго разбоя. Когда судно было задержано, имъ командовалъ капитанъ Сильція, и на немъ не находилось уже ни одного мятежника. Если на пароходъ и случилось смятеніе, произведенное насильственнымъ поступкомъ нѣсколькихъ пассажировъ, то по удаленіи ихъ съ парохода и по возстановленіи власти законнаго командира, эти смятенія прекратились и характеръ мирной національности судна былъ возстановленъ. На этихъ основаніяхъ произнесъ свое опредѣленіе туринскій совѣтъ по части дипломатическихъ споровъ, и сардинское правительство настоятельно потребовало отъ неаполитанскаго возвращенія владѣльцамъ парохода *Кальери* съ его грузомъ и освобожденія арестованныхъ сардинскихъ подданныхъ изъ экипажа и пассажировъ этого судна. Требованіе это послѣдовало, какъ надобно ползгать, въ концѣ января.

LIBRAIRIE FRANÇAISE
CH. URBAIN,

Libraire-commissionnaire de l'Université Impériale de Moscou,

au pont des Maréchaux, maison du Prince Galitzine.

Houzeau. Histoire du sol de l'Europe. Bruxelles, 1857, 1 v. in 8°. 2 rbl. 50.

D'Audubon. Scènes de la nature dans les Etats-Unis et le nord de l'Amérique; trad. par Bazin. Paris 1857, 2 v. in 8°. 5 rbl.

Modgkinson et Fairbairn. Fonte, fer et tole. Paris, 1857, 1 v. in 8°. 6 rbl.

Potier. Tables cyclographiques pour le tracé des courbes de raccordement des voies de communication. Paris, 1857, 1 v. in 8°. 3 rbl.

Hannon. Traité élémentaire de Zoologie. Bruxelles, 5 v. in 12° 2 rbl. lavier. Cours théorique et pratique de télégraphie électrique. Paris, 1857, 1 v. in 12°. 3 rbl.

Lombard. Le cuisinier et le médecin ou l'art de conserver ou de rétablir sa santé par une alimentation convenable. Paris, 1 v. in 8°. 4 rbl. 50.

Bayle. Eléments de pathologie médicale. Paris, 1856 — 1857, 2 v. in 8°. 6 rbl.

Milne Edwards. Leçons sur la physiologie et l'anatomie comparée de l'homme et des animaux. Paris, 1857, T. I. et T. II. 1-e partie. pr 2 vol. 6 rbl.

Baron de Korff. Avènement au trône de l'Empereur Nicolas I. Paris, 1857, 1 v. in 8°. 2 rbl. 50.

Grand choix de nouveautés en tous genres.

Romans illustrés à bon marché.

Journaux pour 1858.

Cabinet de lecture.

Les catalogues se distribuent **GRATIS** et seront envoyés **FRANC DE PORT** à toutes les personnes de l'intérieur qui voudront bien en faire la demande.

Положимъ, что такъ,—но откуда же берутся люди, занимающіеся торгомъ невольниковъ? Кто болѣе достоинъ порицанія? воспитанный, образованный, умный человекъ, защищающій систему, поражающую этого купца, или бѣдный купецъ? Не вы ли подкупаете общественное мнѣніе въ пользу невольничества, не вы ли развращаете купца, такъ что онъ не стыдится болѣе своей торговли? Чѣмъ же вы лучше его?

Развѣ потому, что вы образованы, а онъ невѣжа, что вы стоите выше его, что вы утонченны, а онъ простъ, что вы имѣете таланты, а онъ нѣтъ?

Въ день страшнаго суда, эти обстоятельства будутъ свидѣльствовать за него и противъ васъ.

Въ заключеніе повѣствованія объ этихъ маленькихъ приключеніяхъ закономъ дозволенной торговли, мы должны просить читателей, чтобъ они не думали, что американскіе законодатели вовсе чужды любви къ человечеству, какъ можно бы заключить, видя старанія наши поддержать и упрочить этотъ торгъ.

Кто не знаетъ, какъ наши великіе люди превосходятъ сами себя, возставая противъ *чужеземнаго* торга невольниками! У насъ цѣлое войско Вильберфорсовъ и Кларксоновъ, возставшихъ изъ среды нашей по этому случаю, такъ что любо слушать ихъ и смотрѣть на нихъ. Покупка невольниковъ въ Африкѣ, это ужасный торгъ, любезный читатель... страшно и подумать! Но покупать ихъ изъ Кентекки... О, это совсѣмъ другое дѣло!

ГЛАВА XIII.

КВАКЕРСКАЯ КОЛОНИА.

Передъ нами раскрывается теперь картина мира; мы видимъ просторную кухню; стѣны окрашены пріятнымъ цвѣтомъ; ни пылинки на желтомъ, гладкомъ, блестящемъ полу; опрятный хорошо вычерненный очагъ; пирамиды оловянной посуды горятъ какъ жаръ и вызываютъ аппетитъ, напоминая множество лакомыхъ блюдъ. Старые, зеленые, вальяжные, деревянные стулья; маленькія кресла, устроенныя качалкою, съ закладкою спереди и съ подушкою, сшитую изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ шерстяной матеріи, да еще кресла попросторнѣе, старинныя, родительскія кресла; ихъ широкія, раздающіяся спереди ручки, кажется, приглашаютъ насладиться гостепріимствомъ ихъ пуховыхъ подушекъ, которыя съ своей стороны повторяютъ приглашеніе. Это удобная, привлекательная мебель, кото-

рая для милыхъ честныхъ радостей семейной жизни дороже бархатной и штофной мебели модныхъ салоновъ.

Въ этихъ креслахъ, тихо покачиваясь, сидить за шитьемъ наша давняя знакомая, бѣглянка Элиза. Да, это она; она похудѣла и стала блѣднѣе; дѣльный миръ затаенной заботы и горести скрывался подѣ тѣнью ея длинныхъ рѣсницъ и обозначался въ очертаніяхъ ея нѣжныхъ губъ. Не трудно видѣть, какъ окрѣпло и устарѣло ея юное сердце подѣ строгою рукою несчастья, и когда она поднимаетъ свои большіе каріе глаза, чтобы слѣдить за прыжками маленькаго Гарри, рѣзвящагося какъ бабочка тропическихъ странъ, въ ней видны сильная воля и твердая рѣшительность, которыхъ у ней не было въ ея прежніе, счастливые годы.

Возлѣ нея сидитъ женщина, съ большимъ оловяннымъ блюдомъ на колѣняхъ, на которое она раскладываетъ сушеные персики. Ей будетъ отъ пятидесяти пяти до шестидесяти лѣтъ, но у нея такія черты лица, которыхъ старость не только не искажаетъ, а еще придаетъ имъ новую прелесть. Креповая шапочка ея, бѣлая какъ снѣгъ, сдѣлана точь-въ-точь, какъ тѣ шапочки, которыя носятъ жены квакеровъ. Простая, кисейная косынка, сложенная крестъ на крестъ на груди, лежитъ спокойными складками; ея пальто, ея платье, все указываетъ, къ какому религіозному обществу принадлежитъ она. На кругломъ лицѣ ея разлитъ розовый румянецъ и стелется легкій пушокъ, напоминающій поверхность зрѣлаго персика. Волоса ея, кое-гдѣ посеребренные лѣтами, зачесаны назадъ и открываютъ высокій спокойный лобъ. Время начертало на немъ одну только надпись: «Миръ на землѣ, человѣкомъ благоволеніе». Ея каріе, полные блеска глаза яснѣютъ чувствомъ и правотою души. Стоитъ пристально взглянуть въ нихъ, чтобы видѣть всю глубину ея открытаго добраго сердца, добраго и правдиваго. Какъ часто, какъ много воспѣваютъ и хвалятъ красоту молодыхъ дѣвицъ! Почему же не похвалить красоту милой старушки? Если кому нужно вдохновеніе для этой новой темы, пусть взглянетъ на нашу пріятельницу, добрую Ратиль Галлидей, сидящую на своихъ маленькихъ креслахъ съ качалкою. Кресла эти скрипятъ и трещатъ. Быть-можетъ они простудились еще въ своей молодости, или разстроили нервы, или, быть-можетъ, это одно расположеніе къ одышкѣ, только при каждомъ ихъ движеніи слышится скрипъ, неизвинительный во всякихъ другихъ креслахъ. Между тѣмъ старикъ Симеонъ Галлидей часто говаривалъ, что для него этотъ скрипъ пріятнѣе всякой музыки, а дѣти объявили, что они ни за что не хотятъ лишиться удовольствія слышать голосъ креселъ ихъ доброй матери... Почему бы это? Потому, что двадцать и болѣе лѣтъ сряду съ этихъ креселъ раздавались имъ кроткія правоченія, слова любви, слова материнской нѣжности. Сколько сердечныхъ страданій и мозговыхъ недугъ

говъ исцѣляли эти кресла! Сколько разрешено здѣсь недоумѣній о вѣчной и временной жизни, и все это нѣсколькими словами любящей и доброй женщины! Да благословить ее Богъ!

— А что, Элиза, ты все еще думаешь отправиться въ Канаду? сказала она кроткимъ голосомъ, продолжая смотрѣть на свои перчатки.

— Да, сударыня, отвѣчала Элиза рѣшительно; — я должна отправиться, я не смѣю долѣе оставаться здѣсь.

— Но что же ты будешь тамъ дѣлать? надобно подумать объ этомъ, дочь моя!

Слова: *дочь моя*, такъ естественно звучали въ устахъ Рахили Галлидей, потому что черты ея и выраженіе ея лица какъ нельзя болѣе согласовались съ значеніемъ слова: *мать*.

Руки Элизы дрожали, и нѣсколько слезъ упало на ея работу... но она отвѣчала съ твердостью:

— Буду дѣлать, что придется. Я надѣюсь найти какую-нибудь работу.

— Ты знаешь, что можешь оставаться здѣсь, сколько сама захочешь, сказала Рахиль.

— Благодарю васъ, отвѣчала Элиза, — но здѣсь я не могу уснуть спокойно (она посмотрѣла на Гарри); я не могу остаться. Еще въ прошлую ночь снилось мнѣ, будто я вижу, какъ *этотъ человекъ* въѣзжаетъ на дворъ.

Она вся дрожала, произнося эти слова.

— Бѣдное дитя, сказала Рахиль, отирая глаза свои. — Но ты не тревожься такъ. Богу угодно было не допустить по сіе время, чтобы хоть одинъ бѣглець былъ взятъ изъ нашего селенія; не быть же твоему ребенку первымъ.

Въ это время открылись двери, и маленькая, кругленькая женщина остановилась въ дверяхъ, съ веселымъ, цвѣтущимъ лицомъ, какъ спѣлое яблоко. Она была одѣта какъ Рахиль, въ сѣренькомъ платьѣ, въ кисейной косынкѣ, аккуратно сложенной на высокой, выпуклой груди.

— Руеъ Стедманъ, сказала Рахиль, радостно идя къ ней на встрѣчу:—здорова ли ты, Руеъ?

Съ этими словами она дружески взяла ее за обѣ руки.

— Слава Богу, отвѣчала Руеъ, снимая свою маленькую казимировую шляпку и платкомъ отряхивая съ нея пыль; квакерская шапочка сидѣла на ея маленькой, кругленькой головкѣ какъ-то безпорядочно, несмотря на толчки и удары маленькихъ ручекъ, которыя старались оправить ее. Нѣсколько прядей кудрявыхъ волосъ выбились тамъ и сямъ, и ихъ тоже нужно было поправить и пригладить. Наконецъ новая гостья отошла отъ узенькаго зеркала, передъ которымъ производились всѣ эти маневры и, казалось,

была довольна собою; впрочемъ это понятно, потому что она была очень миловидная дамочка, съ свѣжимъ здоровымъ сердцемъ, съ самую открытую, сияющею физиономіей, которая когда-либо дарилла отрадой сердце мужчины.

— Руеъ, вотъ наша пріятельница, Элиза Гаррисъ, а это мальчикъ, о которомъ я тебѣ говорила.

— Я очень рада видѣть тебя, Элиза, очень рада, сказала Руеъ, пожимая ей руку, какъ будто она была давнишнимъ другомъ, котораго она долго ожидала;—а это твой милый сыночекъ? Я принесла ему гостинецъ, сказала она, подавая ему пирожокъ, который онъ робко принималъ, поглядывая на нее сквозь опустившіяся на лицо кудри.

— А гдѣ твой маютка, Руеъ? спросила Рахиль.

— Онъ со мною, но твоя Мери поймала его, когда я пріѣхала, и понесла его на ригу, показать дѣтямъ.

Дверь растворилась въ эту минуту, и Мери, милая дѣвочка, съ розовымъ личикомъ и съ большими карими глазами, какъ у ея матери, вошла въ комнату съ ребенкомъ.

— Ну вотъ и онъ, сказала Рахиль, вставая и взявъ на руки рослаго, бѣлаго, пухленькаго ребенка: — какой онъ хорошенькій и какъ растетъ!

— Да, это правда, отвѣчала Руеъ, взявъ на руки дитя, снимая съ него шелковую голубую шапочку и разные платки, которыми онъ былъ окутанъ, и дернувъ то, поправивъ это, она привела въ порядокъ его одежду, и поцѣловавъ его, поставила на полъ, чтобъ онъ могъ собраться съ мыслями.

Ребенокъ, казалось, привыкъ къ такому обращенію; онъ засунулъ палецъ въ ротъ (какъ будто это такъ и слѣдовало) и, казалось, погружился въ размышленія, между тѣмъ какъ мать его съѣла и, вынувъ изъ рабочей сумки длинный, пестрый чулокъ изъ синей и бѣлой пряжи, принялась усердно за вязанье.

— Мери, ты подсыпала бы угольевъ въ жаровню, сказала Рахиль ласковымъ голосомъ.

Мери вышла, захвативъ съ собою жаровню, но скоро возвратилась и поставила ее на печь, гдѣ она вскорѣ задымилась и заплѣла свою веселую и гостепріимную пѣсню. Потомъ та же рука, повинувшись наставленіямъ Рахили, поставила на огонь персики, уложенные на сковородѣ.

Тогда Рахиль сняла съ полки чистую и бѣлую какъ снѣгъ доску, подвязала фартукъ и начала мѣсить тѣсто на пироги, сказавъ своей дочери:

— Мери, скажи Джону, чтобъ онъ приготовилъ дышленка.

Мери вышла передать приказаніе.

— А каково здоровье Абиганлы Петерсъ? спросила Рахиль, продолжая мѣсить тѣсто.

— Гораздо лучше, отвѣчала Руѳь.—Я была у ней сегодня поутру, перестлала постель и убрала въ покояхъ. Лія Гиллсъ была у ней сегодня пополудни, напекла хлѣба и пироговъ на нѣсколько дней. Я общала придти сегодня вечеромъ, посидѣть у ней.

— А я отправлюсь завтра, переую и перечиню ей бѣлье.

— Хорошо сдѣлаешь, сказала Руѳь.—Мнѣ сказывали, продолжала она, — что Анна Станвудъ захворала. Джонъ былъ тамъ прошлую ночь, а я пойду завтра.

— Пускай же Джонъ приходитъ къ намъ завтракать и обѣдать, если ты пробудешь тамъ цѣлый день.

— Благодарю, Рахиль; завтра увидимъ... А вотъ и Симеонъ.

Симеонъ Галлидей, высокій и плотный, въ кафтанѣ и панталонахъ изъ толстаго сукна, въ шляпѣ съ большими полями, вошелъ въ эту минуту.

— Каково поживаешь, Руѳь? сказалъ онъ, дружески протягивая свою широкую руку къ ея маленькой пухленькой ручкѣ.—Что подѣлываетъ Джонъ?

— Джонъ здоровъ, какъ и всѣ наши.

— Что новаго? спросила Рахиль, сажая пироги въ печь.

— Петерсъ Стеббинсъ сказалъ мнѣ, что они будутъ сюда въ эту ночь, съ друзьями, отвѣчалъ съ значительнымъ выраженіемъ въ голосѣ Симеонъ, умывая руки изъ рукомойника, стоявшаго въ сѣнцахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Рахиль съ задумчивымъ видомъ, взглянувъ на Элизу.

— Ты сказала мнѣ, кажется, что имя твое Гаррисъ? спросилъ Симеонъ Элизу, возвращаясь въ комнату.

Рахиль бросила взглядъ на своего мужа, а Элиза отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

— Да.

Страхъ преувеличилъ опасность въ глазахъ ея; ей подумалось, не разосланы ли объявленія на ея счетъ.

— Мать, сказалъ Симеонъ, вышедши снова въ сѣни.

— Что тебѣ, отецъ? спросила Рахиль, отирая покрытыя мукою руки и идя къ своему мужу.

— Мужъ этой женщины въ колоніи, сказалъ онъ, — онъ будетъ здѣсь въ эту ночь.

— А ты и не скажешь, отецъ! воскликнула Рахиль съ радостнымъ лицомъ.

— Это дѣйствительно такъ, продолжалъ Симеонъ. — Питеръ ѣздилъ туда вчера; онъ нашелъ тамъ старую женщину и двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ, что зовутъ его Джорджъ Гаррисъ. Изъ того, что онъ о себѣ разказывалъ, я увѣренъ, что

это ее мужъ. Онъ хорошій, видный малый. Теперь что ли сказать ей объ этомъ?

— Скажемъ прежде Руей, отвѣчала Рахиль. — Руей, поди-ка сюда.

Руей положила свой чулокъ и въ минуту очутилась въ задней комнатѣ.

— Какъ ты думаешь, Руей? Симеонъ говоритъ, что мужъ Элизы въ ближнемъ обществѣ и къ ночи будетъ сюда.

Радостный порывъ маленькой квакерши прервалъ слова Рахили. Она захлопала въ ладоши и такъ прыгнула, что два локона выпали изъ-подъ ее квакерской шапочки на бѣлую шейную косынку.

— Успокойся, милая, сказала Рахиль, — успокойся, Руей. — Посоветуй намъ лучше, сказать ли ей теперь объ этомъ?

— Разумѣется, сию же минуту. Воображаю себѣ, каково бы мнѣ было на ее мѣстѣ, еслибъ это случилось со мною и Джономъ! Сей же часъ скажи ей.

— Ты только и думаешь о томъ, какъ надобно любить своихъ ближнихъ, сказалъ Симеонъ, съ нѣжностію смотря на Руей.

— Такъ что жъ? развѣ не для того мы сотворены? Еслибъ я не любила Джона и моего ребенка, я не умѣла бы чувствовать за нее. Пойдемъ, скажи ей.

И она, съ убѣдительнымъ жестомъ взяла за руки Рахиль.

— Отведи ее въ другую комнату, а я покуда приправлю цыпленка.

Рахиль вышла въ кухню, гдѣ Элиза шила, и, отворивъ дверь маленькой спальни, сказала ей ласково:— Поди сюда, дочь моя; я принесла тебѣ вѣсти.

Элиза вдругъ покраснѣла, встала съ мѣста съ нервною дрожью и посмотрѣла на своего сына.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула маленькая Руей, вскакивая и схвативъ ее за руки. — Не бойся ничего; это добрыя вѣсти, Элиза. Ступай, ступай! И съ этими словами она дружески толкнула ее къ двери, затворивъ ее за нею. Потомъ, возвратясь въ кухню, она взяла на руки Гарри и стала цѣловать его.

— Ты увидишь своего отца, малютка! говорила она, — знаешь ли ты это? Твой отецъ будетъ сюда! И она повторила это ребенку, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

Между тѣмъ другая сцена происходила за дверью. Рахиль Галилей подозвала Элизу къ себѣ и сказала ей:— Господь умилостивился надъ тобою, дочь моя; мужъ твой освобожденъ изъ дома неволи.

Кровь горячею волною хлынула къ щекамъ Элизы и вдругъ отлила къ сердцу. Она сѣла, блѣдная и почти бездыханная.

— Мужайся, дитя мое, сказала Рахиль, положивъ руки на ее голову.— Онъ между *Друзьями*, которые привезутъ его нынче въ ночь.

— Нынче, повторила Элиза,—въ ночь! Слова теряли для нея свое значеніе; мысли ея мутились какъ во снѣ; все какъ въ туманѣ представлялось ей въ эту минуту.

Пришедши въ себя, она увидѣла, что она въ постели, закутана въ одѣяло; маленькая Руѳ сидѣла возлѣ нея и натирала ей руки камфорою. Она открыла глаза въ полузабытьѣ, въ этомъ сладостномъ утомленіи, которое чувствуетъ человѣкъ, долго изнемогавшій подъ тяжкою ношею, и который, сбросивъ ее, хочетъ отдохнуть. Нервы ея, напряженные съ перваго дня ея бѣгства, приходили въ нормальное состояніе, и странное ощущеніе безопасности и спокойствія пронеслось надъ нею. Она лежала, открывъ свои темные глаза, и какъ бы сквозь сонъ слѣдила за движеніями окружавшихъ. Она видѣла, что дверь въ другую комнату была отворенá, видѣла, что столъ былъ накрытъ, къ ужину, бѣлою какъ снѣгъ скатертью, слышала убавляющую пѣсню кипящаго чайника, видѣла какъ Руѳ суетилась и бѣгала съ блюдами пирожковъ и варенья, какъ она останавливалась иногда, чтобы сунуть пирожокъ въ руку маленькаго Гарри, или погладить его по головкѣ, или чтобы навить на свой бѣлый пальчикъ локонъ его волосъ. Она видѣла материнскую, полную фигуру Рахили, когда она подходила къ постели и поправляла простыни, обдергивая ее тамъ, то тутъ, желая тѣмъ выказать свое доброе расположеніе, чувствовала какъ бы солнечное сіяніе, которое лилось на нее изъ ея глазъ, видѣла, какъ вошелъ въ комнату мужъ Руѳи, видѣла, какъ она бросилась къ нему навстрѣчу, шептала ему что-то съ выразительными жестами, указывая пальцемъ на ея комнату; видѣла ее за чайнымъ столикомъ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ; видѣла ихъ всѣхъ за столомъ: Гарри сидѣлъ въ высокихъ креселкахъ, подлѣ Рахили, будто подъ сѣнью ея крыла; она слышала ихъ невнятный говоръ, бречанье чайныхъ ложечекъ и стукъ блюдечекъ и тарелокъ,—и все это смутно представлялось ей подлѣ вліяніемъ успокоительной дремы. Наконецъ Элиза заснула такъ крѣпко, какъ бы не спала съ той страшной полуночи, когда она схватила на руки дитя свое и бѣжала въ морозномъ полусвѣтѣ звѣздной ночи.

Ей снилась роскошная страна, край безмятежнаго спокойствія, зеленые луга, веселые острова и свѣтлая вода. Тамъ, въ домѣ, который привѣтливые голоса называли ея домомъ, она видѣла какъ игралъ ея Гарри, свободный и счастливый. Ей слышались шаги ея мужа, она чувствовала его приближеніе, онъ обнималъ ее, слезы его подали на ея лицо, и она проснулась. Это былъ не сонъ. Ночь давно уже настала; Гарри спокойно спалъ возлѣ нея; свѣча разливала невѣрный свѣтъ по комнатамъ, и ея мужъ рыдалъ у ея изголовья.

На другой день настало веселое утро въ квакерскомъ домѣ. Мать встала, и окруженная толпою мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ мы не успѣли представить вчерашнимъ читателямъ, и которые теперь, повинаясь ласковымъ словамъ Рахили: «Хорошо сдѣлаешь, или: не лучше ли сдѣлаешь», пособляли ей приготовить завтракъ. Завтракъ на роскошныхъ долинахъ Индіаны — дѣло многосложное и многообразное, забота, похожая на заботу собирать въ раю листики розъ или подчищать тамъ кусты, на что, конечно, недостаточно было бы рукъ одной первозданной матери. Итакъ, пока Джонъ бѣгалъ за водою, Симеонъ младшій сѣялъ кукурузную муку на пироги, Мери молола кофе, Рахиль поспѣвала повсюду, дѣлала пироги, приправляла цыпленка и разливала на все окружающее благотворное сіяніе солнца. Если между ея многочисленными юными прислужниками встрѣчалось какое-нибудь столкновение или недоразумѣніе, какъ умѣла она все уладить ласковымъ: «Полно, полно!» или: «Я не хотѣла бы!» Поэты писали много о Венериномъ поясъ, который кружилъ головы всѣхъ поколѣній міра поочереды; по нашему мнѣнію, можно предпочесть поясъ Рахили, который прекращалъ головокруженіе и восстанавливалъ вездѣ порядокъ. Онъ, рѣшительно, былъ бы пригоденъ въ наше время.

Между тѣмъ какъ всѣ эти приготовления шли своимъ порядкомъ, Симеонъ старшій стоялъ въ своихъ нарукавникахъ передъ маленькимъ зеркальцемъ и совершалъ совсѣмъ антипатріархальный процессъ: онъ брился. Въ кухнѣ царствовали спокойствіе, согласіе и приязнь; каждому было такъ весело дѣлать то, что онъ дѣлалъ; тамъ разлита была повсюду атмосфера взаимнаго довѣрія и товарищества. Даже ножи и вилки производили какой-то социальный звукъ, когда ихъ раскладывали на столъ, а цыпята и ветчина пѣли на сковородѣ такую громкую, радостную пѣсню, будто радовались, что ихъ варятъ и жарятъ именно такъ, а не иначе; а когда вышли Джорджъ, Элиза и маленькій Гарри, ихъ встрѣтили такъ радушно, такъ дружески, что немудрено имъ было почестъ это сномъ.

Наконецъ всѣ услыли за столъ, только Мери стояла передъ печью и жарила сухари. Ихъ подавали по мѣрѣ того, какъ они принимали этотъ золотисто-коричневый цвѣтъ, который свидѣтельствуетъ о ихъ совершенствѣ.

Рахиль никогда не казалась такъ истинно счастливою, какъ теперь, сидя за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Когда она передавала кою блюдо съ пирожками, или чашку кофе, въ движеніяхъ ея было столько сердечнаго радушія, столько материнской нѣжности, что, казалось, будто она одушевляла пищу и питье, которое предлагала.

Джорджъ впервые садился за столъ съ бѣлыми, какъ имъ равный; сначала онъ чувствовалъ нѣкоторое принужденіе и смущеніе, но оно скоро разсѣялось подъ вліяніемъ этой простодушной доброты, какъ утренній туманъ подъ лучами восходящаго солнца.

Здѣсь была истинно *семейная жизнь*, слово, значенія котораго Джорджъ еще не понималъ. Вѣра въ Бога и въ его святое Провидѣнiе начинала окружать его сердце золотымъ облакомъ благодати; мрачное, мизантропическое, грызущее, безбожное сомнѣнiе и безутѣшное отчаянiе исчезли предъ этимъ живымъ Евангелиемъ, начертаннымъ на живыхъ лицахъ, проповѣдуемымъ бессознательно дѣлами любви и доброй воли, которыя, какъ чаша воды, поданная во имя Христа, никогда не теряютъ заслуженной награды.

— Отецъ, а если тебя еще разъ откроютъ? сказалъ Симеонъ младшій, намазывая масло на свой прогъ.

— Я заплачу пеню, сказалъ Симеонъ спокойно.

— А если они посадятъ тебя въ тюрьму?

— А развѣ ты съ матерью не можешь хозяйничать на фермѣ? спросилъ его Симеонъ улыбаясь.

— Мать сумѣетъ все, что захочетъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — но не стыдно ли имъ издавать такiе законы?

— Не слѣдуетъ тебѣ дурно говорить о своихъ законодателяхъ, Симеонъ, возразилъ отецъ строго. — Богъ даетъ намъ земныя блага, чтобы мы могли оказывать правосудiе и милость. Если наши законодатели потребуютъ за это съ насъ плату, мы должны внести ее.

— Я ненавижу этихъ старыхъ негровладѣльцевъ! сказалъ молодой человѣкъ, который въ эту минуту чувствовалъ такъ же не по-христіански, какъ иные новѣйшіе реформаторы.

— Ты удивляешь меня, сынъ, не тому тебя учить мать. Я сдѣлаю то же для негровладѣльца, что сдѣлалъ бы для самого невольника, если Господь приведетъ его къ моему порогу въ бѣдѣ.

Симеонъ покраснѣлъ; мать его улыбнулась и сказала: — Симеонъ — добрый мальчикъ; вотъ онъ подростетъ, и будетъ такой же человѣкъ, какъ его отецъ.

— Я надѣюсь, добрый господинъ, что вы не подвергаете себя какому-либо затрудненiю, за насъ, сказалъ Джорджъ печально.

— Успокойся, Джорджъ; это посланiе наше на землѣ. Еслибы мы не могли переносить утѣшеній за правое дѣло, мы не были бы достойными нашего имени.

— Но за *меня*, сказалъ Джорджъ, — я не могу допустить это.

— Не за тебя, Джорджъ, успокойся; мы поступаемъ такъ во имя Господа и человѣчества, сказалъ Симеонъ. — Проведи спокойно этотъ день у насъ, а уже, часовъ въ десять, Финеасъ Флетчеръ отвезетъ тебя и всѣхъ твоихъ на ту сторону до первой станціи. Твои преслѣдователи гонятся за тобою, мѣшкать нечего.

— Если такъ, сказалъ Джорджъ, — такъ къ чему же ждать вечера?

— Ты здѣсь днемъ въ безопасности, потому что каждый житель колоніи тебѣ другъ, и всѣ они стерегутъ тебя. А ѣхать безопасно ночью.

Г А А В А XIV.

Эванджелина.

Миссиссипи! Какой могучій чародѣй преобразилъ тебя съ той поры, какъ Шатобрианъ въ поэтической прозѣ описалъ твое царственное теченіе по дѣвственнымъ пустынямъ, среди неслыханныхъ чудесъ растительной и животной жизни.

Какъ бы мгновенно эта рѣка изъ области грезъ и фантазій излилась въ дѣйствительность, едва ли впрочемъ менѣе блестящую и менѣе фантастическую чѣмъ самыя грезы фантазіи. Какая другая рѣка въ мірѣ несетъ въ океанъ на волнахъ своихъ богатство и отвагу еще такой другой страны міра, — страны, произведенія которой обнимаютъ все что находится между тропиками и полюсами? Эти бурныя, безпокойныя, пѣнистыя, вѣчно стремящіяся волны не означаютъ ли собой образа этой кипучей, опрометью стремящейся дѣятельности, которая разносится по этимъ волнамъ племенемъ самымъ неукротимымъ и энергическимъ, какого еще не видалъ старый свѣтъ? Ахъ! когда бы эти волны не носили на себѣ еще другого, болѣе страшнаго груза, слезъ угнетеннаго, вздоховъ безпомощнаго, горькихъ моленій бѣдныхъ простыхъ сердець къ невѣдомому Богу—невѣдомому, незримоу и безотвѣтному... но настанетъ день, когда Онъ изыдетъ на помощь всѣхъ несчастныхъ на землѣ.

Косвенный свѣтъ заходящаго солнца дрожитъ на мореподобномъ разливѣ рѣки; тростниковыя чащи и тонкіе траурные кипарисы, облиты золотистымъ сіяніемъ. Тяжело нагруженный пароходъ движется по рѣкѣ.

Загроможденный на палубѣ и бокахъ тюками хлопчатой бумаги будто квадратная масса, тяжело движется онъ къ мѣсту армарки. Намъ надобно очень долго приглядываться, чтобы завидѣть въ этой тѣсотѣ нашего смиреннаго друга Тома. Наконецъ мы видимъ его высоко на палубѣ, въ уголку, промежъ громоздящихся тюковъ хлопчатой бумаги.

Частію благодаря рекомендаціи своего прежняго господина, частію своимъ тихимъ и кроткимъ нравомъ, Томъ нечувствительно приобрѣлъ довѣренность даже такого человѣка, какъ Гели. Сначала онъ зорко стерегъ его, и не оставлялъ его ночью безъ цѣпей; но безпротность Тома, его терпѣливость и даже явное довольство, высказывавшееся во всей его фигурѣ, подѣйствовали на его новаго хозяина, и онъ мало-по-малу перемѣнилъ свое обращеніе съ нимъ. Томъ былъ какъ бы арестантомъ на честномъ словѣ, и могъ свободно расхаживать по пароходу.

Всегда кроткій и услужливый, всегда болѣе чѣмъ только готовый оказать всякую подмогу рабочимъ, онъ приобрѣлъ доброе расположеніе ихъ, и по цѣлымъ часамъ работалъ съ ними, такъ же ревностно и усердно, какъ бывало на фермѣ своего прежняго господина въ Кентекки.

Когда же не представлялось ему никакой работы, онъ забивался гдѣ-нибудь въ уголокъ между тюками. Въ этомъ положеніи мы и застаемъ его теперь.

Миль за сто слишкомъ отъ Новаго Орлеана, рѣка вызвышается надъ уровнемъ окружной стороны, и катитъ свою выскую массу между огромными дамбами въ двадцать футовъ. Съ палубы парохода, будто съ вышины какой-нибудь пловучей башни, путешественникъ озираетъ всю окрестную страну, разстилающуюся передъ нимъ на много миль въ окружности. Передъ Томомъ развертывалась, отъ плантаціи до плантаціи, карта жизни, въ которую онъ готовился вступить.

Онъ видѣлъ какъ вдали невольники копышата за тяжелыми работами, видѣлъ ихъ селенія, состоящія изъ длиннаго ряда хижинъ, и поодаль красовавшіеся дома и увеселительные парки владѣльцевъ, и по мѣрѣ того, какъ одинъ ландшафтъ смѣнялся другимъ, онъ мыслями уносился въ свою родину, и сильнѣе билось бѣдное сердце его, порываясь туда, въ Кентекки, въ родную усадьбу, окруженную старыми тѣнистыми буками, съ господскимъ домомъ, и его просторными, прохладными покоями, въ маленькую хижину, поросшую мультифлорою и бигоніею. Замелькали передъ нимъ дружескія лица товарищей, съ которыми онъ выросъ. Вотъ жена его хлопотливо занимается приготовленіемъ ему ужина; слышится ему звонкій смѣхъ его мальчиковъ и лепетъ малютки, вскарабкавшейся къ нему на колѣни. И вдругъ все исчезло, и опять видитъ онъ нескончаемые тростники, высокіе кипарисы уносящихся плантацій. Оглушительный скрипъ и свистъ машины безпощадно напоминаетъ ему, что эта свѣтлая пора жизни прошла для него безвозвратно.

Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, вы пишете къ вашей подругѣ, посылаете вѣсточку милымъ дѣтямъ; но Томъ не могъ писать... для него не существовало почты, и черезъ бездну разлуки не доходило до него ни одно дружественное слово, ни одинъ дружественный знакъ.

Поэтому нисколько не удивительно, что много слезъ выронилъ онъ на страницы Библии, которую положилъ на тюкъ хлопчатой бумаги и прилежно читалъ, медленно вода пальцемъ отъ одного слова къ другому. Онъ поздно выучился грамотѣ и читалъ не бойко. Къ счастью книга, занимавшая его, ничего не теряетъ отъ медленнаго чтенія. Слова этой книги, какъ слитки золота, не рѣдко нужно взвѣшивать, каждое порознь, чтобы мысль могла уразумѣть всю великую

силу ихъ. Прислушаемся; какъ онъ, упирая на каждомъ словѣ, читаетъ въ полголоса:

« Да — не — смущается — сердце — ваше. Въ дому — Отца — Моего — обители — многи — суть. Иду — уготовати — мѣсто — вамъ ».

Когда Цицеронъ хоронилъ свою нѣжно-любимую единственную дочь, сердце его было также полно честной скорби, какъ и сердце бѣднаго Тома. Но римскому оратору не дано было читать эти священныя слова и ожидать загробнаго свиданія, и, чего добраго, прочтя онъ эти слова, пожалуй, не повѣрилъ бы. Прежде всего въ головѣ его родилось бы множество вопросовъ о подлинности рукописи и правильности перевода... Но бѣдный Томъ находилъ здѣсь все, что было ему нужно. Истина казалась ему столь удобопонятною и божественною, что никакое сомнѣнiе не западало въ его безхитростную голову. Слова эти — правда; не будь они правда, могъ ли бѣ онъ жить?

Что касается до Библии Тома, то хотя въ ней не было никакихъ ученыхъ толкованій и поясненій, однако она была изукрашена разными отмѣтками, собственно ему принадлежавшими, и онъ былъ ему пригоднѣе, чѣмъ самыя ученые толкованія. Обыкновенно Библию читали ему дѣти его господина и особенно молодой Джорджъ. Запасшись перомъ и чернилами, Томъ подчеркивалъ мѣста, которыя особенно ласкали его ухо или трогали его сердце... Такимъ образомъ его Библия, отъ первой страницы до послѣдней, была испещрена замѣтками и знаками, что помогало ему, въ случаѣ нужды, скоро прискивать любимыя мѣста и избавляло отъ труда добираться до нихъ по складамъ. Каждая страница этой книги вѣла на него какою-нибудь старинною, домашнею сценою, и напоминала ему какую-нибудь былую радость. Книга эта была для него все, что оставалось ему въ этой жизни, и служила залогомъ будущей.

Въ числѣ пассажировъ на пароходѣ находился одинъ молодой джентльменъ съ состоянiемъ и хорошей фамилией, изъ Новаго Орлеана, по имени Сентъ-Клеръ. Съ нимъ была его дочь, шестилѣтняя дѣвочка, и еще одна дама, повидимому родственница, подъ особымъ надзоромъ которой, какъ казалось, была малютка.

Тому часто попадалась на глаза эта дѣвочка; она была настоящій живчикъ, ее также трудно было удержать на мѣстѣ, какъ солнечный лучъ или лѣтній вѣтерокъ: кто разъ видѣлъ ее, тому трудно было забыть ее. Она была совершенство дѣтской красоты, но безъ этой пухлости и такъ сказать квадратности формъ, которыя обыкновенно отличаютъ дѣтскій возрастъ.

Лицо ея было не столько замѣчательно строгою красотою чертаній, сколько выраженiемъ какой-то задумчивой сосредоточенности,

которая поражала людей духа, но дѣйствовала также, хотя и безотчетно, и на людей буквы. Особеннымъ благородствомъ отличалась форма ея головы и складъ ея шеи и бюста; длинные золотисто-каштановые волосы, будто облако окружая ея головку, глубокое духовное выраженіе ея синихъ глазъ, отъбренныхъ тяжелою бахрамою золотистыхъ рѣсницъ, все это отличало ее отъ другихъ дѣтей, и каждый невольно оглядывался и слѣдилъ за нею взоромъ, когда она скользила туда и сюда по пароходу. И однако она вовсе не была тѣмъ, что вы могли бы назвать серьезнымъ или угрюмымъ ребенкомъ. Напротивъ, свѣтлая игривость сквозила, какъ тѣнь древесныхъ листьевъ, на ея дѣтскомъ личикѣ и во всѣхъ движеніяхъ ея гибкой фигурки. Она была всегда въ движеніи, всегда съ полуулыбкой на розовыхъ губкахъ. Порхая съ мѣста на мѣсто, она едва касалась земли, всегда что-нибудь напѣвая про себя, какъ будто сквозь веселый сонъ. Ея отецъ и дама, надзиравшая за нею, то и дѣло должны были гоняться за нею, но она безпрестанно ускользала отъ нихъ, какъ лѣтнее облачко. Но никто не бранилъ ея, никто не дѣлалъ ей выговоровъ, и она не переставала бѣгать по пароходу. Въ своемъ бѣломъ платьицѣ, она какъ тѣнь носилась повсюду, забиралась во всѣ закоулки, и какъ-то умѣла нигдѣ не запачкаться. Не было уголка, ни вверху, ни внизу, гдѣ бы не летали эти легкія ножки, не было отверстія, откуда не выглядывала бы эта золотая головка, съ своими синими глазками...

Когда кочегаръ, посреди своей работы, взглядывалъ кверху, онъ встрѣчалъ иногда эти глазки, которые съ удивленіемъ смотрѣли въ пылающую глубину печи и съ состраданіемъ и страхомъ на него самого, какъ будто бы ему угрожала страшная опасность. Рулевой у колеса останавливался и улыбался, когда эта картинная головка, мелькнувъ въ окнѣ его сторожки, мгновенно исчезала. Тысячу разъ на день грубые голоса благословляли ее, и улыбка озаряла суровыя лица, когда она проходила мимо. Когда она неустрашимо взбиралась на опасныя мѣста, грубыя мозолистыя руки протягивались сами собою поддержать ее или помочь ей.

Томъ, обладавшій мягкою, впечатлительною природою своего племени, всегда чувствовалъ влеченіе къ всему простому и дѣтскому, слѣдилъ за этимъ маленькимъ созданіемъ съ ежедневно-возраставшимъ участіемъ. Ему казалась она чѣмъ-то божественнымъ, и когда ея золотистая головка, ея темно-голубые глазки мелькали передъ нимъ изъ-за грязныхъ тюковъ, или смотрѣли на него сверху какой-нибудь кладки, ему почти вѣрилось, что онъ видитъ предъ собою одного изъ ангеловъ, вышедшихъ изъ его священной книги.

Частехонько прогуливалась она, съ печальнымъ видомъ, около того мѣста, гдѣ сидѣлъ, закованный въ цѣпи, человѣческій грузъ, принадлежавшій мистеру Гелд. Она смотрѣла на этихъ людей грустными

и задумчивыми глазами. Иногда, своими ручонками, она пыталась поднять ихъ цѣпи,—и потомъ, вздохнувъ, убѣгала, но не надолго; вскорѣ она опять появлялась между ними, съ цѣлыми пригоршнями сахара, орѣховъ и апельсиновъ, которыми весело надѣлала всѣхъ, и опять убѣгала.

Томъ долгое время наблюдалъ за маленькою барышней, пока наконецъ не рѣшился завязать знакомство съ нею. Онъ очень тонко зналъ какъ подлаживаться къ дѣтямъ и отлично умѣлъ снискивать ихъ расположеніе. И вотъ онъ попробовалъ пустить въ ходъ свое искусство. Надо сказать, что онъ былъ большой мастеръ выдѣлывать корзиночки изъ вишневыхъ косточекъ, вырѣзывать забавныя фигурки изъ большихъ американскихъ орѣховъ, прыгающихъ куколокъ изъ бузиновой корки; одинъ только Панъ могъ бы равняться съ нимъ въ искусствѣ дѣлать всякія дудки. Карманы его были набиты всякаго рода заманчивыми вещицами, которыя онъ наготовилъ въ былое время для дѣтей своего прежняго господина. Съ благоразумною экономіею вынималъ онъ ихъ, одну за другою, дѣлая такимъ образомъ приступъ къ новому знакомству и дружбѣ. Дѣвочка была застѣнчива, и не легко поддавалась. На минуту, какъ канареечка, присядетъ она на ящикъ или на поклажѣ, близко отъ Тома, котораго вниманіе, казалось, было занято интересными издѣліями его искусства. Предлагаемыя ей бездѣлушки она принимала сначала не безъ нѣкоторой застѣнчивости. Но они скоро сблизились, и уже разговаривали между собою, какъ добрые пріатели.

— Какъ ваше имя, миссъ? спросилъ Томъ, выбравъ минуту, удобную для такихъ разспросовъ.

— Эванджелина Сентъ-Клеръ, отвѣчала дѣвочка.—Папа и всѣ другіе зовутъ меня Евою. А какъ твое имя?

— Мое имя Томъ. Маленькія дѣти, въ Кентекки, называли меня дядей Томомъ.

— И я буду называть тебя дядей Томомъ, я очень полюбила тебя, сказала Ева. — Куда же ты ѣдешь, дядя Томъ?

— А Богъ вѣсть куда, миссъ Ева!

— Какъ? ты не знаешь?

— Меня продадутъ кому-нибудь, а кому, не знаю.

— Такъ папа можетъ купить тебя, живо проговорила Ева,—и тогда тебѣ будетъ славное житье. Я попрошу его нынче же...

— Спасибо вамъ за то, добрая барышня.

Въ это время пароходъ остановился, причаливъ къ маленькой пристани, гдѣ нужно было запастись дровами. Ева, слышавъ голосъ отца, быстро отпрыгнула прочь. Томъ всталъ съ своего мѣста, и пошелъ помогать рабочимъ таскать дрова.

Ева стояла вмѣстѣ съ отцомъ около самыхъ перилъ. Ей желалось посмотрѣть, какъ отвалитъ пароходъ. Едва колеса сдѣлали два-три

оборота въ водѣ, какъ миссъ Ева пошатнулась, и потерявъ равновѣсіе, стремглавъ полетѣла въ воду. Не помня себя, отецъ хотѣлъ броситься за нею, его удержали сзади видѣвшіе, что гораздо дѣйствительнѣйшая помощь подана уже его дитяти.

Томъ находился внизу, прямо подъ нею; онъ увидѣлъ ея паденіе, и въ одну секунду прыгнулъ за нею. У него была широкая грудь и крѣпкія руки, ему ничего не значило продержаться на водѣ пока, минуты черезъ двѣ, дѣвочка не всплыла на верхъ... Быстро схвативъ ее, онъ поплылъ къ кораблю; сотни протянутыхъ рукъ, какъ будто бы принадлежа одному человѣку, готовились принять ее. Черезъ нѣсколько минутъ отецъ отнесъ ее, изможенную и безчувственную, въ дамское отдѣленіе, гдѣ дамы наперерывъ старались побольше на шумѣть, безъ чего, какъ извѣстно, нельзя обойтись въ подобныхъ случаяхъ, и истощали всѣ усилія, чтобы помѣшать ей придти въ чувство.

На слѣдующій день погода стояла душная и томительная. Пароходъ приближался къ Новому Орлеану. На немъ повсюду господствовала суматоха. Въ каютѣ пассажиры хлопотали около своихъ вещей, укладывали ихъ, приготавлиаясь къ высадкѣ на берегъ. Баталеръ и прислужница усердно мели, чистили и приводили въ порядокъ всѣ части великолѣпнаго парохода, приготавлиавшагося къ торжественной *entrée*.

На нижней палубѣ сидѣлъ другъ нашъ Томъ, сложивъ на груди руки, и отъ времени до времени съ безпокойствомъ поглядывалъ на группу, собравшуюся на противоположной сторонѣ корабля!

Тамъ стояла маленькая красавица Эванджелина; лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго; впрочемъ вчерашній несчастный случай не оставилъ другихъ послѣдствій. Около нея стоялъ граціозный, изящно-сложенный молодой человѣкъ, небрежно облокотившись на тюкъ съ хлопчатой бумагой; передъ нимъ лежала большая карманная книжка. Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что этотъ джентльменъ былъ отецъ маленькой Евы. Тѣ же благородныя очертанія головы, тѣ же большіе голубые глаза, тѣ же золотисто-каштановые волосы; но выраженіе лица было совершенно иное. Въ его большихъ свѣтло-голубыхъ глазахъ, хотя сходныхъ съ глазами дѣвочки по формѣ и цвѣту, не было той тайной и мечтательной глубины выраженія; все было ясно, смѣло и ярко, но все свѣтилось свѣтомъ здѣшняго міра; красивыя очертанія губъ его выражали что-то гордое и вмѣстѣ саркастическое; самоувѣренность и чувство своего превосходства не безъ особенной граціи выражались въ движеніяхъ его изящной фигуры. Съ видомъ веселымъ и небрежнымъ, полунасмѣшливо, полупрезрительно, слушалъ онъ Гели, который очень словоохотливо распространялся о качествахъ своего товара.

— Полное собраніе всѣхъ моральныхъ и христіянскихъ добродѣ-

телей въ одномъ черномъ! Хорошо! сказалъ онъ, когда Гели кончилъ. — Теперь, любезнѣйшій, объявите-ка мнѣ, сколько берете вы убытка, какъ говорится у васъ въ Кентекки. То-есть: много ли желаете получить за эту статью? На сколько вы намѣрены меня надуть?

— Вотъ изволите видѣть, сказалъ Гели, — если получу съ васъ тысячу триста долларовъ за молодца, то выручу только свою цѣну. Повѣрьте, что такъ.

— Экой бѣдняжка! отвѣчалъ джентльменъ, поглядывая на него своими голубыми, насмѣшливыми глазами. — Но я полагаю, что вы мнѣ отдадите его за эту цѣну изъ особеннаго ко мнѣ уваженія? Не такъ ли?

— Радъ служить. Онъ, кажется, и барышнѣ-то очень полюбился. Что жъ? онъ и въ самомъ дѣлѣ стоить того.

— Вотъ вамъ и еще случай показать доброту вашего сердца, почтеннѣйшій. Ну, такъ теперь скажите, по христіанской-то любви, сколько еще намѣрены вы посбавить, чтобъ обязать барышню, которой онъ очень полюбился?

— Да вы только взгляните, сказалъ негроторговецъ. — Каковы у него кости! спина-то какова! Вѣдь косая сажень въ плечахъ! А сила-то? любой лошади не уступить... а голова-то у него, извольте-ка посмотреть! Лобъ высокій, это значитъ, что парень смышленный и на всякое дѣло годится... Негръ такой комплекціи стоитъ же чего-нибудь... Да ужъ оставимъ смышленность въ сторону, одинъ корпусъ-то его многого стоить... А положите-ка на счета умственные способности, такъ какъ же и не надбавить цѣны? У прежняго хозяина онъ управлялъ дѣлою фермою.

— Не годится, не годится, рѣшительно не годится; слишкомъ много качествъ имѣеть, много слишкомъ знаетъ, сказалъ молодой человѣкъ съ тою же насмѣшливою улыбкой. — Отъ такого мало будетъ толку. Ваши смышленные молодцы всегда въ бѣгахъ, отличные ковокрады, и чортъ съ ними не сладить... Сотенки двѣ долларовъ придется вамъ спустить за эти необыкновенныя качества.

— Насчетъ морали можете быть покойны. Я покажу вамъ рекомендацію отъ его прежняго хозяина и отъ другихъ лицъ, и вы удостовѣритесь, что онъ человѣкъ самый смирный, богомольный. Домашніе прозвали его проповѣдникомъ.

— Ба! въ такомъ случаѣ онъ у меня будетъ домовымъ капелланомъ, сказалъ ему молодой человѣкъ саркастическимъ тономъ. — Прекрасно! По части религіи у насъ въ домѣ чувствуется большой недостатокъ.

— Вы все шутите.

— Почему же шучу? Не вы ли сами увѣрили меня, что онъ про-

повѣдникъ? Выдержалъ онъ экзаменъ въ какомъ-нибудь синодѣ или соборѣ? Покажите-ка мнѣ ваши бумаги.

Можетъ-быть негроторговецъ немножко и потерялъ бы терпѣнія, еслибъ особенное выраженіе благорасположенія, свѣтившееся въ большихъ голубыхъ глазахъ молодого джентльмена, не увѣрило его, что дѣло, какъ бы ни затягивали, а все-таки придетъ къ желанному концу. Вынувъ грязный портфель, онъ принялся усердно и заботливо разсматривать какую-то бумагу... Молодой человѣкъ мѣрилъ его глазами съ беззаботною усмѣшкою на устахъ.

— Папа, купите его! Что тебѣ до цѣны? нѣжно шептала Эванджелина, взобравшись на поклажу и обвивъ ручонкою шею отца, — знаю, у тебя много денегъ. Онъ мнѣ нуженъ.

— А зачѣмъ нуженъ, моя крошечка? Хочешь, чтобъ онъ игралъ съ тобой, возилъ тебя? а? Ну, зачѣмъ нуженъ?

— Чтобы сдѣлать его счастливымъ.

— Это оригинально.

Въ это время негроторговецъ подалъ ему свидѣтельство, написанное г-мъ Шельби. Молодой человѣкъ взялъ бумагу концами пальцевъ и пробѣжалъ ея содержаніе.

— Писалъ, какъ видно, порядочный человѣкъ, сказалъ онъ, — правильно написано. Но пуще всего смущаетъ меня религія, сказалъ онъ, и лицо его приняло снова желчно-саркастическое выраженіе. — Страна почти разорена благочестивымъ бѣлымъ народомъ. Сколько набожныхъ политиковъ появляется у насъ передъ выборами! Сколько благочестивыхъ хожденій по всѣмъ частямъ церкви и государства, — такъ что только о томъ и приходится думать, кто прежде надуетъ тебя. Да я же и не знаю, по чемъ нынче ходить благочестіе на рынкѣ. Въ послѣднее время я не справлялся въ газетахъ, какъ эта статья продается. Сколько же сотенъ долларовъ положите вы за религію Тома?

— Вы любите шутить, сказалъ негроторговецъ, — но-съ во всемъ этомъ есть овой резонъ. Религія религій рознь. Есть такіе благочестивые люди, что просто изъ рукъ вонъ. На митинги сходятся, глотку деруть, поютъ. Тѣ и не входятъ въ расчетъ, будь они черные или бѣлые. Но этотъ не таковъ. Встрѣчалъ я и между неграми людей набожныхъ, которыхъ ничто на свѣтѣ не соблазнить на дурное дѣло. Извольте сами прочесть, что пишетъ о немъ прежній хозяинъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сказалъ молодой человѣкъ, наклоняясь къ своему портфелю, — если вы мнѣ дадите удостовѣреніе въ томъ, что продаваемый вами человѣкъ дѣйствительно благочестивъ, и если это запишется на мой счетъ въ книгѣ живота, какъ дѣло мнѣ принадлежащее, то я согласенъ приплатить вамъ добавочныхъ. Что вы скажете?

— Помилуйте, какъ же я могу удостовѣрить васъ въ томъ? ска-

залъ негроторговецъ. — Мнѣ кажется, что тамъ на верху всякій на своемъ гвоздѣ.

— Ужасно жаль честнаго человѣка, какъ васъ, напримѣръ, который платитъ лишнія деньги за религію и не можетъ торговать ею въ томъ штатѣ, гдѣ ея не спрашиваютъ.

Говоря эти слова, молодой человѣкъ вынулъ пачку банковыхъ билетовъ и, отдавая ихъ Гели, сказалъ: — Потрудитесь пересчитать ваши деньги.

— Вѣрно, сказалъ Гели, и лицо его сіяло восторгомъ. Откупоривъ рожокъ съ чернилами, онъ написалъ запродажный актъ и передалъ его молодому человѣку.

— Интересно бы знать, сказалъ послѣдній, пробѣжавъ бумагу, — во сколько бы оцѣнили меня. Сколько бы положили за форму моей головы, сколько за высокій лобъ, за руки, за ноги, сколько еще за воспитаніе, ученость, таланты, честность, религію? За послѣднее, прости Господи! не много бы дали... Пойдемъ, Ева, сказалъ онъ, взявъ дочь за руку.

Они пошли на другую сторону парохода, и молодой человѣкъ, коснувшись пальцемъ подбородка нашего друга Тома, ласково и весело сказалъ ему: — Посмотри, Томъ, нравится ли тебѣ новый хозяинъ?

Томъ поднялъ глаза. Смотрѣть на это веселое, молодое, красивое лицо было невозможно безъ особеннаго удовольствія. Томъ почувствовалъ, что слезы выступили на его глазахъ, и сказалъ отъ всего сердца:

— Спаси васъ Господи, масръ!

— Не сомнѣваюсь въ этомъ. Какъ зовутъ тебя? Томъ, что ли? Ты умѣешь править лошадьми, Томъ?

— Я всегда былъ при лошадяхъ и привыкъ къ нимъ, отвѣчалъ Томъ. — У масра Шельби водились ихъ цѣлыя табуны.

— Хорошо, я посажу тебя на козлы, но съ условіемъ, чтобы ты не напивался пьянъ болѣе одного раза въ недѣлю и еще въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Томъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и, немного задѣтый за живое, сказалъ: «Я не пью, масръ».

— Я уже слышалъ эту исторію, Томъ... вотъ увидимъ. Тебѣ же будетъ лучше, если не пьешь. Полно, не дуйся, милый, прибавилъ онъ весело, замѣтивъ, что Томъ нахмурился, — я не сомнѣваюсь, что ты будешь вести себя хорошо.

— Вѣрьте мнѣ, масръ, сказалъ Томъ.

— Тебѣ хорошо будетъ у насъ, сказала Ева. — Папа очень добръ со всѣми, только онъ любитъ посмѣяться...

— Папа тебѣ очень благодаренъ за такую рекомендацію, сказалъ смѣясь Сентъ-Клеръ, и повернувшись, отошелъ въ другую сторону.

ГЛАВА XV.

О новомъ господинѣ Тома и о многомъ другомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизненный путь нашего скромнаго героя встрѣтился съ жизнію другихъ лицъ высшаго разряда, намъ необходимо познакомить съ ними благосклоннаго читателя.

Августинъ Сентъ-Клеръ былъ сынъ богатаго луизианскаго плантатора. Родъ его происходилъ изъ Канады. Изъ двухъ братьевъ, весьма похожихъ между собою по характеру, одинъ поселился въ штатѣ Вермонтъ и сдѣлался хозяиномъ цвѣтущей фермы, а другой, отецъ Августина, остался богатымъ плантаторомъ въ Луизианѣ. Мать Августина была французская протестантка, семейство которой выѣхало въ Луизиану во время первоначальнаго заселенія этой страны. Наслѣдовавъ отъ матери необыкновенно нѣжное сложеніе, Августинъ, по совѣту докторовъ, былъ отправленъ къ своему дядѣ въ Вермонтъ, для того чтобы тамъ, среди болѣе суроваго климата, могъ закалиться и окрѣпить его хилый организмъ.

Въ дѣтствѣ онъ отличался необыкновенно-мягкимъ и чувствительнымъ сердцемъ, скорѣе свойственнымъ женской природѣ, чѣмъ болѣе жесткому характеру мальчика.

Время прикрыло эту мягкость суровою корою зрѣлаго возраста, и немногіе знали, какъ свѣжо и неприкосновенно онъ затаилъ ее въ глубинѣ души. Получивъ отъ природы прекрасныя способности, онъ рано обнаружилъ склонность къ идеальному и изящному; рано начало въ немъ проявляться то отвращеніе отъ интересовъ дѣйствительной жизни, которое почти всегда бываетъ слѣдствіемъ такого полнаго равновѣсія душевныхъ способностей.

Вскорѣ по выходѣ изъ высшаго учебнаго заведенія, онъ вспыхнулъ сильною, пламенною, романическою страстію, и отдался ей всѣмъ своимъ существомъ. Часть его пришелъ, тотъ роковой часъ, который бываетъ однажды въ жизни каждаго человѣка; на горизонтъ его жизни вошла лучезарная звѣзда, которая для многихъ всходитъ напрасно, для того только чтобы исчезнуть безъ возврата, какъ прекрасный сонъ, оставивъ по себѣ одно смутное воспоминаніе; напрасно всходила она и для нашего Августина.

Откинувъ фигуру, мы скажемъ безъ обиняковъ, что онъ узналъ въ одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ прекрасную дѣвушку, съ чистою, возвышенною душой, полюбилъ ее, и они были помолвлены. Онъ уѣхалъ на югъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія, какъ вдругъ однажды получилъ съ почтой всѣ письма, которыя посылалъ

къ невѣстѣ, съ припиской отъ ея опекуна, въ которой тотъ объявлялъ ему, что, прежде чѣмъ дойдутъ до него эти строки, его невѣста будетъ женою другаго. Обезумѣвъ отъ неожиданнаго удара, въ порывѣ бѣшеннаго отчаянія, онъ напрасно надѣялся, какъ надѣются многіе, однимъ геройскимъ усиленіемъ вырвать изъ сердца несчастную страсть. Гордость не допускала его умолять или искать объясненія; онъ бросился въ вихрь моднаго свѣта, ровно черезъ двѣ недѣли былъ предпочтеннымъ поклонникомъ первой красавицы сезона, и, какъ только могло устроиться все необходимое, соединилъ свою судьбу съ хорошенькимъ личикомъ, съ парой большихъ черныхъ глазъ и сотнею тысячъ долларовъ, вслѣдствіе чего, какъ водится, прослылъ счастливецемъ.

Новобрачная чета наслаждалась медовымъ мѣсяцемъ, среди блестящаго круга друзей и знакомыхъ, на своей роскошной виллѣ близъ озера Понъ-Шартрентъ, когда въ одинъ день молодому подали письмо ея незабвеннаго почерка: Оно было подано Августину въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ гостиной, среди многочисленнаго общества, увлеченный блестящимъ, свѣтскимъ разговоромъ. Поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, онъ умѣлъ однако сохранить надъ собою всю власть, и, не выдавъ своего смущенія, окончилъ остроумный споръ, который уже давно завязался у него съ какою-то дамой, и черезъ нѣсколько минутъ исчезъ. Запершись въ своемъ кабинетѣ, онъ прочелъ роковое письмо: теперь зачѣмъ уже было читать его! Письмо было отъ нея и заключало подробное описаніе преслѣдованій, которыя она вытерпѣла отъ семейства опекуна, хотѣвшаго заставить ее выйти за его сына; она разказывала, какъ съ нѣкотораго времени перестала получать письма отъ жениха, какъ, несмотря на то, она писала къ нему нѣсколько разъ, пока не овладѣло ею уныніе и сомнѣніе, какъ изнемогло ея здоровье подъ тяжестію душевныхъ страданій, и какъ наконецъ случай открылъ ей низкій заговоръ, составленный противъ нихъ обоихъ. Письмо оканчивалось выраженіями надежды и благодарности Провидѣнію, и нѣжными увѣреніями въ неизмѣнной привязанности, которыя были горьче смерти для бѣднаго молодого человѣка. Онъ отвѣчалъ немедленно: «Я получилъ письмо, слишкомъ поздно. Я повѣрилъ обману, и, въ отчаяніи, *женился*. Все кончено, и намъ осталось забыть прошедшее.»

Такъ кончился романъ Августина, такъ разбился его свѣтлый идеалъ; но дѣйствительность осталась подобна этой безцвѣтной, холодной слизи, которую оставляетъ приливъ: лазурная, сверкающая влага укатилась со всѣмъ убранствомъ скользившихъ по ея поверхности лодокъ и бѣлкрылыхъ кораблей, съ музыкальнымъ плескомъ весель и говоромъ волнъ, и вотъ на береговомъ пескѣ лежатъ эта грязь, холодная, безцвѣтная, — крайне дѣйствительная.

Въ романахъ такъ уже заведено, что несчастные любовники, съ

разбитымъ сердцемъ, умирають, тѣмъ дѣло и кончается; въ сказкѣ это какъ нельзя болѣе кстати. Но въ действительности, мы не умираемъ, когда умираетъ для насъ все, чѣмъ освѣщалась наша жизнь. Намъ часто предстоитъ еще очень долго проходить ежедневную череду многосложныхъ отправленій великой важности: ѣсть, пить, одѣваться, гулять, ѣздить въ гости, разговаривать, читать, покупать, продавать, все то, однимъ словомъ, что обыкновенно называется *жизнью*; и все это предстояло Августину. Если бы его жена была женщиной въ полномъ, святомъ значеніи этого слова, она, быть-можетъ, еще сумѣла бы, какъ умѣють однѣ женщины, помочь горю, она, быть-можетъ, успѣла бы срастить порванные нити его жизни и соткать изъ нихъ новую свѣтлую ткань. Но Мери Сентъ-Клеръ и не подозрѣвала, чтобы въ жизни ея мужа могъ быть какой-нибудь разладъ. Какъ мы сказали прежде, Мери состояла изъ хорошенькаго личка, пары большихъ, блестящихъ глазокъ, съ добавкою сотни тысячъ долларовъ, но къ несчастію ни одна изъ этихъ драгоценныхъ ингредиентов не давала того дѣларства, которое нужно большому сердцу. Если ей случалось заставить Сентъ-Клера, припавшаго на софу, блѣднаго какъ полотно, со всеми признаками тяжкаго душевнаго страданія, и онъ ссылался на внезапный припадокъ свѣрной мигрени, Мери совѣтовала ему понюхать какого-нибудь спирту. Когда же недѣля проходила за недѣлей, а блѣдность и головные припадки не прекращались, она только говорила, что никакъ не воображала, что Сентъ-Клеръ такой хворой; оказывалось однакоже, что онъ былъ очень подверженъ мигрени, и это составляло истинное несчастіе для Мери, потому что во время припадковъ онъ отказывался выѣзжать съ нею въ гости, а выѣзжать одной, такъ скоро послѣ свадьбы, согласитесь сами, было бы *неловко*. Августинъ въ душѣ радовался, что его супруга такъ недальновидна; но когда остыли нѣжности и сердечныя изліянія медоваго мѣсяца, онъ вдругъ, къ крайнему своему удивленію, сдѣлалъ открытіе, что хорошенькая, молодая женщина, избалованная до замужества безпрестанными ласками и угожденіями, можетъ сдѣлаться тиранкой мужа и семьи. Мери никогда не отличалась особенною силой привязанности, теперь же и тотъ скудный запасъ чувства, который былъ когда-либо въ ея сердцѣ, совершенно потонулъ въ страшномъ эгоизмѣ, тѣмъ болѣе безнадежномъ, что это былъ эгоизмъ упрямый, тупой, безсознательный. И кромѣ требованія этого эгоизма, она не понимала никакихъ другихъ требованій. Съ ранняго дѣтства она была окружена невольниками своего отца, которые для того только, казалось, и были созданы, чтобъ угадывать и предупреждать малѣйшія ея прихоти; никогда, даже въ отдаленной перспективѣ, не представлялась ей мысль, что негры могутъ имѣть какія-нибудь чувства или права. Отецъ, у котораго она была единственное дитя, дѣ-

жель для нея все, что только не выходило за пределы возможности, и когда она наконец вступила въ свѣтъ, со всѣми преимуществами красоты и богатства, она привыкла видѣть вздыхающими у своихъ ногъ всѣхъ молодыхъ мужчинъ, съ правами на избраніе и безъ правъ, и потому она никогда не сомнѣвалась въ томъ, что Августинъ; удостоенный ея руки, сдѣлался самымъ счастливымъ смертнымъ въ мѣрѣ. Большая ошибка думать, что женщина безъ сердца можетъ быть снисходительнымъ заимодавцемъ въ дѣлахъ сердечныхъ. Никто не требуетъ любви такъ самовластно; такъ безусловно, какъ женщина эгоистка, и чѣмъ менѣе она старается заслужить любовь, тѣмъ неотступнѣе и неумолимѣе она взыскиваетъ цѣну любви до послѣдней полушки. Потому, когда Сентъ-Клеръ началъ мало-по-малу отставать отъ нѣжностей и мелкихъ угождений, которыя въ первое время расточалъ передъ женою по прежней привычкѣ, то очень скоро замѣтилъ, что его повелительница вовсе не расположена отпустить своего раба на волю. Много было ворчанья, семейныхъ бурь и трагическихъ сценъ; много было пролито слезъ, много потрачено жалобъ и упрековъ. Сентъ-Клеръ, добрый и уступчивый отъ природы, сперва пробовалъ откупаться подарками и лестью; потомъ же, когда у Мери родилась красавица дочь, она въ самомъ дѣлѣ ощутила въ душѣ пробужденіе чувства, близкаго къ нѣжности.

Мать Сентъ-Клера была женщина съ душою необыкновенно чистою и возвышенною. Ея-то имя далъ онъ новорожденному дитяти, предаваясь сладкой надеждѣ, что въ ней современемъ оживетъ любимый образъ матери. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство заронило въ душѣ Мери жгучее чувство ревности, и съ этой минуты она стала косо, съ досадою смотрѣть на возрастающую безпредѣльную любовь отца къ дочери. Ей казалось, что Ева отнимаетъ у нея самой ту любовь, которую оказываетъ ей отецъ. Со дня рожденія Евы здоровье Мери разстроилось. Къ обыкновенному болѣзненному состоянію, которымъ сопровождается періодъ беременности, присоединилось совершенное отсутствіе дѣятельности физической и нравственной, разъѣдающее чувство пустоты и скуки, постоянная раздражительность; и въ нѣсколько лѣтъ цвѣтущая молодостью и красотой Мери превратилась въ желтую, увядшую, хворую женщину, вся жизнь которой поглащалась множествомъ причудливыхъ недуговъ, и которая считала себя самымъ несчастнымъ, самымъ обиженнымъ созданіемъ въ мѣрѣ.

Конца не было жалобамъ и всякимъ припадкамъ; ея главнымъ провожденіемъ времени сдѣлалась мигрень, и не рѣдко три дня въ недѣлю она проводила безвыходно въ своей комнатѣ, не вставая съ постели.

Всѣ хозяйственныя распоряженія перешли въ руки прислуги, и потому вовсе неудивительно, если Сентъ-Клеръ находилъ иногда свой

тепаге не совѣтъ комфортабельнымъ. Сложеніе его единственной дочери было чрезвычайно нѣжно, и такъ какъ наблюдать за ея развитіемъ и заботиться о ней было рѣшительно некому, то онъ началъ не безъ основанія опасаться, что здоровье, самая жизнь Евы могутъ сдѣлаться жертвою безпечности ея матери. Отправляясь въ Вермонтъ, онъ взялъ ее съ собою и уговорилъ свою кузину, миссъ Офелію Сентъ-Клеръ, ѣхать съ ними на югъ; и вотъ всѣ трое возвращаются на пароходѣ, гдѣ мы застали ихъ въ первый разъ.

Теперь же, между тѣмъ какъ въ отдаленіи показываются купола и шпицы ново-орлеанскихъ зданій, мы поближе познакомимъ читателя съ миссъ Офеліей.

Кто хотя одинъ разъ посѣтилъ штаты Новой Англіи, тотъ вѣрно запомнитъ, въ какомъ-нибудь уединенномъ, привѣтливомъ селеніи, большую ферму, широкій дворъ, тщательно вымощенный, устланный дерномъ, оѣсенный густыми, малиновыми листьями сахарнаго клена, помнитъ, вѣрно, и то, какимъ порядкомъ, какою незыблемою прочностью, какимъ невозмутимымъ безмятежіемъ вѣетъ отъ всего хозяйства. Все-то здѣсь на своемъ мѣстѣ, все въ порядкѣ, не пошатнулася ни одинъ колышекъ въ заборѣ, ни одного пятнышка не видать на этомъ дворѣ, съ его зеленою дерновою настилкой, съ клумбами сирени подъ окнами. Внутри дома путешественникъ, вѣрно, помнитъ просторныя чистыя комнаты, гдѣ кажется никогда ничего не дѣлаютъ и даже не собираются дѣлать, гдѣ каждая вещь имѣетъ свое завѣтное мѣсто, гдѣ все хозяйство движется съ точностью дѣдовскихъ часовъ, которые мѣрно стучатъ въ углу. Въ семейной *юстной*, какъ она называется, старинной работы массивный шкафъ для книгъ, со стеклянными дверями; на полкахъ чинно стоятъ Ролленева *Исторія*, Мильтоновъ *Потерянный Рай*, Беніаново *Странствіе Христіянна*, и Скоттова *Семейная Библія*, вмѣстѣ съ многими другими книгами, одинаково почтенной наружности и содержанія. Въ домѣ нѣтъ прислуги, но хозяйка, эта самая дама почтенной наружности, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, чепцѣ и въ очкахъ, которая каждый день послѣ обѣда сидитъ за шитьемъ въ кругу своихъ дочерей такъ спокойно, какъ будто другаго дѣла для нея никогда не существовало и не можетъ существовать, — хозяйка съ дочерьми когда-то, очень давно, въ какую-то давно минувшую и уже забытую пору дня, *придѣлали* все дѣло, а теперь, въ какомъ бы часу вы ни пришли, дѣло всегда кажется *придѣланнымъ*. Въ кухнѣ на полу не видать ни одного пятнышка; столы, стулья и всѣ кухонные снаряды, въ самомъ стройномъ порядкѣ, несмотря на то, что здѣсь садятся за столъ три, а иногда четыре раза въ день, здѣсь стирается и гладится бѣлье на цѣлую семью, и здѣсь же наконецъ какимъ-то безмолвнымъ и таинственнымъ процессомъ производится на свѣтъ запасы сыра и масла.

На одной изъ такихъ фермъ и среди такого патриархальнаго семейства миссъ Офелія провела около сорока пяти лѣтъ мирнаго, безмятежнаго существованія до того времени, когда Сентъ-Клеръ предложилъ ей ѣхать къ нему гостить на югъ. Хотя она была старшая дочь многочисленнаго семейства, отецъ и мать все еще считали ее въ числѣ *дѣтей*, и потому предложеніе ѣхать въ Орлеанъ встревожило всю семью. Престарѣлый, сѣдовласый отецъ досталъ изъ библіотеки *Атласъ* Морза, справился о широтѣ и долготѣ города, потомъ внимательно перечиталъ Флинтovy *Путешествія на Востокъ и Югъ*, чтобъ узнать навѣрно, каковы природныя условія далекой страны, куда зовутъ его дочь. Добрая старушка, мать, заботливо осведомилась, «правду ли говорятъ, будто Новый Орлеанъ—мѣсто всякаго соблазна», прибавляя, что ей и самой кажется, что въ Новый Орлеанъ ѣхать все равно, что на Сандвичевы острова или къ какимъ-нибудь дикимъ язычникамъ.

Скоро и у пастора, и у доктора, и у миссъ Пибоди, въ лавочкѣ дамскихъ товаровъ, сдѣлалось извѣстно, что Офелія Сентъ-Клеръ и ея кузень «толкуютъ о поѣздкѣ въ Орлеанъ», и тогда, разумеется, все населеніе мѣстечка не могло не принять самаго усерднаго участія въ важномъ процессѣ *толкованія* объ этой поѣздкѣ. Пасторъ, который сильно сочувствовалъ партіи аболиціонистовъ, впалъ въ немалое раздумье. Онъ опасался, что поѣздка миссъ Офеліи въ одинъ изъ невольничьихъ штатовъ, можетъ быть перетолкована южными владѣльцами въ пользу рабства, и такимъ образомъ послужить къ подтвержденію ихъ въ пагубномъ заблужденіи. Напротивъ докторъ, ревностный колонизаціонистъ, былъ того мнѣнія, что миссъ Офеліи непремѣнно слѣдуетъ ѣхать, чтобъ Орлеанцы видѣли, что мы, какъ бы то ни было, не желаемъ имъ зла. Онъ былъ убѣжденъ, что нужно иногда поощрить южный народъ. Когда же общественное мнѣніе совершенно убѣдилось въ дѣйствительномъ намѣреніи миссъ Офеліи ѣхать, она получила на цѣлыя двѣ недѣли къ ряду приглашенія на чай отъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, и за чаемъ, какъ водится, всѣ ея планы и предположенія каждый разъ были подвергаемы подробному критическому разбору и должному обсужденію. Миссъ Мозли, которая ходила въ домъ шить дорожное платье, съ каждымъ днемъ пріобрѣтала новый вѣсъ въ обществѣ, благодаря интереснымъ свѣдѣніямъ, которыя получались черезъ нее о гардеробѣ миссъ Офеліи. Благодаря ей, было достоверно дознано, что сквайръ Синклеръ, отсчиталъ миссъ Офеліи пятьдесятъ долларовъ и просилъ ее купить себѣ платья, какія она найдетъ нужными, и что, по этому случаю, изъ Бостона были выписаны два новыхъ шелковыхъ платья и тюлевый чепчикъ. Насчетъ законности этихъ чрезвычайныхъ издержекъ общественное мнѣніе раздѣлялось; одни утверждали, что, сообразивъ всѣ обстоятельства, одинъ разъ въ жизни, такъ и

быть, еще можно допустить подобную расточительность, но другие напротив упорно утверждали, что это грѣхъ, и что гораздо лучше было бы отослать эти деньги миссіонерамъ. Но обѣ стороны соглашались, что такого зонтика, какой былъ присланъ для миссъ Офеліи изъ Нью-Йорка, еще никогда и не видно въ ихъ сторонѣ, и что матерія на одномъ изъ ея шелковыхъ платьевъ такая, что платье одно постойтъ за себя, кто бы тамъ въ него ни одѣлся. Носились также довольно основательные слухи о носовомъ платкѣ съ шитою каймой; молва доходила до того, что утверждали будто у миссъ Офеліи одинъ платокъ весь обшитъ кружевомъ; поговаривали еще, что и углы были вышиты; но этотъ послѣдній пунктъ никогда не могъ быть доподлинно выясненъ, и досегодня остается подъ сомнѣніемъ.

Миссъ Офелія, какъ вы видите ее теперь, сидитъ посреди каюты, въ своемъ новенькомъ холстинковомъ платьѣ, коричневаго цвѣта, — высокая, угловатая фигура. Лицо ея худощаво, съ острыми очертаніями, губы сжаты, какъ у человѣка, который успѣлъ однажды навсегда составить опредѣленный взглядъ на міръ, между тѣмъ какъ пронизательные темные глазки, съ особымъ испытующимъ выраженіемъ, быстро перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому, какъ будто отыскивая что-нибудь, о чемъ бы надо было позаботиться. Всѣ ея движенія, рѣзкія и рѣшительныя, свидѣтельствовали объ ея энергическомъ характерѣ, и, хотя она никогда не была очень разговорчива, все, что она говорила, было всегда кстати и шло прямо къ цѣли. Въ своихъ привычкахъ она была живое олицетвореніе порядка, методичности и аккуратности. Точная, какъ заведенные часы и неутомимая какъ паровая машина, она съ отвращеніемъ смотрѣла на всякаго, кто не походилъ на нее въ этомъ отношеніи. Величайшій грѣхъ въ ея глазахъ, сумма всѣхъ преступленій, выражался ея любимымъ и занимавшимъ очень важное мѣсто въ ея словарѣ терминомъ: «несообразность». Послѣднюю и крайнюю степень презрѣнія къ кому-нибудь она выражала патетическимъ пронанесеніемъ слова «несообразный», и этимъ словомъ клеймила всякій поступокъ, не имѣвшій прямой, непосредственной связи съ достиженіемъ какой-нибудь цѣли, которая занимала ее въ данную минуту. Люди, которые ничего не дѣлали, или не знали, что дѣлать, или, наконецъ, не умѣли выбрать ближайшій путь къ цѣли, становились предметомъ ея полного презрѣнія. Это презрѣніе обнаруживалось не столько словами, сколько какою-то мрачною окаменѣlostью въ выраженіи лица, какъ будто она считала недостойнымъ себя сказать хотя одно слово о такомъ человѣкѣ.

Что касается до ея умственного развитія, она обладала яснымъ, здравымъ, дѣятельнымъ разсудкомъ, была довольно хорошо знакома съ исторіей и старыми англійскими классиками, и въ извѣстныхъ, не очень обширныхъ предѣлахъ, могла мыслить съ большою си-

лой. Ея богословскія убѣжденія были разсортированы и подведены подъ строгія, опредѣленные формулы, точь-въ-точь какъ связка лоскутковъ въ ея рабочемъ ящикѣ, и, какъ эти убѣжденія разъ сложились въ ея головѣ, такъ имъ суждено было остаться и навсегда.

Точно такой же былъ ея взглядъ на большую часть предметовъ практической жизни, какъ напримѣръ на хозяйство во всѣхъ его отрасляхъ, и на различныя политическія отношенія ея роднаго мѣстечка. Въ основѣ ея нравственнаго кодекса, глубже всѣхъ другихъ побужденій, лежала чрезвычайно развитая, строгая, неутомимая добросовѣстность. Ни въ одной странѣ чувство долга не имѣетъ для женщины такого властительнаго значенія, какъ въ Новой Англіи. Добросовѣстность составляетъ краеугольный камень, на которомъ утверждаются всѣ ея поступки; мысль о долгѣ кроется на днѣ и стоитъ выше всѣхъ душевныхъ движеній.

Миссъ Офелія была рабою долга въ полномъ значеніи слова. Стоило разъ увѣриться, что «путь долга», какъ она обыкновенно выражалась, лежитъ въ такомъ-то направленіи; и тогда ни водой, ни огнемъ нельзя было заставить ее уклониться отъ этого направленія. Она бы ни на минуту не задумалась спуститься на дно колодезя или стать подъ жерло заряженной пушки, еслибъ ей сказали, что именно такимъ образомъ она останется вѣрною заветному пути. Ея идеалъ долга былъ такъ недосыгаемо высокъ и всеобъемлющъ, простирался на такія мелочи, и оставлялъ такъ мало мѣста снисхожденію къ человѣческимъ слабостямъ, что, несмотря на геройскія усилія, она сама не могла стать въ уровень съ нимъ, и вслѣдствіе того ей не давало покоя постоянное и часто очень мучительное чувство недовольства собою. Это придавало строгій и нѣсколько мрачный складъ ея религіозности.

Но какимъ чудомъ, спросить читатель, миссъ Офелія могла сойтись съ Августиномъ Сентъ-Клеромъ, этимъ веселымъ, безпечнымъ, вѣчно неаккуратнымъ скептикомъ, съ этимъ человѣкомъ, который безъ зазрѣнія совѣсти, съ небрежною вольностью, на каждомъ шагѣ попираетъ самыя драгоценныя ея привычки и убѣжденія?

Скажемъ правду, миссъ Офелія привязалась къ нему. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, она учила его катихизису, заботилась объ его платьѣ, прическѣ, однимъ словомъ, на ней лежала обязанность смотреть за тѣмъ, чтобъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ держалъ себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, и такъ какъ она дѣлала это съ теплымъ сердечнымъ чувствомъ, то Августину удалось, какъ ему удавалось со всѣми, захватить въ вѣчное и неотъемлемое владѣніе значительную долю въ ея сердцѣ, а потому и теперь онъ безъ труда успѣлъ доказать ей, что «путь долга» лежитъ именно по направленію къ Новому Орлеану, что ей непременно слѣдуетъ вѣхать съ нимъ, принять на себя попеченіе объ его дочери и предохранять хозяй-

ство отъ ущерба и расхищенія во время частыхъ, болѣзненныхъ припадковъ его жены. Мысль, что есть такое хозяйство, о которомъ некому позаботиться, до глубины души поразила добрую миссъ Офелію; къ тому же она любила Еву, которую, разъ увидѣвъ, нельзя было не полюбить. Она любила и Августина, хотя считала его чѣмъ-то въ родѣ язычника, смѣялась его комическимъ выходкамъ, и вообще оказывала такъ много снисхожденія его недостаткамъ, что люди, хорошо знавшіе Августина, сочли бы это дѣломъ невѣроятнымъ.

Итакъ вотъ она сидитъ въ каютѣ парохода, окруженная множествомъ большихъ и маленькихъ мѣшковъ, ящичковъ, коробокъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ какой-нибудь особый предметъ ея заботливости, и занимается увязываньемъ и укладываньемъ ихъ съ самымъ важнымъ и серьезнымъ выраженіемъ лица.

— Ну, Ева, сочла ли ты всѣ свои вещи? Вѣрно нѣтъ, дѣти никогда не думаютъ объ этомъ, вотъ пестрый сакъ, вотъ голубеный картончикъ съ твоимъ чепцомъ — это два, потомъ резиновый мѣшокъ — это три, рабочій ящикъ — четыре, картонъ съ моимъ чепцомъ — пять, другой картонъ съ моими воротничками — шесть; вотъ еще эта коробочка — итого семь; куда ты дѣвала свой зонтикъ? давай сюда, я заверну его въ бумажку и свяжу вмѣстѣ съ моимъ зонтикомъ: вотъ такъ.

— Ахъ, тетя, вѣдь намъ теперь только съ набережной до дому дѣхать осталось, къ чему же это ты все увязываешь?

— Чтобы не растерять, душа моя; надо беречь свои вещи, если хочешь имѣть что-нибудь. Теперь, Ева, гдѣ твой наперстокъ? Уложенъ?

— Право, не знаю, тетя!

— Ну, хорошо; я сейчасъ сама пересмотрю твой несессеръ: наперстокъ, воскъ, двѣ ложки, ножницы, ножичекъ, игольникъ — все въ цѣлости. Теперь поставь его сюда. Какъ это ты одна-то бѣжала съ своимъ папа? Я думаю, ты все растеряла по дорогѣ.

— Да, тетя, я очень много теряла, а папа всякій разъ, когда мы остановимся гдѣ-нибудь, тотчасъ же и купить.

— Господи! Ева, да на что же это было похоже?

— За то такъ было очень удобно, тетя, отвѣчала Ева.

— Ужасно несообразно замѣтила тетя.

— Посмотри, тетя, какъ же теперь быть? сказала Ева. — Вотъ этотъ чемоданъ, такъ туго набитъ, что совѣтъ не запирается.

— Онъ долженъ запереться, возразила тетя, съ видомъ полководца, втискивая вещи, и ставъ на крышку ногами, но несмотря на всѣ усилія, около замка все еще оставалась небольшая скважина.

— Стань сюда, Ева! рѣшительно сказала миссъ Офелія: — что было можно одинъ разъ, то можно и въ другой. Пустяки! онъ для того сдѣланъ, чтобы запирается, такъ и долженъ запирается!

И чемоданъ, какъ бы испугавшись ея грозной рѣшительности, въ самомъ дѣлѣ подался, петля быстро вошла въ замокъ, миссъ Офелія повернула ключъ, и съ торжествующимъ видомъ, положила его въ карманъ.

— Ну, теперь мы совсѣмъ. Гдѣ твой папа? Оглянись кругомъ, Ева, и скажи мнѣ, видишь ли ты своего папа?

— Какъ же, вижу! вонъ онъ тамъ, на другомъ концѣ мужской каюты, кушаетъ апельсинъ.

— Онъ, вѣрно, не видитъ, что мы ужъ такъ близко подъѣхали, сказала тетка, — не лучше ли тебѣ сбѣгать и сказать ему.

— Папа никогда не спѣшитъ, отвѣчала Ева, — а теперь и такъ рано, мы еще не у набережной. Тета, стань, пожалуйста, сюда къ периламъ, посмотри! вонъ, видишь, нашъ домъ тамъ, по этой большой улицѣ.

Въ эту минуту пароходъ съ тяжелымъ оханьемъ и стenanьемъ, подобно чудовищу, утомленному долгимъ бѣгомъ, приготовляясь уже занять мѣсто между множествомъ своихъ товарищей, покрывавшихъ рейдъ. Ева весело показывала и называла своей теткѣ башни, купцы церкви и другія зданія, по которымъ она узнавала свой родной городъ.

— Да, да, душенька, очень мило, разсѣянно отвѣчала миссъ Офелія. — Но что же это будетъ съ нами? пароходъ ужъ остановился. Гдѣ же твой отецъ?

Въ эту минуту поднялся обычный хаосъ, сопровождающій высадку на берегъ; факторы кидаются во всѣ стороны, мужчины вручаютъ чемоданы, мѣшки, ящики; женщины суетятся, тревожно сзываютъ дѣтей — и всѣ, густою массой, движутся по направленію къ доскѣ, перекинутой на берегъ.

Миссъ Офелія, съ рѣшительнымъ видомъ, усѣлась на томъ самомъ чемоданѣ, надъ упорствомъ котораго она недавно одержала такую блестящую побѣду, и выстроивъ всѣ свои сокровища и узелки въ боевую линію, казалось, приняла твердое намѣреніе защищать ихъ до послѣдней крайности.

«Вашъ чемоданъ, сударыня? Прикажете захватить вашъ чемоданъ? Извольте, я возьму вашъ багажъ, сударыня? Прикажете снести?» Такіе возгласы сыпались со всѣхъ сторонъ на беззащитную миссъ Офелію. Она сидѣла съ ожесточеніемъ въ сердцѣ, прямо, какъ спичка, съ драгоценною связкой зонтиковъ въ рукахъ, отгрызаясь съ такою неприступною рѣшимостью, которая могла смутить даже фактора, и въ промежуткахъ выражала Евѣ свое удивленіе: «чего же думаетъ ея папа, вѣдь не за бортъ же онъ въ самомъ дѣлѣ свалился, а ужъ что-нибудь вѣрно случилось». Именно въ то время, когда она успѣла было убѣдить себя въ томъ, что дѣйствительно случилось какое-то несчастіе, предметъ ея беспокойствъ подошелъ къ нимъ,

своею всегдѣшнею безпечною походкой, и подавъ Кэвъ четверть апельсина, который ѣлъ самъ, совершенно спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну, кузина, надѣюсь вы совсѣмъ готовы?

— Ужь цѣлый часъ, какъ мы готовы и ожидаемся здѣсь, отвѣчала миссъ Офелія, — я серьезно начинала беспокоиться, не случилось ли съ тобой чего-нибудь.

— Ну скажите сами, кузина, не отлично ли я распорядилась? сказалъ онъ. — Посмотри, какъ теперь хорошо! экипажъ ждетъ насъ на берегу, толпа разошлась, и мы можемъ сойти, какъ слѣдуетъ порядочнымъ христіанамъ, не рискуя быть раздавленными или попасть въ воду. — Эй, прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему подлѣ фактору, — возьми эти вещи.

— Я пойду посмотрѣть, какъ онъ уложитъ ихъ въ экипажъ, сказала миссъ Офелія.

— И, кузина! это совершенно лишнее, отвѣчалъ Сантъ-Клеръ.

— Пусть такъ, но во всякомъ случаѣ, это, это и вотъ еще это я понесу сама, сказала миссъ Офелія, отдѣливъ отъ всей массы багажа три коробки и маленький сакъ.

— Послушайте, моя любезная миссъ изъ Вермонта, серьезно прошу васъ не ходить въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ. Сдѣлайте одолженіе, постарайтесь усвоить себѣ что-нибудь изъ нашихъ южныхъ нравовъ, и не извольте, Бога ради, нагружать себя такимъ образомъ, иначе васъ примутъ за горничную; извольте отдать ваши коробочки вотъ этому молодцу, и будьте увѣрены, онъ уложитъ ихъ такъ осторожно, какъ будто бы это были яйца.

Отчаяніе изобразилось въ чертахъ миссъ Офеліи, когда ея кузень насильно отнялъ у нея всѣ ея сокровища, и велика была ея радость, когда все оказалось возлѣ нея въ каретѣ, въ совершенной сохранности.

— Гдѣ же, Томъ? вдругъ спросила Ева?

— На козлахъ, крошка! Я везу Тома на мировую твоей мама, на мѣсто того пьяницы, который опрокинулъ карету.

— О, Томъ будетъ отличный кучеръ, ужъ я знак, сказала Ева, — онъ никогда не будетъ пьянъ.

Карета остановилась противъ зданія старинной архитектуры, того смѣшаннаго характера, который образовался изъ слиянія испанскаго стиля съ французскимъ, и образцы котораго до сихъ поръ встрѣчаются въ Новомъ Орлеанѣ. Выстроенное въ мавританскомъ вкусѣ, оно представляло правильный квадратъ, въ которомъ заключался широкій дворъ, куда карета въѣхала въ высокія ворота аркой. Убранство двора могло удовлетворить самое идеальное, самое роскошное воображеніе: пространныя галлеи огибали его со всѣхъ сторонъ, мавританскія арки, тонкіе столбы и арабески, какъ будто въ волшебномъ свѣтѣ, переносили зрителя ко временамъ господства восточнаго романтизма

въ Испаніи. По срединѣ двора—великолѣпный фонтанъ, высоко избрасывая свою серебряную влагу, непрерывнымъ дождемъ ниспадавшую въ широкій бассейнъ, окаймленный широкою лентой благовоныхъ фialокъ. Вода, прозрачная какъ кристаллъ, кипѣла мириадами золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ, которыя блестя и сверкали въ ней, какъ живые брилліанты. Бассейнъ огибала живописная дорожка, выложенная мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, составлявшихъ затѣливые рисунки, и въ свою очередь обвивалась концентрическою полосой зеленого дерна, мягкаго какъ бархатъ; наконецъ, широкимъ кругомъ лежала гладкая, какъ скатерть, дорога, для подъѣзда экипажей къ крыльцу. Два большія апельсинныя дерева, въ эту пору стоявшія въ полномъ цвѣту, кидали чудную тѣнь, а кругомъ фонтана на зелени были разставлены мраморныя вазы арабской скульптуры, заключавшія въ себѣ самыя рѣдкія цвѣтущія растенія тропиковъ. Тѣнистыя гранатныя деревья, съ своими лоснистыми листьями и большими ярко-красными цвѣтами, темнолиственныя арабскія желалины, жасмины съ ихъ серебристыми звѣздочками, различные виды гераніи, кусты золотстаго жасмина, пышные розы, склонявшіеся подъ бременемъ цвѣтовъ, вербена съ благоуханіемъ лимона, сливали воедино разнообразіе своихъ красокъ и ароматовъ. А въ промежуткахъ между ними, старый таинственный алоэ возносилъ свою причудливую массивную зелень, и словно съдой волшебникъ, съ величавымъ спокойствіемъ глядѣлъ на скоропреходящую красоту и благоуханіе окружавшей его растительности.

Галлерей, огибавшія дворъ, для защиты отъ солнца, были драпированы фестонами изъ какой-то шелковой матеріи, въ родѣ мавританскаго штофа. Все это вмѣстѣ придавало зданію великолѣпный и фантастическій видъ.

Когда карета остановилась у крыльца, Ева, въ трепетъ дѣтской радости и нетерпѣнія, была похожа на птичку, готовую выпорхнуть изъ кѣтки.

— Ну, неправда ли, какъ хорошъ нашъ родной, милый домъ? вскричала она, обращаясь къ миссъ Офеліи. — Неправда ли, теть, какъ здѣсь хорошо?

— Очень красиво, сказала миссъ Офелія, ступивъ на землю, — хотя все это смотреть чѣмъ-то языческимъ.

Томъ, сойдя съ козелъ, оглядывался съ выраженіемъ спокойнаго, безмолвнаго наслажденія на лицѣ. [Не надобно забывать, что негръ есть экзотическое произведеніе одной изъ самыхъ роскошныхъ, самыхъ живописныхъ странъ вселенной, и съ душой его неразрывно сроднилась страсть ко всему великолѣпному, роскошному и фантастическому. Страсть эта, неподчиненная образованному вкусу, навлекаетъ на бѣднаго негра насмѣшки со стороны болѣе холодной бѣлой расы, съ ея правильнымъ эстетическимъ вкусомъ.]

Сентъ-Клеръ, который самъ былъ въ душѣ поэтъ и эпикурецъ, улыбулся замѣчанію миссъ Офелии и, обратясь къ Тому, который все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ и глядѣлъ, съ сіяющею отъ внутреннего удовольствія физиономіей, спросилъ его:

— Что, Томъ, тебѣ видно понравилось здѣсь?

— Да, маэръ, ужь очень тутъ хорошо!

Все это происходило въ теченіе перваго момента по пріѣздѣ, когда снимались и отвязывались чемоданы, Сентъ-Клеръ рассчитывался съ извозчикомъ, и между тѣмъ какъ на всѣ верхнія и нижнія галереи высыпала чернокожая толпа всѣхъ возрастовъ: мужчины, женщины, дѣти, всѣ ѣбжали встрѣчать барина. Впереди всѣхъ выдѣлялся молодой мулатъ щеголеватой наружности, очевидно очень важный персонажъ, разодѣтый до вычурности по модѣ, и граціозно помахивавшій раздушеннымъ батистовымъ платкомъ.

Въ настоящую минуту эта личность была занята тѣмъ, что очень усердно старалась отгѣснить все стадо слугъ на другой конецъ веранды.

— Назадъ! всѣ вы! мнѣ совѣстно за васъ, говорилъ онъ тономъ авторитета: — неужто вамъ не стыдно, не успѣлъ маэръ пріѣхать, лѣзть ему въ глаза и мѣшать его семейному свиданію?

Это краснорѣчивое обращеніе, произнесенное съ чрезвычайнымъ достоинствомъ, смутило самыхъ задорныхъ. Всѣ, сбившись въ кучу, остановились на почтительномъ разстояніи, кромѣ двухъ плечистыхъ негровъ, которые спокойно принялись таскать багажъ, такъ что, благодаря стратегическимъ распоряженіямъ мистера Адольфа, когда Сентъ-Клеръ, расплатившись съ извозчикомъ, обратился назадъ, единственный живой человѣкъ, котораго встрѣтили глаза его, былъ самъ мистеръ Адольфъ во всемъ блескѣ своего наряда, въ атласномъ жилетѣ, золотой цѣпочкѣ и бѣлыхъ панталонахъ, кланявшійся съ чрезвычайною граціей и пріятностію.

— А, это ты, Адольфъ? какъ поживаешь, любезный? сказалъ Сентъ-Клеръ, протягивая ему руку, между тѣмъ, какъ мистеръ Адольфъ съ удивительною развязностію декламировалъ импровизованную рѣчь, которую онъ съ большимъ стараніемъ около двухъ недѣль готовилъ для этого случая.

— Ладно, ладно! прервалъ потокъ его рѣчей Сентъ-Клеръ, проходя мимо съ своимъ обычнымъ видомъ небрежнаго комизма: — ты отличный ораторъ, что и говорить. Присмотри пока за багажемъ, все ли тутъ, а я сію минуту выйду къ народу.

Съ этими словами онъ повелъ миссъ Офелию въ большую залу, двери которой выходили на веранду.

Пока происходило все описанное нами, Ева съ легкостію птички пробѣжала галерею, залы и впорхнула въ маленький будуаръ, также выходившій дверями на веранду.

Высокая, худая дама, съ болѣзненно-желтымъ цвѣтомъ лица и большими черными глазами, въ половину приподнялась съ кушетки, на которой она лежала.

— Мама! вскричала Ева вѣ себя отъ радости, кинувшись къ ней на шею и покрывая ее несчетными поцѣлуями.

— Пожалуста осторожьнѣе, Ева, не растрепожь мою голову! сказала мать, вяло поцѣловавъ ее.

Въ эту минуту вошелъ Сентъ-Клеръ, расцѣловалъ жену по стариннымъ правиламъ супружеской жизни, и потомъ представилъ кузину, Мери подняла на кузину свои большіе глаза съ выраженіемъ нѣкотораго любопытства, и прівітствовала ее съ какою-то томною вѣжливостію.

Въ эту минуту у входа въ залу тѣснилась толпа черныхъ слугъ, и впереди всѣхъ стояла мулатка среднихъ лѣтъ и чрезвычайно благообразной наружности, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ радостнаго ожиданія.

— А, ты здѣсь, Мамми! вскрикнула Ева, и, пролетѣвъ черезъ комнату, кинулась въ объятія къ Мамми и осыпала ее поцѣлуями и ласками.

Эта женщина не сказала, что у нея разболится голова отъ поцѣлуевъ, напротивъ она то прижимала ее къ себѣ, то смѣялась и плакала, такъ что наконецъ не шутя можно было усомниться въ здоровомъ состояніи ея разсудка. Вырвавшись изъ объятій Мамми, Ева кидалась отъ одного къ другому, пожимая всѣмъ руки и обнимая cadaго съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что у миссъ Озелія, выражаясь ея собственными словами, возмущалась вся внутренность.

— Ну! сказала миссъ Озелія: — ваши южныя дѣти могутъ дѣлать то, чего бы я ни за что въ свѣтѣ не согласилась сдѣлать.

— Что такое, кузина; скажите пожалуста? спросилъ Сентъ-Клеръ.

— Да вотъ, я ласкова со всѣми, никого не обижу; но цѣловать...

— Негровъ, подсказалъ Сентъ-Клеръ, — на это тебя не станеть, а?

— Ну да, признаюсь. Какъ это она можетъ?

Сентъ-Клеръ засмѣялся и вышелъ на веранду.

— Эй вы! гдѣ вы тутъ? Всѣ сюда! Мамми, Джинни, Полли, Сески, рады масру? говорилъ онъ, переходя отъ одного къ другому, и пожимая всѣмъ поочередно руки. — Приберите ребятъ! прибавилъ онъ, споткнувшись на черноглазаго мальчишку, который, лежа на полу, барахтался руками и ногами. — Если я раздаваю кого-нибудь, пускай скажется.

Громкій хохотъ и желанія здоровья масру раздавались вокругъ Сентъ-Клера, когда онъ одѣлалъ свою дворню мелкими деньгами.

— Ну, теперъ ступайте себѣ съ Богомъ! сказалъ онъ, и вся честная компанія, черные и цвѣтные, исчезла въ дверь на веранду. За ними послѣдовала Ева, таща въ рукахъ большой мѣшокъ, который она, во все продолженіе обратнаго пути, нагружала ябло-

ками, орѣхами, конфетами, лоскутами лентъ и всякими бездѣлушками.

Оборотась, чтобъ идти назадъ въ комнаты, Сентъ-Клеръ замѣтилъ Тома, который переминался съ ноги на ногу, и, видимо, чувствовалъ себя очень неловко, между-тѣмъ какъ мистеръ Адольфъ стоялъ, небрежно облокотясь на перила, и съ лорнеткой въ глазу разглядывалъ Тома съ ногъ до головы, съ такимъ видомъ, который бы сдѣлалъ честь любому денди.

— Ахъ ты уродецъ, сказалъ Сентъ-Клеръ, выдернувъ у него изъ глаза стеклышко, — такъ-то ты ведешь себя съ своимъ товарищемъ? Да мнѣ что-то сдается, Адольфъ, прибавилъ онъ, положивъ палецъ на роскошный атласный жилетъ мистера Адольфа, которымъ такъ щеголялъ тотъ, — мнѣ сдается, это мой жилетъ.

— О! масръ, эта жилетка-то, вся залитая виномъ, въ пятнахъ! Такой важный баринъ, какъ масръ, ужь конечно, не станетъ носить ее. Я такъ и подумалъ, что мнѣ слѣдуетъ взять ее, а для бѣднаго негра, какъ я, она ничего, сойдетъ.

И мистеръ Адольфъ тряхнулъ головою и граціозно провелъ пальцами по своимъ надушеннымъ волосамъ.

— А, вотъ что! сказалъ Сентъ-Клеръ своимъ безпечнымъ тономъ. — Теперь я вотъ этого молодца, Тома, покажу баринѣ, а потомъ ты сведешь его въ людскую, да, смотри, прошу не важничать передъ нимъ, онъ стоитъ двоихъ такихъ франтовъ, какъ ты.

— Масру всегда угодно шутить, отвѣчалъ, усмѣхаясь мистеръ Адольфъ, — я въ восхищеніи, что вижу масра въ такомъ отличномъ расположеніи духа.

— Сюда, Томъ, сказалъ Сентъ-Клеръ, направляясь къ дверямъ залы.

Вступивъ въ комнаты, Томъ съ изумленіемъ озирался на бархатные ковры, и на все это великолѣпное зеркаль, картинъ, статуй и шелковыхъ занавѣсей, о которомъ онъ прежде не имѣлъ понятія, и, какъ у царицы Савской, когда она предстала предъ лицо Соломона, у него занимался духъ. Онъ почти боялся ступить ногами по ковру. — Вотъ, погляди, Мари, сказалъ Сентъ-Клеръ женѣ, подводя къ ней Тома, какого я купилъ тебѣ кучера, по крайней мѣрѣ ужь настоящаго кучера. Черенъ и трезвъ, какъ настоящая погребальная колесница, и, если ты только захочешь, онъ будетъ возить тебя такъ тихо и осторожно, какъ на похоронахъ. Открой же свои глазки, душа моя, и взгляни на него. Такъ прошу не говорить впередъ, что я не думаю о тебѣ, когда уѣзжаю изъ дома.

Марія открыла глаза, и, не подымаясь съ кушетки, остановила ихъ на Томѣ. — Я знаю, и этотъ будетъ пьяница, сказала она.

— Нѣтъ, душа моя, возразилъ Сентъ-Клеръ, — мнѣ ручались за его добропорядочное и трезвое поведеніе.

— Буду надеяться, хотя это, право, будет больше, чѣмъ я ожидаю.

— Адольфъ, сказалъ Сентъ-Клеръ,—проводи Тома внизъ, да смотри у меня, прошу не забываться, прибавилъ онъ,—помни, что я говорилъ тебѣ.

Адольфъ отправился впередъ, граціозно семеня ногами, а Томъ, тяжеловѣсною, неуклюжею поступью, послѣдовалъ зади.

— Онъ совершенный бегемотъ, сказала Марія.

— Ну, Мари, сказалъ Сентъ-Клеръ, опускаясь на стулъ подлѣ кушетки,—будь же любезна, скажи мужу доброе слово.

— Отчего ты пробылъ двѣ лишнія недѣли? сказала Марія, надувъ губы.

— Вѣдь я тебя увѣдомлялъ о причинѣ.

— Да такое, короткое, холодное посланіе, возразила леди.

— Душа моя! почта отходила черезъ пять минутъ; я думаю, лучше было написать мало, чѣмъ совсѣмъ не написать.

— Ты всегда таковъ, вѣчно отыщешь какія-нибудь причины, отъ которыхъ твои письма бывають коротки, а отсутствіе длится Богъ знаетъ какъ долго.

— А вотъ, посмотри-ка, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана и открывая изящный бархатный футляръ,—какой я тебѣ привезъ подарокъ изъ Нью-Йорка.

Это былъ дагерротипный портретъ Евы и ея отца, отпечатлѣнный на свѣтломъ фонѣ ясно и мягко, какъ гравюра: оба были изображены сидящими рука съ рукой.

Марія взглянула на портретъ съ недовольнымъ видомъ.

— Съ какой это стати ты выбралъ такую уродливую позу? сказала она.

— Ну, это дѣло вкуса. А какъ тебѣ кажется сходство?

— Если въ одномъ случаѣ мое мнѣніе ничего не значитъ для тебя, то за чѣмъ же спрашивать его въ другомъ? сказала она, закрывая футляръ.

— Что за несносная женщина! подумалъ про себя Сентъ-Клеръ, прибавивъ вслухъ:—ну, полно же, Мари, скажи мнѣ, какъ ты находишь сходство? Полно дурачиться!

— Какъ это жестоко съ твоей стороны, Сентъ-Клеръ, отвѣчала Марія, мучить меня вопросами и заставлять разсматривать разныя разности. Ты знаешь, я цѣлый день пролежала отъ моей мигрени: а съ тѣхъ поръ, какъ ты пріѣхалъ, здѣсь такой поднялся шумъ, что я едва жива.

— Вы страдаете мигренью? послышался вдругъ голосъ миссъ Озелли, совершенно неожиданно возникшей изъ глубины большого вольтеровскаго кресла, гдѣ она неподвижно сидѣла до сихъ поръ, составляя мысленно опись всей находившейся въ комнатѣ движимости, и рассчитывая цѣнность каждой вещи.

— Да, я совершенная мученица въ этомъ отношеніи, сказала дама.

— Отъ мигрени очень помогаетъ чай изъ можжевеловыхъ ягодъ, сказала миссъ Офелія, по крайней мѣрѣ такъ всегда говорила жена нашего дьякона, Эбрагана Перри, а она была большая лѣкарка.

— Я отдамъ непремѣнное приказаніе набрать для этой цѣли первыя можжевеловыя ягоды, которыя только поспѣютъ въ нашемъ саду у озера, сказалъ Сентъ-Клеръ, съ совершенно серіозною миной, дергая за шнурокъ звонка;—а пока, кухня, вамъ не мѣшало бы пойти въ свою комнату и отдохнуть не много съ дороги. Дольше, прибавилъ онъ, позови сюда Мамми.

Черезъ минуту въ комнату вошла та самая благообразная мулатка, которую Ева цѣловала съ такимъ жаромъ; она была очень чисто одѣта; на головѣ у нея былъ тюрбанъ съ полосами ярко-краснаго и желтаго цвѣта, новый подарокъ Евы, которая сейчасъ только прилаживала его на головѣ своей любимицы.—Мамми, сказалъ Сентъ-Клеръ,—я сдаю эту даму на твое попеченіе; она устала съ дороги, ей нуженъ отдыхъ. Проводи миссъ въ ея комнату, и позаботься, чтобы ей было покойно,—и миссъ Офелія удалилась въ сопровожденіи Мамми.

ГЛАВА XVI.

Новая госпожа Тома и ея мнѣнія.

— Ну, Мари, теперь настаютъ твои золотые дни, сказалъ Сентъ-Клеръ.—Теперь съ нами наша практическая, дѣловая кухня изъ Новой Англіи. Она, съ удовольствіемъ, потрудится снять съ твоихъ плечъ все бремя заботъ, а ты у меня, между тѣмъ, отдохнешь, поправишься и станешь опять молодцомъ. Я думаю вамъ бы чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше приступить къ торжественной передачѣ ключей.

Это было сказано за завтракомъ, нѣсколько дней спустя послѣ прибытія миссъ Офеліи.

— Я буду очень благодарна кухинѣ, отвѣчала Марія, томно склонивъ голову на руку.—Я увѣрена, что она будетъ имѣть случай убѣдиться по крайней мѣрѣ въ томъ, что здѣсь на югѣ настоящіе-то невольники мы сами, господа.

— О, безъ всякаго сомнѣнія, она убѣдится въ этомъ, и еще во многихъ другихъ полезныхъ истинахъ.

— Толкуютъ еще, зачѣмъ мы держимъ невольниковъ, какъ будто мы дѣлаемъ это для нашего удобства, продолжала Марія.—Я увѣрена, еслибы мы захотѣли думать только о своемъ удобствѣ, такъ мы бы завтра же распустили всѣхъ до одного.

Эваджелина устремила на мать свои большіе задумчивые глаза, съ удивленнымъ выраженіемъ, и наивно спросила: «Такъ для чего же мы держимъ ихъ, мама?»

— Право, не знаю, на что мы ихъ держимъ, какъ не на наше собственное мученіе. Я увѣрена, что и въ моей болѣзни они болѣе всего виноваты; а ужъ такихъ мучителей, какъ наши, ни у кого нѣтъ.

— Ну, полно, Мари, ты, просто, должно быть, лѣвою ногой встала сегодня, сказалъ Сентъ-Клеръ. — Ты сама знаешь, что они совсѣмъ не такъ дурны, какъ ты говоришь. Возьми на примѣръ Мамми — добрѣйшее созданіе въ мірѣ — чтобы ты стала безъ нея дѣлать?

— Да, Мамми еще, можно сказать, лучшая изъ всѣхъ, какихъ я встрѣчала, сказала Марія, — а между тѣмъ какая Мамми глубокая эгоистка! Къ несчастію это порокъ всего чернаго отродья.

— Да, твоя правда, эгоизмъ дѣйствительно — ужасный порокъ, серьезно замѣтилъ Сентъ-Клеръ.

— Да, возьмемъ хоть Мамми, сказала Марія, — ну не эгоизмъ ли съ ея стороны засыпать по ночамъ такимъ непробуднымъ сномъ? Она очень хорошо знаетъ, что, во время сильныхъ припадковъ, мнѣ почти ежеминутно нужна ея помощь, а ея насилу добудишься. Вотъ и сегодня я положительно чувствую себя хуже, а все отъ усилій, которыхъ мнѣ стоило разбудить ее.

— Мама, а развѣ въ послѣднее время она не просиживала съ тобой дѣлыя ночи, не смыкая глазъ? спросила Ева.

— А ты почему знаешь? рѣзко сказала Марія, — она, вѣрно, жаловаться изволила?

— Нѣтъ, она вовсе не жаловалась, мама; она говорила мнѣ только, какія дурныя, бессонныя ночи были у тебя въ послѣднее время.

— Ты бы вмѣсто нея взяла Дженни или Розу ночи на двѣ, сказалъ Сентъ-Клеръ, — а она бы отдохнула.

— Я не понимаю, какъ ты только можешь предлагать такія вещи, Сентъ-Клеръ. Ты, просто, самъ не знаешь, что говоришь! Съ моими-то нервами, когда всякая бездѣлица разстроиваетъ меня, ты хочешь, чтобы я довѣрила себя непривычнымъ рукамъ, да это, просто, уморить меня. Еслибы Мамми имѣла ко мнѣ хоть сколько-нибудь привязанности, какую она обязана чувствовать, конечно, она не заставила бы будить себя такъ долго. Бываютъ, говорятъ, счастливые люди, у которыхъ есть такіе преданные слуги, но, видно, мнѣ не суждено такое счастье. И Марія тяжело вздохнула.

Миссъ Офелія внимала этому разговору съ важнымъ, наблюдательнымъ видомъ; губы ея были крѣпко стиснуты, какъ будто она рѣшилась хорошенько вывѣдать позицію, прежде чѣмъ вступить въ разговоръ.

— Я не говорю, въ Мамми есть хорошія стороны, продолжала

Марія, — она покорна, почитательна, но, въ душѣ — она страшная эгоистка: вотъ напримѣръ она цѣлый вѣкъ будетъ хныкать о своемъ мужѣ. Видите, кухня, когда я вышла замужъ и переѣхала сюда на житье, мнѣ нужно же было имѣть ее около себя, а между тѣмъ мой отецъ никакъ не могъ отпустить ея мужа. Онъ кузнецъ и, стало быть, необходимо нуженъ для отца; я тогда еще предвидѣла это, и сказала Мамми, что лучше ей совсѣмъ разойдись съ своимъ мужемъ, а ужъ жить вмѣстѣ имъ никогда не придется. Я жалю теперь, что тогда не настояла: мнѣ бы сейчасъ же заставитъ Мамми выйти за другаго; но тогда я была еще неопытна и слишкомъ добра, и не захотѣла настоять. Я впрочемъ предупредила Мамми, чтобъ она не надѣялась увидѣться съ мужемъ болѣе одного или двухъ разъ въ жизни, потому что воздухъ въ помѣстьи моего отца не соответствуетъ моему здоровью, и это не позволяетъ мнѣ ѣздить туда; а когда я стала говорить ей, чтобъ она выходила за другаго, такъ, представьте себѣ, и слышать не хочетъ. Въ характерѣ Мамми, мѣстами есть страшное упрямство: этого никто не видитъ, кромѣ меня.

— А есть у нея дѣти? спросила миссъ Офелія.

— Какъ же, двое.

— Я думала она тоже чувствуетъ разлуку съ ними?

— Очень можетъ быть, но не съ собой же мнѣ было везти ея черномазыхъ уродцевъ, нельзя же мнѣ было имѣть ихъ около себя; и, притомъ, они отнимали бы у нея слишкомъ много времени; не смотря на то, я знаю, Мамми до сихъ поръ не хочетъ забыть объ этомъ. Она не хочетъ выйти замужъ за другаго, и я увѣрена, что хотя онъ очень хорошо знаетъ, какъ она нужна мнѣ, при моемъ разстроенномъ здоровьи, еслибъ она только могла, она завтра же готова была уйти къ своему мужу. Въ самомъ дѣлѣ, прибавила Марія, — вотъ каковы всѣ они, никакой привязанности даже въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ.

— Прискорбно подумать, какая черная неблагодарность, сказалъ Сентъ-Клеръ сухо.

Миссъ Офелія пристально взглянула на него, и замѣтила набѣжавшую на лицо его тѣнь подавленной досады, и саркастической складъ губъ, въ то время какъ онъ говорилъ.

— Если бы вы знали, какъ я всегда баловала эту Мемми. Я желала бы, чтобы какая-нибудь изъ вашихъ сѣверныхъ горничныхъ посмотрѣла на шкафъ съ ея гардеробомъ; какихъ, какихъ тамъ у нея не вѣшано платьевъ: шелковыя, мезелиновыя, даже одно изъ настоящаго батиста. Не повѣрите, я иногда по цѣлымъ часамъ возилась съ ея шляпками, когда мнѣ, бывало, надобно куда-нибудь взять ее съ собой. А о дурномъ обращеніи она и понятія не имѣетъ. Она, кажется, и двухъ разъ не была сѣчена во всю жизнь. Каждый день ей идетъ

крѣпкій чай или кофе, съ отличнымъ сахаромъ. Разумѣется, это непростительное баловство; но что же прикажете дѣлать, если Сентъ-Клеръ непремѣнно хочетъ, чтобы наша дворня жила по-барски; вотъ они и живутъ себѣ какъ имъ угодно — а все оттого, что мы сами балуемъ ихъ. Я думаю, отчасти мы сами приучили ихъ думать только о себѣ, избаловали ихъ и сдѣлали изъ нихъ какихъ-то нравственныхъ недорослей. Мнѣ ужь наконецъ надоѣло спорить объ этомъ съ Сентъ-Клеромъ.

— И мнѣ также, сказалъ Сентъ-Клеръ, принимаясь за утренній номеръ газеты.

Ева, прелестная Ева все это время стояла, слушая мать съ собственнымъ ей сосредоточеннымъ вниманіемъ. Потомъ она потихоньку подошла къ ея креслу и обвила своими ручками ея шею.

— Ну, Ева, что еще? сказала Марія.

— Мама, позволь мнѣ походить за тобой хоть одну ночь, только одну. Я увѣрена, что не растревожу твоихъ нервовъ и не засну. Я часто лежу безъ сна по ночамъ и все думаю.

— Ахъ, вѣчный вздоръ, Ева, вѣчныя глупости! сказала Марія: — какая ты прзво странная!

— Позволь, душечка мама! Мнѣ кажется, прибавила она робко, — что Мамми не совсѣмъ здорова. Она призналась мнѣ, что у нея страшно болитъ голова все это время.

— Ну такъ! это все ея выдумки! Мамми такая же, какъ всѣ эти черные: изъ-за какой-нибудь пустѣйшей головной боли, изъ-за порѣзаннаго пальца, они готовы, Богъ знаетъ, какой крикъ поднять! никогда не надо потакать ихъ причудамъ, никогда! Я поставила себѣ это за правило; вы сами увидите, что иначе нельзя, прибавила она, обращаясь къ миссъ Офеліи. — Если позволить слугамъ давать волю всякому капризу и допустить ихъ жаловаться изъ-за всякихъ пустяковъ, такъ и житья не будетъ. Я считаю долгомъ терпѣть молча, и терплю.

При этихъ словахъ Сентъ-Клеръ взглянулъ на миссъ Офелію, и прочелъ въ ея большихъ глазахъ столько наивнаго недоумѣнія, полнаго такимъ неподдѣльнымъ комизмомъ, что не могъ удержаться и разразился громкимъ хохотомъ.

— Сентъ-Клеръ всегда готовъ сдѣлаться, при малѣйшемъ намекѣ на мои страданія, сказала Марія страдальческимъ голосомъ: — дай Богъ, чтобы ему никогда не пришлось раскаться въ этомъ, и приложила къ глазамъ свой платокъ.

Затѣмъ настало общее молчаніе. Наконецъ Сентъ-Клеръ всталъ, и, посмотрѣвъ на часы, сказалъ; что у него есть дѣло въ городѣ. Ева потихоньку выпорхнула за нимъ, и миссъ Офелія осталась одна съ Маріей.

— Вотъ, Сентъ-Клеръ всегда такой, сказала послѣдняя, съ сердни-

тымъ движеніемъ отнимая отъ глазъ платокъ, какъ скоро преступникъ, для котораго предназначалась эта трагическая поза, вышелъ изъ комнаты:—онъ не хочетъ понять, сколько я страдаю и страдала цѣлые годы. Ну, еще еслибъ я была изъ плаксиваго десятка, еслибъ я жаловалась изъ-за каждой бездѣлицы, тогда еще была бы кака-нибудь причина обходиться со мною такимъ образомъ. Мущинамъ, натурально, надоѣдаетъ жена, которая вѣчно плачетъ да разыгрываетъ страдалицу. Но я держала свое горе про себя, и все переносила, все переносила, пока наконецъ Сентъ-Клеръ въ самомъ дѣлѣ привыкъ думать, что я все въ состояніи вынести.

Миссъ Офелія не знала, какого отъ нея ожидаютъ отвѣта на подобное объясненіе.

Пока она раздумывала, что сказать, Марія мало-по-малу утерла свои слезки, оправилась, какъ горлица оправляется послѣ грозы, и обратилась къ своей кузинѣ съ весьма-оживленною рѣчью, касавшеюся посуды буфета, столоваго бѣлья, кладовыхъ и иныхъ статей домашняго хозяйства, которыя должны были, по обоюдному согласію, перейти въ вѣдѣніе миссъ Офеліи, и закидала эту почтенную даму такимъ градомъ наставленій, предостереженій и порученій всякаго рода, что другая, на мѣстѣ миссъ Офеліи, съ менѣе систематическою головою, совершенно бы растерялась.

— Теперь, сказала Марія, я думаю, что передала вамъ все, что нужно, такъ что, когда опять придетъ моя тяжелая пора, вамъ можно будетъ распорядиться и безъ меня. Теперь только насчетъ Евы: за нею нуженъ строгій присмотръ.

— Она, мнѣ кажется, очень добрый ребенокъ, сказала миссъ Офелія. — Я никогда не встрѣчала такого милаго дитяти.

— У нея много странностей, сказала мать, — очень много. Она нисколько не похожа на меня, вовсе не похожа, сказала Марія со вздохомъ, какъ будто бы это обстоятельство въ самомъ дѣлѣ заслуживало величайшаго сожалѣнія.

« И слава Богу », подумала въ глубинѣ души миссъ Офелія, но благоразумно промолчала.

— Ева всегда любила сближаться съ прислугой, и для иныхъ дѣтей я въ этомъ еще не вижу большой бѣды. Я сама, напримѣръ, въ дѣтствѣ всегда играла съ негренами моего отца, и вотъ видите, ничего. Но Ева вѣчно готова поставить всѣхъ на одинъ уровень съ собою: въ ней есть что-то странное. Я никакъ не могу отучить ее отъ этого, а Сентъ-Клеръ, мнѣ кажется, еще нарочно старается поощрять въ ней эту пагубную наклонность. Къ несчастію, Сентъ-Клеръ балуетъ всѣхъ въ цѣломъ домѣ, кромѣ жены.

Миссъ Офелія попрежнему хранила мертвое молчаніе.

— Съ прислугой нѣтъ иного способа обходиться, сказала Марія, — какъ *держатъ ихъ подъ собою*. Мнѣ это какъ-то съ дѣтства было

свойственно. Но Ева способна въ два дня испортить цѣлую дворню. Я право не знаю, что съ ней будетъ, когда ей придется самой управлять домою. Я люблю быть *доброй* къ прислугѣ и всегда добра, но надобно же, чтобы они *знали свое мѣсто*. Ева не умѣетъ держать ихъ, какъ слѣдуетъ, и нѣтъ никакой возможности вбить ей въ голову самыя простыя понятія о томъ, гдѣ мѣсто слуги! Вы сами слышали, какъ она предлагала мнѣ ходить за мною по ночамъ, чтобы не беспокоить Мамми. Вотъ вамъ образецъ того, какъ бы она стала поступать, еслибъ только дать ей волю.

— Однако, вдругъ проговорила миссъ Офелія, — вы не станете отвергать, что слуги такіе же люди, и что имъ тоже нуженъ отдыхъ, когда они устанутъ?

— Кто же и говорить объ этомъ! Я первая очень забочусь, чтобы у нихъ было все, что слѣдуетъ, все, однимъ словомъ, что не выходитъ изъ границъ. Мамми успѣетъ выспаться во всякое время: объ этомъ нечего беспокоиться. Такой сони, какъ эта Мамми, я еще въ жизнь не видывала; что бы она ни дѣлала стоя, сидя, за шитьемъ — она всегда готова захрапѣть, когда и гдѣ ни попало. Странно было бы послѣ этого еще заботиться о Мамми: она свое всегда возьметъ. Но, согласитесь, что ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ эти нѣжности съ прислугою, какъ будто они какія-нибудь тропическія растенія или китайскія вазы, сказала Марія, погружаясь въ подушки мягкой кушетки и пододвигая къ себѣ рукою изящный флакончикъ съ ароматическимъ уксуомъ.

— Видите, продолжала она едва слышно, голосомъ знатной леди, нѣжнымъ и томнымъ, какъ послѣдній, замирающій вздохъ арабскаго жасмина, или что-нибудь другое, столько же эфирное и неуловимое, — вы видите, кузина Офелія, какъ рѣдко я говорю о себѣ. Это не въ моихъ правилахъ: я терпѣть не могу говорить о себѣ. У меня на это какъ-то духа не достасть. Но есть вещи, въ которыхъ мы страшно расходимся съ Сентъ-Клеромъ. Сентъ-Клеръ никогда не хотѣлъ понять и оцѣнить меня. Я думаю, въ этомъ безчувственномъ невниманіи корень моей болѣзни. Положимъ, онъ дѣлаетъ это не съ злымъ намѣреніемъ, по крайней мѣрѣ обязанность жены заставляетъ меня вѣрить этому. Но у мужчинъ ужъ, кажется, въ крови эгоизмъ и холодность къ страданіямъ женщины. Таково по крайней мѣрѣ мое личное убѣжденіе, вынесенное изъ опыта.

Миссъ Офелія, въ характерѣ которой было много природной новангльйской недовѣрчивости, и какая-то особенная боязнь быть замѣшанною въ чужія семейныя дѣла, смутно начинала предчувствовать, что ей въ эту минуту угрожаетъ подобная опасность, и потому поспѣшила придать своей физиономіи строго-нейтральное выраженіе и взять другія мѣры предосторожности. Вытащивъ изъ кармана чулокъ чуть не въ аршинъ длиною, съ которымъ она никогда

не разлучалась, какъ съ неотразимымъ средствомъ противъ наважденій сатаны, по увѣренію доктора Уаттса, дѣйствующихъ съ особенною силой, когда люди сидятъ съ праздыми руками, она принялась вязать съ необыкновенною энергіей, между тѣмъ какъ крѣпко на крѣпко стиснутыя губы ея выразительнѣе всякихъ словъ говорили: «и не пробуйте лучше, не заставляйте меня говорить; я и знать не хочу вашихъ семейныхъ тайнъ». На ея безстрастномъ лицѣ также мало можно было отыскать сочувствія, какъ въ неподвижныхъ чертахъ каменнаго сфинкса.

Но Марія и не заботилась о сочувствіи. Она нашла человѣка, передъ кѣмъ могла излить свои жалобы, и этого было совершенно довольно для нея, чтобы почувствовать непреодолимую потребность — высказаться до конца. Она подкрѣпила себя, приложивъ нѣсколько разъ флакончикъ къ носу, и продолжала:

— Видите, я принесла въ приданое своихъ людей, и потому, кажется, имѣю полное право распоряжаться ими, какъ мнѣ угодно. У Сентъ-Клера есть свое состояніе, свои люди. Пускай себѣ распоряжается ими, какъ знаетъ, но онъ непременно хочетъ мѣшаться въ мое управленіе. У него вообще о нѣкоторыхъ вещахъ какія-то дикія, недѣльные понятія, особенно насчетъ обхожденія съ невольниками. Онъ съ этими рабами ведетъ себя такъ, какъ будто онъ ставитъ ихъ выше меня и даже самого себя; онъ позволяетъ имъ дѣлать все, что имъ угодно, и ни до одного изъ нихъ пальцемъ не дотронется. Представьте, онъ забралъ себѣ въ голову, что кромѣ его и меня въ цѣломъ домѣ никто не имѣетъ права наложить руку на негра, и такъ упорно стоитъ на своемъ, что я серьезно боюсь поперечить ему въ этомъ случаѣ. Теперь, можете представить, къ чему ведетъ это странное упрямство; Сентъ-Клеръ ни за что пальцемъ не тронетъ невольника, хотя бы они всѣ по головамъ у насъ ходили, а отъ меня, съ моими силами, вы сами видите, какъ жестоко было бы требовать исполненія этой обязанности, а между тѣмъ вы знаете, что такое всѣ эти черные: взрослые дѣти, нравственные недоросли!

— Я ничего не знаю, и слава Богу, что не знаю.

— Да, но вотъ погодите, поживете здѣсь, такъ узнаете. Вы и не воображаете, какое несносное, бессмысленное, неблагоприятное отродье всѣ эти негры.

Марія, казалось, оживала и получала чудесныя силы, каждый разъ, когда разговоръ касался этой темы; такъ случилось и теперь: она открыла глаза и, казалось, совершенно забыла свою слабость.

— Вы не воображаете и не можете вообразить, какую пытку осуждена выносить хозяйка отъ этихъ скотовъ, каждую минуту и на каждомъ шагѣ. Жаловаться Сентъ-Клеру совершенно напрасно. Онъ всегда занесетъ страшную дичь. Онъ говоритъ: мы сами сдѣлали ихъ такими, и потому должны терпѣть ихъ такъ, какъ они

есть. Мы сами, говорить, причиной ихъ недостатковъ, и было бы слишкомъ безчеловѣчно, говорить, взыскивать съ нихъ же нашу собственную вину. Мало того, онъ утверждаетъ, что мы сами были бы ничуть не лучше на ихъ мѣстѣ; точно какъ будто можно дѣлать заключенія отъ нихъ къ намъ, вы сами знаете!

— Стало быть, вы не признаете, что они такія же созданія Божьи, отъ одной крови съ нами? спросила миссъ Офелія отрывисто.

— Они съ нами? Никогда! вотъ еще что выдумали, право! Они — отверженное племя.

— Развѣ вы не думаете, что они имѣютъ безсмертную душу? возразила миссъ Офелія съ возрастающимъ негодованіемъ.

— О, разумѣется! отвѣчала, зѣвая, Марія:—въ этомъ никто и не думаетъ сомнѣваться. Но чтобы ставить ихъ на одинъ уровень съ нами, согласитесь, какъ будто, между ими и нами, возможно какое-нибудь сближеніе, — это совершенный вздоръ. Чтожь, пожалуй, Сентъ-Клеръ въ самомъ дѣлѣ какъ-то разъ вздумалъ разказывать мнѣ, что рѣшительно все равно, что Мамми разлучить съ ея мужемъ, что меня съ моимъ. Ну, развѣ можно дѣлать такія сравненія? Развѣ у Мамми когда-нибудь могутъ быть такія чувства, какъ у меня? Я и Мамми, два совершенно розныя существа, объ этомъ нечего и говорить, а между тѣмъ Сентъ-Клеръ никакъ не хочетъ понять этой разницы. Это совершенно все равно, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что Мамми своихъ черномазыхъ уродцевъ можетъ любить такъ, какъ я люблю мою Еву! А между тѣмъ Сентъ-Клеръ разъ въ самомъ дѣлѣ, и вѣдь не шутя, вздумалъ проповѣдывать мнѣ, что моя обязанность, при моемъ-то здоровьи и съ моими страданіями, отпустить Мамми къ мужу, а на ея мѣсто взять другую. Вы поймете, что это было уже слишкомъ, даже для такого терпѣнья, какъ мое. Вы знаете, что я рѣдко высказываю свои чувства. Я поставила себя за правило все переносить молча; таковъ ужъ тяжелый крестъ замужней женщины, и я несу его безропотно; но тутъ ужъ и я не могла сдержатъ себя, и высказала ему все, что было у меня на сердцѣ, такъ что онъ съ тѣхъ поръ и заикнулся болѣе не смѣетъ объ этомъ. Но я очень хорошо вижу по его глазамъ и изъ разныхъ выраженій, которыя иногда вырываются у него въ разговорѣ, что онъ и теперь точно такъ же смотритъ на это: вотъ что меня бѣситъ и безпрестанно выводитъ изъ терпѣнія!

Миссъ Офелія глядѣла такъ, какъ будто боялась проговориться но за то энергическое постукиванье спицы, еслибы только Марія могла понимать его, какъ нельзя лучше, выражало очень, очень многое.

— Ну, теперь вы видите, что вамъ предстоитъ: хозяйство, въ которомъ нѣтъ никакого порядка, гдѣ слуги живутъ, какъ имъ хочется, и дѣлаютъ, что имъ вздумается; до сихъ поръ одна я еще

кое-какъ поддерживала порядокъ. Я всегда кладу около себя плеть и иногда употребляю ее въ дѣло; но это стоить мнѣ слишкомъ большихъ усилій. Еслибы Сентъ-Клеръ хоть въ этомъ по крайней мѣрѣ поступалъ, какъ другіе!

— А какъ же поступаютъ другіе?

— Очень просто, они отсылаютъ своихъ невольниковъ въ *калабузы* или куда-нибудь въ этомъ родѣ, и тамъ велатъ ихъ высѣчь. Это единственное средство ладить съ ними. Не будь я такая хвора и слабая, повѣрьте, у меня было бы вдвое болѣе порядка и энергіи, чѣмъ у Сентъ-Клера.

— Какъ однако Сентъ-Клеръ ладитъ? спросила миссъ Офелія, если, какъ вы говорите, онъ ни за что не ударитъ негра.

— Да, но знаете, мущина—другое дѣло; мущина внушаетъ какъ-то болѣе страха, потому ему легче справиться съ ними; кромѣ того, у Сентъ-Клера, если вы замѣтили, есть что-то особенное въ глазахъ: когда онъ говоритъ твердо и серьезно, глаза его блестятъ какимъ-то особеннымъ огнемъ. Въ эти минуты я сама робѣю его взгляда. Повѣрьте ли, чтоя цѣлою бурей угрозъ и брани не испугаю негровъ такъ, какъ Сентъ-Клеръ однимъ взглядомъ. О Сентъ-Клерѣ нечего беспокоиться, онъ умѣетъ управиться, и вотъ потому-то онъ такъ мало обращаетъ вниманія на мое мученье съ ними. Вы сами увидите, когда приметесь за хозяйство, что безъ строгости съ черными ничего не сдѣлаешь, дотого они всѣ негодяи, лицемѣры, лѣнивцы.

— Опять старая цѣсня, сказалъ Сентъ-Клеръ, входя своею обычною небрежною поступью,—какой страшный отвѣтъ дадутъ эти неключимыя созданія, особенно за лѣнь! Не правда ли, кузина, спросилъ онъ, растянувшись во весь ростъ на диванѣ, противъ кушетки, на которой лежала Марія,—не правда ли въ самомъ дѣлѣ, что не простиительно съ ихъ стороны лѣниться, особенно послѣ тѣхъ благихъ примѣровъ, которые мы съ Мари подаемъ имъ?

— Послушай, Сентъ-Клеръ, ужъ это слишкомъ дурно говорить такія слова! отозвалась Марія.

— Неужели? а я такъ думалъ, что выразился очень удачно, даже слишкомъ хорошо для меня. Вѣдь ты знаешь, я всегда стараюсь подтверждать твои мнѣнія, Мари.

— Ты самъ очень хорошо знаешь, что это не правда, Сентъ-Клеръ, отвѣчала Марія.

— Будто бы? Такъ, вѣрно, я какъ-нибудь обмолвился. Спасибо, душа моя, что поправила.

— Ты сегодня, кажется, нарочно стараешься выводить меня изъ терпѣнія.

— Ну полно же, полно пожалуста, Мари, и безъ того жара страшная, а у меня только сейчасъ было продолжительное преніе съ Адольфомъ, которое страшно утомило меня; такъ ужъ жалься хоть

ты, дай своему бѣдному мужу отдохнуть подъ лучами твоей свѣтлой улыбки.

— Что еще такое съ Дольфомъ? перебила Марія.—Безстыдство этого негодяя становится просто невыносимо. Я бы желала, чтобы онъ хоть на минуту попался въ мои руки. Я бы выучила его.

— Отлично сказано, мило и дѣльно, какъ все что ты говоришь, сказалъ Сентъ-Клеръ.—А что касается до Адольфа, что дѣло вотъ въ чемъ. Онъ такъ долго старался усвоить себѣ мои манеры и физическія преимущества, что наконецъ въ самомъ дѣлѣ потерялъ способность различать себя отъ своего барина; такъ вотъ я и былъ вынужденъ вывести его изъ этого заблужденія.

— Любопытно, какъ ты принялся за это? спросила Марія.

— Я принужденъ былъ отечески вразумить его, что я предпочитаю нѣкоторыя изъ моихъ платьевъ оставлять для моего личнаго употребленія; далѣе я попросилъ его не преступать извѣстнаго предѣла въ употребленіи одеколона, и наконецъ былъ дотога жестокъ и безчеловѣченъ, что предложилъ ему ограничиться полудюжиной моихъ батистовыхъ платковъ. Это послѣднее обстоятельство особенно сильно не понравилось Адольфу, и мнѣ пришлось, чтобы сколько-нибудь успокоить его, прочесть длинное отеческое увѣщаніе.

—О, Сентъ-Клеръ, Сентъ-Клеръ! когда же ты наконецъ выучишься обходиться съ неграми? Просто смотрѣтъ тошно, какъ ты даешь имъ вольничать.

— Я, право, не вижу большой бѣды въ томъ, что бѣдняжкѣ непремѣнно хочется быть похожимъ на барина. Что жъ дѣлать, если я далъ ему такое дурное воспитаніе, что онъ все свое счастье составляетъ въ одеколонѣ и батистовыхъ платкахъ, отчего жъ и не доставить ему этого невиннаго удовольствія?

— А отчего же вы не позаботились дать ему лучшее воспитаніе? рѣзко и рѣшительно вмѣшалась миссъ Офелія.

— Слишкомъ много хлопотъ, кузина! лѣнь, кузина, лѣнь, которая страшно губитъ человѣческія души. Если бы казалось не лѣнь, то я самъ бы вотъ былъ ангеломъ. Я начинаю убѣждаться въ томъ, что лѣнь дѣйствительно есть корень всякаго нравственнаго зла, какъ говаривалъ, бывало, вашъ старый докторъ Ботремъ въ Вермонтѣ. Просто, подумать страшно, какое ужасное зло эта лѣнь!

— Мнѣ кажется, что вы, владѣльцы невольниковъ, берете на себя страшную отвѣтственность, сказала миссъ Офелія.— Я бы ни за какія блага не согласилась взять на себя такую отвѣтственность. Ваша обязанность заботиться о воспитаніи своихъ невольниковъ и обходиться съ ними, какъ съ разумными существами, одаренными бессмертною душой, за которыхъ вамъ придется дать отвѣтъ передъ страшнымъ судомъ Божиимъ, вотъ мое мнѣніе, сказала добрая дама,

давъ волю негодованію, которое въ продолженіе цѣлаго утра накоплялось у нея въ душѣ.

— Полно, полно, кузина, сказалъ Сентъ-Клеръ, быстро вскочивъ съ кушетки,—вы еще слишкомъ мало знаете насъ, чтобы судить.

Онъ сѣлъ за рояль и заигралъ какую-то веселую піесу. У него были прекрасныя музыкальныя способности. Игра его была твердая и блестящая; пальцы бѣгло летали по клавишамъ, едва касаясь ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно и отчетливо выбивая каждую ноту. Онъ игралъ піесу за піесой, какъ будто стараясь насильно разогнать свое дурное расположеніе духа. Отодвинувшись отъ рояля, онъ быстро всталъ и сказалъ своимъ прежнимъ веселымъ тономъ:

— Спасибо, кузиночка, за добрый урокъ; вы поступили по совѣсти, и я за это уважаю васъ, если можно, еще болѣе прежняго. Я сознаю, что вы бросили мнѣ въ глаза неотъемлемую истину, настоящей бриллиантъ, но ударъ былъ такъ метокъ и силенъ, что я вдругъ—то не успѣлъ и оцѣнить его по достоинству.

— А я такъ, признаюсь, не вижу пользы отъ подобныхъ разсужденій, сказала Марія.—Я бы желала знать, кто болѣе насъ дѣлаетъ для негровъ, а лучше ли они отъ этого? ничуть не лучше, напротивъ они, право, кажется, день ото дня становятся хуже и хуже. А ужъ имъ ли не толковано? Я измучилась и потеряла голосъ, стараясь объяснять имъ ихъ обязанности, и все, что отсюда слѣдуетъ. Мало того, они могутъ ходить въ церковь всегда, когда имъ вздумается, хотя они изъ цѣлой проповѣди понимаютъ не болѣе, какъ еслибы вмѣсто ихъ нагнать въ церковь стадо свиней, и потому я, право, не вижу для нихъ большой пользы отъ посѣщенія церкви, а ихъ все-таки пускаютъ туда: какія же еще нужны средства для ихъ совершенствованія? Но, какъ я и прежде сказала, они всегда были и будутъ отверженное племя, и вы изъ нихъ ничего не сдѣлаете, сколько ни бейтесь съ ними. Вѣдь вы еще не знаете ихъ, кузина, такъ положитесь на мою опытность; я родилась и выросла съ ними, такъ и знаю, что это за народъ.

Миссъ Офелія подумала, что она и такъ ужъ слишкомъ много сказала, и потому хранила глубокое молчаніе. Сентъ-Клеръ насвистывалъ какую-то арію.

— Сентъ-Клеръ, сказала Марія,—я бы желала, чтобы ты пересталъ свистать. Отъ твоего свиста у меня еще пуще болятъ голова.

— Изволь, душа моя, сказалъ Сентъ-Клеръ. — Не желала ли бы ты, чтобы я еще что-нибудь сдѣлалъ или не дѣлалъ чего-нибудь?

— Да, я желала бы, чтобы у тебя было хоть немного побольше сочувствія къ моимъ мученіямъ; у тебя нѣтъ ни капли состраданія.

— Милый ангелъ-обвинитель! сказалъ Сентъ-Клеръ.

— Просто, тошно слушать подобные отвѣты.

— Какъ же прикажешь отвѣчать, душа моя? Приказывай, я готовъ все исполнить, только бы угодить тебѣ.

Въ это время звонкій дѣтскій смѣхъ донесся до нихъ со двора сквозь шелковую занавѣсь веранды. Сентъ-Клеръ вышелъ на галерею, и, приподнявъ занавѣску, тоже расхохотался.

— Чтò тамъ такое? спросила миссъ Офелія, подходя къ рѣшеткѣ.

Внизу, на маленькой дерновой скамейкѣ сидѣлъ Томъ: въ каждой петлицѣ его сюртука былъ воткнутъ пучекъ жасмина, и Ева, заливаясь веселымъ хохотомъ, обвивала его шею гирляндой изъ розъ и потомъ, легкая какъ птичка, прыгнула къ нему на колѣни, не переставая хохотать.

— Ахъ, еслибы ты зналъ, какой ты теперь чудной, Томъ!

На лицѣ у Тома сіяла кроткая, добрая улыбка: казалось, онъ съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, не менѣе своей маленькой госпожи, наслаждался ея выдумкой. Замѣтивъ барина, онъ поднялъ на него полу-умоляющій взоръ, какъ бы прося снисхожденія.

— Какъ это ты позволяешь ей? спросила миссъ Офелія.

— Отчего же нѣтъ? отвѣчалъ Сентъ-Клеръ.

— Не знаю, право, но мнѣ какъ-то страшно смотрѣть на подобные отношенія.

— Между тѣмъ вы вѣрно бы не нашли предосудительнымъ, еслибы Ева ласкала большую собаку, еслибы даже эта собака была черная, а между тѣмъ умное созданіе, которое можетъ мыслить и чувствовать, которое имѣетъ безсмертную душу, тебѣ противно. Я знаю, какіе у нѣкоторыхъ изъ васъ, жителей сѣвера, есть на счетъ этого предразсудки. У насъ на югѣ они слабѣе: не то, чтобы въ этомъ была какая-нибудь заслуга съ нашей стороны; но привычка сдѣлала для насъ то, что должно бы было сдѣлать сознаніе христіанскаго долга, привычка ослабила въ насъ предубѣжденіе къ цвѣту кожи. Я часто замѣчалъ во время моихъ поѣздокъ на сѣверъ, какъ сильно въ васъ это предубѣжденіе. Вы смотрите на негра съ такимъ же отвращеніемъ, какъ на змѣю или на лягушку, и въ то же время приходите въ негодованіе отъ одной мысли объ угнетеніи невольниковъ. Вамъ не нравится, что ихъ угнетаютъ, и въ то же время вы бѣгаете, какъ чумы, личнаго соприкосновенія съ ними. Вамъ бы хотѣлось спровести ихъ всѣхъ разомъ въ Африку, съ глазъ долой, чтобъ ихъ и духомъ не пахло, а за ними отправить пару миссіонеровъ, на которыхъ и свалить все бремя ихъ первоначальнаго образованія, и такимъ легкимъ, дешевымъ образомъ исполнить долгъ христіанской любви и самоотверженія. Не такъ ли?

— Въ этомъ, быть можетъ, есть доля правды, задумчиво отвѣчала миссъ Офелія.

— Чтò бы сталъ дѣлать на землѣ бѣдный и угнетенный, еслибы не

было дѣтей? сказалъ Сентъ-Клеръ, опираясь на рѣшетку, и про-
вожая глазами Еву, когда она убѣжала куда-то, уводя за собою
Тома. — Дѣти, одни дѣти, вотъ наши истинные демократы. Въ гла-
захъ Евы Томъ — герой, какихъ свѣтъ не производитъ; его положе-
нія — цѣлый міръ чудесъ; его гимны лучше всякой оперы, а всѣ
эти игрушки и бездѣлки въ его карманахъ — неистощимый руд-
никъ сокровищъ, и Томъ для нея самый удивительный Томъ, какой
когда-либо сидѣлъ въ черной кожѣ. Наша Ева — это одна изъ
тѣхъ эдемскихъ розъ, которыя Богъ иногда роняетъ на землю
именно для бѣдныхъ и угнетенныхъ, на долю которыхъ мало оста-
лось другихъ радостей.

— Это странно, кузень, сказала миссъ Офелія:— послушать васъ,
такъ, право, подумаешь, что вы профессоръ.

— Профессоръ? спросилъ Сентъ-Клеръ.

— Да, профессоръ Слова Божія.

— Нѣтъ, кухня, въ этомъ отношеніи я не только не понимаю те-
орій всѣхъ вашихъ богослововъ, но, что того хуже, боюсь даже,
что я и плохой практикъ, плохой исполнитель божьихъ заповѣдей.

— Отчего же вы говорите такъ хорошо?

— Ничего нѣтъ легче, какъ говорить, сказалъ Сентъ-Клеръ.— У
Шекспира, кажется, кто-то говоритъ: я скорѣй возьмусь двадцать
человѣкъ научить, какъ дѣлать добро, чѣмъ быть однимъ изъ двад-
цати, и примѣнить къ самому себѣ мое же собственное ученье.
Ничего нельзя было придумать лучше, какъ великое начало раздѣле-
нія труда. Вотъ напримѣръ, мое дѣло говорить, а ваше, кухня,
дѣлать.

Въ матеріальномъ отношеніи Тому, какъ говорится, нельзя было
пожаловаться на свою новую жизнь. Ева привязалась къ нему, и
инстинктивная признательность любящаго, благороднаго сердца, вну-
шила ей мысль выпросить себѣ Тома въ постоянные провожатые,
всякій разъ, когда ее нужно было сопровождать во время прогу-
локъ или выѣздовъ верхомъ. Потому Тому разъ навсегда было дано
приказаніе: оставлять всѣ другія занятія и немедленно являться на
зовъ Евы всякій разъ, когда онъ былъ ей нуженъ, и читатели пой-
мутъ, что такое приказаніе было ему совсѣмъ не въ тягость. Онъ
былъ всегда отлично одѣтъ, потому что Сентъ-Клеръ чрезвычайно
заботился о костюмѣ своей прислуги. Кучерская служба Тома была
чисто-номинальная и ограничивалась ежедневнымъ осмотромъ ко-
нюшни, и руководствомъ молодаго невольника, который былъ при-
данъ ему въ помощники.

Марія Сентъ-Клеръ объявила, что она не хочетъ, чтобы Томъ,
бывая около нея, приносилъ съ собою запахъ навоза, и потому тре-
бовала, чтобъ его не употребляли ни на какую работу, которая
могла бы сдѣлать его присутствіе гибельнымъ для нея: ея нервная

система, говорила она, такъ разстроена, что не можетъ вынести подобную пытку; довольно, чтобы какой-нибудь неприятный запахъ слишкомъ сильно подѣйствовалъ на ея обоняніе, и ея земныя страданія кончатся навсегда.

Черный, превосходно вычищенный сюртукъ, пуховая шляпа, блестящіе сапоги, воротнички и маншеты безукоризненной бѣлизны, въ соединеніи съ важнымъ добродушіемъ его «физиономіи», придавали Тому чрезвычайно почтенный видъ, достойный какого-нибудь кареагенскаго епископа тѣхъ временъ, когда черные братья Тома занимали епископскія кафедръ.

Къ тому же онъ жилъ въ прелестномъ мѣстѣ, а это для его породы, чрезвычайно воспримчивой, обстоятельство не послѣдней важности; онъ спокойно наслаждался картиной птицъ, цвѣтовъ, фонтана, всѣмъ благоуханіемъ и свѣтомъ двора, великолѣпіемъ шелковыхъ занавѣсей, картинъ, люстръ, статуй и позолоты, которыя представляли ему внутренность дома чѣмъ-то въ родѣ Аладинава дворца.

Если придетъ пора, когда африканскія племена возвысятся и озарятся свѣтомъ образованія, а эта пора, когда Африка въ свою очередь займетъ мѣсто въ великой драмѣ историческаго совершенствованія человѣчества должна придти рано или поздно,—тогда жизнь раскроется среди нихъ съ такимъ роскошнымъ, фантастическимъ блескомъ, о которомъ мы, люди холоднаго Запада, не можемъ имѣть и понятія. Тогда въ этой далекой, таинственной странѣ золота; драгоценныхъ камней, стройныхъ пальмъ, роскошной растительности и чудеснаго изобилія, родятся новыя формы искусства, новыя виды великолѣпія, и это бѣдное, черное племя, не угнетаемое и не презираемое болѣе, быть-можетъ укажетъ человѣчеству новыя, невѣдомыя идеалы высшаго человѣческаго развитія. И этотъ завидный жребій не минуетъ ихъ; онъ вознаградитъ за ихъ кротость, за ихъ долготерпѣніе, за ихъ чистую вѣру въ Промыселъ, ихъ дѣтское чистосердечіе въ привязанностяхъ, ихъ незлобіе. Во всемъ этомъ они покажутъ человѣчеству образецъ высшей *христіанской* жизни, и, такъ какъ Богъ кого любить, того и наказуетъ, то, кто знаетъ?—быть-можетъ, бѣдную, угнетенную Африку онъ избралъ именно для того, чтобы, искусивъ ее въ горнилѣ скорбей, потомъ дать ей первое мѣсто въ томъ новомъ царствѣ, которое онъ установитъ, когда всѣ другія земныя царства будутъ взвѣшены и окажутся слишкомъ легкими; ибо «послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними».

Не объ этомъ ли думала Марія Сентъ-Клеръ, когда, въ одно воскресное утро, она стояла на верандѣ, застегивая брилліантовый браceletъ на своей тонкой нѣжной кисти? Очень не мудро, что она думала объ этомъ, а если и не эти именно, то вѣрно какія-нибудь другія, такъ же добрыя мысли занимали ее въ это время, потому что

Марія любила покровительствовать дѣламъ благочестія и набожности, и теперь, во всемъ блескѣ наряда, вся въ брилліантахъ, въ шелку и въ кружевахъ, она отправилась въ самую модную церковь Новаго Орлеана съ чрезвычайно благочестивыми намереніями. Марія считала непремѣннымъ долгомъ быть набожною каждое воскресенье. Вотъ она стоитъ, стройная, воздушная, изящная, съ какою-то волнистою граціей въ каждомъ движеніи, закутанная, какъ прозрачнымъ облакомъ, своимъ кружевнымъ шарфомъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, представлялась въ эту минуту очаровательнымъ созданіемъ, и чувство собственной красоты, вмѣстѣ съ благодушнымъ настроеніемъ, придавало ей какую-то особую свѣтлую прелесть. Совершенный контрастъ представляла миссъ Офелія, стоявшая съ нею рядомъ: не то чтобы ея шелковое платье и шаль не были также нарядны, ея батистовый платокъ не былъ такъ же тонокъ, но неподвижная, негибаемая примизна ея фигуры кляла на всю ея личность какую-то особую печать угловатости, подобно тому, какъ все существо Маріи, казалось, дышало граціей.

— Гдѣ же Ева? спросила Марія.

— Она остановилась на лѣстницѣ сказать что-то Мамми.

— Чтѣ же такое Ева говорила съ Мамми?

Послушай, читатель, и ты узнаешь то, чего не слыхала Мери.

— Мамми, голубушка, я знаю, у тебя страшно болитъ голова.

— Дай Богъ вамъ здоровья, барышня. Точно, что всѣ эти дни голова у меня очень болѣла. Вы обо мнѣ не беспокойтесь, барышня.

— Я такъ рада, что тебѣ хоть сегодня можно выйти со двора; нѣ вотъ, прибавила она, обвивая шею Мамми руками, — возьми мой флакончикъ.

— И, что вы, барышня! Эту золотую вещицу съ брилліантами? Развѣ это можно?

— Отчего же нельзя? Тебѣ онъ нуженъ, а мнѣ его совсѣмъ не надо. Мама всегда нюхаетъ изъ него отъ головы, понюхай и ты, можешь, и тебѣ полегчѣетъ. Сдѣлай же мнѣ удовольствіе, возьми.

— Ну, послушайте только, какъ она говоритъ-то, мое сокровище! проговорила Мамми, когда Ева, засунувъ ей флакончикъ за платье и поцѣловавъ ее еще разъ, сбѣжала внизъ по лѣстницѣ.

— Зачѣмъ это ты останавливалась?

— Я на минуточку только остановилась, дать Мамми мой флакончикъ, чтобъ она взяла его съ собой въ церковь отъ головы.

— Ева! сказала Марія, нетерпѣливо топнувъ ногою: — какъ это можно давать Мамми золотой флаконъ? Когда же ты наконецъ будешь знать, чтѣ такое приличіе? Поди, сейчасъ, возьми его назадъ, сію же минуту!

Лицо Евы опечалилось, и она медленно повернулась, чтобъ идти назадъ.

— Оставь ее въ покоѣ, Мари; пускай ее дѣлаетъ, какъ ей нравится, сказалъ Сентъ-Клеръ.

— Да помилуй, Сентъ-Клеръ! какъ же она будетъ жить въ свѣтѣ? сказала Марія.

— Ну ужь это Богъ знаетъ, сказалъ Сентъ-Клеръ, — я знаю только, что на томъ свѣтѣ ей будетъ лучше, чѣмъ намъ съ тобой.

— О, папа, не говори такъ, сказала Ева, слегка дотрагиваясь до его локтя, — это огорчаетъ мамѣ.

— А ты, кузенъ, готовъ? спросила миссъ Офелія, вдругъ повернувшись къ Сентъ-Клеру.

— Нѣтъ, благодарю, я не ѣду.

— Ахъ, какъ бы я желала, чтобы Сентъ-Клеръ почаще бывалъ въ церкви, сказала Марія, — но у него нѣтъ нисколько религіознаго чувства. Это, просто, совѣстно.

— Я знаю, сказалъ Сентъ-Клеръ: — вы, женщины, ѣдите въ церковь учиться, какъ жить на свѣтѣ, и для того, чтобы своимъ благочестіемъ бросать тѣнь святости и на насъ грѣшныхъ. Нѣтъ, если я пойду когда-нибудь въ церковь, то не иначе, какъ въ ту, куда пошла теперь Мамми: тамъ хоть не заснешь по крайней мѣрѣ.

— Какъ! слушать вой этихъ методистовъ? ужасно! сказала Марія.

— Что хотите, только бы не *мертвое море* вашихъ достопочтенныхъ собраний, ей Богу! это превосходить силы человѣческія. Ева, развѣ тебѣ хочется ѣхать? Останься лучше со мной: мы будемъ вмѣстѣ играть.

— Нѣтъ, благодарю, папа, ужь я лучше поѣду.

— Да вѣдь ты устанешь, сказалъ Сентъ-Клеръ.

— Да, я устаю немножко, и мнѣ всегда хочется спать; но я стараюсь не заснуть.

— Зачѣмъ же ты ѣдешь?

— Да видишь, папа, тетушка говоритъ, что Богу угодно, чтобы мы отдавали себя Ему. Онъ самъ даетъ намъ все, такъ какъ же намъ не сдѣлать Ему угодное? вѣдь это ужь не Богъ же знаетъ какъ трудно, папа!

— Ахъ ты, милое, доброе существо! сказалъ Сентъ-Клеръ, цѣлуя дочь: — поѣзжай, моя дѣвочка, это доброе дѣло, да помолись и за меня.

— Ужь разумѣется, папа, я каждый разъ молюсь о тебѣ, отвѣчала Ева, прыгнувъ за матерью въ экипажъ.

Сентъ-Клеръ еще нѣсколько минутъ оставался на крыльцѣ и посылалъ ей рукою поцѣлуй, пока экипажъ удался; крупныя слезы навернулись у него на глаза.

— О, моя Эванджелина! сказалъ онъ, — какъ идетъ тебѣ это имя! въ тебѣ Богъ послалъ мнѣ живое евангеліе.

Онъ постоялъ, подумалъ, потомъ выкурилъ сигару, прочелъ ну-

меръ Пикойюна, и забылъ о своемъ маленькомъ живомъ евангеліи. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ дѣлають сплошь да рядомъ на его мѣстѣ.

— Послушай, Эванджелина, сказала ей мать, — надобно быть доброй къ прислугѣ, но не надобно обращаться съ ними, какъ будто съ родными или съ равными. Напримѣръ, еслибы Мамми захворала, вѣдь ты бы не положила ее на свою постель?

— А я думала, было бы лучше положить, мама; тогда бы мнѣ было удобнѣе ходить за нею, и въ моей постели ей было бы спокойнѣе, потому что у меня постель лучше, чѣмъ у нея.

Марія была въ совершенномъ отчаяніи отъ такого полного отсутствія такта, которое обнаружилось въ этомъ отвѣтѣ.

— Чтò мнѣ дѣлать, чтобъ эта дѣвочка понимала меня хоть сколько-нибудь? сказала Марія.

— Ничего, многозначительно отвѣчала миссъ Офелія.

Ева была смущена и печальна, но, къ счастью, дѣтскія впечатлѣнія скоро изглаживаются; черезъ минуту Ева снова улыбалась разнымъ предметамъ, мелькавшимъ мимо оконъ экипажа.

— Ну, милостивыя государыни, такъ чтò же было сегодня новаго въ церкви?

— О! докторъ Г. сказалъ великолѣпную проповѣдь, отвѣчала Марія, — вотъ бы тебѣ стоило послушать эту проповѣдь; онъ такъ хорошо высказалъ всѣ мои мнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ проповѣдь, должно быть, вышла очень назидательная, сказалъ Сентъ-Клеръ, — по крайней мѣрѣ, судя по обширности предмета.

— То-есть, я хочу сказать, мои воззрѣнія на общество и тому подобные предметы, сказала Марія. Онъ говорилъ на текстъ: «все сотворенное имъ хорошо въ свое время», и показалъ, какъ это премудро устроилъ Богъ, что однихъ поставилъ высоко, а другихъ низко, однихъ назначилъ управлять, а другихъ повиноваться, и такъ далѣе. Онъ такъ вѣрно примѣнилъ это ко всѣмъ этимъ смѣшнымъ толкамъ о невольничествѣ, такъ ясно доказалъ, что Библія совершенно на нашей сторонѣ, и такъ наглядно, такъ убѣдительно вывелъ изъ Священнаго Писанія всѣ наши учрежденія, что я жалѣю, что ты не слышала его сегодня утромъ.

— А я, такъ признаюсь, нисколько не жалѣю, сказалъ Сентъ-Клеръ, — точно такую же пользу я могу вычитать и изъ Пикойюна всегда, когда захочу, да притомъ еще съ тою выгодой, что здѣсь я могу выкурить сигару, а въ церкви вѣдь курить нельзя.

— Стало-быть, сказала миссъ Офелія, — ты не раздѣляешь мнѣнія доктора Г'а?

— Кто? я? Ты знаешь, кузина, я не принадлежу къ числу озаренныхъ свѣтомъ благодати, и потому не могу оцѣнить по достоинству этихъ религіозныхъ воззрѣній на такіе вопросы, какъ невольничество. Еслибы меня заставили сказать мое личное мнѣніе объ этомъ предметѣ, я бы безъ всякихъ увертокъ сказалъ напрямикъ: это— дѣло нашего интереса; намъ выгодно держать негровъ, потому мы ихъ и держимъ. Это будетъ вразумительно для всякаго. Вѣдь и всѣ разглагольствія вашихъ проповѣдниковъ сводятся къ тому же результату.

— Мнѣ кажется, Августинъ, у тебя нѣтъ ничего святаго! сказала Марія.—Тебя, право, слушать страшно!

— Въ самомъ дѣлѣ? между тѣмъ это не болѣе, какъ истина. Чтобъ ужъ вашимъ проповѣдникамъ провести свои воззрѣнія еще дальше и доказать, напримѣръ, какъ прекрасно, въ свое время, выпить лишній бокалъ или просидѣть лишній часъ за карточнымъ столомъ, и мало ли еще что водится между нами, молодыми людьми! отчего жъ бы и все это не подвести туда же, подъ рязрядъ мудрыхъ постановленій Промысла? Мы были бы очень обязаны тому, кто потрудился бы растолковать намъ, что, на основаніи Священнаго Писанія, все это свято и безгрѣшно.

— Скажи же наконецъ, сказала миссъ Офелія, — считаешь ты невольничество законнымъ дѣломъ, или нѣтъ?

— Ахъ, кузиночка! избавь пожалуста отъ вашей ново-англійской неумолимой послѣдовательности, смѣясь сказалъ Сентъ-Клеръ. — Если я отвѣчу на твой вопросъ прямо, я знаю, у тебя еще десятокъ наготовѣ, одинъ другаго не легче; а я хочу удержаться на моей свободной позиціи. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые всю жизнь кидаютъ камешки въ чужой огородъ, но стараюсь, чтобы другимъ ко мнѣ нельзя было кинуть.

— Вотъ онъ всегда таковъ, сказала Марія: — отъ него никогда не добьешься толку. Я думаю, все это именно оттого, что онъ такъ легкомысленно смотритъ на религію.

— Религію? спросилъ Сентъ-Клеръ такимъ голосомъ, который заставилъ обѣихъ дамъ взглянуть на него.—Религію? Вы называете религіей то, что вы слышали отъ проповѣдника. Развѣ то, что можетъ извращаться во всѣ стороны, изгибаться, подниматься и опускаться въ угоду всякой прихоти эгоистическаго свѣтскаго общества—религія? Ученіе, въ которомъ менѣе человѣколюбія и участія къ ближнему, чѣмъ даже въ моей грѣшной, ослѣпленной, чувственной природѣ? Нѣтъ! если я буду искать религію, то буду искать ее въ томъ, что выше, а не въ томъ, что ниже меня.

— Ты, стало-быть, не вѣришь, что Библия допускаетъ невольничество? спросила миссъ Офелія.

— Библия была книга *моей матери*, отвѣчалъ Сентъ-Клеръ. —

Съ ней она жила и умерла; потому повѣрить, что Библія оправдываетъ невольничество, было бы для меня такъ же горько, какъ еслибы кто-нибудь доказалъ мнѣ, что моя мать пила водку, жевала табакъ, и говорила проклятiя, дабы увѣрить меня, что, дѣлая все это, я поступаю отлично. Это бы не заставило меня въ душѣ смотрѣть на себя лучше, а между тѣмъ лишило бы меня утѣшенiя уважать мою покойную мать, а на этомъ свѣтѣ, право, не малое утѣшенiе, когда можешь уважать кого-нибудь. Однимъ словомъ, продолжалъ онъ опять своимъ прежнимъ шутивнымъ тономъ, — я требую только, чтобы всякая вещь была на своемъ мѣстѣ. Многосложное общественное зданіе, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Америкѣ, слагается изъ разныхъ учрежденiй, изъ которыхъ ни одно не устоитъ передъ судомъ строгой, идеальной нравственности. Вообще нынче не принято домогаться безусловнаго добра, лишь бы только прожить, какъ люди живутъ. Потому, если кто скажетъ мнѣ прямо и откровенно, какъ прилично честному человѣку, что невольничество намъ нужно, что мы не можемъ обойтись безъ невольниковъ, что безъ нихъ намъ пришлось бы идти по міру, и потому мы поддерживаемъ невольничество, вотъ это будетъ настоящая, правдивая рѣчь, которая, именно по своей искренности, имѣетъ полное право на мое уваженіе, и я увѣренъ, что большинство человѣчества, если судить по дѣламъ его, оправдаетъ насъ. Но когда явится какой-нибудь господинъ, вытянетъ свою физиономію, и начнетъ распѣвать въ носъ, да приводить тексты изъ Священнаго Писанiя, то, что вы хотите, мнѣ невольно думается, что у этого господина, у самого, хвостъ не чистъ.

— Въ тебѣ нѣтъ нисколько христіанскаго снисхожденiя.

— Предположимъ, продолжалъ Сентъ-Клеръ, — что вдругъ какимъ-нибудь чудомъ упала бы невозвратно цѣна на хлопчатку, и вслѣдствіе этого, разумѣется, черный товаръ потерялъ бы всякую цѣнность на рынкѣ; посмотрите, какъ сейчасъ явится новое толкованіе библіи. Какой внезапный свѣтъ озаритъ вдругъ всѣхъ этихъ учителей, и какъ мигомъ окажется, что Библія осуждаетъ невольничество.

— Такъ или иначе, сказала Марiя, располагаясь на кушеткѣ, — я благодарю Бога, что родилась въ странѣ, гдѣ существуетъ невольничество; несомнѣнно вѣрю, что оно законно, и чувствую, что безъ него не могла бы жить.

— Ну, а ты какъ думаешь, крошка? Съ этимъ вопросомъ Сентъ-Клеръ обратился къ Евѣ, которая въ это время вошла въ комнату съ цвѣткомъ въ рукѣ.

— О чемъ, папа?

— Что тебѣ больше нравится: жить такъ, какъ у твоего дяди въ Вермонтѣ, или имѣть цѣлую дворню слугъ, вотъ какъ мы?

- О, разумѣтся, папа, у насъ лучше.
- Отчего такъ? спросилъ Сентъ-Клеръ, глядя ее по головѣ.
- Да оттого, папа, что у насъ больше есть кого любить, сказала Ева съ полнымъ убѣжденіемъ, простодушно озираясь кругомъ.
- Ну вотъ, это похоже на Еву; она вѣчно говоритъ такіа глупости.
- Развѣ я сказала глупость, папа? спросила Ева шепотомъ у своего отца, взбираясь къ нему на колѣни.
- Да, моя крошка, передъ судомъ свѣта; но гдѣ же была моя Евочка во время обѣда?
- О папа, я была наверху, у дяди Томз, слушала, какъ онъ пѣлъ, а потомъ тѣтя Дина подала мнѣ обѣдать въ его комнату.
- Слушала, какъ Томъ поетъ? скажите пожалуйста!
- Да! Онъ поетъ все такіе славные стихи про Новый Іерусалимъ, про свѣтлыхъ ангеловъ и Ханаанскую землю.
- Такъ, пожалуй, по твоему пѣніе Тома лучше оперы?
- Да, папа! Онъ и меня обѣщался выучить.
- Ба! Уроки пѣнія? О, да какіе ты у меня дѣлаешь успѣхи!
- Онъ мнѣ поетъ, а я ему читаю вслухъ изъ Библии, потомъ, если я чего-нибудь не понимаю, онъ мнѣ толкуетъ.
- Честное слово, сказала Марія, — смѣшнѣе этого я въ жизнь ничего не слыхала.
- Смѣйтесь пожалуй, а я вамъ скажу, что Томъ на свою руку охулки не положить: честное слово, у Тома есть какой-то врожденный религіозный смыслъ. Недалше какъ сегодня утромъ, мнѣ понадобилась лошадь, и я, проходя потихоньку мимо комнаты Тома, подъ конюшней, подслушалъ, какъ онъ совершалъ свое утреннее молитвословіе, увѣрю васъ, я въ жизни не слыхалъ молитвы, которая бы такъ пріятно дѣйствовала на душу, а ужъ особенно обо мнѣ онъ молился съ такую апостольскую ревностью.
- Онъ, вѣрно, замѣтилъ, что ты слушаешь. Я не разъ слыхала, что негры пускаются на такіа продѣлки.
- Въ такомъ случаѣ, онъ очень плохой политикъ, потому что очень искренно высказывалъ передъ Богомъ свое, не совсѣмъ лестное мнѣніе моей особѣ. Томъ, кажется, думаетъ, что мнѣ непременно слѣдуетъ исправиться, возсылаетъ къ небу жаркія мольбы о моемъ обращеніи на путь истинный.
- Я надѣюсь, что вы не оставите этого безъ вниманія, замѣтила миссъ Офелія.
- Мнѣ что-то сдается, кузина, что и вы раздѣляете мнѣніе Тома? Хорошо, мы посмотримъ; такъ вѣдь, Ева, посмотримъ?

ГЛАВА XVII.

Свободный человекъ защищающійся.

Къ сумеркамъ по всему квакерскому дому замѣтно было тихое движеніе. Рахиль Галлидэй спокойно расхаживала взадъ и впередъ, выбирая изъ своихъ кладовыхъ различные припасы и укладывая ихъ какъ можно удобнѣе для странниковъ, которые должны были въ эту ночь пуститься въ дальнѣйшій путь. Вечернія тѣни танулись къ востоку; круглое, красное солнце задумчиво стояло на горизонтѣ, и желтые лучи его мирно освѣщали маленькую спальню, гдѣ сидѣли Джорджъ и жена его. На козлахъ у него сидѣлъ ребенокъ, а рука жены была въ его рукѣ. Оба казались серіозны и задумчивы, и на щекахъ ихъ замѣтны были слѣды недавнихъ слезъ.

— Да, Элиза, говорилъ Джорджъ—знаю, что все сказанное тобою справедливо. Ты доброе созданіе, ты гораздо лучше меня; и я постараюсь поступать такъ, какъ ты говорила. Постараюсь быть достойнымъ имени свободнаго человека—мыслить и чувствовать похристіански. Богу извѣстно, что я хотѣлъ исполнять долгъ свой, изъ всѣхъ силъ старался быть добрымъ человекомъ, тогда какъ все было противъ меня. Теперь хочу забыть все прошедшее и отогнать всякое тяжелое или горькое чувство, стану читать Евангеліе и научусь быть христіаниномъ.

— Когда мы придемъ въ Канаду, я буду помогать тебѣ, сказала Элиза;—я очень хорошо умѣю шить платья, чистить тонкое бѣлье, гладить. Вдвоемъ мы съ тобою легко заработаемъ на прожитокъ.

— Да, Элиза, лишь бы мы могли жить другъ для друга и для ребенка нашего. О Элиза! еслибы только всѣ они знали, какое счастье для человека заключается въ сознаніи того, что его жена и ребенокъ действительно принадлежатъ ему! Какъ часто, глядя на людей, пользовавшихся этимъ благомъ, я дивился тому, что они желаютъ и добиваются еще чего-либо другаго. Да, теперь я чувствую себя богатымъ и сильнымъ, хотя у насъ съ тобою кромѣ рукъ нѣтъ никакихъ средствъ. Мнѣ кажется, что нечего больше и просить у Бога. О, да! Хоть я и дожилъ до двадцатипятилѣтняго возраста, проводя каждый день въ тяжелой работѣ, и не имѣю до сихъ поръ ни копѣйки денегъ, ни крова для пристанища, ни клочка земли, которую бы могъ назвать своею собственностью, но еслибы только меня оставили въ покоѣ, я былъ бы совершенно доволенъ и благодаренъ. Я буду работать и выплачу твоимъ господамъ за тебя и за дитя наше. Что касается до моего прежняго господина, то я уже заработалъ ему

впятеро болѣе того, что онъ когда-либо на меня потратилъ. Ему я ничего не долженъ.

— Но мы все еще не въ безопасности, сказала Элиза,—мы еще не въ Канадѣ.

— Правда, отвѣчалъ Джорджъ,—но мнѣ кажется, что въ воздухѣ уже вѣетъ свободою, и это даетъ мнѣ силы.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались голоса: послышался оживленный разговоръ и вслѣдъ затѣмъ постучали въ дверь. Элиза встала и отворила.

То былъ Симеонъ Галлидэй и съ нимъ другой квакеръ, котораго онъ представилъ подъ именемъ Финеаса Флетчера. Финеасъ былъ высокій, плотный мужчина, съ рыжими волосами, хитрою и пронзительною физиономіею. Лицо его не носило того отпечатка безстрастія, спокойствія и простоты, которыми отличался Симеонъ Галлидэй; напротивъ того, вся фигура Флетчера выражала досужливость и смѣтливость, видно было, что онъ себѣ на умѣ, и постоянно сторожить все окружающее; такая наружность даже казалась нѣсколько странною и совсѣмъ не шла къ его широкой шляпѣ и квакерскому складу рѣчей.

— Другъ нашъ Финеасъ узналъ нѣчто важное, касающееся тебя и спутниковъ твоихъ, Джорджъ, сказалъ Симеонъ,—тебѣ было бы полезно выслушать его показаніе.

— Точно такъ, сказалъ Финеасъ, — оно показываетъ, что въ иныхъ мѣстахъ выгодно спать, имѣя одно ухо открытымъ. Вчера вечеромъ я остановился въ маленькой уединенной тавернѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Ты помнишь это мѣсто, Симеонъ? въ прошломъ году мы еще тамъ продавали яблоки одной дородной женщинѣ съ длиннымъ серьгами. Ну, усталъ я отъ ѣзды, и поужинавъ легъ въ въ углу на кучу мѣшковъ, закрывшись буйволовою шкурою, пока приготавливали мою постель; послѣ этого я не нашелъ ничто лучше, какъ заснуть крѣпчайшимъ сномъ.

— Но одно ухо имѣлъ открытымъ, Финеасъ! сказалъ Симеонъ спокойно.

— Нѣтъ, просто спалъ себѣ во всю мочь часа два сряду, потому что порядкомъ утомился; очнувшись немножко, я увидѣлъ въ комнатѣ нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ вокругъ стола: они пили и разговаривали, а я, безъ всякаго умысла, думаю себѣ: дай послушаю, о чемъ они тутъ толкуютъ, и слышу, что квакеровъ поминаютъ. Итакъ, говорить одинъ, они теперь вѣрно въ квакерскомъ селеніи, это несомнѣнно, говорить. Тутъ я сталъ слушать обоими ушами и узналъ, что они говорятъ именно объ этихъ бѣглецахъ. Я все лежалъ и выслушалъ всѣ ихъ планы. Они говорили что этого молодого, человѣка отправятъ назадъ въ Кентекки, къ прежнему господину,

который хочет примѣрно наказать его, чтобъ отвадить остальныхъ негровъ отъ побѣга; а жену его двое другихъ хотятъ свезти въ Новый Орлеанъ и тамъ продать, она цѣнили ее въ 1600 или 1800 долларовъ; ребенка намѣрены отдать одному торговцу, который уже купилъ его, а Джима и мать его возвратить прежнему ихъ владѣльцу въ Кентекки. Они говорили еще, что въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ возьмутъ двухъ констеблей, которые помогутъ имъ захватить бѣглецовъ; эту молодую женщину хотятъ представить въ судъ, и одинъ изъ заговорщиковъ, такой низенькій и сладкорѣчивый, объявить ее своею собственностью; выхлопочить, и увезетъ на югъ. Они очень хорошо знаютъ, по какой дорогѣ мы поѣдемъ сегодня ночью, и нападутъ на насъ, въ числѣ шести или восьми человекъ. Итакъ, что же намъ теперь дѣлать?

Группа людей, стоявшихъ въ различныхъ положеніяхъ послѣ этого извѣщенія, была достойна кисти живописца. Рахиль Галлидэй, которая передъ тѣмъ только что мѣсила тѣсто въ квашнѣ, подошла такъ же послушать вѣстей и стояла, поднимая вверхъ руки, испачканныя мукою; лицо ея выражало полное участіе и состраданіе. Симеонъ былъ погруженъ въ глубокую думу. Элиза, обѣими руками обхвативъ своего мужа, подняла голову и смотрѣла на него. Джорджъ стоялъ стиснувъ руки: глаза его горѣли; онъ чувствовалъ то, что можетъ чувствовать человекъ, знающій, что жену его продадутъ съ аукціона, а сына отошлютъ къ барышнику, и все это подтвердится законами христіанскаго государства.

— Что же мы будемъ дѣлать, Джорджъ? спросила Элиза слабымъ голосомъ.

— Я знаю свое дѣло, сказалъ Джорджъ, шагая по маленькой горницѣ, и осматривая свои пистолеты.

— Эге! сказалъ Финеасъ, кивнувъ головой Симеону, — видишь ли, Симеонъ, какъ пойдетъ дѣло?

— Вижу, отвѣчалъ Симеонъ со вздохомъ, — и молю Бога, чтобы не дошло до этого.

— Я не желаю подвергать васъ опасности со мною или изъ-за меня, сказалъ Джорджъ. — Если вы только дадите мнѣ свою телѣгу и укажете путь, я одинъ доѣду до слѣдующаго пункта. Джимъ силенъ какъ левъ, и смертельно, отчаянно храбръ, я тоже постою за себя.

— Такъ, такъ, другъ мой, сказалъ Финеасъ, — но все-таки тебѣ нуженъ проводникъ. Всякую драку я охотно предоставляю тебѣ, но дорогу знаю гораздо лучше нежели ты.

— Но я отнюдь не желаю замѣшать васъ, сказалъ Джорджъ.

— Замѣшать? сказалъ Финеасъ, взглянувъ на него лукаво и пронищательно. — Не бойся, только, пожалуста, предупреди меня, когда будешь замѣшивать.

— Финеасъ человекъ разумный и знающій, сказалъ Симеонъ. — Ты хорошо сдѣлаешь, Джорджъ, если послѣдуешь его совѣтамъ. Но,

продолжалъ онъ, добродушно положивъ руку на плечо Джорджа и указывая на пистолеты, — не торопись дѣйствовать этимъ: молодая кровь горяча.

— Я не буду нападать ни на кого, сказалъ Джорджъ. — Мнѣ ничего болѣе не нужно, какъ только, чтобъ оставили меня въ покоѣ, и я выйду съ миромъ. Но...

Онъ на минуту замолкъ, взоръ его омрачился, лицо выразило страданіе.

— Одну изъ сестеръ моихъ также продали на рынкѣ, въ Новомъ Орлеанѣ; я знаю, для чего ихъ продаютъ, и неужели я буду стоять сложа руки, вида, какъ жену мою возьмутъ и продадутъ, тогда какъ Богъ далъ мнѣ силу и мощь для ея защиты? Нѣтъ, съ Божіею помощью я буду драться до послѣдняго издыханія, прежде чѣмъ отнимутъ у меня жену и сына. Неужели вы за это осудите меня?

— Смертный человѣкъ не можетъ осуждать тебя, Джорджъ. Плоть и кровь не въ силахъ дѣйствовать иначе, сказалъ Симеонъ. — Горе міру за злобу его, но горе вѣщее тому, чрезъ кого злоба исходитъ.

— Неужели вы сами, сэръ, не сдѣлали бы того же, еслибы были на моемъ мѣстѣ?

— Молю Бога не вводить меня во искушеніе, сказалъ Симеонъ, —плоть человѣческая слаба.

— Моя плоть была бы еще довольно крѣпка на такой случай, сказалъ Финеасъ, вытягивая свои руки, какъ крылья вѣтряной мельницы. — Мнѣ кажется, другъ Джорджъ, что я бы уложилъ для тебя любаго молодца, еслибы пришлось тебѣ разсчитываться съ нимъ.

— Если когда-либо человѣку дозволено противостоять злу, сказалъ Симеонъ, — то въ настоящемъ случаѣ Джорджъ имѣлъ бы на это право: но пастыри наши научаютъ насъ еще лучшему; ибо гнѣвъ человѣческой никогда не оправданъ передъ Богомъ. Но тяжело человѣку грѣшному согласиться съ этимъ; однимъ избраннымъ свыше дается такое терпѣніе; а мы попросимъ Господа, да не введетъ насъ во искушеніе.

— И я молю его объ этомъ, сказалъ Финеасъ, —но если искушеніе будетъ слишкомъ сильно, то плохо имъ будетъ, вотъ и все!

— Какъ видно, что ты не родился квакеромъ, другъ! сказалъ Симеонъ улыбаясь. — До сихъ поръ еще въ тебѣ крѣпко сидитъ прежняя натура.

И точно, въ прежніе годы Финеасъ былъ просто удалимъ жителемъ лѣсовъ, страстнымъ охотникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ; но онъ влюбился въ хорошенькую квакершу, и сила ея прелестей побудила его присоединиться къ этой общинѣ; но хотя онъ былъ честнымъ, трезвымъ и дѣятельнымъ ея членомъ, и ничего особенно худаго за нимъ не водилось, однако тѣ изъ собратій, которые были повзыскательнѣе, не могли не замѣтить крайняго недостатка кротости и благочестія въ его поступкахъ.

— Другъ Финеасъ всегда хочетъ дѣйствовать по своему, сказала Рахиль улыбаясь, — но все-таки мы знаемъ, что онъ добрейшая душа.

— Что жъ, сказалъ Джорджъ, — не лучше ли намъ поспѣшить побѣгомъ?

— Я всталъ сегодня въ четыре часа и ѣхалъ сюда во всю прыть, а выѣхалъ часами двумя или тремя ранѣе того времени, въ которое они располагались отправиться въ путь. Во всякомъ случаѣ намъ неблагоразумно выѣзжать засвѣтло, потому что тамъ въ селеніяхъ есть нѣкоторые неблагонамѣренные люди: при видѣ нашей телѣги, они, пожалуй, вздумаютъ остановить насъ и продержатъ дольше, нежели мы выждемъ теперь. Но часа черезъ два, я думаю, что мы уже можемъ пуститься въ дорогу. Я схожу къ Михаилу Кроссу, попрошу его ѣхать за нами на его молодой лошади, чтобы хорошенько осматривать мѣстность и предупредить насъ, въ случаѣ, если покажутся на дорогѣ какіе-нибудь люди. У Михаила такая лошадь, которая перегонитъ многихъ другихъ; а если предстоитъ опасность, то онъ можетъ выстрѣлить, чтобы подать намъ знакъ. Теперь я иду предупредить Джима и мать его, вѣлю имъ собираться, а самъ хлопочу о лошадяхъ. Мы таки изрядно опередили погоню, и вѣроятно доѣдемъ до мѣста прежде, нежели насъ нагонять. Итакъ, не бойся ничего, другъ Джорджъ; мнѣ уже не въ первый разъ вытаскивать изъ бѣды вашего брата, сказалъ Финеасъ, затворяя за собою дверь.

— Финеасъ, — человекъ досужій, сказалъ Симеонъ, — онъ сдѣлаетъ для тебя все, что можно выдумать лучшаго, Джорджъ.

— Одно меня огорчаетъ, сказалъ Джорджъ: — это опасность, которой вы подвергаетесь.

— Ты очень насъ обяжешь, другъ Джорджъ, если совѣмъ не будешь упоминать объ этомъ. Совѣсть наша повелѣваетъ намъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ, иначе поступать невозможно. А ты, мать, продолжалъ онъ, обращаясь къ Рахили: — поторопи свою стряпню для друзей нашихъ, нельзя же отпустить ихъ натошакъ.

Пока Рахиль и дѣти ея занимались печеніемъ лепешекъ, приготовленіемъ баранины, дыплатъ и прочихъ принадлежностей ужина, Джорджъ и жена его сидѣли въ маленькой комнатѣ, обхвативъ другъ друга руками, и разговаривали такъ, какъ могутъ разговаривать супруги, ожидающіе черезъ нѣсколько часовъ, быть-можетъ, вѣчную разлуку.

— Элиза, говорилъ Джорджъ, — люди, которые имѣютъ друзей, владѣютъ домами, землею, деньгами и всякими подобными благами, не могутъ любить такъ, какъ мы, у насъ ничего нѣтъ кромѣ взаимной любви. Пока я не зналъ тебя, Элиза, никто въ мірѣ не любилъ меня, кромѣ моей бѣдной, злополучной матери и сестры. Я видѣлъ бѣдняжку Эмилию въ то утро, какъ скупщикъ увозилъ ее. Она по-

дошла къ уголку, въ которомъ я спалъ, и сказала: «Мой бѣдный Джорджъ, послѣдняго друга тебя лишаютъ! Чтѣ будетъ съ тобою, бѣдное дитя?...» Я всталъ, обвилъ ее руками, плакалъ, рыдалъ; она тоже плакала; и съ тѣхъ поръ я, въ продолженіе десяти долгихъ лѣтъ, не слышалъ ласковаго слова; сердце во мнѣ изныло и замерло; наконецъ я встрѣтилъ тебя. Любовь твоя, да, могу сказать, что твоя любовь какъ будто воскресила меня отъ смерти! Съ этихъ поръ я сталъ инымъ человѣкомъ! А теперь, Элиза, пролью всю кровь свою, до послѣдней капли, прежде чѣмъ допущу ихъ разлучить насъ. Не возьмутъ тебя иначе, какъ пройди черезъ мертвый трупъ мой!

— О, Боже мой, сжался надъ нами! сказала Элиза рыдая.— Помоги намъ только виѣсть выйти изъ этой страны, намъ больше ничего не нужно!

— Неужели Богъ за нихъ? сказалъ Джорджъ, не обращаясь къ женѣ, но какъ будто самому себѣ повѣряя свои горькія размышленія.— Неужели Онъ видитъ все, чтѣ они дѣлаютъ? Зачѣмъ Онъ дозволяетъ всѣ эти дѣла? И они еще увѣряютъ, что *Библия* говоритъ за нихъ! Власть на ихъ сторонѣ. Они богаты, здоровы, счастливы; принадлежатъ къ разнымъ религіознымъ сектамъ, и ожидаютъ для себя царствія небснаго; имъ такъ легко живется на свѣтѣ, все такъ удается имъ! А бѣдные, честные, вѣрные христіане—христіане не хуже ихъ, и даже лучше—во прахъ пресмыкаются у ногъ ихъ. Они ихъ продаютъ, покупаютъ, торгуютъ ихъ душами, и кровью, и стонами, и слезами, а Богъ все это дозволяетъ!....

— Другъ Джорджъ, раздался изъ кухни голосъ Симеона,—вслушайся, быть-можетъ это облегчитъ тебя.

Джорджъ придвинулъ свой стулъ къ двери, Элиза отерла глаза и также подошла слушать. Симеонъ прочелъ слѣдующее:

«Что до меня, то ноги мои почти отказывались идти; я спотыкался на каждомъ шагу. Ибо я завидовалъ счастію неразумныхъ, завидовалъ благоденствію злобныхъ. Они не нуждаются такъ, какъ другіе люди, не скорбятъ подобно остальнымъ смертнымъ. За то гордость сковала ихъ цѣпами своими; насиліе облекло ихъ будто ризою. Очи ихъ запыли отъ излишества. Они имѣютъ болѣе, нежели сколько желать могутъ, сердца ихъ загрубѣли; о притѣсняемыхъ говорятъ они со злобой. Рвчи ихъ надменны. Оттого и слуги Господни отвращаются отъ нихъ, и чаша переполненная проливается на нихъ, и ропшутъ слуги Господни, говоря: «Какъ знать все Господу и все ли извѣстно Всевышнему?» Не то ли и ты чувствуешь, Джорджъ!

— Дѣйствительно то самое, отвѣчалъ Джорджъ,—точно будто я самъ написалъ это.

— Итакъ, слушай, сказалъ Симеонъ: «И познавая все это, скорбѣлъ я душою, пока не обрѣлъ святилица Господня. Тогда уразумѣлъ я конецъ, ихъ ожидающій. Ты поставилъ ихъ на скользкій

путь, Господи, и обрекъ ихъ паденію. Какъ пробудившійся съ прерзніемъ отвергаетъ сновидѣніе свое, такъ и Ты, о Боже мой! пробудись и отвергнешь подобныхъ мнѣ. Однакоже ты непрестанно со мною. Ты держишь меня за десницу мою. Ты наставилъ меня вѣрніямъ своимъ, и въ послѣдствіи приобщилъ меня ко славѣ своей. Добро мнѣ прилѣпиться къ Богу. Упованіе свое возложилъ я на Господа Бога.»

Это выраженіе святой вѣры, излившееся изъ устъ добродушнаго старика, подѣйствовало на изнемогшую и распаленную душу Джорджа подобно небесной мелодіи; когда старикъ кончилъ, прекрасное лицо молодого человѣка выражало уже покой и смиреніе.

— Когда бы не было для насъ иного міра, Джорджъ, сказалъ Сimeoнъ, — то ты точно могъ бы спросить: гдѣ же Господь? Но тѣ, которые всѣхъ менѣе получаютъ въ этой жизни, всего чаще суть избранники царствія небеснаго. Возложи на Него свое упованіе, и что бы ни случилось съ тобою здѣсь, Онъ за все вознаградитъ тебя въ иномъ мірѣ.

Еслибы слова эти произнесены были какимъ-нибудь любезнымъ и самодовольнымъ проповѣдникомъ, въ устахъ котораго они казались бы только благочестивымъ потокомъ риторическихъ «фигуръ», годныхъ и въ утѣшеніе страждущимъ, быть-можетъ они не произвели бы сильнаго впечатлѣнія. Но исходя отъ человѣка, ежедневно и спокойно подвергавшагося штрафу и тюремному заключенію за служеніе Богу и людямъ, они имѣли неотразимую силу, и тотчасъ вдохнули твердость и спокойствіе въ души бѣдныхъ, безотрадныхъ бѣглецовъ.

Тогда Рахиль тихонько взяла Элизу за руку и повела ее къ ужину. Когда всѣ сѣли за столъ, послышался легкій стукъ въ двери, и вошла Руѳъ.

— Я прибѣжала только, чтобы отдать эти маленькіе чулочки для мальчика, сказала она.—Тутъ ихъ три пары, славные такіе, тепленькіе, шерстяные. Въ Канадѣ вѣдь знаешь какъ будетъ холодно. Ну, что же, ободрилась ли ты теперь, Элиза? прибавила она, обѣжавъ вокругъ стола на ту сторону, гдѣ сидѣла Элиза; она дружески пожала ея руку и сунула тинный пряникъ въ руку Гарри.—Я принесла для него маленькій запасъ этихъ пряниковъ, сказала она, вытряхивая свой карманъ, чтобы достать оттуда провизию. — Знаешь, дѣти то и дѣло ѣсть просить.

— О, благодарю васъ, вы слишкомъ добры, сказала Элиза.

— Поди, Руѳъ, садись ужинать, сказала Рахиль.

— Нѣтъ, никакъ не могу. Я оставила Джона съ ребенкомъ, а въ печи сидятъ пирожки, поэтому мнѣ ни минуты дольше нельзя оставаться, а не то Джонъ сожжетъ всѣ пирожки, и скормитъ ребенку весь сахаръ изъ чашки. Онъ всегда такъ дѣлаетъ, прибавила маленькая

квакерша со смѣхомъ. — Итакъ, прощай Елиза, прощай, Джорджъ, да пошлетъ вамъ Богъ добраго пути.

И Руеъ быстрыми шажками вышла вонъ изъ комнаты.

Спустя немного послѣ ужина, къ наружной двери подѣхала большая крытая телѣга; ночь была свѣтлая, звѣздная, и Финеасъ проворно соскочилъ съ козелъ, чтобъ усаживать своихъ сѣдоковъ. Джорджъ вышелъ изъ дверей, неся на одной рукѣ ребенка, а другою поддерживая жену. Походка его была тверда, выраженіе лица спокойное и рѣшительное. Рахиль и Симеонъ вышли вслѣдъ за ними.

— Вылѣзайте на минуту, сказалъ Финеасъ сидѣвшимъ внутри экипажа, — а я пока уложу задокъ у телѣги, чтобы ловчѣе было женщинамъ и ребенку,

— Вотъ двѣ буйволовыя шкуры, сказала Рахиль. — Устрой сидѣнье какъ можно покойнѣе, а не то трудно будетъ ѣхать цѣлую ночь.

Джимъ вылѣзъ первый и заботливо помогъ выйти своей старухѣ - матери, которая прильнула къ его рукѣ и тревожно озиралась во кругъ, какъ будто всякую минуту ожидала погони.

— Джимъ, въ порядкѣ ли твои пистолеты? сказалъ Джорджъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

— Въ порядкѣ, сказалъ Джимъ.

— Вѣдь ты уже знаешь свое дѣло, въ случаѣ если они нагонятъ насъ?

— Не бойсь, знаю, отвѣчалъ Джимъ, раскрывая свою широкую грудь и глубоко вздыхая. — Не думаешь ли ты, что я имъ мать-то назадъ отдамъ?

Во время этого краткаго разговора Елиза простилась съ добрымъ другомъ своимъ Рахилью, и Симеонъ помогъ ей сѣсть въ телѣгу: она залѣзла съ ребенкомъ внутрь повозки и усялась между буйволовыми шкурами. Затѣмъ посадили возлѣ нея старуху, а Джорджъ и Джимъ помѣстились противъ нихъ, на простой скамейкѣ; Финеасъ влѣзъ на козлы.

— Прощайте, друзья мои! сказалъ Симеонъ со двора.

— Богъ да благословитъ васъ! отвѣчали всѣ изнутри повозки.

И телѣга тронулась съ мѣста, стуча и подпрыгивая по замерзшей дорогѣ.

Разговаривать было невозможно, по причинѣ неровной дороги и стука колесъ. И катилась повозка, катилась по длиннымъ, темнымъ перелѣскамъ, чрезъ открытыя, унылыя поляны, по горамъ и по долинамъ, часъ за часомъ, подскакивая все дальше и дальше. Вскорѣ ребенокъ заснулъ и отяжелѣлъ въ колѣняхъ своей матери. Бѣдная, напуганная старуха наконецъ поуспокоилась нѣсколько; къ концу ночи даже и Елиза забыла свои тревоги, и глаза ея стали смыкаться. Всѣхъ свѣжее и крѣпче оказался Финеасъ, который во все время долгаго пути забавлялся насвистываніемъ какихъ-то совсѣмъ не квакерскихъ пѣсенокъ.

Но около трехъ часовъ Джоржъ услышалъ, въ нѣкоторомъ разстоянн за собою, частый топотъ лошадиныхъ копытъ и толкнулъ локтемъ Финеаса. Финеасъ сдержалъ лошадей и сталъ прислушиваться.

— Это долженъ быть Митчель, сказалъ онъ; — мнѣ кажется, что я узнаю скокъ его лошади; онъ привсталъ и, вытянувъ шею, тревожно глядѣлъ назадъ, вдоль по дорогѣ.

На верху довольно отдаленнаго пригорка виденъ былъ человѣкъ, скакавшій во всѣ поводи къ нимъ.

— Кажется, это онъ, сказалъ Финеасъ.

Джоржъ и Джимъ, выпрыгнули изъ повозки, сами путемъ не зная, что они намѣрены дѣлать. Молча обратились они къ той сторонѣ, откуда скакалъ посланный. Онъ спустился съ горы въ уволокъ и скрылся изъ виду, но топотъ лошади раздавался все ближе и ближе. Наконецъ всадникъ появился на ближнемъ возвышеннн, разстояннмъ на окликъ голоса.

— Это точно Митчель! сказалъ Финеасъ, и крикнулъ громко: — эй, Митчель, сюда!

— Это ты, Финеасъ?

— Да; что новаго? гдѣ они?

— Слѣдомъ за мной; ихъ человѣкъ восемь или десять; всѣ пьяны; ругаются и вопять словно волки.

Едва сказалъ онъ это, какъ порывъ вѣтра принесъ отголосокъ близкаго конскаго топота.

— Въ повозку, ребята, скорѣй въ повозку! воскликнулъ Финеасъ. — Если хотите драться, подождите пока я не выберу мѣста.

При этихъ словахъ оба вскочили въ повозку, Финеасъ погналъ лошадей во всю прыть, а Митчель скакалъ рядомъ съ ними. Повозка катилась, подпрыгивая по мерзлой дорогѣ, но шумъ погони становился чась отъ часу слышнѣе. Женщины слышали его, и тревожно выглядывая назадъ, видѣли вдали толпу всадниковъ, темныя фигуры которыхъ рѣзко отбивались на алой полосѣ утренней зари. Переѣхавъ еще одинъ пригорокъ, преслѣдующн увидѣли повозку, издали замѣтную по ея суконному бѣлому верху, и крики ихъ торжества принесли по вѣтру къ бѣглецамъ. Элиза, почти безъ чувствъ, крѣпко прижимала къ груди своего ребенка; старуха бормотала молитвы, а Джорджъ и Джимъ съ отчаяннмъ схватились за пистолеты. Погоня все приближалась. Повозка вдругъ поворотила въ сторону, и они очутились возлѣ массы крутыхъ скалъ, возвышавшихся уединеннымъ утесомъ на ровной и гладкой поверхности, обнесенной загородкою. Темныя очерки этой громады утесовъ рѣзко обрисовывались на свѣтлѣвшемъ небѣ и казалось общали скрытное убѣжище. Мѣсто это было хорошо знакомо Финеасу, который часто бывалъ здѣсь, когда хаживалъ на охоту. Сюда-то торопился онъ, погоняя такъ лошадей.

— Вотъ мы и прѣхали, сказалъ онъ, прыгнувъ съ козелъ: — проворнѣй, выходите всѣ, и скорѣе за мною въ скалы! Митчель, при-

вяжи свою лошадь къ повозкѣ и ступай къ Амарин; пусть онъ придетъ сюда съ своими ребятами перевѣдаться съ этимъ народомъ.

Всѣ въ минуту повыскакали изъ повозки.

— Сюда! продолжалъ Финеасъ, взявъ на руки маленькаго Гарри. Вы оба посматривайте за женщинами и теперь бѣгомъ, что силъ станеть!

Понукать было не зачѣмъ. Скорѣе, чѣмъ мы можемъ разказать это, всѣ до одного перебрались черезъ загородъ и бѣжали къ скаламъ, между тѣмъ какъ Митчель, соскочивъ съ лошади и привязавъ ее за поводъ къ повозкѣ, быстро погналъ отъ этого мѣста.

— Впередъ! сказалъ Финеасъ, когда они достигли скалъ и увидѣли при мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ и зари слѣды крутой, но битой тропинки, ведущей въ средину скалъ; — здѣсь одна изъ нашихъ охотничьихъ пещеръ. За мной!

Финеасъ шелъ впереди, прыгая, какъ коза, со скалы на скалу съ ребенкомъ на рукахъ, за нимъ шелъ Джимъ, неся на плечахъ свою старую мать; Джоржъ и Элиза замыкали шествіе. Всадники прискакали къ загородкѣ и съ криками и проклятіями слѣзали съ лошадей, чтобы преслѣдовать ихъ. Бѣглецы успѣшно взбирались въ гору и чрезъ нѣсколько минутъ достигли вершины. Тропинка шла тамъ въ тѣснинѣ, чрезъ которую нельзя было идти иначе какъ поодиночкѣ, и привела ихъ къ разсѣлинѣ футовъ въ три шириною, за которою стояла пирамида утесовъ, отдѣленная отъ другихъ скалъ этою пропастью футовъ тридцать глубиною, съ отвѣсными откосами, какъ стѣны укрѣпленнаго замка. Финеасъ легко перепрыгнулъ черезъ разсѣлину и положилъ ребенка на ровной мягкой площадкѣ, одѣтой бѣлымъ мохомъ, который покрывалъ всю вершину горы.

— Теперь вы, сказалъ онъ, — прыгайте, кому жизнь дорога, и они, одинъ за другимъ, перепрыгнули черезъ разсѣлину. Нѣсколько отдѣльныхъ отъ общей массы скалъ составляли для нихъ родъ бруствера, скрывавшаго ихъ позицію отъ глазъ ихъ преслѣдователей.

— Ну дѣло, теперь мы всѣ здѣсь, сказалъ Финеасъ, посматривая чрезъ свой брустверь на непріятеля, который шумно взбирался на скалы. — Пускай теперь возьмутъ насъ, если могутъ; имъ придется идти къ намъ между этихъ двухъ скалъ, одинъ за другимъ, прямо противъ нашихъ пистолетовъ; понимаете ли, товарищи?

— Я понимаю это, сказалъ Джоржъ, — но какъ дѣло идетъ только о насъ, то рисковать и сражаться будемъ мы одни.

— Сражайся себѣ пожалуй, Джорджъ, сказалъ Финеасъ, пережевывая между тѣмъ листь шелковичнаго дерзва, — но я думаю, что мнѣ можно будетъ полюбоваться. Смотри какъ они разсуждаютъ тамъ внизу, поглядывая вверхъ, какъ куры, которыя собираются взлетѣть на насѣсть. Не молвить ли имъ словечко въ предупрежденіе, прежде чѣмъ они сюда пожелуютъ? скажи имъ повѣжливѣе, что по нимъ будутъ стрѣлять.

